

ИСТОРИЯ КИТАЯ

С древнейших времен
до начала ХХІ века



Том VIII

КИТАЙСКАЯ
НАРОДНАЯ
РЕСПУБЛИКА
(1949 — 1976)

НАУКА

ИСТОРИЯ



К И Т А Я

ИСТОРИЯ КИТАЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XXI ВЕКА

В десяти томах

Главный редактор
академик РАН *С.Л. Тихвинский*

Главная редакционная коллегия
академик РАН *М.Л. Титаренко*
(заместитель главного редактора),
кандидат филологических наук *С.М. Аникеева*,
академик РАН *А.П. Деревянко*,
доктор исторических наук *С.Г. Лузянин*,
академик РАН *В.С. Мясников*,
академик РАН *В.В. Наумкин*,
доктор исторических наук *И.Ф. Попова*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт Дальнего Востока

ИСТОРИЯ КИТАЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XXI ВЕКА

Том VIII
КИТАЙСКАЯ
НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА
(1949 — 1976)

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Ю.М. Галенович



МОСКВА
Наука
2017

УДК 94(510)
ББК 63.3(5 Кит)
И90

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»

Рецензенты:

доктор политических наук *А.В. Виноградов*,
кандидат исторических наук *И.Е. Пожилов*

История Китая с древнейших времен до начала XXI века : В 10 т. /
гл. ред. акад. РАН С.Л. Тихвинский ; Ин-т Дальнего Востока РАН. – М. :
Наука, 2013 – . – ISBN 978-5-02-036530-8.

Т. VIII : Китайская Народная Республика (1949–1976) / отв. ред.
Ю.М. Галенович. – 2017. – 000 с. – ISBN 978-5-02-039991-4 (в пер.).

Восьмой том издания «История Китая с древнейших времен до начала XXI века» посвящен первой четверти века существования Китайской Народной Республики (1949–1976 гг.). Этот период начинается с прихода к власти в стране Коммунистической партии Китая и заканчивается с уходом из жизни председателя Центрального комитета Коммунистической партии Китая Мао Цзэдуна. Уже спустя несколько лет после образования КНР был решен ряд проблем по восстановлению и развитию хозяйства страны, развернулось широкомасштабное строительство. Затем последовали десятилетие поисков пути развития и внутрипартийной борьбы относительно генерального курса КПК, десятилетие «культурной революции», нанесшей громадный урон населению страны и огромный ущерб хозяйству.

Для историков-китаеведов, специалистов в области международных отношений, всех интересующихся историей и культурой Китая.

ISBN 978-5-02-036530-8
ISBN 978-5-02-039991-4 (т. VIII)

© Институт Дальнего Востока РАН, 2017
© ФГУП «Издательство «Наука», редакционно-
издательское оформление, 2017

К ЧИТАТЕЛЮ

Большие успехи Китайской Народной Республики за последние десятилетия в экономике, науке, технике, культуре, спорте, её растущий международный авторитет обуславливают всё возрастающий интерес российской общественности к современной жизни и истории нашего ближайшего соседа на Дальнем Востоке, с которым у Российской Федерации имеется общая граница протяжённостью свыше 4000 км.

Более или менее регулярные отношения между двумя государствами возникли в середине XVII столетия. При Петре I в столице цинского Китая Пекине была основана Православная духовная миссия, члены которой своими трудами способствовали ознакомлению российской общественности с историей, культурой и современной жизнью соседней страны. Во второй половине XIX в. в России началось научное изучение Китая, китайский язык и историю стали преподавать в Петербургском, Московском, Казанском университетах и в Восточном институте во Владивостоке.

Изучение Китая получило дальнейшее развитие в годы Советской власти, чему во многом способствовали добрососедская политика нашего государства и симпатии народов России к национально-освободительной борьбе китайского народа, страдавшего от феодально-милитаристского гнёта, произвола и военной агрессии империалистических держав. Наибольшего расцвета отечественное китаеведение достигло в первые десятилетия наших отношений после провозглашения 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики и заключения 14 февраля 1950 г. Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи между СССР и КНР.

Подписанный в Москве 16 июля 2001 г. руководителями двух государств Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР стал основой дальнейшего развития отношений между странами-соседями и открыл новый этап в нашей совместной истории. В начале XXI в. обе стороны продолжают последовательно идти по этому пути. Между руководителями двух государств происходят регулярные контакты, принимаются решения, направленные на дальнейшее развитие стратегического партнёрства, осуществляется координация действий в региональных и международных делах. Во время официального визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Москву 22 марта 2013 г. им и Президентом РФ В.В. Путиным было подписано Совместное заявление о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений между обеими странами, а также принят план действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР.

Из всех цивилизаций, возникавших в прошлом в разных частях мира, только китайская отличается непрерывностью своего многотысячелетнего

развития. Шумерская, хеттская, ассиро-вавилонская, крито-микенская, древнеегипетская цивилизации, культуры инков, майя и многих других исчезли в результате внутренних междоусобиц, вражеских нашествий, природных катаклизмов – вулканической деятельности, землетрясений, наводнений, засух и т.д.

Китайская цивилизация внесла заметный вклад в развитие всего человеческого общества. От Китая мир узнал технологию высококачественного литья бронзы, производство фарфора, шелка, чая, бумаги, изготовления пороха; отсюда же пришли к нам компас, сейсмограф, там впервые начали строить крупногабаритные морские суда, появился подвижный типографский шрифт и т.д. В различные исторические периоды Китай вел активную сухопутную и морскую торговлю не только со своими непосредственными соседями, но и с территориями, подвластными Персидской империи, правителями стран, завоеванных Александром Македонским, Кушанскому царству, Римской империи и Арабскому халифату, а также со странами Южной Азии и Восточной Африки. Особенно сильное воздействие политика и культура Китая оказывали на протяжении многих веков на соседние страны (Корею, Японию, Вьетнам, страны Юго-Восточной Азии).

До середины XVIII в. китайская цивилизация с большей или меньшей степенью успеха преодолевала многочисленные бедствия – чужеземные нашествия, гражданские войны, стихийные бедствия. Однако постепенно накапливавшееся отставание от ведущих мировых держав, вставших на путь промышленной революции, а затем вооруженное вторжение Великобритании и Франции в середине XIX в., милитаристской Японии с конца XIX в., как и интервенция восьми держав при подавлении восстания ихэтуаней, резко затормозили развитие Китая, превратив его в зависимую от иностранных государств полукOLONиальную, полуфеодальную страну.

Победа народно-демократической революции под руководством Коммунистической партии Китая привела 1 октября 1949 г. к созданию нового государства на китайской земле – Китайской Народной Республики. Народный Китай встал на путь строительства в стране социализма с китайской спецификой и более 30 последних лет успешно проводит политику реформ, модернизации и открытости для внешнего мира. В наши дни Китайская Народная Республика демонстрирует всему миру свои успехи в области экономики, науки, освоения атомной энергетики, космонавтики, ракетостроения, строительства скоростных железных дорог и автострад, а также в различных видах спорта.

Шеститомная энциклопедия «Духовная культура Китая» под редакцией академика РАН М.Л. Титаренко (М., 2006–2010), созданная коллективом отечественных синологов, вызвала широкий отклик читателей и была отмечена Государственной премией РФ за 2010 г.

Неменьший интерес у российской общественности, без сомнения, вызовет предлагаемая читателю десяти томная «История Китая с древнейших времен до начала XXI века», над которой работали ученые различных академических институтов и университетов России (Институт Дальнего Востока РАН, Институт востоковедения РАН, Институт восточных рукописей РАН, Институт

археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет и др.). Авторы, научные редакторы томов и члены Главной редколлегии, понимая всю сложность поставленной задачи вместить многотысячелетнюю историю китайской цивилизации в пределы десяти томов, попытались отразить основные события истории Китая – от палеолитических стоянок и первых неолитических поселений до современной КНР с её общепризнанным международным авторитетом. В каждом томе в среднем около 60 а.л., предусмотрены хронологические таблицы, иллюстрации и карты, избранная библиография, указатели. При этом, поскольку издание рассчитано на достаточно широкий круг читателей, авторы и редакторы томов постарались совместить научный уровень подачи материала с его популярным изложением.

История Китая в десяти томах разбита по хронологическим периодам.

Т. I. Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): от палеолита до V в. до н.э. Отв. редактор – акад. А.П. Деревянко (Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск).

Т. II. Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань: V в. до н.э. – III в. н.э. Отв. редактор – д.и.н. Л.С. Переломов (Институт Дальнего Востока РАН, г. Москва).

Т. III. Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан: 220–907. Отв. редакторы – д.и.н. И.Ф. Попова (Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург), д.филол.н. М.Е. Кравцова (Санкт-Петербургский государственный университет).

Т. IV. Период Пяти династий, империя Сун, государства Ляо, Цзинь, Си Ся: 907–1279. Отв. редактор – д.и.н. И.Ф. Попова (Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург).

Т. V. Династия Юань и Мин: 1279–1644. Отв. редакторы – д.и.н. А.Ш. Кадырбаев, д.и.н. А.А. Бокщанин (Институт востоковедения РАН, г. Москва).

Т. VI. Династия Цин: 1644–1911. Отв. редактор – д.и.н. О.Е. Непомнин (Институт востоковедения РАН, г. Москва).

Т. VII. Китайская Республика: 1911–1949. Отв. редактор – д.и.н. Н.Л. Мамаева (Институт Дальнего Востока РАН, г. Москва).

Т. VIII. Китайская Народная Республика: 1949–1976. Отв. редактор – д.и.н. Ю.М. Галенович (Институт Дальнего Востока РАН, г. Москва).

Т. IX. Китайская Народная Республика: 1976–2009. Отв. редактор – д.полит.н. А.В. Виноградов (Институт Дальнего Востока РАН, г. Москва).

Т. X. Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомэнь (Макао), зарубежная китайская диаспора. Отв. редакторы – д.ю.н. Л.М. Гудошников, к.и.н. Г.А. Степанова (Институт Дальнего Востока РАН, г. Москва).

В предисловиях к томам наряду с изложением основного содержания тома приводятся сведения о значительных исторических событиях, имевших место в описываемый период в Азии, Европе и Америке.

Подбор иллюстраций осуществлялся авторами и ответственными редакторами томов, а также акад. Б.Л. Рифтиным.

Авторы и редакторы данного десятитомника выражают надежду на то, что представляемый труд позволит читателю ознакомиться с историей Китая, что будет способствовать развитию дальнейшего взаимопонимания и дружбы народов-соседей Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

* * *

Главная редакционная коллегия приносит извинения читателям десятитомника «История Китая с древнейших времен до начала XXI века» за задержку с изданием VIII тома указанного сочинения. Ответственный редактор тома д.и.н. В.Н. Усов в результате тяжелой болезни не смог закончить свою работу, и редактуру тома директор Института Дальнего Востока РАН М.Л. Титаренко возложил на д.и.н. Ю.М. Галеновича. Главы и разделы тома, написанные д.и.н. В.Н. Усовым, включены в издание наряду с материалами, представленными другими авторами и в совокупности отредактированы д.и.н. Ю.М. Галеновичем.

*Академик РАН С.Л. Тихвинский,
председатель Главной редакционной коллегии
десятитомного издания «История Китая
с древнейших времен до начала XXI века»*

ПРЕДИСЛОВИЕ

VIII том «Истории Китая» посвящен истории Китайской Народной Республики со времени ее провозглашения в 1949 г. по 1976 г. Содержание тома делится на три периода: октябрь 1949 – апрель 1956 г.; апрель 1956 – апрель 1966 г.; май 1966 – октябрь 1976 г.

На протяжении **первого периода истории КНР** (1949–1956 гг.) страна залечивала раны войны с милитаристской Японией и гражданской войны, восстанавливалась экономика, страна приступала к всестороннему строительству. Одновременно происходило становление новой власти со всеми сопутствующими этому явлениями.

1 октября 1949 года была провозглашена Китайская Народная Республика. Это было событие громадной важности и для самой нации Китая, и для всего мира. Фактически тем самым завершился процесс более чем столетней борьбы народа Китая за высвобождение из-под иностранного господства или контроля, от попыток вооруженной агрессии со стороны империалистических держав, прежде всего, Японии, за полную самостоятельность Китая.

Создание Китайской Народной Республики знаменовало собой событие всемирно-исторического значения. Появилась огромная страна, провозгласившая начало своего движения по пути строительства социализма.

На протяжении тридцати с лишним лет, предшествовавших созданию КНР, Советская Россия, а затем СССР всегда были искренним другом и союзником китайского народа в борьбе его прогрессивных сил за объединение страны в 1920-х гг., освобождение Китая от полуколониальной зависимости и за оказание отпора японским агрессорам и захватчикам в 1930-х – 1940-х гг. Советский Союз и ВКП(б) оказали существенную бескорыстную помощь Коммунистической партии Китая в ее приходе к власти в стране.

Когда было провозглашено создание КНР, пришедшей к власти в стране Коммунистической партии Китая предстояло завершить выполнение задач, оставленных демократической революцией, и переходить к строительству социализма. Это приходилось делать в стране, численность населения которой, судя по переписи 1954 г., составляла 601938035 человек. Это была грандиозная задача. Такого еще не случалось в истории человечества.

Наряду с завершением военных операций против остатков гоминьдановской власти нужно было срочно начинать заниматься экономикой, поскольку она находилась в состоянии полной разрухи из-за длительной японской оккупации и последовавшей гражданской войны. Народным правительством провозглашалась конфискация бюрократического капитала и основание государственной экономики. Речь пошла об аннулировании экономических привилегий иностранных государств и о решении вопроса о предприятиях на иностранном капитале в Китае.

Очень важной, если не важнейшей, представлялась задача ликвидации феодального аграрного строя. В этих целях 30 июня 1950 г. был опубликован «Закон КНР об аграрной реформе». 24 января 1950 г. начато движение за аграрную реформу в недавно освобожденных от власти Гоминьдана районах.

Задачи укрепления новой политической власти в стране КПК пришлось осуществлять в условиях войны на Корейском полуострове (1950–1953 гг.). В КНР эту войну именовали «войной в целях оказания отпора США и помощи Корею». В Корею были введены части «добровольцев народа Китая». Они провели ряд сражений с американскими и южнокорейскими войсками, благодаря чему обстановку на полуострове удалось стабилизировать. Воюющие стороны практически остановились на одной постоянной линии фронта. Война в Корею стала носить затяжной характер. Китайская сторона осуществляла активную оборону, и это привело к переговорам с США и к достижению соглашения о прекращении огня. СССР внес свой вклад, оказал соответствующую помощь КНР и сыграл активную роль при решении этого вопроса в ООН. Части армии народных добровольцев Китая были выведены из КНДР в конце 1958 г.

Новые власти занялись восстановлением и развитием промышленного и сельскохозяйственного производства. Правительством предпринимались меры для улучшения жизни народа. Стремились улучшить жизнь крестьян, обеспечить работой служащих и рабочих и дать им социальные гарантии. Начинали решать проблемы здравоохранения.

В конце 1953 г. Мао Цзэдун заявил, что необходимо на протяжении довольно длительного исторического периода постепенно осуществлять социалистическую индустриализацию страны, а также социалистические преобразования сельского хозяйства, кустарной промышленности и капиталистических промышленности и торговли. Это и стало генеральной линией политики партии в переходный период. 5 июля 1955 г. был принят первый пятилетний план, в разработке которого принимали участие также специалисты из СССР.

Возникла настоятельная необходимость создания ядра социалистической индустриализации. Сердцевинной основы промышленности стали 156 объектов, построенных при содействии Советского Союза, передавшего Китаю огромный объем необходимой научно-технической информации и оказавшего содействие в поставке современного технологического оборудования для этих объектов. Был решен вопрос об их размещении по стране. Определялись приоритетные основные отрасли при строительстве промышленности. Важное место изначально отводилось оборонной промышленности.

Организовывались кампании, направленные «против трех зол» и «против пяти злоупотреблений» (обе кампании были начаты в январе 1952 г.). К первым относились разложение (коррупция), расточительство и бюрократизм, вторыми были подкуп (взяточничество), уклонение от уплаты налогов, расхищение (кража) государственного имущества, недобросовестное выполнение государственных подрядов и заказов, хищение государственной экономи-

ческой информации. Борьбу против «пяти злоупотреблений» называли при этом «нанесением ответного удара по наступлению буржуазии».

КПК широко использовала опыт социалистического строительства в СССР и пользовалась всемерной поддержкой СССР в восстановлении народного хозяйства страны и перехода ее к планомерному развитию. Руководство Коммунистической партии Китая прислушивалось к советам Компартии СССР и с благодарностью принимало всестороннюю помощь, оказанную молодой республике со стороны Советского Союза.

На протяжении всего первого десятилетия существования КНР Советский Союз оказывал существенную помощь и в строительстве 156 упомянутых объектов, и в создании военного потенциала КНР. Помощь СССР была бескорыстной, искренней и существенной. В стране работали приглашенные тысячи советских специалистов, которые относились к китайцам как к своим братьям. Плоды их творчества, новейшие достижения стали бесценным вкладом в восстановление и развитие Китая. Тысячи китайских студентов обучались в советских высших учебных заведениях и техникумах. Многие китайские инженеры и техники стажировались на заводах в СССР.

В ходе индустриализации в КНР, в первые годы ее существования, были достигнуты определенные успехи. Также за эти годы в основном были завершены социалистические преобразования в области сельского хозяйства. В стране начался подъем волны кооперирования. Осуществлялось социалистическое преобразование кустарной промышленности.

Важным участком работы новой власти была выработка Конституции Республики и утверждение социалистического политического строя. В 1954 г. была создана первая по счету Конституция КНР, а также система Собраний Народных Представителей. Были найдены определенные решения вопроса о соотношении ВСНП и структуры органов нового государства, началось многопартийное сотрудничество и система политических консультаций; все это проводилось под руководством КПК. Здесь был взят курс на «долговременное сосуществование, взаимный контроль». В многопартийном сотрудничестве с КПК участвовал ряд демократических партий.

Стране необходимо было приступить к созданию в целом всей области науки и техники. И здесь оченьгодились опыт и знания искренне и существенно помогавших китайцам советских профессионалов, советников и специалистов. Был составлен перспективный план развития науки и техники на 1956–1967 гг.

Был сделан значительный шаг на пути создания модернизированной и регулярной, и в то же время революционной, армии. Была учреждена система руководства военными делами государства. Вооруженные силы КНР подчиняются «абсолютному руководству» со стороны КПК. Руководство ими сосредоточено в руках одного человека – председателя Военного совета ЦК КПК. Им на протяжении всего рассматриваемого периода всегда был Мао Цзэдун.

В 1955 г. были введены система зарплаты, обязательной военной службы, воинских званий.

Что касается курса в области внешней политики, то китайские руководители подчеркивали ее независимый и суверенный мирный характер. Выработывались внешнеполитический курс и конфигурация внешней политики Нового Китая. С 16 декабря 1949 г. по 4 марта 1950 г. Мао Цзэдун совершил поездку в СССР на празднование 70-летия И.В. Сталина. 14 февраля 1950 г. был подписан на уровне министров иностранных дел «Договор между КНР и СССР о дружбе, союзе и взаимной помощи». Этим документом были закреплены в юридической форме исторически естественно сложившиеся отношения дружбы и союза двух наших народов и стран. Именно такие отношения отвечали их совпадавшим коренным интересам. Развивались всесторонние отношения между СССР и КНР. 31 декабря 1951 г. Китайская Чанчуньская железная дорога была передана Советским Союзом КНР. В мае 1955 г. части советской армии были выведены из военной базы в Порт-Артуре. В 1954 г. состоялся визит в КНР партийно-правительственной делегации СССР во главе с Н.С. Хрущевым.

В целом первый период, 1949–1956 гг., был временем, когда в основном занимались строительством и начинали решать проблемы внутри страны, а в советско-китайских двусторонних отношениях главную роль играло совпадение коренных интересов обеих наций.

Второй период рассматриваемой в данном томе истории КНР начался в апреле 1956 г. и закончился в апреле 1966 г. Это был период поиска того пути строительства социализма, который соответствовал бы условиям, существовавшим в Китае. В то же время это был период борьбы внутри руководства КПК по вопросу о том, каким должно быть строительство Нового Китая.

Важный вклад в поиск упомянутого пути внес VIII съезд КПК (15–27 сентября 1956 г.). На съезде был выдвинут курс при строительстве экономики, который позволял комплексно сбалансированно и устойчиво продвигаться вперед. Была начата реформа структуры управления экономикой. Велись поиски решения вопросов строительства демократии и законности (правопорядка).

С 2 по 21 ноября 1957 г. Мао Цзэдун побывал в СССР, принял участие в международных Совещаниях коммунистических и рабочих партий. После этого часть китайского руководства во главе с Мао Цзэдуном решила ускорить исторический процесс. Для чего с 5 по 23 мая 1958 г. была проведена Вторая сессия VIII съезда КПК.

Решения Первой сессии VIII съезда КПК были в корне переосмыслены, и был выдвинут новый генплан, встала задача выработать «генеральную линию» при строительстве социализма. Были подняты движения: «большой скачок» (впервые этот термин появился в газете «Жэньминь жибао» 13 ноября 1957 г.) и создание «народных коммун» (29 августа 1958 г. было принято «Решение ЦК КПК по вопросу о создании на селе народных коммун»).

В 1960 г. на страну обрушились небывалые за последние сто лет стихийные бедствия, пострадали более половины пахотных земель. От разразившегося вслед за этим голода погибли десятки миллионов людей. Тем временем

в сельском хозяйстве продолжался «большой скачок». В промышленности снова были введены завышенные плановые показатели. В экономике страны возникли серьезные трудности.

С 21 по 23 января 1962 г. под руководством Лю Шаоци состоялось расширенное заседание Постоянного Комитета Политбюро ЦК КПК в Пекине. Была объявлена политика всестороннего урегулирования во всех областях. Прежде всего, политика урегулирования в сельском хозяйстве. К концу 1964 г. задачи урегулирования экономики страны были в основном выполнены. На первой сессии ВСНП третьего созыва (21 декабря 1964 г. – 4 января 1965 г.) была выдвинута «величественная цель» «модернизации в четырех областях (в промышленности, сельском хозяйстве, науке и технике и в военной области)». Изначально мысль о модернизации выдвинул Лю Шаоци. У него речь шла о модернизации в трех областях: в промышленности, сельском хозяйстве, науке и технике. Впоследствии в докладе Чжоу Эньлая была добавлена четвертая сфера модернизации – военная область.

На рабочем совещании ЦК КПК в Пекине, которое проходило с 15 мая по 17 июня 1964 г., Мао Цзэдун потребовал со всей решительностью взяться за создание стратегического тыла, т.е. за строительство «третьей линии». В это время Мао Цзэдун разделил всю страну на три «линии», каждая из которых предназначалась им для выполнения тех или иных задач в ходе будущей войны. «Третья линия» была расположена в глубинных районах Китая. Было развернуто широкомасштабное строительство громадных пещер и туннелей, в которых должны были работать предприятия, обеспечивающие армию и нужды войны. Целые заводы перевозились из районов, близких к границе с Советским Союзом, на «третью линию».

16 октября 1964 г. в КНР была взорвана первая атомная бомба. В тот же день правительство КНР заявило, что Китай никогда, ни при каких обстоятельствах не применит первым ядерное оружие.

Началась крупная полемика между КПСС и КПК, в международном коммунистическом движении. В апреле 1960 г. в КНР была опубликована статья «Да здравствует ленинизм» по случаю 90-летия со дня рождения В.И. Ленина. КПСС и Советский Союз китайская печать обвиняла в «ревизионизме» и в «великодержавном шовинизме».

Руководство многих китайских предприятий требовало от советских специалистов, обслуживавших поставленное из Советского Союза оборудование, ускорения скоростей работы станков и машин, фактически настаивая на подчинении законов физики требованиям революции, и в ряде случаев даже призывало советских специалистов поддерживать выступление против руководства СССР и КПСС. В июле 1960 г. из-за того, что для дальнейшей работы советских специалистов во многих местах в КНР ее властями были созданы крайне затруднительные условия, правительство СССР отозвало из КНР советских специалистов.

С 5 ноября по 8 декабря 1960 г. в СССР находилась партийно-правительственная делегация во главе с Лю Шаоци, принявшая участие в международном Совещании коммунистических и рабочих партий и подписавшая доку-

менты этого совещания. Лю Шаоци выступил на массовом митинге в Москве с призывом к сплочению с Советским Союзом: «Сплочение – это жизнь! Сплочение – это сила! Сплочение – это победа!».

В 1964 г. были проведены консультации по пограничным вопросам между СССР и КНР в Пекине. Существовала возможность разрешить вопрос о прохождении линии границы между двумя государствами. Однако Мао Цзэдун в беседе с посетившей Китай японской делегацией заявил, что Россия в истории якобы захватила полтора миллиона квадратных километров территории Китая, и Китай «еще не предъявлял счет по этому реестру». Китайским руководством было выдвинуто требование к СССР признать якобы «неравноправный» характер ныне существующих договоров о границе. Таким образом, достижение соглашения о пограничном размежевании было сорвано.

После смещения Н.С. Хрущева с занимаемых постов в октябре 1964 г. делегация КПК была приглашена в Москву. Во главе делегации находился Чжоу Эньлай. Очевидно, выполняя указания Мао Цзэдуна, он потребовал, чтобы КПСС отказалась от решений своих XX, XXI, XXII съездов. Попытка нашей стороны улучшить отношения была, таким образом, сорвана.

Третий период в истории КНР: май 1966 г. – октябрь 1976 г. был в КНР периодом так называемой «культурной революции». Ее подготовка велась Мао Цзэдуном в течение длительного времени.

Всестороннее развертывание «культурной революции» датируется появлением «Уведомления от 16 мая» 1966 г., принятого на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК, передачи по радио 1 июня 1966 г. текста первой *дацзыбао** в Пекинском университете, что явилось причиной распространения беспорядков на все общество. 8 июля 1966 г. Мао Цзэдун в письме своей жене Цзян Цин, которая занимала пост заместителя руководителя Группы по делам культурной революции при ЦК КПК (эта группа была создана 28 мая 1966 г.), выдвинул руководящую установку: «полный беспорядок в Поднебесной» приведет «к полному благополучию в Поднебесной».

С 1 по 12 августа 1966 г. работал 11-й пленум ЦК КПК 8-го созыва. 5 августа 1966 г. появилась *дацзыбао* самого Мао Цзэдуна под заголовком «Открыть огонь по штабам», направленная против Лю Шаоци. Были произведены изменения в структуре руководства ЦК партии. Первые три места в нем заняли Мао Цзэдун, Линь Бяо, Чжоу Эньлай.

1 января 1967 г. газета «Жэньминь жибао» писала: «1967 год будет годом всестороннего развертывания классовой борьбы по всей стране». 27 января 1967 г. газета «Жэньминь жибао» заявила: «Мы уверены, что наступит день, когда лучезарное красное знамя марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна высоко взвьется над Красной площадью, над родиной Октябрьской революции».

* Дацзыбао – это «газеты больших иероглифов»; так назывались своеобразные стенные газеты, написанные от руки крупными иероглифами сотрудниками различных китайских учреждений, выступавших с той или иной критикой в адрес властей или руководства данных учреждений.

Далее было организовано движение «широкой критики» тех, кого считали противниками Мао Цзэдуна, в том числе и в особенности тех, кто выступал за мирные и дружественные отношения с Советским Союзом. Появились в большом количестве подложные (сфабрикованные на основании ложных обвинений), фальшивые и ошибочные дела. 16 марта 1967 г. советник Группы по культурной революции при ЦК КПК Кан Шэн на основе фальшивых обвинений сфабриковал так называемое «дело 61 предателя», по которому было репрессировано много невинных людей. 21 марта 1967 г. ЦК КПК принял решение о создании группы по расследованию «специального дела» Лю Шаоци.

1 апреля 1967 г. в центральной печати была опубликована статья под заголовком «Патриотизм или национальное предательство? – Критика реакционного кинофильма “Тайны Цинского двора”», представлявшая собой поток разнузданной клеветы на председателя КНР Лю Шаоци – сторонника мирных и дружественных отношений с СССР. 18 июля 1967 г. в штаб-квартире руководства КПК в Пекине, в Чжуннаньхае, был организован «митинг сотрудников обслуживающего персонала ЦК КПК в целях борьбы и критики» Лю Шаоци. Во время этого митинга Лю Шаоци подвергли физическим мучениям и издевательствам; после митинга председатель КНР был изолирован, помещен «под надзор» и потерял свободу.

13–31 октября 1968 г. был проведен 12-й расширенный пленум ЦК КПК 8-го созыва. На этом пленуме, проходившем под руководством Мао Цзэдуна, «обсуждалось» подложное дело Лю Шаоци. С обвинениями в его адрес по указанию Мао Цзэдуна выступил с докладом Чжоу Энълай. Решением пленума Лю Шаоци «навечно» исключили из партии, лишили всех постов. В знак протеста против обращения с ним Лю Шаоци, заключенный в тюрьму и не присутствовавший на пленуме, целый год промолчал и погиб в застенке в городе Кайфэне 12 ноября 1969 г.

С 1 по 24 апреля 1969 г. в Пекине был проведен IX съезд КПК, который, как в настоящее время считается в КНР, утвердил ошибочную теорию и практику «великой культурной революции». В т. 2 «Истории КПК», изданной в 2011 г. Кабинетом ЦК КПК по изучению истории партии, на стр. 810 говорится: «IX съезд, если говорить о его руководящем курсе в идеологии, в политическом отношении, в организационном отношении, во всем этом был ошибочным; в истории партии он не сыграл никакой позитивной роли». На съезде был принят Устав КПК, в котором Линь Бяо был назван преемником Мао Цзэдуна.

В декабре 1970 г. во время встречи с американским журналистом Эдгаром Сноу Мао Цзэдун сказал, что он приветствовал бы приезд в Китай президента США Р. Никсона и, не называя имен, критиковал Линь Бяо, который «выпячивал культ личности». С 15 августа по 12 сентября 1971 г. Мао Цзэдун в беседах, в том числе с военачальниками, критиковал Линь Бяо, называя его по имени.

В 1971 г. имело место «дело Линь Бяо», согласно которому с 21 по 24 марта 1971 г. группа людей во главе с Линь Лиго – сыном Линь Бяо – выраба-

тывали планы «вооруженного контрреволюционного военного переворота». Линь Бяо и его сторонников в КНР называют «контрреволюционной группировкой». В настоящее время в КНР также утверждают, что с 8 по 12 сентября 1971 г. Линь Бяо отдавал приказы о «политическом перевороте» и пытался совершить покушение на жизнь Мао Цзэдуна. (См. «Историю КПК», изданную в 2011 г. Кабинетом ЦК КПК по изучению истории партии. Т. 2. Стр. 846–849.) 13 сентября 1971 г. Линь Бяо и его жена Е Цюнь на самолете бежали за границу. В районе Ундерхан в Монголии самолет потерпел крушение. Находившиеся в самолете люди погибли. В декабре 1971 г. в стране была развернута широкая кампания «критики Линь Бяо и исправления стиля». 20 августа 1973 г. ЦК КПК принял решение навечно исключить из партии Линь Бяо, Чэнь Бода, Е Цюнь и других сторонников Линь Бяо.

Тем временем началось медленное возрождение экономики и выполнение плана третьей пятилетки. Велась разработка плана четвертой пятилетки и двухгодичного урегулирования экономики. Происходили крупные изменения в структуре управления экономикой. Осуществлялось строительство на «третьей линии» в небывалых масштабах и в обстановке, когда была высоко поднята волна «подготовки к войне».

Развивались оборонная наука и техника и строительство армии. Как уже говорилось, произошел прорыв в области новейшей оборонной науки и техники. 16 октября 1964 г. было осуществлено испытание атомной бомбы в КНР. 27 октября 1966 г. был успешно произведен запуск ракеты с атомным зарядом, 17 июня 1967 г. – взрыв водородной бомбы. 24 апреля 1970 г. был запущен первый искусственный спутник Земли.

В целом в стране продолжалось настойчивое проведение ошибочных решений. X съезд КПК (24–28 августа 1973 г.) наследовал и продолжил левую уклонилистские ошибки IX съезда КПК, продолжил положительно оценивать теорию и практику «культурной революции». В результате съезда в еще большей степени укрепились позиции «группировки Цзян Цин». Одновременно членами ЦК снова были избраны некоторые старые руководители: Дэн Сяопин, Тань Чжэньлинь, Уланьфу и другие.

22 декабря 1973 г., в связи с болезнью Чжоу Эньлая, по предложению Мао Цзэдуна, ЦК КПК принял решение о том, что Дэн Сяопин будет членом Политбюро ЦК, членом Военного совета ЦК, будет принимать участие в руководящей деятельности ЦК КПК и Военного совета ЦК КПК. 4 октября 1974 г. Мао Цзэдун предложил, чтобы Дэн Сяопин стал первым заместителем премьера Госсовета КНР, а в декабре 1974 г. он же предложил, чтобы Дэн Сяопин был заместителем председателя ЦК КПК и членом Постоянного комитета ЦК КПК, первым заместителем премьера Госсовета КНР, заместителем председателя Военного совета ЦК и начальником Генерального штаба. 1 июля 1975 г. Мао Цзэдун санкционировал решение о том, чтобы Дэн Сяопин руководил повседневной работой ЦК КПК.

В последние годы своей жизни Мао Цзэдун уделял большое внимание внешней политике. Он стремился к установлению отношений с США. На этом пути Мао Цзэдун с 1964 г. нацелил партию и государство на «подготовку

к войне» против СССР. В Китае была развернута массовая кампания под лозунгом «подготовки к войне». СССР при этом именовали «социалистическим империализмом» и «современным ревизионизмом», т.е. якобы классовым врагом социалистического Китая. К войне готовились вооруженные силы. Создавались предприятия ВПК.

В 1969 г. на границе с СССР, по указанию Мао Цзэдуна и в соответствии с заранее разработанным и утвержденным планом, были совершены вооруженные провокации против Советского Союза. 2 марта 1969 г. военнослужащие НОАК устроили на являвшемся территорией Советского Союза острове Даманском* на реке Уссури засаду, скрытно заранее расположили снайперов, которые фактически в упор расстреляли наряд пограничных войск СССР, совершавший очередной обход советско-китайской границы. Также имела место провокация на западном участке в районе Жаланашколь. В ответ на эти провокационные действия китайской стороны Советскому Союзу пришлось давать отпор и принимать меры по защите своих рубежей.

В это время пропаганда Мао Цзэдуна призывала к «Свержению новых царей!», утверждала, что якобы существовала военная угроза Китаю со стороны «гегемонизма» СССР.

Далеко не случайно, что вслед за этими китайскими провокациями на границе с Советским Союзом, в 1972 г. состоялся визит в Пекин президента США Р. Никсона.

Мао Цзэдун и Никсон заверили один другого в том, что нет опасности войны между КНР и США; в то же время обе стороны считали, что СССР якобы создавал угрозу агрессии против каждой из них.

До самой смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. соседствовали его указания о продолжении борьбы «против ревизионизма» как «главного врага», против «капитулянтства» перед ним.

В январе 1976 г. из жизни ушел Чжоу Эньлай. После его смерти в Китае возникло массовое движение «Пятого апреля» 1976 г. Люди выражали скорбь по Чжоу Эньлаю. По сути дела это был протест против «культурной революции» внутри страны в ее реальном проявлении. В ответ «выдвиженцы» «культурной революции» выступили с призывами «критиковать Дэна», «выступать против Чжоу»; эти призывы вызвали возмущение по всей стране. Массовый протест на площади Тяньаньмэнь в Пекине был жестоко подавлен. Мао Цзэдун одобрил подавление протеста. По инициативе Мао Цзэдуна Политбюро ЦК КПК приняло следующее решение: назначить Хуа Гофэна первым заместителем председателя ЦК КПК, премьером Госсовета КНР; снять Дэна Сяопина со всех постов.

9 сентября 1976 г. Мао Цзэдун умер, а через месяц произошел арест «выдвиженцев» «культурной революции» – Цзян Цин, Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюаня, Ван Хунвэня, объявленных «черной бандой четырех». Главную

* Остров Даманский, по-китайски Чжэньбаодао, т.е. «Драгоценный остров», на самом деле представляет собой песчаную отмель, затопляемую во время половодья, протяженностью не более километра в длину и 300 метров в ширину, поросшую низкорослым кустарником.

роль при этом сыграл маршал Е Цзяньин, в руках которого оказалась военная власть в КПК–КНР. Первые 25 лет существования КНР, или «эпоха правления Мао Цзэдуна», завершились. В первую очередь, требовал решения вопрос о восстановлении доброго имени от ста до двухсот миллионов человек, пострадавших и погибших во время «великой пролетарской культурной революции» Мао Цзэдуна. Надо было искать выход из тупиков в политической, экономической, социальной, культурной жизни страны и народа.

*Ответственный редактор восьмого тома:
доктор исторических наук Ю.М. Галенович*

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА в 1949–1960 гг.

Глава 1

Образование Китайской Народной Республики. Первые годы. 1949–1952

Провозглашение КНР

Коммунистическая партия Китая (КПК) во главе с Мао Цзэдуном пришла к власти в Китае и провозгласила создание своего государства – Китайской Народной Республики (КНР) в 1949 г. Это произошло спустя 30 лет после начала патриотического «движения (за новую культуру, за обновление Китая) 4 мая 1919 года» и создания Коммунистической партии Китая 1 июля 1921 г., в результате почти трех десятилетий политической борьбы между КПК и Партией Гоминьдан Китая (Гоминьданом или ГМД), в ходе которой перемежались периоды вооруженных столкновений и мирного сотрудничества в интересах объединения страны и оказания отпора японским захватчикам, и, наконец, после трех лет «внутренней войны», 1946–1949 гг., когда вооруженные силы КПК одержали победу над войсками ГМД.

Государственная машина Китайской Республики, существовавшей на континенте с Синьхайской революции 1911–1912 гг., была разрушена. Ей приходилось долгое время функционировать фактически в условиях военного времени, что накладывало свои ограничения и на экономическую, и на политическую жизнь в стране, не давая возможности сосредоточиться на проблемах налаживания работы рыночной экономики и перехода к демократии, которые Китайская Республика так и не смогла решить. Она не смогла справиться с засильем милитаристских сил, поддерживаемых империалистическими державами, справиться с коррупцией. Не успела и не смогла провести необходимые преобразования в деревне. Не сумела осуществить демократические преобразования в обществе и привлечь на свою сторону интеллигенцию.

На ситуации в особенности сказалось и то, что страна никак не могла оправиться сначала от полутора десятков лет раздробленности и войн различных клик китайских милитаристов, последовавших за антимонархической революцией 1911–1912 гг. Затем произошли революция 1925–1927 гг. и гражданская война с последовавшей войной против японских агрессоров. Все эти



Провозглашение КНР Мао Цзэдуном. 1 октября 1949 г.

войны длились почти сорок лет и почти непрерывно: с 1911 по 1949 г. Народ жаждал мира, экономических преобразований и демократических свобод. Все это было обещано китайской коммунистической партией. КПК одержала победу в войне над Партией Гоминьдан Китая и ее государством, Китайской Республикой, благодаря тому, что составлявшие подавляющее большинство населения страны крестьяне, а также относительно немногочисленный рабочий класс, и традиционно играющий важную роль во внутривнутриполитической жизни Китая слой образованных людей, или интеллигенции, поверили китайским коммунистам. Коммунистическая партия Китая и Народно-Освободительная Армия Китая (НОАК; дословно: Армия Освобождения Народа Китая) добились того, что нация Китая стала независимой, а китайский народ поднялся во весь рост.

Существенную роль в приходе КПК к власти в Китае сыграл Советский Союз. На всех этапах национально-освободительной борьбы китайского народа прогрессивные силы Китая опирались на широкую помощь советского народа, считавшего своим интернациональным долгом оказание помощи китайскому братскому народу. Здесь и разгром гитлеровской армии в ходе нашей Отечественной войны 1941–1945 гг., и победа над сильнейшей японской сухопутной Квантунской армией и освобождение из-под четырнадцатилетней японской оккупации населения Северо-Восточного Китая в 1945 г., и предоставление Советским Союзом КПК возможности, создав там базу для формирования вооруженных сил, которым нами было передано трофейное японское вооружение, подготовиться и начать в 1946 г. Южный поход, т.е. поход

с Севера на Юг Китая с целью освобождения народов северо-восточного Китая от власти Гоминьдана.

О роли СССР упоминал в ряду других факторов и Мао Цзэдун. Он говорил: «Если бы не существовало Советского Союза, если бы не было победы в антифашистской Второй мировой войне, если бы – что особенно важно для нас – японский империализм не был разгромлен, если бы в Европе не появились страны новой демократии, если бы не было усиливающейся борьбы угнетенных стран Востока, если бы не было борьбы народных масс в Соединенных Штатах, Англии, Франции, Германии, Италии, Японии и в других капиталистических странах против правящей реакционной клики, если бы не было всех этих факторов, то нажим международных реакционных сил, конечно, был бы гораздо сильнее, чем сейчас. Разве мы могли бы одержать победу при таких обстоятельствах? Конечно, нет. Точно так же невозможно было бы закрепить победу после ее достижения».

Этот успех китайских коммунистов объясняется также их способностью извлечь уроки из собственных и чужих неудач и ошибок, нащупать необходимое соотношение национальных и социальных аспектов в практике и теории революционной борьбы. Они проводили эффективную социальную политику и сумели добиться поддержки со стороны демократических политических партий и организаций в борьбе КПК с Гоминьданом. В ходе трех крупных стратегических военных операций (Ляошэньская, Пинцзиньская, Хуайхайская) НОАК разбила гоминьдановские армии и устранила на значительной части территории страны власть Гоминьдана.

В июне 1949 г. в Бэйпине (так тогда еще официально называли Пекин или Бэйцзин, т.е. Северную столицу) комитет по подготовке к созыву Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) – высшего органа Единого народно-демократического фронта (ЕНДФ), которому предстояло взять на себя роль учредительного собрания, провел свое первое пленарное заседание и избрал Постоянный комитет НПКСК во главе с Мао Цзэдуном. Постоянному комитету поручалось подготовить «Общую программу» и проект состава нового правительства, всесторонне развернуть подготовку к созданию органов власти нового государства, которое в КПК предлагали считать Новым Китаем, широкого народно-демократического фронта, объединяющего рабочий класс, трудовое крестьянство, городскую мелкую и национальную буржуазию и другие патриотические силы.

21 сентября 1949 г. в зале Хуайжэньтан дворцового комплекса Чжуннаньхай в Пекине торжественно открылась 1-я сессия Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК). В своей вступительной речи Мао Цзэдун заявил: «Китайский народ, составляющий одну четвертую часть человечества, отныне встал во весь рост. Китайцы всегда были великой, смелой и трудолюбивой нацией, и только в новейшие времена они отстали. Эта отсталость является исключительно результатом угнетения и эксплуатации иностранным империализмом и реакционным китайским правительством. Сплотившись воедино, мы свергли внутренних и внешних угнетателей путем народно-освободительной войны (войны за освобождение народа) и великой



Мао Цзэдун и Чжу Дэ. 1 октября 1949 г.

народной революции (революции народа), мы провозглашаем образование Китайской Народной Республики. Наша нация отныне вступает в великую семью миролюбивых и свободолюбивых народов мира. Она будет самоотверженно и усердно трудиться, чтобы создать свою собственную цивилизацию и счастье и одновременно с этим продвигать вперед дело мира и свободы во всем мире. Наша нация никогда больше не будет униженной».

С докладом «О ходе подготовки и характерных чертах “Общей программы НПКСК”» 25 сентября 1949 г. выступил секретарь ЦК и член Политбюро ЦК КПК Чжоу Эньлай.

Сессия обсудила и приняла Организационный статус НПКСК. Был принят ряд законодательных актов: Закон об организации НПКСК, Закон об организации Центрального народного правительства КНР во главе с Мао Цзэдуном. Его заместителями стали члены Политбюро ЦК КПК Чжу Дэ, Лю Шаоци, Гао Ган, вдова первого президента Китайской Республики Сунь Ятсена Сун Цинлин, бывший гоминьдановский генерал Ли Цишэнь, а также глава Демократической лиги Китая Чжан Лань. Все ключевые позиции в правительстве заняли руководители КПК. Были приняты решения о столице государства — ею стал Пекин, о государственном гимне («Марш добровольцев»), о флаге и гербе республики, о принятии летосчисления, используемого большинством стран мира. На сессии была принята «Общая программа НПКСК», определившая государственный и политический строй Китая и до принятия в 1954 г.

Конституции КНР, выполнявшая роль основного закона страны. Во введении к «Общей программе» говорилось, что новое государство будет государством «демократической диктатуры народа», которая определялась как «государственная власть Народного демократического единого фронта рабочего класса, крестьян, мелкой буржуазии, национальной буржуазии, руководимая рабочим классом». «Органами осуществления народом государственной власти, – говорилось в ст. 12 этого документа, – являются собрания народных представителей и правительств всех степеней». Констатировалось, что «органы государственной власти всех ступеней строятся на системе демократического централизма».

В «Общей программе» суть нового государства объяснялась через понятие «новой демократии». Это понятие использовалось КПК еще с 1937 г. На нем основывались лозунги, благодаря которым партия получила массовую поддержку в борьбе с Гоминьданом. «Общая программа» провозглашала КНР «государством новой демократии», которое «ведет борьбу против империализма, феодализма, бюрократического капитала – за независимость, демократию, мир, единство и создание процветающего и сильного Китая». Декларировались ликвидация особых прав и привилегий империалистических держав, конфискация и передача в собственность государства бюрократического капитала, превращение феодальной и полуфеодальной системы землевладения в систему крестьянского землевладения, охрана общественной собственности – государственной и кооперативной, а также частной собственности и экономических интересов рабочих, крестьян, мелкой и национальной буржуазии, развитие народного хозяйства в целях превращения страны из аграрной в индустриальную. Решение поставленных в «Общей программе» задач преследовало цель подготовить почву для последующего перехода Китая на социалистический путь развития.

25 марта 1949 г. руководители и аппарат ЦК КПК, и Генеральный штаб НОАК из своей временной резиденции в Сибайпо – населенном пункте примерно в 300 км к юго-западу от Пекина в труднодоступных горах Тайшань – переехали в Пекин.

В июле 1949 г. секретарь ЦК и член Политбюро ЦК КПК Лю Шаоци во время своего пребывания в Москве сообщил И.В. Сталину, что объявление о создании государства Нового Китая намечено на 1 января 1950 г. В ответ Сталин сказал, что лучше всего было бы сделать это пораньше, не следует давать империалистам предлог для вмешательства в гражданскую войну в Китае. Лю Шаоци немедленно уведомил ЦК КПК об этом предложении Сталина. И только тогда день провозглашения Китайской Народной Республики был назначен на 1 октября 1949 г.

1 октября 1949 г. в 14 часов 58 минут на галерее ворот Тяньаньмэнь появились руководители компартии и государства во главе с Мао Цзэдуном, который торжественно объявил: «Китайская Народная Республика создана! Отныне китайский народ встал во весь рост!». В его выступлении нашли отражение положения «Общей программы» НПКСК о том, что КНР «ведет борьбу против империализма, феодализма, бюрократического капитала,



На трибуне Тяньаньмэнь в Пекине 1 октября 1949 г.
Мао Цзэдун, Чжу Дэ, Чжан Лань, Лю Шаоци

за независимость, демократию, мир, единство и создание процветающего и сильного Китая». Рядом с Мао Цзэдуном стояли Чжу Дэ, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай и другие руководители партии и нового государства, а также лидеры демократических партий, входивших в состав нового правительства Китая.

Под новый государственный гимн – «Марш добровольцев» был поднят пятизвездный красный государственный флаг КНР, состоялся парад сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил НОАК, который принял ее главнокомандующий Чжу Дэ. По площади Тяньаньмэнь прошла внушительная демонстрация, в которой приняли участие 300 тыс. ликующих жителей Пекина.

Местом работы для руководителей партии и государства был избран дворцово-парковый комплекс Чжуннаньхай – средняя и южная части огромного бывшего императорского парка Сиюань («Западного сада»), вытянувшегося по берегам трех искусственных озер – Бэйхай («Северное море»), Чжунхай («Срединное море») и Наньхай («Южное море»). Чжуннаньхай был расположен к западу от бывшего императорского дворца Гугун, который в прежние времена являлся частью императорского Запретного города. Первыми эту местность облюбовали еще правители династии Янь в V в. до н.э., а в X–XI вв. правители созданного на севере Китая народом киданей государства Ляо (916–1125 гг.), и с тех пор, расширяя водоемы и украшая их берега, императоры всех последовавших правивших династий оставляли парк в своей собственности.

Чжуннаньхай, объединявший парки по берегам двух озер – Чжунхай и Наньхай, служил императорам династий Мин (1368–1644 гг.) и Цин (1644–1911 гг.) своего рода «ближней дачей», примыкающей к древнему комплексу Гугун. В период правления Гоминьдана (1927–1949 гг.), когда столицей страны стал Нанкин (Наньцзин – Южная столица), Чжуннаньхай пришел в запустение, старые строения обветшали. Обнесенные пурпурной стеной императорские дворцы и подсобные помещения в 1949 г. были отреставрированы. Для ЦК КПК и правительства КНР построили несколько трехэтажных зданий.

Высшим органом власти КНР провозглашался Центральный народный правительственный совет (ЦНПС). Он формировал высшие государственные органы: Народно-революционный военный совет (его возглавил Мао Цзэдун), высший исполнительный орган – Государственный административный совет (его главой – премьером стал Чжоу Эньлай), Верховный народный суд, Верховную народную прокуратуру. Вместе с ЦНПС эти органы составляли Центральное народное правительство КНР, председателем которого стал Мао Цзэдун, являвшийся также председателем ЦК КПК. Таким образом, высшая власть над вооруженными силами, в партии и государстве была сконцентрирована в руках одного человека, что в дальнейшем не могло не сказаться на политическом развитии страны.

Поддержавшие КПК в ее борьбе с Гоминьданом политические партии (Революционный комитет Гоминьдана Китая, Демократическая лига Китая, Ассоциация демократического национального строительства Китая, Ассоциация содействия развитию демократии, Крестьянско-рабочая демократическая партия Китая, Партия стремления к справедливости, Общество «3 сентября», Лига демократического самоуправления Тайваня) получили возможность продолжать свою деятельность и после образования КНР при условии поддержки ими политики КПК. В 1951 г. между КПК и демократическими партиями было заключено соглашение, которое разрешало работу этих партий среди буржуазии и интеллигенции только в крупных и средних городах. Восемь демократических партий оставались важным элементом новой политической структуры страны.

Октябрь 1949 г. создал предпосылки для укрепления политической независимости китайского государства, завершения процесса преодоления пережитков архаичных социально-экономических отношений, всестороннего прогресса китайского общества. Начался новый этап в истории коммунистического движения в Китае. Трехмиллионная компартия превратилась в правящую, став фактически монопольной политической силой в стране.

Первоочередной задачей нового правительства было завершение разгрома гоминьдановских войск, установление новой власти на всей территории Китая, а также борьба с «контрреволюцией», восстановление разрушенной многолетней войной экономики и создание нового государственного аппарата.

1 октября 1949 г., в день провозглашения КНР, главнокомандующий НОАК Чжу Дэ отдал приказ о развертывании наступления на Юг. Уже через две недели, 14 октября, разгром группировки под командованием Бай Чунси позволил НОАК вступить в Гуанчжоу (Кантон), центр южной провинции Гуандун.



Мао Цзэдун и Чжу Дэ. 1950 г.

Затем были уничтожены войска Ху Цзуннаня и Сун Силян на Юго-Западе, были взяты под контроль города Чунцин и Чэнду в провинции Сычуань, и, с помощью транспортной авиации СССР, Синьцзян на Северо-Западе страны. В апреле 1950 г. была успешно осуществлена операция по десантированию на одном из самых крупных китайских островов – Хайнань – и архипелаге Чжоушань. К лету 1950 г. войска НОАК без боев заняли обширные районы провинций Юньнань, Сычуань и Сикан, регулярные военные действия практически были завершены. За восемь месяцев боев в общей сложности было уничтожено 1,3 млн гоминьдановских солдат и офицеров, а потери войск противника за весь период этой войны достигли 8 млн 70 тыс. человек. За исключением Тибета, Тайваня и небольшого числа островов на Юге было завершено взятие под контроль всей территории Китая.

В мае 1950 г. между правительством в Пекине и властями Тибета было подписано соглашение о мерах по мирному освобождению Тибета, в октябре 1950 г. войска НОАК официально вошли в столицу Тибета Лхасу. По всей стране НОАК продолжала вести борьбу с остатками войск противника, к июню 1950 г. были уничтожены формирования общей численностью около 1 млн человек.

Сломив гоминьдановскую военную и административную машину, КПК приступила к формированию новой системы государственной власти. Ее характерной чертой было то, что она осуществлялась в форме военного контроля специальными органами НОАК. Государственный аппарат строился также по образу и подобию аппарата КПК, который во многом копировал структуру ВКП(б), но за долгие годы гражданских войн и отражения внешней агрессии приобрел военизированный характер и основывался на принципах

сверхцентрализма. Эти же черты были присущи системе властных структур. Сотрудниками правительственных учреждений становились в основном кадровые военнослужащие НОАК (летом 1949 г. в КПК насчитывалось в общей сложности 800 тыс. кадровых работников, из них 500 тыс. были военными). На уровне крупнейших административных территориальных образований – «крупных административных районов» – создавались военно-административные комитеты (ВАК), а в крупных и средних городах – военно-контрольные комитеты (ВКК). Во главе ВАК Северо-Западного Китая стоял Пэн Дэхуай (командующий 1-й армией), ВАК Юго-Западного Китая – Лю Бочэн (командующий 2-й армией), ВАК Центрального и Южного Китая – Линь Бяо (командующий 4-й армией), ВАК Восточного Китая – Жао Шуши (политический комиссар 3-й армии). Северо-Восточный Китай (Маньчжурия) представлял собой особый случай: здесь уже в 1948 г. было создано правительство во главе с Гао Ганом, непосредственно подчиненное Государственному административному совету.

Значительную часть руководящих кадровых работников среднего и низшего звена составляли местные партийные и военные кадры, активисты, выдвиженцы массовых кампаний. Высшие посты в городской иерархии занимали члены КПК. В их руках и был сосредоточен контроль над жизнью городов.

При нехватке квалифицированных кадров на первых порах коммунисты были вынуждены использовать также государственных служащих свергнутого режима. КПК обратилась к бывшим гоминьдановским чиновникам с призывом остаться на своих рабочих местах, гарантируя им «сохранение трех прежних» – прежней должности, прежнего ранга и прежней зарплаты. В Шанхае, к примеру, в первые годы существования КНР 70–80% служащих составлял бывший персонал городских учреждений, в том числе суда и полиции. Негативная сторона использования старого персонала состояла в том, что в государственный аппарат КНР привносились присущие гоминьдановским учреждениям бюрократизм и коррупция.

Отложив проведение кардинальных реформ на будущее, власти КНР сумели не только довольно быстро решить самые насущные административные проблемы, но и предупредить возникновение беспорядков, избежать массовой остановки производства или порчи оборудования. В задачу ВАК и ВКК входило не только утверждение на местах новой администрации, но и налаживание хозяйственной деятельности, снабжение населения продовольствием. Они же занимались экспроприацией бюрократического капитала – его предприятия главным образом переподчинялись ВАК и ВКК. Уже к концу 1949 г. было национализировано 2838 предприятий, принадлежавших бюрократическому капиталу, с числом рабочих в 750 тыс. человек. В начале 1950 г. под контроль государства перешло в общей сложности более 2800 предприятий перерабатывающей и добывающей промышленности, а также более 2400 банковских структур, ранее принадлежавших бюрократической буржуазии. В тот период они составили важную часть государственного сектора экономики КНР.

Для того чтобы избежать обострения социальной ситуации и смягчить недовольство населения тяжелыми условиями жизни, власти применяли и меры



Мао Цзэдун и Лю Шаоци на пленуме ЦК КПК. Июнь 1950 г.

экономического характера. Так, правительство приняло решение об обеспечении полного денежного содержания всех без исключения военных чиновников и гражданских служащих государственного аппарата прежнего режима, насчитывавших несколько миллионов человек. В результате государству пришлось, взяв на себя тяжелое бремя, выплатить пособия более чем 9 млн человек. Значительные усилия власти прилагали также для стабилизации цен на товары повседневного спроса, рост которых в результате спекуляции был чреват взрывом общественного недовольства. Государственные органы организовали массовые перевозки и накопление запасов продовольствия, хлопка, тканей и угля в масштабах страны. В соответствии с единым планом центральных властей, в момент наиболее стремительного взлета цен в ноябре 1949 г. во всех крупных городах одновременно началась широкая распродажа запасов накопленных товаров, что привело к резкому снижению цен на них. В результате применения силовых и экономических форм борьбы со спекуляцией и централизации финансовой системы в начале 1950 г. цены были в основном стабилизированы, сложились благоприятные условия для нормализации жизни людей, восстановления и развития промышленного и сельско-

хозяйственного производства. 3-й пленум ЦК КПК 7-го созыва, состоявшийся в июне 1950 г., отметил начавшееся улучшение финансово-экономической ситуации в стране, хотя еще и не ставшее радикальным.

Наряду с мерами экономического регулирования ситуации в обществе новая власть применяла способы силового воздействия на своих противников.

Подавление «контрреволюции»

Накануне и после образования КНР руководству страны пришлось столкнуться с сильным сопротивлением и идейных врагов КПК, и тех социальных сил, которые видели в правлении коммунистов угрозу своим интересам. Это сопротивление наносило серьезный вред и политическим, и экономическим интересам нового государства.

В частности, дополнительное напряжение вносила спекуляция на курсе серебряного *юаня*. Поэтому военно-контрольные органы во всех крупных городах издавали распоряжения, запрещающие свободное рыночное обращение золотых слитков, серебряных *юаней*, а также иностранной валюты, и обязавшие Народный Банк Китая закупать их по фиксированным ценам. Так, еще до официального провозглашения КНР, уже через полмесяца после взятия под контроль Шанхая, 10 июня 1949 г., Военно-контрольный комитет города заявил о закрытии местного финансового центра – фондовой биржи, свыше 200 валютных спекулянтов были арестованы. Перед этим некоторые финансисты и спекулянты Шанхая заявляли, что они никогда не допустят в город новую денежную единицу – «народный *юань*». Началась активная борьба органов общественной безопасности с подпольными меняльными конторами и финансовыми спекулянтами по всей стране. В качестве единственного законного средства платежа признавались только *юани* КНР.

10 октября 1950 г. ЦК КПК на 3-м пленуме принял директиву «О развертывании борьбы с внутренней контрреволюцией». 21 февраля 1951 г. правительство опубликовало «Положение о наказаниях в КНР за контрреволюционную деятельность». В ноябре 1951 г. ЦК партии обнародовал «Указания об искоренении контрреволюционных элементов на заводах, горнодобывающих, транспортных и других предприятиях и развертывании на них демократических преобразований».

По официальным данным, в «освобожденных районах» только в 1950 г. от рук контрреволюционеров погибло около 40 тыс. активистов и кадровых работников. Лишь в одной пров. Гуанси жертвами противников новой власти стали более 3 тыс. кадровых работников, было сожжено 25,6 тыс. жилищ, угнано свыше 20 тыс. голов рабочего скота. Осенью 1950 г. удалось предотвратить крупный террористический акт – обстрел из миномета площади Тяньаньмэнь, который планировался на 1 октября, когда там должны были состояться торжественные мероприятия, посвященные первой годовщине со дня образования КНР. Беспокойство властей вызывала активизация

деятельности традиционных тайных обществ и религиозных организаций: Игуаньдао («Путь, пронзающий Единым»), «Цзюгундао» («Путь Девяти дворцов») и др.

К осени 1951 г. в большинстве районов КНР завершилась работа по организации судебных органов на местах. В 1952–1953 гг. была проведена судебная реформа. «Подавление контрреволюции» вылилось в массовую политическую кампанию, которая сопровождалась формированием специальных «рабочих групп» из кадровых работников, рабочих и торговцев. К участию в ней привлекались широкие слои населения, общественные организации, демократические партии. Кампания продолжалась до осени 1953 г.

В октябре 1952 г. министр общественной безопасности КНР Ло Жуйцин напечатал статью «Великие успехи в работе по подавлению и борьбе с контрреволюцией за три года». Выступая на Пятой сессии VIII съезда КПК 19 сентября 1956 г., Ло Жуйцин признал, что при «подавлении контрреволюции» в 1951 г. «имели место грубые левацкие ошибки».

В связи с недовольством части населения этой кампанией и в целях выправления «левого уклона» (Мао Цзэдун вынужден был признать 30 марта 1951 г., что имевшие место, в частности, в пров. Шаньдун «ошибочные аресты и казни влекут за собой пагубные последствия») центр решил несколько ограничить число приговоров к смертной казни. Согласно указаниям ЦК КПК от 8 мая 1951 г., смертной казнью с немедленным приведением приговора в исполнение надлежало карать «сельских и городских деспотов, главарей банд и реакционных религиозных сект, шпионов, причинивших серьезный ущерб государственным интересам, грабителей-рецидивистов, тех, кто совершил большое число изнасилований, вожаков крупных хулиганских шаек, причинивших серьезный ущерб государству и виновных в кровавых злодеяниях». Наряду с этим стали практиковаться меры по вынесению смертного приговора с отсрочкой исполнения на два года. Приговоры к смертной казни, подлежащие немедленному исполнению, ограничивались 10–20% от их общего числа специальной директивой, подготовленной Мао Цзэдуном и получившей название «При подавлении контрреволюции нужно бить уверенно, метко и беспощадно» (Мао Цзэдун предписывал, что на первое место следует ставить «меткость»).

Остальных осужденных та же директива предписывала отправлять на принудительные работы, в ходе которых в зависимости от их поведения принималось окончательное решение об их судьбе. Мао Цзэдун выказывал уверенность в том, что такая политика «найдет сочувствие у широкого круга общественных деятелей, будет содействовать расслоению контрреволюционных сил и окончательной ликвидации контрреволюции, к тому же сохранит большое количество рабочих рук, что пойдет на пользу делу строительства» КНР.

По официальным данным, к концу 1951 г. в ходе «подавления контрреволюции» было расстреляно свыше 2 млн человек. Несмотря на декларирование некоторых ограничений, репрессии носили массовый характер.

Одновременно с ликвидацией частного «феодално-помещичьего» землевладения были предприняты и другие меры по устранению пережитков



Справа налево: Мао Цзэдун, Чжу Дэ и Сун Цинлин. 1950 г.

феодализма и проведению социальных преобразований в стране. Так, началась борьба с преступностью, азартными играми, употреблением наркотиков и проституцией.

На рубеже 1950-х годов около 600 тыс. человек по всей стране было занято в производстве и торговле опиумом, а количество тех, кто употреблял опиум, достигало 20 млн человек. Особенно серьезное положение сложилось в юго-западной провинции Юньнань, где одна пятая сельскохозяйственных площадей была занята под разведение опиумного мака. Там работала четверть всего населения провинции; целые деревни, включая женщин и детей, курили опиум. Последовала целая серия указов и постановлений о запрете употребления опиума (февраль 1950 г., февраль 1952 г., апрель и июнь 1952 г.). Циркуляром от 24 февраля 1950 г. «О запрете опиокурения» запрещались посадки опиумного мака в районах, где борьба с применением военной силы была уже завершена. Была развернута соответствующая кампания по всей стране, было выявлено 369 тыс. человек, выращивавших и распространявших опиум, арестовано 82 тыс. человек, 880 самых злостных преступников казнены, около 51 тыс. посажены в тюрьмы либо отправлены на «трудовое перевоспитание».

21 ноября 1949 г. пекинские власти приняли решение о закрытии всех публичных домов в столице. 224 их владельца в течение 12 часов были арестованы, а 1288 женщин легкого поведения отправлены в исправительные лагеря или на «перевоспитание». Вслед за Пекином аналогичные мероприятия были проведены в Шанхае, Тяньцзине, Ухане, Нанкине и других крупных городах страны; было обследовано около 8400 притонов, их владельцы арестованы.

1 мая 1950 г. правительство обнародовало «Закон Китайской Народной Республики о браке», который стал первым законодательным актом Нового

Китай. «Уничтожается феодальная система брака, осуществлявшая деспотизм и насилие, основывавшаяся на господстве мужчины над женщиной и игнорировании интересов детей, – говорилось в его общих положениях. – Вводится в действие новая демократическая система брака, основанная на свободном выборе вступающих в брак, единобрачии, равных правах мужчин и женщин и охране законных интересов женщин и детей». Запрещалось двоеженство, взятие наложниц, принятие в семью малолетних девочек в качестве невест для сыновей, вымогательство денег и подарков в связи со вступлением в брак; не разрешалось препятствовать вдовам повторно вступать в брак (ст. 2). Право на вступление в брак мужчины получали по достижении 20 лет, женщины – 18 лет (ст. 4).

Кампания по борьбе против «трех зол» и «пяти злоупотреблений»

В борьбе за овладение командными высотами в экономике руководство страны столкнулось с проблемой коррупции, расточительства и бюрократизма государственных служащих. КПК развернула движение против этих «трех зол» (*сань фань*). Впервые Мао Цзэдун заявил о необходимости борьбы с ними 20 ноября 1951 г. Соответствующее решение ЦК КПК было принято 1 декабря 1951 г., а 31 декабря оно было оглашено на расширенном совещании кадровых работников в Пекине. Руководить кампанией было поручено министру финансов Бо Ибо. Через 10 дней подверглись критике ведомства, где кампания разворачивалась слишком медленно. 1 января 1952 г. на коллективном праздновании правительством Нового года в Чжуннаньхае Мао Цзэдун в новогоднем поздравлении призвал весь народ страны подняться на широкомасштабную кампанию борьбы с коррупцией, расточительством и бюрократизмом.

Особый упор был сделан на борьбе с попытками буржуазии коррумпировать государственный аппарат, прежде всего органы контроля над экономикой.

Систематические и зачастую безнаказанные нарушения законов предпринимателями и торговцами наносили весьма ощутимый ущерб государству. В 1951 г. прибыль буржуазии, полученная от разного рода злоупотреблений и махинаций, составляла половину всей прибыли частнокапиталистического сектора. Только частные торговые предприятия Тяньцзиня, Гуанчжоу, Циндао, Чунцина и Уханя, уклоняясь от уплаты налогов, задолжали государству 252,5 млн юаней.

Одной из самых распространенных форм коррупции был прямой подкуп должностных лиц, направленный на разложение государственного аппарата, ослабление его контроля над частным сектором в экономике.

В ходе широкой кампании, в которой приняли участие свыше 3 млн 830 тыс. гражданских кадровых работников выше уездного уровня, было обнаружено, что около 80% работников госаппарата в разной степени замешаны

в различных махинациях. Было выявлено около 100 тыс. человек, замешанных в хищениях на сумму более 10 млн юаней. Общая сумма хищений оценивалась в 6 млрд юаней.

5 января 1952 г. Мао Цзэдун на докладе Пекинского горкома партии о борьбе против «трёх зол», присланном в ЦК КПК, поставил резолюцию, предписывавшую особо энергично проводить эту кампанию в Тяньцзине, Циндао, Шанхае, Нанкине, Гуанчжоу, Ухане, Чунцине, Шэньяне и других крупнейших городах. Он считал, что движение следует завершить в основном в течение двух–трех месяцев.

1 февраля 1952 г. в Пекине был проведен показательный процесс над семью крупными коррупционерами, двое из них были приговорены к смертной казни. 10 февраля временный трибунал народного суда пров. Хэбэй устроил показательный процесс над двумя секретарями парткомов Тяньцзиньского окружного комитета КПК Лю Циншанем (член партии с 1931 г.) и Чжан Цзышанем (член партии с 1933 г.), которые, злоупотребив служебным положением, использовали на незаконную хозяйственную деятельность 1 млн 710 тыс. юаней, отпущенных на строительство аэродрома, ирригационные работы и другие нужды. В декабре 1951 г. они были исключены из партии, а в феврале 1952 г. приговорены к смертной казни. Некоторые предлагали, учитывая старые заслуги и высокое положение обвиняемых, отменить смертный приговор и отправить их на трудовое перевоспитание. Мао Цзэдун выступил против, заявив, что именно с учетом их положения, заслуг и влияния они и заслуживают казни, ибо «это спасет жизнь 20, 200, 2000, 200000 кадровых работников, совершивших разные по степени тяжести ошибки». Смертный приговор был утвержден Верховным судом КНР и приведен в исполнение. Всего в Тяньцзине только за четыре дня в результате проверок в сфере промышленности и торговли было выявлено более 6115 коррупционных дел. В Шэньяне в коррупции, по данным следствия, были замешаны 3629 кадровых работников.

По всей стране в государственных и партийных органах от уровня уезда и выше было выявлено более 108 тыс. «коррупционеров, незаконно присвоивших от 1000 юаней и более, из них получили наказание от 3,64% до 4,5%, сняты с работы 20,8%. В результате кампании, по официальным данным, которые представляются несколько заниженными, различные сроки тюремного заключения получили 9942 крупных расхитителя, осуждены на пожизненное заключение 67 человек, расстреляны 42 человека и девяти преступникам смертная казнь была отсрочена. Однако Мао Цзэдун был недоволен количеством репрессированных и требовал увеличить число осужденных.

Уже в ходе кампании «против трех зол» ЦК КПК 26 января 1952 г. обнародовал новое указание с требованием в первую очередь в крупных и средних городах развернуть, «опираясь на рабочий класс в союзе с лояльной буржуазией», широкую кампанию борьбы против «пяти злоупотреблений» (*у фань*): взяточничества и подкупа должностных лиц, уклонения от уплаты налогов, недобросовестного отношения к государственным заказам, присвоения государственного имущества, хищения у государства экономической

информации с целью наживы. Таким образом, кампании «против трех» и «против пяти злоупотреблений» были объединены. Из рабочих, кадровых работников, интеллигенции и работников торговли формировались «рабочие отряды» и «группы обследования», которые направлялись на частные предприятия.

В ходе кампании было установлено, что три четверти предпринимателей уклонялись от уплаты налогов и что около 5% от общего числа капиталистов должны подвергнуться наказанию. Власти на местах подчас проявляли чрезмерное усердие при выполнении указаний Центра. Кампания принимала чрезвычайно острые формы, стали поступать сообщения, что среди получивших обвинения капиталистов некоторые кончают с собой. Центр решил послать функционеров для контроля над ситуацией на местах: так, министр финансов Бо Ибо был командирован в Шанхай, министр общественной безопасности Ло Жуйцин – в Гуанчжоу. По воспоминаниям Бо Ибо, по состоянию на 25 февраля 1952 г. в Шанхае было арестовано более 200 человек: 48 капиталистов покончили с собой, 34 человека умерли. Шанхайское налоговое управление предоставило данные о более чем 158 тыс. людей, которые с 1949 г. не доплатили налогов на общую сумму свыше 26 млн юаней, а шанхайский горком партии собрал материалы, изобличавшие 240 тыс. человек. Чжоу Эньлай прислал в Центр телеграмму о том, что в Ухане организаторы кампании явно «хватают через край» и следует проводить более тщательную проверку обвинительных материалов.

Движение «против пяти злоупотреблений» продолжалось около шести месяцев. 13 июня 1952 г. Государственный административный совет КНР обнародовал указание о завершении этой кампании.

По официальным данным, из общего количества лиц, занятых в сфере промышленности и торговли, соблюдали законы от 10 до 15%; те, кто «наполовину соблюдали, а наполовину нарушали законы», составляли 25–30%; «серьезно нарушали законы» 4%, а «полностью» пренебрегал существовавшим законодательством 1%.

Как утверждалось в докладе, направленном в ЦК КПК 25 октября 1952 г. по случаю завершения кампании, в пяти крупных районах Китая (Северном, Северо-Восточном, Северо-Западном, Центральном-Южном и Юго-Западном), насчитывавших более 70 городов, движением было охвачено свыше 999 тыс. семей промышленников, 1,5 тыс. злоумышленников подверглись арестам, 19 человек были приговорены к смертной казни. С предпринимателей были взысканы значительные средства в качестве компенсации за похищенное государственное имущество, выплаты задолженностей по налогам, штрафы и стоимость конфискованного имущества составили 1,7 млрд долл. – сумму по тем временам астрономическую.

Данная кампания являлась прямым наступлением на частный капитал. Важнейший экономический эффект движений против «трех зол» и «пяти злоупотреблений» Чэнь Юнь, занимавший тогда посты председателя Всекитайской федерации профсоюзов и заместителя премьера Государственного административного совета, определил как еще один шаг к переводу

частнокапиталистических предприятий на рельсы госкапиталистического развития. Одновременно с попытками успокоить буржуазию заверениями в том, что частные торговля и промышленность отнюдь не являются бесперспективными, экономическая деятельность буржуазии ставилась под жесткий контроль Центра, что снимало вопрос о ее прямом воздействии на социально-политическую ориентацию нового строя и во многом предопределяло пути и методы экспроприации частного капитала в дальнейшем. Кампании борьбы против «трех зол» и «пяти злоупотреблений» серьезно ослабили национальную буржуазию не только экономически, но и политически. Были созданы предпосылки для усиления влияния государственного сектора на экономику. Однако практика показала, что репрессивные меры привели к сокращению экономической активности буржуазии, что сказалось на объеме промышленного производства Китая в целом. Историки КНР впоследствии признавали, что в ходе этих кампаний были допущены «определенные перегибы».

Вместе с тем принятые меры способствовали все более уверенному контролю правительства над экономической ситуацией в стране. К концу 1952 г. большинство отраслей народного хозяйства превысили наивысший уровень производства, достигнутый до 1949 г., была преодолена инфляция, стабилизированы цены, стала улучшаться жизнь народа (средняя заработная плата рабочих за три года достигла 446 юаней в год, что было на 70% выше уровня 1949 г., реальные доходы крестьян за то же время выросли на 30%). Постепенно решалась проблема безработицы. Количество рабочих и служащих увеличилось в 1952 г. по сравнению с 1949 г. с 8 до 16 млн человек.

Таким образом, власти потребовалось всего три года, чтобы в основных чертах восстановить народное хозяйство, укрепить новый строй, подавить контрреволюцию, создать довольно эффективный административный аппарат. Заметно укрепилось влияние государственного сектора в экономике, доля же частнокапиталистического сектора упала с 48,7% в 1949 г. до 30,7% в 1952. Была создана единая многоотраслевая система государственной торговли. Ее удельный вес в общем объеме розничного товарооборота вырос с 14,9% в 1950 г. до 34,4% в 1952 г.

Одновременно проведенные кампании способствовали очищению органов власти от бюрократов, казнокрадов и взяточников, в государственные учреждения влились 3,31 млн новых кадров (57,7% от этого числа, т.е. 1,73 млн человек, составили активисты массовых движений и аграрной реформы). Другим источником кадрового состава продолжали оставаться КПК и армия – они поставили 1,2 млн человек, или 40% нового пополнения. Меньшая часть кадровых работников была подготовлена из представителей старой интеллигенции. Острой оставалась проблема низкой профессиональной подготовки новых кадров, большинство из них прошло лишь краткосрочное обучение. Число специалистов – выпускников вузов в 1950–1952 гг. было весьма скромным – всего 66 тыс., или 2,2% кадровых работников. Учитывая потребность в обученных кадрах, власть поставила вопрос об обеспечении лояльности ей образованных слоев общества.

«Перевоспитание» интеллигенции

С осени 1951 по осень 1952 г. в Китае проходила кампания по «идейному перевоспитанию интеллигенции». Сигнал к ее началу был дан Мао Цзэдуном. Выступая на открытии 3-й сессии НПКСК 1-го созыва в октябре 1951 г., он заявил, что такое перевоспитание является «одним из важных условий для полного осуществления демократических преобразований во всех областях и для постепенной индустриализации страны».

В начальный период существования КНР среди интеллигенции, особенно старшего поколения, были весьма сильны патриотические настроения. Значительное число ее представителей, добившихся успеха на научном поприще, не хотело покидать родину после поражения Гоминьдана, а осталось на материке.

Более 2500 человек, выехавших за границу на работу и учебу до 1949 г., в 50-х годах вернулись в Китай. Среди них были такие известные деятели культуры и науки, как писатель Лао Шэ, ученый Ли Сыгуан и другие. Они надеялись на осуществление своих идеалов в Новом Китае.

Власти усилили работу, направленную на эти слои общества, используя такой повод, как празднование в 1951 г. 30-й годовщины КПК и выход в свет первых томов «Избранных произведений» Мао Цзэдуна.

1 июня 1951 г. руководителем старейшего в стране Пекинского университета стал видный ученый Ма Иньчу. При поддержке других руководителей вуза он решил организовать и провести в университете во время летних каникул курсы политической учебы для преподавателей и сотрудников продолжительностью около 40 дней. Участники курсов добровольно должны были пройти идеологическое перевоспитание, чтобы еще «лучше служить народу».

3 сентября Ма Иньчу доложил премьеру Чжоу Эньлаю о состоянии политической учебы в университете. Он предложил сделать университет «экспериментальным полем», успехи на котором могли бы дать возможность распространить полученный опыт по всей стране. Чжоу Эньлай посоветовал собеседнику изложить свои предложения в письменной форме для доклада Мао Цзэдуну. 7 сентября 1951 г. Чжоу Эньлай получил письменный отчет, в котором говорилось, что 12 известных профессоров Пекинского университета, откликнувшись на призыв партии, выступили инициаторами движения за организацию политической учебы для университетских преподавателей. В отчете предлагалось пригласить для выступлений перед обучаемыми представителей высшего руководства страны: Мао Цзэдуна, Лю Шаоци, Чжоу Эньлая, Чжу Дэ, Дун Биу, Чэнь Юня, Пэн Чжэня, Лу Диньи и Ху Цяому.

Это послание было передано Мао Цзэдуну, который в ответном письме от 11 сентября 1951 г. сообщал, что «такой вид учебы очень хорош, можно попросить нескольких товарищей выступить», но сам он «приехать не может». Реакция на письмо была незамедлительной. ЦК КПК решил, что опыт такого рода политической учебы необходимо распространить на все вузы страны, и в первую очередь – на 20 ведущих университетов Пекина и Тяньцзиня.



Мао Цзэдун и Чжоу Энълай. Август 1952 г.

Ответственными за развертывание движения были назначены секретарь Пекинского горкома КПК, член Центрального народного правительственного совета Пэн Чжэнь и личный политический секретарь Мао Цзэдуна Ху Цяому. Для руководства осуществлением кампании была создана группа из пяти человек. В качестве материалов для изучения были определены работы классиков марксизма-ленинизма и Мао Цзэдуна. Целью создания руководящей группы была объявлена отработка образца проведения такого рода кампаний. Рекомендовались такие методы учебы, как заслушивание докладов, чтение руководящих документов, оценка соответствия личных взглядов и обстановки в учебном заведении этим документам, развертывание широкой критики и самокритики.

По поручению ЦК КПК 29 сентября 1951 г. был создан семинар преподавателей вузов, в котором приняли участие более 3 тыс. человек. С докладом «К вопросу о перевоспитании интеллигенции» выступил премьер Государственного административного совета Чжоу Энълай. Он подчеркнул важность проведения четкой грани между «врагами» и «друзьями», подверг критике идейное воздействие, которое оказывает на общество, в первую очередь на интеллигенцию, империализм, феодализм и компрадорская буржуазия, призвал представителей интеллигенции, придерживающихся национально-патриотических взглядов, стремиться к тому, чтобы твердо встать на позиции пролетариата.

Опыт занятий, организованных для преподавателей вузов Пекина и Тяньцзиня, был распространен в высших и средних учебных заведениях по всей стране. Постепенно кампания перерастала в движение идеологического перевоспитания интеллигенции в масштабах Китая.

Начиная с 23 октября 1951 г., центральные газеты «Жэньминь жибао», «Гуанмин жибао» и местные — «Тяньцзинь жибао», «Цзиньбу жибао» и др., открыли специальную колонку, где печатали статьи с самокритикой известных представителей интеллигенции.

7 января 1952 г. руководство страны издало уведомление о «Решении относительно развертывания движения в целях идеологического перевоспитания представителей различных кругов населения», в котором выдвигалось требование к местным властям взять на себя ответственность за организацию и руководство мобилизацией интеллигенции на изучение марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, политики партии, критику и самокритику.

Движение в основном было завершено к осени 1952 г. Всего по стране учебой было охвачено, по официальным данным, 91% профессорско-преподавательского и 80% студенческого состава вузов, а также 75% преподавателей средних учебных заведений Китая.

В ходе этого движения были достигнуты «положительные результаты»; в то же время имели место недочеты и упущения. Они в основном сводились к тому, что «в процессе критики идеологического порядка применительно к отдельным проблемам неправильно разграничивалось истинное и ложное». В некоторых учреждениях использовались «грубые приемы и методы борьбы, наносившие определенным лицам душевные травмы».

Помимо общекаитайских кампаний почти в то же время было организовано внутрипартийное «движение по исправлению стиля». Уже 1 мая 1950 г. ЦК КПК принял решение «об упорядочении стиля», развернув в стране крупномасштабную кампанию, подобную кампании по «упорядочению стиля работы» (*чжэньфэн*), проходившей в 1942–1945 гг. По замыслу руководителей, кампания должна была изменить образ мыслей части членов партии, особенно городской интеллигенции, и в первую очередь тех, кто обучался на Западе и «проникся буржуазными идеями», а также очиститься от тех, кто не желал менять свои взгляды. По данным на июль 1953 г., в течение трех лет из КПК было «вычищено» более 238 тыс. человек, более 90 тыс. «добровольно» вышли из партии. За тот же период в нее было принято около 1 млн 70 тыс. новых членов.

Политика КПК в области идеологического воспитания во все большей степени строилась на пропаганде «идей Мао Цзэдуна». За несколько лет пропагандистские органы КПК от заявлений о том, что Мао Цзэдун «соединил марксизм-ленинизм с конкретной практикой китайской революции», перешли к выдвиганию его в один ряд с основоположниками марксизма-ленинизма. В марте 1950 г. в Пекине был переиздан отдельной книгой доклад Лю Шаоци «О партии», с которым тот выступил на состоявшемся в 1945 г. VII съезде КПК. В специальном разделе, посвященном теоретическим достижениям Мао Цзэдуна, говорилось о задаче «систематической пересадки марксизма на китайскую почву», об облачении «марксизма из его европейской формы



*Справа налево: Чжу Дэ, Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай
на Первомайской демонстрации в Пекине. 1952 г.*

в форму китайскую». Лю Шаоци характеризовал «теоретические достижения Мао Цзэдуна» как «дальнейшее развитие марксизма в национально-демократической революции», «один из лучших образцов национальной формы марксизма». К 30-й годовщине КПК, в июле 1951 г., политический секретарь Мао Цзэдуна Чэнь Бода издал книгу «Идеи Мао Цзэдуна – соединение марксизма-ленинизма с китайской революцией». К той же дате был приурочен выход книги Ху Цяому «Тридцать лет Коммунистической партии Китая», в которой вся история революционной борьбы КПК освещалась сквозь призму личной деятельности Мао Цзэдуна. В сентябре 1951 г., апреле 1952 г. и апреле 1953 г. в КНР были выпущены заново отредактированные три тома «Избранных произведений» Мао Цзэдуна, охватывающие его работы, написанные в период с 1926 г. по август 1945 г. Издание трехтомника способствовало формированию образа Мао Цзэдуна как теоретика и пропагандиста коммунистического учения мирового масштаба.

Постепенно в партии углублялся культ личности Мао Цзэдуна, что сопровождалось насаждением авторитарных методов руководства, игнорированием норм внутрипартийной демократии. Идеологические проработки и массовые репрессии становились привычными формами политической практики.

Корейская война

25 июня 1950 г. по инициативе северокорейского лидера Ким Ир Сена армия Корейской Народно-Демократической Республики вторглась на территорию Республики Корея с целью создания единого государства под властью коммунистов.

Ким Ир Сен, готовясь к войне, тайно прилетел в Москву и с 30 марта по 25 апреля 1950 г. трижды встречался с И.В. Сталиным. Он заверял Сталина в том, что Мао Цзэдун неоднократно обещал помочь Северной Корее, в том числе войсками, после завершения китайской революции.

Годом ранее, в конце апреля 1949 г., в Китае находился член ЦК Трудовой партии Кореи, начальник Политуправления Корейской народной армии Ким Ир, который имел четыре встречи с Чжу Дэ и Чжоу Эньлаем и одну с Мао Цзэдуном. Ким Ир Сен просил от имени ЦК ТПК в случае необходимости передать правительству Северной Кореи три корейские дивизии, имевшиеся в составе НОАК. Мао Цзэдун согласился передать сначала две корейские дивизии, дислоцировавшиеся в Маньчжурии, с полным вооружением, а третью дивизию – после окончания боев на Юге Китая. Рассуждая о будущей корейской войне, Мао Цзэдун отметил, что она может быть молниеносной или затяжной. «Для вас – сказал он, – затяжная война невыгодна, так как в этом случае могут ввязаться японцы и оказать помощь южнокорейскому “правительству”. Вам беспокоиться не следует: рядом Советский Союз, мы в Маньчжурии. В случае необходимости мы можем подбросить вам китайских солдат; все черные, не разберут». Мао Цзэдун сообщил также, что в КНР «подготовлено 200 офицеров, которые проходят дополнительное обучение и через месяц могут быть отправлены в Корею. Если возникнет война между Северной и Южной Кореей, мы также готовы дать все, что в наших силах, в особенности для указанных дивизий (продовольствие и вооружение). Наступление Северной Кореи на Юг можно было бы предпринять, если этому будет благоприятствовать международная ситуация в начале 1950 года. Тогда в случае вступления в Корею японских войск мы сумеем быстро перебросить свои отборные войска и разгромить японские силы».

Сталин предупредил Ким Ир Сена, что ему не стоит рассчитывать на прямое участие СССР, посоветовав обратиться к Мао Цзэдуну. Мао Цзэдун же рассчитывал укрепить свое воздействие на Северную Корею, а также заставить США больше считаться с ним на мировой арене, а также в двусторонних китайско-американских отношениях.

7 июля 1950 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию, внесенную Англией и Францией, в соответствии с которой в Южной Корее создавались вооруженные силы ООН под командованием американского генерала Д. Маккартура для противодействия наступлению войск КНДР на Южную Корею. США, Англия, Франция и 13 других стран направили свои войска в Корею под флагом ООН. 6 декабря 1950 г. делегации США и некоторых других стран внесли на обсуждение Генеральной Ассамблеи вопрос об «интервенции Центрального народного правительства Китайской Народной Республики



Мао Цзэдун и Ким Ир Сен. Июнь 1951 г.

в Корею», добившись включения его в повестку дня. 20 января 1951 г. делегация США внесла в Политический комитет Генеральной Ассамблеи свой проект резолюции по корейской проблеме, где КНР объявлялась «агрессором». 1 февраля 1951 г. Генеральная Ассамблея одобрила американскую резолюцию и поручила комитету по дополнительным мероприятиям, в составе представителей 14 стран во главе с представителем США, обсудить дальнейшие шаги, необходимые для противодействия «агрессии», и представить доклад Генеральной Ассамблее. СССР заседание Совета Безопасности бойкотировал, отозвав своего представителя в ООН Я.А. Малика.

Войска ООН, высадившись в тылу наступавшей северокорейской армии, вмешались в военные действия. Разгромив армию Ким Ир Сена, объединенные войска пересекли 38-ю параллель, заняли Пхеньян и приблизились к границам Китая. США начали совершать воздушные налеты на территорию КНР, с 27 августа по 10 ноября 1950 г. их самолеты 90 раз нарушили воздушные границы северо-восточных провинций Китая.

Мао Цзэдун, учитывая неоднократные просьбы Ким Ир Сена о помощи, и опасаясь, что военные действия, ведущиеся в непосредственной близости от северо-восточных границ Китая, в любой момент могут быть перенесены на его территорию, после бурных дискуссий в Политбюро ЦК КПК принял решение о вступлении в войну в Корею.

На тот момент китайская армия значительно уступала вооруженным силам западных государств в техническом отношении. К октябрю 1950 г. в рядах НОАК насчитывалось 4 млн 45 тыс. 219 человек. Пехота составляла 90% численности армии, она была вооружена трофейным оружием разных систем. В ее составе насчитывалось 13 зенитно-артиллерийских частей и соединений, из них 10 полков были сформированы недавно. Противотанковой артиллерии в составе НОАК не было. Армия располагала 7074 орудиями, включая мелкокалиберные и безоткатные. Имелось две бронетанковых дивизии, насчитывавших 533 танка устаревших типов. Военно-воздушные силы НОАК находились в зачаточном состоянии, была сформирована лишь одна смешанная авиационная бригада и одна авиадесантная бригада. Самолетный парк, состоявший из 551 машины, большей частью технически устарел. Военный флот, насчитывавший 154 корабля, предназначался в основном для несения службы на реках и в прибрежных водах. Значительную долю личного состава ряда военных частей составляли бывшие военнослужащие гоминьдановской армии (до 50–60%).

Повысить боеспособность НОАК позволяло сотрудничество с СССР. Еще летом–осенью 1949 г. китайская сторона обратилась к Советскому Союзу с просьбой помочь создать в течение года китайскую военную авиацию, имеющую на вооружении 300–350 самолетов, а также содействовать созданию ВМФ Китая. Было получено принципиальное согласие советской стороны на оказание помощи Китаю в создании флота и авиации, а также в подготовке военных кадров. Быстрее всего результаты этого сотрудничества проявились в области военной авиации. В июле 1951 г. в Китае было уже 1050 самолетов, а к концу 1955 г. – более 2000, включая реактивные истребители МиГ-15 и МиГ-17, а также реактивные бомбардировщики Ил-28.

19 октября 1950 г. корпус китайских народных добровольцев (дословно: Армия Добровольцев Народа Китая), как он официально именовался, численностью в 260 тыс. человек, состоявший из четырех армий и трех артиллерийских дивизий, под командованием Пэн Дэхуая, неожиданно для американцев форсировал Ялуцзян. 25 октября 1950 г. он с ходу вступил в соприкосновение с противником и принял первый бой. В общей сложности КНР направила на Корейский полуостров около 1 млн солдат и офицеров. Примерно такое же количество китайских военнослужащих было послано в Корею на вспомогательные тыловые работы, транспортировку грузов и т.п. (по китайским данным, в войне в Корее участвовали 2900 тыс. человек). В боевых операциях участвовала и китайская авиация.

Американские ВВС за три года войны совершили 836877 самолетовылетов, сбросили 448366 тонн бомб и 36997 литров напалма (впервые использованного американской авиацией), выпустили 511329 реактивных снарядов и израсходовали 182829400 патронов.

В войне погибли около 9 млн корейцев, из них 84% – мирные жители, около 1 млн солдат и офицеров южнокорейской армии и «войск ООН», в том числе 54 тыс. американцев (по американским данным, США потеряли в корейской войне убитыми 33,6 тыс. человек, также 103,3 тыс. ранеными, 5,1 тыс. пленными и пропавшими без вести, всего 142 тыс.).

Война унесла жизни около 500 тыс. китайцев, в том числе старшего сына Мао Цзэдуна, Мао Аньина, который служил офицером-переводчиком с русского языка в штабе Пэн Дэхуая. Когда Пэн Дэхуай прибыл в Пекин и доложил Мао Цзэдуну о том, что не смог сберечь его сына, «Мао сгорбился, руки у него тряслись так, что не могли зажечь спичку. Несколько минут он сидел молча». «Ведя революционную войну, – наконец, подняв голову, проговорил Мао, – всегда платишь какую-то цену. Аньин стал одним из многих тысяч... Не стоит относиться к нему как-то иначе лишь потому, что он был моим сыном».

Общие потери советских частей и соединений, участвовавших главным образом в отражении воздушных налетов на территорию, контролировавшуюся северокорейскими и китайскими войсками, составили 299 человек, из них 138 офицеров, 161 сержант и солдат. В боях в небе Кореи погибли 120 советских летчиков. За мужество, отвагу и высокое мастерство 22 летчикам было присвоено звание героя Советского Союза.

27 июля 1953 г. противоборствовавшими корейскими сторонами было подписано соглашение о перемирии.

Война отвлекла колоссальные ресурсы от экономического развития КНР. В беседе со Сталиным в 1952 г. Чжоу Эньлай сообщил, что расходы на оборону Китая в тот период несколько превышали официально опубликованные данные. Так, в 1950 г. они составляли до 50% всего бюджета (по официальным данным – 41,5%), в 1951 г. – 52% (42,5%), в 1952 г. – 27,9% (26%). На корейскую войну, по китайским данным, КНР истратила 10 млрд долл.

Корейская война надолго закрыла путь для развития американо-китайских отношений. 27 июня 1950 г. президент США Г. Трумэн заявил, что «занятие Формозы коммунистическими войсками являлось бы прямой угрозой безопасности тихоокеанского театра и вооруженных сил Соединенных Штатов, исполняющих свои законные и необходимые функции в этом районе». Корабли 7-го флота США вошли в Тайваньский пролив с тем, чтобы «предотвратить любую атаку против Формозы».

Делегация США в ООН представила комитету по дополнительным мероприятиям проект резолюции о введении эмбарго на поставки в КНР и КНДР. Проект был принят 14 мая 1951 г. и передан на рассмотрение в Генеральную Ассамблею, которая 18 мая приняла резолюцию 500-V «Дополнительные мероприятия, которые должны быть проведены для сопротивления агрессии в Корее». Она обязывала каждое государство – члена ООН ввести эмбарго на ввоз в КНР и КНДР оружия, военного оборудования, средств транспорта, стратегических материалов и т.д. Список координационного «Китайского комитета» (ЧИНКОМ), призванного осуществлять контроль и наблюдение за экспортом товаров в КНР, КНДР и ДРВ, включал 475 наименований товаров, запрещенных к вывозу в эти страны.

Правительство КНР взяло под свой контроль все имущество правительства США и американских предприятий в Китае и в срочном порядке заморозило банковские счета государственных и частных организаций США в своей стране (в первый год существования КНР в стране продолжали функционировать такие влиятельные промышленные, коммерческие и финансовые компании

американцев, как Шанхайская электрокомпания, Шанхайская телефонная компания, заводы и фабрики «Стандарт вакуум ойл компани» и др.). Реквизированное имущество иностранных компаний перешло в собственность государства. Было запрещено создание школ иностранными гражданами. В 1952 г. государство национализировало все миссионерские учебные заведения. Кроме того, правительство КНР аннулировало все особые экономические права этих иностранных государств, поставило под свой контроль таможенные органы страны, взяло в свои руки рычаги управления внешней торговлей и валютного регулирования.

Таким образом, в его руках сосредоточились принадлежащие ранее бюрократическому и иностранному капиталу крупнейшие современные заводы и фабрики, шахты, рудники, электростанции, вся железнодорожная сеть и авиационный транспорт, внешняя торговля и телеграф.

Но сами по себе эти меры не могли существенно улучшить ситуацию в экономике страны. Большое значение для КНР имела поддержка со стороны СССР, который стал основным покупателем китайских товаров. КНР, учитывая номенклатуру и качество ее товаров, было трудно пробиться на мировые рынки и выдержать конкуренцию даже со стороны развивающихся стран. Тесные экономические связи с социалистическими странами, и в первую очередь с СССР, позволили КНР в значительных количествах экспортировать сельскохозяйственное и промышленное сырье, а также другие товары по выгодным для нее ценам.

Аграрная реформа

В первые годы после образования КНР в стране существовала многоукладная экономика. Государственный сектор экономики, образовавшийся в результате национализации собственности бюрократического и японского капитала и занявший преобладающие позиции в тяжелой промышленности, транспорте, финансах и внешней торговле КНР, не мог обеспечить основные потребности народного хозяйства. При том, что в деревне проживало подавляющее большинство населения страны, там еще сохранялись пережитки феодальных, полуфеодальных и даже дофеодальных отношений, преобладало мелкотоварное производство.

В июне 1950 г. прошел 13-й пленум ЦК КПК 7-го созыва, поставивший целый ряд задач по укреплению экономического положения государства. Намечалось за три года или несколько более длительный срок завершить аграрную реформу (был обсужден и одобрен проект соответствующего закона), провести «рациональное упорядочение» в промышленности и торговле, урегулировать отношения между государственным и частным секторами народного хозяйства, значительно сократить расходы на содержание государственного аппарата и преодолеть инфляцию.

Аграрная реформа, необходимость завершения которой констатировалась в решениях пленума, к тому времени уже шла полным ходом. С зимы 1950 г. по весну 1953 г. она осуществлялась в деревнях «новых освобожденных районов», в которых проживало свыше половины общей численности населения КНР, а в «старых освобожденных районах» она была проведена раньше, затронув 125 млн крестьян – треть сельских жителей страны. В условиях тяжелой войны, в которую оказалась вовлечена КНР, аграрная реформа приобрела в равной степени политическую и экономическую значимость. Она стала самой крупной в истории Китая кампанией по осуществлению преобразований в деревне.

28 июня 1950 г. Центральный народный правительственный совет принял и 30 июня обнародовал Закон о земельной реформе Китайской Народной Республики. Он был разработан под руководством Лю Шаоци и представлен на рассмотрение правительства после обсуждения на пленуме ЦК КПК в июне 1950 г.

К моменту опубликования этого документа реформа была уже проведена в районах, сельское население которых составляло 156,8 млн человек. В Законе, ставшем главной правовой основой для проведения аграрной реформы, обобщались уроки, извлеченные партией из опыта предыдущих проведенных ею такого рода преобразований. Ст. 1 Закона гласила: «Помещичья собственность на землю, основанная на феодальной эксплуатации, отменяется и устанавливаются крестьянская собственность на землю, чтобы освободить производительные силы в сельском хозяйстве, развивать сельскохозяйственное производство и проложить путь к индустриализации нового Китая». Земля крупных арендодателей («помещиков») конфисковывалась. Конфискации подлежали также рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь, излишки зерна и излишние жилые строения. Помимо этого реквизировались земли храмов, в том числе фамильных, монастырей, церквей, школ и другие общественные земли.

Земля богатых крестьян («кулаков»), сдававшаяся ими в аренду, тоже реквизировалась, а та, что обрабатывалась силами семьи или наемными работниками, не изымалась. Конфискованные и реквизируемые земли, и имущество передавались в частную собственность малоземельным и безземельным крестьянам, причём распределение проводилось в соответствии с количеством едоков. На общих основаниях землю могли получить и бывшие «помещики».

Изменилась и политика в отношении «кулачества». Если прежде практиковались реквизиции у них земельных и имущественных излишков, то теперь обеспечивалась неприкосновенность земель, которые «кулаки» обрабатывали сами или с помощью наемной силы, а также прочего их имущества. «Принятая нами политика сохранения кулацких хозяйств, – говорилось в докладе Лю Шаоци на совещании Центрального народного правительственного совета 14 июня 1950 г., – является не временной политикой, а политикой, рассчитанной на длительный срок. Иными словами, хозяйства кулаков будут сохранены в течение всего периода новой демократии. Необходимость сохранения кулацких хозяйств отпадет только тогда, когда созреют условия для широкого использования машин в сельском хозяйстве, для организации колхозов и для

осуществления социалистических преобразований в деревне, а для этого потребуется довольно продолжительное время».

Что касается мелких арендодателей, то площадь земельных наделов, которые они могли сохранить за собой, была увеличена. Осуществление такой политики было направлено на обеспечение защиты «середняка», расслоение «класса помещиков», уменьшение противодействия ходу аграрных преобразований и умиротворение национальной буржуазии, что, в конечном счете, способствовало восстановлению и развитию производства в деревне. Закон создавал здоровый фундамент для подъема всего народного хозяйства страны.

Умеренный, реформаторский характер земельного закона, рассчитанного на постепенную реализацию, существенно отличался от предшествующей практики преобразований и законодательства КПК в деревне.

В апреле 1951 г. заместитель председателя Центрального народного правительственного совета Лю Шаоци подверг критике доклад Шаньсийского провинциального комитета КПК, в котором предлагалось «ослабить» частную собственность в деревне, вплоть до ее полного «отрицания». Он характеризовал такую позицию как «левый авантюризм», «ошибочную, авантюристическую, утопическую идеологию социализма в сельском хозяйстве».

Говоря о приоритетах в развитии экономики страны, Лю Шаоци в тот период неоднократно указывал, что в первую очередь следует восстанавливать и развивать аграрное производство. «Только добившись развития сельского хозяйства, можно иметь сырье и продовольствие, а промышленность может иметь рынок сбыта», — подчеркивал он. Развитие индустрии Лю Шаоци предлагал начинать с легкой промышленности, так как от нее можно быстро получить прибыль, и она не требует значительного капитала. А затем уже, развивая тяжелую промышленность, в первую очередь следует обратить внимание на развитие оборонной отрасли.

Осуществление земельного закона мыслилось руководителями КПК не как «мирная реформа», а как массовая политическая кампания, в которой самое активное участие должны принять парторганизации, местные органы власти, НОАК, а их опорой должны стать крестьянские союзы, в которые должно войти трудовое крестьянство. Одновременно руководство партии считало, что кампанию нельзя пускать на самотек, следует вооружить массы политически. Была подготовлена большая группа кадровых работников, из которых ежегодно формировались специальные рабочие отряды численностью около 300 тыс. человек, направлявшиеся в сельскую местность. Их деятельность поддерживалась на местах народными трибуналами с упрощенным делопроизводством и с правом выносить смертные приговоры. Нередко власти на местах сталкивались с пассивностью крестьян, их неготовностью к переделу земли, со значительным влиянием общинно-клановых структур, не позволявших социально изолировать сельских эксплуататоров.

Репрессировав несколько миллионов деревенских богачей, к весне 1953 г. властям удалось завершить земельную реформу. Более 300 млн крестьян

страны получили безвозмездно около 46,67 млн га конфискованной и реквизированной земли, большое количество средств производства. При этом у «помещиков» было конфисковано 37 из 40% принадлежавшей им пахотной земли, а у «кулаков» – 8 из 13%.

Больше всего от реформы выиграли беднейшее крестьянство, которое было освобождено также от ежегодной выплаты помещику ренты в размере 30–35 млн т зерна, а также активисты аграрных преобразований и местные кадровые работники.

За годы преобразований в сельском хозяйстве КНР наряду с такими хозяйственными укладами, как мелкотоварное единоличное крестьянское хозяйство, основанное на частной собственности на землю и средства производства, и так называемое кулацкое хозяйство, ведущееся на собственной или арендованной земле с использованием наемной рабочей силы, сложились кооперативное хозяйство и государственный сектор (в виде госхозов).

В сентябре 1951 г. в ЦК КПК было проведено Первое совещание по вопросам взаимопомощи и кооперации в сельском хозяйстве, результатом которого стал проект «Постановления ЦК КПК о взаимопомощи и кооперации в сельскохозяйственном производстве» (от 15 декабря 1951 г.), положенный в основу «Постановления о трудовой взаимопомощи и кооперации в сельскохозяйственном производстве», принятого ЦК КПК 15 февраля 1953 г.

В 1950 г. в стране насчитывалось 2729 тыс. групп взаимопомощи, включавших 11 млн крестьянских дворов (или 11% всех крестьянских дворов). К концу 1951 г. количество групп взаимопомощи возросло до 4670 тыс., которые включали в себя 19% всех крестьянских дворов в Китае. Подавляющее число таких групп приходилось на районы, где реформа была проведена еще до 1950 г. В 1952 г. этой простейшей формой кооперации было охвачено уже 45 млн крестьянских дворов, т.е. около 40% от общего количества, число их увеличилось до 8030 тыс. групп. Значительно медленнее росло число сельскохозяйственных производственных кооперативов. В 1952 г. в стране насчитывалось 3644 кооператива, объединявших 59029 крестьянских дворов. К 1954 г. число групп взаимопомощи достигло 9930 тыс., а кооперативов – 497 тыс.

В результате аграрной реформы, несмотря на поспешность и радикальные формы ее проведения, значительно повысилась урожайность и расширились посевные площади. Валовая продукция сельского хозяйства в 1952 г. не только превзошла уровень 1949 г., но и наивысший уровень в Китае до создания КНР. поголовье всех видов крупного скота возросло против 1949 г. на 27,4%, поголовье свиней – на 55,4%. Впервые за несколько десятилетий страна не зависела от импорта хлопка из-за границы.

Проведенные аграрные преобразования следовали в русле общей политики государства на укрепление своего контроля над народным хозяйством и ограничение политических возможностей имущих классов. В то же время собственность национальной буржуазии, а следовательно, и частнокапиталистический сектор хозяйства сохранялись. Государство не могло обойтись без предпринимательской активности частного капитала. Число частных промышленных предприятий к 1953 г. по сравнению с 1949 г. возросло со

123 тыс. до 150 тыс., а объем их продукции увеличился вдвое. Ко времени завершения восстановления народного хозяйства сложилось следующее соотношение трех основных секторов в промышленном производстве: в государственном секторе производилось 41,5% промышленной продукции, в кооперативном – 3,3%, в государственно-частном – 4%, в частном – 30,6% и в кустарном производстве – 20,6% продукции. В торговле наблюдалась схожая картина.

Экономические основы

До 1949 г. и в первые годы после образования КНР ее руководители неизменно отмечали несоциалистический характер того этапа китайской революции и, более того, подчеркивали, что переход к социалистическому этапу возможен только в отдаленном будущем.

Так, один из теоретиков КПК, Чжан Вэньтянь (с 1935 по 1937 гг. генеральный секретарь ЦК КПК; затем до 1940 г. главный руководитель ЦК), писал в то время о том, что, прежде чем приступить к построению социализма, китайскому обществу необходимо будет пройти этап капитализма, поскольку в стране еще не созрели условия для введения социалистических форм хозяйства.

В докладе Мао Цзэдуна на 2-м пленуме ЦК КПК 7-го созыва в Сибайпо (март 1949 г.), хотя и формулировалась задача «превратить Китай из аграрной страны в индустриальную и построить великое социалистическое государство», говорилось, что «после победы революции сначала будет 30–50 лет новодемократического общества, затем только можно будет заниматься социалистической революцией». Та же мысль о неизбежности длительного периода перехода к социализму и существования многоукладной экономики при господстве государственного сектора, о постепенности в социалистическом преобразовании сельского хозяйства, кустарной промышленности и частно-капиталистического уклада присутствовала в его статье «О демократической диктатуре народа» (июнь 1949 г.).

Эта точка зрения была подтверждена и в решениях 3-го пленума ЦК КПК 7-го созыва (июнь 1950 г.).

Отсутствие в «Общей программе» НПКСК ясно очерченной перспективы перехода в будущем к социалистическому строительству в КНР вызывало беспокойство некоторых руководителей партии и демонстрировало наличие в ней определенных разногласий по вопросу о характере государственного и политического строя, о стремлении части партийных кадров конституционно зафиксировать социалистическую ориентацию Китая.

«Во время обсуждения общих принципов, – отмечал в своем докладе на сессии НПКСК в 1949 г. Чжоу Энлай, – было высказано мнение, что, поскольку мы признаем, что новая демократия является переходной ступенью, и что мы определенно будем развиваться в направлении более высоких

ступеней – к социализму и коммунизму, то эта перспектива должна быть ясно отражена в общих принципах».

Стремление Мао Цзэдуна и его сторонников ускорить переход к социалистическому строительству коренилось в особенностях исторического опыта КПК. Основными чертами проводившейся ею в течение двух с лишним десятилетий социальной политики были ставка на военизацию всех форм общественной жизни, курс на самообеспечение населения минимумом самых необходимых продуктов и товаров, уравнительное распределение на предельно низком уровне потребления. К моменту прихода к власти КПК не имела опыта руководства народным хозяйством с помощью экономических рычагов. Зато она располагала значительным опытом управления полунатуральным и натуральным хозяйством политико-административными методами, что породило у ряда руководителей партии представление о всесиилии политических и административных рычагов как главного орудия переустройства общества и недооценку ими экономических законов.

На 3-м пленуме ЦК КПК 7-го созыва (июнь 1950 г.) те, кто считал необходимым как можно скорее «разделаться с капитализмом» и «ввести социализм», оказались в меньшинстве и подверглись критике. Ряд выступавших предлагали, ограничив сферу деятельности частного капитала, в то же время не отталкивать буржуазию, а использовать ее возможности для развития национальной экономики. В 1951 г. в руководстве страны уже разгорелись споры относительно темпов строительства новой экономики. Министр финансов Бо Ибо выступил против ускорения хода коллективизации. Его поддержал заместитель председателя Центрального народного правительства Лю Шаоци и некоторые другие руководители страны.

Но на сторону их оппонентов встал Мао Цзэдун. В сентябре 1952 г. Мао Цзэдун, выступая на совещании Секретариата ЦК КПК, заявил, что социализм «следует в основном построить в течение 10–15 лет, а не начинать переход к нему спустя 10 лет». При поддержке члена Политбюро Гао Гана, возглавлявшего партийную организацию Маньчжурии, и ряда других руководителей он начал борьбу за радикализацию методов социалистических преобразований. Особое значение придавалось скорейшему завершению коллективизации. Без этого, по мнению Гао Гана, «стихийное сползание крестьянства в капитализм» приведет к тому, что Китай через два–три года окажется от социализма дальше, чем в самом начале. Гао Ган следовал в этом за Мао Цзэдуном, который считал достигнутые к тому времени темпы кооперирования очень низкими и нетерпеливо требовал их ускорения, в то время как заместитель премьера Госсовета, заведующий Отделом ЦК КПК по работе в деревне Дэн Цзыхой и его сторонники в руководстве КПК, наоборот, рассматривали их как явное «забегание вперед».

Поводом для острого столкновения в руководстве КПК по вопросам социально-экономической политики стали проблемы реформирования налоговой системы.

Ее основания были заложены вскоре после образования нового государства. В январе 1950 г. Государственный административный совет (ГАС)

принял «Основные положения проведения общегосударственной налоговой политики». Это постановление положило начало созданию новой единой системы налогового обложения промышленности и торговли, что имело огромное значение для укрепления финансовой дисциплины, повышения роли налогов как источника доходов страны, создания прочной основы для развития государственного бюджета. В документе были определены виды налогов, подлежащие введению в КНР. В начале 1950 г. ГАС издал и другие документы по налоговой политике: «Временные правила о налоге на товары», «Постановление о таможенной политике и о работе таможен» от 27 января, «Временное положение о торгово-промышленном налоге», «Временные правила о сельскохозяйственном налоге в новых освобожденных районах» от 5 сентября, «Всеитайское положение о налогах и сборах» и др.

Единая налоговая система предусматривала 14 налогов общегосударственного и местного значения, которые должны были вводиться постепенно. Устанавливалось, что всякие изменения налогов, а также введение новых могли производиться только на основании постановлений центрального правительства.

Почти одновременно были созданы многоуровневые государственные налоговые органы, соответствующие административному устройству страны. Во главе их учреждалось Главное налоговое управление, входившее в министерство финансов.

В первую очередь были введены торгово-промышленный, товарный и соляной налоги. Подоходным налогом облагалась прибыль частных, смешанных (государственно-частных) и кооперативных предприятий. Государственные предприятия не уплачивали подоходного налога, поскольку они перечисляли в государственный бюджет практически всю полученную ими прибыль. Таким образом, налоговая система ставила в привилегированное положение государственный сектор и до некоторой степени ограничивала преобладавшие в промышленности и торговле частные предприятия.

В 1950 г. до 75% основных поступлений в казну составляли налоговые поступления от промышленности, торговли и сельского хозяйства. Поступления от налогообложения государственных производственных и непроизводственных предприятий достигали лишь 13,4% финансовых доходов, в том числе от промышленных предприятий – только 6,8%.

При установлении прогрессивного налогообложения на прибыль проводился курс на более низкое обложение производства по сравнению с торговлей и применялся дифференцированный подход к различным отраслям промышленности. Предлагавшиеся льготы стимулировали развитие, прежде всего, тяжелой промышленности, главным образом производства средств производства. Это делалось в виде скидки с подлежащего уплате налога. Так, наибольшей величиной скидки (40%) пользовались машиностроение, металлургия, нефтедобывающие предприятия, снижением на 30% – предприятия, производящие электрооборудование, шахты по добыче каменного угля, графита, квасцов и слюды, ряд химических предприятий пользовался скидкой в 20% и т.д.

Особое место в налоговой системе КНР занимал сельскохозяйственный налог. Его значение определялось его массовым характером, поскольку в роли плательщиков выступали все получатели доходов от сельского хозяйства. В первые годы после основания КНР этот налог носил ярко выраженный классовый характер. При взимании налога за единицу обложения принималось крестьянское хозяйство. Ставки налога строились по прогрессивной системе, причем в зависимости не от уровня доходности, а от классовой принадлежности плательщика. Так, с летнего урожая 1950 г. они были ограничены следующими размерами: для крестьян-бедняков – 10%, «середняков» – 15%, «кулаков» – 25%, «помещиков» – 50%. В особых случаях налог с «помещиков» разрешалось увеличивать до 80% урожая.

По мере проведения аграрных преобразований в «новых освобожденных районах» в систему сельскохозяйственного налога, основу которой составляли принятые в сентябре 1950 г. «Временные правила о сельскохозяйственном налоге в новых освобожденных районах», вносились корректировки, принятые соответствующими постановлениями правительства в июне 1951 г. и июле 1952 г. В связи с сохранением в деревне «кулацких» хозяйств сохранялась прогрессивная система налогообложения. Ликвидация «помещичьих» хозяйств, ослабление кулацких и улучшение положения бедняков и батраков привели к сокращению разрыва в доходах отдельных социальных групп в аграрном секторе. Поэтому в 1952 г. система сельскохозяйственного налога была несколько упрощена: она включала 24 ставки в диапазоне от 7 до 30%. По низшей ставке облагался среднегодовой доход в размере 75–99,5 кг зерна на душу, на высшей – доход в 975 кг зерна и выше. Необлагаемый минимум, как и ранее, составлял 75 кг зерна на человека в год.

Что касается «старых освобожденных районов», в которых осуществлялся уравнительный передел земли, и было ликвидировано как «помещичье», так и «кулацкое» землевладение, где основной фигурой в деревне стал «середняк», то здесь сохранилась пропорциональная система обложения сельскохозяйственным налогом (от 15 до 23% собранного урожая), впервые введенная еще до 1949 г. и различавшаяся, однако, по отдельным районам страны. За годы восстановительного периода социальная структура деревни не претерпела существенных изменений и принятая там система налогообложения сохранялась в течение всего этого периода.

С учетом слабости многих государственных предприятий и кооперативов, их налогообложение ставилось в зависимость от конкретной ситуации. Государственные промышленные и торговые предприятия при обмене товарами, как между собой, так и в своих филиалах не вносили налога, частные же платили налог. Новые снабженческие кооперативы на год освобождались от уплаты налога, государственные предприятия платили 2-процентный налог, вновь основанные кустарные предприятия и производственные кооперативы освобождались от налога на три года.

Но в декабре 1952 г. была предпринята попытка существенно изменить «классовый» характер налоговых установлений. Министр финансов Бо Ибо, с учетом предложений представителей торговых и промышленных кругов

и исходя из соображений увеличения налоговых поступлений и упрощения системы их сбора, предложил новую налоговую систему. Она исходила из «равенства государственных и частных предприятий» и ставила в равные условия все формы собственности. 31 декабря 1952 г. «Жэньминь жибао» выступила с передовой статьей «Активнее проводить измененную налоговую систему» и информацией о том, что руководство Всекитайской ассоциации промышленников и торговцев поддержало изменение налоговой системы. Государственный административный совет КНР под руководством Чжоу Эньлая одобрил эти предложения Бо Ибо, правда, без согласования с аппаратом ЦК КПК и Мао Цзэдуном. Это вызвало крайнее раздражение Мао Цзэдуна. В мае 1953 г. он подверг критике Лю Шаоци и заведующего Канцелярией ЦК КПК Ян Шанкуня за «самовольную» рассылку документов от имени ЦК КПК, которые не были просмотрены Мао Цзэдуном. «В дальнейшем все документы и телеграммы, идущие от имени ЦК, рассылать только после моего просмотра, **иначе они будут недействительны** (выделено в тексте Мао Цзэдуном)», – направил записку с серьезным внушением Мао Цзэдун. На всекитайском совещании по финансово-экономическим вопросам, официальное открытие которого состоялось 13 июня 1953 г., он обрушился на Бо Ибо и всех тех, кто его поддерживал, за «отход от генеральной линии», проявление «буржуазной идеологии» и «правоуклонистских» взглядов. В дальнейшем он подверг критике тех руководителей ЦК КПК, которые, с его точки зрения, «после победы демократической революции топчутся на месте. Они не понимают, что характер революции изменился». Мао Цзэдун подверг критике лозунг «прочно охранять частую собственность», назвав его «правым уклоном» (тогда как выдвижение этого лозунга имело целью успокоить крестьян-середняков – только в 1950 г. в сельских районах были убиты более 3 тыс. государственных служащих, собиравших с крестьян продовольственный налог). Критики новой налоговой системы утверждали, что она якобы «уменьшила бремя частных промышленных и торговых предприятий и увеличила налоговое бремя государственных и кооперативных», несла выгоду капиталистам и ущемляла интересы последних. Нападкам подверглись и ее разработчики, прежде всего Бо Ибо, «поддавшийся влиянию буржуазной идеологии», в которого, как заявил Мао Цзэдун, попал «духовный буржуазный снаряд в засахаренной оболочке». На совещании по финансово-экономическим вопросам с «самокритикой» выступили Лю Шаоци и Дэн Сяопин. Бо Ибо, объявленный «проводником буржуазной идеологии» и новой налоговой системы, «ведущей к капитализму», был вынужден в июле–августе 1953 г. несколько раз выступить с самокритикой. Выступивший с заключительным словом на совещании Чжоу Эньлай также осудил новую налоговую систему, вступившую в действие с января 1953 г. Вскоре она была упразднена.

События 1953 г., связанные с отменой новой налоговой системы и критикой тех партийных и государственных руководителей, которые считали необходимым длительный период перехода к социалистическому строительству, стали следствием тенденции, которая проявилась в 1951–1952 гг. Проявлением этой тенденции стало уже упомянутое заявление Мао Цзэдуна,



Лю Шаоци выступает с речью по случаю третьей годовщины подписания Договора между СССР и КНР о дружбе, союзе и взаимной помощи.
13 февраля 1953 г.

сделанное в сентябре 1952 г. о том, что «следует построить социализм в течение 10–15 лет, а не начинать переход к нему, спустя 10 лет», как думают некоторые. На ряде последующих экономических и политических совещаний высшего партийного руководства Мао Цзэдун подверг критике Лю Шаоци, Чэнь Юня, Бо Ибо, Дэн Цзыхоя и других, которые якобы «топчутся на одном месте» и препятствуют «скачку» к социализму. Разногласия в руководстве партии отразились на выработке в 1953–1954 гг. новой «генеральной линии» и разработке пятилетнего плана. В разработке и осуществлении этого плана содействие Китаю оказал Советский Союз. Успехи КНР были связаны с политической, экономической и научно-технической помощью, которую СССР предоставлял Новому Китаю.

Глава 2

Переход к социалистическому строительству. 1953–1956

«Генеральная линия». Конституция КНР

В обстановке острой полемики и сложного маневрирования, в результате непростых компромиссов руководство КПК выработало «генеральную линию» партии. Работа над ее основными формулировками в основном была завершена в июне 1953 г.

Вместе с тем обсуждение этих формулировок выявило различия во взглядах на перспективы политического и социально-экономического развития Китая. Так, на заседании Политбюро ЦК КПК 15 июня 1953 г. Мао Цзэдун подверг критике как «правооппортунистическую» концепцию «прочного установления новодемократического порядка», которую отстаивали Лю Шаоци, Бо Ибо и некоторые другие руководители партии и государства. Мао Цзэдун заявил: «Период, начиная с образования Китайской Народной Республики до завершения в основном социалистических преобразований, является переходным. Генеральная линия и генеральная задача партии в этот переходный период состоят в том, чтобы в течение 10–15 лет или немногим больше завершить в основном индустриализацию страны и социалистическое преобразование сельского хозяйства, кустарной промышленности, капиталистической промышленности и торговли. Эта генеральная линия служит маяком, освещающим все области нашей работы. Отходить от нее нельзя, отход ведет к лево- или правоуклонистским ошибкам».

9 августа 1953 г. Мао Цзэдун сформулировал генеральную линию в иной редакции: исчезло упоминание о конкретных сроках индустриализации и осуществления социалистических преобразований, было снято слово «постепенно» и на первый план вынесены «правоуклонистские ошибки» как наиболее опасные.

24 сентября того же года в «Призывах по случаю 4-й годовщины образования КНР» краткое содержание генеральной линии было доведено до населения страны. Была поставлена следующая генеральная задача партии на переходный период: «В течение длительного отрезка времени постепенно осуществить в основном индустриализацию страны и постепенно завершить в основном социалистические преобразования сельского хозяйства, кустарной промышленности, а также капиталистической промышленности и торговли». Эта формулировка и была включена в текст первой Конституции КНР (1954 г.). На решение генеральной задачи отводились 15 лет «или несколько больший срок».

Эволюция формулировок генеральной линии показывает, что дискуссия шла, во-первых, по вопросу о сроках проведения социалистической индустриализации и социалистических преобразований, во-вторых, о соблюдении

постепенности при их проведении, в-третьих, о том, какой из «уклонов» считать наиболее опасным при реализации генеральной линии. Наиболее опасным, как отмечалось выше, Мао Цзэдун считал «правый» уклон, воплощением которого для него стала политика «народной демократии», что свидетельствовало о намерении отказаться от нее.

В декабре 1953 г. ЦК КПК утвердил разработанный Отделом пропаганды документ «Бороться за мобилизацию всех сил для превращения нашей страны в великое социалистическое государство. Тезисы для изучения и пропаганды генеральной линии партии на переходный период». В этих тезисах неоднократно подчеркивалась важная роль и помощь СССР. «Нужно воспитывать народ всей страны в духе понимания того, – говорилось в тезисах, – что помощь нашей стране со стороны Советского Союза и стран народной демократии, могучее сплочение всего лагеря мира, демократии и социализма и миролюбивых народов всего мира, а также успешное развитие борьбы в защиту мира во всем мире – это непременное условие для победы дела строительства социализма в нашей стране».

Официально «генеральная линия» была утверждена на 4-м пленуме ЦК КПК 7-го созыва 10 февраля 1954 г. Однако поначалу она не была изложена в каком-либо руководящем партийном документе, за исключением «Тезисов». Они были изданы в качестве внутривнутрипартийного документа в январе 1954 г., а в открытой печати появились лишь через три года, в 1957 г.

Генеральная линия партии в переходный период получила название «одно движение» т.е. движение за постепенное осуществление социалистической индустриализации, и «три преобразования», т.е. социалистические преобразования в сельском хозяйстве, кустарной промышленности и капиталистическом промышленно-торговом секторе. Авторы формулировок генеральной линии исходили из необходимости признания принципов плановости и постепенности при ведении социально-экономической работы, выделения пятилеток как основного звена планирования.

Включение в документ указания на конкретные плановые сроки завершения первого этапа социалистических преобразований (три пятилетки) объективно было направлено на сдерживание волюнтаризма при планировании партийной и государственной стратегии. Генеральная линия закрепляла курс на длительное, постепенное, с использованием различных форм госкапитализма, преобразование частнокапиталистической промышленности и торговли. «Период от создания Китайской Народной Республики до построения социалистического строя, – говорилось в “Тезисах”, – есть исторический период перехода нашей страны от новодемократического общества к обществу социалистическому, то есть период превращения существующего капиталистического и мелкотоварного хозяйства в хозяйство социалистическое и расширение имеющегося в настоящее время социалистического хозяйства с тем, чтобы социалистическое хозяйство в основном стало единственной экономической базой нашей страны».

30 сентября 1952 г. Лю Шаоци во главе делегации КПК отправился в Москву для участия в XIX съезде КПСС. Во время съезда по поручению Мао



Лю Шаоци выступает с докладом о проекте Конституции КНР. 20 сентября 1954 г.

Цзэдуна Лю Шаоци написал Сталину письмо, в котором высказал соображения относительно созыва сессии ВСНП (т.е. о создании в КНР парламента и проведении выборов его депутатов) и выработки Конституции. Основываясь на мнении Сталина, Лю Шаоци получил возможность настаивать на начале выработки проекта Конституции КНР и проведении выборов в ВСНП. До того времени Мао Цзэдун планировал сделать все это несколько позднее, т.е. разработать Конституцию и созвать сессию ВСНП после того, как Китай в основном вступит в социализм.

В 1953–1954 гг. в КНР прошли многоступенчатые выборы в собрания народных представителей разных уровней, в том числе в высший орган государственной власти – Всекитайское собрание народных представителей. В сен-

тябре 1954 г. 1-я сессия ВСНП приняла первую в истории КНР Конституцию, которая провозгласила Китай государством народной демократии, основанном на союзе рабочих и крестьян, руководимом рабочим классом.

В условиях постепенного нарастания культа личности Мао Цзэдуна принципиальную важность приобретало включение в генеральную линию положения о необходимости развития внутрипартийной демократии, полного использования возможностей коллективного руководства, отрицательного отношения к выпячиванию роли отдельной личности. Помимо законодательного закрепления в Конституции КНР, генеральная линия нашла отражение в первом пятилетнем плане.

Социально-экономическая стратегия, сформулированная в генеральной линии партии, получила выражение и в изменениях, происходивших в политической структуре государства. Главными из них были отказ от военного управления и введение в стране системы органов государственного управления, предусмотренной еще в «Общей программе» НПКСК – системы собраний народных представителей разных ступеней. Кроме того, генеральная линия КПК нашла воплощение в первой Конституции КНР.

В декабре 1952 г. Постоянный комитет НПКСК провел расширенное совещание, на котором были обсуждены предложения ЦК КПК о проведении всеобщих выборов для избрания постоянных представительных органов –

Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) и местных собраний народных представителей, приняты решения о созыве этих органов. В январе 1953 г. ЦНПС принял решение о созыве, после проведения выборов на местах, собраний народных представителей всех уровней, а также о созыве на их основе сессии ВСНП.

11 февраля 1953 г. ЦНПС принял Закон о выборах. Он предусматривал многоступенчатые всеобщие выборы. Однако в целях усиления роли рабочего класса закон предоставил рабочим определенные преимущества. Согласно статье 20 этого закона провинции посылали в ВСНП одного депутата от 800 тыс. жителей, а города 1 депутата от 100 тыс. Предусмотренные законом многоступенчатые выборы органов власти в уездные, поселковые и волостные органы проходили с мая 1953 г. по май 1954 г. Они проводились на собраниях населения открытым голосованием. В июне–июле прошли сессии низовых собраний народных представителей, на которых были избраны депутаты в соответствующие провинциальные собрания. Те, в свою очередь, в июле 1954 г. избрали 1226 депутатов ВСНП, 17,31% которых составляли женщины. Всего было создано свыше 214 тыс. низовых представительных органов, куда было избрано около 5,669 млн человек. В выборах разного уровня участвовало 278 млн человек, т.е. 85,8% от 323,8 млн зарегистрированных избирателей КНР. В голосовании приняли участие 84% общего числа зарегистрированных женщин-избирателей.

13 января 1954 г. ЦНПС создал Комиссию по выработке проекта Конституции Китайской Народной Республики во главе с Мао Цзэдуном.

В марте 1954 г. Конституционная комиссия получила предложенный ЦК КПК первоначальный проект Конституции, который в течение двух месяцев обсуждался в Пекине и других крупных городах. В обсуждении приняли участие 8 тыс. представителей демократических партий и групп, народных организаций. Комиссия провела семь заседаний, на которых рассматривался проект Конституции, и вносились поправки. 14 июня 1954 г. проект был опубликован для всенародного обсуждения, которое так же продолжалось более двух месяцев. Всего во всенародном обсуждении проекта Основного закона, по официальным данным, приняли участие более 150 млн человек, было предложено около 5900 поправок. 9 сентября 1954 г. на заседании ЦНПС этот проект Конституции с внесенными в него поправками был обсужден и принят.

15 сентября 1954 г. в Пекине открылась 1-я сессия ВСНП 1-го созыва, которая 20 сентября после доклада Лю Шаоци о проекте Конституции КНР единогласно приняла Основной закон страны. «На протяжении новейшей истории в Китае длительное время шли споры по одному коренному вопросу: где выход для Китая – в капитализме или в социализме? – заявил Лю Шаоци. – Огромные преобразования, проведенные в нашей стране в течение последних пяти лет, дали на этот вопрос убедительный ответ. Прошедшие пять лет полностью подтверждают, что единственно правильным путем, по которому должна идти наша страна, является путь перехода от современного общества со сложной экономической структурой к обществу



На праздновании пятой годовщины КНР. 1 октября 1954 г.
Справа налево: Лю Шаоци, Н.С. Хрущев, Мао Цзэдун, Н.А. Булганин, Чжу Дэ,
Ким Ир Сен, Чжоу Эньлай

с единым социалистическим экономическим укладом, т.е. от новодемократического общества к социалистическому обществу».

Конституция в главе 1 определяла КНР как «государство народной демократии, руководимое рабочим классом и основанное на союзе рабочих и крестьян». «Вся власть в Китайской Народной Республике принадлежит народу в лице Всекитайского собрания народных представителей и местных собраний народных представителей», которые вместе с другими государственными органами «осуществляют систему демократического централизма».

В преамбулу ее текста вошла официальная формулировка генеральной линии партии: «Китайская Народная Республика, опираясь на государственные органы и общественные силы, путем социалистической индустриализации и социалистических преобразований обеспечивает постепенное уничтожение системы эксплуатации и построение социалистического общества». В отличие от «Общей программы НПКСК», дававшей гарантии частной собственности, Конституция объявляла «священной и неприкосновенной» именно общественную собственность.

В Конституции были сформулированы основные права и обязанности граждан. Она провозглашала равенство граждан КНР перед законом и национальное равноправие, формулировала социально-экономические права граждан (право на труд и т.п.), политические свободы, а также обязанности граждан. И хотя материальные гарантии социально-экономических прав носили в основном программный характер, рассчитанный на определенную перспективу, но сам факт их внесения в Конституцию имел большое историческое значение.

За неханьскими этносами (таких насчитывалось 56, и они составляли 35 млн человек, или 6% общей численности населения, площадь их компактного проживания достигала 60% территории страны) Конституция признавала право создания национальных автономных районов, округов или уездов, но не автономных республик (соответствующие меры были предусмотрены еще «Общей программой» НПКСК, а уже в августе 1952 г. правительство КНР обнародовало «Тезисы об осуществлении автономии в национальных районах КНР», где были более детально разработаны положения об автономии национальных районов, их политическом, экономическом и культурном развитии). Вопрос о праве наций на самоопределение был в Конституции обойден. К сентябрю 1956 г. в КНР было создано два автономных района: Внутренняя Монголия и Синьцзян-Уйгурский, 27 автономных округов и 43 автономных уезда. К 1958 г. были образованы Гуанси-Чжуанский и Нинся-Хойский автономные районы. В 1956 г. был учрежден Подготовительный комитет по образованию Тибетского автономного района, а сам район был официально создан только в 1965 г.

На 1-й сессии ВСНП были приняты также пять органических законов (Закон об организации Всекитайского собрания народных представителей КНР, Закон об организации Государственного Совета КНР, Закон об организации народного суда КНР, Закон об организации народной прокуратуры КНР, Закон об организации местных собраний народных представителей и местных Народных комитетов КНР), определявших структуру и принципы деятельности ВСНП, Госсовета КНР, местных собраний народных представителей и местных народных комитетов, судов и прокуратуры.

По Конституции КНР высшим органом государственной власти в стране, осуществлявшим законодательную власть, объявлялось ВСНП. Широкие полномочия и известная самостоятельность предоставлялась ПК ВСНП, который между сессиями выполнял функции высшего органа власти, его возглавил Лю Шаоци. Был введен пост председателя КНР, на который был избран Мао Цзэдун, его заместителем стал Чжу Дэ.

Место Государственного административного совета (ГАС) в новой системе государственных органов в качестве высшего административного органа занял Государственный совет (Госсовет), который возглавил Чжоу Эньлай.

Существенные изменения коснулись местных органов власти и системы судебно-прокурорских органов. Последние были выведены из подчинения местных исполнительных органов, т.е. народных комитетов. Судебные органы в отличие от прокурорских не утратили организационных связей с местными

институтами власти. Председатели судов всех ступеней избирались соответствующими представительными органами, а судьи назначались народными комитетами.

При выработке народно-хозяйственных планов и подготовке выборов в местные и центральные институты власти было необходимо иметь достоверную информацию о численности населения КНР. В 1953 г. была проведена первая в истории КНР всеобщая перепись населения. Она показала заметный рост населения страны. К концу 1953 г. его численность примерно равнялась 582,6 млн человек, а к концу 1954 г. она достигла 602 млн 660 тыс. По сравнению с 1949 г. прирост составил 60 млн 990 тыс. С 1949 г. правительство не придавало серьезного значения быстрому демографическому росту населения Китая. Увеличение численности населения рассматривалось как источник благосостояния страны. Население считалось производителем материальных благ, «ценным капиталом и гарантией быстрого построения социализма в Китае».

Отношение к ничем не сдерживаемому росту населения стало меняться после проведения переписи 1953 г. В стране росло понимание того, что быстрый рост населения страны может вызвать определенные экономические трудности и напряженное положение на рынке продовольствия и предметов первой необходимости. Первым поставил эту задачу заместитель премьера Госсовета КНР Дэн Сяопин. В августе 1953 г. он написал письмо в министерство здравоохранения КНР с просьбой «оказать помощь массам» в ограничении деторождения. 27 мая 1954 г. заместитель председателя Всекитайской федерации женщин Дэн Инчао (супруга Чжоу Эньлая) написала письмо Дэн Сяопину, где признавала быстрый рост населения страны и утверждала, что многие матери, имеющие детей, и вышедшие замуж женщины — молодые кадровые работники выражают желание прибегнуть к мерам по предупреждению беременности и тем самым ограничить деторождение. Она подчеркивала, что это дело нужное и этим процессом необходимо руководить. Дэн Сяопин поддержал Дэн Инчао. Министерство здравоохранения подготовило соответствующие рекомендации. На 1-й сессии ВСНП 18 сентября 1954 г. член Госсовета Шао Лицзы сделал доклад о необходимости принятия мер по ограничению рождаемости, подчеркнув, что многочисленность населения является источником множества серьезных общественных проблем. В то же время основным доводом докладчика в пользу ограничения рождаемости была охрана материнства и младенчества в период перехода к социализму. Докладчик утверждал, что мотивы его выступления не имеют ничего общего с мальтузианством.

В 1954 г. Лю Шаоци предложил ограничивать рождаемость, установить контроль над численностью населения. В 1956 г., после того, как был раскритикован известный ученый, ректор Пекинского университета Ма Иньчу, выступавший за ограничение рождаемости, Лю Шаоци все же многократно предлагал ограничить рождаемость, проводить политику ограничения деторождения.

В течение 1955 г. был предпринят ряд мер, направленных на установление контроля над рождаемостью. В декабре 1955 г. Лю Шаоци заявил, что «партия

одобряет ограничение рождаемости», поскольку большой прирост населения создает слишком много трудностей, которые нельзя разрешить в один момент. В июле 1955 г. известный экономист и демограф Ма Инчу выступил на 2-й сессии ВСНП с докладом о контроле над ростом численности народонаселения в Китае. Он считал, что самым острым противоречием в Китае является противоречие между нехваткой средств для экономического развития страны и «перенаселением в сельских районах». Основным вывод из создавшегося положения демограф видел в контроле над ростом численности населения. Он доказывал необходимость учета численности населения при составлении пятилетних планов, планирования деторождения и поздних браков.

В 1954 г. правительство стало осуществлять кампанию по контролю над рождаемостью, в которой можно выделить три основных направления: проведение массовой пропаганды, осуществление руководства работой по ограничению рождаемости на всех территориальных уровнях, распространение средств ограничения рождаемости и организация научных исследований в этой области. Уже первые принятые меры дали свои плоды в ближайшие годы. Если в 1954 г. коэффициент рождаемости равнялся 37,97%, то в 1955–32,6%, а в 1956–31,9%.

3 августа 1956 г. «Гуанмин жибао» опубликовала специальную передовую статью «Активно распространять знания по контролю над рождаемостью». В это же время Министерство здравоохранения дало указание всем местным органам здравоохранения осуществлять пропаганду, готовить кадры, организовывать клиники по контролю над рождаемостью, улучшить снабжение населения средствами контрацепции.

На VIII съезде КПК (сентябрь 1956 г.) новое направление демографической политики было официально подтверждено. В докладе премьера Чжоу Эньлая «О предложениях по 2-му пятилетнему плану развития народного хозяйства» оно было сформулировано следующим образом: «В целях охраны материнства и младенчества, хорошего воспитания нового поколения и заботы о здоровье и процветании нации... органы здравоохранения совместно с заинтересованными организациями должны надлежащим образом проводить пропаганду ограничения рождаемости и принимать эффективные меры в этой области». Вопрос о «плановом деторождении» в октябре 1956 г. в беседе с делегацией женщин Югославии поднимал и Мао Цзэдун.

Первый пятилетний план. 1953–1957 гг.

Важным этапом осуществления генеральной линии должна была стать реализация первого пятилетнего плана развития народного хозяйства (1953–1957 гг.). Разработка плана была начата еще в 1951 г. под руководством Чжоу Эньлая и Чэнь Юня, а в окончательном виде он был сверстан с участием советских экспертов и утвержден летом 1955 г. на 2-й сессии ВСНП 1-го созыва.

Его доработка в течение четырех лет, когда последовательно были подготовлены и рассмотрены пять вариантов проекта плана, говорит о существовании у различных групп в руководстве страны альтернативных точек зрения на направления и темпы ее развития.

Так, в одном из первых документов, составленном в процессе выработки пятилетнего плана и озаглавленном «Экономическое положение в Китае и задачи пятилетнего строительства» (передан советскому правительству в августе 1952 г.), планировались ежегодные темпы прироста промышленной продукции на 20–22%, а сельскохозяйственного производства – на 7%. Китайская сторона обратилась к СССР с просьбой о проведении научно-технической и производственной экспертизы плана. Советское правительство поручило Госплану СССР совместно с министерствами и ведомствами дать заключение по проекту. Исходя из уровня экономического развития Китая, советские эксперты рекомендовали планируемые ежегодные темпы прироста промышленной продукции снизить до 12–15%.

При обсуждении вопроса о научно-технической и материальной помощи Китаю советская сторона брала на себя обязательства оказывать ее лишь в тех отраслях, которые имели универсальный характер для любой социалистической экономики – в создании современной промышленности и транспорта, в развитии науки и техники, в модернизации армии и укреплении обороны страны. Но при этом, исходя из социально-экономической и демографической специфики Китая, советские эксперты рекомендовали наряду с созданием крупной промышленности продолжать развивать мелкую промышленность и кустарные промыслы. Китайское руководство в основном приняло эти рекомендации.

В июле 1952 г. Чжоу Энлай во главе китайской делегации выехал в СССР, где вел переговоры об оказании помощи КНР в строительстве 141 промышленного предприятия.

В декабре 1952 г. ЦК КПК обнародовал «Директивы разработки плана на 1953 год и программы долгосрочного планирования», а в апреле 1953 г. утвердил и направил в нижестоящие организации основные положения народно-хозяйственного плана на текущий год. В апреле 1954 г. Чэнь Юнь, как глава рабочей группы, доложил на Политбюро ЦК КПК основные наброски пятилетнего плана, которые после их обсуждения были в основном приняты с учетом внесенных дополнений. К сентябрю 1954 г. окончательный вариант был в основном утвержден. 31 марта 1955 г. план был одобрен Всекитайской конференцией КПК (21–31 марта) и в июле передан на рассмотрение 2-й сессии ВСНП 1-го созыва (5–30 июля). 30 июля 1955 г. сессия ВСНП приняла первый пятилетний план развития народного хозяйства на 1953–1957 гг., признав, что он «имеет решающее значение для борьбы народа всей страны за осуществление генеральной линии партии на переходный период и является планом мирного экономического и культурного строительства».

Главное направление и основные задачи пятилетнего плана заключались в том, чтобы сосредоточить усилия на развитии тяжелой промышленности, создать первоначальную базу для индустриализации страны и модернизации

национальной обороны; обеспечить развитие средств сообщения и транспорта, легкой промышленности, сельского хозяйства и торговли, надлежащую подготовку строительных кадров; оказывать содействие кооперированию сельского хозяйства и кустарной промышленности, продолжать преобразования в капиталистическом промышленно-торговом секторе, обеспечить стабильный рост удельного веса социалистического сектора в общем объеме национальной экономики, одновременно повышая роль индивидуальных аграрных хозяйств, кустарной промышленности и капиталистического промышленно-торгового сектора; обеспечить постепенное повышение материального и культурного уровня жизни населения страны.

Осуществление индустриализации и социалистических преобразований намечалось на три пятилетки, не считая восстановительного периода, т.е. на 1953–1967 гг.

В окончательном варианте плана ежегодные темпы роста промышленного производства были определены в 14,7%, а сельскохозяйственного производства – 4,3%. При этом 70% промышленного прироста надлежало обеспечить за счет мобилизации потенциальных возможностей уже существовавших предприятий. Таким образом, план предусматривал увеличение в 1957 г. по сравнению с уровнем 1952 г. валовой продукции промышленности (не считая кустарной) на 98,3%, а продукции сельского хозяйства – на 23,3%.

Реальное развитие событий показало, что первоначально намеченные темпы оказались недостижимыми. Сроки ввода в строй новых предприятий не выполнялись. Не удавалось за короткий срок добиться и резкого увеличения продуктивности сельского хозяйства, а в 1953–1954 гг. по причине стихийных бедствий план производства сельскохозяйственной продукции вообще был сорван. Серьезным фактором, сдерживающим экономическое строительство, стала значительная нехватка капитальных средств, механического оборудования и технических кадров.

Сердцевиной пятилетнего плана стало капитальное строительство в промышленности, главным образом в тяжелой. Предусматривалось довести общий объем ассигнований на экономическое и культурное строительство за пять лет до 76,64 млрд юаней, что в пересчете на золотой эквивалент составляло более 700 млн лянов (1 «рыночный» лян = 50 граммов. – *Авт.*) Из них 58,2% (42,74 млрд юаней) выделялось на создание промышленной базы, причем 88,8% этой суммы должно было пойти на создание промышленных отраслей по производству средств производства, т.е. тяжелой промышленности. В общем объеме инвестиций, предназначавшихся на нужды капитального строительства, 7,6% составляли средства, выделявшиеся на развитие земледелия, лесоводства и водного хозяйства, 19,2% – средства на развитие транспорта и средств связи, 3% – на развитие банковских услуг и торговли, 7,2% – на образование и культуру. Планировалась подготовка в вузах и средних учебных заведениях около 1 млн специалистов.

План предусматривал строительство 694 так называемых «сверхлимитных» объектов – крупных электростанций, металлургических комбинатов, машиностроительных заводов и других предприятий по преимуществу тяжелой

промышленности. С помощью СССР строилось 156 предприятий. Ввод в действие новых предприятий и реконструкция старых должны были позволить удвоить к концу пятилетки валовую продукцию промышленности. Планировался рост зарплаты рабочих и служащих на одну треть, кооперативное движение в деревне к концу пятилетки должно было охватить примерно 33% крестьянских дворов, следовало кооперировать 2 млн кустарей. Заложенные в план темпы социалистических преобразований соответствовали установкам генеральной линии, рассчитанной на 15 лет.

Чжоу Энлай, говоря на 1-й сессии ВСНП 1-го созыва (сентябрь 1954 г.) о приоритетном развитии тяжелой промышленности, подчеркивал, что она требует сравнительно больших капиталовложений, чем другие отрасли производства, для ее создания необходимо сравнительно больше времени, прибыль же она приносит нескоро, и большая часть выпускаемой ею продукции не может идти непосредственно на удовлетворение потребностей населения. В связи с этим «население не может временно не испытывать в своей жизни некоторых трудностей и неудобств». «Однако, что для нас лучше: претерпеть ли некоторые временные трудности и неудобства ради будущего постоянного процветания и счастья, — спрашивал Чжоу Энлай, — или же устремиться к удовлетворению своих мелких текущих интересов и в результате никогда не избавиться от нищеты и отсталости? Мы уверены, что все, конечно, согласятся с тем, что для нас лучше первое и неприемлемо второе».

«Дело Гао Гана — Жао Шуши»

В апреле 1949 г., т.е. накануне создания КНР, Лю Шаоци в Тяньцзине изложил свое отношение к китайским капиталистам: «Маркс и Энгельс в “Манифесте Коммунистической партии” говорили, что за последние сто лет капитализм поднял производительные силы на небывалую высоту, то есть намного выше, чем были подняты все производительные силы, созданные на протяжении нескольких тысячелетий до этого в истории. Сегодня капитализм в Китае переживает свою молодость, для него как раз и настает время, когда он развивает свою историческую роль, свою активную роль и когда он обретает свои заслуги. ... При этом современная капиталистическая эксплуатация является законной, поэтому, чем большие масштабы она будет иметь, тем лучше».

В то время КПК было необходимо сосредоточить усилия на решении проблем строительства. Лю Шаоци тогда исходил из того, что на смену борьбе приходит строительство. При этом строить Новый Китай, с его точки зрения, надо было, применительно к городам Китая, совместно и рабочим и капиталистам.

Рабочих при этом нужно было удерживать от раздела имущества и собственности капиталистов, а капиталистов заверить в том, что их не будут расстреливать, собственность у них не будут отнимать.

Мао Цзэдун в статье «О демократической диктатуре народа» от 30 июня 1949 г. указывал на специфику китайской буржуазии и ее отличие от буржуа-

зии стран Европы и Америки. Это различие, по мнению Мао Цзэдуна, заключалось в том, что китайская буржуазия, в отличие от буржуазии стран Европы и США, подвергалась двойному гнету как со стороны феодально-милитаристских сил Китая, так и со стороны мирового империализма. Таким образом, в силу этого обстоятельства, находившаяся под двойным гнетом внутренних и внешних реакционных сил китайская буржуазия являлась союзницей китайских рабочих и крестьян в борьбе за национальную независимость Китая.

Лю Шаоци предложил организовывать круглые столы, обсуждения, в ходе которых вопросы рассматривались бы совместно рабочими и капиталистами, а также заверил капиталистов в том, что, с точки зрения марксизма и КПК, капиталистическая эксплуатация лучше, чем феодальная, что капиталистическая эксплуатация будет рассматриваться в Новом Китае как законная деятельность.

В 1953 г. Гао Ган (руководитель бюро ЦК Компартии по Северо-Восточному Китаю) и Жао Шуши (руководитель бюро ЦК КПК по Восточному Китаю) осуждали то, что говорил по этому вопросу Лю Шаоци.

В конце 1952 – начале 1953 г. Гао Ган, секретарь Северо-Восточного бюро ЦК КПК и заместитель председателя Центрального народного правительства, и Жао Шуши, первый секретарь Восточнокитайского бюро ЦК КПК и председатель Восточнокитайского административного комитета, были переведены с высших партийно-административных постов на места на работу в центральные руководящие органы в Пекине. Гао Ган был назначен председателем Государственного планового комитета КНР, а Жао Шуши – заведующим Организационным отделом ЦК КПК. Эти две фигуры и послужили орудием борьбы Мао Цзэдуна против его оппонентов в партии, главным образом против Лю Шаоци.

В то время Мао Цзэдун стал все более опасаться возросшего политического влияния заместителя председателя Центрального народного правительства, члена Политбюро ЦК КПК, заместителя председателя ЦК КПК с 1956 г. Лю Шаоци (с 1954 г. – председатель ПК ВСНП, а с 1959 г. – председатель КНР), который фактически являлся «вторым лицом» в КПК. Лю Шаоци, как и другие сторонники рыночного, постепенного, пути к социализму (наиболее видными среди них были заместитель премьера ГАС Чэнь Юнь, первый заместитель председателя Государственного комитета по планированию, министр финансов Бо Ибо и глава группы по работе в деревне, заместитель председателя Госсовета КНР Дэн Цзыхой), видел в курсе «новой демократии» реалистичный и эффективный подход к решению задач поэтапной индустриализации и модернизации. Еще в 1951 г. Бо Ибо выступил против ускорения коллективизации. Его поддержал Лю Шаоци. Те, кто стремился доказать свою преданность Мао Цзэдуну, выступали за незамедлительный переход к социализму; считали, как и Мао Цзэдун, политику «новой демократии» давно исчерпавшей себя. В 1952 г. Гао Ган, возглавлявший партийную организацию Маньчжурии, предложил (видимо, с одобрения Мао Цзэдуна) осуществить скорейшее завершение коллективизации, поскольку «стихийное сползание крестьянства в капитализм» якобы приведет к тому, что Китай через два–три года окажется от социализма дальше, чем в самом начале пути.

15 июня 1953 г. Мао Цзэдун на заседании Политбюро ЦК КПК подверг критике Лю Шаоци за выдвинутую им и его сторонниками концепцию «прочного установления новодемократического общественного порядка», рассматривая ее как «отход от генеральной линии» и «правоуклонистские взгляды». Он обвинил пропагандистов таких взглядов в забвении задачи социалистических преобразований и потворстве частной собственности.

Полем очередного столкновения противоположных политико-экономических концепций стала налоговая политика. Бо Ибо считал, что она должна быть одинаковой в отношении государственных и частных предприятий. Гао Гана, иронически называвшего такую позицию «стремлением к классовому миру», поддержал Мао Цзэдун. Он заявил, что Бо Ибо пошел на поводу у «буржуазной идеологии», что «его «правоуклонистские тенденции» должны получить достойный отпор.

Ситуация в руководстве КПК и КНР обострилась в конце 1953 г., когда шла подготовка к созыву 3-й сессии ВСНП 1-го созыва и VIII Всекитайского съезда КПК. Решались вопросы о том, кто войдет в состав руководящих органов и, в частности, кто займет место генерального секретаря ЦК КПК.

Тогда возникло «дело Гао Гана – Жао Шуши». Мао Цзэдун сначала использовал Гао Гана и Жао Шуши в борьбе против своих оппонентов, а затем снял с политической доски эти фигуры, проявлявшие самостоятельность, честолюбие и пользовавшиеся поддержкой на местах.

Гао Ган в период работы в Маньчжурии проявлял подчеркнутое уважение к советским специалистам и советникам, работавшим в Северо-Восточном Китае и помогавшим в налаживании промышленного производства, сельского хозяйства и в преодолении пагубных последствий многолетней японской оккупации Северо-Восточного Китая.

Перед поездкой Мао Цзэдуна в Москву на празднование семидесятилетия И.В. Сталина недовольство Мао Цзэдуна вызвали сообщения о повышенном внимании представителей советских средств массовой информации, особенно документального кино, к деятельности Гао Гана на посту руководителя партийной организации Маньчжурии. Недоброжелатели Гао Гана докладывали Мао Цзэдуну о том, что средства массовой информации Северо-Восточного Китая не уделяют должного внимания освещению роли Мао Цзэдуна в завоевании победы, а прославляют только Гао Гана. Во время поездки Мао Цзэдуна через Маньчжурию в Советский Союз на празднование семидесятилетия И.В. Сталина, недоброжелатели Гао Гана обратили внимание Мао Цзэдуна во время остановки поезда в Харбине на пути следования в Москву, что в городе развешено значительно больше портретов Сталина, чем портретов Мао Цзэдуна. Недовольство Мао Цзэдуна вызвало также решение Гао Гана прицепить к поезду Мао Цзэдуна несколько товарных вагонов с образцами сельскохозяйственной продукции Маньчжурии, как личный подарок Гао Гана Сталину к юбилею (известно, что во время пребывания Гао Гана в Москве в составе делегации Лю Шаоци летом 1949 г., Гао Ган был принят Сталиным в его пригородной резиденции, и Сталин лично показал ему образцы сельскохозяйственных культур, которые выращивались на территории его дачи).

Предложение Гао Гана о присоединении к поезду вагонов с сельскохозяйственной продукцией Маньчжурии в качестве подарка Сталину вызвало резкое возмущение Мао Цзэдуна, который отказался от участия в намеченном Гао Ганом банкете по случаю пребывания Мао Цзэдуна в Харбине. Это происшествие усилило раздражение Мао Цзэдуна действиями Гао Гана.

После смерти Сталина Мао Цзэдун предложил Гао Гану и Жао Шуши выступить на проводившихся летом–осенью 1953 г. совещаниях по финансово-экономической и организационной работе с критикой недостатков в деятельности Лю Шаоци, Бо Ибо и некоторых других руководителей КПК. В личных беседах с Гао Ганом Мао Цзэдун неоднократно сетовал на медлительность и осторожность Лю Шаоци, на его скрытое сопротивление политике ускорения реформ.

По одной из версий, в руки Гао Гана (через Жао Шуши, как заведующего Орготделом ЦК КПК) попал предварительный список предполагаемого состава нового Политбюро ЦК КПК, подготовленный для VIII съезда партии одним из подчиненных Лю Шаоци. Согласно этому списку большинство членов Политбюро должны были представлять те деятели, кто, как и сам Лю Шаоци, провел почти весь период борьбы против Гоминьдана и японской агрессии на территориях, контролировавшихся Гоминьданом, – в так называемых «белых районах», а те, кто действовал на территориях «красных» опорных баз и в армии, составляли меньшинство. Гао Ган начал сколачивать группы единомышленников из лиц, возмущенных готовящейся «несправедливостью». Среди них оказались такие известные военные, как командующий Центрально-китайским военным округом Линь Бяо и командующий войсками китайских добровольцев в Корее, будущий министр обороны (с 1954 г.) Пэн Дэхуай. Позднее Гао Гана обвинили в том, что он распространял слухи, будто в центральных органах сложились отношения «групповщины» и «круговой поруки», об «армейском происхождении партии», направленные на раскол КПК на «партию, действовавшую в опорных базах и в армии», и «партию, действовавшую в белых районах». Сам Гао Ган называл себя представителем «партии опорных баз и армии», утверждая, что ЦК КПК и руководящие органы страны находились в руках тех, кто принадлежит к «партии белых районов» (как известно, Лю Шаоци в период борьбы против Гоминьдана и японской агрессии был организатором подпольной работы именно в этих «белых районах»).

О дальнейшей судьбе Гао Гана по-своему рассказал 19 марта 1980 г. Дэн Сяопин, выступая с замечаниями по поводу проекта «Решения по некоторым вопросам истории КПК со времени основания КНР». Дэн Сяопин следующим образом описывал ход осуществлявшейся «интриги Гао Гана»: «После того как товарищ Мао Цзэдун в конце 1953 года предложил выделить в ЦК первую и вторую линии (то есть предложил кандидатуры на замещение руководящих партийных постов, произведя разделение на тех, кто занимает официальные высокие посты, и тех, кто реально обладает властью, формально находясь на «второй» линии. – *Авт.*), Гао Ган приступил к активным действиям. У него хватило на это смелости потому, что он, прежде всего, заручился поддержкой Линь Бяо. Тогда он командовал на Северо-Востоке, в Южном Китае –

Линь Бяо, а Жао Шуши – в Восточном Китае. Ему хотелось перетянуть к себе и Юго-Западный Китай (где Дэн Сяопин был первым секретарем регионального бюро ЦК КПК. – *Авт.*), с этой целью он повел со мной официальные переговоры. Он сказал, что товарищу Лю Шаоци недостает зрелости, и убеждал меня заодно с ним свалить его. Я со всей определенностью заявил, что место товарища Лю Шаоци в партии сложилось исторически и, говоря в целом, товарищ Лю Шаоци достоин положительной оценки, что неправомерно изменять его исторически сложившееся место в партии. Гао Ган вел переговоры и с Чэнь Юнем, он заявил: «Учредим несколько заместителей Председателя, и мы с вами будем в их числе». Тогда мы с товарищем Чэнь Юнем почувствовали всю серьезность вопроса и тут же дали знать товарищу Мао Цзэдуну с тем, чтобы он принял это к сведению».

Гао Ган и Жао Шуши были обвинены в подрыве единства и сплоченности партии, в намерении узурпировать верховную власть в партии и государстве. Проект соответствующей резолюции был разработан по предложению Мао Цзэдуна на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК 24 декабря 1953 г.

6–10 февраля 1954 г. «дело об антипартийном блоке Гао Гана – Жао Шуши» рассматривалось 4-м пленумом ЦК КПК 7-го созыва. По поручению Мао Цзэдуна, отсутствовавшего на пленуме, с отчетом Политбюро ЦК КПК выступил секретарь ЦК КПК Лю Шаоци. Видимо, Мао Цзэдун рассчитывал руками Лю Шаоци убрать Гао Гана, памятуя о секретной записке от 24 декабря 1949 г., переданной И.В. Сталину бывшим министром путей сообщения СССР, представителем Сталина в Китае И.В. Ковалевым. Сталин передал эту секретную доверительную записку с характеристикой отдельных руководителей КПК Мао Цзэдуну при их личной встрече в Москве в конце 1949 г. В ней, в частности, говорилось: «...Гао Ган подвергается необоснованной критике и вокруг него создана нездоровая обстановка. Эту критику возглавляет и организует секретарь Лю Шаоци». Видимо, не случайно Мао Цзэдун поручил делать доклад о «деле Гао Гана–Жао Шуши» именно Лю Шаоци.

На 4-м пленуме ЦК КПК выступили 44 человека, включая главкома НОАК Чжу Дэ, премьера Госсовета Чжоу Эньлая, заместителей премьера ГАС Чэнь Юня и Дэн Сяопина. Присутствующие одобрили деятельность Политбюро за время, прошедшее с момента 3-го пленума, и приняли «Резолюцию об укреплении единства партии», сделав участникам «антипартийной группировки» «серьезное предупреждение»: «В отношении тех элементов, которые противопоставляют себя партии, настаивают на своих ошибках и даже проводят в партии сектантскую, раскольническую и иную пагубную деятельность, партия должна вести беспощадную борьбу, строго наказывать их и в случае необходимости даже изгонять из партии, ибо таким образом можно сохранить единство партии, защитить интересы революции и интересы народа».

27 апреля 1954 г. на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК было принято решение о назначении заместителя премьера ГС КНР Дэн Сяопина по совместительству заведующим Канцелярией ЦК КПК.

После пленума была развернута кампания критики «антипартийного блока Гао Гана – Жао Шуши», в нижестоящие организации разослано специальное

уведомление, призывавшее изучать документы пленума. Одновременно Секретариат ЦК КПК поручил Чжоу Эньлаю возглавить группу, на которую возлагалось проведение всестороннего расследования и специального собеседования по вопросу о Гао Гане, а Дэн Сяопину (он возглавил вторую группу), Чэнь И и Тань Чжэньлиню – по вопросу о Жао Шуши. Затем по решению Политбюро ЦК КПК были созданы региональные бюро Северо-Восточного Китая, Восточного Китая, пров. Шаньдун и Шанхайский горком КПК, которые подвергли критике «блок Гао Гана – Жао Шуши».

После февральского 1954 года 4-го пленума ЦК КПК 7-го созыва Секретариат ЦК КПК провел ряд совещаний, в ходе которых были раздельно рассмотрены вопросы о Гао Гане и Жао Шуши. Однако конкретные решения длительное время не принимались. Известно, что Гао Ган 17 февраля 1954 г. пытался застрелиться, но ему помешала охрана. Перед этим он написал письма Мао Цзэдуну и Чжоу Эньлаю, которого просил позаботиться о своей жене и детях. 17 августа 1954 г. Гао Ган все же покончил с собой, приняв снотворное. Жао Шуши попытался выступить с «самоанализом», но он был сочтен необудительным. Арестованный, он умер двадцатью годами позже во время «культурной революции» в тюремной камере от воспаления легких.

Гао Гану инкриминировались также «контакты с иностранцами, в ходе которых он подрывал авторитет ЦК партии». «Есть ли у нас в Китае люди, которые за спиной ЦК передают иностранцам информацию?». Этот вопрос Мао Цзэдун задавал 15 ноября 1956 г., выступая на 2-м пленуме ЦК КПК 8-го созыва, и сам же отвечал: «По-моему, есть, например Гао Ган... Среди наших кадров высшего и среднего руководящего состава все еще имеются отдельные лица (их немного), которые поддерживают тайную связь с заграницей. Это плохо... Если те, кто занимается передачей информации, признаются, то на этом дело будет закончено. А если нет, будет произведена проверка и в случае обнаружения придется налагать соответствующее взыскание».

Линь Бяо сразу же после партийной конференции 4 апреля 1955 г. вошел в состав Политбюро ЦК КПК. Что касается вовремя проявившего лояльность по отношению к Мао Цзэдуну Дэн Сяопина, то он, вместе с Линь Бяо, был избран членом Политбюро ЦК КПК на апрельском 1955 г. пленуме ЦК КПК. Они заняли места, освобожденные Гао Ганом и Жао Шуши, при этом Дэн Сяопин заступил на пост Жао Шуши – заведующего Организационным отделом ЦК КПК.

По инициативе Мао Цзэдуна «дело Гао Гана – Жао Шуши» было внесено на рассмотрение Всекитайской конференции КПК, состоявшейся 21 марта 1955 г. Созыв такой конференции в практике КПК был явлением исключительным. Этот факт свидетельствовал о значении, которое придавалось «делу». На конференции Мао Цзэдун выступал дважды. Уже в день открытия конференции он придал ей соответствующее направление, заявив, «что возникновение антипартийного блока Гао Гана – Жао Шуши не случайность, а острое проявление ожесточенной классовой борьбы у нас в стране на нынешнем этапе». Многие из присутствующих не верили в существование такого блока, утверждали, что не видели никаких уличающих документов.

Со специальным докладом по «делу Гао Гана и Жао Шуши» выступил Дэн Сяопин, обвинив их «в заговорщической деятельности с целью захвата руководства в партии и государстве» (этот доклад Дэн Сяопина по состоянию на 2013 г. не был опубликован; примечательно, что когда в начале 80-х годов Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан предложил Дэн Сяопину пересмотреть «дело Гао Гана и Жао Шуши», тот ответил категорическим отказом и запретил возвращаться к этой теме). Только после этого решением ЦК КПК от 31 марта 1955 г. Гао Гана (посмертно) и Жао Шуши исключили из партии и сняли со всех постов. В последний день работы конференции Мао Цзэдун потребовал от всех «попавших под влияние Гао Гана и Жао Шуши» признаться в этом, а тем, кто не все рассказал либо промолчал, предписал в течение пяти дней изложить свое признание письменно. Он призвал членов партии к бдительности, заявив, что в стране возможна «контрреволюционная реставрация» и «повторное возникновение аналогичного дела», «причем, не одного, а десятков и даже сотен» таких дел. По тому же делу прошли около десятка человек, включая заместителя мэра Шанхая Пань Ханьняня, вскоре арестованных и посаженных в тюрьму.

На конференции было принято решение о создании Центральной и местных комиссий партийного контроля с широкими полномочиями по проверке соблюдения партийной дисциплины. Секретарем Центральной комиссии партийного контроля был избран ветеран партии Дун Биу.

Подводя итоги борьбы с антипартийным блоком Гао Гана – Жао Шуши, Дэн Сяопин в своем выступлении на VIII съезде КПК подчеркнул, что их основная особенность «заключалась в ведении беспринципной, широкой и заговорщической деятельности с целью захвата высшей власти в партии и государстве... Их заговорщическая деятельность была полностью направлена против интересов партии и народа и служила на пользу врагам китайского народа». А в 1980 г. Дэн Сяопин дал смягченную оценку тем событиям. Вспоминая о них, он утверждал, что при рассмотрении этого дела «была проявлена большая снисходительность, тогда никого не травмировали, наоборот, мы намеренно оградили группу кадров... И теперь надо признать, что принятые оргмеры были правильные. Однако была ли у Гао Гана какая-либо линия? На мой взгляд, по сути дела, не было никакой линии. Поэтому трудно называть эту борьбу борьбой двух линий...».

Мао Цзэдун стремился использовать «дело Гао Гана – Жао Шуши», чтобы угрожать инакомыслящим и развернуть уже через четыре месяца свой новый ускоренный план кооперации деревни.

Преобразования

После того как была определена генеральная линия партии в переходный период, 16 декабря 1953 г., в соответствии с позицией по этому вопросу Мао Цзэдуна, было принято «Постановление ЦК КПК о развитии сельско-

хозяйственных производственных кооперативов». Этот документ нацеливал на ускорение процессов кооперирования. В нем указывалось, что за период с зимы 1953 г. до сбора осеннего урожая 1954 г. число сельскохозяйственных производственных кооперативов должно возрасти с 14 тыс. до 35,8 тыс., т.е. в 2,5 раза.

Для успешного осуществления контроля над процессом кооперирования 5 января 1953 г. в ЦК КПК был создан Отдел по работе в деревне, во главе с заместителем премьера Госсовета Дэн Цзыхоем. Аналогичные отделы были созданы в региональных бюро ЦК КПК и провинциальных парткомах. В 1954 г. группами взаимопомощи было уже охвачено около 60% всех крестьянских дворов, а число кооперативов низшего типа в течение года возросло до 100 тыс. В 1954 г. была поставлена задача перенести центр тяжести работы в деревне на развитие сельскохозяйственных производственных кооперативов полусоциалистического типа. От имени ЦК КПК было принято решение за год увеличить их число в шесть раз, до 600 тыс. Уже к концу 1954 г. их стало 480 тыс., к февралю 1955 г. – 580 тыс., а к апрелю – уже 670 тысяч.

Наиболее быстрыми темпами шло кооперирование в провинциях Аньхой, Хубэй и Чжэцзян. Так, к осени 1954 г. в Чжэцзяне было 3,8 тыс. кооперативов, а весной 1955 г. уже 55 тыс. В письме министру сельского хозяйства КНР от руководства пров. Чжэцзян сообщалось, что для тех крестьян, кто вступит в кооперативы, будут уменьшены централизованные закупки зерновых, а для остальных, напротив, увеличены. В связи с тем, что только за год число кооперативов в стране увеличилось на 350 тыс., в их работе возникло много неожиданных проблем, в ряде мест встал вопрос об их дееспособности, вновь стала звучать критика «забегания вперед». Для «упорядочения» кооперативного движения, все кооперативы были разделены на три категории. В зависимости от того, как у них шли дела – успешно, посредственно или неважно, они именовались, соответственно, кооперативами первой, второй или третьей категории. Ставилась задача усилить уже имеющиеся кооперативы первых двух категорий, создав тем самым основу для их дальнейшего распространения. Было решено сосредоточить все силы на укреплении имеющихся кооперативов и сокращении количества слабых кооперативов там, где это необходимо.

Этот курс получил название политики «приостановления, сокращения и развития», причем, как подчеркивают историки КНР, его поддержал (а некоторые утверждают, что и выдвинул) Мао Цзэдун. По воспоминаниям российского дипломата К.А. Крутикова, 30 мая 1955 г. Мао Цзэдун в беседе с советским послом П.Ф. Юдиным признал, что 10% кооперативов были слабыми, создавались в приказном порядке, нуждались в оздоровлении и укреплении. По словам Мао Цзэдуна, во многих провинциях до 5% новых кооперативов, возможно, будет распущено, или желающим предоставят право выйти из них.

В результате «упорядочения» всего по стране было распущено более 26 тыс. кооперативов (15607 в Чжэцзяне, более 4 тыс. в Шаньдуне и около 7 тыс. в Хэбэе). Позднее, в 1967 г., в разгар «культурной революции», в прессе КНР можно было встретить как утверждения о том, «что по всей стране

в 1955 г. было распущено 200 тыс. кооперативов», так и утверждения, что такое количество было упразднено только в Чжэцзяне.

Роспуск кооперативов вызвал недовольство Мао Цзэдуна. Это находило свое отражение в том, что заместители премьера Дэн Цзыхой и Бо Ибо, а также председатель Госплана Ли Фучунь подвергались критике как «консерваторы» и «правые оппортунисты», звучали требования значительно ускорить темпы кооперирования. Под давлением этой критики Отделу ЦК КПК по работе в деревне ничего не оставалось, как выдвинуть утвержденный Политбюро ЦК КПК план увеличения числа кооперативов к весне 1956 г. до 1 млн. Однако Мао Цзэдун и эту цифру считал низкой, он настаивал на увеличении ее до 1,3 млн.

31 мая 1955 г. Мао Цзэдун обрушился с критикой на Дэн Цзыхой, Бо Ибо, Ли Фучуня и их сторонников как «правых уклонистов». На 6-м пленуме ЦК КПК в октябре 1955 г. Дэн Цзыхой и его наиболее видные единомышленники вынуждены были выступить с «самокритикой». С докладом на пленуме по поручению Мао Цзэдуна выступил его личный политический секретарь Чэнь Бода. Он изложил подход Мао Цзэдуна к вопросу о темпах преобразований. Из его выступления следовало, что в 1957 г. в кооперативах должно насчитываться свыше 50% крестьянских хозяйств страны (по принятому пятилетнему плану планировалось охватить кооперативным движением только треть). В результате нового нажима, ставшего следствием критики «правого оппортунизма», план кооперирования был пересмотрен в сторону ускорения. Если по первоначальным расчетам на кооперирование отводилось 18 лет, то по новым установкам оно должно быть завершено всего за семь лет. В действительности темпы кооперирования оказались еще выше. К концу 1956 г. число крестьянских дворов, вступивших в кооперативы по всей стране, достигло 96,3%. При этом 87,8% крестьянских дворов вошли в кооперативы высшего типа. С 80-х годов китайские историки стали признавать, что летом 1955 г. взгляды Мао Цзэдуна на темпы кооперирования резко изменились, что привело к «забеганию вперед» и к дискредитации кооперативного движения для значительных слоев крестьянства.

Одновременно с форсированием темпов кооперирования китайской деревни по инициативе Мао Цзэдуна было развернуто ускоренное преобразование частнокапиталистической промышленности и торговли. Еще в ходе выработки «генеральной линии» партии в переходный период, 7 сентября 1953 г., Мао Цзэдун предложил провести преобразования капиталистической промышленности и торговли за три–пять лет. Однако это предложение было отвергнуто. В принятых в декабре 1953 г. Политбюро ЦК КПК тезисах по пропаганде и изучению генеральной линии в переходный период на преобразование частнокапиталистической промышленности и торговли отводились три пятилетки. Попытки Мао Цзэдуна добиться пересмотра этого положения вызвали определенное сопротивление в руководстве страны. В качестве одного из оппонентов Мао Цзэдуна вновь выступил Дэн Цзыхой, предлагавший стремиться к максимальному использованию потенциала капиталистического уклада для подъема производительных сил. Мао Цзэдун осудил позицию Дэн

Цзыхоя как «буржуазную, капиталистическую программу», а его «ошибки» определил как «правоуклонистские, эмпирические» и стал добиваться резко-го опережения первоначально намеченных сроков преобразования деревни.

Стремительный процесс кооперирования в сельском хозяйстве способствовал ускорению темпов кооперации кустарной промышленности. В конце 1955 г. было выдвинуто требование о завершении ее в целом в течение двух лет. Уже к концу 1956 г. членами кооперативов кустарной промышленности состояли 91,7% всех ремесленников и кустарей.

Под воздействием бурного роста количества сельскохозяйственных кооперативов страну захлестнула очередная кампания повсеместного создания государственно-частных отраслевых предприятий в капиталистическом промышленно-торговом секторе. В ноябре 1955 г. Политбюро ЦК КПК приняло решение об ускорении этого процесса и сплошном преобразовании частнокапиталистической промышленности и торговли в течение двух лет. Оно предусматривало переход частных предприятий в масштабах всей страны под непосредственное управление государственных компаний, выплату капиталистам за принадлежавшие им средства производства 5% годовых отчислений от капитала в течение семи лет и предоставление им высокооплачиваемой работы. С конца 1955 г. и по начало 1956 г. в масштабах всей страны шел стремительный процесс поотраслевого создания государственно-частных предприятий. К концу 1956 г. 99% частных фабрик и 82,2% частных магазинов стали смешанными государственно-частными предприятиями. Существенное ускорение преобразований со второй половины 1955 г. до 1956 г. (так называемый «малый скачок») «явилось результатом перегибов в практической работе».

Преобразование капиталистической промышленности и торговли осуществлялось через использование, главным образом, госкапитализма, в котором различались две формы: низшая и высшая. По завершении социалистических преобразований бывшие владельцы предприятий не изгонялись, а оставались на них на положении высокооплачиваемых служащих, специалистов и т.д., т.е. переходили в категорию трудящихся. Если формально речь шла о преобразовании частных предприятий в смешанные, то фактически происходила национализация с выкупом в рассрочку. Бывшие владельцы по-прежнему получали твердый процент дохода, однако он никак не был связан с величиной прибыли на их прежнем предприятии, а определялся в зависимости от размеров капитала (в то время состояния капиталистов по всему Китаю расценивались в 2,42 млрд юаней), на основе фиксированной процентной ставки (причем 5% годовых даже несколько превышали банковскую процентную ставку того периода). С 1 января 1956 г. на основе этой ставки ежегодно выплачивалось около 120 млн юаней. В 1962 г. семилетний срок действия ставки твердого процента решением сессии ВСНП был продлен до 10 лет, но с сентября 1966 г. (т.е. с началом «культурной революции») выплата прекратилась.

В результате этого, а также благодаря значительному развитию государственного сектора, в хозяйстве Китая возобладали две формы социалистической

общественной собственности: всенародная и коллективная собственность трудящихся.

Удельный вес государственного сектора в 1956 г. вырос до 32,2%, кооперативного — до 53,4%, государственно-частного — до 7,3%, а сектор капиталистической экономики практически прекратил существование. При этом удельный вес трех первых секторов достиг в экономике 92,9%. Социально-экономические преобразования, поспешно проведенные за предельно короткий срок — четыре года — в различных сферах народного хозяйства, практически сводились к формальному преобразованию лишь форм собственности, часто предпринимавшемуся без учета реальных условий и в ущерб интересам развития страны.

Последствия радикальных экономических преобразований привели к нестабильности и росту социальной напряженности в китайском обществе. Возникшие сложности с производством зерна вынудили руководство страны в октябре 1953 г. принять постановление об осуществлении плановых централизованных закупок, поставок и снабжения зерном. Централизация в этой сфере была нацелена на ограничение частной торговли зерновыми, на запрещение всех без исключения свободных хозяйственных операций с зерном, разрешалось лишь ведение комиссионной торговли от имени государства. Такие меры как введение обязательных поставок в деревнях и карточное распределение в городах, осуществление строжайшего контроля над частной торговлей должны были разрешить проблему нехватки зерна. В 1954 г. были введены также централизованные закупки хлопка и продажа хлопчатобумажных тканей. Тогда же в результате чрезмерного увеличения объема государственных закупок зерновых возникла напряженная ситуация с продовольствием в деревне, вызвавшая резкое недовольство крестьян, в связи с чем в 1955 г. объем закупок был несколько сокращен.

В начале 1956 г. ЦК КПК обнародовал проект «Основных положений развития сельского хозяйства КНР на 1956—1967 гг.» и выдвинул курс на ускоренное строительство социализма, разработанный Мао Цзэдуном и основанный на принципе «больше, быстрее, лучше и экономнее».

С начала 1956 г. в результате значительного расширения масштабов капитального строительства, увеличения за 1956 г. численности рабочих и служащих на 2,3 млн человек (вместо плановых 1,46 млн) и всемерного форсирования темпов промышленного производства, по китайским официальным данным, произошел весьма существенный сдвиг в масштабах и темпах развития промышленности Китая, значительно превысивших показатели первых трех лет пятилетки.

Объем инвестиций в капитальное строительство вместо запланированных ранее 11 млрд 270 млн юаней был увеличен в 1956 г. до 14 млрд юаней. Общий объем капиталовложений в промышленность и строительство в 1956 г. увеличился на 62% по сравнению с 1955 г. Если стоимость валовой продукции промышленности за первые три года пятилетки увеличилась всего на 20,6 млрд юаней, то за один только 1956 г. она выросла на 15,5 млрд юаней, составив 70,3 млрд юаней, что значительно превышало показатель,

предусмотренный пятилетним планом на 1957 г. По сравнению с 1955 г. стоимость валовой промышленной продукции в 1956 г. увеличилась на 28,2%.

В 1956 г. по плану намечалось увеличить госкредит сельскому хозяйству до 1 млрд 120 млн юаней, однако оказалось, что он достиг суммы 2 млрд 30 млн юаней. Кустарной промышленности и государственно-частным предприятиям первоначально намечалось увеличить кредит до 290 млн юаней, а в результате в 1956 г. он достиг 940 млн юаней.

Столь быстрое увеличение темпов и масштабов капитального строительства и промышленного производства, а также государственного кредитования оказывало отрицательное воздействие на экономическое развитие страны, обострились диспропорции в народном хозяйстве, усугубились финансовые трудности. Так, из 46 видов промышленной продукции, производство которых учитывалось первым пятилетним планом, принятый на 1956 г. план был выполнен только по 22 видам, а по некоторым видам – древесина, пищевые и растительные масла, соль – производство в 1956 г. даже значительно сократилось против 1955 г.

Уже во втором–третьем кварталах 1956 г. в КНР, несмотря на значительный рост производства, стала ощущаться значительная напряженность в снабжении прокатом, лесоматериалами и многими видами оборудования. Причиной этого были чрезмерно завышенный объем ассигнований на капитальное строительство, которые в течение года превысили план на 1,5–2 млрд юаней, и namного увеличенное против плана число строительных объектов (по пятилетнему плану намечалось возвести 694 объекта, тогда как их действительное число составило более 800). В результате чрезмерного роста количества рабочих и служащих создавалось напряженное положение со снабжением городского населения продовольствием и товарами первой необходимости. Обнаружился дефицит бюджета в 1,83 млрд юаней.

Вследствие серьезных трудностей в народном хозяйстве и дефицита бюджета пришлось пойти на дополнительную эмиссию денежных знаков. В денежное обращение в 1956 г. было выброшено еще 1,5–1,7 млрд юаней, использована значительная часть государственных материальных резервов.

1 марта 1955 г. в КНР была проведена денежная реформа. Денежные знаки прежних выпусков обменивались без всяких ограничений, независимо от социальной принадлежности держателей денег и суммы, предъявленной к обмену, на новые знаки в соотношении 10000 : 1. По этому же соотношению были пересчитаны цены, заработная плата, переоценены имущество, обязательства и платежи. Практически количество денег, находившихся в обращении, не сократилось, изменилась лишь нарицательная стоимость денежных знаков.

Чжоу Эньлай, который первоначально поддерживал данную стратегию ускоренного развития, в условиях все более обострявшейся ситуации в области финансовых и материальных ресурсов, вызванной постоянным и неоправданным превышением плановых показателей, был вынужден предлагать некоторые коррективы. В конце января 1956 г. на сессии НПКСК он выступил с политическим докладом, в котором, в целом поддержав лозунг «больше

и быстрее», призвал «избегать попыток постановки задач, для решения которых еще не созрели объективные условия». «Не надо заставлять людей делать то, что невозможно исполнить, — говорил он, — иначе мы впадем в другую крайность (первая крайность — «правый консервативный уклон». — В.У.) — допустим ошибки авантюристического характера, попытаюсь опередить время».

В феврале 1956 г. на заседании Госсовета КНР Чжоу Эньлай вновь выступил с предупреждением о необходимости скорректировать политику в сфере экономического строительства: «Сейчас наблюдается некоторая поспешность и торопливость, на что следует обратить внимание. ... Не следует действовать наобум, выдвигать для ускорения дела необоснованные, превышающие реальные возможности меры, что крайне опасно». 11 мая 1956 г. на совещании членов Госсовета он вновь призвал «бороться против авантюристического уклона, приводящего к перегреву экономики». «Если пытаться развивать экономику, переоценивая ее объективные возможности, то в результате работу придется либо вовсе остановить, либо мы получим низкосортную, ни на что не пригодную продукцию».

На совещании ЦК, проходившем в мае 1956 г. под председательством Лю Шаоци, с мнением которого в то время и был вынужден до определенной степени считаться Чжоу Эньлай, был выработан курс «одновременной борьбы с консерватизмом и необоснованным забеганием вперед». Его содержание было изложено в докладе вице-преьера Госсовета КНР Ли Сяньняна на 3-й сессии ВСНП 1-го созыва (15–30 июня 1956 г.). 20 июня «Жэньминь жибао» выступила с передовой статьей «Следует выступать как против консерватизма, так и против настроений излишней поспешности». В статье подчеркивалось, что внутри страны, с одной стороны, существуют консервативные правоуклонистские настроения, с другой — наблюдаются чрезмерная торопливость и забегание вперед. Программы, намеченные к осуществлению в течение 5–12 лет, кое-кто пытается реализовать за три года. «Стремление к торопливости и игнорированию объективных условий уже вылились в серьезную проблему, — констатировала газета. — Такие настроения существуют не только у работников низшего звена, но, в первую очередь, они характерны для многих лиц, руководящих различными структурами». Перегрев экономики и авантюризм на местах становится результатом требований, выдвинутых сверху. «Мы сможем идти вперед правильным курсом, только ведя борьбу как против консервативной правоуклонистской идеологии, так и против идеологии излишней поспешности и забегания вперед».

Когда перед публикацией Мао Цзэдун получил текст передовицы, он написал на нем: «Читать не буду». В 1958 г. Мао Цзэдун, упоминая о той ситуации, заявил: «В статье ругали меня, зачем же мне было читать ее». Текст статьи до ее публикации утверждали и вносили в него поправки, прежде всего, Лю Шаоци, а также заведующий Отделом пропаганды ЦК КПК Лу Динъи и секретарь Мао Цзэдуна Ху Цяому.

Ху Цяому, позже вспоминая о «перегибах» 1956 г., сообщал, что в качестве руководящего указания к ускорению темпов развития и превышению плановых указаний на местах воспринималось написанное Мао Цзэдуном в 1955 г.

«Предисловие» к его книге «Подъем социализма в китайской деревне». В конце апреля 1956 г. Мао Цзэдун на заседании Политбюро ЦК КПК выдвинул мысль об увеличении планов капитального строительства, при этом многие из членов Политбюро выступили против этого предложения. «На совещании особенно много выступал товарищ Чжоу Эньлай, – писал Ху Цяому, – он считал, что увеличение планов приведет к дефициту сырья и ресурсов, увеличит численность городского населения, что, в свою очередь, добавит новые трудности. Но Мао Цзэдун продолжал настаивать на своем мнении и на этом завершил заседание. После совещания Чжоу Эньлай встретился с Мао Цзэдуном и сказал ему, что, будучи премьером, он не может пойти против своей совести и согласиться с таким решением. Это заявление ввергло Мао Цзэдуна в гнев. Вскоре после этого разговора Мао Цзэдун покинул Пекин».

В тот момент Чжоу Эньлай под давлением крайне тяжелой ситуации в материальном положении людей в стране оказался в глазах Мао Цзэдуна главным представителем той группы в руководстве партии, которая опасалась перегрева экономики; в нее входили, помимо Чэнь Юня и Бо Ибо, также заместитель премьера Госсовета Ли Сяньнянь и Чэнь И. Мао Цзэдун был крайне недоволен этой группой, и в первую очередь Чжоу Эньлаем.

Во второй половине 1956 г. во многих городах была отмечена нехватка продовольствия, мяса и товаров повседневного спроса (товарная наличность уменьшилась на сумму 1700 млн юаней). Учащиеся, рабочие и демобилизованные военнослужащие сталкивались с большими трудностями при поступлении в учебные заведения или на работу. В Шанхае социалистические преобразования частной промышленности привели к снижению зарплаток рабочих, потере ими некоторых социальных льгот. Согласно неполным статистическим данным, с сентября 1956 по март 1957 г. по стране прокатилась волна забастовок, в которых участвовали более 10 тыс. рабочих. Только в Шанхае «беспорядки» охватили 587 предприятий, на которых было занято около 30 тыс. рабочих. Свыше 10 тыс. студентов прекратили занятия, требуя удовлетворения выдвигавшихся ими требований. После завершения летней страды во многих сельских районах начались волнения крестьян, требовавших права выхода из кооперативов и недовольных нехваткой продовольствия. Интеллигенция открыто критиковала недостатки и ошибки в деятельности КПК и правительства, а также стиль работы руководящих кадров.

Попытки поставить страну на рельсы искусственно форсированного промышленного строительства, предпринятые в 1956 г. и приведшие к перенапряжению экономики, значительному истощению наличных ресурсов, огромному дефициту товаров, падению уровня жизни большей части населения КНР, в том же году и прекратились. Они не привели к более серьезным последствиям лишь потому, что в течение нескольких предыдущих лет в народном хозяйстве страны были созданы определенные запасы и резервы. Кроме того, в 1956 г. еще более широкие масштабы приняла экономическая помощь со стороны СССР и других социалистических стран. Лю Шаоци и другие люди в руководстве сумели разглядеть несостоятельность и опасность политики «малого скачка» и временно приостановить ее продолжение.

«Общая ситуация свидетельствует о том, – констатировал Лю Шаоци в конце 1956 г., – что мы несколько ускорили свой бег, в следующем году надо будет бежать несколько медленнее, более уверенно... Коренная проблема состоит в том, чтобы обеспечить сбалансированность накоплений и потребления, обеспечить правильную пропорцию».

VIII съезд КПК

Начиная подготовку к созыву VIII съезда КПК, секретарь ЦК КПК, член Политбюро, председатель ПК ВСНП Лю Шаоци, который должен был выступать на этом форуме с основным докладом, предложил заслушать представителей экономических ведомств страны. Об этом предложении он доложил на заседании Политбюро ЦК КПК 5 декабря 1955 г. Заслушивания представителей 34 министерств и ведомств продолжались с 7 декабря 1955 г. по 8 марта 1956 г. Часто на таких встречах присутствовали Чжоу Эньлай, Чэнь Юнь, Дэн Сяопин, Бо Ибо и другие руководители. Когда приехавший из Ханчжоу в столицу Мао Цзэдун узнал об этом от Бо Ибо, он также решил обратиться к этой практике и заслушивать вместе с Лю Шаоци сообщения представителей 34 министерств и Государственного планового комитета по отдельности в течение двух месяцев, с 14 февраля по 24 апреля 1956 г. На основании материалов таких мероприятий Мао Цзэдун подготовил доклад «О десяти важнейших взаимоотношениях», с которым выступил на расширенных заседаниях Политбюро ЦК КПК 25 и 28 апреля. В докладе в концентрированном виде были изложены его основные установки относительно курса политического и социально-экономического строительства. 25 апреля Мао Цзэдун уделил больше внимания критике И.В. Сталина, а 28-го апреля акцент был сделан на теоретических вопросах.

Затем доклад был зачитан 2 мая 1956 г. на Верховном государственном совещании. Десять вопросов (или «десять важнейших взаимоотношений»), о которых шла речь в докладе, это программные положения, которые представляли, с одной стороны, как результат обобщения Мао Цзэдуном опыта КНР и изучения тех проблем, которые вставали перед страной в ходе строительства, а с другой стороны – попыткой трактовки вопроса о том, что происходило в Советском Союзе. Фактически эти положения стали декларацией об отмежевании от КПСС. Эта демонстрация имела и другие проявления. Так, когда советское правительство решило во время Первомайских торжеств 1956 г. не вывешивать портрет Сталина на Красной площади и в закрытом порядке обратилось к руководству КНР с просьбой воздержаться от вывешивания портрета Сталина на трибуне на площади Тяньаньмэнь, Мао Цзэдун отказался выполнить эту просьбу.

В докладе Мао Цзэдун подчеркивал, что в вопросах теории марксизма-ленинизма необходимо «изучать все, что относится к всеобщей истине, причем изучать в сочетании с конкретными условиями Китая. Было бы нелепо

механически следовать каждой фразе, в том числе и марксовой». Касаясь зарубежного, т.е. советского, опыта, он призывал не отбрасывать его огульно без анализа, но и не копировать механически. «Особого внимания заслуживают и выявившиеся недавно в Советском Союзе недостатки и ошибки в строительстве социализма, – заявлял он. – Ведь никому из нас не хочется делать тот крюк, который был совершен Советским Союзом, не правда ли?». Мао Цзэдун выступил против решений XX съезда КПСС, осуждавших культ личности Сталина, и предложил китайской прессе не освещать их, чтобы не возбуждать в народе «нездоровый интерес».

Вместе с тем одной из главных ошибок советской системы он объявил «чрезмерную концентрацию власти» наверху и призывал бороться с такой же «болезнью», имеющей место в КНР.

По предложению Лю Шаоци и с согласия Мао Цзэдуна текст выступления последнего был разослан для изучения во все парткомы страны.

О чрезмерной концентрации власти в одних руках говорилось и в докладах Лю Шаоци и Дэн Сяопина на VIII съезде КПК в 1956 г. Однако, как отмечают китайские историки, сразу же после начала борьбы с «правыми» в стране и появления призывов к расширению классовой борьбы об этом «забыли». Повсеместно в прессе и выступлениях руководителей утверждалось, что «партия решает все», «первый секретарь парткома руководит всем» и т.д.

Несмотря на несогласие Мао Цзэдуна с чрезмерной, по его мнению, критикой Сталина, пройти мимо проблемы культа его личности, поднятой на XX съезде КПСС в феврале 1956 г., было невозможно. Этот вопрос рассматривался на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК в конце марта – начале апреля 1956 г. Официальные результаты этого обсуждения были представлены 5 апреля в редакционной статье «Жэньминь жибао» «Об историческом опыте диктатуры пролетариата». В ее написании принимали участие Ху Цяому и Чэнь Бода. Статья несколько раз подвергалась редактированию и дополнялась Мао Цзэдуном. Конечным результатом он был удовлетворен.

«Вопрос о борьбе против культа личности занимал важное место в работе XX съезда КПСС, – говорилось в ней. – Съезд со всей остротой вскрыл



Лю Шаоци выступает с докладом на VIII съезде КПК. 15 сентября 1956 г.

факты, свидетельствовавшие о распространении культа личности, который в течение длительного времени порождал много ошибок в работе и вызывал отрицательные последствия в жизни Советского Союза. Эта смелая самокритика, проведенная КПСС с целью вскрыть допущенные ею ошибки, свидетельствует о торжестве высокой принципиальности партии и о великой жизненной силе марксизма-ленинизма». Среди причин возникновения культа личности были названы «зазнайство», «отсутствие скромности» и «неосмотрительность» Сталина, «субъективизм и односторонность» его мышления. Отмечалось, что он «не поддерживал тесную связь и не советовался с массами», «не исследовал и не изучал реальную обстановку», «не осуществлял критику и самокритику», «принимал ошибочные решения по важным вопросам». Сталина обвиняли в том, что он «ошибочно преувеличивал свою роль до степени, не соответствовавшей действительности, противопоставлял свою личную власть коллективному руководству, в результате чего некоторые его действия шли вразрез с основными положениями марксизма-ленинизма. ... Он принимал как должное и поощрял культ личности, допускал самоуправство. Были допущены ошибки в вопросе о борьбе с контрреволюционными элементами, отсутствовала необходимая бдительность накануне антифашистской войны, не уделялось должного внимания дальнейшему развитию сельского хозяйства и повышению материального благосостояния крестьянства; были допущены некоторые ошибки в международном коммунистическом движении».

Изменение ситуации в СССР и мировом коммунистическом движении сказалось на подготовке проектов «Основного доклада» и нового «Устава партии» к VIII съезду КПК, решение о созыве которого было принято на 6-м пленуме ЦК КПК 7-го созыва в октябре 1955 г. Организационной работой по подготовке к съезду занимался Дэн Сяопин. Проект «Устава партии», составленный и отредактированный секретарем Мао Цзэдуна Ху Цяому, как утверждают историки КНР, вчерне был готов к 20 октября 1955 г. В нем уже отсутствовали фразы из Устава, принятого VII съездом КПК, где говорилось об «идеях Мао Цзэдуна» как теоретической основе партии. После этого проект неоднократно редактировался перед тем, как быть представленным участникам VIII съезда КПК.

Биограф, а в свое время и секретарь Мао Цзэдуна, Ли Жуй, ссылаясь на информацию, полученную от сотрудника китайского МИДа, писал в своих мемуарах, что в первоначальный проект документов VIII съезда «идеи Мао Цзэдуна» были вписаны, но после критики культа личности Сталина на XX съезде КПСС изъяты из текста документов VIII съезда, что Мао Цзэдун «принял близко к сердцу».

В протоколах допроса арестованного в годы «культурной революции» министра обороны КНР маршала Пэн Дэхуая (28 декабря 1966 г. – 5 января 1967 г.) приводится его высказывание, подтверждающее мнение Ли Жуя: «В 1956 г. во время работы VIII съезда КПК я предложил исключить [из Устава партии термин] “идеи Мао Цзэдуна” и сразу же получил согласие Лю Шаоци, который сказал: “Лучше все же исключить! Я против культа личности”».



Мао Цзэдун и Лю Шаоци на VIII съезде КПК. 1956 г.

В работе над подготовкой документов съезда участвовали Лю Шаоци, Дэн Сяопин, заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК КПК Чэнь Бода, секретари Мао Цзэдуна Ху Цяому и Тянь Цзяин, а на последнем этапе подключился Мао Цзэдун.

Первоначально Чэнь Бода поручили подготовить проект «Резолюции VIII съезда КПК по политическому отчету», Ху Цяому – проект «Основного политического отчета ЦК КПК» съезду, с которым должен был выступить Лю Шаоци. Чэнь Бода также получил поручение от Мао Цзэдуна подготовить проект его вступительной речи на открытии съезда. Чэнь Бода впоследствии писал, что после двухмесячной редактуры Мао Цзэдун остался недоволен ее результатами и возвратил текст на доработку с обильной правкой и дополнениями. Доработанный текст снова не удовлетворил Мао Цзэдуна, который поручил подготовить новый доклад своему секретарю Тянь Цзяину, а Чэнь Бода занялся подготовкой «Основного политического отчета» съезду, с которым должен был выступать Лю Шаоци. Помимо них, ответственным за подготовку «Основного политического отчета» был Ху Цяому. Основные разделы были подготовлены Лю Шаоци. Готовые разделы он направлял Мао Цзэдуну, который их читал и редактировал (тем не менее, в период «культурной революции» Дэн Сяопину и Лю Шаоци адресовались упреки в том, что они якобы за спиной Мао Цзэдуна сфабриковали основной документ съезда).

Дэн Сяопин, в рамках своих обязанностей заведующего Орготделом, выдвинул предложение определить численный состав нового ЦК КПК



Ли Лисань

в количестве 150–170 человек, увеличив его вдвое по сравнению с периодом после VII съезда. Он предложил избрать в новый состав ЦК КПК, в том числе видных в прошлом деятелей партии, таких как Ли Лисань и Ван Мин, «несмотря на их прошлые ошибки». С этим предложением согласился Мао Цзэдун. Поднимая вопрос о количестве заместителей Председателя партии (прежний Устав предусматривал одного заместителя), Лю Шаоци предложил, чтобы их было несколько, и его предложение было внесено в проект Устава.

VIII съезд КПК проходил 15–27 сентября 1956 г. К тому времени численность КПК по сравнению с предыдущим съездом увеличилась в девять раз, до 10,7 млн. По составу КПК к 1956 г. оставалась крестьянская (69%), рабочие составляли 14%, интеллигенция – 11,7%, прочие социальные группы – 5,2%, женщины – 10%.

На съезд прибыло 1026 делегатов со всей страны, а также более 50 иностранных делегаций, включая советскую. Ее возглавлял первый заместитель председателя Совета министров СССР, член Политбюро ЦК КПСС А.И. Микоян, в состав делегации входили секретарь ЦК КПСС И.В. Капитонов, заведующий Международным отделом ЦК КПСС Б.Н. Пономарев, заместитель председателя Президиума Верховного совета СССР Ш.Р. Рашидов и посол СССР в КНР П.Ф. Юдин.

Открывая съезд, Мао Цзэдун констатировал, что за 11 лет, прошедших после VII съезда, в Китае полностью завершили выполнение задач буржуазно-демократической революции, а также «добились решающей победы социалистической революции в большой стране с обширной территорией, с огромным населением и сложными условиями». Одной из задач съезда он назвал обобщение опыта, накопленного после VII съезда, призвав к сплочению «всех сил для борьбы за построение великого социалистического Китая», к превращению «отсталого аграрного Китая в передовой индустриальный Китай». Сказав, что опыта китайским коммунистам пока не хватает, он заявил, что «надо уметь учиться у идущего впереди Советского Союза, надо уметь учиться у стран народной демократии, надо уметь учиться у всех братских партий, надо уметь учиться у народов всех стран... Мы ни в коем случае не должны допускать высокомерных, великодержавных замашек, ни в коем случае не должны зазнаваться вследствие победы революции и некоторых успехов в строительстве...».

В своем приветственном выступлении А.И. Микоян подчеркнул важность взаимной учебы: «Коммунистическая партия Советского Союза считает своим обязательным долгом не только делиться своим опытом, но и заимствовать для себя все полезное из опыта братских партий. Общность наших целей требует, чтобы коммунистические и рабочие партии учились друг у друга, укрепляли бы взаимные связи и обмен опытом».

Особое внимание А.И. Микоян уделил проблеме культа личности (видимо, в частности, и поэтому Мао Цзэдун покинул зал во время его выступления). «Коммунистическая партия Советского Союза преодолела культ личности, освободилась от его отрицательных последствий и благодаря этому еще более сплотилась и окрепла, – констатировал гость. – ...Но критика культа личности имеет значение не только для нашей партии. Все коммунистические и рабочие партии едины в осуждении культа личности, едины в том, что считают для себя обязательными ленинские принципы коллективного руководства, ленинские нормы партийной жизни».

А.И. Микоян поблагодарил КПК за «полное понимание и поддержку» мероприятий ЦК КПСС по разоблачению культа личности. Примечательно, что Мао Цзэдун и Лю Шаоци во время VIII съезда в беседе с членом ЦК Компартии Италии Д. Лойолой резко критиковали Сталина, который своими действиями в последние годы жизни «внес в коммунизм дух феодализма», стал «Чингисханом в коммунизме». Ошибкой Сталина они считали то, что он создал систему, «основанную на шпионаже внутри партии, на цепи подозрений и шантажа, способную порождать подлость и террор среди товарищей, недоверие, ставящую под угрозу жизнь граждан». Они отмечали, что в КПСС в последние годы создалось невыносимое положение, сравнимое с герметически закрытым котлом, стоящим на огне и готовым вот-вот лопнуть. В этих опасных условиях «Н.С. Хрущев и другие руководящие товарищи на XX съезде имели мужество подбежать к стоящему на огне герметически закрытому котлу, сорвать с него крышку и предотвратить взрыв».

Вопрос о «культе личности» занял определенное место в материалах VIII съезда. В первую очередь он нашел отражение в докладе Дэн Сяопина «Об изменениях в Уставе партии», прочитанном 16 сентября 1956 г. Дэн Сяопин, который был заместителем главы делегации КПК Чжу Дэ на XX съезде КПСС, заявил, что «XX съезд дал убедительные разъяснения важнейшего значения неуклонного соблюдения принципа коллективного руководства и борьбы против культа личности». Он подчеркивал «огромное влияние», которое съезд оказал не только на КПСС, но и на другие коммунистические партии мира. «Совершенно очевидно, что единоличное решение важных вопросов противоречит принципам партийного строительства в партиях, борющихся за коммунизм, и неизбежно приводит к ошибкам, – говорил докладчик. – Только связанное с массами коллективное руководство отвечает принципам демократического централизма в партии и способствует максимальному сокращению возможности допущения ошибок». В то же время в докладе отмечалось, что «признавая народные массы творцом истории, марксизм никогда не отрицал роли выдающейся личности в истории... Марксизм никогда также не отрицал

роли вождей для политической партии... Их опыт является ценным достоянием партии, класса и народа. Мы, китайские коммунисты, особенно глубоко осознали это на своем собственном опыте». Дэн Сяопин подчеркнул, что одна из важнейших заслуг XX съезда КПСС заключалась в том, что он раскрыл перед коммунистами Китая серьезные отрицательные последствия, к которым может привести «обожествление личности». В подтверждение того факта, что ЦК КПК «также отвергает чуждое ей обожествление личности», Дэн Сяопин сослался на решение, принятое по предложению Мао Цзэдуна в марте 1949 г., — «запретить проведение юбилеев партийных руководителей, присвоение их имен местностям, улицам и предприятиям». Констатировалось, что ЦК КПК был всегда против преувеличения роли руководителей в произведениях литературы и искусства, направления руководителям приветственных телеграмм и рапортов об успехах в работе.

В то же время в докладе Дэн Сяопина признавалось, что «культ личности как общественное явление не мог не найти некоторого отражения в нашей партийной и общественной жизни», поэтому ставилась задача «проводить в жизнь курс ЦК, направленный против выпячивания личности, против ее прославления». Следует отметить, что задача, провозглашенная докладчиком, не была закреплена последующими документами съезда.

Впоследствии и Мао Цзэдун, и Дэн Сяопин подвергали критике выступление Н.С. Хрущева против культа личности Сталина как по форме, так и по существу. Взгляды на культ личности Сталина, декларированные на VIII съезде в докладе Дэн Сяопина и в беседах руководителей КПК с представителями зарубежных компартий, вскоре стали резко меняться. Это подтверждает закрытое выступление кандидата в члены Политбюро Кан Шэна, которое он сделал в марте 1957 г. перед узкой аудиторией кадровых работников, и позиция Мао Цзэдуна на 2-м пленуме ЦК КПК 8-го созыва в ноябре 1956 г. Так, Кан Шэн в своем выступлении, сравнивая две редакционные статьи, опубликованные в КНР с интервалом в восемь месяцев, — «Об историческом опыте диктатуры пролетариата» (апрель 1956 г.) и «Еще раз об историческом опыте диктатуры пролетариата» (29 декабря того же года) — отмечал, что «в основном они тождественны, однако имеются и некоторые различия»: если в первой рассматривался вопрос о культе личности, то во второй «уже отсутствует даже сам термин».

Мао Цзэдун, выступая на 2-м пленуме ЦК КПК 8-го созыва, уже через два месяца после VIII съезда компартии давал совершенно другую оценку XX съезду КПСС и исторической роли Сталина. «Имеются два “меча”: один — Ленин, другой — Сталин, — заявил Мао. — Теперь Сталина как меч русские отбросили. Гомулка и кое-кто в Венгрии подобрали этот меч и обратили его против Советского Союза, против так называемого сталинизма. Коммунистические партии многих европейских стран тоже начали критиковать Советский Союз, и во главе их встал Тольятти. Империализм тоже ухватился за этот меч, чтобы убивать людей; одно время им размахивал Даллес. Этот меч был выброшен, а не отдан взаймы. Мы в Китае его не выбросили... Не отбросили ли теперь в известной мере некоторые советские руководители и Ленина как

меч? Я думаю, они и его отбросили в довольно значительной мере. Остается ли в силе Октябрьская революция? Может ли она еще служить примером для всех стран? В докладе Хрущева на XX съезде КПСС говорится, что можно взять власть парламентским путем. Это значит, что другим странам больше не надо учиться у Октябрьской революции. С открытием этой двери ленинизм уже в основном отброшен».

В политическом отчете VIII съезду, с которым выступил член Политбюро ЦК КПК, председатель ПК ВСНП Лю Шаоци, в обобщенном виде был отражен ряд изменений, происшедших на международной арене и в КНР после VII съезда КПК; изложено содержание генеральной линии партии в переходный период; обобщен опыт социалистического строительства и преобразований за семь лет, прошедших после образования КНР; дан анализ изменений в отношениях между классами за этот период внутри страны; выдвинут курс и поставлены задачи в области социалистического строительства, политической жизни, в области международных отношений и партийного строительства.

Премьер Госсовета Чжоу Эньлай в выступлении на съезде подчеркнул необходимость определения темпов развития народного хозяйства с учетом потребностей, возможностей и разработки планов такого развития на более устойчивой и надежной основе, с тем, чтобы обеспечить относительную равномерность роста национальной экономики. В принятых съездом предложениях по второму пятилетнему плану развития народного хозяйства КНР намечалось увеличить промышленное производство вдвое по сравнению с заданиями первой пятилетки, а выпуск продукции сельского хозяйства – на 35%. Предполагалось по-прежнему концентрировать основные усилия на преимущественном развитии тяжелой промышленности; намечалось некоторое повышение удельного веса капиталовложений в легкую промышленность, что должно было способствовать сокращению разрыва между этими областями, образовавшегося в годы первой пятилетки.

В резолюции съезда, принятой по докладу Лю Шаоци, указывались два вида ошибок, которые могут быть допущены при определении темпов развития страны. Недоучет возможности развития производительных сил Китая высокими темпами при наличии благоприятных условий квалифицировался как «консервативная ошибка», а непринятие во внимание различных объективных ограничений и принятие слишком высоких темпов развития – как «авантюристическая ошибка».

Председатель Финансово-экономического комитета Госсовета, заместитель премьера Госсовета Чэнь Юнь в своем выступлении изложил проблемы управления промышленностью и торговлей, предложил по сути дела провести реформу экономической системы.

На съезде прозвучала идея «укрепление законности» и «разработки совершенных законов». Лю Шаоци в своем докладе указывал, что каждый человек в стране должен быть уверен, что посягательство на законопослушную личность немедленно повлечет за собой вмешательство государства. «Все наши государственные учреждения должны строго соблюдать законы, а органы общественной безопасности, прокуратура, суд должны последовательно

проводить систему разделения ответственности и взаимного контроля в осуществлении законности». Подробнее эту идею развил член Политбюро ЦК КПК, председатель Верховного суда КНР Дун Биу. Он подчеркнул отсутствие крайне необходимых стране уголовного, гражданского и процессуального кодексов, законов о труде, землепользовании и других. Вместе с тем он призвал исправить или заново разработать множество правовых актов в связи с изменением политической и экономической обстановки. Среди таких актов он назвал Положение о наказаниях за контрреволюционную деятельность, Временные правила надзора за контрреволюционными элементами, Положение о наказаниях за коррупцию, Закон о сельскохозяйственном налоге, Закон о торгово-промышленном налоге и Положение о частных предприятиях, а также положения об организации некоторых правительственных органов. Дун Биу привел конкретные примеры игнорирования государственных законов членами партии и госслужащими, указал на исторические и социальные корни подобного явления: «ненависть по отношению к старой законности», «массовые кампании, неоднократно проводившиеся после освобождения страны, которые не всегда опирались только на закон».

Эти положения нашли отражение в резолюции съезда по политическому отчету, где говорилось: «Мы должны продолжать усиливать народно-демократическую законность, укреплять порядок в социалистическом строительстве. Государство должно, исходя из потребностей, постепенно и систематически выработать совершенные законы, все должны строго соблюдать законы государства с тем, чтобы демократические права народа полностью охранялись государством».

В соответствии с принятым съездом курсом на разработку «совершенных законов» и «укрепление законности» Постоянный комитет ВСНП в ноябре 1956 г. обнародовал «Постановление об установлении надзора за контрреволюционными элементами только на основании решения народного суда», на основании которого упразднилась система надзора, устанавливавшегося органами общественной безопасности. Однако ни Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, ни законы о труде и землепользовании, ни другие правовые акты после съезда приняты не были. Хотя Чжоу Эньлай в своем выступлении на сессии ВСНП 26 июня 1957 г. утверждал, что «уже готов проект Уголовного кодекса, в соответствующих органах находятся проекты Гражданского кодекса и Положения о взысканиях за нарушение общественного порядка», Госсовет КНР принял идущее вразрез с курсом съезда «Постановление по вопросу о трудовом воспитании», которое 1 августа 1957 г. утвердили на заседании ВСНП. Согласно этому документу, без суда, в административном порядке, к трудовому воспитанию привлекались следующие лица: воры, мошенники; контрреволюционные элементы, совершившие незначительные преступления; лица, уволенные из государственных учреждений, общественных организаций, с предприятий и из учебных заведений и не имеющие средств к существованию; нарушающие трудовую дисциплину, не желающие приступить к работе, отказывающиеся от перевода на другую работу. Сроки «трудового воспитания» не определялись.

Мао Цзэдун был избран Председателем ЦК КПК, его заместителями стали Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ и Чэнь Юнь, а Генеральным секретарем Дэн Сяопин.

Устав, представленный на съезде Дэн Сяопином и утвержденный делегатами, предусматривал новую должность Почетного председателя ЦК КПК. Тем самым предполагалась возможность ухода на эту должность Председателя партии (им был Мао Цзэдун) и передачи им своих полномочий представителям более молодого поколения. Однако пост Почетного председателя так никогда и не был занят.

27 сентября 1956 г. во время церемонии закрытия VIII съезда КПК была принята резолюция, в которой было записано: «Главное противоречие у нас внутри страны это уже противоречие между требованиями народа строить передовое индустриальное государство и реалиями отсталой аграрной страны, это уже противоречие между требованиями народа быстро развивать экономику и культуру и ситуацией, при которой существующие в настоящее время экономика и культура не способны удовлетворить требования народа. Суть этого противоречия – это противоречия между передовым социалистическим строем и отсталыми производительными силами общества. Современная главная задача партии и народа всей страны именно в том и состоит, чтобы собрать, сконцентрировать силы в целях разрешения этого противоречия, и в максимально короткие сроки преобразовать нашу отсталую аграрную страну в передовую индустриальную страну».

Отсталая и аграрная – вот какими были реалии Китая, вот что требовалось перестроить. Передовая индустриальная – вот какой страной требовал народ сделать Китай. Здесь не было места для «обострения» классовой борьбы. И именно поэтому это было неприемлемо, с точки зрения Мао Цзэдуна.

Через три дня после окончания VIII съезда КПК была отмечена седьмая годовщина КНР. На трибуне, на площади Тяньаньмэнь, Мао Цзэдун сказал Лю Шаоци: «Постановка вопроса на VIII съезде партии о главном противоречии в нашей стране является неправильной». Лю Шаоци был потрясен и ошеломлен. Вскоре линия съезда была отброшена.

Несмотря на решение сдерживать неоправданно ускоренные темпы экономического строительства, повсеместно этого добиться не удалось. При подведении итогов года обнаружилось, что в КНР впервые после 1953 г. возник бюджетный дефицит. Это дало повод для новой дискуссии по вопросу об оценке экономической деятельности в 1956 г. и о разработке плана на 1957 г.

Заместитель председателя Госплана КНР, начальник Государственного статистического управления Сюе Муцяо 28 ноября 1956 г. выступил в «Жэньминь жибао» со статьей «Плановое хозяйство и закон стоимости», в которой ратовал за создание и развитие системы планового хозяйства в Китае.

Доктор наук, защитивший диссертацию в Колумбийском университете в Нью-Йорке, профессор Пекинского университета и заведующий его учебной частью Ма Иньчу 28 и 29 декабря 1956 г. выступил на страницах «Жэньминь жибао» со статьей «О комплексном сбалансировании народного хозяйства и действии закона планомерного, пропорционального развития в условиях

КНР». Как бы предвидя ревизию решений VIII съезда КПК, последовавшую в 1958 г., он писал, что все отрасли народного хозяйства, все организации, все районы страны органически связаны в единое целое. Чтобы наладить планирование, необходимо овладеть законом планомерного, пропорционального развития. Ма Иньчу утверждал, что в национальном доходе КНР удельный вес фонда накопления должен составлять примерно 20% (фактически подтверждая точку зрения Бо Ибо на соотношение накопления и потребления как 20: 80), удельный вес доходов по госбюджету – 30%, а удельный вес расходов на капитальное строительство – около 40%. Он считал недопустимым односторонний упор на развитие тяжелой промышленности, преуменьшение значения развития легкой промышленности и прочих отраслей народного хозяйства, что чревато острой нехваткой товаров и нарушением стабильности цен и рынка. Ма Иньчу осуждал завышение масштабов капитального строительства в 1956 г., прием на работу слишком большого количества новых рабочих и служащих, нерасчетливое увеличение набора студентов в вузы («малый скачок»), в результате чего возросли финансовые расходы страны, возникла напряженная ситуация с обеспечением производства и снабжением населения предметами потребления. Некоторое снижение темпов роста, намеченное на 1957 г., он считал не отступлением, а свидетельством «поворота к нормальному развитию».

Мао Цзэдун придерживался иной точки зрения. Он считал, что доля неоправданных финансовых затрат и инвестиций в капитальное строительство в 1956 г. не превышала 10%, поэтому полагал возможным несколько увеличить бюджетные ассигнования по этим статьям на текущий год. Чжоу Эньлай, Чэнь Юнь и ряд других партийных и государственных деятелей выступили за некоторое снижение темпов, определенную стабилизацию и сокращение бюджетных ассигнований на 1957 г. Чэнь Юнь подчеркивал, что масштабы строительства должны соответствовать потенциалу страны, а планы следует составлять с учетом сбалансированности материальных, бюджетных и кредитных ресурсов. При обсуждении плана и бюджета на 1957 г. на 2-м пленуме ЦК КПК 8-го созыва его участники одобрительно отнеслись к предложению по «обеспечению сооружения важнейших объектов и осуществлению надлежащих сокращений» в 1957 г. Пленум осудил неоправданное форсирование темпов развития страны. Мао Цзэдун в тот момент не выступил с открытой критикой выдвинутого курса. В дальнейшем он утверждал, что на пленуме пошел на компромисс. В то время, по мнению Мао Цзэдуна, обстановка для прямой атаки еще не созрела, и он сделал свой рассчитанный шаг – после VIII съезда КПК вызвал широкие выступления в печати со стороны враждебных, с его точки зрения, социализму сил, чтобы показать тем самым партии, куда может привести борьба с его культом. Свой компромисс он объяснял тем, что «в экономике, как на войне, наступление должно быть не одномоментным, а представлять собой ряд мощных волн... Малый скачок завершился провалом потому, что совпал по времени с низшей точкой волнового продвижения вперед всей экономики, будь момент для его осуществления выбран более осмотрительно, принятые меры закончились бы успехом».

Вскоре руководство КНР заявило о необходимости искоренения недостатков в системе комплексного снабжения сырьем и закупок государством продукции, ослабления регулирования рынка со стороны государства, предоставления предприятиям определенной свободы в отношении закупок и сбыта, разрешения продажи на свободном рынке части сельскохозяйственной продукции после выполнения государственных заказов и обеспечения поставок. Произошло некоторое оживление свободного рынка. Например, в Шанхае в сентябре 1957 г. насчитывалась 1661 семья, занимавшаяся частным кустарным промыслом, в октябре – 2885, а в конце года – уже 4236 семей. Учитывая бытовавшие в то время представления о том, будто увеличение количества единоличников наносит вред кооперации, «Жэньминь жибао» 21 декабря 1956 г. в редакционной статье убеждала читателей, что развитие частного кустарного промысла, с одной стороны, удовлетворяет потребности населения, увеличивает рыночную товарную массу, а с другой – способствует увеличению занятости городского населения.

В 1957 г. в КНР разрешили вновь открывать семейные магазины, нанимать рабочих, открывать частные заводы и фабрики. Лю Шаоци заявил, что поскольку в КНР более чем на 90% преобладает социализм, допускается наличие нескольких процентов капитализма, и это вовсе не страшно. Чжоу Эньлай на совещании Госсовета КНР утверждал, что в ходе социалистического строительства допустимо сохранение в незначительных размерах частного сектора, который способствует некоторому оживлению экономики.

Новые идеи оживления экономики, которые кое-кто в КНР окрестил «новой экономической политикой», явились результатом разработки утвержденного VIII съездом партии курса на использование государственной и коллективной форм хозяйственной деятельности в качестве основных, а единоличных хозяйств в определенных пределах – в качестве дополнения к ним.

Было принято решение об увеличении земельного надела, находившегося в личном пользовании члена кооператива. В отдаленных и глухих горных районах разрешалось закреплять производственные задания за производственными звеньями кооперативов или крестьянскими дворами. Бригада могла давать производственным звеньям подряд на выполнение некоторых заданий или сезонных работ, а крестьянским дворам – подряд на выполнение текущих полевых работ. Таким образом, крупные объемы работ должны были выполняться всем коллективом, а менее значительные – отдельными членами кооператива. Данные директивы были разработаны под руководством заведующего Отделом по работе сельского хозяйства, члена ЦК КПК Дэн Цзыхоя и являлись творческими начинаниями, которые прокладывали путь к осуществлению системы производственной ответственности, получившей распространение в начале 60-х годов XX в. и впоследствии возобновленной в 80-е годы.

В первое время после образования КНР Лю Шаоци выдвигал в качестве основной цели строительства в Китае следующую цель: «Наш основной лозунг – это демократизация плюс индустриализация». Это был курс на мирное строительство.

В 1957 г. Лю Шаоци также выдвинул в качестве цели развития Китая следующее: «Выход на уровень современной эпохи (современный уровень, обновление, модернизация) промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры». Таким образом, Лю Шаоци – это родоначальник того, что ныне именуется модернизацией Китая. С точки зрения Лю Шаоци, это «три модернизации»: модернизация промышленности, модернизация сельского хозяйства, модернизация науки и культуры. Впоследствии Мао Цзэдун добавил к этому модернизацию обороны страны или ее военного потенциала. В соответствии с мнением Мао Цзэдуна, в 1965 году, т.е. через 8 лет после того как с этой идеей выступил Лю Шаоци, Чжоу Эньлай в докладе о работе правительства заговорил о «четырёх модернизациях».

В сентябре – октябре 1957 г. на пленуме ЦК КПК Мао Цзэдун ввел в арсенал партии идею о том, что главным противоречием в КНР являются противоречия между буржуазией и пролетариатом. Так возрождалась концепция перманентной революции и продолжающегося обострения классовой борьбы.

10 января 1957 г. решением Политбюро ЦК КПК была учреждена группа, отвечающая за экономическую работу в стране. Главой группы стал Чэнь Юнь, членами – Ли Фучунь, Бо Ибо, Ли Сяньнянь и член Секретариата ЦК КПК Хуан Цзин.

В 1952–1957 гг. сумма денежных вкладов в городские сберегательные кассы увеличилась более чем в три раза, составив в 1957 г. 2 млрд 790 млн юаней. Сумма вкладов в сельских кредитных кооперативах к концу 1957 г. возросла до 1 млрд 800 млн юаней, что в 16 раз больше, чем в 1953 г.

Были приняты три проекта решений, разработанных под руководством Чэнь Юня, касающихся совершенствования системы управления в промышленности, в торговле и финансах. Чэнь Юнь, начиная с 1952 г., предлагал на разных уровнях увеличивать число проектировщиков и плановиков, которых не хватало в стране. В 1957 г. их число увеличилось до 150 тыс. по сравнению с 20 тыс. в 1952 г.

Усиление группы, поддерживающей плановое экономическое развитие страны, а также определенные успехи экономических мер, которые были предприняты в народном хозяйстве после VIII съезда КПК, вынудили Мао Цзэдуна отложить на время проведения той экономической политики, на которой он настаивал ранее, и сконцентрировать свои усилия на идейной и политической борьбе. Уже на 2-м пленуме ЦК КПК в ноябре 1956 г. он призвал развернуть новую кампанию «упорядочения стиля» (*чжэнфэн*) в партии по яньаньскому образцу начала 40-х годов. Это был призыв к борьбе с теми в партии и вне ее, кто сомневался в правильности политической линии Мао Цзэдуна. По словам заведующего Отделом пропаганды ЦК КПК Лу Диньи, проверку должны были пройти 18 млн человек, включая 7 млн членов КПК; к январю 1957 г. ее уже прошли 4 млн, было выявлено 118 тыс. контрреволюционеров, шпионов, крупных уголовников. Часть из них была арестована или отправлена в трудовые лагеря.

«Сто цветов»

Для выполнения обширной программы экономического развития страны необходимы были серьезные усилия всей нации, и в первую очередь ее наиболее образованной части – интеллигенции, насчитывающей 5 млн человек. Она чувствовала пренебрежительное, а иногда и враждебное отношение к себе. Уже в первые годы КНР резким нападкам подверглись многие видные деятели науки и культуры.

По инициативе Мао Цзэдуна была проведена целая серия идеологическо-политических кампаний против работников творческой интеллигенции, кампаний критики кинофильмов и даже классических романов. Например, исторический фильм «Тайная история Цинского двора» рассматривался как признак «капитуляции перед империализмом», а кинокартина «Жизнь У Сюня» (известная в XIX в. история о нищем, который истратил собранные подающим деньги на строительство школы для бедняков) была квалифицирована как «капитуляция перед феодализмом». Любопытно, что до того как началась кампания критики фильма «Жизнь У Сюня» (режиссер Сунь Юй), фильм только за три с лишним месяца, с декабря 1950 г. по конец марта 1951 г., удостоился более 30 положительных рецензий в ведущих изданиях Пекина, Тяньцзиня и Шанхая. Мао Цзэдун, ознакомившись с фильмом, написал анонимную передовую статью для «Жэньминь жибао», опубликованную 20 мая 1951 г. и озаглавленную «Необходимо серьезно отнестись к обсуждению кинофильма “Жизнь У Сюня”». Появление фильма и, особенно, массы хвалебных статей о нем Мао Цзэдун рассматривал как признаки «идейной неразберихи» в рядах деятелей культуры.

В 1954 г. началась кампания критики литературного произведения XVIII в. – романа Цао Сюециня (1724–1764) «Сон в Красном тереме». Поводом к кампании послужила публикация известного литературоведа Юй Пинбо в № 3 журнала «Синь цзяньшэ» («Новое строительство») за 1954 г. Его статья называлась «Коротко о “Сне в Красном тереме”». Юй Пинбо, как и Ху Ши, уже давно занимался изучением романа. Еще в 1923 г. Юй издал монографию «Исследование “Сна в Красном тереме”». Книга в новой редакции вышла в 1952 г. в КНР.

Юй Пинбо подтвердил обоснованность утверждений главного автора романа – Цао Сюециня – о том, что это произведение носит преимущественно автобиографический характер, а потому, по мнению Юй Пинбо, не содержит критики в адрес правившей тогда маньчжурской династии Цин. Последнее положение представляется спорным: известно, что роман Цао Сюециня по цензурным соображениям был включен цинскими властями в число «запрещенных книг», и этот запрет сохранял силу до конца правления последней императорской династии в Китае. Издавались только отдельные фрагменты книги. Это усиливало привлекательность романа, любознательные читатели стремились иметь первоначальный, не подвергшийся цензуре текст книги. Она переписывалась от руки, что привело к появлению нескольких различающихся версий романа.

Неожиданностью для ценителей классического произведения стало опубликование двумя молодыми критиками, Ли Сифанем и Лань Лином, статьи, в которой негативно оценивались посвященные роману работы Юй Пинбо. Авторы объявили эти труды методологически порочными, написанными с позиции буржуазного идеализма; они утверждали, что исследователь не увидел антифеодальной направленности и реалистической глубины романа, рассматривал его лишь как выражение субъективных взглядов писателя, чрезмерно увлекался фактологическими изысканиями.

Жена Мао Цзэдуна Цзян Цин, в то время не занимавшая официальных постов, проявила интерес к этим провинциальным публикациям, познакомилась с редкими изданиями романа, хранившимися в Пекинской библиотеке, и приказала сделать ей фотокопии самого полного из них, состоящего из 80 глав. В романе насчитывалось до 400 персонажей, из которых главное внимание автора сосредоточено на 20. «Эти 20 – господа, – утверждала Цзян Цин, – а остальные – рабы, питающиеся кухонными отбросами из дворцов, где живут господа».

Можно сравнить фразеологию этого высказывания со следующим замечанием Мао Цзэдуна: «В романе “Сон в Красном тереме” отображена ожесточенная классовая борьба. В ходе этой борьбы многие люди погибают. Лишь 20 или 30 персонажей принадлежат к правящему классу, остальные же (около 300) – рабы».

Цзян Цин пришла к заключению, что вся проблематика романа сводится к одному коренному вопросу: каким образом следует относиться к культурному наследию? Юй Пинбо и его единомышленники рассматривают «Сон в Красном тереме» как описание биографий действительно существовавших людей. Однако, по мнению Цзян Цин, правильнее считать, что этот роман автобиографичен лишь по форме. Он содержит широкую обобщающую картину китайского общества, представляя собой «образец критического реализма, дополненного романтизмом». Поэтому, считала она, это произведение является историческим романом, который следует рассматривать с позиций классовой борьбы.

Цзян Цин выяснила, что Ли Сифань и Лань Лин ранее предлагали свой материал газете «Вэньхой бао», но та отказалась печатать статью. Супруг рекомендовал ей отдать статью в «Жэньминь жибао», но без ссылок на его указание. Ряд руководителей идеологического ведомства КПК высказались против публикации, ссылаясь на дискуссионный характер статьи и ее резкий тон. Когда Цзян Цин передала статью в Отдел пропаганды ЦК КПК, то заместители заведующего отделом Чжоу Ян и Ху Цяому, ознакомившись с материалом, решили не давать ему ход. Под давлением Цзян Цин статья все же была перепечатана в органе Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства (ВАРЛИ) «Вэньи бао», но с редакционным примечанием, говорившим о молодости авторов и предупреждавшим читателей о необходимости осторожно относиться к их оценкам и выводам. Главная партийная газета страны «Жэньминь жибао» тогда промолчала.

16 октября 1954 г. Мао Цзэдун, недовольный апатичным отношением идеологических органов к «исследованию» романа «Сон в Красном тереме», направил членам Политбюро ЦК КПК письмо (открыто опубликованное только в 1967 г., в разгар «культурной революции») и созвал совещание для всестороннего рассмотрения проблемы.

Наконец, 23 октября 1954 г. «Жэньминь жибао» опубликовала статью «Больше внимания критике ошибочных взглядов в изучении романа “Сон в Красном тереме”». В ней указывалось, что критика Ли Сифанем и Лань Лином «формалистических», «антинаучных» воззрений Юй Пинбо явилась первым за 30 с лишним лет ударом по так называемым «маститым ученым», принадлежащим к реакционной, буржуазно-идеалистической школе Ху Ши, которые, занимая господствующее положение в области изучения китайской классики, фальсифицировали историю китайской литературы, проповедовали порочные, идеалистические концепции в области литературы и искусства.

В конце октября 1954 г., после публикации в «Жэньминь жибао», ВАРЛИ и Союз китайских писателей вплотную занялись «делом» Юй Пинбо. Этому разбирательству было посвящено восемь совместных заседаний президиумов упомянутых творческих организаций. В критическую кампанию, развязанную Мао Цзэдуном при активном содействии Кан Шэна и Цзян Цин, вынуждена была активно включиться печать. Заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК КПК Чжоу Ян и другие сумели представить основным виновником всего случившегося редакцию «Вэньбао». Было принято решение о ее реорганизации, с поста главного редактора сняли Фэн Сюэфэна. Началась «охота на ведьм» в среде писательской интеллигенции. В результате сильного давления, угроз и резкой критики Юй Пинбо вынужден был изменить свои прежние суждения о романе, что видно из его вступительной статьи к новому изданию этого произведения в 1958 г.

В марте 1955 г. по инициативе Мао Цзэдуна началась новая идеологическая кампания. Она была нацелена против «контрреволюционной клики Ху Фэна». Ху Фэн, литератор и редактор журналов, начал свою творческую деятельность в 20-е годы, а в 30-х входил в Лигу левых писателей. В начале 30-х годов выявились теоретические разногласия Ху Фэна с рядом литераторов-коммунистов, – Линь Моханем, Хэ Цифаном, Шао Цюаньлинем, Чжоу Яном и др. Разногласия в основном касались вопросов марксистской эстетики и пути развития революционной литературы в Китае. После образования КНР взгляды Ху Фэна постоянно подвергались критике. На одном из совещаний по литературе 4 июля 1949 г. известный писатель Мао Дунь также подверг критике его взгляды. Ху Фэн призывал своих коллег по цеху придерживаться реалистического творческого метода, выступал против статического, прямолинейного понимания соотношения мировоззрения и творческой практики. Постепенно критика литератора нарастала. В конце 1951 г. Чжоу Энлай обратился к Ху Фэну и, под тем предлогом, что у ЦК КПК нет времени, чтобы досконально разобраться в вопросах литературы, предложил ему подготовить для ЦК материалы, изложив свою точку зрения на современные проблемы литературы и искусства. В июле 1954 г. литератор представил в ЦК КПК под-

готовленную им в течение трех месяцев «Докладную записку в 30 тыс. слов» (другое ее название – «Письмо по теоретическим вопросам»), которая состояла из четырех частей; две из них были позднее опубликованы в приложении к литературному журналу «Вэньи бао». Ху Фэн выступал от собственного имени, хотя у него были и единомышленники, а в подготовке записки ему помогали несколько человек. В ней он полемизировал с Чжоу Яном, Лу Динъи, поэтом и литературоведом, будущим директором Института литературы АН Китая Хэ Цифаном и другими официальными толкователями и пропагандистами «идей Мао Цзэдуна».

«Я очень хочу переделать себя, на практике, шаг за шагом добиться того, чтобы стать скромным учеником Председателя Мао, но я не могу переделывать себя согласно “марксизму” и “идеям Мао Цзэдуна”, а также толкованиям товарищей Хэ Цифана, Линь Моханя и других, т.е. согласно сочиненным ими теориям...», – заявлял писатель.

На совместном заседании президиума ВАРЛИ и правления Союза писателей КНР в ноябре 1954 г., посвященном обсуждению записки Ху Фэна, он подвергся резкой критике. Литератор был обвинен в борьбе против партийного руководства и в прямой «контрреволюционной деятельности». 10 декабря 1954 г. Чжоу Ян опубликовал статью «Мы должны бороться», содержащую нападки на Ху Фэна. Затем в центральной печати были обнародованы тексты критических выступлений Го Можо, Мао Дуня, Чжоу Яна. Лавина критики нарастала. 11 января 1955 г. Ху Фэн вынужден был выступить с «самокритикой», частично признав свои ошибки. Когда этот покаянный текст попал на стол Мао Цзэдуна, тот остался недоволен, наложив резолюцию, в которой назвал идеи Ху Фэна «антинародными и антипартийными».

1 апреля 1955 г. в «Жэньминь жибао» появилась статья Го Можо «Антисоциалистическая программа Ху Фэна». 13 апреля в той же газете была опубликована статья «Антипартийная, антинародная сущность идей Ху Фэна в литературе и искусстве». На основании указания Мао Цзэдуна в начале мая 1955 г. Отдел агитации ЦК КПК и Министерство общественной безопасности КНР сформировали «Спецгруппу по расследованию» его дела, работавшую под руководством Чжоу Яна. 13 мая «Жэньминь жибао» опубликовала «самокритику» литератора, а со второй половины мая 1955 г. начались аресты участников «антипартийной группировки Ху Фэна» (официально считалось, что в ней насчитывалось 78 человек, всего же по «делу» Ху Фэна были привлечены более 2 тыс. человек). 17 мая был арестован и сам Ху Фэн, которого три месяца продержали в предварительном заключении, а затем посадили в тюрьму. Как сообщали газеты, в течение года с повинной к властям явилось более 190 тыс. «контрреволюционных элементов». Из заключения Ху Фэн вышел только в 1979 г. 29 сентября 1980 г. было принято «уведомление» ЦК КПК, реабилитировавшее Ху Фэна и его сторонников.

Такого рода кампании, сопровождавшиеся резкой критикой, арестами, унижительными ритуалами «самокритики», приклеиванием ярлыков «антинародный», «антипартийный» и т.д., заставляли интеллигенцию настороженно относиться к выдвигавшимся партией инициативам.

В январе 1956 г. ЦК КПК созвал специальное совещание по вопросу о новом курсе в отношении интеллигенции. Выступивший на совещании Чжоу Эньлай подчеркнул: «Если мы хотим развивать социалистическое строительство в еще больших масштабах, быстрее, лучше, экономнее, то нам необходимо опираться не только на трудовую активность рабочего класса и широких масс крестьянства, но также и на трудовую активность интеллигенции». Премьер пообещал улучшить условия жизни творческих работников, меньше загружать их политучебой. Он призвал правильно разрешать вопросы, связанные с интеллигенцией, прислушиваться к ее мнению. Чжоу Эньлай косвенно признавал, что вина за возникновение «известной дистанции» между партией и интеллигенцией в предыдущие годы отчасти ложится и на партийных работников, что в КНР «вплоть до недавнего времени наблюдались случаи применения грубых методов как по отношению к ученым, так и при разрешении научных вопросов». «Без высокообразованной интеллигенции не обойтись, — говорил и Мао Цзэдун. — Сейчас, когда мы это поняли, можно начинать действовать».

Лозунг «пусть расцветают сто цветов» Мао впервые упомянул в 1951 г. при создании Института по изучению китайской оперы и драмы. В 1953 г. при формировании Комитета по изучению истории Китая заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК КПК Чэнь Бода напомнил об этом лозунге. 28 апреля 1956 г. на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК он вновь вернулся к данной теме, а Мао Цзэдун подтвердил, что лозунг «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» должен стать партийным курсом: в вопросах искусства — «пусть расцветают сто цветов», в вопросах науки — «пусть соперничают сто школ». В 1957 г., не отказываясь от самого лозунга, Мао Цзэдун внес в него коррективы: расцветать должны только «благоухающие цветы», а «ядовитые сорняки» надо выпалывать.

2 мая 1956 г. в обращении к Верховному государственному совещанию Мао Цзэдун выдвинул свой курс по отношению к интеллигенции, сформулировав его в лозунге: «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». 26 мая 1956 г. заведующий Отделом пропаганды ЦК КПК Лу Динъи на совместном совещании Академии наук Китая и Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства (ВАРЛИ) определил этот лозунг как политическую линию КПК в отношении литературы, искусства и науки. Целью данного курса докладчик назвал обогащение и усиление страны, для чего требуется «не только укреплять народную власть, развивать экономику, просвещение и усиливать государственную оборону, но и обеспечить бурное развитие литературы, искусства и научной работы». Содержание курса, согласно Лу Динъи, заключалось «в поощрении независимой мысли в литературе и искусстве и научно-исследовательской работе, в поощрении свободы дискуссии, творчества, критики и высказывания своего мнения, твердого отстаивания своего мнения и свободы оставаться при нем»; все это докладчик назвал «свободами внутри народа», которые должны расширяться вслед за укреплением народной власти.

Далее шли обещания: «Среди народа есть не только свобода пропаганды материализма, есть и свобода пропаганды идеализма. Все, если только они не являются контрреволюционерами, пользуются свободой вне зависимости от того, пропагандируют они материализм или же идеализм. Свободной является также и дискуссия между представителями этих двух направлений». Таким образом, новый курс декларировал не только свободу мнений, научных подходов как материалистического, так и идеалистического свойства, но и свободу критики и контркритики. Докладчик призывал интеллигенцию к «свободным соревнованиям», к «открытым дискуссиям» как способу решения идеологических и чисто художественных проблем. Лу Динъи не скрывал и политической направленности этого движения: «Мы стоим за проведение четкой грани между врагами и нами в политическом отношении».

Однако в 1956 г. движение не получило развития. Интеллигенция не спешила включиться в него, и всю вторую половину 1956 г. пропагандистский аппарат продолжал призывать ее к активности. Так, обозреватель газеты «Жэньминь жибао» отмечал, что курс не возник внезапно, что в Конституции КНР записано право на свободу печати, собраний и научных изысканий и лозунг «пусть соперничают все ученые» — дальнейшее развитие и конкретизация этого закона. Если критика Ху Ши и Ху Фэна носила характер ожесточенного разоблачения, то это происходило лишь по той причине, что они — «наши идейные и политические враги». Но здоровой, справедливой критики нечего бояться. Деятели науки и культуры еще не очень привыкли к критике, не считают ее чем-то столь же обычным и необходимым, как повседневное умывание. Человека, подвергшегося критике в газетах, все считают «конченым» — и он сам себя тоже. На деле же, если критика несправедлива, он должен бороться, а если справедлива — то сделать надлежащие выводы. Споры просто предполагают взаимную критику.

Однако практика предыдущих лет убедительно показала, что раскритикованных не зря считали «конченными», а борьба с «несправедливой критикой» была обречена.

Интеллигенция, как свидетельствовал известный историк Цзянь Боцзань, не знала, стоит ли верить Мао Цзэду: «Приходилось гадать, шел ли его призыв от сердца или представлял собой красивый жест. Приходилось гадать, до какого момента цветам будет позволено цвести, и не развернется ли политика вспять, когда хрупкие растения окажутся в полном цвету. Приходилось гадать, является ли кампания конечной целью или она лишь средство выявить потаенные мысли... Можно было только догадываться, какие проблемы решены к обсуждению, какие — нет».

Правомерность таких опасений фактически подтверждали утверждения центральных газет, с 1956 г. пытавшихся подавать пример позитивной критики. «Выступив в кампании, можно получить ярлык контрреволюционера, поэтому многие интеллигенты испытывают нерешительность» («Гуанмин жибао». 01.05.1956). «Права личности в отношении интеллигенции совершенно не учитываются, члены партии считают себя воплощением истины» («Гуанмин жибао». 08.05.1956). «Среди интеллигенции имеются люди,

опасающиеся того, что после кампании начнется чистка» («Жэньминь жибао». 23.05.1956).

В том же году центральная пресса заговорила и о недостатках правовой системы КНР. «Необходимо скорее принять гражданский и уголовный кодексы. Судебные решения различаются в зависимости от места, а также от судьи» («Жэньминь жибао». 19.05.1956); «Организация управления и его законоположения еще не разработаны, а выработанные положения в равной степени и небрежны, и плохи» («Гуанмин жибао». 30.05.1956). «Конституция представляет собой простой клочок бумаги, партии позволено ее не соблюдать... Собрания, союзы, печать – все находится под контролем партии, невозможно ни на шаг отступить в сторону... Кто планирует важнейшие дела государства? Согласно Конституции – ВСНП, однако в действительности “народные массы” являются раскрашенными куклами. Роль “народных масс” сводится лишь к простому поднятию рук, и в течение нескольких лет не наблюдается подлинного обсуждения важных государственных проблем и выдвижения депутатами серьезных предложений» («Жэньминь жибао». 16.06.1956).

Мао Цзэдун пытался убедить интеллигенцию в коренной перемене партийного курса и в том, что «перегибы» прошлых лет допущены по вине отдельных безымянных «товарищей». «Многие из наших товарищей, – заявил он в феврале 1957 г., – не умеют спланировать интеллигенцию, допускают жестокий подход к ней, не уважают ее труд, в работе в области науки и культуры позволяют неуместное вмешательство в такие дела, в которые не следовало бы вмешиваться».

В полную силу движению удалось развернуться с весны 1957 г. Одними из первых в него включились студенты и недавние выпускники вузов, положение большинства которых было довольно тяжелым. «У нас есть студенты-философы, которые занимаются составлением каталогов в библиотеках, студенты-юристы, которые работают счетоводами, химики, преподающие иностранные языки в средних школах, студенты инженерных факультетов, которые учат истории. Среди высокообразованных интеллигентов – студенты, вернувшиеся из Англии, которые зарабатывают на жизнь, работая рикшами, и другие, которые по возвращении из США содержат табачные лавки», – писал в статье, опубликованной 23 марта 1957 г. в «Жэньминь жибао», заместитель председателя Демократической лиги Китая, министр лесного хозяйства Ло Лунцзи.

На собраниях и митингах в вузах и школах страны учащиеся и преподаватели стали выступать с критикой политики партии в отношении образования. На первых порах они выражали недовольство бытовыми условиями (плохим питанием, теснотой в общежитиях), но вскоре критика переместилась в политическую плоскость. Зазвучали протесты против вмешательства партии в деятельность университетов и научную работу, против марксистской идеологии как таковой. На митингах можно было услышать антикоммунистические и антипартийные лозунги: «Марксизм – это догматизм»; «Даже если погибнет КПК, Китай не умрет»; «Газета «Жэньминь жибао» – тюремная стена, за которой гибнет правда» и т.п. Люди требовали «свободного выбора литературы для чтения», «свободного выбора профессий».

Одним из центров политической активности интеллигенции стал студенческий городок Пекинского университета. В мае 1957 г. он гудел как улей. Рядом со студенческой столовой была сооружена из кирпича «стена демократии», на которой учащиеся и преподаватели вывешивали свои *дацзыбао* – рукописные «газеты больших иероглифов (заявления, написанные крупными иероглифами)». 20 мая 1957 г. на стенах корпусов их были уже сотни. На одной из аллей повесили плакат – «Дорога свободы», на другой – «Дорога правды». Стали возникать студенческие ассоциации и общества: «Общество ста цветов» (главный девиз – «Марксизм устарел!»), ассоциации «Горькое лекарство», «Голос снизу», «Дикие травы», «Весенний гром» и др. Они занимались распространением написанных от руки и размноженных на ротаторе листовок, брошюр, журнальчиков для «обмена опытом». Тысячные толпы собирались вокруг ораторствующих, чтобы послушать их рассуждения о многопартийной системе, о социализме и капитализме и т.п.

В Пекине и других городах возбужденная молодежь стала выходить на городские улицы со своими *дацзыбао* (рукописными плакатами – заявлениями, написанными крупными иероглифами), устраивала демонстрации. В некоторых местах начались беспорядки. Так, учащиеся средних школ г. Уханя вышли на улицы и штурмом взяли здание городской администрации. Подобные события имели место также в провинциях Сычуань и Шаньдун.

Мао Цзэдун, выступая в то время на одном из закрытых совещаний, признавал: «Неполадки возникли и в учебных заведениях, кое-где наблюдаются волнения учащихся».

Сигналом о смене политического курса стало изменение характера публикаций в органах печати, доселе наиболее усердствовавших в проведении линии «ста цветов». Так, своего рода символом этой линии был выходивший с января 1957 г. специализированный журнал «Шикань» («Поэзия»). Его первый номер открывался подборкой стихотворений Мао Цзэдуна. На страницах журнала начался откровенный обмен мнениями о состоянии современной поэзии. Однако он длился лишь полгода. На обложке седьмого, июньского, номера появились крупные черные иероглифы: «Специальный выпуск по борьбе с правыми».

«Упорядочение стиля». Борьба против «правых»

Кампанию «всех цветов» сменило «движение за упорядочение стиля партийной работы». «Указания о движении за упорядочение стиля» были приняты ЦК КПК 27 апреля 1957 г., а 1 мая опубликованы в газетах.

Еще в своем выступлении на 2-м пленуме ЦК КПК 15 ноября 1956 г., в период пропаганды курса «ста цветов», Мао Цзэдун призвал развернуть кампанию «упорядочения стиля» (*чжэнфэн*) в партии по образцу движения, развернутого в Яньнани в 40-е годы, для борьбы с «субъективизмом, сектантством и бюрократизмом».

В ноябре 1956 г. заведующий Отделом пропаганды ЦК КПК Лу Динъи в беседе с послом СССР в КНР П.Ф. Юдиным сообщил о намерении Мао Цзэдуна провести «движение за упорядочение стиля». Необходимость такого движения объяснялась угрозой возникновения событий типа венгерских, «если не исправить ошибки и недостатки в идеологической работе и практической деятельности». Вначале предлагалось «вновь провести во всей партии широкое и глубокое движение за исправления стиля, направленное против бюрократизма, сектантства и субъективизма, чтобы повысить марксистско-ленинский идеологический уровень всей партии, улучшить стиль работы и тем самым быть на высоте требований, предъявляемых социалистическими преобразованиями и социалистическим строительством».

27 февраля 1957 г. Мао Цзэдун выступил на расширенном заседании Верховного государственного совещания с речью «О правильном разрешении противоречий внутри народа» (опубликована в июне того же года). Фактически это выступление стало теоретическим обоснованием готовившейся кампании. 12, 18 и 19 марта он принял участие в работе Всекитайского совещания по пропагандистской работе, а также в совещаниях кадровых работников-коммунистов в Цзинани и Нанкине, где повторил основные положения своей речи, произнесенной на заседании Верховного государственного совещания. «Упорядочение стиля» он объявил одним из методов «разрешения внутрипартийных противоречий посредством критики и самокритики» и «разрешения противоречий между партией и народом». Заявив, что партии предстоит длительная борьба против буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, Мао Цзэдун потребовал подвергнуть острой критике «все ошибочные воззрения, все ядовитые травы, всю нечисть», призвав обратить острие этой критики в первую очередь против «ревизионизма», ибо «в нынешних условиях ревизионизм более вреден, чем догматизм». Констатируя «победу социализма в экономической сфере» и одновременно «идеологическую слабость сил социализма», он указывал на необходимость перенести центр тяжести работы КПК с экономического фронта на идеологический.

30 апреля Мао Цзэдун, созвав руководителей демократических партий и беспартийных деятелей, обратился к ним за «помощью» в чистке партийных рядов. Целью «упорядочения стиля» он назвал «выправление политической ориентации, повышение идеологического уровня, устранение недостатков в работе, изоляцию и расслоение буржуазных правых и всех антисоциалистических элементов». Мао Цзэдун считал, что в КПК и в Коммунистический союз молодежи Китая проникли «буржуазные правые элементы», которые «изменили делу пролетарской революции и повели бешеное наступление на партию». Он потребовал их разоблачения и исключения из рядов партии и Коммунистического союза молодежи Китая (КСМК).

2 мая 1957 г. «Жэньминь жибао» опубликовала передовую статью «Почему необходимо проводить упорядочение партии», призвав широкие массы помочь «упорядочению КПК». В движении, утверждалось в статье, должны участвовать не только коммунисты и беспартийные, но и представители буржуазно-демократических партий.

15 мая Мао Цзэдун в подготовленном им внутрипартийном документе «Дело принимает другой оборот», который запрещалось публиковать открыто, писал: «В последнее время с особой яростью и бешенством выступили правые элементы в демократических партиях и в высших учебных заведениях... Мы дадим им еще некоторое время понеистовствовать, чтобы они дошли до апогея. Чем больше они будут неистовствовать, тем выгоднее будет нам. Некоторые говорят, что боятся попасться на удочку... Целая стая рыб сейчас сама всплыла на поверхность, и нет необходимости браться за удочку. Притом всплыли необычные рыбы, а, вероятно, акулы с острыми зубами, которые... тщательно пытаются уничтожить коммунистическую партию».

16 мая 1957 г. ЦК КПК распространил служебную директиву, в которой подчеркивалось, что хотя более 90% критических замечаний беспартийных в адрес партии являются искренними и правильными, в то же время необходимо обратить внимание на то, что за последние дни в обществе отмечена активизация антикоммунистических настроений. Некоторое число людей выступает с провокационными речами, пытается свернуть руководство с верного пути развития. Поэтому ЦК принял решение дать им возможность в течение нескольких недель свободно высказать такие ошибочные взгляды, публиковать их на страницах печати, временно не критиковать их, с тем, чтобы более четко обнаружилась их реакционная сущность.

5 июня Лу Диньй направил Мао Цзэдуну информацию о кампании упорядочения стиля в вузах. Он сообщал, что в Пекинском университете некий студент написал статью, в которой утверждал, что «ЦК КПК уже начал распадаться», «против курса Мао Цзэдуна выступают 90% людей, ...некоторые считают, что Мао Цзэдуну пора сойти со сцены». Лу Диньй подчеркивал, что эта статья после ее обнародования получила широкое распространение как в вузах, так и за их пределами. Мао Цзэдун охарактеризовал статью как полную ложь и призвал «усилить бдительность».

8 июня 1957 г. ЦК КПК принял закрытую директиву «Об организации сил для отражения бешеных нападков правых», проект которой подготовил Мао Цзэдун. Там сообщалось о скорой ликвидации недавно дарованной свободы слова. Членов партии предупреждали о том, что «реакционные элементы» ведут «бешеное наступление на рабочий класс» и КПК, собираются выйти за пределы учреждений и вузов, ставших рассадниками чуждой идеологии, и «орудовать на промышленных предприятиях и в других учебных заведениях». Директива призвала дать отпор «правым элементам», «пресекать их попытки к подстрекательству», мобилизовывать массы, чтобы вовремя срывать появляющиеся на улицах «реакционные лозунги». В директиве говорилось о необходимости призывать рабочих выступать против «реакционеров», не устраивать беспорядки, «не выдвигать вопросов о благосостоянии, зарплате и т.п.». Руководству вузов предписывалось «организовывать собеседования профессоров для высказываний замечаний в адрес партии и делать все, чтобы правые элементы излили весь свой яд, а затем через газеты придать его гласности». На «полное высказывание мнений» отводилось от 15 дней до месяца, после чего предлагалось перейти к «упорядочению стиля внутри партии».

с широкой публикацией обличительных материалов в прессе. «Жэньминь жибао» сообщала: «С 8 мая по 7 июня наша газета и вся партийная печать по указанию ЦК почти не выступала против неправильных взглядов. Это было сделано для того, чтобы... ядовитые травы могли разрастись пышно-пышно, и народ увидел бы это и содрогнулся, поразившись, что в мире существуют такие явления, чтобы народ своими руками уничтожил всю эту мерзость...».

Директивы, направлявшиеся из центра, ставили перед новой кампанией целый ряд задач: проводить «широкие дискуссии», чтобы «отличить правду ото лжи» и «решительно идти по пути социализма»; осудить капиталистическую идеологию и индивидуализм зажиточных середняков, преодолеть капиталистическое влияние в деревне; разоблачить и нанести удар по подрывной деятельности помещиков, кулаков, контрреволюционеров и других «вредных (подрывных) элементов»; на основе классовой критики и самокритики упорядочить работу в кооперативах и укрепить их, отстоять политику централизованных закупок и сбыта, упорядочить положение в партии и комсомоле, улучшить стиль работы кадров, отношения между партией и массами, сохранить чистоту рядов партии, развивать сельскохозяйственное производство.

Публикация «идеологически вредных» материалов продолжались и в июле 1957 г. Так, 13 июля 1957 г. в газете пров. Хубэй «Чанцзян жибао» было опубликовано письмо преподавателя одного из вузов Юань Шичжана, адресованное Мао Цзэдуну. Там говорилось о массовых арестах представителей интеллигенции в 1955 г.: большинство из них погибли, не вынеся «борьбы за перестройку сознания», многие, не дожидаясь ареста, кончали с собой. Автор называл публикацию о правах человека «декорацией для обмана народа» и, признавая, что за прошедшие с момента провозглашения КНР семь лет преобладали достижения, политику в отношении интеллигенции, тем не менее, определял как «провальную».

В июле 1957 г. в Циндао (пров. Шаньдун) Мао Цзэдун на совещании секретарей парткомов провинциального звена изложил свои планы новой кампании. Она должна была пройти несколько этапов: этап свободного и открытого выражения мнений и взглядов; этап нанесения ответного удара по «правым элементам», этап урегулирования и исправления ошибок и, наконец, этап индивидуального изучения документов, критики и самокритики.

С новой силой расцвела система взаимных доносов и клеветы. Буквально миллионы людей, чтобы обезопасить себя и упредить критику в свой адрес, отрывали время от учебы, работы и отдыха, чтобы сочинять *дацзыбао*, оклеивая ими стены предприятий, учреждений, учебных заведений, в которых они бичевали себя, своих товарищей и близких за подлинные, а чаще всего мнимые провинности и недостатки. О размахе этой кампании можно судить хотя бы по таким официальным цифрам: на 15 ноября 1957 г. в 60 государственных учреждениях (уровня министерств и ведомств) были вывешены 320 тыс. *дацзыбао*, проведено более 34 тыс. бесед, высказаны более 855 тыс. «мнений».

«Критика и самокритика» сломали морально немало людей. Один из китайских интеллигентов, прошедший все стадии «перевоспитания», расска-

звал американскому журналисту Эдгару Сноу: «Вы не можете представить себе, какими убийственными могут быть самокритика и групповые собрания. Каждый в моем учреждении, начиная с мальчика-рассыльного и уборщицы, может говорить мне, насколько я буржуазен, критиковать мои личные привычки, мою семейную жизнь, мое интеллектуальное невежество, то, как я провожу свой досуг, даже мое молчание. Я должен сидеть и выслушивать. Некоторые предпочитают покончить собой, чем выносить это. Мне понадобились годы, чтобы привыкнуть, но теперь я верю, что это — благо для меня. Я нуждался в этом! Как я нуждался в этом! Ныне я уже редко являюсь объектом критики».

23 сентября 1957 г. Генеральный секретарь ЦК КПК Дэн Сяопин выступил с докладом «О движении за упорядочение стиля работы» на 3-м пленуме ЦК КПК 8-го созыва. Доклад был выдержан в духе установок Мао Цзэдуна. Выступавший подчеркнул, что кампанию борьбы против правых и кампанию «пусть расцветают все цветы» следует оценивать в их единстве. Подчеркивая, что «настоящая борьба против правых ведется главным образом в среде буржуазии и интеллигенции», докладчик, вслед за Мао Цзэдуном, констатировал, что «большинство интеллигентов являются выходцами из буржуазных и мелкобуржуазных семей и получили буржуазное образование», поэтому «для удобства изложения» они будут рассматриваться «вместе с буржуазией». Он подчеркнул, что «среди 1,88 млн коммунистов-интеллигентов большинство не было закалено в труде на производстве, не прошло серьезного испытания в классовой борьбе». Борьбу против «правого крыла буржуазии» Дэн Сяопин рассматривал как «социалистическую революцию на политическом и идеологическом фронте».

Касаясь указаний Мао Цзэдуна «о противоречиях внутри народа» применительно к текущей ситуации, Дэн Сяопин указал на антагонистический характер противоречий между народными массами и «правыми буржуазными элементами», поэтому последних следует разоблачать, изолировать и подавлять. Следуя Мао Цзэду, докладчик утверждал, что «левые» и «правые» среди буржуазии и буржуазной интеллигенции составляют меньшинство, большинство составляют «промежуточные элементы»; тем не менее, небольшое число «правых элементов» есть среди членов КПК и комсомольцев. Главным полем деятельности «правых», по мнению докладчика, являются места, где сконцентрировано много представителей интеллигенции: в вузах, государственных учреждениях, органах печати и издательствах, литературно-художественных организациях, среди юристов, работников науки и техники, медицины и фармацевтики. «Правые», сказал он, стремились к реставрации капитализма и к власти реакционных сил, они отрицали, что «профаны могут руководить специалистами» и выступали против основных политических целей государства, отрицали успехи демократической и социалистической революции, выступали против руководящей роли партии в управлении государством, в области литературы, образования, науки и техники. Вторя Мао Цзэду, Дэн Сяопин разделил все движение на четыре этапа, указав, что если «правые» все еще будут

выявляться на третьем и четвертом этапах, то борьба против них будет продолжена и на заключительных стадиях кампании.

По мнению Дэн Сяопина, для полного перевоспитания интеллигенции потребуется свыше десяти лет (Мао Цзэдун отводил для этого несколько пятилеток). Для построения социализма «рабочий класс должен иметь свою армию профессоров, преподавателей, ученых, журналистов, литераторов, деятелей искусства и марксистских теоретиков», которые «должны стать «и красными, и специалистами»», поэтому партии следует уделять серьезное внимание их подготовке. С целью предотвращения развития капитализма на селе докладчик призывал «ограничить размеры приусадебных участков, пустырей, поднимаемых в частном порядке, личного подсобного промысла и деятельности на свободном рынке в деревне». Он обратил внимание руководящих кадровых работников на необходимость заботы о рабочих-ветеранах и постоянного участия в физическом труде, сокращения аппарата, преодоления бюрократизма, субъективизма и сектантства.

В апреле 1957 г. кадровым работникам партии было предписано периодически работать физически вместе с рабочими и крестьянами. Это было первое обращение Мао Цзэдуна к простым рабочим и крестьянам через голову партийной номенклатуры. Он стремился представить себя в роли вождя, который всегда с народом в его борьбе против бюрократии (против стоящих у власти).

Натравливанию «простого народа» на интеллигенцию был дан ход сразу же после окончания краткосрочной «оттепели». В масштабах всей страны развернулась «борьба против правых». Это была массовая расправа над людьми без суда и следствия. В результате было репрессировано пять с половиной миллионов человек, многие из них оказались в «лагерях трудового перевоспитания (или перевоспитания трудом)». К числу «правых элементов» были отнесены и родственники репрессированных. Тогда в КНР появился ярлык: «плохая семья» (имелось в виду происхождение человека, социальный статус его родителей).

Во время «кампании против правых элементов» в 1957 г. людей побуждали безбоязненно высказывать свое мнение. В результате провоцировали «выявление» тех, кто критиковал ошибки Мао Цзэдуна, сочувственно относился к прозвучавшему на XX съезде КПСС осуждению культа личности, отрицательно относился к обожествлению личности Мао Цзэдуна и его личной диктатуре. К «правым» были причислены многие кадровые работники партии и комсомола, деятели литературы и искусства, видные представители интеллигенции, а также большинство руководителей и членов демократических партий и ассоциаций. Так, к середине сентября 1957 г. в редакции центрального органа КСМК газеты «Чжунго циннянь бао» ярлыки «правых» получили 17 человек, включая заместителя главного редактора, в ЦК КСМК – более 50, а вместе с «промежуточными элементами» (тяготеющими к «правым») число репрессированных в центральных органах КСМК достигло 100 человек.

На места спускались «разнарядки» – например, разоблачению подлежали 5% членов парторганизаций и 10% членов организаций КСМК. 410 тыс. членов партии (6,3%) были исключены из ее рядов. Среди тех, кто был причислен

к «правым элементам», лишь незначительное меньшинство (менее 2%) действительно выступало против партии и социализма. Многие просто высказывали критические замечания по поводу деятельности КПК и ее руководящих кадров.

На 3-м пленуме ЦК КПК 8-го созыва 7 октября 1957 г. Мао Цзэдун, приводя явно заниженные данные, констатировал выявление 60 тыс. «правых» («некоторые полагают, что 50 тыс.») и «предсказывал», что в будущем их число «достигнет максимально 150–200 тыс.». По-видимому, Мао Цзэдун не желал чрезмерно пугать аудиторию. По более точным данным, к концу кампании число лиц, причисленных к «правым», достигло 552 877 человек (каждый десятый представитель китайский интеллигенции), а включая членов их семей, также в той или иной степени подвергшихся репрессиям (из расчета по три человека в семье), — около 3 млн. По данным министра общественной безопасности Ло Жуйцина, подчиненные ему органы рассмотрели тогда 1,7 млн дел. Причем часто люди несли наказание не за поступки, а за высказанные ими мысли. «Мы выманили из нор ядовитых змей, — говорил тогда первый секретарь пекинского горкома КПК Пэн Чжэнь, — которые долгое время прятались там, угрожая нам».

«Главарями правых элементов» были признаны Ло Лунцзи (заместитель председателя Демократической лиги Китая, министр лесного хозяйства) и Чжан Боцзюнь (председатель Крестьянско-рабочей демократической партии, заместитель председателя Демократической лиги Китая, министр путей сообщения) — так называемый «блок Ло–Чжана».

Чжан Боцзюнь происходил из помещичьей семьи, учился в Германии, где вступил в ряды КПК. После раскола единого фронта Гоминьдана и компартии в 1927 г. вышел из КПК, вступил в Третью партию (позднее переименованную в Крестьянско-рабочую демократическую партию). Он в течение многих лет проповедовал каутскианство, выступал против теории и практики социалистической революции.

Ло Лунцзи учился в Институте Цинхуа в Пекине, затем в 20-х годах изучал политические науки в Колумбийском университете. Вернувшись в Китай, редактировал основанный Ху Ши журнал «Синь юе» и тяньцзиньскую католическую газету «Иши бао». Уже в 30-е годы он зарекомендовал себя как убежденный противник как КПК и Советского Союза, так и режима Чан Кайши. На одном из совещаний Демократической лиги в 1949 г. он заявил: «Чжан Боцзюнь на 70% античанкайшист и на 30% антикоммунист, я же на 60% античанкайшист и на 40% антикоммунист».

Среди множества представителей интеллигенции, причисленных к «правым», видимо, было какое-то число откровенных или скрытых противников Мао Цзэдуна и КПК. Однако достаточно взглянуть на список ведущих деятелей культуры, подвергшихся осуждению в тот период, чтобы убедиться: в подавляющем большинстве это были люди, преданные своему народу и работавшие во имя блага своей родины. Так, в «правые» попали руководитель Отдела СССР и стран Восточной Европы МИДа Лю Цзиньюй, один из талантливейших китайских поэтов Ай Цин, чьи стихи пользовались большой популярностью в стране (его обвинили в «преувеличении роли писателя в обществе», в донжуанстве,

в любви к французским поэтам начала XX в., в «буржуазных литературно-художественных взглядах», в отрицательном отношении к «чисткам»). Среди репрессированных – писательница, чье творчество оказывало большое влияние на молодежь, – лауреат Сталинской премии в СССР Дин Лин. Ее упрекали в прославлении индивидуализма, зазнайстве («вешала свою фотографию рядом с портретом Льва Толстого»). В «правые» попали также известные прозаики Ло Фэн, Яо Сюеинь, Цинь Чжаоян, Ван Мэн; жертвами жесткой критики стали другие деятели культуры – поэты Гун Лю, Шао Яньсян, Бянь Чжилин, литературоведы и критики Фэн Сюефэн, Чэнь Цися, Чэнь Юнь, Хуан Яомянь, молодые литераторы Лю Шаотан, Лю Биньянь, журналист Сяо Цянь, редактор детского журнала Чэнь Цзыцзюнь, кинематографист Чжун Дяньфэй, актриса Бай Лан и многие другие. Особо критике на расширенном совещании партгруппы ассоциации китайских писателей, проходившем в течение более трех месяцев, с 6 июня по 17 сентября 1957 г., подверглась так называемая «группа Дин Лин–Чэнь Цися».

Участие в борьбе против «правых» конца 50-х годов содействовало политической карьере ряда будущих выдвиженцев «культурной революции». Так, в 1958 г. в Шанхае вышел сборник статей «О ревизионистской волне в литературе», принадлежавший перу Яо Вэньюаня. В сборнике «разоблачались» литераторы Фэн Сюефэн, Дин Лин, Ай Цин и другие – за то, что они, «маскируясь под революционеров, писали контрреволюционные вещи», являлись «мозговым центром правых в области литературы и искусства», при оценке художественного произведения не считались с «политическим критерием», а на первое место ставили критерий художественности.

К январю 1958 г. все причисленные к «правым элементам» были сняты с руководящих постов, лишены депутатских мандатов. Многие были высланы в отдаленные районы либо арестованы. Полностью кампания завершилась к лету 1958 г.

В тот период происходила быстрая перемена взглядов Мао Цзэдуна на современное китайское общество. Весной 1956 г., в ходе кампании «ста цветов», он неустанно повторял одобренную VIII съездом КПК формулу, констатирующую «фактическое завершение» классовой борьбы. После начала повсеместной критики «правых» в июне 1957 г. он стал утверждать, что хотя «основные классовые битвы уже выиграны», но классовая борьба как таковая еще далека от завершения. Главные противоречия китайского общества лежат не в сфере экономики, как ошибочно утверждалось раньше, а в политической области, на разделительной полосе между путями, ведущими к капитализму или к социализму. Выступая на 3-м пленуме ЦК КПК 8-го созыва, он заявил об ошибочности принятой VIII съездом формулировки, гласившей, что «главным противоречием является противоречие между передовым социалистическим строем и отсталыми общественными производительными силами». Согласно Мао Цзэдуну, главным противоречием в китайском обществе, как и прежде, оставалось противоречие между пролетариатом и буржуазией, между социалистическим и капиталистическим путями развития; таким образом, «классовая борьба отнюдь не затухла».

Политика в отношении религиозных организаций

После создания КНР одним из элементов новой политики стало формирование вписывающихся в общественную структуру страны «патриотических» религиозных объединений и организаций. Ханьцы исповедовали главным образом буддизм, даосизм, католичество и протестантизм. Доля верующих среди них была не очень высокой — около 10%, в отличие от национальных меньшинств (согласно опросам, 20 из 55 меньшинств состояли из верующих).

Однако в силу целого ряда причин (борьба с контрреволюцией, экономические трудности и т.д.) до 1953 г. идея учреждения «патриотических» религиозных организаций не была реализована. Хотя правительство КНР включило положение о праве граждан на свободу вероисповедания уже в Общую программу НПКСК 1949 г., а при НПКСК была создана группа по делам религий.

Основные усилия руководства КНР были направлены на организацию регистрации религиозных групп и объединений и контроль над их деятельностью. Она оценивалась, прежде всего, с точки зрения их отношения



Мао Цзэдун с панчэн-ламой. 1951 г.



Мао Цзэдун с далай-ламой (справа) и панчэн-ламой (слева).
Сентябрь 1954 г.

к новой власти, к иностранному влиянию на политическую, хозяйственную и экономическую жизнь страны. Важнейшими задачами считались привлечение руководителей религиозных организаций и течений к активному сотрудничеству с новой властью, нейтрализация и изоляция религиозных деятелей, враждебных ей.

Ставилась задача сократить количество монастырских и храмовых помещений (лишь в Пекине в 1949 г. насчитывалось около 400 только буддийских храмов и монастырей), привлечь монахов и монахинь к активной трудовой деятельности. Так в одном из монастырей Пекина была создана фабрика по производству холщевых мешков, где трудилось 250 молодых монахов, а в пров.

Фуцзянь 500 монахов были заняты в производстве текстиля, бамбуковых, металлических и швейных изделий. В Конституции КНР 1954 г. подтверждалось, что граждане КНР «пользуются свободой религиозного вероисповедания». Исключались из этого числа только члены КПК — их принадлежность к религиозным конфессиям считалась недопустимой. Руководили религиозной жизнью страны две организации: Отдел единого фронта при ЦК КПК и Управление по делам религий Госсовета КНР.

В ноябре 1952 г. был создан учредительный комитет из 20 членов для подготовки организации Буддийской ассоциации Китая. Ее учредительная конференция прошла в Пекине 19 мая — 3 июня 1953 г. К началу 50-х годов количество буддистов в КНР составляло около 100 млн человек, а число монахов — около полумиллиона. В состав руководящего органа вошли 93 человека, включая 23 представителя от Тибета. В 1956 г. в столице была открыта Буддийская академия. В мае 1953 г. была учреждена Китайская исламская ассоциация. Ее созданию предшествовало специальное заседание учредительного комитета в 1952 г., подготовившее программу и организационные мероприятия. Уже в 1952 г. в КНР был издан новый перевод Корана, а в 1955 г. открылся Исламский теологический институт с четырехлетним курсом обучения. В 1953 г. началась подготовка к созданию Китайской даосской ассоциации. Однако подготовительная работа затянулась, и учредительная конференция данной ассоциации прошла только в апреле 1957 г.

В 1954 г. прошла конференция, на которой было оформлено Всекитайское протестантское движение за «три самостоятельности»: самораспространение, самообучение и самообеспечение, т.е. за полную автономию китайских протестантских исповеданий и за независимость от зарубежных протестантских центров, а в июне 1957 г. была создана Ассоциация китайских католиков-патриотов.

Итоги первой пятилетки

В течение 1955–1957 гг. задания первого пятилетнего плана были в основном выполнены и перевыполнены, набирал темп процесс индустриализации Китая. Промышленное производство в 1957 г. превысило уровень 1952 г. на 141%. Быстро развивалась тяжелая промышленность, в особенности металлургия и машиностроение, теперь Китай удовлетворял потребности в машинном оборудовании на 60% собственными силами. Создавались неизвестные ранее в стране отрасли производства: грузовых автомобилей, тракторов, реактивных самолетов. До лета 1957 г. в КНР было освоено производство свыше 300 новых важных видов продукции. На современный для того периода уровень выходила военная промышленность.

К концу пятилетки в стране строилось 825 крупных промышленных объектов, из которых 156 сооружались по технической документации и с помощью Советского Союза. Из них к концу 1957 г. 68 крупных объектов были



Мао Цзэдун и Лю Шаоци с председателем Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошиловым на трибуне Тяньаньмэнь. 1 мая 1957 г.

уже полностью или частично построены и стали выпускать соответствующую продукцию. ГДР, Чехословакия, Болгария, Венгрия, Польша и Румыния к концу пятилетки ввели в строй 27 промышленных объектов. В тот период КНР оказалась уже в состоянии, частично или полностью опираясь на собственные силы, спроектировать и оснастить оборудованием и сдать в эксплуатацию 413 крупных и средних промышленных объектов.

С 1952 по 1957 г. общий объем государственных инвестиций в капитальное строительство в сфере экономики, культуры, образования и здравоохранения достиг 49,3 млрд юаней, что на 15,3% превысило первоначально намеченные плановые показатели. К концу 1957 г. из 921 сверхлимитного объекта в промышленности и горнодобывающей отрасли 438 были полностью пущены в эксплуатацию, а 109 – частично.

В 1957 г. валовой объем промышленной продукции достиг 76,39 млрд юаней, что на 21% превысило плановые задания; прирост составил 128,3% по сравнению с 1952 г., т.е. в среднем по 18% в год. Валовой объем сельскохозяйственного производства достиг 60,4 млрд юаней (в пересчете на цены 1952 г.) – 101% планового задания, что на 25% больше по сравнению с 1952 г., при среднем ежегодном приросте в 4,5%.

На протяжении пяти лет цены по всей стране в основном сохранялись стабильными. За исключением 1956 г., когда возник дефицит национального

бюджета, в течение всех остальных лет финансовые доходы и расходы государства оставались сбалансированными при наличии некоторого положительного сальдо. За годы пятилетки в среднем на 4,2% в год повышался жизненный уровень населения, среднедушевой уровень потребления по стране в 1957 г. достиг 102 юаней, превысив на одну треть показатель 1952 г., составлявший 76 юаней. Среднедушевой уровень потребления рабочих и служащих возрос со 148 до 250 юаней (на 38,5%), а у крестьян несколько меньше — с 62 до 79 юаней (на 27,4%). Форсированный рост тяжелой промышленности и связанный с ним процесс создания новых индустриальных баз поблизости от соответствующих источников сырья и энергии обусловили особую масштабность транспортного строительства, прежде всего сооружения новых железнодорожных линий в отдаленных и мало освоенных районах страны. Зачастую расходы на строительство железных дорог значительно превышали первоначально запланированные средства. В этих условиях, несмотря на крупные размеры транспортных инвестиций, в запущенном состоянии оказались старые дороги, нуждавшиеся в реконструкции, улучшении путевого хозяйства и обновлении подвижного состава. При увеличении основных фондов железнодорожного транспорта Китая в 1,5 раза объемы перевозок возросли в 2,1 раза, многие старые дороги эксплуатировались на пределе своих возможностей. Перекосы в экономике КНР, возникшие либо выявившиеся в ходе первой пятилетки, свидетельствовали о трудностях выполнения поставленных задач и соблюдения взятых темпов роста. В 1956 г. в руководстве КНР в связи с разработкой плана на 1957 г. вновь возникла дискуссия по вопросу о темпах развития страны. Тем не менее, в целом планы первой пятилетки успешно выполнялись и перевыполнялись. Эти успехи были достигнуты в значительной степени благодаря тесному сотрудничеству КНР со странами социалистического лагеря, прежде всего с Советским Союзом.

Наука, образование, культура и искусство

Сразу после создания КНР параллельно с решением важнейших социальных и народнохозяйственных задач руководство страны при содействии социалистических стран, в первую очередь СССР, приступило к созданию комплексной, многоотраслевой системы научных исследований. К осени 1949 г. в стране насчитывалось немногим более 30 специальных исследовательских учреждений, численность научно-технических работников составляла около 50 тыс. человек, из них непосредственно научной деятельностью занималось не более 600 человек. По существу, перед новой властью стояла задача создания полноценной системы научно-исследовательских учреждений, институтов и лабораторий. Согласно постановлению ГАС КНР, 1 ноября 1949 г. на базе Центральной научно-исследовательской и Пекинской академий была создана Академия наук Китая (АНК). В ее состав вошли 17 научно-исследовательских институтов. На расширенном заседании Совета АНК, состоявшемся

20 июня 1950 г. было принято положение «Об основных задачах Академии наук Китая», фактически определившее научно-техническую политику КНР. Вплоть до 1958 г., когда было принято решение о формировании Государственного комитета по науке и технике, АНК являлась основным органом, координирующим научные изыскания в масштабах страны. Перед Академией наук стояли задачи по увязыванию научных исследований с практикой экономического строительства, по организации изучения достижений мировой науки и использованию ее опыта, теоретической и практической работы, нацеленной на достижение передовых рубежей научно-технического прогресса. Был взят курс на оказание поддержки китайским ученым, находящимся за рубежом, содействие их возвращению на родину.

Организация научных исследований и научно-технических разработок требовала подкрепления в виде развитой системы образования. При этом одной из основных задач в данной сфере была ликвидация массовой неграмотности. Эта задача осуществлялась как через расширение системы начальных школ, так и посредством развития разнообразных форм внешкольного обучения молодежи и взрослых. Согласно Постановлению Государственного административного совета о развертывании заочного обучения (1950 г.) началось заочное обучение рабочих и служащих, включавшее овладение грамотой, политическую учебу и повышение технического уровня. Помимо краткосрочных курсов создавались группы для взрослых при регулярных школах. Крестьяне обучались преимущественно заочно и главным образом в зимнее время. В 1951 г. в группах по обучению грамоте в зимних школах для крестьян насчитывалось до 25 млн человек, а в школах для рабочих и кадровых работников, где обучение велось в свободное от работы время, число учащихся достигало 1780 тыс. человек. Первоначально планировалось в течение пяти–шести лет ликвидировать неграмотность лишь среди части населения: рабочих, кадровых работников и «молодых крестьян».

В 1950–1955 гг. по всей стране через систему повсеместно создававшихся учебных курсов повысили свой образовательный уровень и получили нормальное образование (соответствовавшее уровню средней и высшей школы) более 30 тыс. кадровых работников и передовиков производства.

Однако этого было недостаточно. По подсчетам экономистов КНР, для строительства народного хозяйства страны только в первые пять–шесть лет требовалось 150 тыс. инженеров и работников управления с высшим образованием, 500 тыс. техников средней и низшей квалификации, а также более 10 тыс. преподавателей высшей квалификации, 100 тыс. учителей средних учебных заведений и 1500 тыс. учителей начальных школ.

Еще в 1951 г. было обнародовано «Постановление о реформе системы народного образования». Документ вводил единый пятилетний цикл начальной школы, вместо существующего двухступенчатого (четыре и два года). Возраст для поступления в начальную школу определялся в семь лет. Постановление утвердило государственную систему дошкольного образования в форме детских садов. Особое внимание в документе было уделено расширению среднего и высшего образования, созданию специальных средних школ

и училищ. Новую систему рассчитывали вводить постепенно, в течение пяти лет, начиная с 1952 г. Для районов проживания национальных меньшинств в ряде наиболее отсталых в экономическом и культурном отношении местностей предусматривались более длительные сроки.

В результате проделанной предварительной работы в 1952–1953 гг. в школах стали вводиться единые учебники. В их основу были положены 43 советские учебные программы. Всего было использовано 118 советских учебных материалов.

В ноябре 1953 г. Госсовет принял директиву «Об упорядочении и улучшении начального образования», где в качестве основных недостатков школ отмечалось примитивное оборудование, низкая квалификация преподавателей и, как следствие, плохое качество обучения. Однако именно начальное образование развивалось в те годы особенно быстрыми темпами. Если в 1949/50 учебном году в них насчитывалось 24,391 млн учащихся, то в 1956/57 учебном году – 63,464 млн, количество школ увеличилось с 346 789 до 509 тыс. Число аспирантов с 627 человек в 1952 г. выросло до 1723.

С 1954 г. власти страны смогли приступить к реализации мер по улучшению ситуации в области среднего образования: в июле последовала директива Госсовета «Об усовершенствовании и развитии среднего образования». В ней указывалось на крайне низкий политический и культурный уровень учащихся средних школ, недостаток в них учителей и другие проблемы. В 1957 г. число учащихся средних школ выросло с 4417 тыс. до 7780 тыс.

Параллельно шла реформа высшего образования. Вузы были подразделены на несколько групп: университеты, политехнические институты, технические отраслевые институты, лесные и сельскохозяйственные, медицинские и педагогические институты. К июню 1953 г. статус университета был сохранен за 13 вузами. На базе технических колледжей старых университетов были сформированы 20 политехнических вузов; были созданы также 26 отраслевых технических вузов, 29 лесных и сельскохозяйственных институтов, семь финансово-экономических, четыре – политики и права. Для национальных меньшинств были организованы специальные Центральный (в Пекине) и региональные (в Чэнду и Гуйчжоу) институты.

Количество выпускников технических и естественных вузов в 1957 г. составило 40% выпуска всех специалистов с высшим образованием по стране. Общее число вузов со 181 в 1953 г. увеличилось до 229 в 1957 г.

Развитие высшего образования должно было содействовать созданию китайской академической науки. В этой сфере к середине 50-х годов по-прежнему ощущался острый недостаток квалифицированных кадров. В 1954 г. при 600-миллионном населении Китай насчитывал примерно 39 тыс. преподавателей вузов, в том числе 4743 профессора и около 3 тыс. доцентов. Число научных сотрудников АН КНР составляло 1967 человек, из них старших научных сотрудников – 360. Китайские научные институты не имели собственной аспирантуры и докторантуры.

В марте 1956 г. был образован Комитет по научно-техническому планированию при Госсовете КНР, главой которого стал Чэнь И, а его заместителями –

Ли Фучунь, Го Можо, Бо Ибо и Ли Сыгуан. 4 мая 1956 г. «Жэньминь жибао» вышла с передовицей «В направлении верного пути овладения наукой». В тот же день президент АН Китая Го Можо выступил на Всекитайском съезде передовых производителей с речью «В поход за овладение наукой и техникой». В июне 1956 г. по решению Госсовета КНР создан Государственный технический комитет, главой которого был назначен Хуан Цзин. Решению стоящих перед новыми органами задач способствовал рост выпуска квалифицированных кадров китайскими вузами. Количество студентов с 1949 г. (116,5 тыс.) к 1957 г. возросло в 3,5 раза (441 тыс.). Количество выпускников технических и естественных вузов в 1957 г. составило 40% выпуска всех специалистов по стране. К 1956 г. в КНР насчитывалось 3840 тыс. человек кадровых работников в сфере образования, науки, инженерно-технической сфере, медицине, сфере литературы и искусства.

В 1954 г. правительство КНР утвердило «Решение об упорядочении и развитии высшего педагогического образования». Принятие этого документа было связано с тем, что в 1954–1955 гг. значительную долю педагогических кадров составили учителя без специального образования: из 150 тыс. педагогов средней школы высшее образование имели всего 56 тыс., а незаконченное высшее – 28 тыс. человек. Более половины учителей начальных школ вообще не имели педагогического образования. В 1956 г. правительство поставило задачу повысить квалификацию учителей, в частности, за 7–12 лет дать им возможность окончить курсы повышения квалификации.

Несмотря на борьбу с неграмотностью, в 1956 г. 52% населения не умели читать и писать, а по отдельным районам эта доля доходила до 78%. Была создана Национальная ассоциация по ликвидации неграмотности, перед которой была поставлена задача – в исторически короткий срок обучить грамоте более 200 млн человек. В том же году было принято решение ЦК КПК и Госсовета КНР, в соответствии с которым следовало расширить обучение рабочих и крестьян и в зависимости от местных условий в течение пяти–семи лет обучить чтению и письму 70% неграмотных. Причем в первую очередь предполагалось за два–три года завершить обучение кадровых работников, за три–пять лет примерно на 95% ликвидировать неграмотность среди рабочих и служащих и за пять–семь лет – решить ту же задачу в основном среди крестьян и незанятой части городского населения.

Борьбе с неграмотностью мешали как сложность некоторых иероглифов, так и отсутствие удобного фонетического алфавита китайского языка. Госсоветом КНР была создана специальная Комиссия по рассмотрению системы фонетической транскрипции китайского языка. Она рассмотрела более 1200 проектов разнообразных систем, созданных с октября 1949 по октябрь 1957 г. После всенародного обсуждения проект алфавита, одобренный Всекитайской конференцией по реформе письменности, был утвержден 11 февраля 1958 г. сессией ВСНП.

Новый алфавит, в соответствии с мнением Мао Цзэдуна, был создан на основе латинской графики. Латинские буквы используются в нем для обозначения гласных и согласных звуков китайского языка. Наличие букв для

фонетической транскрипции иероглифов существенно облегчало изучение китайской письменности.

Премьер Чжоу Эньлай, выступая в январе 1958 г. с докладом о реформе китайской письменности на заседании НПКСК, назвал три задачи, которые решались в ходе этой реформы: 1) упрощение китайских иероглифов; 2) внедрение разговорного языка *путунхуа*, основанного на пекинском произношении; 3) разработка и применение фонетического алфавита китайского языка с целью объяснения произношения китайских иероглифов и облегчения преподавания общепонятного языка *путунхуа*.

В январе 1956 г. Государственный совет КНР утвердил 230 упрощенных иероглифов, ставших уже общеупотребительными, и еще 285 упрощенных иероглифов, часть из которых предназначалась для экспериментального использования, а также 54 упрощенных элемента иероглифов. В 1958 г. периодические издания КНР использовали, наряду со старыми, свыше 350 новых, упрощенных иероглифов, что сделало их более доступными для массового читателя.

Значительное внимание власти страны уделяли организации творческой интеллигенции. Летом 1949 г. в Пекине прошел I Всекитайский съезд работников литературы и искусства, в котором участвовали 824 делегата. От имени ЦК КПК делегатов съезда приветствовал главком НОАК Чжу Дэ, с кратким приветственным словом выступил Мао Цзэдун. «Форумом великого единения» назвал съезд руководитель Отдела пропаганды ЦК КПК Лу Диньи. С критическими замечаниями в адрес китайских литераторов выступил заместитель председателя Комитета по делам культуры и просвещения при ГАС КНР Чэнь Бода, указавший, что писатели не умеют должным образом показывать роль коммунистического руководства и «идей Мао Цзэдуна» в создании нового Китая, а потому «не могут как следует изобразить массовое движение». В то же время он акцентировал внимание собравшихся на том, что «учась у Мао Цзэдуна, не нужно поклоняться ему как идолу», а воспевать народ — не значит льстить ему, «нужна критика и самокритика». Чжоу Эньлай в своем выступлении подчеркнул, что многие литераторы довольно узко понимают тезис о служении рабочим, крестьянам и солдатам, недооценивают работу по развитию любимого народом традиционного искусства. Доклады по проблематике съезда сделали ученый и литератор Го Можо, писатель Мао Дунь (псевдоним, настоящая фамилия Шэнь Яньбин) и литературный критик, заместитель председателя Ассоциации работников литературы и искусства КНР Чжоу Ян. В числе выступавших были также писательница Дин Лин, поэты Ай Цин и Хэ Чжунпин, композитор Люй Цзи, балерина Дай Айлянь, драматург и сценарист Ян Ханьшэн. Итогом работы съезда стало создание творческих организаций, призванных объединить усилия деятелей сферы культуры: союзов работников литературы, театра, работников кино, изобразительного искусства, хореографии, музыкальной культуры. Все они вместе с созданными несколько позднее обществами реформы и развития китайского традиционного театра и малых исполнительных форм в качестве коллективных членов составили Всекитайскую ассоциацию работников литературы и искусства (ВАРЛИ).

Проводниками политики партии и государства в области культуры стали творческие союзы. Руководителями творческих организаций были избраны виднейшие литераторы и художники. Председателем ВАРЛИ стал Го Можо, его заместителями – Мао Дунь и Чжоу Ян.

Вскоре было создано Министерство культуры КНР. Государство в его лице впервые в истории страны брало на себя обязательства по всестороннему содействию развитию культуры, по обеспечению условий творчества и быта «работников культурного фронта», строительству театров, музеев, библиотек, развитию издательского дела. Министром культуры стал Мао Дунь, его заместителями – Ся Янь и Ян Ханьшэн.

Такие мастера слова, как Мао Дунь, Го Можо, Ба Цзинь, Лао Шэ, Ся Янь, Тянь Хань, заняли почетное положение в новом Китае, их книги переиздавались значительными тиражами. Была выпущена «Библиотека народной литературы», куда вошло 177 «образцовых» произведений, созданных главным образом в «освобожденных районах» в 40-е годы, в том числе романы «Ураган» Чжоу Либо и «Солнце над рекой Сангань» Дин Лин, повести и рассказы Чжао Шули и Лю Байюя, поэмы Тянь Цзяня и Ли Цзи, пьеса Хэ Цзинчжи и Дин И «Седая девушка» (в 1951 г. романы «Солнце над рекой Сангань», «Ураган» и пьеса «Седая девушка» были удостоены в СССР высшей литературной премии).

В 50-е годы издавались в переводах лучших китайских мастеров (Лу Синя, Цюй Цюбо, Цао Цзинхуа, Ба Цзиня) произведения таких советских писателей и поэтов, как М. Горький, В. Маяковский, А. Толстой, М. Шолохов, Н. Островский, К. Симонов, В. Панова. В сентябре–октябре 1953 г. состоялся II съезд работников литературы и искусства. Его работа складывалась из мероприятий съезда работников литературы и расширенных пленумов правлений других творческих союзов, входивших в ВАРЛИ. Одним из результатов съезда стало признание социалистического реализма в качестве основного творческого метода китайской литературы и искусства, что было закреплено в принятом на съезде Уставе Союза китайских писателей и в других документах.

Важным итогом работы съезда было преобразование союза работников литературы, искусства и театра соответственно в отдельные союзы писателей, художников и театральных деятелей со своими руководящими органами, в которые вошли наиболее авторитетные мастера разных поколений и разной творческой манеры. Теперь за ВАРЛИ оставались лишь координация работы творческих союзов и общие политические и идеологические вопросы культурной политики.

В связи с малочисленностью профессиональных артистов, особенно молодых, по инициативе деятелей китайского театра сразу же после образования КНР были созданы два высших учебных заведения с целью подготовки кадров для театра разговорной драмы: Центральный театральный институт в Пекине и Театральный институт в Шанхае. Почти одновременно в Пекине организованы два профессиональных коллектива разговорной драмы – Молодежный художественный театр Китая и Народный художественный театр

Пекина, а в Шанхае – Народный художественный театр Шанхая. В 1954 г. стал издаваться специальный театральный журнал «Сицзюй бао».

В 1956 г. в КНР был поставлен первый современный национальный балетный спектакль – «Волшебный фонарь-лотос». В основу либретто легла сказка о любви небожительницы и студента, музыку написал композитор Чжан Сяоху. Почти одновременно выпускники первого в истории Китая Балетного училища поставили «Лебединое озеро» и китайский балет «Красавица-рыбка». В этих постановках нашло отражение сочетание приемов русской балетной школы и национальной китайской хореографии.

В 1956 г. в Пекине был проведен Первый всекитайский смотр театра разговорной драмы. В нем участвовал 41 пекинский и периферийный коллектив. Они показали 30 многоактных и 19 одноактных спектаклей. В постановках преобладали военно-историческая и производственная темы, но не были обойдены вниманием проблемы перевоспитания интеллигенции и молодежи. Значительный интерес вызвал сатирический спектакль «Гляжу на запад, на Чаньань» по пьесе Лао Шэ, поставленный Молодежным художественным театром Китая. В пьесе, сюжет которой явно несет влияние гоголевского «Ревизора», выведен проходимец, выдающий себя за приехавшего инкогнито начальника. Доверчивые кадровые работники попадают на удочку мошенника, подписывают ему ложные документы, обеспечивают его деньгами. В конце концов, находится умный человек, который разоблачает обман, и мошенника передают в органы безопасности. Лучшие спектакли были отмечены наградами.

Еще в 1950 г. в Пекине открылся Институт изучения исполнительского искусства, в 1951 г. преобразованный в Киношколу Управления кинематографии, а в 1956 г. переименованный в Институт кинематографии. Лучшим достижением китайской кинематографии начала 50-х годов стал фильм «Седая девушка» (1950 г.) – экранный вариант «новой оперы», созданной в «освобожденных районах» в середине 40-х годов (сценарист Ян Жуньшэнь, кинорежиссер Шуй Хуа, заглавная роль – Тянь Хуа). Молодой режиссер Чэн Инь в том же году поставил фильм «Стальной солдат», отмеченный, как и «Седая девушка», призом Карлововарского кинофестиваля. Премий Министерства культуры КНР в 1949–1955 гг. были удостоены такие фильмы, как «Разведка за рекой», «Дочери Китая», «Повесть о новых героях», «Ворота № 6», «Письмо с петушиными перьями» (1953 г.), «Дун Цуньжуй» – о становлении характера крестьянского паренька, ставшего героем во время войны (1955 г.).

После создания Всекитайского союза художников его председателем стал известный мастер Сюй Бэйхун, работавший в европейской и в национальной манере живописи. На I съезде работников литературы и искусства он говорил о необходимости, прежде всего, провести реформу художественного образования. Преподавание анатомии и рисунка, основанное на опыте европейского искусства, по его мнению, должно было стать обязательным, чтобы обеспечить высокий профессиональный уровень новых художников. Одновременно он считал необходимым решить проблему развития традиционной китайской живописи *гохуа*, мастера которой составляли подавляющее большинство в ря-

дах китайских художников. В значительной степени благодаря руководству Союза художников в 1953 г. в КНР действовали уже 13 высших и шесть средних специальных учебных заведений, в которых под руководством известных мастеров живописи, графики и скульптуры обучалась их смена.

В 1953 г. в руководстве Всекитайского союза художников произошли изменения, связанные со смертью Сюй Бэйхуна. Председателем стал старейший мастер традиционного жанра «цветы и птицы» Ци Байши. В руководство вошел еще один мастер *гохуа*, пейзажист Гуань Шаньюе. Эти изменения свидетельствовали о том, что несколько пренебрежительное отношение к *гохуа*, характерное для первых лет новой власти, начало уступать место подчеркиванию значения китайской традиционной живописи. В том же году прошла 1-я Всекитайская выставка *гохуа*. В 1954 г. состоялась 1-я Всекитайская выставка гравюры, в 1955 г. прошли 1-я Всекитайская выставка изобразительного искусства и 2-я Всекитайская выставка *гохуа*. В тот период было создано одно из лучших произведений современной китайской живописи – «Мальчик на буйволе» Ли Кэжэня, глубоко национальное, ярко индивидуальное, демонстрирующее современное видение мира. В жанре «цветы и птицы» плодотворно работали Ци Байши, Пань Тяньшоу, Чэнь Баньдин.

Активная пропаганда *гохуа*, начавшаяся в 1955 г., продолжалась в 1956–1957 гг. Госсовет КНР принял постановление об организации двух институтов национальной живописи – в Пекине и Шанхае. Поддержка государством крупных культурных проектов стала возможной благодаря достижениям страны в области экономического строительства.

«Большой скачок». 1957–1960

Подготовка

Механизм управления страной продолжал бессменно находиться в руках КПК, а точнее, во власти Мао Цзэдуна, который, занимая посты председателя Военного совета ЦК КПК, председателя ЦК КПК и председателя КНР, безраздельно руководил вооруженными силами, партией и государством.

Первый пятилетний план (1953–1957 гг.) стал воплощением генеральной линии партии на индустриализацию страны и постепенные социалистические преобразования несоциалистических форм хозяйствования. Несмотря на неоспоримое лидерство Мао Цзэдуна, пятилетний план, как и генеральная линия партии, был компромиссом между позициями двух групп в руководстве КПК, выступавших за различные пути развития страны. Одним из них был путь строительства, другой – «путем революции и борьбы». За строительство ратовали заместитель председателя ЦК КПК Лю Шаоци и его единомышленники, реально оценивавшие обстановку. За «революцию и борьбу» – Мао Цзэдун и его приверженцы.

Курс КПК, принятый на 1-й сессии VIII съезда партии в 1956 г., в течение последующих двух лет был подвергнут ревизии. В борьбе группировок в руководстве КПК стала одерживать верх та, которая настаивала на максимальном ускорении темпов социально-экономических преобразований.

По ее настоянию экономическое строительство в преддверии VIII съезда КПК велось чрезмерно высокими темпами. Хотя в начале 1956 г. их в основном удалось сдержать, однако это не удалось сделать повсеместно. При подведении итогов года обнаружилось, что в КНР впервые после 1953 г. возник бюджетный дефицит. Вновь вспыхнула серьезная дискуссия по вопросу об оценке экономической деятельности в 1956 г. и разработки плана на 1957 г. При обсуждении плана и бюджета 1957 г. на 2-м пленуме ЦК КПК 8-го созыва большинство участников пленума одобрительно отнеслось к предложениям, направленным на «обеспечение сооружения важнейших объектов и осуществление надлежащих сокращений» в 1957 г. Пленум осудил неоправданное форсирование темпов развития страны.

15 января на пленарном заседании Мао Цзэдун заявил о необходимости уметь и наступать, и отступать, но при этом главным назвал наступление. Он подчеркнул, что необходимо поощрять инициативу кадровых работников и народных масс, недопустимо охлаждать их энтузиазм. Как отмечается в «Краткой истории КПК» (1993 г.), «на самом же деле мнение Мао Цзэдуна расходилось с позицией пленума, осудившего неоправданное форсирование темпов развития. Однако в тот момент он не выступил с открытой критикой и, присоединившись к мнению большинства, дал согласие на осуществление в 1957 г. намеченного курса». Но в январе 1958 г. на рабочем совещании ЦК КПК в Наньшине он подверг этот курс резкой критике.

Контрольные цифры второй пятилетки (1958–1962), принятые на Первой сессии VIII съезда КПК, служили надежной основой для решения острых социально-экономических проблем страны. Они предписывали увеличение производства валовой продукции промышленности и сельского хозяйства к 1962 г. примерно на 75% по сравнению с плановыми заданиями на 1957 г.: продукции промышленности примерно в два раза, а сельского хозяйства – на 35%. Предусматривалось увеличение производства стали с 5,3 млн т до 10,5–12 млн, т.е. примерно в 2,2 раза, электроэнергии – с 19,3 млрд кВт·ч. до 40–43 млрд, угля – со 130 млн т до 190–210 млн т, нефти – с 1,5 млн т до 5–6 млн т, хлопчатобумажных тканей – с 5 млрд т до 7,2–8 млрд хлопка – с 1,6 млн т до 2,4 млн, металлорежущих станков – с 28 тыс. штук до 60–65 тыс. Объем производства зерновых предполагалось увеличить в 1,3 раза и довести до 250 млн т, национальный доход должен был вырасти приблизительно на 50%.

В предисловии к переизданной в марте 1958 г. книге «Социалистический подъем в китайской деревне» Мао Цзэдун писал: «Мы не предполагали, что в 1956 г. на международной арене могут возникнуть такие сильные ветер и волны, как не предвидели и того, что внутри страны в 1956 г. возникнут такие инциденты, как выступления “против форсированного развития”, направленные против энтузиазма масс. Эти два инцидента... подстегнули бешеную атаку правых». Свою позицию Мао Цзэдун представил в виде новой генеральной линии: «напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм по принципу “больше, быстрее, лучше, экономнее”», о которой он впервые сказал на рабочем совещании ЦК КПК в Чэнду в феврале 1958 г.

Хотя промышленность КНР в 1956 г. ценой значительных усилий совершила 30-процентный «скачок», темпы социально-экономического развития, определенные VIII съездом КПК, не устраивали Мао Цзэдуна, как и намеченная съездом социально-экономическая политика. В своем выступлении на 3-м пленуме ЦК КПК 8-го созыва осенью 1957 г. Мао Цзэдун не только подверг ревизии выводы VIII съезда КПК об основных противоречиях в китайском обществе, но и заявил, что важнейшими из них являются противоречия между пролетариатом и буржуазией, между социалистическим и капиталистическим путем развития, и заявил о необходимости борьбы против «консерватизма». Мао Цзэдун упрекал собравшихся в том, что в 1956 г. они отказались от лозунга «больше, быстрее, лучше и экономнее». Он навязал одобрение идеи ускорения темпов экономических и общественных преобразований. Он потребовал резкого повышения урожайности и эффективности сельскохозяйственного производства, для чего, в частности, предложил привлекать массы населения к ирригационному строительству. Наряду с развитием крупного производства он считал необходимым создать среднюю и мелкую промышленность, что позволило бы в массовом порядке использовать ручной труд. В частности, он предложил повсеместно создавать небольшие сталеплавильные заводы с целью резкого увеличения производства чугуна и стали. Таким образом, в его выступлениях уже проявились основные очертания грядущего «большого скачка».



Поездка Мао Цзэдуна в Москву в ноябре 1957 г.
Справа налево: Н.А. Булганин, Мао Цзэдун, П.Ф. Юдин, Сун Цинлин,
Дэн Сяопин, Пэн Дэхуай

В ноябре 1957 г. в Москве состоялось Совещание представителей коммунистических и рабочих партий, в котором участвовала и делегация КПК во главе с Мао Цзэдуном. Н.С. Хрущев от имени СССР тогда заявил о намерении за 15 лет догнать и перегнать США, а Мао Цзэдун – о том, что через 15 лет КНР, возможно, догонит или перегонит Англию. Во время пребывания в Москве Мао Цзэдун в беседе с членом руководства Компартии Великобритании Г. Поллитом поинтересовался, сможет ли Англия через 15 лет увеличить производство стали с 20 млн т в год до 30 млн т. Китай, уверенно заявил Мао Цзэдун, к тому времени намерен выплавлять 40 млн т.

Выступая на Совещании 18 ноября 1957 г., Мао Цзэдун представил свои амбициозные планы в динамике: он заявил, что КНР выплавляет 5,2 млн т стали, через пять лет этот показатель может приблизиться к 10–15 млн т, через следующее пятилетие – к 20–25 млн т, а еще через пять лет достигнет 35–40 млн т. О тех же намерениях он говорил в период проведения Совещания и при встрече с министром иностранных дел СССР А.А. Громыко.

Мао Цзэдун выказывал удовлетворение тем, что СССР первым запустил искусственный спутник Земли, утверждал, что в соревновании двух систем победа будет за КНР и СССР. Именно тогда он выдвинул лозунг: «Ветер с Востока одолевает ветер с Запада, обгоним Англию, догоним Америку». Он считал, что при условии мобилизации народных масс на новое движение в производстве «наверняка можно совершить “большой скачок”». Из Москвы он позвонил в Пекин и заявил, что в дальнейшем более не следует бороться

против «слепого забегаания вперед», и при строительстве социализма «необходимо рисковать».

На состоявшемся в декабре 1957 г. VIII Всекитайском съезде профсоюзов председатель ПК ВСНП Лю Шаоци, выступая с приветствием от имени ЦК КПК, и будучи вынужден отражать позицию Мао Цзэдуна, обратился к населению страны с призывом в течение 15 лет догнать и перегнать Англию по производству стали и других важнейших видов промышленной продукции.

На 3-м расширенном пленуме ЦК КПК 8-го созыва (20 сентября – 9 октября 1957 г.) Мао Цзэдун выступил с требованием закрепить в качестве программного лозунг «больше, быстрее, лучше, экономнее», выдвинутый им ранее. Пленум пересмотрел проект «Основных положений развития сельского хозяйства на 1956–1967 гг.» и принял исправленный текст этого документа, известный также как «40 пунктов по сельскому хозяйству». Принятие «40 пунктов», как и весь пленум, стало этапом подготовки к проведению политики «большого скачка». 27 октября 1957 г. «Жэньминь жибао» опубликовала передовую статью «Великий документ о строительстве социалистической деревни», где были изложены исправленные «40 пунктов» и выдвигалось требование за 12 лет осуществить во всех отраслях сельского хозяйства «огромный скачок». Так впервые в печати КНР прозвучал термин «скачок», использованный ЦК КПК для формулирования нового лозунга. «Исправленный проект из 40 пунктов», по существу, стал программой «большого скачка» в сельском хозяйстве.

13 ноября 1957 г. «Жэньминь жибао» опубликовала передовую статью, где говорилось о том, что после кооперирования сельского хозяйства в стране появились «условия и необходимость совершить *«большой скачок»* (курсив мой. – В.У.) на фронте производства». Так выражение «большой скачок» было запущено в пропагандистский оборот. Позднее Мао восхищался этой статьей. В письме от 26 мая 1958 г. участникам совещания Политбюро ЦК КПК он указывал: «Вновь посмотрите передовую статью “Жэньминь жибао” от 13 ноября 1957 г. – чувствуется вкус, тема ясна, непринужденность, верный анализ, четкие задачи. Слово “скачок”, начиная с этой статьи, заменило выражение “слепое забегаание вперед”. Если уж давать степень доктора наук, то я предлагаю дать степень первого доктора тому ученому (или нескольким), кто изобрел этот великий лозунг».

Начало

12 декабря 1957 г. в «Жэньминь жибао» была опубликована передовая статья «Необходимо решительно поддерживать курс “больше, быстрее, лучше, экономнее”». В ней утверждалось, что данный курс выдвинут партией, и о его правильности свидетельствует «скачок в развитии народного хозяйства, совершенный в 1956 г.». Передовая призывала твердо следовать этому курсу в целом, не выхватывая его отдельные положения. Статья знаменовала начало новой кампании – «большого скачка».

В ее рамках, прежде всего, была организована акция по мобилизации крестьянского населения на круглосуточную трудовую вахту в борьбе за подъем сельскохозяйственного производства в зимний период. Главное внимание при этом сосредоточивалось на строительстве ирригационных сооружений, осуществлении мелиорации и развитии свиноводства в целях получения удобрений.

В январе и марте 1958 г. на рабочих совещаниях ЦК КПК, созданных соответственно в Наньнине и Чэнду, Мао Цзэдун подверг резкой критике премьера Чжоу Эньлая и его заместителей Чэнь Юня, Ли Сяньняня и Бо Ибо за то, что они в прошлом оказывали противодействие форсированию темпов развития экономики.

Уже в первый день совещания в Наньнине, 11 января 1958 г., Мао Цзэдун раскритиковал тезис о «борьбе против авантюристического уклона слепого забега вперед», заявив, что эта тема исчерпана. На следующий день он заявил: «Если лишить энтузиазма поднявшихся на строительство 600 млн человек, в результате чего они сочтут свои действия ошибочными, то наступившее разочарование будет самым худшим из того, что можно сделать». Мао Цзэдун во время совещания дважды беседовал с Чжоу Эньлаем наедине (13 и 19 января). Следствием этих бесед стали почти ежедневные совещания Ли Сяньняня и Бо Ибо у Чжоу Эньлая, где они до поздней ночи обсуждали, в какой форме им следует выступить с «самокритикой». После этого Чжоу Эньлай публично взял на себя главную ответственность за «борьбу против авантюристического уклона», которая была «проявлением правого консервативного уклона». Мао Цзэдун заявил, что так называемая «борьба против авантюристического уклона» «отбросила некоторых из наших товарищей на позиции, очень сходные с позициями правых элементов».

В конце февраля 1958 г. прошло расширенное совещание Политбюро ЦК КПК, на котором была продолжена критика Чжоу Эньлая и его сторонников. А 9 марта, в первый день совещания в Чэнду, Мао Цзэдун предложил сравнить два способа построения социализма: «Первый – это соответствующий учению Маркса курс, который сейчас называют “авантюристическим”, а другой – противоположный: “борьба против авантюристического уклона”, который не является марксистским. Какой же из двух курсов выберем мы? Я считаю, что надо выбрать “авантюристический”». «“Забегание вперед” – это марксизм, – заявил он, борьба против забега вперед – это антимарксизм». Чжоу Эньлай вновь выступил с «самокритикой», но она не удовлетворила Мао Цзэдуна.

На Второй сессии VIII съезда КПК, проходившей с 5 по 23 мая 1958 г., инициаторы критики «слепого забега вперед», имевшей место в 1956 г., – Чжоу Эньлай, Чэнь Юнь, Бо Ибо и Ли Сяньнянь – вынуждены были вновь подвергнуть себя самобичеванию. Мао Цзэдун создал мощную атмосферу политического давления. Так, 15 мая вечером он принял по отдельности Чжоу Эньлая и Чэнь Юня и имел с ними длительные беседы, в ходе которых, видимо, обсуждалась подготовка «выступлений с самокритикой».

Чжоу Эньлай свою покаянную речь писал в течение десяти дней, сидя в своем рабочем кабинете. Его секретарь Фань Жоуй, которому он диктовал текст речи, вспоминал, что Чжоу Эньлай иногда говорил чрезвычайно медленно, «порой был не в состоянии произнести одно слово в течение пяти или шести минут». Иногда он диктовал секретарю текст со слезами на глазах. Объясняя свои «ошибки», Чжоу Эньлай утверждал, что основная причина их заключалась в том, что он «в своем мышлении не успевал за идеями товарища Мао Цзэдуна», которые «необходимо прилежнее изучать». Текст, подготовленный Чжоу для выступления на совещании, был направлен членам ПК Политбюро и секретарям ЦК КПК. Чжоу Эньлай признал серьезность «ошибок», которые «были своевременно исправлены под правильным руководством ЦК КПК и Председателя Мао». Чэнь Юнь так же принял на себя «главную ответственность» за выступления против «слепого забега вперед». В аналогичных «преступлениях» покаялись Бо Ибо и Ли Сяньнянь.

После рабочего совещания ЦК КПК в Чэнду Чжоу Эньлай подал в ЦК КПК просьбу рассмотреть вопрос о доверии к нему как к премьеру, а Пэн Дэхуай, который так же критиковал «слепое забегание вперед», поставил вопрос перед ЦК о своей отставке с должности министра обороны. 9 июня 1958 г. Мао Цзэдун созвал заседание ПК Политбюро для обсуждения этих вопросов. Оно постановило, что «обоим следует продолжать работу на занимаемых должностях, и нет необходимости замещать их другими лицами». «К тому времени среди руководителей партии и страны уже не осталось никого, кто бы мог воспрепятствовать повороту» к новому курсу.

Достижения за первые годы пребывания КПК у власти успехи были лишь первыми шагами на пути создания предпосылок для повышения низкого жизненного уровня сотен миллионов китайцев. И это признавали руководители партии и государства, включая Мао Цзэдуна. «Мы сейчас нищие, мы бедны и невежественны, более того, мы бедны и слабы, – говорил Мао Цзэдун в последней декаде ноября 1958 г. на рабочем совещании ЦК КПК в Учане, – годовой доход у нас не достигает и 80 юаней в год на душу населения, он составляет в среднем от 60 до 80 юаней; средняя месячная заработная плата рабочего составляет несколько больше 90 юаней (включая членов семьи), бедность у нас ужасающая». В 1957 г. по производству основных видов продукции на душу населения КНР занимала одно из последних мест в мире.

Мао Цзэдун считал проводившуюся тогда политику КПК в отношении крестьян максимально благоприятной для них и считал необоснованной критику этой политики. «Наш сельскохозяйственный налог, включая и налог с подсобных промыслов, составляет примерно 8% валовой продукции крестьян, а многие подсобные промыслы вовсе не облагаются налогом. Централизованные закупки зерна мы производим по нормальным ценам. В процессе обмена промышленной и сельскохозяйственной продукции государство получает от крестьян весьма незначительную прибыль... При обмене промышленной и сельскохозяйственной продукции мы сокращаем, а не расширяем “ножницы” (разницу цен на продукцию промышленности и сельского хозяйства. – В.У.), как это делается в СССР. Наша политика резко отличается

от советской. Стало быть, нельзя утверждать, что в деревне мы проводим левацкую политику». Однако последующая практика показала, что на деле и не собирались эти «ножницы» уменьшать. Так, по данным Института развития Китая, за 1955–1985 гг. общий объем принудительных выплат крестьян на нужды индустриализации страны в форме «ножниц» цен достиг 800 млрд юаней; согласно некоторым подсчетам, за 30 лет, с 1952 по 1982 г., государство через три канала – взимание сельскохозяйственных налогов, неэквивалентный обмен и чистый отток сельских сбережений – изъяло из сельского хозяйства «излишки» на сумму 612,7 млрд юаней.

* * *

Переход к новому курсу происходил в условиях массовых эксцессов, спровоцированных кампанией «ста цветов». С сентября 1956 г. до весны 1957 г. в ряде мест имели место забастовки и волнения на предприятиях, в которых участвовало более 10 тыс. рабочих. В 11 провинциях и двух городах центрального подчинения (Пекине и Тяньцзине) тысячи учащихся прекращали занятия и обращались с петициями к руководству. Мао Цзэдун считал, что выступления студентов связаны с их социальным происхождением, утверждая, что большинство студентов вузов (более 80%) являются выходцами из семей помещиков, кулаков и капиталистов, а также зажиточных середняков, и отказывался идти на уступки протестующим.

«Наша политика в деревне правильна, правильна и наша политика в городе. Поэтому крупные события в масштабе всей страны, подобные венгерским событиям, у нас не спровоцировать, – заявил Мао Цзэдун 18 января 1957 г. в своем выступлении на совещании секретарей парткомов. – Самое большее, что возможно, – это локальные беспорядки, которые будет устраивать незначительное число людей в попытке ввести так называемую большую демократию... Польза венгерских событий, в частности, в том и состоит, что они выманили наших китайских муравьев наружу». Он считал, что в ходе борьбы с правыми и движения за упорядочение стиля массы нашли новую форму борьбы в виде «широкого и полного высказывания мнений, широкой дискуссии и *дацзыбао*». Мао Цзэдун призывал «не опасаться хаоса и широкого и полного высказывания мнений».

Очевидно, Мао Цзэдун уже тогда принял решение об организации «большого скачка» в экономике. Конкретного плана мероприятий «скачка» у него не было. Но было желание «догнать Англию за 15 лет», а лучше раньше, и обогнать СССР. Преимущество Китая перед другими странами он видел в гигантских ресурсах дешевой рабочей силы. Ее надо было привести в движение, увлечь грандиозностью проекта. Цель «скачка» – в кратчайшие сроки, посредством максимального напряжения всех сил и мобилизации всех возможностей, на основе утверждения новых коллективистских форм общественной организации, добиться небывалой экономической эффективности производства, вырваться из тисков нужды и отсталости и перейти к коммунизму. Быстрое осуществление главных принципов коммунистической утопии

должно было способствовать укреплению главенствующего положения Мао Цзэдуна в КПК, а также позиций КПК и КНР в международном коммунистическом движении. Выдвижение лозунга «большого скачка» подавалось как стремление создать новые условия для поиска собственного пути построения социализма, отличавшегося от советской модели.

Новая «генеральная линия» и курс «большого скачка» вызвали значительные изменения в системе управления народным хозяйством. В ноябре 1957 г. Госсовет КНР принял утвержденные 3-м пленумом ЦК КПК проекты трех положений о реформе системы управления промышленностью, торговлей и финансами. Для устранения чрезмерной централизации, сложившейся в период выполнения первого пятилетнего плана, предусматривалось расширение компетенции провинций, городов центрального подчинения и автономных районов, а также прав отдельных предприятий.

Теоретической базой при выработке руководящих материалов по реорганизации системы управления в соответствии с новыми задачами стала работа Мао Цзэдуна «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа», в которой была выдвинута идея создания системы управления по принципу «единого планирования и руководства по ступеням». «Руководство по ступеням при едином планировании означает, – пояснял Мао Цзэдун, – что меньшей частью руководит непосредственно центр, а большая часть передается в ведение местных органов. Мы должны постепенно построить ряд крупных по масштабам современных предприятий в качестве костяка, без которого невозможно в течение нескольких десятилетий превратить нашу страну в современную державу. В отношении большей части предприятий не следует придерживаться такой практики; надо создавать больше средних и мелких предприятий, чтобы меньшими денежными средствами сделать больше».

Лю Шаоци на Второй сессии VIII съезда КПК разъяснял установку Мао Цзэдуна на расширение прерогатив местных органов, «с тем, чтобы строительство всей страны во всех отраслях развивалось по принципу и больше, и быстрее, и лучше, и экономнее, давая всем центральным органам возможность сосредоточить свою энергию на осуществлении тех задач, за которые они отвечают, с целью их успешного выполнения». «В первую очередь (в руки местных властей. – *В. У.*) передается легкая промышленность, – пояснял Лю Шаоци, – а затем постепенно и тяжелая. Права на ведение других экономических дел, культурно-просветительской работы, юридической и иной работы также будут переданы от центра к местам».

В январе 1958 г. на рабочем совещании ЦК КПК в Наньшине Мао Цзэдун выступил с призывом организовать «большой скачок» в экономике с помощью резкого расширения мелкого производства за счет местных ресурсов, к созданию «целостной системы промышленности» в масштабах уезда, района, провинции.

11 апреля 1958 г. было принято «Решение ЦК КПК и Государственного совета о передаче промышленных предприятий местным органам», согласно которому в сферу местного управления передавалось подавляющее большинство предприятий, находившихся ранее в ведении министерств: 129

из 166 металлургических, 86 из 116 угольных, 56 из 62 химических, 63 из 93 электроэнергетических, 125 из 130 легкой промышленности.

К концу июня 1958 г. около 80% промышленных предприятий и рудников, ранее бывших в центральном подчинении, находились под контролем провинций. В подчинении министерств осталось к середине 1958 г. всего 20% подведомственных предприятий, а уже к концу года – всего 13%.

В июне 1958 г. произошел значительный пересмотр системы налогообложения: была увеличена доля средств, остающихся в распоряжении провинций, в результате чего они получили возможность самостоятельно вести строительство крупных заводов и другое масштабное капитальное строительство. Поощрялось также сооружение небольших промышленных предприятий за счет мобилизации ресурсов административно-территориальных единиц ниже уровня провинции и выпуск продукции, особенно чугуна и стали, из местного сырья традиционными методами.

В январе 1958 г. Мао Цзэдун взял под защиту «скачок» 1956 г., заявив, что без него «невозможно было бы выполнить пятилетку». Он предложил при составлении государственных планов ввести «двойную бухгалтерию». Один план обнародуется – это тот, который должен быть выполнен во что бы то ни стало. Второй, завышенный по сравнению с первым, – тот, который желательно выполнить, не подлежит опубликованию. На местах тоже должно быть два плана: первый местный план – тот самый план центра, что подлежит «безусловному выполнению»; второй – фактический план центральных организаций. Причем Мао Цзэдун предлагал оценку работы производить только по показателям второго плана, т.е. плана «большого скачка», который, таким образом, рассматривался как обязательный для всех ведомств. «Мы должны поощрять стиль: “Установив показатель в 100%, осуществлять такие мероприятия, которые обеспечат выполнение этого показателя на 120%”», – говорилось в документах 6-го пленума ЦК КПК 8-го созыва.

В качестве теоретического подтверждения возможности «сверхтемпов» Мао Цзэдун на рабочем совещании ЦК КПК, состоявшемся в январе 1958 г. в Ханчжоу, выдвинул «теорию непрерывной (перманентной) революции». Он подчеркивал принципиальное отличие своего тезиса о «перманентной революции» от того, «что имел под этим в виду Троцкий». Мао Цзэдун выделил следующие этапы китайской революции: захват политической власти КПК в 1949 г.; аграрная реформа 1950–1952 гг.; «еще одна аграрная реформа, социалистическая» (кооперирование сельского хозяйства); «социалистическая революция на идейно-политическом фронте – упорядочение стиля; техническая революция». Мао Цзэдун полагал, что в 1956 г. социалистическая революция одержала победу в основном – в области собственности на средства производства, в 1957 г. в результате «упорядочения партийного стиля» и «борьбы с правыми элементами» была одержана главная победа на политическом и идеологическом фронтах, а теперь необходимо приступить к «технической революции».

Кроме того, Мао Цзэдун определил преимущества Китая, которые, по его мнению, обуславливали успех революционных преобразований в стране.

«Помимо других особенностей у 600-миллионного населения Китая есть одна явная особенность. Это – бедность и отсталость, – заявил он 15 апреля 1958 г., выступая в Гуанчжоу. – На первый взгляд, это плохо, а фактически хорошо. Бедность побуждает к переменам, к действиям, к революции. На белом, без помарок, листе бумаги можно писать самые новые, самые красивые иероглифы, можно рисовать самые новые, самые красивые картины». Эту мысль Мао Цзэдун высказывал и раньше, в том числе в работе «О десяти важнейших взаимоотношениях» (1956 г.). В 1957 г. положения об огромном населении, а также бедности и отсталости как положительных факторах развития страны прозвучали уже в качестве официальной установки.

На рабочем совещании ЦК КПК в Чэнду в марте 1958 г. он вновь подчеркивал необходимость форсирования темпов развития. Десятилетний план, считал Мао Цзэдун, отдельные кооперативы могут выполнить «либо за год, либо за три года упорной работы», остальные – за пять лет. Он ставил задачу после выполнения пятилетки за три года за 15 лет догнать Англию, за 20 – США, а по уровню сельскохозяйственного производства догнать Японию в течение трех лет.

Не обошел Мао Цзэдун на указанном совещании и вопрос о культе личности. С критикой этой политической тенденции в то время в КНР выступали некоторые деятели науки и культуры. Так, видный философ, заведующий кафедрой диалектического материализма Пекинского университета Фэн Дин, получивший образование в СССР, в 1958 г. выступил с осуждением культа личности. Он призывал не допускать «обожествления» вождя и объявлял его «всезнающей и всемогущей личностью». «Самая главная опасность преувеличения роли личности состоит в том, что народные массы незаметно для себя будут утрачивать веру в собственные силы, уровень их сознательности будет снижаться, будут ограничены их активность и творческие возможности, – писал философ. – Причем в этих условиях легко может случиться так, что вождь или небольшая группа ведущих политических руководителей будут совершать ошибки, а это приведет к серьезным отрицательным последствиям. В частности, это отразится на формировании у молодежи отношения к жизни. Молодежь, не приученная к самостоятельному мышлению, в своих высказываниях и поступках зачастую идет на поводу у приспособленцев».

Заместитель председателя ЦК КПК Лю Шаоци в 1958 г. подверг критике склонность «некоторых товарищей» считать партию «автомобилем», а себя «водителями». Вожди являются слугами народа, подчеркивал он, ставить все победы в заслугу исключительно вождю неверно.

Такие утверждения вызывали реакцию Мао Цзэдуна. «Хрущев одним махом покончил со Сталиным, это было также формой давления. В китайской партии большинство выразило несогласие, но были и такие, кто покорился этому давлению и хотел покончить с преклонением перед личностью. Некоторые проявили очень большую заинтересованность в борьбе с преклонением перед личностью.

Преклонение перед личностью может быть двух видов: одно правильное – например, мы должны преклоняться перед Марксом, Энгельсом, Лениным,

Сталиным... Да и почему не преклоняться перед ними, если истина в их руках?... Другой вид – это неправильное преклонение перед личностью, слепое подчинение без аналитического подхода...

В борьбе с преклонением перед личностью также могут быть две цели. Одна из них – это борьба с неправильным преклонением, а другая – это борьба против преклонения перед кем-либо с требованием преклоняться перед ним самим. Развенчание Сталина кое у кого вызвало именно такой отклик». Тем самым на рабочем совещании ЦК КПК в Чэнду Мао Цзэдун впервые открыто одобрил преклонение перед личностью. Положение о «правильном» преклонении перед личностью на совещании в Чэнду было воспринято рядом участников как руководство к действию. Так, первый секретарь парткома пров. Гуандун Тао Чжу заявил, что «именно перед Председателем (Мао Цзэдуном. – В.У.) следует преклоняться», а первый секретарь шанхайского горкома Кэ Цинши пошел дальше, заявив: «Если верить Председателю Мао, то верить до слепого преклонения, если подчиняться Председателю Мао, то до слепого подчинения» (через два месяца после этого Кэ Цинши был избран в Политбюро ЦК КПК).

Недовольство Мао Цзэдуна критикой культа личности И.В. Сталина в Советском Союзе с 1956 г. стало постепенно перерастать в критику Советского Союза на закрытых совещаниях руководителей КПК и КНР. Уже на рабочем совещании ЦК КПК в Чэнду критика Мао Цзэдуном СССР и советского опыта социалистического строительства занимала значительное место. Он выдвинул тезис о необходимости отказаться от слепой веры в авторитеты, «раскрепостить сознание». Под этим требованием подразумевался отказ от копирования советского опыта, которое, по его словам, охватило все сферы жизни КНР. «Дело дошло до того, что я в течение трех лет не ел куриные яйца и куриный бульон, так как в Советском Союзе появилась статья, в которой говорилось, что их нельзя есть», – заявлял Мао Цзэдун. Другой пример раболепства перед СССР он усмотрел в манере китайских художников изображать его рядом со Сталиным: Мао Цзэдуна всегда рисовали несколько ниже Сталина, «слепо подчиняясь моральному давлению Советского Союза тех времен».

Выступая в Чэнду 20 марта 1958 г., он подчеркивал, что восемь–десять лет развития КНР сопоставимы с 40 годами развития СССР. Отмечая отличия политических условий в Китае от советских, Мао Цзэдун утверждал, что в КНР «больше жизни, больше бодрости, больше ленинизма», тогда как в Советском Союзе «частично утратили ленинизм и погрязли в косности».

В конечном счете участники рабочего совещания ЦК КПК в Чэнду поддерживали новый курс на «большой скачок».

На совещаниях в Наньшине и Чэнду, где подверглись критике противники «слепого забега вперед» в экономическом развитии, отрицалась ценность опыта, накопленного за период с начала восстановления экономики и в годы первой пятилетки. Стали все чаще игнорироваться либо прямо отрицаться методы коллективного руководства в партии и принцип демократического централизма.

В результате в партии в целом, от ЦК до первичных организаций, сформировался общепринятый взгляд: после завершения социалистической революции в области строительства лучше быть левым, чем правым, допускается выступать с критикой только правых, консервативных, взглядов и не допускается выступать против левых взглядов, в частности, против ускорения темпов развития; и вообще, темпы – это суть генеральной линии партии, а ускорение, под которым подразумевалось, в первую очередь, развитие более быстрое, чем в СССР, – это главная цель, основное содержание политики в области строительства социализма.

С лета 1958 г. началось воплощение идей «казарменного коммунизма» под лозунгом: «Три года упорного труда – десять тысяч лет счастья!». Вся страна была мобилизована для участия в «большом скачке». Огромные массы народа (в октябре 1957 г. 20–30 млн, в ноябре – 60–70 млн, в декабре – 80 млн, в январе 1958 – уже 100 млн человек) участвовали в реализации амбициозных ирригационных проектов. В отдельные дни на сооружение водохранилищ выходило до 150 млн человек, включая высших руководителей КНР (Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Чжу Дэ и др.).

В ранг государственной политики по инициативе Мао Цзэдуна была возведена задача ликвидации во всей стране «четырёх вредителей», или «четырёх зол» – крыс, воробьев, мух и комаров, которые были объявлены врагами производства зерна и угрозой здоровью производителя. Уничтожение этих «вредителей», по мнению Мао Цзэдуна, должно было повысить уровень гигиены, а это показатель цивилизованности общества. Воробьи объявлялись конкурентами человека в борьбе за продовольствие.

В начале декабря 1957 г. он призвал ЦК КПК и Госсовет КНР издать соответствующее постановление, и сам через месяц набросал его проект. 4 декабря газета «Аньхой жибао» выступила с передовой статьей «Мы не остановимся, пока не уничтожим четыре зла». 7 декабря Мао Цзэдун оценил статью как «хорошую», потребовал прочесть ее по радио на всю страну и перепечатать в Пекине. 8 декабря статья появилась в «Жэньминь жибао». 27 декабря в «Чжэцзян жибао» появилась публикация, рассказывающая, как ведется борьба с «четырьмя вредителями» в провинции, и передовая статья на ту же тему. Информация чжэцзянской газеты так же была перепечатана «Жэньминь жибао». 27 декабря Мао Цзэдун потребовал, чтобы агентство Синьхуа обратило на эти материалы особое внимание и сообщало о развитии борьбы с «четырьмя вредителями».

3 января 1958 г. ЦК КПК издал специальное постановление с требованием развернуть работу по уничтожению «четырёх вредителей» на каждой улице, заводе, в каждой торговой точке, школе, дворе, деревне. В качестве положительного примера приводилась активность властей в Ханчжоу (пров. Чжэцзян), где решили «в основном» покончить с «вредителями» в течение двух лет, и в Шанхае – там только 19 декабря было создано 100 отрядов, в состав которых вошли более 1000 членов горкомов партии и комсомола, кадровых работников, посвятивших полдня уничтожению «вредителей» в 38 учреждениях 17 районов города. Было решено посвящать этой борьбе каждый четверг.

Шанхайские материалы были приложены к постановлению ЦК, которое предписывало провести в декабре 1958 г. в Пекине всекитайское совещание по этой проблеме с подведением итогов.

12 февраля 1958 г. совместное постановление о борьбе с «четырьмя вредителями» было издано от имени ЦК КПК и Госсовета КНР в «Жэньминь жибао» вместе с редакционной статьей «Обязательно необходимо уничтожить “четыре зла” в Китае».

Мао Цзэдун пообещал, что после периода агитации и подготовки весной 1958 г. будет развернута кампания по ликвидации этих «зол». В стране началась настоящая охота на воробьев, в которой участвовал и стар и млад. Кампания продолжалась более года. Только в Пекине, по данным заместителя мэра У Ханя, на отлов воробьев иногда выходили более 150 тыс. человек; он приводил в пример некоего 85-летнего старика, который при помощи сетки за зиму переловил более 30 тыс. птиц. В одном из районов Шанхая только за один день, 13 декабря 1958 г., было уничтожено около 200 тыс. воробьев. В Чунцине (пров. Сычуань) за несколько дней было убито более 230 тыс. грызунов, уничтожено две тонны личинок мух. Пионеров и школьников страны призывали активнее участвовать в этой кампании; они должны были ежедневно отчитываться перед старшими о количестве убитых из рогаток воробьев тушками, нанизанными на веточки. «В тот день, когда в Китае будут уничтожены четыре вредителя, можно будет собрать торжественный митинг, — заявил Мао Цзэдун. — Это событие будет зафиксировано в исторических хрониках. Буржуазные государства не смогли справиться с четырьмя вредителями. Считаются цивилизованными странами, а мух и комаров у них видимо-невидимо». К началу августа 1958 г., по китайским данным, было уничтожено свыше 1510 млн крыс и мышей, более 1550 млн воробьев, свыше 74 тыс. т мух и 8 тыс. т комаров. Истребление воробьев, а также и других «вредителей» нарушило экологический баланс, что привело к тяжелым последствиям. Через некоторое время Мао Цзэдун неожиданно «реабилитировал» воробьев, заявив, что их больше не нужно убивать, а следует переключиться на уничтожение клопов.

Новогодняя (1958 г.) передовая статья «Жэньминь жибао» призвала население «напрягая все силы, стремясь вперед, полностью развить революционную творческую активность» и «осуществлять строительство в различных областях по принципу и больше, и быстрее, и лучше, и экономнее». В первой декаде января Мао Цзэдун в беседе с профессорами шанхайского Фуданьского университета вновь озвучил эти лозунги, соединение которых составило формулировку новой генеральной линии партии.

Средства пропаганды в то время акцентировали внимание на том, что определяющим в генеральной линии являются «именно темпы» и что «быстрота — это центральное звено принципа “больше, быстрее, лучше и экономнее”». Об этом было заявлено 21 июня 1958 г. в передовой статье «Жэньминь жибао» «Стремиться повысить темпы». Газета призывала «развивать общественные производительные силы страны с максимальной быстротой».

Вскоре Госплан КНР разработал новый вариант плана развития народного хозяйства КНР на вторую пятилетку. Летом 1958 г. план официально был пересмотрен. Беспрецедентное значение придавалось тяжелой промышленности. Предполагалось увеличить выплавку стали более чем в 10 раз (первоначально – в два раза), производство цемента – в 15 раз (первоначально – в 1,7–2 раза), электроэнергии – в 13 раз (первоначально в 2–2,3 раза), добычу угля – более чем в пять раз (первоначально – в 1,4–1,6 раза).

Сверхконцентрация ресурсов на развитии тяжелой промышленности привела к пренебрежению легкой промышленностью – в ущерб нуждам населения и здравому смыслу. В 1958–1960 гг. соотношение вложений в тяжелую и легкую промышленность составило 10,5:1 вместо 5,6:1 в 1953–1957 гг. В результате производство в отраслях группы А увеличивалось в 4,2 раза быстрее, чем в отраслях группы Б, а их соотношение в ВПП в 1960 г. составило 67:33 против 52:48 в 1957 г.

Новый пятилетний план предусматривал увеличение производства промышленной продукции в 6,5 раза и сельскохозяйственной – в 2,5 раза по сравнению с 1958 г., причем среднегодовой прирост в промышленности должен был составить 45%, а в сельском хозяйстве – 20%. Показатели по выплавке чугуна и стали должны были увеличиться почти в 10 раз и к 1962 г. составлять 80–100 млн т, а производство зерновых – 525 млн т.

В мае 1958 г. Мао Цзэдун заявил о том, что по производству стали Англию можно перегнать не за 15, а за семь лет, а по добыче каменного угля – даже за два–три года. Уже через месяц он выразил уверенность в том, что в 1959 г. Великобритания будет оставлена позади, а через пять лет КНР приблизится по уровню выплавки стали к СССР.

В августе 1958 г. в курортном городе Бэйдайхэ на берегу Бохайского залива состоялось расширенное заседание Политбюро ЦК КПК. На нем были приняты официальные решения о резком увеличении производства стали за 1958 г. – в два раза (до 10,7 т), в 1959 г. – почти в три раза (27–30 млн т), в 1960 г. – в два раза (60 млн т). Было также принято «Постановление о создании народных коммун в деревне», в котором констатировалось, что «построение коммунизма в нашей стране, очевидно, уже не является делом отдаленного будущего». «В народных коммунах переход от коллективной собственности к всенародной собственности представляет собой процесс, который в одних районах может пройти сравнительно быстро, в три–четыре года, а в других – возможно, медленнее, для чего потребуется пять–шесть лет или еще больший срок». Это положение было введено в документ по настоянию Мао Цзэдуна – оно буквально повторяет правку, внесенную им в проект данного постановления.

Мао Цзэдун это положение уточнил, заявив, что «для строительства коммунизма Китаю не потребуется 100 лет, хватит и 50». Он предложил сначала какой-нибудь одной провинции «вступить в коммунизм». Этот призыв сразу же нашел отклик на местах. Так, 4 ноября 1958 г. в одном из партийных изданий для внутреннего пользования была опубликована статья, провозглашавшая, что «уезд Фаньсянь пров. Шаньдун уже через два года, в 1960 г.,

вступит в коммунизм». Мао Цзэдуна этот документ показался интересным, он наложил на представленный ему текст статьи резолюцию: «Похоже на то, что это можно осуществить, но времени вроде как слишком мало, трех лет может не хватить, можно немного повременить». Аналогичное обязательство «вступить в коммунизм» через два–три года было взято руководством уезда Сюйшуй пров. Хэбэй.

В августе 1958 г. Мао Цзэдун объявил «главной линией» промышленность, призвав партию и народ заняться ее проблемами. В первую очередь ему хотелось совершить «большой скачок» в металлургии. Выдвигался лозунг «сталь решает все», ставилась задача за пять–семь лет, а в отдельных случаях за три года, досрочно выполнить план по выплавке стали, первоначально рассчитанный на 15-летний срок.

1 сентября 1958 г. «Жэньминь жибао» обнародовала информацию агентства Синьхуа под заглавием «Расширенное совещание Политбюро ЦК КПК призвало всю партию и весь народ бороться за производство 10,7 млн т стали». Газета выражала уверенность, что за два года выплавка стали непременно будет удвоена.

По всей стране развернулось движение за вовлечение масс в производство стали. К середине сентября 1958 г. сталь варили более 20 млн человек, а в октябре – уже 90 млн. В сентябре–октябре руководство пров. Хэнань мобилизовало на эту работу 3 млн 600 тыс. человек. Если в 1957 г. провинция производила всего 4 тыс. т металла, то уже 13 сентября 1958 г. она сообщила о ежедневной выплавке 200–300 тыс. т. Один из уездов пров. Гуанси 18 октября 1958 г. также сообщил о ежедневной выплавке металла, равной 200 тыс. т.

Всего в «битве за сталь» приняло участие до 100 млн человек, было сооружено более миллиона мелких кустарных доменных печей, вагранок, в которых выплавляли по традиционным простым технологиям чугуны и сталь. Этим занимались крестьяне, солдаты, студенты, рабочие, учителя, врачи и медсестры, продавцы и бухгалтеры, кадровые работники, даже учащиеся школ. Например, в пров. Хэнань на руднике «Шахэ» работали 7–8-летние дети и 70–80-летние старики. Сталь варили и во дворах зданий партийных комитетов провинций и правительственной резиденции Чжуннаньхай. Вот как личный врач Мао Цзэдуна описывал такую домну, впервые увиденную им во дворе здания партийного комитета пров. Аньхой. «Она была сложена из кирпича с использованием цементного раствора и имела высоту около пяти метров. Плавка была в полном разгаре, и в раскаленном жерле печи можно было различить различные хозяйственные поделки из стали – кастрюли, сковородки, дверные ручки и даже лопаты».

Некоторые партийные руководители на местах, понимая, что население трудится из последних сил, сквозь пальцы смотрели на уменьшение числа лиц, участвующих в «борьбе за сталь». Так, в уезде Линши пров. Шаньси первоначально в этой кампании участвовало 330 тыс. человек, но в сентябре на работу стало выходить «всего» 28 тыс. человек, в результате чего производство чугуна упало до 3 т в сутки. Такое поведение местных кадровых работников вызывало гневную критику партийной печати.

Отовсюду поступали победные репортажи, убеждавшие руководство страны, что задание будет выполнено и страна получит 11 млн т стали. «Если такие убогие доменные печи могут дать такое огромное количество стали, – недоумевал Мао Цзэдун, – то совершенно непонятно, почему западные страны по-прежнему строят такие сталелитейные гиганты? Неужели они глупее нас?».

С крайним напряжением сил работала вся промышленность, причем предприятия стремились максимально увеличить объем производства, нарушая все нормативы, инструкции и правила охраны труда, не заботясь о рациональном использовании ресурсов.

В области сельского хозяйства был выдвинут лозунг «зерно решает все». Ставилась задача в течение трех–пяти лет, а кое-где за один–два года, выйти на уровень зернового производства, ранее намечавшийся только через 12 лет.

Внедрение в стране идеалов «военного коммунизма», развитие мобилизационной экономики и уравнилельное распределение подавались как «создание новых условий поиска собственного пути построения социализма». Мао Цзэдун противопоставил свою схему переустройства страны экономическому строительству в СССР и других социалистических странах. Практику организации и планирования производства, систему организации труда и зарплаты, применявшиеся в КНР в 1953–1957 гг., он объявил «системой буржуазного права», источником «буржуазной идеологии». 16 сентября 1958 г. в Шанхае была опубликована статья заведующего отделом пропаганды шанхайского горкома партии Чжан Чуньцяо «Покончить с идеологией буржуазного права». Первый секретарь шанхайского горкома КПК Кэ Цинши переслал этот материал Мао Цзэдуну, которому она понравилась, несмотря на «некоторую односторонность». Мао Цзэдун написал к ней анонимное слово «от редакции» и дал указание перепечатать статью в «Жэньминь жибао», что и было сделано 13 октября 1958 г. Автор статьи защищал «систему натурального снабжения», которая существовала раньше у коммунистов и которую «кто-то» начал критиковать как «партизанский стиль» и патриархальные «крестьянские замашки», нападал на «разрядную систему зарплаты» и введенную в июне 1955 г. «систему сдельной оплаты труда», которые клеймил как «ядро идеологии буржуазного права». 20 сентября 1958 г. шанхайская «Цзефан жибао», видимо, вдохновленная статьей Чжан Чуньцяо, поместила передовую статью «Добровольная отмена рабочими верфи Цзяннань системы сдельной заработной платы». В ней сообщалось, что рабочие верфи, «повысив свое классовое сознание», пришли к пониманию несоответствия сдельной оплаты «большому скачку», выявили ее несоответствие интересам производства и начали требовать в *дацзыбао* введения повременной оплаты. Руководство верфи, якобы прислушавшись к требованиям рабочих, ввело повременную оплату на всех рабочих местах, в результате чего производство совершило «большой скачок».

Из содержания статьи становилось ясным, что переход к повременной оплате позволял значительно снизить фонд заработной платы, а благодаря «добровольному» выходу на работу раньше положенного времени или же

«добровольной» переработке ликвидировались всякие ограничения продолжительности рабочего времени. Переход от системы сдельной оплаты к повременной произошел во всех городах. На селе вводилась «система натурального снабжения», связанная с учреждением новых форм организации производства и административного управления.

Решение этих задач началось весной 1958 г. с массовой кампании по реорганизации кооперативов. В апреле 1958 г. Лю Шаоци и Чжоу Эньлай совершили инспекционную поездку на юг КНР, наблюдая за развернувшейся повсеместно организацией крупных кооперативных хозяйств. Там придумали этим объединениям название «коммуна» (*гуншэ*), которое понравилось руководству партии и государства. В апреле 1958 г. на юге пров. Хэнань возникла коммуна Вэйсин («Спутник»), которая объединила 27 кооперативов, насчитывавших 43 тыс. человек, и положила начало массовому движению за создание коммун. Коммунизация деревни началась с провинций Хэнань и Шаньдун, быстро распространяясь по всей стране.

1 июля 1958 г. в печати впервые появилось название «народная коммуна». Его употребил секретарь Мао Цзэдуна Чэнь Бода в статье «Совершенно новое общество, совершенно новый человек», опубликованной в № 3 нового теоретического органа ЦК КПК журнала «Хунци» («Красное знамя»). В основу статьи был положен доклад о положении дел в одном из сельскохозяйственных производственных кооперативов пров. Хубэй, датированный 15 мая того же года. В тот же день, выступая на митинге в Пекинском университете по случаю 37-летия КПК, Чэнь Бода сослался на слова Мао Цзэдуна о необходимости «постепенно и последовательно превращать промышленность, сельское хозяйство, торговлю, культуру и образование, а также ополчение, то есть общенародные вооруженные силы, в большую коммуну; сформировав, таким образом, базовую ячейку нашего общества». 16 июля 1958 г. в № 4 «Хунци» опубликовал статью Чэнь Бода «Под знаменем товарища Мао Цзэдуна», где было изложено его выступление в Пекинском университете и упоминавшееся указание Мао Цзэдуна. Эти две статьи стали установочными для организации народных коммун.

В середине июля под председательством члена политбюро ЦК КПК Тань Чжэньлиня состоялась конференция представителей Северного Китая по вопросам сельскохозяйственного производства, принявшая решение о подготовке к переходу на новые формы организации в деревне – типа «коммун» – на том основании, что прежняя система управления и распределения в деревне «устарела». В июне–августе 1958 г. Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай и другие руководители партии и государства совершили поездки по стране. Мао Цзэдун объехал Сычуань, Хэнань, Хэбэй, Шаньдун, осмотрел крупные кооперативы и только что появившиеся коммуны, призывая руководителей и население на местах активнее создавать их и участвовать в «большом скачке». 6 августа он посетил уезд Синьсян в пров. Хэнань, и не мог скрыть своего восторга, когда увидел плакат, информирующий о том, что здесь находится «Народная Коммуна». «В этом названии ощущаются величие и революционность, – сказал он. – Я сразу вспоминаю Парижскую коммуну



Лю Шаоци беседует с молодежью во время поездки по стране. Июль 1958 г.

во Франции. Китайские народные коммуны – это экономические и политические организации коммунистического типа. Они – великое достижение нашего народа». 9 августа 1958 г., уже будучи в Шаньдуне, Мао Цзэдун публично объявил: «Народные коммуны – это хорошо!», повторив, что они являются «величайшим достижением китайского народа». Через день эти «указания» были растиражированы на первых страницах всех газет.

Мао Цзэдун следующим образом объяснял свое понимание характера и значения коммун: «Народная коммуна характеризуется, с одной стороны, большими размерами, с другой – обобществлением. В ней много людей, много земли, масштаб производства тоже большой, все дела ведутся с размахом. В ней слиты производство и администрация, налаживается питание через общественные столовые; приусадебные участки ликвидируются. Куры, утки, деревья возле домов пока остаются в собственности крестьян. В дальнейшем и это будет обобществлено. Зерна стало больше, так что можно или осуществлять систему бесплатного снабжения, или же выдавать зерно в соответствии с затраченным трудом... Сейчас мы строим социализм, но у нас имеются



Встреча Н.С. Хрущева и Мао Цзэдуна в Пекине в сентябре 1958 г.

также ростки коммунизма. В учебных заведениях, на заводах, в городских кварталах – везде можно создавать народные коммуны. Не пройдет и несколько лет, как все объединится в одну большую коммуну».

10 августа в Тяньцзине Мао Цзэдун заслушал рабочий доклад парткома пров. Хэбэй. Руководитель провинции Лю Цзыхоу докладывал, что каждый работник должен в нынешнем году собрать по 500 кг зерновых, в будущем году – по 1000 кг. Мао Цзэдун попенял ему: «А на третий год? Что, каждый должен собрать по 2500 кг зерновых, какая с этого польза? Если каждый будет собирать по 2500 кг, то это будет неправильно. Необходимо, чтобы каждый собирал по 1500 кг, а если будет больше, то потом возникнут трудности с хранением».

Мао Цзэдун демонстрировал уверенность в грядущих производственных успехах коммун. Когда Н.С. Хрущев прилетел 31 июля 1958 г. в Пекин и встретился с Мао Цзэдуном, тот рассказал о «большом скачке», особо

похваставшись небывалыми видами на урожай. Он утверждал, будто в КНР образуются такие большие запасы зерновых, что правительство находится даже в некотором затруднении по этому поводу. Хрущев ответил, что «у нас избытков зерна никогда не было», а если таковые будут в Китае, то «китайцы не дураки, найдут, что с ними делать».

На упомянутом выше совещании в Тяньцзине Мао Цзэдун дал указание по поводу максимального укрупнения коммун. Узнав от Лю Цзыхоу, что в каждой из более чем четырех тысяч волостей планируется организовать по одной коммуне, Мао заявил, что 2 тыс. коммун – примерно по 10 тыс. дворов в каждой – будет вполне достаточно.

«Каждая крупная коммуна построит у себя магистральное шоссе или широкую бетонную либо асфальтированную дорогу, – говорил Мао Цзэдун 21 августа. – Если ее не обсаживать деревьями, то на такой дороге смогут делать посадку самолеты. Вот вам и аэродром. В будущем каждая провинция будет иметь 100–200 самолетов, на каждую волость будет приходиться в среднем по два самолета». А кандидат в члены Политбюро ЦК КПК Кан Шэн сочинил речевку, которую к осени 1958 г. пропагандистский аппарат стал усиленно внедрять в массы:

Коммунизм – это рай.
А народные коммуны – мост к нему.
Коммунизм – небеса,
А коммуна – лестница.
Если выстроим ее,
Заберемся далеко!

В решении ЦК КПК «По вопросу о создании народных коммун» от 30 августа 1958 г. утверждалось, что уже через несколько лет страна может вступить в эпоху коммунизма, будут устранены остатки «буржуазного правового неравенства», и «каждый будет работать по способностям, а получать по потребностям». Под лозунгом «несколько лет упорного труда – десять тысяч лет счастья» руководство КНР призывало многомиллионное население страны «упорно потрудиться три года» и совершить «скачок» в коммунизм. Насаждавшиеся по всей стране «народные коммуны» объявлялись основной ячейкой не только социалистического, но и коммунистического общества.

1 сентября 1958 г. в № 7 журнала «Хунци» появилась передовая статья «Приветствуем подъем массовой организации народных коммун», а 3 сентября вышла передовица «Жэньминь жибао» «Вперед с высоко поднятым красным знаменем народной коммуны». В течение нескольких последующих месяцев 740 тыс. кооперативов в стране были преобразованы в 26 тыс. «народных коммун», включавших 120 млн крестьянских дворов – 98,2% общего их количества в стране. К концу октября 1958 г. коммуны были созданы почти повсеместно, за исключением Тибетского, Нинся-Хойского, Синьцзян-Уйгурского автономных районов и Юньнани.

По земельной площади, числу рабочих рук и количеству дворов коммуна обычно в 20–30 раз превосходила прежние кооперативы (в кооперативах высшего типа было в среднем по 100–200 дворов). Большинство коммун насчитывали по 4–5 тыс. дворов, а иногда и по 10–20 тыс. В каждую в среднем входили свыше 20 тыс. человек, в том числе примерно 10 тыс. трудоспособных; на одну коммуну по стране приходилось около 4 тыс. га земли. Характерными особенностями коммун были уравнительное распределение и произвольное распоряжение людскими и материальными ресурсами. Земля, все средства производства кооперативов, а также приусадебные участки крестьян перешли в собственность коммун. Члены коммун должны были передавать в общий котел даже денежные переводы от родственников, проживавших за границей. Вводилась система частичного натурального снабжения, включая всемерное развитие сети общественных столовых и бесплатное питание, без учета количества и качества труда. Считалось, что ликвидация домашних кухонь, создание детских ясель и садов на треть увеличат число рабочих рук на селе, высвободив множество женщин для работы в поле. «Общественные столовые, где едят бесплатно, и есть коммунизм», – утверждал Мао Цзэдун. Он предлагал «продумать вопрос об отказе от системы денежного жалования и восстановлении системы бесплатного снабжения».

После упоминавшегося выше августовского совещания в Бэйдайхэ уже к сентябрю 1958 г. в 98 уездах и городах пров. Хэбэй было создано 217 тыс. столовых, в которых питалось 27,2 млн человек, что составляло 63% населения провинции, а к середине октября количество столовых увеличилось до 230 тыс., к которым были прикреплены уже 94% членов коммун. В Хубэе к 14 октября насчитывалось 269 тыс. столовых, предназначенных для 80% населения провинции, или 98% членов коммун. Для 80% крестьян менее населенной пров. Шэньси к 28 сентября 1958 г. оказалось достаточно 105 тыс. столовых.

В связи с ликвидацией личного хозяйства крестьян, конфискацией домашнего скота и птицы, фруктовых деревьев, приусадебных участков и введением бесплатного питания в деревнях и городах были уничтожены рынки. Для стариков повсеместно организовывались дома престарелых («Дома Счастья»), а дети обязаны были жить и воспитываться в детских садах и яслях. Всего к ноябрю 1958 г. в деревнях было создано более 2650 тыс. общественных столовых, более 4750 тыс. детских садов и ясель, более 100 тыс. «Домов Счастья».

В коммунах всемерно насаждались военизированные формы организации труда и повседневной жизни. «Военизация в народных коммунах отнюдь не является военизацией на буржуазный манер, – утверждал Мао Цзэдун 21 августа 1958 г. на совещании в Бэйдайхэ. – Она характеризуется наличием дисциплины и демократии; взаимоотношения в военизированных коммунах строятся на сознании общности дела ее членов; военизация в народных коммунах основывается на убеждении, а не принуждении. Труд требует строгой дисциплины».

Рабочая сила, подобно армии, распределялась по отделениям, взводам, ротам и батальонам, «Понятие “военный” и понятие “демократия” как будто

исключают друг друга, – говорил Мао Цзэдун. – Но как раз наоборот – демократия возникает в армии... Когда весь народ это солдаты, то люди вдохновляются и становятся смелее». Лозунг «Весь народ – это солдаты» был распространен пропагандой по всей стране. Страна стала превращаться в военный лагерь. Мао Цзэдун требовал «ускорять производственный процесс» под контролем сверху. «Необходим контроль: нельзя только придерживаться демократии, надо сочетать Маркса с Цинь Ши-хуанди» – прямо апеллировал Мао Цзэдун к опыту прославившегося своей жестокостью создателя первой централизованной китайской империи Цинь, существовавшей с 221 по 207 г. до н.э. «Цинь Ши-хуан закопал живьем 460 конфуцианцев, – напоминал Мао Цзэдун. – Однако ему далеко до нас... мы поступили, как десять Цинь Ши-хуанов. Я утверждаю, что мы почтище Цинь Ши-хуана. Тот закопал 460 человек, а мы 46 тыс., в 100 раз больше».

Мао Цзэдун считал военизированную организацию деревенских и городских коммун и расширение так называемого народного ополчения по формуле «весь народ – это солдаты» одним из основных средств усиления мощи КНР. В интервью агентству Синьхуа 29 сентября 1958 г. он заявил: «Мы должны не только иметь могучую регулярную армию, но и широко создавать дивизии народного ополчения; только осуществляя принцип “весь народ – это солдаты” и ведя народную войну, можно не допустить вторгнувшегося противника ни на шаг». Было форсировано создание в городах и деревнях ополченческих отрядов (*миньбин*). В них автоматически зачислялись миллионы людей без учета возможности их обучения и вооружения. Ополченческие отряды после тяжелого трудового дня часами занимались военной подготовкой. По неполным данным, уже в 1958 г. в 20 провинциях, городах центрального подчинения и автономных районах в ополчении состояло 49057 тыс. человек. Из них было сформировано 24535 полков, объединенных в 1052 дивизии. А к январю 1959 г. в ополчении насчитывалось уже от 220–250 млн человек, или треть населения страны. Из них лишь 30 млн имели некоторую военную подготовку, включая 20 млн демобилизованных воинов НОАК.

Вскоре такая политика показала свою несостоятельность. В 1960 г. комиссия из центра, проверившая состояние дел в народном ополчении пров. Хунань, обнаружила полный развал системы *миньбин*. Многие формирования существовали только на бумаге; некоторые ополченцы использовали оружие в личных целях, часто преступных, вооружение хранилось без должного контроля и приходило в негодность. Недовольство народным ополчением проявляли министр обороны Пэн Дэхуай и начальник Генштаба НОАК Лю Жуйцин, которого позднее обвинили в том, что он «задержал формирование ополчения на пять лет».

От родителей партия потребовала забыть о «сентиментальных буржуазных привязанностях» к детям и перейти к «единственно здоровому», коллективистскому, выстроенному по военной системе образу жизни. Идеальная семья – это супружеская пара, охваченная стремлением к стахановскому труду во имя процветания своей коммуны, – утверждали китайские СМИ. Молодежь, прежде всего городская, в массовом порядке направлялась в пограничные районы

для освоения целины и проведения строительных работ, прежде всего военного характера. Как сообщало агентство Синьхуа, в 1958 г. из внутренних провинций на Северо-Запад, Северо-Восток и Внутреннюю Монголию было отправлено около 1380 тыс. молодых людей.

Коммуны стали выполнять также функции низовых органов власти. Руководящие структуры народных коммун превратились в местные административные органы. Во многих коммунах были также созданы предприятия вне аграрной сферы – они занимались выплавкой металла, производством химических удобрений, изготовлением сельскохозяйственного оборудования.

Возникновение народных коммун, изменившее социально-экономическую ситуацию в деревне, привело к переменам в методах налогообложения и механизме уплаты налогов. Первоначально коммуна была объявлена «основной единицей налогообложения», «ответственной за налоговые платежи в сельских районах», причем не только за сельскохозяйственный налог, но и за налоги с промышленности и торговли. Однако из-за громоздкости новой системы уже в 1959 г. ответственность за уплату налога была переложена на большую производственную бригаду коммуны, а с 1962 г. в ряде районов – и на производственную бригаду (там, где она стала основной хозяйственной единицей).

Одним из отрицательных последствий создания коммун стало снижение налоговых поступлений из сельской местности. Это было связано, в частности, с сокращением объема сельской торговли, закрытием сельских рынков. То, что ранее представляло собой торговые операции между хозяйственными единицами или отдельными лицами, стало неторговым обменом между органами коммуны или бесплатными поставщиками (например, продовольствия), т.е. такими операциями, на которые не распространялось налогообложение.

По замыслу Мао Цзэдуна в результате «большого скачка» экономика КНР должна была быстро вырваться вперед, а страна – вступить в коммунистическую фазу общественного развития. Так, на заседании Верховного государственного совещания 8 сентября 1958 г. Мао Цзэдун, говоря о втором пятилетнем плане развития народного хозяйства, заявил, что в результате его выполнения Китай «должен приблизиться к США, а еще через два года, выплавляя 150 млн т. стали, обогнать США, превратившись в первую страну Поднебесной». Как вспоминал известный кинематографист, заместитель министра культуры КНР Ся Янь, в 1958 г. шанхайский партийный лидер Кэ Цинши в его присутствии как-то, бахваясь, сказал Мао Цзэдуну, что «в следующем году в Шанхае можно будет уже наладить бесплатное питание горожан». Мао Цзэдуна это известие очень обрадовало: «Если мы сделаем бесплатным питание – то это окажет влияние на весь мир, можно будет запустить намного больший спутник, чем Советский Союз (под словом «спутник» Мао Цзэдун имел в виду достижение, мировой рекорд)».

Однако уже скоро осуществление новой политики натолкнулось на серьезные трудности. Богатый урожай 1958 г. не удалось полностью убрать. Население городов к 1959 г. увеличилось на 30 млн и составило 130 млн

человек, что привело к резкому увеличению потребления продуктов питания, истощению продовольственных резервов, к нехватке рабочих рук на селе.

При этом нормирование потребления в коммунах было очень жестким. Так, в коммунах пров. Хэбэй на питание каждого из работающих мужчин и женщин, «красных» студентов и учащихся средней школы ежемесячно тратилось по 5 юаней, на ученика начальной школы – 4 юаня, на каждого престарелого в «Доме Счастья» – 4,5 юаня, на воспитанника детского сада – 3,5 юаня, яслей – 3 юаня. Деньги на руки не выдавались, а переводились общественной столовой. Каждому трудящемуся коммунару выдавались специальные талоны: на 24 *чи* (1 *чи* = 30 см) ткани для одежды в год, на 1 *цзинь* (500 г) ваты, три пары обуви, две пары носков, одно полотенце, два куска мыла, при необходимости – на одну соломенную шляпу. Нормы на учащихся, стариков и детей были другими: ткани полагалось 8 *чи* в год, носков – три пары, два больших и одно маленькое полотенце, кусок мыла, шапка.

В зависимости от качества труда и технического уровня коммунара выдавалось дополнительное пособие: по первому уровню 2 юаня в месяц, по второму – 1 юань. Студенты и учащиеся средних школ получали 0,5 юаня на мелкие расходы. На учеников начальной школы, стариков, воспитанников детских садов полагалось соответственно 1 мао (0,1 юаня), 3 мао и 1 мао, но им на руки деньги не выдавались, их тратили коллективно. Каждому молодому полагалось по 1,5 юаня, в случае рождения ребенка – 3 юаня. Один раз в 10 дней давали талон в баню, раз в 20 дней – талон на стрижку. Ежемесячно предоставлялся один билет в кино, для обогрева жилого помещения выдавалось ежедневно по 400 г угля в течение 105 холодных дней в году. Социальная политика Мао Цзэдуна походила на то, что предлагал в письме В.И. Ленину в декабре 1919 г. Л.Д. Троцкий, говоря о военном коммунизме: «Если подойти к вопросу с социально-психологической стороны, то задача сводится к тому, чтобы заставить все рабочее население переживать бедствия и искать из них выход не индивидуально, а коллективно. Достигнуть такой “канализации” личных усилий можно, только социализировав бытовые жизненные условия; уничтожив семейные очаги, домашнюю кухню, переведа всех на общественное питание. Социализация такого рода не мыслима без милитаризации... Милитаризация плюс дважды в день горячая пища, одинаковая для всех, будет всеми понята, как жизненная необходимость, и не будет ощущаться как аракчеевское насилие. Общественное питание создаст непосредственные условия общественного контроля и самой действительной борьбы с ленью и недобросовестностью: кто не выходит на работу, тому нельзя будет показаться в общественную столовую... Необходим культ физического труда... Нужно обязать всех без исключения граждан независимо от рода занятий отдавать известное, хотя бы минимальное, число часов в день или известное число дней в неделю физическому труду. Нужно, чтобы наша печатная и устная агитация в центр всего поставила физический труд». Казалось, что Мао Цзэдун действовал по заветам Троцкого. Он настаивал, чтобы работники умственного труда хотя бы по месяцу в течение года занимались физическим трудом, помогая рабочим и крестьянам выполнять задания

«большого скачка». В сентябре 1958 г. было опубликовано указание ЦК КПК о обязательном участии всех кадровых работников в физическом труде. 10 декабря 1958 г. ЦК КПК утвердил доклад своего Отдела пропаганды о привлечении к физическому труду работников сферы литературы и искусства. Профессиональных писателей в возрасте от 30 лет предписывалось направлять на заводы, в деревни, низовые организации. Писателям, достигшим 40 лет, позволялось участвовать в физическом труде, проживая в городе. В сентябре 1958 г. было издано указание ЦК КПК «О развертывании в деревнях зимой 1958–1959 гг. и весной 1959 г. движения за социалистическое и коммунистическое воспитание». В нем декларировались «непрерывный подъем сельскохозяйственного производства за последние десять месяцев», успехи «всенародного движения за упорядочение стиля, борьбы с правыми, движения за социалистическое воспитание в деревне» (было развернуто в деревне в соответствии с директивой от 8 августа 1957 г.), «повышение политической сознательности 500-миллионного народа», осознание им преимуществ народных коммун. Документ предлагал, опираясь на эти достижения, организовать движение за упорядочение стиля среди членов партии и комсомола, упорядочение кооперативов, увеличение числа сельскохозяйственных бригад, участие кадровых работников в физическом труде вместе с членами кооперативов, активное развитие «линии масс».

Экономика

Игнорирование объективных закономерностей экономического развития, погоня за валовыми показателями, преувеличение роли субъективных волевых усилий дорого стоили китайской экономике.

Заместитель премьера Госсовета, председатель Финансово-экономического комитета Чэнь Юнь неоднократно предупреждал Мао Цзэдуна о том, что темпы развития чрезмерно завышены. 26 декабря 1958 г. на обеде по случаю дня рождения Мао Цзэдуна Чэнь Юнь напомнил, что в 1959 г. намечено произвести 18 млн т стали, но он боится, что план не будет выполнен. Мао Цзэдун самоуверенно ответил: «Правильно или ошибочно то, что я предложил, можно будет проверить только на практике».

В конце 1958 г. в результате погони за «валом» 6–9 млн т произведенного чугуна и свыше 3 млн т стали оказались абсолютно непригодными к применению из-за плохого качества. На их выплавку было израсходовано 80 млн т угля и около 40–50 млн т железной руды. Из 520 тыс. построенных ранее печей, обогретых стране в 4 млрд юаней, функционировали всего 140 тыс. (28%).

Апатия, охватившая массы и руководство после спада волны энтузиазма, порождали недоверие к директивам партийного руководства, вызывали пассивное сопротивление народа. В прессу просачивались тревожные факты, писали о простаивании заводов и фабрик из-за недопоставок электроэнергии, угля, сырья. Не отапливались жилые и административные здания. Театры

пустовали, что было результатом не только плохих условий для проведения постановок и спектаклей, но и поголовной мобилизации артистов на выплавку металла. Да и среди любителей китайского театра находилось немного желающих посещать спектакли после 12–14-часового рабочего дня и долгих часов военных упражнений в отрядах ополчения.

В ноябре 1958 г. в Чжэнчжоу и Учане Мао Цзэдун провел совещания кадровых работников центральных и местных руководящих органов, ставшие подготовкой к пленуму ЦК КПК. Перед совещанием в Учане Мао Цзэдун, пытаясь найти ответы на вопросы, поставленные перед страной политикой «большого скачка», обратился к работе И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Все совещание прошло под знаком этой работы, с одними положениями которой Мао Цзэдун соглашался, а с другими полемизировал. Большое внимание он уделил вопросу перехода от коллективной к общенародной собственности. Мао Цзэдун отмечал, что вопрос о сроках перехода к коммунизму «представлял для Сталина величайшую трудность», и тот «так и не объяснил, сколько для этого потребуется времени». От точного ответа уклонялся и сам Мао Цзэдун, хотя в партии всерьез дискутировались два срока: три–четыре года и пять–шесть лет. Первым шагом к такому переходу он, как отмечалось, считал организацию «бесплатного питания», и утверждал, что в КНР уже «началась подготовка ко второму переходному периоду» (к коммунизму. – *В.У.*), от принципа «каждому по труду» к принципу «каждому по потребностям».

На совещании был выдвинут принцип «идти на двух ногах» – «исходя из предпосылки преимущественного развития тяжелой промышленности, развивать одновременно и промышленность, и сельское хозяйство».

Совещание в Учане обсудило итоги выполнения народнохозяйственного плана за 1958 г., вопрос о народных коммунах и план на 1959 г., уделив особое внимание первому кварталу. На совещании было признано, что в результате «скачка» возникла неразбериха в промышленности и сельском хозяйстве, предприятия находятся на «голодном пайке», не хватает угля, чугуна, руды, электроэнергии, транспортных мощностей, оборудования для металлургической промышленности, особенно горнорудного и прокатного. Мао Цзэдун склонен был объяснять хозяйственные проблемы не порочностью взятого курса, а субъективными причинами: «Занялись сталью – не стало угля, в Шанхае и Учане плохо с питанием. В части уездов пытаются скрыть истинную цифру урожая, подают заниженные сводки, в других уездах, наоборот, собирают меньше, чем указывается в сводках, занимаются очковтирательством, подсовывают ”дутые рекорды”».

Сказав это, Мао Цзэдун вновь поставил вопрос об увеличении объема выплавки стали в 1959 г., призвав к ее увеличению до 18–30 млн т. Чэнь Юнь предложил уменьшить план до 16 млн т, на что Мао Цзэдун ответил: «Я сомневаюсь, на самом ли деле вы, товарищи, занимающиеся экономической работой, понимаете экономику...». В результате официальным («для внешнего мира») был объявлен плановый показатель 18 млн т, тогда как руководители промышленности обязывались ориентироваться на цифру 20 млн т.

Мао Цзэдун заявил, что через 10 лет страна будет выпускать 400 млн т стали, 10 млн станков, 2,5 млрд т каменного угля, 300 млн т нефти, если прибавить к этому то, что в Китае «лучшие в мире поля», то через десять лет он станет «первым государством мира».

Министр обороны и заместитель премьера Госсовета КНР Пэн Дэхуай в своем выступлении призвал при публикации статистических показателей об урожае зерновых 1958 г. не завышать реальные цифры, а устанавливая плановые показатели на 1959 г., оставлять достаточный допуск. Предостерегал Пэн Дэхуай и против надежд Мао Цзэдуна на энтузиазм народных масс, предупреждая, что чрезмерный «жар» чреват риском «сжечь сами основы нашего дела», «собственный народ закопать в землю». «Коммунизм создается не хвастовством и не раздуванием собственных достижений, — заявил он, — если раздувать рай, то это будет рай для голодных. И не придется ли в нем, в таком “дую” раю, питаться северо-западным ветром?» Здесь министр обороны имел в виду угрозу поражения «ветра с Востока» от «ветра с Запада и Севера», т.е. развитых стран. «Некоторые товарищи говорили, что зерновых собрано более 500 млн тонн, другие — что собрано 450 млн тонн, — вспоминал о той ситуации Пэн Дэхуай. — ...Председатель Мао предложил официально опубликовать цифру 375 млн тонн». На самом деле было собрано всего 200 млн т.

Между тем децентрализация управления экономикой привела к хаосу и неразберихе в промышленности и строительстве. На многих предприятиях стали принижать роль квалифицированных администраторов и инженерно-технических работников, произвольно изменялись нормативы и технология. Были провозглашены лозунги «борьбы со слепой верой в установленные технические нормы и правила, в зарубежный опыт», «борьбы с консерватизмом». На предприятиях ликвидировались технические службы, с рабочих мест изымались необходимые инструкции и нормативы, сокращался штат работников ОТК. Идеологический аппарат видел в технологических нормах барьер на пути «творчества масс». Пресса публиковала фантастические истории о производственных успехах, якобы достигнутых на этом пути. Так, в декабре 1958 г. в «Жэньминь жибао» появилась статья под заголовком «Широко развернуть массовое движение на крупных предприятиях». В ней сообщалось, что в результате широкого массового движения на 1-м автомобильном заводе в Цилине без увеличения государственных ассигнований в 1958 г. резко возросли производственные мощности — с предусмотренных первоначальным планом 30 тыс. до 150 тыс. автомашин. Одновременно не только был совершен переход от производства одного вида продукции к многоплановому производству, но и начато изготовление своими силами новой марки автомобиля.

Однако отказ от строгого выполнения норм и требований технической и технологической документации отрицательно сказался на качественных показателях работы предприятий, создал угрозу выхода из строя важнейших видов оборудования. Начальнику Управления по работе с иностранными специалистами при Госсовете КНР от советских специалистов, работавших в Китае, была передана целая серия записок о грубых нарушениях технологии и неоправданном упразднении технических служб на крупных предприятиях

и объектах. 7 июля 1958 г. министру 1-го министерства машиностроения Чжао Эрлу была вручена записка посольства СССР в КНР о грубых нарушениях технологической дисциплины на ряде оборонных предприятий, построенных или строящихся с помощью Советского Союза. Эта ситуация лишала работавших в КНР наших специалистов возможности выполнять свою работу. Фактически, таким образом, их просто «выдавливали» из КНР, что и произошло в 1960 г.

6-й пленум ЦК КПК, проходивший с 28 ноября по 10 декабря 1958 г. в Учане, объявил, что в развитии народного хозяйства в 1958 г. была одержана «небывало великая победа». Выступая на пленуме 9 декабря, Мао Цзэдун подчеркивал, что благодаря быстрым темпам развития в период «большого скачка» и «народным коммунам» «Китай имеет возможность раньше Советского Союза вступить в коммунизм», но излишней спешки при этом допустить нельзя (о том же он заявлял 21 ноября на рабочем совещании ЦК КПК в Учане). Он осудил «излишнюю торопливость» тех, кто «бросился пропагандировать переход к всенародной собственности, переход за два-три года к коммунизму». На пленуме были пересмотрены некоторые установки, принятые на августовском 1958 г. совещании в Бэйдайхэ. Их общим недостатком Мао Цзэдун назвал «слишком сжатые сроки» перехода к общенародной собственности, что, по его утверждению, было сделано под влиянием «товарищей из Хэнани»: «...к примеру, из уезда Сюйшуй провинции Хэнань, как и из некоторых других, сообщали наверх, что они в течение двух-трех лет перейдут к коммунизму. Я полагал, что на Севере как минимум нужно три-четыре года, а на Юге — как максимум пять-шесть лет. Однако эти сроки невыполнимы, их необходимо изменить. ... Срок три-четыре года как минимальный и пять-шесть лет как максимальный вызывает у меня опасения. Я боюсь, как бы не впасть в авантюристическую ошибку».

В то же время решением в принятом на пленуме документе «О некоторых вопросах, касающихся народных коммун» не только одобрялся лозунг создания сельских народных коммун, но даже предлагалось перейти к формированию уездных объединений коммун. ЦК КПК по настоянию Мао Цзэдуна поставил также задачу «продолжать опыт» по образованию городских коммун, обратив особое внимание на «идеологическую подготовку». Вместе с тем участники пленума отвергли немедленный переход от коллективной к государственной собственности в деревне, признав, что сроки такого перехода «не могут определяться произвольно» и сам переход должен «основываться на определенном уровне развития производительных сил».

В материалах пленума подчеркивалось, что «переход к коммунизму представляет собой длительный и сложный процесс, требующий большого напряжения сил, и перескочить через этап социализма нельзя». Участники пленума, осудив преждевременные попытки отказа от социалистического принципа «каждому по труду» и замены его принципом «каждому по потребностям» без необходимых условий (а информация о таких попытках шла с мест), и, назвав их «попытками с натяжкой вступить в коммунизм», охарактеризовали эти взгляды как «несбыточную утопию». Предписывалось всемерно добиваться

выполнения плана социалистической индустриализации, не спешить с объявлением о «немедленном осуществлении всенародной собственности» в сельских коммунах и тем более об их «немедленном вступлении в коммунизм», поскольку это ведет к «искажению и вульгаризации великих идеалов коммунизма и будет способствовать росту тенденций к мелкобуржуазной уравниловке». Утверждалось, что, с одной стороны, Китай «не должен топтаться на этапе социализма», с другой – ему надо отказаться от попыток «войти в коммунизм, перескочив этап социализма».

Настаивая на необходимости последовательного осуществления планов индустриализации, 6-й пленум пересмотрел формулировку отчетного доклада ЦК КПК на Второй сессии VIII съезда о цели революции, констатируя, что подъем производительных сил должен служить целям постепенного и неуклонного повышения народного благосостояния.

Итак, по существу, установки Мао Цзэдуна были подвергнуты критике, но формально подтверждалась новая генеральная линия КПК, констатировались необходимость «последовательно проводить в жизнь курс на достижение всестороннего скачка в промышленности», рычагом которого является «борьба за сталь». Утвержденные пленумом контрольные цифры на 1959 г. также носили компромиссный характер.

Основываясь на сильно завышенных данных об урожае 1958 г., 6-й пленум призвал к проведению кампании по сокращению посевных площадей под сельскохозяйственными культурами в стране до одной трети, с тем, чтобы часть высвободившейся земли использовать под пары, а также для посева трав, лесопосадок, создания водоемов, посадок декоративных деревьев. Пленум одобрил образование в стране «трудовых армий», призвал организовывать народное ополчение в коммунах и военное обучение членов коммун. Перед местными партийными организациями была поставлена задача осуществить в течение пяти месяцев – с декабря 1958 по апрель 1959 г. – «упорядочение коммун», в ходе которого кадровые работники должны «по-настоящему» пройти через «самокритику», поднять массы на «широкое и полное высказывание мнений, проведение дискуссий и написание *дацзыбао*». Во всех провинциях, городах и автономных районах рекомендовалось «организовать группы проверки» численностью от тысячи до 10 тыс. человек во главе с первыми секретарями парткомов соответствующих уровней, на которых возлагалось руководство «работой по упорядочению» коммун.

В постановлении 6-го пленума ЦК КПК выдвигалось требование совершить в 1959 г. «еще больший скачок» по сравнению с 1958 г. Чэнь Юнь предложил не оглашать завышенные директивные показатели плана 1959 г. во избежание возможного конфуза (дипломатично назвав обнародование «нецелесообразным»), однако его соображение не было учтено.

Пленум указал, что для успешного выполнения плана на 1959 г. «по-прежнему необходимо твердо придерживаться принципа «политика – командная сила»» и что «все частные интересы должны быть подчинены общим интересам».

В последний день работы пленума было принято неожиданное для многих решение – «согласиться с просьбой» Мао Цзэдуна не избирать его на пост Председателя КНР на следующий срок на 1-й сессии ВСНП 4-го созыва. Это мотивировалось необходимостью дать ему возможность «полностью переключиться на работу Председателя ЦК партии», «высвободить большее время для работы в области марксистско-ленинской теории», что «не мешает ему и впредь осуществлять руководящую роль в государственных делах».

В решении пленума от 10 декабря 1958 г. было записано: «В будущем, если возникнут какие-либо особые обстоятельства, которые потребуют, чтобы товарищ Мао Цзэдун снова взялся за эту работу, то можно, в соответствии с желанием народа и решением партии, вновь предложить ему занять пост Председателя государства». Сам Мао Цзэдун потребовал от Дэна Сяопина в трехдневный срок по селектору известить округа, уезды и коммуны об этом решении, а затем уже опубликовать официальное сообщение, чтобы, как он говорил, «это известие не свалилось в низы как снег на голову». Решение было опубликовано в «Жэньминь жибао» только 18 декабря. В нем говорилось, что «после того как тов. Мао Цзэдун не будет занимать пост Председателя государства, он по-прежнему останется вождем всех народов страны». Документ предлагал всем партийным комитетам различного уровня «провести разъяснительную работу» с членами партии и беспартийными, «чтобы не было никаких недоразумений».

Прозвучавшие на пленуме данные о собранном урожае зерновых и хлопка были чрезвычайно завышенными. Как выяснил Пэн Дэхуай, в некоторых районах данные урожайного 1957 г. выдавались за показатели 1958 г., и наоборот – сведения за провальный 1958 г. фигурировали как отчет за 1957 г. По оценкам, в те годы от голода в Китае умерло более 20 млн человек, упала рождаемость, общая численность населения впервые за годы существования КНР стала сокращаться. Армия своими транспортными средствами пыталась помочь провинциям, где положение с продовольствием было особенно тяжелым, туда военными самолетами ВВС срочно завозили зерно, чтобы спасти население от голода, однако возможности такой транспортировки также были ограничены из-за нехватки горючего.

17 июня 1959 г. Чжоу Эньлай принял министра угольной промышленности СССР А.Ф. Засядько, посетившего КНР. На этой встрече присутствовали также зам. премьера Госсовета КНР Бо Ибо и несколько министров. Чжоу Эньлай сказал гостю, что мелкие шахты и печи не могут быть базой для развития современной металлургии, а амбициозные планы строительства в 1959 г. 10 тыс. км железнодорожных путей не могут быть реализованы даже наполовину из-за нехватки качественной стали для рельсов. «Причина всех наших просчетов, – заявил Чжоу Эньлай, – та, что в прошлом году во время “большого скачка”, не имея достаточного опыта, мы не сумели всесторонне подойти к решению ряда важнейших хозяйственных задач и в результате нарушили пропорции в народном хозяйстве, которые сложились в процессе выполнения первого пятилетнего плана. Сейчас мы очень много занимаемся восстановлением этих пропорций». Премьер признал, что советское промышленное оборудование, на увеличении и ускорении поставок которого

так настаивало руководство КНР, не удалось установить в полном объеме из-за неумения «сосредоточиться на важнейших участках строительства», за что Чжоу Эньлай приносил извинения и выражал готовность выслушать самую резкую критику со стороны СССР. Подводя итог беседе, Чжоу Эньлай подчеркнул готовность руководства КНР отказаться от «субъективистских позиций» и вместе с тем – свою убежденность в том, что в результате принятых мер удастся улучшить обстановку в стране и совершить новый «скачок» – «но не такой, как предполагали раньше, поменьше».

По некоторым оценкам, на выплавку стали в ходе «скачка» было затрачено 2300 млн юаней. На эти деньги можно было построить несколько металлургических комбинатов, равных Аньшаньскому – самому крупному в Китае в те годы (он был построен в 30–40-е годы Японией и реконструирован с помощью СССР), или закупить за рубежом всю выпускавшуюся в мире сталь.

Проводившаяся политика приводила к социальной напряженности. Недовольство народа вызывали эксцессы компаний по выплавке стали, ирригационному строительству, другие амбициозные проекты руководства страны, предпринятые в период тяжелого положения со снабжением материальными ресурсами и товарами первой необходимости (например, расширение площади Тяньаньмэнь в четыре раза к 10-летию КНР и грандиозное строительство на площади, включающее возведение здания ВСНП, сравнивали с возведением Великой стены), многократный рост числа кадровых работников и т.п.

Негативные последствия «большого скачка» заставили руководство КПК обратиться к проблеме эффективности политики «трех красных знамен». На заседании ПК Политбюро ЦК КПК 13 июля 1959 г. было принято решение о направлении руководящих работников ЦК в «низзы» для обследования ситуации в стране и о последующем созыве рабочего совещания для подведения итогов обследования. Руководители разъехались по Китаю. Пэн Дэхуай в конце 1958 г. побывал в деревеньке Няоши в Хунани, где он появился на свет и не был уже 30 лет. Она находилась недалеко от родины Мао Цзэдуна – деревни Шаошань. Крестьяне пошли к маршалу со своими горестями, просили оказать им помощь. В своих воспоминаниях он описывал картины бесславного окончания движения за ударную выплавку стали – ржавевшие по полям слитки низкокачественного металла, заброшенные и полуразрушенные жилые строения, вырубленные для розжига маленьких кустарных домен фруктовые деревья, нищенское существование голодных стариков в «Домах Счастья», колоссальные приписки, к которым вынуждены были прибегать местные кадровые работники под угрозой причисления к «правым», произвели тяжелое впечатление на маршала.

Мао Цзэдун решил выехать с «инспекционной поездкой» по городам Тяньцзинь, Цзинань, Нанкин, Шанхай и Ханчжоу. С собой он пригласил министра общественной безопасности Ло Жуйцина и кандидата в члены Секретариата ЦК КПК Ян Шанкуня, заявив, что они станут его стажерами, которых он будет «обучать». Как считал его личный врач Ли Чжисуй, Мао Цзэдун специально взял этих двух перспективных руководителей с собой, желая им показать, как любит вождя китайский народ. Ян Шанкунь в ходе поездки предложил найти стенографиста для оперативной записи указаний Председа-

теля. Однако Мао Цзэдун заявил, что стенографист ему ни к чему. Теперь он решил быть более осторожным и не хотел, чтобы брошенные им случайные слова становились политическими лозунгами, за которые надо было нести ответственность, – ситуация в стране была слишком сложной.

Однако без ведома Мао Цзэдуна в спальном отсеке вождя и в салоне, где он проводил совещания, была установлена прослушивающая аппаратура. Такие же устройства устанавливались во всех апартаментах, в которых проживал Мао. Тогда никто не подозревал, к какой катастрофе приведет эта рискованная инициатива ЦК КПК.

25 июня 1959 г. Мао Цзэдун, впервые после 1927 г., посетил отчий дом в Шаошани. Этот визит описан в воспоминаниях его личного врача Ли Чжисуя. На обеде, устроенном для земляков, Мао Цзэдун выслушал их жалобы – на мизерные порции в общественной столовой, где лучшие куски доставались первым прибегавшим на обед молодым и сильным и возникали драки за еду, халтурно выстроенное в погоне за победным рапортом водохранилище, из которого вытекала вода, на отсутствие железной руды для кустарных домен, куда пошла вся имевшаяся у крестьян металлическая посуда.

«Когда вопросы закончились, в зале наступила гнетущая тишина, – вспоминал врач. – Все напряженно молчали, ожидая вердикта Мао Цзэдуна, которому стало совершенно ясно, что в его родной деревне политика “большого скачка” потерпела крах.

– Если вы не в состоянии насытиться в общественной столовой, то лучше ее закрыть и не переводить зря продукты, – сказал вождь. – Что касается вашего водохранилища, то мне кажется, что не обязательно, чтобы оно было в каждой коммуне, но если уж сооружать, то как следует, чтобы от него была польза. Теперь, насчет стали. Если вам не удастся получить хорошую сталь, то лучше не тратить на это силы».

Однако, как бы ни жаловались земляки Мао Цзэдуна, жизнь в Шаошани была лучше, чем во многих других районах КНР. В ряде районов страны начался голод. В совершенно бедственном положении оказалась пров. Аньхой, в которой за год до описываемых событий Мао Цзэдун впервые увидел самодельные «доменные» печи. Не лучше была ситуация и в Хэнани, куда в августе 1958 г. группа представителей центрального руководства ездила, чтобы посмотреть на «величайшее достижение китайского народа» – «народные коммуны». Тяжелая ситуация складывалась и в пров. Юньнань (соответствующий доклад руководства провинции был послан в ЦК КПК и Мао Цзэдуну).

«Дело Пэн Дэхуая»

Первоначально руководство страны планировало подвести итоги «большого скачка» на совещании в Чжэнчжоу (пров. Хэнань). Однако Мао Цзэдун решил перенести место совещания в горное курортное местечко Лушань (пров. Цзянси). Название Лушань носит и довольно обширный горный хребет,

известный своими живописными плато, таинственными пещерами и величественными буддийскими храмами. В прошлом Лушань был любимым местом отдыха Чан Кайши. Мао Цзэдун в период пребывания там жил в двухэтажной вилле, ранее принадлежавшей Чан Кайши, расположенной на высоте полторы тысячи метров над уровнем моря.

Обычно, когда говорят о Лушаньском совещании 1959 г., имеют в виду два мероприятия, последовательно проходивших в Лушани под председательством Мао Цзэдуна: расширенное совещание Политбюро ЦК КПК (2 июля — 2 августа) и 8-й пленум ЦК КПК 8-го созыва (2–16 августа). На расширенное совещание прибыли члены Политбюро ЦК КПК, первые секретари провинций, ответственные лица аппарата ЦК партии, министерств и ведомств Госсовета КНР.

Дэн Сяопин на Лушаньское совещание не приехал, — играя в настольный теннис, он сломал ногу и остался в Пекине. В период «культурной революции» это обстоятельство послужило основанием для обвинений его в том, что он умышленно «уклонялся» от участия в этом совещании, так как был дружен с Пэн Дэхуаем со времен Войны сопротивления Японии. Однако у некоторых историков эта версия вызывает сомнение. Во-первых, Дэн Сяопин действительно получил травму, во-вторых, он вряд ли представлял, как развернутся события в Лушане, а если бы и знал, то, скорее всего, постарался принять в них участие, в-третьих, кто-то должен был остаться на партийном «хозяйстве» в Пекине, поскольку все руководство КПК выехало в Лушань. По состоянию здоровья отсутствовал на совещании и Чэнь Юнь.

На 8-й пленум прибыли 147 человек из 191 члена и кандидата в члены ЦК. Некоторые приезжали в Лушань уже во время работы пленума.

Когда в июле 1959 г. Секретариат ЦК КПК прислал Пэн Дэхуаю извещение с требованием прибыть на совещание в Лушань, последний из-за плохого самочувствия попросил дать ему возможность отдохнуть: с 24 апреля по 13 июня 1959 г. он во главе китайской делегации посетил СССР, Польшу и ряд других стран Восточной Европы, а до этого в апреле возглавлял военную делегацию в Варшаву, где проходило совещание представителей командования вооруженных сил стран-участниц Варшавского договора. Но на немедленном выезде Пэн Дэхуаю в Лушань настаивал Мао Цзэдун.

2 июля открылось рабочее совещание Политбюро. Выступая на нем, Мао Цзэдун охарактеризовал обстановку в стране словами: «Достижения огромны, проблем немало, перспективы светлые» и выдвинул 19 вопросов для обсуждения. Он пытался вызвать участников на откровенные высказывания, намереваясь выявить своих потенциальных противников. Мао Цзэдун откровенно заявил об этом в своем выступлении 22 июля 1959 г.: «Я считаю, что нужно проявить выдержку и слушать, даже если ругают предков до третьего колена. Это, конечно, трудно, в молодости и в среднем возрасте я тоже не мог слушать гадких слов — сразу же сердился, а если меня затрагивали, я отвечал тем же, если меня трогали первого, то я давал сдачи. Сейчас научился слушать, стиснув зубы, слушаю говорящего одну–две недели, а затем отвечаю ударом на удар».

В ЦК КПК по различным каналам поступала информация относительно озабоченности части кадровых работников и населения страны сложившейся в стране ситуацией. Так, кадровые работники из более чем 80 уездов пров. Цзянси, обучавшиеся в провинциальной партшколе, считали, что у народных коммун нет преимуществ по сравнению с кооперативами, что сочетание в коммуне промышленного и сельскохозяйственного производства невозможно, а общественные столовые приносят больше вреда, чем пользы. Некоторые кадровые работники Тяньцзиня утверждали, что «скачок есть в промышленности, но не в сельском хозяйстве», «есть в политике, но не в экономике». Отдельные сотрудники секретариата Госсовета считали, что условия для создания народных коммун еще не созрели, сочетание системы распределения и заработной платы в коммунах не соответствует современному развитию уровня производительных сил и массового сознания, коммуны развиваются слишком быстро. Некоторые кадровые военные выражали недовольство своим экономическим положением.

На местах случались попытки саботирования исходивших сверху указаний. Так, еще в сентябре 1958 г. крестьяне коммуны «Синьминь» в пров. Аньхой выдвинули лозунг «три по-прежнему»: по-прежнему питаться, по-прежнему жить и по-прежнему иметь в собственности участки земли. Особенно резко крестьяне в этой провинции выступали против общественных столовых. Только в одном уезде, по данным проверки, к 15 июля 1959 г. были закрыты более 6 тыс. столовых. На совещаниях разного уровня кадровые работники сообщали о том, что на местах высказываются сомнения в правдивости «статистических» сведений о производственных достижениях, в возможности ежегодного повышения урожая на 50%, в верности взятого партией идеологического курса. Критически в отношении «большого скачка» высказывались деятели демократических партий, некоторые из них утверждали, что «в стране насаждается не ленинизм, а сталинизм».

Задолго до Лушаньского совещания, на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК в Шанхае (25 марта – 1 апреля 1959 г.) Пэн Дэхуай прямо назвал ошибочной политику «большого скачка». Он призвал к открытому признанию партией данного факта: «И мало говорить об этой ошибке только здесь, на заседании Политбюро... Если не предпринять меры для исправления положения, то последствия скажутся не только на армии, которая не будет иметь возможности проводить учения, они скажутся и на подготовке к войне; еще более серьезным, однако, является, то, что это повлияет и на судьбу государства, на его перспективы. И я боюсь, что если так случится, то люди в ваш коммунизм не поверят». Как вспоминал сам маршал, в первые дни совещания в Лушане первый секретарь провинциального парткома Хунани, кандидат в члены ЦК КПК Чжоу Сяочжоу дважды беседовал с Пэн Дэхуаем. Во время разговора гость признал, что показатели сбора зерновых в 1958 г. были фиктивными. Завышенные данные стали результатом давления сверху – более низкие показатели объявлялись не соответствующими действительности. Экономически неэффективными, по мнению Чжоу



Лю Шаоци и Пэн Дэхуай на военных учениях в Даляне. 1955 г.

Сяочжоу, были и общественные столовые. Пэн Дэхуай просил его найти возможность сообщить об этом Председателю.

На совещании Политбюро и на 8-ом пленуме ЦК КПК с критикой политики «большого скачка» наряду с Пэн Дэхуаем выступили кандидат в члены Политбюро, заместитель министра иностранных дел Чжан Вэньтянь, начальник Генштаба НОАК Хуан Кэчэн, первый секретарь парткомитета пров. Хунань Чжоу Сяочжоу и некоторые другие.

За восемь дней, с 3 по 10 июля, Пэн Дэхуай на своей секции данного совещания выступил семь раз. Он указывал на преждевременность создания коммун без предварительной подготовки, обращал внимание участников совещания на нарушение принципа коллективного руководства в КПК, на удушающую атмосферу культа личности. Положительная реакция на его выступления на секции привела министра обороны к мысли о необходимости выразить свое мнение о текущей политике в личном письме Мао Цзэдуну. Тем более что сам Мао Цзэдун настаивал на откровенности со стороны соратников, приводя в пример известный исторический случай: в правление династии Мин честный чиновник Хай Жуй (1514–1587) выступил с упреками в адрес императора, хотя и потерял в результате свой пост. 2 июля 1959 г., в день открытия Лушаньского совещания, Мао Цзэдун с высокой трибуны еще раз подтвердил: «Критика и свободный обмен мнениями не повлекут за собой никаких наказаний».

14 июля 1959 г., за день до предполагавшегося закрытия совещания, Пэн Дэхуай написал частное письмо Мао Цзэду, высказав свое мнение относительно допущенных ошибок и опыта, который следует извлечь из них. В своей «Исповеди» Пэн Дэхуай объяснял этот шаг тем, что охрана не допустила его к Мао Цзэду 13 июня под тем предлогом, что тот уже лег спать. Любопытно, что ошибки «большого скачка» («диспропорции в государственном планировании») он трактовал как нарушение курса «идти на двух ногах», провозглашенного самим Мао Цзэдом. В письме, выдержанном во вполне корректном стиле, маршал подверг критике установку «политика – командная сила», насаждавшуюся в последние годы, заявив, что она «не может отменить экономических законов и тем более не может заменить конкретные мероприятия в хозяйственной работе»; просчеты и ошибки «большого скачка», по его мнению, были вызваны «чванством и головокружением от успехов, субъективизмом, забеганием вперед, мелкобуржуазным фанатизмом, администрированием, очковитательством и авангардизмом».

Возмущенный Мао Цзэдун решил объявить тех, кто выступает с критикой, «раскольниками» и «правоуклонистами».

16 июля Мао Цзэдун, написав на письмо маршала: «Мнение, изложенное товарищем Пэн Дэхуаем», дал указание Канцелярии ЦК распространить его среди участников совещания. 17 июля копия письма была роздана участникам совещания. Многие сочли, что Мао Цзэдун поддерживает мнение Пэн Дэхуая, и решили высказать критические замечания в адрес политики партии.

17 июля начальник Генштаба Хуан Кэчэн, только что прибывший в Лушань, выступил на совещании с критикой в адрес народных коммун. 18 июля Пэн Дэхуай потребовал вернуть ему его письмо, мотивируя это тем, что оно было написано лично Мао Цзэду. 19 июля Чжоу Сяочжоу на своей секции поддержал высказанное в письме мнение Пэн Дэхуая, отметив его «хороший дух». 21 июля должен был выступать Чжан Вэньтянь (в свое время генеральный секретарь ЦК КПК). Утром член ЦК КПК Ху Цяому, зная настроения Мао Цзэдуна, позвонил Чжан Вэньтяню и предупредил, чтобы тот в выступлении «меньше говорил о недостатках», «не поднимал вопроса, связанного с всенародной выплавкой стали», и не утверждал, что «игра не стоила свеч». Но Чжан Вэньтянь не внял предупреждению. В трехчасовом выступлении на секции делегатов Восточного Китая он подверг резкой критике ошибки «большого скачка» и призвал извлечь из них уроки. Причиной проблем «большого скачка» он назвал отсутствие внутрипартийной демократии. Чжан Вэньтянь согласился с мнением, изложенным в письме Пэн Дэхуая, высказав недоумение по поводу упреков некоторых участников совещания в адрес автора письма. Он одним из первых предложил отменить в коммунах «бесплатное питание» и ввести вместо него «специальное страхование», позволяющее получать еду тем, кто утратил трудоспособность.

Во время выступления Чжан Вэньтяня его неоднократно прерывали, при этом высказывались противоположные мнения. Его и Пэн Дэхуая поддержали двое из секретарей Мао Цзэдуна – Тянь Цзяин и Ли Жуй, министр иностранных дел Чэнь И, член Политбюро Ли Сяньнянь, заместитель руководителя

Комитета ЦК КПК по исследованию политики Чэнь Епин и некоторые другие. Они предлагали, по сути, отказаться от курса «трех красных знамен» и возвратиться к линии VIII съезда партии. «Большой скачок» и «поветрие коммунизации» были охарактеризованы как «мелкобуржуазный фанатизм» и «мелкобуржуазная горячность», проявление великодержавных замашек.

Некоторые участники совещания, воодушевленные выступлениями Пэн Дэхуая и его сторонников, заявляли, что Мао Цзэдун «действует аналогично Сталину в последние годы», указывали на его «диктаторские и деспотические замашки», сравнивали его с югославским диктатором Иосипом Броз Тито. 10 августа Ху Цяому выступил с опровержением критических высказываний в адрес лично Мао Цзэдуна, в частности, разъяснил, чем тот отличается от Сталина. Этим выступлением Мао Цзэдун остался доволен.

23 июля Мао Цзэдун выступил на совещании, объявив оппонентов в создании антипартийной группировки и «атаке на партию», а их взгляды — «антипартийной программой правого оппортунизма». Он пригрозил, что «пойдет в деревню и возглавит крестьян, чтобы свергнуть правительство». «Если твоя Освободительная армия не пойдет за мной, — говорил Мао Цзэдун, — то я пойду искать Красную армию. Но, по-моему, Освободительная армия все-таки пойдет за мной».

Еще до начала заседания Пэн Дэхуай прилюдно с возмущением поинтересовался у Мао Цзэдуна, какое тот имел право распространять личное письмо среди участников встречи, не спросив на то разрешения автора. Мао Цзэдун ответил, что Пэн Дэхуай не предупредил его о том, что письмо сугубо личное и не подлежит разглашению. Маршал пришел в ярость и, прекратив разговор, уселся в последнем ряду.

Обрушившись на противников «большого скачка» и народных коммун, Мао Цзэдун в то же время признал определенные неудачи в проведении этой политики, поочередно назвав их виновниками секретаря ЦК КПК, председателя Государственного планового комитета Ли Фучуня, заместителя премьера Госсовета КНР Тань Чжэньлиня, первого секретаря шанхайского горкома Кэ Цинши и только потом себя, впрочем, признав, что главная ответственность лежит на нем. Тут же он призвал товарищей «проанализировать собственную ответственность» за проводимую политику, язвительно подчеркнув, что они сразу же почувствуют себя лучше, «освободив кишечник».

Выступление Мао Цзэдуна стало поворотным моментом в ходе совещания, резко изменив повестку дня. Начались «разоблачения» Пэн Дэхуая, Хуан Кэчэна, Чжан Вэньтяня, Чжоу Сяочжоу и их сторонников, обвиненных в «правом уклоне».

26 июля 1959 г. Мао Цзэдун для усиления «критического духа» совещания и поднятия уровня дискуссии дал указание размножить одно из критических писем, поступивших в его адрес. На письме он начертил пространную резолюцию, в которой утверждал, что автор посвятил свои материалы исключительно недостаткам, не найдя доброго слова для самоотверженного ирригационного строительства. В то же время Мао Цзэдун указал, что критика автора в адрес планирования, которой посвящена большая часть письма,

«бьет не в бровь, а в глаз», что за 10 лет народной власти не нашлось никого, кто посмел бы вскрыть недостатки работы по планированию, проанализировать, систематизировать их и потребовать исправления. Мао Цзэдун предложил подготовить и провести обсуждение письма в партийных организациях, в плановых комитетах, тщательно проанализировать достоинства и недостатки, достижения и упущения в своей работе за 1958–1959 гг., обобщить полезный опыт.

Более существенной в плане политических последствий была вторая часть резолюции, где говорилось о «правоуклонистских» настроениях и взглядах, нашедших отражение в материалах выступлений участников Лушаньского совещания, и необходимости дать им должную оценку. В заключение, чтобы привлечь на свою сторону колеблющихся, Мао Цзэдун писал, что ошибочные взгляды и даже ошибочная линия в партии непременно преодолеваются, даже повинные в проведении ошибочной линии сплачиваются на новой основе.

Началась критика Пэн Дэхуая. 1 августа 1959 г., в критике маршала приняли участие первый секретарь пекинского горкома Пэн Чжэнь и видные военачальники, маршалы КНР – заместитель председателя ЦК КПК Линь Бяо и заместитель председателя Государственного комитета обороны Хэ Лун; выступили председатель КНР Лю Шаоци и премьер Госсовета Чжоу Эньлай. Председательствующий на совещании Мао Цзэдун обвинил Пэн Дэхуая и его сторонников в сознательной антипартийной деятельности: «...вы уже почти приблизились к позиции правых, осталось каких-то пятьдесят метров!». 2 августа Мао Цзэдун в выступлении на пленуме ЦК КПК призвал к борьбе с правым оппортунизмом, который «проникает в партию и ведет бешеное наступление на руководящие учреждения партии, ведет атаку... на грандиозное движение к социализму шестисотмиллионного народа».

По воспоминаниям секретаря Мао Цзэдуна Ли Жуя, одним из самых активных критиков «правого оппортунизма» на пленуме был кандидат в члены Политбюро ЦК КПК Кан Шэн. 3 августа 1959 г. он передал Мао Цзэдуну два экземпляра материалов, получивших общий заголовок «Сталин о правой опасности в ВКП(б)» (выступления Сталина от октября 1928 г. и апреля 1929 г.). Он подчеркнул, что материалы «могут пригодиться для анализа борьбы с правым уклоном у нас» и даже предложил Мао Цзэдуну переименовать КНР в «Китайскую Народную Коммуну».

К 10 августа 1959 г. был подготовлен первый проект «Решения 8-го пленума ЦК КПК 8-го созыва об ошибках товарища Пэн Дэхуая». Лично просмотренный и отредактированный документ Мао Цзэдун передал Ху Цяому. После дополнительной правки на заключительном заседании пленума 16 августа документ был принят как «Решение 8-го пленума ЦК КПК 8-го созыва об ошибках антипартийной группировки, возглавляемой товарищем Пэн Дэхуа-ем». Было принято еще три документа: «Решение о развертывании кампании за увеличение производства и соблюдение режима экономии», «Бороться за отстаивание генеральной линии партии и выступать против правого оппортунизма» и «Решение о снятии тов. Хуан Кэчэна с поста члена Секретариата ЦК КПК».

Через два дня после Лушаньского пленума, с 18 августа по 12 сентября 1959 г., было проведено расширенное заседание Военного совета ЦК КПК, куда первоначально были приглашены 140 военных. Из-за экстренности созыва совещания некоторые участники прямо из аэропорта вынуждены были ехать в зал заседаний правительственной резиденции Чжуннаньхай, а те, кто прибывал поездом, даже не успели к его открытию. Целью совещания было продолжение критики Пэн Дэхуая и «ликвидация его влияния в армии». Совещание уделило особое внимание «расследованию» вопроса об «антипартийной группе» и «поддержании ею тесных связей с заграницей». Пэн Дэхуай, прибыв на совещание, решил выступить с «самокритикой» и выслушать критику в свой адрес, однако многие из участников не желали выступать, а если и брали слово, то не затрагивали деятельности министра обороны.

20 августа член Политбюро ЦК КПК Кэ Цинши и кандидат в члены Политбюро ЦК Чэнь Бода позвонили Мао Цзэдуну и Лю Шаоци и сообщили, что «совещание идет плохо», что «Пэн Дэхуай выступил с самопроверкой формально, вновь скрытно подстрекал собравшихся атаковать партию», что «он в основном не смирился с поражением и пытается, используя свое положение в армии, пересмотреть свое дело». Кан Шэн поспешил к Мао Цзэдуну и упрасивал его лично принять участие в заседаниях, чтобы изменить ход совещания.

В тот же день вечером Мао Цзэдун вызвал Лю Шаоци, Чжоу Эньлай и Линь Бяо на беседу. Он хотел выяснить, как идет совещание. Затем от имени ЦК партии было принято решение продлить совещание до 12 сентября 1959 г. и расширить его состав до 1000 человек. На основании этого решения Военный совет ЦК КПК издал экстренную директиву, предписывавшую прибыть на совещание кадровым работникам больших военных округов, командующим полевыми армиями, по одному кадровому работнику от дивизии, по одному представителю от руководящих кадровых работников всех родов войск, а также по одному человеку от штабов, политотделов и служб тыла. Всем давались сутки для сборов и прибытия в столицу. Для доставки их в столицу были использованы 18 самолетов.

С 22 августа совещание Военного совета ЦК КПК уже работало в расширенном составе, где присутствовало 1000 военных из руководящего состава НОАК выше дивизионного уровня с правом решающего голоса и 508 человек с правом совещательного голоса, которые были разбиты на 14 групп. Совещание также посетили Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ и Линь Бяо.

Президиум заседания обратился к Чжоу Эньлаю с «просьбой» выступить с докладом «Относительно исторических вопросов, связанных с Пэн Дэхуаем». В своем докладе Чжоу Эньлай утверждал, что Пэн Дэхуай «на одну треть сотрудничал с Мао Цзэдуном, а на две трети нет». Чжоу Эньлай при этом сказал, что если бы он лично все делал должным образом, то, возможно, и Пэн Дэхуай не совершил бы таких ошибок. Когда Мао Цзэдуну доложили о содержании этого выступления он, усмехнувшись, бросил: «Он всегда был таков, беспринципно сглаживает острые углы».

9 сентября 1959 г. на заключительной стадии совещания выступил Лю Шаоци. Коснувшись «вопроса о культе личности Мао Цзэдуна», он заявил,

что после обсуждения культа личности Сталина на XX съезде КПСС в Китае также появились лица, требующие выступления против культа личности, в том числе Дэн Сяопин. Однако такие взгляды являются «полностью ошибочными», фактически представляя собой «подрывную деятельность». В одном из китайских партийных журналов этот отрывок выступления Лю Шаоци дополнен словами: «Если нет авторитета личности – то нельзя создать авторитет и партии».

10 сентября 1959 г. взял слово Чжу Дэ. Его «слабая» критика Пэн Дэхуая на заседании ПК Политбюро в Лушане вызвала издевку Мао Цзэдуна и последующие резкие отзывы Линь Бяо на расширенном совещании Военного совета ЦК КПК. Поэтому Чжу Дэ вынужден был выступить с позиций самокритики. Наряду с поддержкой Гао Гана – Жао Шуши в начале 50-х годов, во враждебной сущности которых он «не сразу разобрался», Чжу Дэ отнес к своим ошибкам и попытки защитить Пэн Дэхуая в Лушане.

Линь Бяо выступил на совещании в тот же день, что и Мао Цзэдун – 11 сентября 1959 г. Большую часть своего выступления он сосредоточил на прославлении Мао и его идей, обьявив работы председателя «кратчайшим путем к марксизму-ленинизму». 8 сентября 1959 г. Кан Шэн предложил Линь Бяо в своем критическом выступлении на заседании использовать одно из писем Мао Цзэдуна, направленное 1 сентября 1959 г. в редакцию журнала «Шикань» («Поэзия»), и Линь Бяо воспользовался этим советом, обрушившись с руганью на «горстку ревизионистов», прикрывающихся внутри страны «коммунистическими лозунгами» и ведущих «атаку на генеральную линию партии, большой скачок, народные коммуны». Линь Бяо назвал Пэн Дэхуая «лицемером», «интриганом» и «карьеристом».

Помимо Пэн Дэхуая и Хуан Кэчэна на этом совещании подверглись острой критике члены и кандидаты в члены ЦК КПК – командующий Шэньянским военным округом, бывший заместитель командующего китайскими добровольцами в Корее, начальник отдела снабжения Главпура НОАК (с мая 1958 г.) генерал-лейтенант Вань И; генерал армии, с декабря 1956 г. по октябрь 1959 г. занимавший пост начальника главного управления службы тыла НОАК (в ноябре 1957 г. ездил в СССР как член военной делегации КНР) Хун Сюечжи. Вскоре они были сняты со своих постов. Пэн Дэхуай был объявлен «главным корнем догматизма» в армии, «главным руководящим лицом и инициатором осуществления линии буржуазного строительства в армии».

Даже Мао Цзэдуну было нелегко опорочить легендарного героя революции, человека кристальной честности, аскета с непоколебимыми моральными устоями. И все же 17 сентября 1959 г. Пэн Дэхуай был снят с поста министра обороны КНР, который занял Линь Бяо. (Только в декабре 1978 г., т.е. через 19 лет, на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва дело Пэн Дэхуая, Хуан Кэчэна, Чжан Вэньтяня и Чжоу Сюэчжоу было пересмотрено, и они были реабилитированы.)

В КНР развернулась кампания борьбы против «правого оппортунизма». Только за месяц борьбы с «правыми» в армии серьезной проработке подверглись 847 кадровых работников. А к концу ноября 1959 г. в НОАК было выявлено 1848 «правых оппортунистов», среди них 195 кадровых работников на

уровне от полка и выше. В Пекинском университете жертвами «упорядочения стиля» стали 128 преподавателей, из них 27 подверглись особенно серьезным нападкам; в университете Цинхуа таких было 17 из 174. По всей стране более 3 млн человек, в подавляющем большинстве члены КПК или невысокого ранга чиновники, подверглись гонениям как «правые оппортунисты» лишь за предполагаемое противодействие стратегическим замыслам вождя. В Сычуани с постов было снято 80% работников низшего руководящего звена. Всего в 1959 г. жертвами кампании стали около 500 тыс. человек. Кампания продолжалась и впоследствии. По данным 1962 г., после пересмотра дел и проведения реабилитации число кадровых работников и членов партии, ставших объектами критики в ходе развернувшейся кампании или причисленных к «правым оппортунистам», достигло в общей сложности более 3 млн человек. Кан Шэн в 1959 г., проводя параллели между СССР и КНР, утверждал, что ошибка Сталина заключалась не в жестокое подавлении «контрреволюции», а, наоборот, в недостаточной жесткости.

Через неделю после закрытия совещания в Лушане партком пров. Цзянсу опубликовал уведомление, где говорилось, что «курс на доведение производственных заданий до отдельного двора», за который ратовали противники «большого скачка», является движением от коллективного хозяйства к единичному, т.е. движением к капитализму. В документе выдвигалось требование прекратить распространение этого курса, начать его немедленную критику и исправление. 13 октября 1959 г. ЦК КПК издал свое уведомление, где говорилось, что курс «доведения производственных заданий до отдельного двора» в разных его формах «на практике является антисоциалистическим курсом и путем, ведущим к капитализму». ЦК КПК потребовал его «окончательно ликвидировать и раскритиковать».

Несмотря на критику коммун отдельными руководителями страны, их создание после совещания в Лушане продолжалось. В марте 1960 г. ЦК КПК издал «Указания по вопросу о народных коммунах в городах», потребовав, чтобы на местах заняли более активную позицию по созданию коммун в городах. Помимо пяти крупнейших городов страны — Пекина, Шанхая, Тяньцзиня, Уханя и Гуанчжоу, создание коммун предписывалось во всех других городах. К концу июля 1960 г. в 190 крупных и средних городах были организованы 1064 коммуны, членами которых стали более 55 млн человек, что составляло 77% населения этих городов.

Культура, искусство и наука

9 июня 1958 г. «Жэньминь жибао» опубликовала передовую статью под заголовком «Культурная революция началась». В ней говорилось, что для осуществления механизации, электрификации, промышленной революции необходимо срочно поднять культурный уровень всего народа. «Сейчас по всей стране уже начался необычайно бурный подъем культурной революции», —

утверждала газета, сообщив, что за несколько месяцев в 156 уездах уже полностью ликвидирована неграмотность. Центральное руководство требовало обеспечить «большой скачок» в образовании. Это требование выдвигалось в указаниях ЦК КПК и Госсовета КНР относительно работы в области образования от 19 сентября 1958 г. Ставилась задача в течение трех–пяти лет в основном покончить с неграмотностью, повсеместно распространить систему начального образования, ввести во всех школах «марксистское политическое и идеологическое воспитание», одновременно осуществляя и трудовое воспитание школьников, введя его в сетку занятий.

В документе утверждалось, что примерно в течение 15 лет молодежь и люди среднего возраста всей страны смогут получить высшее образование. Говорилось о необходимости создания школ заводами, фабриками, сельскохозяйственными кооперативами, сочетания платного и бесплатного образования. Речь также шла о создании сети учебных заведений исключительно на народные средства без государственных затрат.

Провозглашение новой государственной инициативы подкреплялось сообщениями об ее успешной реализации. С конца 1957 до конца 1958 г. удвоилось число техникумов, количество вузов с 227 увеличилось до 1065, число учащихся начальных школ выросло на 34,4%, средних – на 41,6%, вузов – на 50%.

В 1958 г. ЦК КПК рассмотрел доклад партийной группы комитета по планированию науки «О 12-летней программе планируемых научных исследований». В резолюции на этот доклад ЦК требовал в течение трех лет в основном изменить облик китайской науки, бороться за реализацию 12-летней программы в ближайшие пять лет, и уже в 1962 г. достичь передового мирового уровня в науке и технике.

«Больше, быстрее, лучше, экономнее!» – эти требования стали распространяться и на творческих работников. Деятелям науки и культуры настойчиво предлагали составлять «скачкообразные» планы. Так, в марте 1958 г. секретариат Союза писателей выдвинул проект плана «крутого подъема литературной работы», где содержалось следующее требование: «В течение этого года добиться бурного подъема литературного творчества с тем, чтобы в ближайшие три–пять лет получить обильный урожай социалистической литературы». Деятели искусства обязались подготовить 20351 новое произведение в течение 1958 г. Поэт Цзан Кэцзя, главный редактор ежемесячника «Шикань» («Поэзия»), взял на себя обязательство написать в 1958 г. 20 поэтических произведений, в том числе на историческую тему, и 15 произведений в прозе. Помимо этого он наметил сочинить несколько текстов для песен. Составляли свои индивидуальные творческие планы и маститые китайские писатели.

Технические изобретения и открытия в сфере производства, а также достижения в сфере литературно-художественного творчества и исполнительской деятельности планировались опережающими темпами – когда «один день равняется двадцати годам». Журнал «Бэйцзин вэньи» утверждал: «Участие в литературно-художественном творчестве уже не является делом небольшого

числа активистов и ансамблей, идет процесс создания нового литературно-художественного отряда рабочего класса». Он информировал общественность о том, что на отдельных предприятиях столицы число рабочих, занятых литературно-художественным творчеством, увеличилось в десять раз, и кое-где их количество составляет 40% общего персонала предприятия.

В 1958 г. Мао Цзэдун выдвинул принцип «сочетания революционного реализма с революционным романтизмом», с акцентом на «романтизм» (перенесение в настоящее черт якобы уже наступившего в результате «скачка» светлого будущего), которому должны были следовать все авторы.

Особо заметную роль стала играть поэзия, причем главное значение придавалось не качеству стихов, а их количеству. Уже весной 1958 г. шанхайские поэты-любители создали миллион стихотворений. 300 тыс. рабочих и крестьян, организованных в 40 тыс. литературных кружков в пров. Цзянсу, за полгода написали 10 млн стихотворений, песен, частушек и рассказов. В период «большого скачка» появилось много «новых народных песен», создававшихся рабочими и крестьянами и противопоставлявшихся произведениям поэтов-профессионалов. Так, в первом номере начавшего выходить с 1958 г. органа ЦК КПК журнала «Хунци» («Красное знамя») заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК КПК Чжоу Ян в статье «Новые народные песни открыли поэзии новую дорогу», сравнивая создателей «народных песен» с профессионалами, писал, что вторые не «держат мечтать», тогда как первые не только «держают», но и «могут своими руками воплотить мечты в действительность». «Новые народные песни» всячески поднимались на пьедестал как вершина современного искусства», «росток коммунистического искусства», «поэзия эпохи», «сокровище революционной поэзии Китая». К сентябрю 1958 г. по стране было официально выпущено более 800 сборников «народных песен».

Однако были и те, кто выступал с критикой такого отношения к самодеятельному творчеству масс. Против того, чтобы их появление считать «поэзией эпохи», выступил известный писатель Шао Цюаньлинь, поддержанный известным поэтом Тянь Цзянем. В статье «Не это верный путь для поэтического творчества» литератор Ван Япин назвал «песни большого скачка» «самоучителем политических дисциплин», но не искусством. Еще раньше, в 1957 г., поэт и историк литературы Чжэн Чжэньдо, участвуя в литературной дискуссии, отстаивал необходимость профессионализма в области литературы как источника «животворной силы», «живого, богатого языка», «радующего глаз и слух художественного стиля».

На совещании столичных работников театра и музыки, проходившем 3–5 марта 1958 г., от собравшихся требовали добиваться расцвета театрального искусства путем «резкого увеличения продукции», предлагали не предъявлять слишком высоких требований к создаваемым произведениям. От руководителей ведущих театральных коллективов страны потребовали пересмотра планов 1958 г. с учетом установок «скачка». И как результат Центральный экспериментальный оперный театр обязался в 1958 г. поставить 508 спектаклей, а Молодежный художественный театр – 450. Поэт и драматург, автор

текста государственного гимна КНР Тянь Хань объявил о своем личном обязательстве – подготовить за год 10 пьес. Пресса сообщала о новых достижениях на фронте литературы и искусства: в Чанчуне театральная агитбригада за четыре часа успела составить, разучить и поставить спектакль; работники театра *хуцзюй* Шанхая за двое суток подготовили 130 пьес и отдельных номеров; за один день в Хунани было создано более 1200 больших и малых пьес и т.д. Художники также должны были откликнуться на лозунги «большого скачка». Кое-кто обещал за год создать 200–300 картин и в 10 раз снизить их стоимость. Пекинские мастера гравюры обязались создать за год 2112 гравюр. Каждый обещал выполнить по 10 гравюр – «лучше» тех, что он создавал раньше.

В то же время наряду с не имевшими художественной ценности и быстро забытыми «однодневками», деятели литературы и искусства Китая создавали произведения, которые, отражая дух и реалии времени, оставили свой след в истории китайской литературы. К ним относятся роман Лю Цина «Начало», повествовавший о событиях начального периода кооперирования, повесть Ду Пэнчэна «В мирные дни» (1959 г.), где противопоставлялись разные стили руководства в хозяйственной области, и фактически содержалась критика «перегибов» «скачка», произведения историко-революционной тематики – «Песнь молодости» Ян Мо, «Цветы осота» Фэн Дэина и др. Активно работали такие талантливые прозаики, как Чжоу Либо, Чжао Шули, Ян Мо, Ай У, Чжоу Эрфу и другие, поэты – Тянь Цзянь, Цзан Кэцзя, Юань Шуйпо, Ли Цзи. Появились новые литературные жанры – например, «истории заводов и фабрик», подготовленные коллективами предприятий при участии профессиональных писателей, воспоминания участников освободительной войны (в серии сборников «Из искры разгорится пламя») и др. Разнообразием жанров и тем отличалась живопись признанных мастеров кисти – Пань Тяньшоу, У Цзожэня, Ло Гунлю и др. В прокат выходили фильмы выдающихся деятелей китайского кинематографа, таких как Ся Янь, Шэнь У и Чжан Шуйхуа. За 10 лет существования КНР за рубежом демонстрировалось 297 китайских художественных фильмов и 631 короткометражный, из них 103 в Советском Союзе.

Несмотря на экономические потери, связанные с осуществлением политики «большого скачка», правительство прилагало усилия с целью развития научно-технической базы народного хозяйства. Особое внимание при этом уделялось централизации управления научно-техническими разработками, что контрастировало с расширением экономической самостоятельности народных коммун. 25 сентября 1958 г. состоялся учредительный съезд Научно-технического общества Китая, объединившего все общественно-научные организации, ранее входившие во Всекитайскую федерацию естественных обществ и Всекитайское общество по распространению научных и технических знаний. Председателем вновь образованного Общества был избран председатель Всекитайской федерации естественных обществ Ли Сыгуан. На съезде было объявлено, что создание новой организации должно послужить мощным толчком для массового движения за «техническую революцию». 11 ноября 1958 г. по решению ПК ВСНП 1-го созыва комитет

Госсовета по научно-техническому планированию и Государственный технический комитет, созданные в 1956 г., были объединены в Государственный комитет по науке и технике (ГКНТ), главой которого стал маршал Не Жунчжэнь. На комитет были возложены важнейшие функции в деле организации, планирования, финансирования и координации научных исследований. Кроме того, в функции ГКНТ входило распределение научных кадров и оборудования, а также контроль над выполнением 12-летнего плана развития науки и техники, разработанного в 1955–1956 гг. с помощью специалистов из СССР. В провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения были образованы отделения ГКНТ, занимавшиеся организацией исследований проблем регионального значения и координацией работы местных научно-исследовательских организаций.

Последствия

Политика «большого скачка», «коммунизации» и «борьбы с правым уклоном», осуществлявшаяся в предыдущие годы, привела страну к глубокому экономическому и политическому кризису. Она резко обострила все «больные» проблемы развития Китая, связанные с диспропорциями в развитии промышленности, транспорта и сельского хозяйства, отсталостью аграрного сектора, недоеданием и угрозой голода, низким жизненным, образовательным и культурным уровнем широких масс, межнациональными противоречиями в стране. От авантюристической политики пострадало все народное хозяйство. Выполнение второго пятилетнего плана по большинству позиций практически было сорвано.

Это наглядно видно из приведенной ниже табл. 1.

Национальный доход в 1959–1961 гг. падал в среднем на 3,1% в год, производительность труда на промышленных предприятиях госсектора – на 5,4%, сельскохозяйственное производство ежегодно снижалось. Объем валовой сельскохозяйственной продукции с 1957 по 1960 г. сократился на 22,7%, ежегодно с 1959 г. на 9,7% падал сбор зерновых.

В 1958 г. сбор зерновых составил 200 млн т вместо 250 млн т, о которых было объявлено в Лушане, в 1959 г. – 170 млн т вместо планировавшихся 255 млн т, в 1960 г. – всего 143,5 млн т вместо предполагавшихся 185 млн т. Таким образом, показатели 1960 г. упали до уровня 1951 г. и, как отмечают китайские историки, были меньше на 26,4%, чем в 1957 г., в то время как население КНР с 1957 г. увеличилось на 15,5 млн человек и составляло 662 млн. Резко (на 11,8 млн т) сократились государственные запасы зерна: в 1957 г. они составляли 29250 тыс. т, а в 1960 г. – 18 150 тыс. т. При среднегодовой минимальной норме 250 кг зерна на человека (вместо общепринятой 480–750 кг) на каждого городского жителя приходилось лишь по 140–174 кг. Несмотря на ежегодное снижение сбора зерновых, централизованные государственные закупки зерна у крестьян ежегодно увеличивались: в 1957 г. они

Таблица 1

Официальные показатели развития КНР в 1958–1962 гг.

Виды продукции	1957 г.	1958 г.	1959 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1962 г.
	План Факт					Перво- начальный план	Факти- ческие данные
Электро- энергия, млрд кВт-ч	15,9 19,3	27,5	42,3	59,4	48,0	40–43	45,8
Уголь, млн т	113 131	270	369	397	278	190–210	220
Нефть, млн т	2,012 1,460	2,26	3,73	5,20	5,31	5,0–6,0	5,75
Сталь, млн т	4,12 5,35	8,80	13,87	18,66	8,70	10,5–12	6,67
Цемент, млн т	6,00 6,86	9,30	12,27	15,65	6,21	12,5–14	6,00
Зерно, млн т	181,59 195,00	200	170	143,5	147,5	250	160
Хлопок (волокно), тыс. т	1635 1640	1969	1709	1063	800	2400	750
Масличные культуры, млн т	– 4,196	4,769	4,104	1,940	1,813	–	2,003
Сахарный тростник, млн т	– 10,392	12,55	8,979	8,258	4,268	–	3,443
Сахар. свекла, тыс. т	1501	3077	3168	1596	796,7	–	338,7
Поголовье свиней, млн голов	138,34 145,90	138,3	120,4	82,27	75,52	250	99,97
Поголовье овец, млн голов	– 98,56	95,68	111,6	112,8	123,8	–	134,6
Поголовье крупного рогатого скота, млн голов	73,61 83,82	77,68	79,12	73,36	69,49	90	70,20

составляли 24,6% от общего производства, в 1958 г. — уже 29,4%, в 1959 г. — 39,7%, а в 1960 г. — 35,6%. Нередко для выполнения плана по закупкам у крестьян отбирался даже семенной фонд. Такая политика подрывала инициативу крестьян, уничтожала стимулы к труду, снижала жизненный уровень на селе. Нехватка зерна и кормов вынудила крестьян вдвое уменьшить поголовье скота.

Миллионы крестьян отвлекались от сельскохозяйственных работ на транспортировку угля, руды, чугуна, на ирригационные работы. Огромное количество рабочей силы было брошено на создание мелких предприятий, которые не входили в систему государственной промышленности. В период отдельных кампаний из сельскохозяйственного в промышленное производство переключались десятки миллионов людей. В результате в 1960 г. в сельском хозяйстве было занято примерно на 40 млн человек меньше, чем в 1957 г. Усилился отток населения из сельской местности в города: за годы «скачка» число горожан увеличилось на 30 млн человек. В ряде мест в деревнях оставались в основном женщины, старики и дети.

Снижалась заработная плата рабочих и служащих: так, в 1960 г. она составляла 102 юаня в месяц, а в 1961 г. — 88 юаней. Росла инфляция, повышались цены. Дефицит бюджета увеличился с 2 млрд 180 млн юаней в 1958 г. до 6 млрд 580 млн в 1959 г. и 8 млрд 180 млн юаней в 1960 г. Государство вынуждено было запустить печатный станок. За 1958–1961 гг. эмиссия составила 7 млрд 300 млн юаней. Если в 1960 г. в обращении находилось до 9 млрд 600 млн юаней, то в 1961 г. — уже 12 млрд 500 млн, что на 4–7 млрд больше, чем в 1957 г. Покупательная способность населения за период с 1957 по 1960 г. увеличилась на 46,8%, тогда как продукции сельского хозяйства и легкой промышленности, особенно товаров повседневного спроса, стало меньше. Потребительских товаров на один юань денежной массы в 1960 г. стало на 21,1% меньше, чем в 1957 г.

Сложилось напряженное положение со снабжением городов, резко снизился уровень жизни населения. Так, потребление зерновых на одного человека в среднем по стране с 204 кг в 1957 г. уменьшилось до 163,5 кг в 1960 г. (снижение составило 14,5%); в городах этот показатель снизился со 196 кг до 192,5–163 кг, в деревне — с 204,5 кг до 156 кг (снижение — 23,7%). Это наглядно видно из данных об уровне потребления в городах и деревнях. За тот же период снизилось потребление других основных продовольственных товаров: растительного масла (по стране с 2,4 до 1,8 кг, на 23%; в городах с 5,1 до 3,5 кг, на 31%; в деревне — с 1,8 до 1,4 кг, на 22%) и свинины (по стране с 5,1 до 1,5 кг, на 70%; в городах с 9,0 до 2,7 кг, на 78%; в деревне — с 4,3 до 1,2 кг, на 72%). По оценкам, около 100 млн сельских жителей потребляли менее 250 г продовольствия в день.

Таким образом, по официальным данным, уровень жизни населения за годы «скачка» снизился в среднем на 30%. Голод, начавшийся в некоторых районах, привел к резкому возрастанию смертности в КНР. Если в 1957 г. она равнялась 10,8%, в 1958 г. составляла 11,98%, то в 1959 г. — 14,59%, в 1960 г. — 25,43%, т.е. превысила показатель 1949 г. (тогда она составляла

20%). Одновременно сокращалась рождаемость: с 34,03% в 1957 г. до 29,22% в 1958 г., 24,78% в 1959 г., 20,86% в 1960 г. и 18,02% в 1961 г. Впервые за все годы существования КНР стала уменьшаться общая численность населения: в 1960 г. на 10 млн человек по сравнению с 1959 г., в 1961 г. еще на 4,48 млн чел. По оценкам иностранных экспертов, в годы «большого скачка» от голода умерли более 30 млн человек. Так, в девяти уездах округа Синьян пров. Хэнань в 1960 г. уровень смертности превысил 100 человек на 1000 жителей, что в несколько раз выше, чем в прежние годы.

В период «большого скачка» резко возросла норма накопления: в 1958 г. она составляла 33,9%, в 1959 г. – 43,9%, в 1960 г. – 39,6% против 24,2% в годы первой пятилетки. Высокая норма накоплений должна была обеспечить высокие темпы экономического развития за счет ухудшения жизни населения. Был утрачен баланс между производственными и непроизводственными капиталовложениями. В годы второй пятилетки доля производственных капиталовложений подскочила до 86,8% (в период выполнения первого пятилетнего плана она равнялась 71,7%), доля непроизводственных упала до 13,2% (против 28,3% в период первой пятилетки). Вложения в капитальное строительство поднялись до 46,2% (против 37% в первую пятилетку), далеко превысив реальные возможности страны.

Капиталовложения в металлургию только за 1958 г. превзошли весь объем капитальных вложений в эту отрасль за годы первой пятилетки. Их доля в общем объеме капиталовложений повысилась до 14,4% против 6,4% в 1957 г. Соотношение капиталовложений в тяжелую и легкую промышленность в период «скачка» составляло 11:1 (в годы первой пятилетки – 8:1). Односторонний упор на производство стали привел к обострению диспропорций между развитием добывающих и обрабатывающих отраслей промышленности, между тяжелой и легкой промышленностью (соотношение валовой продукции легкой и тяжелой промышленности изменилось с 3:2 в 1957 г. до 1:2 в 1960 г.), между потребностями в перевозках промышленного сырья и пропускной способностью транспорта. Приходилось активнее использовать людскую силу вместо гужевого и вьючного транспорта (около 10 млн человек участвовали в переноске грузов на короткие расстояния), при этом за три года в связи с плохими условиями эксплуатации и работой на износ мощности парусного речного и каботажного флота снизились на 18%, гужевого транспорта – на 25, вьючного – на 70%. За годы «скачка», по официальной статистике, к работам у мелких домен привлекались около 55,2% всех рабочих и служащих.

В первой половине 1960 г. началась вторая волна «скачка». В январе на расширенном совещании Политбюро ЦК КПК 1960 г. был объявлен годом «большого скачка». На совещании были утверждены нереальные плановые показатели по производству стали. Была подтверждена старая идея о переходе в течение восьми лет к такой системе хозяйствования, когда основную хозяйственную единицу, обладающую правом собственности на средства производства, составляет не производственная бригада коммуны, а сама коммуна. Хотя политика «большого скачка» объективно вела к повышению доли

ручного труда в общественном производстве, 30 января 1960 г. ЦК КПК призвал всю страну к началу «кампании за техническую революцию и техническое новаторство», ядром которой должна была стать «механизация труда».

С 30 марта по 1 апреля 1960 г. прошла 2-я сессия ВСНП 2-го созыва, на которой был рассмотрен доклад Государственного планового комитета о плане развития народного хозяйства на 1960 г., сделанный председателем Госплана Ли Фучунем. В соответствии с решениями Политбюро в докладе были предложены завышенные показатели по выплавке стали (20–22 млн т.). Сессия подтвердила курс на продолжение «скачка» в народном хозяйстве.

Хотя первая попытка «коммунизации» городов, предпринятая в конце 1958 г., провалилась, в марте 1960 г. ЦК КПК принял новое решение о создании в широких масштабах «народных коммун» в городах и организации бесплатных столовых в деревне. С марта по июль в крупных и средних городах страны, по китайским данным, было создано 1027 городских коммун, охватывающих 52 млн человек. 6 марта ЦК КПК принял решение о распространении «Доклада Гуйчжоуского парткома относительно текущей ситуации с общественными столовыми в деревне». В докладе необходимость решительной поддержки общественных столовых на селе обосновывалась тем, что они воплощают собой «позиции социализма» в деревне, утрата которых повлечет за собой ослабление народных коммун. ЦК КПК потребовал организации общественных столовых на селе там, где они были ранее закрыты. К лету 1960 г. такими столовыми было охвачено свыше 70% сельского населения, что усиливало недовольство крестьян, вело к уменьшению и без того низких норм потребления продуктов питания на селе. Летом 1960 г. в результате политики «скачка» в стране сложилась критическая ситуация. Стало ясно, что планы экономического развития страны будут сорваны.

В «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР», принятом ЦК КПК в 1981 г., указаны две причины принятия политики «большого скачка»: во-первых, недостаток опыта в деле социалистического строительства и отсутствие ясного представления о закономерностях развития экономики; во-вторых, — «настроения зазнайства и самодовольства, стремление к скороспелым успехам, преувеличение роли субъективной воли».

Китайские историки и государственные деятели, подвергая анализу уроки «большого скачка», в качестве основных предпосылок этого курса выделяют, помимо тех, что представлены в «Решении», также отсутствие анализа уже имевшегося опыта социалистического строительства в Китае, а также опыта экономического строительства, управления и научно-технических достижений других стран, как социалистических, так и капиталистических; отход от курса, принятого VIII съездом КПК, «левацкую» руководящую идеологию. Ряд китайских историков главную вину за ошибки «большого скачка» возлагает на Мао Цзэдуна.

Ущерб от политики «большого скачка» позднее оценивался в КНР в 100–120 млрд юаней, что примерно соответствует общей сумме бюджетных доходов Китая в 1980 г.

Не менее тяжелыми были последствия «скачка» в сфере идеологии и политики. Крушение иллюзий, связанных с этой идеей, породило недоверие масс к директивам партийного руководства, апатию, глухое недовольство и даже волнения. Упал международный авторитет КНР, что было вызвано, в частности, ухудшением качества китайской продукции, поставляемой на внешний рынок, и срывом поставок.

Кризисное состояние экономики, массовый голод в ряде провинций, нарастание недовольства среди населения и в армии вынудили руководителей КПК пойти на чрезвычайные меры по преодолению пагубных последствий политики «большого скачка» и «коммунизации».

18 мая 1960 г. ЦК КПК издал «Экстренное уведомление о переброске зерна», в котором указывалось на необходимость срочного пополнения запасов зерна в Пекине, Тяньцзине, Шанхае и пров. Ляонин для предотвращения перебоев в продовольственном снабжении населения. Положение в деревне было не лучше. Широкою известность получил случай, произошедший с 20-летней жительницей Хунани, комсомолкой, рабочей-угольщицей Лю Гуйян. В июне 1960 г. навестив отца, жившего в деревне, она увидела, что почти все жители голодают, многие страдают отеками. Она была потрясена тем, что прежде цветущий край превратился в бедствующее от голода захолустье. В июле 1960 г. она приехала в Пекин и на стене Чжуннаньхуа (место нахождения правительственных и партийных учреждений в Пекине) вывесила плакаты: «Уничтожить народные коммуны!», «Вырвать с корнем народные коммуны!», «Руководители КПК, раскройте пошире глаза, поезжайте в низы, посмотрите, что там творится!». Ее уволили с работы, а народный суд уезда Чэньсян, где она работала, приговорил ее к пяти годам тюрьмы; только благодаря личному вмешательству Лю Шаоци ее дело было пересмотрено.

С 1 по 18 июня 1960 г. в Шанхае прошло рабочее совещание ЦК КПК, обсудившее плановые показатели трех последних лет. На нем выступил Мао Цзэдун, признавший, что ЦК допустил ошибку, «завысив показатели (в 1958–1959 гг. – В.У.) настолько, что до сих пор не смогли их выполнить». При этом Мао Цзэдун подчеркнул, что, по его мнению, из 10 лет истории КНР первые семь лет Китай копировал зарубежный (т.е. советский) опыт, и только с 1956 г. стал «нащупывать» собственную линию. Мао Цзэдун дал указание «использовать второе десятилетие в целях обследования и изучения» того «царства необходимости», с которым столкнулся народный Китай в ходе социалистического строительства, дабы поставить знание выявленных закономерностей «на службу социалистической революции и строительству». Отметив неизбежность ошибок на этом тернистом пути и необходимость их анализа и исправления, он призвал в период утверждения плана развития народного хозяйства обеспечить «возможность маневра» и «отстаивать деловой и принципиальный (реалистический) подход» (*ши ши цю ши*). После совещания ЦК КПК издал «Указания о необходимости всей партии лучше взяться за сельское хозяйство и производство продовольствия».

Некоторые руководители КПК стали говорить о возможности созыва в июле 1960 г. Третьей сессии съезда партии. По действовавшему тогда

Уставу КПК, сессии съезда должны были собираться каждый год (Вторая сессия VIII съезда с 1957 г. была перенесена на май 1958 г., когда были ревизованы решения Первой сессии, а Третья была отсрочена в связи с «делом Пэн Дэхуая» и «борьбой с правыми»). 24 июня Канцелярия ЦК КПК сообщила о том, что ЦК решил созвать сессию съезда 6 июля 1960 г., а 4 июля собрать 9-й пленум ЦК КПК 8-го созыва. Однако ЦК КПК в специальном Уведомлении от 26 июня 1960 г. со ссылкой на «необходимость дальнейшего изучения международной обстановки и соответствующего планирования конкретной работы» объявил об отсрочке Третьей сессии и 9-го пленума ЦК. Видимо, принимались во внимание трудное экономическое положение в стране и опасения, что «правые» могут составить на сессии большинство. В связи с этим было принято решение вместо сессии и пленума провести рабочее совещание ЦК КПК.

Глава 4
СССР и КНР
в 1949–1960 гг.

Становление отношений

Вскоре после окончания торжественной церемонии провозглашения КНР на имя генерального консула СССР в Пекине поступило письмо от избранного накануне на Всекитайской политической консультативной конференции Премьером Государственного административного совета и министром иностранных дел КНР Чжоу Эньлая. В своем письме Чжоу Эньлай писал:

*Генеральному консулу Советского Союза в Пекине
Господину Тихвинскому:*

Настоящим извещаю Вас о том, что сегодня Председатель Центрального народного правительства Китайской Народной Республики Мао Цзэдун опубликовал декларацию.

При настоящем письме я направляю Вам эту декларацию и надеюсь, что Вы перешлете ее правительству Вашей уважаемой страны.

Я полагаю, что установление нормальных дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и различными государствами мира является необходимым.

Министр иностранных дел
Центрального народного правительства
Китайской Народной Республики
Чжоу Эньлай
1 октября 1949 года, Пекин.

Рано утром следующего дня московское радио оповестило весь мир о признании Советским Союзом Народной Республики в Китае. В телеграмме Чжоу Эньлая от 2 октября 1949 г. по поручению правительства СССР первый заместитель министра иностранных дел А.А. Громыко уведомлял: «Правительство Союза Советских Социалистических Республик настоящим подтверждает получение Декларации Центрального народного правительства Китая от 1 октября с предложением об установлении дипломатических отношений между Народной Республикой Китая и Советским Союзом.

Рассмотрев предложение Центрального народного правительства Китая, Советское правительство, движимое неизменным стремлением к поддержанию дружественных отношений с китайским народом и уверенное в том, что Центральное народное правительство Китая является выразителем воли подавляющего большинства китайского народа, извещает Вас, что оно приняло решение – установить дипломатические отношения между Советским Союзом и Народной Республикой Китая и обменяться послами».

Таким образом, межгосударственные отношения между СССР и Китаем были установлены на следующий день после провозглашения КНР, 2 октября 1949 г. «Китайское правительство и китайский народ, – говорилось в ноте МИД КНР от 3 октября в связи с установлением дипломатических отношений



Первый посол СССР в КНР Н.В. Рошин вручает верительные грамоты
Мао Цзэдуну. 16 октября 1949 г.

между двумя странами, – испытывают безграничную радость по поводу того, что сегодня Советский Союз стал первой дружественной державой, признавшей Китайскую Народную Республику».

Назначенный послом Советского Союза в Китайской Народной Республике Н.В. Рошин (Рузанков) вручил свои верительные грамоты Мао Цзэдуну 16 октября 1949 г., а поверенный в делах СССР в КНР со 2 по 16 октября С.Л. Тихвинский стал советником посольства СССР в КНР.

Уже в октябре 1949 г. помимо СССР ее признали Болгария, Румыния, Венгрия, КНДР, Польша, Чехословакия, Монголия и ГДР, а затем Албания и Вьетнам. В 1950 г. в результате переговоров решение о разрыве дипломатических отношений с гоминьдановским правительством и признании нового Китая приняли также Индия, Индонезия, Бирма, Швеция, Дания и Швейцария. Тогда же КНР признали Лихтенштейн и Финляндия.

Большинство государств, в том числе США, страны Западной Европы, не признали КНР. Китайская Республика на Тайване, а не Китайская Народная Республика, оставалась постоянным членом Совета Безопасности ООН. Иными словами, Пекин оказался в своего рода международной полуизоляции. Советский Союз и социалистические страны, признав КНР, стали

единственными дружественными ей государствами, вместе с которыми она составляла «лагерь социализма».

Еще до основания КНР, 16 июля 1949 г., в Пекине был образован комитет по подготовке к созданию Общества китайско-советской дружбы (ОКСД). Предшественницей Общества была Китайско-советская культурная ассоциация, созданная в 1935 г. Инициаторами создания ОКСД были Лю Шаоци и Сун Цинлин – вдова основателя Гоминьдана и первого президента Китайской Республики Сунь Ятсена.

5 октября 1949 г. состоялась учредительная конференция новой массовой общественной организации. Первым председателем ОКСД стал Лю Шаоци, среди его заместителей были лидеры демократических партий и движений, включая руководителя Всекитайской федерации женщин Сун Цинлин, руководителя Народного университета Китая У Юйчжана, председателя Ассоциации демократического национального строительства Хуан Яньпэя и других. Лю Шаоци вскоре сменила Сун Цинлин, возглавлявшая Общество в течение почти 10 лет. Помимо центрального Общества были образованы отделения в провинциях, городах центрального подчинения,



Мао Цзэдун на железнодорожной станции перед отправлением в СССР на празднование 70-летия И.В. Сталина



Прибытие Мао Цзэдуна в Москву на празднование 70-летия И.В. Сталина.
16 декабря 1949 г.



И.В. Сталин и Мао Цзэдун. Празднование 70-летия И.В. Сталина
21 декабря 1949 г. в Москве

автономных районах и уездах. К 1955 г. было создано 65 отделений общества, в которые входили почти 120 тыс. первичных организаций. ОКСД стало одной из крупнейших массовых организаций страны. С 1953 г. оно стало принимать в свои ряды коллективных членов. Курировал центральное Общество Отдел пропаганды ЦК КПК.

В декабре 1949 г. в Москву на празднование 70-летия И.В. Сталина пришла делегация во главе с Мао Цзэдуном. Руководители двух стран обсудили различные аспекты двусторонних отношений.

Интересы Китая вынудили Мао Цзэдуна пойти на сближение с СССР и согласиться на подписание в феврале 1950 г. в Москве Договора между СССР и КНР о дружбе, союзе и взаимной помощи. Таким образом, была заложена политическая и юридическая основа для развития двусторонних отношений, а на мировой арене СССР и КНР предстали как союзники. Советский Союз был единственным источником искренней и существенной помощи и поддержки для КНР. Москва при этом исходила из совпадения коренных интересов двух наций и их государств.

Исключительное значение для упрочения международного положения КНР, для развития и укрепления советско-китайской дружбы имел Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР, подписанный 14 февраля 1950 г. в Москве. Договор был заключен в период «холодной войны», когда подписавшие его страны находились во враждебном окружении, в условиях военной напряженности в мире. КНР приходилось учитывать потенциальную угрозу вторжения армии Чан Кайши с Тайваня, которому оказывали военную помощь США, а также возможность установления экономической блокады и политической изоляции КНР. Срок договора был определен в 30 лет, с возможностью пролонгации на каждые последующие пять лет, если ни одна из сторон не заявит о своем желании денонсировать его за год до истечения срока.

Правительство КНР, оформляя новые отношения с СССР, заявило, что Договор 1945 г. и соглашения, подписанные Советским Союзом с правительством Гоминьдана, являются недействительными. Договор 1950 г. обязал стороны не принимать участия ни в каких альянсах, группировках, действиях или других мероприятиях, направленных против каждой из двух сторон. В случае агрессии против одной стороны, другая сторона должна была всеми доступными ей средствами предоставить своему союзнику военную и прочую помощь. По соглашению о Китайско-Чанчуньской железной дороге (КЧЖД), городах Порт-Артуре и Дальнем, подписанному одновременно с Договором, Советский Союз по просьбе китайской стороны продолжал выполнять свои обязанности. В то же время предусматривалось, что СССР не позднее конца 1952 г. (подразумевалось, что к тому времени будет подписан мирный договор с Японией) передаст свои права на использование и управление КЧЖД, со всем принадлежащим дороге имуществом, а также военную базу в Порт-Артуре и порт Дальний, со всеми их сооружениями, правительству КНР, с возмещением СССР затрат по восстановлению и строительству сооружений, произведенных после 1945 г.



Чжоу Эньлай в присутствии И.В. Сталина и Мао Цзэдуна подписывает Договор между СССР и КНР о дружбе, союзе и взаимной помощи. 14 февраля 1950 г.

Договор имел историческое значение и для укрепления суверенитета Монгольской Народной Республики. Правительства СССР и КНР в совместном коммюнике констатировали полную гарантию независимости МНР, полученной в результате референдума 1945 г., и установления КНР дипломатических отношений с монгольским государством.

Одновременно с подписанием Договора 1950 г. было также заключено Дополнительное соглашение к Договору. «Как на территории Дальневосточного края и среднеазиатских республик СССР, так и на территории Маньчжурии и Синьцзяна Китайской Народной Республики, – говорилось в нем, – не будут предоставляться иностранцам права на концессии, и не будет допускаться деятельность промышленных, финансовых, торговых и иных предприятий, учреждений, обществ и организаций с участием, в прямой или косвенной форме, капитала третьих стран или граждан этих стран». В мае 1956 г. эта часть соглашения была аннулирована.

В целом Договор 1950 г. и Дополнительное соглашение к нему наделяли равными правами и обязательствами и СССР, и КНР, предостерегая тех, кто в условиях «холодной войны» захотел бы вмешаться во внутренние дела двух стран и их взаимоотношения.

Не менее важное значение для укрепления дружественных связей между КНР и СССР имело соглашение о предоставлении Советским Союзом

правительству КНР кредита в сумме 300 млн ам. долларов. Это был самый крупный из всех экономических кредитов, когда-либо предоставлявшихся Китаю иностранными государствами. Кредит был предоставлен на беспрецедентных в мировой кредитной практике льготных условиях, под 1% годовых. КНР планировала использовать этот кредит на закупку советского оборудования и материалов для электростанций, металлургических и машиностроительных заводов, угольных шахт, железнодорожного и автомобильного транспорта и других отраслей китайской экономики в течение пяти лет (1950–1954 гг.). Погашаться кредит должен был равными долями в течение 10 лет, начиная с 31 декабря 1954 г., а уплата процентов, начисляемых со дня использования соответствующей части кредита, производиться по полугодиям. И кредит, и проценты по нему подлежали оплате либо поставками сырья и чая по ценам, установленным на основе мировых, либо золотом или долларами США. В дополнение Советский Союз взял на себя обязательства оказать КНР помощь в строительстве 50 крупных промышленных предприятий.

В августе 1952 г. председатель Госплана КНР Ли Фучунь представил на рассмотрение в Госплан СССР один из вариантов первого пятилетнего плана КНР, получивший название «Экономическое положение в Китае и задачи пятилетнего строительства». В соответствии с ним одной из основных задач пятилетнего плана было ускоренное создание тяжелой, главным образом, современной оборонной промышленности. Уже летом 1952 г. группа советских специалистов приступила к подбору в Китае места и проектированию 15 оборонных заводов и восьми установок (под «установками» понимались отдельные выполнявшие оборонные заказы цеха на предприятиях).

31 декабря 1952 г., т.е. точно в срок, предусмотренный соглашением от 14 февраля 1950 г., Китайско-Чанчуньская железная дорога (КЧЖД) была передана КНР. По Договору Советский Союз должен был передать китайской стороне Порт-Артур и Дальний «непосредственно после заключения мирного договора с Японией, однако не позже, чем в конце 1952 г.». Но в связи с заключением Японией сепаратного мирного договора с США и рядом других держав правительство КНР обратилось к СССР с просьбой продлить срок вывода советских войск с этих баз, пока не будут заключены мирные соглашения между КНР и Японией и между СССР и Японией. Эта просьба была удовлетворена.

Помощь СССР Китаю в 50-е годы складывалась из нескольких основных компонентов: а) безвозмездно передаваемая собственность; б) льготные кредиты, предоставляемые на длительный срок и под низкие проценты; в) военно-техническое сотрудничество; г) научно-техническая помощь; д) помощь в области культуры, образования, здравоохранения и других сферах общественной жизни. Правовую базу оказания экономической и прочей помощи составили договоры между Советским Союзом и КНР об экономическом, промышленном, научно-техническом сотрудничестве и помощи, о военно-техническом сотрудничестве, кредитные договоры и разного рода конфиденциальные договоренности и т.п.

В дополнение к Договору от 14 февраля 1950 г. между двумя странами было подписано 12 документов разного рода.

27 марта 1950 г. были подписаны три соглашения об учреждении смешанных советско-китайских акционерных обществ (с просьбой о создании этих обществ к СССР китайская сторона обратилась в начале 1950 г.): 1) общества «Совкитметалл», созданного для поисков, разведки и добычи и переработке цветных и редких металлов на территории провинции Синьцзян; 2) общества «Совкитнефть» для поисков, разведки и добычи нефти, газа и сопутствующих нефти продуктов, их переработки на территории провинции Синьцзян; 3) Советско-китайского общества гражданской авиации — для организации и эксплуатации воздушных линий: а) Пекин — Шэньян — Чанчунь — Харбин — Цицикар — Хайлар — Чита; б) Пекин — Тайюань — Сиань — Ланьжоу — Сучжоу — Хами — Урумчи — Кульджа — Алма-Ата; в) Пекин — Чжанцзякоу (Калган) — Улан-Батор — Иркутск.

По условиям соглашений, срок действия которых устанавливался на 30 лет, смешанные советско-китайские общества учреждались на паритетных началах с соблюдением равного участия сторон в их капитале и в управлении делами.

В течение 1950 г. правительство СССР безвозмездно уступило КНР права собственности советских акционеров на имущество акционерной компании «И.Я. Чурин», приобретенное у японских собственников в Маньчжурии и г. Дальнем. Оно включало 21 объект в Харбине, включая пивоваренный, два спиртоводочных и два сахарных завода, льнозавод, колбасную фабрику, две мельницы, универмаг, молочную ферму; 17 объектов в Шэньяне, в том числе табачную фабрику, холодильник, два пивоваренных и винокуренный заводы, мельницу, кондитерскую мастерскую, универмаг; три объекта в Фушуне; колбасную фабрику в Хайлуне; пивоваренный завод на железнодорожной станции Имяньпо. Одновременно правление компании приступило к переговорам с уполномоченным министром торговли КНР по Северо-Востоку о продаже основного имущества, которым компания «И.Я. Чурин» владела до капитуляции Японии, а также приобретенного советскими акционерами у Советского Союза или построенного самой компанией в 1946–1950 гг. 14 октября 1953 г. правление подписало контракт о продаже китайской стороне основного имущества, принадлежавшего компании «И.Я. Чурин», а также всех наличных и находящихся в пути товароматериальных ценностей этой организации на общую сумму 5 млн долл.

10 апреля 1950 г. в Москве было подписано соглашение между Госбанком СССР и Народным банком КНР о порядке расчетов и ведения счетов по кредиту от 14 февраля 1950 г.

19 апреля 1950 г. в Москве состоялось подписание торгового соглашения, определившего общие правовые основы торговых взаимоотношений между двумя странами. По нему советская сторона взяла на себя обязательства экспортировать в Китай бензин, керосин и смазочные масла, различные машины, инструменты и оборудование, транспортные средства, хлопок и другое сырье.

В 1950 г. были заключены и некоторые другие соглашения: о почтовой, телеграфной и телефонной связи, о прокате советских фильмов в Китае,

о речном судоходстве. «Новые китайско-советские договоры и соглашения юридически закрепили дружбу между великими народами Китая и Советского Союза, – говорил на заседании правительства КНР Мао Цзэдун в 1950 г., – дали нам надежного союзника. Они облегчили нам работу в области внутреннего строительства и совместного противодействия империалистической агрессии, во имя сохранения мира во всем мире».

14 марта 1951 г. было подписано соглашение о прямом железнодорожном сообщении между СССР и КНР, предусматривавшее перевозку пассажиров, багажа и грузов.

С февраля 1950 г. с Тайваня стали совершаться атаки против КНР и нападения на гражданские суда в открытом море. Самолеты, пилотируемые тайваньскими летчиками, а также американцами, японцами и немцами, находившимися на службе у правительства Гоминьдана, начали бомбардировать и обстреливать населенные пункты КНР; особенно разрушительные налеты совершались на Шанхай. Корабли Тайваня обстреливали и захватывали иностранные суда, шедшие в китайские порты. В такой ситуации правительство КНР в 1949–1950 гг. попросило правительство СССР прикрыть с воздуха ряд городов КНР. В феврале–октябре 1950 г. ряд советских воинских частей был передислоцирован из СССР на территорию Китая. Они начали защищать Шанхай, Нинбо, Нанкин и Сюйчжоу от налетов ВВС Гоминьдана, базировавшихся на Тайване и Чжоушаньском архипелаге. В марте 1950 г. в КНР начала поступать из Новосибирска в разобранном виде авиационная техника, которая собиралась на месте и перебазировалась на постоянные места дислокации. Всего на вооружении группировки советских войск в Китае тогда находилось 118 самолетов, 73 прожекторных и 13 радиотехнических станций, 116 радиостанций, 31 радиоприемник, 436 единиц автотранспорта. Советская авиация и войска ПВО вели круглосуточное дежурство по защите Шанхая, в результате чего налеты на Шанхай и его пригороды прекратились.

Советский Союз осуществлял и прямые поставки авиатехники в Китай. Так, по просьбе руководства КНР СССР еще в 1949 г. обязался поставить 434 самолета. 15 октября 1949 г. была доставлена первая партия машин, а к концу года КНР получила из СССР 424 самолета различных типов. Часть поставляемой техники была трофейной, поэтому советская сторона предоставляла скидку в 25% на самолеты, бывшие в употреблении, и скидку в 60% на немецкие пулеметы.

Одним из результатов визита Мао Цзэдуна в Москву зимой 1949–1950 гг. стала договоренность о поставках 586 самолетов, включая 280 истребителей и 198 бомбардировщиков. 15 февраля 1950 г. Мао Цзэдун обратился к Сталину с просьбой дополнительно предоставить 628 самолетов. Кроме того, по просьбе китайского руководства в 1950–1951 г. Китаю были безвозмездно переданы 372 реактивных истребителя МиГ-15.

Тесное сотрудничество в военной области осуществлялось между двумя странами в период военных действий в Корее. Советский Союз бесперебойно снабжал Корейскую народную армию и китайские войска оружием, боеприпасами, горючим, продовольствием, медикаментами.

В 1950 г. по просьбе правительства КНР СССР перебросил в Маньчжурию отборные авиационные дивизии, которые надежно защитили промышленные центры Северо-Восточного Китая от налетов и в воздушных боях сбили десятки американских самолетов. По предварительной договоренности с руководством КНР в середине октября 1950 г. из Суйчжоу в Аньнани был переброшен советский истребительный полк, где его ждал эшелон с новыми МиГами, прибывший из СССР. 1 декабря полк на этих самолетах перелетел в г. Аньдун (Даньдун) на границе с Кореей, а ему на смену в Аньнани прилетела добровольческая советская истребительная дивизия под командованием трижды героя Советского Союза И.Н. Кожедуба. Перелетевший в Аньдун полк вошел в состав 64-го истребительного авиакорпуса, перебазируемого на китайские аэродромы вблизи корейской границы (три дивизии, около 26000 человек). Непосредственно на территории Кореи находились только зенитные войска. Пять советских зенитных полков дислоцировалось на территории КНР, прикрывая аэродромы.

На заключительном этапе войны в воздушном пространстве над Кореей 5-я воздушная армия США, воевавшая под флагом ООН, сталкивалась в основном с советскими истребителями, прикрывавшими с воздуха корейские и китайские войска. В течение всей корейской войны поочередно 12 дивизий (72 тыс. человек) из состава военно-воздушных сил СССР приняли участие в войне на стороне Северной Кореи, причем на линии фронта одновременно находилось по 25–26 тыс. человек. Всего за время корейской войны советскими летчиками, по данным полковника А.И. Суровцева, в воздушных боях над территорией Китая и Северной Кореи было сбито более 1300 самолетов противника, в том числе зенитными войсками 212 самолетов. По американским данным, в Корею они потеряли около 4 тыс. самолетов. СССР за время Корейской войны потерял 345 МиГов и 120 летчиков. Американские специалисты определили совокупный урон советских ВВС, авиации КНДР и КНР примерно в 2 тыс. машин.

На корейской земле в составе армии китайских добровольцев находились не только летчики, но и многочисленные группы советских военных советников – моряки, танкисты, артиллеристы.

По окончании военных действий вся техника и имущество группировки советских войск в соответствии с решением Совета Министров СССР подлежали передаче китайской армии. При содействии советских военно-технических и командных кадров, направленных в КНР, было сформировано и обучено 10 китайских истребительных дивизий и 60 мотомеханизированных сухопутных дивизий, составивших основу переформированных вооруженных сил КНР.

В связи с войной в Корею правительство КНР обратилось к СССР с просьбой предоставить дополнительные кредиты для оснащения НОАК вооружением и современной техникой. 1 февраля 1951 г. советское правительство предоставило КНР кредит в сумме 1916,1 млн руб. (431,4 млн руб. по курсу 1961 г.) из расчета 2% годовых с погашением его в течение 8 лет, начиная с 1956 г. Причем кредит вновь был льготным: оплата составляла 50% стоимости предоставляемого вооружения и 25% от стоимости транспортных расходов. Общая

сумма скидки, предоставленной Китаю по этому кредиту, составила 929,7 млн руб. (209,5 млн руб. по курсу 1961 г.). По подсчету, проведенному в КНР, эта цифра примерно равнялась сумме кредитов, предоставленных Китаю в 1951 г. Второй дополнительный военный кредит 9 ноября 1952 г. КНР получила на сумму 1036 млн руб. (233,2 млн руб. по курсу 1961 г.) из расчета 2% годовых с оплатой его в течение 10 лет, начиная с января 1954 г. Он предназначался для оснащения китайской армии современными военно-техническими средствами и вооружением. Этот кредит подлежал оплате уже без 50-процентной скидки.

В дальнейшем СССР предоставил Китаю еще девять различных кредитов, большая часть которых была предназначена для потребностей армии. Сумма кредита в большинстве случаев подразумевала стоимость товаров и услуг, которые предоставлялись китайской стороне Советским Союзом. Все платежи китайская сторона производила поставками своих товаров и стратегического сырья.

Между двумя странами стал происходить активный обмен литературой и учебниками. С нашей помощью за первые три года было издано более 3100 наименований советских книг на китайском языке, в том числе 943 по общественным наукам, 348 по вопросам культуры и просвещения, большим тиражом издавались и советские учебники для вузов.

Исключительное значение в эти годы имела для КНР торговля с СССР. Если в 1948 г. Советский Союз занимал девятое место в экспорте Китая, то в 1949 г. – третье место, а уже к концу 1950 г. вышел на первое место (28,7%). Одновременно повышалась роль СССР и в импорте Китая. Удельный вес СССР с 4,86% в 1949 г. (пятое место) уже за первые девять месяцев 1950 г. поднялся до 20,4% (второе место). В следующем году товарооборот между двумя странами продолжал неуклонный рост. В сентябре 1951 г. на долю СССР уже приходилось 40,7% импорта и 41,12% экспорта КНР.

* * *

В марте 1953 г. на траурную церемонию по случаю кончины И.В. Сталина в посольство СССР в Пекине приехали Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай и с ними почти весь руководящий состав правительства КНР. Очевидец тех событий, дипломат и китаевед О.Б. Рахманин вспоминал: «Мао Цзэдун старался держаться сдержанно, но у него это не получалось. Судя по выражению лица, характеру бесед, он был искренне потрясен. В глазах его стояли слезы, некоторые из его соратников открыто плакали».

После смерти Сталина советское руководство приняло решение о дальнейшем значительном увеличении помощи Китаю.

21 марта 1953 г. было подписано соглашение об оказании Советским Союзом помощи КНР в расширении действующих и строительстве новых электростанций. 15 мая 1953 г. заключено советско-китайское соглашение о содействии КНР в строительстве и реконструкции 141 промышленного объекта. В их число помимо 50 предприятий, создание которых было предусмотрено

соглашением от 14 февраля 1950 г. — они уже находились в стадии строительства или реконструкции, вошло еще 91 крупное промышленное предприятие (включая те 15 оборонных заводов и восемь промышленных установок, подготовка к созданию которых началась еще в 1952 г.). В 1954 г. было заключено соглашение о предоставлении правительством СССР правительству КНР нового долгосрочного кредита в сумме 530 млн руб., а также подписан протокол об оказании нашей страной помощи Китаю в строительстве дополнительно 15 промышленных предприятий и увеличении объема поставок оборудования для 141 предприятия, предусмотренного ранее подписанным соглашением. Стоимость дополнительно поставленного из СССР оборудования составляла свыше 400 млн руб.

Всего в 1953–1954 гг. были заключены советско-китайские соглашения о содействии в строительстве и реконструкции 156 индустриальных объектов (в том числе Аньшаньского, Уханьского и Баотоуского металлургических комбинатов, Чанчуньского автомобильного и Лоянского тракторных заводов, Тайюаньского и Шэньянского заводов тяжелого машиностроения), а также соглашения о льготных кредитах для закупки оборудования для этих строек. С начала 1950 по июль 1954 г. китайской стороне была передана техническая документация по 698 позициям. Указанные 156 объектов стали центральным звеном промышленного строительства в годы первой пятилетки. Советская сторона не только предоставляла льготные кредиты на строительство таких объектов, но брала на себя обязательства по руководству и оказанию помощи в области разведки полезных ископаемых, при выборе строительных площадок, составлении технической документации, осуществлении строительно-монтажных работ, в подготовке персонала и проведении пусковых испытаний, по поставкам механического оборудования. Общая стоимость советского оборудования, подлежащего поставке в 1954–1959 гг., оценивалась в 3–3,5 млрд руб.

В записке китайского правительства от 31 января 1954 г. была высказана просьба о пересмотре списка предприятий, предусмотренных соглашением от 15 мая 1953 г., в сторону сокращения строительства гражданских предприятий и увеличения до 35 предприятий оборонной промышленности. В соответствии с этим пожеланием правительство СССР 10 августа 1954 г. подтвердило свое согласие выполнить проектные работы, поставить оборудование и оказать помощь в строительстве 15 новых оборонных предприятий взамен ранее предусматривавшейся реконструкции таких предприятий; оказать помощь в строительстве 14 новых предприятий.

В записке советского правительства по данному поводу на новых оборонных предприятиях предлагалось освоить производство более современных типов военной техники вместо тех, что были предусмотрены соглашением от 15 мая 1953 г.: реактивного самолета МиГ-17 вместо МиГ-15 бис, 85-мм зенитной пушки КС-18 с радиолокатором «Гром-2» и «ПАУЗО-6» вместо 85-мм зенитной пушки образца 1944 г. и радиолокатора «СОН-4», танкового двигателя В-34-МИ11 вместо В-2–34 и т.д. Предлагалось также организовать изго-

товление 85-мм дивизионной пушки образца 1944 г. на действующих заводах Китая.

В результате переговоров между делегациями СССР и КНР в Москве 12 октября 1954 г. было подписано соглашение о научно-техническом сотрудничестве. Оно было рассчитано на пятилетний срок с возможностью пролонгации его действия на последующие пять лет по желанию сторон. Соглашение предусматривало обмен опытом между двумя странами во всех отраслях народного хозяйства и безвозмездную передачу друг другу технической документации на строительство металлургических и машиностроительных заводов, электростанций, рабочих чертежей для производства машин и оборудования и технологическую документацию, а также научно-техническую литературу с оплатой лишь фактических расходов по снятию копий документов, обмен технической информацией и посылку в каждую из стран специалистов для оказания технической помощи и взаимного ознакомления с научно-техническими достижениями. Кроме того, было решено выделить из состава Дальневосточной комиссии Советско-Китайскую комиссию, включавшую семь представителей от каждой стороны, для разработки мероприятий по научно-техническому сотрудничеству и представления обоим правительствам соответствующих рекомендаций. Проведение сессий Советско-Китайской комиссии планировалось осуществлять дважды в год, однако, начиная с 1959 г. этот порядок был изменен и интервалы между сессиями стали увеличиваться. Всего с 1954 до конца 1966 г., когда научно-техническое сотрудничество между СССР и КНР было практически прекращено, прошло 15 сессий комиссии, было подписано 15 протоколов.

В декабре 1954 г. было решено, что СССР дополнительно передаст КНР безвозмездно проектно-техническую документацию на строительство металлургических и машиностроительных заводов, электростанций, рабочие чертежи для производства машин и оборудования, и технологичную документацию, а также научно-техническую литературу. Всего за десять с небольшим лет китайской стороне было передано свыше 1400 проектов крупных промышленных предприятий и свыше 24 тыс. комплектов различной научно-технической документации. Сумма этой помощи, по подсчетам западных экономистов, составляла несколько млрд ам. долларов.

Всего по состоянию на апрель 1956 г. Советский Союз оказывал помощь в восстановлении и строительстве 213 предприятий, из которых 81, или почти треть, имели чисто оборонный характер.

По состоянию на 1 января 1955 г. только техническую помощь КНР оказывали около 800 трудившихся в стране советских специалистов. Они проводили также большую работу по подготовке китайских кадров. С их участием было обучено 800 монтажников и наладчиков энергооборудования, 600 техников по механомонтажу и более 1 тыс. квалифицированных рабочих различных специальностей. Помимо собственно специалистов на тот момент в Китае присутствовали около 500 специалистов-советников. Общее число советских советников и технических специалистов, работавших в КНР в 1953–1957 гг., составило более 3500 человек, среди них 2213 технических специалистов,

123 экономических советника, 374 военных советника и специалиста. Китайская сторона направила на учебу в Советский Союз свыше 7 тыс. студентов и стажеров, около 5 тыс. практикантов. Число специалистов из других стран, в основном социалистических, работавших в КНР в тот же период, не превышало 200.

В 1954 г. Советский Союз по своей инициативе вывел советские военные части из совместно использовавшейся военно-морской базы Порт-Артур и безвозмездно передал эту базу КНР вместе со всеми построенными там за 10 лет сооружениями военно-стратегического назначения. СССР также передал в полную собственность КНР все свои права и долю в смешанных советско-китайских акционерных обществах в Маньчжурии и Синьцзяне, которые к тому времени уже представляли собой современные комбинаты, оснащенные передовой по тем временам технологией и имевшие современную систему управления. 1 января 1955 г. Китаю была передана советская доля участия в тех смешанных обществах, которые были созданы в 1950–1951 гг. и относительно которых соответствующие решения не были приняты ранее. Стоимость этой доли предполагалось возместить в течение ряда лет экспортными поставками из КНР.

Советское правительство согласилось оказать КНР помощь в использовании атомной энергии в мирных целях. По заключенному 27 апреля 1955 г. соглашению СССР принял участие в строительстве первого китайского экспериментального атомного реактора и циклотрона.

Советское правительство неоднократно выделяло КНР дополнительные кредиты в рамках отдельных соглашений. Так, когда в 1953 г. правительство КНР решило создать в своей стране производство натурального каучука, СССР предоставил Китаю кредит в сумме 8,55 млн руб. для финансирования расходов по развитию каучуконосных плантаций на о. Хайнань и в прибрежных районах юго-восточной части страны. Общие сведения о кредитах см. в табл. 2.

Таким образом, всего, по данным историков КНР, из полученных от СССР кредитов на сумму в 6871 млн 300 тыс. руб. было использовано 6 млрд 616300 тыс. руб., из них львиную долю составили кредиты на военные нужды – 6288 млн руб., тогда как на нужды экономики пошло 328300 тыс. руб., т.е. около 5%.

Активно развивалась торговля между двумя странами. Общий объем товарооборота между СССР и КНР в период 1953–1956 гг. неуклонно возрастал, увеличившись за четыре года на 27,6%.

Увеличивался поток китайских студентов и аспирантов, выезжавших на учебу в СССР. В период 1-й пятилетки КНР направила в СССР и страны Восточной Европы 568 технических специалистов и кадровых работников для повышения научного уровня в области металлургии цветных металлов. Только в 1956 г. в СССР выехали 1800 китайских студентов и аспирантов.

Большую роль сыграла советская помощь КНР в организации работы по планированию развития народного хозяйства. В начале ЦК КПК и Госсовет поручил Государственному плановому комитету и АН Китая вместе с соответствующими

Таблица 2

Кредиты, предоставленные Советским Союзом КНР в 1950–1955 гг.

№ пп	Дата выделения кредита	Сумма, руб.	Использовано	Целевое назначение
1	14 февраля 1950 г.	1200 млн	Полностью	военные нужды
2	1 февраля 1951 г.	1235 млн	986 млн	военные нужды
3	10 апреля 1951 г.	340 млн	Полностью	военные нужды
4	12 сентября 1951 г.	600 млн	Полностью	военные нужды
5	15 сентября 1951 г.	70 млн	38 млн	нужды экономики
6	15 сентября 1952 г.	38 млн	Полностью	производство каучука
7	9 ноября 1952 г.	1036 млн	Полностью	военные нужды
8	4 июня 1953 г.	610 млн	Полностью	военные нужды
9	23 января 1954 г.	3,5 млн	Полностью	нужды экономики
10	16 июня 1954 г.	8,8 млн	Полностью	нужды экономики
11	12 октября 1954 г.	520 млн	Полностью	военные нужды
12	12 октября 1954 г.	278 млн	Полностью	нужды экономики
13	28 февраля 1955 г.	247 млн	Полностью	военные нужды
14	31 октября 1955 г.	723 млн	Полностью	военные нужды
Итого:		6871,3 млн	6616,3 млн	военные нужды: 6288 млн руб.; нужды экономики: 328,3 млн руб.

министерствами и ведомствами составить «Перспективный план развития науки на 1956–1967 гг.». 24 февраля 1956 г. был учрежден Комитет по научному планированию во главе с Чэнь И (в ноябре заменен Не Жунчжэнем) и четырьмя его заместителями – Ли Фучунем, Го Можо, Бо Ибо и Ли Сыгуаном. В разработке плана приняли участие более 600 китайских ученых, а также 640 советских специалистов. Проект документа вырабатывался полгода. Он предусматривал и развитие таких научных направлений, как мирное использование атомной энергии, исследования и разработки в области реактивной техники, электронных вычислительных машин, полупроводниковых устройств, специальные оборонные разработки.

Во время визита в Китай в апреле 1956 г. правительственной делегации СССР во главе с А.И. Микояном была достигнута договоренность (с китайской стороны участвовал Ли Фучунь) об оказании КНР помощи в развитии оборонной промышленности, в производстве искусственного жидкого топлива. Согласно этой договоренности СССР согласился оказать КНР техническую помощь в строительстве 55 новых предприятий оборонной промышленности, в том

числе заводов по производству реактивных истребителей МиГ-19, реактивных бомбардировщиков Ту-16, комплектующих изделий для самолетостроительных заводов, артиллерийских систем, оптики, радиотехники.

Немалый вклад в развитие китайско-советских отношений в те годы внесло Общество китайско-советской дружбы (ОКСД). Оно всесторонне освещало и пропагандировало деятельность Советского Союза по оказанию помощи Китаю. Издавалось свыше 70 периодических изданий, рассказывавших о жизни в СССР и китайско-советских отношениях. Обществом проводились различные выставки, рассказывающие о жизни в СССР. Активисты общества выступали с докладами и сообщениями о Советском Союзе и взаимоотношениях двух стран. Всего до 1966 г., по китайским данным, было сделано 200 тыс. докладов такого рода; число слушателей составило 150 млн человек.

В октябре 1954 г. в Пекине открылась Выставка достижений экономического и культурного строительства СССР, которая затем последовательно переезжала в Шанхай, Гуанчжоу и Ухань. В общей сложности до июля 1956 г. выставку посетили около 11 млн человек, в том числе более 87 тыс. жителей Гонконга и Аомэня. Советские специалисты, работавшие на выставке, читали лекции и проводили занятия.

Советско-китайское сотрудничество

В первое десятилетие существования КНР объем ее торговли с СССР неуклонно расширялся. За семь лет он вырос в два раза – с 2317,9 млн руб. в 1950 г. до 5129 млн в 1957 г. На долю советско-китайской торговли приходилось 20% внешнеторгового оборота СССР и около 50% внешней торговли КНР.

Возрастал и объем научно-технического сотрудничества. Наиболее продуктивными в этом плане стали 1957–1958 гг., когда обязательства обеих сторон только по передаче научно-технической документации насчитывали 3356 тем.

Всего СССР по соглашениям о научно-техническом сотрудничестве в 1950–1959 гг. передал китайской стороне 30,5 тыс. комплектов научно-технической документации, в том числе 3709 проектов объектов капитального строительства, 12410 чертежей приборов, 2970 полных комплектов документаций на предприятия и 11404 комплектов документации по различным отраслям на много миллиардов долларов.

Правительство СССР согласилось оказать КНР помощь в использовании атомной энергии в мирных целях. По заключенному 27 апреля 1955 г. соглашению Советский Союз принял участие в строительстве, монтаже и пуске первого китайского экспериментального атомного реактора и циклотрона, обеспечил их расщепляющимися и другими материалами.

28 сентября 1958 г. атомный реактор мощностью до 19 тыс. кВт был сдан в эксплуатацию. На нем производилось 33 вида радиоактивных изотопов.



Визит председателя Президиума Верховного Совета СССР
К.Е. Ворошилова в КНР. Апрель 1957 г.



Прием в Пекине председателя Президиума Верховного Совета СССР
К.Е. Ворошилова. 15 апреля 1957 г. Справа налево: К.Е. Ворошилов, Чжу Дэ,
Чжоу Эньлай, Лю Шаоци, Мао Цзэдун

В это же время начал работать циклотрон на 25 млн электрон-вольт и более 10 различных типов других ускорителей. Следующим шагом в сотрудничестве между КНР и СССР в области атомной энергии стало включение КНР в качестве полноправного члена в «Объединенный институт ядерных исследований» в Дубне с ежегодным 20-процентным денежным взносом на его содержание. Китайские специалисты побывали в атомном центре Советского Союза – Арзамасе-16, на Семипалатинском атомном полигоне. Китайские специалисты продолжали работать в Дубне и в 1965 г.

К 1958 г. с помощью СССР была создана металлургическая база на северо-востоке и севере Китая, начато строительство двух новых центров металлургии (в Ухане и Баотоу); реконструировано, модернизировано и построено 20 металлургических заводов, семь химических предприятий (в Цзилине, Тайюане и Ланьчжоу), 24 крупнейших предприятия машиностроения, в том числе в Шэньяне, Пекине и Фулаэрдэ (пров. Хэйлунцзян), 52 энергетических предприятия, включая 19 реконструированных и шесть построенных гидро- и теплоэлектростанций. Всего за год была возведена Фусиньская ТЭС. Решены сложные задачи по строительству плотин и водохранилищ на реках Хуанхэ, Янцзы, Сунгари. Вновь созданные промышленные районы, располагаясь на Северо-Востоке, на Западе и в центральной части Китая, создавали новую равномерную структуру экономики, в отличие от старого Китая, где промышленность была сосредоточена в основном на восточном побережье. СССР помог восстановить Пекин-Ханькоускую и Гуанчжоу-Ханькоускую железные дороги, построить новые ветки: Чэнду – Чунцин, Тяньшуй – Чэнду, Тяньшуй – Ланьчжоу и др. Сооружение в рекордно короткие сроки железной дороги от Чунцина до Ланьчжоу позволило соединить Юго-Запад и Северо-Запад с центральными областями страны.

При участии СССР была модернизирована горнодобывающая промышленность, созданы центры турбостроения и котлостроения (в Харбине и Дзяне, тракторостроения (в Лояне), нефтеперерабатывающие заводы (в Ланьчжоу), приборостроительные, радиотехнические и другие предприятия. Флагманом автомобилестроения КНР стал 1-й автосборочный завод в Чанчуне, 80% комплектного оборудования для которого поставил Советский Союз; первую партию грузовиков СА10 («Цзефан») завод выпустил уже в июле 1956 г. Было освоено производство некоторых видов машин и оборудования по советским образцам (самолетов, тракторов, оборудования для добычи угля открытым способом, угольных комбайнов советского типа «Донбасс», механических погрузчиков, перфораторов и других видов горного оборудования, новейших текстильных машин и др.). КНР не только перестала ввозить текстильное оборудование, но и сама стала экспортировать его в страны Юго-Восточной Азии и Египет. Страна смогла в значительной мере обеспечивать текущие нужды во многих видах продукции легкой и пищевой промышленности за счет внутреннего производства.

Всего в 1950–1959 гг. при содействии СССР в КНР было построено, восстановлено или реконструировано, по разным оценкам, от 300 до 400 крупных промышленных и военных объектов. Оснащены новейшим промышленным

оборудованием 12 металлургических комбинатов, способных производить 30 млн т металла в год, 28 комбинатов и заводов цветной металлургии, четыре завода нефтяной и сланцевоперерабатывающей промышленности, 26 угольных шахт и сланцевых карьеров, четыре завода химических удобрений, завод по производству синтетического каучука, семь заводов тяжелого машиностроения (металлургического, горного, химического и нефтеперерабатывающего оборудования) и пять – энергетического оборудования (паровых, газовых и гидравлических турбин, генераторов), два котлостроительных, два подшипниковых, три автомобильных и тракторных заводов, 44 тепловых и гидроэлектростанций, 97 заводов по производству приборов, радиоаппаратуры, электроники, самолетов, оборонной техники, научно-исследовательские институты; общая стоимость такого оснащения составила более 2 млрд рублей.

Следует также отметить, что экономическое сотрудничество с КНР способствовало успешному решению целого ряда народнохозяйственных задач Советского Союза, особенно в легкой промышленности и сельском хозяйстве. СССР был заинтересован в поставках продовольствия и товаров народного потребления из КНР, прежде всего для районов Дальнего Востока. Кроме того, существовали обязательства перед новыми союзниками в Восточной Европе, сильно пострадавшими от засухи, особенно в дунайском бассейне.

КНР располагала не только продовольствием и товарами народного потребления, но и значительными ресурсами цветных и редкоземельных металлов. Добываемые в южных и центральных провинциях вольфрам, олово и ртуть, а также редкоземельные металлы в Синьцзяне, т.е. стратегическое и минеральное сырье, тоже представляли интерес для СССР. Но основной привлекательностью для СССР обладал поистине бездонный китайский рынок сбыта продукции машиностроительной и военной промышленности, который мог бы придать новый импульс советской индустрии.

КНР уже к середине 50-х годов передала советской стороне примерно 300 наименований технической документации в областях легкой промышленности, сельского хозяйства, транспорта и т.д. Китай поделился, в частности, опытом разведения дубового и тутового шелкопрядов, материалами по изучению миграции рыб и лечению болезней некоторых промысловых рыб, передала большое количество образцов и семян многолетнего хлопчатника, джута, масличных и других сельскохозяйственных культур, древовидных кустарниковых растений, черенки и саженцы наиболее высокоурожайных сортов шелковицы и чая. Всего же, по состоянию на 1 января 1961 г., КНР передала Советскому Союзу около 1500 комплектов научно-технической документации различного характера.

По китайским данным, в 1949–1960 гг. в КНР в общей сложности работали свыше 18 тыс. советских специалистов и советников в различных отраслях народного хозяйства КНР: в металлургической и сталелитейной промышленности, в геологических разработках и добыче угля и нефти, в производстве электроэнергии, в ирригационных работах, на железных дорогах, на строительных объектах и в сельском хозяйстве, в лесной промышленности и животноводстве, в медицине, образовании и здравоохранении. Из них

по военной линии там находилось от 7 тыс. до 10 тыс. человек, в том числе 3390 человек в военно-морском флоте, остальные – в ВВС, артиллерии, войсках связи, ракетных войсках. В отечественной историографии называется иная общая цифра советских советников и специалистов, работавших в 50-е годы в Китае – от 9 до 11 тыс. человек. Разницу в оценках общего числа командированных в 50-е годы в КНР специалистов, приводимых в советской и китайской литературе, китайский историк Шэнь Чжихуа объясняет тем, что советские источники не учитывают не менее 7 тыс. военных специалистов, работавших в стране на основании закрытых и секретных соглашений.

Советские специалисты внесли существенный вклад в обеспечение Китая квалифицированными кадрами. Так, в 1949–1960 гг. с помощью советских специалистов в КНР было подготовлено около 17000 преподавателей высшей школы, более 1700 преподавателей прошли обучение в Советском Союзе. Таким образом, общая численность преподавателей высшей квалификации, подготовленных с помощью СССР, составила почти 19000 человек, т.е. четверть всего преподавательского состава китайских вузов. На начало 1960 г. в институтах АН СССР и Министерства высшего и среднего специального образования СССР в общей сложности находилось 1618 аспирантов и практикантов со сроком обучения один–три года. 142 китайских аспиранта защитили в СССР кандидатские диссертации. По секретной тематике в учреждениях АН СССР только в 1959 г. обучались 59 китайских граждан. О динамике роста числа китайских ученых, учившихся и стажировавшихся в СССР, говорят данные по Академии наук СССР. Число китайских аспирантов и практикантов в ее научных учреждениях в 1952 г. составляло 11 человек, в 1953 г. – 13, в 1954–1957 гг. – уже около 150; в 1958 г. там проходили подготовку 194 аспиранта и 61 практикант, в 1959 г. – соответственно 209 и 83, а в 1960 г. – 269 и 85.

Всего в 1950–1960 гг. более 38 тыс. китайских граждан – партийных, административных и военных кадровых работников, инженеров, техников и студентов прошли обучение и практику в Советском Союзе. Из 18 тыс. граждан КНР, в те годы учившихся и стажировавшихся в вузах и научно-исследовательских институтах зарубежных стран, главным образом социалистических, более 11 тыс. специалистов было подготовлено в СССР.

О масштабах сотрудничества в области культуры свидетельствует тот факт, что в 1949–1958 гг. в СССР побывали 34 китайских театральных и концертных коллектива, было показано 102 китайских художественных фильма. За то же время КНР посетили 112 советских музыкальных и артистических коллективов, там были продемонстрированы 747 советских кинокартин, общее число кинозрителей на таких просмотрах составило 2 млрд. За период с 1946 по 1960 г. в нашей стране в переводе на русский язык и 50 других языков народов СССР было выпущено в свет 976 книг китайских авторов общим тиражом около 43 млн экземпляров. Массовым тиражом издавались переводы сочинений Лу Синя, Мао Дуня, Ба Цзиня, Лао Шэ, Чжао Шули, Эми Сяо и других писателей, антология китайской поэзии, лучшие образцы классической литературы – «Книга песен», «Троецарствие», «Сон в Красном тереме», «Речные заводы», «Путешествие на Запад» и др. Большой размах получило



Беседа Н.С. Хрущева с Мао Цзэдуном в Москве в ноябре 1957 г.

издание советской литературы в КНР. За 1950–1958 гг. было переведено и издано более 13 тыс. названий произведений советских авторов общим тиражом около 230 млн экземпляров.

В ноябре 1957 г. Мао Цзэдун выступил в Москве на международном Совещании коммунистических и рабочих партий. При этом он, в частности, заявил, что если в случае мировой ядерной войны «... половина человечества будет уничтожена, то еще останется половина, зато империализм будет полностью уничтожен, и во всем мире будет лишь социализм, а за полвека или за целый век население опять вырастет, даже больше, чем на половину».

В то время главные внешнеполитические цели Мао Цзэдуна сводились к тому, что в мировом коммунистическом движении следует «слушать» то, что он «говорит», и что необходимо исходить из неизбежности мировой войны. Именно по последнему вопросу его позиции разошлись с точкой зрения в нашей стране, в том числе с точкой зрения Н.С. Хрущева.

Позиция Советского Союза сводилась к тому, что следует любой ценой крепить единство социалистического лагеря, одновременно считая возможным и необходимым отказ от острой межсистемной конфронтации между центрами двух противостоящих блоков – СССР и США.

Руководство КНР, напротив, исходило из идеи желательности разжигания конфронтации двух сверхдержав.

Свидетельством стремления Мао Цзэдуна к политической отдельности при одновременном активном использовании помощи со стороны СССР стали результаты короткого неофициального визита, совершенного Н.С. Хрущевым



Мао Цзэдун от имени КПК ставит подпись под «Декларацией коммунистических и рабочих партий социалистических государств». Москва, ноябрь 1957 г.

в июле 1958 г. в Пекин. В ответ на просьбу китайской стороны о поставках советских атомных подводных лодок советская сторона выдвинула встречные предложения о создании совместной группировки военно-морского флота и совместном осуществлении строительства длинноволновой радиостанции, способной обеспечить связь с советским военным флотом в Тихом океане. СССР брал на себя 70% расходов по строительству. Предложения были негативно восприняты Мао Цзэдуном, который назвал их посягательством на суверенитет КНР.

В августе 1958 г. артиллерия НОАК подвергла обстрелу острова Цзиньмэнь и Мацзу в западной части Тайваньского пролива, контролировавшиеся тайваньскими властями. Эта акция, о подготовке которой руководители КНР не поставили в известность советское руководство, вызвало так называемый «второй тайваньский кризис» (первый имел место в 1954–1955 гг. и окончился захватом КНР двух островов у побережья Китая). В пролив был введен военный флот США. Тогда Н.С. Хрущев в письме президенту США Эйзенхауэру предупредил, что военные действия против КНР будут рассматриваться как нападение на СССР.

Критика в нашей стране кампаний «ста цветов», «большого скачка» и создания народных коммун вызывала недовольство Мао Цзэдуна. Он поручил руководителю агентства «Синьхуа» У Лэнси, главному редактору теоретического журнала «Хунци» Чэнь Бода и кандидату в члены Секретариата ЦК КПК

Ху Цяому подготовить специальную книгу о народных коммунах, обещая написать к ней предисловие объемом в 10 тыс. иероглифов с «критикой реакционеров всех стран». Хотя этот замысел и не был воплощен в жизнь, он говорит о готовности Мао Цзэдуна уже в период «большого скачка» предать гласности расхождения между Пекином и Москвой.

Визит Н.С. Хрущева в США в сентябре 1959 г., предваривший его поездку в Пекин в связи с празднованием 10-й годовщины КНР, был расценен Мао Цзэдуном как демонстрация смены приоритетов внешней политики СССР.

К тому времени Мао Цзэдун стал сворачивать межпартийные и межгосударственные отношения КПК и КНР с СССР и другими социалистическими странами. С советской стороны делались попытки обсудить проблемы, возникшие между двумя партиями и странами. ЦК КПСС 6 февраля 1960 г. уведомил ЦК КПК о готовности к товарищескому обсуждению спорных вопросов для выработки решения, соответствующего интересам общего дела. 5 апреля советский посол от имени руководства СССР передал китайской стороне приглашение направить в Москву в 1960 г. партийно-правительственную делегацию во главе с Мао Цзэдуном. Но на это предложение последовал отказ.

Мао Цзэдун готовил обоснование своей особой позиции по коренным проблемам международного развития, стратегии и тактики революционного движения. Обнародование ее было приурочено к празднованию 90-летия со дня рождения В.И. Ленина в апреле 1960 г. В статьях, опубликованных в «Хунци» и «Жэньминь жибао», и докладе заведующего Отделом пропаганды ЦК КПК Лу Динъи на торжественном заседании, посвященном этой дате (позже эти тексты были сведены в сборник под общим названием «Да здравствует ленинизм!»), по существу, подвергалось критике одно из главных положений генеральной линии московского Совещания коммунистических и рабочих партий 1957 г., под итоговым документом которого стояла подпись и делегации КНР: о возможности мирного сосуществования государств с различным социальным строем. В указанных статьях и докладе выражался скептицизм насчет возможности предотвратить новую мировую войну, КПСС подвергалась критике за «отход от ленинизма» и «ревизионизм». Утверждалось, что усиление международной напряженности благоприятствует борьбе за победу социализма, а война ускорит мировой революционный процесс, уничтожит капиталистическую систему и утвердит социализм во всем мире.

21 апреля 1960 г. ЦК КПСС направил коммунистическим и рабочим партиям документ, в котором взгляды китайской стороны подверглись критике.

В июне на сессии Генерального совета Всемирной федерации профсоюзов, проходившей в Пекине, руководители КПК попытались навязать свои установки международному профсоюзному движению. Представители КНР на сессии утверждали, что «мир без войн и без оружия может наступить лишь в эпоху, когда социализм одержит победу на всем земном шаре». Они выступили с критикой взглядов КПСС и других, солидарных с ней, компартий как на заседании Генерального совета ВФП, так и на заседаниях ряда комиссий. Дальнейшие расхождения руководства КПК с большинством

в международном коммунистическом движении выявились на Бухарестском совещании 24–26 июня 1960 г., где присутствовали посланцы 51 партии. Эти выпады не могли не сказаться на отношениях двух стран.

16 июля в ноте правительства СССР руководству КНР отмечались многочисленные факты нарушения китайской стороной договорных обязательств в отношении советских специалистов. Такие действия, утверждалось в ноте, делают практически невозможным их дальнейшее пребывание в КНР. С 28 июля по 1 сентября 1960 г. были отозваны на родину 1390 находившихся в КНР советских специалистов, работавших на 250 объектах КНР, причем из 1150 специалистов, трудившихся в экономической сфере, более 80% были заняты на объектах министерства обороны.

Еще за четыре года до этих событий, 30 октября 1956 г., Лю Шаоци в беседе с советским послом П.Ф. Юдиным поставил под сомнение целесообразность направления советников в социалистические страны, поскольку «они (советники. – В.У.) слабо знают своеобразие обстановки в данной стране, и их рекомендации часто приводят к отрицательным явлениям». Лю Шаоци заметил также, что местные кадры, допуская ошибки или провалы на отдельных участках, нередко сваливают вину на советников. Учитывая это, КНР отозвала всех своих советников из Вьетнама. По его мнению, пора было подумать об отзыве советских советников из социалистических стран, поскольку они в основном уже выполнили задачу подготовки национальных кадров. Но когда во время следующей беседы Юдин поставил перед Лю Шаоци вопрос об откомандировании из КНР советских советников, то последний заявил, что вопрос требует внимательного и всестороннего обсуждения в ЦК КПК. Уже с того времени число советников стало сокращаться.

Китайская атомная бомба

Уже на рубеже 50-х годов, несмотря на экономическое и научно-техническое отставание КНР от развитых стран, Мао Цзэдун стал проявлять интерес к оружию массового поражения.

В марте 1949 г. Чжоу Энлай санкционировал приобретение во Франции физиком Цянь Саньцяном оборудования, материалов и литературы для исследований атома. Это произошло задолго до того, как во время первого визита Мао Цзэдуна в Москву в конце 1949 – начале 1950 г. И.В. Сталин продемонстрировал ему документальный фильм об испытании атомной бомбы.

Мао Цзэдуна, прежде всего, привлек потенциал атомного оружия как средства устрашения. Однако в связи с войной в Корее и ограниченностью финансовых средств в первый пятилетний план подготовительные работы к созданию соответствующей исследовательской базы не были включены. Тем не менее, в 1953 г. был образован Комитет по атомной энергетике при АН Китая.

В октябре 1954 г., во время визита Н.С. Хрущева в Китай, Мао Цзэдун в беседе с ним заявил, что Китай заинтересован в исследованиях ядерной энергии и ядерном оружии и надеется, что советская сторона окажет необходимую помощь. Хрущев пытался отговорить Мао Цзэдуна, делая упор на дороговизну такого рода проектов и достаточность советского «ядерного зонтика» для защиты и СССР и КНР, но счел возможным оказание содействия в создании небольшого испытательного центра, проведении исследований и подготовке кадров. Мао Цзэдун обещал «обдумать» этот вопрос.

В первой половине – середине 50-х годов руководство КНР приложило немалые усилия для возвращения на родину китайских ученых-атомщиков и ракетостроителей, работавших в Европе и США. Они доставляли в страну научную литературу и научно-техническую документацию, а также исследовательское оборудование. Так, физик Чжао Чжунъяо, вернувшись из США в начале 50-х годов, привез с собой в КНР 20 ящиков оборудования и материалов.

Для ознакомления с советскими открытиями в области ядерной физики и использования атомной энергии в мирных целях в 1955 г. Москву посетила делегация китайских физиков и инженеров. Правительство СССР выразило согласие оказать Китаю, как и другим странам социалистического лагеря, научно-техническую и производственную помощь в создании национальных научно-экспериментальных баз для развития такого рода исследований. 27 апреля 1955 г. между СССР и КНР было подписано соглашение о поставке Китаю в 1955–1957 гг. экспериментального атомного котла и ускорителей элементарных частиц, об оказании помощи в монтаже и пуске котла, обеспечении его расщепляющимися и другими материалами, а также о безвозмездной передаче научно-технической документации, относящейся к указанным устройствам. В том же году правительство КНР обратилось к руководству СССР с просьбой помочь в подготовке специалистов в области мирного использования атомной энергии. Секретариат ЦК КПСС разрешил готовить в СССР кадры для КНР.

В июле 1955 г. в КНР была создана Центральная руководящая группа по атомной энергетике. В октябре ЦК КПК утвердил создание экспериментальной научной базы ядерных исследований в окрестностях Пекина (завод № 601, в 1959 г. переименован институт № 401).

25 апреля 1956 г. Мао Цзэдун в своей работе «О десяти важнейших взаимоотношениях» заявил, что «через определенный отрезок времени мы будем иметь не только много самолетов и пушек, но, возможно, и собственную атомную бомбу». Основания для таких заявлений давало успешное развитие сотрудничества с Советским Союзом, в том числе в области «мирного атома». Для ознакомления китайской общественности с достижениями СССР в области использования атомной энергии в мирных целях с 15 июня по 15 августа 1956 г. Академией наук СССР в Пекине была проведена тематическая выставка.

Параллельно принимались меры к созданию базы ракетостроения. В 1955 г. при содействии Чжоу Энляя в Китай из США вернулся извест-

ный исследователь Цянь Сюесэнь, бывший полковник ВВС США. Он получил там образование, в 1939 г. он стал ведущим исследователем лаборатории реактивных двигателей Технологического института в Калифорнии, после вступления США в войну руководил ракетным отделом Консультативного совета национальной обороны, а в конце войны был членом миссии, посланной в Германию для изучения достижений немецких ученых в области ракетостроения. Цянь Сюесэнь возглавил китайские ракетостроительные программы.

12 января 1956 г. министр обороны КНР Пэн Дэхуай информировал советскую сторону о том, что Политбюро ЦК КПК приняло решение о модернизации китайской армии и создании ракетного оружия и хотело бы знать, сможет ли СССР предоставить китайской стороне документацию и материалы по ракетостроению. 20 января на совещании Военного совета ЦК КПК Пэн Дэхуай в ходе обсуждения вопроса об исследованиях в области ракетного оружия заявил, что если СССР откажется помогать КНР в этой сфере, то будет необходимо начать исследования собственными силами.

В феврале 1956 г. Цянь Сюесэнь подал руководству свои «Предложения по созданию авиапромышленности для обороны страны», указав, в том числе, на необходимость создания реактивной авиации и ракетной техники в Китае. По этому поводу Чжоу Эньлай провел совещание Военного совета, который 14 марта, после заслушивания сообщения Цянь Сюесэня, принял решение создать учреждение для руководства научными разработками в области реактивной авиации и ракетной техники — Комитет по авиационной промышленности при Министерстве обороны во главе с Не Жунчжэнем. В апреле 1956 г. ЦК КПК утвердил создание Комитета, в который вошли восемь человек; председателем был назначен Не Жунчжэнь, его заместителями стали Хуан Кэчэн и Чжао Эрлу. 10 мая под руководством Не Жунчжэня был подготовлен документ «Предварительное мнение относительно исследовательской работы по созданию китайских ракет». В мае 1956 г. ЦК КПК принял решение о создании и развитии китайского ракетостроения. 26 мая на специальном совещании по данному вопросу Чжоу Эньлай подчеркнул, что в исследованиях в области ракетной техники необходим прорыв, для чего следует срочно сконцентрировать силы на создании организационной структуры новой отрасли и подготовке собственных специалистов. В июле 1956 г. в Министерстве обороны КНР по решению Военного совета был создан специальный отдел под номером пять, ответственный за развитие ракетостроения, а 8 октября 1956 г. при министерстве был учрежден 5-й научно-исследовательский институт во главе с Цянь Сюесэнем, приступивший к осуществлению программы создания баллистических ракет. В структуре института насчитывалось 10 научно-исследовательских секторов. Вскоре был создан и Научно-исследовательский институт ядерного оружия.

17 августа 1956 г. председатель Государственного планового комитета Ли Фучунь направил письмо председателю Совета министров СССР Н.А. Булганину с просьбой оказать КНР всестороннюю техническую помощь в области ракетостроения. 13 сентября был получен ответ, где отмечалась сложность

создания новой отрасли, и предлагалось начать с воспитания кадров, а затем уже создавать научные структуры и производство. Для подготовки китайских кадров для ракетостроения Москва направила своих специалистов в КНР. Соответствующим ведомствам было поручено оказать помощь китайской стороне в создании учебных программ и материалов, снабдить ее необходимым оборудованием и необходимыми техническими инструкциями.

Письмо вызвало недовольство Мао Цзэдуна, так как подготовка собственных исследовательских кадров требовала времени, и начать практические разработки в области ракетостроения можно было не ранее через семь–восемь лет. В созданном в октябре 1956 г. Пятом научно-исследовательском институте уже через год с небольшим был собран большой отряд специалистов, главным образом технических, активно осваивавших проблематику ракетостроения. Было создано несколько филиалов этого института, где занимались разработками как стратегических, так и тактических ракет. В создании института, на базе которого впоследствии были созданы семь оборонных министерств машиностроения, принимали участие советские специалисты.

Ответственным за исследования в области атомной энергетики вначале было 3-е министерство машиностроения, созданное 16 декабря 1956 г. (11 февраля 1958 г. преобразованное во 2-е министерство машиностроения). В марте 1957 г. оно подготовило свой «второй пятилетний план», согласно которому требовалось до 1962 г. создать в стране целостную систему ядерной промышленности. В 1957 г. в КНР был создан первый ядерный ускоритель.

Успешному осуществлению такого рода проектов способствовал приезд в мае 1957 г. более 10 советских специалистов на работу в китайский Институт физики, который в то время находился под двойным руководством: Академии наук и 3-го министерства машиностроения. В институте тогда работали около 60 китайских специалистов, а к ноябрю 1959 г. их число возросло уже до 6 тыс. человек. Число рабочих и служащих, работавших в ведомствах, занимавшихся атомной энергетикой, со 170 человек (в том числе менее 100 научных и технических сотрудников) в конце 1954 г. выросло до 4345 в первой половине 1960 г. Число научных и технических сотрудников высокой квалификации достигло в 1960 г. 1884 человека.

31 августа 1957 г. Генеральный штаб НОАК на специальном совещании обсудил вопросы выбора местоположения, определения площади и финансирования полигона для испытаний ракетно-ядерного оружия. Был создан специальный комитет по подготовке строительства полигона. К тому времени в 50 км от Пекина был создан один из первых исследовательских институтов по разработке атомного оружия, где стал работать, в частности, сын Лю Шаоци Лю Юньбинь, защитивший в СССР диссертацию по ядерной физике.

20 июля 1957 г. было получено приглашение советской стороны на приезд китайской делегации в Москву на переговоры. В сентябре делегация в составе Не Жунчжэня, Сун Жэньцюна и Чэнь Гэна отправилась в Москву. В течение

35 дней министр среднего машиностроения, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по внешнеэкономическим связям М.Г. Первухин вел переговоры с китайской делегацией. 15 октября 1957 г. Не Жунчжэнь как глава делегации КНР подписал двухстороннее соглашение о новой технике (известное в КНР как «Соглашение от 15 октября»). Москва давала обязательство оказать помощь КНР в области новейшей технологии в ракетостроении, предоставить несколько образцов ракет и соответствующих технических материалов, послать в КНР технических специалистов для оказания помощи в строительстве полигона для испытания ракет. 2 ноября—4 декабря в СССР с визитом по случаю празднования 40-летия Октябрьской революции находилась военная делегация, возглавлявшаяся министром обороны КНР Пэн Дэхуаем. В ее состав входил и маршал Е Цзяньин. Делегация провела переговоры с Н.С. Хрущевым. Советская сторона дала согласие оказать КНР помощь в создании ракет и ядерного оружия, военной авиационной и судостроительной промышленности.

СССР в течение двух лет (1957—1958 гг.) выполнял достигнутые соглашения. Советская сторона передала КНР ракеты, самолеты и другие образцы военной техники. Благодаря этой помощи КНР удалось сократить время на разработку и испытания новейшего вооружения.

По «Соглашению от 15 октября» Советский Союз, по китайским данным, направил три группы военных специалистов (163 человека) для определения места испытательного ракетного полигона, его проектирования, технического обучения китайских специалистов и установки оборудования. Двое из них были конструкторами ядерных устройств. Китайские инженеры с помощью советских консультантов подготовили помещение для сборки модели ядерного устройства.

Всего к участию в китайском ядерном проекте были привлечены 640 советских ученых-атомщиков, в том числе и несколько конструкторов ядерных устройств. Военные специалисты МО СССР разработали программу противоядерной защиты НОАК.

Мао Цзэдун спешил с разработкой ракетно-ядерного оружия, пытаясь показать другим странам, что он уже стоит на рубеже его создания. Так, 11 мая 1958 г. министр иностранных дел Чэнь И заявил, что вскоре Китай будет иметь свою атомную бомбу. Все более откровенное стремление Мао Цзэдуна обзавестись своим ядерным оружием и одновременно проявление враждебности по отношению к нашей стране в ходе переговоров на самом высоком уровне потребовало задуматься о подлинных намерениях Мао Цзэдуна. Когда Н.С. Хрущев, встречавшийся с Мао Цзэдуном в августе 1958 г. в Пекине, заговорил об особой ответственности двух великих держав в ядерную эпоху, Мао Цзэдун выразил непонимание его опасений по поводу ядерного столкновения.

21 июня 1958 г. Мао Цзэдун поставил задачу создания за 10 лет атомной бомбы, термоядерного оружия и межконтинентальных ракет.

Позиция Мао Цзэдуна вынудила нашу сторону в середине 1959 г. официально уведомить КНР о том, что передача КНР образца атомной бомбы состояться не может. Формально тут был такой предлог, как то, что это поме-

шало бы договориться с Западом о частичном запрещении испытаний ядерного оружия. На самом же деле к этому времени наша сторона уже полностью передала КНР все секреты создания атомной бомбы.

В этой ситуации Чжоу Энлай в июле 1959 г. заявил: «Пусть себе болтают, мы сами возьмемся за дело и, начав с азав, за восемь лет создадим атомную бомбу». По признанию Не Жунчжэня, работы по созданию ракетно-ядерного оружия были заторможены «большим скачком» и политическими кампаниями, его сопровождавшими. В КНР считали, что сроки производства атомной бомбы и ракет «будут несколько отодвинуты и денег придется потратить больше».

В апреле 1958 г. были выбраны места для строительства полигонов для запуска ракет (пров. Ганьсу) и испытаний ядерного оружия (оз. Лобнор в Синьцзяне). 20 октября 1958 г. Министерство обороны КНР приняло решение возложить задачи по строительству полигона в Ганьсу Лобнора на 20-й корпус китайских добровольцев, вернувшийся из Кореи, и переименовать его в 20-ю учебно-тренировочную базу НОАК. 11 апреля 1958 г. было решено из состава инженерных войск выделить Инженерно-строительное командование, отвечающее за строительство полигона. В нем участвовали около 66 тыс. военных строителей. Работа велась без выходных, круглые сутки. Через два с половиной года строительство первого испытательного полигона было закончено.

Уже в 1957 г. в Китай прибыли два состава с ракетами Р-2 и наземным оборудованием для их запуска, а также 102 специалиста для подготовки китайских кадров. Однако в Пекине выразили неудовольствие тем, что прибыла не самая передовая техника. В ноябре 1958 г. в КНР из СССР были доставлены четыре ракетные установки класса «земля-воздух», одновременно прибыли 95 советских специалистов для помощи в освоении этой техники. КНР были переданы образцы самонаводящихся крылатых ракет катерной и береговой обороны. Было обещано передать китайской стороне ракету Р-12, способную доставлять ядерные боеголовки.

В сентябре 1959 г. в эксплуатацию были сданы заводы по изготовлению ракет в Нанкине и Шанхае.

С 18 по 24 августа 1960 г. три группы советских специалистов (233 человека), работавшие в системе атомной промышленности Китая, покинули полигон и вернулись в СССР.

10 сентября 1960 г. в 7 часов 42 минуты по пекинскому времени с полигона была запущена одна из двух советских ракет типа Р-2, которая успешно приземлилась в заданном районе. После успешного запуска советской ракеты, по указанию Военного совета ЦК КПК, Министерство обороны поставило задачу провести пробный запуск первой китайской ракеты «земля-земля» («Дунфэн-1») ближнего радиуса действия, построенной в Шанхае по образцу Р-2. Были запущены три ракеты: две боевые, одна телеметрическая. 5 ноября 1960 г. был совершен первый успешный запуск. Запусками ракеты на полигоне руководил Не Жунчжэнь. После этого было официально заявлено, что «КНР имеет свою ракету». В условиях трудностей с продуктовым

снабжением Чжоу Эньлай дал специальное указание соответствующим ведомствам об улучшении питания участников проекта и сотрудников полигона. Обследования, проведенные зимой 1960 г. в НИИ ракетостроения, затем в Академии наук Китая, показали, что осуществление ракетного и ядерного проектов затягивалось из-за того, что половину рабочего времени ученые и специалисты тратили на политическую учебу либо физический труд, ничего общего не имеющий с их научной деятельностью. Решением Госсовета было предписано предоставить специалистам условия для того, чтобы они не менее пяти шестых рабочего времени уделяли научной работе.

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА В ПЕРИОД «УРЕГУЛИРОВАНИЯ» Вторая половина 1960–1965

Глава 1 Курс на «урегулирование». Вторая половина 1960–1962

Поиск

С 28 ноября по 10 декабря 1958 г. состоялся 6-й пленум ЦК КПК 8-го созыва. На пленуме «на основании того, что Мао Цзэдун лично много раз выдвигал просьбу», после «серьезного обсуждения» было принято «Решение согласиться с выдвинутым товарищем Мао Цзэдуном предложением о том, чтобы он не являлся кандидатом на пост Председателя Республики на следующей сессии ВСНП». В этом «Решении» указывалось: «ЦК партии считает, что это предложение является целиком и полностью позитивным. Дело в том, что товарищ Мао Цзэдун, не занимая пост председателя Республики, специально сможет сконцентрироваться на вопросах о курсе, политике, линии партии и государства, а также будет иметь возможность выполнять работу председателя ЦК партии; это сможет дать ему возможность уделить больше времени работе в области теории марксизма-ленинизма, и в то же время не помешает продолжению его руководящей роли в работе государства». После того, как на 6-м пленуме ЦК КПК 8-го созыва было принято это решение, весной 1959 г. ЦК в итоге обсуждения внес предложение, чтобы Лю Шаоци стал кандидатом на выборах председателя государства. В апреле 1959 г. на сессии ВСНП Лю Шаоци был избран председателем КНР.

Резкое снижение уровня жизни широких слоев населения, особенно массовый голод, унесший жизни десятков миллионов людей, вынуждали руководство КНР искать пути нормализации ситуации в стране. При этом стремились добиться того, чтобы правящая партия и Мао Цзэдун «сохранили лицо». Эта задача обусловила компромиссный и не вполне последовательный характер предлагавшихся для ее решения методов и сопутствовавших им политических лозунгов.

Попытки наметить систему мер по улучшению социально-экономической ситуации стали предприниматься уже с середины 1960 г. Такого рода поискам было посвящено совещание ЦК КПК, проходившее в курортном местечке Бэйдайхэ 5 июля — 10 августа 1960 г. Разрыв экономического сотрудничества с СССР и политические разногласия с основным потоком международного коммунистического движения, особенно по вопросам о культе личности и о фатальной неизбежности мировой ядерной войны, вынудили руководителей КНР рассматривать вопросы внутренней политики, в том числе экономической, в контексте сложившейся международной ситуации.

Совещание проходило под руководством Лю Шаоци. На нем выступили Чжоу Эньлай и Мао Цзэдун.

Обосновывая разрыв экономического сотрудничества с СССР, Мао Цзэдун ссылаясь на опыт хозяйственного развития Советского Союза, который в 1917—1945 гг. строил социализм, опираясь на собственные силы, и шел по ленинскому пути, каким должен следовать и Китай. При этом Мао Цзэдун отметил, что не следует забывать и о той помощи, которую советские люди в течение 10 лет оказывали КНР. Посетовав, что Хрущев не дает Китаю современную технику, Мао Цзэдун заявил, что в некотором смысле это и неплохо, так как за нее было бы довольно трудно расплатиться. Он поддержал идею о необходимости сделать малую производственную бригаду расчетной единицей при трехступенчатой собственности коммун (малая производственная бригада — производственная бригада — коммуна) и не менять этого порядка в течение пяти лет. Это положение было зафиксировано в решениях совещания. Участники предложили не будоражить общественное мнение в деревне и в ближайшие три—пять лет не упоминать о возможности перехода собственности к коммуне как главной хозяйственной единице. Мао Цзэдун был вынужден согласиться с тем, чтобы раздать членам коммун приусадебные участки, обеспечить им возможность выращивать овощи, птицу, свиней при условии, что эта деятельность будет осуществляться в рамках крупных коллективных хозяйств.

Заместители премьера Госсовета КНР Ли Фучунь и Бо Ибо изложили план важнейших мероприятий по выправлению положения в промышленности и на транспорте в третьем квартале 1960 г. Были определены меры по сокращению капитального строительства, обеспечению развития промышленного производства. Докладчики потребовали заняться наведением порядка при использовании трудовых ресурсов, переселить часть людей из городов в деревни, усилить помощь сельскому хозяйству со стороны промышленности. Ли Фучунь впервые выдвинул предложение о проведении «урегулирования» народного хозяйства страны. Термин «урегулирование» означал изменение существовавшего положения, которое оказалось неприемлемым и нетерпимым для народа.

10 августа председатель КНР Лю Шаоци, обобщив мнения, высказанные участниками совещания, предложил такие меры по «урегулированию» экономики, как сокращение промышленного производства, упорядочение трудовых

ресурсов, усиление внимания к сельскому хозяйству, оказание ему помощи со стороны промышленности. Предприятиям промышленности предлагалось по возможности сокращать число занятых и направлять рабочую силу в сельское хозяйство.

Совещание приняло «Указания о мобилизации всей партии на широкое ведение сельского хозяйства и заготовки продовольствия», а также «Указания относительно развертывания движения за увеличение производства и соблюдение режима экономии». Названия установочных документов свидетельствовали о том, что открыто призывать к сокращению промышленного производства (что вытекало из логики предлагавшихся мер, но шло вразрез с лозунгами «большого скачка») разработчики нового курса не имели возможности, учитывая позицию Мао Цзэдуна. Было признано целесообразным впредь составлять единственный вариант плана развития народного хозяйства.

Таким образом, в Бэйдайхэ под руководством Лю Шаоци впервые была выдвинута идея курса на «урегулирование» народного хозяйства и в общей форме высказаны предложения о мерах по улучшению экономической ситуации в стране.

20 августа ЦК КПК разослал экстренные циркуляры, требующие от всех парткомов, министерств и ведомств направлять избыточную рабочую силу в производственные бригады в целях увеличения сельскохозяйственного производства.

В конце августа 1960 г., когда партийная группа Государственного планового комитета (партийные группы были в то время реальными руководящими органами, в частности министерств и ведомств Госсовета КНР) отчитывалась о своей работе перед Госсоветом КНР и обсуждала контрольные цифры развития народного хозяйства на 1961 г., Чжоу Эньлай предложил к формулировке Ли Фучуня «об урегулировании, укреплении [народного хозяйства] и повышении [производства]» добавить слово «пополнение». С того времени получила распространение официальная «установка из восьми иероглифов» — на «урегулирование, укрепление, пополнение и повышение». Ее разработка связана с именами четырех руководителей страны: Лю Шаоци, Ли Фучуня, Чжоу Эньлая и Чэнь Юня.

Основное внимание при разработке вопросов «урегулирования» было уделено решению проблем сельского хозяйства. 3 ноября 1960 г. ЦК КПК издал «Экстренные указания по вопросам текущей политики в отношении сельских народных коммун» («12 экстренных указаний»), проект которых был составлен Чжоу Эньлаем. Документ включал, в частности, те положения, которые были внесены на упоминавшемся выше совещании секретарей провинциальных парткомов. Наряду с отстаиванием правильности форм организации производства периода «скачка» (народных коммун), в документе предусматривались меры по устранению наиболее явных перегибов прежней политики: указывалось, что система, предусматривавшая статус малой производственной бригады как основной расчетной единицы в рамках коммуны, в течение семи лет, начиная с 1961 г., останется неизменной (считалось, что это личное указание Мао Цзэдуна), выдвигались требования бороться с «поветрием

уравниловки», экономно использовать материальные и людские ресурсы, перебросить часть их в сельское хозяйство; членам коммун разрешалось иметь в личном пользовании небольшие приусадебные участки, заниматься в ограниченных масштабах семейными подсобными промыслами. Рекомендовалось использовать меньшую часть «излишков» (30%) на накопление, большую (70%) на распределение, бережнее относиться к рабочей силе; восстановить рынки, оживить сельское хозяйство, гарантировать членам коммун достаточное время для сна и отдыха, применять принцип распределения по труду.

Одновременно «Указания» требовали развернуть «движение за упорядочение стиля работы коммун», мобилизовать массы на проверку деятельности членов партии и кадровых работников. Партийным организациям центральных ведомств и комитетов, общественных организаций и Главному политическому управлению НОАК предписывалось не допускать субъективизма, бюрократического стиля руководства, выдвижения не реальных задач, порождающих на нижнем уровне управления «поветрие коммунизации, приказной стиль и очковтирательство». В «Экстренных указаниях» выражалась уверенность в том, что сохранение трехступенчатой системы собственности, частично бесплатного снабжения и хорошо налаженная работа общественных столовых позволял избежать принципиальных ошибок».

Вслед за «Экстренными указаниями» к 15 ноября 1960 г. ЦК КПК разработал проект «Указаний по вопросу об окончательном искоренении “пяти вредных поветрий”» – обобществления имущества, очковтирательства, администрирования, привилегирования кадровых работников и командования производством вслепую, потребовав устранения такого рода недостатков в течение нескольких месяцев. В сопроводительной резолюции говорилось, что «поветрие обобществления (коммунизации) имущества» имеет место во многих районах страны и его искоренение обеспечит ликвидацию остальных четырех «поветрий». Документ подразумевал, что вина за такого рода ошибки лежит исключительно на местных кадровых работниках.

Несмотря на то что «установка из восьми иероглифов» была выдвинута уже в августе 1960 г., курс на «урегулирование» осенью еще не начал осуществляться. Это подтверждает и принятие в ноябре «12 экстренных указаний», и их последующая конкретизация. С конца 1960 г. – начала 1961 г. кадровых работников разных уровней стали откомандировывать в деревню для ознакомления крестьян с установочными партийными документами и разъяснения их содержания.

В рамках подготовки к официальному утверждению курса на «урегулирование», которое должно было состояться на 9-м пленуме ЦК КПК 8-го созыва, с 24 декабря 1960 г. по 13 января 1961 г. прошло рабочее совещание ЦК. На нем был обсужден план развития народного хозяйства страны на 1961 г. и приняты «Тезисы дискуссии по некоторым политическим вопросам и проведению упорядочения стиля работы и упорядочению коммун в деревне», подготовленные на основе обобщения опыта двухмесячных экспериментов по «упорядочению стиля работы» и «упорядочению коммун» в отдельных районах страны. В «Тезисах» содержались требования повысить политический

уровень кадровых работников и масс, «упорядочить стиль» работы руководящих кадров, искоренить «пять вредных поветрий», вести борьбу с коррупцией, расточительством и бюрократизмом. 80% уездов, коммун и бригад, а также свыше 90% сельских кадровых работников были признаны «хорошими или в основном хорошими». Было отмечено, что 7% кадровых работников «совершили серьезные» либо «довольно серьезные» ошибки, и только 3% причислены к «переродившимся элементам». Предлагалось выплатить компенсацию и возратить ранее обобществленное личное имущество членам коммун, сообщалось о решении повысить закупочные цены на зерновые и масличные культуры, свинину и яйца. В «Тезисах» содержалось обещание, что после «упорядочения вопроса» о приусадебных участках политика в этой сфере не будет меняться в течение 20 лет.

Главной идеей «Тезисов» было продолжение кампании «по упорядочению стиля работы и упорядочению коммун» на основании «12 экстренных указаний» ЦК КПК. Первый пункт в перечне необходимых мер, которые следовало предпринять в деревне, предусматривал сокращение денежной эмиссии, ослабление административного давления на рынок; повышение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, выплату компенсации и задолженностей членам коммун. Предполагалось изыскать в 1961 г. средства в объеме 10 млрд юаней для повышения закупочных цен на зерновые, повысить закупочные цены на хлопок и другие культуры в 1962 г., предоставить 25 млрд юаней для выплаты компенсаций и оказания материальной помощи крестьянам. Вторым пунктом домашнего подсобный промысел членов коммун и кустарная промышленность признавались дополнением к социалистической экономике, предлагалось увеличить размеры приусадебных участков крестьян с 5% обрабатываемой площади коммуны (как это следовало из «12 указаний») до 7%. Третьим пунктом намечалось создание сельскохозяйственных рынков (их также именовали «свободными рынками») в деревне, уменьшение числа ограничений на их деятельность.

На совещании Мао Цзэдун призвал собравшихся «не слишком спешить при строительстве социализма, допустив, что строить его придется и полвека. Он подверг критике принципы уравнительности и поветрие «обобществления имущества», но потребовал от функционеров признать ошибки не только «левого», но и «правого» толка. Мао Цзэдун призвал заниматься «обследованием и изучением», сделать 1961 г. годом «реалистического подхода к делу». 27 декабря он подвел итог прозвучавшим на совещании выступлениям: «Фронт промышленности надо сократить, фронт сельского хозяйства — расширить».

14–18 января 1961 г. под руководством Мао Цзэдуна был проведен 9-й пленум ЦК КПК 8-го созыва. В его работе приняли участие 83 члена и 87 кандидатов в члены ЦК КПК, а также 23 ответственных работника с правом совещательного голоса. В повестке дня стояли три вопроса: 1. Обсуждение и принятие доклада председателя Государственного планового комитета Ли Фучуна «Об исполнении народнохозяйственного плана за 1960 г. и об основных задачах плана развития народного хозяйства на 1961 г.». 2. Утверждение



Девятый пленум ЦК КПК 8-го созыва. Январь 1961 г. *Справа налево*: Дэн Сяопин, Чжу Дэ, Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чэнь Юнь

решения Политбюро ЦК КПК о воссоздании шести региональных бюро ЦК КПК. 3. Заслушивание и обсуждение доклада Дэн Сяопина «О Совещании представителей коммунистических и рабочих партий в Москве в ноябре 1960 г.»

В своем докладе Ли Фучунь, указав на такие проблемы, как сокращение производства продукции сельского хозяйства, увеличение дисбаланса между промышленностью и сельским хозяйством и другие, признал, что «курс на сельское хозяйство как основу народного хозяйства» не проводится должным образом, ряд плановых показателей завышен, растянут фронт капитального строительства, слишком много прав отдано местному руководству. В идеологической сфере, по мнению докладчика, процветает субъективизм, в практической работе – бюрократизм.

Докладчик предлагал уменьшить на 38% (1,3 млрд юаней) расходы на капитальное строительство, сократить строительство средних и крупных объектов с 9090 до 8390 единиц, переселить из городов в деревню 5 млн 20 тыс. рабочих и служащих. Содержание курса на «урегулирование, укрепление, пополнение и повышение» в докладе в общих чертах сводилось к достижению комплексного баланса между сельским хозяйством, легкой и тяжелой промышленностью, между производством средств производства и производством средств потребления, изменению пропорций между накоплением и потреблением.

Пленум предложил Госсовету на основе имеющихся расчетов составить проект плана развития народного хозяйства на 1961 г. и передать его на рассмотрение ВСНП. Было утверждено решение Политбюро от сентября 1960 г. о воссоздании шести региональных бюро ЦК КПК: Восточнокитайского (первый секретарь Кэ Цинши), Северокитайского (Ли Сюефэн), Северо-Восточного (Сун Жэньцун), Центрально-Южного (Тао Чжу), Юго-Западного (Ли Цзинцюань) и Северо-Западного (Лю Ланьтао). Региональные бюро,

представляя ЦК КПК на местах, были призваны усилить централизованное руководство парткомами провинциального уровня, способствовать улучшению кооперации между отдельными провинциями и регионами.

Пленум одобрил «Тезисы дискуссии по некоторым политическим вопросам и проведению упорядочения стиля работы и упорядочению коммун в деревне».

Мао Цзэдун выступил на пленуме по вопросу об «обследовании и изучении реального положения». Он утверждал, что соответствующая работа ведется не на должном уровне, и признал, что сам слишком много занимается бюрократической работой в ущерб «обследованию». Курс на «урегулирование» он расценил как временную «передышку» в «волнообразном продвижении вперед» в деле строительства социализма. «Теорию волнообразного развития» при социализме он обосновывал ссылками на мнение своего приверженца и пропагандиста его «идей» Чэнь Бода о «законе периодичности» в строительстве социализма.

Переживаемые страной трудности и недовольство населения Мао Цзэдун пытался объяснить не столько провалами своей экономической политики, сколько наличием в рядах кадровых работников «плохих элементов» и «врагов», процессом «реставрации помещичьего класса». Утверждая, что в 1960 г. сосредоточение Центральным комитетом усилий на международных проблемах помогло избрать «правильный курс», он призвал «подобным образом... целиком отдалиться и внутренним проблемам, бороться с контрреволюционными элементами, закоснелыми чинушами и бюрократами». Вразрез с «Тезисами дискуссии по некоторым политическим вопросам и проведению упорядочения стиля работы и упорядочению коммун в деревне», принятому рабочим совещанием ЦК КПК в начале 1961 г., к «врагам» и «вредным элементам» он отнес 20% кадровых работников в деревне, а по всей стране насчитал таких около 10%. Все кадровые работники были разбиты на шесть категорий: 1) помещичьи элементы; 2) перерожденцы; 3) закоснелые бюрократы и чинуши; 4) люди без твердых убеждений; 5) люди среднего политического уровня; 6) люди здравомыслящие, с твердыми убеждениями и достаточно хорошо работающие. «Противоречия между нами и первой и второй категориями, — это противоречия между нами и нашими врагами», — утверждал Мао Цзэдун, призвав начать борьбу с «контрреволюционными элементами, закоснелыми чинушами и бюрократами, заменить их комитетами из бедняков и низших середняков».

Его классификация кадровых работников и членов партии почти полностью была повторена в Коммюнике 9-го пленума ЦК. Мао Цзэдуну и его сторонникам удалось навязать пленуму решение о развертывании движения «за упорядочение стиля» в масштабах страны с целью «чистки» партии и правительственных учреждений от «вредных элементов». Коммюнике требовало провести чистку с «большим размахом, посредством полной мобилизации масс».

Пленум заслушал и обсудил доклад Дэн Сяопина «О Совещании представителей коммунистических и рабочих партий в Москве в ноябре 1960 г.». Официальным главой делегации был Лю Шаоци. Дэн Сяопин являлся руко-

водителем группы, которая приняла участие в работе редакционной комиссии из представителей 26 партий, с 1 по 20 октября вырабатывавшей проекты документов Совещания. Комиссия единодушно приняла за основу проект Заявления Совещания. Делегация КПК заявила, что она согласна с проектом «на 90%». Дэн Сяопин в своем выступлении на комиссии изложил содержание ответного письма ЦК КПК от 10 сентября на Информационную записку ЦК КПСС от 21 июля 1960 г. Основываясь на мнении Мао Цзэдуна, Дэн Сяопин не поддержал положения о запрете фракционной и групповой деятельности в рядах коммунистического движения, о критике культа личности, предложение подчеркнуть международное значение XX и XXI съездов КПСС. Он также выразил недовольство «нарушением» советской стороной Договора о дружбе и взаимопомощи между КНР и СССР, выразившимся, по его мнению, в отзыве советских специалистов из Китая, в «проиндийской» позиции Москвы в конфликте между Китаем и Индией, в «давлении», якобы оказывавшемся на КНР, и т.п. Дэн Сяопин, отражая позицию Мао Цзэдуна, высказался против точки зрения КПСС, отрицавшей неизбежность мировой ядерной войны и выступавшей за мирное сосуществование и экономическое соревнование двух систем. Тем не менее, делегация КПК, очевидно, отражая, в данном случае, позицию Лю Шаоци, согласилась снять большинство своих критических замечаний и подписала Заявление Совещания. Эта информация и была доведена до сведения делегатов пленума ЦК КПК. Пленум одобрил деятельность делегации на Совещании. 18 января 1961 г. Мао Цзэдун заявил о необходимости «готовиться к тому, что культурные и экономические связи [с СССР] прекратятся, будем сохранять только дипломатические отношения».

Однако в официальном Решении и Коммюнике пленума такого рода позиция не нашла отражения. В документах пленума выражалась «полная солидарность» с Заявлением и Декларацией, принятыми на Совещании, содержался призыв «крепить сплоченность с Советским Союзом, с социалистическим лагерем, рабочим классом... и всеми миролюбивыми и свободолюбивыми народами мира». В решении пленума говорилось об особом значении «сплоченности двух стран — КНР и СССР, двух партий», «великая КПСС» объявлялась «авангардом, обладающим самым богатым опытом и имеющим самую продолжительную историю в международном коммунистическом движении», а «великий Советский Союз» — «самым передовым и самым мощным государством в социалистическом лагере». Мао Цзэдун одобрил коммюнике, потребовал немедленно передать его по радио, опубликовать во всех газетах и перевести на иностранные языки. Очевидно, что это было вынужденным шагом Мао Цзэдуна, который тогда не мог прямо выступить против позиции Лю Шаоци.

Таким образом, пленум принял и утвердил название нового курса на «урегулирование» народного хозяйства, санкционировал шаги правительства по выводу страны из экономического кризиса, ставшего результатом «большого скачка», призвал повсеместно проводить в жизнь на селе «12 экстренных указаний» и сделать 1961 г. «годом обследования и изучения, годом реалистического подхода к делу». При этом Мао Цзэдун искал возможность придать



Мао Цзэдун и Чэнь Юнь. 1961 г.

экономическим вопросам идеологическую окраску и связать их с поисками внутренних врагов. На пленуме Дэн Сяопин от имени Секретариата ЦК КПК заявил о создании 10 групп, ответственных за проведение в жизнь намеченного пленумом курса, в первую очередь в экономике и на транспорте. Возглавлять работу групп должен был кандидат в члены Политбюро ЦК КПК, руководитель Комитета по экономике Бо Ибо, а в его отсутствие – заместитель премьера Госсовета КНР, руководитель Комитета по капитальному строительству Гу Му.

Была начата частичная реорганизация финансовой структуры. Министерство финансов в докладе, утвержденном ЦК КПК 15 января 1961 г., признавало, что предоставление значительных финансовых полномочий в период «большого скачка» местным властям привело к разбазариванию средств, серьезным нарушениям финансовой дисциплины, резкому росту дефицита бюджета. Министерство требовало концентрации всех финансовых ресурсов в центре, их строгого учета и контроля, запрета на вложения в капитальное строительство.

15 января 1961 г. ЦК КПК утвердил доклад руководителя Группы по вопросам цен на продовольствие Чэнь Юня, посвященный необходимости повышения закупочных цен. В нем предлагалось с лета 1961 г. повысить закупочные цены на зерновые в среднем на 20%, в то же время отказавшись на время от повышения розничных цен, поднять закупочные цены на растительное масло, мясо, яйца. Вскоре розничные цены на зерновые были повышены на 25%, свинину – на 26%, домашнюю птицу и яйца – на 37%, на растительное масло – на 13%.

19 января, выступая на рабочем совещании ЦК КПК, Чэнь Юнь акцентировал внимание собравшихся на вопросах импорта и экспорта, признав, что рынку нужны послабления, и отметив, что ряд видов сельскохозяйственной продукции, не пользующейся большим спросом на внутреннем рынке, например, грецкие орехи, семена подсолнуха, финики и т.п., нужно экспортировать для зарабатывания валюты. Импортировать в первую очередь он считал нужным зерно (2 млн т) и сахар (600 тыс. т), чтобы снять напряжение на внутреннем рынке. Помимо продажи продовольствия по низким ценам с использованием карточек и талонов он предложил часть сельхозпродукции пустить в свободную продажу по повышенным ценам.

На рассмотрение совещания были представлены «Некоторые временные установки по упорядочению системы управления». Признав, что осуществлявшаяся с 1958 г. передача властных полномочий на уровень коммун, уездов и районов оказалась неэффективной, директива требовала руководство всей работой по производственному управлению, финансированию и расстановке кадров сосредоточить в центральных министерствах. То же самое относилось к оборонной промышленности, железнодорожному транспорту и перевозкам. Запрещались самовольная денежная эмиссия на местах, допущение дефицита местных бюджетов, нарушение государственных планов распределения рабочей силы.

27 января 1961 г. Госсовет принял решение об официальном роспуске Госкомитета капитального строительства и слиянии его с Государственным плановым комитетом, что должно было усилить роль Госплана, сократить огромные нерациональные расходы на капитальное строительство, укрепить централизованный плановый контроль над материальными и финансовыми ресурсами.

К тому времени на селе стали возрождаться различные формы подворного подряда, попытки применения которых в 1957–1959 гг. подверглись тогда резкой критике сверху. На этот раз такие формы организации производства стали практиковаться наиболее активно в пров. Аньхой, одной из беднейших в Китае. Секретарь провинциального парткома и по совместительству первый секретарь парткома пров. Шаньдун, член ЦК КПК Цзэн Сишэн (1904–1968) вначале был радикальным сторонником «большого скачка». Это он познакомил Мао Цзэдуна с практикой выплавки стали на крестьянском дворе. Но к началу 1961 г. в Аньхое несколько миллионов человек умерли от голода, сотни тысяч бросили свои деревни и бежали, куда глаза глядят в поисках пропитания. В одной только деревне Сяоган уезда Фэньян из 175 жителей за 1959–1961 гг. 60 умерли от голода, а шесть из 34 дворов вымерли полностью. Тела умерших не хоронили, а сваливали в сухие колодцы и пруды. Поля пришли в запустение, скот был забит. Энтузиазм Цзэн Сишэна в отношении «большого скачка» угас, и он стал пытаться восстановить сельскохозяйственное производство. В частности, он пришел к выводу о необходимости введения системы «закрепления производственных заданий за крестьянскими дворами» (*баочань даоху*) в наиболее бедных горных районах. В декабре 1960 г. эту систему стали применять в одной из коммун Аньхой. Постепенно эта система стала

приобретать все более кардинальный и широкий характер, трансформировавшись сначала в «систему закрепления производственных заданий и систему личной ответственности крестьян», а затем — в «систему подряда и закрепления производственных заданий», в «систему ответственности управления на полях с методами премирования», и, наконец, в «систему ответственности за поля», или «[предоставления] надела под обязательство [сдачи государству определенного объема продукции]» (*цзэжэнь тянь*).

Расширению масштабов эксперимента, согласно принятой в КНР версии, способствовал услышанный Цзэн Сишэном в феврале 1961 г. рассказ о пожилom крестьянине из уезда Сусянь, сын которого заболел туберкулезом и утратил трудоспособность. Власти коммуны предложили отцу пойти в дом для престарелых, но он отказался, потребовав от секретаря парткома коммуны выделить ему участок целины в горах, который он мог бы возделывать. Из зерна выращенного урожая старик предлагал оставлять себе и сыну прожиточный минимум, а остальное сдавать коммуне. Партком согласился с ним и отвел ему 1 га целины. В 1960 г. крестьянин собрал 1 650 кг зерна, из которых 750 кг пошло на пропитание, семена и корм для свиньи и кур, а 900 кг были сданы коммуне. Убедившись в правдивости этой информации, Цзэн Сишэн в последней декаде февраля 1961 г. направил несколько человек в одну из коммун под г. Хэфэем для проведения эксперимента. 6 марта 1961 г. было созвано совещание кадровых работников с участием некоторых членов коммун, осуществлявших эксперимент, где обсуждался опыт закрепления производственных заданий за дворами. Новый опыт был утвержден провинциальным парткомом и стал внедряться повсеместно. Был разработан инструктивный документ — «Мнение относительно закрепления производственных заданий за производственными бригадами, методов личной ответственности и доведения заданий до отдельных полей», распространенное среди первых секретарей парткомов районов, городов и уездов.

К началу 1961 года в ЦК КПК поступил документ «40 статей внутреннего устава сельскохозяйственной коммуны», подготовленный руководителем Отдела ЦК КПК по работе в деревне Дэн Цзыхоем, обследовавшим по поручению Лю Шаоци с лета 1960 г. много деревень в провинциях Цзянсу и Шаньси. В подготовленном им проекте документа он предложил принять в коллективном сельском хозяйстве систему производственной ответственности, главными формами которой должны были стать подрядная система и закрепление производственных заданий за крестьянскими дворами. Введение этой системы он предлагал еще в период коллективизации, в 1954 г., но впоследствии она дважды подвергалась официальному осуждению, а Дэн Цзыхой за ее пропаганду в 1959 г. был понижен в должности.

Для центрального руководства становилась очевидной необходимость выработки документа, регламентирующего работу на селе. В конце февраля в Гуанчжоу Мао Цзэдун принял участие в разработке специальной группой проекта «Правил работы народных коммун в деревне». В их основу были положены «40 статей» Дэн Цзыхоя.

После проведения обследований в сельских коммунах юга страны руководящими работниками разного ранга 10–13 марта 1961 г. в Гуанчжоу с участием Мао Цзэдуна было проведено рабочее совещание трех региональных бюро ЦК КПК: Центрально-южного, Юго-западного и Восточнокитайского, включая ответственных работников парткомов провинциального уровня. 10 марта на секции Восточного Китая с докладом о системе *баочань даоху* выступил Цзэн Сишэн. Подавляющая часть собравшихся высказалась за осуществление нового курса в экспериментальном порядке и в ограниченных масштабах, хотя некоторые участники были принципиально против введения подрядной системы. В ходе совещания личный секретарь Мао Цзэдуна Тянь Цзяин все представленные Цзэн Сишэном материалы по подрядной системе передал Мао Цзэдуну вместе с сопроводительным письмом. В нем допускалась возможность осуществления системы *баочань даоху* в качестве эксперимента в отдельно взятой местности, но предлагалось в целом делать упор на коллективное хозяйство. Мао Цзэдун дал указание эти материалы вместе с письмом распространить среди членов ПК Политбюро и некоторых секретарей региональных бюро ЦК.

15–16 марта 1961 г. Цзэн Сишэн лично докладывал о своих соображениях Мао Цзэдуну, тот предложил «поэкспериментировать» в «небольших масштабах», и у Цзэн Сишэна сложилось впечатление, что в случае неудачи он отменяется «самокритикой». Цзэн Сишэн сообщил в свой партком о поддержке сверху, но на всякий случай предложил приостановить дальнейшее распространение подвального подряда.

В том же месяце в Пекине прошло рабочее совещание трех региональных бюро ЦК КПК – Северо-Восточного, Северокитайского и Северо-Западного. На нем так же были рассмотрены положение на селе и проект «Правил работы народных коммун в деревне». 13 марта Мао Цзэдун в письме участникам Пекинского совещания предложил им лично обследовать уезды, коммуны и бригады, решать проблему «уравниловки» как между членами производственных бригад, так и между бригадами внутри большой производственной бригады, а также обсудить эти вопросы на совещании.

Участникам совещания в столице было предложено приехать в Гуанчжоу, на Юг, где и провести совместное заседание со своими коллегами из других регионов.

Такое совместное рабочее совещание всех шести региональных бюро ЦК прошло 15–23 марта 1961 г. Выступивший на совещании Лю Шаоци заострил внимание на ошибках «левого» характера в работе на селе, подчеркнул важность сельского хозяйства для экономики КНР, дав понять ошибочность курса на создание народных коммун и резкого увеличения производства стали, ведшего к очковитирательству в попытках «потрясти весь мир». Выступавший на совещании в группе Центрально-Южного и Северного Китая Чжоу Эньлай заявил о необходимости борьбы как с «левыми», так и «правыми» тенденциями. На совещании Мао Цзэдун вновь поставил вопрос о ликвидации двух видов «уравниловки» в коммунах, без чего «нельзя по-настоящему привести в движение активность масс». Признав ошибочность проводившейся ранее

экономической политики, причины неудач Мао Цзэдун усмотрел в неумении кадровых работников «разобраться в обстановке», «предвидеть» развитие ситуации. После обсуждения на совещании был принят проект «Правил работы народных коммун в деревне», известных также как «60 пунктов по сельскому хозяйству».

В документе определялись структура, масштабы и характер деятельности народной коммуны как «основной административной единицы социалистического общества в деревне». Предписывалось осуществлять деятельность коммуны на таких принципах, как «от каждого по способностям, каждому по труду», «за больший труд большее вознаграждение». Коммуны должны были состоять из производственных бригад, объединенных в большие производственные бригады, причем собственность последних определялась как основная форма трехступенчатой собственности коммуны. Основной расчетной единицей в коммуне объявлялась большая производственная бригада, обладающая хозяйственной самостоятельностью. Подчеркивалась необходимость разукрупнения коммун, оптимальными считались размеры коммун в границах бывших волостей, которых в 1958 г. насчитывалось около 80 тыс.

Коммуне и большой производственной бригаде запрещалось на безвозмездной основе использовать трудовые ресурсы, тяловый скот, сельскохозяйственные орудия производственной бригады в интересах других подразделений. Право определять масштабы коммуны «демократическим путем» предоставлялось ее членам, исходя из интересов производства и управления, а также удобства «контроля со стороны масс». Производственным бригадам предлагалось активнее развивать производство сельскохозяйственных продуктов, кустарный промысел, транспорт т.д. Руководство комитетов управления и контрольных органов коммун предписывалось избирать на общих собраниях коллектива коммуны сроком на год. Большая производственная бригада, согласно документу, должна была соответствовать размерам прежнего сельскохозяйственного кооператива высшего типа либо одной деревни. Руководство коммуны должно было подбираться из крестьян-бедняков и низших середняков. Общие собрания коллектив коммуны обязывался проводить не реже двух раз в год, коллективы больших производственных бригад – не реже четырех раз в год, производственных бригад – не реже раза в месяц.

В документе подчеркивалось, что правление коммун не должно допускать «разбазаривания материальных и людских ресурсов», контролировать производительность труда, качество и себестоимость продукции, материальные и финансовые расчеты внутри коммуны. В разделе «Правила работы» определялись функции большой производственной бригады и ее органов управления, подчеркивалось, что большая бригада является «самостоятельной экономической единицей коммуны», «ведет самостоятельные расчеты», отвечает за свои прибыли и убытки. Специальный раздел был посвящен подсобным домашним промыслам, которые определялись как «необходимое дополнение социалистической экономики». Занятия промыслами допускались в свободное от работы время, в выходные и праздничные дни. Здесь же говорилось о раздаче членам коммун приусадебных участков,

размеры которых не должны превышать 5% обрабатываемой площади, приходящейся в данной местности в среднем на одного человека. В личном хозяйстве разрешалось держать свиней, овец, кроликов, кур, уток и гусей, в ряде мест разрешали держать по одной–две головы крупного рогатого скота, заниматься разведением рыбы. Фруктовые деревья, бамбуковые посадки и сельскохозяйственные культуры, растущие перед или позади дома члена коммуны, признавались его личной собственностью, как и доходы от подсобного хозяйства. Продукцию, произведенную в подсобном хозяйстве после выполнения государственных централизованных поставок, разрешалось свободно продавать на рынке.

В документе строго регламентировались выходные дни в течение месяца: мужчинам полагалось четыре дня, женщинам – шесть, причем выходные должны были предоставляться членам коммун в соответствии с определенной очередностью. «Помещичьим и кулацким элементам», если они проявили себя как добросовестные труженики, разрешалось вступать в члены коммуны и тем самым менять свой социальный статус. Тем, кто проявил себя менее убедительно, разрешалось становиться только кандидатами в члены коммуны без временного изменения статуса. Тех, кто не заслужил хорошую репутацию, запрещалось принимать в члены коммуны. Первую категорию лиц, уже изменивших свой социальный статус, определенное время запрещалось принимать на должности кадровых работников коммуны. В разделе, посвященном кадровым работникам, отмечалось, что в больших производственных бригадах и производственных бригадах их доля не должна превышать 2% общей численности рабочей силы. Кадровым работникам уровня коммуны предписывалось посвящать работе на полях не менее 60 дней в году. В особых разделах излагались права и обязанности контрольных органов коммуны и функции партийной организации.

Таким образом, экономическая необходимость, реальное положение людей в стране вынудили Мао Цзэдуна согласиться с предложениями Лю Шаоци и Дэн Цзыхя и пойти на пересмотр положения о народных коммунах от 1958 г., восстановить приусадебные участки, подсобные промыслы, разрешить функционирование свободных рынков, восстановить, хотя и в ограниченных пределах, элементы материальной заинтересованности крестьян. Однако в документе отсутствовали упоминания о политике «закрепления производственных заданий за дворами». Это могло означать недовольство Мао Цзэдуна такой политикой.

За день до закрытия совещания проект «Правил» от имени ЦК КПК был разослан для ознакомления на места. В сопроводительном письме предлагалось обсудить данный документ, а также предписывалось повсеместно переименовать производственные бригады в большие производственные бригады, а малые производственные бригады – в производственные бригады. Совещание, основываясь на выступлении Мао Цзэдуна 23 марта 1961 г., приняло решение о «серьезном проведении работы по обследованию» лично руководящими кадровыми работниками, прежде всего руководителями парткомов уездного уровня, которые не должны удовлетворяться «только просматрива-

нием написанных докладов, заслушиванием рапортов и сводок», что ведет к принятию ошибочных решений. Рекомендовалось отбирать для всестороннего и детального обследования («анатомирования воробья») не более двух–трех низовых единиц. В качестве приложения к письму для изучения рассылалась статья «Относительно обследования», написанная Мао Цзэдуном еще в 1930 г. (позднее она была опубликована под заголовком «Против книгопочклонства»).

Участники совещания в Гуанчжоу направились «обследовать и изучать» обстановку на местах. Мао Цзэдун посетил Хунань, Чжэцзян и Гуандун. Лю Шаоци во главе рабочей группы выехал в Хунань, Чжоу Энлай – в Хэнань, Чжу Дэ – в Сычуань, Дэн Сяопин и секретари Пекинского горкома КПК Пэн Чжэнь, Лю Жэнь, Чжан Тайчжун и Ляо Моша возглавили группы по обследованию пригородов столицы. В проведении обследований участвовали также Чэнь Юнь и Дэн Цзыхой.

Участники обследования свои доклады и предложения направляли в ЦК КПК и Мао Цзэдуну. Так, кандидат в члены Секретариата ЦК КПК Ху Цяому 14 апреля послал Мао Цзэдуну «Доклад относительно разрешения вопроса с общественными столовыми», где определил этот способ организации питания в коммунах как «тормоз в развитии производства, нарыв в отношениях между партией и массами», и настаивал на том, что эту проблему «необходимо разрешить чем скорее, тем лучше». Мнение Ху Цяому поддержал Лю Шаоци. В письме Мао Цзэдуну от 11 мая он писал о необходимости срочного решения таких вопросов, как закрытие общественных столовых, возвращение личного имущества членов коммун, создание на местах пунктов охраны общественного порядка.

Чжоу Энлай 7 мая 1961 г. послал Мао Цзэдуну телеграмму, где сообщал, что подавляющее большинство членов коммун, включая женщин и немощных, желают питаться дома, что члены коммун недовольны новой системой снабжения и требуют вернуться к форме кооперативов высшего типа и распределению по трудодням. О недовольстве крестьян общественными столовыми писал Мао Цзэдуну Чжу Дэ в письме от 9 мая. Он заявлял о вреде общественных столовых еще на совещании в Лушане 23 июля 1959 г., считая их причиной нехватки зерна даже при богатом урожае из-за нерационального и небрежного его использования. Время подтвердило его правоту. Приводя в письме Мао Цзэдуну в пример считавшуюся лучшей столовую коммуны Цзяюй уезда Юаньян в Хэнане, он отмечал, что из 36 дворов деревни 32 двора изъявили желание готовить пищу дома. Крестьяне считали, что общественные столовые отвлекают большое количество рабочих рук, растрачивают трудодни (так, доля трудодней, затрачиваемых на приготовление пищи в столовой, составляет 47,3% всех трудодней производственной бригады), затрудняет уход за больными, стариками и детьми, создают трудности при приеме гостей. Он предлагал после соответствующей подготовительной работы постепенно закрывать столовые. Ссылаясь на данные по восточной Хэнане, он сообщал, что менее чем через месяц после того как крестьяне стали питаться дома, число страдающих отеками снизилось на 40–50%.

10 мая 1961 г. Дэн Сяопин и Пэн Чжэнь по итогам обследования отправили Мао Цзэду доклад, в котором подвергли критике методы и формы распределения, сочетавшие бесплатное снабжение с распределением по труду, что наносит вред производству и создает напряженность между кадровыми работниками и массами; негативную оценку получили также общественные столовые. О том, что во многих местах производство зерновых сократилось более чем наполовину, большие участки горных лесов вырублены, уровень жизни в деревне упал до критической отметки, сообщал Мао Цзэду 13 мая 1961 г. в своем докладе в ЦК КПК и на имя Мао Цзэду Дэн Цзыхой. Он предлагал, в частности, расширить приусадебные участки, ввести систему производственной ответственности на селе, а там, где не хватает продуктов питания, немедленно ликвидировать общественные столовые.

27 апреля 1961 г. партком пров. Аньхой послал в ЦК КПК, Мао Цзэду и Восточнокитайскому бюро ЦК доклад «О положении дел с осуществлением подрядной системы ответственности и обязательствами по сбору урожая». В нем сообщалось, что в провинции на эту систему успели перейти 39,2% общего числа производственных бригад. В докладе отмечалась возросшая производственная активность крестьян, повышение эффективности и качества их работы. Однако, как указывалось в документе, часть крестьян восприняла новые формы как закрепление производственных заданий за семьями либо даже как «разделение полей», тогда как в действительности задание доводится до определенных групп работников либо отдельных производителей, что соответствует «60 пунктам по сельскому хозяйству». Выдвигалось предложение довести информацию о формах подряда, применявшихся в Аньхое, до соседних провинций, чтобы избежать ошибочного понимания этих методов.

С середины апреля 1961 г. в течение месяца Мао Цзэдун получил более 10 документов по итогам обследования на местах. Однако масштабы и, видимо, результаты обследований его не удовлетворяли. Во второй половине мая 1961 г. ЦК КПК направил всем региональным бюро ЦК и провинциальным парткомам резолюцию Мао Цзэду от 14 мая, наложенную им на письмо первого секретаря парткома Хунани Чжан Пинхуа. Мао Цзэдун заявлял, что они не имеют права руководить, если не выезжали на обследование на места, что проведение новой политики в деревне еще не начиналось, отмечал недовольство крестьян существующей системой распределения. Он утверждал, что «60 пунктов» отвечают не на все поставленные в присланных документах вопросы, а большинство членов Политбюро ЦК КПК стоят за корректировку принятых недавно «Правил». Активность Мао Цзэдуна в тот период, резолюции и документы, распространяемые в КПК, должны были показать, что он твердо контролирует положение в стране.

После проведения обследования в районе Шицзячжуана и обобщения материалов пяти групп, посланных в Хэбэй, Хэнань, Шаньдун, Цзянсу и Хубэй, заместитель премьера Госсовета КНР Ли Сяньнянь 17 мая 1961 г. так же направил Мао Цзэду письмо, в котором сообщал о плачевном состоянии дел с продовольствием на селе, предлагая уменьшить обязательные закупки

зерна, принять меры к сокращению населения городов, утвердить точные цифры государственных закупок и не менять их в течение двух–трех лет.

С 21 мая по 12 июня 1961 г. в Пекине проходило рабочее совещание ЦК КПК, на котором дорабатывались и принимались основные документы, призванные определить меры по упорядочению экономики: «Правила работы народных коммун в деревне», «Некоторые положения по улучшению работы в области торговли», «Положения по некоторым вопросам политики в отношении кустарных промыслов в городе и в деревне», документы по развитию лесного хозяйства и решению продовольственной проблемы. На совещании выступили Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чэнь Юнь, Дэн Сяопин и Ли Сяньнянь.

Детализированная программа обеспечения страны зерном была предложена в докладе Чэнь Юня. Он считал необходимым промышленные мощности направить на активную поддержку сельского хозяйства, увеличить импорт зерна (до 5 млн т в год, больше не позволяли запасы валюты и состояние транспорта), вернуть в деревню тех, кто переселился в города за последние три года. По его мнению, уменьшение городского населения, которое выросло более чем на 25 млн главным образом за счет расширения капитального строительства и машиностроения, можно было сократить безболезненно, поскольку из-за нехватки сырья промышленные мощности простаивали: так, в текстильной промышленности было остановлено 5 млн веретен. Он предлагал также, помимо осуществления «12 пунктов» и «60 пунктов», вернуть членам коммун изъятое у них имущество, реабилитировать членов партии и кадровых работников села, несправедливо подвергшихся наказаниям в ходе кампании «упорядочения стиля работы и упорядочения коммун».

Лю Шаоци в своем выступлении подчеркнул, что многие жители города и деревни недоедают, причиной чему – острый разрыв между развитием сельского хозяйства и промышленности, предложил снизить контрольные цифры промышленного производства, в том числе выплавки стали с 18,4 млн т в 1960 г. до 14 млн т в 1961 г., уменьшить население городов, оказать помощь сельскому хозяйству. Оценивая причину этих бед, Лю Шаоци сослался на мнение хунаньских крестьян: «на 30% – из-за стихийных бедствий, а на 70% – по вине людей». Он заявил, что главную ответственность за предыдущие ошибки несет ЦК, ее нельзя «перекладывать на какое-то министерство либо на плечи какого-то человека». По мнению Лю Шаоци, существенных изменений к лучшему следует ожидать не через три–пять, а через восемь–десять лет.

Дэн Сяопин тоже усмотрел причины серьезных трудностей в экономике страны в «ошибках в работе», а не в стихийных бедствиях. Такой акцент в выступлениях Лю Шаоци и Дэн Сяопина был обусловлен и тем, что часть участников совещания провалы в экономике пытались списать на счет капризов стихии, снимая ответственность как с Центра, так и с местных руководителей.

После обсуждения были внесены изменения в проект «Правил работы народных коммун в деревне». Упраздняялась система нормированного снаб-

жения, решение о закрытии общественных столовых оставлялось за членами коммуны. Прежние рекомендации о распределении в коммунах (30% – бесплатное снабжение, 70% – распределение по труду) из документа были изъяты, оставлено только положение о распределении по труду. Тем самым практически был зафиксирован отказ от системы бесплатного снабжения, за которую ратовал Мао Цзэдун на совещании в Бэйдайхэ в 1958 г. Бóльшая часть лесов по склонам гор передавалась под постоянную ответственность производственных бригад, а небольшие посадки и отдельные деревья по склонам гор и обочинам дорог предписывалось делить между производственной бригадой и членами коммуны.

«Правила» были приняты совещанием как «Исправленный проект», фактически восстанавливавший коллективные хозяйства в форме производственных бригад, обладающих хозяйственной самостоятельностью. Коммуна должна была прекратить существование как единая хозяйственная организация, сохранив за собой лишь функции низовых органов государственной власти (директивно это положение было оформлено 13 февраля 1962 г., когда основной хозрасчетной единицей коммуны была признана производственная бригада).

В принятых на совещании «Некоторых положениях по улучшению работы в области торговли (опытный проект)» подчеркивалось, что торговля должна служить развитию производства в сельском хозяйстве и промышленности. Определялись три направления ее развития: государственная торговля, снабженческо-кооперативная торговля и торговля на коллективных рынках в деревнях. В документе говорилось о необходимости восстановить снабженческие кооперативы в деревнях, кооперативные магазины в городах и селах, открыть свободные рынки на селе, обеспечить интенсивный обмен товарами между городом и деревней, не допуская вместе с тем спекуляции. В другом «опытном проекте» – «Положениях по некоторым установкам относительно кустарных промыслов в городе и деревне» – говорилось, что кустарные промыслы КНР должны базироваться на трех видах собственности: всенародной, коллективной (как основной) и индивидуальной. Кустарные промыслы определялись как важное дополнение к социалистической экономике. Предписывалось возратить либо компенсировать изъятые в коммунах средства кустарных промыслов, производственных кооперативов и паевые взносы их членов.

По предложению Чэнь Юня был утвержден документ, санкционирующий уменьшение населения городов и поселков в течение трех лет на 20 млн человек, в том числе в 1961 г. – не менее чем на 10 млн. Сразу же после совещания было издано «Уведомление о некоторых вопросах работы по сокращению численности рабочих и служащих».

Мао Цзэдун был вынужден согласиться на некоторую корректировку социально-экономической политики. Выступая в последний день работы совещания, он декларативно возложил на себя и ЦК КПК главную ответственность за то, что «почва не плодородит, люди и скот отощали», назвав это «возмездием за политику трех последних лет». Но часть вины он отнес

на счет кадровых работников, не понимавших таких понятий как «социализм», «распределение по труду» и «эквивалентный обмен», поставив вопрос о «переподготовке и воспитании кадров» по методу яньаньского *чжэн-фэна* – упорядочения стиля работы 1940-х годов. Из выступления вытекало, что неизменную прежнюю «генеральную линию» лишь надо дополнить «60 правилами» и другими документами, определявшими курс на «урегулирование». Мао Цзэдун заявил о возможности реабилитации части кадровых работников, подвергшихся «чисткам» с момента Лушаньского совещания 1959 г.

15 июня 1961 г. ЦК КПК издал директиву с требованием к партийным руководителям уровня уезда и выше ежегодно на четыре месяца отправляться на места для осуществления обследований. Там же подчеркивалась необходимость пересмотра дел тех кадровых работников и членов партии, которые «несправедливо» подверглись критике в последние годы, а также беспартийных, в том числе зажиточных крестьян-середняков. В директиве говорилось о недопустимости преследований кадровых работников и членов партии, которые «не отрываются от производства». 19 июня 1961 г. ЦК КПК обнаружил «Постановление о решительном исправлении ошибок уравнилельного распределения и произвольной переброски ресурсов, о полном возвращении изъятого и компенсации убытков», где компенсация прежних поборов определялась как средство «восстановления доверия к политике (партии)» со стороны крестьянства.

В интересах развития сельскохозяйственного производства 23 июня 1961 г. ЦК КПК издал директиву о направлении учащейся городской молодежи в деревню. Директива была принята по результатам доклада, подготовленного по предложению Лю Шаоци Группой по культуре и образованию ЦК КПК. В докладе предлагалось из 150 тыс. выпускников средней школы высшей ступени и 1 млн 250 тыс. выпускников начальной ступени средней школы отобрать 30–50 тыс. человек, которые не станут продолжать обучение, и во второй половине года направить их в деревню для участия в физическом труде. Такие акции предполагалось планомерно проводить в течение нескольких лет.

В июле 1961 г. Мао Цзэдун, давший было санкцию на «повсеместную популяризацию» подворного подряда, стал сомневаться в необходимости этого эксперимента. 18 июля 1961 г. ЦК КПК издал срочное указание, предписывавшее не пропагандировать систему *баочань даоху* в прессе. Однако у этой системы ответственности были сторонники в руководстве КПК. Одним из них был Дэн Цзыхой. В июне–июле 1961 г., выступая перед слушателями партийных школ, он рекомендовал применять закрепление производственных заданий за крестьянскими дворами. 24 октября 1961 г. он по поручению Мао Цзэдуна и Лю Шаоци изучал опыт хозяйственных расчетов в рамках коммун в деревнях западной Фуцзяни. Поручение было связано с выполнением «Указания относительно вопроса об основных расчетных единицах в деревне» от 7 октября 1961 г., направленного ЦК партии региональным бюро ЦК и парткомом провинциального уровня. В «Указании» предлагалось направить ответственных работников заинтересованных ведомств в деревню для изучения на

местах вопроса о том, что предпочтительнее в качестве расчетной единицы: большая производственная бригада либо производственная бригада.

Составители «Указания» предпочитали производственную бригаду. Рекомендовалось в каждом уезде выбрать одну–две производственные бригады для проведения эксперимента. Документ предостерегал против попыток поспешного распространения этого опыта до его тщательного изучения во всех региональных бюро ЦК и парткомах провинциального, районного и уездного уровня в течение второй половины октября и первой половины ноября. Результаты изучения и обследования предлагалось к концу ноября доложить в ЦК КПК для проведения в декабре 1961 г. рабочего совещания по данному вопросу.

9 ноября 1961 г. Дэн Цзыхой направил «Доклад относительно ситуации по обследованию введенной в экспериментальном порядке основной расчетной единицы сельской народной коммуны» в адрес председателя ЦК КПК, Восточно-Китайского бюро ЦК и парткома пров. Фуцзянь. Там содержались, в том числе, рекомендации относительно размеров производственных бригад (20–30 дворов), о распределении земли и орудий труда между производственными бригадами, о собственности бригад, финансировании и т.п. 23 ноября 1961 г. ЦК КПК одобрил доклад Дэн Цзыхоя и предложил изучить его всем региональным бюро ЦК и парткомам провинциального уровня, а затем передать на более низкий уровень, вплоть до коммун. Первым секретарям провинциальных парткомов предлагалось возглавить рабочие группы по изучению и внедрению новых форм организации производства. Производственная бригада, сохраняя за собой собственность на средства производства, а также функции централизованного руководства, планирования, хозрасчета и распределения, передавала пахотную землю крестьянским дворам для использования в соответствии с контрактом, определявшим объем продукции, необходимые капиталовложения, начисляемые за работу трудовые единицы, размеры премий при получении продукции больше оговоренного количества и удержания из оплаты при меньшем объеме производства. Распределение земли производилось либо по числу работников, либо подушно. Мао Цзэдун стал воспринимать подворный подряд как угрозу статусу производственной бригады. В декабре 1961 г. он при личной встрече с Цзэн Сизэном в Уси задал вопрос: есть ли в пров. Аньхой производственные бригады, которые являются основными расчетными единицами, либо там осуществляется «система ответственности за поля» (*цзэжэнь тянь*)? Это было равнозначно осуждению Мао Цзэдуном аньхойского эксперимента, которое в скором времени и последовало.

Значительное внимание партийно-государственное руководство уделяло ситуации в промышленности. Для обследования и изучения обстановки в сфере индустрии в июне 1961 г. Секретариат ЦК КПК и Государственный плановый комитет послали одиннадцать рабочих групп на промышленные и горнорудные предприятия Шанхая, Пекина, Тяньцзиня, Тайюаня и других городов. Уже в июне руководитель одной из групп, директор Института экономики АН Китая Сунь Ефан, направил в ЦК КПК доклад, где поднял вопрос

о необходимости реформ в экономике. В июле для ЦК КПК было подготовлено «Мнение из 14 пунктов о реформе исследовательских учреждений в области естественных наук в настоящее время (проект)», выработанное при участии заместителя премьера Госсовета Не Жунчжэня. Документ стал итогом подготовительной работы, которая началась весной 1961 г. с обследования Института ракетных исследований и других учреждений АН Китая. Обнаружилось, что научные работники тратят на исследования менее трех из шести рабочих дней в неделю, а остальное время заняты политической учебой и физическим трудом. 6 июля 1961 г. доклад Не Жунчжэня о содержании и назначении проекта «Мнений из 14 пунктов» был заслушан на Политбюро ЦК КПК в отсутствие Мао Цзэдуна. В докладе после дежурных слов об «успехах» «большого скачка» отмечались три крупные нерешенные проблемы, касавшиеся научной работы: 1) недооценка роли интеллигенции в социалистическом строительстве, негативно влияющая на ее активность и инициативность; 2) низкий научный уровень исследований, отсутствие их связи с практикой, частая смена исследовательских задач, недостаточное число серьезных научных достижений; 3) чрезмерная роль партийных организаций в руководстве научной работой.

19 июля 1961 г. принятый Политбюро и утвержденный Мао Цзэдуном документ, получивший известность как «14 пунктов по науке», вместе с резолюцией ЦК был разослан на места. Документ предписывал упорядочить работу научных учреждений (обеспечить «пять строго определенных вещей» — задач, штатов, оборудования, режима, курса), уделять научной работе не менее пяти дней в неделю, бороться за научную интеллигенцию, чтобы ее представители становились «и красными, и специалистами» и служили делу социалистического строительства.

Внимание к состоянию науки в значительной степени определялось интересами укрепления военной мощи страны. 16 июля 1961 г. ЦК КПК принял решение относительно усиления работы в области атомной энергетики, а 3 ноября 1962 г. перед 2-м министерством машиностроения была поставлена задача добиться проведения испытания атомной бомбы в 1964 г. или в первой половине 1965 г.

С 23 августа по 16 сентября 1961 г. ЦК КПК провел в Лушане рабочее совещание, рассмотревшее вопросы промышленности, продовольствия, финансов и торговли, а также образования и ротации кадровых работников. Главным был вопрос о работе промышленности. Участникам представили проект «Положения о работе государственных промышленных предприятий», подготовленный заместителем премьера Госсовета Бо Ибо на основе материалов обследования, проводившегося с весны 1961 г. под руководством Ли Фучуня. В документе декларировалось, что его цель — «с помощью идей Мао Цзэдуна» обобщить опыт руководства промышленностью и установить рациональную систему положений об управлении ею, что должно служить «еще лучшей реализации генеральной линии и большого скачка». Мао Цзэдун предложил убрать слова «с помощью идей Мао Цзэдуна», видимо, дистанцируясь от этого документа. После редактирования (под руководством Дэн Сяопина)

и сокращения документа до 10 статей и 70 пунктов (отсюда неофициальное название — «70 пунктов») он был разослан по стране.

Документ знаменовал фактический отказ от большинства новаций «большого скачка». Промышленные предприятия объявлялись «социалистической экономической организацией всенародной собственности. Их основная задача — выполнять государственный план, увеличивать выпуск продукции, расширять социалистические накопления». Подчеркивались недопустимость произвольного изменения государственного плана, налаживание системы централизованного планирования и управления экономикой. Централизованное руководство предполагалось сочетать с расширением прав отдельных предприятий, избегая при этом проявления местнических настроений, недисциплинированности и несогласованности в действиях центральных органов и органов управления на местах.

Обращалось внимание на необходимость стабильной работы предприятий, укрепления производственной дисциплины, единоначалия, создания системы ответственности, развертывания трудового соревнования, говорилось о недопущении «командования вслепую» в производстве и технической сфере. Партийным организациям на местах рекомендовалось не вмешиваться в производственный процесс, а сосредоточить внимание на осуществлении линии партии и обеспечении выполнения народнохозяйственного плана. От предприятий требовалось улучшение системы финансово-экономического контроля и отчетности, восстановление системы хозрасчета. Взаимоотношения между предприятиями и государством предполагалось строить по системе «пяти обеспечений» и «пяти гарантий». «Пять обеспечений» — это обязательства государства перед предприятием по созданию условий для производства: 1) определение структуры предприятия (его внутренней организации, численности персонала и т.д.); 2) обеспечение основными и оборотными фондами и 3) средствами транспорта; 4) обеспечение сбыта готовой продукции и 5) хозяйственных связей с другими предприятиями. «Пять гарантий» — обязательства предприятия перед государством: 1) производство продукции заданной номенклатуры и качества; 2) строгое соблюдение установленного фонда заработной платы; 3) выполнение плана по себестоимости; 4) отчисление прибылей; 5) должный уход за оборудованием. В документе предписывалась неизменность условий «пяти обеспечений» и «пяти гарантий» в течение трех лет.

При обсуждении в группах документ подвергся критике, особенно со стороны некоторых членов региональных бюро, за «недостаточное обобщение опыта большого скачка», умаление значимости «партийного руководства» и «организации массовых кампаний», «активности масс», «выдвижения политики на первое место», «освобождения мышления от сковывающих его пут», отсутствие призывов «бороться с суевериями», «смело думать, смело высказываться, смело действовать», чрезмерный акцент на вопросах управления и ответственности директоров.

Совещание приняло также «Указания по вопросам развития современной промышленности», предписывавшие проведение в течение семи лет курса

на «урегулирование»; этот период был разбит на два подэтапа (три и четыре года). Документ требовал отстранять от работы лиц, не желающих проводить в жизнь это решение, признавал, что курс на «урегулирование» в течение года фактически не осуществлялся, и требовал «отступления» (снижения плановых показателей) там, где это необходимо. Фактически с принятием «Указаний» началась реальная корректировка планов развития промышленности и приближения их к реальным возможностям отраслей. Так, плановые инвестиции в капитальное строительство с 16,7 млрд юаней сократились в 1962 г. до 7,8 млрд (на 46,7%), показатели по выплавке стали — с 19 млн т до 8,5 млн т (на 44,7%). Однако положительные оценки «большого скачка» и «генеральной линии» в документе сохранились.

17 сентября 1961 г. принятые совещанием документы просмотрел и предложил подредактировать Мао Цзэдун, оценив их как «хорошие».

Таким образом, тяжелый социально-экономический кризис и угроза полной хозяйственной анархии вынудили Мао Цзэдуна и его приверженцев при формальном одобрении курса «большого скачка» и «генеральной линии» согласиться с разработкой и принятием к осени 1961 г. серии документов, фактически ревизовавших прежнюю политику. Главными из них были «60 пунктов по сельскому хозяйству» и «70 пунктов по промышленности» (последний документ стал, по существу, первым нормативным актом в области хозяйственного и трудового права с момента образования КНР).

Совещание также приняло ряд других правил, положений и инструкций, в том числе по вопросам литературы и искусства, работы вузов, средних и начальных школ, учреждений здравоохранения и т.д.

Для пропаганды новых закрытых партийных документов инициаторы курса на «урегулирование» использовали посменную учебу кадровых работников различного ранга, организованную в соответствии с принятым 15 сентября 1961 г. решением ЦК КПК. Основу контингента обучаемых должны были составить секретари уездных комитетов КПК, а также кадры соответствующего ранга и выше в других структурах, включая промышленность, транспорт, финансы, сельское хозяйство, образование, культуру, дипломатические ведомства. Всего в стране насчитывалось 163 тыс. должностных лиц такого уровня. В программу обучения помимо новых документов входила также работа И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Непосредственное руководство учебой осуществляли региональные бюро ЦК и провинциальные парткомы. Однако не общедоступность принятых документов оставляла низовых кадровых работников, рядовых членов партии и беспартийных в неведении о реальном положении в стране и проблемах, дискутировавшихся в ее руководстве.

В связи с закрытием ряда предприятий и мерами по «упорядочению» производства остро встал вопрос о сокращении управленческого аппарата. Заместитель премьера Госсовета Си Чжунсюнь еще в сентябре 1960 г. представил в ЦК КПК доклад, сообщавший, что штат сотрудников центральных административных органов с 253 тыс. человек в 1957 г. возрос до 411 тыс. Си Чжунсюнь предлагал упростить структуру и сократить штаты администра-

тивных органов на 15–20%, а управленческий штат производственных единиц – на 30–35%. Людские ресурсы, высвободившиеся при сокращении, рекомендовалось направлять на усиление «производственного фронта сельского хозяйства и промышленности». 14 сентября 1960 г. ЦК КПК откликнулся на данный документ резолюцией, требующей сокращения штатов и уменьшения количества административных органов. В другом докладе Си Чжунсюня в ЦК, от 18 июня 1961 г., он сообщал, что с сентября 1960 г. центральные административные органы сократили 80 тыс. сотрудников из более чем 240 тыс., число подразделений центральных учреждений сокращено на 15%, на 26% сокращены управленческие структуры на производстве.

22 июня 1961 г. Мао Цзэдун предложил довести число сокращенных до 120 тыс. и провести сокращение на уровнях провинций, городов, районов и уездов. С учетом этих рекомендаций Орготдел ЦК КПК 20 ноября 1961 г. издал «Мнение по некоторым текущим вопросам работы с кадрами», где предлагалось повсеместное, но «осторожное и бережное» сокращение штатов, в первую очередь аппарата. Сокращенных предписывалось использовать для работы в деревне, часть из них переквалифицировать в рабочих, продавцов, школьных учителей. Достигших пенсионного возраста рекомендовалось отправлять на отдых, а трудоспособных привлекать к физическому труду в госхозах и коммунах либо использовать как внештатных сотрудников.

Несмотря на принятие некоторых мер по стабилизации экономики ее положение к концу 1961 г. оставалось тяжелым. Инициаторы нового курса, в первую очередь Лю Шаоци, Чэнь Юнь, Дэн Сяопин, Бо Ибо и другие, стояли за проведение срочных мер по оздоровлению хозяйства страны. Под давлением обстоятельств Мао Цзэдун вынужден был с ними согласиться. Но в 1961 г. в партии не было единства мнений даже по вопросу о том, насколько вообще необходимо проведение «урегулирования».

Уточнение

Для обсуждения и обобщения опыта работы в народном хозяйстве и вопросов планирования партийное руководство приняло решение собрать в январе–феврале 1962 г. расширенное совещание ЦК КПК.

Оно проходило в Пекине с 11 января по 8 февраля 1962 г. и стало самым представительным по числу присутствовавших за всю историю КНР. В его работе приняли участие члены ЦК, руководители аппарата и региональных бюро ЦК, члены парткомов провинциального уровня, ответственные работники парткомов районов, уездов, важнейших промышленных предприятий, а также НОАК – всего 7118 человек (отсюда неофициальное название – «совещание с участием семи тысяч человек»). Оно проходило в форме пленарных заседаний и заседаний шести региональных секций и секции аппарата ЦК КПК. Его участники должны были обсудить, доработать и принять проект письменного доклада ЦК КПК, который представил Лю Шаоци.

Однако 29 января Мао Цзэдун дополнительно внес в повестку дня вопрос «о развитии демократии» и проведение совещаний по развертыванию критики и самокритики. Как образно определил характер этих мероприятий сам Мао Цзэдун, «днем выпускаем пар, вечером смотрим представление».

Совещание проходило в два этапа. На первом в течение 18 дней участники, по предложению Мао Цзэдуна, обсуждали и вносили поправки в текст представленного доклада, без его предварительного обсуждения на Политбюро ЦК. В редакционный комитет по доработке проекта, возглавленный Лю Шаоци, вошел 21 человек – представители региональных бюро ЦК, первые секретари провинциальных парткомов, члены ЦК КПК. 25 января Лю Шаоци провел расширенное заседание Политбюро ЦК КПК с участием первых секретарей провинциального уровня и ответственных работников отделов ЦК КПК, где проект доклада был одобрен «в основном». 26 января последний вариант доклада был представлен участникам совещания для повторного обсуждения. На пленарном заседании 27 января, которое вел Мао Цзэдун, Лю Шаоци выступил с разъяснениями дополнений и изменений, внесенных в документ. Затем исправленный документ и выступление Лю Шаоци с комментариями Мао Цзэдуна были обсуждены на секциях. Участники заседания выразили удовлетворение последней версией документа.

Следующий этап – «выпускание пара» – начался 29 января. Помимо Лю Шаоци, в ходе этого этапа неоднократно выступил Мао Цзэдун (29 января и дважды 30 января), а также Чжу Дэ, Чжоу Эньлай, Линь Бяо, Дэн Сяопин и Пэн Чжэнь.

Мао Цзэдун в выступлении 29 января 1962 г. поставил вопрос о развитии демократии и контактов между «верхами и низами», призвав «выпускать пар» без каких-либо ограничений и в то же время не «навешивать ярлыков» и не мстить за критические высказывания. Он заявил, что подлинная система демократического централизма еще не создана, а у некоторых отсутствует даже представление о такой системе.

29 января вечером на секциях были изучены предложения Мао Цзэдуна, а 30 января с утра проведены пленарные заседания, на которых участников призывали, в частности, сделать упор на критике недостатков и ошибок провинциальных парткомов. С 31 января по 6 февраля на секциях подвергались критике ответственные партийные работники провинций, региональных бюро ЦК КПК, правительственных учреждений и других ведомств. С самокритикой выступили ответственные работники ЦК, государственных учреждений, члены ЦК и региональных бюро ЦК КПК, сотрудники министерств и ведомств. Подверглись критике и власти пров. Аньхой, в том числе персонально секретарь провинциального парткома Цзэн Сишэн: курс *цзэжэнь тянь* был квалифицирован как «серьезная ошибка, носящая ревизионистскую окраску» (вскоре Цзэн Сишэн был снят с руководящих должностей).

6 февраля с «самокритикой» выступил Дэн Сяопин, взявший на себя ответственность за недостатки и ошибки в работе секретариата ЦК КПК. 7 февраля Чжоу Эньлай сделал то же в отношении работы Госсовета КНР, после чего совещание было закрыто.

Доклад, подготовленный Лю Шаоци, свидетельствует, что его автор говорил и об успехах, и о недостатках в работе партии и правительства с 1958 г. Перечислив в начале доклада достижения КНР, Лю Шаоци затем отметил четыре основные ошибки. 1. Завышение плановых производственных показателей, растянутость фронта капитального строительства, дисбаланс между отраслями народного хозяйства, между потреблением и накоплением. 2. Не различение в практике народных коммун в деревне границ между двумя видами собственности – коллективной и общенародной, нарушение принципа распределения по труду и эквивалентного обмена, «поветрие коммунизации» и «уравниловка». 3. Намерение создать на местах множество целостных промышленных систем и передача слишком больших прав низам, что вело к появлению сепаратизма. 4. Завышение темпов производства сельскохозяйственной продукции, поспешное развертывание строительства в городах, приведшее к росту численности их населения, трудностям в их снабжении и производстве сельскохозяйственной продукции.

Ответственность за это возлагалась на Госсовет, его министерства и ведомства, курировавшие их отделы ЦК КПК, руководство провинциального ранга. Отмечалось, что в 1961 г. не был достигнут уровень первой пятилетки в производстве зерновых, хлопка, масличных и других культур, животноводческой продукции, в области подсобных промыслов и рыболовстве. Отмечалось сокращение промышленного производства в 1961 г. более чем на 40%, нехватка продовольствия, одежды, предметов первой необходимости, напряженное положение со снабжением городов.

Лю Шаоци предлагал извлечь из опыта работы с 1958 г. ряд уроков. Прежде всего, он подчеркивал, что масштабы развития промышленности должны соответствовать возможностям села выделять рабочую силу и производить сельскохозяйственную продукцию. Говорил о недопустимости смешения двух видов социалистической собственности, о том, что экономика должна работать по единому плану, а плановые показатели – соответствовать реальности и обеспечивать возможность для маневрирования. Для обеспечения сбалансированности и пропорциональности в отношениях между сельским хозяйством, легкой и тяжелой промышленностью и транспортом Лю Шаоци предлагал государственную торговлю сочетать с деятельностью торговых предприятий коллективной собственности, дополнительно допустив торговлю на деревенских рынках. Он подчеркивал, что социалистический принцип распределения – распределение по труду, причем «обмен» труда на товары должен быть эквивалентным, недопустимо насаждение уравниловки.

В докладе предлагалось разработать перспективный план развития страны на 10 лет. За этот период в основном предполагалось решить задачи обеспечения населения одеждой, питанием и предметами первой необходимости, в общих чертах создать единую, целостную экономическую систему, приблизиться к передовому мировому уровню в научно-технической области, в качестве и ассортименте продукции промышленности. Ниже представлены рекомендованные в докладе ориентировочные цифры развития народного хозяйства по зерну, хлопку, стали и углю на 1967 и 1972 гг. в сравнении с реально достигнутыми результатами.

Таблица 1

	1961 г. Фактически	1967 г. По плану	1967 г. Фактически	1972 г. По плану	1972 г. Фактически
Зерно	147,5 млн т	190 млн т	217,82 млн т	214 млн т	240,480 млн т
Хлопок	800 тыс.т	1,6 млн т	2,354 млн т	2,1 млн т	1,958 млн т
Сталь	8,7 млн т	18 млн т	10,290 млн т	28 млн т	23,380 млн т
Уголь	278 млн т	350 млн т	206 млн т	450 млн т	410 млн т

Лю Шаоци утверждал, что осуществление намеченного плана приведет к модернизации промышленности, сельского хозяйства, науки, техники и обороны. Участникам совещания предлагалось обсудить и сбалансировать ориентировочные показатели. 1962 г. должен был стать «ключевым» в работе по «урегулированию». Ставились задачи уточнения производственных заданий в промышленности, улучшения работы торговли и транспорта, развития обмена между городом и деревней, повышения качества и снижения себестоимости продукции, расширения ее ассортимента, повышения производительности труда, наведения порядка на производстве.

В третьем разделе доклада была охарактеризована ситуация в КПК. Были отмечены следующие недостатки в деятельности низовых организаций: случаи невыполнения решений вышестоящих организаций, вплоть до решений ЦК; попытки создания отдельными руководителями «собственных вотчин» и «самостоятельных княжеств», проявления сепаратизма и местничества; нездоровые взаимоотношения в партийных организациях; нарушение принципов демократического централизма и коллективного руководства; нетерпимость к иным, чем у секретарей партийных организаций, мнениям, навешивание ярлыков «антипартийных элементов» на инакомыслящих; злоупотребление дисциплинарными взысканиями; прием в КПК лиц, не отвечающих требованиям Устава партии; произвольное исключение из партии лиц в нарушение уставных норм; месть членам партии, которые сообщают в вышестоящие органы об истинном положении дел; случаи квалификации справедливой критики в адрес партийных руководителей как «выступлений против партийного руководства»; «организационная расхлябанность».

Для исправления положения дел в партии были предложены следующие меры: 1) усилить руководство низовыми организациями; 2) покончить с «организационной расхлябанностью», регулярно проводить собрания партгрупп, партячеек и партийные занятия; 3) пресечь злоупотребления служебным положением со стороны парторганизаций, самовольное развертывание ими «борьбы» с неугодными членами партии; 4) всем членам КПК, в том числе руководителям, соблюдать партийную дисциплину и государственные законы; 5) комиссиям партийного контроля всех ступеней разоблачать нарушителей дисциплины и законов даже без согласия парткомов того же ранга, информировать о положении дел вышестоящие органы, вплоть до ЦК КПК; 6) проводить переподготовку и воспитание кадровых работников.

Хотя в подготовленном Лю Шаоци документе и признавались ошибки периода 1958–1960 гг., однако там присутствовали такие термины и лозунги, как «большой скачок», «больше, быстрее, лучше, экономнее», «три красных знамени».

При обсуждении доклада некоторые участники секции Северного Китая говорили о том, что, с их точки зрения, в документе главным таким уроком названы завышенные показатели; однако это не «коренной», а «производный» вопрос, главная же проблема – восприятие высоких темпов роста как сути генеральной линии. Другие считали, что основная проблема – субъективизм и стиль голого администрирования, организация карательных мероприятий и злоупотребление дисциплинарными взысканиями.

Некоторые из выступавших критично отнеслись к тезису доклада о том, что главной причиной совершенных в последние годы ошибок является недостаток опыта, который в период выполнения первого пятилетнего плана столько проблем не вызывал.

Сам Лю Шаоци свое выступление 27 января, длившееся около трех часов, построил в более остром и критическом духе, чем письменный доклад. Напряженное или просто бедственное положение с продуктами питания и предмета потребления в стране он связывал с уменьшением сельскохозяйственного производства в 1959–1961 гг. и промышленного – в 1961 г.

В 1962 г. на рабочем совещании ЦК КПК с участием 7118 членов партии, т.е. фактически перед всей партийной номенклатурой, в присутствии Мао Цзэдуна Лю Шаоци в своем выступлении 27 января 1962 г. сказал: «В прошлом мы обычно, говоря о недостатках, ошибках, сопоставляя их с достижениями, отводили недостаткам и ошибкам десять процентов, а достижениям девяносто процентов. Пожалуй, в настоящее время просто невозможно повсеместно следовать этому шаблону. В ряде районов можно так говорить. ... Однако в масштабах всей страны, ... пожалуй, придется соотношение делать таким: тридцать процентов и семьдесят процентов. А в некоторых районах недостатки и ошибки не ограничиваются тридцатью процентами. ... Мне довелось побывать в одном месте в Хунани. Там крестьяне говорят: “на тридцать процентов виноваты стихийные бедствия, а на семьдесят процентов люди” (все несчастья приносит человек). И если мы не будем этого признавать, нам не удастся убедить людей. В стране в целом есть ряд районов, где можно говорить о том, что недостатки и ошибки – это главное, а достижения – это не главное». Лю Шаоци донес до участников совещания, а фактически до всей партии и до всей страны, главное обвинение в адрес Мао Цзэдуна. Причем вложил его в уста простого старого крестьянина. Судя по словам старого китайского крестьянина, которые процитировал в своем выступлении Лю Шаоци, в самых больших бедах китайского народа в годы КНР были на семьдесят процентов виноваты люди, т.е., в первую очередь, Мао Цзэдун.

Это было прямое несогласие с утверждением Мао Цзэдуна о том, что на девяносто процентов в несчастьях, т.е. тогда в массовом голоде и ужасающей смертности в результате политики «большого скачка» и «народных коммун», виноваты стихийные бедствия.

Этот тезис впоследствии активисты «культурной революции» поставили Лю Шаоци в вину, усмотрев в нем «атаку» на «большой скачок» и Мао Цзэдуна. Этот тезис, как можно судить по репликам Мао Цзэдуна, вызвал его недовольство. Одной из главных ошибок Лю Шаоци назвал сепаратизм, причем не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Другая крупная ошибка – попусту растрачиваемый энтузиазм масс (такое же мнение высказывал Пэн Дэхуай на Лушаньском совещании в 1959 г.).

В то же время Лю Шаоци не опротестовал генеральную линию партии, отметив, что она правильна, но ее «ошибочно и односторонне» проводили в жизнь. В качестве примера докладчик привел лозунг «больше, быстрее, лучше, экономнее», подчеркнув, что уделялось внимание только первым двум установкам из четырех – «больше и быстрее», либо акцентировалась количественная сторона дела, а качество и ассортимент игнорировались. Взял Лю Шаоци под защиту и линию «трех красных знамен», заявив, что следует продолжать борьбу за ее реализацию. Все это означало, что Лю Шаоци считал необходимым в условиях того времени считаться с упомянутыми теоретическими установками Мао Цзэдуна.

Главную ответственность за совершенные ошибки, считал Лю Шаоци, должен нести Центр (отделы ЦК, Госсовет и министерства), но ее доля лежит и на парткомах провинциального и более низкого уровня. Зная, что некоторые участники совещания недоумевают, почему за ошибки «правого толка» наказывают серьезнее, чем за «левацкие», Лю Шаоци заявил о существовании «левой» группировки в кавычках и левой – без кавычек. Первая «оторвалась от реальной жизни, от масс, действует опрометчиво, не считаясь ни с чем, идя напролом», может «неожиданно переходить от фанатизма в подавленное состояние». Такая группировка едва ли лучше, чем правая, но, дал понять Лю Шаоци, в борьбе с ними не следует впадать в излишнюю подозрительность. Он отметил прямую связь между ошибками и недостатками в работе и пренебрежением демократическим централизмом, «подавлением демократии». Докладчик убеждал руководящих работников не вести борьбу с теми, кто высказывает несогласие с их мнением, если это делается в рамках Устава.

Затронув вопрос о деле Пэн Дэхуая, Лю Шаоци фактически признал правомерность обращения Пэн Дэхуая к Мао Цзэдуну 14 июля 1959 г. с критическим письмом, «объяснив», что борьба с Пэн Дэхуаем вызвана не замечаниями последнего, многие из которых были верными, а его принадлежностью к «антипартийной группировке Гао Гана – Жао Шуши», якобы связанной с зарубежными недругами Китая (подразумевался Советский Союз), стремлением «узурпировать власть в партии».

Первый секретарь пекинского парткома КПК Пэн Чжэнь поднял вопрос о персональной ответственности высших руководителей страны за просчеты «большого скачка», возложив вину на Центр, включая Секретариат ЦК КПК, Мао Цзэдуна, Лю Шаоци и других членов Постоянного Комитета Политбюро. Он заявил, что нельзя говорить, будто у Мао Цзэдуна совсем нет ошибок – например, создание бесплатных столовых предложил он, и даже если он ошибся «на один процент или тысячную долю процента», было бы неправильно, если

бы он не выступил с самокритикой. Пэн Чжэнь был вторым, после Пэн Дэ-хуая, представителем высшего партийно-государственного руководства, кто заговорил о небезгрешности Мао Цзэдуна. На следующий день эта позиция Пэн Чжэня получила гневную отповедь в выступлении Чэнь Бода, настаивавшего на том, что «беспорядок в делах» создали соратники Мао Цзэдуна. Пэн Чжэнь в ответ заявлял, что имел в виду не умаление авторитета Мао Цзэдуна, а нежелательность создания у народа впечатления, что «всех других можно критиковать, а председателя Мао нельзя».

Поскольку на совещании фактически подверглись критике провалы «большого скачка», «злоупотребление доверием народа и партии», «падение авторитета ЦКП», и Мао Цзэдун имел основания принять эту критику на свой счет, участники ждали его выступления.

30 января 1962 г. Мао Цзэдун начал свое выступление, часть которого впервые была опубликована в открытой печати только в 1978 г., т.е. два года спустя после смерти Мао Цзэдуна, с того, что он «не понимает многих вопросов экономического строительства», «не очень хорошо разбирается в промышленности и транспорте», «в сельском хозяйстве понимает лишь немного», тогда как другие разбираются в этих вопросах лучше (были названы Лю Шаоци, Чэнь Юнь и Дэн Сяопин, упоминание о которых из закрытой публикации от февраля 1966 г. с согласия Мао Цзэдуна было удалено), Мао Цзэдун, тем не менее, тут же перенес свое «непонимание» экономики на безличное «мы» («экономика во многом остается для нас еще непознанным царством необходимости»). Он принял на себя ответственность «за недостатки и ошибки» в работе ЦК ЦКП (т.е. намекнул на недостатки и ошибки других руководителей ЦК партии), но не признал ошибочность курса «трех красных знамен». Одоблив ряд положений представленного Лю Шаоци доклада, в частности о демократическом централизме, Мао Цзэдун в толковании этого принципа сделал упор на «едином понимании действительности, единой политике, единых планах, едином руководстве, единых действиях на основе соединения воедино правильных мнений».

Мао Цзэдун заявил, что ряд кадровых работников был наказан ошибочно и необходимо «провести пересмотр их дел и восстановить справедливость». Затронув вопрос о Пэн Дэхуае, он объявил его главной виной «сколачивание тайной группировки». Внешне поддержав Лю Шаоци в осуждении «дергания за косы, навешивания ярлыков, избивания палками», он заявил о неизбежности «арестов и казней в небольших масштабах» — в противном случае «будет невозможно унять гнев народа», направленный против его врагов.

Характеризуя состояние партии, Мао Цзэдун заявил, что среди более чем 17 млн членов ЦКП, почти 80% которых вступили в нее после 1949 г., «есть лица, недостойные звания члена партии по своим личным качествам и по стилю работы» — «индивидуалисты, бюрократы, субъективисты и даже перерожденцы», «некоторые лишь носят звание коммуниста, а представляют буржуазию». Четыре–пять процентов населения страны он объявил «объектом диктатуры», против которого следует вести борьбу. «Свергнутые реакционные классы все еще пытаются возродиться. В социалистическом обществе

возможно также и зарождение новых буржуазных элементов. Короче говоря, на социалистическом этапе существует борьба одного класса против другого. Эта классовая борьба длительна, сложна, а временами до чрезвычайности остра», — подчеркнул Мао Цзэдун. Он призвал воспринимать «советских ревизионистов» как «учителей наоборот (т.е. как тех, кого следует осуждать за то, что они делают)», и из их ошибок «извлекать для себя уроки».

В поддержку Мао Цзэдуна 29 января выступил Линь Бяо. Политику «трех красных знамен» он определил как творческое порождение китайской революции, народа и партии, трудности последних двух—трех лет объявил временными, обусловленными недостатком опыта и «левыми» ошибками, допущенными вследствие недостаточно последовательного проведения в жизнь указаний Председателя Мао. Трудности он предложил считать «резонной платой за учебу», принесшей «большие дивиденды» в духовной сфере, которые обеспечат дальнейшее продвижение вперед «под руководством великого вождя».

Линь Бяо повторил выдвинутый Мао Цзэдуном тезис о неизбежности войны. Отвергнув «измышления» «ревизионистов (подразумевалась КПСС. — *Ред.*) о том, что ее можно избежать, а в случае ее развязывания она приведет к уничтожению человечества», он выразил убежденность в военной победе подлинных марксистов; Китай будет прилагать усилия к тому, чтобы не провоцировать войну, оттянуть ее начало, но если подвергнется агрессии, то будет вести «оборонительную войну с развитием наступления». Это была прямая поддержка позиции Мао Цзэдуна по вопросу о фатальной неизбежности мировой ядерной войны.

3 февраля на секции выступил Чжу Дэ, подчеркнувший, что «левый» уклон труднее распознать и пресечь, чем «правый». В отличие от Мао Цзэдуна, он призвал спланировать «не с 90% кадровых работников, а бороться за сплочение всех 100% кадров», настаивая на бережном отношении к ним. Чжу Дэ поддержал выступление Лю Шаоци, подвергнув критике действия методами принуждения и злоупотребления дисциплинарными взысканиями.

6 февраля выступил Дэн Сяопин (выступления его и Мао Цзэдуна были впервые опубликованы только в 1987 г.). Он полностью одобрил доклад Лю Шаоци и выступление Мао Цзэдуна, отметил «пять преимуществ, пять достоинств» КПК: наличие «хороших» руководящих идей («идей Мао Цзэдуна»), «хорошего» ЦК партии, возглавляемого Мао Цзэдуном, большого контингента «хороших» кадровых работников, «хороших» традиций и стиля работы (идеалов и воли при отсутствии «боязни чертей», т.е. надуманных препятствий), «хорошего народа», доверяющего КПК.

«Ослабление замечательных традиций партии» Дэн Сяопин отнес на счет «недостаточного изучения и непонимания идей Мао Цзэдуна». Среди недостатков работы последних лет он назвал «недостаточное внимание, уделяемое обследованию и изучению», «несоответствие действительности ряда выдвинутых лозунгов», «завышенные показатели», «грандиозные начинания», «левый» и «правый» уклоны в КПК, вред, нанесенный «большому контингенту партийных и беспартийных кадровых работников», несоблюдение принципов

демократического централизма в партии, «чрезмерное преследование провинившихся», процветание субъективизма, замалчивание правды и боязнь говорить правду, очковитительство, администрирование, сепаратизм. Предложил проводить собрания критики и самокритики партийным комитетам всех уровней не реже одного раза в квартал, выступать с критикой и замечаниями и в адрес ЦК и провинциального руководства (чтобы ликвидировать разобщенность между верхами и низами).

7 февраля выступил Чжоу Эньлай, который начал с «самокритики», признав ответственность Госсовета и его ведомств за недостатки и ошибки, допущенные в работе правительства из-за того, что некоторые документы, имеющие политический характер, утверждались и реализовывались без санкции ЦК (т.е. Мао Цзэдуна). Он «сознался» в том, что 26 августа 1959 г. на заседании ПК ВСНП наметил чрезмерно высокие темпы «скачка», а также составил проект документа, в котором на места передавалось слишком много прав, что создало условия для «сепаратизма» (т.е. в этом поддержал Лю Шаоци).

Чжоу Эньлай призвал наполовину сократить административный аппарат страны, разросшийся до 17,8 млн человек, а также уменьшить население городов и поселков. Для упорядочения положения дел в социально-экономической сфере премьер предложил также уменьшение поставок продовольствия государству; увеличение производства в сельском хозяйстве с упором на зерновые, хлопок и масличные культуры; наращивание производства в промышленности, в первую очередь для нужд городского рынка; улучшение снабжения городского рынка, сбалансирование доходов и расходов; сокращение фронта капитального строительства; осуществление всесторонней инвентаризации имущества и проверки складов; отказ от привилегий для кадровых работников. Нормализация ситуации в сфере финансов требовала также расплаты по внешнему долгу, который за 10 лет достиг 7 млрд 753 млн юаней. Из них к концу 1961 г. были выплачены 4 млрд 700 млн. К 1967 г. намечалось полное его погашение. Докладчик призвал сделать все возможное для выполнения международных обязательств КНР. Государство должно было оказать финансово-экономическую помощь зарубежным странам на сумму более 6,9 млрд юаней, 80% которых приходилось на КНДР, Вьетнам, Монголию и Албанию.

8 февраля 1962 г. на пленарном заседании вновь выступил Лю Шаоци, сделавший упор на проблемах осуществления «пролетарской демократии», главные из которых – запреты на свободное высказывание рабочими, крестьянами, представителями интеллигенции и патриотически настроенной буржуазии своего мнения. Он подчеркнул, что нельзя партией подменять правительство и профсоюзы, партийными съездами – ВСНП, парткомами – комитеты собраний народных представителей.

В выступлении Чэнь Юня 8 февраля на секции кадровых работников пров. Шэньси, посвященном главным образом стилю работы партийных кадров, был сделан упор на необходимость критики и самокритики, а ответственность за ошибки разделена между ЦК КПК и местными парткомами. Таким образом, рабочее совещание ЦК КПК начала 1962 г. подвело итог усилиям по

разработке концепции «урегулирования». С одной стороны, была разработана система мер, призванных снять напряженность социально-экономической ситуации в стране, с другой – наиболее радикальные из предлагавшихся ранее мер, такие как система «ответственности за поля», были дезавуированы, а в проведении политики «большого скачка» были усмотрены даже некие «духовные» достижения.

Упоминание о партийной демократии сопровождалось у Мао Цзэдуна плохо скрытыми угрозами в адрес несогласных с официальными лозунгами. При этом Мао Цзэдун декларативно и в самых общих выражениях принявший на себя ответственность за ошибки подчиненных, тем самым фактически возложил на них вину за кризис в стране и остался вне сферы критики.

Наряду с мнением о том, что вопрос о выходе из трудностей еще не разрешен, на совещании прозвучал и чрезмерно оптимистический тезис о том, что экономика начала поступательно развиваться, выходя из кризиса. Решения о реабилитации невинно пострадавших в ходе критики «правых» не привели к пересмотру дела Пэн Дэхуая, ложно обвиненного в поддержании «тайных связей с границей» (т.е. с СССР. – *Ред.*) и в попытках «узурпировать власть в партии».

С целью конкретизации плана мероприятий по «урегулированию» на 1962–1963 гг. 21–23 февраля 1962 г. в Пекине, в Западном флигеле (Силов) Чжуннаньхая, в отсутствие Мао Цзэдуна и Линь Бяо, под руководством Лю Шаоци было проведено расширенное совещание ПК Политбюро ЦК КПК по вопросам экономики и финансов, получившее известность как «совещание в Западном флигеле». На него были приглашены ряд членов Политбюро и некоторые ответственные работники сферы финансов.

В совещании приняли участие Чжоу Эньлай, Чэнь Юнь, Дэн Сяопин, Ли Фучунь, Ли Сяньнянь и другие члены Политбюро, находившиеся в Пекине. Были обсуждены вопросы общего состояния экономики и проблемы финансов, денежного обращения и рынка. По инициативе Лю Шаоци был рассмотрен вопрос об обнаруженной им систематической фальсификации отчетов об исполнении бюджета. 21 февраля 1962 г. Лю Шаоци заявил, что сведения о дефиците бюджета скрывались в течение нескольких лет. За период с 1958 г. по 1961 г. дефицит составил 18,03 млрд юаней. Лю Шаоци и другие участники совещания подвергли критике замалчивание дефицита бюджета как «порочную практику» и потребовали сбалансирования его доходной и расходной частей. Впоследствии, в годы «культурной революции», принципиальность Лю Шаоци, а также поддержавших его Чэнь Юня, Дэн Сяопина, Пэн Чжэня, стоила им обвинений в том, что они «прибегли к фальсификации» и завысили размеры дефицита государственного бюджета, пытаясь оказать давление на Мао Цзэдуна.

После «совещания в Западном флигеле» была восстановлена Группа при ЦК КПК по финансово-экономическим вопросам. Такая группа в разных составах создавалась дважды (в январе 1957 г. и в июне 1958 г.) под руководством Чэнь Юня для урегулирования напряженных ситуаций в экономике страны.

7 марта на первом заседании группы Чэнь Юнь заявил, что разработку десятилетней программы можно отсрочить и заняться пятилетним планом для решения насущных задач «восстановления». Он сосредоточился на проблемах сбалансированности экономики и нехватки продовольствия, ведущей к ухудшению состояния здоровья населения. В качестве неотложной меры он предложил добиться того, чтобы к концу 1963 г. каждый житель крупных и средних городов (60 млн человек) получал ежемесячно по 250 г рыбы и 250 г мяса, хотя бы за счет сокращения экспорта, и подверг критике односторонний упор на развитие черной металлургии.

Выступление Чэнь Юня было с одобрением встречено Лю Шаоци и Чжоу Эньлаем. Последний суммировал сказанное: «Прежде всего – продовольствие, одежда и потребительские товары; во вторую очередь, соблюдение последовательности: сельское хозяйство, легкая, а затем тяжелая промышленность и, наконец, цель – всеобщая сбалансированность экономики».

14 марта Лю Шаоци, Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин выехали в Ухань, где в то время находился Мао Цзэдун, и доложили ему о результатах «совещания в Западном флигеле». Мао Цзэдун не высказал возражений против предложения о разделении десятилетнего периода планирования на два этапа, согласился с восстановлением Группы при ЦК по финансово-экономическим вопросам и с назначением Чэнь Юня ее руководителем. Официально состав группы (тот же, что в 1958 г.) был утвержден 19 апреля 1962 г.: руководитель – Чэнь Юнь, его заместители – Ли Фучунь и Ли Сяньнянь, члены – Чжоу Эньлай, Тань Чжэньлинь, Бо Ибо, Ло Жуйцин, Чэн Цзыхуа, Гу Му, Яо Илин и Сюе Муцяо. Одновременно ЦК КПК создал специальную группу, ответственную за сокращение населения в городах и поселках, в состав которой входили Ян Шанкунь и Си Чжунсюнь.

25 марта Канцелярия финансов и торговли Госсовета представила ЦК КПК и Председателю КНР доклад, в котором сообщались сведения о дефиците бюджета за четыре года, начиная с 1958 г. Признавалась фальсификация цифр финансовых доходов, предлагались меры по ликвидации дефицита и сбалансированию доходов и расходов, в том числе уменьшение финансирования капитального строительства и обороны.

Наиболее остро в сфере организации экономики в 1962 г. стоял вопрос о производственной ответственности на селе.

13 февраля 1962 г. ЦК КПК издал директиву «Относительно вопроса об изменении основной расчетной единицы сельской народной коммуны», где в качестве такой единицы предлагалась производственная бригада. Если по поводу этого решения разногласий в руководстве страны не было, то эксперимент по закреплению производственной ответственности за отдельными дворами вызывал ожесточенные споры. Одним из самых убежденных сторонников эффективности применения этого вида производственной ответственности по-прежнему оставался Дэн Цзыхой. В феврале 1962 г., обследуя провинции Гуандун, Гуанси, Хунань и Хэнань, он убеждал местное начальство, что принципы *баочань даоху* и даже *фэньтянь даоху* («распределения полей между дворами») не означают «единоличного труда». Даже после того, как

приверженность подворному подряду стоила поста секретаря парткома Цзэн Шишэну, а те провинциальные руководители, которые внедряли систему закрепления производственной ответственности за отдельным двором, начали каяться в этой «ошибке» и принимать соответствующие запретительные решения. Дэн Цзыхой продолжал отстаивать подворную систему ответственности.

С конца мая и до середины июля 1962 г. Дэн Цзыхой по приглашению Управления тыла НОАК и Центральной партийной школы выступал с докладами о народных коммунах, по вопросам производства в сельском хозяйстве, подвергая критике ошибки «левого» толка.

Усилия Дэн Цзыхоя были поддержаны, в частности, Чэнь Юнем, Дэн Сяопином и Тянь Цзяином. В конце июня 1962 г. на заседании Секретариата ЦК КПК было заслушано сообщение канцелярии по работе в деревне Восточно-китайского бюро ЦК КПК об осуществлении системы «ответственности за земельные участки (за поля)» и «доведении заданий до отдельных дворов» в некоторых районах пров. Аньхой, пострадавших от стихийных бедствий. Тогда Дэн Сяопин, выступивший в поддержку Дэн Цзыхоя, сказал, сославшись на поговорку «товарищей из провинции Аньхой»: «Не важно, какого цвета кошка – черного или рыжего, любая кошка хороша – лишь бы она ловила мышей». Поговорку о кошке Дэн Сяопин напомнил и в выступлении 7 июля 1962 г. на 7-м пленуме ЦК КСМК 3-го созыва, тоже в связи с вопросом о двором подряда, но уже со ссылкой на сычуаньских крестьян и излюбленное присловье маршала Лю Бочэна (военачальника, у которого служил Дэн Сяопин).

Мао Цзэдун, считавший «дележ полей и единоличный труд» путем к развалу коллективного хозяйства и «китайским вариантом ревизионизма», тем не менее, в обстоятельствах того времени придерживался выжидательной позиции, открыто не оспаривая подкрепленные цифрами выводы и аргументы поступавших ему докладов о результатах обследований.

В обстановке выработки направлений и методов урегулирования приверженцы Мао Цзэдуна предпринимали усилия к тому, чтобы сохранить ореол непогрешимости его основных идейных установок и усилить идеологический контроль за важнейшими государственными институтами. Особое внимание уделялось армии, где после назначения Линь Бяо осенью 1959 г. министром обороны под лозунгом «очищения от влияния буржуазной военной линии Пэн Дэхуая и Хуан Кэчэна» проходила «чистка» командного состава и внедрялись новые направления политработы, укреплявшие культ Мао Цзэдуна.

С весны 1960 г. Линь Бяо стал насаждать в армии «стиль три и восемь» («три понятия» – твердое и правильное политическое направление, самоотверженность и скромность в работе, гибкая и маневренная стратегия и тактика; «восемь иероглифов» – сплоченность, оперативность, жизнерадостность), почерпнутый из арсенала Мао Цзэдуна конца 30-х годов. Параллельно в практику политработы вводилось заучивание бойцами «наиболее ярких» высказываний Мао Цзэдуна, пропагандировалась идея необязательности изучения работ классиков марксизма, коль скоро «высококлассные» произве-

дения Мао Цзэдуна являются «кратчайшим путем к марксизму-ленинизму». Начальник Главпура, секретарь ЦК КПК Тань Чжэн, считавший заучивание цитат «вульгаризацией» «идей Мао Цзэдуна», стал подвергаться систематическому давлению со стороны Линь Бяо и его сторонников. 9 сентября 1960 г. на совещании Постоянного комитета Военного совета ЦК КПК Главпур подвергся критике за недостаточное внимание к разъяснению вопросов «борьбы с ревизионизмом», стратегического курса и осуществлению стиля «три — восемь», а в октябре 1960 г. Военный совет принял решения «Об усилении политико-идеологической работы в НОАК» и «Об ошибках товарища Тань Чжэна». Среди «преступлений» и «ошибок» последнего назывались пропаганда тезиса о «мирном сосуществовании» в период пребывания Пэн Дэхуая во главе Министерства обороны, «пассивность» в отношении критики Пэн Дэхуая и Хуан Кэчэна и отсутствие «энтузиазма» в «освобождении от влияния» этих лиц в военной области. Тань Чжэну и руководству управления пропаганды Главпура вменялось в вину исключение слов Линь Бяо об «идеях Мао Цзэдуна» как «вершине» марксизма-ленинизма из «Записи высказываний маршала Линь Бяо о политико-воспитательной работе», изданной в октябре 1960 г. (их вновь вставили в текст брошюры только в 1964 г.), а также приостановка публикации в молодежном журнале «Чжунго циннянь» статьи, где Линь Бяо именовался «гениальным полководцем». В феврале 1961 г. Тань Чжэн был выведен из состава Постоянного Комитета Военного совета ЦК, понижен в должности до заместителя начальника Главпура, а на 10-м пленуме ЦК КПК в сентябре 1962 г. был выведен из состава Секретариата ЦК КПК и затем снят со всех военных постов.

С 1961 г. армейская газета «Цзефанцзюнь бао» из номера в номер стала публиковать в качестве эпиграфов изречения Мао Цзэдуна. Военнослужащие должны были вырезать из газет эти изречения и изготавливать самодельные цитатники. По указанию Линь Бяо управление пропаганды Главпура приняло решение об издании «подборки из работ Мао Цзэдуна», включавшей 12 статей и 10 отрывков. Такой материал должен был иметься в каждой роте для «творческого изучения и применения».

Кампания за внедрение стиля «три—восемь» к весне 1961 г. стала перерастать в движение рот «четырех “хорошо”» (достижение хороших результатов в идейно-политической работе, соблюдении стиля «три—восемь», боевая подготовка и налаживание быта личного состава). Активизировалось движение борьбы за звание «боец пяти “хорошо”», начатое еще в мае 1958 г. в соответствии с директивой Главпура (каждый военный должен был «переделявать себя, беря за образец председателя Мао», «читать его произведения», «слушать все, что говорит председатель Мао», «поступать в соответствии с его указаниями» и «стать его хорошим бойцом»). Для активизации движения «боец пяти “хорошо”» в роты было направлено более 50 тыс. политработников. К концу 1961 г., по данным Главпура, более 5 тыс. рот НОАК было присвоено звание «рот пяти “хорошо”», более 400 тыс. солдат получили звание «боец пяти “хорошо”». С конца 1961 г. в войсках стал вводиться институт политических инструкторов.

Преддверием будущей военизации жизни общества стали призывы к налаживанию работы с народным ополчением (*миньбин*), прозвучавшие в решении Военного совета ЦК «Об усилении идейно-политической работы в НОАК» от октября 1960 г. 13–16 марта 1961 г. Генштаб НОАК провел совещание с руководством военных округов и подокругов, где обсуждались вопросы работы с ополчением, а в июне было принято «Положение о работе с народным ополчением», заменившее «Временное положение» 1952 г. Ополчение подразделялось на «кадровое», в которое зачислялись мужчины и женщины в возрасте 18–25 лет, и «общее», куда входили мужчины до 50 и женщины до 32 лет. Кадровые ополченцы должны были проходить двухмесячную начальную подготовку, а затем обучаться по два часа ежедневно во внерабочее время. Все демобилизованные военнослужащие автоматически зачислялись в кадровое ополчение, которое вооружалось в небольшом количестве легким стрелковым оружием старых образцов.

В ходе крупномасштабных чисток в армии к 1 апреля 1962 г. освободилось значительное число командных должностей, на которые были назначены более 20 тыс. специально отобранных командиров НОАК. Была проведена широкая кампания по приему в КПК более 220 тыс. новых членов из числа рядового и младшего командного состава. К тому времени были сняты с постов три заместителя министра обороны, общее число заместителей министра было доведено до 10 человек. Произошли изменения и в Военном совете ЦК КПК – в его новом составе из 10 членов семеро активно поддерживали Линь Бяо.

2–27 февраля 1963 г. прошла Всеармейская конференция по политической работе, где было принято новое «Положение о политической работе в НОАК», утвердившее «идеи Мао Цзэдуна» в качестве «компаса» в строительстве армии и ее политической работе. В декабре 1963 г. Мао Цзэдун дал высокую оценку идеологической, политической и военной работе в армии, отметив, что она «шагнула далеко вперед, после того как товарищ Линь Бяо предложил использовать стиль “три–восемь”».

Политико-идеологические мероприятия, проводившиеся в НОАК в период «урегулирования», во многом подготовили арсенал методов политической и организационной работы, применявшихся во второй половине 60-х годов во время «культурной революции».

Усилия по «урегулированию» экономики

21 марта 1962 г. Лю Шаоци созвал Верховное государственное совещание с участием 158 человек, в том числе представителей демократических партий, где были обсуждены вопросы, выдвигавшиеся в повестку дня на предстоявшей 3-ей сессии ВСНП 2-го созыва. Лю Шаоци и Чжоу Эньлай выступили с сообщениями о положении в стране. Лю Шаоци заявил о том, что наиболее трудный период страной пройден, но указал на наличие серьезных трудностей, причины которых кроются как в стихийных бедствиях, так

и в допущенных с 1958 г. недостатках и ошибках в работе. Основными из них были названы недостаточный опыт в деле социалистического строительства, а также нескромность многих ответственных работников, настроения зазнайства и самодовольства, отрицание «традиционного стиля» партии, отсутствие желания искать истину в фактах, ослабление в КПК принципа демократического централизма. Прозвучало и заявление о том, что курс «трех красных знамен» необходимо поддерживать, и что заключение по поводу этого курса, возможно, будет сделано не ранее чем через пять – десять лет.

3-я сессия ВСНП 2-го созыва проходила с 27 марта по 16 апреля 1962 г. в Пекине. В работе приняли участие 1027 делегатов, присутствовали Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Дун Биу, Чжоу Эньлай и другие руководители страны. На сессии выступили 164 человека. Был заслушан и обсужден доклад Чжоу Эньлая о работе Госсовета. Докладчик, отметив успехи, достигнутые страной за последние годы, остановился на недостатках и ошибках в работе правительства. В докладе подчеркивалась необходимость осуществления «курса из восьми иероглифов», выдвигалось 10 задач «урегулирования» народного хозяйства в 1962 г.: 1) борьба за увеличение сельскохозяйственного производства, в первую очередь производства зерна, хлопка и масличных культур; 2) целесообразное планирование производства в тяжелой и легкой промышленности, всемерное увеличение производства товаров широкого потребления; 3) дальнейшее сокращение масштабов капитального строительства, направление материалов, оборудования и людских ресурсов туда, где они более всего необходимы; 4) сокращение численности населения городов и поселков, численности рабочих и служащих, направление тех из них, кто приехал из деревень, обратно в село для участия в сельскохозяйственном производстве; 5) инвентаризация складских запасов, проверка и определение капитала каждого предприятия, с тем чтобы использовать запасы материалов и средств там, где они наиболее необходимы; 7) всемерные усилия по выполнению внешнеторговых обязательств; 8) упорядочение и повышение качества работы в сфере культуры, просвещения, научных исследований и здравоохранения; 9) решительное претворение в жизнь курса на строительство страны в духе трудолюбия и бережливости, всемерное сокращение расходов и увеличение доходов; 10) улучшение работы по планированию, проведение комплексного сбалансирования отраслей народного хозяйства в следующем порядке: сельское хозяйство, легкая промышленность, тяжелая промышленность.

Чжоу Эньлай подчеркнул необходимость дальнейшего развития демократии и принципа демократического централизма, призывал к сплочению с трудовой интеллигенцией страны, подтвердил курс «пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые».

На сессии звучал также призыв крепить сплоченность, активно работать ради осуществления задач по «урегулированию народного хозяйства», бороться за создание сильного Китая с современной промышленностью, сельским хозяйством, наукой и культурой. В этом нашла свое выражение мысль Лю Шаоци о модернизации в упомянутых трех областях.

К тому времени по требованию ЦК с мест стали поступать доклады, протоколы, бюллетени совещаний, на которых обсуждалось выступление Чэнь Юня от 26 февраля 1962 г. В некоторых материалах анализировались собственные ошибки, в других выдвигались дополнительные предложения, мнения и замечания. Для более оперативного ознакомления работников на местах с мнением центра по выправлению экономического положения Лю Шаоци организовал группу из нескольких человек во главе с Дэн Лицюнем. Она, в частности, подготовила к изданию собрание основных выступлений Чэнь Юня объемом в 10 тыс. иероглифов.

2–4 апреля 1962 г. Финансово-экономическая группа ЦК КПК провела расширенное совещание с привлечением ответственных руководителей из заинтересованных ведомств и министерств Госсовета. На нем под руководством Чжоу Эньлая был доработан проект «Доклада Государственного планового комитета о плане урегулирования народного хозяйства на 1962 г.». В нем сообщалось об обнаружении в феврале 1962 г. огромного дефицита в финансовом бюджете страны, значительном пассивном сальдо между объемами поставляемых товаров и покупательной способностью населения, дисбалансе между промышленностью и сельским хозяйством, между отраслями промышленности, между накоплением и потреблением, между городом и деревней, между развитием культуры и образования и уровнем экономики. В разделе об отношениях промышленности и сельского хозяйства отмечалось, в частности, что если в 1961 г. валовая продукция промышленности возросла по сравнению с 1957 г. на 45%, то в сельском хозяйстве обстановка ухудшилась и его валовая продукция соответственно понизилась на 26%. Указывалось, что население городов неоправданно велико (несмотря на сокращение на 10 млн человек в 1961 г., оно перекрывало показатель 1957 г. – 99,5 млн человек – на 27,5 млн), общее число рабочих и служащих превышало уровень 1957 г. на 17 млн 240 тыс. человек (несмотря на сокращение на 8,7 млн). Признавались уменьшение рациона крестьянина, напряженное положение со снабжением городов. Выход из положения составители доклада видели в дальнейшем сокращении городского населения (на 12 млн человек в год) и увеличении сельскохозяйственного производства (ряд провинций – Сычуань, Хэйлунцзян и др., в прошлом являвшихся поставщиками зерна, превратились в его импортеры). В документе признавалась необходимость импорта зерна из-за границы в течение следующих нескольких лет, ставилась задача создания государственного запаса зерна. ЦК КПК принял решение созвать рабочее совещание, чтобы ознакомить руководящих работников с реальным положением дел в народном хозяйстве и с планировавшимися мерами по выходу из кризиса.

1 мая Мао Цзэдун прочел первую часть документа, в резолюции предложил сделать документ «более реалистичным» и взять его в качестве основы для обсуждения на майском совещании ЦК КПК с участием секретарей парткомов крупных регионов страны.

7–11 мая в столице под руководством Лю Шаоци ПК Политбюро ЦК КПК провел расширенное рабочее совещание, в котором приняли участие члены Политбюро и Секретариата ЦК, а также первые секретари региональных

бюро ЦК и ответственные сотрудники отделов ЦК, министерств и комитетов Госсовета КНР, отвечавшие за промышленность, транспорт, сельское и лесное хозяйство, финансы, культуру, образование и науку, всего 105 человек. Основным вопросом совещания было обсуждение «Доклада Государственного планового комитета о плане урегулирования народного хозяйства на 1962 г.».

Участники совещания были разделены на несколько секций и групп. По вопросам дальнейшего сокращения населения городов, сокращения количества рабочих и служащих, сокращения фронта промышленного производства, проведения в жизнь курса «сельское хозяйство, легкая промышленность, тяжелая промышленность» выступил председатель Госплана Ли Фучунь; по вопросу о производстве зерна и внешней торговле – заместитель премьера Ли Сяньнянь; о товарных ценах – министр торговли Яо Илин; о дальнейшем укреплении системы народных коммун – заведующий Отделом по работе в деревне Дэн Цзыхой; об укреплении «демократической диктатуры народа» – министр общественной безопасности Се Фучжи.

Чжоу Эньлай выступил с оценкой экономического положения страны и задач курса, а также по проблемам обеспечения зерном, иностранной валюты, рынка и сокращения аппарата; Дэн Сяопин – об основных направлениях работы, пересмотре заведенных дел и реабилитации, усилении руководящих звеньев в парткомах; Чжу Дэ – по проблемам работы в деревне.

Лю Шаоци подвел итоги экономической работы, констатировал, что период «урегулирования» может охватить всю третью пятилетку, обозначил основные направления предстоящей работы и признал, что «самый трудный период» в городах и сфере промышленности еще не завершился.

После обсуждения основного доклада большинство участников согласилось с представленным документом. Против «сгущения красок» в докладе выступил первый секретарь шанхайского горкома КПК Кэ Цинши, у которого нашлись сторонники.

Чжоу Эньлай на совещании дал предложения по сокращению количества рабочих и служащих и населения городов в рамках определенных ведомств, по уменьшению числа подразделений в конкретных ведомствах, срокам сокращения, последующему размещению и трудоустройству сокращаемых лиц. Было решено продолжить сокращение населения городов (за два года на 20 млн человек), а также числа городских рабочих и служащих (на 10 млн). Премьер отметил, что перемещение такого количества людей равносильно переселению целого государства средних размеров, что само по себе беспрецедентно.

Из 60 тыс. предприятий планировалось закрыть около 30 тыс. Масштабное сокращение населения городов, закрытие почти половины заводов и фабрик, снижение показателей производства вызвали сомнения ряда участников. Лю Шаоци и Чжоу Эньлай убеждали их, что эти меры будут содействовать укреплению сельского хозяйства, снижению потребления сырья и электроэнергии, себестоимости продукции, улучшению ее качества и расширению ассортимента, повышению производительности труда. Лю Шаоци предупреждал, что при сокращении количества учащихся в городах следует принимать

меры к предотвращению беспорядков, особенно в таких крупных центрах, как Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, Ухань, Шэньян, Харбин и Гуанчжоу.

В качестве первоочередных шагов по урегулированию экономики в 1962 г. предлагалось сосредоточиться на увеличении производства средств производства для нужд сельского хозяйства, увеличении производства предметов повседневного спроса, снижении большинства показателей по тяжелой промышленности на 5–20%, сокращении масштабов капитального строительства.

Ссылаясь на представленный совещанию доклад, Лю Шаоци предложил обсудить плановые показатели 1962 г., имея в виду возможность их снижения. Выступая 9 мая по вопросу о ситуации в сельском хозяйстве, Дэн Цзыхой сказал, что в деревне еще не полностью урегулирована ситуация с правами собственности, отметил пользу «малых свобод», лучшее состояние приусадебных участков по сравнению с крупными полями, отсутствие непосредственной опасности классовой дифференциации в деревне из-за распространения индивидуальных хозяйств (хотя такая опасность и возможна в будущем). Он предложил предоставлять членам коммун приусадебные участки дифференцированно, в среднем до двух му (один му равен 6,144 ара, т.е. 0,06144 га), от 2 до 4 му – не более чем 7% членов, а от 4 до 6 му и выше – не более 5% членов. Приусадебные участки, места для выпаса скота, арендованные участки, брошенные поля не должны были превышать 20% всей обрабатываемой площади коммуны. Эти 20% «малых свобод» ни в коей мере не являются проявлением капитализма, утверждал Дэн Цзыхой. Он предложил разрешить крестьянам в домашних условиях откармливать большее количество свиней, держать от одной до двух голов личного скота, а за «справедливое вознаграждение» использовать крестьянский тягловый скот на коллективных полях. В качестве положительного примера «социалистических единоличников» он привел уезд Луншэн пров. Гуанси, где в горной местности при скудости пахотных земель на 100 тыс. человек приходится 60% единоличных хозяйств. В подобных условиях он предлагал разрешать единоличное хозяйствование либо применять «систему закрепления производственного задания за отдельным двором». Увеличение площадей под выращивание фуража для скота, использование крестьянами целинных земель, земли по обочинам дорог, прудов, полей, каналов, по мнению Дэн Цзыхоя, будет стимулировать активность крестьян и укрепит коллективное хозяйство на селе.

Совещание, по рекомендации Лю Шаоци и Чжоу Эньлая, не приняло каких-либо конкретных документов по вопросам политики в деревне (вероятно, из-за опасений навлечь гнев Мао Цзэдуна). Были определены два центральных направления работы, предложенные Дэн Сяопином. В «Решении» ЦК КПК по докладу Финансово-экономической группы предлагалось «решительно сокращать фронт строительства и производства в промышленности, сокращать численность рабочих и служащих и население городов», «усилить руководство производственными бригадами народных коммун... оказывать помощь со стороны промышленности сельскохозяйственному производству, укреплять коллективное хозяйство в деревнях». Для этого предлагалось часть руководящих кадров направить на «работу по сокращению», другую часть –

на работу в деревню. По предложению Дэн Сяопина «Решением» по докладу Финансово-экономической группы орготдела ЦК КПК и провинциального звена обязывались направить «большую группу хороших кадровых работников для улучшения руководящих звеньев парткомов уездов, коммун и важнейших предприятий».

Отдельно Дэн Сяопин остановился на вопросе о пересмотре политических дел и реабилитации кадров. По неполным данным, в 23 из 28 провинций, городов центрального подчинения и автономных районов, а также в центральных ведомствах за несколько предыдущих лет были заведены дела на 8 млн 70 тыс. человек, в том числе 4 млн 330 тыс. членов КПК и кадровых работников и 3 млн 740 тыс. беспартийных. Помимо этого, более чем на 300 тыс. человек был «приклеен ярлык правого элемента».

Выступление Дэн Сяопина было выдержано в духе «Уведомления об ускорении темпов работы по пересмотру дел членов партии и кадровых работников», изданном 27 апреля 1962 г. при поддержке Дэн Сяопина. В «Уведомлении» отмечалось, что соответствующая работа, развернутая после принятия июньского 1961 г. «Указания» ЦК КПК, ведется крайне медленными темпами. Предписывалось перенести центр тяжести этой работы на сельские низовые кадры ниже уездного уровня, на которые приходилась основная масса репрессированных, а на следующем этапе осуществлять ее на более высоких уровнях. Предлагалось откомандировывать на места для ускорения этой работы работников вышестоящих парткомов, проводить ее также в учреждениях, учебных заведениях, заводах и рудниках, на предприятиях и в армии; несправедливо наказанным должны были приноситься извинения, указывалось, что руководящие органы более высокого уровня должны были публично признавать свою вину за допущенные ошибки.

В своем выступлении Дэн Сяопин связал производственные успехи с достижениями в области реабилитации кадров, приводя в пример пров. Шаньдун.

По обсуждавшемуся на майском 1962 г. рабочем совещании Политбюро ЦК КПК докладу и материалам совещания было подготовлено специальное «Указание ЦК КПК от 26 мая 1962 г.», в котором отмечалось «хорошее» политическое положение в стране при наличии серьезных трудностей в сфере экономики и финансов. Документ содержал призывы «правдиво сообщать» об этих трудностях, отмечал, что в некоторых районах и ведомствах самый трудный период еще не пройден и его преодоление еще потребует «довольно длительного времени».

Сообщалось о необходимости провести значительное сокращение числа штатов рабочих и служащих (на 10 млн человек), уменьшить численность городского населения (на 20 млн в течение двух лет; законсервировать капитальное строительство, снизить накопления, уменьшить более чем на две трети число строящихся объектов; провести сокращение производственных фондов по всем промышленным отраслям «путем закрытия, консервации, слияния, слияния предприятий или переключения» их на производство другой продукции там, где это необходимо, усилить такие слабые звенья, как добывающая, нефтяная и химическая отрасли, а также производство продук-

ции сельскохозяйственного назначения; укреплять и поддерживать сельское хозяйство людскими, материальными и финансовыми ресурсами, усиливать руководящий состав органов управления на селе; активнее проводить реабилитацию кадровых работников и членов партии, особенно на низовом уровне.

19 мая 1962 г. «Доклад Государственного планового комитета о плане урегулирования народного хозяйства на 1962 г.» и материалы майского совещания были направлены Мао Цзэду. После просмотра он направил их Чжоу Эньлаю для исполнения.

После совещания ускорилась работа по реабилитации и пересмотру дел репрессированных. Летом партийная группа Министерства образования и Секретариата ЦК КСМК направила в ЦК КПК доклад «Относительно работы по пересмотру дел учащихся высших учебных заведений». В нем говорилось, что с 1958 по 1961 г. были подвергнуты критике и наказанию около 150 тыс. (15%) студентов вузов. ЦК КПК 10 июля 1962 г. утвердил доклад, потребовав от партийных организаций улучшить и ускорить работу по пересмотру дел учащихся и их реабилитации, упростить соответствующие процедуры. Тогда же Отдел единого фронта ЦК КПК внес предложение «пересмотреть дела правых элементов, если этого просят они сами или члены их семей» и «полностью реабилитировать тех, кто был причислен к правым по ошибке», однако ЦК КПК тогда это предложение не поддержал.

Тем не менее, к концу августа 1962 г. в 23 провинциях, городах центрального подчинения и автономных районах было пересмотрено 6,95 млн дел, реабилитированы 86% репрессированных, среди них 3,65 млн дел членов партии и кадровых работников (84% репрессированных кадров). Были реабилитированы также 3,7 млн беспартийных граждан. Однако вскоре выдвинутый Мао Цзэду тезис об «обострении классовой борьбы» приостановил процесс реабилитации, особенно в верхнем эшелоне руководителей.

По итогам совещания были также намечены меры по упорядочению работы в сфере культуры, просвещения, научных исследований и здравоохранения.

Весной 1962 г. в Гуанчжоу было проведено два совещания: 16 февраля – Всекитайское совещание по научно-технической работе под руководством Не Жунчжэня (310 участников); 3–26 марта – Всекитайское совещание по вопросам оперно-драматического искусства и взрослой и детской драматургии (160 представителей творческой интеллигенции, драматургов и режиссеров). В работе этих совещаний участвовали руководители партии и государства – Чжоу Эньлай, Чэнь И, первый секретарь бюро ЦК КПК по Центрально-Южному Китаю Тао Чжу, а также руководители Союза писателей Шэнь Яньбин (Мао Дунь), Лао Шэ, Цао Юй и союза работников театра – Тянь Хань, Ян Ханьшэн, Линь Мохань и Чэнь Байчэнь. Представители интеллигенции были недовольны тем, что до сего дня их и их детей называли «буржуазной интеллигенцией». Этот вопрос был поднят перед Не Жунчжэнем и Чжоу Эньлаем. Последний, подвергнув критике «левый» уклон, возникший в период после 1957 г., заверил собравшихся, что «подавляющее большинство представителей интеллигенции включаются в разряд трудового народа». Compliments in address

интеллигенции прозвучали и в выступлениях Чэнь И 5 и 6 марта 1962 г. Он признал, что «большая часть интеллигенции уже является социалистической, народной интеллигенцией», «хозяевами страны». В то же время в ряде выступлений прозвучало недовольство тем, что те, кто откликается на призывы партии к широким дискуссиям, подвергаются проработкам.

Выступления представителей руководства партии в Гуанчжоу не означали единства мнений в ЦК КПК по поводу интеллигенции. Известно, что в 1962 г. Отдел пропаганды ЦК КПК подготовил документ «Социалистическая культурная революция и вопросы интеллигенции». Первую его часть подготовил заведующий Отделом пропаганды ЦК КПК Лу Динъи. Там «чуть более 30%» интеллигенции КНР было отнесено к ее «пролетарской» части, 30% – к «правой буржуазной», 30% – к «промежуточному звену буржуазной интеллигенции» и менее 10% – к «правому крылу буржуазной интеллигенции». В качестве примера Лу Динъи приводил руководителей Пекинского университета: из четырех проректоров к «правым» он причислял историка Цзянь Боцзяня, к «правым центристам» – Бо Ина. Однако в Отделе пропаганды ЦК не все были согласны с такой точкой зрения, и документ остался в архивах отдела. Мао Цзэдун в то время уклонялся от прямых высказываний по этому вопросу.

С 23 апреля по 21 мая 1962 г. проходило Всекитайское рабочее совещание Отдела единого фронта ЦК КПК. На нем выступил руководитель отдела Ли Вэйхань. Было признано, что, начиная с 1957 г., в работе отдела преобладала «левая» тенденция, которую необходимо исправить. В документе совещания призывали реабилитировать всех демократических деятелей, кто, начиная с 1958 г., был незаслуженно причислен к «правым» и подвергся критике. 26 июля 1962 г. Отдел единого фронта обратился в ЦК КПК с предложением ускорить процесс реабилитации, однако ЦК был против всеобщего характера этого процесса, предлагая проводить реабилитацию в индивидуальном порядке.

Вопросы об отдельных слоях общества, к которым предвзято относились власти КНР, поднимались также на Всекитайском совещании, проведенном Государственным комитетом по делам национальностей с 21 апреля по 29 мая, а также в докладе, направленном в ЦК КПК 25 мая партийной организацией Комитета по делам китайских эмигрантов. Предлагалось упорядочить отношения в религиозных кругах и среди торговцев, наладить работу с демократическими партиями, национальными меньшинствами, китайскими эмигрантами и патриотически настроенными деятелями, заняться реабилитацией тех, кто подвергся несправедливым наказаниям.

В это время Пэн Дэхуай потребовал пересмотра решения о нем, вынесенного Лушаньским пленумом 1959 г. Пэн Дэхуай ссылаясь при этом на то, что текущие официальные оценки сложившейся ситуации и предложения по ее исправлению совпадали с теми, которые некогда вменялись ему в вину. 16 июня 1962 г. его письмо, состоявшее из пяти частей объемом в 80 тыс. иероглифов, было отправлено в ЦК КПК и Мао Цзэдуну. Дэн Сяопин как ответственный за реабилитацию кадров передал копию этого (а не «первого») письма Пэн Дэхуая Лю Шаоци и Чжоу Эньлаю. Мао Цзэдун, которому должно было поступить письмо, заявил Лю Шаоци и Чжоу Эньлаю, что письма не

видел, и говорить на эту тему не захотел, после чего вопрос о Пэн Дэхуае не поднимался. Его последующие письма остались без ответа.

Сразу же после майского 1962 г. совещания решением ЦК КПК и Госсовета было создано несколько рабочих групп: по сокращению численности населения городов, рабочих и служащих (из работников Орготдела ЦК КПК и Министерства труда); по закрытию, переориентации и приостановлению деятельности предприятий промышленности (из сотрудников промышленных министерств); восстановлена Группа по производительным силам в сельском хозяйстве из работников Отдела ЦК КПК по работе в деревне, министерств сельского хозяйства и сельскохозяйственного машиностроения. Государственный плановый комитет и Государственный экономический комитет также выделили людей в эти группы.

Значительное внимание руководство страны уделяло проблемам в сфере распределения и ценообразования. Так, к лету 1962 г. развернулось движение по борьбе с приобретением товаров «с черного хода». Отделом единого фронта и Канцелярией по финансам и торговле ЦК КПК был подготовлен соответствующий доклад, в котором эта негативная тенденция объявлялась «отражением классовой борьбы», а те, кто приобретает товары «с черного хода» — «идушими по капиталистическому пути».

18 мая 1962 г. ЦК КПК и Госсовет КНР приняли «Решение о создании Всекитайского комитета по ценам», подчиненного Госсовету КНР. Его председателем был назначен Сюе Муцяо. На комитет возлагалась задача стабилизации и унификации цен в стране.

Планы радикального сокращения числа рабочих и служащих в городах, чреватые массовым недовольством населения, требовали внимания к соответствующей пропагандистской работе. ЦК КПК 21 мая издал директиву, требующую разъяснять населению состояние дел в народном хозяйстве страны и цели проводившихся мероприятий. В решении ЦК КПК и Госсовета «О дальнейшем сокращении численности рабочих и служащих и населения городов» от 27 мая 1962 г. уточнялось, что из 41,7 млн рабочих и служащих по состоянию на конец 1961 г. необходимо сократить 10,56–10,72 млн человек, а 120-миллионное население городов — на 20 млн сокращение, в основном в течение 1962–1963 гг., в первую очередь предполагалось проводить в промышленности, капитальном строительстве и на транспорте.

С апреля по июнь 1962 г. бывший заместитель министра иностранных дел Чжан Вэньтянь, с 1960 г. переведенный на научную работу в Институт экономики АН Китая, проводил обследование в провинциях Цзянсу, Чжэцзян, Хунань и в Шанхае. По возвращении он составил доклад «Некоторые соображения по вопросам рыночной торговли». В предыдущие годы политика в отношении рынков не отличалась постоянством. Рыночная свободная торговля была разрешена осенью 1956 г., однако вскоре запрещена. В мае–июне 1959 г. ЦК КПК издал специальные указания о восстановлении приусадебных участков и семейных промыслов, что привело к стихийному воссозданию рынков, и 23 сентября 1959 г. решением ЦК КПК и Госсовета КНР «Об организации сельскохозяйственных рынков» эта ситуация была узаконена.

Однако полностью решение не было реализовано, более того – в течение года имевшиеся рынки были закрыты. В принятых в ноябре 1960 г. «12 пунктах» вновь говорилось о необходимости восстановить свободные рынки, и к концу 1961 г. их было 41 437–99% от числа рынков, существовавших до «большого скачка» (в дальнейшем их число вновь стало сокращаться – до 38 666 в 1962 г. и 38 468 в 1963 г.).

В докладе Чжан Вэньтяня сообщалось о том, что крестьяне довольны открытием рынков, так как могут сбыть там свою продукцию и приобрести товары, которыми государство не может их снабдить, но не удовлетворены скудным ассортиментом товаров и существующими ограничениями на торговлю. Усматривая в рынках дополнительную возможность обмена материальными фондами внутри района и между районами, Чжан Вэньтянь считал местный рынок «центром экономической жизни данного района» и «составной частью рынка всего государства». Чжан Вэньтянь призывал активнее использовать кооперативные и семейные магазины, а также мелких торговцев и лоточников под «обязательным управлением и контролем государства», проводить разумную ценовую политику в рыночной торговле, предоставить организациям, отвечающим за торговлю на местах, больших прав, чтобы они «на основании изменения рыночной конъюнктуры на ярмарках и рынках» могли «своевременно регулировать соотношение цен на промышленные и сельскохозяйственные товары».

При обсуждении этого доклада в Институте экономики АН Китая мнения разделились, ряд коллег счел реализацию идей автора путем к «реставрации капитализма». 12 июня 1962 г. свой доклад Чжан Вэньтянь отослал в ЦК КПК и Мао Цзэду. Однако решительных мер по развитию местных рынков не последовало.

Тем не менее, мероприятия первых лет «урегулирования» дали определенные положительные результаты. Общий рост сельскохозяйственного производства в 1961 г. составил 22,3%, в 1962 г. – 4%. Сбор продовольственных культур в эти годы увеличился соответственно на 2,8% и 8,4%. Четвертая часть уездов страны восстановила либо превысила уровень сельскохозяйственного производства 1957 г. Средние доходы крестьян по стране в 1962 г. составляли 84,4% от уровня 1957 г.

Весьма настойчиво решались партийно-государственным аппаратом задачи пропагандистского характера. Одной из них было недопущение сомнений в принципиальной правоте Мао Цзэдуна как лидера партии. Наглядным примером насаждения культа личности Мао Цзэдуна являются «Лекции по истории КПК» для пекинских вузов, подготовленные в 1961 г. В книге его имя упоминается 1070 раз, а разъяснению и толкованию его работ уделяется треть текста – около 150 страниц. Авторы «Лекций» существенно превзошли сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)», который явно брали за образец. В «Кратком курсе» имена Ленина и Сталина были упомянуты соответственно 512 и 47 раз, а толкования их работ и цитаты из них занимали четверть объема книги – около 100 страниц.

В январе 1960 г. Секретариат ЦК КСМК принял решение о развертывании движения за изучение произведений Мао Цзэдуна. В решении подчеркива-

лось, что в ходе кампании следует использовать формулировку «изучать марксизм-ленинизм, изучать работы Мао Цзэдуна», а не «изучать марксизм-ленинизм, изучать идеи Мао Цзэдуна», дабы не противопоставлять последние марксизму-ленинизму. Первый секретарь ЦК КСМК Ху Яобан в феврале 1960 г. на XVII съезде Всекитайской федерации студентов выступил с докладом «Вооружиться идеями Мао Цзэдуна», призвав молодежь страны сделаться продолжателями дела коммунизма, вооружив себя идеями вождя. Однако он призывал молодежь в ходе кампании не устраивать соревнований – кто быстрее, делать упор на качество освоения идей вождя.

В условиях раздувания культа личности Мао Цзэдуна, чему помимо проявлявших наибольшую активность Кан Шэна и Линь Бяо содействовали и другие руководители КПК, осторожные призывы не подменять марксизм «идеями Мао Цзэдуна» были признаками противодействия наиболее одиозным формам культа. Так, Дэн Сяопин, выступая 25 марта 1960 г. в Тяньцзине, призывал бороться с вульгаризацией «идей Мао Цзэдуна». Он указал, в частности, на неуместность предпринимавшихся в то время попыток принять их в качестве программы изучения политической экономии, поскольку главные заслуги в этой области принадлежат Марксу и Энгельсу, а важнейшие теоретические проблемы капитализма и империализма были решены Лениным в работе «Империализм как высшая стадия капитализма». Дэн Сяопин подчеркнул, что хотя место и роль Мао Цзэдуна «отличаются от места и роли обычных членов коллективного руководства», это «ни в коей мере не должно быть причиной отделения тов. Мао Цзэдуна от ЦК партии».

Признаки умеренного противодействия росту культа личности содержатся и в некоторых сочинениях Лю Шаоци. Решение о подготовке его «Избранных произведений» к изданию Секретариат ЦК КПК принял осенью 1960 г. Ответственными за проект были назначены Кан Шэн и Чэнь Бода. Для подготовки материалов они организовали группу, в которую вошли работники аппарата ЦК КПК Сюй Лицунь, Сюн Фу, Яо Чжэнь, Дэн Лицунь и Ван Ли.

В ходе работы было решено издавать некоторые отдельные работы Лю Шаоци до завершения подготовки всего сборника. В частности, в новой редакции его сочинения «О работе коммуниста над собой», опубликованной 1 августа 1962 г. в журнале «Хунци», в главе «Быть достойными учениками Маркса и Ленина» имя Мао Цзэдуна в числе учеников не упоминалось. В то же время были усилены разделы и главы, посвященные критике «абсолютизирующего подхода» к внутрипартийной борьбе, в результате которого «кадрам партии наносятся тяжелые удары», «искусственно выискиваются объекты для ведения борьбы ради борьбы», осуждался культ личности. Содержавшиеся в предыдущей редакции обвинения в адрес Ван Мина теперь адресовались анонимным «некоторым товарищам»: «Ничего не смысля в марксизме-ленинизме или жонглируя марксистско-ленинской терминологией, они мнили себя “китайским Марксом” либо “китайским Лениным”... без зазрения совести требовали от членов нашей партии, чтобы их уважали как Маркса и Ленина, чтобы их поддерживали как “вождей”, чтобы к ним питали верность и любовь». В новой редакции эти выпады вполне могли быть отнесены к Мао

Цзэдуну. В то же время в отличие от старого издания, где имя Мао Цзэдуна не упоминалось ни разу, в новой редакции Мао и упоминался, и цитировался.

По мере некоторого улучшения ситуации в стране и внесения новых корректив во внутреннюю политику (предложение о закреплении производственных заданий за крестьянскими дворами и его реализация, начало реабилитации «правых», призывы к демократизации жизни страны, включая науку, образование, культуру и искусство, и т.п.) расхождения мнений по поводу собственного пути Китая к социализму приобретали все более отчетливый и непримиримый характер.

Столкновение тенденций. 1963–1965

Разногласия

С 25 июля по 24 августа 1962 г. в Бэйдайхэ проходило рабочее совещание ЦК КПК. В повестку дня первоначально входило обсуждение вопросов финансов, торговли, сельского хозяйства, включая проблемы обеспечения зерном и закрепления производственных заданий за крестьянскими дворами.

Целью совещания в Бэйдайхэ, которое перетекало в подготовительное совещание к 10-му пленуму ЦК КПК 8-го созыва, была выработка основных документов и материалов пленума.

На обсуждение участников были вынесены проект «Решения о дальнейшем укреплении коллективного хозяйства народных коммун и развитии сельскохозяйственного производства», исправленный проект «Правил работы народных коммун в деревне», первоначальный проект «Решения ЦК КПК и Госсовета КНР об улучшении работы системы торговли», «Решение ЦК КПК о плановых ротациях важнейших руководящих кадров партийного и административного аппарата», «Решение ЦК КПК по вопросу о продовольствии», а также вопросы цен и рынка.

По предложению Дэн Сяопина участники совещания были разделены на шесть крупных групп по регионам и несколько более мелких. Лю Шаоци предложил сформировать центральную группу в составе 23 человек из членов Политбюро, секретарей ЦК КПК и первых секретарей региональных бюро ЦК. На секциях в течение первых 10 дней (с 25 июля по 5 августа) обсуждались представленные документы. Мао Цзэдун на этом совещании был очень активен и выступал многократно. 6 августа, в первый день пленарных заседаний, он выделил три основных вопроса: о классах, обстановке и противоречиях в обществе.

Мао Цзэдун подверг критике точку зрения об отмирании классов в социалистическом обществе и превращении компартии в партию всего народа, которая получила распространение как в Китае, так и в «ревизионистских странах» (он имел в виду Советский Союз. – *Ред.*). Он заявил, что такой точки зрения всегда придерживалась буржуазия, «правые» и Сунь Ятсен. После завоевания власти рабочим классом как в Китае, так и в других странах на международной арене (в частности, он постоянно ссылаясь на положение в СССР) возникает «угроза ревизионизма» и «реставрации капитализма». В Китае эта угроза исходит от членов партии, представляющих мелкую буржуазию, «зажиточные элементы, выходцев из семей зажиточных крестьян и интеллигенции», а также «не перевоспитавшихся» гоминьдановцев. Он напоминал, что еще в 1957 г. дал определение источнику ревизионизма («внутренним источником ревизионизма являются остатки капитализма, а капитулянтство перед давлением со стороны империализма – его внешним источником») и предлагал это положение внести в «Декларацию

Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран» в Москве.

В закреплении производственных заданий за отдельными крестьянскими дворами, отдельными бригадами, в отношении подряда и разрешение единоличного хозяйствования ради увеличения производства, Мао Цзэдун видел «поветрие труда в одиночку» и «капиталистический путь» развития: «для этого не надо ждать и двух лет, расслоение начнется через год».

Под его давлением был подготовлен проект решения ЦК КПК «О правильном отношении к вопросу о труде в одиночку», который Мао Цзэдун лично отредактировал 1 августа 1962 г. В документе утверждалось, что в более чем 90% народных коммун коллективное хозяйство развивается по «здоровому пути», только в 10% возникло поветрие «труда в одиночку», и эта часть производственных бригад «находится в состоянии разложения». Такую ситуацию он назвал «борьбой двух путей в китайской деревне: капиталистического и социалистического», считая, что она будет продолжаться длительное время.

«Поветрие», по мнению Мао Цзэдуна, поддерживают «верхние слои крестьянства», «остатки помещиков, кулаков и буржуазии», «зажиточные слои середняков». В своих выступлениях он пугал участников совещания, с одной стороны, перспективой поляризации общества, усиления взяточничества и казнокрадства, ростовщичества, торговли землей, моральным разложением стяжателей, вплоть до приобретения наложниц, с другой — банкротства тех, кто будет вынужден выполнять государственные задания вместо «единоличников».

Главный сторонник закрепления заданий за дворами Дэн Цзыхой отстаивал свою позицию, приводя в качестве аргументов результаты обследований. Он подвергся критике и 11 августа на заседании центральной группы и был вынужден каяться в своих ошибках. Но качество самокритики не удовлетворило Мао Цзэдуна, который 12 августа обвинил Дэн Цзыхой в том, что тот «не связал своей деятельности с ошибочной линией 1950—1955 гг., когда он стоял на позициях буржуазных демократов, выступая против коллективизации сельского хозяйства, ратовал за то, чтобы в городе поддерживать класс капиталистов, а не пролетариат».

Мао Цзэдун обрушился и на «поветрие очернительства»: в «чрезмерных» «рассуждениях о трудностях», испытываемых страной, он увидел «идейную путаницу» и активность «чуждых элементов внутри партии». Присутствовавшие понимали, что эта критика направлена в первую очередь в адрес Лю Шаоци, Чэнь Юня и Дэн Цзыхой, которые в 1961—1962 гг. старались определить реальную ситуацию в стране. Мао Цзэдун считал, что почти все ошибки давно исправлены, а основную беду видел в «плохом урожае». Обсуждение переживаемых трудностей он счел попыткой оказать на него давление и заявил о намерении в качестве ответного шага «немного надавить» на инициаторов «поветрия очернительства».

Мао Цзэдун подверг резкой критике экономическую политику, за которую выступали Лю Шаоци, Чэнь Юнь, Ли Фучунь, Ли Сяньнянь, Бо Ибо, Дэн Цзыхой и другие реалистически мыслящие государственные деятели,

обвинил руководство министерств и ведомств, ведающих экономикой и финансами, в том, что они превратились в «независимые княжества», действуют, не испросив «указаний» и не отчитываясь перед ЦК (позже Мао Цзэдун критиковал два главных «независимых княжества»: Секретариат ЦК КПК во главе с Дэн Сяопином и Государственный плановый комитет во главе с заместителем премьера Госсовета, членом Политбюро ЦК КПК Ли Фучунем).

Еще одно «независимое княжество» Мао Цзэдун усмотрел в Орготделе ЦК КПК, которым заведовал сторонник Лю Шаоци Ань Цзывэнь. Но показанный доклад Орготдела от 29 июля 1962 г., в котором признавалось, что длительное время отдел не докладывал Председателю и Постоянному комитету Политбюро о своей работе, Мао Цзэдун встретил благосклонно, выразив надежду, что допущенные ошибки не приведут к серьезным нарушениям, и предложил распространить доклад среди участников совещания.

Жесткой критике Мао Цзэдун подверг Министерство торговли, назвав его «министерством разрушения». Ему вменялось в вину то, что некоторые виды продовольственной продукции, производство которых резко увеличилось в период «урегулирования», не попали под централизованные закупки, что якобы наносило «удар по коллективному хозяйству».

Ликвидацию «упаднических настроений», «идейной путаницы» и «кризиса веры» у кадровых работников Мао Цзэдун предлагал осуществить в течение нескольких лет посредством «перевоспитания» и организации «партийных школ», а путь к уничтожению «независимых княжеств» усмотрел в практике ротации кадров между центральными и местными ведомствами.

На совещании Мао Цзэдун предложил Кан Шэну возглавить группу по изучению экономики СССР, дабы доказать превращение Советского Союза в «ревизионистское государство».

Неоднократные выступления Мао Цзэдуна привели к изменению повестки дня совещания. В центр обсуждения был поставлен вопрос о классовой борьбе, а документы, готовившиеся к 10-му пленуму ЦК КПК, исправлялись в духе выступлений Мао Цзэдуна. Тема «ревизионизма», т.е. враждебного отношения к Советскому Союзу, и опасности этого «ревизионизма» для Китая, стала лейтмотивом подготовки к пленуму.

С 26 августа по 23 сентября было проведено совещание по подготовке к 10-му пленуму ЦК КПК 8-го созыва, продолжившее доработку проектов документов к этому форуму. При обсуждении вопроса о «поветрии реабилитации» на секциях 6 и 7 сентября была организована критика Пэн Дэхуая, а затем и заместителя премьера Госсовета КНР, члена ЦК КПК 8-го созыва Си Чжунсюня.

Очевидно, что вопрос о Пэн Дэхуае встал из-за его двух писем (от 16 июня и 22 августа 1962 г.) в адрес ЦК и Мао Цзэдуна. В первом из них содержалась просьба провести специальное расследование его дела. Мао Цзэдун предложил раздать участникам совещания копии писем для обсуждения на секциях. 11 августа 1962 г. Мао Цзэдун, выступая на совещании центральной группы, дал понять тщетность надежд Пэн Дэхуая на реабилитацию и поощрял нападки на него: «Не ветер с Востока довлеет над ветром с Запада, а ветер с Запада

довлеет над ветром с Востока. Пэн Дэхуай написал письмо, требует полного опровержения того, что говорилось раньше».

На подготовительном совещании в процессе критики «поветрия реабилитации» и Пэн Дэхуае встал вопрос и о Си Чжунсюне – в связи с романом «Лю Чжидань», отрывки из которого в период работы совещания в Бэйдайхэ стали печатать газеты «Гунжэнь жибао», «Гуанмин жибао» и молодежный журнал «Чжунго циннянь».

Герой китайской революции Лю Чжидань (1903–1936) был одним из руководителей коммунистического повстанческого движения в Северо-Западном Китае и погиб на посту заместителя командующего 15-й армейской группы Китайской Красной армии, прорывавшейся весной 1936 г. из пров. Шаньси на территорию революционной базы Шэньси – Ганьсу – Нинся. В романе о нем трактовки некоторых событий показались отдельным партийным руководителям, причастным к этим событиям, сомнительными; в частности, в романе была усмотрена апология Гао Гана. Поскольку консультантами в период написания романа выступал брат Лю Чжиданя – Лю Цзинфань (в 50-е годы – заместитель министра геологии) и работавшие в свое время на территории района Шэньси–Ганьсу–Нинся Цзя Тофу (в тот же период – министр легкой промышленности) и Си Чжунсюнь, критика обрушилась на них.

Главным противником публикации романа был первый секретарь парткома пров. Юньнань Янь Хуньянь. Его поддержал Кан Шэн, тоже усмотревший в романе попытку пересмотреть «дело Гао Гана».

8 сентября Янь Хуньянь выступил на заседании региональной группы Юго-Западного Китая с критикой новой книги, связав ее с кампанией «пересмотра дел». Вслед за тем во всех группах параллельно с нападка на Пэн Дэхуае развернулась критика романа «Лю Чжидань», в ходе которой Си Чжунсюнь, Цзя Тофу и Лю Цзинфань превратились в «антипартийную группировку», а наиболее рьяные критики заговорили даже об антипартийной группировке Пэн Дэхуае, Гао Гана и Си Чжунсюня, объявив роман ее «антипартийной программой».

На совещании были также подняты вопросы внешней политики КНР, в связи с чем развернулась критика заведующего Отделом ЦК КПК по международным связям, секретаря ЦК партии Ван Цзясяна.

В 1962 г. его отдел вырабатывал новую политику в отношении зарубежных коммунистических и рабочих партий. Она строилась на принципах, ранее провозглашенных Мао Цзэдуном: «Бороться за большинство, изолировать меньшинство, использовать противоречия, громить каждого поодиночке», «бороться за разрядку и сдерживание в ряде областей, сконцентрировав все силы на нанесении удара по главному врагу». Ван Цзясян считал необходимым избегать втягивания Китая в локальные войны, выступал за поддержание межгосударственных отношений с Советским Союзом, за более мягкую позицию в отношении США, за необходимость сесть за стол переговоров с Индией. Он выступал за реалистический подход к оказанию помощи другим странам, считал непосильными для КНР ее текущие объемы (в начале 1962 г. – более 6 900 млн юаней, в том числе 80% – социалистическим

странам: Вьетнаму, КНДР, МНР, Албании; остальное приходилось на Камбоджу, Пакистан, Непал, Египет, Цейлон, Йемен, Индонезию, Алжир, Кубу, Бирму, Лаос, Мали, Гану, Сирию и Сомали). Ван Цзясяну было приписано «поветрие» *сань хэ и шао* – «три примирения и одно уменьшение» (примирение с империализмом, с ревизионизмом и реакцией и уменьшение поддержки мировой революции). На рабочем совещании в Бэйдайхэ с критикой этого «поветрия» выступил, в частности, министр иностранных дел КНР Чэнь И (14 сентября, в группе Восточного Китая). Он указал на необходимость продолжения борьбы с «единым фронтом Кеннеди, Хрущева и Неру», призвал учитывать не только экономические интересы страны, но и политические. Мао Цзэдун оценил выступление Чэнь И как «очень хорошее». Впоследствии политику *сань хэ и шао* подвергал критике сам Мао Цзэдун (например, при встрече с руководителем КНДР Ким Ир Сеном 29 февраля 1964 г.), усматривая в ней «международную программу ревизионизма».

На совещаниях, проведенных в период подготовки к 10-му пленуму ЦК КПК 8-го созыва, впервые было отчетливо артикулировано мнение Мао Цзэдуна по поводу «внешней» и «внутренней» «угроз ревизионизма», с которыми он связывал неприемлемые для него политические и экономические решения. А критика романа «Лю Чжидань» стала преддверием развернувшейся в дальнейшем кампании критики писателей и литераторов, которые ассоциировались с неудобными политическими деятелями.

10-й пленум. 1962

24–27 сентября 1962 г. в Пекине прошел 10-й пленум ЦК КПК 8-го созыва. В первый день его работы, по предложению Кан Шэна, от участия в нем под тем предлогом, что их «дела» находятся в стадии расследования, были отстранены пять человек: Пэн Дэхуай, Си Чжунсюнь, Чжан Вэньтянь, Хуан Кэчэн и Чжоу Сяочжоу. До завершения «расследования» они не должны были подниматься на трибуну Тяньаньмэнь во время национальных праздников и присутствовать на важных совещаниях.

На пленуме выступили Чэнь Бода, Ли Сяньнянь, Дун Биу, Бо Ибо, Чжу Дэ, Лю Шаоци, Дэн Сяопин, Чжоу Эньлай, Кэ Цинши, Лю Ланьтао, Ли Сяньнянь, Ли Фучунь и Пэн Чжэнь.

Пленум вкратце обсудил обстановку внутри страны и на международной арене, а также стоявшие перед партией задачи. Мао Цзэдун дал указание ограничить продолжительность работы пленума тремя–пятью днями, сочтя, что на предыдущих совещаниях все «практические вопросы были подробно обсуждены». Все обсуждавшиеся в течение предыдущих двух месяцев проблемы он разделил на две группы: «вопросы работы» и «вопросы классовой борьбы».

В первой группе самыми важными он считал вопросы сельского хозяйства и торговли, менее значительными – вопросы промышленности и планирования,

отметив при этом, что «вопросы работы – это также и вопросы борьбы с буржуазной идеологией, борьбы марксизма-ленинизма с ревизионизмом». После обсуждения пленум принял 10 закрытых документов, важнейшими из которых были «Решение о дальнейшем укреплении коллективного хозяйства народных коммун и развитии сельскохозяйственного производства», «Правила работы народных коммун в деревне (исправленный проект)», «Решение ЦК КПК по вопросу о работе в сфере торговли», «Решение о планомерной и последовательной ротации ведущих кадровых работников различного ранга партийно-административного аппарата», «Решение относительно усиления работы контрольных органов партии» и «Решение по продовольственному вопросу». После пленума открыто было опубликовано только коммюнике.

Наиболее значительным документом было «Решение о дальнейшем укреплении коллективного хозяйства народных коммун и развитии сельскохозяйственного производства», определявшее основные положения долговременной (20–30 лет) политики в области сельского хозяйства и промышленности.

В качестве главного направления развития народного хозяйства подтверждался курс «народных коммун», вновь звучал призыв «выше поднять три красных знамени». Пагубность «большого скачка» не признавалась, спад производства был объявлен «результатом жестоких стихийных бедствий и *некоторых* (курсив мой. – В.У.) ошибок и недостатков, допущенных в нашей работе», причем эти ошибки и недостатки партия и Мао Цзэдун «со всей серьезностью осудили и решительно выправили».

Вместе с тем в «Решении» закреплялись в качестве долговременного курса многие из мер, предпринятых в 1960–1962 гг. и фактически дезавуировавшие политику «скачка». Так, была подвергнута критике «недооценка исключительно важного места, которое принадлежит сельскому хозяйству в деле строительства социализма», подтверждалась решимость проводить курс «сельское хозяйство в качестве основы». Все хозяйственные предприятия, научно-технические и культурно-просветительские учреждения, органы государственного планирования обязывались «повернуться лицом к деревне». От кадровых работников «Решение» требовало полностью «отдаваться работе», «избегать демагогии», «не допускать зазнайства, не увлекаться администрированием», «быть по-хозяйски расчетливыми» и увязывать «планы с практикой».

В документе указывалось на необходимость перераспределения капиталовложений между отраслями народного хозяйства в пользу аграрного сектора, рационального их использования. Выдвигалось требование «установить твердые нормы сельскохозяйственного налога и централизованных поставок продовольствия». Руководящим органам всех уровней запрещалось самовольно увеличивать размер налогов и «вводить разверстку» помимо официально установленных ставок налогообложения (включая основной и дополнительные налоги). Ставились задачи «учиться торговать», организовать «единый социалистический внутренний рынок», «повысить значение рыночной торговли», «получать сельскохозяйственную продукцию главным образом экономическим путем, а не за счет административного воздействия... развивать

товарный обмен между городом и деревней», «устанавливать рациональное соотношение цен на продукцию сельского хозяйства и промышленности» исходя из интересов крестьянства.

«Решение» предлагало вводить «систему производственной ответственности» на селе, придерживаться «гласности в финансовых делах», в определенные сроки обсуждать данные о распределении трудовой и продовольствия с членами коммун. Осуждались привилегии кадровых работников, предлагалось вести борьбу с коррупцией, сократить количество дополнительных трудовых, начисляемых кадровым работникам, пресекать их «попытки занять особое положение».

Не были обойдены вниманием и задачи идейно-воспитательной работы: «постоянно проводить социалистическое, патриотическое воспитание» крестьян и кадровых работников, «повышать пролетарское сознание членов партии, комсомольцев». ЦК КПК и парткомам провинций, автономных районов и городов было предложено откомандировывать кадровых работников на места на длительное время, проводить переподготовку кадровых работников коммун.

«Правила работы народных коммун в деревне (исправленный проект)» были выработаны на основе «60 пунктов», принятых в 1961 г., с рядом дополнений и исправлений. В коммунах выделялись три или две ступени собственности – коммуна, большая производственная бригада и производственная бригада, последняя становилась официально основной расчетной единицей в составе коммуны, т.е. за ней закреплялось право собственности на средства производства, она должна была осуществлять самостоятельное хозяйствование, нести ответственность за прибыль и убытки, непосредственно заниматься организацией производства и организовывать распределение дохода. Данная система объявлялась неизменной «по меньшей мере» на ближайшие 30 лет. Регламентация прав и обязанностей производственной бригады была важнейшим изменением, внесенным в «60 пунктов». «Правила» должны были убедить крестьян в неизменности определявшегося ими порядка на длительный период и затруднить возврат к новой «коммунизации». Они были отменены только в 1978 г.

В документе оговаривались размеры производственных бригад – в обычном случае 20–30 крестьянских дворов, что должно было соответствовать масштабам производственного кооператива низшего типа в недавнем прошлом (хотя такие кооперативы могли насчитывать и значительно больше дворов – около полутора сотен). Большие производственные бригады по размерам были примерно равны производственным кооперативам высшего типа. Вся земля, ранее выделенная для производственной бригады, рабочий скот и сельскохозяйственные орудия передавались в собственность бригады. Запрещалось без согласия бригады перемещать рабочую силу, скот и сельскохозяйственные орудия; леса, водоемы и пастбища, находящиеся на территории бригады, признавались ее собственностью. Производственные бригады могли поручать уход за отдельно растущими плодовыми деревьями своим членам и заключать с ними договоры о порядке распределения урожая с этих деревьев,

либо передать деревья в личную собственность крестьян. Лесные участки, принадлежавшие коммуне, передавались в собственность бригадам. Запрещалась аренда, купля и продажа земли, принадлежавшей бригадам, в том числе участков земли и склонов холмов, находящихся в личном пользовании, а также земли, занятой под индивидуальные постройки.

Если несколько больших или производственных бригад принимали участие в строительстве ирригационных и других капитальных сооружений, то, согласно «Правилам», эти бригады сообща, под руководством и при участии правления коммуны, должны были формировать аппарат управления объектами и заключать соглашение о совместном управлении ими и их эксплуатации.

Отдельная глава была посвящена «поощрению развития членами коммун домашних подсобных промыслов», которые определялись как составная часть социалистической экономики. Членам коммун разрешалось иметь приусадебный участок, общая площадь которого не должна была превышать 5–7% всей площади обрабатываемых земель в производственной бригаде (ранее размеры приусадебного участка определялись в 2–5% площади земли, приходившейся в среднем на каждого жителя данной деревни, – согласно решению 6-го пленума ЦК КПК 7-го созыва 1955 г.; не более чем в 5%, но в зависимости от состава семьи, – по «Примерному уставу сельскохозяйственного производственного кооператива высшего типа»; мог составлять до 10% обрабатываемой площади, приходившейся на человека, – в решении ПК ВСНП от июня 1957 г., однако реально размеры приусадебных участков были меньше официально допустимых). Разрешалось выделять в пользование члена коммуны дополнительно небольшие участки земли (зброшенные или пустующие) для выращивания кормовых культур с целью разведения свиней и обеспечения, таким образом, коллективного хозяйства удобрениями. Продукты и доходы, получаемые членами коммуны от занятий домашним подсобным промыслом, не облагались сельскохозяйственным налогом, на них не распространялся план централизованных закупок, признавались их личной собственностью, которой члены коммуны могли распоряжаться по своему усмотрению.

Подтверждался принцип оплаты по труду, подвергалось критике уравнительное распределение. Предусматривалось «уменьшение до надлежащего уровня» налога и государственных закупок зерна, снижения «резервного фонда» до 1–2% количества зерна, оставшегося в бригаде после выполнения государственных заданий, а «фонда общественных накоплений» – до 3–5% общего объема прибыли бригады. Документ требовал улучшить механизм управления хозяйством: сокращать число кадровых работников, не участвующих или частично участвующих в производстве, снижать количество трудоединиц, дополнительно начисляемых кадровым работникам, расходы на их командировки для участия в совещаниях вышестоящих органов возлагались на приглашающую сторону. Регламентировалась продолжительность труда кадровых работников на полях: от 60 дней в году (кадры коммун) до 120 дней (кадры производственной бригады). Специальная глава была посвящена правам и обязанностям органов контроля коммуны. Им вменялось в обязанность выявлять случаи подкупа, взяточничества, расточительства, излишеств

в потреблении, погони за личной выгодой, хищения и порчи общественного имущества, проверять, правильно ли ведутся приходно-расходные финансовые операции, контролировать поступление и расходование средств в денежном или любом другом выражении, коллективных фондов; разбирать дела, связанные с тяжбами, а также жалобами членов коммун. Комитет контроля производственной бригады или контролер производственной бригады должны были осуществлять свою деятельность под руководством комитета контроля коммуны, последний подчинялся уездному комитету. Кадровые работники органов управления коммуны всех ступеней, бухгалтеры, кассиры, кладовщики, а также управленческий персонал производственных подразделений, находящихся в ведении коммуны или производственной бригады, не имели права входить в состав контрольных комитетов.

Партийная организация коммуны признавалась низовой организацией КПК в сельской местности. Воспитанию и обучению кадровых работников коммуны, прежде всего уровня бригад, отводилось главное место в работе парторганизаций. Им предписывалось всемерно пропагандировать курс «трех красных знамен», учить членов партии и КСМК «правильно проводить классовую линию партии в деревне».

В указанных двух документах подчеркивалась необходимость разукрупнения сельских народных коммун (до границ бывших волостей). Административным органом народной коммуны объявлялся волостной (*сян*) народный совет (волостное народное правительство).

По официальным данным, на октябрь 1962 г. в КНР насчитывалась 71 551 сельская народная коммуна, 713 385 больших производственных бригад и 5 468 244 производственные бригады. Большая производственная бригада в среднем имела в своем составе 7,6 производственных бригад, производственная бригада в среднем насчитывала 23,6 двора. Всего по стране насчитывалось 5 219 516 основных хозрасчетных единиц. Среди них было 5 161 617 производственных бригад (98,8% сельских хозрасчетных единиц), 41 678 большие производственные бригады, 77 коммун, а 16 144 хозрасчетные единицы принадлежали совместно большой производственной бригаде и производственной бригаде.

В целом принятие указанных двух документов давало большую хозяйственную самостоятельность производственным бригадам, восстанавливало в определенных пределах принцип материальной заинтересованности как коллективов, так и отдельного работника. Возвращение членам коммуны приусадебных участков, выделение неудобий под выращивание кормовых культур, разрешение подсобных промыслов, открытие свободных рынков должно было стимулировать хозяйственную инициативу крестьян. Однако в целом «60 пунктов» по сельскому хозяйству были шагом назад по сравнению с «подворным подрядом», получившим распространение в 1961–1962 гг. Передача хозрасчетных прав от большой производственной бригады производственной бригаде осуществлялась не последовательно и местами даже саботировалась.

«Решение по вопросу о работе в сфере торговли» было принято, как явствовало из материалов совещания в Бэйдайхэ, по требованию Мао Цзэдуна.

В документе говорилось о необходимости развития трех видов торговли: государственной, кооперативной и рыночной, указывалось, что работа в сфере торговли должна служить интересам сельскохозяйственного и промышленного производства. Торговля нацеливалась на улучшение товарообмена между сельским хозяйством и промышленностью, деревней и городом, обеспечения деревни средствами производства, промышленности – сырьем, населения городов и сел – товарами первой необходимости. Государственная торговля определялась как основной вид товарообмена, кооперативная – как вспомогательный, а рыночная – как их «необходимое дополнение». Таким образом, данный документ санкционировал минимально необходимые каналы товарообмена, запрещенные в годы «скачка».

27 сентября 1962 г. пленум принял «Решение о планомерной и последовательной ротации ведущих руководящих кадровых работников партийного и государственного аппарата» из восьми пунктов. Оно реализовало предложение Мао Цзэдуна о ротации кадров между центральными и местными ведомствами. Такая практика объяснялась интересами осуществления «демократического централизма», «усиления коллективного руководства», «расширения кругозора» кадровых работников, «всестороннего обмена опытом и его обобщения» и «повышения уровня руководства». Основным объектом ротации должны были стать партийные кадровые работники, занимающие ведущие руководящие должности в государственных учреждениях и парткомах от уровня уезда и выше. Ротации не подлежали лица, не являющиеся членами партии, рядовые кадровые работники общественных и народных организаций, технические специалисты высокого класса. Планы по ротации кадров учреждений уровня ЦК должны после обсуждения различными отделами утверждаться Орготделом ЦК. Оговаривалась зависимость сохранения в ходе ротации прежнего должностного уровня либо понижения в должности при сохранении прежней зарплаты от потребностей местных органов.

В тот же день было принято «Решение 10-го пленума ЦК КПК 8-го созыва относительно усиления контрольных органов партии». Как объяснялось в документе, его цель – «обеспечить строгое выполнение всеми членами партии Устава КПК, осуществления линии, курса и политики ЦК партии, его решений». В условиях фактического отсутствия государственной системы контрольных органов (в 1959 г. было ликвидировано Министерство контроля, созданное в 1954 г. вместо органа более высокого уровня – Комитета народного контроля КНР, а затем были распущены контрольные органы уездного звена) их функции в значительной степени возлагались на партийные органы. В «Решении» 1962 г. ставилась задача усилить контроль над соблюдением членами партии, в первую очередь кадровыми работниками, не только партийной дисциплины и норм коммунистической морали, но и государственных законов и указов. Предполагалось увеличение штатов контрольных органов партии, дополнительное кооптирование членов и кандидатов в члены Центральной комиссии партийного контроля, проведение выборов, довыборов и перевыборов в местные комиссии партийного контроля на провинциальном, окружном, уездном и городском уровнях.

Большинство членов и кандидатов в члены Центральной комиссии партийного контроля и местных контрольных комиссий должны были рассматривать работу в комиссии как свою основную деятельность. Под руководством Центральной комиссии должны были работать также «контрольные группы» из состава ведомств, подчиненных Госсовету КНР, возглавляемые лицами в ранге министров и заведующих отделами Госсовета. Аналогичные группы могли направляться провинциальными контрольными органами партии в отделы и ведомства, находящиеся в прямом подчинении провинциальных народных комитетов. Комитеты партийного контроля имели право непосредственного доклада в вышестоящие парткомы и комиссии партийного контроля.

5 октября был обнародован персональный состав Центральной комиссии партийного контроля, секретарем комиссии стал Дун Биу.

На пленуме вновь был поднят вопрос о романе «Лю Чжидань». Мао Цзэдун огласил записку Кан Шэна «Использование романа в целях антипартийной деятельности – это большое открытие», определив «эзопов язык», к которому прибегают некоторые авторы исторических пьес и романов, как средство воздействия на общественное мнение и работу в области идеологии, и использующееся контрреволюционными классами. Это выступление подстегнуло критику Си Чжунсюня, Цзя Тофу и Лю Цзинфаня как «антипартийной группы Северо-Западного Китая». Их обвиняли в попытке пересмотра «дел» Гао Гана и Пэн Дэхуая. По мнению критиков, в романе Лю Чжидань изображен мудрее и дальновиднее Председателя Мао, революционная база Шэньси–Ганьсу представлена более значительной, чем база Цзинганшань, где действовал Мао Цзэдун.

27 сентября 1962 г. был создан «Специальный комитет по расследованию дела тов. Си Чжунсюня» из 20 человек во главе с Кан Шэном. Он выделил в составе комитета группу по расследованию написания рукописи романа «Лю Чжидань» и две спецгруппы – по делу Си Чжунсюня и по делу Лю Цзинфаня. Тезис об «использовании романов в антипартийной деятельности», прозвучавший на пленуме, знаменовал новый этап развития «литературной инквизиции» как средства политической борьбы Мао Цзэдуна против тех, кого он считал своими противниками.

Одновременно на пленарных заседаниях и совещаниях в секциях продолжалась критика Пэн Дэхуая и его сторонников: Хуан Кэчэна, Чжан Вэньтяня, Чжоу Сяочжоу, Тань Чжэна, Дэн Хуа, Гань Сыци, Хун Сюечжи. Мао Цзэдун увязал нападки на них с «борьбой между марксизмом и ревизионизмом», критикой политики Н.С. Хрущева и «трех поветрий» (единоличного хозяйствования, очернительства и реабилитации).

В связи с критикой «поветрия единоличного хозяйствования» на пленуме подвергся нападкам заведующий Отделом ЦК КПК по работе в деревне Дэн Цзыхой. Ряд выступавших обвинили его в «осуществлении капитализма» и «моральной неготовности к социалистической революции», напомнив, что в 1950–1957 гг. он якобы «стоял на позициях буржуазного демократа», выступал против создания коллективных хозяйств на селе. 27 октября 1962 г. Дэн Цзыхой был освобожден от должности заведующего Канцелярией сельского

и лесного хозяйства Госсовета КНР, а 9 ноября – от должности заведующего Отделом по работе в деревне ЦК КПК, отдел был распушен.

«Дело о романе “Лю Чжидань”» («попытка реабилитации Гао Гана») и вопрос о пересмотре «дела Пэн Дэхуая» стали для Мао Цзэдуна поводом для рассуждений о «неправильном», «огульном» осуществлении реабилитации, когда «реабилитируют тех, кто действительно виноват, а тех, кто не виноват, не реабилитируют». Тем самым был дан сигнал о приостановке начавшегося процесса реабилитации. 27 сентября пленум принял решение создать «специальный комитет по расследованию дела Пэн Дэхуая».

«Три поветрия» Мао Цзэдун объяснял распространением противостояния капиталистического и социалистического пути на верхние эшелоны партии. На пленуме Мао Цзэдун выдвинул тезис, который почти постоянно повторяли органы пропаганды КНР в 1966–1976 гг.: «о существовании на историческом этапе социализма классов, классовых противоречий и классовой борьбы, носящей длительный и сложный характер; борьбы между двумя путями – социалистическим и капиталистическим – и опасности реставрации капитализма». Этот тезис он подкреплял ссылками на В.И.Ленина и современное положение в социалистических странах, например, в «ревизионистских» СССР и Югославии, призывая повышать бдительность, «правильно понимать и разрешать вопрос о классовых противоречиях и классовой борьбе, правильно различать и разрешать противоречия между нами и нашими врагами и противоречия внутри народа», «каждый год, каждый месяц и каждый день» напоминать об опасности «реставрации», «на практике выдвинуть идею о необходимости “взять классовую борьбу в качестве программы”», заменить определение «правый оппортунизм» на «китайский ревизионизм».

Резкие заявления Мао Цзэдуна, прозвучавшие на пленуме, побудили Лю Шаоци задать вопрос: не повлияет ли упор на классовую борьбу на урегулирование экономики? Его обеспокоенность разделяли и другие участники пленума. В ответ Мао Цзэдун заявил о необходимости извлечь уроки из борьбы с «правыми», которая велась в 1959 г., когда вынужденный, с точки зрения Мао Цзэдуна, отпор Пэн Дэхуаю отвлек партию от хозяйственных вопросов, и «обратить внимание местных отраслевых органов» на то, что работа по урегулированию экономики должна стоять на первом месте: «Нельзя допускать, чтобы классовая борьба мешала нашей работе». На деле положение о «классовой борьбе как программе» действий на многие годы стало для политики КПК определяющим.

Мао Цзэдун включил в Коммюнике 10-го пленума ЦК КПК тезис о «важном историческом значении» Лушаньского пленума 1959 г., якобы «отстоявшего линию партии и победоносно разгромившего наступление правого оппортунизма, т.е. ревизионизма». Он также вписал в Коммюнике положение о неизбежности классовой борьбы на этапе «перехода от капитализма к коммунизму», который может занимать несколько десятков лет и даже более длительный период. «Свергнутые реакционные классы не соглашаются со своим уничтожением, они всегда пытаются осуществить реставрацию»; эта угроза подкрепляется «буржуазным влиянием и силой привычки старого общества»,

тенденцией к появлению «стихийного капитализма», которая коренится в среде мелких производителей; «несколько процентов населения», не получившие социалистического воспитания, непременно попробуют воспользоваться случаем, чтобы сойти с социалистического пути и встать на капиталистический. «В такой обстановке классовая борьба неизбежна. Это исторический закон, открытый марксизмом-ленинизмом, мы никогда не должны забывать о классовой борьбе». В Коммюнике признавался чрезвычайно сложный, «зигзагообразный» характер классовой борьбы и ее ожесточенность. Социальным источником «ревизионизма» в КПК были названы давление со стороны зарубежного империализма и «капиталистическое влияние», сохраняющееся внутри страны.

Официальная партийная оценка высказанным на пленуме взглядам Мао Цзэдуна была дана в 1981 г. в «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени основания КНР». Согласно этому документу, Мао Цзэдун «переоценил и абсолютизировал серьезность классовой борьбы, существовавшей в известных пределах в социалистическом обществе, развив выдвинутое им после борьбы против “правых элементов” в 1957 г. положение о том, что противоречие между пролетариатом и буржуазией по-прежнему является главным противоречием нашего общества».

Выступая 26 сентября 1962 г. на закрытии пленума, Лю Шаоци поддержал Мао Цзэдуна. Членов партии он разделил на три группы в зависимости от позиции, занимаемой «перед лицом трудностей». Первые, занимающие «правильную» позицию и составляющие подавляющее большинство, «настойчиво отстаивают социалистический путь», нацелены на «решительное преодоление трудностей, поддержку Председателя Мао и революционного пути ЦК КПК». Вторые, как Дэн Цзыхой, «пугаются перед лицом трудностей и отбрасывают социалистический путь, пытаются назад, к единоличному хозяйству»; это «позиция колеблющихся, неустойчивых, утративших веру, не понимающих марксизма-ленинизма» (Мао Цзэдун по этому поводу отметил, что такие люди еще могут изменить свое мировоззрение). Третьи, подобно Пэн Дэхуаю и Си Чжунсюню, «используют временные трудности с целью атаки на партию», «пытаются свергнуть марксистско-ленинское руководство ЦК и Председателя Мао», т.е. занимают «враждебную позицию». Пытаясь отвести от себя обвинения в чрезмерном акценте на трудностях, Лю Шаоци согласился, что «пик трудностей уже прошел» и «начался поворот к лучшему», однако прибег к лавированию, заявив, что в пропагандистских целях «следует продолжать акцентировать определенное внимание» на нерешенных проблемах.

Тем не менее, Лю Шаоци повторил свое предложение (впервые прозвучавшее на совещании в Бэйдайхэ) ограничить распространение информации о критике в адрес Пэн Дэхуая, Си Чжунсюня и Дэн Цзыхоя только высшими эшелонами партийного руководства, без передачи этих сведений в низовые организации. Он сослался на то, что перенос критики «правого оппортунизма» Пэн Дэхуая после 1959 г. на низовой уровень мешал исправлению «левых» перегибов. Это предложение было принято.

На пленуме был официально подтвержден вывод из Секретариата ЦК КПК двух сторонников Пэн Дэхуая: Хуан Кэчэна (фактически это произошло в 1959 г.) и Тань Чжэна (в 1961 г.). В Секретариат ЦК КПК были введены Лу Динъи, Ло Жуйцин и Кан Шэн.

Выступление Мао Цзэдуна и Коммюнике пленума свидетельствовали о том, что Мао Цзэдун пересмотрел свои взгляды на длительность перехода от капитализма к коммунизму: если в 1958 г. он оценивал ее в 15–20 лет, а к началу 1960 г. увеличил до 40 лет, то на 10-ом пленуме речь шла о периоде от «нескольких десятков до ста лет» (позднее, в 1964 г., – уже от ста до нескольких сотен лет). Были также изменены хронологические рамки перехода коллективной собственности во всенародную: в августе 1958 г. говорилось о трех–четырёх либо пяти–шести годах; в июле 1960 г. на совещании в Бэйдайхэ указывалось, что производственная бригада останется основной расчетной единицей и, по крайней мере, в течение пяти лет; в «12 экстренных указаниях» от 3 ноября 1960 г. речь шла о семи годах, а в «60 пунктах по сельскому хозяйству» – о 30 годах.

Решения 10-го пленума ЦК КПК 8-го созыва остановили внедрение наиболее эффективных методов хозяйствования (прежде всего подворного подъяда), реабилитацию несправедливо репрессированных, открыли путь новым «чисткам» в КПК и травле интеллигенции, развертыванию политической кампании за «социалистическое воспитание». Проводники политики «урегулирования» – Лю Шаоци, Чэнь Юнь и другие – были вынуждены идти на уступки, лавировать, скрывать свою истинную позицию по тому или иному вопросу, отказываться от защиты своих сторонников.

10-й пленум ЦК КПК 8-го созыва дал толчок началу открытой и широко-масштабной пропагандистской работе, нацеленной против «ревизионизма». С ноября 1962 г. приступила к работе специальная группа по подготовке материалов по «борьбе с ревизионизмом», непосредственно подчиненная Политбюро ЦК КПК. Ответственным исполнителем от Политбюро ЦК КПК был Дэн Сяопин. Руководителем группы стал Кан Шэн, главный редактор «Жэньминь жибао» У Лэнси – его заместителем. В группу входили Ляо Чэнчжи, У Сюцюань, Лу Динъи, Чжан Ханьфу и Кун Юань. В ее работе также принимали участие Сюй Лицюнь, Яо Чжэнь, Цяо Гуаньхуа (последний после начала консультаций по пограничным вопросам между КНР и СССР в 1964 г. стал заместителем руководителя группы), Ван Ли, Фань Жоюй, Ху Шэн, Сюн Фу (двое последних вскоре по болезни перестали принимать участие в ее работе). Чэнь Бода был неофициальным «оперативным» членом группы. Официально создание группы было утверждено ПК Политбюро в феврале 1963 г., когда Мао Цзэдун вернулся из поездок по стране. Группа готовила проекты документов или статей, которые поступали на редактирование Дэн Сяопину, затем после обсуждения на совещаниях материал передавался на утверждение ПК Политбюро. Все материалы в конечной стадии просматривал и редактировал лично Мао Цзэдун.

Работа группы активизировалась с июля 1963 г., когда, по словам Мао Цзэдуна, его сторона, занимавшая со времен XX съезда КПСС «пассивную

позицию» в полемике с СССР, перешла в «контрнаступление». Дэн Сяопин возглавлял тогда делегацию КПК на переговорах с делегацией КПСС в Москве. 6 сентября 1963 г. появилась первая из «девяти» широко распространенных установочных статей этой группы с критикой КПСС и советского руководства.

Группа работала до мая 1966 г. и с началом «культурной революции» была распущена.

В соответствии с решением о ротации кадров был сделан ряд важных перемещений в партийном и государственном аппарате. По неполным данным, из 128 вновь назначенных или перемещенных руководителей региональных бюро ЦК, провинциальных парткомов и центральных ведомств лиц в 1962 г. 39 человек (30,4%) получили новые назначения того же уровня, но в другом регионе или провинции; 19 человек (14,8%) – те, кто был перемещен в учреждение того же уровня; 9 человек были перемещены с провинциального уровня в центральные учреждения, и столько же переведены из Центра на провинциальный уровень; один человек был перемещен из военного ведомства в гражданскую администрацию, семь представителей руководства демократических партий получили административные посты; 18 человек получили руководящие посты после длительного отсутствия упоминаний их фамилий в прессе, 10 из них ранее либо были сняты с должностей, либо понижались в должности.

Для обеспечения ознакомления кадровых работников с последними директивами центра и материалами 10-го пленума ЦК КПК, выявления настроений в ее руководящих органах и подбора кадровых работников на руководящие должности развернулась кампания по их обучению. Продолжительность обучения кадров составляла от 10–15 дней на местах до месяца на базе местных партийных школ. Планировалось обучение, как с отрывом, так и без отрыва от производства, в зависимости от местных условий. Основными документами для изучения на курсах были выступления и материалы «совещания с участием семи тысяч человек», материалы и решения 10-го пленума ЦК КПК, а также специально подготовленные сборники: «Некоторые проблемы социалистического строительства», «Некоторые вопросы партийной жизни», «Некоторые проблемы борьбы с современным ревизионизмом» и другие материалы, прежде всего доклады и выступления Мао Цзэдуна и Лю Шаоци.

С октября 1962 г. и до конца года прошли обучение около 114 тыс. человек, в том числе в ранге от первых секретарей уездных парткомов и выше – около 97 тыс. и около 17 тыс. военных кадровых работников полкового звена и выше, что составляло соответственно 57% гражданских и 60% военных кадровых работников, включенных в план обучения. Среди прошедших обучение числились около 30% первых секретарей парткомов районов и уездов, более 60% заведующих отделами центральных государственных учреждений и их заместителей. Завершиться работа по переподготовке гражданских кадров должна была к июню 1964 г.; в армии же подавляющее число кадровых работников должны были пройти переподготовку к концу 1962 г.

Отчетные документы курсов показали наличие в обществе различных взглядов на дальнейшее развитие страны, недовольство или сомнения части кадровых работников в отношении курса, официально санкционированного последним пленумом, и «генеральной линии партии». Искоренению такого рода недовольства и сомнений должна была служить новая политическая кампания.

«Четыре чистки»

Термины и практика кампании «за социалистическое воспитание (или за воспитание в духе социализма)» для КНР не были новыми. Они появились в 1957 г., когда была развернута кампания «борьбы с правыми». В июле 1957 г. Мао Цзэдун одобрил указание ЦК КПК «Относительно проведения широкомасштабного социалистического воспитания среди сельского населения», а 8 августа оно было обнародовано. В сентябре того же года было указание ЦК – «О развертывании на селе зимой 1958–1959 гг. и весной 1959 г. движения за социалистическое и коммунистическое воспитание».

Вопрос «о проведении кампании за социалистическое воспитание» поднимался также после Лушаньского совещания ЦК КПК 1959 г., в том числе в уведомлении ЦК от 13 ноября 1961 г. «Относительно осуществления на селе социалистического воспитания» и, наконец, на 10-м пленуме ЦК КПК 8-го созыва в 1962 г. Мао Цзэдун вновь поставил вопрос о «развертывании кампании за социалистическое воспитание». Это свидетельствовало о недовольстве Мао Цзэдуна характером и методами партийно-политической работы.

Историография КНР делит кампанию на три этапа: май 1963 – май 1964 г., экспериментальное проведение кампании в отдельных местах («малые четыре чистки») на селе и выработка установочных документов по ведению кампании на рабочих совещаниях ЦК КПК; май – декабрь 1964 г. – активное проведение кампании в части уездов и коммун под лозунгом «обострения классовой борьбы»; январь 1965 г. – первая половина 1966 г., до начала «культурной революции» – переход движения в стадию «четырех чисток» (политическую, идеологическую, экономическую и организационную). Период с ноября 1962 г. по май 1963 г. можно дополнительно выделить как этап подготовки кампании.

После 10-го пленума ЦК КПК 8-го созыва для пропаганды «материалов и духа» пленума были проведены совещания кадровых работников провинциального, районного и уездного уровней, где рассматривались вопросы «борьбы с ревизионизмом» и проведения кампании «за социалистическое воспитание». В ряде мест было решено проводить кампанию в комплексе с «движением за упорядочение стиля и упорядочение коммун», которое развернулось с 1960 г. От коммун и больших производственных бригад стали требовать проведения учета и погашения задолженностей перед выше-

и нижестоящими звеньями, что вылилось на селе в кампанию борьбы против «трех зол» – коррупции, расточительства и бюрократизма. В ходе борьбы с бюрократизмом под лозунгом «пять много и пять мало» (совещаний много – контактов с массами мало; документов и сводок много – обобщения опыта мало; в ведомствах руководят много – обследуют и изучают мало; хозяйственными делами занимаются много – учатся мало; обычных призывов много – конкретной организаторской работы мало) встал вопрос о недостаточной «чистоте» рядов кадровых работников на селе (наличии среди них «кулаков», «контрреволюционных» и «подрывных элементов»), что якобы и привело часть бригад к бедности. Появился тезис о разделении всех бригад по степени политико-идеологической «надежности» на три категории.

Усиление критики «поветрия труда в одиночку» во время и после 10-го пленума ЦК КПК привело к тому, что в угоду Мао Цзэду с низу стало поступать все больше «обличительных» материалов, призванных свидетельствовать об «обострении классовой борьбы» и «борьбе за захват власти». Это стало поводом к организации кампании «за социалистическое воспитание» в деревне и развертыванию борьбы против «пяти злоупотреблений» (казнокрадства и взяточничества, спекулятивных махинаций, расточительства, сепаратизма и бюрократизма) в городах.

В конце 1962 – начале 1963 г. Мао Цзэдун посетил с инспекцией 11 провинций и в целом остался недоволен постановкой в большинстве из них идеологической работы. Это недовольство он выразил в мае 1963 г., отметив, что вопросами «социалистического воспитания» активно занимаются только первый секретарь хэбэйского парткома Лю Цзыхоу и секретарь хунаньского парткома Ван Яньчунь.

О том, как активисты новой кампании разворачивали ее на местах, говорит пример района Баодин (пров. Хэбэй). 10 ноября 1962 г. партийный комитет Баодина принял решение в зимне-весенний период, когда крестьяне свободны от полевых работ, «углубить» проведение кампании в три этапа. На первом намечалось в рамках политической учебы обсудить с кадровыми работниками и массами основные документы 10-го пленума и выступления Мао Цзэдуна, сконцентрировав усилия на «социалистическом» и «классовом воспитании», решить вопросы правильности курса и «поветрия труда в одиночку». На втором этапе планировалось с помощью пропаганды и разъяснения «60 пунктов по сельскому хозяйству» поднять крестьян на осуществление «рачительного, расчетливого и демократического ведения дел» в коммунах, добиться неуклонного проведения политики партии по «урегулированию» сельского хозяйства. На третьем этапе предполагалось создать систему правил и положений, регулирующих все области деятельности производственных бригад на селе, улучшить работу их руководящих органов, стимулировать подъем производства.

При парткоме района было решено создать канцелярию по «упорядочению стиля и упорядочению коммун» для руководства соответствующей работой. При этом кампания «по социалистическому воспитанию» разворачивалась по единому плану во всех уездах района как часть движения «по упорядочению

стиля и упорядочению коммун». В ходе проведения кампании в районе Баодин и появился термин «четыре чистки».

На первом этапе (тогда это называлось «этап социалистического воспитания») кампания проводилась в экспериментальном порядке на базе большой производственной бригады Футоучжуан уезда Динсин района Баодин с 15 по 30 ноября под руководством «рабочей группы по упорядочению стиля и упорядочению коммуны» уездного парткома и партячейки большой производственной бригады.

С 1 декабря 1962 г. до конца месяца рабочая группа уездного парткома и партийные ячейки провели проверку в производственных и больших производственных бригадах. В отчетах о ее проведении фигурировали многочисленные недостатки: нерачительность, леность и расточительность части кадровых работников, которые допускали недостоверную отчетность и приписывали себе лишние трудоединицы. На основании решения ЦК КПК об основной расчетной единице в коммуне до конца года таким расчетным единицам передавались соответствующие права, перераспределялось имущество и средства производства. Для успешного осуществления этой задачи рабочая группа и партячейка организовали проверку бухгалтерии, начисления трудоединиц, складов с зерном и материальных ценностей («малые четыре чистки») в производственных бригадах. Движение стало распространяться на другие уезды. После выявления нарушений, как сообщалось в отчетах, повысилось настроение членов коммун, они стали активнее участвовать в кампании «четыре чисток», которая завершилась к концу декабря 1962 г. В большой производственной бригаде якобы было выявлено неучтенных 6939,5 кг зерна и 9070 юаней; для недопущения подобных случаев впредь была проведена работа по «воспитанию» кадровых работников и масс.

В начале января 1963 г. парткомы района Баодин и пров. Хэбэй утвердили методы проведения «четыре чисток», провели совещания кадровых работников уровня районов, уездов и коммун, наметили план осуществления кампании во всех уездах. Было подготовлено 5900 активистов кампании, которые, разбившись на отряды численностью по 120 человек, направлялись в уезды. На местах они, в свою очередь, формировали рабочие группы и отряды из кадровых работников для проведения «четыре чисток» в рамках уезда.

Опыт уезда Динсин партком пров. Хэбэй решил распространить на весь район. На совещании секретарей уездных парткомов района Баодин официально был принят план мер по развертыванию движения за «четыре чистки».

27 февраля 1963 г. партком района Баодин издал «Уведомление относительно улучшения работы по проведению “четыре чисток” на втором этапе движения», где конкретизировались указания по осуществлению кампании, в том числе относительно контроля и руководства ею. С последней декады февраля 1963 г. 2400 кадровых работников уровня уезда, района и коммун приступили к осуществлению кампании в более чем 1300 больших производственных бригадах района Баодин. За полмесяца кампания была распространена на весь район. К концу марта было объявлено о повсеместном окончании

«четырёх чисток». Таким образом, с момента провозглашения кампании и до ее завершения прошло около четырех месяцев.

21 февраля 1963 г. партком пров. Хэбэй официально потребовал повсеместно «взяться за “четыре чистки”». «Доклад об организации движения по упорядочению стиля и упорядочению коммун и развертыванию кампании за “четыре чистки”» хэбэйского парткома был направлен в ЦК и Мао Цзэду.

О том, что кампания в некоторых местах проводилась уже с конца 1962 г., свидетельствуют документы парткома уезда Ляньцзян пров. Фуцзянь. Эти документы были захвачены десантом, высаженным с Тайваня, и опубликованы в Тайбэе. Из доклада первого секретаря парткома уезда Ляньцзян от 9 февраля 1963 г. на расширенном совещании первых секретарей парткомов коммун и секретарей партячеек следует, что кампания к тому времени шла уже более месяца. В ходе подготовительной работы была проведена оценка 12 247 кадровых работников, в том числе 5093 членов партии, воспитательной работой охвачены 70–80% взрослых крестьян. «Хорошими кадровыми работниками» были признаны 3621 человек, «хорошими членами партии» – 1053 человека, «хорошими комсомольцами» – 742 человека, «хорошими членами коммуны» – 5644 человека.

После проведения «воспитательной работы» 755 производственным бригадам (96,3% бригад уезда) в коллективную собственность были переданы 4218 му земли (97,5% площади, ранее выделенной дворам), у крестьян отобраны 5722 единицы сельскохозяйственных орудий (70% от розданных для ведения личного хозяйства), лодки и снасти для ловли рыбы.

План кампании был разработан региональным бюро ЦК КПК по Восточному Китаю и изложен на совещании представителей передовиков коллективного сельского хозяйства Восточного Китая, на котором с речью выступил Чжоу Эньлай. Принципы кампании были выражены в кратких лозунгах, понятных крестьянам: 1) «прежде всего коллективное, потом – тоже коллективное»; 2) «прежде всего государственное, затем уже личное»; 3) «сначала требуй с себя, а затем с других»; 4) «сначала обяжи себя, а затем других»; 5) «сначала заботься об общественном, затем о личном»; 6) «сначала общественное дело, затем личное»; 7) «я делаю для всего народа, весь народ делает для меня»; 8) «я для мира, мир для меня».

В докладе первого секретаря парткома уезда Ляньцзян были выдвинуты задачи: 1) пропагандировать три «изма»: «коллективизм, патриотизм и социализм»; 2) бороться с «тремя дурными поветриями»: «капиталистическим, феодальным и поветрием роскоши и расточительства»; 3) твердо придерживаться «трех необходимостей»: «необходимо стоять на социалистическом пути, необходимо заботиться и беречь коллективное, в коммуне необходимо все делать демократично и рачительно». Уездный партийный руководитель признавал, что крестьяне выражали недовольство кадровыми работниками, которые, официально получая 20–30 юаней в месяц, умудрялись строить для себя роскошные дома, растаскивали накопления коммуны, приписывали себе трудоединицы, погрязли в коррупции и спекуляции. Для успешного «воспитания» кадровых работников всем низовым парткомам в конце февраля 1963 г.

от имени уездного парткома был разослан доклад, составленный партиячейкой и рабочей группой большой производственной бригады Шаншань. Там в ходе «самокритики» и «взаимной критики» двое кадровых работников были изобличены как «торговцы», 40 человек – как «причастные к хищениям», 10 – как «играющие в азартные игры», пятеро – как лица, «незаконно забивавшие свиней», трое – как «занимавшиеся продажей девушек», 41 – как «подверженные суевериям», трое – как «организаторы пирушек» и «транжиры», 36 – как «нежелающие быть кадровыми работниками».

21 октября 1962 г. партком Хунани отослал в ЦК КПК, Мао Цзэдуну и в Центрально-Южное бюро ЦК доклад об искоренении «поветрия труда в одиночку» в провинции. В нем говорилось, что «поветрие труда в одиночку» затронуло более 25 200 (5,5%) всех бригад в Хунани. В докладе выражалось намерение вернуть заблудшее меньшинство на верный путь, в крайнем случае, допустить создание производственных бригад из нескольких дворов, а в отношении не желающих исправиться использовать главным образом методы убеждения. 8 февраля 1963 г. партком Хунани направил в Центр доклад «Относительно состояния движения за социалистическое воспитание». В нем утверждалось, что на уровне секретарей уездных парткомов и руководителей администрации уездов число тех, к кому имеются «серьезные вопросы», составляет 6–7%, на уровне заведующих отделами парткомов уездов, секретарей парткомов районов и коммун их число доходит до 10%, а среди низовых кадровых работников еще больше. В докладе выражалась уверенность, что поднявшая голову «нечисть» в провинции будет вычищена. В другом докладе парткома говорилось о выявлении около 100 тыс. фактов спекуляции, более 26 тыс. попыток «помещичьих и кулацких элементов» «взять реванш», более 1300 преступлений «контрреволюционных групп», около 8 тыс. проявлений деятельности «реакционных нелегальных» религиозных сект и тайных обществ, более 50 тыс. «колдунов» и «прорицателей», о вовлеченности в деятельность, «связанную с феодальными суевериями», членов партии и кадровых работников. 23 октября 1962 г. на доклады была наложена одобрительная резолюция ЦК КПК, такого же мнения о них придерживался и Мао Цзэдун.

О злоупотреблениях, допускавшихся активистами кампании, говорят указания «О строгом запрещении избивать людей в ходе движения за социалистическое воспитание», изданные от имени ЦК КПК 14 января 1963 г. Там признавались случаи применения местными властями насилия: людей избивали, связывали, подвешивали на дыбе, заставляли подолгу стоять на коленях. В докладе о проведении кампании от 15 марта сообщалось, что там от незаконных побоев и глумления скончались 97 человек.

Предоставлявшиеся местными властями сведения были расценены Мао Цзэдуном и его приверженцами как свидетельства попыток «узурпации рычагов руководства классовыми врагами» и «перерождения» кадровых работников.

11–28 февраля 1963 г. прошло рабочее совещание ЦК КПК, посвященное вопросам развертывания движения «против пяти злоупотреблений» в городах и кампании «за социалистическое воспитание» на селе, контроля над работой городских рынков и ряда других. В выступлениях руководителей партии гово-

рилось о необходимости подготовки к кампании, объектами которой должны стать спекуляция, казнокрадство и хищения, а также роскошь и расточительство, моральное перерождение, нарушения законов, организация беспорядков и сепаратизм. На совещании Мао Цзэдун предложил распечатать для ознакомления участников материалы по проведению «четырёх чисток» в Баодине и по осуществлению движения «за социалистическое воспитание» в Хунани. С докладом о борьбе с «пятью злоупотреблениями» (о «пяти против») выступил Пэн Чжэнь, с докладом «Относительно вопросов борьбы против современного ревизионизма» – Лю Шаоци. Основными целями кампании на совещании были названы «борьба с ревизионизмом» на международной арене и «выкорчевывание его корней» в китайском обществе.

1 марта 1963 г. ЦК КПК издал утвержденные на совещании «Указания относительно проведения кампании по неукоснительному соблюдению режима экономии и борьбы против спекулянтов, против расточительства, сепаратизма и бюрократизма», в котором коррупция, хищения и спекуляция объявлялись «преступными действиями по реставрации сил капитализма». Предлагалось осуществлять кампанию в три этапа: первый посвящался исключительно движению за увеличение производства и соблюдение режима экономии; на втором задачи первого этапа должны были сочетаться с борьбой против роскоши и расточительства, упорядочением системы управления; на третьем этапе задачи предыдущих этапов соединялись с развертыванием массовой борьбы с коррупцией, хищениями и спекуляцией. Центральным звеном кампании на всех этапах должно было стать увеличение производства и соблюдение режима экономии. До начала движения ставилась задача проверки лиц, заподозренных в роскоши и злоупотреблениях, а перед вторым и третьим этапами движения предлагалось в провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения накануне второго и третьего этапов выбрать несколько ведомств, учреждений и предприятий для первоочередного проведения кампании в экспериментальном порядке. Второй этап движения предполагал проведение «самокритики» и «самоанализа», прежде всего выявления собственных ошибок и прегрешений, совершенных не ранее января 1962 г. В случаях выявления хищений должны были приниматься меры к покрытию убытков. Предлагалось составлять полные реестры похищенного, особенно за последние два года (1961–1962 гг.).

«Указания» представляли собой программу проведения кампании борьбы «против пяти злоупотреблений» в городах. Ее направленность против взяточников, расхитителей, спекулянтов и «перерожденцев» должна была импонировать массам.

На селе после февральского 1963 г. рабочего совещания ЦК КПК были проведены совещания кадровых работников трех уровней, где их инструктировали относительно проведения кампании «по социалистическому воспитанию» и подготовки докладов в ЦК с мест. 20 материалов и докладов, присланных из парткомов Хунани, Хэбэя, Хэнани и Чжэцзяна, Мао Цзэдун оценил как «очень важные» и «хорошие», поскольку они «свидетельствовали» о «наличии» классовой борьбы в китайском обществе.

Для подготовки унифицированного, комплексного руководящего документа по проведению кампании «социалистического воспитания» в городе и деревне Мао Цзэдун решил созвать рабочее совещание ЦК КПК в мае 1963 г. в Ханчжоу.

Под руководством Пэн Чжэня был составлен проект документа к совещанию. По предложению Мао Цзэдуна текст был сокращен и в нем усилен блок вопросов, касающихся классовой борьбы, кампании «социалистического воспитания», проведения «четырёх чисток» «с опорой на крестьян-бедняков и низших слоев середняков», «участия кадровых работников в (физическом) труде», учтено мнение Мао Цзэдуна о том, что «производственная ситуация год от года улучшается, а ситуация с классовой борьбой становится все серьезнее и острее». 8 мая Мао Цзэдун предложил размножить ряд документов, поступивших из Хэнани, Хубэя и Хунани, в качестве «учебных материалов» по проведению кампании «социалистического воспитания». 9 мая в резолюции на материалах об участии кадровых работников в физическом труде в пров. Чжэцзян Мао Цзэдун впервые заявил об угрозе превращения через несколько лет, «самое большое через несколько десятков лет» КПК «в ревизионистскую партию, в фашистскую партию», и тогда «весь Китай изменит свой цвет». В последнюю редакцию основного документа совещания, к которой приложил руку Мао Цзэдун, вошли некоторые разделы этой резолюции.

В рабочем совещании, состоявшемся в Ханчжоу 2–12 мая 1963 г., участвовали ряд членов Политбюро ЦК и секретарей региональных бюро ЦК, а также часть секретарей провинциальных парткомов.

С основным сообщением выступил Мао Цзэдун, затронув вопросы обстановки, марксистской теории познания, сути и методов работы в деревне. Часть выступления, посвященная теории познания, вошла в принятый совещанием документ и в 1964 г. была издана отдельной статьей под названием «Откуда у человека правильные идеи?». Главная идея выступления сводилась к обоснованию возможности посредством кампании «пяти против» и «четырёх чисток» «выкорчевать социальную основу буржуазии, корни капитализма и ревизионизма». Отвечая тем, кто опасался пагубного влияния кампании на производство и жестких методов ее проведения, Мао Цзэдун уверял, что движение, напротив, «благоотворно скажется на производстве», без «некоторой жестокости» обойтись будет невозможно. Для руководства движением предлагалось выделить «сильных кадровых работников», а в деревнях создавать «организации бедняков и низших середняков» (эту мысль он высказывал еще в феврале 1963 г.). Кампания в первую очередь нацеливалась на «чистку» кадров низового уровня.

Собственно экономические нарушения беспокоили Мао Цзэдуна меньше, чем политическая неблагонадежность. Так, он предлагал «взяточников и расхитителей» не подвергать критике на массовых «собраниях борьбы», а «про-рабатывать» их «с глазу на глаз», в крайнем случае «устраивая небольшие собрания масс». Мао Цзэдун демонстративно выступал против «парадов» обвиняемых, побоев и издевательств. По его мнению, доля наказанных составит

около 1% кадровых работников, подвергаемых обсуждению. Кампания, рассчитанная на два–три года, должна была «мощным ударом сокрушить бешеное наступление капиталистических сил на социализм». При этом «одну–две большие чистки» требовалось проводить ежегодно.

10 мая 1963 г. ЦК КПК разослал региональным бюро ЦК и парткомам провинциального уровня документ «Об усилении внимания к осуществлению движения за социалистическое воспитание». Там вкратце излагался опыт проведения кампании в Хунани и Хэнани. Рекомендовалось оценивать «плохие дела» в зависимости от тяжести преступлений и ошибок, искать методы их решения. Подчеркивалось, что на первое место следует ставить воспитательные методы, а наказание должно играть «вспомогательную» роль. Предлагалось кампанию вести в период, свободный от сельскохозяйственных работ. Главное внимание обращалось на поэтапность, применение методики «выборочного эксперимента».

Совещание утвердило «Решение по некоторым вопросам текущей работы в деревне (проект)», 20 мая от имени ЦК направленное на места. Структура основного текста документа обусловила его краткое название – «Первые 10 пунктов»: 1) о ситуации (в стране); 2) о существовании классов, классовых противоречий и классовой борьбы в социалистическом обществе; 3) о проявлениях «серьезной и острой» классовой борьбы в современном китайском обществе; 4) о ясном понимании всей серьезности обстановки; 5) на кого следует опираться; 6) о правильной политике и методах проведения движения за социалистическое воспитание на селе; 7) об организации «революционных классовых рядов»; 8) к вопросу о «четырех чистках»; 9) об участии кадровых работников «в коллективном производственном труде»; 10) о применении научного марксистского метода при обследовании и изучении. Мао Цзэдун вписал в документ утверждения о том, что ситуация в стране постоянно улучшается, а «пессимистические взгляды некоторых товарищей на обстановку в деревне и в области сельскохозяйственного производства являются абсолютно необоснованными».

В «Решении» утверждалось, что «группы взяточников, расхитителей, спекулянтов и перерожденцев» якобы вступают в сговор «с помещиками и кулаками» для ведения подрывной деятельности, совершают акты саботажа (порчу общественного имущества, убийства и поджоги), а в некоторых коммунах и бригадах руководство попало в руки помещиков и кулаков или их «агентов». «Организациям бедняков и низших слоев середняков» в коммунах, больших производственных и производственных бригадах предписывалось контролировать органы управления коммун и бригад, направлять своих представителей для участия в заседаниях этих органов в качестве наблюдателей. Тем самым органы партийной и административной власти ставились под контроль активистов общественных «классовых» организаций.

Специальный пункт «Решения» касался «четырех чисток». Ставилась задача «вычистить» около 5% общего числа кадровых работников, т.е. около 1 млн человек. В качестве «метода борьбы с ревизионизмом, взяточничеством и хищениями» предусматривалось участие кадровых работников

в «производительном» (физическом) труде; кадры должны были быть «и красными, и квалифицированными».

Таким образом, основные формы борьбы с опасностью «ревизионизма» в стране Мао Цзэдун видел в усилении «чисток» инакомыслящих и в воспитании «образцового» гражданина посредством политических и идеологических кампаний.

В «Решении» оговаривалось проведение новой кампании в сельских районах в течение ближайших трех лет, излагались план и методы ее осуществления. Кампания должна была проводиться в три этапа: 1) подготовка групп кадровых работников (около 20 дней); 2) подготовка большого числа кадровых работников и активистов в качестве «ударной группы» движения; 3) повсеместное развертывание движения. На первых двух этапах предусматривалось осуществление кампании в экспериментальном порядке в отдельных местах (букв. «оседание на экспериментальных точках»). Содержание методов кампании определялись в «Решении» в соответствии с документом «Об усилении внимания к осуществлению движения за социалистическое воспитание» и положениями из выступления Мао Цзэдуна. 18 мая «Решение» было утверждено Политбюро ЦК КПК.

Начиная с июня 1963 г., региональные бюро и отделы ЦК, а также парткомы провинций вели подготовку и обучение кадров, создавали «рабочие отряды» и «рабочие группы» из гражданских и военных кадровых работников для проведения движения на местах, формировали специальные учреждения («канцелярии четырех чисток» и т.п.) на уровне уезда и выше для руководства движением. Так, в Гуандуне «канцелярию четырех чисток» возглавил первый секретарь парткома провинции, впоследствии, в 1987–1989 гг., генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзяян.

Некоторые руководители КПК пытались не допустить радикализации нового движения. Так, Пэн Чжэнь, назначенный куратором кампании, по итогам обследования ее результатов в провинциях Хэбэй, Цзянси, Хунань, Гуанси, Юньнань, Гуйчжоу, Сычуань и Шэньси с 15 мая по 15 июня 1963 г., обнаружил факты «избиения кадров». В своем письме от 4 июля в адрес Мао Цзэдуна и ЦК КПК он писал о необходимости проявлять снисхождение к тем, кто не нанес стране серьезного ущерба, избегать «применения ошибочных методов, которыми пользовались, проводя *чжэнфэн* во время земельной реформы».

Для уточнения курса кампании ЦК КПК с 6 по 27 сентября 1963 г. провел рабочее совещание, рассмотревшее вопросы работы в деревне и план развития народного хозяйства на 1964 г. Совещание обсудило и приняло подготовленный Тянь Цзяином при участии Дэн Сяопина и Тань Чжэньлиня проект «Постановления по некоторым конкретным установкам в движении за социалистическое воспитание в деревне», получивший название «Последующих 10 пунктов».

В целом документ соответствовал содержанию «Первых 10 пунктов». Подчеркивалось, что «сплочение 95% кадровых работников является предпосылкой сплочения 95% масс» (под оставшимися 5% подразумевались классовые враги). Уточнялись методы проведения кампании, выдвигалось

требование проведения ее таким образом, чтобы способствовать развитию производства, говорилось о необходимости разработки новых и совершенствования действующих норм и правил. Составители документа пытались сузить сферу распространения «чистки», акцентировали воспитательный, а не карательный характер кампании. Основная роль в проведении «чисток» отводилась уже не столько «организациям бедняков и низшим слоям середняков», сколько «рабочим группам», которые должны были действовать под девизом «четыре вместе» (вместе с крестьянами жить, питаться и работать, советоваться с ними).

Рабочим группам давали право смещать скомпрометировавшие себя кадры. Снималась направленность кампании против середняков, отмечалось, что «подавляющее большинство из них способно следовать за нами по дороге социализма». Деятельность организаций бедняков и середняков ставилась под контроль партийных органов. Создание самих этих организаций «в экспериментальном порядке» откладывалось до публикации специального положения о них. В то же время задачи кампании увязывались с «упорядочением низовых партийных организаций на селе», предусматривавшим проверку социального положения, классовой позиции, политического прошлого, идеологии и стиля работы членов партии, «чистку» парторганизаций от «перерожденцев, помещиков, кулаков, контрреволюционеров и вредных элементов, пробравшихся в партию».

Таким образом, новый документ подтверждал продолжительность проведения кампании (два–три года), конкретизировал методы, последовательность и формы ее проведения. В каждом отдельном случае цикл «борьбы» должен был укладываться в четыре месяца (холодный сезон, свободный от сельскохозяйственных работ): на борьбу «против пяти злоупотреблений» «среди кадровых работников трех ступеней» отводилось 10 дней (чтобы «отмыть руки и тело», а затем уже «идти в бой с легкой ношей»), на работу в производственных бригадах – три месяца, на «подтягивание» остальных «звеньев» – 20 дней и на изучение решений ЦК КПК кадровыми работниками трех–четырех низших ступеней – 10 дней.

В специальном разделе «О правильном разрешении вопросов, касающихся детей помещиков и кулаков» (считалось, что они составляют 10% деревенской молодежи) запрещалось назначать представителей этой категории на руководящие посты, должности бухгалтеров, счетоводов и сторожей, с ними под угрозой дисциплинарного взыскания не должны были вступать в брак члены партии и комсомола, бедняки и представители «низших слоев середняков». В то же время детей помещиков и кулаков не разрешалось «необоснованно исключать из членов коммун, отстранять от участия в общественной работе», предписывалось усилить работу по их перевоспитанию. Основной задачей кампании должно было стать выявление тех, кто занимается «подрывной деятельностью», направленной на «реставрацию» старых порядков – они должны были пройти через «массовые митинги борьбы», проведение расследований и арест. Для вынесения смертных приговоров требовалась санкция ЦК КПК.

В последний день совещания, 27 сентября, Мао Цзэдун в своем выступлении подчеркнул, что кампанией следует охватить также сферу общественного сознания, литературу и искусство, хореографию, театр и кино.

8 октября Дэн Сяопин, выступая на заседании Секретариата ЦК КПК, подчеркнул необходимость «осмотрительности» при проведении кампании, не допустить, чтобы «охват ударами был слишком большим», «различать хищения и пустое транжирство».

После многократного обсуждения и доработки «Последующие 10 пунктов» были приняты на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК 14 ноября 1963 г. как «Постановление по некоторым конкретным установкам в движении за социалистическое воспитание в деревне (проект)».

К тому времени кампания «за социалистическое воспитание» в экспериментальном порядке уже велась, а с конца 1963 г. она распространилась на все провинции. Так, с осени 1963 г. по весну 1964 г. в Северном Китае ею была охвачена шестая часть сельского населения (более 11 тыс. больших бригад), в Центрально-Южном Китае — одна пятая. В городах зимой 1963 г. кампания борьбы «против пяти злоупотреблений» велась более чем в 1800 ведомствах и учреждениях, ею были охвачены 410 тыс. человек; было выявлено 15 100 коррупционеров и взяточников, в том числе попали под расследование 2300 человек.

Некоторые парткомы (например, партком пров. Хубэй) в своих сообщениях о ходе кампании в Центр намеренно сгущали краски. Мао Цзэдун благожелательно встречал сообщения о массовом разоблачении «контрреволюционеров», в беседах с соратниками и представителями зарубежных компартий заявляя о том, что «марксисты и революционные массы» якобы едва не утратили контроль над третьей частью низовых партийных организаций на селе.

По разным оценкам, в составе «рабочих отрядов» и «рабочих групп» по проведению кампании участвовало от трех до четырех миллионов кадровых работников, преподавателей, студентов и представителей «грамотной молодежи». По настоянию Мао Цзэдуна, требовавшего от кадровых работников «пускать корни (на местах) и устанавливать связи», «спланиваться с крестьянами-бедняками», на село в массовом порядке направлялись представители руководящих инстанций. Только из организаций системы промышленности и транспорта в кампании участвовали 130 тыс. человек, в том числе 45 в ранге заместителя министра, более 22 тыс. «осели на точках», т.е. постоянно работали на местах.

С ноября 1963 г. по апрель 1964 г. жена Лю Шаоци Ван Гуанмэй в составе «рабочей группы» работала в большой производственной бригаде Таюань коммуны Луванчжуан уезда Фунин пров. Хэбэй. Группа собрала «множество материалов о деятельности классовых врагов», обнаружила пять дворов «помещиков» и два «кулацких» двора, пришла к выводу, что партячейка бригады перестала быть «красной», а ее секретарь является «гоминьдановцем, проникшим в партию». Доклад Ван Гуанмэй о работе группы, сделанный 5 июля 1964 г. на рабочем совещании парткома пров. Хэбэй, был представлен ЦК КПК и распространен по стране как «классический образец опыта



Мао Цзэдун и супруга председателя КНР Лю Шаоци Ван Гуанмэй приветствуют в Пекине иностранных гостей. 1965 г.

сравнительно всестороннего и детального проведения кампании» на селе. В резолюции ЦК КПК от 1 сентября 1964 г. на этот документ говорилось, что представленный в нем опыт одной производственной бригады «по многим вопросам имеет всеобщий характер».

С того момента формулировка «движение за социалистическое воспитание» в КНР постепенно стало заменяться термином «четыре чистки». Впервые этот термин появился в газете «Наньфан жибао» 26 декабря 1964 г. и затем был использован в докладе Чжоу Эньлая на 1-й сессии ВСНП 3-го созыва 30 декабря 1964 г.

В докладе Ван Гуанмэй содержалось, в частности, утверждение о том, что запятнавшие себя кадровые работники на местах имеют «корни», т.е. покровителей, «наверху», и эту проблему необходимо решать.

С середины августа до середины октября 1964 г. в стране была проведена мобилизация кадровых работников в «рабочие отряды» и «полки» для их обучения и участия в кампании. Стали создаваться и местные организации сельских активистов, действовавшие на основании принятого на рабочем совещании ЦК КПК (15 мая – 17 июня 1964 г.) «Устава организации союза бедняков и низших слоев середняков КНР (проект)». Документ состоял из 18 статей, где разъяснялись функции и задачи организации, ее характер и структура, отношения с низовыми организациями партии, производственными и большими

производственными бригадами. В отличие от «Первых 10 пунктов», предусматривавших создание соответствующих организаций лишь на уровне коммун и бригад, «Устав» предписывал создание общенациональной организации, руководящим органом которой должен был стать Всекитайский союз бедняков и низших слоев середняков, избирающий свой Постоянный комитет, а также создание союзов на провинциальном, городском и уездном уровнях. На каждом уровне в качестве постоянных органов должны были избираться комитеты со сроком полномочий в один год. Устав запрещал руководителям союза одновременно возглавлять коммуны и бригады и занимать должности, связанные с финансовой деятельностью в коммунах. Крестьянские организации как «помощники партии» должны были действовать под руководством КПК.

Среди задач союзов выделялись «ведение борьбы с силами капитализма и феодализма», «предотвращение реставрации, замышляемой свергнутыми эксплуататорскими классами», «оказание содействия и осуществление контроля над деятельностью кадровых работников» в коммунах, «осуществление классового и социалистического воспитания», «оказание помощи органам управления и контрольным органам всех ступеней в проведении проверок бухгалтерских документов, складов, имущественного фонда и начисления трудоединиц». Члены союзов должны были «разоблачать и подвергать критике» такие проступки, как «излишества в еде, склонность к роскоши, вымогательство, взяточничество, хищения, порча общественного имущества», оказывать содействие органам общественной безопасности, учиться распознавать поступки и замыслы «вредных четырех категорий» населения, мобилизовывать крестьян на «изучение трудов Председателя Мао и политики партии». 25 июня 1964 г. проект «Устава» был распространен на местах.

В августе 1964 г. под руководством Лю Шаоци были доработаны «Последующие 10 пунктов». 18 сентября работа была завершена, и документ поступил в парткомы от уровня уезда и выше, а также в «рабочие отряды». Этот вариант получил название «Постановления относительно некоторых конкретных установок движения за социалистическое воспитание в деревне (исправленный проект)» (известен как «Последующие 10 пунктов [исправленный проект]»).

В нем появился ряд дополнений и исправлений. 1. Введены «шесть критериев» оценки «движения за социалистическое воспитание», предложенные Мао Цзэдуном на рабочем совещании ЦК КПК («мобилизация бедняков и низших слоев середняков» и т.д.); 2) зафиксировано требование к руководителям разных рангов лично «оседать на низовых точках» (в больших производственных бригадах), причем неоднократно; 3) ставить на первое место в работе «свободную мобилизацию масс», определять, до конца ли проведена «демаркационная линия» (между врагами и политически благонадежным большинством); 4) прежде всего «разрешать вопросы» среди кадровых работников; 5) проводить движение под руководством «рабочих отрядов» (которые в том числе должны «устанавливать контакты с помощью конспиративных методов»); 6) «восполнить пробелы в работе» там, где «демократическая

революция» не доведена до конца; 7) проводить движение в два этапа: на первом делать упор на разрешении вопросов с «четырьмя нечистыми» категориями кадровых работников (в экономическом, политическом, идеологическом и организационном отношениях) и «борьбе против врага», на втором – «сосредоточить усилия на упорядочении низовых партийных организаций». Продолжительность кампании теперь определялась в пять–шесть лет.

Устанавливались восемь мер по «упорядочению» парторганизаций: 1) участие всех членов партии в интенсивном классовом и социалистическом воспитании; 2) тщательная проверка социального положения, классового происхождения, классовой позиции, политического прошлого, состояния идеологии и стиля работы членов партии; 3) очищение парторганизаций от «перерожденцев», «помещиков», «кулаков», «контрреволюционных и вредных элементов»; 4) принятие строгих мер к тем, кто допустил серьезные или «сравнительно серьезные» ошибки и не раскаялся; 5) воспитание кадровых работников – членов партии, особенно секретарей сельских партячеек; 6) укрепление руководящего ядра низовых организаций; 7) повышение уровня и улучшение стиля текущей и организационной работы; 8) выявление «активных элементов, имеющих хорошее политическое прошлое» и занимающих «устойчивые» политические позиции. На последнем этапе предполагалось провести перерегистрацию членов партии – после обсуждения и одобрения кандидатур товарищами по организации, бедняками и низшими середняками. Подтверждалось, что полная «реорганизация» низовых партийных организаций должна быть отложена до повсеместного создания «организаций бедняков и низших слоев середняков», что рекомендовалось тоже делать без спешки.

В 1964 г. в руководстве КПК все чаще стал подниматься вопрос о «захвате врагами власти» в партийных организациях. Этот тезис формировался с 1961 г.: выступая 18 января 1961 г. на 9-м пленуме ЦК КПК 8-го созыва, Мао Цзэдун определял долю таких организаций в 20%. На рабочем совещании ЦК КПК в мае–июне 1964 г. он, как отмечалось выше, говорил уже о трети парторганизаций, захваченных «чуждым элементом». Такого рода утверждения подкреплялись тенденциозными докладами с мест. Один из них – утвержденный ЦК КПК и разосланный на места «Доклад относительно возвращения руководящей власти на Байиньском заводе компании цветных металлов», подготовленный партгруппой Министерства металлургии и парткома пров. Ганьсу от 23 июня 1964 г. «Сигнал» о том, что «власть на заводе узурпирована буржуазией», поступил в ЦК КПК от Бо Ибо 25 февраля 1963 г. Направленный на предприятие «рабочий отряд» «подтвердил» подозрения на этот счет, «смело мобилизовал массы» и «осуществил контрзахват власти», ряд руководителей завода были приговорены к тюремному заключению. Другой документ того же рода – «Доклад о захвате власти в районе Сяочжань» (южном пригородном районе Тяньцзиня, где располагалась народная коммуна), утвержденный горкомом Тяньцзиня и вошедший в распространенные ЦК КПК «Указания по вопросу о захвате власти в ходе движения за социалистическое воспитание» от 24 октября 1964 г. В составлении «Указаний»

участвовали Чэнь Бода и Лю Шаоци. В докладе, в частности, утверждалось, что «корни» местных «контрреволюционных группировок» были обнаружены в райкоме партии. Указания предписывали «в местах, где руководящая власть узурпирована либо контролируется врагами, разложившимися либо переродившимися элементами», бороться «за захват власти».

Оба документа были направлены во все региональные бюро ЦК, парткомы провинциального уровня, государственные комитеты и министерства, массовые общественные организации. Тем самым в стране нагнеталась обстановка всеобщей подозрительности, прежде всего по отношению к парткомам, где предлагалось искать окопавшихся там буржуазию, помещиков и кулаков.

12 ноября Лю Шаоци составил проект «Указаний относительно передачи власти союзам бедняков и низших слоев середняков в районах, где имеются серьезные проблемы». Документ предлагал в тех районах, где «власть находится в руках новых буржуазных и разложившихся элементов, в руках помещиков, кулаков, контрреволюционных и вредных элементов, и где низовые кадры отказываются работать» передавать власть, с санкции «рабочих отрядов», союзам бедняков и низших слоев середняков.

13 ноября 1964 г. было издано «Постановление ЦК КПК относительно ограничения власти рабочих полков, участвующих в кампании за социалистическое воспитание на селе (проект)», принятое Секретариатом ЦК КПК и одобренное Мао Цзэдуном и Лю Шаоци. «Постановление» не столько «ограничивало» полномочия направленных, сколько напоминало, что власть на местах осуществляется хотя и парткомами вкупе с комитетами собраний народных представителей, но под руководством «рабочих полков» и «отрядов». 18 ноября Лю Шаоци составил проект директивы ЦК КПК «Относительно анализа документов, не соответствующих духу текущих указаний ЦК и препятствующих движению на текущем этапе». Документ объявлял утратившими силу те директивы и постановления, которые противоречили «предыдущим» и «последующим» «десяти пунктам», а также последним указаниям ЦК КПК по поводу «движения за социалистическое воспитание».

Такого рода документы дестабилизировали ситуацию на местах. Началось перемещение по стране значительных масс людей — «рабочих полков», «рабочих отрядов» и «рабочих групп».

Наибольшей благосклонностью организаторов кампании в Центре пользовались партийные руководители Хубэя и Хунани, где движение осуществлялось в наиболее радикальных формах. Так, «Уведомление комитета собрания народных представителей провинции и комитета союза бедняков провинции Хунань (проект)», направленное в ЦК КПК 1 ноября 1964 г., прямо предлагало организациям бедняков и низших слоев середняков, состав которых должен был утверждаться «рабочими отрядами», брать всю полноту власти на местах в свои руки. Документ был подписан председателем провинциального правительства Чан Цянем и его заместителем Хуа Гофэнгом, по совместительству занимавшим пост первого секретаря хунаньского парткома, и первым политкомиссаром военного округа Чжан Пинхуа, возглавившим также провинциальный союз бедняков. ЦК КПК в упоминавшихся выше «Указаниях»

от 12 ноября призвал остальные провинции и автономные районы проводить кампанию на основе хунаньского опыта. К изучению на местах был рекомендован также опыт работы первого секретаря Хубэйского парткома Ван Жэньчжуна, которым тот поделился в своем докладе на ноябрьском рабочем совещании ЦК КПК. Именно он предложил название «движение за четыре чистки» и рекомендовал не называть его «борьбой с пятью злоупотреблениями». Положительно оценивалось и его предложение проводить кампанию по возможности одновременно на четырех уровнях: уезда, района, коммуны и производственной бригады, а «руководящим ядром» бригад сделать группы бедняков и низших слоев середняков.

Ван Жэньчжун предложил довольно детальную схему проведения «чисток» на селе и «возвращения» либо «захвата власти» на местах. Ежегодно он рекомендовал проводить «малые четыре чистки», «малое упорядочение» (букв. «малый *чжэньфэн*»), писать *дацзыбао* и *сяоцзыбао* (букв. «заявления, написанные крупными иероглифами», и «заявления, написанные мелкими иероглифами»), рукописные плакаты–заявления критического характера), развертывать критику и самокритику, а раз в несколько лет осуществлять «большое упорядочение».

8 декабря 1964 г. ЦК КПК в «Уведомлении по некоторым вопросам, на которые следует обратить особое внимание в ходе движения за социалистическое воспитание при оседании на точках кадровых работников», отмечалось, что в кампании задействовано около 2 млн кадровых работников. Численность «отряда», направлявшегося в уезд, намеченный для осуществления «четырех чисток», достигала нескольких десятков тысяч человек. Наказания виновных, в том числе «интернирование, арест и вынесение приговоров» (кроме смертного), определялись руководством «рабочего полка»; из-под его юрисдикции выводились только секретарь уездного парткома и начальник уезда.

Основной опасностью объявлялся «правый уклон». Местные активисты стремились «разоблачить» как можно больше «врагов». Так, в одной из коммун Цинхая руководство «рабочего отряда» решило, что необходимо отстранить от работы 47% кадровых работников. 21% из них были квалифицированы как «помещики», «кулаки», «контрреволюционные и вредные элементы», 26% – как «разложившиеся и переродившиеся элементы». Попутно вносились новации в марксистское учение: так, 12 декабря 1964 г. Мао Цзэдун наложил резолюцию на доклад кандидата в члены ЦК КПК, «осевшего на точке» на Лоянском тракторном заводе, соглашаясь с мнением автора доклада о том, что «класс бюрократов», с одной стороны, и «крестьяне – бывшие бедняки и низшие середняки» – с другой, «это два антагонистических класса». Он подчеркнул, что управленцы должны «идти в цеха» и освоить от одной до нескольких рабочих специальностей, иначе они «всю жизнь могут находиться в обстановке острой классовой борьбы с рабочим классом», ибо «станут буржуазией», «пьющей кровь рабочих». Таким образом, он санкционировал «чистки» «буржуазных элементов» в управленческом аппарате промышленных предприятий и ведомств.

Идею «обострения классовой борьбы» в КНР и зарождения «бюрократическо-буржуазного класса» Мао Цзэдун развивал и в беседах с зарубежными визитерами, в частности, с членами румынской делегации, посетившей Китай в конце 1964 г. К этому времени в его лексиконе все чаще стали использоваться такие термины, как «идущие по капиталистическому пути», «класс бюрократов» и т.п.

В декабре 1964 г. после шестилетнего перерыва в Пекине открылась 1-я сессия ВСНП 3-го созыва, на которой были проведены выборы представительных органов власти. Руководство партии решило в тот же период обсудить вопросы «движения за социалистическое воспитание» с некоторыми участниками сессии на рабочем совещании, созванном Политбюро ЦК КПК, которое проходило с 15 декабря 1964 г. по 14 января 1965 г. Ответственными за проведение совещания были назначены Лю Шаоци и Дэн Сяопин. Захворавшего Мао Цзэдуна поначалу не пригласили, что вызвало его негодование, и он взял руководство второй частью совещания в свои руки.

Совещание обобщило двухлетний опыт ведения кампании и приняло ряд документов, призванных «разрешить вопросы», возникшие на предыдущих этапах движения.

На первом этапе – с 15 по 28 декабря 1964 г. – совещание вел Лю Шаоци, с октября возглавлявший «штаб» по проведению «четырёх чисток» и движения «против пяти злоупотреблений» (в помощь ему были выделены Дэн Сяопин, как генеральный секретарь ЦК КПК, и Пэн Чжэнь, как фактический заместитель генерального секретаря ЦК КПК). В своем выступлении 15 декабря Лю Шаоци поставил вопросы, которые предстояло обсудить. На секциях был обсужден характер движения и возникшие в его ходе основные противоречия. К 23 декабря совещание выработало вариант документа из 16 пунктов. 27 декабря Мао Цзэдун дал санкцию на распространение исправленного и расширенного до 17 тезисов варианта документа под названием «Дискуссионные тезисы Всекитайского рабочего совещания, созванного Постоянным комитетом Политбюро ЦК КПК». В «Тезисах» было принято общее название кампании на селе и в городах: «Движение за четыре чистки». Продолжительность кампании определялась в семь лет в общеитайском масштабе и трех лет – в масштабе трети районов страны.

На этом программа совещания формально была выполнена. Но Мао Цзэдун, оставшийся не вполне довольным проведенной дискуссией и содержанием «Тезисов», принял решение продолжить совещание.

28 декабря он, держа в руках две брошюры, заявил собравшимся: «У меня здесь две книжицы: одна – Конституция, определяющая мои права как гражданина, другая – Устав КПК, определяющий мои права как члена партии. Сейчас один среди вас не разрешает мне участвовать в партийном совещании, нарушая Устав партии, другой не разрешает мне выступать, нарушая Конституцию!». Было очевидно, что Мао Цзэдун имеет в виду Лю Шаоци и Дэн Сяопина.

31 декабря Мао Цзэдун, просматривая «Тезисы», в раздел, где говорилось об «облеченных властью и идущих по капиталистическому пути», добавил

фразу: «Среди этих облеченных властью и идущих по капиталистическому пути одни выступают на сцене, другие же действуют за кулисами. Их приверженцы имеются как наверху, так и внизу. На низших уровнях некоторые из них уже распознаны как помещики, кулаки, контрреволюционные и вредные элементы. В то же время другие остаются еще не выявленными». Исправленный документ вместо утратившего силу предыдущего варианта стал рассыпаться на места.

Недовольство Мао Цзэдуна вызывали попытки Лю Шаоци смягчить наиболее радикальные установки движения. Наиболее отчетливо разногласия между Мао Цзэдуном и Лю Шаоци проявлялись в решении ими двух вопросов: о «главном противоречии» в стране и характере проводимой кампании; о методах ее проведения.

Лю Шаоци пытался избежать упора на классовые дефиниции и считал главным противоречие между «чистыми в четырех отношениях» и «нечистыми», а характер движения видел в «тесном переплетении между собой двух видов противоречий: между нами и нашими врагами и противоречий внутри народа». Мао Цзэдун же прямо называл главного врага – «бюрократический класс», представленный «облеченными властью» «закулисными хозяевами помещиков, кулаков, контрреволюционных и подрывных элементов, кадров, нечистых в четырех отношениях».

По предложению Мао Цзэдуна откровенно в пику Лю Шаоци в раздел о «сущности движения» «Тезисов» было включено положение о том, что формулировки «противоречие между “четырьмя чистыми” и “четырьмя нечистыми”», «переплетение противоречий внутри партии и вне ее», «переплетение противоречий между нами и нашими врагами и противоречий внутри народа» не дают «точного представления об основных чертах движения за социалистическое воспитание», не привязаны к конкретной партии и историческому периоду, тогда как формулировка «противоречие между капитализмом и социализмом» является единственно «марксистско-ленинской» и соответствующей классовой сути проблемы. Мао Цзэдун лично вписал в текст «Тезисов» и положение о том, что «центр тяжести нынешнего движения – борьба против облеченных властью», среди которых есть те, кто «выступают на сцене», и те, кто «действуют за кулисами», и которые имеют сторонников как «наверху», так и «внизу». Эти формулировки он горячо отстаивал на совещании, убеждая колеблющихся. Попытки Лю Шаоци и некоторых его единомышленников отстоять компромиссные формулировки, не вступая в прямой спор с Мао Цзэдуном, не удались.

На совещании возникла дискуссия о количестве лиц, которых необходимо «вычистить» в ходе движения. Мао Цзэдун предложил вести речь о 10% населения и 7–8% имеющих крестьянских дворов в стране, а от «чистки» освобождать только тех, кто уличен в присвоении от 40 до 150 юаней. Предложение Лю Шаоци включить сюда и тех, кто присвоил до тысячи юаней и до 500 кг зерна, но возместил ущерб, вызвало недовольство Мао Цзэдуна.

На втором этапе совещания Мао Цзэдун усилил критику Лю Шаоци. 3 января 1965 г., когда ВСНП 3-го созыва избрало Лю Шаоци Председателем КНР

(в Пекине ранним утром следующего дня по случаю переизбрания Лю Шаоци даже прошла демонстрация; люди несли портреты Лю Шаоци; других портретов не было), Мао Цзэдун на малом заседании рабочего совещания ЦК КПК обвинил Лю Шаоци в чрезмерном своеволии, высказался против предлагавшейся Лю Шаоци концентрации большого числа членов «рабочих отрядов» в одном месте (что должно было позволить, в частности, на первом этапе «чистки» обойтись без привлечения «масс»), обрушился на оппонента с нападкамии за «неверное» определение характера кампании. Острой критике подверглись два «независимых княжества»: Секретариат ЦК КПК во главе с Дэн Сяопином и Государственный плановый комитет, возглавлявшийся Ли Фучунем. Все отрицательные стороны кампании Мао Цзэдун попытался списать на Лю Шаоци.

14 января 1965 г. совещание вместо прежнего варианта «Тезисов» приняло расширенную версию из 23 пунктов под названием «Некоторые вопросы, выдвинутые современным движением за социалистическое воспитание в деревне». В сопроводительном документе к «23 пунктам», направленном региональным бюро ЦК, парткомам провинциального уровня и в Главпур НОАК, предлагалось руководствоваться «документом в последней редакции» и довести его до сведения парткомов уездного и полкового уровня и выше, а также парткомов «рабочих полков» и производственных бригад.

Серьезным изменением в процессе редактур Лю Шаоци подверг разделы документа, посвященные деятельности «рабочих групп». Они обязывались «выявлять и воспитывать активистов кампании с целью формирования руководящего ядра». Запрещалось «действовать тайком и ограничиваться в своей работе узким кругом лиц», «прибегать к тактике “давления массой”», сосредоточивая слишком многочисленные силы в одном уезде, коммуне или бригаде. Отрицалась необходимость «абсолютной чистоты состава рабочих групп», в которые разрешалось включать в том числе «тех, кто совершил ошибки в прошлом». Допускалось «оседание» групп в производственных бригадах на довольно длительный период «для руководства движением с самого его начала и до завершения». Признавалось, что «в течение нескольких последних месяцев» по всему Китаю «более 1 млн кадровых работников прочно обособились в низовых организациях». Кампанию, которая во всекитайском масштабе должна была завершиться через семь лет, в каждом отдельном уезде следовало завершать в течение года или несколько более, а в большой производственной бригаде — за полгода. Исключать провинившихся членов партии из ее рядов следовало «на завершающем этапе движения».

Данное совещание стало поворотным моментом в отношениях Мао Цзэдуна и Лю Шаоци. Об этом впоследствии заявлял сам Мао Цзэдун, в том числе в беседе с американским журналистом Э. Сноу 18 декабря 1970 г.: в ответ на вопрос о том, когда было принято решение убрать Лю Шаоци, Мао Цзэдун назвал точную дату — январь 1965 г.

В период совещания произошло еще одно событие, обратившее на себя внимание окружающих. 26 декабря 1965 г. Мао Цзэдун отмечал день рождения. На празднование в зал ВСНП были приглашены часть членов ЦК КПК, региональные



Лю Шаоци с дочерью и ее мужем

руководители, министры, некоторое число ученых и передовиков производства. Открывая вечер, Мао Цзэдун подверг критике «ошибочные» взгляды на «движение за социалистическое воспитание» — о «четырех чистых и нечистых», «переплетении противоречий в партии и вне нее», назвав их «антимарксистскими». Он осудил некоторые центральные учреждения как «независимые княжества» и вновь повторил, что в «партии возникла опасность ревизионизма». После совещания Лю Шаоци по совету Пэн Чжэня и первого секретаря бюро ЦК КПК по Центрально-Южному Китаю Тао Чжу выступил с самокритикой на заседании Политбюро. Он повинулся в том, что вел себя неуважительно, прерывая

Мао Цзэдуна во время его выступления. Однако Мао Цзэдуна эти извинения не удовлетворили: он заявил, что дело «не в уважении либо неуважении, а в разногласиях» по поводу «ревизионизма» и борьбы с ним.

В первой половине 1966 г. кампания за «социалистическое воспитание» уже завершилась в 694 уездах и городах (32% уездов и городов страны). В провинциях Ляонин и Хэбэй она охватила свыше 40% уездов, в Пекине и Шанхае была завершена «в основном». Для участия в «четыре чистках» от основной работы были оторваны около 3 млн человек, репрессиям подверглись сотни тысяч кадровых работников, зачастую «виновных» лишь в том, что они пытались выправить положение в деревне, стимулируя трудовую активность производителей. Несмотря на то, что оппоненты Мао Цзэдуна в КПК пытались перехватить инициативу при проведении кампании и направить ее на конкретную борьбу с коррупцией, взяточничеством, хищениями и расточительством, кампания развивалась в русле взглядов Мао Цзэдуна. Во второй половине 1965 г. Мао Цзэдун охладел к движению «четыре чисток». У него уже вызревал план организации новой, невиданной по масштабам и продолжительности политической кампании.

Итак, инициированная Мао Цзэдуном кампания за «воспитание в духе социализма» началась весной 1963 г. и продолжалась вплоть до осени 1965 г. Воспитательная кампания сопровождалась жестокими репрессиями, в результате которых не только в той или иной мере пострадали, но и погибли многие партийные работники. Вся идеологическая работа в партии при этом проводилась в условиях, когда никто не мог открыто критиковать Мао Цзэдуна.

Между тем все это время Мао Цзэдун, будучи недоволен ситуацией в партии, готовил еще более широкое и глубокое наступление, т.е. «культурную революцию». В декабре 1964 г. он заявил, что необходимо усилить классовую борьбу, направив ее, прежде всего, против «группировки, стоящей у власти». В итоговом документе совещания в ЦК КПК, на котором он выступил, отмечалось: «Центр тяжести нынешнего движения – это борьба против тех облеченных властью, которые находятся внутри партии и идут по капиталистическому пути. Среди этих облеченных властью и идущих по капиталистическому пути одни выступают на сцене, другие же действуют за кулисами». Это была подготовка к бескомпромиссной борьбе против Лю Шаоци и всех тех, кого можно было обвинить в отступлении от маоцзэдуновских «идей». Непременной составной частью замысла Мао Цзэдуна о «культурной революции» была и подготовка к войне.

«Подготовка к войне»

К концу 1962 г., благодаря усилиям Лю Шаоци и тех, кто его поддерживал в руководстве партии и государства, а также многих кадровых работников партии, многих «простых» людей, КНР удалось приостановить резкое падение промышленного и сельскохозяйственного производства, стабилизировать

положение в экономике. Формально это был последний год второй пятилетки (1958–1962 гг.), выполнение плана которой было сорвано «большим скачком».

1963 г. стал переломным в экономике, ознаменовав начало восстановления производства. Этому содействовало воссоздание общегосударственной системы планирования, разрушенной в период «скачка».

Начало процессу ее восстановления положило «Постановление об усилении работы в области комплексного финансового планирования», принятое Госсоветом КНР 14 января 1960 г. В 1962 г. «Решение об усилении работы по планированию» ЦК КПК и постановление Госсовета об укреплении Госплана КНР и Государственного экономического комитета, об увеличении числа их работников дали этому процессу новый импульс. Были значительно расширены местные плановые органы, плановые и статистические отделы на предприятиях, с тем, чтобы эти органы не только составляли производственные планы, но и осуществляли контроль над их выполнением.

Госсовет отвечал за планирование работы предприятий, подчиненных министерствам, и занимался составлением общегосударственного плана развития всех основных отраслей. Территориальные плановые органы должны были планировать производство местных предприятий и составлять комплексные планы развития своих территорий с включением предприятий центрального подчинения (кроме отраслей военной промышленности).

После завершения процесса «урегулирования» экономики в 1965 г. предполагалось с 1966 г. начать выполнение третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства. В начале 1963 г. по предложению Ли Фучуня была сформирована «малая руководящая группа ЦК КПК по планированию», в которую вошли Ли Фучунь, Ли Сяньнянь, Тань Чжэньлинь, Чэнь Бода, Бо Ибо, Дэн Цзыхой, Чэн Цзыхуа и Сюе Муцяо. Группа занялась вопросами изучения текущего и долгосрочного планирования народного хозяйства и составления пятилетнего плана. 20 февраля на заседании группы Ли Фучунь признал, что в последние годы отсутствовало перспективное планирование, которое необходимо восстановить. Главной «боевой» задачей на двадцатилетие он назвал создание самостоятельной, единой для всей страны модернизированной экономической системы, а основной задачей третьего пятилетнего плана – обеспечение населения продовольствием, одеждой и товарами повседневного спроса. Члены «малой группы» согласились с этим мнением. Группа подготовила «Основные положения работы по перспективному комплексному планированию», одобренные Секретариатом ЦК. 30 июля 1963 г. Дэн Сяопин, выступая на совещании по вопросам работы в промышленности, от имени ЦК КПК призвал лучше выполнить работу по подготовке третьего пятилетнего плана. В ходе обсуждения плана на 1964 г. на первый план выдвигалась задача обеспечения населения продовольствием, одеждой и товарами повседневного спроса, на второе ставились базовые отрасли промышленности (производство средств производства), на третье – интересы обороны.

5–27 сентября 1963 г. ЦК КПК провел рабочее совещание по обсуждению работы в деревне, плана развития народного хозяйства на 1964 г. и развития промышленности. Были утверждены предварительные задачи и меры

«урегулирования» на ближайшие три года, переходные от второй к третьей пятилетке. Отмечалось, что сельскохозяйственное производство еще не достигло уровня 1957 г., не до конца сбалансирована структура промышленности. Участники совещания пришли к мнению, что в работе по «упорядочению» экономики следует отказаться от акцента на «отступление». На ближайшие три года основными направлениями экономического развития были признаны: снижение себестоимости и улучшение качества продукции; повышение производительности труда и эффективности производства; увеличение ассортимента; «урегулирование», комплектование, обновление оборудования; совершенствование системы управления; укрепление сотрудничества ведомств и предприятий в сфере специализации и кооперации. Была поставлена задача за эти годы достичь или превысить уровень 1957 г. в области сельскохозяйственного производства, а уровень промышленного производства повысить на 50%.

В ходе обсуждения плана развития народного хозяйства на 1964 г. выявились две основные точки зрения на дальнейшее развитие страны. Сторонники первой считали, что задачи «урегулирования» уже выполнены и можно начинать новый «большой скачок», тогда как их оппоненты настаивали на том, что надо продолжать работу по «урегулированию» экономики еще в течение трех лет. На какое-то время победила вторая точка зрения.

В конце 1963 г. Госсовет КНР созвал совещание по промышленности и транспорту с участием ответственных сотрудников центральных министерств и ведомств, а также провинций и крупных экономических районов, отвечавших за соответствующие направления работы. Председатель Госплана Ли Фучунь от имени Госсовета призвал плановые комитеты различных уровней основное внимание перенести с промышленности на развитие и поддержку сельского хозяйства.

В феврале–марте 1964 г. Госсовет созвал несколько совещаний по перспективному планированию в промышленности и на транспорте (ответственный Бо Ибо), в финансовой и торговой сфере (Ли Сяньнянь), в сельском хозяйстве (Тань Чжэньлинь). Участники подтвердили тезис о том, что центральной задачей третьего пятилетнего плана должно стать обеспечение населения питанием, одеждой и предметами первой необходимости. Согласно расчетам, к 1970 г. на одного человека в среднем должно производиться в год до 300 кг зерновых и примерно 7,3 м ткани (в 1964 г. производилось 164,5 кг и 3,5 м соответственно). В области обороны планировалось обеспечить снабжение армии обычным оружием в необходимых объемах, добиться прорыва в сфере новейших технологий производства вооружения, усилить помощь со стороны основных или базовых отраслей промышленности сельскому хозяйству и оборонной промышленности.

К концу апреля 1964 г. Государственный плановый комитет подготовил «Первоначальные наброски третьего пятилетнего плана (1966–1970)». В документе нашли отражение положения о приоритетах, принятые в ходе подготовительных обсуждений. Согласно «Первоначальным наброскам» капиталовложения в сельское хозяйство должны были составить 20% от суммы общих

инвестиций в течение пятилетки – значительно больше, чем в двух предыдущих пятилетках (соответственно 7,1% и 11,3%). Задачи пятилетнего плана предполагалось решать на основе «опоры на собственные силы». В «наметках» подчеркивалась необходимость развивать транспорт, торговлю, культуру, образование и науку.

С 10 по 13 мая 1964 г. руководящая группа Государственного планового комитета знакомила Мао Цзэдуна со своими «наметками». Основным докладчиком был Ли Фучунь, содокладчиками – Ли Сяньнянь, Тань Чжэньлинь, Чэнь Бода и Бо Ибо. В целом согласившись с предложениями Госплана, Мао Цзэдун выразил неудовольствие тем, что некоторые основные отрасли промышленности были поставлены на последнее место. Вопреки намеченной Госпланом стратегии, он продолжал настаивать на строительстве сталелитейных заводов в Цзюцюане (пров. Ганьсу) и Паньчжихуа (на стыке провинций Сычуань и Юньнань), обосновывая это требование задачами обеспечения обороноспособности. 11 мая он заявил, что у национальной экономики «два кулака: один кулак – сельское хозяйство, другой – оборонная промышленность, и один тыл – это основные или базовые отрасли промышленности». Говоря о капиталовложениях в сельское хозяйство, Мао Цзэдун предложил «опираться на собственные силы», взяв пример с производственной бригады Дачжай (пров. Шаньси): «Они не тратят государственных средств и ничего не просят у государства». 15–17 мая 1964 г. «наметки» по завершению текущей пятилетки и новому пятилетнему плану, а также проблемы планирования были обсуждены на рабочем совещании ЦК КПК.

Предполагалось в течение ближайших пяти лет повышать производство сельскохозяйственной продукции на 5% ежегодно. К 1970 г. сбор зерновых должен был составить 215–230 млн т (в 1964 г. было собрано 187,5 млн т. – В.У.), хлопка – 1,9–2,1 млн т (против 1,6 млн т в 1964 г.). Ежегодный прирост промышленной продукции должен составлять 10%. В 1970 г. намечалось выплавить 16–18 млн т стали, добыть 285–295 млн т угля и 16,5–18 млн т нефти, произвести 11–12 млн т химических удобрений, причем 35,7% всех капиталовложений планировалось инвестировать в основные отрасли промышленности. В то же время в абсолютных цифрах намечавшиеся капиталовложения в оборонную промышленность и основные отрасли были существенно меньше, чем в предыдущие годы; это уменьшение касалось также сферы транспорта, что, в частности, могло негативно сказаться на развитии инфраструктуры. Что касается двух сталелитейных баз, на строительстве которых настаивал Мао Цзэдун, то в «наметках» говорилось только о необходимости «подготовить условия» для их создания.

Важным фактором, оказывавшим существенное влияние на работу по экономическому планированию, стал курс на подготовку к крупномасштабной войне. Внешнюю угрозу Мао Цзэдун и его приверженцы видели, прежде всего, в северном соседе: так, в феврале 1964 г. Мао Цзэдун в беседе с Ким Ир Сеном заявил, что не исключает возможности войны с СССР в ближайшем будущем.

25 апреля 1964 г. оперативный отдел Генерального штаба НОАК подготовил доклад: «Каким образом можно предотвратить внезапное нападение

противника в ходе экономического строительства страны». В докладе говорилось об инфраструктурных факторах, делающих страну уязвимой в случае внешнего нападения: 1) высокий уровень концентрации промышленности (более половины производственных мощностей было сосредоточено в 14 крупных городах с населением свыше миллиона человек – 60% основных производств гражданского машиностроения, 50% химической и 52% оборонной промышленности, включая 72,7% самолетостроения, 77,8% кораблестроения, 59% радиопромышленности, 44% производства оружия); 2) многонаселенность городов, особенно в приморской зоне, что было чревато огромными людскими потерями в случае нападения с воздуха, особенно ядерного; 3) сосредоточение большинства мостов, портов и основных транспортных узлов в больших и средних городах либо в их окрестностях; 4) уязвимость водохранилищ (из 232 крупных водохранилищ 52 находились вблизи транспортных коммуникаций, 17 – в непосредственной близости от 15 крупных городов; большое число средних и мелких водохранилищ вблизи политических, экономических и военных центров). В докладе предлагалось создать специальную группу для разработки мероприятий, которые смогут предупредить внезапное нападение противника и снизить воздействие указанных инфраструктурных факторов на обороноспособность страны (в том числе создать систему ПВО, рассредоточить население городов, обеспечить непрерывный цикл производства и т.п.).

Ознакомившись с документом, Мао Цзэдун принял решение о срочном изменении приоритетов третьего пятилетнего плана.

27 мая 1964 г. Мао Цзэдун созвал расширенное совещание Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, продолжавшееся в течение июня и июля. На совещании он отметил необходимость уделять внимание не только «первой и второй линиям обороны», но и «третьей линии», создавать там предприятия основной или базовой промышленности.

Концепция «двух линий обороны» сложилась в 50-е годы. «Первой линией» считалось морское побережье. В глубине территории страны, вдоль условной линии Пекин – Ухань – Гуанчжоу, была намечена «вторая линия», к западу от которой создавалась тыловая стратегическая база. В конце 50-х годов в КНР были объявлены «спорными» ряд участков границы. Произошли вооруженные конфликты на границе с Индией, Бирмой.

Новая концепция «третьей линии» была разработана в русле выдвинутой Мао Цзэдуном и поддержанной Линь Бяо доктрины «народной войны», официально принятой в конце 50-х годов. В то же время концепция «третьей линии» фактически дезавуировала выдвинутый в 1962 г. Линь Бяо курс стратегической обороны «удерживать север, открыть юг», исходивший из того, что СССР не допустит развития агрессии США в союзе с Японией с севера, и придется оборонять (и отдавать противнику в случае его превосходства в силах) только территории на южном и юго-восточном направлениях. Новая концепция, главным и единственным автором которой был Мао Цзэдун, предполагала возможность захвата противником не только приморских районов, но и значительной части территории страны, и продолжение

сопротивления вплоть до изгнания врага благодаря «опорным районам» в глубоком тылу. При этом хозяйственная замкнутость глубинных регионов, присущая им низкая товарность производства и полунатуральное хозяйство рассматривались как «преимущество» экономической организации страны, позволяющее создавать «опорные районы» собственными силами регионов (принцип «опоры на собственные силы»). Основатель доктрины «народной войны» считал создание «опорных районов» частью общенациональной экономической политики.

Мао Цзэдун в 1964 г. считал, что до начала войны с 1964 г. у КНР было всего пять–шесть мирных лет.

Выступая на совещании Политбюро в мае 1964 г., Мао Цзэдун предложил пересмотреть цели третьего пятилетнего плана в свете курса на подготовку к войне, чтобы противостоять неожиданному нападению противника, предусмотреть в плане рассредоточение промышленных мощностей. В этой связи он настаивал на строительстве металлургических предприятий, иронически пригрозив при отсутствии финансирования отдать на эти цели свою зарплату. Через два месяца после выступления Мао Цзэдуна, в начале августа 1964 г., американская авиация начала бомбардировки Северного Вьетнама, что, с точки зрения Мао Цзэдуна, означало перенос военных действий к границам КНР, и было им воспринято как аргумент в пользу курса на подготовку к войне. Вместе с тем Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай в начале 1965 г. отказались от предложения А.Н.Косыгина совместно защищать небо над Вьетнамом.

Ли Фучунь, Дэн Сяопин, Чжоу Эньлай и Лю Шаоци вынуждены были поддержать идею Мао Цзэдуна о строительстве «третьей линии обороны» и размещении промышленных мощностей в глубинных районах страны, в том числе на Юго-Западе, строительстве там шахт и рудников, предприятий тяжелой промышленности и путей сообщения, в том числе железных дорог, и т.п. В выступлениях руководителей КНР на совещании прозвучало положение о том, что «первой линией обороны» «по отношению к ревизионизму», то есть по отношению к советскому народу и к СССР, являются провинции Северо-Запада и Северо-Востока.

Выступая на совещании 6 июня 1964 г., Мао Цзэдун потребовал произвести «революцию» в планировании, обратив серьезное внимание на необходимость подготовки к войне и отказавшись от советского опыта планирования, по его мнению, «не соответствовавшего реальности» и не учитывавшего возможности отражения агрессии. Он подчеркивал, что строительство «третьей линии обороны» не исключает налаживания военной промышленности в первых двух зонах. Начало разворачиванию третьей линии, по мнению Мао Цзэдуна, должно было положить создание сталелитейной базы в Паньчжихуа, транспортных сообщений с ней, строительство электростанций и угольных шахт. Совещание пришло к мнению о необходимости одновременно с усилением внимания к сельскохозяйственному производству, с разрешением вопроса об обеспечении народа продуктами питания, одеждой и предметами первой необходимости, ускорить развертывание строительства «третьей линии обороны», усилить подготовку к войне.

На заседаниях Политбюро ЦК КПК, проходивших в июне и июле 1964 г., Мао Цзэдун предложил в каждой провинции создать «малую третью линию», прикрывающую ее глубинные районы, строить там военную промышленность и базы для ведения партизанской войны. Он заявил о необходимости создания трех линий обороны в районах Пекина и Тяньцзиня, накопления запасов вооружения в Синьцзяне, подчеркивал, что «нельзя концентрировать наше внимание только на востоке (т.е. на угрозе со стороны США и Японии. – В.У.), не обращая внимания на север», и следует готовиться «к войне на два фронта», причем угрозу со стороны СССР считал первостепенной.

В августе 1964 г. была создана специальная группа из 13 человек для корректировки пятилетнего плана в свете задач по созданию «третьей линии обороны». Группу возглавил Ли Фучунь, его заместителями стали Бо Ибо и Ло Жуйцин.

Зона «третьей линии» состояла из двух больших районов: Юго-Западного (провинции Юньнань, Гуйчжоу и Сычуань) и Северо-Западного (провинции Шэньси, Ганьсу, Цинхай и Нинся-Хойский автономный район). «Третья линия» делилась на «большую» и «малую» линии. «Большая» включала районы Юго-Западного и Северо-Западного Китая, «малая» – внутренние районы Центрального Китая, некоторые районы Гуандуна, Шаньси, Хэнани и Хубэя. Часть предприятий «первой линии» должна была быть перемещена за «третью линию». Важнейшими объектами последней третьей линии считались база металлургической промышленности в Паньчжихуа (стык провинций Сычуань и Юньнань) и железнодорожная линия от Чэнду до Куньмина протяженностью в 1100 км. Чунцин рассматривался как главная база производства обычных вооружений. Чэнду – как центральная база авиапромышленности. Базу кораблестроения предполагалось создать в районе от Чунцина до г. Ваньсяня (Сычуань), авиапромышленность в Шэньси и Ганьсу; в Шэньси намечалось также организовать производство обычных вооружений. Предприятия «первой» и «второй линий» должны были помогать районам «третьей линии» догнать «передовые» районы по степени готовности к войне.

В ходе реализации указаний Мао Цзэдуна предполагалось создать Комитет гражданской противовоздушной обороны. Его председателем должен был стать Чжоу Эньлай, начальником секретариата – министр общественной безопасности Се Фучжи (ранее этот пост занимал Ло Жуйцин). С подготовкой к войне был связан и проект строительства линий метро в Пекине (станции должны были служить бомбоубежищами); руководящую группу по строительству метро возглавил заместитель начальника Генштаба НОАК, командующий Пекинским гарнизоном Ян Юн, его помощниками были секретарь Пекинского горкома КПК, вице-мэр Пекина Вань Ли и заместитель министра железнодорожного транспорта У Цзинтянь). Министерству железных дорог КНР было поручено рассмотреть возможность строительства метро в Шанхае и Шэньяне.

29 октября 1964 г. Чжоу Эньлай составил проект указаний ЦК КПК «О работе по подготовке к войне и усилению строительства тыла первой и второй

линий» для рассылки в региональные бюро ЦК КПК, провинции и автономные районы в Пекин, Шанхай и в канцелярию Министерства обороны.

Несмотря на корректировку пятилетнего плана, в целом Мао Цзэдун остался им недоволен. Чувствуя это недовольство, 20 августа 1964 г. кандидат в члены политбюро ЦК КПК Чэнь Бода написал Ли Фучуню письмо, в котором обвинил руководство Государственного планового комитета в нежелании «реформироваться», в засилии советского влияния, взращивающего «ревизионизм». Получивший 27 августа копию письма Мао Цзэдун потребовал улучшить работу по составлению плана, пригрозив роспуском Госплана. Желая подстраховаться, Ли Фучунь просил Чжоу Эньлая и Бо Ибо, а также ответственных работников заинтересованных ведомств присутствовать во время обсуждения.

7 декабря 1964 г. новый вариант документа был послан Мао Цзэдуну. Он наложил на него резолюцию, отметив его схематичность («не видно кожи, волос и мяса») и недостаточную аргументированность, указав, что «пятнадцатилетний план в документе не просматривается». Считая, что специальная группа по составлению плана саботирует его указания относительно создания «третьей линии», он заменил ее состав.

В начале 1965 г. была создана новая группа по составлению пятилетнего плана, включавшая министра нефтяной промышленности Юй Цюли, заместителя министра Ли Жэньцзюня и Чэнь Бода. Группа получила наименование «Малого комитета по планированию», стояла над Госпланом и подчинялась непосредственно Чжоу Эньлаю. Заместителям премьера не разрешалось вмешиваться в работу группы. Она была освобождена от другой повседневной работы. Позднее по просьбе Ли Фучуня члены этой группы были назначены заместителями председателя Государственного планового комитета, причем Юй Цюли стал первым заместителем председателя и секретарем парторганизации госкомитета.

Строительство «третьей линии» обороны началось уже во второй половине 1964 г. В проекте плана на 1965 г., утвержденном 30 октября 1964 г. ЦК КПК, об «активном строительстве стратегического тыла третьей линии» говорилось как о превентивной мере в связи с возможностью «развязывания империализмом агрессивной войны» (с точки зрения Мао Цзэдуна существовали «два» «империализма»: «МЭЙ ДИ – американский империализм» и «ШЭ ДИ – социалистический империализм», именовавшийся также «СУ СЮ – советским ревизионизмом»). На год из общих капиталовложений в 13,4 млрд юаней на строительство «третьей линии» было выделено 4,2 млрд юаней, намечалось создать 187 крупных и средних объектов. На работу по «подготовке к войне» было выделено 200 млн юаней, на создание местной военной промышленности – 100 млн юаней. Со второй половины 1964 г. до конца 1965 г. на «третьей линии» предполагалось построить, реконструировать либо расширить около 300 больших и средних объектов (в том числе 75 создать «с нуля»). Из Шанхая на «третью линию» обороны переводились 49 заводов и фабрик. В первую очередь деньги должны были расходоваться на строительство шоссе, имеющих стратегическое значение, линий связи,

оборонительных сооружений, железных дорог, а также на гражданскую промышленность, производившую продукцию военного назначения.

12 марта 1965 г. Чжоу Эньлай подготовил тезисы для доклада Секретариату ЦК КПК. Ускорение строительства «третьей линии обороны» там прямо объявлялось центральным звеном нового пятилетнего плана. Основные фонды промышленности «первой» и «второй» «линий», по данным Чжоу Эньлая, составляли 87% от всех фондов страны, экономика этих «линий» давала около 90% финансовых доходов КНР. «Первая» и «вторая» «линии» должны были выделять людей, деньги, технику, материалы и оборудование для «третьей линии». Предлагалось ускорить строительство трех крупных металлургических комбинатов – в Баотоу, Ухане и Тайюане – производительностью 110 тыс. т металла в год, на что Канцелярия Министерства обороны на тот момент уже выделила 620 млн юаней. Чжоу Эньлай запрашивал на те же цели еще 100 млн юаней, отмечал необходимость увеличить выпуск продукции Чанчуньского автомобильного завода с 30 тыс. до 60 тыс. грузовиков в год, реконструировать старые станкостроительные заводы, ускорить строительство новых.

12 апреля 1965 г. ЦК КПК издал указания «Относительно усиления работ по подготовке к войне», подчеркивая необходимость готовиться как к «малой», так и «средней» и «большой» войнам.

16 июня 1965 г., заслушав доклад Юй Цюли о первоначальных наметках нового пятилетнего плана, Мао Цзэдун указал, что в плане должна быть учтена вероятность ведения войны и стихийных бедствий. С той целью, чтобы оставить резервы «для маневра», он потребовал сократить число строящихся объектов, сосредоточив усилия на подготовке к ведению военных действий. Вразрез с прежней иерархией экономических приоритетов, которой руководствовались составители предыдущих вариантов пятилетнего плана, – сельское хозяйство, легкая, затем тяжелая промышленность, Мао Цзэдун заявил, что с обеспечением народа продуктами питания, одеждой и предметами первой необходимости можно и обождасть. В развитии сельского хозяйства он призвал опираться на «дух Дачжая», т.е. дух «опоры на собственные силы», что, как он полагал, должно было позволить сократить капиталовложения в эту сферу. Позднее эти мысли Мао Цзэдуна Чжоу Эньлай пропагандировал в виде лозунга: «Готовиться к войне, готовиться к стихийным бедствиям, служить народу».

На основании указаний Мао Цзэдуна Государственный плановый комитет 21 июля 1965 г. подготовил новый вариант проекта пересмотренного плана. Он объявлялся «планом подготовки к войне, где за основу берется оборонное строительство». Госсовет согласился с представленными наметками.

В конце августа Мао Цзэдун изъявил желание, чтобы наметки пятилетнего плана были обсуждены на рабочем совещании ЦК КПК. Государственный плановый комитет подготовил «Тезисы доклада о состоянии работы по подготовке третьего пятилетнего плана». В качестве основного курса и задач на пятилетку в «Тезисах» предлагалось «придерживаться курса на подготовку к войне», «готовиться к большому сражению и довольно скоро». Оборонное

строительство ставилось на главное место, выдвигалось требование ускорить строительство «третьей линии», шаг за шагом модернизировать промышленность, развивать сельскохозяйственное производство и легкую промышленность, усиливая базовую промышленность и строительство путей сообщения. Подчеркивалось, что в третьей пятилетке центр тяжести в области строительства переносится на «третью линии обороны».

Общие инвестиции в капитальное строительство на пятилетку должны были составить 85 млрд юаней (5 млрд юаней намечалось оставить «для маневра»). Предполагалось построить около 2 тыс. крупных и средних объектов, в том числе 383 объекта оборонной промышленности, 686 объектов тяжелой промышленности, 98 объектов легкой промышленности, 156 объектов транспортного, в том числе железнодорожного строительства, инфраструктуры связи (почты и телеграфа), 41 объект относился к сферам культуры и образования, финансов, науки, сельского хозяйства и другим отраслям. 10 оборонных объектов намечалось создать на «малой третьей линии обороны». К концу пятилетки планировалось ежегодно производить 220–240 млн т зерновых, 2,2–2,4 млн т хлопка, 7,5 млрд м хлопчатобумажной ткани, 110 млрд кВтч электроэнергии, 18 млн т химических удобрений, 16 млн т стали, 80–90 тыс. автомобилей, 65 тыс. станков, 23,6 тыс. тракторов, добывать 280–290 млн т угля, 18,5 млн т нефти. Среднегодовые темпы роста в сельском хозяйстве предполагались в 4–6%, в промышленности – 8–11%. Общий объем валовой продукции сельского хозяйства и промышленности должен был составить 270–275 млрд юаней. Ежегодный рост, начиная с 1965 г., планировался в 7–9% (за пятилетку 55–58%).

2 сентября 1965 г. Государственный плановый комитет с учетом замечаний Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая подготовил «Сводные тезисы третьего пятилетнего плана». Они представляли собой коренную ревизию установок, лежавших в основе «Первоначальных наметок третьего пятилетнего плана», представленных в мае 1964 г. Место прежней основной задачи пятилетки – обеспечения населения продуктами питания, одеждой и предметами первой необходимости – заняло оборонное строительство. 74% инвестиций на капитальное строительство (62,8 млрд юаней) направлялись на тяжелую, оборонную промышленность и транспорт. Капиталовложения в сельское хозяйство уменьшились с 20 до 14%. На легкую промышленность выделялось лишь 3,75 млрд юаней (4,4% капиталовложений). На создание «третьей линии обороны» выделялось 36 млрд юаней (42%). Инвестиции в капитальное строительство были уменьшены со 100 до 85 млрд юаней. Некоторые показатели были уменьшены, чтобы, по замыслу Мао Цзэдуна, «оставлять некоторый резерв».

«Тезисы доклада» и наметки по третьему пятилетнему плану были приняты рабочим совещанием ЦК КПК (сентябрь–октябрь 1965 г.). События начавшейся в 1966 г. «культурной революции» не позволили реализовать план в большей его части. Тем не менее со второй половины 1964 г. по 1965 г. за «третьей линией обороны» в Юго-Западном и Северо-Западном Китае было построено, расширено и реконструировано около 300 крупных и средних объектов, среди них 14 объектов металлургической промышленности, 18 – цветной

металлургии, 2 – нефтяной промышленности, 14 – химической промышленности, 26 железнодорожных и 11 транспортных сооружений, 2 объекта гражданской авиации и т.д.

Для более эффективного управления строительством «третьей линии» с конца 1964 – начала 1965 г. стала создаваться специальная система управления во главе с Центральным комитетом по строительству «третьей линии». Он был учрежден под председательством Гу Му в апреле 1965 г. решением ЦК КПК и Госсовета. Центральному комитету подчинялись три региональных комитета по строительству объектов «третьей линии»: Юго-Западного Китая (создан 26 февраля 1965 г., 29 марта 1965 г. возглавлен Ли Цзинцюанем); Северо-Западного Китая (во главе с Лю Ланьтао) и Центральнo-Южного Китая (во главе с Тао Чжу). Комитеты и их низовые органы управления заменили отраслевые и территориальные органы управления экономикой в части строительства и управления производством объектов «третьей линии». Они имели право использовать местные предприятия и ресурсы для обеспечения строек и действующих объектов без ведома отраслевых и территориальных органов.

В результате смены экономического курса в 1964–1965 гг. доля расходов на оборону в период «урегулирования» значительно превысила уровень периода второй пятилетки и реальные возможности экономики страны. Практически в 1965 г. экономика КНР была поставлена на военные рельсы.

Курс на «подготовку к войне» ускорил складывание системы управления экономикой страны, состоявшей из двух управленческих подсистем – центральной и местной. Центральная основывалась на крупной фабрично-заводской промышленности, общегосударственных системах транспорта и связи. В ее интересах использовались средства государственного бюджета, подавляющая масса накоплений, внешняя торговля и внешнеэкономические связи, наука и техника. Местная подсистема опиралась на совокупность хозяйственных организмов уездов, коммун, производственных бригад. Ее промышленный компонент был ориентирован на образование региональных самообеспечивающихся хозяйственных комплексов и воспроизводство рабочей силы. Материально-техническую базу местной подсистемы хозяйственного управления составляли небольшие и средние предприятия, технически слабо оснащенные, она развивалась за счет природных и трудовых ресурсов провинций. Ее формирование стало возможным вследствие натурального и полунатурального характера сельского хозяйства, неспособности крупной фабрично-заводской промышленности удовлетворить потребности общества, слабости экономических связей между отдельными районами, неразвитости общегосударственного рынка и товарно-денежных отношений.

Специфика этой системы управления экономикой наиболее отчетливо проявлялась в сфере индустрии. Управление ею в период первой пятилетки строилось по советскому образцу, предусматривая жесткую централизацию, существование двух-, трех- и четырехзвенных организационных структур управления на производстве (наибольшее распространение получили трехзвенные структуры типа «заводоуправление–цех–смена»). Однако в управлении промышленностью существовал и ряд особенностей, в частности,

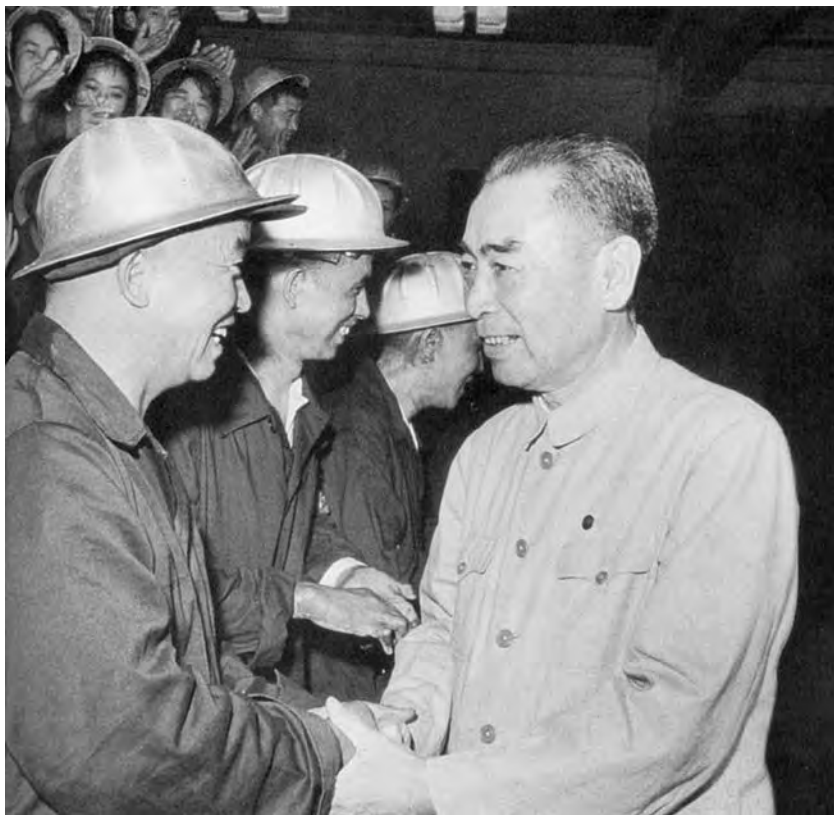
сильные элементы военизации, деление промышленности на две сферы – центрального и местного подчинения. К первой относились предприятия, непосредственно подчиненные центральным министерствам, ко второй – те, что находились в ведении провинциальных и городских органов власти.

Критика «советской» модели развития и принятие курса на «большой скачок» сопровождалась децентрализацией производства (так, согласно «Решению ЦК КПК и Госсовета о передаче промышленных предприятий в ведение местных органов» от 11 апреля 1958 г., в сферу местного управления передавалось большинство предприятий, находившихся ранее в ведении министерств: 129 из 166 металлургических, 86 из 116 угольных, 56 из 62 химических, 63 из 93 электроэнергетических, 125 из 130 легкой промышленности и т.п. В общей сложности в подчинении министерств осталось к середине 1958 г. 20% подведомственных им предприятий, а к концу 1958 г. – 13%; министерства стали контролировать лишь 25% выпуска промышленной продукции). В центральном подчинении оставались только самые современные предприятия военной промышленности и обеспечивавших ее отраслей.

Укрепление плановых органов и некоторое улучшение общехозяйственной ситуации в стране в период «урегулирования» сопровождалось, в частности, закреплением специфических особенностей системы занятости, соответствующей, в том числе, особенностям организации китайской промышленности и конкретным народнохозяйственным задачам.

Начиная с 1956 г. Лю Шаоци начал обдумывать вопрос о том, как «развить железную плоскую рису». Он предложил осуществить два мероприятия в области системы труда (оплаты труда и найма на работу и условий труда), т.е. одновременно с осуществлением фиксированной (стабильной) заработной платы (системы труда) осуществлять контрактную (договорную) систему и систему временного найма. Он указывал на следующее обстоятельство: «В настоящее время имеют место затруднения с оборотными средствами; оказывается возможным только набирать новых работников и невозможно сокращать их численность, а это может приводить к тому, что само раздувание штатов будет доводить до смертельного исхода». В 1964 г. Лю Шаоци снова повторил эту свою позицию и начал распространять свои предложения по всей стране. Он говорил: «система труда, система найма не должна быть только одного вида, необходимо максимально использовать временный наем на работу, наем по контрактам (по договору, трудовому соглашению). ... На некоторых промышленных предприятиях производство изначально и всегда носило сезонный характер. Рабочие приходили работать тогда, когда была работа, а когда работы не было, оставались дома. После того, как мы одержали победу в революции, на этих предприятиях систему сезонного труда преобразовали в систему постоянного найма, систему найма на работу на круглый год, а это самая настоящая глупость!»

Благодаря усилиям Лю Шаоци и других руководителей, в 1965 г. была всесторонне введена в опытный порядок на двух с половиной тысячах предприятий система труда, при которой люди одновременно были и рабочими и крестьянами.



Чжоу Эньлай на встрече с рабочими. Июнь 1963 г.

Итак, в 1964 г. Лю Шаоци вернулся к идее, которую он впервые выдвинул еще в 1957 г.: сократить число рабочих, занятых на постоянной основе, за счет временной рабочей силы, которая совмещала бы работу в промышленности с сельскохозяйственным трудом. В период «урегулирования», в условиях жестких мер по сокращению населения городов, промышленные предприятия могли нанимать рабочую силу из деревни на временной основе. Инициатива Лю Шаоци получила одобрение ЦК КПК. Стала шире распространяться система параллельного найма постоянной и временной рабочей силы, на некоторых предприятиях в экспериментальном порядке создавались учебно-производственные комбинаты. Эта система получила название «и рабочий, и крестьянин». Промышленные предприятия по договорам с коммунарами набирали крестьян в качестве временных (на срок от трех до пяти–семи лет) или сезонных (семьи оставались в деревне) рабочих. На них не распространялись льготы членов профсоюзов, право на пенсию и другие виды социального обеспечения. По истечении срока контракта они возвращались в деревню и заменялись новыми группами крестьян. Заработная плата таких рабочих была значительно ниже, чем у постоянных

рабочих той же квалификации. Кроме того, часть их зарплаты отчислялась в общественный фонд коммуны или бригады. В ряде случаев рабочие этой категории обеспечивались лишь питанием, а в счет заработной платы предприятия направляли коммуна сельскохозяйственные орудия, отходы производства и т.п. В 1964–1965 гг. эта система применялась примерно в 30 отраслях народного хозяйства КНР, в особенности в горнорудной и лесной промышленности, в строительстве, на предприятиях по обработке сельскохозяйственного сырья, а также в текстильной промышленности, на транспорте, в сельской торговле, в учреждениях связи. В пров. Шаньси на 100 текстильных предприятиях более 80% рабочих и служащих составляли пришедшие из деревни временные работники. В Гуандуне на фабриках и заводах таких работников было более 50 тыс., в торговле и финансовой сфере – более 30 тыс. В отдельных отраслях, в частности, в системе водного хозяйства и энергетики, их удельный вес достигал 50%, а на работах, не требовавших квалификации, – 80–100%. Система «и рабочий, и крестьянин» позволяла снизить расходы на рабочую силу, использовать избыточную рабочую силу деревни, особенно в межсезонье, в промышленности и строительстве.

Предпринимались также попытки совершенствования управления предприятиями. Наиболее кардинальная реформа в этой области, которую отстаивали инициаторы «урегулирования» – Лю Шаоци, Бо Ибо и другие, была связана с созданием промышленно-транспортных трестов – специализированных крупных государственных компаний, объединявших предприятия, которые выпускали и реализовывали однородную продукцию. Управление трестами осуществлялось главным образом экономическими, а не административными методами. Тресты рассматривались как промежуточные звенья между министерствами и предприятиями. Сторонники создания трестов считали, что это улучшит формы руководства однородными предприятиями, позволит расширить специализацию, кооперирование и комбинирование производства, более рационально организовать труд, целесообразнее использовать оборудование, материалы и финансовые ресурсы, создаст условия для использования преимуществ крупного производства. Они призывали к изучению зарубежного опыта работы трестов.

Лю Шаоци предлагал создавать в опытном порядке тресты. Давно, еще накануне создания КНР, он уже выдвигал мысль о «создании трестов». В 1963 г. он снова предлагал: «Опыту управления предприятиями при капитализме, особенно опыту создания монопольных предприятий, необходимо учиться. Разве Ленин уже давным-давно не говорил о трестах, синдикатах, государственном капитализме?». «Возможно организация специальных компаний с целью управления предприятиями это лучше, чем управление ими с помощью административного механизма».

Лю Шаоци также говорил, что между различными отраслями внутри самих трестов возможна конкуренция. ... Рыночная экономика – это ведь тоже идея конкуренции; жизненные силы появляются только при наличии конкуренции.

В первой половине 1960-х гг. в масштабах страны в целом были созданы в опытном порядке 12 трестов. Через некоторое время первая очередь этих предприятий, созданных в опытном порядке, добилась относительно хорошего экономического эффекта.

Бо Ибо подчеркивал: «Товарищ (Лю) Шаоци выступал, причем со всей очевидностью, за то, чтобы учиться системе управления при капитализме, например, за организацию трестов, синдикатов и т.д., полагая, что мы не должны избегать этого».

Идея Лю Шаоци встретила ожесточенное сопротивление. В ней усматривались «возврат к капитализму» и «подрыв единого централизованного руководства народным хозяйством со стороны партии и правительства». Но сторонникам трестов удалось временно отстоять свою точку зрения. В 1963 г. партийно-государственное руководство согласилось на создание таких объединений. После изучения опыта организации трестов в капиталистических странах, а также специализированных фирм в СССР и Восточной Европе, в марте 1963 г. в пробном порядке был создан первый трест – Табачная компания Китая (в Китае избегали наименования «трест», используя более общее определение – «компания», кит. *гунсы*). При Государственном экономическом комитете был создан отдел по вопросам управления, ведавший трестами.

В июне 1964 г. партком Государственного экономического комитета Госсовета составил проект «Доклада относительно мнений по организации в опытном порядке трестов на предприятиях промышленности и транспорта». При поддержке Чжоу Эньлая дважды проводились совещания по обсуждению данного вопроса. Предлагалось, в частности, после создания трестов сократить аппарат министерств до нескольких человек, а некоторые специализированные министерства преобразовать в крупные ведомства. Министерство нефтяной промышленности предлагалось преобразовать в «главный трест». 17 июля текст документа был одобрен Секретариатом ЦК КПК, через месяц – ЦК КПК и Госсоветом КНР и разослан в региональные бюро ЦК, парткомы провинций, автономных районов и городов центрального подчинения. В докладе предлагалось в 1964 г. в экспериментальном порядке создать 12 трестов, среди них девять компаний всекитайского характера (табачная, соляная, автомобильная, тракторная, запасных частей двигателей внутреннего сгорания, станков для текстильной промышленности, алюминиевая, резиновой промышленности, геологического оборудования и приборов) и три – местного (Угольная компания Восточного Китая, Пекин-Тяньцзиньская электроэнергетическая компания, Чанцзянская пароходная компания).

Трест рассматривался как единая, централизованно управляемая плановая и хозрасчетная единица, отвечающая за выполнение плана, финансирование, снабжение и сбыт продукции входящих в него предприятий, их рабочую силу и материальные ресурсы, вопросы организации труда и проектирования. Все внешние финансово-экономические связи предприятий осуществлялись администрацией треста, он нес экономическую ответственность перед государством. Доходы предприятий треста использовались в централизованном порядке, аналогичным образом оплачивались их расходы. Премияльный фонд,

за исключением 10%, оставлявшихся в качестве «резерва», в общем порядке распределялся между предприятиями в зависимости от показателей их работы. Трест распределял фонд заработной платы и амортизационный фонд. Производственные фонды закреплялись за предприятиями.

Трест осуществлял общее планирование производственной деятельности предприятий. Получая плановые задания непосредственно от вышестоящих организаций, трест заключал хозяйственные договоры с торговыми организациями. Объем и ассортимент 5–10% продукции мог определяться трестом самостоятельно. Контролеры и работники ОТК предприятий считались работниками треста и непосредственно ему подчинялись. Прием и увольнение рабочих и служащих также велись через трест. Государственный план, который «спускался» тресту, распределялся его управлением среди предприятий, а за выполнение плана перед государством отвечало руководство треста. В области капитального строительства трест имел все права составлять перспективный и годовой планы развития. Капитальное строительство должно было увязываться с государственным планом и осуществляться в его рамках. Для политической работы и воспитания кадров в центральной компании треста создавались партийный комитет и политический отдел.

Концепции трестов противостояла обновленная схема городской коммуны. Она предлагалась для Уханьского и Аньшаньского металлургических комбинатов еще в 1958 г., а в 60-е годы была дополнена идеей продовольственного самообеспечения. Речь шла о плане реорганизации промышленных комплексов по типу крупных полунатуральных хозяйств, позволявших государству увеличивать норму накопления за счет самообеспечения этих комплексов и ограничения личного потребления работников и их семей. Особенно широко рекламировался «Аньшаньский устав», или «Конституция Аньшаньского металлургического комбината». Под такими названиями получила известность резолюция, в марте 1960 г. наложенная Мао Цзэдуном на доклад Аньшаньского горкома КПК «Относительно обстановки в движении за техническую революцию и техническое новаторство на фронте промышленности». В числе сформулированных в «Аньшаньском уставе» принципов – выдвижение политики на первое место, широкое развертывание «массовых движений», участие кадровых работников в физическом труде, пересмотр «устаревших правил и распоряжков». Суть этого документа сводилась к «пролетаризации» и «революционизации» промышленных предприятий, ликвидации поощрительных систем оплаты труда, военизации производственных коллективов, обеспечению ударного труда при замораживании заработной платы.

В январе 1964 г. Мао Цзэдун выступил с призывом в сельском хозяйстве «учиться у Дачжайской большой производственной бригады», а в промышленности «перенимать опыт Дацинских нефтяных промыслов», который вскоре был распространен пропагандой КНР.

Дачжай – производственная бригада в горной местности уезда Сиан пров. Шаньси, объединявшая 83 двора с населением 360 человек, – являлся замкнутым, самообеспечивающимся хозяйством почти натурального типа, строившим свою хозяйственную деятельность в соответствии с принципом «опоры

на собственные силы». На примере Дачжяя пропагандировался такой тип хозяйствования, который при минимальных затратах государства обеспечивал бы максимальную отдачу в виде сельскохозяйственной продукции, поступавшей в распоряжение государства. В пропагандистских материалах выделялись основные принципы деятельности этой бригады – «три не просить»: не просить у государства зерна, денег и материально-технических средств. Основными стимулами упорного труда тружеников Дачжяя объявлялись революционный энтузиазм и отказ от принципа материальной заинтересованности. Кампания «учиться у Дачжяя» означала отрицание основных принципов политики «урегулирования».

Несмотря на призывы из Пекина активнее применять опыт Дачжяя, число таких коллективов было крайне незначительным (52 по состоянию на 1 ноября 1965 г.).

Дацин, расположенный на северо-западе пров. Хэйлунцзян, был одним из крупнейших нефтепромыслов Китая, открытых в конце 50-х годов с помощью геологов из социалистических стран. Интенсивность освоения месторождения резко возросла к 1964 г., когда там была добыта почти половина всей нефти страны. На деле этому способствовали материальные стимулы: средняя зарплата рабочих достигала 120 юаней – в два раза выше, чем в среднем по стране. Но главным поводом к пропаганде «опыта Дацина» стало самообеспечение промыслов продовольствием за счет подсобных хозяйств, их автономность в плане расходов на образование и медицинское обслуживание. Дацин превозносился как пример комплексной самообеспечивающейся «основной социальной единицы» на уровне уезда и района, которую отличали уравнительность в потреблении, хозяйственная автаркия, всеобщее участие в производительном труде, низкий жизненный уровень и военизация труда, образец «стирания границ между городом и деревней», «между физическим и умственным трудом». Согласно официальным, явно недостоверным, данным, за 17 лет (к 1976 г.) Дацин якобы дал государству прибыль, которая в 14,3 раза превышала сумму направленных за тот же период на развитие этих нефтепромыслов государственных капиталовложений.

В пропаганде «опыта Дацина» явно выражалось стремление разделить производственную деятельность на две части. Первая сосредоточена на производстве основного продукта (в данном случае нефти и нефтепродуктов) в соответствии с государственным планом и для общегосударственных нужд, и в определенной степени обеспечивается за счет госбюджета. Вторая часть производственной деятельности – по обеспечению жителей Дацина всем необходимым – не планировалась государством и, как правило, не включалась в сферу государственного материально-технического снабжения. В 1966 г. в КНР насчитывалось не более 70 предприятий дацинского типа.

Что касается оппонентов Мао Цзэдуна, то они ориентировались на «Мааньшаньский устав» – документ, первоначально составленный для Мааньшаньского металлургического комбината (пров. Аньхой) и действовавший в начале 60-х годов на предприятиях металлургической промышленности. Этот «устав» предусматривал систему единоначалия, учет экономических

показателей деятельности предприятия, использование материального стимулирования, повышение роли специалистов и обеспечение равномерности процесса производства.

Несмотря на противоречивое развитие экономического курса, после самых низких экономических показателей 1962 г. начался заметный экономический подъем. Валовой объем продукции промышленности и сельского хозяйства ежегодно увеличивался в среднем на 15,7%, при этом объем сельскохозяйственной продукции возрастал в среднем на 11,1% в год, а промышленной – на 17,8%. Рост тяжелой промышленности составлял 14,9% в год, легкой – 21,1%. В то же время темпы экономического роста, по сути, в целом обеспечили лишь восстановление или незначительное превышение уровня, достигнутого до «большого скачка», и то далеко не по всем позициям (см. табл. 2).

Таблица 2

**Валовой объем продукции промышленности и сельского хозяйства
в 1963–1965 гг.**

Годы	Х/б ткань (млрд м)	Электрoэнергия (млрд кВт/час)	Сталь (млн т)	Цемент (млн т)	Горношахтное оборудование (тыс. шт.)	Энергетическое оборудование (тыс. кВт)	Автомобили (тыс. шт.)	Тракторы (тыс. шт.)	Металлорежущие станки (тыс. шт.)
1960	5,45	59,4	18,66	15,65	251,9	3388	22,6	11,6	153,5
1961	3,11	48,0	8,70	6,21	90,3	679	3,6	6,9	56,7
1962	2,53	45,8	6,67	6,00	34,5	152	9,7	7,1	22,5
1963	3,34	49,9	7,62	8,06	22,0	404	20,6	8,7	22,2
1964	4,71	59,0	9,64	12,09	28,2	440	28,1	9,8	28,1
1965	6,28	67,6	12,23	16,34	40,0	683	40,5	9,6	39,6
1966	7,31	82,5	15,32	20,15	51,9	1323	55,9	11,8	54,9

С 20 декабря 1964 г. по 5 января 1965 г. в Пекине прошла 1-я сессия ВСНП 3-го созыва. С докладом «О работе правительства» выступил Чжоу Эньлай. В докладе отмечалось, что задачи «урегулирования» национальной экономики в основном выполнены. В 1964 г. производство зерновых приблизилось к уровню 1957 г. (собрано 187,5 млн т зерна – на 8 млн т меньше, чем в 1957 г.). Показатели производства хлопка сырца (1,66 млн т), сахарного тростника (13,4 млн т), поголовья свиней (131, 8 млн голов) и овец (134,4 млн голов) превзошли уровень 1957 г. Число использовавшихся на селе тракторов увеличилось за семь лет в четыре раза. В 1964 г. общий объем промышленного производства возрос на 19,9% по сравнению с 1963 г. Производство

стали, нефти, химических удобрений, цемента, автомобилей, хлопковой пряжи, сахара, сигарет выросло на 20% и более. За четыре года ассортимент важнейшей промышленной продукции увеличился на 24 тыс. единиц. Снизилась себестоимость и несколько повысилось качество продукции и производительность труда, улучшилось управление промышленными предприятиями. Был сбалансирован финансовый бюджет, стабилизированы цены.

На сессии Чжоу Энлай выдвинул стратегическую задачу: «В течение не слишком длительного исторического периода времени (позднее срок был уточнен: «в течение 20–30 лет». – В.У.) превратить нашу страну в мощное социалистическое государство, обладающее современным сельским хозяйством, современной промышленностью, современной обороной, наукой и техникой».

В выступлении Чжоу Энлая впервые после «большого скачка» прозвучало указание на необходимость «ускорения развития тяжелой промышленности», прежде всего ее базовых отраслей. Было осуществлено перераспределение капитальных вложений в пользу тяжелой промышленности, прежде всего сырьевых отраслей (горнодобывающая, угольная, нефтяная, металлургическая). В 1965 г. доля тяжелой промышленности в валовой продукции народного хозяйства выросла до 34,8% в сравнении с 26% в 1957 г.

Увеличение ассигнований в промышленность сопровождалось расширением капитального строительства в горнодобывающие и сырьевые отрасли, сельскохозяйственное машиностроение, производство химических удобрений, электроэнергетику, нефтедобывающую, нефтеперерабатывающую и металлургическую промышленность и т.д. Резкое сокращение и жесткая централизация капитального строительства позволили в известной мере сконцентрировать финансовые, материальные, трудовые ресурсы и направить их на строительство, расширение и модернизацию наиболее важных объектов. Капиталовложения в народное хозяйство с 1963 г. (9,41 млрд юаней) до середины 1966 г. росли сравнительно быстрыми темпами (1964 г. – 13,8 млрд юаней, 1965 г. – 16 млрд юаней). Однако, несмотря на увеличение общего объема капиталовложений, их удельный вес в государственных расходах оставался ниже уровня конца 50-х годов. Если в 1961–1962 г. при распределении капиталовложений преимуществом пользовались отрасли легкой промышленности, то в 1963–1965 гг. – тяжелой. Был относительно сбалансирован бюджет КНР: расходная его часть в 1965 г. составляла 46 млрд юаней, а приходная была больше на 700 млн юаней. Оживление производственной деятельности и капитального строительства в 1963–1965 гг. сопровождалось увеличением с 1964 г. (на 3 млн ежегодно) численности рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве, однако она продолжала оставаться ниже 1960–1961 гг.

Несмотря на крайний дефицит финансовых средств, в 1964–1965 гг. КНР несколько увеличила закупку машин и оборудования у социалистических стран. Одновременно выросли закупки в капиталистических странах комплексного оборудования для строительства промышленных предприятий: с сентября 1963 по 1965 г., по неполным данным, были заключены сделки на поставку такого оборудования из стран Запада и Японии для 26–28 промышленных предприятий.

В 1965 г. стоимостный объем валовой продукции промышленности по сравнению с 1957 г. вырос в два раза – с 70,2 млрд юаней до 140,2 млрд юаней. В 1963–1965 гг. удалось добиться сравнительно стабильных урожаев. Если в 1960 г. было собрано 143,5 млн т зерновых, то в 1965 г. – 194,52 млн т. Однако уровень 1957 г. (195,5 млн т) не был перекрыт. Валовой сбор хлопка достиг 2,1 млн т по сравнению с 750 тыс. т в 1962 г. Добыча нефти за пять лет возросла почти в два раза и составила в 1965 г. 11,31 млн т. Две трети общей добычи нефти давал Дацин. Была начата разработка нефтяных месторождений Шэнли и Даган. К 1965 г. Китай уже был в состоянии удовлетворять свои потребности в нефти.

Увеличивался удельный вес фонда накопления в национальном доходе. Если в 1962 г. он равнялся 10,4%, то в 1965 г. – 27,1%. К концу 1964 г. страна могла обеспечить более 90% собственных потребностей в основном оборудовании.

Ассортимент промышленной продукции за четыре года вырос в три раза. К 1964 г. металлургия освоила производство почти всего перечня из двух тысяч типоразмеров проката, необходимых для авто- и тракторостроения, а также большинство типоразмеров из 100 с лишним, требовавшихся для строительства судов водоизмещением 10 тыс. и более тонн и производства оборудования для химической промышленности.

Число видов продукции машиностроения в 1964 г. увеличилось более чем вдвое по сравнению с 1957 г. При выпуске 30–35 тыс. металлорежущих станков в год в КНР производилось 380–400 их видов, а для достижения полной независимости в этой сфере производства это число предполагалось увеличить до 700. Металлурги страны более чем на 90% удовлетворяли нужды народного хозяйства в прокатках и прокате вместо 75% в 1957 г. Машиностроители в 1964 г. дали стране более 90% необходимого машинного оборудования вместо 55% в 1957 г.

Удалось уменьшить напряженность в снабжении населения основными продуктами питания и товарами повседневного спроса. Было отменено или ослаблено нормирование некоторых видов продуктов и товаров. В 1965 г. без карточек продавались свинина, яйца, мыло, часть ассортимента шерстяных тканей, было ослаблено нормирование табачных изделий, чая, шерстяного трикотажа.

Но несмотря на определенные успехи, материальное положение широких слоев населения оставалось трудным. Вызывала недовольство высылка рабочих и служащих, а также «образованной молодежи» из городов в деревню, меры по сдерживанию роста потребления. В целях решения проблемы обеспечения растущего населения продовольствием проводились массовые кампании по предупреждению рождаемости, пропагандировалась стерилизация. Был увеличен возраст вступления в брак: 25 лет для женщин и 30 лет для мужчин.

Средняя месячная заработная плата рабочих и служащих увеличилась незначительно, либо вообще не увеличилась, в то время как розничные цены на ряд продовольственных и промышленных товаров возросли. Хотя к 1966 г.

КНР по объему валового производства некоторых видов продукции занимала ведущие места в мире (по производству угля, в пересчете на каменный, – 3-е место, чугуна – 7-е, стали – 8-е, нефтедобычи – 20-е), разрыв между Китаем и развитыми странами как по объему промышленной продукции, так и по качественным ее характеристикам увеличивался.

Оценивая ситуацию в целом, член ЦК КПК, впоследствии председатель КНР Ян Шанкунь признавал, что эти пять лет (1962–1966 гг.) урегулирования были самым лучшим периодом в развитии экономики со времени создания государства. «Тут несомненно, что (Лю) Шаоци отдал этому кровь своего сердца. Благодаря тому, что он руководил работой на первой линии, он сыграл ту роль, которую вместо него не мог сыграть никто иной».

«Антиревизионистские» кампании

Выдвижение Мао Цзэдуном мысли об «угрозе» «ревизионизма» имело своим следствием дальнейший рост его подозрительности в отношении руководства партии и государства. Мао Цзэдун сначала считал, что «ревизионистская» опасность исходила в первую очередь от трех отделов ЦК КПК – Отдела по работе в деревне, возглавлявшегося Дэн Цзыхоем, Отдела единого фронта во главе с Ли Вэйханем и Отдела по международным связям под руководством Ван Цзясяна.

Критика Ли Вэйханя началась уже в августе 1964 г., когда ему был приклеен ярлык «антипартийного элемента». 25 декабря 1964 г. ЦК КПК освободил Ли Вэйханя от должности заведующего отделом. На сессии ВСНП и сессии НПКСК он был снят с должности заместителя председателя ПК ВСНП и заместителя председателя ВК НПКСК. Ли Вэйхань был вынужден выступить с «самоанализом» и признать, что выступал «против партии, против ЦК и председателя Мао Цзэдуна». Он был реабилитирован только в 1980 г., т.е. спустя четыре года после смерти Мао Цзэдуна.

Почти одновременно началась критика Ван Цзясяна. Мао Цзэдун в своей беседе с делегацией КПЯ 10 апреля 1964 г. подверг резким нападкам Ван Цзясяна и его отдел, а также Отдел единого фронта, и заявил, что среди членов и кандидатов в члены ЦК КПК «более десятка человек – ревизионисты».

Мао Цзэдун и его приверженцы стали требовать «самокритики» и от других сторонников умеренного или реалистичного внешне- и внутривластного курса. Так, 18 июня 1965 г. «самокритичное» письмо направил Мао Цзэдуну Чэнь Юнь. Он каялся в том, что в начале июля 1962 г. предложил распределять землю по дворам для стимулирования производственной активности крестьян, и расценивал свои ошибки как «правый уклон».

Все это происходило в условиях усиления единоличного контроля Мао Цзэдуна над партией, численность которой в 1961 г. насчитывала 17 млн человек, а к концу 1964 г. возросла на 1 млн, что составляло 2,5% населения КНР. Уставные положения о сроках созыва съездов партии и пленумов

ЦК КПК не соблюдались. В соответствии с Уставом КПК очередной съезд должен был состояться в 1961 г., однако вопрос о его созыве в течение первой половины 60-х годов даже не поднимался. После 10-го пленума ЦК КПК 8-го созыва пленумы не собирались вплоть до августа 1966 г. Большая часть важнейших вопросов партийной и государственной жизни решалась на рабочих совещаниях ЦК КПК. Из 87 членов ЦК и 88 кандидатов в члены ЦК КПК, избранных на VIII съезде партии в сентябре 1956 г., более 10 человек умерли. По меньшей мере, на половине территории страны региональных партийных организаций практически не существовало. В региональных организациях КПК коллективное руководство сплошь и рядом подменялось административной деятельностью партийного аппарата либо одного человека – первого секретаря.

Постоянные идеологические и политические кампании, проводившиеся параллельно с движением за «четыре чистки», создавали напряженность в партии. Их задачей было внедрение в сознание широких слоев населения слепой веры в непогрешимость вождя, в необходимость безоговорочного подчинения его указаниям. К числу таких кампаний относились движения «за изучение произведений Мао Цзэдуна», «за воспитание революционной смены», «учиться у Лэй Фэна», «учиться у Народно-освободительной армии».

Движение «за изучение произведений Мао Цзэдуна» активизировалось со второй половины 1962 г. С конца 1963 г. – начала 1964 г. движение вышло за рамки парторганизаций и охватило всю страну. 14 февраля 1964 г. «Жэньминь жибао» в передовой статье призвала всех изучать работы Мао Цзэдуна, «применяя дух *чжэнфэна*»: «Если то, что ты думаешь и делаешь, соответствует идеям Мао Цзэдуна, – писала газета, – это правильно, а то, что не соответствует – ошибочно и подлежит исправлению». В противоположность установкам начала 60-х годов, когда идеологические органы требовали изучать марксизм-ленинизм, «чтобы глубже понять идеи Мао Цзэдуна», стали говорить о необходимости изучать исключительно работы Мао Цзэдуна, причем для изучения рекомендовались лишь «самые популярные статьи», перечень которых был определен Отделом пропаганды ЦК КПК. В печати стали появляться заявления о том, что Мао Цзэдун – «самый гениальный марксист эпохи», «вождь народов всего мира». В июле 1964 г. агентство Синьхуа сообщило о завершении подготовки двух сборников (А и Б) работ Мао Цзэдуна, рекомендованных для изучения массами и намеченных к распространению по всей стране с октября.

С 1965 г. развернулась пропаганда указания министра обороны Линь Бяо о том, что чтение или изучение той или иной работы Мао Цзэдуна дает немедленные практические результаты: позволяет устранить неполадки на производстве, обеспечить создание новых образцов машин и механизмов, прокладывает путь к спортивным рекордам и т.п. Главпур НОАК по указанию министра обороны собрал все ранее напечатанные в главном армейском органе «Цзефанцзюнь бао» изречения Мао Цзэдуна, дополнил их, классифицировал и свел в единый цитатник, названный «Высказывания председателя Мао или Выдержки из произведений Мао Цзэдуна». С 1 мая 1964 г. он стал

распространяться среди личного состава НОАК. Линь Бяо заявил, что «Цитатник», так же, как и личное оружие, должен иметь каждый солдат. В августе 1965 г. «Выдержки» были переизданы в расширенном варианте.

В качестве одного из средств борьбы против «ревизионизма» и за воспитание «нового человека» рассматривалась кампания «учиться у Лэй Фэна». Она положила начало целой серии кампаний-близнецов по освоению морально-политического опыта «погибших героев» – «нержавеющих винтиков» Мао Цзэдуна. Им особо ставились в заслугу преданность и верность Мао Цзэдуну. 22-летний Лэй Фэн, командир отделения Н-ской инженерной части Шэньян-ского гарнизона, погиб 15 августа 1962 г. при выполнении служебного задания в результате несчастного случая – под колесами грузовика. В феврале 1963 г. на страницах центральных газет появились первые материалы о нем и выдержки из его дневника. Когда главный редактор молодежного журнала «Чжунго циннянь» написал Мао Цзэдуну письмо, сообщая о намерении опубликовать дневники Лэй Фэна, и просил Мао Цзэдуна написать собственной рукой какой-нибудь обращенный к читателям призыв, то получил следующее «изречение председателя Мао Цзэдуна»: «Лэй Фэн действительно достоин подражания».

2 марта в журнале «Чжунго циннянь», а 5 марта 1964 г. в газетах «Жэньминь жибао», «Цзефанцзюнь бао» и «Гуанмин жибао» был опубликован призыв Мао Цзэдуна «учиться у товарища Лэй Фэна». 19 марта в музее НОАК открылась выставка, посвященная Лэй Фэну. Ее посетили Чжоу Эньлай и начальник Генштаба НОАК Ло Жуйцин, отметивший, что самые ценные уроки, которые оставил Лэй Фэн, – «умение читать книги Председателя Мао, слушать то, что говорит Председатель Мао, действовать в соответствии с указаниями Председателя Мао, быть хорошим солдатом Председателя Мао».

«Китайский народ должен стать нацией Лэй Фэнов» – писала газета «Чжунго циннянь бао» 3 марта 1964 г. Население КНР призывали сочетать движение «учиться у Лэй Фэна» с кампаниями «за социалистическое воспитание» и «изучение произведений Мао Цзэдуна».

Вслед за Лэй Фэном в ноябре 1965 г. появился новый герой – 23-летний командир саперного отделения Ван Цзе, погибший при случайном взрыве. Ван Цзе олицетворял широко рекламировавшийся в то время в КНР принцип «не бояться трудностей, не бояться смерти». В ноябре–декабре 1965 г. трижды переиздавались огромными тиражами дневники Ван Цзе с предисловием от «Цзефанцзюнь бао». Армейская газета выделила следующие слова, приписанные погибшему саперу: «Как Председатель Мао скажет, так я и должен поступать», вынеся их в заголовок передовой статьи от 10 ноября 1965 г.

Поиск героев главным образом среди военнослужащих НОАК был не случаен. Мао Цзэдун всегда считал армию «кузницей кадров» для КПК, которая на протяжении значительной части своей истории была «воюющей партией». Строгая дисциплина, привычка к неукоснительному исполнению приказов, усиленная идеологическая обработка делали армию не только послушным орудием политического руководства, но и образцовой моделью партии и общества, с точки зрения Мао Цзэдуна.



Мао Цзэдун инспектирует НОАК. 1964 г.

В январе 1964 г. было созвано всеармейское совещание по вопросам политической работы, призвавшее «еще выше поднять красное знамя Мао Цзэдуна», достичь новых высот в деле строительства рот «четырёх хорошо». По окончании совещания, засвидетельствовавшего успешное проведение «чисток» в вооруженных силах, партийное руководство приняло решение рекомендовать армию в качестве образца для всей страны. Кампания «учебы у армии», а затем создание политорганов по армейскому образцу в гражданских учреждениях должны были способствовать предотвращению «мирного перерождения» Китая и наступления «ревизионизма».

Официально кампания «Вся страна должна учиться у НОАК» началась 1 февраля 1964 г., когда в передовой статье «Жэньминь жибао» были отмечены «новые достижения» армии, ставшие результатом «длительного изучения идей Мао Цзэдуна солдатами и офицерами всей армии». Граждан страны призывали поступать так, как это делают «военные, то есть много трудиться и не жаловаться на жизнь». Партийные и административные органы и народные коммуны призывали «крепить систему политической и идеологической работы... выполнять приказы решительно, быстро, строго, не вступая в пререкания и не торгуясь... делать то, что приказывают».

Кампания «учебы у армии» началась с Дацинских нефтепромыслов, коллектив которой стал пионером в деле изучения опыта политической работы в НОАК. Сразу же после начала кампании были даны практические рекомендации для внесения армейского опыта в сферу хозяйственной деятельности. Партийная печать призывала по образцу армейских рот «четырёх хорошо»

развернуть соревнование в промышленности и на транспорте за звание предприятия «пяти хорошо» (хорошо поставленная политическая работа, хорошее выполнение планов, хороший уровень управления делами предприятия, хорошо налаженный быт, хороший стиль работы кадровых работников) и за звание рабочего и служащего «пяти хорошо» (быть «хорошими» в идейно-политическом отношении, в том, что касается выполнения плана, соблюдения дисциплины, постоянных занятиях учебой и помощи друг другу). Главными критериями оценки предприятий и работников становились политические, а не экономические показатели.

В конце 1963 г. Мао Цзэдун выступил с инициативой перенесения некоторых организационных форм деятельности НОАК в сферу хозяйственной жизни. В частности 16 декабря в письме Линь Бяо, Хэ Луну, Не Жунчжэню, Ло Жуйцину и Сяо Хуа относительно учебы у НОАК, об усилении политической и идеологической работы в промышленности Мао Цзэдун поддержал идею «создания политотделов и института политруков» в промышленности. Одновременно он предлагал посылать группы армейских работников в промышленные ведомства для ведения политической работы. В качестве примера он приводил Министерство нефтяной промышленности, где такая работа уже велась. Он предлагал всем министерствам пойти по тому же пути, ибо «без этого не удастся пробудить революционную энергию миллионов рабочих и кадровых работников всех отраслей промышленности». Аналогичные меры рекомендовалось принять и Министерству сельского хозяйства. В 1965 г. создание системы политотделов по ведомственному принципу началось в различных отраслях народного хозяйства.

Разработкой проекта положений по политической работе занялась группа из девяти человек, представлявших Главгур НОАК, Орготдел ЦК КПК, Государственный экономический комитет и ведомства Министерства промышленности и транспорта. Он был представлен для обсуждения на первое Всекитайское совещание по политической работе в промышленности и на транспорте, состоявшееся в марте 1964 г. 1 апреля ЦК КПК официально издал проект «Решения о создании системы и механизма политической работы в промышленности и на транспорте всей страны». В нем говорилось, что, согласно указаниям Мао Цзэдуна, ЦК КПК требует «создания по всей стране механизма политической работы в системе промышленности и транспорта», «создания целостной системы политической работы сверху донизу». В документе предлагалось также сформировать аналогичные органы в сельском хозяйстве, торговле и других отраслях народного хозяйства. В мае 1964 г. под председательством Ли Сяньняня было проведено совещание, посвященное созданию политотделов в системе финансов и торговли. На нем было указано на необходимость создания политотделов во всех учреждениях и на предприятиях. Подчеркивалось, что политотделы состоят в подчинении Центрального политотдела при ЦК КПК и находятся под «двойным управлением» — со стороны вышестоящего политотдела, а также со стороны местного парткома, при преобладающем влиянии последнего.

11 мая 1965 г. ЦК КПК издал «Директиву относительно создания органов по политической работе в системе промышленности и транспорта по всей стране». Политотделы предписывалось создавать на всех уровнях управления, от ЦК КПК до уездных комитетов, в промышленных министерствах Госсовета и в Министерстве транспорта. Они учреждались также на крупных, средних и мелких предприятиях. Политработники, выполнявшие свои обязанности с отрывом и без отрыва от производства, должны были включаться даже в состав производственных бригад. Политорганы должны были создаваться также в министерствах сельского хозяйства и торговли, в высших учебных заведениях.

По сообщениям печати, уже весной 1965 г. около 200 тыс. бывших военнослужащих были переведены на работу в политотделы. Влияние военных чувствовалось и на более низком уровне. Например, в пров. Хэйлуцзян 32% политических инструкторов на важнейших промышленных предприятиях составляли бывшие военные, в пров. Хунань – 40%. В 1963–1965 г. в пров. Хубэй в учреждения Министерства торговли и финансов были переведены 8 тыс. военнослужащих, в пров. Аньхой – 30 тыс.

Начальник политотдела, как правило, военный, стоял выше выборных руководителей местных парторганизаций. Таким образом, создавалась система военизации и политизации гражданских учреждений, идеологической обработки сотрудников армейскими методами, установление более жесткого контроля над парткомами. Система созданных по армейскому образцу органов включала в себя политуправления при министерствах и центральных ведомствах и политотделы в нижестоящих звеньях, вплоть до предприятий, учебных заведений и коммун. Для усиления политического и военного контроля над различными учреждениями Госсовета стали активно практиковаться методы направления военных на работу в гражданские ведомства и организации. Происходило сращивание гражданской и военной администрации. 22 мая 1965 г. на заседании Постоянного комитета ВСНП было обсуждено и принято предложение Госсовета КНР об отмене воинских званий в НОАК и введении единой формы для всех родов войск и видов вооруженных сил с 1 июня 1965 г. 25 мая «Цзефанцзюнь бао» по данному поводу опубликовала передовую статью «Важнейшая мера, способствующая еще большей революционизации нашей армии». В ней говорилось, что отмена воинских званий, введенных в 1955 г. и «не соответствовавших славным традициям нашей армии», мешавших установлению нормальных отношений «между командирами и солдатами, между верхами и низами, между армией и народом», «отражает чаяния и требования широких масс бойцов и командиров», означает «еще большую революционизацию» и «боевитость» НОАК. Отмена воинских званий, введенных по советскому образцу в 1955 г., должна была свидетельствовать о последовательной борьбе с малейшими следами «ревизионизма». «Революционизировавшаяся» армия стала рассматриваться как передовой отряд политических кампаний и движений. В августе 1965 г. Мао Цзэдун одобрил доклад политотдела Военно-го инженерно-строительного института НОАК, где сообщалось об участии

1072 курсантов-выпускников и кадровых работников в движении «за социалистическое воспитание» в сельской местности пров. Хэйлунцзян в течение семи месяцев. В резолюции, адресованной Лю Шаоци, Линь Бяо и Ло Жуйцину, Мао Цзэдун поддержал это начинание, предложив армейским кадровым работникам в течение двух лет по полгода участвовать в движении «за социалистическое воспитание» на селе. Тем самым было положено начало практике привлечения военных к руководству массовыми движениями на местах, получившей особенно широкое распространение в период «культурной революции».

Глава 3

Культура, образование, наука и техника. 1961–1965

Культура, искусство и общественные науки

В начальный период «урегулирования» руководящие органы, отвечавшие за политику в сфере культуры, предприняли попытки исправить последствия «перегибов», допущенных в годы «борьбы с правыми» и «большого скачка». Прошел целый ряд творческих дискуссий. С начала 1960 г. оживилась пропаганда курса «цветения всех цветов».

При обсуждении этого курса неизменно акцентировалась необходимость отделять проблемы культуры и науки от вопросов политики. Журнал «Хунци» в № 5 за 1961 г. опубликовал передовую статью под красноречивым заглавием «Твердо следовать в научных исследованиях курсу “пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все школы”». Статья была перепечатана всеми центральными газетами. Многие расценили эти публикации как санкцию на реабилитацию шельмовавшихся в предыдущие годы принципов художественного творчества. Стали появляться художественные и публицистические произведения, содержавшие завуалированную критику действительности, призывавшие использовать все полезное в культуре прошлого, учиться у мастеров прогрессивной зарубежной культуры.

В апреле–мае 1961 г. Отдел пропаганды ЦК КПК провел совещание с работниками творческих союзов. На совещании была осуждена как «ошибочная» тенденция к игнорированию иностранной и национальной классики. Прозвучали выступления в поддержку тех деятелей литературы и искусства, которые обращались в своем творчестве к исторической тематике. Заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК Чжоу Ян предлагал даже «театрализовать всю историю Китая», т.е. создавать пьесы и спектакли на исторические сюжеты, имея в виду в перспективе охват всего исторического пути китайской цивилизации.

Примечательно, что он же позволил себе возмутиться наиболее одиозными проявлениями культа личности Мао Цзэдуна в искусстве. Так, выступая в феврале 1961 г. в Шанхае, он подверг критике создателей пьес и спектаклей, в которых по несколько раз выражается благодарность председателю Мао Цзэду, а в марте 1961 г., посетив пров. Фуцзянь, заявил, что вследствие многократного повторения «идеи Мао Цзэдуна» из «красной линии» подчас превращаются в «красную ткань». Эти высказывания позднее были расценены как «атака на Мао Цзэдуна и его идеи».

К июню 1961 г. партийная организация Министерства культуры и Всекитайская ассоциация работников литературы и искусства (ВАРЛИ) подготовили проект «Мнений относительно некоторых вопросов современной работы в области литературы и искусства» («Десять тезисов по работе в области литературы и искусства»). В документе признавались недостаточно высокий

идейный и художественный уровень выходящих произведений, отсутствие свободного, творческого обсуждения вопросов литературы и искусства, случаи «произвольного администрирования, упрощенчества и грубой критики». Авторы документа подняли вопросы о бережном отношении к художественному наследию и восприятию лучших достижений зарубежной культуры, о профессиональных критериях в литературно-художественной критике, о воспитании и подготовке творческих кадров, моральном и материальном стимулировании творчества, улучшении стиля руководства, сплочении творческой интеллигенции.

С 1 по 28 июня 1961 г. Отдел пропаганды ЦК КПК провел Всекитайское совещание по работе в области литературы и искусства. В нем участвовали руководящие сотрудники отделов пропаганды и культуры провинциальных парткомов. Главной темой совещания было подведение итогов работы в области литературы и искусства с 1958 г. и выработка ее курса на будущее. Практически в то же время, с 8 июня по 2 июля 1961 г., под эгидой Министерства культуры прошло Всекитайское совещание по производству художественно-игровых фильмов. На нем состоялся обмен мнениями в отношении работы в области литературы и искусства, был доработан проект «10 тезисов», заслушаны критические замечания по руководящей работе в сфере литературы и искусства. 19 июня перед участниками обоих совещаний выступил Чжоу Эньлай. Он признал существование «монополии на право высказываться», которой злоупотребляют некоторые руководители, а причины «боязни высказываться», которую проявляют деятели литературы и искусства, несмотря на призывы к «раскрепощению мышления», видел в репрессиях прошлых лет – «избиениях дубинкой», «таскании за косу и навешивании политических и идеологических ярлыков». В то же время сделанная Чжоу Эньлаем оговорка – о необходимости «хватать... за политически реакционные косы» и неизбежности «навешивания ярлыков» на «действительно правых» – не оставляла надежд на коренное изменение идеологического курса.

Докладчик заявил, что ведущие артисты должны больше получать за свой труд, что не следует «загонять в рамки» сложные и многообразные формы литературы и искусства – оценку тому или иному произведению должны давать массы, а не руководство. Он указал на недопустимость грубого вмешательства в вопросы «тематики творчества», «монополии одного цветка на цветение», замены культуры политикой, погони за количеством произведений в ущерб качеству. Он раскритиковал установку на то, что каждый может «писать стихи и рисовать картины», а в каждом уезде должен быть «свой Го Можо», подчеркнув, что она ведет к «примитивизации» искусства и литературы. Затронув проблему соотношения китайского и иностранного в литературе и искусстве, Чжоу Эньлай призывал не бойкотировать иностранное, но «растворять» его в национальном, а не использовать в «необработанном» виде.

Говоря об отношении к специалистам, значительное число которых было причислено к «белым», Чжоу Эньлай заявил, что «белым является только тот, кто размахивает белым знаменем, кто борется против социализма», и что

недостаточно прилежное «изучение политики» само по себе не может быть основанием для такого рода дефиниций.

На основе указаний ЦК КПК, выступления Чжоу Эньлая и проекта «Десяти тезисов», утвержденного на совещании, Отдел пропаганды ЦК КПК подготовил проект нового руководящего документа, 1 августа 1961 г. разосланный на места для обсуждения. С учетом полученных с мест замечаний под непосредственным руководством Лу Динъи документ вновь был отредактирован, сокращен (он стал называться «Восемь тезисов») и получил название «Мнения относительно вопросов работы в области литературы и искусства». 30 апреля он от имени ЦК КПК был разослан по стране. Документ претендовал на обобщение опыта работы в области литературы и искусства. Начиная с 1949 г. особое внимание уделялось периоду «большого скачка». Указывалось, что некоторые руководящие органы и ведомства грубо нарушали свободу творчества, требовали количества в ущерб качеству. Документ требовал активнее проводить курс «ста школ», повышать качество произведений, гарантировать деятелям культуры возможность творчества, воспитывать таланты, пропагандировать высококачественные произведения, критически продолжать наследовать национальную культуру и впитывать иностранную, усиливать сплоченность, улучшать стиль и методы руководства.

Осенью 1961 г. Министерство культуры выработало еще два документа (проекты): в августе – «О правилах работы театров (театральных групп)» и в ноябре – «Мнения относительно усиления руководства по производству художественных кинофильмов», которые были разосланы по всей стране, однако официально не публиковались. Только во второй половине 1961 г. было проведено 28 научных совещаний по вопросам литературы, киноискусства, театра, национальной эстрады, живописи и т.п. Поднятые на совещаниях проблемы, так или иначе, увязывались с курсом «ста цветов».

В стране вновь с уважением заговорили о поэзии времен «движения 4 мая» (1919 г.), стали публиковать статьи Вэнь Идо, издали стихи Жоу Ши, написанные в 1925 г.; Сяо Сань составил и опубликовал сборник стихов героев китайской революции – Ли Дачжао, Цюй Цюбо, Пэн Бая, Фан Чжими-ня и др. Печатались новые произведения Лао Шэ, Тянь Ханя, Ли Цзи, Тянь Цзяня, Ша Оу, Хэ Цзинчжи. Стали публиковаться произведения молодых поэтов – Ли Ина, Чжан Юнмэй, Цзи Пэна, Го Сяочуаня. В 1962 г. было издано 38 новых поэтических сборников, переиздавались вышедшие ранее. Появлялись отдельные произведения, где положительно упоминали о Советском Союзе. Например, Цзан Кэцзя опубликовал стихи о Гагарине и его первом полете в космос. Это были последние положительные упоминания о нашей стране в китайской поэзии 60–70-х годов. Тогда же в последний раз появились картины с изображением Гагарина и призывами к миру во все мире.

Предпринимались осторожные попытки подвергнуть критике практику и теорию «скачка» в художественном творчестве. Известный художник Ло Гунлю даже осмелился заявить: «“Быстро” не может быть целью и критерием творчества. Цель – создание хорошей картины». Лао Шэ, осмотрев выставку картин в стиле *гохуа* в начале 1961 г. (выставка проходила под показательным для

периода «урегулирования» названием – «Встреча весны»), заявил: «Эта выставка очень успешна: произведений не слишком много, а уровень сравнительно высок». Стали подвергаться критике еще недавно пропагандировавшийся «коллективный» метод творчества, а также тезис о том, что участие мастеров искусства в тяжелом физическом труде – главное, если не единственное, средство, обеспечивающее высокий идейный и художественный уровень произведений.

Одним из самых насущных становился вопрос об исторической тематике в художественных произведениях. Обращение к истории позволяло, в частности, апеллировать к национальной гордости и усиливать недоверие к иностранному в условиях усиления враждебности по отношению к Советскому Союзу и странам Запада.

Был выпущен фильм «Линь Цзэсюй» (1960 г.) о сопротивлении Китая английской экспансии в конце 30-х – начале 40-х годов XIX в. Появился ряд пьес, убеждавших зрителя в непобедимости китайской армии или сознательно раздражавших наиболее болезненные точки исторической памяти, возбуждавших антииностранные настроения, например, «Поджог храма Ванхайлоу», «Морская битва 1894 года», «Сказание о Цю Цзин» и др. Не была забыта и история классовой борьбы: так, известный роман реабилитации «правого» Яо Сюэиня «Ли Цзычэн» служил в известной степени иллюстрацией к тезису об исключительной роли крестьянских восстаний в китайской истории. Популярна была историко-революционная тематика. Так, успехом в те годы пользовался роман Ло Гуанбиня и Ян Ияня «Красный утес», посвященный борьбе коммунистов, заключенных в гоминьдановском концлагере. Роман отличали убедительность большинства сцен (авторы сами были участниками борьбы с Гоминьданом), живость изложения, напряженность действия. Однако образы персонажей в книге обрисованы довольно бледно, в них подчеркивалась привычка к слепому повиновению, которая преподносилась как показатель политической зрелости героев.

В то же время деятели литературы и искусства, разрабатывая дозволенные цензурой исторические темы, пытались откликаться на актуальные тенденции современной жизни. Эти произведения приобретали острое социальное и политическое звучание.

Одним из наиболее заметных произведений такого рода стала пьеса У Ханя «Разжалование Хай Жуя», опубликованная в январе 1961 г. в журнале «Бэйцзин вэньи (Литература и искусство Пекина)». Поводом к ее созданию послужила рекомендация Мао Цзэдуна, которую он дал участникам рабочего совещания ЦК КПК, проходившего в Шанхае в апреле 1959 г. Многие из выступавших на совещании призывали «смелее говорить правду». Мао Цзэдун предложил брать пример с известной исторической личности – честного сановника Хай Жуя (1515–1587), не побоявшегося выступить с резкой критикой императора. На выступление Мао Цзэдуна откликнулся У Хань, видный ученый, специалист по истории эпохи Мин (1368–1644 гг.), преподаватель университета Цинхуа и заместитель мэра Пекина. 16 июня 1959 г. в газете «Жэньминь жибао» под псевдонимом Лю Мянчжи появилась его статья «Хай Жуи ругает императора». Хай Жуи был представлен как «заступник за угнетенных,

униженных и оскорбленных», боровшийся «с силами черной реакции в интересах народа». Вскоре был написан сценарий первой пьесы – «Хай Жуи представляет доклад». После Лушаньского совещания и пленума ЦК КПК, на которых подвергся резкой критике Пэн Дэхуай, 21 сентября 1959 г. в «Жэньминь жибао» появилась другая статья У Ханя – «Историческое место Хай Жуя». Автор явно пытался обезопасить себя от обвинений в иносказательной поддержке опального маршала, сочетая призывы следовать примеру Хай Жуя и выступать «против ханжества старого века и нынешнего бюрократизма» с выражением негодования происками «правых оппортунистов».

В ноябре 1960 г. У Хань вчерне закончил новую редакцию пьесы, переименованную в «Разжалование Хай Жуя (О том, как Хай Жуи был лишен поста чиновника)». В январе 1961 г. пьеса впервые была поставлена на столичной сцене. По сюжету, сановник Хай Жуи выступил против вельможи Сюй Цзе и настаивал на казни его сына, отобравшего землю у крестьян. Сюй Цзе с помощью подкупа добился указа о снятии Хай Жуя, позволявшего себе в глаза критиковать императора, с должности. История жизни минского чиновника дала автору возможность заявить о необходимости использования лучших национальных традиций на пользу современности.

Пьеса получила хорошие отзывы у публики, в театральных кругах и в прессе. Мао Цзэдун одобрил пьесу и спектакль, даже поздравил исполнителя главной роли с хорошей игрой. С восторженными отзывами на пьесу выступили заведующий Отделом единого фронта Пекинского горкома КПК Ляо Моша, видный исследователь философской и общественно-политической мысли Китая Хоу Вайлу, другие политики и деятели культуры. Пьеса о Хай Жуе шла на сцене около двух лет.

Стала развиваться сатирическая публицистика. С марта 1961 г. по октябрь 1962 г. в столичной «Бэйцзин ваньбао» («Пекинская вечерняя газета») под рубрикой «Вечерние беседы в Яньшане» одна за другой стали появляться острые публицистические заметки второго секретаря Пекинского горкома КПК, бывшего главного редактора «Жэньминь жибао», известного журналиста и историка Дэн То. Всего под этой рубрикой было опубликовано 153 заметки. Дэн То в иносказательной форме высмеивал установки, которые вели к деградации образования, отстаивал значение профессиональных знаний во всех областях, разоблачал расточительность при использовании рабочей силы, необоснованные репрессии, основанные на «искусственно раздутых и сфабрикованных делах». Вскрывая подспудно насаждавшуюся в стране враждебность по отношению к советскому народу и к СССР, он призывал учиться у страны, которая «сильнее нашей», сохранить сплоченность с ней, «радоваться, когда друг сильнее тебя», напоминал, что тот, «кто высоко мнит о себе и после первых успехов отпихивает от себя учителя, ничему не научится».

С аналогичных позиций с октября 1961 г. в ежемесячнике Пекинского горкома «Цяньсянь» («Передовая линия») под рубрикой «Записки из села Трех» вместе с Дэн То стали выступать У Хань и Ляо Моша (под общим псевдонимом У Наньсин). Под данной рубрикой к июлю 1964 г. было опубликовано

67 статей, из которых перу У Ханя принадлежала 21. Некоторые из этих публикаций дали основания впоследствии интерпретировать их как осмеяние претензий Мао Цзэдуна на раздувание своего культа, критику его враждебного СССР курса.

В 1962 г. ярким событием не только театральной, но и общественной жизни стала постановка драмы «Се Яохуань» известного драматурга, поэта и киносценариста, автора 130 пьес и киносценариев, бессменного председателя Ассоциации театральных работников Тянь Ханя. Сюжет пьесы восходит к традиционной пьесе «Женщина-ревизор», предназначенной для постановок в жанре *ваньваньцзян* (танцевального спектакля с оркестровым аккомпанементом). В пьесе описывались события эпохи Тан (618–906 гг.). Это историческая драма с идеальным героем и счастливым концом, проникнутая дидактическим пафосом конфуцианской литературы. Главная героиня пьесы – девушка из народа, дочь сельского учителя, возвысившаяся при дворе императрицы У Цзэтянь (VIII в.) благодаря уму и высоким моральным качествам – стала для автора примером бескомпромиссного служения народу. Обращаясь к вторичному литературному материалу, Тянь Хань создал произведение, предлагавшее ответы как на актуальные политические, так и на вечные общечеловеческие вопросы.

В это же время вышли два сказа «Сон в цветах сливы» и «Мэн Лицзюнь». В первом звучал призыв «возненавидеть алчных самодуров-чиновников», «всех скудных талантами», во втором бичевался правитель за склонность верить клевете, преследовать тех, кто ему верен.

В 1962 г. У Хань выступил на страницах печати с серией статей («Поговорим о морали» и др.), где подверг сомнению высокий уровень сознательности китайского крестьянства и его социальный идеал, высказывал несогласие с трактовкой понятий «преданности» и «долга», насаждавшейся в целях раздувания культа личности Мао Цзэдуна. Преданности правителю автор противопоставлял верность социалистическому обществу и народу. Его рассуждения содержали завуалированную критику атмосферы наушничества и всеобщей подозрительности, нагнетавшейся в КНР.

Политика в области культуры, проводившаяся в 1961–1962 гг., создавала впечатление решительного отхода от идеологического курса «большого скачка». В августе 1962 г. Министерство культуры издало «Уведомление о приостановке демонстрации кинофильмов, идущих вразрез с духом нынешней политики». Документ требовал прекратить прокат более 40 фильмов, которые в той или иной степени пропагандировали «дух бахвальства» и «поветрие коммунизации». Среди них три фильма Пекинской киностудии, в том числе «Поэма о Шисаньлинском водохранилище» (по сценарию Тянь Ханя, снят в жанре «документально-художественного кино» в 1958 г.), где был показан контраст горького прошлого (на черно-белой пленке), счастливого настоящего и радужного будущего (в цвете); более 30 фильмов шанхайских киностудий, такие как «Догоняя друг друга» (рассказ о трудовом соревновании двух сельскохозяйственных кооперативов Чжэцзяна), «Стальные цветы распускаются повсюду», «Битва с воробьями», «Догоним

Англию» и др.; восемь фильмов, снятых на Чанчуньской киностудии и один – на Сианьской.

Ситуация стал меняться после 10-го пленума ЦК КПК 8-го созыва, когда «борьба с ревизионизмом» развернулась и в сфере литературы и искусства. Идеология, а в широком смысле область культуры, была объявлена главной ареной классовой борьбы в условиях социалистического строя.

Именно в области идеологии опробовала свои силы в качестве самостоятельной политической фигуры жена Мао Цзэдуна Цзян Цин, театральная и киноактриса. 26 августа 1961 г. в газете «Чжунго циннянь бао» была напечатана ее корреспонденция «Хорошие традиции одной роты Красной Армии» – хвалебный, но бледно написанный очерк о преданности и скромности личного состава первой охранной роты. В том же духе был выдержан ее очерк, опубликованный в № 8 журнала «Чжунго фунью» (август 1961 г.), – о трудолюбивой и бережливой многодетной матери, жене политкомиссара. Видимо, читателю давали понять, что Цзян Цин тоже является «образцовой помощницей» своего супруга.

Цзян Цин, Кан Шэн, Яо Вэньюань и их единомышленники в ходе кампании за «четыре чистки» выступали с призывами «взяться» за литературу, искусство, театр и кино.

Особые требования стали предъявляться к сюжетам и персонажам пьес, прежде всего на исторические темы. Так, осенью 1962 г. Цзян Цин подвергла критике написанную для традиционного музыкального театра пьесу Мэн Чао «Ли Хойнян», опубликованную в 1961 г. Она охарактеризовала пьесу как «бесовскую» и «чуждую социализму» – на том основании, что по сюжету на сцене появлялись привидения. 21 декабря 1962 г. Мао Цзэдун в беседе с секретарями провинций и городов Северо-Восточного Китая поставил вопрос о персонажах пьес, выразив недовольство засилием на сцене «императоров и князей, генералов и сановников, молодых красавиц в паре с талантливыми кавалерами». Мао Цзэдун заявил, что в театре «ветер с Запада начинает дуть ветром с Востока», и поставил в пример косным «старым» театральным труппам самодеятельные художественные коллективы, которым якобы удавалось «совсем неплохо» отражать современную жизнь.

Откликнувшись на указания вождя, уже 1 января 1963 г. первый секретарь шанхайского горкома КПК Кэ Цинши на совещании работников литературы и искусства призвал их описывать только события «последних 13 лет» со дня основания КНР. Помимо этого, он выступил в печати с призывом к писателям отказаться от разработки исторических сюжетов, где преобладают «черти», императоры и сановники, и заняться «воспеванием героики революционных будней».

У него нашлись как сторонники, так и противники. На совещании работников литературы и искусства, созванном Отделом пропаганды ЦК КПК в апреле 1963 г., Чжоу Ян, Линь Мохань и другие участники отметили «односторонность» лозунга «описывать только 13 лет», подвергли критике мнение о том, что «социалистическая литература должна описывать жизнь только в период социализма». В то же время выступивший на совещании секретарь парткома КПК города Шанхая Чжан Чуньцяо поддержал Кэ Цинши.

29 марта 1963 г. ЦК КПК утвердил доклад партийной группы Министерства культуры, настаивавшей на прекращении постановок пьес, в которых выводятся потусторонние персонажи («нечисть») – призраки, демоны и т.п. Особое негодование составителей доклада вызвала пьеса «Ли Хойнян». Примечательно, что вначале пьеса была с одобрением встречена даже идейными единомышленниками Цзян Цин, например Кан Шэном, который после постановки пьесы лично встречался с автором и актерами и поздравил их с успехом. 10-й пленум иначе расставил политические акценты, и произведение Мэн Чао стало подвергаться нападкам. Как вытекало из содержания доклада, критиков раздражало не столько изображение «чертей», сколько содержащиеся в пьесе намеки на серьезные социальные проблемы, возникшие в результате «большого скачка».

«Карательный поход» против пьесы и ее автора возглавила Цзян Цин, организовав критику «теории безвредности чертей» (так называлась положительная рецензия на пьесу, принадлежавшую перу Ляо Моша). 6 мая 1963 г. в шанхайской газете «Вэньхой бао» появилась критическая статья, нашедшая поддержку у Кэ Цинши. В статье автора пьесы обвиняли в «атаке» против КПК.

С этого момента в театральных кругах началась широкомасштабная кампания критики «дьявольских пьес». Эта критика находилась в центре внимания участников совещания по «ликвидации устаревшего и развитию нового в опере и драме», проведенное Министерством культуры в конце 1963 г. Весной 1964 г. Кан Шэн заявил, что пьеса «Ли Хойнян» является классическим образцом «плохой пьесы», и подверг критике Мэн Чао и Ляо Моша, утверждая, что они «используют чертей для свержения диктатуры пролетариата». 1 марта 1965 г. «Жэньминь жибао» опубликовала статью «Вновь подвергнем критике новую редакцию пьесы Мэн Чао “Ли Хойнян”». В слове от редакции пьеса была названа «антипартийной и антисоциалистической ядовитой травой».

20 мая 1963 г. в «Вэньхой бао» была опубликована статья Яо Вэньюаня, где он обрушился на содержание изданного в КНР музыкального альбома французского композитора Клода Дебюсси (1862–1918). С того момента началась критика творчества Дебюсси как «классово чуждого», «аристократического», направленного на «одурманивание» толпы. Идеологической критике подвергались и произведения киноискусства. Так, в сентябре 1963 г. Кан Шэн обрушился с критикой на созданный Сианьской киностудией фильм «Крутые волны Красной реки», назвав его «антипартийным».

Все эти критические выступления поддерживались указаниями Мао Цзэдуна. Так, на рабочем совещании ЦК КПК 27 сентября 1963 г. он вновь выразил возмущение театральным репертуаром, заявив о недопустимости постановки «старых» пьес, в которых выведены «императоры и сановники», призвав театральных деятелей «отбрасывая устаревшее», уделять главное внимание «социалистическому», «выдвигать новые формы», а в прежние «вкладывать новое содержание». В ноябре 1963 г. он по тому же поводу резко критически высказался о Министерстве культуры, иронически предложив

переименовать его в «министерство императоров и князей, сановников и генералов» либо в «иностранное министерство мертвых душ» (имея в виду засылку в театре классики и исторических персонажей). Ведущий театральный печатный орган журнал «Сицзюй бао» («Театр») Мао Цзэдун обвинил в «пропаганде нечисти». В начале декабря 1963 г. к Мао Цзэдуну поступил доклад, составленный Группой по литературе и искусству Отдела пропаганды ЦК КПК. В нем был раздел об успехах Кэ Цинши в области руководства шанхайской эстрадой, в том числе о введении эстрадного амплуа «рассказчиков» – «красных пропагандистов», выступавших с «революционными историями» в ходе кампании «за социалистическое воспитание». 12 декабря 1963 г. в резолюции на этот документ Мао Цзэдун в целом положительно оценил доклад, попутно обвинив союзы творческой интеллигенции в проповеди «феодально-буржуазного искусства» и равнодушии к пропаганде социалистического искусства. Он предложил «взяться за это дело серьезно». Резолюцию Мао Цзэдун адресовал персонально первому секретарю Пекинского горкома партии Пэн Чжэню и второму секретарю горкома Лю Жэню.

С этого момента начались резкие нападки Мао Цзэдуна и его ближайших сторонников на Министерство культуры, театр, кино, союзы творческой интеллигенции. Те вынуждены были ради самосохранения немедленно отреагировать на критику сверху, организовав кампанию за упорядочение стиля работы.

Смотр спектаклей театра разговорной драмы, прошедший с 25 декабря 1963 г. по 22 января 1964 г. в Шанхае, его организаторы попытались провести в соответствии с указаниями Мао Цзэдуна. Было показано 13 многоактных и семь одноактных спектаклей. Одобрение организаторов получили пьесы «Об этом забывать нельзя» и «Молодое поколение» – о молодых рабочих, активных комсомольцах и передовиках производства, которые боролись с «буржуазными настроениями» в обществе и твердили о необходимости острой «классовой борьбы». Кэ Цинши выступил на этом смотре с критикой в адрес тех, кто пропагандирует «феодальные и буржуазные плохие пьесы», утверждает, что «есть черти, не приносящие зла».

3 января 1964 г. Лю Шаоци провел собеседование с работниками сферы литературы и искусства и Отдела пропаганды ЦК КПК. На собеседовании присутствовали также Дэн Сяопин, Пэн Чжэнь, Чжоу Ян, Кан Шэн и Цзян Цин. Чжоу Ян изложил последнее указание Мао Цзэдуна по вопросам литературы и искусства, а также сделал сообщение об обстановке в этой сфере за последние 15 лет. Он констатировал «огромные успехи», достигнутые на этом фронте, а также указал на проблемы и недостатки, отнеся их к «ошибкам в мировоззрении», заверив собравшихся в том, что они будут постепенно исправляться, выдвинул ряд предложений по осуществлению нового указания Мао Цзэдуна. Выступили также Лю Шаоци, Дэн Сяопин и Пэн Чжэнь. Они изложили участникам совещания взгляды Мао Цзэдуна по поводу «борьбы с ревизионизмом» на фронте литературы и искусства.

Пэн Чжэнь, которому в декабре 1963 г. была адресована резолюция Мао Цзэдуна, понимал, что должен каяться, и выступил с самокритикой. Он

признал отставание Пекинского горкома «в осуществлении революции на фронте литературы и искусства», возложил ответственность за это на себя и Лю Жэня и признал необходимость срочного решения данной проблемы. Попытки Кан Шэна и Цзян Цин в своих выступлениях сосредоточить внимание на «классовых позициях» работников творческих союзов не были поддержаны остальными участниками мероприятия, а Лю Шаоци в своем выступлении 3 января основное место уделил успехам, которых добились творческие работники за 15 лет народной власти. В то же время участники собеседования были вынуждены подвергнуть критике исторические пьесы «Ли Хойнян» Мэн Чао и «Се Яохуань» Тянь Ханя.

8 мая 1964 г. Группа по литературе и искусству Отдела пропаганды ЦК КПК подготовила проект «Доклада о ситуации с упорядочением стиля работы Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства (ВАРЛИ) и входящих в нее творческих союзов». В нем говорилось, что в ходе «упорядочения стиля» работы во всех коллективах творческих союзов были выявлены серьезные проблемы: не осуществляется должным образом курс партии в области литературы и искусства; недостаточная боевитость организаций, сильное влияние «стиля буржуазной идеологии» и индивидуализма; повышенное внимание к достижениям и недостаточное — к недочетам; небрежение вопросами идеологического перевоспитания и классовой чистотой рядов. Для исправления ситуации предлагалось повысить внимание к освещению современности, показу героев социалистической эпохи, текущей классовой борьбы, «углубляться в жизнь масс», провести «упорядочение рядов» работников литературы и искусства, превратить литературные издания в пропагандистов курса и политики партии, «идей Мао Цзэдуна», воспитывать молодых писателей и литераторов, усилить литературную критику. В докладе сообщалось, что коммунисты — члены и кадровые работники творческих союзов будут по очереди отправляться в низы для участия в физическом труде и в кампании «за социалистическое воспитание», налаживания связей с массами.

Цзян Цин передала проект доклада Мао Цзэдуна для ознакомления. 27 июня он наложил на документ резолюцию, в которой констатировал, что на протяжении 15 лет творческие ассоциации и большинство их периодических изданий «не проводили в жизнь политику партии», а их руководители превратились в оторванных от народа чиновников. Эти организации, по мнению Мао Цзэдуна, оказались на «краю ревизионистской пропасти». 1 июля 1964 г. «Жэньминь жибао» перепечатала передовую статью из № 12 журнала «Хунци» «Великая революция на культурном фронте», где утверждалось, что «революция в пекинской драме является революцией не только в области культуры, но и в сфере социальной».

2 июля 1964 г. Отдел пропаганды ЦК КПК созвал совещание ответственных работников Министерства культуры и ВАРЛИ. До них было доведено указание Мао Цзэдуна относительно стоявшей перед творческими союзами «ревизионистской угрозы». После совещания поднялась новая волна «движения за упорядочение стиля» во всех ассоциациях и творческих союзах, в учреждениях и органах культуры, средствах массовой информации, превратившаяся



*Слева направо: Чжу Дэ, Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай
на встрече с артистами. 1964 г.*

в кампанию политической критики. С лета 1964 г. она распространилась на сферу гуманитарных и общественных наук, затронув философию, экономику и историю. В каждой из областей культуры и науки были найдены персональные объекты особенно острых критических нападок.

7 июля Секретариат ЦК КПК провел заседание, на котором по требованию Мао Цзэдуна было принято решение о создании «Группы пяти по делам культурной революции», ответственной за проведение в жизнь указаний Мао Цзэдуна и ЦК КПК относительно «научной критики» по вопросам литературы и искусства, философии и общественных наук. В группу входили: член Политбюро ЦК КПК, первый секретарь Пекинского горкома партии, мэр Пекина Пэн Чжэнь (руководитель группы), кандидат в члены Политбюро ЦК КПК, секретарь ЦК, заведующий Отделом пропаганды ЦК Лу Динъи (заместитель руководителя), кандидат в члены Политбюро, руководитель Теоретической группы ЦК КПК Кан Шэн, заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК по вопросам литературы и искусства Чжоу Ян, заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК, курировавший средства массовой информации, главный редактор «Жэньминь жибао», генеральный директор Агентства Синьхуа У Лэнси.

27 августа 1964 г. для руководства кампанией в ВАРЛИ была создана специальная группа – так называемое «ядро» (штаб по руководству работой «по упорядочению стиля»). Кампания велась в течение десяти месяцев – до апреля 1965 г.

5–31 июля под руководством Чжоу Эньлая и Пэн Чжэня Министерство культуры провело в Пекине Всекитайский смотр спектаклей пекинской музыкальной драмы на современные темы. Это был первый «смотр успехов»

реформированной пекинской музыкальной драмы – *цзинцзюй*, сложившегося в столичной области синтетического сценического искусства на основе традиционного музыкального театра. В смотре участвовало 28 коллективов из 19 провинций, городов и автономных районов. На открытии смотра общее число участников и приглашенных составило более 5 тыс. человек. В президиуме сидели Лу Динъи, Кан Шэн, Го Можо, а также известные на всю страну специалисты в области этого вида драмы. На открытии выступил министр культуры КНР Шэнь Яньбин, отметивший, что собравшиеся на смотр коллективы готовы продемонстрировать на сцене «не императоров и князей, а образы рабочих, крестьян и солдат новой эпохи». Среди 37 спектаклей, показанных на смотре, фигурировали и те, которые, по некоторым данным, были поставлены под руководством Цзян Цин («Искры в камышах», «Красный фонарь»), но успеха они не имели.

На смотре одним из основных арбитров по вопросам театра и театральной политики стала Цзян Цин. Она была впервые открыто представлена на публичном мероприятии под этим именем (ее настоящее имя Ли Юньхэ) после того, как ЦК КПК запретил ей участвовать в политической жизни в 30-е годы. В своем выступлении она заклеила всю предыдущую деятельность театра как «подрывную» по отношению к экономическому базису, а репертуар охарактеризовала как «феодално-буржуазный», поскольку даже современные драматические труппы, по ее мнению, отдавали предпочтение иностранным и историческим пьесам. Цзян Цин прямо поставила под сомнение классовую благонадежность работников театра. Выступление было настолько одиозным для того времени, что партийно-государственное руководство вообще не рискнуло его опубликовать, и оно появилось в печати только через три года, во время «культурной революции», с фальсифицированной датой. В то же время Мао Цзэдун одобрил текст выступления. Появление Цзян Цин на встрече с артистами и участниками смотра вместе с Чжоу Эньлаем и Кан Шэном должно было свидетельствовать, что они ее решительно поддерживают.

На смотре выступил и Пэн Чжэнь. Видимо подыгрывая Цзян Цин и Мао Цзэдуну, он заявил, что некие «злонамеренные люди вынуждены рядиться в личины и играть на сцене людей прошлого», на деле выступая в защиту феодализма и капитализма. Не называя имен, он утверждал, что есть лица, которые пытаются «разлагать дух нашего народа, отравлять нашу молодежь», «использовать пекинский музыкальный театр для переделки Поднебесной». Выступая на закрытии слета, Пэн Чжэнь заявил, что вопрос о том, «хорошей» или «плохой» будет пекинская драма в идейно-политическом отношении, должен предрешить решение вопроса о ее дальнейшем существовании.

На заключительном совещании 31 июля 1964 г. Кан Шэн выступил с критикой «плохих» пьес и кинофильмов («Се Яохуань», «Ли Хойнян», «Сестры на сцене», «Южный колорит на севере страны», «Тысяча ли против ветра») как «больших ядовитых трав».

Таким образом, значение данного слета далеко выходило за рамки демонстрации достижений одного театрального жанра. Слет сыграл роль «установочного» мероприятия для литературы и искусства страны. Представители

высшего партийно-государственного руководства с предельной отчетливостью сформулировали официальный курс в этой области и огласили последнее директивы Мао Цзэдуна. Борьба за современный репертуар в театре подавалась в большинстве выступлений как политическая кампания, имевшая ярко выраженную «антиревизионистскую» окраску, как ярчайшее проявление противоборства «социализма» и «ревизионизма» в области надстройки. Появление Цзян Цин в роли специалиста по «революционизации» китайского театра и ее активность должны были показать, что супруга Мао Цзэдуна выходит на политическую авансцену в качестве весомой фигуры, за которой стоят авторитет и поддержка вождя.

В июле 1964 г. Цзян Цин передала для просмотра супругу «Бюллетени по проверке работы», отражавшие ход «упорядочения стиля» в Министерстве культуры, ВАРЛИ и всех входящих в нее ассоциаций и союзов. Бюллетени были составлены в форме политического доноса. В № 9 бюллетеня говорилось о «широкой пропаганде фильмов 30-х годов» из-за попустительства «определенных лиц», которые отрицают успехи социалистической кинематографии и «эпохальное значение выступления Мао Цзэдуна по литературе и искусству в Яньани». В № 18 бюллетеня утверждалось, что в музыкальных кругах сложилась обстановка «слепого преклонения перед Западом» и прошлым, среди недостойных подражания назывались имена покойных к тому времени основоположников современной китайской музыки композиторов Не Эра (автора «Марша добровольцев», ставшего государственным гимном КНР) и Сянь Синхая. В № 21 критике подвергалось руководство отделения ВАРЛИ, «превозносившее» известного драматурга, заместителя председателя ВАРЛИ Ян Ханьшэна.

По указанию Кан Шэна 14 августа 1964 г. Отдел пропаганды ЦК КПК составил для Секретариата ЦК доклад с предложением развернуть широкую критику кинофильмов «Февраль, ранняя весна» и «Южный колорит на севере страны».

Примечательно, что всего лишь 19 июля 1964 г. «Жэньминь жибао» опубликовала положительную рецензию на фильм «Южный колорит на севере страны», поднимавший тему освоения малообжитых земель в Северном Китае. В фильме был дан по-человечески теплый образ коммунистки Иньхуа. В рецензии говорилось, что кинолента «воспевает народные массы, которые под руководством партии преобразует, опираясь на собственные силы, природу, чтобы превратить их бедный Север в цветущий Юг». А уже 30 июля в той же газете появилась критическая статья «Строго и по-настоящему оценить фильм “Южный колорит на севере страны”». 8 августа в «Жэньминь жибао» была продолжена атака на этот фильм. Критик возмущался тем, что главная героиня – член партии – страдает и плачет как обычный человек; тем самым создатели фильма, по мнению рецензента, пытались «одурманить революционные массы», завести их «в туман человечности и гуманизма».

По указанию Мао Цзэдуна список подвергавшихся критике кинофильмов был расширен. Объектами нападок стали несколько десятков кинофильмов, а также пьес и романов, объявленных «ревизионистскими» произведениями,

«ядовитыми травами», проявлениями борьбы «двух классов» и «двух путей» в литературе и искусстве. В течение октября 1964 г. пресса КНР опубликовала около 230 критических статей об одном только фильме «Февраль, ранняя весна». Ожесточенной критике подверглись фильмы «Лавка семьи Линь» (сценарий заместителя министра культуры Ся Яня по одноименной повести Мао Дуня), «Сильный поток», «Город в осаде», «Рекрутский набор», «Сестры на сцене», «Не Эр».

Начались нападки на «теорию описания среднего героя» и «углубления реализма». Создание этой «теории» приписывалось известному писателю и литературоведу, заместителю председателя и секретарю парткома Союза китайских писателей Шао Цюаньлиню. В марте 1961 г. он предложил журналу «Вэнь бао» («Литература и искусство») опубликовать цикл статей под рубрикой «Вопросы тематики». В этом цикле была и статья Шао Цюаньлиня «Проблема типичного». В ней он, как позднее писали его критики, подчеркивая необходимость разнообразия изображаемых персонажей, на деле ратовал за «описание среднего героя» вместо истинной героики «революционных» будней. В последующих публикациях и статьях он сетовал на жесткую регламентацию писательского творчества, боязнь литераторов «вскрывать противоречия внутри народа», поверхностность официального «романтизма».

Выступая в августе 1962 г. в Далине на организованном Союзом китайских писателей совещании, посвященном рассказам на деревенскую тему, Шао Цюаньлинь подчеркнул ограниченность набора тем и примитивность методов в литературе и искусстве Китая, склонность к описанию исключительно передовиков производства и противостоящих им отрицательных персонажей. Он предлагал сделать шаг к описанию реальной жизни и сложной психологии обычного человека, представляющего собой «нечто среднее между хорошим и плохим человеком, между положительным и отрицательным героем», считал необходимым учиться «в малом видеть великое», «в одном зернышке риса видеть мир во всем его многообразии и масштабах». Он считал закономерно трудным делом «преобразование идеологии» интеллигенции, сравнивая его с трудностями перехода крестьян от единоличного хозяйства к коллективному.

За эти взгляды он подвергся шельмованию во второй половине 1964 г. Атака началась двумя редакционными статьями «Вэнь бао» – «“Изображение среднего героя” – буржуазный взгляд на литературу» и «О материалах, касающихся “описания среднего героя”» соответственно от 31 октября и 1 ноября 1964 г. Статьи были перепечатаны всеми центральными газетами, объявившими взгляды Шао Цюаньлиня на литературу и искусство «буржуазными». Его призыв «разбить упрощенчество, догматизм и механицизм» для развития литературного творчества расценивался как «злая клевета проповедника буржуазных взглядов на китайскую литературу». Гонения на Шао Цюаньлиня усилились во время «культурной революции» – он был репрессирован и умер в 1971 г.

В связи с нарастанием в центральной и местной печати волны критики в кругах интеллигенции усилились тревога и озабоченность, что сказывалось

отрицательно на ее активности и инициативе, тормозило развитие культуры, науки и просвещения. Это понимали руководители партии и государства из числа инициаторов политики «урегулирования». Дэн Сяопин, выступая на заседании Секретариата ЦК КПК 2 марта 1965 г. по поводу ошибок «левого» толка, допущенных в Пекинском университете, заявил о боязни людей «писать статьи», о засилии «спектаклей о бойцах и войне» на театральных подмостках, отсутствии хороших фильмов, которые не выпускаются в прокат, тогда как псевдореволюционеры пытаются «сделать себе имя, критикуя других, стремятся пробраться наверх, переступая через других». Несколько ранее, 23 февраля, Чжоу Ян на совещании ответственных руководителей творческих союзов и ассоциаций, газет и журналов предложил при написании критических статей не «палить в воздух», «беспорядочно не навешивать ярлыки», исключать «односторонность и категоричность» в суждениях, призывать «отделять политику от науки».

К апрелю 1965 г. Министерство культуры и ВАРЛИ с входящими в нее союзами и ассоциациями подготовили доклад «Об успешном завершении кампании перевоспитания в области литературы и искусства». Однако качество проведения и результаты кампании были признаны неудовлетворительными. За допущенные «ошибки» 7 апреля ЦК КПК, выражая точку зрения Мао Цзэдуна, предложил снять с должностей заместителей министра культуры Ся Яня и Ци Яньмина как членов КПК, в первую очередь отвечавших перед партией за провалы в работе министерства (министр культуры Мао Дунь был беспартийным), а несколько позже, 30 апреля 1965 г., Госсовет КНР помимо заместителей министра снял с должности и Мао Дуня.

В мае того же года на должность заместителя министра и секретаря партийной организации Министерства культуры был назначен Ся Вандун (заместитель политкомиссара Нанкинского военного округа), заместителями секретаря стали Ши Симинь (одновременно занявший пост заместителя министра) и Янь Цзиньшэн – оба опытные военные кадровые работники. Тем самым партии и общественности было наглядно продемонстрировано, на каких основаниях будет строиться впредь руководство сферой культуры и искусства.

«Военизация» коснулась разных сфер творчества. В июле 1964 г. в Пекине открылась Третья всеармейская выставка изобразительного искусства. Милитаристская тематика вышла на широкую арену. Многие художники пытались быстро откликнуться на злобу дня и реализовать в изобразительном искусстве высказывания Мао Цзэдуна, такие как «китайские девушки не хотят наряжаться, а хотят вооружаться», «атомная бомба – бумажный тигр», «сосредоточим весь свой гнев в дуле орудия» и др.; стали появляться скульптурные изображения «современных героев» типа Лэй Фэна и т.д.

Большое внимание уделялось хорошо знакомому и понятному широким массам жанру лубка, адаптированного к текущим идеологическим нуждам. Так, получили распространение лубочные изображения «великого борца за дело коммунизма» Оуян Хая, сталкивающего плечом с железнодорожного пути застрявшего там коня. К тому времени был написан и роман «Песнь об Оуян Хае», подробно рассказывающий о жизни и гибели героя. К концу

1965 г. среди новых произведений изобразительного искусства широкую известность довольно неожиданно получила грандиозная по размерам скульптурная композиция «Двор для сбора арендной платы» (более ста фигур почти в натуральную величину), протянувшаяся в длину на сто метров. Она была создана из глины группой скульпторов и народных мастеров пров. Сычуань и первоначально предназначалась для музея «классового воспитания». Музей должен был открыться в бывшей усадьбе крупного землевладельца и иллюстрировать тяжелую жизнь крестьян в старом Китае. Авторы композиции сначала получили одобрение местного руководства, а затем уже в пропаганду нового шедевра «классовой борьбы» включились руководители Союза художников, которых поддерживали Пэн Чжэнь, Чжоу Ян и Линь Мохань. Копии всех фигур композиции экспонировались в столице в начале 1966 г. Однако пекинские идеологи посчитали, что «классовая борьба» в этой композиции все-таки отражена слабо, поэтому несколько фигур были исключены из композиции, и вместо них добавлено около 20 новых фигур, изображавших как крестьяне, взявшиеся за оружие, расправляются с жестоким помещиком. Экспозиция была объявлена образцом «нового революционного искусства». Всех находившихся в КНР иностранцев вынуждали посещать эту выставку, где экскурсоводы со слезами на глазах живописали ужасы, которые ожидают китайский народ в случае торжества «ревизионистской линии».

Критика «буржуазных» и «ревизионистских» тенденций распространялась на сферу науки и просвещения. В первую очередь начались массированные атаки на философов и ученых-обществоведов, имевших свою точку зрения на развитие общества, отличную от мнения Мао Цзэдуна. Для этих целей была развернута серия дискуссий, в том числе «о тождестве мышления и бытия». Одним из первых шельмованию подвергся член ЦК КПК, известный философ, проректор Центральной партийной школы при ЦК КПК, член ее парткома Ян Сяньчжэнь.

Формально полемика разгорелась вокруг положения Ян Сяньчжэня о «слиянии двух в одно». Поводом к критике послужило отождествление Ян Сяньчжэнем и его сторонниками основного закона диалектики (в марксистской версии) – «единство и борьба противоположностей» с традиционной формулой традиционной китайской философии «слияние двух в одно» (на эту тему Ян Сяньчжэнь написал всего одну статью, опубликованную в 1955 г.). На беду философа-марксиста его позиция разошлась с мнением Мао Цзэдуна и его ближайшего окружения «о противоположности доктрин “соединения” и “разделения”», спроецированным на проблемы классовой борьбы. Это мнение Мао Цзэдун высказал еще в выступлении на московском Совещании представителей коммунистических и рабочих партий в 1957 г., когда он предложил собственную, предельно вульгаризированную трактовку принципов диалектики. Мао Цзэдун свел диалектику к «раздвоению единого», представив как образец понимания диалектики практику секретарей парторганизаций, которые, «готовясь к докладам на общих собраниях ячеек... обычно отмечают у себя в блокноте два момента: во-первых, положительные стороны, во-вторых, недостатки». Он призвал участников совещания «вывести

диалектику из узкого круга философов и распространить ее среди широких народных масс», даже предложил обсудить этот вопрос «на заседаниях политбюро и пленумах ЦК всех партий». В 1962 г. в связи с выдвижением лозунга об «обострении классовой борьбы» в КНР была проведена «философская» дискуссия о законе единства и борьбы противоположностей, в ходе которой отрицалась сама мысль о единстве и акцентировалось «раздвоение».

Развязав с конца 1963 – начала 1964 г. «большую полемику» (или «ЛУНЬ ЧЖАНЬ, то есть войну идей») с КПСС, руководство КПК стало усиленно подводить под эти разногласия «философскую базу». Одну из ведущих ролей в ее создании сыграло положение о «раздвоении единого».

Соответствующие преобразования в философской науке КНР начались с IV расширенной сессии Совета отделения философских и общественных наук АН Китая, открывшейся 26 октября 1963 г. С основным докладом «Боевые задачи работников философских и общественных наук» выступил Чжоу Ян. На сессию были приглашены около 500 специалистов в области общественных наук, философов, а также ответственных сотрудников Отдела пропаганды ЦК КПК. В качестве основных установочных пособий для них были размножены работы Мао Цзэдуна «Перестроим нашу учебу», «Выступление Лю Шаоци в партийной школе Вьетнама» и некоторые другие материалы. Сессия рассматривалась как первое «мобилизационное и учебное совещание» ученых по вопросам «борьбы с современным ревизионизмом». На сессии выступил также Лю Шаоци.

Чжоу Ян отметил, что философские и общественные науки «не могут не обслуживать текущую политику», а их первостепенной задачей является «критика современного ревизионизма», который якобы проявился в решениях XX и XXI съездов КПСС. В выступлении Чжоу Яна отстаивалось возобладавшее в то время представление Мао Цзэдуна о диалектике познания, согласно которому теория развивается в результате борьбы двух точек зрения – «раздвоения единого». Наличие противоположного мнения было объявлено «законом развития науки». Согласно этой схеме развития научного знания марксизм возник не только как антипод предыдущего теоретического комплекса, но и в результате его «раздвоения». Вследствие же «раздвоения» самого марксизма появились различные оппортунистические учения, включая «современный ревизионизм». Поскольку, утверждал Чжоу Ян, полемика является непременным условием развития марксизма, то критика «современного ревизионизма» способствуют становлению «нового этапа марксизма». Доклад Чжоу Яна был одобрен Мао Цзэдуном и подвергнут им личной правке перед публикацией, трансляцией по радио и переводом на иностранные языки.

По замыслам организаторов сессии, она должна была подтолкнуть специалистов к широкому обсуждению формулировок «раздвоение единого» и «соединение двух в одно» в контексте критики «современного ревизионизма», т.е. политики КПСС. В научной печати и периодике стали широко публиковаться статьи по соответствующей тематике. Выступая на рабочем совещании ЦК КПК 8 июня 1964 г., Мао Цзэдун заявил: «“Раздвоение единого” – это диалектика, а “слияние двух в одно” – это ревизионизм, примирение классов!».

С конца июня 1964 г. началась массовая критика «теории соединения двух в одно». К середине августа в прессе было опубликовано около 90 статей, в которых главным выразителем этой «антисоциалистической теории», «порочной и ошибочной линии», «подрывающей теорию и практику КПК», был объявлен Ян Сяньчжэнь. С 24 июля 1964 г. стали выходить инспирированные Кан Шэном статьи, в которых в развертывании борьбы против «идей Мао Цзэдуна» обвинялась уже вся Партийная школа ЦК КПК.

18 августа 1964 г. на рабочем совещании в Бэйдайхэ Мао Цзэдун в специальном выступлении по вопросам философии вновь акцентировал внимание собравшихся на связи философии с классовой борьбой, которую изучающим философию и необходимо «ставить на первое место». Мао Цзэдун предложил всем философам, студентам-гуманитариям, преподавателям и административному персоналу на 6 месяцев отправиться «в низы». Кан Шэн, немедленно подхватив инициативу вождя, предложил отправлять в деревню в полном составе академические институты Отделения философских и общественных наук, заявив, что «они, того и гляди, превратятся в антикварные институты, в обители святых, не приемлющих пищи простых смертных». Главным недостатком китайских философов Мао Цзэдун назвал их нежелание «заниматься философией действительности» и погруженность исключительно в «книжную философию». Касаясь дискуссии по вопросу «слияния двух в одно», он предложил кое-какие удачные вещи опубликовать в «Хунци».

Во исполнение пожелания вождя в № 16 «Хунци» за 1964 г. появилась статья обозревателя «Новая дискуссия на фронте философии (информация относительно обсуждения теории товарища Ян Сяньчжэня о “слиянии двух в одно”)». Ян Сяньчжэнь обвинялся в потакании интересам «современных ревизионистов», их «проповеди классового мира, классового сотрудничества, теории примирения противоречий», а также в «противодействии движению за социалистическое воспитание».

В начале 1965 г. руководство Партийной школы ЦК КПК сочло за благо решительно отмежеваться от Ян Сяньчжэня. 1 марта партком школы послал в ЦК КПК «Доклад по вопросу об Ян Сяньчжэне», в котором последний объявлялся «представителем буржуазии в партии, из компании Пэн Дэхуая и К^о», ««маленьким Хрущевым». Он «выступал против идей Мао Цзэдуна», «сфабриковал антисоциалистическую “теорию”», «атаковал генеральную линию социалистического строительства, большой скачок, народные коммуны», «воспевал реставрацию капитализма, широко пропагандировал “поветрие труда в одиночку”», «нападал на прошлые политические движения, громко требовал пересмотра дел», «вместе с Пэн Дэхуаем шел против партии», «стоял на стороне Хрущева», «покрывал и пристраивал контрреволюционных элементов, мироедов-помещиков», превратил Партийную школу ЦК КПК «в независимое княжество», «осуществлял фракционную деятельность». 9 июня 1965 г. партком школы в докладе ЦК и Мао Цзэдуну сообщал, что в ходе развернутой критики и разоблачения ошибочных действий Ян Сяньчжэня тот занял «ошибочную позицию», в связи с чем партком предложил снять Ян Сяньчжэня с должности проректора школы и вывести его из состава парткома.

24 сентября ЦК КПК дал согласие на снятие Ян Сяньчжэня со всех постов (он был реабилитирован только после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва в 1979 г.). В ходе развернувшейся в школе кампании критики, продолжавшейся в течение семи месяцев, нападкам подверглись более ста человек.

Постановка вопроса о ценности личности и необходимости учитывать ее интересы, подчеркивание гуманистической сущности марксизма стоили опалы и проработки в печати видному китайскому философу, заведующему кафедрой диалектического материализма в Пекинском университете Фэн Дину, получившему образование в СССР. Ему не могли простить и выступления с критикой «культы личности» в 1958 г. В 1964 г. вышел целый ряд статей («Критика “коммунистического мировоззрения” Фэн Дина», «Критика философии “борьбы за существование” товарища Фэн Дина» и др.), в которых философа обвиняли в попытках «превратить коммунистическое мировоззрение в общечеловеческое», в проповеди «буржуазного индивидуализма», «пении в унисон» с «современными ревизионистами», в отказе от классовой борьбы, пролетарской революции, марксизма-ленинизма и «идей Мао Цзэдуна». Фэн Дину припомнили и высказанное в 1957 г. утверждение о том, что «одна нация может мирно сосуществовать с другой нацией, поскольку между ними нет антагонистических противоречий», которое стало трактоваться как желание вынудить угнетенные народы «навечно смириться с разбоем» со стороны империалистов. Акцент, который делал Фэн Дин на важности противоречий между производительными силами и производственными отношениями для развития общества, рассматривался критиками философа как отрицание роли классовой борьбы в качестве силы, стимулирующей общественный прогресс.

Критика в адрес ведущих философов-марксистов и формирование в 1963–1965 гг. официальной «концепции развития», основанной на положении о «раздвоении единого», стала частью обоснования политики Мао Цзэдуна как внутри страны, так и на международной арене.

Новые идеологические тенденции затронули и экономическую науку. Со второй половины 1964 г. началась кампания критики взглядов известного в КНР экономиста, в свое время учившегося в СССР, директора Института экономики АН Китая Сунь Ефана. В конце 50-х – начале 60-х годов в своих работах Сунь Ефан писал о категории «стоимость» и ее месте в системе политической экономии социализма, о прибыли и т.д. Современные экономисты КНР наибольшее внимание уделяют его взглядам на категорию «стоимость» и «закон стоимости». Уже в первой работе «Поставить план и статистику на базу закона стоимости», написанной в 50-х годах, он обосновывал сохранение при социализме роли закона стоимости как регулятора производства и распределения, подчеркивая, что в товарной экономике закон стоимости выражает себя через товарное обращение, через рынок. «Получение максимального экономического результата с минимумом затрат труда» Сунь Ефан считал «ядром» проблемы закона стоимости. Уже в 1957 г. он утверждал, что прибыль должна быть центральным показателем в плановой работе. Выступая против субъективизма в руководстве экономикой, он предлагал строить ее на основе научных расчетов, с максимальным учетом экономической

эффективности, считал необходимым определять направления и объемы капиталовложений, принимая во внимание рентабельность капиталовложений.

У Сунь Ефана были единомышленники, тоже предлагавшие развивать товаро-денежные отношения (в отличие от тех, кто хотел их ликвидировать, к примеру, Чэнь Бода). Этот процесс они связывали с необходимостью приближения цен к стоимости, в том числе цен на закупаемую государством продукцию села. Они считали, что следует из деревни получать часть сельскохозяйственной продукции в виде прямого налога, а остальную — закупать; предлагали поднять значение прибыли в «системе планово-экономического управления», для стимулирования работы и в качестве одного из комплексных показателей хозяйственной деятельности предприятия, предоставить больше самостоятельности промышленным предприятиям, в области снабженческо-сбытовых связей использовать систему прямых договоров между предприятиями с утверждением их государственными органами, шире использовать материальное стимулирование работников, выступали против уравнительного распределения.

В 1961 г. на созванной Отделом пропаганды ЦК КПК теоретической конференции Сунь Ефан высказался за учет закона стоимости, прибыли и активное применение материального стимулирования. Видимо, он был знаком к тому времени с взглядами польского экономиста Оскара Ланге, который в 1956 г. предлагал похожие меры для польской экономики. В июне 1962 г., выступая на совещании административно-хозяйственных кадров и экономистов КНР, Сунь Ефан указал на то, что главной причиной экономических провалов стала подмена научного анализа и экономических законов волюнтаристскими установками. Научные позиции Сунь Ефана вступили в противоречие с теми тенденциями в политике и экономике, которые возобладали в 1963—1965 гг. Инициаторами гонений на Сунь Ефана стали Кан Шэн и Чэнь Бода. Его научные доклады были в закрытом порядке опубликованы в КНР в качестве «пособий» для критики его суждений, развернувшейся в 1963—1965 гг. Вскоре он был отстранен от работы, а в период «культурной революции», в 1968 г., заключен в тюрьму, где провел семь лет.

Острой критике подверглись также малейшие попытки отступления от вульгаризаторских версий классового анализа в исторической науке. Особенно яростным нападкам подвергся декан исторического факультета, проректор Пекинского университета Цзянь Боцзань. В 1959—1963 гг. он опубликовал в центральной прессе серию статей по методологическим и теоретическим проблемам исторической науки. Он выступал против односторонности, отвлеченности, упрощенчества, категоричности в освещении истории, оценки теоретического уровня исследования по его насыщенности цитатами из работ классиков марксизма, подвергал критике лозунг «с помощью теории вести за собой историю», усматривая в нем призыв к подмене изучения конкретных исторических фактов их подгонкой к готовым теоретическим концепциям.

Особое недовольство Мао Цзэдуна в 1963—1965 гг. вызывали его требования уделять больше внимания принципу историзма, в чем усматривался отход от так называемого метода классового анализа. Цзянь Боцзань настаивал

на том, что «служение исторической науки политике не заключается в соединении ее с каждым современным политическим движением, когда любая политическая кампания привязывается к истории», считал недопустимым ни «третировать деятельность народных масс», как это было в прошлом, ни игнорировать «деятельность императоров, министров и полководцев», к чему проявляла склонность современная ему «классовая» китайская историческая наука.

С весны 1961 г. Цзянь Боцзянь был руководителем группы по редактированию учебных материалов по истории для вузов страны. Группа организовала написание учебных и методических пособий, отбирала лучшие из них для использования в практике преподавания. Ею были подготовлены, в частности, «Очерки истории Китая» в четырех томах: первый–третий тома охватывали древнюю и средневековую историю, четвертый – новую историю страны. К 1966 г. вышли только второй, третий и четвертый тома. Выпуск первого тома был задержан по идеологическим соображениям и увидел свет только в 1979 г. Издание этого четырехтомника стало поводом для массированных нападок на Цзянь Боцзяня.

Критика взглядов Цзянь Боцзяня, пока без упоминания имени, в партийной печати впервые прозвучала в декабре 1965 г., когда в журнале «Хунци» появилась статья «Изучать историю во имя революции». Статью высоко оценил Мао Цзэдун, отметивший лишь единственный недостаток публикации – «отсутствие конкретных имен». 1 января 1966 г. в «Жэньминь жибао» была опубликована статья, заголовок которой не оставлял сомнений, против кого она направлена – «Критика “Очерков истории Китая” Цзянь Боцзяня». 25 марта 1966 г. в «Жэньминь жибао» появилась перепечатанная из «Хунци» статья «Взгляды на историю товарища Цзянь Боцзяня должны подвергнуться критике». Он обвинялся в выступлении «против марксистской классовой борьбы и методов классового анализа», «извращении и очернении крестьянской революции», «приукрашивании императоров и князей, генералов и сановников», «восхвалении» класса помещиков как игравшего революционную роль в период рабовладения. Точка зрения Цзянь Боцзяня на историю рассматривалась как «отражение реальной классовой борьбы в исторических кругах»: историк был объявлен «представителем буржуазии в ожесточенной борьбе двух классов и двух путей в области исторической науки в последние годы». Вскоре Цзянь Боцзянь был снят со своих постов и подвергся травле, приведшей к его гибели в 1968 г.

«Нынешние философы заниматься философией не способны, литераторы не могут писать романы, исторические факультеты не в состоянии заниматься историей по периодам, а как только возьмутся, то все сводится к императорам, правителям, генералам и сановникам», – заявил Мао Цзэдун 21 декабря 1965 г., выступая в Ханчжоу, особо отметив «творческое бессилие» У Ханя и Цзянь Боцзяня.

Таким образом, период реабилитации возвращавшихся к творческому труду деятелей науки и культуры и ослабления идеологического давления на них оказался кратким. В 1963–1965 гг. число директив по поводу того, как надо

и, особенно, как не надо создавать художественные произведения, неуклонно множилось, но при этом творческая активность деятелей литературы и искусства снижалась, многие важные для этой сферы проблемы часто обсуждались за закрытыми дверями и решались в зависимости от соотношения сил в высшем эшелоне партийно-государственного руководства и указаний «сверху».

Вновь стала пропагандироваться практика направления в деревню или на работу в промышленность творческой и научной интеллигенции. «Нужно выгнать из городов в деревню артистов, поэтов, драматургов, литераторов, – требовал Мао Цзэдун 13 февраля 1964 г. – Пусть они в определенные сроки группами отправляются в деревни и на заводы... Если они не отправятся в низы – не выдавать им продовольствия. Кормить лишь тех, кто поедет». К 1966 г. в деревню, по официальным данным, было выселено около 160 тыс. работников литературы и искусства. Та же целительная в морально-политическом плане процедура была прописана высококвалифицированному персоналу и в других сферах деятельности. Так, Мао Цзэдун подверг критике Министерство здравоохранения, назвав его «министерством городских бар». 26 июля 1965 г. он заявил, что «центр медицинско-профилактической работы необходимо перенести в деревню». Уже к концу 1965 г. из городов было выслано около 150 тыс. медицинских работников. Летом 1965 г. он даже отправил в деревню своего личного врача, однако, заболев, вытребовав его обратно в Пекин.

Для теоретического обоснования исключительной пользы от приобщения интеллигенции к производству в печати была развязана «дискуссия» об умственном и физическом труде. Последний объявлялся универсальным средством идейного «перевоспитания» и приобщения к пролетарскому самосознанию. Исключением не стали и те, кто был призван подводить теоретическую базу под текущие политические установки – сами философы. В статье главного редактора журнала «Чжэсюе яньцзю» («Философские исследования») Гуань Фэна «О слиянии философских работников с рабоче-крестьянскими массами», опубликованной 27 февраля 1966 г. в «Жэньминь жибао», философам предъявлялось обвинение в «схоластическом» умствовании, основанном на отождествлении «общественной практики» и «личного опыта». По мнению Гуань Фэна, этот недостаток мог быть преодолен только за счет ознакомления с опытом трудовых масс посредством личного участия в деятельности заводов и коммун, для чего всем философам без исключения рекомендовалось отправиться «в низы» на срок от шести до 12 месяцев.

Образование

Идея о реформировании системы образования появилась у Мао Цзэдуна еще в 1961 г. В письме от 30 июля, адресованном руководству Цзянсийского университета коммунистического труда (его возглавлял Ван Дунсин, бывший начальник охраны Мао) Мао Цзэдун поддержал обязательный производственный труд учащихся как источник самоокупаемости учебных заведений.

Он одобрил деятельность начальных, средних школ и институтов, которые «не требуют от государства ни копейки денег», сочетая работу с учебой в духе «трудолюбия и бережливости». Однако в первые годы упорядочения школьной и вузовской системы эти идеи Мао Цзэдуна не были подхвачены.

В школах и вузах чувствовался острый дефицит квалифицированных преподавательских кадров. Его удалось несколько сократить в результате кампании по реабилитации учителей в 1961–1962 гг. Ставился вопрос о повышении профессиональных знаний и качества обучения педагогов, о нежелательности в школах полного учебного дня уделять чрезмерно много времени политической учебе и труду в ущерб академическим занятиям.

В течение 1961–1963 гг. политика в области образования была нацелена на усиление роли общеобразовательной подготовки, повышению требований к знаниям учащихся. Апробировались на местах проекты «Положения из 60 пунктов о работе в высшей школе», «Положения по работе в средней школе с полным учебным днем» и «Положения по работе в начальной школе с полным учебным днем», подготовленные под руководством заведующего Отделом пропаганды ЦК КПК Лу Динъи, министра просвещения Ян Сюфэна и его заместителей Цзян Наньсяна и Дун Чуньцяя. 23 марта 1963 г. ЦК КПК официально утвердил эти проекты. В документах подчеркивалась важность единообразия учебных планов, распорядка работы школ, наличия единых стабильных учебников. Чувствовалось стремление ввести централизованный контроль над системой государственных учебных заведений со стороны Министерства просвещения после хаоса «большого скачка». Местным властям разрешалось вносить только дополнения в учебные программы, и то по согласованию с министерством. Указывалось на ответственность директоров школ за непрерывный учебный процесс. В школах устанавливался такой распорядок работы, который предусматривал предотвращение любых попыток произвольного сокращения классных занятий со стороны местных властей, как это случалось в прошлом.

Кроме того, и это было важно в тех условиях, мастерским и сельскохозяйственным «базам» при школах запрещалось рассматривать получение прибыли в качестве главной цели.

Перед учебными заведениями ставилась довольно сложная двойная задача – готовить трудовые резервы и обеспечивать вузы грамотными абитуриентами.

Новая политика в области образования вызывала необходимость составления новых учебников и пособий по ряду предметов. Это было также связано с отказом от переводных советских учебников, имевших широкое хождение в вузах КНР.

К 1963 г. для вузов и специальных учебных заведений было подготовлено около 3 тыс. различных учебных материалов по медицине, сельскому хозяйству, естественным наукам, около 65 различных материалов по гуманитарным наукам. Появились в новой редакции и учебные материалы для начальной и средней школы единого 12-летнего цикла обучения.

Упорядочение сети школ привело к разграничению их типов. Учитывая сложности государственного финансирования, было решено сохранить

на селе небольшую часть школ полного учебного дня, остальные перевести на режим неполного дня, предусматривавший участие учеников в сельскохозяйственных работах. Выпускники этих школ, как наиболее подготовленные, имели возможность продолжать учебу в вузах. Подверглась реорганизации система профессиональных сельскохозяйственных школ, готовивших кадры низшей и средней квалификации для коммун. Школы, не имеющие собственной материальной базы, закрывались, временно было прекращено строительство новых школ из-за отсутствия средств, шедших на другие нужды. Если в 1962 г. в стране была 19 521 средняя общеобразовательная школа, то в 1965 г. их число уменьшилось до 18 102. Это привело к тому, что ежегодно более половины детей школьного возраста (около 8 млн оставалось за порогом начальных школ. В 1962/63 учебном году число учащихся начальных школ составило 71,5 млн снизившись на 22,2 млн человек по сравнению с 1960 г., а в средней школе училось 8,3 млн человек – на 6,5 млн меньше. Это не могло не вызвать недовольства как родителей, так и потенциальных учащихся, которые не могли продолжить образование. Такая ситуация в области образования вскоре стала одной из причин активного участия подростков в «культурной революции».

В те же годы были предприняты усилия к «рационализации» рабочего времени ученых и преподавателей: им разрешили уделять пять из шести рабочих дней академической и преподавательской работе. Улучшилась административная структура вузов: ученые советы были наделены большими полномочиями. Была восстановлена ликвидированная ранее система академических званий и материальных поощрений. Начиная с 1962 г., вновь заработала аспирантура. Уже в феврале 1963 г. 100 вузов страны представили 10 тыс. соискателей на 800 аспирантских мест (200 – в 17 вузах Пекина, 180 – в девяти вузах Шанхая, 420 – в 20 провинциальных вузах). В том же году 400 выпускников были приняты в аспирантуру Академии наук. Одновременно были закрыты вузы, оказавшиеся неэффективными. Так, в Пекине и пров. Гуандун в 1960 г. было соответственно 54 и 44 вуза, в 1963 г. – 40 и 34, а в 1964 г. в Гуандуне осталось 19 вузов. Многие вузы были понижены в статусе до средних специальных учебных заведений. Если в 1962 г. в стране насчитывалось 610 вузов, то в 1965 г. – всего 434. Это повлекло за собой уменьшение числа студентов на 17–21 тыс. человек. Усиливалась тенденция приема в вузы выходцев из «пролетарских» семей, что наглядно показывает табл. 3.

Среди 178 тыс. выпускников вузов КНР в 1962 г. 60% были членами КСМК, около половины происходили из семей рабочих и крестьян. В 1964 г. 70% из 490 первокурсников Шанхайского научно-технического университета были выходцами из «пролетарских» семей; квота для детей из «буржуазных» классов при приеме в вузы была сведена к 3–7%.

Плата за обучение в государственных школах была серьезной преградой на пути к получению начального и среднего образования членами семей крестьян-бедняков и низкооплачиваемых рабочих. Средняя плата в начальных школах составляла 3–6 юаней в год, в средней школе – 2 юаня в семестр, а если учащийся жил в общежитии, то его родители дополнительно

Таблица 3

Учебный год	Общее число учащихся вузов, тыс.	Доля студентов из рабочих и беднейших крестьян, %	Учебный год	Общее число учащихся вузов, тыс.	Доля студентов из рабочих и беднейших крестьян, %
1951/1952	153 000	19,1	1957/1958	441 181	36,42
1952/1953	191 000	20,46	1958/1959	659 627	48
1953/1954	212 000	21,94	1959/1960	811 947	50
1954/1955	253 000	29,2	1960/1961	961 623	–
1955/1956	288 000	29,2	1961/1962	947 166	–
1956/1957	403 000	34,29	1962/1963	829 699	67

платили 10–15 юаней в месяц за пансион. Это было довольно распространенным явлением, поскольку средние школы существовали не во всех коммунах. Даже в тех школах, где плата за обучение не взималась, родители расходовали от трех до 10 юаней в год на учебники. Таким образом, на содержание одного ребенка в средней школе первой ступени требовалось от нескольких юаней до 100–200 юаней в год. Поскольку чистый доход крестьянина составлял в среднем 134 юаня в год (т.е. был ниже прожиточного минимума в 150 юаней), а годовой доход горожанина – 240 юаней (при прожиточном минимуме 228 юаней), то многие просто физически не могли посылать детей в школу. Поэтому неудивительно, что, согласно переписи населения 1964 г., неграмотные в возрасте от 13 лет и старше составляли 33% от 725-миллионного населения КНР. Характерным явлением в такой ситуации было заметное увеличение числа детей кадровых работников и военных среди учащихся школ и вузов. К примеру, среди оканчивавших Гуанчжоускую среднюю экспериментальную школу № 101 в 1961/1962 учебном году дети кадровых работников составляли 42–45%, дети рабочих – 3–7%, крестьян – 6–8%, а среди учащихся первого класса привилегированной школы-интерната «Гуанъя» в Гуанчжоу 73,3% были детьми кадровых работников.

В начале 1964 г. о реформе системы образования заговорил Мао Цзэдун. В своем выступлении 13 февраля 1964 г. по вопросам образования он заявил, что существующая система обучения, учебные программы и методики «калечат людей» и нуждаются в коренных переменах. Он предлагал «сократить курс обучения наполовину», взять за образец лаконизм учебной программы Конфуция, «обучавшего своих учеников только шести предметам: этикету, музыке, стрельбе из лука, управлению колесницей, письму и счету». Мао Цзэдуна категорически не устраивало, что в программе начальной школы значились 11 дисциплин, в неполной средней – 13, в полной – 10 обязательных и четыре факультативных. «Книг нельзя читать слишком много, – уже тогда учил Мао Цзэдун. – Если прочесть слишком много, то можно ... превратиться в книжного червя, догматика и ревизиониста».

Мао Цзэдун предлагал отказаться от классных занятий как основной формы учебного процесса, повсеместно перейти к «экзаменам с открытыми книгами», на которых учащиеся могли бы консультироваться друг с другом, списывать лучшие решения. Более того, «экзамены с закрытыми книгами» он квалифицировал как происки «классовых врагов», «нападение из-за угла». Те же положения он повторил в резолюциях на документе по вопросам образования от 10 марта 1964 г. Мао Цзэдун поддерживал идею о том, что высвободившееся от сокращения сроков обучения время нужно уделять физическому труду и военной подготовке.

Принципы обучения, основанные на «борьбе за отличные оценки», Мао Цзэдун подвергал жесткой критике, полагая, что хорошие оценки, получаемые в учебном заведении, не всегда означают достойное качество работы. В качестве примера он приводил опыт китайской традиционной системы образования: далеко не все, «получившие звание *чжунъюаня* (средняя ученая степень, которую получали за сдачу экзамена провинциального уровня в старом Китае. — *В.У.*), обладали подлинным талантом и настоящей ученостью»; были и обладатели этих качеств, «не сдавшие экзамена». При этом считал он, «не следует придавать слишком большого значения отметкам. Нужно всю энергию направить на то, чтобы прививать студентам умение анализировать и решать проблемы, а не плестись за преподавателями». Смело вторгаясь в сферу методики преподавания, Мао Цзэдун осуждал преподавателей, «которые без текста лекции ничего не могут сделать»: «Почему бы им не раздавать тексты лекций студентам и не разбирать вопросы вместе с ними? Если преподаватель сможет ответить на 50% вопросов старшекурсников, а об остальных скажет, что не знает, и займется их решением вместе со студентами, это будет совсем неплохо».

Категоричные рекомендации Мао Цзэдуна имели отношение не столько к методике преподавания, сколько к сфере идеологии и политики. В конце августа 1964 г. он повторил набор рекомендаций по реформированию учебных заведений: сокращение сроков обучения и числа предметов, совершенствование методик преподавания, в том числе введение обязательного физического труда для учащихся (которые не имеют понятия, «что такое корова, лошадь, овца, курица, собака, свинья, не могут отличить риса от гаоляна»), направление преподавателей на временную работу в деревню и на промышленные предприятия: «Преподаватели и студенты должны иметь контакты с крестьянами и городскими рабочими, с промышленностью и сельским хозяйством, иначе от выпускников не будет большого проку». Контуры будущего проекта молодежного движения хунвэйбинов просматриваются в поучениях Мао Цзэдуна, которыми он делился тогда со своей племянницей Ван Хайжун, студенткой пекинского Института иностранных языков. Он призывал ее поднять в институте «бунт». «Вузы должны разрешить студентам бунтовать», полагал Мао Цзэдун, дабы научить их «полагаться не на своих родителей, не на старшее поколение, а только на самих себя».

Идея Мао Цзэдуна о «сближении» студентов и преподавателей с трудящимися уже в то время стала реализовываться на практике. 19 августа 1964 г.

ЦК КПК и Госсовет КНР утвердили доклад Руководящей группы Министерства высшего образования о производственной практике студентов, оканчивающих вузы страны, и издали соответствующее «Уведомление». В нем говорилось, что новая система производственной практики студентов, оканчивающих вузы, будет способствовать «революционизации» учащихся, приобщению их к труду, повышению социалистической сознательности, предотвращению их «разложения буржуазной идеологией», «ревизионизмом и догматизмом». Ставилась задача охвата этой системой 50% общего числа студентов, окончивших вузы и «оседающих на низовых точках». Все выпускники основных и специальных отделений вузов, те, кто вернулся на родину после учебы за рубежом, а также студенты и аспиранты должны были по группам в течение года проходить производственную практику. Уже к сентябрю 1965 г. 1 млн представителей городской «образованной молодежи» были высланы в деревню.

В 1964 г. была сформирована Специальная группа по вопросам реформы системы образования при ЦК КПК. Члены группы исходили из того, что в КНР в то время существовали три тенденции в сфере образования: 1) стремление к архаизации образования, восходящее своими истоками к традициям и стереотипам средневековой культуры («метод обучения по Конфуцию»); 2) использование советского опыта в сфере образования («советский метод»); 3) стремление к прагматизации и элитарности образования, характерное для технократически настроенной части руководства. Преобладавший в 50-е годы «советский метод» после 1958 г. подвергся ревизии, в учебных программах стало больше времени выделяться на занятия физическим трудом. Стояла задача выбора дальнейших путей развития китайской системы образования.

Члены группы пришли к мнению, что сроки обучения в школах и вузах КНР слишком растянуты (в среднем на три года) по сравнению с другими странами (в качестве примеров приводились СССР и США). Молодые люди завершали учебу только в возрасте 24–25 лет и затем в течение года проходили практику, т.е. становились специалистами в 26–27 лет. Было предложено ограничить срок обучения в начальной школе пятью годами (вместо шести). Сокращение сроков обучения должно было не только содействовать ускорению подготовки специалистов для народного хозяйства, но и смягчить проблему нехватки учебных помещений. Было рекомендовано начинать учебу с шести лет, тратить на обучение в средней школе четыре года (вместо шести), в вузе – четыре–пять лет (вместо пяти–шести). В качестве положительного примера предлагался опыт сельских школ пров. Гуандун, где на подготовку одного учащегося в год тратилось 6 юаней государственных средств, тогда как в городе – 120 юаней. Для городов рекомендовались два типа средних школ: одни предназначались для подготовки к последующему поступлению в вузы, другие – для подготовки учащихся к двухгодичным спецкурсам, по окончании которых выпускники получали бы профессиональную квалификацию. Высшие учебные заведения предлагалось разделить на три типа: с 6-летним сроком обучения (главным образом медицинские), с 5-летним (технические), с 4-летним (гуманитарные). Для большей части вузов признавался достаточным 4-летний срок обучения.

4 мая 1964 г. ЦК КПК и Госсовет КНР распространили доклад партийной организации Министерства просвещения. В шести пунктах доклада содержались предложения по «повышению качества» образования при уменьшении нагрузки на учащихся начальных и средних школ. Предлагалось «лучше пропагандировать курс партии в области образования», прививать учащимся любовь к производственному, особенно сельскохозяйственному, труду; изживать «идеологию погони за хорошей оценкой», улучшить преподавательскую работу, уделять больше внимания нравственному и физическому воспитанию учащихся, развертывать внеаудиторную работу с ними, сочетая умственный и физический труд. Подчеркивалось, что цель экзаменов – помочь учащимся лучше уяснить и эффективнее применять полученные знания.

В ходе реформы образования было реорганизовано Министерство просвещения КНР: в июле 1964 г. из него было выделено Министерство высшего образования во главе с Ян Сюфэном. Бывший посол в ДРВ Хэ Вэй стал министром просвещения.

Реформа образования была не в последнюю очередь вызвана неспособностью государства обеспечить охват обучением всех детей школьного возраста, а также недоступностью образования для широких слоев населения. Лю Шаоци, выступая 1 августа 1964 г. на заседании Исследовательской группы при ЦК КПК по вопросам образования, прямо заявил, что существующая система регулярных школ неспособна решить задачу всеобщего образования. Выход из положения он видел в создании параллельной системы образования, в рамках которой учеба сочеталась бы с производительным трудом, – школ, работающих по принципу *бань нун бань ду* («половину [времени заниматься] сельским хозяйством, половину – учебой») и *бань гун бань ду* («половину [времени заниматься] промышленным производством, половину – учебой»). Доходы от производительного труда в этом случае должны покрывать расходы на питание учащихся, Лю Шаоци подчеркивал, что дети тогда сами будут зарабатывать на еду, при этом часть средств будет выделять государство, а часть – поступать от семей учащихся. Он предложил в течение пяти лет внедрять эту систему для накопления первоначального опыта и его обобщения, для чего приступить к созданию учебно-производственных школ нового типа. В деревнях, по его мнению, можно оставить несколько больше начальных школ с полным учебным днем, нежели в городах, но уже средние школы создавать по принципу *бань нун бань ду*, а по мере увеличения числа последних уменьшать количество школ с полным учебным днем. В городах Лю Шаоци предлагал создавать производственно-технические средние школы и школы *бан гун бань ду* со сроками обучения в четыре – четыре в половине года, и перевести на этот режим часть существовавших технических школ.

Итак, Лю Шаоци предлагал, исходя из наличия двух видов системы найма на работу, строить структуру образования двух видов.

Помимо учебных заведений с полным учебным днем, можно создавать учебные заведения различных форм, создавать начальные школы для тех, кто «носит верхний головной убор» (т.е. учебные заведения для взрослых), создавать учебные заведения, где дополнительные уроки давались бы

в нерабочее время, создавать школы, существующие на средства местного населения; такие учебные заведения могли бы создавать предприятия, коллективы, могли бы их создавать и частные лица. Распространять структуру, при которой люди и работали, и учились, были бы и рабочими, и учащимися, были бы и крестьянами, и учащимися, одновременно занимались бы учебой и трудом, в духе трудолюбия и бережливости, совмещали бы учебу с работой на производстве – все это рассматривалось как меры, способствующие ускорению распространения всеобщего образования. Лю Шаоци прилагал к этому большие усилия, ратовал за это и направлял развитие такого рода работы; в результате и стали одно за другими во множестве появляться такого рода учебные заведения.

В то время все это принесло очень хорошие результаты, ибо расширяло возможности для учебы, для повышения уровня образования и для устройства на работу, облегчая бремя государства и промышленных предприятий, повышало активность в труде.

В годы «культурной революции» эти предложения Лю Шаоци стали поводом для обвинений его в пропаганде «двух систем обучения», якобы с целью «загнать детей рабочих и крестьян в учебно-производственные школы и воспитывать рабочую силу для нужд господ».

На том же заседании Исследовательской группы был составлен «Первоначальный проект реформы системы образования», предусматривавший наличие трех типов школ: полного учебного дня, работающих по принципам *бань гун бань ду* и *бань нун бань ду*, вечерние школы. С полным учебным днем должны были работать начальные школы с пятилетним сроком обучения, средние школы с четырехлетним сроком обучения и специальные двухгодичные школы для подготовки учащихся в вузы. Вечерние школы предполагалось разделить на начальные, средние и высшие. Средние школы *бань гун (нун) бань ду* должны были давать производственные навыки и педагогическое образование.

17 ноября 1964 г. последовала директива ЦК КПК по вопросу развития системы образования по принципу *бань гун бань ду*. Этот документ ориентировал на использование опыта пров. Цзянсу. Там к тому времени было создано свыше двух тысяч сельскохозяйственных школ, в которых занимались более 230 тыс. учащихся. В 50 таких школах были созданы группы обучения на базе высшей ступени средней школы. В директиве подчеркивалось, что следует поощрять развитие системы образования *бань гун (нун) бань ду* не только в средней, но и в высшей школе. Утверждалось, что данная система будет способствовать «ликвидации неграмотности, воспитанию нового типа физически и умственно развитого человека», «стимулирует производство, в корне уничтожит социальную основу для ревизионизма». В дальнейшем эта система «подготовит почву для полной ликвидации трех различий (между городом и деревней, умственным и физическим трудом, классами. – В.У.) и вступлению в коммунистическое общество». В документе содержалось обещание государственной финансовой поддержки не только школам с полным учебным днем, но и школам нового типа. В 1965/1966 учебном году

намечалось превратить учебно-производственные школы в главное звено системы среднего и высшего образования.

В декабре 1965 г. Министерство просвещения провело Всекитайскую конференцию по вопросам образования, на которой рассматривались, в частности, вопросы организации школ *бань гун бань ду* в городах. На ней выступили Лю Шаоци, Чжоу Эньлай и другие руководители страны. Было принято решение в качестве эксперимента ввести систему *бань гун бань ду* в различных технических средних школах и вузах на пять лет. В последующие 10 лет планировалось распространить ее на всю систему образования. Партийным организациям провинциального уровня было предложено обеспечить руководство созданием подобных школ по всей стране.

О том, что Мао Цзэдуна в первую очередь волновали политико-идеологические аспекты реформы, свидетельствуют его высказывания от 21 декабря 1965 г. о реформировании системы высшего образования: «Ни к чему так много времени отводить учебе. Изучение гуманитарных наук нужно преобразовывать в обязательном порядке». Едва ли не главным методом преобразования вузов, по Мао Цзэдуну, должно было стать направление студентов и преподавателей «в низы» для участия «в промышленном и сельскохозяйственном производстве, торговле». Если срок учебы в вузе составлял пять лет, то, считал Мао Цзэдун, «в низах» студент должен отработать не менее трех лет. Такая практика рассматривалась как средство предотвращения зарождения «ревизионизма» в Китае.

Таким образом, политика в области образования в первой половине 60-х годов была довольно противоречивой. Лю Шаоци и его единомышленники исходили главным образом из финансово-экономических и социальных потребностей страны. Они полагали, что следует отказаться от утопических проектов «большого скачка», предлагали закрыть не обеспеченные материальной базой и педагогами школы и вузы. Не отказываясь от школ с полным учебным днем, в том числе элитарных, нацеленных на подготовку абитуриентов для высших учебных заведений, они считали необходимым дополнить обычные начальные и средние школы параллельной системой школ типа *бань нун бань ду* на селе и *бань гун бань ду* в городах. Учащиеся таких школ, программы которых должны были максимально приближаться к требованиям конкретных производств, должны были сочетать классные занятия с производительным трудом, тем самым в какой-то мере компенсируя затраты на обучение и снимая финансовое бремя с государства. В перспективе намечалось превратить учебно-производственные школы в главное звено системы среднего и высшего образования страны. С помощью кампании по реабилитации подвергшихся репрессиям учителей предполагалось пополнить учебные заведения страны квалифицированными педагогическими кадрами.

Другая группа, которую возглавлял Мао Цзэдун, – Кан Шэн, Чэнь Бода, Цзян Цин и некоторые другие, брала за основу соображения политико-идеологического характера. Она стояла за сокращение сроков обучения в школах и вузах, отказ от классных занятий как основного метода обучения, повсеместный переход к «экзаменам с открытыми книгами». Обычные экзамены

представители этой группы квалифицировали как «происки классовых врагов», ратовали за отказ от контрольных работ и выставления отметок по всем дисциплинам, кроме «ключевых», за изменение программ обучения в существовавших учебных заведениях с увеличением времени на трудовое и «классовое» воспитание учащихся, за высылку учащихся на длительное время в деревню для «перевоспитания» и «предотвращения зарождения ревизионизма». Результаты этого направления реформы проявились в ходе «культурной революции», когда в разряд «классовых врагов» попали десятки тысяч преподавателей, а абитуриенты, поступавшие в вузы, часто не могли ответить ни на один вопрос экзаменационного билета.

Ядерное оружие

В июле 1961 г. в Бэйдайхэ было проведено совещание работников министерств военной промышленности, в котором участвовали заместитель премьера Госсовета, заместитель председателя Военного совета ЦК КПК Хэ Лун и ответственный за ядерную программу, заместитель премьера Госсовета, заместитель председателя Государственного комитета обороны, председатель Госкомитета по науке и технике и Государственного комитета оборонной науки и техники Не Жунчжэнь. Там разгорелась дискуссия по главному пункту – следует ли и далее заниматься разработкой ядерного оружия и ракетоносителей либо прекратить работы из-за экономических и финансовых трудностей. К единому мнению собравшиеся не пришли. Мао Цзэдун отсутствовал на совещании, находясь в Ханчжоу, но в указаниях Не Жунчжэню потребовал еще раз обсудить этот вопрос.

На повторном заседании с участием представителей Института ракетостроения, 2-го министерства машиностроения и других министерств и ведомств было признано, что, несмотря на допущенные с 1958 г. серьезные недочеты в организации оборонного производства, имеются и существенные достижения в этой сфере. КНР уже обладает своей ракетой «земля–земля» ближнего радиуса действия, имеет другие технические и научные разработки, производит большую часть необходимого ей военного оборудования, в том числе предназначенного для испытания атомной бомбы. Участники совещания решили, что эти факты говорят о способности Китая самостоятельно создать ядерное оружие. Доклад по итогам дискуссии был отправлен в ЦК КПК и получил одобрение со стороны Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая. Таким образом, в 1961 г. было принято важное решение об ускорении научных исследований в целях укрепления обороноспособности страны и о развитии оборонной промышленности, прежде всего с целью разработки и создания ядерного и ракетного оружия.

В это время китайская сторона, начиная с 9-й сессии Советско-китайской комиссии по научно-техническому сотрудничеству (сентябрь 1961 г.), пыталась добиться от СССР содействия в области «специальной тематики» –

секретных научных и технических исследований, относящихся к оборонной промышленности, ракетной технике и космическим полетам. Подобные запросы поступали также в 1962 и 1963 гг. (Специалисты из КНР работали в институте ядерных исследований в Дубне вплоть до 1965 г.) Советская сторона не могла полностью выполнить такие заявки, хотя просьбы Китая по многим новейшим достижениям науки и техники по-прежнему удовлетворялись.

Разработки в области ракетной техники и атомного оружия продвигались параллельно и не без трудностей. 21 марта 1962 г. китайская ракета «Дунфэн-2» через 41 секунду после запуска потеряла управление и взорвалась. Руководитель программы создания ракет в КНР Цянь Сюесэнь лично прибыл на полигон для изучения причин неудачного запуска. К июню 1964 г. ракета «Дунфэн-2» была модернизирована и улучшена, а 29 июня был произведен ее успешный запуск. Вслед за тем было произведено 10 успешных запусков ракеты этого типа. 10 сентября 1964 г. Китай успешно испытал первую ракету типа «земля–воздух» «Хунци-1».

В октябре 1961 г. начальник Генерального штаба, заместитель премьера Госсовета КНР Ло Жуйцин направил Мао Цзэдуна и ЦК КПК доклад, информируя, что после всестороннего анализа военными и техническими специалистами был сделан вывод о том, что в 1964 г. КНР сможет взорвать свою первую атомную бомбу. Для этого надо в течение двух лет сконцентрировать усилия различных ведомств и научно-исследовательских центров на данной задаче, создать Специальный комитет под эгидой ЦК КПК во главе с Чжоу Эньлаем для усиления руководства работой атомной промышленности, постоянного контроля над исследованиями и производством. В документе говорилось, что Лю Шаоци уже дал свое принципиальное согласие на принятие соответствующих мер. Не Жунчжэнь, ответственный за разработку атомной бомбы, в своем докладе руководству страны назвал приблизительное время ее испытания – 1964 г. или, самое позднее, 1965 г. Эти сообщения воодушевили Мао Цзэдуна. 17 ноября 1961 г. ЦК КПК принял решение об учреждении Специального комитета ЦК под председательством Чжоу Эньлая. В него вошли 15 человек, включая Не Жунчжэня, Ло Жуйцина и семь министров, а также ответственные работники Госсовета и Военного совета ЦК КПК. Задачами комитета были организация и руководство разработкой, созданием и испытанием ракетно-ядерного оружия.

Над созданием ракетно-ядерного оружия и искусственного спутника земли работали более 1000 специалистов научно-исследовательских организаций, высших и специальных учебных заведений, подчиненных 26 министерствам, комитетам и управлениям в 20 провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения. В программе участвовали около 900 предприятий.

В июле 1963 г. Чжоу Эньлай, внимательно следивший за тем, как идет разработка первой атомной бомбы, подчеркнул, что Китаю необходимо не только произвести испытательный ядерный взрыв, но и решать вопросы производства ракетного оружия. В руководстве страны возобладало мнение о том, что основным направлением разработок в области ядерного оружия должны

стать ракетные боеголовки, а вспомогательным – авиационные бомбы. В соответствии с этим указанием были выделены силы на более интенсивное выполнение работ по созданию атомных ракетных боеголовок. В марте 1963 г. исследователи-теоретики из НИИ ядерного оружия официально представили теоретические расчеты первого ядерного взрывного устройства.

В течение 1963 г. китайские специалисты-ядерщики осуществили более тысячи экспериментов на северо-западной базе. На заседании Специального комитета ЦК КПК под руководством Чжоу Эньлая в конце 1963 г. было принято решение по завершении работ по созданию ядерного оружия сосредоточиться, прежде всего, на проведении наземных испытаний, одновременно продолжая работы по подготовке испытаний путем бомбометания и изучение вопросов, связанных с подземными ядерными взрывами. 14 января 1964 г. Ланьчжоуский завод по обогащению урана получил высокообогащенный уран, отвечающий требованиям, предъявляемым к материалам, которые используются в атомной бомбе.

К сентябрю 1964 г. работа по подготовке к испытанию ядерного устройства вчерне была закончена. Ло Жуйцин доложил Мао Цзэдуну о возможности в октябре 1964 г. провести ядерное испытание. На материалы доклада Чжоу Эньлай 21 сентября наложил резолюцию, где говорилось о необходимости осуществления этого испытания как можно скорее. Мао Цзэдун, в тот же день просмотрев материалы, приказал принять их к исполнению. Было принято решение провести испытания в период с середины октября по первую декаду ноября, так как на подготовку к нему требовалось не менее 20 дней. 14 октября 1964 г. Чжоу Эньлай отдал приказ о монтаже ядерного устройства. На следующий день он позвонил министру соответствующего министерства Лю Цзе и спросил его о вероятных результатах испытания. Лю Цзе справедливо указал на три возможности: полный успех, возможность неполадок и неудача, отметив, однако, что «первое наиболее вероятно». Премьер напомнил о необходимости исключить всякие случайности. Ядерное устройство под кодовым номером 596 было взорвано в 15 часов 16 октября 1964 г. После того, как Чжоу Эньлай доложил Мао Цзэдуну об успешном испытании, последний потребовал тщательно проверить факт ядерного взрыва. Ему доложили, что огненный шар уже превратился в грибовидное облако. Мао Цзэдун потребовал не сообщать по радио и в прессе о взрыве, пока это не будет подтверждено иностранными информационными агентствами. Вскоре поступило сообщение из Токио, в котором говорилось, что Китай, вероятно, взорвал ядерную бомбу. Однако из-за того, что в то же время на западе КНР произошло землетрясение, сейсмические волны наложились друг на друга, японские специалисты заявили о необходимости перепроверить данные. Вслед за тем сообщение об испытании в КНР ядерного оружия поступило уже из США. Вечером того же дня Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай и другие китайские руководители присутствовали на представлении музыкально-хореографической композиции «Алеет Восток» (в этом грандиозном шоу участвовали более трех тысяч артистов). Во время представления Чжоу Эньлай выждал подходящий момент, вышел на сцену и объявил о первом и успешном

ядерном испытании. В 22 часа по пекинскому времени сообщение о взрыве было официально передано по центральному радио. Правительство КНР тогда же заявило, что Китай неизменно выступает за всеобщее и полное уничтожение ядерного оружия. В официальном заявлении говорилось, что КНР вынуждена его разрабатывать и проводить его испытания, но предпринимает эти шаги исключительно в оборонных целях, для защиты от ядерной угрозы. Правительство КНР провозгласило, что Китай никогда и ни при каких обстоятельствах не применит ядерное оружие первым.

Советская помощь в развитии ядерных исследований позволила КНР по крайней мере на 10–15 лет ускорить создание ядерного оружия.

Глава 4

Внешняя политика КНР. 1961–1965

Отношения СССР и КНР

С 1958 г. внешняя политика КНР развивалась под влиянием таких факторов, как «теория» Мао Цзэдуна о положительной роли атомной войны для мировой революции, претензии на ведущую роль в мировом национально-освободительном и революционном движении («ветер с Востока довлеет ветром с Запада»), рост напряженности в отношениях с рядом соседних государств Азии.

Поездки Н.С. Хрущева в КНР в 1958 и 1959 гг. и его переговоры с Мао Цзэдуном выявили серьезные расхождения в позициях сторон как по коренным проблемам строительства социализма и международных отношений, так и по ряду важных вопросов двустороннего сотрудничества, в том числе в военной области: относительно создания совместного военно-морского флота, радиолокационной станции на территории КНР (Мао Цзэдун необоснованно считал эти предложения попыткой ущемления национального суверенитета) и вопроса о предоставлении КНР технологии производства ядерного оружия.

Трещину в союзнических связях КНР и СССР явственно обнаружил китайско-индийский пограничный конфликт. Если во время тайваньского кризиса 1958 г. Москва решительно поддержала Пекин, то в территориальном споре с Индией она отказала ему в поддержке, ограничившись заявлением ТАСС от 9 сентября 1959 г., призывавшем обе стороны разрешить возникший между ними спор «в духе традиционной дружбы». Мао Цзэдун расценил



Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, Лю Шаоци, Мао Цзэдун, Н.С. Хрущев в аэропорту Пекина.
30 сентября 1959 г.

такую реакцию как защиту интересов «индийской буржуазии, американских и английских империалистов».

После визита Н.С. Хрущева в сентябре 1959 г. в США Мао Цзэдун сделал вывод о «намерении Хрущева пожертвовать Китаем ради советско-американского сотрудничества». С того момента одной из главных целей международной деятельности Мао Цзэдуна стало создание препятствий на пути разрядки напряженности в отношениях между СССР и США.

Сразу после возвращения из США Н.С. Хрущев прибыл в Пекин на празднование 10-й годовщины образования КНР. Однако его встречи с Мао Цзэдуном не изменили курса Мао Цзэдуна на враждебное отношение к СССР.

Мао Цзэдун обрабатывал население КНР во враждебном Советскому Союзу духе. Первый залп прозвучал из Пекина в виде публикации в апреле 1960 г. двух статей, посвященных 90-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина («Хунци», № 8, 16 апреля; «Жэньминь жибао», 22 апреля), и доклада заведующего Отделом пропаганды ЦК КПК Лу Диньи на торжественном заседании, состоявшемся по случаю этой годовщины 22 апреля в Пекине. Затем эти три материала были объединены в сборник «Да здравствует ленинизм», которому была отведена ударная роль в «войне идей» против СССР.

Поводом к дальнейшему ухудшению двусторонних отношений стало принятое 16 июля 1960 г. вынужденное действиями Мао Цзэдуна решение руководства СССР об отзыве из Китая на родину всех советских специалистов, включая военных. Оно объяснялось попытками Мао Цзэдуна и его приверженцев втянуть наших специалистов в свою борьбу против «современного ревизионизма». «В последнее время китайская сторона стала проводить в отношении советских специалистов, работающих в КНР, явно недружественную Советскому Союзу линию, которая несовместима как с договорными обязательствами, так и с нормами, принятыми в отношении между социалистическими странами, — говорилось в заявлении Советского правительства. — Китайские работники, действуя по указаниям сверху, распространяют среди советских людей специально подобранные материалы, изданные на русском языке, в которых пропагандируются взгляды, направленные против позиции КПСС и других братских партий. Они стремятся вовлечь находящихся в КНР советских специалистов в беседы по вопросам, по которым между КПК, с одной стороны, и другими братскими партиями — с другой, существуют определенные разногласия, стараются навязать советским специалистам свою точку зрения и пытаются противопоставить их КПСС и Советскому правительству».

Еще одним поводом к ухудшению Мао Цзэдуном межгосударственных отношений стал пограничный вопрос. Впервые он дал о себе знать летом 1960 г., когда китайские скотоводы, перейдя границу СССР в районе перевала Буз-Айгыр (Казахстан), зашли в глубь советской территории. Когда советская сторона вручила ноту по этому поводу заместителю министра иностранных дел Ло Гуйбо, тот заявил: «Вы считаете, что территория, на которой находятся китайские граждане и скот, является советской, а мы считаем, что это территория КНР».

Весной 1962 г. произошел массовый переход жителей Синьцзяна в СССР из-за сложившихся в регионе тяжелых экономических условий в результате неудачи курса «трех красных знамен» и национальной политики Мао Цзэдуна. При этом власти КНР обвинили советскую сторону в том, что она якобы спровоцировала и организовала переход китайских граждан на советскую территорию. Для таких обвинений не было никаких оснований. В этой связи советская сторона была вынуждена принять решение о закрытии своих консульских учреждений в Урумчи и Кульдже. Вслед за тем по настоянию китайской стороны было закрыто также отделение торгпредства СССР в Урумчи и отозваны советские внешнеторговые работники из пограничных пунктов Хоргос и Туругарт. В сентябре 1962 г. в Москве было принято вынужденное решение о закрытии генконсульств СССР в Харбине и Шанхае, а несколько позже – отделений торгпредства в городах Далянь, Шанхай и Гуанчжоу, а также агентства ВО «Совфрахт» на китайских железнодорожных станциях Маньчжурия и Цзинин.

На повестку дня в межгосударственных отношениях встал вопрос об урегулировании и уточнении линии прохождения границы между двумя странами. 25 февраля 1964 г. в Пекине начались советско-китайские консультации по пограничным вопросам. Н.С. Хрущев пошел навстречу пожеланиям китайской стороны и согласился отступить от договора ради согласования линии прохождения границы на речных участках. Рассмотрев всю линию границы, обе стороны согласовали ее прохождение на всем протяжении (4200 км из 4280 км), кроме островов Тарабаров и Большой Уссурийский у Хабаровска по середине главного фарватера судоходных рек Амура и Уссури и острова Большой по середине русла несудоходной реки Аргунь. Делегации выработали проект соглашения о прохождении линии границы

Мао Цзэдун выдвинул в начале 60-х годов требование к нашей стороне признать якобы «неравноправный» характер определяющих эту границу договоров, заключенных в свое время между Китаем и Россией. С лета 1960 г. начались нарушения китайской стороной советской границы, которые приняли массовый и провокационный характер в 1963–1964 гг. Особенно громко тезис о территориальных претензиях прозвучал в беседе Мао Цзэдуна с делегацией японских социалистов и парламентариев 10 июля 1964 г., т.е. во время консультаций по пограничным вопросам в Пекине и в те дни, когда рабочие группы сторон подготовили проект соглашения о прохождении линии границы. Мао Цзэдун, фактически срывая подготовленное соглашение, заявил: «Примерно сто лет назад район к востоку от Байкала стал территорией России, и с тех пор Владивосток, Хабаровск, Камчатка и другие пункты являются территорией Советского Союза. Мы еще не предъявили счета по этому реестру».

Дальнейшее развитие внутренней и внешней политики Мао Цзэдуна и его последователей говорило о том, что ее конституирующим фактором стало культивирование враждебности в отношении советского народа и советского государства.

Советская сторона полагала, что признание договоров «неравноправными» означало бы юридическую нелегитимность существующей советско-китайской границы. К тому же не было никаких гарантий, что Мао Цзэдун и его последователи, добившись от СССР признания «неравноправного» характера договоров, не откажутся когда-либо от своих заверений и не потребуют возврата «отторгнутых территорий».

В Москве высказывания Мао Цзэдуна в беседе с японскими социалистами были восприняты очень серьезно. Газета «Правда» 2 сентября 1964 г. прямо обвинила руководство КНР в подготовке экспансионистских планов против Советского Союза.

На встрече представителей коммунистических и рабочих партий, собравшихся в июне 1960 г. в Бухаресте по случаю III съезда Румынской рабочей партии, делегация КПСС распространила среди ее участников информационную записку ЦК КПСС от 21 июня, адресованную ЦК КПК, в которой подвергались критике идеологические взгляды Мао Цзэдуна.

В 1960 г. на совещании коммунистических и рабочих партий в Москве делегация КПК во главе с Лю Шаоци подписала документы совещания. Лю Шаоци выступил на массовом митинге в Москве. Он сказал: «Сплочение — это жизнь! Сплочение — это сила! Сплочение — это победа!».

Усиление враждебности со стороны Мао Цзэдуна вызвали разработка новой Программы КПСС и ее принятие XXII съездом КПСС (17–31 октября 1961 г.). Проект Программы был передан китайской стороне за три месяца до съезда, однако тогда никакого отклика руководство КПСС не получило. Выступая на съезде, Чжоу Эньлай затронул вопросы о диктатуре пролетариата, об оценке империализма, об отношении к войне и мирному сосуществованию, изложив взгляды Мао Цзэдуна.

КПК подвергла КПСС критике за «преждевременные» отказ от диктатуры пролетариата, переход к концепции «общенародного государства» и превращение КПСС из партии рабочего класса в партию всего народа, за концепцию мирного сосуществования двух общественных систем. Новая Программа КПСС была воспринята Мао Цзэдуном как программа «реставрации капитализма».

В 1962 г. разразился Кубинский кризис. Согласие Хрущева на вывод советского ракетного оружия с территории Кубы в обмен на вывод американских баз с территории Турции было расценено Мао Цзэдуном как сдача Москвой своих позиций, унижительное отступление под нажимом США. Москва охарактеризовала китайскую позицию как авантюристическую, чреватую опасностью втянуть мир в термоядерную войну. 12 декабря 1962 г., выступая на сессии Верховного Совета СССР, Н.С. Хрущев подверг критике тезис Мао Цзэдуна о том, что империализм — это «бумажный тигр», и подчеркнул, что «у этого “бумажного тигра” атомные зубы, и он может пустить их в ход».

С конца 1962 г. Мао Цзэдун развернул широкую пропагандистскую кампанию. К июлю 1964 г. в центральной прессе КНР были опубликованы девять статей с критикой внутренней и внешней политики руководства КПСС, острие атак было направлено персонально против Н.С. Хрущева.

14 февраля 1964 г. на пленуме ЦК КПСС в докладе М.А. Суслова прозвучала острая критика в адрес руководства КПК. Впервые в СССР на столь высоком уровне внутренняя политика руководства КПК подверглась категорическому осуждению.

После отставки Н.С. Хрущева в октябре 1964 г. в Москву по приглашению нашей стороны была направлена партийно-правительственная делегация во главе с Чжоу Энляем. Чжоу Энлай, отражая взгляды Мао Цзэдуна, в ходе переговоров предъявил нашей стороне ультиматум, потребовав отказаться от решений XX, XXI, XXII съездов КПСС.

В начале 1965 г. советская делегация во главе с председателем Совета министров СССР А.Н. Косыгиным, направлявшаяся домой из Ханоя через Китай, имела беседы с Мао Цзэдуном. Китайским руководителям было предложено провести переговоры по вопросам нормализации двусторонних отношений. Мао Цзэдун, как уже упоминалось, отказался взаимодействовать даже при оказании совместно помощи Вьетнаму. Попытки Москвы улучшить отношения отклика у Мао Цзэдуна не нашли.

Стало сокращаться экономическое и культурное сотрудничество.

Свертывание деловых двусторонних связей СССР и КНР началось уже с 1960 г. 31 октября 1960 г. министр внешней торговли КНР Е Цзичжуан сообщил послу С.В. Червоненко и торгпреду И.А. Еремину, что китайская сторона идет на пересмотр всех ранее заключенных с СССР соглашений и сокращение масштабов сотрудничества.

На состоявшихся в феврале–июне 1961 г. переговорах по экономическому и научно-техническому сотрудничеству китайская сторона отказалась от помощи СССР в строительстве 89 промышленных и других объектов на общую сумму 1,1 млрд руб. 15 августа она заявила о новом сокращении поставок оборудования из СССР, а в начале декабря 1961 г. – о полном отказе от импорта комплексного советского оборудования в 1962–1963 гг.

В 1962 г. объем советско-китайского экономического сотрудничества составлял около 5% от уровня 1959 г. Поставки КНР советского оборудования, материалов, технического имущества и документации сократились до 41–42 млн руб. против 428 млн руб. в 1960 г., т.е. более чем в 10 раз. Поставки комплексного оборудования уменьшились за тот же период в 40 с лишним раз (до 8 млн руб. против 336,5 млн), а в 1965 г. были уже более чем в 100 раз меньше по сравнению с 1959 г. К 1966 г. полностью прекратилось научно-техническое сотрудничество и до минимума сократились культурные связи между двумя странами. Товарооборот в период с 1960 по 1965 г. упал почти в четыре раза и был ниже уровня 1950 г. Объем советско-китайской торговли к 1965 г. уменьшился в 3,7 раза по сравнению с 1960 г., товарооборот КНР с социалистическими странами сократился в 2,4 раза, тогда как с капиталистическими странами вырос в 1,5 раза.

«КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» 1966–1976

Глава 1

Первый этап. 1966–1969

Подготовка

Поводом к развертыванию нового массового движения послужила опубликованная 10 ноября 1965 г. в шанхайской газете «Вэньхой бао» статья главного редактора шанхайской партийной газеты «Цзефан жибао» Яо Вэньюаня «О новой редакции исторической драмы “Разжалование Хай Жуя”». Пьеса была написана в 1960 г. видным китайским историком, заместителем мэра Пекина У Ханем. Яо Вэньюань обвинил его в том, что, излагая в драме эпизод из истории средневекового Китая – об опале честного сановника, подвергшегося гонениям, У Хань проводил параллели с современностью и намекал на несправедливость разжалования Пэн Дэхуая, бывшего министра обороны, который дал негативную оценку «большому скачку» и народным коммунам. В статье Яо Вэньюаня пьеса была названа «антисоциалистической ядовитой травой».

Как выяснилось, о подготовке публикации этой статьи знал Мао Цзэдун и не знали члены ПК Политбюро. Публичное, на всю страну, осуждение вице-мэра Пекина и известного ученого, не согласованные ни с пекинским горкомом партии, ни с Отделом пропаганды ЦК КПК, было событием экстраординарным.

Параллельно началось давление на тех руководителей партии и государства, которых Мао Цзэдун подозревал в нелояльности по отношению к нему. В день выхода статьи Яо Вэньюаня был официально отстранен от должности кандидат в члены Секретариата, заведующий канцелярией ЦК КПК Ян Шанкунь. На этом посту его сменил бывший начальник личной охраны Мао Цзэдуна Ван Дунсин, которому 8 ноября Ян Шанкунь передал дела. Мао Цзэдун называл Ян Шанкуня «догматиком» и подозревал его в тесных связях с первым секретарем Пекинского горкома Пэн Чжэнем. Ян Шанкуня обвинили в том, что он без ведома ЦК, т.е. без ведома Мао Цзэдуна, устанавливал подслушивающие устройства и «передал много секретных документов и архивов другим лицам». Эти обвинения были выдвинуты секретарем ЦК КПК Кан Шэном и женой Мао Цзэдуна Цзян Цин. Ян Шанкуня направили на работу в пров. Гуандун со значительным понижением в должности, причем столь срочно, что его дочь, которую отец вынужден был оставить в столице, временно приютила семья Дэн Сяопина.

Почти одновременно началась политическая травля заместителя министра обороны, начальника Генштаба Ло Жуйцина. К тому моменту у него сложились довольно сложные отношения как с Мао Цзэдуном, так и с министром обороны Линь Бяо. С Мао Цзэдуном Ло Жуйцин расходился во взглядах по вопросу о «народной войне», отдавая приоритет профессиональной армии, был сторонником модернизации НОАК, а не ее политизации. (В 1965 г. Ло Жуйцин выступил со статьей, фактически приуроченной к годовщине победы в Отечественной войне Советского Союза; тогда же он побывал в СССР. В Пекине был осуществлен показ советских фильмов об Отечественной войне.) Линь Бяо же считал, что начальник Генштаба намерен занять его место.

С 8 по 15 декабря 1965 г. в Шанхае проходило созванное Мао Цзэдуном расширенное совещание ПК Политбюро ЦК КПК. Оно проходило под руководством Линь Бяо и было сосредоточено на критике Ло Жуйцина, который в то время инспектировал войска в Юньнани.

Перед совещанием Линь Бяо подготовил документы с обвинениями в адрес Ло Жуйцина и дал поручение своей жене Е Цюнь, заведовавшей его личной канцелярией, передать эти документы Мао Цзэдуну, находившемуся тогда в Ханчжоу. Тот принял Е Цюнь и имел с ней пятичасовую беседу, но не высказал своей позиции по существу вопроса. Однако, судя по его дальнейшим действиям, он принял во внимание всё, что ему было передано.

На совещании с «разоблачениями» выступили Линь Бяо, Е Цюнь, командующий ВВС У Фасянь и политкомиссар ВМС Ли Цзопэн. Они обвинили Ло Жуйцина в «крайне враждебном отношении к идеям Мао», в «выступлении против партии» и в попытке «узурпировать власть в армии». Е Цюнь изложила содержание своей беседы с Мао Цзэдуном и огласила перечень «преступлений» Ло Жуйцина: 1. Он заявлял, что Линь Бяо давно пора уйти на заслуженный отдых. 2. Утверждал, что Линь Бяо стоит лучше заботиться о своем здоровье (т.е. намекал на то, что состояние здоровья Линь Бяо не позволяет ему справляться со служебными обязанностями). 3. Говорил, что впредь Линь Бяо не стоит много внимания уделять делам армии, лучше их передать Ло Жуйцину. 4. Позволял себе оскорбительные заявления в адрес Линь Бяо, например, заявлял, что тот «попусту сидя на горшке, зря тратит время», вместо того чтобы передать дела тому, кто способен их выполнять.

Многие участники совещания, в том числе председатель КНР Лю Шаоци, генеральный секретарь ЦК КПК Дэн Сяопин и заведующий Отделом пропаганды ЦК КПК Лу Динъи, выразили сомнение относительно приведенных «фактов». На совещании присутствовали также Кан Шэн, Чжоу Эньлай и заместитель председателя Госкомитета обороны Хэ Лун.

Линь Бяо уже на совещании объявил о снятии Ло Жуйцина со всех должностей (секретаря ЦК КПК, заместителя премьера Госсовета, заместителя министра обороны и начальника Генерального штаба НОАК). Совещание проходило в секретном режиме, было принято решение не вести стенограмму.

10 декабря 1965 г. Ло Жуйцин с супругой доставили на специальном самолете из Куньмина в Шанхай, где он был изолирован. В марте следующего года Ло Жуйцин был брошен в тюрьму, где провел семь лет, его жена и сын

также были арестованы. Обязанности начальника Генерального штаба возложили на Ян Чэнью.

К концу 1965 г. Мао Цзэдун пришел и к решению об устранении Лю Шаоци. По словам Чэнь Бода, главного редактора теоретического партийного журнала «Хунци», впервые он узнал от вождя о его стратегическом плане борьбы против Лю Шаоци в декабре 1965 г. Об этом плане тогда якобы знали только семь человек: Чэнь Бода, Линь Бяо, Цзян Цин, Чжоу Эньлай, Кан Шэн, министр общественной безопасности Се Фучжи и Ван Дунсин.

В первой декаде января 1966 г. Гуань Фэн и помощник секретаря (впоследствии секретарь) Мао Цзэдуна Ци Бэньюй подготовили статьи с критикой пьесы «Разжалования Хай Жуя». Отдел пропаганды потребовал их переделать, но Гуань Фэн отказался вносить исправления. Тогда Отдел пропаганды обратился в Группу по делам культурной революции – «Группу пяти», созданную в 1964 г. и включавшую Пэн Чжэня (руководитель), Лу Диньи (заместитель), Кан Шэна, Чжоу Яна (заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК КПК) и У Лэнси (заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК КПК) (в Группе также работали сотрудники Отдела пропаганды ЦК КПК, журнала «Хунци» и Пекинского горкома партии Сюй Лицунь, Ху Шэн, Яо Чжэнь, Ван Ли, Фан Жоуй и Лю Жэнь).

3 февраля 1966 г. Пэн Чжэнь созвал совещание по разработке нового документа – «Сводных тезисов Группы пяти о ведущейся ныне научной дискуссии» (известны также как «Февральские тезисы»). Суть документа сводилась к ограничению уже четко проявившей себя тенденции в отношении характера критики в адрес У Ханя и его единомышленников. Дискуссию рекомендовалось вести в научных рамках и под руководством партии, избегая соблазна превратить ее в политическую кампанию. Авторы «Тезисов» указывали на необходимость придерживаться объективного подхода, «принципа равенства всех перед лицом истины» (в 1965 г. в публичной речи на площади Тяньаньмэнь по случаю очередной годовщины КНР первый секретарь Пекинского горкома КПК Пэн Чжэнь в присутствии Мао Цзэдуна тоже произнес слова: «перед законом все равны – каждый человек имеет равные права»), отмечали, что «следует правдой склонять людей на свою сторону». Они подчеркивали, что «нельзя, подобно ученым-сатрапам... подавлять силой власти иные мнения» (позднее один из выдвиженцев «культурной революции» Чжан Чуньцяо доказывал, что эти слова были направлены против Мао Цзэдуна), а упоминая имена в печати, проявлять осторожность. В «Тезисах» формально признавался лозунг Мао Цзэдуна о «необходимости разрушения и созидания», однако с оговоркой, что «без созидания нельзя достичь правильного и окончательного разрушения». Авторы отмечали «длительный характер, сложность и трудность предстоящей борьбы», призывали не делать поспешных политических выводов в отношении лиц, подвергшихся критике.

5 февраля 1966 г. Лю Шаоци созвал Политбюро ЦК КПК для обсуждения этого документа. Затем после редактирования Пэн Чжэнем документ был принят Пекинским горкомом партии, и 7 февраля «Тезисы» отослали Мао Цзэдуну в Ухань.

8 февраля Пэн Чжэнь, Лу Динъи, У Лэнси и Кан Шэн выехали в Ухань и согласовали документ с Мао Цзэдуном, затем было получено согласие Дэн Сяопина и членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК в Пекине, после чего 12 февраля ЦК довел документ до сведения всех членов партии.

Исходя из изложенных в тезисах принципов, Отдел пропаганды ЦК не дал согласия на публикацию критической статьи Гуань Фэна и Ци Бэньюя о драме «Разжалование Хай Жуя».

Убедившись, что кампания критики драмы У Ханя сталкивается с противодействием, Цзян Цин при поддержке министра обороны КНР Линь Бяо созвала в Шанхае всеармейское совещание по проблемам литературы и искусства, которое прошло 2–20 февраля 1966 г. Отредактированная протокольная запись выступлений свидетельствует, что на совещании отрицались успехи в области искусства и литературы, достигнутые после образования КНР. Представителей творческих кругов обвиняли в постоянном «навязывании в предыдущие годы антипартийной, антисоциалистической черной линии». Был брошен призыв «решительно проводить революцию на культурном фронте». «Стенограмма» этого совещания неоднократно редактировалась Цзян Цин и Чжан Чуньцяо, которому помогал главный редактор журнала «Хунци» Чэнь Бода. Затем документ три раза правил Мао Цзэдун, и по его предложению «Протокол» от имени Военного совета ЦК КПК был направлен на утверждение в ЦК партии, а 10 апреля доведен до сведения членов партии.

Таким образом, в конце февраля 1966 г. сложились две точки зрения на формы и методы ведения кампании, которые и нашли отражение в «Февральских тезисах» и в «Протоколе». Сформировались два неофициальных руководящих центра: один в Пекине во главе с Лю Шаоци и Пэн Чжэнем, другой – в Шанхае во главе с Мао Цзэдуном, Кан Шэном, Цзян Цин, Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюанем. Оба центра планировали вести кампанию в соответствии с выработанными документами. Причем первый пытался действовать, опираясь на партийные организации страны, методами, использовавшимися в прошлых кампаниях, второй – в принципиально новых, неожиданных для прежнего партийного руководства формах.

В конце марта 1966 г. в Шанхае Мао Цзэдун, подробнее ознакомившись с тезисами, провел ряд бесед с Кан Шэном, Цзян Цин и Чжан Чуньцяо. 28 марта он резко осудил «Февральские тезисы» за «стирание классовых граней», «смешение истинного и ложного» и назвал их ошибочными. Он призвал «разгромить» Отдел пропаганды ЦК КПК, который назвал «дворцом владыки ада». Сделав выпад в адрес Пэн Чжэня, он заявил, что Пекинский горком и Отдел пропаганды ЦК покрывают «дурных людей», поэтому Отдел пропаганды необходимо распустить, как и «Группу пяти». 30 марта в беседе с Кан Шэном и Цзян Цин Мао Цзэдун вновь подверг критике Отдел пропаганды, призвав «свергнуть владыку ада и освободить чертенят!» (впоследствии, 13 августа 1966 г., эта фраза была обнародована в «Жэньминь жибао» и затем включена в «Цитатник» Мао Цзэдуна). Он заявил о необходимости «призвать к бунту на местах и развернуть наступление на Центр», повторил тезис о «повлении ревизионизма в ЦК КПК» и возникшей из-за этого «опасности» для

страны, потребовал поддержать левых и осуществить «великую культурную революцию». 31 марта Кан Шэн вернулся в Пекин и передал Чжоу Эньлаю и Пэн Чжэню последние указания Мао.

В то время Дэн Сяопин, заместитель премьера Госсовета КНР Ли Фучунь и председатель государственного комитета по экономике Бо Ибо во главе группы руководителей министерств Госсовета находились в Северо-Восточном Китае с инспекцией.

8 апреля Кан Шэн позвонил Дэн Сяопину и потребовал, чтобы он немедленно вернулся в Пекин. Срочно вернувшись в столицу, Дэн Сяопин узнал, что у Пэн Чжэня возникли проблемы. Тот выразил Шанхаю недовольство тем, что о публикации статьи Яо Вэньюаня не было предупреждено руководство пекинской парторганизацией. Цзян Цин, Кан Шэн и Чжан Чуньцяо пожаловались Мао Цзэду, намекая, что Пэн Чжэнь ведет расследование и «подбирается» к Мао Цзэду. Мао принял решение начать критику Пэн Чжэня.

С 9 по 12 апреля в Пекине прошло заседание Секретариата ЦК КПК, на котором Кан Шэн ознакомил участников с указаниями Мао Цзэда и его критическими заявлениями в адрес Пэн Чжэня. Кан Шэн и Чэнь Бода подвергли резкой критике Пэн Чжэня за «серьезные ошибки». После этого было принято решение: 1) подготовить проект документа с критикой ошибок «Тезисов пяти» и аннулировать эти тезисы; 2) создать группу по подготовке документа о «великой культурной революции». В группу вошли Чэнь Бода, Кан Шэн, Цзян Цин, Чжан Чуньцяо, Ван Ли (заместитель руководителя Отдела международных связей ЦК КПК), У Лэнси, Гуань Фэн, Ци Бэньюй (новый секретарь Мао Цзэда, прежде бывший помощником секретаря) и Яо Вэньюань. Решение было утверждено Мао Цзэдом и Постоянным комитетом Политбюро ЦК КПК. Новая группа подготовила два документа: «Сообщение» (впоследствии известное как «Сообщение от 16 мая»), основными авторами которого были Чэнь Бода и Ван Ли, и «Запись основных событий борьбы двух линий на культурном фронте с сентября 1965 г. по май 1966 г.», главным редактором и составителем которого был Кан Шэн. Второй документ шел как приложение к первому.

12 апреля Чэнь Бода направил проект «Сообщения» с критикой «Февральских тезисов» Мао Цзэду. 14 апреля Мао Цзэдун собственноручно вписал туда указание: «Аннулировать прежнюю “Группу пяти по культурной революции”, создать новую “Группу по подготовке проектов документов по великой культурной революции”, непосредственно подчиняющуюся ПК Политбюро ЦК КПК». Секретариат ЦК КПК отстранил от работы Пэн Чжэня. Вслед за призывом Мао Цзэда к устранению «владыки ада» с политической арены исчез заведующий Отделом пропаганды ЦК Лу Динъи. Отдел пропаганды ЦК КПК и Пекинский горком партии оказались парализованы.

17 апреля 1966 г. в Пекине партком Министерства высшего образования провел совещание партийных секретарей пекинских и тяньцзиньских вузов и заведующих отделами пропаганды двух городов, на котором обсуждался вопрос об углублении кампании научной критики. На совещании подчеркивался факт избытка научных критических статей и недостаточного числа политических.

Отмечалось, что на идеологическом фронте идет ожесточенная классовая борьба и руководство учебных заведений должно уяснить смысл борьбы двух путей – пролетарского и капиталистического – на фронте образования, литературы и искусства, искоренить монополию «буржуазных специалистов» в образовании; указывалось на необходимость борьбы за захват власти в этой сфере. Предписывалось всю работу в учебных заведениях сочетать с «научной критикой», вооружившись которой, следует осуществлять революцию в образовании и реформирование учебного процесса; организовать и мобилизовать массы, преподавателей, учащихся, рабочих и служащих на активное участие в этой борьбе. 23 апреля 1966 г. Мао Цзэдун, ознакомившись с этим документом и оценив его как «хороший», наложил резолюцию: «Все преподаватели и студенты вузов, преподаватели средних школ и учащиеся высшей ступени средней школы должны участвовать в культурной революции».

Лю Шаоци, вернувшись из зарубежной поездки (с 22 марта по 19 апреля 1966 г. он посетил Пакистан, Афганистан и Бирму), обнаружил, что «Февральские тезисы» подверглись критике, Пэн Чжэнь и Лу Динь сняты со своих постов, усилиями Цзян Цин и Линь Бяо подготовлен «Протокол» по проблемам литературы и искусства в армии, секретарь Мао Цзэдуна Тянь Цзяин, У Хань и ряд других деятелей культуры подверглись репрессиям, а вместо «Группы пяти» с прямо противоположных позиций действует новая «Группа по делам культурной революции», и уже утвержден Мао Цзэдуном документ о начале одноименной кампании.

20 апреля канцелярия ЦК КПК неожиданно вызвала Лю Шаоци, собиравшегося на отдых, в Ханчжоу на расширенное совещание ПК Политбюро ЦК КПК, созванное Мао Цзэдуном и проходившее с 19 по 24 апреля. Вел совещание Чжоу Эньлай.

На совещании Мао Цзэдун обрушился с критикой на Пэн Чжэня, которому накануне отказал в личной встрече. 22 апреля он заявил: «Я не верю, что вопрос связан только с У Ханем ... Появился ревизионизм, не только в сфере культуры... Главным является то, что он появился в партии и армии». Подвергнув критике «Февральские тезисы», Мао Цзэдун обосновывал необходимость разрушительного характера «культурной революции», утверждая, что «без разрушения нет созидания... Разрушение требует выяснения истины, а выяснение истины и есть созидание». 24 апреля 1966 г. совещание приняло в целом отредактированный Мао Цзэдуном проект «Сообщения». До его принятия 16 мая 1966 г. Мао редактировал этот текст восемь раз, возвращая его потом Чжан Чуньцяо для переработки.

Политическая обстановка была крайне напряженной. В перерывах совещания участвовавшие в нем секретари шести региональных бюро ЦК КПК, включая Лю Ланьтао, даже «не осмеливались идти рядом с Пэн Чжэнем, а тем более разговаривать с ним». После закрытия совещания было решено, что новый первый секретарь пекинского парткома Ли Сюэфэн и Сун Жэньцзюнь будут сопровождать Пэн Чжэня до Пекина. В самолете с ним никто не разговаривал. 28 и 29 апреля Мао Цзэдун вновь подверг резкой критике Пэн Чжэня и Пекинский горком партии.

К 30 апреля рабочая группа ЦК КПК подготовила доклад «К вопросу об ошибках Ло Жуйцина». В нем рассматривались следующие «ошибки» военачальника: 1. Враждебно относился к «идеям Мао Цзэдуна» и выступал против них, клеветал и позволял себе нападки на Мао Цзэдуна. 2. Протаскивал буржуазную военную линию, выступал против военной линии Мао Цзэдуна; произвольно назначал проведение крупных всеармейских военных учений, выступал против выдвижения политики на первое место. 3. Не считался с оргдисциплиной, установил личную диктатуру, создал «независимое княжество», подрывал систему демократического централизма в партии. 4. Ему присущи низкие моральные качества; он прибегает к спекуляциям, стоит на позициях класса угнетателей, буржуазного индивидуализма. 5. «Открыто протянул свои щупальца к партии», настаивал, чтобы Линь Бяо уступил ему место, вел антипартийную деятельность и организовывал интриги, нацеленные на узурпацию власти в армии.

4–26 мая 1966 г. в Пекине состоялось расширенное заседание Политбюро ЦК КПК, которое проходило в соответствии с полученной от Мао Цзэдуна установкой (сам он отсутствовал, вел заседание Лю Шаоци, а Кан Шэн осуществлял связь между ними) решить вопрос об «антипартийной деятельности» «группы Пэн Чжэня, Ло Жуйцина, Лу Динъи и Ян Шанкуня» и утвердить подготовленное под руководством Чэнь Бода и Кан Шэна «Сообщение», в котором излагались основные мысли Мао Цзэдуна по поводу «культурной революции». 16 мая 1966 г. документ был принят единогласно. В нем отмечалось, что «представители буржуазии, проникшие в партию, правительство, армию и различные сферы культуры, представляют собой группу контрреволюционных ревизионистов». «Они готовы при первом удобном случае захватить власть и превратить диктатуру пролетариата в диктатуру буржуазии, — утверждалось в “Сообщении”. — Некоторых из этих людей мы уже распознали, других — еще нет, а третьи все еще пользуются нашим доверием и готовятся прийти нам на смену. К примеру, люди вроде Хрущева находятся бок о бок с нами. Партийные комитеты всех ступеней должны отнестись к этому с полным вниманием». Беспокойство по поводу наследования власти «людьми вроде Хрущева» Мао Цзэдун выказывал и в состоявшейся в том же году беседе с вьетнамским лидером Хо Ши Мином. «Нам с вами уже по 70, и наступит день, когда Маркс призовет нас к себе. Кто же, в конце концов, придет нам на смену? Бернштейн? Или Каутский? Или, быть может, Хрущев? Пока неизвестно. Пока не поздно, надо вести подготовку».

5 и 6 мая на совещании в течение восьми часов выступал Кан Шэн. 6 мая выступил Чжан Чуньцяо, 7 мая — Чэнь Бода.

На заседании резкой критике подверглись Пэн Чжэнь, Ло Жуйцин и Ян Шанкунь, а также заведующий Отделом пропаганды ЦК КПК Лу Динъи. Их обвинили в создании «антипартийной группировки». После того, как на совещании была названа фамилия Лу Динъи, ПК Политбюро провел заседание и принял решение «приостановить его участие в совещании».

В выступлении Линь Бяо 18 мая 1966 г. можно выделить три главных момента.



Мао Цзэдун и Линь Бяо. Осень 1966 г.

1. Напоминание о политических переворотах, которые имели место как в Китае, так и за рубежом. Линь Бяо подчеркнул, что Мао Цзэдун придает большое значение этой угрозе и «много раз собирал ответственных товарищей для обсуждения вопроса о предотвращении контрреволюционного переворота», который готовят «представители буржуазии», проникшие в ряды партии, такие как Ло Жуйцин, Пэн Чжэнь, Лу Диньи и его жена, Ян Шанкунь, — они захватили государственный аппарат, политическую власть и «штаб идеологического фронта», «учиняют смуту и беспорядки... помышляют об убийствах людей».

2. Рассуждения о том, в чьих руках находится политическая власть. «Забыть о политической власти, значит забыть о политике, забыть основную концепцию марксизма и сползти на позиции экономизма, анархизма и утопизма». Политическая власть «есть право подавления», которому подлежат «все реакционные силы общества, все представители эксплуататорских классов, проникшие в ряды нашей партии. Одних мы должны уничтожить, других изолировать, третьих — подвергнуть трудовому воспитанию, четвертых — исключить из партии, пятых — снять с занимаемых постов».

3. Тема «гениальности» Мао Цзэдуна, который «является величайшим марксистом-ленинцем современной эпохи», «гением», подобным Марксу, Энгельсу и Ленину. «И если после кончины председателя Мао кто-нибудь выступит с таким же закрытым докладом, какой сделал Хрущев, то это непременно будет отъявленный карьерист и негодяй, которого осудит и покарает вся наша партия, вся наша страна».

Наряду с другими подобными агитационными выступлениями речь Линь Бяо способствовала тому, что вскоре молодежь вышла на улицы с лозунгами «Защитим ЦК партии!», «Защитим Председателя Мао Цзэдуна!».

16 мая ЦК КПК утвердил доклад рабочей группы «К вопросу об ошибках Ло Жуйцина». В комментарии ЦК КПК утверждалось, что Ло Жуйцин с позиции «буржуазной военной линии» выступал против «пролетарской военной линии», с позиций ревизионизма выступал против марксизма-ленинизма, «идей Мао Цзэдуна», ЦК партии, Мао Цзэдуна и Линь Бяо. Ло Жуйцин объявлялся «буржуазным карьеристом», пытающимся захватить армию.

По настоянию Мао Цзэдуна Пэн Чжэнь, Лу Диньи, Ло Жуйцин и Ян Шанкунь были сняты со всех постов. Постановление о приостановлении их полномочий на партийных постах и обращение к пленуму об утверждении этого решения постфактум было принято 23 мая 1966 г. на расширенном заседании Политбюро. В состав Секретариата ЦК в качестве постоянного секретаря вводился Тао Чжу, по совместительству назначенный заведующим Отделом пропаганды ЦК; Е Цзяньин вошел в состав Секретариата ЦК в качестве секретаря и по совместительству назначался начальником секретариата Военного совета ЦК. Ли Сюэфэн был назначен первым секретарем Пекинского горкома партии.

24 мая 1966 г. ЦК КПК издал «Пояснения относительно ошибок товарищей Лу Диньи и Ян Шанкуня». В документе сообщалось, что решением совещания ЦК КПК учреждает специальный комитет по расследованию антипартийной деятельности Пэна, Лу, Ло и Яна. Утверждалось, что материалы об «ошибках» Пэна и Ло уже имеются, сообщались «порочащие факты» по поводу Лу Диньи и Ян Шанкуня. Согласно этому документу, жена Лу Диньи Ян Вэйбин «является действующим контрреволюционным элементом» и якобы написала несколько десятков «антипартийных контрреволюционных» анонимных писем, в большинстве которых содержатся нападки на Линь Бяо и его семью, а сам Лу Диньи выступал против «идей Мао Цзэдуна», их изучения и творческого применения, ругал их за «прагматизм», «упрощенчество» и «примитивизм», высказывался против Сталина и так называемого

«догматизма», разделял взгляды Пэн Чжэня на «культурную революцию». Ян Шанкунь обвинялся в незаконной установке подслушивающих устройств, разглашении важных партийных секретов, «сомнительных взаимоотношениях» с Ло Жуйцином и активном участии в антипартийной деятельности.

23 мая ЦК КПК сформировал специальный комитет по проверке деятельности Пэн Чжэня, Ло Жуйцина, Лу Динъи и Ян Шанкуня. Кроме того, было принято решение о расформировании «Группы по делам культурной революции» во главе с Пэн Чжэнем и учреждении «Группы по делам культурной революции при ЦК КПК», непосредственно подчинявшейся Постоянному комитету Политбюро. Вся организационная подготовка по созданию группы была проведена втайне. Состав группы, в которую вошли 18 человек, утвердили 28 мая. Ее руководителем стал Чэнь Бода, советником – Кан Шэн, заместителями руководителя – Цзян Цин (в дополнительном указании от 30 августа 1966 г. ей, как первому заместителю, поручалось руководить группой во время болезни или отлучек Чэнь Бода), Чжан Чуньцяо, Ван Жэньчжун, Лю Чжицзянь, членами – Се Танчжун, Ван Ли, Гуань Фэн, Ци Бэньюй, Яо Вэньюань, Му Синь, Инь Да и др. Вскоре эта группа не без помощи Мао Цзэдуна превратилась в особый орган – действовавший независимо от Политбюро и Секретариата ЦК КПК штаб «культурной революции».

На совещании Политбюро также подверглись критике заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК КПК Чжоу Ян, философ Ян Сяньчжэнь, бывший секретарь Мао Цзэдуна Тянь Цзяин, руководитель Всекитайского союза журналистов Дэн То, литераторы Ляо Моша и Линь Мохань.

5 мая 1966 г., во время совещания, Мао Цзэдун в Ханчжоу принял делегацию Албанской компартии. Он впервые изложил иностранцам свои взгляды на борьбу двух линий в Китае – марксистско-ленинской и «ревизионистской». Председатель отметил, что еще неизвестно, какая из них в конечном счете восторжествует: в стране не только культура, литература, образование и наука находятся в руках буржуазии, но и многие ее представители «проникли в партию», «окопались» там.

В дни майского совещания была опубликована серия открытых критических статей в адрес Пекинского горкома и его печатных органов. 8 мая в центральной армейской газете «Цзефанцзюнь бао» вышла статья за подписью Гао Цзюй (псевдоним Цзян Цин) «Открыть огонь по антипартийной, антисоциалистической черной линии», а в «Гуанмин жибао» – публикация Хэ Мина (псевдоним Гуань Фэна) с критикой пекинских газет «Бэйцзин жибао» и «Бэйцзин ваньбао» и журнала «Цяньсянь» за публикацию «антипартийных и антисоциалистических статей» У Ханя, Дэн То и Ляо Моша, которые вместе вели в журнале «Цяньсянь» публицистическую рубрику «Саньцзя цунь чжацзи» («Записки из села Трех»). 11 мая в «Хунци» вместе со статьей Яо Вэньюаня «О “селе Трех”, или реакционная суть “Вечерних бесед в Яньшани” и “Записок из села Трех”», перепечатанной из шанхайских «Цзефан жибао» и «Вэньхой бао», вышла статья Ци Бэньюя «О буржуазной платформе журнала “Цяньсянь” и газеты “Бэйцзин жибао”». В обеих статьях подвергался резкой критике «черный притон, основанный на паях Дэн То, У Ханем

и Ляо Моша», печатные органы Пекинского горкома объявлялись орудиями оппозиции партии и социализму, которые использовались для наступления на партию. 14 мая в «Жэньминь жибао» появилась статья Линь Цзе «Разоблачить антипартийное, антисоциалистическое обличье Дэн То». Эти публикации должны были подготовить общественное мнение к предстоящим решениям закрытого совещания Политбюро.

6 мая 1966 г. Линь Бяо направил Мао Цзэдуну «Доклад о дальнейшем развертывании подсобного сельскохозяйственного производства в армии», подготовленный Главным управлением тыла НОАК. Уже 7 мая Мао Цзэдун прислал комментарий, в котором изложил свои представления о социально-экономической модели развития «идеального» общества в Китае в духе «казарменного коммунизма» (в дальнейшем этот текст стал известен как «Указание от 7 мая»). Замысел сводился к созданию в Китае повсеместно автаркических аграрно-промышленных общин, которые должны сами удовлетворять свои потребности. План состоял из трех пунктов.

1. Создать общество, в котором постепенно будет уничтожено разделение труда. Ко всем ведомствам и производственным единицам предъявлялось требование создавать «великие школы» — «маленькие общества», не связанные с внешним миром и способные заниматься и промышленным, и сельскохозяйственным производством, культурой и военным делом, критиковать буржуазию, а также последовательно устранять разделение общественного труда и товарного производства, постепенно ограничивать принципы распределения по труду и материальной заинтересованности. В противном случае, полагал Мао Цзэдун, сохранится вероятность реставрации капитализма.

2. Создать общество, в котором постепенно будут ликвидированы товарно-денежные отношения. Мао Цзэдун считал, что делать это следует путем создания «великих школ», которые сами производят все необходимое для себя, либо, по меньшей мере, наполовину, снабжают себя всем необходимым.

3. Создать общество, в котором будут ликвидированы «три больших различия»: между рабочими и крестьянами, между городом и деревней, между физическим и умственным трудом.

Мао Цзэдун поддержал призыв Линь Бяо превратить армию в «великую школу идей Мао Цзэдуна» и одновременно требовал распространения военных форм организации на все сферы жизни и деятельности общества, т.е. милитаризации народного хозяйства страны.

И, наконец, он призывал народ и армию «постоянно принимать участие в битвах культурной революции, которая призвана осудить буржуазию».

Уже 15 мая от имени ЦК КПК в партии было распространено уведомление, в котором давалась высокая оценка содержанию этого документа как «новому эпохальному развитию марксизма-ленинизма».

Партийная печать подхватила эти указания как программу преобразования КНР «в великую школу коммунизма».

Еще до окончания совещания 10 мая 1966 г. был арестован председатель Всекитайского союза журналистов Дэн То. Вернувшись домой в ночь с 17 на 18 мая, он покончил с собой. В прощальном письме, направленном первому

и второму секретарям Пекинского горкома КПК Пэн Чжэню и Лю Жэню, Дэн То заявил о своей преданности КПК и вере в «победу дела социализма и коммунизма в мире».

23 мая совершил самоубийство и бывший личный секретарь Мао Цзэдуна Тянь Цзяин, которому инкриминировались «особые отношения» с Ян Шанкунем («антипартийным, антисоциалистическим элементом»), а также «фальсификация работ Мао Цзэдуна» (так, он якобы удалил фразу о том, что «солью произведения У Ханя “Разжалование Хай Жуя” является разжалование...», и тем самым искажил мнение Мао Цзэдуна, который усмотрел в пьесе протест против смещения своих противников с руководящих постов).

Вскоре был объявлен «шпионом» и брошен в тюрьму литератор Ляо Моша.

Совещание Политбюро, приняв по настоянию Мао Цзэдуна «Сообщение 16 мая» и сделав соответствующие перемещения в руководстве партии, практически санкционировало начало «великой политической революции, в результате которой один класс свергает другой». Позднее Мао Цзэдун неоднократно утверждал, что большинство участников майского расширенного совещания Политбюро ЦК КПК не были согласны с его позицией, а порой он «оставался в одиночестве».

Первые документы и решения совещания показывают, что речь шла не о «культуре» и «культурной революции». Налицо были острейшие столкновения по целому ряду вопросов, связанных с оценкой текущей обстановки, выбором политического курса, методами осуществления политики партии, а также стратегическими вопросами теории и политики. Очевидным было соперничество за политическое лидерство в партии и стране, ранее временно отступившее на второй план перед лицом серьезных трудностей, возникших в результате осуществления политики «большого скачка» и народных коммун. Несмотря на то, что совещание носило закрытый характер и его основной документ был обнародован только через год, члены новой «Группы по делам культурной революции» еще во время совещания поставили в известность своих сторонников о его проведении и об обсуждаемых вопросах. В газетах была развернута острая критика в адрес Пекинского горкома КПК, и ближайшее окружение Мао Цзэдуна, выполняя его волю, спешило начать новую политическую кампанию.

Ее главной социальной базой стала учащаяся молодежь.

Начало

17 мая Кан Шэн дал указание специальной «группе теоретических исследований ЦК», возглавлявшейся его женой Цао Йоу, которая с 4 марта 1966 г. курировала Пекинский университет, выехать в этот вуз, чтобы «разжечь в Пекинском университете пламя («культурной революции». — В.У.) и направить его ввысь». Цао Йоу нашла опору в лице секретаря объединенного парткома

философского факультета Не Юаньцзы, с которой когда-то вместе училась. В период кампании «четырёх чисток» Не Юаньцзы подверглась критике со стороны секретаря парткома университета Лу Пина, и Цао Йоу предложила подруге выступить против него. 25 мая 1966 г., накануне завершения работы расширенного совещания Политбюро, Не Юаньцзы по наущению Кан Шэна вместе с шестью студентами и аспирантами университета вывесила первую *дацзыбао* «Что делают, в конце-то концов, Сун Шо (заместитель заведующего отделом по работе в высших учебных заведениях Пекинского правительства. — В.У.), Лу Пин и Пэн Пэйюнь (заместитель секретаря парткома Пекинского университета, сотрудница отдела по работе высших учебных заведений столичного правительства. — В.У.) в культурной революции». В *дацзыбао* подверглись резким нападкам Лу Пин, Сун Шо и Пэн Пэйюнь, партком университета и Пекинский горком, содержался призыв «решительно и полностью уничтожить все контрреволюционные ревизионистские элементы». В *дацзыбао* упоминался и Дэн То, с которым якобы поддерживали связи критикуемые.

Появление *дацзыбао* в университете было первой акцией организованной и осуществленной новой «Группой по делам культурной революции». Так «культурная революция» впервые выплеснулась из стен закрытых совещаний «на улицу».

Партком университета немедленно отреагировал на *дацзыбао*, начав дискуссию с ее авторами. В ночь на 26 мая Лю Шаоци, Чжоу Эньлай и первый секретарь Пекинского горкома Ли Сюэфэн обсудили ситуацию в Пекинском университете с руководителями канцелярий иностранных дел Госсовета и Министерства высшего образования. Лю Шаоци заявил о необходимости соблюдать партийную дисциплину и законы и подчеркнул, что «культурная революция» ведется под руководством КПК. Чжоу Эньлай обратил внимание на то, что в Пекинском университете учатся иностранные студенты из десятков стран и подходить к ним следует иначе, чем к студентам — гражданам КНР. Ли Сюэфэн, несмотря на глубокую ночь, отправился в университет передать его руководству мнение Лю Шаоци и Чжоу Эньлая.

26 мая Кан Шэн за спиной Лю Шаоци отослал Мао Цзэдуну в Ханчжоу черновик *дацзыбао* Не Юаньцзы и секретное донесение о ситуации в Пекинском университете.

29 мая Лю Шаоци, Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин на расширенном совещании ПК Политбюро с отделами ЦК приняли решение поручить Чэнь Бода возглавить рабочую группу для работы в издательстве «Жэньминь жибао», а секретарю Хэбэйского провинциального парткома Чжан Чэнсяню — рабочую группу, направлявшуюся в Пекинский университет. Чжоу Эньлай немедленно доложил по телефону Мао Цзэдуну о резолюции совещания и получил ее одобрение. 30 мая Лю Шаоци, Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин официально направили в Ханчжоу телеграмму и получили «добро» на осуществление своего плана от Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун 1 июня 1966 г. позвонил Кан Шэну и Чэнь Бода и дал указание «разрушать эту реакционную крепость — Пекинский университет», немедленно полностью опубликовать во всех газетах страны «марксистско-

ленинскую» дацзыбао как «чрезвычайно необходимую» и передать ее по радио от имени агентства Синьхуа. Тут же, без согласования с Лю Шаоци, 1 июня в 8 часов вечера содержание дацзыбао передали по центральному радио, а 2 июня напечатали в «Жэньминь жибао» вместе со статьей «обозревателя» газеты, в роли которого выступили Чэнь Бода, Ван Ли и Гуань Фэн. Набранный крупным шрифтом заголовок статьи гласил: «Приветствуем первую дацзыбао Пекинского университета».

Руководство «Жэньминь жибао» перешло в руки Чэнь Бода, направленного в ее редакцию 31 мая 1966 г. во главе рабочей группы. С 1 по 5 июня 1966 г. в газете была опубликована серия статей. 1 июня вышла передовая статья, озаглавленная «Решительно вымести всю и всякую нечисть» с призывом осуществить «культурную революцию». В ней прямо ставился вопрос о «захвате власти» «революционерами» и впервые в открытой печати была поставлена задача «полной ликвидации старой идеологии, старой культуры, старых нравов и обычаев», «формирования абсолютно новой, пролетарской идеологии, культуры, обычаев и нравов». Идею немедленно подхватили хунвэйбины, организации которых появились в Пекине в конце мая.

2 июня появилась статья «Великая революция, затрагивающая душу людей». В ней подчеркивалось, что ход событий «выдвигает на первый план вопрос о пролетарской культурной революции», и для решения этого вопроса народ страны должен «вести решительную и беспощадную борьбу против антипартийных, антисоциалистических представителей буржуазии, против «ученых авторитетов». 3 июня в статье «Отвоевать у буржуазии захваченные ею позиции в исторической науке» утверждалось, что «представители буржуазии превратили историческую науку в важную позицию в их борьбе против партии и социализма».

В статье «Сорвать буржуазную маску “свободы, равенства и братства”» от 4 июня развивалась мысль об обострении классовой борьбы в стране. Обращаясь к «буржуазным авторитетам», газета заявляла: «Выращенные вами ядовитые сорняки наводнили наши газеты, радиопередачи, периодические издания, книги, учебники, доклады, художественную литературу, кино, театры, эстраду, изобразительное искусство, музыку, хореографию и т.д.». Под «буржуазными авторитетами» в данном случае подразумевались секретарь Пекинского горкома КПК, бывший главный редактор «Жэньминь жибао», известный журналист и историк Дэн То, печатавший в столичной «Бэйцзин ваньбао» под рубрикой «Вечерние беседы в Яньшане» острые публицистические заметки, а также выступавшие вместе с ним под общим псевдонимом У Наньсин в ежемесячнике Пекинского горкома «Цяньсянь» под рубрикой «Записки из села Трех» У Хань и Ляо Моша. В статье утверждалось, что проповедовавшаяся ими «свобода высказываний» — «это не что иное, как свобода для организации черного притона “Села трех”, свобода для распространения черных “Вечерних бесед в Яньшане”, свобода для широкого показа черных постановок и кинофильмов... свобода заступничества за правых оппортунистов и поощрения их к реваншу». В статье признавалось, что тех, кто начал «культурную революцию», в народе называют «взрывниками и палочниками».

«Мы действительно являемся пролетарскими “взрывниками” и взорвем все антипартийные, антисоциалистические черные села и черные притоны. Вооруженные пролетарской “золотой палкой”, мы перебьем всю и всякую нечисть».

5 июня появилась последняя из этой серии статья – «Быть пролетарским революционером или буржуазным “монархистом”?». Там содержался тенденциозный обзор событий в Пекинском университете. Резкой критике был подвергнут секретарь парткома Пекинского университета Лу Пин как «буржуазный монархист».

Публикация дацзыбао Не Юаньцзы, по воспоминаниям детей Лю Шаоци, сразу же усилила беспорядки в Пекинском университете. Этому способствовали и упомянутые пять статей в «Жэньминь жибао».

Учащиеся высших и средних учебных заведений во многих городах страны откликнулись на эти публикации, что привело к быстрому подъему так называемой кампании «борьбы с черной бандой», жертвами которой стали директора и преподаватели учебных заведений страны. Были арестованы ректор Пекинского университета Лу Пин, ректор Нанкинского университета Куан Ямин и ректор Шанхайской консерватории Хэ Лутин.

Студенты развернули «борьбу» против партийных руководителей, администрации и преподавательского состава и других вузов. Методы «борьбы» были везде похожими: вывешивались дацзыбао, организовывались митинги, критикуемых подвергали публичному глумлению, заставляли часами стоять на солнцепеке, при этом на шею им вешалась доска с оскорбительными надписями, иногда на голову жертвам надевали плетеные корзины из колючей проволоки. Более 100 преподавателей и студентов из 24 вузов столицы были объявлены «контрреволюционерами», на 10 тыс. учащихся были «наклеены политические ярлыки».

После публикации первой дацзыбао и подстрекательских статей в «Жэньминь жибао» инициаторы новой политической кампании спровоцировали студентов и учащихся на выступление против руководства парткомов и профессуры в 55 вузах Пекина.

С 3 по 8 июня Лю Шаоци у себя дома провел совещание, в котором участвовали Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин, Чэнь И, Бо Ибо, Ли Сяньнянь, Е Цзяньин, Чэнь Бода, Кан Шэн, Ван Дунсин, Тао Чжу и Ли Сюэфэн. Были подняты и обсуждены вопросы и методы ведения кампании. Были выработаны «восемь пунктов», ограничивающих произвол активистов кампании: 1) не следует вывешивать дацзыбао за пределами учебных заведений; 2) собрания не должны мешать работе и учебному процессу; 3) не следует устраивать манифестации на улицах; 4) надо применять «дифференцированный подход» к привлечению участников мероприятий (так, иностранцам не разрешается посещать митинги хунвэйбинов и участвовать в движении); 5) не разрешается устраивать беспорядки в домах лиц, «выведенных на чистую воду»; 6) строго хранить (партийные и государственные) тайны; 7) не разрешается избивать людей и клеветать на них; 8) активно руководить (кампанией), решительно отстаивать свои позиции.

Эти «требования» были нацелены на упорядоченное развертывание новой политической кампании под контролем партии.

Дэн Сяопин, выступая на совещании, предложил Пекинскому горкому быстрее распространить от имени ЦК «решение из восьми пунктов», провести собрания с участием сотен тысяч человек и довести содержание документа до сознания людей. Одновременно было принято решение направить рабочие группы для контроля в столичные вузы, деятельность которых была почти парализована.

После этого Пекинский горком партии приступил к направлению рабочих групп в вузы. Группы формировались из сотрудников организационного и других отделов ЦК КПК, в средние школы направлялись группы из аппарата ЦК КСМК. В Пекине было создано более 400 рабочих групп общей численностью до 20 тыс. человек, в том числе в средние школы были направлены более 1,5 тыс. человек. Министерство культуры включало в состав рабочих групп военных кадровых работников, в том числе более 300 человек, чьи кандидатуры были согласованы с Линь Бяо, из Главпура НОАК.

Вскоре по примеру Пекина рабочие группы стали формироваться и в других городах страны. В Шанхае их отряды насчитывали около 40 тыс. человек. Всего же в составе рабочих групп насчитывалось около 400 тыс. человек.

В деятельности рабочих групп можно условно выделить три периода. Первый — с 3 по 18 июля 1966 г. (их формирование и направление на места); второй — с 18 июля (т.е. с момента приезда Мао Цзэдуна в Пекин из Ханчжоу) до 28 июля 1966 г. (деятельность рабочих групп на местах), борьба в руководстве по поводу их использования; третий — с конца июля 1966 г. по январь 1967 г. (отзыв рабочих групп и борьба против них).

В связи с тем, что отношение к приходу рабочих групп в учебные заведения было неодинаковым, возникшие там массовые организации тут же разделились на два больших лагеря: на «консерваторов», стоявших на позициях партийного руководства (имелись в виду Лю Шаоци и Дэн Сяопин), и «бунтарей», поддерживающих «левых» и «группу по делам культурной революции» (ГКР).

Рабочие группы даже тогда, когда они вынуждены были идти на немедленное отстранение ректоров и секретарей парткомов вузов, принимали, вместе с тем, меры к восстановлению деятельности партийных и комсомольских организаций. Они пытались смягчить удар, полученный «отстраненными от постов» руководителями высших и средних учебных заведений, ограничиваясь требованием «покаяния» или направлением на «курсы концентрации и воспитания» для творческой интеллигенции, решительно пресекали, если могли, применение физического насилия. Лю Шаоци и Дэн Сяопин в наставлениях рабочим группам подчеркивали, что они являются представителями партийного руководства: «Вы посылаетесь нами, выступление против вас является выступлением против нас». Поэтому выступления против рабочих групп их члены квалифицировали как «антипартийные, контрреволюционные действия».

4 июня Дэн Сяопин принял рабочую группу, направленную в женскую школу при Пекинском педагогическом университете. В ходе беседы речь зашла

о критике учащимися своих преподавателей как «буржуазных авторитетов в области науки». В этой связи Дэн Сяопин сказал: «Если (преподаватели) действительно люди знающие, то вам все-таки следовало бы проводить курс на сплочение с ними. Известно, что и математика, и физика в этой женской средней школе поставлены замечательно. В хороших учебных заведениях работа идет так энергично, что просто небу жарко. ...Если же хороших преподавателей нет, то не воспитаешь и хороших учеников». Он предложил рабочим группам вести воспитательную работу, помогать учащимся повышать свой уровень. В ходе борьбы он предлагал убеждать, основываясь на принципах разума. Критике должна предшествовать хорошая подготовка, факты должны быть проверены, все нужно делать по закону. Избиение людей — признак бездарности и неразумия. Он критиковал применение и таких методов, как завуалированные телесные наказания, надевание на головы критикуемых высоких бумажных колпаков. Политические вопросы предлагалось решать политическими методами, не допускать перегибов в партийной работе. «Если в результате нынешнего движения мы свергнем и партию, и комсомол, — говорил в то время Дэн Сяопин, — разве можно считать это нашей победой? Главное, что у нас есть государство диктатуры пролетариата, руководимое Коммунистической партией. Что же касается преподавателей, то большинство из них — хорошие люди; я не согласен, когда говорят, что все учителя плохие».

9 июня Лю Шаоци, Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин отправились в Ханчжоу, так как в отсутствие Мао Цзэдуна невозможно было принять некоторые важные решения. 10 и 12 июня Мао Цзэдун организовал в Ханчжоу два совещания. На них предлагалось продолжать кампанию примерно полгода. Однако не было высказано ни одного конкретного предложения по методам ее осуществления. В ходе дискуссии по вопросу о рабочих группах Мао Цзэдун заявил, что нехорошо направлять их немедленно и без подготовки, лучше позволить смуте развиваться какое-то время, проявить себя, а когда ситуация прояснится, тогда и направить рабочие группы. «Детям надо бунтовать, и их надо поддерживать в этом, дать им возможность самим выработать свою линию, не надо бояться, что они наделают ошибок».

После возвращения в Пекин Чжоу Эньлай отбыл за рубеж с официальными визитами. Ответственность за руководство движением легла на плечи Лю Шаоци и Дэн Сяопина.

14 июня Лю Шаоци и Дэн Сяопин созвали расширенное заседание ПК Политбюро ЦК и довели до его участников итоги совещаний в Ханчжоу.

18 июня в Пекинском университете возникли беспорядки и драки. Не Юаньцзы и ее сторонники «вытащили для борьбы» большую группу (около 60 человек) руководящих кадровых работников, профессоров и преподавателей университета. Их избивали, на головы надели шутовские колпаки, лица разрисовали черной краской, порвали одежду.

Рабочая группа предприняла соответствующие меры, чтобы своевременно прекратить этот инцидент, и изолировала несколько человек. 20 июня Лю Шаоци распространил по всей стране информацию о пресечении драк и беспорядков этой рабочей группой, считая ее действия «правильными



Дацзыбао в кампании против пересмотра дел «правых уклонистов»

и своевременными» и призывая на местах действовать так же. Однако его оппоненты так не считали. Цзян Цин, Чэнь Бода, Кан Шэн и их сторонники сначала всячески провоцировали студентов, а затем представляли доклады Мао Цзэдуну.

По словам Лю Шаоци, противодействие рабочим группам было отмечено в 39 из 50 учебных заведений Пекина.

К середине июля Мао Цзэдун, отсутствовавший в столице почти восемь месяцев, счел необходимым лично вмешаться в ситуацию в Пекине. Неожиданно для многих (он не оповестил об этом даже Лю Шаоци и Дэн Сяопина) Мао Цзэдун вернулся в Пекин 18 июля. В тот же день газеты сообщали о его знаменитом заплыве на Янцзы, состоявшемся 16 июля в Ухане, и о прекрасном состоянии здоровья «любимого вождя Председателя Мао». Газета «Цань-као сяоси», издававшаяся для кадровых работников, сообщила, что многие иностранные медики, исследовавшие здоровье Мао Цзэдуна, считают, что организм вождя настолько хорош, что он может уверенно прожить, по меньшей мере, до 150 лет.

Сославшись на усталость, Мао Цзэдун отказался от встречи с главой государства Лю Шаоци, но в тот же день пригласил к себе в резиденцию Чэнь Бода и Кан Шэна. Он потребовал, чтобы члены ГКР (группы по делам культурной революции) посетили четыре университета столицы для выяснения сложившейся там обстановки: Пекинский, Педагогический, Народный и Университет Цинхуа.

20 июля 1966 г. Мао Цзэдун положительно отреагировал на письмо семи комсомольцев — учащихся Пекинского института иностранных языков (послано

28 июня). Студенты писали, что их родители – революционные кадровые работники, члены КПК, стали «чиновниками», превратились в привилегированную прослойку, в ревизионистов. Студенты предлагали: 1) лишить кадровых работников привилегий; 2) заставить революционных кадровых работников постоянно участвовать в физическом труде; 3) наказывать всех, кто нарушает партийную дисциплину и законы государства; 4) быстрее создать по всей стране систему образования *бань гун бань ду, бань нун бань ду* («половину времени – на работу, половину – на учебу; половину времени на занятия сельскохозяйственным трудом – половину на учебу»); 5) в каникулярное время организовывать учащихся для участия в физическом труде на заводах и в деревнях либо привлекать на военные сборы в армию.

«Проблемы, о которых они говорят, действительно важны, их необходимо разрешить в ходе движения, – указывал Мао Цзэдун Кан Шэну и Чэнь Бода. – Прошу вас сообщить им, что письмо я уже получил, прочел и обратил на него внимание» (письмо учащихся по указанию Мао было распространено в качестве одного из трех основных документов на 11-м пленуме ЦК КПК восьмого созыва).

19 июля Мао Цзэдун, заслушав доклад Лю Шаоци об обстановке в движении, выразил неудовольствие по поводу предыдущего этапа кампании и заявил, что направление рабочих групп было ошибкой. Он считал, что в Пекине «культурная революция» проходит вяло и безжизненно, движение учащихся подавляется. Он подверг критике «восемь пунктов», принятых 3 июня 1966 г., заявив, что авторы этого документа боятся революции, что это «ошибка в направлении», которую необходимо срочно исправить.

21 июля Лю Шаоци с Дэн Сяопином еще раз созвали расширенное совещание ПК Политбюро ЦК, заслушали доклады о ходе кампании, обсудили меры по руководству движением. «Недопустимо бездумно ставить вопрос о захвате власти, нельзя ниспровергать все без разбору, – говорил в своем выступлении Лю Шаоци. – В кампании надо заботиться о производстве, работе, жизни народа, восстановить выходные дни, соблюдать сочетание труда и отдыха. Запретить избивать, позорить, издеваться над людьми». Мао Цзэдун, напротив, в письме к Цзян Цин от 8 июля 1966 г. призывал к активизации кампании хунвэйбинами, утверждал, что «только установив великую смуту в Поднебесной, можно впоследствии создать там великий порядок».

Среди китайских руководителей, находившихся в Пекине, возникла острая борьба по поводу оценки деятельности рабочих групп. Трижды – 13, 19 и 22 июля, руководство ЦК КПК обсуждало этот вопрос. Чэнь Бода от имени ГКР заявил, что рабочие группы подавляют развитие демократии, и потребовал их отозвать. Лю Шаоци выступал против. У него произошел на эту тему разговор с Кан Шэном. Дэн Сяопин также встал на сторону Лю Шаоци.

24–25 июля 1966 г. по инициативе Мао Цзэдуна было созвано совместное заседание членов ПК Политбюро ЦК КПК, всех членов ГКР и секретарей региональных бюро ЦК КПК. На нем планировалось обсудить проект «Решения ЦК КПК относительно великой пролетарской культурной революции», которое должно было быть принято на 11-м пленуме ЦК.



Лю Шаоци и Цзян Цин. 1 октября 1966 г.

На заседании Мао Цзэдун впервые встретился со всеми членами ГКР. Говоря о выработке «хорошего документа», он подчеркнул, что главным является изменение формы направления рабочих групп. Рабочие группы не понимают, что происходит в вузах, некоторые из них совершают «плохие дела», препятствуют развитию движения, «тормозят революцию». Поэтому надо опираться на внутренние силы учебных заведений, дать им возможность самим вести революцию. Мао Цзэдун особо отметил, что и рабочая группа Чжан Чэнсяня, посланная в Пекинский университет, также «тормозит движение». Было заявлено, что Лю Шаоци и Дэн Сяопин «совершили серьезную ошибку», приняв решение о направлении рабочих групп.

Начиная с 22 июля Мао Цзэдун четырежды – 22, 23, 25 и 26 июля – посылал Чэнь Бода, Кан Шэна и Цзян Цин в Пекинский университет для встреч со студентами и преподавателями, дабы на митингах поддержать «бунт» студентов и выступить против рабочей группы.

25 июля на совещании Политбюро Мао Цзэдун констатировал, что 95% рабочих групп совершили ошибки «в проведении линии» и приказал такие группы распустить. 27 июля ГКР подготовила решение «О роспуске рабочих групп во всех высших и специальных учебных заведениях», которое правил лично Мао Цзэдун. Документ был обнародован 28 июля 1966 г. от имени Пекинского горкома партии, в нем подчеркивалось, что решение о роспуске рабочих групп распространяется и на средние учебные заведения.

Уже 26 июля Цзян Цин, Кан Шэн и Чэнь Бода, выступая на митинге в Пекинском университете, заявили о предстоящем роспуске рабочих групп и призывали к «разжалованию» Чжан Чэнсяня. 27 июля они уже выступали с аналогичными речами в Педагогическом университете.

28–29 июля Чжоу Эньлай приезжал во Второй Пекинский институт иностранных языков и участвовал в митинге, устроенном его учащимися. В своем выступлении он подчеркнул, что «культурную революцию в первую очередь следует проводить в партийных и административных учреждениях, в культурных и образовательных ведомствах, особенно в учебных заведениях».

29 июля 1966 г. сообщение об аннулировании решения о направлении рабочих групп по указанию Мао Цзэдуна было оглашено Ли Сюэфэном на 10-тысячном митинге «активистов-революционеров» учебных заведений Пекина, организованного столичным горкомом в здании ВСНП. (Они стали именовать себя «хунвэйбинами», то есть «бойцами красной гвардии», или «красными стражами», «красными охранниками». Появление организаций учащихся школ и вузов под общим названием «хунвэйбины» совпало с активной деятельностью группы по делам культурной революции.)

Лю Шаоци, Дэн Сяопин и Чжоу Эньлай выступили с «самоанализом» и взяли на себя ответственность за направление рабочих групп, но подчеркнули, что отправка их в учебные заведения от имени нового Пекинского горкома КПК осуществлялась в соответствии с мнением ЦК партии. Дэн Сяопин пояснил, что часть рабочих групп в учебные заведения была направлена новым Пекинским горкомом партии, другая часть, по просьбе горкома, была составлена из сотрудников отделов ЦК КПК, министерств Госсовета, Хэбэйского парткома и кадровых работников, ранее проводивших «четыре чистки». Он сказал, что часть рабочих групп является «хорошей», часть — «сравнительно хорошей», однако есть и те, что «совершили ошибки», а некоторые — «серьезные ошибки»: «подавляли массы», торпедировали проведение культурной революции, наносили удары по левым и тем, кто не согласен с их мнением. Критику в свой адрес Дэн Сяопин парировал, заявив: «...Мы несколько десятков лет следовали за Председателем Мао, неужели сейчас не следуем?».

Лю Шаоци заявил, что многие «старые революционеры столкнулись с новыми проблемами». Он сказал, что не только преподаватели и учащиеся, но и он сам, как и другие руководители, не знают, как осуществлять «культурную революцию». Он призвал в ходе кампании «защищать меньшинство, защищать людей с другим мнением», заявив, что «выступление против Мао Цзэдуна это еще не обязательно выступление против революции».

Дочь Дэн Сяопина Маомао, присутствовавшая на митинге в качестве представителя хунвэйбинов своего учебного заведения, вспоминала: «...Я совершенно отчетливо помню, как смотрела на необъятную сцену президиума, а в зале, где собралось десять тысяч человек, стояла мертвая тишина. Мы — те, кто принадлежал к “защищавшим рабочие группы”, слушали то, что говорилось, и по щекам у нас текли слезы. А в душе, в самой глубине, под воздействием того, что говорили люди из поколения наших отцов, понимая их состояние, мы терзались противоречиями и ощущали свою беспомощность.

Я также ясно помню, что, когда заседание закончилось и было закрыто, к всеобщему удивлению на сцене, где размещался президиум, появился Мао Цзэдун. В своей неподражаемой, харизматической манере великого вождя он стал размахивать рукой, посылая привет всем присутствующим. И тогда всё вокруг как бы вскипело и заклокотало. Юные генералы культурной революции – хунвэйбины, будучи потрясены этим явлением, начали восторженно кричать, приветствуя его, по лицам полились слезы. Стремясь увидеть Мао Цзэдуна, сидящие сзади, сметая все на своем пути, карабкались на столы и стулья, громко кричали, вкладывая в это свою душу: «Десять тысяч лет Председателю Мао!». И если в начале заседания в зале царили крайняя зажатость и подавленность, то тут сразу же всё изменилось и обратилось в океан приветствий и восторгов».

Мао Цзэдун отказывался показываться на людях рядом с Лю Шаоци и Дэн Сяопином, поэтому он незаметно прошел в специальную комнату № 118 здания ВСНП, где часто бывал в период культурной революции. Комната находилась за сценой большого зала. Мао Цзэдун уселся там и внимательно слушал, что происходит на сцене, скрытый от любопытных глаз. Он ничего не говорил до тех пор, пока Лю Шаоци не приступил к «самокритике». Когда же Лю Шаоци сообщил, что «старые революционеры столкнулись с новыми проблемами», что они не понимали, как осуществлять культурную революцию, Мао Цзэдун не выдержал и буркнул: «Какие старые революционеры? Старые контр-революционеры – это куда вернее!». Лю Шаоци еще не успел произнести последние слова и собрать свои листки с тезисами, как из-за сцены неожиданно вышел Мао Цзэдун, быстрыми шагами подошел к столу и сбросил тезисы выступавшего на ковер. Последний нагнулся и стал собирать бумаги, а Мао Цзэдун молча прошел по сцене, помахивая рукой присутствующим в зале. Тогда и произошла сцена, описанная Маомао. Приветствуя массы, вождь даже не взглянул на стоявшего на той же сцене Лю Шаоци.

Во всех высших и средних учебных заведениях занятия были прекращены. Там непрерывно шли митинги и диспуты. С 20-х чисел июля представители ГКР, в первую очередь Чэнь Бода, Цзян Цин, Кан Шэн, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань, почти ежедневно бывали в учебных заведениях Пекина, подстрекая учащихся к борьбе с рабочими группами и созданию собственных организаций, таких как «комитеты и группы культурной революции». Митинги проходили при массовом стечении учащихся, выступления транслировались через усилители и громкоговорители. Постоянно были слышны громоподобные лозунги и крики «*дадао!*» («долой!»), «*хэйбан!*» («черная банда!») «*ша, ша!*» («смерть, смерть!»). После этого молодежь потянулась в Пекинский университет как в «центр революции». По официальным данным, только за две недели – с 29 июля по 12 августа 1966 г. – туда прибыли 710 тыс. молодых людей из 36 тыс. ведомств.

27–30 июля в Пекине прошло подготовительное совещание Политбюро ЦК КПК по созыву 11-го пленума ЦК. Участники совещания, разделившись на группы, обсуждали первоначальный проект решения («16 пунктов»), который к тому времени подготовили Чэнь Бода и Ван Ли, а также обсудили

указания о роспуске рабочих групп и критические замечания Мао Цзэдуна в их адрес от 24–25 июля. Мао Цзэдун заявил присутствующим, что на пленуме необходимо рассмотреть три крупных вопроса: 1) обнародование дацзыбао; 2) принятие документа из «16 пунктов»; 3) проведение реорганизации руководящих органов ЦК КПК.

Еще до пленума, в последней декаде июля 1966 г., очевидно, чтобы быстрее «раскачать» новую кампанию, Мао Цзэдун затеял переписку с учащимися. Если судить по текстам первых дацзыбао хунвэйбинов средней школы при пекинском Университете Цинхуа и сравнить их с последующими выступлениями лидеров ГКР, то можно сделать вывод, что появление этих дацзыбао было инспирировано сверху. 28 июля Мао Цзэдун получил письмо от пекинских учащихся, в котором в том числе содержалась просьба ответить, и две дацзыбао (их передала Цзян Цин) – от 24 июня («Да здравствует революционный бунтарский дух пролетариата!») и от 4 июля («Еще раз да здравствует революционный бунтарский дух пролетариата!»). «Революция, – говорилось в первой из них, – это бунт. Душа идей Мао Цзэдуна – это бунт! ... Смело думать, смело говорить, смело действовать, смело дерзать, смело совершать революцию, одним словом – смело бунтовать... Отказываться от бунта – это стопроцентный ревизионизм». Эпиграфом ко второй дацзыбао были слова Мао Цзэдуна «бунт (кит. *цзаофань*; от этого слова пошло название активистов кампании, цзаофаней, или бунтарей. – В.У.) – дело правое!». «Председатель Мао говорил: “Тысячи и тысячи положений марксизма, в конце концов, сводятся к одной фразе “Бунт – дело правое!””. Нынешняя великая пролетарская культурная революция является великим революционным бунтом. Мы поднимаем большой бунт против тех, кто является ревизионистами, кто выступает против идей Мао Цзэдуна... Пока существуют противоречия, необходим бунт! Революционный бунтарский дух необходим сто, тысячу, десять тысяч лет!». 31 июля 1966 г. Мао Цзэдун ответил письмом на эти дацзыбао, одобрив их лозунг «бунт – дело правое» и призвал к более активным действиям. Письмо не было отослано адресату, но его распространили на пленуме, и вскоре оно стало доступным различным хунвэйбиновским организациям. Уже 3 августа член ГКР Ван Жэньчжун, встречаясь с руководителями хунвэйбинов средней школы при Университете Цинхуа, пересказал им содержание письма Мао.

Вскоре была написана песня «Бунт – дело правое», ставшее своего рода гимном активистов культурной революции:

Марксистские истины
Сложны и запутанны.
Конечный их вывод во фразе одной:
Бунт – дело правое,
Бунт – дело ... правое!

1 августа в «Жэньминь жибао» без ссылок на источник были опубликованы отрывки из ответного письма Мао Цзэдуна Линь Бяо, датированного 7 мая 1966 г. Здесь уже на всю страну были изложены основные принципы

предлагавшегося Мао Цзэдуном социально-экономического переустройства, закрепленные сразу же в материалах 11-го пленума ЦК КПК 8-го созыва. Представления Мао Цзэдуна нашли концентрированное выражение в таких лозунгах, как «сельскому хозяйству учиться у Дачжайской большой производственной бригады, а промышленности – у дацинских нефтяников»; «всей стране учиться у НОАК». Эти лозунги были сняты только после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г.

С 1 по 12 августа 1966 г. по инициативе и под руководством Мао Цзэдуна прошел 11-й пленум ЦК КПК 8-го созыва. Мао Цзэдун хотел использовать пленум для того, чтобы задним числом от имени партии одобрить развязанную им культурную революцию, получить возможность для более интенсивной атаки на своих политических оппонентов. В работе пленума приняли участие члены ПК Политбюро, за исключением находившихся на отдыхе Чэнь Юня и Линь Бяо. Последний прилетел из Далиня ко второй половине пленума. В работе пленума не принимали участие «по решению Политбюро», по меньшей мере, 26 членов и кандидатов и по «собственной просьбе» – 13 членов и кандидатов в члены ЦК КПК, т.е. 39 человек (28%) из 74 членов и 67 кандидатов списочного состава ЦК. На пленум пригласили 47 человек, включая членов ГКР, ответственных сотрудников отделов ЦК КПК, «делегатов от революционных преподавателей и студентов» из вузов столицы, включая Не Юаньцзы.

Первоначально планировалось провести пленум за пять дней. В повестку дня были включены следующие вопросы: 1. Принятие решения о «культурной революции». 2. Обсуждение и одобрение мер в области внутренней и внешней политики, принятых в период после 10-го пленума ЦК КПК 1962 г. 3. Принятие коммюнике пленума. 4. Утверждение решений расширенного совещания Политбюро ЦК КПК (май 1966 г.) о персональных перемещениях в составе руководства, т.е. о смещении с постов членов Секретариата ЦК КПК Пэн Чжэня и Ло Жуйцина, кандидата в члены Секретариата ЦК КПК Ян Шанкуня, кандидата в члены Политбюро ЦК Лу Диньи.

Работа пленума проходила в обстановке секретности и спешки. Не было условий даже для обсуждения повестки дня. Участникам пленума по указанию Мао Цзэдуна были розданы три документа: «Дацзыбао Не Юаньцзы» от 25 мая 1966 г., «Выступление Линь Бяо от 18 мая» и «Письмо Мао Цзэдуна хунвэйбинам» от 1 августа, квалифицированные как «документы пленума».

В первый день работы Лю Шаоци от имени партийного руководства сделал доклад об основных моментах работы ЦК КПК, начиная с 10-го пленума 8-го созыва 1962 г. Он взял на себя основную ответственность за направление на места рабочих групп. Этот доклад не был опубликован.

Лю Шаоци объяснял упущения не принципиальными ошибками, а недостаточной ясностью цели движения. Во время его доклада Мао Цзэдун бросил реплику о том, что рабочие группы «подавляли» массы, были препятствием на их пути, а более 90% рабочих групп творили дурные дела и придерживались ошибочного курса. Лю Шаоци объяснял направление рабочих групп опасениями, что без них может прерваться партийное руководство движением.

Мао Цзэдун вновь отреагировал репликой: «Как может прерваться?». Присутствующие впервые видели, как прилюдно пререкаются два высших руководителя партии и страны.

Такие реплики нагнетали обстановку напряженности и страха еще и потому, что многие из присутствовавших имели отношение к рабочим группам. В последующие два дня, разбившись по секциям, они выступали с «самоанализом», заявляя, что «не успевали за обстановкой», совершили ошибки в отношении «курса и линии». Однако мало кто откликнулся на призыв Мао Цзэдуна подвергнуть критике Лю Шаоци. 4 августа Мао Цзэдун созвал расширенное заседание Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, на котором выступил с еще более суровым осуждением Лю Шаоци, обвинив его в том, что он установил в Пекине настоящую диктатуру. Мао Цзэдун расценил деятельность рабочих групп как «самый настоящий террор» и пояснил, что те, кто настаивал на направлении рабочих групп, «стояли на буржуазной позиции, выступая против пролетариата». Лю Шаоци и Дэн Сяопин выступили с «самокритикой».

5 августа планировалось принять доработанное «Решение относительно великой пролетарской культурной революции» и закрыть пленум. Однако после резкого выступления Мао Цзэдуна пленум решено было продлить. Мао Цзэдун пошел на экстравагантный шаг. На экземпляре газеты «Бэйцзин жибао» от 2 июня с перепечатанной из «Жэньминь жибао» статьей «Выметем всю нечисть» он написал собственную дацзыбао, назвав ее «Огонь по штабам! Моя первая дацзыбао»: «До чего же хорошо написана первая в стране марксистско-ленинская дацзыбао, а также статья комментатора “Жэньминь жибао”! Предлагаю товарищам перечитать эти дацзыбао и статью. Однако на протяжении 50 с лишним дней некоторые руководящие товарищи в центре и на местах действуют как раз вопреки этим документам. Они, заняв реакционную буржуазную позицию, осуществляют диктатуру буржуазии и пытаются подавить мощное движение великой пролетарской культурной революции. Извращая истинное положение вещей и выдавая черное за белое, они преследуют революционеров, подавляют инакомыслие, организуют белый террор и, будучи преисполнены самодовольства, вовсю демонстрируют свою буржуазную спесь, принижая боевой дух пролетариата. До чего же это подло! Давайте вспомним правый уклон 1962 г. и левый по форме, но правый по сути, ошибочный уклон 1964 г. Неужели все это не заставит нас прозреть?». 7 августа эта дацзыбао была размножена и роздана участникам пленума. Хотя имена в ней не назывались, текст недвусмысленно давал понять, по кому именно следует «открыть огонь».

17 августа канцелярия ЦК КПК разослала дацзыбао Мао Цзэдуна как «документ ЦК КПК» на места, вплоть до уездного и полкового уровней, хотя открыто она была опубликована только через год – 5 августа 1967 г.

Позже журнал «Хунци» писал: «Буржуазный штаб состоит из горстки самых крупных лиц в партии, облеченных властью и идущих по капиталистическому пути. Именно они – главный объект нынешней культурной революции, а ее главная задача – полностью ниспровергнуть их». Вслед за Мао Цзэдуном

свои дацзыбао написали Чэнь Бода и Яо Вэньюань. Последний задавал вопрос: как вести «огонь по штабам?» и сам же отвечал на него, указывая, что нужно «марксистскими снарядами, снарядами идей Мао Цзэдуна» громить буржуазные реакционные идеи, реакционную линию, утвердившуюся «в штабе», т.е. среди части руководства партии и государства. Обе дацзыбао были распространены среди участников пленума.

Уже на следующий день после появления дацзыбао Мао Цзэдуна Линь Бяо, который с семьей спасался от летней жары в Далиане, по решению Мао спешно вылетел в Пекин. Еще до этого Линь Бяо звонил в Пекин, чтобы выразить согласие с курсом пленума ЦК КПК. «16 пунктов» Линь Бяо охарактеризовал как «революционное решение, которое обеспечит чистку от нечисти, еще более углубит и расширит движение».

По некоторым данным, уже во время личной встречи с вождем министр обороны узнал, что вот-вот займет место Лю Шаоци и станет заместителем председателя партии. Зная характер Мао Цзэдуна и отлично представляя себе все опасности столь головокружительного взлета, Линь Бяо под предлогом плохого состояния здоровья (и это было правдой) попытался отказаться от почетного поста. Но вождь уже принял решение и отказываться от него не спешил. Мао Цзэдуну было важно устранить Лю Шаоци с места «второго лица» в партийной иерархии.

Прилетев в Пекин, Линь Бяо встретился с членами ГКР. Он заявил, что решительно поддерживает «великую культурную революцию», начатую Мао Цзэдуну, что ее главнокомандующим является именно председатель Мао, и что в ходе движения надо ниспровергнуть реакционный авторитет буржуазии, «поставить всё вверх дном, чтобы всё бурлило, был шторм и буря... шуметь так, чтобы буржуазия не смогла уснуть».

8 августа при встрече с членами ГКР Линь Бяо говорил о необходимости «решительно осуществлять указания председателя Мао», назвав того «гением мировой революции нашего времени». Его слова стали известны всем участникам пленума, а 11 августа было распространено и его выступление от 18 мая 1966 г.

«В результате критики, прозвучавшей на пленуме, был сделан вывод о том, что помимо Центрального комитета Коммунистической партии Китая, возглавляемого Мао Цзэдуну, есть еще и иной буржуазный штаб во главе с Лю Шаоци», — писала впоследствии дочь Дэн Сяопина.

Приближенные вождя соревновались в выражении преданности ему. Кан Шэн в своем выступлении подчеркнул, что еще на майском 1966 г. расширенном совещании Политбюро он говорил, что «идеи Мао Цзэдуна точнее следует называть маоцзэдунизмом», так как они превзошли марксизм и ленинизм. Чжан Чуньцяо обвинил Лю Шаоци в том, что тон его выступлений очень напоминает тон Хрущева, когда тот выступал с секретным докладом на XX съезде КПСС.

Когда некоторые участники пленума стали говорить, что дацзыбао Мао Цзэдуна «Огонь по штабам!» подразумевает открытие огня по некоторым высокопоставленным кадровым работникам, совершившим ошибки, Цзян Цин

уточнила: «В Пекине имеется два штаба – один представляющий буржуазию, другой – пролетариат». Так она дала понять, что вести огонь надо по первому «штабу». Некоторые участники пленума предлагали создать спецгруппу по расследованию «вопроса» о Лю Шаоци.

12 августа 1966 г. из состава Политбюро были официально выведены Пэн Дэхуай (давно уже находившийся под домашним арестом) и Пэн Чжэнь, а из кандидатов в члены Политбюро ЦК КПК – Чжан Вэньтянь и Лу Динъи. Семь членов Секретариата ЦК были отстранены от выполнения своих обязанностей. В Политбюро были кооптированы шесть новых членов: Тао Чжу, Чэнь Бода, Кан Шэн, Сюй Сянцян, Не Жунчжэнь и Е Цзяньин. Число членов Постоянного комитета Политбюро было увеличено с семи до одиннадцати человек: туда были дополнительно введены Чэнь Бода, бывший первый секретарь Центрально-Южного бюро ЦК КПК Тао Чжу, Кан Шэн и Ли Фучунь. Это изменило соотношение сил в высшем партийном органе в пользу Мао Цзэдуна (семь к трем). «Упорядочение рядов, проведенное среди членов и кандидатов в члены Политбюро, членов Секретариата, членов Постоянного комитета, обеспечивает реализацию этого постановления, а также Коммюнике ЦК», – заявил Мао Цзэдун в заключительном слове на пленуме.

После пленума Лю Шаоци, Чжоу Энлай, Чжу Дэ и Чэнь Юнь больше не упоминались как заместители председателя ЦК КПК, в этом качестве теперь фигурировал только Линь Бяо. Никем не был замещен и пост генерального секретаря ЦК КПК, который ранее занимал Дэн Сяопин. В списочном составе членов этих руководящих органов Лю Шаоци был перемещен со второго на восьмое место. Линь Бяо же стремительно взлетел с шестого на второе место, став «ближайшим боевым соратником Мао Цзэдуна» и превратившись в его «преемника» (так его Мао Цзэдун впервые официально назвал 24 сентября 1967 г.).

В результате подготовки организационных перемещений (по некоторым данным, этим занималась лично Цзян Цин), давления, оказанного на участников пленума как на самом форуме, так и вне его, Мао Цзэдуну и его ближайшему окружению удалось большинством в несколько голосов провести резолюцию, которая оформила пересмотр прежнего курса и официально санкционировала развертывание «культурной революции». В «Постановлении ЦК КПК о великой пролетарской культурной революции» («16 пунктов»), проект которого заранее готовился ГКР при непосредственном участии Мао Цзэдуна, звучали призывы: «Сосредоточить все силы для нанесения удара по горстке ультрареакционных буржуазных правых элементов, контрреволюционеров-ревизионистов. Полностью разоблачить и поставить под огонь критики их преступления против партии, против социализма, против идей Мао Цзэдуна, максимально изолировать их». При этом говорилось, что населению и членам партии не следует «бояться беспорядков». Роль «застрельщиков» в движущих силах новой политической кампании отводилась большому отряду «неизвестных дотоле революционных юношей, девушек и подростков», которые «повели решительное наступление на открытых и скрытых представителей буржуазии» (сам термин «хунвэйбин» в документах пленума еще



Демонстрация под лозунгом «10 000 лет Председателю Мао»

не употреблялся). Для активизации действий будущих «красных охранников» им авансом отпускаясь все прошлые и будущие грехи.

Чжоу Эньлаю, Тао Чжу и некоторым другим участникам пленума удалось добиться удаления из проекта документа таких терминов, как «черная банда», «черная линия», и вписать положения о том, что «дискуссию необходимо вести словами, а не силой», о «сплочении свыше 95% кадровых работников и масс», о «разрешении должным образом противоречий внутри народа» и т.д.

Однако принятие определенных документов на пленуме еще не означало, что они будут полностью выполняться на местах всеми участниками партийного форума. Видимо, поэтому в заключительном слове на 11-м пленуме Мао Цзэдун заметил: «Сейчас-то они согласились, но что будет, когда они вернутся по домам? Обязательно найдется часть лиц, которая не пожелает что-то проводить в жизнь». Чэнь Бода также признавал, что, несмотря на принятие основного документа пленума, «довольно значительная часть товарищей оказывала (этим решениям) сопротивление».

Проект Коммюнике пленума готовился Кан Шэном, а промежуточные варианты 5, 9 и 11 августа передавались на редактирование Мао Цзэду. 10 августа пленум приступил к обсуждению Коммюнике.

«Товарищ Мао Цзэдун является величайшим марксистом-ленинцем нашего времени, — утверждалось в этом документе. — Он гениально, творчески и всесторонне унаследовал, отстоял и развил марксизм-ленинизм, поднял его на совершенно новый этап. Идеи Мао Цзэдуна есть марксизм-ленинизм такой эпохи, когда империализм идет к всеобщему краху, а социализм — к победе во всем мире. Идеи Мао Цзэдуна служат для всей партии и всей страны руководящим курсом в любой работе». Коммюнике пленума призвало «еще выше поднять великое красное знамя идей Мао Цзэдуна, спланировать всех, кого можно сплотить, одолевая противодействие со стороны контрреволюционного ревизионизма, левого и правого оппортунизма, преодолевать трудности, исправлять недостатки и ошибки... довести культурную революцию до конца».

Подготовленные ГКР и принятые по инициативе Мао Цзэдуна документы 11-го пленума ЦК КПК санкционировали развертывание культурной революции. Принятый пленумом курс легализовал ее и определил более точно ее цели и правила. Вскоре после пленума культурная революция захватила все китайское общество. По окончании пленума Мао Цзэдун созвал расширенное заседание Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК под председательством Линь Бяо. Первоначально было решено, что на нем будет продолжена критика Лю Шаоци. Однако Линь Бяо, Цзян Цин, Кан Шэн и их сторонники полагали, что на практике Лю Шаоци уже повержен и главную мишень для нового массового движения представляет собой Дэн Сяопин. Линь Бяо прямо заявил, что вопрос о Дэн Сяопине «относится к категории борьбы между нами и нашими врагами». После этого заседания Дэн Сяопин, понимая, что начинается полоса зубодробительной критики в его адрес и ему не дадут возможности спокойно работать, передал в ведение Кан Шэна часть ранее возложенных на него обязанностей — курирование Отдела ЦК КПК по международным связям и Отдела расследований ЦК КПК.

Хунвэйбины

Почти одновременно с появлением 29 мая 1966 г. первой дацзыбао в средней школе при Университете Цинхуа появилась первая молодежная организация, члены которой называли себя хунвэйбинами («красной гвардией», или «красной стражей», «красными охранниками»). Первоначально в ней насчитывалось около 100 человек. В их манифесте, появившемся 2 июня 1966 г., где впервые стояла подпись «хунвэйбины», говорилось: «Мы — стражи, защищающие красную власть, ЦК партии. Председатель Мао — наша опора. Освобождение всего человечества — наша обязанность... Идеи Мао Цзэдуна — самые высшие указания во всех наших действиях. Мы клянемся, что ради защиты ЦК, защиты великого вождя председателя Мао мы, не задумываясь,



«Мы должны стать хозяевами нового мира!»

отдадим последнюю каплю крови, решительно доведем до конца культурную революцию». Первые организации хунвэйбинов сначала появились в средних школах столицы, в вузах — несколько позже.

Молодежь, которой постоянно говорили об угрозе «превращения партии в ревизионистскую», «изменения цвета государства», энергично и громко заявляла о готовности защитить оказавшиеся под угрозой исторические завоевания социализма в Китае. «Культурная революция» подхлестнула эти настроения, помноженные на энергию и энтузиазм молодежи, которой внушили, что она является авангардом, «разрушающим старый мир» под знаменем «идей Мао Цзедуна».

Первые хунвэйбины в Пекине появились в конце мая 1966 г., однако днем рождения «красных охранников» считается 18 августа 1966 г. В тот день Мао Цзэдун устроил для хунвэйбиновских отрядов массовый митинг на площади Тяньаньмэнь. На него съехались в Пекин со всех концов страны около миллиона школьников и студентов. В полночь 17 августа их колонны, распевая революционные песни, такие как «В открытом море не обойтись без кормчего», с красными флагами, транспарантами и портретами «кормчего» прошли

по главной улице столицы Чанъяндацзе. Мао Цзэдун появился перед ними в первых лучах восходящего солнца под мелодию песни «Алеет Восток». В начале шестого утра он вышел из ворот Запретного города, несколько минут пообщался с толпой и поднялся на трибуну над воротами Тяньаньмэнь, где его ждали гордые своей исторической миссией представители хунвэйбинов, — как он их называл, «маленькие генералы» культурной революции.

Для того чтобы подчеркнуть дух происходящего, вождь облачился в зеленую форму НОАК. Последний раз он публично появлялся в военной форме при отправке китайских добровольцев в Корею. Тем самым подчеркивались важность акции и то, что она осуществлялась под руководством Мао Цзэдуна и могла рассчитывать на поддержку со стороны армии и органов безопасности.

«Мао — наш великий вождь, великий учитель, великий кормчий и великий главнокомандующий!» — неслась в толпу из громкоговорителей речь с сычуаньским акцентом: Чэнь Бода, председательствовавший на митинге, дирижировал миллионной толпой. «Мы должны разгромить лиц, облеченных властью и идущих по капиталистическому пути. Разгромить буржуазные реакционные авторитеты, разгромить всех буржуазных монархистов. Выступить против всяких действий, зажимающих революцию, и смести всякую нечисть!» — разносились над площадью слова Линь Бяо. «Мы должны всемерно ликвидировать всю эксплуататорскую идеологию, старую культуру, старые нравы и старые обычаи... должны смести с лица земли всяких вредителей!».

В выступлениях Чэнь Бода и Линь Бяо, а также Чжоу Эньлая подчеркивалась мысль о том, что Мао Цзэдун и ГКР одобряют создание новых хунвэйбиновских организаций. Выделялась роль Мао Цзэдуна в этой политической кампании, выступавшие называли его «верховным главнокомандующим» и «полководцем» культурной революции. Неслись призывы повсеместно «утверждать его идеи» и беспрекословно подчиняться вождю. «В открытом море не обойтись без кормчего, а нашим кормчим является Председатель Мао», — заявляли они. Кульминационным моментом митинга стало вручение Мао Цзэдуну одной из школьниц, группа которых поднялась на трибуну, красной повязки с написанными на ней иероглифами *хун вэй бин*. Когда она прикалывала булавками повязку на рукав Мао Цзэдуна, миллионная толпа неистовствовала. Такие же повязки вручили Линь Бяо и другим партийным руководителям. Мао Цзэдун, благосклонно принимая повязку, произнес единственную за весь митинг фразу: «Я решительно поддерживаю вас!». Таким образом, основное значение этого митинга заключалось в том, что он дал возможность Мао Цзэдуну через головы партийных, комсомольских и профсоюзных организаций обратиться непосредственно к «красным охранникам».

С того момента начали формироваться военизированные ударные отряды фанатичной учащейся молодежи, специально предназначенные для осуществления массового политического террора в отношении кадровых работников, интеллигенции и запугивания широких слоев населения.

«Я хочу сообщить вам великую новость — с ее величием не сравнится даже небо, — сообщал в письме домой один из учащихся, присутствовавших



Борьба за автобус с громкоговорителем

на митинге. — Сегодня я видел нашего самого-самого-самого-самого дорогого и любимого вождя — Председателя Мао! Товарищи, честное слово, я видел Председателя Мао! Я так счастлив, что сердце мое готово выпрыгнуть из груди... Мы все прыгаем от радости! Мы поем песни! Посмотрев на наше Красное Солнышко, я как сумасшедший носился по улицам Пекина... Я видел его так ясно, так четко, и он выглядел таким могущественным... Товарищи, как мне описать, что я испытал в тот момент? Я не смогу сегодня заснуть! Пусть сегодняшний день будет днем моего рождения! Я начал новую жизнь!».

На второй встрече Мао Цзэдуна с приезжими хунвэйбинами 31 августа Чжоу Эньлай от имени ЦК КПК заявил: «Все студенты страны и часть представителей средних школ различных районов Китая могут приезжать в Пекин в любое время и группами» для осуществления «революционной смычки» между организациями молодых активистов культурной революции. Сообщив, что много учащихся из разных уголков страны приехали в Пекин, он призвал пекинских хунвэйбинов перенимать их опыт и также отправляться в разные уголки страны. Чжоу Эньлай от имени ЦК КПК объявил «массам», что «поддерживает осуществление широкой смычки по всей стране».

5 сентября 1966 г. ЦК КПК и Госсовет (естественно, с санкции Мао Цзэдуна) обнародовали официальную директиву с требованием организовать на местах бесплатные поездки в Пекин учащихся высших и средних учебных

заведений или их представителей, а также делегаций преподавателей, рабочих и служащих для ознакомления с мероприятиями культурной революции. Это привело к крупномасштабным бесплатным перемещениям десятков миллионов хунвэйбинов, учащихся и преподавателей на всей территории Китая для осуществления «великой смычки» между организациями.

При Пекинском горкоме партии был создан специальный пункт приема иногородних делегаций по «проведению культурной революции», которому предоставили автобусы для приема групп хунвэйбинов и транспортировки их к месту жительства в Пекине. 10 августа в 19 часов 15 минут Мао Цзэдун встретился на приемном пункте ЦК КПК с учащимися и изрек единственную многозначительную фразу: «Вы должны заботиться о государственных делах, должны довести до конца великую культурную революцию». 12 августа фраза была обнародована в «Жэньминь жибао» и приобрела характер лозунга.

После 18 августа началась пропаганда «великой смычки» хунвэйбинов по всей стране. К 28 августа в Пекин из других районов страны уже приехали 140 тыс. учащихся, а к 7 сентября – 340 тыс.

ЦК КПК решил, что в течение октября Министерство железных дорог должно обслужить еще от 150 до 170 тыс. учащихся, приезжающих и отъезжающих из Пекина. Чжоу Эньлай в первой декаде октября беседовал на эту тему с руководителем железнодорожного ведомства. Тот указал на трудности, возникшие у Министерства железных дорог в связи с перемещениями больших групп учащихся. Премьер попросил подготовить на эту тему материалы для обсуждения на заседании ПК Политбюро ЦК. Чжоу Эньлай подчеркнул, что его больше всего волнует возможность перебоев в железнодорожном сообщении и возникновения пробок на дорогах, поскольку железные дороги – это главные артерии народного хозяйства.

Организацией откомандирования хунвэйбинов из столицы занимались штабы «красных охранников». Контроль над откомандированием и разнорядка осуществлялись сверху. Так, 10 сентября Чжоу Эньлай давал «Первому штабу» следующие указания: «Послать в Шанхай и в Синьцзян отряды численностью в 3–4 тыс. человек, на Северо-Запад – 80 человек, в районы Центрального и Южного Китая 300–400 хунвэйбинов, на Юго-Запад – более 200, а на Северо-Восток – свыше 300 человек». Причем самое большое число хунвэйбинов (около 2 тыс.) должно было отправиться в составе полка «южного направления» в Шанхай.

После начала «великой смычки» по всей стране сразу же возникли проблемы с транспортом. Поезда были перегружены пассажирами. В вагоне, где обычно размещалось около 100 человек, теперь теснилось 200–300. Один поезд перевозил до 3–4 тыс. человек. В двух- и трехъярусное купе набивалось до 30 человек. Люди сидели и лежали на полках, под полками, сидели на столиках, в проходах, в туалетах. Многие в качестве выхода использовали окна вагона, так как до дверей невозможно было добраться. Поезда часто останавливались, шли без расписания. Такие же проблемы возникали на речном и морском транспорте. Отделения почт и телеграфа в столице были заполнены иногородними

хунвэйбинами, которые, пользуясь случаем, бесплатно слали телеграммы домой.

15 августа 1966 г. Чэнь Бода и Кан Шэн в письме Мао Цзэдуну просили его обдумать, возможно ли освободить от должности первого секретаря Пекинского горкома Ли Сюефэна, оставив его для «наведения порядка» в бюро ЦК КПК Северного Китая, где он также был первым секретарем (видимо, в центре он мешал организаторам культурной революции), так чтобы вместо него делами в Пекине руководил второй секретарь и мэр столицы У Дэ. На это Мао Цзэдун согласился, отметив, что временно надо отложить официальное сообщение об этом.

С 18 августа по 26 ноября 1966 г. Мао Цзэдун в Пекине восемь раз «встречался» с хунвэйбинами, а также с «революционными» преподавателями и студентами высших и средних учебных заведений страны на массовых митингах. По оценкам, в этих «встречах» приняли участие в общей сложности 11–13 млн человек.

17 августа 1966 г. хунвэйбины 2-й средней школы Пекина, которых Мао Цзэдун принял накануне, обнародовали документ «Объявляем войну старому миру», в котором провозглашалась «необходимость критики и уничтожения **старых** идеологии, культуры, привычек и обычаев», что в дальнейшем получило название движения за «ликвидацию четырех старых». Этот лозунг впервые прозвучал в статье, подготовленной Чэнь Бода, еще в июне, а 18 августа был поддержан Линь Бяо на массовом митинге в столице.

20 августа дацзыбао хунвэйбинов 2-й средней школы Пекина была расклеена на улицах столицы. 22 августа Центральное радио Китая приветствовало движение за «ликвидацию четырех старых», а на следующий день «Жэньминь жибао» в передовой статье «Очень хорошо!» положительно оценила новое движение.

15 сентября, на третьем митинге-«встрече» Мао Цзэдуна с хунвэйбинами Линь Бяо похвалил последних за действия по «ликвидации четырех старых», заявив, что их «поддерживают председатель Мао и ЦК».



В поезде



Осуждение «старой культуры» и «старых обычаев» во время
«культурной революции»

После 20 августа по всей стране начались широкомасштабные беспорядки: переименовывались площади и улицы, совершались акты вандализма в отношении памятников истории, архитектуры и культуры, погромы в домах граждан, библиотеках и музеях, культовых сооружениях, на старых кладбищах, избивание простых граждан, нападки на патриотически настроенных деятелей демократической ориентации. В глазах хунвэйбинов всё это выглядело как борьба с «четырьмя старыми».

Аквариумы с золотыми рыбками, которые многие китайцы держали дома, стали вытаскивать на улицу и разбивать. Длинные косы у девушек и женщин также считались «феодальной традицией», хунвэйбины требовали, чтобы все немедленно сделали себе «революционную» короткую стрижку, а тех, кто не успел этого сделать, насильно стригли на улицах. В последней декаде августа

перед Пекинским универмагом, в Шанхае и Гуйяне были развешены извещения, в которых женщинам запрещалось носить прически из длинных волос, а молодым людям – иметь длинные волосы, «коки», носить джинсы и т.д.

В те дни китайская пресса подробно освещала деятельность хунвэйбинов по переименованию улиц, магазинов, зданий, больниц Пекина, Шанхая, Тяньцзиня, Нанкина, Уханя, Чанша, Наньчана, Гуйчжоу, Хэфэя, Цзинани, Харбина, Чунцина, Наньнина, Гуйяна, Куньмина, Гуанчжоу и других городов. Старые «феодалные» названия сменялись звучными «современными»: «Защитим Мао Цзэдуна», «Сплотимся вокруг Линь Бяо», «Непрерывная революция» и т.д. 29 августа 1966 г. в Шанхае хунвэйбины предлагали переименовать один из крупнейших универмагов города из «Юнхун» («Вечно красный») в «Юндоу» («Постоянная борьба») или «Хунвэй» (от слова «хунвэйбин»).

26 сентября канцелярия Пекинского горкома партии докладывала Чжоу Эньлаю, что учащиеся 34 средних школ Пекина создали «подготовительный комитет Дунфанхун» («Алеет Восток») и предлагают переименовать Пекин в город Дунфанхун, а с площади Тяньаньмэнь убрать каменных львов и мраморную колонну с барельефом, а вместо них поставить статую Мао Цзэдуна и барельефы героев революции.

В Тяньцзине, по сообщениям печати, почти все 40 тыс. универмагов, продовольственных магазинов и лавок, существовавших еще до 1949 г., были переименованы. Центральный пассаж в этом городе был переименован в «Народный пассаж», а аналогичный торговый центр в Пекине «Дунъянь шичан» («Восточное спокойствие») – в «Дунфэн шичан» («Ветер с Востока»). В летней резиденции императоров Ихэюань (Парк процветания и гармонии), в знаменитой пагоде Фосянгэ («Терем возжигания благовоний в честь Будды») – деревянном трехъярусном сооружении, хунвэйбины отряда «18 августа» Пекинского института физкультуры разбили несколько статуй, а две небольшие фигуры будд были ими украдены. В том же парке есть единственная в своем роде Длинная галерея (Чанлан) протяженностью в 728 м, отстроенная после пожара в конце XIX в. Ее поперечные балки сплошь покрыты цветной росписью в стиле традиционной китайской живописи, в том числе иллюстрациями к известным классическим романам и историческим сюжетам. Эти уникальные картины в ходе борьбы с «четырьмя старыми» хунвэйбины



Сожжение статуй Будды в период
«культурной революции»



Публичные издевательства
над людьми

замазали краской. В ходе бесчинств из 6843 исторических и культурных памятников Пекина, охраняемых с 1958 г. как национальное достояние, 4922 подверглись разрушению, причем большинство из них в августе–сентябре 1966 г. Акты вандализма продолжались и впоследствии: так, с 9 ноября по 7 декабря 1966 г. хунвэйбины организации «Цзинганшань чжаньдоу бинтуань» («Корпус имени боев в Цзинганшане») Пекинского педагогического университета уничтожили 66 культурно-исторических памятников столицы.

Вслед за борьбой с «четырьмя старыми» последовали потасовки и драки между различными молодежными группировками, избиения граждан, откровенные грабежи. Хунвэйбины при прямом подстрекательстве сверху стали рассматривать видных ученых, общественных деятелей, представителей

прессы, сферы образования, искусства, издательского дела, демократических партий и организаций, государственного и военного руководства как «буржуазные элементы, ревизионистов, контрреволюционную черную банду, нечисть». Кан Шэн в одном из своих выступлений в Центральной партийной школе призвал надевать на таких лиц высокий шутовской колпак и навешивать черную дощечку с указанием, кем является этот человек – нечистью, ревизионистом, контрреволюционером, помещиком, буржуазным элементом и т.д. Эта форма публичного глумления стала широко применяться по всей стране. Фамилии, имена и адреса «нечисти» и членов «черной банды» хунвэйбинам передавали органы общественной безопасности, уличные комитеты и некоторые руководители ведомств.

Все ведущие информационные агентства мира публиковали материалы и фотографии расправ над «нечистью», переданные из Китая.

Первой жертвой столичных хунвэйбинов стал великий китайский писатель, маньчжур по национальности Лао Шэ (1899–1966), автор романов «Рикша», «Записки о Кошачьем городе», «Под пурпурными стягами». 23 августа 1966 г. Лао Шэ вместе с другими тридцатью представителями творческой интеллигенции затащили во двор конфуцианского храма в Пекине и подвергли унижительной процедуре стрижки по фасону «инь-ян», обрив половину головы. Затем на лица им выплеснули черную тушь, а на грудь попытались повесить табличку с надписью «черный бандит, ведущий контрреволюционную деятельность». Лао Шэ сбросил ее. После этого хунвэйбины поставили свои жертвы на колени и принялись хлестать их прутьями и кожаными военными ремнями. Лао Шэ пинали ногами, били по голове, таскали за волосы. Разбили очки. Когда хунвэйбины потребовали от Лао Шэ «признать свои преступления», сунув в его руку бумагу и ручку, он дрожащей рукой написал: «Я бил

хунвэйбинов. Лао Шэ». Это было последней строкой знаменитого писателя. 67-летний Лао Шэ потерял сознание. Когда рано утром следующего дня писателя принесли домой, одежда его была так пропитана кровью, что жене его пришлось разрезать заскорузлую корку ножницами. Через сутки Лао Шэ покончил с собой, бросившись в воду неглубокого пруда.

На центральных площадях китайских городов высились горы книг, добытых хунвэйбинами в храмах и библиотеках, магазинах и частных коллекциях, которые они сжигали на глазах у толпы.

Ярким примером травли является судьба ректора Уханьского университета, известного ученого, участника I съезда КПК, члена Общества китайско-советской дружбы, члена ПК ВСНП Ли Да. На него навесили ярлыки «черного главаря “Села трех”», «предателя», «помещичьего элемента», исключили из партии, он подвергся издевательствам со стороны «бунтарей». 19 июля 1966 г. он обратился к Мао Цзэдуну с письмом, в котором просил спасти его жизнь. Однако всё было бесполезно. 4 августа Ли Да в «Жэньминь жибао» был назван «черным бандитом». Только через 21 день, 10 августа, Мао Цзэдун наложил резолюцию на письме Ли Да: «После того, как ознакомится товарищ Тао Чжу, передать товарищу Жэньжуну (Ван Жэньжун – первый секретарь комитета КПК провинции Хубэй. – В.У.) для решения в соответствии с требованиями обстановки». В результате жестоких издевательств 86-летний ветеран партии скончался 24 августа 1966 г.

13 сентября 1966 г. выступавший на одном из собраний в Пекине член Политбюро ЦК КПК, министр иностранных дел Чэнь И осудил нападки хунвэйбинов на старые революционные кадры. «Думаю, что в нашей партии истинных марксистов-ленинцев немного. Кроме председателя Мао Цзэдуна, который не совершил ошибок, трудно еще найти таких людей. Я 22 раза совершал ошибки... Если разгромить все старые революционные кадры, то позволительно спросить: что же в нашей партии останется – один только председатель Мао? Дома у председателя Мао тоже есть много древних книг и картин. Однако сам он не выступал с предложением об их уничтожении... Нельзя отрицать все, что мы сделали в прошлом... Нельзя позволять разрушать наши производительные силы».

Начали проявляться антисоветские и антирусские настроения участников культурной революции, которые подогревались еще до начала кампании. В августе в столичном доме-музее великого артиста Пекинской оперы Мэй Ланьфана «красные охранники» вместе с другими экспонатами уничтожили бюст Ленина, который был куплен артистом в СССР в 1935 г. В Шанхае они вместе с «революционными учащимися» уничтожили памятник с бюстом А.С. Пушкина, сооруженный в 30-е годы XX в. на средства русских эмигрантов. В Пекине ресторан «Москва» был переименован в «антиревизионистскую столовую». 20 августа улица, ведущая к советскому посольству в Пекине, была названа «Улицей борьбы против ревизионизма». Там вывесили лозунги и дацзыбао воинственного националистического содержания. Вот что говорилось в одной дацзыбао от 20 августа 1966 г., подписанной «красными охранниками» Пекинского института китайской медицины: «Довольно!



Глумление над «врагами народа»

Довольно! В наших сердцах клокочет вся старая и новая ненависть! Мы не забудем о ней ни через сто, ни через тысячу, ни через десять тысяч лет. Мы обязательно отомстим. Сейчас мы не мстим только потому, что еще не пришло время мщения. Когда же настанет это время, мы сдерем с вас шкуру, вытянем из вас жилы, сожжем ваши трупы и прах развеем по ветру!».

По далеко неполным данным, представленным Пекинским отделением Министерства общественной безопасности КНР, с 23 августа по конец сентября 1966 г., т.е.

за 40 дней, в столице хунвэйбинами были убиты 1772 человека. С 27 августа по 1 сентября 1966 г. в 48 коммунах уезда Дасин под Пекином были убиты 325 человек, из них самому старшему было 80 лет, а самому маленькому 38 дней от роду. 22 двора были вырезаны полностью. За это время было конфисковано имущество у 38 695 семей, в том числе у 1231 семьи видных представителей интеллигенции, изгнаны и сосланы из Пекина 85 198 человек, не принадлежавших к «пяти хорошим категориям» жителей. В Шанхае только за две недели, с 23 августа по 8 сентября 1966 г., произведены обыски в 84 222 домах, в Тяньцзине – в 12 тыс. Только в Сучжоу были конфискованы материальные ценности 64 тыс. семей. Среди них книги, свитки с каллиграфическими надписями, другие культурные ценности – более 170 тыс. единиц. К началу октября 1966 г. из городов по всей стране были изгнаны 397,4 тыс. человек, попавших в разряд «нечисти».

Ни возраст, ни положение не могли защитить человека от бесчинств «красных охранников», руководствовавшихся широко растиражированными словами Мао Цзэдуна «бунт – дело правое» и призывами ГКР. Многие жертвы издевательств умирали, некоторые кончали жизнь самоубийством. В ходе культурной революции и после нее стали известны факты изощренных пыток при допросах ни в чем не повинных людей. Были случаи, когда женщинам к соскам на тонкой проволоке привязывали куски свинца, в глаза жертвам светили мощными прожекторами, избивали кожаными ремнями и проволокой, истязали, отсекали головы. В Пекинском университете были репрессированы и доведены до смерти свыше 60 преподавателей, сотрудников, рабочих и студентов. Среди них известный историк Цзян Боцзань, знаменитый физик Яо Юйтай и многие другие профессора.

30 августа 1966 г. член ПК ВСНП Чжан Шичжао написал Мао Цзэдуну письмо, в котором просил о срочной помощи в связи с нападками на него и избиением его хунвэйбинами. Мао Цзэдун 1 сентября ответил ему, что письмо получил и просил премьера Чжоу Эньлая отдать соответствующие

распоряжения. После этого Чжоу Энлай составил список кадровых работников, которых следовало взять под охрану. В списке помимо 13 известных общественных деятелей (Сун Цинлин, Го Можо, Чжан Шичжао, Хэ Сянин, Фу Цзои, Чжан Чжичжуна, Ли Цзунжэня и др.) фигурировали заместители председателя КНР, члены Постоянного комитета ВСНП, заместители председателя Всекитайского комитета НПКСК, заместители премьера Госсовета КНР, министры и их заместители, ответственные работники демократических партий, Верховного суда и прокуратуры. 1 сентября Чжоу Энлай дал указание больнице № 301 подготовиться к приему Чжан Шичжао, Фу Цзои, Ли Цзунжэня и нескольких других лиц и усилить их охрану.

Однако, судя по дальнейшим событиям, данный список не являлся постоянной охранной грамотой от нападков «красных охранников». Так, в Тайюане (пров. Шаньси) семья известного гоминьдановского генерала Фу Цзои, в 1949 г. без боя сдавшего Пекин коммунистам и впоследствии считавшегося «революционным кадровым работником», подверглась нападению 150 хунвэйбинов – учащихся средней школы. В течение семи суток они издевались над ним и его семьей, били, оплеывали, не давали спать. В результате «критики и борьбы» старый генерал скончался. До этого учащиеся «разобрались» со своими учителями: более чем 70 преподавателям надели шутовские колпаки, повесили на грудь таблички с перечислением обвинений, затем всех выслали в деревню. С середины августа до середины сентября 1966 г. из Тайюаня было выслано 270 тыс. человек. Порядок изгнания определялся специальным документом, присланным сверху. Предписывалось направлять высылаемых по месту их рождения, а уроженцев города – в отдаленные районы провинции. Каждую отправляемую семью должны сопровождать трое-четверо «революционных учащихся». Билеты «сопровождавших» и их питание в пути должны были оплачивать изгоняемые. В дороге им не разрешали снимать «шутовские колпаки» и таблички, запрещалось даже садиться в поезде на скамьи. В лучшем случае можно было сесть на пол, и то лишь при дальних переездах.



Издевательства над людьми
в годы «культурной революции»



Могила известного художника Ци Байши, которую разрушили
во время «культурной революции»

Во время обысков «вызывали подозрение», а значит, подлежали конфискации любые ценности: предметы антиквариата, каллиграфические свитки, иностранная валюта, золото, серебро, ювелирные изделия, музыкальные инструменты, живопись, фарфор, старые фотографии, манускрипты, научная литература, пластинки. То, что не уносили с собой, ломали и разбивали. В Шанхае в результате таких обысков конфисковали 32 т золота, 150 т жемчуга и нефрита, 450 т ювелирных изделий и более 6 млн долл. США наличными. В Пекине примерно за месяц было отобрано 5155 кг золота, 17260 кг серебра и 55 456 600 юаней наличными, 613 600 единиц материальных ценностей и драгоценностей. За 1966–1976 гг. у частных лиц было незаконно конфисковано 520 тыс. жилых домов и комнат, среди них 82 230 домов частных владельцев. Только в 12 районах Шанхая в тот же период было конфисковано 1240 тыс. кв. м частной площади.

К 3 октября 1966 г. по всей стране из городов были изгнаны 397 400 человек, попавших в разряд «нечисти».

По неполным данным, в результате действий хунвэйбинов по борьбе с «четырьмя старыми» было разрушено более 6 тыс. памятников культуры, уничтожено 2 млн 357 тыс. исторических книг, 185 тыс. картин и свитков с каллиграфией, 538 единиц других культурных ценностей, разбито более 1 тыс. стел, имеющих историческую ценность. Среди них более 70 единиц –

это бесценные памятники литературы, охранявшиеся ранее государством как национальные реликвии.

Еще 26 июля 1966 г. Мао Цзэдун потребовал серьезно разобраться с ЦК КСМК, активно посылавшим «рабочие группы» на места в попытках умерить бесчинства «революционеров» (было создано более 300 рабочих групп, в состав которых входили более 1800 кадровых работников комсомола). 29 июля хунвэйбины пекинской средней школы при Институте нефти появились в учреждениях ЦК КСМК для борьбы с «преступными действиями рабочих групп». 30 июля Чжан Чуньцяо направил Гуань Фэна и Ци Бэньюя в ЦК КСМК поддержать «революционные действия хунвэйбинов». 4 августа Мао Цзэдун вновь обвинил ЦК КСМК в подавлении движения учащихся. В день окончания работы 11-го пленума ЦК КПК Чэнь Бода, Кан Шэн и Цзян Цин встретились с руководителями китайского комсомола Ху Яобаном и Ху Кэши, которые подверглись жестокой критике за отрыв от молодежи и «боязнь» ее. 6 августа Кан Шэн и Цзян Цин, выступая перед хунвэйбинами, в очередной раз заявили о «серьезных ошибках» ЦК КСМК, «некоторые лица» из состава которого якобы «занимают буржуазную контрреволюционную позицию». Эти высказывания провоцировали молодежь на новые выходы в адрес комсомольских организаций.

13 августа на митинге хунвэйбинов средних школ Пекина лидеры ГКР вновь выступили с нападка на руководство комсомола. Сразу после митинга хунвэйбины хлынули к зданию ЦК КСМК. Они проникли в дома Ху Яобана и Ху Кэши и доставили их в здание ЦК КСМК, где подвергли унижительной «критике». 14 августа помещение ЦК КСМК вновь было захвачено хунвэйбинами. Руководители КСМК вынуждены были отвечать на негодующие вопросы «охранников» о том, почему в уставе комсомола нет места «идеям Мао Цзэдуна», по каким причинам в КСМК якобы принимают мало передовых рабочих и крестьян-бедняков, а в зале заседаний не развешены изречения Мао Цзэдуна, и т.п.

Уже 15 августа 1966 г. ЦК КСМК был реорганизован. Ли Фучунь, выступая перед аппаратом ЦК КСМК, сообщил, что по решению ЦК КПК первый секретарь ЦК КСМК Ху Яобан, секретари Ху Цили, Ху Кэши и Ван Чжаохуа приостанавливают свою деятельность из-за совершенных ЦК комсомола ошибок. Был создан временный ЦК КСМК всего с двумя секретарями – «выходцами из рабочих и крестьян».

В тот же день хунвэйбины устроили «митинг борьбы» против Ху Яобана, заставив его встать на колени. 16 августа вышел последний номер журнала ЦК КСМК «Чжунго циннянь» («Китайская молодежь»), а 29 августа – последний номер одноименной комсомольской газеты. КСМК был ликвидирован якобы за то, что организация «стала слишком пестрой по социальному составу, стала носить в какой-то мере характер общенародной организации» (так охарактеризовал ее Кан Шэн 6 августа 1966 г.).

Вскоре после появления организаций хунвэйбинов в школах были распущены пионерские организации. Их обвинили в том, что они «затушевывают классовую борьбу, не выдвигают на первое место идеи Мао Цзэдуна,



Маленькие хунвэйбины маршируют по улицам Харбина

на практике потеряли роль авангарда» среди детей. Их заменили отряды *хунсяобинов* («красных солдатиков»), которые были созданы во всех начальных школах и просуществовали около 11 лет.

В Пекине и на периферии были созданы крупные хунвэйбиновские организации – «Объединенные действия» и другие, объединявшие молодежь из 400–500 средних школ и имевшие филиалы в Шанхае, Шэньяне, Ухане, Нанкине, Гуанчжоу и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

Очень скоро проявило себя расхождение интересов разных хунвэйбиновских организаций, прежде всего «старых», созданных до 18 августа 1966 г. из учащихся «пяти красных категорий» (детей революционных кадровых работников, революционных военных, революционеров – павших героев, рабочих и крестьян, бывших бедняков и низших середняков, их костяк составляли дети кадровых работников и военных) и «новых». До первой декады октября 1966 г. «старые» организации были костяком хунвэйбиновского движения. Когда в начале августа часть хунвэйбинов выдвинула лозунг «Если отец у тебя герой, то ты, его сын, тоже герой, а если отец у тебя реакционер, то, как правило, и сын тоже негодяй», некоторые члены «старых» организаций осознали, что нападки на руководящие органы затрагивают интересы их самих и их родителей, и начали поддерживать партийные организации и их лидеров, выступать против ГКР.

В тот период хунвэйбины по собственной инициативе выработали обширный план действий, состоящий из «ста положений» (известен также как «сто пунктов хунвэйбинов»). Прежде всего намечалась более интенсивная и повсеместная пропаганда идей Мао Цзэдуна. Предлагалось повсюду устанавливать доски и транспаранты с изречениями Мао Цзэдуна и его портреты. Работникам общественного транспорта во время поездки читать цитаты председателя Мао. Всему населению Китая вменялось всегда иметь при себе сборник «Выдержек из произведений Мао Цзэдуна» и постоянно его изучать. Все велосипедисты и велорикши, автомашины, автобусы и поезда должны были иметь бирки и таблички с изречениями вождя. Всем работникам театров и кинотеатров перед показом спектаклей и кинофильмов вменялось в обязанность демонстрировать с помощью технических средств изречения «великого кормчего». Лица, причисленные к «пяти черным категориям», при выходе



Молодежь с цитатниками Мао Цзэдуна. Пекин, 1966 г.



Митинг на фоне призывов «Читать книги Председателя Мао!», «Слушать слово Председателя Мао Цзэдуна!», «Выполнять указания Председателя Мао Цзэдуна!»

из дома должны были надевать бирки с надписью «нечисть». Им приказывалось уничтожить всю «желтую литературу» и «желтые грампластинки», имевшиеся у них. Комсомольцы обязывались снять значки КСМК и выкинуть их — «эту ядовитую траву». Выдвигалось требование покончить с традицией принятия решений «главой семьи», разрешить детям критиковать родителей.

В «ста пунктах» содержались положения, направленные против национальной буржуазии. Например, о прекращении выплаты ей фиксированного процента, о передаче частных предприятий в руки государства, о снижении до минимальных размеров или прекращении выплаты заработной платы капиталистам, об аннулировании льгот для них, изъятии «излишков» жилой площади и т.п. Такие требования, шедшие вразрез с давними обязательствами государства, демонстрировавшими миру его надежность в качестве делового партнера, сразу же вызвали у инициаторов культурной революции серьезное недовольство и были пресечены. В то же время удары по малому предпринимательству последовали незамедлительно. Так, 23 августа в Тяньцзине «красные охранники» закрыли 1702 торговые точки мелких торговцев, 2801 небольшую ремонтную мастерскую. Через два дня они потребовали запрещения к продаже 582 наименований товаров, которые сочли имеющими отношение к «феодалному и буржуазному» стилю жизни, что составляло около 10% всей товарной номенклатуры.

Для усиления контроля за хунвэйбиновским движением в Пекине начали создаваться руководящие органы «красных охранников». До 6 сентября там было создано три штаба организаций хунвэйбинов, состоявших из учащихся вузов, специальных учебных заведений и школ. 27 августа был образован «Штаб хунвэйбинов высших, специальных и средних учебных заведений столицы», позднее сокращенно названный «Первым штабом». Штаб контролировал около 90 тыс. человек, выпускал собственную газету «Хунвэйбин». Сразу же после создания штаба туда было направлено несколько ответственных работников ЦК партии для оказания помощи в организации и объединении. Во главе штаба встал студент Института промышленности Тань Лифу (сын бывшего заместителя главного прокурора Верховной народной прокуратуры Тань Чжэньвэня). В руководство организации вошли также Ли Минцин (сын первого секретаря Юго-Западного бюро ЦК КПК Ли Цзинцюаня), его брат Ли Лифэн, Хэ Пэнфэй (сын маршала Хэ Луна), Лай Жуйжуй (сын бывшего члена ЦК КПК Лай Жоюя), Лю Тао (дочь Лю Шаоци) и др. Часть из них вошла в руководство хунвэйбиновских организаций еще при создании их в Университете Цинхуа («временного подготовительного комитета культурной революции», «временного штаба хунвэйбинов» и «временного президиума») в период до 11-го пленума ЦК КПК. «Первый штаб» объединял хунвэйбинов институтов торговли, иностранных языков, радио, нефти, горного, Народного университета, Университета национальных меньшинств, специальной школы иностранных языков и внешней торговли и множества средних школ столицы. Все эти учебные заведения имели своих представителей в составе руководящей группы штаба.



Осуждение крупной домовладелицы в годы «культурной революции»

В день создания «Первого штаба» в Пекине состоялся крупный митинг, на котором с речью выступил Чжоу Эньлай. Он указал на необходимость организации пункта (центра) связи хунвэйбиновских организаций высших, специальных и средних учебных заведений Пекина. Сразу же после митинга был создан пункт связи, расположившийся во Дворце культуры. Функции и полномочия этой организации строго регламентировались. В ее задачи входило осуществление связи со всеми хунвэйбиновскими объединениями вне страны; обслуживание приезжих «красных охранников», оказание им помощи; регистрация новых молодежных организаций; обмен мнениями и документами. «Создаваемый пункт связи станет органом связи, а не руководящим органом, – отметил Чжоу Эньлай на митинге. – По своему характеру он будет организацией переходного периода. Чтобы создать вам благоприятные условия для осуществления революции, мы создадим специальную телефонную связь, подготовим транспортные средства, обеспечим питание и жилье». Аналогичные определения статуса этой организации дал представитель нового Пекинского горкома КПК У Дэ.

Сразу же после создания «пункта связи» туда были откомандированы представители НОАК, чтобы взять под контроль деятельность хунвэйбиновских организаций. К 1 сентября 1966 г. «главный пункт связи» в Пекине

зарегистрировал более 500 организаций «красных охранников», в которых насчитывалось 1,3 млн человек.

К 31 августа 1966 г. появилась новая крупная организация «Патрульные отряды хунвэйбинов столицы». По сообщениям японских корреспондентов из Пекина от 4 сентября 1966 г., Линь Бяо якобы стал командующим «Патрульных отрядов», Чжоу Эньлай – советником, Хэ Лун – начальником штаба. Во время встречи Мао Цзэдуна с хунвэйбинами 31 августа Линь Бяо носил повязку с надписью «патрульный отряд хунвэйбинов». Организация состояла главным образом из детей сотрудников аппарата ЦК КПК и высших кадровых работников. Некоторые из них были учащимися специальных привилегированных школ-интернатов. «Патрульные отряды» осуществляли надзор за другими молодежными организациями и имели свои филиалы в разных частях города. Позднее «отряды» слились с организацией «Объединенные действия» («Ляньдун»).

С ростом числа хунвэйбиновских объединений в Пекине было решено приступить к их более четкому организационному оформлению. 1 сентября 1966 г. на митинге хунвэйбинов Чжоу Эньлай отметил, что «в некоторых учебных заведениях учащиеся надевают нарукавный знак хунвэйбина уже с согласия двух-трех человек», и расценил подобные действия как неверные. Он «призывал красных охранников» «учиться у армии организованности и дисциплинированности» и потребовал «иметь устав из нескольких пунктов».

2 сентября Чжоу Эньлай представил в Политбюро ЦК КПК свой проект документа «Несколько взглядов относительно хунвэйбинов». Там говорилось, что их отряды должны стать строго организованными, дисциплинированными и сознательными, должны действовать не силовыми методами, а убеждать словом, не избивать людей, а охранять имеющих заслуги ученых и научно-технических сотрудников. «Красные охранники» обязывались сохранять производство, не допускать закрытия больниц и поликлиник, прекращения работы транспорта. Когда хунвэйбины хотят кого-то арестовать, они должны советоваться с парткомами, органами общественной безопасности и командованием военных округов. Особое внимание уделялось гарантиям работы партийных и государственных органов, отвечающих за внешние связи, недопустимости создания помех научно-техническим исследованиям в учреждениях Академии наук и НИИ. Запрещались насильственные действия в отношении демократических деятелей, деятелей единого фронта, законно проживающих и работающих в стране. При обсуждении документа его поддержали Чэнь И и Тао Чжу, однако Кан Шэн высказал отрицательную позицию и документ был отвергнут.

В ответ на призыв Чжоу Эньлая уже 2 сентября в столице появились «Правила для хунвэйбинов», в которых разъяснялись программа, задачи и требования к организации «красных охранников». Некоторые специалисты считают, что авторами документа были члены ГКР.

«Программа» сводилась к призывам выше поднять великое красное знамя «идей Мао Цзэдуна», сделать их компасом во всей своей деятельности, реши-

тельно охранять ЦК партии и председателя Мао, стать молодой сменой тех, кто отстаивает «идеи Мао Цзэдуна». По «характеру» организация хунвэйбинов должна была быть пролетарским революционным авангардом из людей «пяти красных категорий»: детей рабочих, крестьян, солдат, революционных кадровых работников и детей погибших революционеров. В ее задачи входили борьба, критика и преобразования; поддержка вьетнамского народа в его борьбе против США; уничтожение старого мира и построение нового; осуществление деятельности под руководством «комитетов по делам культурной революции». Условия приема предполагали допуск в организацию детей «революционных кадров» из семей рабочих, крестьян, бывших бедняков и низших середняков. Дети погибших революционеров, если среди их родителей, родственников и друзей были «разложившиеся элементы», в хунвэйбиновские организации не допускались. Их участники обязывались выполнять «три великих правила дисциплины и памятку из восьми пунктов». Ослушники, нарушители дисциплины и политики партии должны были быть наказаны организацией. Прием в организацию осуществлялся при наличии внешней рекомендации, решением организации после «массового обсуждения» и проверки



Маленький участник «культурной революции»

кандидатуры. Хунвэйбинам предписывалось носить на рукаве красную повязку с написанными желтой краской иероглифами *хун вэй бин*.

Расплывчатость «правил» в дальнейшем позволяла инициаторам культурной революции ставить перед хунвэйбинами конкретные цели и задачи по своему усмотрению. «Правила» не отвечали на ряд важных вопросов: о социальном и возрастном составе организаций, о том, кому они подчиняются, кем финансируются, какие другие социальные категории, помимо учащихся, могут в них участвовать, и т.п.

Поэтому «красные охранники» многократно обращались к руководству за соответствующими разъяснениями. Директивы по этим вопросам не публиковались, но негласно было решено, что в основном хунвэйбинами могут быть учащиеся так называемых «пяти красных категорий». Однако «небольшое число революционно настроенной молодежи, не относящейся к “пяти красным” также можно привлекать к участию в хунвэйбиновских организациях», но нельзя допускать, чтобы «гости вытеснили хозяев». Возрастной состав «охранников» колебался от восьми до 25 лет, но в подавляющем большинстве случаев — от 12 до 21 года.

Указание ЦК КПК и Госсовета КНР от 5 сентября 1966 г. «Относительно организации иногородних революционных учащихся и преподавателей, преподавателей революционных учащихся, а также революционных преподавателей, служащих и рабочих средних школ, прибывающих в Пекин для участия в движении великой культурной революции», стимулировало поток иногородних в столицу для ознакомления с «революционным опытом» и распространения движения по всей стране. Представителям иногородних учебных заведений разрешалось организованно приезжать в Пекин для участия в кампаниях. Были установлены нормы представительства: один человек от 50 учащихся высшей школы, выбранный коллективом, один человек из 10 учеников средней школы (включая школы полного учебного дня и школы для работающих) и один представитель от 100 преподавателей, рабочих и служащих. Хунвэйбинам обеспечивались бесплатный железнодорожный проезд, расходы на жилье, питание и городской транспорт в Пекине брало на себя государство. После принятия этого указания начались массовый наплыв хунвэйбинов в столицу для осуществления «великой смычки» и столь же массовые откомандированные столичных «охранников» на места для «разжигания пламени культурной революции». Число хунвэйбинов в стране быстро достигло 90 млн человек.

Организационную структуру руководства «красных охранников» можно представить на примере организации «Бинтуань» («Полк [красных] охранников») г. Тайюаня. Помимо штаба и его канцелярии было создано восемь отделов: по работе с рабочими, по работе с хунвэйбинами, по работе с деятелями культуры, по работе с крестьянами, по приему в члены организации, по «подготовке и проведению борьбы», отдел информации и связи и, наконец, отдел пропаганды.

Как отмечалось выше, в крупных хунвэйбиновских организациях появлялись противоборствующие группировки. Часть членов встала на защиту своих родственников, другие пытались создавать собственные отряды. Уже

в начале сентября 1966 г. столичный «Первый штаб» раскололся на враждующие группировки. Одна из них создала свой «Центральный (главный) штаб хунвэйбинов высших, специальных и средних учебных заведений столицы», который сокращенно именовали «Вторым штабом». В контролировавшиеся им организации входило свыше 30 тыс. человек из более чем 60 учебных заведений. «Второй штаб» издавал свою газету «Дунфан хун» («Алеет Восток»). При нем функционировал «Пункт связи бунтарей» Пекинского авиационного института. Позднее при поддержке члена ГКР Ци Бэньюя этот «пункт связи» захватил власть у центрального штаба, обвиненного в нападках на ГКР и в создании реакционных «патрульных отрядов». По некоторым данным, Ци Бэньюй вошел в руководство новой организации. Одновременно продолжал существовать ранее созданный «Первый штаб». Позднее 1800 хунвэйбинов из организации «18 августа» Института промышленности, входившие во «Второй штаб», были квалифицированы как «анархисты» и подверглись «чистке».

6 сентября 1966 г. в результате раскола «Первого штаба» был создан «Главный штаб революционных бунтовщиков-хунвэйбинов высших, специальных и средних учебных заведений столицы», известный как «Третий штаб». Он издавал газету «Шоуду хунвэйбин» («Столичный красный охранник»), первый номер которой вышел 13 сентября 1966 г. Основными базами этого «штаба» были Пекинский университет, Университет Цинхуа, Геологический институт и др., а также некоторые средние школы столицы. Первоначально «Третий штаб» насчитывал 4 тыс. членов (их называли «группировкой меньшинства»), затем число их выросло до 50 тыс. К 29 сентября в эту организацию входили хунвэйбины 34 учебных заведений столицы. Организация получала особую поддержку со стороны ГКР. В руководство «Третьего штаба» входили Не Юаньцзы (Пекинский университет), Куай Дафу (Цинхуа) и Ван Дабинь (Геологический институт). Большая часть этой организации считалась «революционной группировкой», «группировкой хунвэйбинов-бунтарей» (*цаофань пай*) и впоследствии стала орудием в руках Цзян Цин. Организации на местах именовались «коммунами», «полками» и т.д. У «Третьего штаба» были пункты связи в городах Шэньяне, Чунцине, Чанша, Нанкине, Шанхае, Ханчжоу, Сиани, Наньчане, Аньшане, Фучжоу, Сюйчжоу, Тяньцзиньне, Цицикаре, Циндао, Люйда, Гуанчжоу, Тайюане, Чжэнчжоу, Харбине и др. Постепенно эта группировка стала массовой, в нее входило много молодежи из семей трудящихся, но были и дети, как тогда говорили, из семей «буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции». Группировка контролировалась ГКР и была ее опорой.

Впоследствии в Пекине возникла организация «Столичный полк хунвэйбинов идей Мао Цзэдуна», которая объединила «красных охранников» средних школ Пекина и издавала газету «Бинтуань чжаньбао» («Боевая газета (охранных) полков»).

27 ноября 1966 г. часть руководителей хунвэйбиновских организаций в пекинском районе Хайдянь решила учредить новую организацию — «Комитет объединенных действий» (сокращенно «Ляньдун»). 5 декабря она была официально создана.

В ней принимали участие хунвэйбины средних школ при Пекинском университете, Нефтяном институте, при Университете Цинхуа и Пекинском политехническом институте, школы «1 августа», а также других школ района Хайдянь. Было решено, что главный штаб и группа по пропагандистской работе будут находиться в школе при Пекинском университете, группа по организации — в школе при Нефтяном институте, группа по связи — в школе при Политехническом институте; был разработан «манифест» организации.

Вскоре она стала довольно сильной и объединила хунвэйбиновские группы 400–500 средних школ, имела филиалы в Шанхае, Шэньяне, Ухане, Нанкине, Гуанчжоу, Чанша, СУАР. В ее состав входило много отпрысков высших кадровых партийных, военных и административных работников. Среди них были и дети тех, кто уже подвергся нападкам в ходе новой политической кампании. Эта организация критиковала деятельность ГКР, требуя «вышвырнуть» ее, выступила против Цзян Цин. Члены организации требовали проверки ГКР, «ниспровержения» Гуань Фэна и Ци Бэньюя, «наведения страха» на Чэнь Бода, враждовала с «Третьим штабом», обвиняя его в подавлении движения хунвэйбинов. Практически впервые открыто прозвучала критика в адрес членов ГКР, которые обвинялись в «левом» или «правом» уклоне.

5 декабря 1966 г. появилась листовка «Ляньдуна» с требованием «решительно поддержать выступления четырех заместителей председателя Военного совета ЦК КПК» (имелись в виду выступления Е Цзяньина, Сюй Сянцзяня, Не Жунчжэня и Чэнь И в середине ноября 1966 г.). В Пекине появились даэзыбао, написанные учащимися и преподавателями Пекинского института лесного хозяйства, в которых говорилось, что даже Мао Цзэдун не может представлять все руководство ЦК КПК, а тем более узурпировавшая власть ГКР.

16 декабря 1966 г. Цзян Цин, выступая на митинге перед учащимися и преподавателями средних школ Пекина, впервые прямо подвергла критике организацию «Ляньдун». Она также раскритиковала деятельность «патрульных отрядов» районов Сичэн, Дунчэн и Хайдянь, заявив, что ими заправляют Ван Жэньчжун, Чжоу Жунсинь, которые «попустительствуют действиям горстки головорезов». Цзян Цин призвала «решительно применить методы диктатуры» к «горстке лиц», виновных в убийствах и избиениях людей, в подрыве революции. Чэнь Бода на этом митинге заявил: «если враг не капитулирует, то мы призываем его уничтожить!». Кан Шэн призвал «бороться с подобного рода контрреволюционерами до конца». Чжоу Эньлай на митинге сообщил, что «горстка головорезов, совершивших преступления», уже схвачена и осуждена. Действительно, в тот день несколько руководителей «Ляньдуна» были арестованы органами общественной безопасности.

Ряд сторонников ГКР сочли эти меры недостаточными и под шумок попытались свести счеты со своими политическими конкурентами в руководстве страны. Так, в этой связи прозвучали нападки на министра общественной безопасности Се Фучжи, обвиненного в том, что он действует заодно с «идущими по капиталистическому пути» Лю Шаоци и Дэн Сяопином. Но Цзян Цин взяла Се Фучжи под защиту, заявив, что не следует сомневаться в его преданности Мао Цзэдуну.

На следующий день, 17 декабря 1966 г., в Пекине органы общественной безопасности арестовали еще нескольких руководителей подвергшихся критике хунвэйбиновских организаций, а позже арестовали 139 человек, в том числе сына Хэ Луна, 36 детей кадровых работников в ранге министра и заместителя министра, 20 детей кадровых работников в ранге начальника отдела. Более 70% из них были моложе 20 лет, самым младшим было 13 лет. Арестованных лишили каких-либо контактов с внешним миром, подвергали побоям, держали впроголодь, заставляли выполнять тяжелую физическую работу, отказывали в медицинской помощи; охрана провоцировала драки среди заключенных.

В ответ 28 и 31 декабря 1966 г., а затем 6, 9 и 11 января 1967 г. члены «Ляньдуна» предприняли атаки на Министерство общественной безопасности, требуя «разгромить министерство и изжарить Се Фучжи», отпустить арестованных из тюрем. После этого ГКР приняла решение уничтожить «Ляньдун».

17 января 1967 г. Се Фучжи объявил эту организацию, ее «патрульные отряды» и руководство «реакционными» и «контрреволюционными». Место проведения митинга «Ляньдуна» было неожиданно оцеплено более чем 3000 хунвэйбинов из 13 вузов и школ Пекина, включая организацию «Хунци» Пекинского авиационного института. Им помогали около 50 сотрудников органов общественной безопасности. Были арестованы три руководителя организации, включая ее главу Чжао Чжаньпина. 19 января хунвэйбины группировки Не Юаньцзы и полицейские окружили орготдел «Ляньдун», арестовали и увезли еще нескольких руководителей. Затем последовали аресты более 100 активистов организации. 25 января под руководством Се Фучжи на митинг были собраны около 30 тыс. сторонников Не Юаньцзы, которые требовали разгромить последний оплот «Ляньдуна», находившийся в школе имени «1 августа». Там было арестовано 32 учащихся.

Бесчинства хунвэйбинов встретили отпор населения. По призыву местных партийных руководителей, но чаще стихийно рабочие, служащие, члены КПК и КСМК вставали на защиту парткомов, выгоняли хунвэйбинов из захваченных ими учреждений, требовали, чтобы Центр пресек произвол и беззаконие. Так, когда приезжие «красные охранники» вкупе с местными из Института торговли в г. Бэньпу (пров. Аньхой) с 1 по 3 сентября 1966 г. попытались устроить погромы в парткомах различных уровней, им дали отпор около 2 тыс. рабочих под руководством секретарей парткомов. 4 сентября более тысячи приехавших в Шанхай хунвэйбинов, осаждавших здание Бюро ЦК КПК по Восточному Китаю и горком партии с целью расправы над «окопавшимися там ревизионистами», столкнулись с сопротивлением со стороны рабочих и служащих города. 6 и 7 сентября рабочие, крестьяне и партийные работники разогнали хунвэйбинов, окруживших здание парткома пров. Цзянси, и устроили манифестацию под лозунгами «Долой правых студентов!», «Решительно защитим партийные комитеты!». Организованные и стихийные выступления рабочих и крестьян против «красных охранников» в тот период имели место также в Циндао, Чанша, Тяньцзине, Сиане и многих других городах и районах страны.

Вскоре был издан ряд директив (в частности, «Решение ЦК КПК из 4 пунктов» от 11 сентября), запрещавших рабочим и крестьянам вмешиваться в «движение» учащихся и бороться с ними. Кадровым работникам запрещалось «подстрекать» рабочих к борьбе с хунвэйбинами. 11 сентября «Жэньминь жибао» в передовой статье, призвав «массы рабочих и крестьян объединяться с революционными учащимися», прямо заявила, что «ответственные товарищи на местах и в некоторых организациях открыто отвергли решения ЦК и опубликовали лозунги в поддержку местных партийных организаций», «подавляют движение масс», подбивают рабочих и крестьян на выступления против «красных охранников». В передовой «Жэньминь жибао» от 1 октября 1966 г. признавалось, что культурной революции оказывается противодействие: «Враги пролетариата выступают против красного знамени, прикрываясь “красным знаменем”. Они пытаются взять под обстрел наш штаб пролетарской революции. Сложилась обстановка, когда одна часть масс и учащихся борется против другой их части».

4–5 октября состоялось заседание Военного совета ЦК КПК и Главпура НОАК. На нем по распоряжению Линь Бяо были приняты «экстренные указания», отредактированные ГКР и утвержденные Мао Цзэдуном. Документ требовал аннулировать предыдущие директивы о руководящей роли в культурной революции парткомов военных учебных заведений после отзыва оттуда рабочих групп, решительно настаивал на уничтожении «всех рамок, сковывающих массовое движение». Разрешалось осуществлять «смычку» не только в рамках военных учебных заведений, но и вне их. После отзыва рабочих групп предписывалось создавать группы и комитеты по культурной революции из местных учащихся, преподавателей и служащих, придав им функции органов власти. «Революционным учащимся и преподавателям» предлагалось действовать, исходя из «16 пунктов» и практикуя «широкое высказывание мнений, полное изложение взглядов, широкие дискуссии и дацзыбао».

Тем самым документ требовал активного проведения культурной революции в военных академиях и училищах собственными силами и легализовал исключение из этого процесса парткомов. Еще летом 1966 г. Военный совет ЦК КПК образовал в Главном политическом управлении «Канцелярию по культурной революции», которая в августе была расширена до «Всеармейской группы по делам культурной революции», подчинявшейся непосредственно Военному совету ЦК. Группу возглавил заместитель начальника Главпура Лю Чжицзянь.

6 октября 1966 г. ГКР созвала 100-тысячный «митинг открытия огня по буржуазной контрреволюционной линии», в котором приняли участие преподаватели и учащиеся из разных районов Китая, приехавшие в Пекин. На нем выступили Цзян Цин и Чэнь Бода. Чжан Чуньцяо ознакомил присутствующих с «экстренными указаниями» специальной резолюции ЦК КПК от 5 октября и одобренными для применения в обычных вузах и школах от уезда и выше.

Вслед за соответствовавшими взглядам Мао Цзэдуна заявлениями пропаганды о том, что «в руководстве НОАК имеется горстка негодяев, с которой необходимо бороться», была развернута кампания по дискредитации



Чтение дацзыбао

известных военачальников, героев китайской революции, таких как Пэн Дэхуай, Хэ Лун, Чжу Дэ и многих других. «Цель нашей культурной революции, – заявил Чжан Чуньцяо, – окончательно свергнуть всевластие этих старых перечниц Чжу Дэ, Чэнь И и Хэ Луна». Одновременно отмечалась необходимость усиления идеологической обработки КПК и НОАК. 10 октября 1966 г. «Жэньминь жибао» сообщила об «исключительно важных указаниях» Линь Бяо, который требовал «последовательно внедрять идеи Мао Цзэдуна во всей партии, всей армии и в народе», чтобы достигнуть «единства на основе идей Мао Цзэдуна».

13 октября на стол Чжоу Энъяо легла бумага хунвэйбинов «Боевого полка Красного знамени 8 августа» Харбинского военно-инженерного института, в которой они требовали от заместителя министра общественной безопасности, заместителя начальника канцелярии Министерства обороны Лу Яна предоставить хунвэйбинам «поименные черные списки» и рабочие материалы Комиссии по оборонной науке и технике. Чжоу Энъяй наложил на документ резолюцию, предложив «Боевому полку» высказать свое конкретное мнение (по поводу «черных списков») либо прислать делегата для беседы с участием представителей Всеармейской группы по делам культурной революции и упомянутой комиссии. Чжоу Энъяй отметил, что материалы, содержащие государственные секреты, не могут быть переданы на сторону и хранятся в Военном совете, а кадровых работников нельзя долгое время держать на «собраниях критики», поскольку им надо работать. 17 октября эти три пункта

резолуции были переданы Лю Чжицзяню для исполнения в 11 учебных заведениях Комиссии по оборонной науке и технике.

С 9 по 28 октября в Пекине по инициативе Мао Цзэдуна и под его руководством было проведено рабочее совещание ЦК КПК, которое фактически стало продолжением 11-го пленума. Первоначально планировалось провести совещание за три дня и обсудить вопросы об отношении руководящих кадровых работников к культурной революции и о причинах неожиданного сопротивления новой политической кампании. 7 октября, когда Чжоу Эньлай передал Мао Цзэдуну вопрос Линь Бяо относительно его мнения о совещании, Мао заявил, что совещание следует продлить до семи дней. Поскольку большинство будущих участников совещания выражали резкое недовольство обстановкой в стране, а также участием членов ГКР в этом мероприятии, для оказания должного давления на недовольных было принято увеличить продолжительность совещания до 17 дней.

Выступления первых докладчиков на совещании Мао Цзэдуну не понравились. По его мнению, они проявили «нерешительность» и «заторможенность», «недопонимание» обстановки. 16 октября с основным докладом «Две линии в великой пролетарской культурной революции» выступил руководитель ГКР Чэнь Бода. Мао Цзэдун неоднократно правил его доклад. Уже сама тема выступления говорила, что Мао Цзэдун и руководители ГКР фактически разработали план перевода культурной революции в русло непосредственной борьбы против главных политических противников — Лю Шаоци, Дэн Сяопина и их сторонников, центральных и местных руководящих партийных и государственных органов. Чэнь Бода, подводя итог нескольких месяцев кампании, констатировал, что «линия культурной революции одержала большие победы», а противоположная линия «потерпела поражение». Среди материалов, подтверждавших «большие достижения» кампании, был документ, сообщавший, что до 3 октября 1966 г. включительно было раскрыто 1788 «контрреволюционных» дел, конфисковано 1 млн 188 тыс. лянов (59,4 т) золота, из городов изгнано 397 400 лиц, разоблаченных как «нечисть». В другом документе говорилось, что хунвэйбины провели обыски в 1776 домах работников министерств (культуры, образования, здравоохранения), госкомитетов (по делам спорта, по реформе письменности) и подчиненных им ведомств, проверили 6% от общего числа (19 975 человек) сотрудников этих министерств и ведомств.

Чэнь Бода подверг резкой критике деятельность «рабочих групп» как «ошибку в линии» и очертил контуры программы по определению виновных и выявлению «ошибок в линии». «Представителями тех, кто выдвинул ошибочную линию», он назвал Лю Шаоци и Дэн Сяопина, на которых возложил «главную ответственность». Социальной основой этой линии он назвал буржуазию, а в партии — «ничтожную горстку лиц, облеченных властью и идущих по капиталистическому пути». Тех, кто допустил «ошибки в линии», он разделил на меньшинство, совершивших ошибки сознательно, и большинство, ошибавшихся непреднамеренно. Дифирамбы погромам, чинившимся «красными охранниками», сочетались с осуждением тех, кто выражал тревогу

в связи с беспорядками в обществе, обвиняя их в боязни и даже в подавлении масс и страхом перед революцией, попытках сопротивления ей.

Линь Бяо на совещании выступал дважды (17 и 25 октября), подчеркивая необходимость культурной революции и критикуя Лю Шаоци и Дэн Сяопина как «главных вдохновителей ошибочной линии» на «подавление масс». Линь Бяо обвинил Дэн Сяопина в том, что в прошлом тот «подкапывался» под 4-ю Полевую армию, которой командовал Линь Бяо, приписывая себе чужие заслуги и даже дезертировал. Долю ответственности Линь Бяо признал и за секретарями региональных бюро ЦК, парткомов провинциального уровня. Доводы некоторых участников совещания по поводу беспорядков в стране Линь Бяо парировал тезисом о том, что движение масс «рационально по своей природе».

На доклад Чэнь Бода Мао Цзэдун наложил резолюцию: «Прекрасно! Распространить массовым тиражом» и предложил издать выступления Чэнь Бода и Линь Бяо в виде брошюры, чтобы на каждую партачейку и хувэйбиновский отряд приходилось не менее двух экземпляров.

Примерно в таком же духе на совещании выступил Кан Шэн. Он и Линь Бяо уже в августе–сентябре 1966 г. готовили документы с критикой Лю Шаоци. Жена Линь Бяо Е Цюнь 11–12 августа дважды беседовала с заместителем начальника оперативного отдела Генштаба Лэй Инфу, снабдив его «компрометирующей» информацией о Лю Шаоци, а 14 августа с Лэй Инфу имел секретную беседу Линь Бяо. Последний просил Лэй Инфу срочно подготовить материалы о Лю Шаоци для передачи Мао Цзэдуну. 16 августа Кан Шэн со своей стороны подготовил Мао Цзэдуну письмо, в котором клеветал на Лю Шаоци, используя материалы 1939 г., связанные с освобождением из гоминьдановской тюрьмы 61 коммуниста якобы после «покаяния».

На октябрьском 1966 г. совещании министр общественной безопасности Се Фучжи, некогда служивший под началом Дэн Сяопина во 2-й Полевой армии, одним из первых обрушился с критикой на бывшего командира. Мао Цзэдун на совещании также выказал недовольство Дэн Сяопином, заявив, что тот никогда не обращался к нему с вопросами, а начиная с 1959 г. вообще перестал докладывать Мао Цзэдуну о своей работе.

23 октября 1966 г. Лю Шаоци и Дэн Сяопин были вынуждены выступить с критическим «самоанализом» на пленарном заседании.

Первый вариант «самоанализа» Лю Шаоци подготовил еще в сентябре и передал его Мао Цзэдуну. Тот 14 октября одобрил материал, предложил его распечатать и передать для обсуждения в Политбюро, Секретариат, в рабочую группу, в Пекинский горком и ГКР. После чего Лю Шаоци представил расширенный вариант «самоанализа» в трех частях. Дэн Сяопин направил Мао Цзэдуну свой материал 22 октября и получил рекомендацию добавить несколько уничижительных фраз для «более позитивного звучания»: «Например, сказать, что “при условии упорной работы над собой и при активной же помощи со стороны товарищей я верю, что смогу своевременно исправить ошибки. Прошу товарищей дать мне время. Я сумею подняться и встать. Ведь я уже полжизни занимаюсь делом революции. Ну, оступился, но неужели я так безнадежен?”».

Все это фактически означало, что Мао Цзэдун отделял Дэн Сяопина от Лю Шаоци, не считал Дэн Сяопина своим противником, выводил его из-под критики в ходе «культурной революции». Очевидно, что Мао Цзэдун видел в Дэн Сяопине своего последователя как в вопросе о политическом режиме внутри КНР, так и в вопросе об отношении к советскому народу и СССР.

Лю Шаоци и Дэн Сяопин формально повинились в отдельных «ошибках», совершенных до и после 11-го пленума ЦК, но заявили, что исправили их благодаря Мао Цзэдуну и совещаниям ЦК. Дэн Сяопин взял на себя вину за направление рабочих групп в учебные заведения и учреждения страны, за сопротивление требованию Чэнь Бода об их роспуске. При этом он взял членов групп под защиту, заявив, что основная ответственность за их ошибки ложится на него и Лю Шаоци. Генеральный секретарь признал, что «оторвался от масс» и «уже более не соответствует той работе, которую выполняет в ЦК КПК». Однако и Лю Шаоци, и Дэн Сяопин отказались признать выдвинутые против них главные обвинения – выступление против партии, Мао Цзэдуна и социализма, в проведении линии на реставрацию капитализма. Свои ошибки при проведении культурной революции они объясняли новизной проблем, с которыми столкнулись «старые революционеры», и калялись в том, что недостаточно изучали работы Мао Цзэдуна.

25 октября Чэнь Бода вновь обрушился с критикой на Дэн Сяопина, обвинив его в самомнении и самоуправстве.

В тот же день на совещании выступил Мао Цзэдун. Он впервые во всеуслышание признал: «Пожар культурной революции, полыхающий уже пять месяцев, разжег я». Через всю свою речь он проводил мысль о том, что «нынешних ошибок» можно было избежать, если бы с ним советовались по принципиальным вопросам и правильно информировали о реальном положении дел в центре и на местах после 1959 г., когда он якобы отошел «на вторую линию», т.е. не занимался повседневной работой, которая была возложена на работников «первой, или передовой линии». Своим доверием к людям и разделением «линий» работы он объяснял «появление самостоятельных или независимых вотчин».

Чувствуя, что часть участников совещания недовольна ходом культурной революции, Мао Цзэдун попытался их успокоить: «Я не хочу ниспровергать вас, по-моему, и хунвэйбины не стремятся во что бы то ни стало добиться вашего свержения. Но если вы не пройдете все эти испытания, мне тоже будет отчего волноваться!». Он подчеркивал, что новому движению всего пять месяцев, и, «возможно, оно продлится еще два или пять месяцев», но его нужно довести до конца, «даже если на это понадобится год или больше». Это доказывает, что четкого плана проведения кампании у него не было. Но стратегические цели явно имелись.

Деятельность по дискредитации Лю Шаоци, Дэн Сяопина и их сторонников велась и вне рабочего совещания. 16 октября 1966 г. Чэнь Бода, Цзян Цин и Чжан Чуньцяо призвали хунвэйбинов «вести огонь по буржуазной реакционной линии», задерживать лиц, распространявших дацзыбао с нападка на Мао Цзэдуна и Линь Бяо (такие стали появляться к тому времени), называли

хунвэйбинов «опорой» Мао. Спекулируя на имени известного китайского писателя Лу Синя и используя в своих целях 30-ю годовщину со дня его смерти, они призывали молодежь расправляться с противниками Мао Цзэдуна. Взятое из произведения Лу Синя выражение «добить упавшую в воду собаку» было недвусмысленно обращено против главных оппонентов Мао Цзэдуна.

2 ноября в помещении орготдела ЦК КПК появилась пространная дацзыбао с нападками на Лю Шаоци и Дэн Сяопина. В помещении ГКР была расклеена целая серия дацзыбао с критикой в их адрес. 8 ноября протеже Кан Шэна Не Юаньцзы в Пекинском университете вывесила дацзыбао: «Дэн Сяопин — это тот, кто находится у власти в партии и идет по капиталистическому пути». В ней Дэн Сяопин обвинялся в том, что якобы выступал против культа личности, «агитировал» за восстановление крестьянских единоличных хозяйств в деревне, выступает против культурной революции и является одним из закулисных руководителей Пэн Чжэня.

Миллионы «красных охранников», которых Мао Цзэдун вдохновлял на борьбу, стекались в Пекин со всех концов страны. 13 октября Мао Цзэдун дал указание армии сформировать из прибывших в столицу хунвэйбинов «взводы, роты, батальоны, полки и дивизии» и проводить в них политическую и строевую подготовку. Для отработки и взаимодействия армии и «красных охранников» было выделено 300 тыс. кадровых военных. К началу ноября 1966 г. резко возросло число молодых людей, приехавших в столицу. Ими были буквально забиты все вузы, военные академии, партийные и государственные учреждения, школы. В течение ноября число приехавших в Пекин из военных учебных заведений страны достигло 100 тыс. человек. Некоторые из них пытались прорваться в здания министерства обороны, ЦК КПК и Госсовета, вплоть до резиденции ЦК КПК — Чжуннаньхая.

Планируя активнее использовать «красных охранников» для массовых расправ над инакомыслящими, Мао Цзэдун и руководители ГКР предприняли ряд мер, развязывавших руки «бунтарям». Они в первую очередь позаботились об уничтожении собранных парткомами и рабочими группами материалов о преступлениях



Мао Цзэдун принимает парад хунвэйбинов.
18 августа 1966 г.

хунвэйбинов. 16 ноября от имени ЦК КПК и Госсовета КНР было издано уведомление, на основании которого каникулы в вузах и средних школах были официально продлены еще на год, до осени 1967 г. В ноябре 1966 г. была проведена «реорганизация» Пекинского управления общественной безопасности, так как его сотрудники в ряде мест якобы открыто выступили против «красных охранников».

«Хаос»

В связи с нарастанием беспорядков в стране, невиданным наплывом «революционных преподавателей и учащихся» в Пекин, потерей контроля над хунвэйбинами 1 декабря 1966 г. от имени ЦК КПК было издано уведомление о временном приостановлении осуществления «смычек» с использованием транспорта. Несколько позднее в другом постановлении объявлялось и о прекращении «пеших смычек».

Серьезные опасения у ряда руководителей страны вызывало и негативное влияние кампании на сферу производства. В частности, отряды хунвэйбинов, появившиеся в деревне, стали требовать приостановки всех сельскохозяйственных работ и поголовного включения крестьян в культурную революцию. Страна могла остаться без урожая, что могло привести к массовому голоду.

Когда в начале сентября в помощь Госсовету для руководства экономической работой были направлены Гу Му и член Секретариата ЦК КПК Юй Цюли, Чжоу Эньлай в беседе с ними подчеркнул, что их задача – не допустить остановки промышленного и сельскохозяйственного производства. Премьер дал указание в первую очередь обратить внимание на транспорт, так как из-за хунвэйбиновских «смычек» он был перегружен и не справлялся с перевозками.

7 сентября 1966 г. «Жэньминь жибао» по инициативе Чжоу Эньлая опубликовала передовую статью «Взяться за революцию, стимулировать производство». «Великая пролетарская культурная революция является революцией в области мышления человека и должна привести к тому, чтобы при выполнении любой работы делать больше, быстрее, лучше и экономнее, – подчеркивалось в статье. – Мы должны, взяв великую пролетарскую культурную революцию в качестве программы, одной рукой ухватиться за производство, другой – за осуществление революции. Мы должны обеспечить успех и культурной революции, и производства». «Жэньминь жибао» обратилась к «красным охранникам», «революционным учащимся и преподавателям» с призывом помочь членам коммун в осенней жатве. В статье крестьянам разрешалось на время уборки урожая приостановить движение «четырех чисток». 10 сентября Чжоу Эньлай в выступлении перед хунвэйбинами вернулся к этому вопросу еще раз. Сообщив о подготовке новой редакционной статьи, в которой будет отведено особое место вопросам «уважения к рабочему классу» и «революции в производстве», Чжоу Эньлай прямо заявил, что на

промышленных предприятиях, в сельских районах и в сфере обслуживания «культурная революция должна проводиться силами самих работников этих единиц». Он подчеркнул, что «главным объектом хунвэйбинов должны быть учащиеся, городское население и служащие учреждений». Что касается заводов и сельских районов, то там «смычки» рекомендовалось проводить с согласия местных руководящих органов либо организаций, ответственных за проведение культурной революции.

14 сентября 1966 г. в официальном «Решении ЦК КПК о порядке проведения культурной революции в сельской местности на уровне уезда и ниже» было объявлено об ограничениях для деятельности «красных охранников». Указывалось, что культурная революция в сельской местности ниже уезда проводится в сочетании с ранее проводимым движением «четырёх чисток», «с опорой на революционные массы и широкие слои кадров данной местности». Учащиеся из Пекина и других мест, кроме направленных из провинциальных и местных комитетов, не должны ехать на «смычку» в сельские учреждения от уезда и ниже. Бригадам запрещалось участвовать в дискуссиях, проходящих в учреждениях от уезда и ниже. Кадровым работникам учреждений ниже уезда и членам коммун тоже предписывалось не выезжать из своей местности на «смычки». Разрешалось временно приостановить движение «за четыре чистки». Во втором пункте «Решения» допускался выезд городских учащихся и хунвэйбинов в деревню только для сбора осеннего урожая и участия в физическом труде. В третьем пункте предлагалось «движение за искоренение на селе “четырёх старых” и утверждение “четырёх новых” проводить в специально установленное время, в сезон перерыва в сельскохозяйственных работах». В отношении кадровых работников, назначенных вышестоящими партийными и государственными органами, предлагалось не «прибегать к методам непосредственного их снятия с должности массами».

15 сентября «Жэньминь жибао» опубликовала передовую статью «Привет рабочим, крестьянам и солдатам. Учитесь у рабочих, крестьян и солдат», в которой были отражены положения «решения ЦК КПК» от 14 сентября 1966 г. о том, что хунвэйбины не должны проводить культурную революцию на заводах и в деревне. 15 сентября на массовой встрече Мао Цзэдуна с хунвэйбинами Чжоу Эньлай вновь повторил указание о «необходимости взяться за революцию и стимулировать производство» как установку Мао Цзэдуна.

19 сентября «Жэньминь жибао» опубликовала передовую статью «Лучше взяться за сбор осеннего урожая», где вновь сообщала, что в осеннюю страду можно приостановить движение за «четыре чистки», что «кампанию по ликвидации четырех старых и становлению четырех новых» можно провести позднее, в свободное от сельскохозяйственных работ время.

26 сентября Чжоу Эньлай сообщил «юным застрельщикам», что есть решение партии, запрещающее создание хунвэйбиновских организаций на предприятиях и в ведомствах и ограничивающее их только учебными заведениями.

10 ноября 1966 г. «Жэньминь жибао» в статье «Взяться за революцию, стимулировать производство» вновь утверждала, что в отличие от городских и сельских школ, где можно приостановить учебный процесс для ведения

культурной революции, на предприятиях, в ведомствах, в коммунах нельзя приостанавливать производство. Рабочие и крестьяне не должны, как учащиеся, ездить по стране и осуществлять «великую смычку», хотя они могут высказывать свое мнение об обстановке на местах высшим инстанциям, в ЦК партии.

Такие заявления руководителей КНР и в центральной прессе в какой-то мере способствовали некоторой стабилизации положения в сельской местности, и во второй половине 1966 г. культурная революция в деревне в основном проявлялась в таких формах, как коллективное изучение произведений Мао Цзэдуна.

В середине ноября Чэнь Бода вместе с другими членами ГКР подготовил проект документа «12 пунктов относительно осуществления великой культурной революции на заводах и фабриках». В документе оценивалось как очень хорошее начинание более активное участие в кампании рабочих масс. Требовалось, чтобы все партийные организации, руководство заводов и рудников активно проводили в жизнь указание Мао Цзэдуна «взяться за революцию и стимулировать производство».

16 ноября 1966 г. Гу Му и Юй Цюли собрали Всеитайское совещание по проблемам промышленности и транспорта, в котором участвовали ответственные работники пяти министерств и семи (крупнейших) городов. Обсуждался вопрос о культурной революции в промышленности и на транспорте. Совещание продолжалось более 20 дней. Выступавшие признавали, что производство нельзя прерывать, методы проведения культурной революции на предприятиях промышленности и на транспорте должны значительно отличаться от методов, допустимых в образовательных и культурных учреждениях, партийных и государственно-административных ведомствах.

На совещании высказывалось мнение о необходимости единого руководства движением со стороны парткомов на промышленных и транспортных предприятиях, о налаживании правильных взаимоотношений между революцией и производством. Определенная часть присутствующих отрицательно относились к идее остановки производства ради осуществления революции, критически высказывалась по проекту документа о всестороннем развертывании культурной революции в промышленности и на транспорте, подготовленного ГКР. Кампанию предлагалось проводить в определенные сроки. Участники отрицательно высказывались о создании цзаофаневских организаций из рабочих, проведению «смычек» между предприятиями, требовали принять меры по налаживанию паритетных отношений между революцией и производством.

4–6 декабря 1966 г. Линь Бяо созвал расширенное совещание Политбюро ЦК КПК, где был заслушан отчет Гу Му об обстановке в промышленности и на транспорте и обсужден предложенный ГКР документ «Десять установок относительно ведения революции и способствования развитию производства» (сокращенно «10 пунктов по промышленности»). Цзян Цин подвергла критике «ответственных товарищей из сферы промышленности и транспорта» за отсутствие классовой позиции, выступления против революции и насаждение ревизионизма.

Кан Шэн заявил, что проблемы, существующие на заводах и фабриках, мало чем отличаются от проблем в учебных заведениях. Чжан Чуньцяо раскритиковал сообщение Гу Му о совещании по положению в промышленности и на транспорте. Он заявил, что представленные материалы отражают взгляды «горстки людей, обладающих властью и идущих по капиталистическому пути». Линь Бяо, подводя итоги, подчеркнул, что хотя совещание и продолжалось более 20 дней, проведено оно плохо, идеологически ошибочно. Он заявил, что проблема не в 50 днях правления Лю Шаоци и Дэн Сяопина, о которых Мао Цзэдун говорил в дацзыбао, а в тех 10–20 годах, когда Лю Шаоци и Дэн Сяопин оказывали очень большое воздействие на промышленность и транспорт. В последний день совещания член ГКР Ван Ли неожиданно начал атаку на Тао Чжу, заявив, что тот, поддерживая производство, «подавлял революцию». На совещании впервые открыто выявились противоречия между Тао Чжу и Цзян Цин с ее единомышленниками. Совещание приняло отредактированные ГКР «10 пунктов по промышленности». Этот документ от имени ЦК КПК был разослан по стране, официально отменяя предыдущие партийные решения. Если раньше культурная революция распространялась лишь на учреждения сферы культуры и образования и партийно-правительственные органы, то теперь движение должно было охватить села и промышленные предприятия, что провоцировало всеобщие беспорядки в стране.

Итак, рабочим было разрешено «устраивать революционные смывки», а учащимся проводить аналогичные мероприятия на заводах и горнорудных предприятиях.

12 декабря в Пекине под руководством Цзян Цин был проведен 120-тысячный митинг на стадионе «Гунжэнь». На митинге критиковали Пэн Чжэня, Ло Жуицина, Лу Динъи и специально доставленного из Шаньси Ян Шанкуня.

13 ноября там же Главпур НОАК провел митинг прибывших в Пекин учащихся и курсантов военных учебных заведений. На нем присутствовали Чжоу Эньлай, Тао Чжу, Хэ Лун, Чэнь И, Сюй Сянцян, Е Цзяньин, Сяо Хуа, Ян Чэнью. С речами выступили Чэнь И, Хэ Лун, Сюй Сянцян и Е Цзяньин, они призвали собравшихся объективно и спокойно оценить свои действия и раскритиковать ошибочные методы ведения культурной революции, выявившиеся в последнее время. Чэнь И подчеркнул недопустимость беспорядков в армии, необходимость дисциплины и опоры на партийное руководство. Нельзя атаковать Чжуннаньхай, атаковать Министерство обороны. В таком же духе выступили Сюй Сянцян и Е Цзяньин. Последний критиковал тех, кто превратил работы Мао Цзэдуна в священную библию, считая, что без их знания и механического заучивания действовать невозможно.

Вскоре после появления новых документов культурная революция пришла на заводы и фабрики, в финансовые учреждения и на транспорт. Это дезорганизовало промышленность, нарушило производственные процессы, что не могло не сказаться на экономической ситуации в стране.

Положение на селе также не устраивало членов ГКР. 15 декабря были приняты утвержденные Мао Цзэдуном и разосланные от имени ЦК КПК «Указания о великой пролетарской культурной революции в сельских районах

(проект)» (так называемые «10 пунктов по сельскому хозяйству»). Их основное содержание сводилось к следующим положениям.

1. Культурная революция в деревне проводится в соответствии с «16 пунктами», «Первыми десятью пунктами» и «23 пунктами» кампании по социалистическому воспитанию. Рабочие группы и отряды на село, как правило, не посылаются.

2. «Движение за четыре чистки» органически входит в культурную революцию. В ходе кампании в сельских районах «основной удар наносится по горстке облеченных властью и идущих по капиталистическому пути в партии, а также по не перевоспитавшимся помещикам, кулакам, контрреволюционерам, вредным и правым элементам». Кадровые работники для исправления бюрократического стиля руководства принимают участие в физическом труде.

3. Руководить культурной революцией на селе должны созданные революционные комитеты по делам культурной революции, обладающие всей полнотой власти и состоящие из представителей бедняков и низших слоев крестьян-середняков. Учащиеся средних школ освобождались от занятий до летних каникул 1967 г.

4. На селе разрешается создавать организации хунвэйбинов, костяк которых должна составлять молодежь — подростки из семей бедняков и низших слоев середняков. Дети руководящих сельских кадровых работников всех ступеней, как правило, не должны занимать руководящие должности в отрядах хунвэйбинов.

5. В ходе кампании на селе следует практиковать свободный обмен мнениями, распространение дацзыбао, широкие дискуссии и осуществлять широкую демократию. Разрешается осуществлять смычки между производственными бригадами и народными коммунарами в свободное от сельскохозяйственных работ время. Допускается организация групп учащихся для отправки их в деревню для проведения смычек и участия в культурной революции на селе.

6. Запрещается критиковать представителей революционных масс, которые в ходе кампании высказывали критические замечания в адрес руководства и критиковали его в дацзыбао, и мстить им. Помещикам, кулакам, контрреволюционерам, «подрывным» и «правым элементам», которые «являются объектом диктатуры», категорически запрещалось «бунтовать против пролетариата, ... против бедняков и низших слоев середняков».

Принятие этих двух руководящих документов вело к хаосу в городе и деревне. Беспорядки в стране начали приобретать повсеместный характер, Центр стремительно утрачивал контроль над ситуацией. Обострилась борьба между различными группами хунвэйбинов и цзаофаней.

13 декабря, еще до выхода последнего документа, в журнале «Хунци» появилась статья Ван Ли, Ли Синя и Цзя Исюе «Диктатура пролетариата и великая пролетарская культурная революция». Авторы призывали развертывать культурную революцию на производстве и в деревне. В статье появился призыв избирать «все органы власти культурной революции по принципу парижской коммуны», т.е. путем всеобщих выборов. Совершенно очевидно, что

здесь имелись в виду «комитеты и группы по делам культурной революции», которые предлагалось создавать взамен партийных комитетов. В статье отмечалось, что «массы имеют право в любое время сместить и переизбрать избранных ими лиц» в новых органах. Утверждения о «широкой демократии» в Китае и роли хунвэйбинов в движении, по мнению авторов, должны были оправдать борьбу против определенных партийных лидеров в КНР и их арест, подвести движение к следующему этапу «захвата власти». Следует учитывать, что статья была опубликована в тот момент, когда реально мыслящие члены партии, простые рабочие и крестьяне, некоторые учащиеся и кадровые работники, поняв, куда может завести и уже заводит эта кампания, стали оказывать ей сопротивление.

Так, 1 декабря в Пекинском институте лесного хозяйства появилась дацзыбао с «Открытым письмом Группе по делам культурной революции», в котором ее критиковали. 2 декабря в приемной газеты «Цзефанцзюнь бао» один из учащихся заявил, что большинство членов ГКР «провоцируют массы на борьбу против масс», что у них имеются ошибки в направлении движения. Он сказал, что уже более 50 учебных заведений объединились с целью распустить ГКР. В тот же день в институте лесного хозяйства вывесили две дацзыбао «Давайте посмотрим, какую линию проводит ГКР в великой пролетарской культурной революции?» и «Вышвырнем ГКР и, следуя за председателем Мао, будем осуществлять революцию». Учащиеся и преподаватели института, возглавляемые Ли Хуншанем, вывесили дацзыбао, где открыто говорилось, что Мао Цзэдун не может представлять все руководство ЦК КПК, а роль Линь Бяо как руководителя КПК еще сомнительнее, так как его опыт не идет ни в какое сравнение с опытом Лю Шаоци. 9 декабря во время демонстрации фильма в одном из кинотеатров Пекина зрители бурно приветствовали появление на экране Лю Шаоци.

Студенты того же института лесного хозяйства на площади Тяньаньмэнь вывесили лозунг «ГКР проводила буржуазную реакционную линию». 4 декабря 1966 г. в Университете Цинхуа появились дацзыбао «Ошибки в линии ГКР необходимо критиковать» и «Поклянемся вытащить настоящих буржуазных интриганов, находящихся рядом с председателем Мао». 5 декабря 45 учащихся 23 пекинских учебных заведений собрались на митинг и выступили против ГКР. 7 декабря материалы с критикой ГКР появились в институте геологии. 9 декабря в Университете Цинхуа появилась дацзыбао, в которой говорилось, что с 3 октября движение в Пекине идет в ошибочном направлении. 10 декабря хунвэйбины одной из организаций Пекинского университета вывесили дацзыбао с вопросом, «можно ли критиковать ГКР?». 12 декабря в Университете Цинхуа появилась листовка с критикой Чэнь Бода и Цзян Цин.

В декабре же студент института лесного хозяйства подверг критике выступление Цзян Цин 28 ноября на 20-тысячном митинге в столице, формально посвященном вопросам культурной революции в литературе и искусстве (китайский историк Ван Няньи сообщает, что текст выступления Цзян Цин правился Мао Цзэдуном). Тогда на митинге также выступали Чжоу Эньлай и Чэнь Бода. Оба уделили основное внимание «большому вкладу Цзян Цин

в культурную революцию». Цзян Цин обвинила «старый Пекинский горком, Отдел пропаганды ЦК, Министерство культуры» в том, что они «вступили в сговор», который необходимо разоблачить. Цзян Цин, расширяя рамки «опозиции», назвала «контрреволюционерами-ревизионистами» помимо Пэн Чжэня и секретарей столичного горкома партии Лю Жэня, Чжэн Тяньсяня, Вань Ли, Дэн То, Чэнь Кэханя, еще и заведующего Отделом пропаганды ЦК КПК Лу Динъи и его заместителей Чжоу Яна и Линь Моханя, а также заместителя министра культуры и потребовала их окончательной дискредитации. Здесь же заведующий отделом культуры Главпура НОАК Се Танчжун объявил о назначении решением Военного совета ЦК КПК Цзян Цин советником по делам культурной революции НОАК и вхождении в состав НОАК ряда художественных коллективов (к концу ноября 1966 г. были фактически распущены творческие союзы и Всекитайская ассоциация работников литературы и искусства) в качестве воинских частей, что означало контроль армии над ними.

Первый удар был обрушен на Пэн Чжэня. В ночь на 4 декабря 1966 г. хунвэйбины провели «операцию» по его захвату. Судя по их сообщениям, операция была разработана заранее и к ней имели прямое отношение члены ГКР. По свидетельству очевидцев, в половине второго ночи 80 хунвэйбинов, сев в грузовики, предоставленные им командованием военного округа, направились к дому Пэн Чжэня. Один из «красных охранников» ударной группы перелез через забор и открыл ворота. Войдя внутрь, хунвэйбины заявили охраннику, что их действия являются революционными. Выставив со всех сторон посты, они вошли в жилище Пэн Чжэня. За семь минут подняли спящего хозяина с постели, протащили через двор и втиснули в грузовик. Затем, разделившись на два отряда, поехали брать остальных. На задержание второго секретаря Пекинского горкома партии, комиссара Пекинского гарнизона, Лю Жэня, заместителей заведующего Отделом пропаганды ЦК КПК Линь Моханя и Сюй Лицуня, заместителя министра культуры Ся Яня и секретарей им потребовалось в общей сложности около двух часов. В ту же ночь были схвачены Вань Ли и Ляо Моша.

К середине декабря хунвэйбиновская организация «Ляньдун» распространила в столице много лозунгов и воззваний-здравиц в честь Лю Шаоци и с критикой членов ГКР. 13 декабря 1966 г. Тао Чжу, выступая перед работниками здравоохранения, признал, что в «Пекине появилась кучка людей, которые выступают против ГКР при ЦК КПК. Эти люди начали вопить и действовать».

На митингах учащихся и хунвэйбинов 16–19 декабря Цзян Цин, Чэнь Бода, Чжоу Энълай и Кан Шэн признавали, что в столице имеют место выступления против членов ГКР. 19 декабря представитель хунвэйбинов на митинге констатировал, что как в его университете, так и в Пекине в целом подул «черный ветер наступления» на Гуань Фэна, Ци Бэньюя, Чэнь Бода и Цзян Цин, что находятся люди, которые говорят, что в Линь Бяо тоже можно сомневаться, и громко кричат: «Сбросить пинком ГКР».

В такой ситуации члены ГКР считали, что пришло время пойти на более решительный штурм позиций своих потенциальных «противников». 18 декабря

Цзян Цин призвала к свержению Лю Шаоци. В тот же день Чжан Чуньцяо вызвал в Чжуннаньхай вожака хунвэйбинов Университета Цинхуа Куай Дафу. «Этот один, или эти двое, из ЦК, выдвинувшие “реакционную буржуазную линию”, по сей день не капитулировали, – заявил Чжан Чуньцяо. – Несмотря на то, что они занялись самопроверкой, ведут они себя по-прежнему плохо. Вы, юные гвардейцы революции, должны сплотиться, вооружиться духом революции и бороться до победного конца, добить упавшую в воду собаку, морально уничтожить их. Ни в коем случае не останавливайтесь на полпути!». Чжан Чуньцяо призвал открыто начать расправу над Лю Шаоци и Дэн Сяопином и наметил план конкретных мероприятий с целью их «окончательной дискредитации и свержения». Было предложено активнее расклеивать и распространять листовки и дацзыбао с критикой этих двух лиц.

Чуть позже, выступая перед хунвэйбинами, Куай Дафу заявил: «Первая битва... нашего полка – нанесение удара по Лю Шаоци, распространение кампании по его уничтожению на все общество».

С 15 по 18 декабря Се Фучжи объявил о решении ЦК образовать «Специальную комиссию по расследованию дела Ван Гуанмэй», супруги Лю Шаоци, которое фактически и в первую очередь было направлено против Лю Шаоци. В нее вошли Се Фучжи – руководитель комиссии, члены – Цзян Цин, Ван Дунсин, Сяо Хуа, Е Цюнь, советник Чэнь Бода. (Не случайно 21 марта 1967 г. ПК Политбюро принял решение об официальном преобразовании этой комиссии в «Специальную комиссию по расследованию дела Лю Шаоци и Ван Гуанмэй», которая работала под непосредственным контролем и руководством Цзян Цин, Кан Шэна и Се Фучжи.)

24 декабря Ци Бэньюй, выступая в Пекинском горном институте, заявил: «Лю Шаоци и Дэн Сяопин – самые главные руководители, облеченные властью в партии и идущие по капиталистическому пути».

25 декабря 5 тыс. «революционных учащихся и преподавателей» Университета Цинхуа, невзирая на страшный холод, прошествовали к центру города на площадь Тяньаньмэнь, где состоялся массовый митинг «принесения клятвы по окончательному свержению Лю Шаоци и Дэн Сяопина». Они повсюду, включая стену на площади Тяньаньмэнь и уличные витрины, расклеивали дацзыбао и плакаты с надписями «Долой Лю Шаоци! Долой Дэн Сяопина!». «Окончательно разгромить буржуазный штаб Лю Шаоци!». Выкрикивали эти призывы через репродукторы на машинах.

27 декабря «красные охранники» высших учебных заведений Пекина провели на стадионе «Рабочий» массовый 100-тысячный митинг под лозунгом «окончательного свержения буржуазной реакционной линии Лю Шаоци и Дэн Сяопина». От ГКР на митинге присутствовали Ци Бэньюй и Му Синь. Среди выступавших были Не Юаньцзы и Куай Дафу. Не Юаньцзы резко критиковала Лю Шаоци, которого назвала «китайским Хрущевым», и Дэн Сяопина. На митинге заставили выступить дочь Лю Шаоци Лю Тао с критикой своего отца, представив его как «палача культурной революции, представителя реакционной линии», и Ван Гуанмэй как «буржуазного элемента». В тот же день на этом же стадионе состоялся второй аналогичный митинг, на котором при-

существовали Чжоу Энлай, Кан Шэн и Цзян Цин. После этого волна «борьбы с Лю Шаоци и Дэн Сяопином» быстро распространилась по всей стране. Для документированного подтверждения «преступлений» Лю Шаоци по инициативе ГКР в парторганизации страны был разослан текст его «самоанализа», однако без одобрительной пометки Мао Цзэдуна.

По указанию Цзян Цин член ГКР Ци Бэньюй потребовал доставить из Сычуани Пэн Дэхуая для публичной «борьбы» с ним. Его требование поддержал Кан Шэн. 22 декабря по приказу из Пекина Пэн Дэхуай был схвачен хунвэйбинами в Сычуани, где он с 1965 г., выполняя указание Мао Цзэдуна, руководил строительством оборонных предприятий, так называемой «третьей линии» обороны. Декабрьской ночью хунвэйбины из «специальных отрядов по поимке Пэн Дэхуая» (они ссылались на указания Цзян Цин и Ци Бэньюя) ворвались к нему в дом, связали и увезли. 23 декабря они передали его хунвэйбинам организации «Дунфанхун» Пекинского геологического института. 27 декабря 1966 г. Пэн Дэхуая доставили в Пекин на поезде в сопровождении хунвэйбинов. Его поместили в одной из военных частей в пригороде Пекина, где он оказался в изоляции и подвергался избиениям.

1 января 1967 г. Пэн Дэхуай написал последнее в своей жизни письмо Мао Цзэдуну: «Председатель! Вы приказали мне поехать в партком “третьей линии”. Кроме назначения третьим заместителем начальника, другой какой-либо работы мне не давали... 27 декабря под конвоем я был доставлен в Пекин, сейчас нахожусь под стражей... С самым последним приветом к вам! Желаю вам долгих лет жизни!». Ответа на это письмо не последовало. Пэн Дэхуай умер в тюрьме в 1974 г. В последние дни своей жизни Пэн Дэхуай говорил своим тюремщикам: «Я не буду есть пищу от Мао Цзэдуна! Я не буду принимать лекарства от Мао Цзэдуна!».

В конце декабря усилились нападки на главнокомандующего Красной армии Китая — Чжу Дэ, которого в дацзыбао и плакатах называли «крупным милитаристом», «черным главнокомандующим», а также на маршала Хэ Луна как человека, замышлявшего совершить «военный переворот» и «узурпировать власть в армии», Чэнь Юня, Дэн Цыхоя, Ван Жэньчжуна, Ли Цзиньцюаня, Бо Ибо.

В декабре Цзян Цин оклеветала министра угольной промышленности КНР Чжан Линьчи, в результате чего он был незаконно заключен в тюрьму, избит и умер насильственной смертью.

4 января 1967 г. Кан Шэн в Доме ВСНП вручил Куай Дафу подборку выступлений Лю Шаоци за прошлые годы и приказал вернуться в университет и организовать там критику высказываний Лю Шаоци. 6 января Куай Дафу по указанию Цзян Цин, прибегнув к прямому обману (аноним позвонил Ван Гуанмэй и сообщил, что в пекинский госпиталь привезли сбитую машиной ее одиннадцатилетнюю дочь Пинпин с переломом ноги), сумел выманить Лю Шаоци и его супругу из Чжунаньхуа. В больнице Ван Гуанмэй вместо дочери обнаружила толпу хунвэйбинов из Университета Цинхуа, которые на глазах председателя КНР увезли его супругу в университет на массовый «митинг борьбы и критики», где ночь напролет ее унижали и оскорбляли.

7 января 1967 г. в соответствии с заявлением Цзян Цин о «необходимости немедленно арестовать сына Лю Шаоци Лю Юньжо, который поддерживает связи с заграницей» (в свое время он учился в советском вузе) он был схвачен хунвэйбинами и вскоре брошен в тюрьму.

Лю Шаоци потребовал встречи с Мао Цзэдуном. Встреча (она была последней) состоялась глубокой ночью 13 января 1967 г. Лю Шаоци привезли в здание ВСНП, где находился Мао Цзэдун. Лю Шаоци брал на себя вину за «ошибки в линии» на начальном этапе культурной революции, предлагал снять обвинения с подчиненных ему кадров, уволить его со всех постов и позволить выехать в глубинку, чтобы там заниматься сельским хозяйством.

Мао Цзэдун фактически остался без ответа предложения гостя, лишь пожелал ему «хорошенько учиться», почитать Хайдеггера и Дидро, «беречь здоровье». На этом встреча и закончилась. Буквально через несколько дней у Лю Шаоци отключили все телефоны и прервали все его контакты с внешним миром.

Помимо него в декабре 1966 – начале 1967 г. опале подвергся целый ряд кадровых работников высшего ранга: Пэн Чжэнь, Лю Жэнь, Вань Ли, Чжэн Тяньсян, Лу Динъи, Чжан Вэньтянь, Линь Фэн, Ян Сяньчжэнь, Ли Вэйхань, Цзян Наньсян, Лу Пин, Ян Шо, Чжоу Ян, Линь Мохань, Тянь Хань, Ян Ханьшэн, У Хань, Ло Жуйцин, Сяо Сянжун и Лян Бие.



Публичные издевательства
над Пэн Дэгуа (слева) и Чжан Вэньтянем.
26 июля 1967 г.

«Захват власти»

С января 1967 г. культурная революция вступила в новый этап своего развития, известный как «всесторонний захват власти» активистами культурной революции. Он был сопряжен с серьезными общественными беспорядками и социальными потрясениями.

В последние месяцы 1966 г. члены ГКР пытались активизировать движение хунвэйбинов в Шанхае. В октябре Цзян Цин направила туда Не Юаньцзы

для организации разгрома горкома партии. 6 октября выдвиженец культурной революции Ван Хунвэнь, работавший тогда охранником на государственной 17-й хлопчатобумажной фабрике, и его сторонники начали подстрекать массы «сосредоточить атаки на шанхайском горкоме». 9 ноября прошел крупный митинг, на котором было объявлено о создании «Штаба революционных цзаофаней – рабочих Шанхая». В «манифесте» «Штаба» содержался призыв: «Мы должны захватить власть». После митинга демонстрация участников подошла к шанхайскому горкому партии и потребовала, чтобы их признали «революционной массовой организацией». Получив отказ горкома, руководители манифестантов решили ехать в Пекин и встретиться с руководством страны. 10 ноября они силой попытались захватить паровоз для поездки на Север. По указке Ван Хунвэня несколько человек легли на рельсы на железнодорожной станции Аньтин в пригороде Шанхая, и в результате движение поездов на линии Шанхай – Нанкин было прервано более чем на 30 часов. Это событие получило название «Аньтинский инцидент».

Шанхайский горком партии сообщил о происшедшем Чжоу Эньлаю. Чэнь Бода по указанию Чжоу Эньлая подготовил две телеграммы. Первую – в адрес Восточнокитайского бюро ЦК КПК и Шанхайского горкома КПК с указанием не признавать создание шанхайского «Штаба революционных цзаофаней» законным, а задержку поездов – «революционными действиями». (В это время в Китае повсеместно появились организации активистов культурной революции, состоявшие из рабочих и служащих. Они действовали под лозунгом «Бунт – дело правое». Отсюда и их название «цзаофани», т.е. «творящие бунт», «поднявшиеся на бунт против старых порядков».) Вторая телеграмма была адресована шанхайским рабочим, в которой указывалось, что их действия наносят ущерб стране. Для разрешения конфликта ГКР направила в Шанхай Чжан Чуньцяо. 12 ноября он вылетел в Шанхай, а затем посетил Аньтин. Чжан Чуньцяо имел долгую беседу с Ван Хунвэнем, которая, видимо, и убедила его действовать вразрез с директивами, содержащимися в телеграммах Центра. Он согласился с пятью требованиями, выдвинутыми Ван Хунвэнем: признать законным создание «Штаба революционных цзаофаней – шанхайских рабочих», заставить секретаря шанхайского горкома Цао Дицю выступить с покаянием, признать действия рабочих-цзаофаней 9 ноября «революционными», а ответственность за все последствия возложить на Шанхайский горком КПК и Восточнокитайское бюро ЦК КПК. Очень скоро ГКР согласилась с этим мнением, а 16 ноября Мао Цзэдун подтвердил правильность действий Чжан Чуньцяо в Шанхае.

В декабре 1966 г. Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань приняли в Пекине делегацию «Штаба», которая просила, в частности, разрешить шанхайским рабочим сокращать рабочий день до шести–семи часов при условии выполнения производственного задания, чтобы посвящать свободное время проведению кампании. Яо Вэньюань посоветовал цзаофаням вести агитационную работу в рабочих общежитиях.

Так в Китае появилась новая, ставшая вскоре массовой, организация «бунтарей» – цзаофаней. Она формировалась из молодых рабочих, недавно пришедших на производство, из категории лиц «и рабочий, и крестьянин» (крестьяне, на время отпускавшие из коммун в города для работы по найму), из выпускников техникумов и производственных школ при крупных заводах и фабриках, а также из служащих и рядовых деятелей партийно-государственного аппарата. 8 ноября 1966 г. в Пекине был создан Всекитайский главный корпус красных трудящихся-цзаофаней. Его возглавил Ван Чжэньхай. 1 декабря более 300 человек из этой организации напали на цзаофаней Всекитайской федерации профсоюзов. Цзян Цин и ее сторонники в этом конфликте поддержали «корпус», утверждая, что председатель ВФП и его секретари не хотят служить рабочим и их надо изгнать из занимаемого ими здания. Вскоре оно было захвачено Всекитайским главным корпусом.

Цзян Цин и Чэнь Бода одобрили фактический разгон ВФП, предложив рабочим, прибывающим в Пекин, жить в учреждениях Всекитайской федерации профсоюзов и в здании Министерства труда. Цзян Цин и ее сторонники потребовали прекратить деятельность ВФП и закрыть ее печатный орган – газету «Гунжэнь жибао».

2 января 1967 г. при поддержке Цзян Цин «Главный корпус» заставил руководителей федерации профсоюзов и Министерства труда издать «совместное извещение» о достижении соглашения, по которому контрактным, временным и подрядным рабочим разрешалось участвовать в культурной революции и в «захвате власти» на своем производстве, а также восстановить на прежних местах работы и выплатить заработную плату с момента увольнения всем, кто был уволен с 1 июня 1966 г. С 1966 по 1976 г. деятельность профсоюзов была заморожена.

25 ноября 1966 г. на массовом митинге Не Юаньцзы призвала молодежь разгромить Шанхайский горком партии. 30 ноября была сделана попытка штурмом взять редакцию «Цзефан жибао» – органа Шанхайского горкома. Более 200 молодых людей ворвались в редакцию газеты, вынудили сотрудников прекратить ее издание и печатать хунвейбиновскую газету с призывами Не Юаньцзы. Горком партии мобилизовал членов партии на защиту



Вырезка из бумаги: «Хунвейбины учатся у Освободительной армии».

своего печатного органа. Десятки тысяч шанхайцев окружили здание газеты с засевшими там «штурмовиками». После девятидневной борьбы молодые люди были изгнаны из здания, где находилась редакция.

На промышленных предприятиях страны при поддержке парткомов стали создаваться отряды рабочих для противостояния «бунтарям». В Шанхае 26 ноября 1966 г. были организованы отряды *чивэйдуев* («красногвардейцев»), состоявшие из членов комсомола, КПК, старых рабочих, передовиков труда. К декабрю они насчитывали более 400 тыс. человек. В ряде крупных городов местные власти для противодействия хунвэйбинам и цзаофаням организовывали забастовки рабочих с выплатой заработной платы, а иногда и премий, закрывали заводы и фабрики, ограничивали либо прекращали подачу электроэнергии, воды, останавливали работу городского транспорта, прекращали работу в портах. Рабочие за государственный счет направлялись в Пекин для выражения своих экономических требований и с жалобами на бесчинства хунвэйбинов.

Подобные сообщения поступили в столицу из 15 крупных городов, в том числе из Гуанчжоу, Шэньяня, Нанкина, Фучжоу и Шанхая. Прекратили работу 70 тыс. рабочих и служащих Дацинских нефтепромыслов, 10 тыс. из них выехали в Пекин. Вспыхнули забастовки на железных дорогах страны, в частности, было прервано сообщение на линиях Шанхай – Ханчжоу и Шанхай – Нанкин.

Особенно острая ситуация сложилась в Шанхае. В декабре Чжан Чуньцяо отдал распоряжение Ван Хунвэню «бросить своих людей в атаку» против организаций, защищавших партийных и административных руководителей Шанхая. В побоище, устроенном 28 декабря 1966 г. отрядами Ван Хунвэня, 91 человек был убит и ранен. В тот же день рабочие с согласия горкома КПК прекратили работу. Была прекращена подача электроэнергии, воды, не работал транспорт, бездействовали порт и железная дорога.

В последние дни 1966 г. Мао Цзэдун заявил, что следующий год будет годом «развертывания всесторонней классовой борьбы в масштабах всей страны» и завершения культурной революции. 1 января 1967 г. эта идея была изложена в совместной редакционной статье «Жэньминь жибао» и журнала «Хунци» «Довести до конца великую пролетарскую культурную революцию». В ней содержался призыв «развернуть генеральное наступление» и «одержать решающие победы в деле разгрома облеченных властью в партии и идущих по капиталистическому пути», отняв у них власть. 2 января Мао Цзэдун дал указание развернуть в стране классовую борьбу, сосредоточить усилия на «захвате власти» прежде всего в Пекине, Шанхае, Тяньцзине, Северо-Восточном Китае и увеличить ряды «бунтарей» вдвое.

Инициаторы новой политической кампании называли период «захвата власти» «январской революцией», которая связывалась с событиями в Шанхае. Там «захват власти» начался с новых попыток отрядов цзаофаней и хунвэйбинов овладеть центральными городскими газетами «Вэньхой бао» и «Цзефан жибао». 1 января 1967 г. бунтари «Вэньхой бао» получили команду сверху «захватить власть» в своей газете, контроль над которой с осени 1966 г. вновь

стал переходить к горкому. Немедленно последовали атаки на редакцию этой газеты и «Цзефан жибао». К вечеру 3 января редакция «Вэньхой бао» оказалась под контролем нескольких шанхайских цзаофаневских и хунвэйбиновских организаций. 4 января Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань срочно прибыли из Пекина в Шанхай. В тот же день было официально объявлено о «захвате власти» в газете «Вэньхой бао», и она сразу же приступила к публикации передовых статей, посвященных культурной революции.

11 организаций «бунтарей» выступили с «Обращением ко всем жителям Шанхая», опубликованном 5 января в «Вэньхой бао». В нем вина за паралич производства и транспорта возлагалась на руководство горкома партии и городского народного правительства. «Обращение» было высоко оценено Мао Цзэдуном. 5 января вечером цзаофани взяли под контроль газету «Цзефан жибао». В передовой статье «Вэньхой бао» «Да здравствует правда революции! Действия бунтарей назвали «революцией и бунтом». «Бунт, — заявляла газета, — дело правое».

6 января Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань от имени 32 цзаофаневских организаций Шанхая с помощью Ван Хунвэня собрали миллионный митинг, транслировавшийся по местному телевидению. На нем в присутствии руководителей прежнего горкома было объявлено о том, что «бунтари» не признают Цао Дицю секретарем горкома КПК и мэром города, а первый секретарь парткома КПК города Шанхая Чэнь Писянь лишается всех постов. На митинге подверглись критике сотни кадровых работников Шанхайского горкома, Бюро ЦК КПК по Восточному Китаю и городского правительства. После митинга закрылись учреждения и канцелярии, подчинявшиеся горкому КПК и народному правительству Шанхая. 6 января в виду опасности стихийных грабежей и погромов армейские части заняли здания банков и других важных учреждений Шанхая.

8 января «захват власти» в Шанхае поддержал Мао Цзэдун, назвав его законной акцией, «свержением одного класса другим», «великой революцией» и выразив уверенность в том, что шанхайские события означают «хорошие перспективы для всей страны». По свидетельству Чжан Чуньцяо, термины «захват власти» и «январская революция» были предложены самим Мао Цзэдуном.

8 января в Шанхае под руководством Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюаня был сформирован «Командный пункт Шанхая», который превратился в общегородской орган управления. Чуть позднее был создан «Охранный комитет великой пролетарской культурной революции», заменивший собой органы общественной безопасности и суда.

С 9 по 14 января 1967 г. шанхайские цзаофани при поддержке армии штурмовали горком КПК, который защищали рабочие отряды чивэйдуев. 10 января хунвэйбины схватили и водили по улицам двух заместителей мэра Шанхая. 12 руководящих работников этого города были заклеены как «предатели», «шпионы» и «контрреволюционеры».

9 января на страницах «Вэньхой бао» и «Цзефан жибао» было опубликовано «Экстренное уведомление» 32 «революционных бунтарских органи-

заций» во главе с Генеральным штабом революционных рабочих-цзаофаней Шанхая. Уведомление сопровождалось вступительным словом от редакции, где подвергалось нападкам «течение экономизма», а горком обвинялся в том, он «пытался материальными стимулами растлить революционную волю масс». «Экономизм и материальное стимулирование – товар контрреволюционного ревизионизма», – констатировала газета.

События, аналогичные шанхайским (когда рабочие бросали работу и отправлялись в Пекин, рабочим выдавались дополнительные денежные суммы, повышалась зарплата, отключалось водоснабжение, прекращалась работа транспорта и т.п.), имели место и во многих других районах Китая. 10 января радио Фуцзяни сообщило, что 8 января 11 цзаофаневских организаций провинции написали «Обращение ко всему населению провинции Фуцзянь». В нем говорилось, что некоторые партийные руководители провинции перевели политическую борьбу на «порочный путь экономизма» и подстрекали рабочих ехать в Пекин, оставлять производство, провоцировали заторы на транспорте. «Обращение» призывало рабочих «опомниться», «осознать, что их обманули», «вернуться на свои производственные посты», прекратить забастовку и активнее бороться с «экономизмом».

10 января Чэнь Бода, Цзян Цин, Кан Шэн и Чжоу Эньлай встретились с делегациями хунвэйбинов. Чэнь Бода признал сложность положения, сложившегося в стране. Вину за срыв железнодорожного сообщения он возложил на Министерство железных дорог и его сотрудников, в первую очередь на министра Люй Чжэнцао. С нападками на «экономизм» выступили Цзян Цин и Чжоу Эньлай. Последний в том числе подверг критике руководителей Дацина за то, что те «зазнались в последние два года», проводят «экономизм», отправили 70 тыс. рабочих и служащих Дацина на «революционную смычку», дают им все, что те пожелают: деньги, билеты на поезд.

11 января в закрытом порядке было издано «Уведомление ЦК КПК о борьбе с экономизмом». В документе утверждалось, что «горстка облеченных властью в партии» с целью подрыва культурной революции, «используя различные приемы экономического подкупа, ... пытаются увлечь часть революционных масс на вредный путь экономизма», «подстрекают массы... требовать материальных благ», побуждают тех, кто был послан из городов в деревню, возвращаться обратно. «Уведомление» квалифицировало такие действия как направленные на подрыв культурной революции и предлагало направленным в деревню «спокойно участвовать в сельскохозяйственном производстве». Всем банкам предписывалось отказывать «в оплате расходов, не отвечающим государственным установлениям»; предприятия коллективной собственности, кустарные и торговые кооперативы предлагалось обращать в государственную собственность. Вместе с этим документом было издано закрытое «Уведомление ЦК КПК и Госсовета КНР о пресечении разлагающего воздействия “экономизма” на массы». 12 января 1967 г. появилась совместная передовая статья «Жэньминь жибао» и «Хунци» «Выступим против экономизма, разгромим новую контратаку буржуазной реакционной линии», проект которой Чжоу Эньлай отослал 11 января

в ЦК КПК, Госсовет, Военный совет ЦК и ГКР и которую одобрил Мао Цзэдун.

Залогом победы «бунтарей» в Шанхае стала не только их поддержка со стороны Мао Цзэдуна и ГКР, но и нейтрализация ими командования воинских частей, которые поддерживали Чэнь Писяня. 21 января 1967 г. трагически погиб при невыясненных обстоятельствах заместитель командующего ВМС НОАК, командующий флотом Восточного моря, заместитель командующего Нанкинским военным округом Тао Юн. Его труп был найден в канализационном колодце на территории штаба флота в Шанхае. Известно, что Тао Юн какое-то время укрывал шанхайских лидеров Чэнь Писяня и Цао Дицю в расположении штаба флота Восточного моря. После жестоких допросов погибла и его жена.

Часть армейского руководства на местах поддерживала местных партийных функционеров, выступала в их защиту от наскоков хунвэйбинов и цзаофаней. Чтобы сломить сопротивление военных, Мао Цзэдун решил провести «чистку» и реорганизацию Всеармейской группы по делам культурной революции (ВГКР). Особое недовольство Цзян Цин и ее сторонников вызывал заместитель начальника Главпура НОАК Лю Чжицзянь, возглавлявший Всеармейскую группу. 5 января 1967 г. был опубликован его «самоанализ», а помещение группы опечатано. В тот же день в печати прошло сообщение о его «преступлениях». К тому времени уже был изолирован заместитель председателя Военного совета ЦК КПК маршал Хэ Лун. Он погиб в заключении в 1969 г.

В начале января Военный совет ЦК КПК с санкции Мао Цзэдуна провел в Пекине летучее совещание, обсудившее вопросы развертывания культурной революции в армии. Линь Бяо призвал к развитию «демократии» в НОАК, дифференцированным наказанием для совершивших политические проступки «некоторых старых кадровых работников»: от «сожжения», т.е. полного уничтожения, и тюремного заключения до «надевания (дурацких) колпаков», вывешивания дацзыбао и «простой критики». Цзян Цин, Чэнь Бода и Кан Шэн обвинили НОАК в «скатывании к ревизионизму» и требовали развернуть там кампанию «четыре больших» (широкое высказывание мнений, полное изложение взглядов, широкие дискуссии и вывешивание дацзыбао). На совещании им противостояли Е Цзяньин, Сюй Сянцян, Не Жунчжэнь и ряд других членов Военного совета, считавшие, что самая важная задача армии — это военная подготовка, поэтому необходимо сохранять в ней стабильность, а не дезорганизовывать ее идеологическими кампаниями и травлей военных кадров.

10 января 1967 г. члены ГКР Гуань Фэн и Ван Ли подготовили проект предложений «по вопросу о пропаганде курса» газетой НОАК. В проекте предлагался лозунг: «До конца разоблачить горстку стоящих у власти и идущих по капиталистическому пути в армии». Так для устранения «оппонентов» в армейских частях появился лозунг — «вытащить горстку (идущих по капиталистическому пути) в армии».

В русле курса на «захват власти» с декабря 1966 г. началась массированная критика члена ПК Политбюро, секретаря ЦК КПК Тао Чжу, имя которого

ГКР связала с именами Лю Шаоци и Дэн Сяопина. Он подвергся нападкам как «новый представитель в ЦК реакционной буржуазной линии», «самый крупный монархист» (т.е. сторонник Лю Шаоци) в стране. 11 января 1967 г. на заседании Политбюро, которое вел Линь Бяо, среди принятых документов были решение о лишении права участия в заседаниях Политбюро ЦК КПК Лю Шаоци, Дэн Сяопина, Тао Чжу, Чэнь Юня и Хэ Луна и решение ЦК КПК «Относительно экономизма». Всеармейская группа по делам культурной революции была подчинена, помимо Военного совета ЦК КПК, также непосредственно ГКР при ЦК КПК. Руководителем группы был назначен Сюй Сянцян, его заместителями – Сяо Хуа и Ян Чэнь, советником – Цзян Цин. От ГКР в группу были введены в качестве заместителей руководителя Гуань Фэн и Се Танчжун, членом группы стала и жена Линь Бяо Е Цюнь. Военный совет ЦК КПК продублировал это решение и издал уведомление о «реорганизации» ВГКР, утвержденное Мао Цзэдуном. На заседании от имени ЦК КПК, Госсовета КНР, Военного совета ЦК и ГКР была направлена поздравительная телеграмма «организациям революционных цзаофаней Шанхая», в которой «все партийные организации и органы власти, армия и народ всей страны» призывались перенимать шанхайский опыт и «приступать к активным действиям».

13 января Цзян Цин заявила, что «не следует считать, что в армии нет борьбы двух линий», в настоящее время там «борьба линий резко обострилась». В тот же день дочь Мао Цзэдуна Ли На вывесила в редакции армейской газеты «Цзефанцзюнь бао» дацзыбао с нападками на газету, которая поспешила «исправиться» и уже 14 января 1967 г. в передовой статье назвала объектом культурной революции в армии «горстку облеченных властью и идущих по капиталистическому пути, а также ничтожное число твердолобых, упорно проводящих буржуазную реакционную линию». На следующий день эту статью перепечатала «Жэньминь жибао», распространив тем самым лозунг «борьбы с горсткой в армии» на всю страну.

13 января ЦК КПК и Госсовет издали «Некоторые установки по усилению работы в области общественной безопасности в период культурной революции», предупреждавшие о наказании по закону тех, кто «обрушится с нападениями и клеветой» на Мао Цзэдуна и Линь Бяо. Вскоре в список тех, кого запрещалось критиковать, были включены Цзян Цин, Кан Шэн и Чэнь Бода.

К тому времени между организациями хунвэйбинов и цзаофаней стали возникать многочисленные конфликты, доходившие до применения оружия, возникали столкновения между «бунтарскими» организациями и военными частями. Поэтому были приняты меры и к ограничению нападков «бунтарей» на армию. 14 января ЦК КПК выпустил указание, запрещающее направлять острие борьбы на армию, так как она «несет ответственность за подготовку к войне и защиту государства». 12 января данный материал одобрил Мао Цзэдун.

19–20 января 1967 г. на расширенном совещании Военного совета ЦК КПК Е Цзяньин, Сюй Сянцян, Не Жунчжэнь и другие ветераны партии и НОАК высказались за сохранение в армии стабильности и против развертывания

в ней кампании «широких дискуссий и полного высказывания своих взглядов». Им противостояли Цзян Цин, Чэнь Бода, Кан Шэн. Е Цюнь, Чэнь Бода и Цзян Цин выступили, в частности, с нападками на начальника Главпура НОАК Сяо Хуа. По окончании совещания тому едва удалось ускользнуть от цзаофаней через черный ход. В тот же день вечером у него дома был произведен обыск.

Вскоре были сняты с постов четыре заместителя начальника Генштаба, арестованы 20 его высокопоставленных работников, отстранены от работы начальни-



Цзян Цин во время «культурной революции». Февраль 1967 г.

ки ряда отделов и их заместители. 52 кадровых военных работника Генштаба подверглись репрессиям, четверо из них скончались. В Главном управлении тыла НОАК репрессиям подверглись 3224 человека, из них 143 погибли. Репрессии коснулись свыше 70% командных кадров (многие были изувечены или убиты, попали в тюрьму, сосланы в деревню на «трудовое воспитание»). В 1980 г. в обвинительном документе по делу «четверки» и Линь Бяо признавалось, что «на основании надуманных обвинений» в НОАК от клеветы и травли пострадали 80 тыс. человек, 1169 высокопоставленных военных погибли.

Отряды цзаофаней совместно с хунвэйбинами приступили к «захвату власти» по всей стране. Как и в Шанхае, они начинали с захвата печатных органов парткомов разного уровня. 12 января появились сообщения о смене руководства редакций «Жэньминь жибао», «Цзефанцзюнь бао», агентства Синьхуа, центральной радиостанции и других пропагандистских учреждений.

19 января «Жэньминь жибао», подводя итоги захвата власти в провинциальных газетах, опубликовала передовую статью «Пусть идеи Мао Цзэдуна овладеют газетами», где впервые была опубликована положительная оценка Мао Цзэдуном «захвата власти» в двух шанхайских газетах. Информация о «захвате власти» в Шанхае была широко распространена по личному указанию Мао Цзэдуна.

Так во второй декаде января 1967 г. началась «январская революция» — цепь «захватов власти» в провинциальных центрах Китая и генеральное наступление на противников культурной революции.

«Первый захват власти» на провинциальном уровне был осуществлен в Шаньси, где «Генеральный штаб революционных цзаофаней провинции», в который входили 25 массовых организаций цзаофаней, хунвэйбинов, местных военных и руководящих кадровых работников, отстранил от власти местные партийные и административные органы. Примечательно, что участники

«захвата власти» в Шаньси опирались на провинциальный военный округ, а 14 января штаб округа обнародовал извещение с критикой «горстки облеченных властью» из Шаньсийского провинциального комитета КПК, «совершивших вопиющие преступления». Обращает на себя внимание то обстоятельство, что «захват власти» в провинции произошел 12 января 1967 г., а первое извещение штаба округа, составленное 14 января, было опубликовано только 25 января в «Жэньминь жибао». Там сообщалось, что «после победоносного захвата власти пролетарскими революционерами в Шанхае это («захват власти» в Шаньси. — В.У.) еще одна великая победа в борьбе за взятие власти у горстки облеченных властью, находящихся в партии и идущих по капиталистическому пути, одержанная в пределах целой провинции».

Однако известно, что к 12 января в Шанхае власть еще оставалась в руках местных партийных и административных органов. Таким образом, в Пекине предвосхищали события, чтобы пальму первенства в деле «захвата власти» приписать Шанхаю. Развернувшаяся с 25 января пропаганда метода «захвата власти» «соединением трех сторон» (армии, кадровых работников и масс) свидетельствовала об осознании в Пекине того факта, что таким образом «захват» достигается с большим успехом, чем силами только цзаофаней. Тем более что к тому времени уже было принято решение об участии армии в культурной революции.

Инициаторы культурной революции считали, что в столице кампания проводится слишком вяло. 18 января Чжоу Эньлай отметил, что «захват власти» в Пекине уже осуществляется, а на следующий день в дацзыбао сообщалось, что первый секретарь горкома Ли Сюефэн, назначенный на этот пост только в 1966 г., выведен из состава горкома, а второй секретарь У Дэ схвачен «бунтарями». Одновременно хунвэйбины и цзаофани стали «захватывать власть» в центральных учреждениях Пекина, министерствах, ведомствах, учебных заведениях. К 21 января было объявлено о «захвате власти» в 300 ведомствах столицы.

После призывов Мао Цзэдуна к «захвату власти» один за другим были смещены с занимаемых постов первые секретари комитетов КПК в Шанхае, в провинциях Хубэй, Цзилинь, Фуцзянь, Цзянсу, Шаньдун, Аньхой, Чжэцзян и Цзянси, а также многие другие руководители центральных ведомств, провинциального звена и вооруженных сил. В результате травли и издевательств были доведены до самоубийства первые секретари комитетов КПК провинций Юньнань и Шаньси. Министра угольной промышленности Чжан Линьчжи хунвэйбины и цзаофани забили до смерти. В обвинительном заключении (ноябрь 1980 г.) по делам группы Линь Бяо и Цзян Цин отмечалось, что по их вине были сфабрикованы дела против «более 30 секретарей горкомов КПК, председателей народных комитетов и их заместителей».

Как в центре, так и на местах усиливалась фракционная борьба, противоречия между организациями «бунтарей» переходили в вооруженные столкновения. Военным приходилось брать сторону одной из борющихся «за захват власти» групп. Беспорядки принимали все большие масштабы. «Бунтари» стали замахиваться и на Цзян Цин, Кан Шэна, Линь Бяо, Чжоу Эньлая

и Се Фучжи. Так, ряд организаций учащихся создал «пункт связи по проверке Кан Шэна». Хунвэйбины 26-й средней школы Пекина подвергли нападкам в своих материалах членов ГКР, Министерство общественной безопасности, предлагали «зажарить» Се Фучжи и одного из лидеров столичных хунвэйбинов Куай Дафу, требовали «ниспровергнуть» Чжоу Энляя, обещали в феврале «утопить Пекин в крови».

В конце января в Шихэцзы (Синьцзян) «бунтари» пошли на штурм воинской части. В Чэнду возник аналогичный инцидент, получивший название «подавление бунта» – столкновение между армией и «бунтарями»-цзаофанями. В Синине (пров. Цинхай) армия была вынуждена нанести ответный удар, когда «бунтари» во время штурма военных объектов начали стрельбу. В Гуандуне, Внутренней Монголии, Аньхое, Хэнани, Хунани, Фуцзяни, Тибете и других районах то и дело возникали такого рода инциденты, сопровождавшиеся человеческими жертвами.

В большинстве районов страны было приостановлено производство, не работал транспорт.

Линь Бяо заявлял в тот период, что в стране складывается ситуация «настоящей гражданской (или внутренней) войны». В крупных городах массовый наплыв иногородних хунвэйбинов и цзаофаней создавал хаос. Инициаторы культурной революции стали срочно решать, как более действенно контролировать положение на местах. «Контроль над властью неизбежен», – заявил Мао Цзэдун 21 января 1967 г. и потребовал издать соответствующий документ по этому вопросу. 23 января ЦК КПК, Госсовет, Военный совет ЦК и ГКР приняли решение «Относительно решительной поддержки революционных левых масс Народно-освободительной армией», одобренное Мао Цзэдуном. В нем говорилось о недопущении «невмешательства» армии в культурную революцию, о том, что «впредь следует удовлетворять просьбу подлинных революционеров, когда они обращаются за помощью и поддержкой к НОАК». В то же время армии приказывали «решительно подавлять контрреволюционные правые элементы, выступающие против революции», если те берутся за оружие. В документе подчеркивалось, что «армия не должна быть убежищем для горстки облеченных властью и идущих по капиталистическому пути» – видимо, имелось в виду, что некоторые партийные и государственные деятели скрывались от преследований хунвэйбинов и цзаофаней в расположении воинских частей и штабов. Известно, что, несмотря на эти «директивы», на территории Пекинского военного округа у военных находили убежище такие опальные руководители, как Чэнь И, Хэ Лун, Сюй Сянцян, Пэн Чжэнь и др.

В Военном совете ЦК КПК была организована специальная «группа по поддержке левых», руководителем которой был назначен кооптированный в нее Се Фучжи. Аналогичные группы были созданы в каждом округе. Се Фучжи выезжал в районы, где борьба за «захват власти» принимала особенно ожесточенный характер, и разрешал конфликты от «имени и по поручению ЦК КПК». В случае необходимости туда бросали части особого назначения либо специальную воинскую часть № 8341 под командованием бывшего начальника охраны Мао Цзэдуна Ван Дунсина, подчинявшуюся Военному

совету ЦК КПК и несшую охрану важнейших учреждений и района проживания руководителей партии. Пекинский военный округ послал более 4100 кадровых работников в Пекинский университет, Университет Цинхуа, Авиационный, Геологический и Горный институты. Более 20 тыс. студентов и преподавателей были направлены на 20-дневные военные сборы. Такие методы позволяли разряжать ситуацию в вузах.

Ряд военных руководителей продолжали настаивать на стабилизации положения в армии, на запрещении формирования там «боевых отрядов» типа хунвэйбиновских и цзаофаневских. Они требовали, чтобы армия действовала на основе приказов и уставов, а не директив ГКР.

Так, на одном из совещаний Постоянного комитета Военного совета ЦК КПК несколько заместителей председателя совета прямо дали понять министру обороны Линь Бяо, что хаос в армии и «Поднебесной» чреват утратой опоры и самого министра. В результате острых дискуссий было принято компромиссное решение о недопустимости «широкой демократии» в армии, сделав исключение для военных академий и училищ, в которых, тем не менее, не допускались «смычки» с организациями «бунтарей». Это положение нашло отражение в приказе Военного совета ЦК КПК от 28 января 1967 г.

После официального решения об участии НОАК в культурной революции военные фактически стали устанавливать свой контроль над страной. В органах массовой информации стал широко рекламироваться «шаньсийский образец» «захвата власти». К середине февраля 1967 г. под военный контроль было взято более 6900 ведомств. Эти меры получили название «три поддержки, два военных» (поддержка левых, рабочих и крестьян; военный контроль и военное обучение). Для осуществления этого курса НОАК направила в разные районы страны более 2800 тыс. своих представителей.

5 февраля в Шанхае Чжан Чуньцяо официально провозгласил органом новой власти в городе «Шанхайскую народную коммуну». Чэнь Бода написал проект ее устава. Такие же городские «коммуны» вскоре были созданы в Харбине, Чунцине и некоторых других городах. Хотя основания для создания таких органов давали решения 11-го пленума ЦК КПК, Мао Цзэдун, узнав о реализации этой инициативы ГКР и о предложении переименовать КНР в «Китайскую Народную Коммуну», подверг всё это критике, заявив, что если признать «шанхайскую коммуну» и переименовать государство, это вызовет трудности с признанием Китая в мире. «Это такой крупный вопрос, — а вы его решаете, не спросив указаний, издаете приказы и распоряжения», — обвинил Мао Цзэдун членов ГКР в желании создать «независимую вотчину». 6 февраля на расширенном совещании ПК Политбюро ЦК он продолжил критику ГКР, напомнив, что ему надо подавать на просмотр подготовленные документы, еженедельно собираться у него для обсуждения назревших вопросов, а текущей работой больше должен заниматься премьер.

После того, как Мао Цзэдун подверг критике идею территориальных «коммун», их стали распускать, а вместо разогнанных парткомов и народных комитетов начали создавать «революционные комитеты». В «ревкомах» концентрировалась вся политическая власть на местах; они ведали партийными

и административными делами, экономикой, образованием, культурой и финансами.

Процесс создания ревкомов шел с большим трудом. Зимой и весной 1967 г. было создано всего шесть ревкомов: в Хэйлунцзяне, Шаньдуне, Шанхае, Гуйчжоу, Шаньси и Пекине. В большинстве районов страны ряд организаций цзаофаней, чивэйдуев, рабочих и служащих, выступавших в защиту парткомов, объявляли ревкомы реакционными и разгоняли их. В отдельных провинциях (Чжэцзян, Хубэй, Цинхай, Сычуань, Гуандун, Цзилинь, Внутренняя Монголия, Гуанси, Цзянси) руководители местных военных округов и гарнизонов приняли сторону парткомов, использовали лозунг «соединения трех сторон» и право военного контроля в целях нейтрализации организаций, связанных с ГКР. В таких районах борьба принимала наиболее ожесточенный и кровопролитный характер. В отдельных случаях партийными органами организовывался «контрзахват власти» с опорой на собственные массовые организации. «Штаб Мао Цзэдуна» объявил такие действия «ложными захватами власти».

К февралю 1967 г. даже Мао Цзэдун пришел к выводу, что ГКР «заменила собой Секретариат ЦК». Однако смена курса не входила в его намерения.

11 и 16 февраля в Пекине под руководством Чжоу Эньлая были проведены совещания с участием членов Политбюро ЦК КПК, руководителей Военного совета ЦК КПК, Госсовета КНР и членов ГКР. Со стороны оппонентов ГКР наиболее активное участие в полемике принимали Е Цзяньин, заместитель премьера Госсовета КНР Тань Чжэньлинь и Чэнь И.

Так, Е Цзяньин обвинил Чэнь Бода и его сторонников в том, что они не поставили на обсуждение на заседании Политбюро вопросы о «захвате власти» в Шанхае и о создании «Шанхайской коммуны», вносят смуту в партийные ряды, дезорганизовали работу правительства, промышленных предприятий и пытаются вызвать беспорядок в армии. Ли Сяньнянь и Тань Чжэньлинь обратили внимание присутствующих на то, что дискредитация старых кадров лишает революцию опоры. Они обвинили ГКР в том, что ее «цель — полное избавление от старых кадров». События в Шанхае они определили как «контрреволюционный захват власти». Чэнь И обвинил членов ГКР и Линь Бяо в том, что «они рвутся к власти», впадают в ревизионизм, и напомнил, что не следует забывать уроки Яньани, когда в отношении многих членов партии были совершены ошибки. Тань Чжэньлинь, Не Жунчжэнь, Ли Сяньнянь и их сторонники выступили в защиту подвергшихся репрессиям членов семей опальных кадровых работников.

Впоследствии подобные совещания с участием членов Политбюро ЦК КПК, Военного совета ЦК и Госсовета КНР для решения практических вопросов больше не созывались. Была приостановлена работа Политбюро и его функции были полностью переданы ГКР.

Сразу же после совещания члены ГКР Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань и Ван Ли встретились с Цзян Цин и обсудили сложившуюся на совещании обстановку. Цзян Цин определила ее как отражение «нового витка борьбы» противоположных политических линий. По ее совету Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань

и Ван Ли срочно составили «Протокол совещания 16 февраля (1967 г.) в Хуайжэньтане» в Пекине и передали его Цзян Цин, которая 17 февраля доложила Мао Цзэду. Тот поддержал действия членов ГКР. Хотя ветераны партии прямо не критиковали культурную революцию, но их заявления о том, что «нынешние чистки являются самыми жестокими в истории партии», вызывали явное недовольство Мао Цзэда, как и напоминание Чэнь И о перегибах «яньаньского чжэнфэна» в 1940-х годах.

В ночь с 18 на 19 февраля Мао Цзэдун срочно собрал на совещание часть членов Политбюро ЦК (присутствовали Чжоу Эньлай, Е Цюнь вместо Линь Бяо, Кан Шэн, Ли Фучунь, Е Цзяньин, Ли Сяньнянь и Се Фучжи), на котором подверг суровой критике ветеранов партии, утверждая, что острие их выступлений направлено против него, Линь Бяо и членов ГКР. Мао Цзэдун заявил, что совещание свидетельствует о попытках «восстановить капитализм» и следует обязать Чэнь И, Тань Чжэньлиня и Сюй Сянцзяня «проанализировать открыто свои ошибки».

С 25 февраля по 18 марта 1967 г. в Пекине было проведено семь совещаний на высоком уровне, на которых Цзян Цин, Чэнь Бода, Кан Шэн и Се Фучжи повели решительное наступление на своих оппонентов, обвинив их в «подготовке правительственного переворота» и попытке «восстановить капитализм», «защитить горстку стоящих у власти предателей и спецагентов». Тань Чжэньлинь, Чэнь И и Сюй Сянцзянь вынуждены были выступить с «самокритикой».

К сторонникам «февральского противотечения» были причислены также Чэнь Юнь и Чжу Дэ. 14 марта по инициативе Линь Бяо, Цзян Цин, Чэнь Бода и Кан Шэна в Пекине была проведена 100-тысячная демонстрация против попыток «контрреволюционной реставрации», как оценил выступления ветеранов Мао Цзэдун. Была развернута кампания «нанесения контрудара сверху донизу по всекитайскому регрессивному движению реставрации».

Огонь критики был сосредоточен в первую очередь на заместителе премьера Госсовета КНР Тань Чжэньлине, который курировал сельское хозяйство. 8 марта более тысячи хунвэйбинов организации «Цзинганшань» из Пекинского педагогического университета устроили погром на сельскохозяйственной выставке столицы, выкрикивая лозунг «Добьем Тань Чжэньлиня!». Аналогичные действия были предприняты 10 марта во время устроенного на выставке митинга. 14 марта была организована 100-тысячная манифестация с требованиями «добить Тань Чжэньлиня, Чэнь И, Е Цзяньина, Ли Фучуня, Ли Сяньняня, Сюй Сянцзяня и Не Жунчжэня», «защитить членов ГКР», «нанести удар по февральскому противотечению».

Однако такие действия встретили сопротивление со стороны части руководящих кадров КПК и военачальников, столкнувшись с которым, Мао Цзэдун и его единомышленники начали лавировать. С одной стороны, они стремились несколько успокоить сторонников «февральского противотечения» (были освобождены из заключения некоторые руководители организации «Ляньдун»), а с другой – вели подготовку к новому, еще более мощному наступлению на своих политических противников.

В центральной прессе появились статьи об отношении к кадровым работникам, где рекомендовалось ограничить круг лиц, против которых «ведется борьба», привлекать на сторону «революции» кадры среднего звена. 12 февраля 1967 г. было принято уведомление, в котором запрещалось создавать молодежные организации всекитайского масштаба, а уже созданные организации предписывалось распустить. Затем вышло распоряжение из Пекина о повсеместной ликвидации «пунктов связи» хунвэйбинов и цзаофаней. 7 марта 1967 г. последовало указание Мао Цзэдуна армии «раздельно по срокам и группам приступить к военному обучению учащихся вузов и школ». 19 марта вышла директива ЦК КПК о прекращении всекитайских «великих смычек» — крупных слетов «бунтарей».

Культ Мао Цзэдуна в тот период достиг невиданных масштабов. Придя на работу, люди выстраивались перед портретом «любимого вождя» и троекратно кланялись, мысленно испрашивая «указаний», которые помогли бы справиться со стоявшими перед ними задачами. Ритуал повторялся вечером в форме доклада о достигнутых за день результатах. На городских вокзалах портрету трижды кланялись отправляющиеся в путь — в противном случае их просто не пускали в вагон. В сельских районах свиней клеймили иероглифом *чжун* («верность») в знак того, что гений председателя Мао признают даже бессловесные твари. Его работы называли «драгоценными трудами», появление в продаже каждой новой работы предвещалось пышной и шумной церемонией. Вся страна заучивала наизусть изречения из красных «цитатников», без значка с портретом Мао Цзэдуна люди не решались выйти на улицу. Операторы телефонных станций приветствовали абонентов фразой «Да здравствует председатель Мао!». Обязательной цитатой из трудов вождя начинались деловые письма, цитаты должны были быть на первой странице любой книги. «Цитатникам» приписывалась магическая сила: с их помощью хирурги проводили операции, считалось, что благодаря этому прозревали слепцы и начинали слышать глухонемые.

В марте–апреле 1967 г. проводниками культурной революции была развернута деятельность по «захвату предателей» и «широкой революционной критике».



«Эпидемия» поклонения значкам с изображением Мао Цзэдуна

К марту Кан Шэн сфабриковал дело о «группе из 61 предателя», к которой были отнесены многие старые партийные и военные руководители, включая бывшего председателя Госэкономкомитета Бо Ибо, бывшего заведующего Орготделом ЦК КПК Ань Цзывэня, бывшего первого секретаря Северо-Западного бюро ЦК КПК Лю Ланьтао (подвергался критике еще в декабре 1966 г.), Ян Сяньчжэня. Им вменялось в вину то, что в 1936 г. они по инструкции Лю Шаоци написали формальные заявления о выходе из КПК и были в этой связи освобождены из гоминьдановских тюрем. Всего же «дело 61 предателя» привело к репрессиям против 10 тыс. человек, которых объявили «изменниками, явившимися с повинной врагу». 16 марта 1967 г. на представленные Кан Шэном «материалы» Мао Цзэдун наложил резолюцию: «В партийные, правительственные, военные, гражданские организации проникла горстка контрреволюционеров, правых элементов, перерожденцев». Он потребовал их «выявить», т.е. официально санкционировал травлю и преследование. В тот же день ЦК КПК издал специальный документ «Предварительная проверка вопроса о предательстве Бо Ибо, Лю Ланьтао, Ань Цзывэня, Ян Сяньчжэня и других лиц, отдавших себя в руки (гоминьдановских) властей». Они были реабилитированы только в декабре 1978 г.

В конце марта 1967 г. на совместном заседании ЦК КПК и Военного совета ЦК Мао Цзэдун и его сторонники вывели Лю Шаоци и Дэн Сяопина из Политбюро, а также отстранили их от политической деятельности. Была сформирована специальная «группа по особому делу Лю Шаоци». Это было достигнуто ценою обещаний наделить более широкими полномочиями армейских руководителей, главным образом командующих большими военными округами.

В начале апреля 1967 г. с санкции Мао Цзэдуна в печати началась широкая кампания критики Лю Шаоци. Ее открывала статья Ци Бэньюя «Патриотизм или национальное предательство (о реакционном кинофильме «Тайны Цинского двора»)», опубликованная в «Жэньминь жибао» и «Хунци» 1 апреля. Критику исторического фильма автор использовал для нападок на Лю Шаоци (его имя не называлось, но в статье шла речь о «стоящем у власти и в партии самом крупном лице, идущем по капиталистическому пути»), а также на Дэн Сяопина («второе самое крупное в партии лицо, находящееся у власти и идущее по капиталистическому пути»). В статье превозносились заслуги Цзян Цин в борьбе против «первого лица». Еще до публикации Мао Цзэдун внес в статью небольшую правку и одобрил ее, а позже отнес статью к числу «программных», открывающих «новый этап» в развитии культурной революции. Лю Шаоци написал письмо Мао Цзэдуну, опровергая содержащуюся в статье клевету, но ответа не получил. 6 апреля «бунтари» ворвались в дом Лю Шаоци, устроив митинг борьбы и критики председателя КНР. 7 апреля 1967 г. Лю Шаоци направил руководству партии страны еще одно письмо с опровержением выдвинутых против него обвинений. Это письмо неожиданно появилось с комментариями в форме дацзыбао, вывешенной в Чжуннаньхае. 10 апреля в Университете Цинхуа «красные охранники» собрали 300 тыс. человек на

митинг, на котором критике подвергли супругу Лю Шаоци Ван Гуанмэй, взятую под арест еще 13 сентября 1966 г.

2–18 апреля 1967 г. прошло расширенное совещание Военного совета ЦК КПК, на котором присутствовали представители военных округов, члены ГКР, Линь Бяо, Кан Шэн. 12 апреля Цзян Цин в своем выступлении уведомила присутствующих, что ГКР фактически является Секретариатом ЦК КПК, а она сама – секретарем Мао Цзэдуна. На совещании резкой критике со стороны Линь Бяо, Цзян Цин, Чэнь Бода, Чжан Чуньцяо и Кан Шэна подвергся Лю Шаоци. Он объявлялся покровителем «61 предателя», которые «проводили только антипартийную организационную линию Лю Шаоци».

Вскоре с делом Лю Шаоци связали дела «предательских группировок» Синьцзяна (против членов КПК, арестованных в сентябре 1942 г. милитаристом Шэн Шицаем и освобожденных только в 1946 г.), Северо-Восточного Китая (против бывших руководителей Бюро ЦК КПК по Северо-Восточному Китаю) и др. Одновременно были сфабрикованы дела членов КПК, работавших в подполье в период антияпонской и освободительной войны в Пекине, Тяньцзине, Шанхае, провинциях Гуандун, Сычуань, Юньнань и других



«Враги» культурной революции

районах. Только в Гуандуне по этому делу репрессиям подверглись более 7 тыс. человек.

8 мая в «Жэньминь жибао» и «Хунци» опубликовали редакционную статью Ци Бэньюя «Главное зло книги “О самовоспитании коммуниста” — измена диктатуре пролетариата». Статья явилась реакцией на мартовское указание Мао Цзэдуна по вопросу о критике работы Лю Шаоци. Статью правили члены ГКР и сам Мао Цзэдун. Он охарактеризовал книгу Лю Шаоци как «произведение, представляющее классическую форму ревизионизма», как «антимарксистскую книгу», которая «оказывает очень вредное влияние как внутри страны, так и за ее пределами».

В статье «доказывалась» абсолютная непримиримость взглядов Мао Цзэдуна и Лю Шаоци — «мнимого марксиста и подлинного ревизиониста». В уведомлении ЦК КПК, разосланном по стране 11 мая 1967 г., подчеркивалось, что «статья утверждена лично Мао Цзэдуном» и с ее помощью «нанесен точный удар по самому крупному лицу в партии, обремененному властью и идущему по капиталистическому пути».

После этого поднялась новая, еще более массированная волна критики Лю Шаоци в печати. По указанию «спецгруппы по расследованию преступлений Лю Шаоци и Ван Гуанмэй» из людей пытками выбивали ложные признания для фабрикации обвинений. К сентябрю 1967 г. в официальной и хунвэйбиновской печати было опубликовано в общей сложности более 150 статей с критикой Председателя КНР.

Всё это свидетельствовало о том, что, с точки зрения Мао Цзэдуна, именно Лю Шаоци был для него главным политическим противником и главной мишенью при проведении культурной революции; при этом Лю Шаоци фактически называли предателем нации Китая и диктатуры пролетариата, т.е. одновременно и национальным и классовым предателем. Далеко не случайно Лю Шаоци при всем этом называли «подлинным ревизионистом»; очевидно, что это делали с тем, чтобы соединять в умах читателей статьи это обвинение с термином «советские ревизионисты».

12 мая ЦК КПК издал документ, получивший известность как «Директива от 12 мая 1967 г.». В ней осуждались руководители государственного комитета по делам физкультуры и спорта, в том числе маршал Хэ Лун (курировавший этот комитет), председатель комитета Жун Гаотан и др. Начались преследования сотрудников этого комитета, в результате пострадали более 900 человек. Под руководством нового главы комитета Лю Чансиня в бассейне Пекинского института физкультуры были устроены камеры пыток, через которые прошли 314 человек, в том числе министр просвещения Цзян Наньсян.

16 мая 1967 г. в центральных газетах впервые было опубликовано «Сообщение ЦК КПК», принятое ровно за год до того. При содействии приверженцев Мао Цзэдуна создавалась «Организация 16 мая». Ее члены считали, что многие пункты и установки «Сообщения» не выполняются. Организация получила от органов безопасности обширное досье на многих руководителей КПК. В ряде крупных городов у организации были филиалы, которые назывались «армиями». Они имелись в системе учреждений Госсовета КНР,

Министерства обороны, МИДа, в органах пропаганды, а также в учебных заведениях. Организация требовала устранить Чжоу Эньлая и всех заместителей премьера Госсовета КНР. Руководили «Организацией 16 мая» Ван Ли, Ци Бэньюй и Гуань Фэн, а главным вдохновителем была Цзян Цин. С помощью вооруженных отрядов молодежи они намеревались осуществить «захват власти» в МИД и учреждениях Госсовета. Резиденция руководства партии и правительства Чжуннаньхай была окружена 200 тыс. хунвэйбинов и цзаофаней. У ее стен возникли палаточные городки, где с утра до глубокой ночи проводились митинги, писались и расклеивались дацзыбао, листовки и малоформатные газеты с изложением «преступлений» критикуемых и требований к ним. Ежедневно с 5 часов утра окружавшие Чжуннаньхай толпы начинали громко скандировать через громкоговорители: «Долой Лю Шаоци!». При поддержке членов ГКР «красные охранники» штурмовали ворота Чжуннаньхай, местонахождения высших партийных и правительственных учреждений и резиденций их руководителей, пытаясь ворваться внутрь.

18 июля на квартире Лю Шаоци были произведены обыск и конфискация имущества. С этого времени он лишился личной свободы. 19 июля обыск произвели и на квартире Дэн Сяопина. 5 августа 1967 г., в годовщину написания Мао Цзэдуном своей дацзыбао, было устроено судилище над Лю Шаоци и Тао Чжу, которых выволокли вместе с женами на улицу и подвергли физическому насилию. Этим мероприятием руководила жена Кан Шэна Цао Йоу. Лю Шаоци был в нижнем белье, его периодически избивали на глазах у жены и четырех детей. Аналогичное судилище в здании МИДа устроили над министром иностранных дел Чэнь И.



Публичные издевательства над Председателем КНР Лю Шаоци в 1967 г.

Параллельно весной началась критика и Чжоу Эньлая. 22–23 марта 1967 г. один из лидеров «Организации 16 мая» публично назвал его «попутчиком» Мао Цзэдуна и заявил, что он играет роль «огнетушителя» действий ГКР. На следующий день в столичном педагогическом университете появилась дацзыбао с критикой Чжоу Эньлая. 17 мая 1967 г. Цзян Цин передала Линь Бяо материалы, направленные против Чжоу Эньлая, который обвинялся в том, что в 1933 г. под давлением гоминьдановцев якобы заявил о выходе из КПК (по одной из версий, «заявление» было сфабриковано гоминьдановскими спецслужбами). Только вмешательство Мао Цзэдуна 16 января 1968 г., заявившего, что «данное дело давно уже выяснено, Гоминьдан распускал подобные слухи для очернения», снизило накал страстей вокруг Чжоу Эньлая. (В конце 1975 г., когда тяжело больного Чжоу Эньлая везли на последнюю операцию, он до последней возможности не выпускал из рук документ, который, с его точки зрения, доказывал, что Чжоу Эньлай и предатель в пользу Гоминьдана, именовавшийся «У Хао», это не одно и то же лицо. Мао Цзэдун перед смертью Чжоу Эньлая так и не повидался с ним.)

По сфабрикованным 37 «делам» проверке подвергся 1261 человек, 75% которых были кадровыми работниками уровня заместителей отделов центральных государственных учреждений и заместителей руководителей правительств провинций и выше.

В июле 1967 г. Линь Бяо призвал разбить «дворец владыки ада в Главном политическом управлении НОАК». Четыре заместителя начальника Главпура, 20 заместителей начальников отделов были названы «антипартийными элементами, узурпировавшими власть в армии», «предателями», «спецагентами», «контрреволюционерами» и арестованы. В результате руководство Главпура полностью перешло в руки Линь Бяо. Подверглась нападкам большая группа руководителей Генерального штаба НОАК, штаба тыла, ВВС, ВМС и различных родов войск. (Сторонники Линь Бяо в ходе культурной революции заняли там руководящие посты: Хуан Юншэн стал начальником генерального штаба, У Фасянь – командующим ВВС, Ли Цзопэн – командующим ВМС, Цю Хойцзо – начальником главного управления тыла.)

В сложившихся условиях многие партийные руководители на местах создавали крестьянские массовые организации, основной костяк которых составляли народные ополченцы, выступавшие под старым лозунгом Мао Цзэдуна «деревня окружает город». Вооруженные отряды вводились в города с целью подавления контролируемых ГКР цзаофаневских и хунвэйбиновских организаций. Такого рода меры предпринимались в провинциях Цзянси, Сычуань, Чжэцзян, Хубэй, Хэнань, Хунань, Аньхой, Шаньси, Нинся-Хойском автономном районе и других местах. Крестьяне устраивали заставы на железных дорогах, шоссе, на каналах, задерживали поезда, автомашины и речные суда. По словам Кан Шэна, «при организации движения крестьян, направленного против городов, повсюду существует одна и та же закономерность: крестьян на это мобилизуют военные подокруга и отделы народного вооружения». Формально такие действия прикрывались приказом, дававшим «местным гарнизонам и войскам» право контроля над деятельностью хунвэйбинов и цзаофаней.

13 июля 1967 г. от имени Секретариата ЦК КПК был издан документ, запрещавший вводить в города вооруженные крестьянские отряды. Исполнять приказ предписывалось армии. Подвергся критике Хэнаньский военный округ, командующий войсками которого по просьбе двух секретарей парткома Хэнани бросил против «левых» организаций воинские части. Положение было «исправлено» после того, как туда направили войска центрального подчинения. Подобная ситуация складывалась также в Юньнани и Сычуани, куда для ликвидации конфликта с 5 по 14 июля были командированы Се Фучжи и Ван Ли, подавившие сопротивление местных вооруженных формирований с помощью верных центру воинских частей.

Одним из наиболее серьезных проявлений острой политической борьбы в стране стали события, происшедшие в Ухане во второй половине июля 1967 г. Командующий Уханьским гарнизоном, ветеран НОАК Чэнь Цзайдао укрыл в расположении командования военным округом Ван Жэньчжуна – первого секретаря парткома провинции Хубэй и второго секретаря Бюро ЦК КПК по Центрально-Южному Китаю. Затем его части начали подавлять организации, выступавшие с нападениями на Ван Жэньчжуна и других провинциальных руководителей. Одновременно партком провинции стал создавать свои организации, состоявшие главным образом из рабочих и служащих Уханя. Наиболее активной из них была организация «Байвань сюнши» («Миллион героев»), насчитывавшая около 1 млн человек. Ее костяк составляли члены городского народного ополчения.

14 июля 1967 г. в Ухань прибыли министр общественной безопасности Се Фучжи и член ГКР Ван Ли, а несколько ранее прилетел Чжоу Эньлай. Они потребовали от командования округом пресечь деятельность организации «Миллион героев» как «консервативной». Ранним утром 20 июля 1967 г. её вооруженные отряды в количестве более 2 тыс. человек на 28 грузовиках и восьми пожарных машинах направились в расположение учреждений Уханьского военного округа. Активисты «Миллиона героев» и солдаты в 7 часов утра ворвались в гостиничный номер Ван Ли и потребовали, чтобы тот поехал вместе с ними. Он отказался, тогда его толкнули в машину и увезли. Се Фучжи удалось скрыться и перебраться под охрану «бунтарей», верных ГКР. На следующий день в Ухане прошла массовая манифестация, более 400 грузовиков с членами «Миллиона героев» проехали по центру города, затем прошел 70-тысячный митинг. Это было самое массовое протестное мероприятие с начала культурной революции (аналогичное по масштабам было только на площади Тяньаньмэнь в 1976 г.). 21 и 22 июля на улицах появились транспаранты: «Долой Се Фучжи!», «Долой Ван Ли!», «Долой Ци Бэньюя!», «Долой Чжан Чуньцяо!», «Се Фучжи, катись из Уханя!». Эти действия отразили резкое недовольство народных масс, бойцов и командиров НОАК действиями ГКР. Ситуация явно выходила из под контроля Центра.

Мао Цзэдун в то время также тайно находился в Ухане с инспекцией, и после нескольких попыток «бунтарей» проникнуть к нему Чжоу Эньлай попросил его немедленно покинуть город. 21 июля Мао Цзэдун выехал в Шанхай. В Ухань срочно перебросили воздушно-десантные части и направили

корабли речной флотилии. Ван Ли был освобожден и 22 июля вместе с Се Фучжи вернулся в Пекин. На столичном аэродроме их как героев встречали Чэнь Бода, Кан Шэн и Цзян Цин. Чэнь Цзайдао вызвали в Пекин и вместе с комиссаром округа признали главным «подстрекателем». Уханьский военный округ был реорганизован, а отдельная дивизия (воинская часть № 8201), наиболее активно выполнявшая приказы бывшего командующего, выведена на переформирование.

25 июля 1967 г. Линь Бяо и Цзян Цин созвали в Пекине массовый митинг в поддержку цзаофаней Уханя. В «Письме ЦК КПК, Госсовета КНР, Военного совета ЦК КПК и ГКР революционным массам, всем командирам и бойцам г. Уханя» (27 июля 1967 г.) утверждалось, что в результате уханьского инцидента пострадали более 184 тыс. кадровых работников, военных и представителей масс. Среди них только собственно в Ухане были ранены и искалечены более 66 тыс. человек, более 600 человек убиты.

Аналогичные, хотя и, возможно, не такие масштабные события имели место в ряде других городов (Шанхае, Нанкине, Чанчжоу, Чанчуне, Шэньяне, Чунцине и Чанша). В некоторых провинциях сопротивление «левым» привело к реорганизации военных округов (Шаньси, Хунань, Цзянси), была сформирована группа по подготовке к созданию «ревкома» провинции (Хунань).

Во второй половине июля 1967 г., когда, по признанию Мао Цзэдуна, наступил «самый напряженный момент революции», он в сопровождении Чжан Чуньцяо, и.о. начальника Генштаба НОАК Ян Чэнъю и Ван Дунсина отправился в инспекционную поездку по стране, продолжавшуюся более двух месяцев. Цель поездки состояла в расколе оппозиции, подавлении сопротивления местного армейского командования и в поддержке действий хунвэйбинов и цзаофаней. До конца сентября были «обследованы» шесть самых «горячих точек» — Хэнань, Хунань, Хубэй, Цзянси, Чжэцзян и Шанхай.

Инспекционная поездка Мао Цзэдуна проходила в момент резкой активизации сил культурной революции. Началась пропаганда лозунга «Вытащить горстку (врагов) в армии!». Этой теме была посвящена передовая статья августовского номера «Хунци». В печати началась новая атака на Пэн Дэхуая. Впервые в открытой печати было опубликовано в сокращенном виде «Постановление Лушаньского пленума ЦК КПК относительно антипартийной группировки во главе с Пэн Дэхуаем» 1959 г. В редакционной статье «Хунци» призывал «окончательно рассчитаться» с Пэн Дэхуаем (его к этому времени более 100 раз допрашивали, возили по улицам, оскорбляли и избивали на митингах «критики и борьбы», сломали ему два ребра) и Лю Шаоци. Звучали заявления о том, что пришло время усилить борьбу против «агентов» Лю Шаоци, Дэн Сяопина, Пэн Дэхуая и Ло Жуйцина в армии. В провинциях развернулась борьба против местных военных руководителей под лозунгом «Вытащить местных Чэнь Цзайдао». Пропагандировалась установка Цзян Цин, выдвинутая на встрече с хунвэйбинами из Хэнани 22 июля 1967 г.: «атаковать словом, защищаться оружием», что служило явным подстрекательством к вооруженной борьбе.

В результате резко активизировалась борьба с применением силы. Началось вооружение «красных охранников». Июль и август были отмечены

выступлениями против военных и партийных руководителей в провинциях Шаньдун, Гуйчжоу, в Шанхае и других местах. Во время инспекционной поездки Мао Цзэдуна по стране ему жаловались на бесконечные вооруженные столкновения «бунтарей» на местах, обилие группировок «красных охранников», вносящих хаос и дезорганизацию в жизнь общества. Чжоу Эньлай в августе написал Мао Цзэдуну специальную записку, в которой привел многочисленные факты подобных действий, подчеркивая, что в стране создана ситуация «гражданской войны». «Это и есть гражданская война», – так оценивал Мао Цзэдун положение в провинциях во время своей поездки по Китаю. Усилению хаоса в стране и «борьбе с применением силы» способствовало выступление 7 августа 1967 г. Се Фучжи, подстрекавшего к «чистке» органов общественной безопасности, прокуратуры и суда.

После призывов к атакам на армейских руководителей в середине августа произошли крупномасштабные столкновения с применением оружия в Нанкине, Шэньяне и Чанша. 4 августа в Шанхае при подстрекательстве Ван Хунвэня произошли события, получившие название «инцидент в объединенном штабе революционных цзаофаней – рабочих Шанхайского завода дизельных моторов». Ван Хунвэнь организовал более 30 тыс. человек для нападения на Шанхайский завод дизельных моторов, в результате чего 983 человека были ранены, 121 – изувечен, а 18 рабочих убиты. 553 человека были арестованы, из них 11 отсидели в тюрьме не менее восьми лет. Материальный ущерб составил 3500 тыс. юаней.

16 августа 1967 г. в очередной раз подверглась реорганизации «Всеармейская группа по делам культурной революции». Вместо Сюй Сянцзяня руководителями группы стали Се Фучжи, Ян Чэнью, Е Цюнь и У Фасянь.

Беспорядки в армии и стране вызвали недовольство в армейских кругах, которое проявилось на совещании высших военных руководителей страны с участием командующих военными округами в августе 1967 г. Большинство участников выступили против чисток в армии и потребовали снять лозунг «Вытащить горстку в армии». Военачальникам были даны заверения, что если они в ходе культурной революции встанут на защиту «линии Мао Цзэдуна», то их не тронут и лозунг о «горсте в армии» будет снят.

7 августа 1967 г. Ван Ли призвал цзаофаней Министерства иностранных дел разгромить политотдел МИДа, закрыть партком министерства и захватить в министерстве власть. «Бунтари» захватили руководство МИД КНР. На роль министра иностранных дел претендовал Ван Ли. В связи с этим усилились нападки на старое руководство министерства во главе с Чэнь И. 11 августа в здании ВСНП в присутствии Чжоу Эньлая был проведен митинг осуждения Чэнь И. Под лозунгом «Добьем Чэнь И!» последнего заставили публично каяться в своих «ошибках». Когда Чжоу Эньлай на время вышел из зала, «красные охранники» схватили Чэнь И, скрутили ему руки, пригнули голову и издевались над ним до тех пор, пока Чжоу Эньлай не вернулся. 23 августа с согласия последнего в МИД был устроен повторный «митинг критики Чэнь И», на котором тот подвергся новым издевательствам.

В этот период резко обострились отношения КНР с рядом зарубежных стран. Цзаофани от имени МИДа стали рассылать указания заграничным учреждениям Китая, одновременно спровоцировав ряд серьезных конфликтов в отношении сотрудников дипломатических миссий и посольств, находившихся в Пекине. В первой декаде августа в столице были организованы антимонгольские демонстрации. 6 августа была инспирирована серьезная провокация против моряков советского грузового судна «Свирск». Над его командой и особенно над капитаном и вторым штурманом издевались несколько дней.

17 августа 1967 г. переодетые военные совершили налет на территорию посольства СССР. Окна фасадной части советского посольства разбили камнями. Одновременно в центре Пекина была задержана и сожжена легковая машина посольства СССР. Советских граждан, находившихся в ней, пытались заставить «склонить голову и признать вину» за «преступления против китайских законов».

22 августа десятки тысяч «бунтарей» взяли в осаду представительство Великобритании в Пекине, было сожжено одно из его зданий. Истязали жен дипломатических работников, арестовали корреспондента агентства «Рейтер», устроили демонстрации у посольств Индонезии, Цейлона и Кении.

На протяжении более года у КНР возникли дипломатические конфликты почти с 30 из 40 стран, с которыми у нее имелись официальные или полуофициальные дипломатические отношения.

В августе под «обстрел» попали Ли Сяньнянь и Тань Чжэньлинь, в трудном положении оказался Чжоу Эньлай. С 26 августа 1967 г. в течение двух с половиной суток последнего не выпускали из кабинета в здании ВСНП, не давали ему ни есть, ни пить, стремились захватить архивы и требовали выдать им на расправу Чэнь И. На «митинге» 19 августа резкой критике подвергся Тань Чжэньлинь, где его жестоко избили.

7 августа 1967 г. Лю Шаоци направил очередное письмо Мао Цзэдуна, в котором отверг обвинения в том, что он выступал против партии и социализма. «Когда говорят, что моя цель якобы выступление “против партии”, “против социализма”, “против председателя Мао”, “против идей Мао Цзэдуна”, что я намереваюсь “реставрировать капитализм в Китае”, собираюсь “коварным способом перехватить власть в партии и стране в свои руки”, то я не могу согласиться с этими ложными обвинениями! Я об этом даже никогда и не думал!». «Я никогда не организовывал внутрипартийных группировок, никогда не вел никакой незаконной организационной деятельности!».

Он снова попросил официальной отставки со всех партийных и государственных постов и информировал Мао Цзэдуна, что его «лишили свободы». Ответа от Мао Цзэдуна не последовало. Лю Шаоци продолжали держать в тюрьме.

В Шанхае и Пекине опять появились дацзыбао с критикой Чэнь Бода и Кан Шэна, а также с требованием развенчать Чжан Чуньцяо и Се Фучжи. От имени 91 руководящего сотрудника МИДа были вывешены дацзыбао с требованием подвергнуть сокрушительной критике реакционный призыв



Демонстранты с портретами вождя. Пекин, 1966 г.

о ниспровержении Чэнь И и предложить ему вернуться к руководству работой МИДа.

В условиях кризисного состояния экономики, резкого обострения политической ситуации, недовольства военных в июле 1967 г. Мао Цзэдун решил предпринять инспекционную поездку в районы Северного, Центрально-Южного и Восточного Китая, чтобы собственными глазами увидеть, как идет культурная революция в провинциях. Во время поездки, продолжавшейся до сентября, он беседовал с местными руководителями и оценивал ситуацию в ходе культурной революции во всей стране как не просто приличную, а как «очень хорошую». «Общая обстановка лучше, чем когда-либо прежде. В прошлый период создавалось впечатление, будто в некоторых районах происходят беспорядки, — отметил он. — На самом деле это были беспорядки среди наших врагов. Эти события закалили массы».

В действительности обстановка в стране была совсем другой — напряженной. Это даже видно по некоторым высказываниям Мао Цзэдуна. Он призвал «все революционные организации осуществить великое революционное объединение», считая «что внутри рабочего класса нет какого-либо столкновения коренных интересов. У рабочего класса в условиях диктатуры пролетариата нет причин для раскола и образования двух непримиримых

группировок». Из этого следует, что столкновения были повсюду. Образование враждебных группировок и причины раскола между ними он объяснял тем, что «облеченные властью» «одурачивали массы и провоцировали междоусобную борьбу внутри масс», что в эти организации «проникли плохие люди», «некоторые массовые организации подверглись влиянию анархистов».

Касаясь вопроса о кадровых работниках, Мао Цзэдун отмечал, что «в подавляющем большинстве кадровые работники хорошие, а плохих крайне мало». «Что касается тех, кто стоит у власти в партии и идет по капиталистическому пути, то в отношении них следует проводить курс на упорядочение. Но таких людей горстка». Он призвал «расширять сферу воспитания и сокращать сферу наказаний». Не только военные (армия), но и гражданские (партийный и правительственный аппарат), считал он, должны заниматься воспитанием. «Нужно разрешать кадровым работникам ошибаться и разрешать исправлять ошибки, — подчеркнул Мао Цзэдун. — ...Правильное отношение к кадровым работникам — ключевой вопрос в объединении трех сторон...».

Мао Цзэдун вынужден был признать «необходимость реабилитации части кадровых работников, предоставление им возможности подняться». Он призвал также «проводить воспитательную работу среди хунвэйбинов и цзаофаней, усилить их учебу», объяснять их руководителям, что «именно в данное время они могут наделать ошибок». Во время инспекционной поездки Мао высоко оценил «подвиги», совершенные более чем за год культурной революции широкими слоями рабоче-крестьянских масс, бойцами и командирами НОАК, хунвэйбинами, революционными кадровыми работниками и революционной интеллигенцией. Он призвал всех «к борьбе с индивидуализмом, к критике ревизионизма, а также поддерживать армию и любить народ. Начав революцию, стимулировать производство, стимулировать работу, готовиться на случай войны, довести до конца ... культурную революцию».

«Ревкомы»

В конце августа 1967 г. Мао Цзэдун был вынужден предпринять ряд тактических маневров, чтобы разрядить обстановку, смягчить недовольство кадровых работников, вызванное массовым террором и репрессиями. Была публично осуждена «Организация 16 мая». Цзян Цин отмежевалась от своих чрезмерно ретивых единомышленников, признав, что эта организация боролась против армии, против создания ревкомов, лично против Чжоу Эньлая. Мао Цзэдун согласился отстранить от работы и санкционировать расследование деятельности членов ГКР Ван Ли, Гуань Фэна и Му Синя.

Лозунг «вытащить горстку лиц в армии» объявили ошибочным. Было приказано прекратить нападения на воинские части, сдать захваченное оружие. Последовало также обещание ограничить масштабы репрессий против кадровых работников. Одновременно организаторы культурной революции искали способы убедить недовольных в правильности нового курса.

17 августа 1967 г. Чжоу Эньлай направил Мао Цзэдуну бумагу, в которой на основе указаний последнего предлагалось создавать группы учебы кадровых работников. В группах планировалось формировать руководящие звенья, куда следовало подбирать цзаофаней из числа военных. В учебные группы предполагалось привлекать и местных хунвэйбинов. 18 августа Мао Цзэдун одобрил этот проект, осуществление которого решили начать с армии. 19 сентября от имени Военного совета ЦК и ГКР был издан документ о создании в каждой провинции групп учебы военных кадров. От имени ЦК КПК изданы распоряжения о необходимости охраны общественного порядка, обеспечения сохранности государственных материальных ресурсов, оборудования, народного имущества и личной безопасности граждан. Были приняты меры по усилению охраны иностранных представительств в Китае и иностранных граждан. Решено взять под военный контроль наиболее беспокойные провинции и города, в первую очередь партийно-государственные учреждения.

Тем не менее к осени 1967 г. оказались парализованы и перестали функционировать все региональные бюро ЦК КПК, провинциальные, городские и уездные партийные комитеты. Из 256 секретарей парткомов провинциального уровня в ходе культурной революции подверглись репрессиям 209 (82%). Почти полностью прекратилась деятельность низовых гражданских партийных организаций (парторганизации в армии продолжали существовать). Повсеместно не функционировали и административные органы. Очевидно, что организаторам кампании был нужен не коллапс органов управления сам по себе, а ликвидация угрозы своей власти. Поэтому параллельно с разрушением прежних структур шло создание новых инструментов контроля над ситуацией в стране. В качестве одного из таких инструментов и мыслились упоминавшиеся выше революционные комитеты, призыв к созданию которых прозвучал в конце января 1967 г. Формированием ревкомов, которые должны были знаменовать «соединение трех сторон»: «военнослужащих, руководящих кадровых работников и представителей революционных массовых организаций», с одной стороны, достигался некоторый компромисс прежних и новых влиятельных в стране сил, с другой – утверждался политический механизм, соответствовавший интересам инициаторов культурной революции.

Помимо созданных первыми ревкомов в Хэйлунцзяне, Шаньдуне, Шанхае, Гуйчжоу, Шаньси и Пекине с осени 1967 г. по апрель 1968 г. включительно аналогичные органы учреждались еще в 12 провинциях (Цинхай, Ганьсу, Хэбэй, Цзилинь, Хэнань, Хубэй, Аньхой, Цзянси, Цзянсу, Чжэцзян, Хунань, Гуандун), двух автономных районах (Внутренняя Монголия и Нинся-Хойский) и еще одном городе центрального подчинения – Тяньцзине.

К 5 сентября 1968 г., в ходе преодоления серьезных общественных беспорядков, доходивших до боевых действий, ревкомы с большим трудом были созданы в 29 провинциях, городах и автономных районах. Вследствие слияния воедино партийно-правительственных и политико-производственных функций в их руках оказалась сосредоточена политическая и административная власть.

В целях привлечения на свою сторону руководящих и рядовых членов партии, нейтрализации и раскола оппозиции, усиления контроля над организациями хунвэйбинов и цзаофаней и их руководством Мао Цзэдун в октябре 1967 г. заявил о намерении возобновить деятельность партии и созвать IX съезд КПК.

Идея «восстановления» партии нашла отражение в ряде материалов и документов конца 1967 г.: в письме Яо Вэньюаня Мао Цзэдуна об обстановке в Шанхае от 11 октября, в выступлении Се Фучжи на заседании Пекинского ревкома 26 октября, в «Уведомлении ЦК КПК об опросе мнений о созыве IX съезда» от 27 ноября и в письме ЦК КПК «Относительно мнений и вопросов в связи с упорядочением, возобновлением деятельности и воссозданием партийных организаций» от 2 декабря. Документы свидетельствуют, что инициаторы культурной революции главное внимание сосредотачивали на том, чтобы сделать партию своим послушным орудием. Расчет делался на то, что партийный съезд, по словам Се Фучжи, поможет «утвердить абсолютный авторитет идей Мао Цзэдуна», облегчит «реорганизацию» и «чистку партийных рядов», «согласует» эти процессы с «новым Уставом КПК».

План предусматривал «чистку» КПК от противников установок Мао Цзэдуна. Их объявили «изменниками, шпионами, предателями, контрреволюционерами и ревизионистскими элементами». «Вычистить» из ЦК несогласных с проводимым в стране курсом намечалось еще до съезда партии. В «Уведомлении» подчеркивалось, что «вопрос должен стоять о принятии к ним мер и исключении из партии», а не об их участии в работе съезда. К этой работе была привлечена «Группа по расследованию особых дел» во главе с Кан Шэном, которая подбирала соответствующие материалы, изучала «самоанализ» кандидатов в делегаты и решала, кого и к какой категории отнести. Аналогичные «группы по расследованию особых дел» были созданы в провинциях. Свои «группы» имели и крупные хунвэйбиновские организации. Одновременно планировался массовый прием в партию цзаофаней и хунвэйбинов для «вливания в партию свежей крови».

В «Уведомлении» подчеркивалась необходимость полного пересмотра на основе «идей Мао Цзэдуна» Устава, принятого VIII съездом КПК, предусматривалось внесение в преамбулу Устава положения «о необходимости ведения классовой борьбы при социализме». В декабре 1967 г. по указанию Мао Цзэдуна была создана комиссия по составлению проекта Устава. Ведущую роль в ней играли Чэнь Бода, Кан Шэн, Яо Вэньюань и Чжан Чуньцяо. 9 января 1968 г. в хунвэйбиновской газете «Дунфан хун» («Алеет Восток») был опубликован один из проектов Устава КПК, выдержанный в духе «идей Мао Цзэдуна» и фактически выражавший претензии на мировую гегемонию Китая. В период подготовки к съезду предлагалось опубликовать 5-й и 6-й тома произведений Мао Цзэдуна.

6 ноября 1967 г. «Жэньминь жибао», «Хунци» и «Цзефанцзюнь бао» опубликовали приуроченную к 50-й годовщине Октября совместную редакционную статью «Вперед по пути, открытому и проложенному Октябрьской социалистической революцией!», просмотренную и одобренную Мао Цзэдуном.

В ней впервые была сформулирована «теория продолжения революции при диктатуре пролетариата» как отправная точка воззрений Мао Цзэдуна на культурную революцию. Данная «теория» была названа «третьей вехой» в истории марксизма (после собственно учения Маркса и Энгельса и ленинизма). В 1980 г. ее авторство было приписано Кан Шэну.

Первые документы, касавшиеся подготовки IX съезда, свидетельствовали о том, что Мао Цзэдун и его сторонники взяли курс на создание иной партии, с новой Программой, Уставом и составом. С 25 ноября 1967 г. шанхайская «Вэньхой бао» выступила с серией статей, разъяснявших необходимость широкой чистки и массового обновления партии. «Культурная революция, руководимая лично Мао Цзэдуном, — говорилось в одной из них, — является движением за чистку партии в беспрецедентных масштабах».

План реорганизации партии предусматривал определенное разделение обязанностей между основными политическими силами: за армией и ревкомом оставалось общее руководство процессом чистки и перестройки парторганизаций, а хунвэйбины и цзаофани были призваны играть роль своеобразного оселка для испытания лояльности членов партии к пекинскому руководству. По заявлениям официальной печати, «упорядочение» партии не являлось внутрипартийным делом. Оно должно было проводиться «при открытых дверях» с опорой на «пролетарских революционеров внутри и вне партии».

31 декабря 1967 г. газета «Жэньминь жибао» опубликовала указание Мао Цзэдуна, призывавшее к реализации «великой программы по упорядочению и строительству партии». В новогодней совместной передовой «Жэньминь жибао», «Хунци» и «Цзефанцзюнь бао» в качестве стратегической задачи на 1968 г. были выдвинуты «упорядочение партийных организаций» и «усиление партийного строительства». Одновременно предлагалось «упорядочить» комсомольские, хунвэйбиновские и все другие массовые организации. В статье указывалось, что «первая в истории человечества великая пролетарская культурная революция в 1967 г. уже одержала решающую победу и под руководством серии новейших указаний председателя Мао уже началась великая борьба за всестороннюю победу великой культурной революции».

Первым на указание Мао Цзэдуна откликнулся Шанхайский ревком. 2 января 1968 г. на заседании по вопросу «о развертывании работы по упорядочению партийных организаций» председатель ревкома Чжан Чуньцяо заявил, что там, где ревкомы созданы, полным ходом идет «упорядочение партии и чистка ее рядов».

Сообщения об «упорядочении» парторганизаций поступали также из Пекина, Внутренней Монголии, Чжэцзяна. 13 января «Бэйцзин жибао» посвятила этим материалам первую полосу, подчеркнув, что «основной критерий для определения хорошего члена партии — это безграничная преданность председателю Мао». 17 января «Вэньхой бао» опубликовала статью «О строительстве и упорядочении партии в условиях диктатуры пролетариата». В статье утверждалось, что культурная революция является «упорядочением партии», а «партия является ядром власти, партия руководит властью». «Главный вопрос, в конце концов, — вопрос о том, из кого состоят руководящие звенья,

особенно их ядро. Еще более важным, еще более коренным вопросом является создание руководящего ядра Центрального комитета». Таким образом, в статье ставилась задача формирования преданных инициаторам кампании руководящих групп на всех уровнях, начиная с ЦК КПК.

Для этого было необходимо окончательно дискредитировать или запугать тех руководителей, кто пытался противодействовать линии Мао Цзэдуна. В конце января – конце марта 1968 г. поднялась новая волна критики Лю Шаоци и Дэн Сяопина по вопросам партийного строительства. Лю Шаоци критиковали за то, что он якобы «протащил в ряды партии своих агентов», создал «буржуазный штаб» и даже «удельные княжества», проводил в КПК «ревизионистскую линию в области партстроительства» и т.д.

Однако реализация плана «упорядочения» КПК с самого начала проходила в крайне сложной обстановке. Группировки в центре и на местах усилили борьбу за власть, за представительство в ревкомах и в будущих парторганизациях. Хунвэйбины и цзаофани, связанные с ГКР, отказывались сдавать завоеванные позиции. В ряде районов они с оружием в руках продолжали бороться с армией, стремились занять доминирующее положение в «воссоздававшихся» парторганизациях. Нередко члены партии отвергали антипартийные по сути методы «реорганизации» КПК, выступая против цзаофаней. Кадровые партийные и военные работники рассчитывали, что в процессе «восстановления» системы парторганов им удастся закрепить свои позиции, ограничить претензии хунвэйбинов и цзаофаней, сохранить основной кадровый состав партии.

В сложившейся обстановке только решительные действия армии позволили утихомирить «красных охранников» и несколько ускорить процесс создания ревкомов. В Пекине основные хунвэйбиновские организации были взяты под контроль воинской частью № 8341 (т.е. службой охраны Мао Цзэдуна и ЦК КПК), подразделения которой вошли в Пекинский университет, Университет Цинхуа и ряд других вузов и учреждений столицы. Своим опытом представители этой части поделились 28 января 1968 г. на страницах «Цзефанцзюнь бао» в статье «Как следует претворять в жизнь принцип “поддерживать левых в целом, а не какие-либо группировки”».

8 марта 1968 г. в «Жэньминь жибао» впервые было упомянуто указание Мао Цзэдуна от 7 марта 1967 г. о военном и политическом обучении учащихся гражданских учебных заведений. Воинские части обязывались организовать такое обучение в вузах, средних школах и в старших классах начальных школ, содействовать возобновлению занятий в учебных заведениях, упорядочению организаций учащихся, работе «по проведению борьбы, критики и преобразований».

Публикация данного документа ровно через год после его утверждения означала, что не все части армии должным образом выполняли директивы «штаба» Мао Цзэдуна, в том числе о наведении порядка в учебных заведениях и установлении контроля над основными молодежными организациями.

Еще 23 сентября 1967 г. Мао Цзэдун наложил резолюцию на срочное совместное уведомление ЦК КПК, Госсовета КНР, Военного совета ЦК и ГКР, которое предписывало 28 сентября 1967 г. закрыть все ранее созданные

учреждения по приему учащихся, осуществлявших «смычку» в Пекине и других местах; последние, как и сотрудники соответствующих учреждений, обязывались немедленно вернуться на прежние места учебы и работы. 14 октября 1967 г. ЦК КПК, Госсовет КНР, Военный совет ЦК и ГКР издали уведомление, требовавшее от всех учебных заведений начать занятия. Однако многие учащиеся не желали возвращаться к учебе; продолжались «критика» и «проверки» преподавателей и кадровых работников учебных заведений. Прекращению хаоса в общественной жизни, установлению контроля центральной власти за ситуацией в стране и должны были содействовать ревкомы.

Реорганизация системы власти сопровождалась обострением персональной борьбы в китайском руководстве. В январе 1968 г. был отстранен от должности член ГКР Ци Бэньюй. 21 февраля на встрече Чжоу Эньлая, Чэнь Бода, Кан Шэна, Цзян Цин, Яо Вэньюаня, Ян Чэньгу, У Фасяня и Е Цюнь с представителями хунвэйбинов и цзаофаней Чжоу Эньлай заявил, что Ци Бэньюй имел «хитрый план»: сначала под предлогом борьбы против члена ПК ПБ ЦК КПК Тао Чжу выступить против Ли Фучуня и Ли Сяньняня, затем выступить против Чжоу Эньлая и, наконец, против Мао Цзэдуна и Линь Бяо. Якобы он также намеревался вести борьбу против местного военного руководства. В феврале—марте 1968 г. повсеместно была организована широкая кампания критики членов ГКР Ци Бэньюя, Ван Ли и Гуань Фэна. Ходили слухи, что незадолго до того Ци Бэньюй написал письмо Мао Цзэдуну с требованием снять с постов «горстку в армии» и группу партийных ветеранов, в том числе Чжоу Эньлая, Ли Фучуня, Ли Сяньняня, Чэнь И, Юй Цюли и др.

К лету 1968 г. в рамках уже существовавшей «группы по особому делу Хэ Луна» была создана подгруппа, где концентрировались все материалы, касавшиеся Дэн Сяопина. С июня 1968 г. она направляла своих эмиссаров (223 человека) на периферию для сбора компрометирующих Дэн Сяопина материалов. Они побывали в 15 провинциях и городах центрального подчинения.

В конце марта 1968 г. процесс «упорядочения» партии был приостановлен, из агитационных материалов постепенно исчезли призывы к «восстановлению организационной жизни» парторганизаций и созыву IX съезда КПК. В качестве главных задач стали выдвигаться требования «укрепления» и «революционизации ревкомов», «чистки классовых рядов». Причиной такого поворота событий явилось укрепление в ревкомах на местах позиций военных и партийных руководителей, которые, используя в качестве предлога слова Мао Цзэдуна о том, что «большинство кадровых работников хорошие или сравнительно хорошие», начали реабилитировать тех, кто подвергался чистке, но заявил о своем «раскаянии». Хотя ревкомы формально воплощали принцип «соединения трех сторон», на деле во главе большинства этих органов встали военные, нередко подвергавшиеся нападкам хунвэйбинов и цзаофаней и принимавшие меры по подавлению разрушительной деятельности «левых». По мере создания ревкомов в них уменьшалось представительство хунвэйбинов и цзаофаней. Так, если говорить о первых созданных ревкомах, то в Пекинском ревкоме на «революционеров» приходилась треть состава, а в Шаньсийском — почти половина — 118 человек из 248. Но в семи ревкомах,

появившихся весной–летом 1967 г., места распределялись более или менее равномерно между «тремя сторонами», а в 15, возникших осенью 1967 г. – весной 1968 г., представителям НОАК принадлежала уже половина мест. В ряде провинций «бунтарям» совершенно определенно заявили, чтобы они не рассчитывали на треть мест в ревкомах. Так, в Гуандунском «ревкоме», созданном в феврале 1968 г., их доля не превышала 15%.

Сознавая, что при такой расстановке сил быстрое «восстановление организационной жизни парторганизаций», формирование руководящих органов КПК на местах и созыв IX съезда могут привести к сохранению в партии позиций и влияния прежних руководящих работников, Мао Цзэдун и его сторонники попытались с помощью кампании «революционизации» ревкомов и «чистки классовых рядов» укрепить свои силы, пресечь массовую реабилитацию «раскаявшихся руководителей». «Чистку классовых рядов» они использовали прежде всего для чистки ревкомов и парторганизаций, для наступления на старые кадры КПК, чтобы предотвратить их возвращение на руководящие посты в партии.

Чтобы не допустить реабилитации старых кадров, были вновь усилены нападки на них. Цзян Цин, Кан Шэн, Чэнь Бода вновь обрушились на «февральское противотечение» и оппозицию во главе с Тань Чжэньлинем. Резкой критике подверглись также и.о. начальника Генштаба НОАК, член Постоянного комитета Военного совета ЦК КПК, первый секретарь парткома Генштаба, заместитель начальника Генштаба Ян Чэнью, командующий Пекинским гарнизоном Фу Чунби и политкомиссар ВВС, второй секретарь парткома ВВС Юй Лицзинь. Ян Чэнью были предъявлены обвинения в реабилитации ряда прежних руководителей, в связях с «февральским противотечением» и поддержке Тань Чжэньлина, в атаках на ГКР и культурную революцию, в стремлении подорвать власть столичного ревкома, захватить высшую власть в армии, прибрать к рукам органы пропаганды – радио и центральные газеты. Цзян Цин обвинила Ян Чэнью в попытках захватить власть в ВВС и лишить власти командующего этим видом вооруженных сил У Фасяня. Особый гнев Цзян Цин вызвало предпринятое, как утверждалось, по распоряжению Ян Чэнью вторжение Фу Чунби во главе вооруженного подразделения в расположение ГКР и попытка произвести там обыск.

22 марта 1968 г. Мао Цзэдун от имени ЦК КПК, Военного совета ЦК, Госсовета КНР и ГКР утвердил решение об отстранении от занимаемых постов Ян Чэнью, Фу Чунби и Юй Лицзиня (последнего было решено арестовать и наказать по закону). Начальником Генштаба был назначен сторонник Линь Бяо, командующий Гуанчжоуским военным округом Хуан Юншэн, его заместителем – Вэнь Юйчэн, являвшийся по совместительству командующим Пекинским гарнизоном. 24 марта Линь Бяо объявил об этом на митинге кадровых работников НОАК в присутствии Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая, Чэнь Бода, Кан Шэна, Цзян Цин и Яо Вэньюаня.

25 марта была реорганизована канцелярия Военного совета ЦК КПК, созданная в августе–сентябре 1967 г. как особый орган, отвечающий за постоянную работу Военного совета ЦК. Ее начальником вместо Ян Чэнью был

назначен Хуан Юншэн, У Фасянь остался на посту заместителя, членами группы назначены Е Цюнь (одновременно являвшаяся начальником канцелярии своего мужа Линь Бяо), Ли Цзопэн (первый комиссар ВМС), Цю Хойцзо (начальник тыла). Таким образом, сторонники Линь Бяо получили контроль над Военным советом. Вскоре канцелярская группа Военного совета ЦК КПК заменила собой Постоянный комитет Военного совета, который перестал собираться на заседания. Хуан Юншэн, ставший также начальником Генштаба, начал активно выдвигать своих людей на руководящие должности.

В передовой статье «Жэньминь жибао» от 23 марта 1968 г. одной из главных задач 17 созданных к тому времени ревкомов провинциального уровня объявлялась их «революционизация» и «чистка классовых рядов». Прошла новая волна репрессий, направленных против бывших руководителей провинциального уровня. В 15 провинциях, городах центрального подчинения и автономных районах прошло около 40 многотысячных «митингов-судов» над ними, некоторые из митингов транслировались по радио и телевидению (в Шанхае и Харбине).

Кампания «чистки классовых рядов» принимала общенациональный характер. В качестве «образца» ее проведения был широко разрекламирован отчет члена ГКР Яо Вэньюаня от 13 мая 1968 г. «О работе военно-контрольного комитета в деле мобилизации масс на борьбу против врагов в Пекинской типографии Синьхуа», направленный Мао Цзэдуну. Последний назвал отчет



Публичное издевательство над партийными секретарями провинциального уровня



Критика партийного секретаря в Харбине

«лучшим» из подобного рода документов. Согласно документу, из 26 кадровых работников – руководителей отделов типографии, которые якобы в свое время состояли членами Гоминьдана, 22 человека проникли в ряды партии. После прихода в типографию членов военно-контрольного комитета, которые «взялись за классовую борьбу», 10 человек к моменту написания отчета были уже разоблачены как «контрреволюционеры».

Рекомендация Центра равняться на отчет Яо Вэньюаня, зафиксированная в документе ЦК КПК и ГКР от 25 мая 1968 г., стала сигналом к интенсификации кампании. Только в пров. Аньхой до конца года подверглись «чистке» более 430 тыс. человек, из них 188 225 были арестованы, 4646 покончили с собой, 1074 человека были убиты. В уезде Дунчжи этой провинции было обнаружено 58 «контрреволюционных организаций», в которых якобы состояли 3564 человека, из них 73% – крестьяне-бедняки и «низшие середняки»; 37 человек были убиты.

К 10 мая 1968 г. оставалось создать ревкомы провинциального уровня в Сычуани, Юньнани и Фуцзяни, а также в Гуанси-Чжуанском, Тибетском и Синьцзян-Уйгурском автономных районах. Пекин несколько раз устанавливал сроки окончания этой работы. Первоначально предполагалось завершить ее к 1 января 1968 г., потом срок был перенесен до праздника Весны (китайского Нового года, празднуемого по традиционному лунно-солнечному календарю), затем до 1 мая. Однако осуществить эти планы не удалось. Более того, в ряде уже созданных ревкомов произошел раскол (в Пекине, Шанхае,

провинциях Шэньси, Шаньдун и Хэнань), имели место попытки создания «параллельных» ревкомов. Для ускорения формирования новых органов власти и была усилена кампания по «чистке классовых рядов».

В Хунани, где в соответствии с документом от 15 мая 1968 г. развернулось «новое наступление» на прежнее партийное руководство, председатель провинциального ревкома Ли Юань 30 мая на «митинге-суде» над вторым секретарем парткома заявил, что кампания нанесла «сильный удар по правому течению за пересмотр дел». Главной задачей он объявил «развертывание классовой борьбы в прежнем провинциальном и городском комитетах КПК». Заместитель председателя ревкома Хуа Гофэн обвинил второго секретаря в том, что тот в 1966 г., после возвращения с 11-го пленума ЦК КПК, «не донес до масс голос председателя Мао, а распространял черный товар Тао Чжу», лично организовал «Армию защиты красной власти», «рабочие и патрульные отряды», а также направлял рабочих против учащихся и «подавлял» выступления масс.

«Чистка классовых рядов» привела к активизации хунвэйбинов и цзаофаней, которые вновь стали создавать региональные и отраслевые объединения, открыто отвергать указания Центра и местных ревкомов, усилили нападки на армию. Так, в Гуйлине (пров. Гуанси) в ходе вооруженного столкновения с солдатами были захвачены и живыми распяты на стене пятеро военнослужащих. Было нарушено железнодорожное сообщение, расхищались грузы, направлявшиеся во Вьетнам, создавались заторы на железной дороге, совершались нападения на учреждения и части НОАК, захватывалось их оружие и снаряжение. В Тибете в результате боев, длившихся около месяца, погибли около 1 тыс. человек, в одной из стычек получили ранения командующий военным округом и его заместитель.

События в Гуанси вынудили ЦК КПК, Госсовет, Военный совет и ГКР направить в провинцию экстренную телеграмму «Пять указаний относительно восстановления транспортного железнодорожного сообщения в районе Лючжоу». Однако она не возымела действия. 3 июля 1968 г. от имени ЦК КПК, Госсовета КНР, Военного совета ЦК и ГКР по стране был разослан утвержденный Мао Цзэдуном более строгий документ «Уведомление о положении в Гуанси», предписывавший немедленно прекратить действия с применением силы, восстановить железнодорожное сообщение, вернуть оборудование и материалы, предназначавшиеся для Вьетнама, а также оружие и снаряжение, захваченное у НОАК, вернуть в деревню самовольно возвращавшуюся



Одна из жертв «культурной революции» в Харбине



Расстрел «контрреволюционеров». Апрель 1968 г.

оттуда в города молодежь, наказать виновных в беспорядках. Вся полнота власти была отдана «группе по созданию ревкома в Гуанси», а ответственность за нормализацию положения возлагалась на части НОАК. Однако, несмотря на грозные распоряжения Пекина, столкновения на местах продолжались. В частности, события, аналогичные гуансийским, имели место в пров. Цзянси. 24 июля появился новый утвержденный Мао Цзэдуном документ ЦК КПК, Госсовета, Военного совета ЦК и ГКР, требовавший в соответствии с директивой от 3 июля немедленно прекратить вооруженную борьбу, а виновников беспорядков карать по закону.

Пытаясь усмирить разгул стихии, Центр продолжал борьбу со старыми кадрами, в том числе в национальных районах. Так, во Внутренней Монголии происходило избиевание национальных кадров, выступавших за реабилитацию бывшего первого секретаря парткома, кандидата в члены Политбюро ЦК КПК Уланьфу. Огромные жертвы среди кадровых работников и членов КПК – монголов и китайцев – стали следствием трех сфабрикованных Кан Шэном «дел» (о «февральском противотечении», «антипартийной предательской клике Уланьфу» и «Народно-революционной партии Внутренней Монголии», руководство которой якобы планировало создание мятежной организации в этом районе, чтобы «выдать Китай врагу»). По официальным данным, только по последнему «делу» преследованиям подверглись 346 тыс. человек, более 16 тыс. из них погибли. Если раньше все указания из Центра передавались по закрытым каналам и их содержание знали немногие, то указание от 24 июля из Пекина было открыто опубликовано и распространено в городах.

В результате обострения положения на местах темпы создания провинциальных ревкомов летом 1968 г. резко замедлились. Если в январе–мае

1968 г. создавалось по три провинциальных ревкома в месяц, то в июне—июле не было создано ни одного. 10 июня 1968 г. от имени ЦК КПК, Госсовета КНР, Военного совета и ГКР была разослана директива о введении в большие военные округа частей НОАК. Задержка создания ревкомов в Фуцзяни, Юньнани, Гуанси, Тибете и Синьцзяне связывалась с «ожесточенной классовой борьбой, происходящей внутри партии». В директиве отмечалось, что специальные войска, непосредственно подчиненные Военному совету, вводятся в те районы, где уже созданы ревкомы, в целях «укрепления» последних, а в районы, где ревкомов еще нет, — для ускорения их формирования.

К 21 июля Мао Цзэдун получил доклад ревкома пров. Гуандун об обстановке в данном районе. В нем говорилось, что в провинции имеется около 420 тыс. «контрреволюционных элементов», «гоминьдановцев», «предателей», «главарей банд», «руководителей нелегальных реакционных сект» и т.д. (около 1% населения), которые проникли в партийные, государственные, военные и юридические органы. Мао Цзэдун написал на этом докладе, что «похуже положение» сложилось в большинстве крупных регионов страны.

События 1968 г. показали, что хунвэйбины и цзаофани, выполнив «черновую работу» — разрушив прежние органы власти и расправившись со значительным числом старых кадров, тем не менее, оказались не в состоянии одолеть противостоявшие им политические силы. Об этом свидетельствовала, в частности, ситуация в вузах, в том числе столичных. Так, в пекинском Университете Цинхуа враждовали две крупные вооруженные группировки хунвэйбинов — «Имени 14 апреля» и «Цзинганшань». Первая отражала взгляды старых партийных руководителей, в частности Лю Шаоци и участников «февральского противотечения», ее члены выступали против ГКР, Кан Шэна и Се Фучжи. Вторая стояла на позициях ГКР. Потасовки и настоящие бои, приводившие к человеческим жертвам, продолжались с 29 мая по 5 июля 1968 г. В результате столкновений было ранено 1100 человек, убито 18, экономический ущерб оценивался в 10 млн юаней. В целом же вооруженная борьба в пекинских вузах, начавшаяся в марте 1968 г., продолжалась более 100 дней. Для ее прекращения власти пытались применять экстренные меры. Так, в Университет Цинхуа 27 июля были направлены «рабочий агитотряд идей Мао Цзэдуна» и группы военных общей численностью в 30 тыс. человек. Руководили этими отрядами командиры из охранной части 8341. «Успокоить» студентов удалось только к 15 августа после кровопролитных столкновений, в результате которых получил ранение 731 «усмиритель», из них тяжелые — 149 человек (10 военных и 139 рабочих), пятеро были убиты.

Хаос в стране, углубление политического раскола и дезорганизация экономики, недовольство армейского командования и части кадров, выход на арену культурной революции НОАК как единственной силы, способной навести порядок, и исчерпание возможностей хунвэйбинов и цзаофаней как инструмента политической борьбы вынудили инициаторов культурной революции отказаться от использования «красных охранников» и «бунтарей» в этом качестве. 28 июля 1968 г. Мао Цзэдун, Линь Бяо, Чжоу Эньлай, Чэнь Бода, Кан Шэн, Се Фучжи, Цзян Цин, Яо Вэньюань, Хуан Юншэн, Е Цюнь, У Дэ

и Ван Дунсин провели встречу с вожаками хунвэйбиновских организаций столичных вузов: Не Юаньцзы (Пекинский университет), Куай Дафу (Университет Цинхуа), Тань Хоулань (Пекинский педагогический университет), Хань Айцзином (Пекинский авиационный институт) и Ван Дабином (Пекинский институт геологии). До их сведения были доведены указания от 24 июля о прекращении борьбы с применением силы. «Сегодня все недовольны, и рабочие, и крестьяне, — заявил Мао Цзэдун. — Недовольно большинство студентов и учащихся. Недовольны даже некоторые из тех, кто нас поддерживает. Вы находитесь в отрыве от рабочих, крестьян, военных, гражданских лиц и большинства учащихся... Мы обращаемся ко всей стране и заявляем о том, что если кто-либо будет нарушать порядок, нападать на Освободительную армию, разрушать средства сообщения, убивать людей, устраивать поджоги, то он будет считаться преступником». Мао Цзэдун предложил вожакам обсудить в университетах сложившуюся ситуацию. Таким образом, судьба хунвэйбинов практически была решена.

После встречи с Мао Цзэдуном руководители пекинских хунвэйбиновских организаций 30 июля 1968 г. выпустили «Указания председателя Мао по вопросу о прекращении борьбы с применением силы». Студентам рекомендовалось прекратить вооруженную борьбу, передать имеющееся оружие, разобрать защитные сооружения, поддерживать и уважать армию. Одновременно представителей 44 высших и специальных учебных заведений собрали на митинг, где предложили в шести учебных заведениях прекратить «борьбу с применением силы», собрать оружие, разобрать укрепления. Куай Дафу и Не Юаньцзы на митинге выступили с самокритикой.

Для обоснования ликвидации организаций «красных охранников» и в целях заигрывания с рабочими и военными был выдвинут тезис о решающей роли так называемых «рабочих и армейских агитотрядов» в учебных заведениях, где имелись организации «бунтарей». Такие отряды, как подчеркивалось в печати, вводились в вузы и прочие центры «скопления» интеллигенции по указанию Мао Цзэдуна от 27 июля 1968 г.

Главным образом усилиями военных, непосредственно руководивших «агитотрядами», началась работа по восстановлению учебного процесса, прерванного летом 1966 г. Мао Цзэдун настаивал, что в составе агитотрядов непременно должны присутствовать рабочие. Растиражированный прессой демагогический лозунг Мао Цзэдуна «Рабочий класс должен руководить всем!» был попыткой приглушить недовольство рабочих, фактически лишенных с 1966 г. политических и экономических прав, и одновременно завуалировать военно-полицейский характер мероприятий по подавлению хунвэйбиновских организаций. Одним из первых отличился упоминавшийся выше 30-тысячный агитотряд, направленный в Университет Цинхуа. Мао Цзэдун принял представителей этого агитотряда и в знак одобрения их работы послал им плоды манго, полученные несколькими днями ранее в дар от пакистанской делегации. Милость вождя была встречена с поистине религиозным благоговением: плодам манго поклонялись как святым реликвиям, пока они не начали гнить. После этого плоды покрыли воском



Мао Цзэдун объезжает колонны хунвэйбинов в Пекине в 1966 г.

и выставили на всеобщее обозрение, а их «копии» распределили между городскими организациями.

К концу августа агитотряды 60 столичных заводов и фабрик обосновались в 59 вузах и специальных учебных заведениях столицы, в 26 вузах Шанхая, 16 вузах Тяньцзиня и 38 – Шэньяня. Позднее их стали вводить в больницы, государственные учреждения и даже на предприятия торговли. «Рабочие агитотряды» были официально распущены только в 1977 г.

Подавление организаций хунвэйбинов и цзаофаней, решительная позиция армии и частей особого назначения обеспечили в августе довольно быстрое завершение формирования провинциальных ревкомов в Юньнани, Фуцзяни и Гуанси, в сентябре – в Тибете и Синьцзяне. 7 сентября 1968 г. в Пекине по случаю завершения формирования ревкомов провинциального уровня был проведен 100-тысячный митинг, на котором выступили Чжоу Эньлай и Цзян Цин. Одновременно была опубликована совместная передовая «Жэньминь жибао» и «Цзефанцзюнь бао» «Да здравствует всесторонняя победа великой пролетарской культурной революции!», в которой создание ревкомов характеризовалось как «решающая победа» культурной революции в масштабах всей страны.



Члены молодежных организаций в походах по стране в годы
«культурной революции»

Армейские кадры, возглавив 20 из 29 ревкомов, заняли господствующее положение в политической жизни Китая. Решающую роль в поддержании общественного порядка обеспечивали специальные воинские части, подчинявшиеся непосредственно Военному совету. Хотя командный состав НОАК подвергся значительной чистке (более 80 тыс. человек было ошельмовано, более 1100 военных погибли в результате репрессий), армия оставалась единственной организованной силой, система партийных органов в которой не была разрушена.

Задача «упорядочения партии» не в последнюю очередь предусматривала изменение состава КПК. В совместной передовой статье трех центральных органов партийной печати, посвященной 19-й годовщине образования КНР, предлагалось обеспечить приток в партию «свежей крови» из числа лучших «бунтарей», прошедших закалку и испытания в горниле культурной революции. Одновременно по указанию Мао Цзэдуна кадровых работников стали направлять для «перевоспитания» физическим трудом в «школы 7 мая». Такое название первоначально получило подобное учреждение, созданное 7 мая 1968 г. ревкомом пров. Хэйлунцзян. В ней собрали 141 человека, а к октябрю там «учились» уже 504 кадровых работника. Они обрабатывали более 1 тыс. му земли и работали на маленьком заводике.

29 сентября 1968 г. в «Жэньминь жибао» появилась краткая информация о создании первой «школы 7 мая». Мао Цзэдун, положительно оценив идею высылки большого числа кадровых работников в деревню на трудовое

перевоспитание, предложил Яо Вэньюаню подготовить новый материал, который вышел 2 октября в «Жэньминь жибао» как слово от редакции. 5 октября 1968 г. появилась статья об опыте школы «7 мая» в Хэйлунцзяне с предисловием редакции, в котором приводилось новое указание Мао Цзэдуна о том, что «широкие массы кадровых работников должны идти в низы на трудовое перевоспитание», дабы те из них, кто «совершил ошибки», имел возможность «революционизироваться».

Кампания носила массовый характер. Так, через «школы 7 мая» прошли 92,2% всех сотрудников госкомитета по строительству, Министерства строительства и строительных материалов, политотдела государственного комитета по вопросам капитального строительства. Только для работников аппарата ЦК КПК и Госсовета было создано 106 «школ». В провинциях такие «учебные» заведения насчитывались десятками и сотнями (например, в пров. Гуандун — 313). Через них прошли сотни тысяч кадровых работников, служащих административных органов, инженеров и техников, медработников и других специалистов, вынужденных годами (до трех и более лет) заниматься там физическим трудом.

Всего до 13 сентября 1971 г. в сельскую местность на «перевоспитание» были высланы 1 млн 181 тыс. кадровых работников. На содержание этих «школ» потрачены десятки миллионов юаней. Только в феврале 1979 г. Госсовет КНР издал указание «О прекращении создания школ 7 мая».

Кроме того, в деревню были направлены тысячи образованных молодых людей и члены их семей. После завершения кампании по созданию ревкомов в Пекине озаботились проблемой 11 млн выпускников и учащихся старших классов школ и вузов. Для них не было рабочих мест, так как из-за культурной революции новые заводы и фабрики не открывались, действовавшие предприятия часто простаивали, а сфера обслуживания работала не в полную силу. Учащуюся молодежь использовали на предыдущем этапе кампании в качестве «горючего материала», который теперь стал не нужен. 22 декабря 1968 г. «Жэньминь жибао» опубликовала указание Мао Цзэдуна: «Образованная молодежь должна ехать в деревню и вновь получить образование у крестьян-бедняков и низших слоев середняков. Надо убеждать городских кадровых работников и других горожан посылать в деревню своих сыновей и дочерей, окончивших начальную и высшую ступени средней школы, окончивших вузы». В пример приводились города Ланьчжоу, откуда в деревню отправлялись 18 тыс. образованных молодых людей, и Ухань, откуда в сельские районы выехали 20 тыс.

Началась массовая, часто насильственная, высылка образованной молодежи из городов в сельские и горные районы. В первую очередь молодых горожан направляли в малонаселенные районы Хэйлунцзяна, Внутренней Монголии и Юньнани, где под контролем армии создавались строительно-производственные корпуса. В 1969 г. таким образом было выслано 2 млн 637 тыс. 600 человек, а за весь период культурной революции — более 16 млн. 10 млн 480 тыс. подростков и молодых людей осели на селе в производственных отрядах, бригадах сельскохозяйственных коммун, 1 млн 260 тыс. —

во вновь созданных коллективных хозяйствах. 2 млн 290 тыс. человек трудились в госхозах и главным образом в строительно-производственных корпусах (до 1966 г. там было лишь 420 тыс. молодых людей, высланных из городов).

Более 50% образованной молодежи, отправленной в деревню, имели достаток ниже установленной нормы в 120–180 юаней. В провинциях Юньнань, Гуйчжоу, Сычуань и Ганьсу таких было 70–80%. Им трудно было найти жилье (особенно семьям), из-за бытовых и материальных трудностей большая часть высланных в село молодых людей не могли завести семью: так, статистические данные по семи провинциям показывают, что там 590 тыс. высланных в деревню молодых людей в возрасте старше 26 лет не нашли себе пары.

Избавление от избытка взрывоопасной социальной силы в городах должно было облегчить реализацию планов руководителей культурной революции по установлению жесткого контроля над ситуацией в стране. Другим средством достижения той же цели являлись продолжающиеся репрессии по отношению к старым партийно-государственным кадрам.

«Дело Лю Шаоци»

Для оправдания незаконных расправ с руководящими партийными и административными работниками и в связи с подготовкой к 12-му пленуму ЦК КПК Кан Шэн 21 июня 1968 г. направил Цзян Цин список из 193 (28 из них уже скончались) членов и кандидатов в члены ЦК КПК, избранных VIII съездом в 1956 г. Из них 88 человек (46%) были отмечены как «спецагенты», «предатели», «лица, имевшие тайные связи с границей», «антипартийные элементы», которые не могут участвовать в работе пленума. В «черные списки» попали 60 членов Постоянного комитета ВСНП, 37 из 60 членов Контрольной комиссии ЦК КПК, 74 члена Постоянного комитета НПКСК. В отношении этих людей была развязана новая кампания травли и преследований. Особое внимание Мао Цзэдун уделял Лю Шаоци, которого он считал своим главным политическим врагом в КПК. Когда летом 1968 г. состояние здоровья Лю Шаоци, находившегося без суда и следствия в тюремном заключении, резко ухудшилось, то ему стали оказывать медицинскую помощь только после того, как это обосновали пожеланием сохранить ему жизнь до начала IX съезда КПК: «Он должен дожить до того момента, когда его будут исключать из партии».

19 августа 1968 г. при встрече с членами ГКР Мао Цзэдун дал указание о проведении «в сентябре или октябре» рабочего совещания или пленума, на который «можно собрать чуть больше половины участников, и достаточно». С 13 августа в соответствии с указанием Мао Цзэдуна началась подготовка к 12-му расширенному пленуму ЦК КПК 8-го созыва, который прошел под руководством Мао 13–30 октября 1968 г.

Многие члены и кандидаты в члены ЦК КПК (52,7%) были к тому времени арестованы либо находились под следствием или подвергались репрессиям со

стороны хунвэйбинов и цзаофаней. 10 человек скончались уже после 11-го пленума ЦК КПК 1966 г. Среди тех, кому разрешили участвовать в работе пленума, многие только что освободились из мест заключения. На пленуме присутствовали 40 из 97 членов и девять из 98 кандидатов в члены ЦК КПК 8-го созыва (12 человек к тому времени скончались, 10 кандидатов были кооптированы в члены ЦК во время открытия пленума). Таким образом, в этом партийном форуме приняли участие всего 59 человек, т.е. около трети состава ЦК. Места прежних членов и кандидатов в члены ЦК КПК заняли члены ГКР, «главные ответственные руководители провинциальных ревкомов», а также «члены рабочей группы Военного совета», руководители больших военных округов и лица из учреждений, напрямую подчиненных ЦК КПК, – всего 74 человека, т.е. более 57% общего числа участников пленума (133 человека). Видимо, поэтому пленум и называли «расширенным».

В повестке дня пленума было четыре крупных вопроса: обсуждение принципов подбора делегатов на очередной съезд, обсуждение изменений, вносимых в проект нового Устава партии, обсуждение обстановки внутри страны и за ее пределами, обсуждение и принятие доклада по «делу» Лю Шаоци.

Мао Цзэдун в своем выступлении 13 октября 1968 г. заявил, что «великая пролетарская культурная революция является совершенно необходимой и весьма своевременной для укрепления диктатуры пролетариата, предотвращения реставрации капитализма и строительства социализма». Эти слова были внесены в Коммюнике пленума. Мао Цзэдун сказал, что в ходе проведения кампании были совершены «ошибки», ответственность за которые несут ЦК и он лично. И до этого он на закрытых совещаниях признавал, что «ошибки» имели место. Однако внесение в Коммюнике положения о «необходимости и своевременности» культурной революции и ее «успехах» лишало эти признания смысла. По вопросу о сроках окончания культурной революции Мао Цзэдун сообщил, что предположительно она будет завершена летом будущего года.

Выступавшие на пленуме Линь Бяо, Цзян Цин, Кан Шэн и Чэнь Бода, оценивая культурную революцию в духе требований Мао Цзэдуна, подвергли резкой критике «февральское противотечение» 1967 г. и его участников – Чэнь И, Е Цзяньина, Ли Фучуня, Ли Сяньняня, Сюй Сянцзяня, Не Жунчжэня и Тань Чжэньлина (последний был лишен права присутствовать на пленуме), а также «постоянно придерживающихся правого уклона» Чжу Дэ, Чэнь Юня и Дэн Цзыхоя.

26 октября Линь Бяо заявил, что «февральское противотечение» является «самым серьезным антипартийным делом, возникшим после 11-го пленума ЦК», «продолжением линии Лю Шаоци – Дэн Сяопина», осуществлением «антипартийной, контрреволюционной линии» под предлогом «защиты старых кадров», «защиты детей кадровых работников высшего ранга», «укрепления армии», «стимулирования производства». Линь Бяо объяснил присутствующим причины затягивания культурной революции, которая в соответствии с установкой Мао Цзэдуна должна была подойти к завершению в марте

1967 г.: из-за «февральского регрессивного течения» расчеты Мао Цзэдуна были нарушены.

Для «расследования» деятельности участников «февральского противотечения» на пленуме создали шесть специальных групп – по числу присутствовавших на пленуме главных «обвиняемых», по одной для каждого. В документах пленума подчеркивалось, что разгром «февральского противотечения» (1967 г.) и «черного поветрия реабилитации» (весна 1968 г.) является «крупной победой» «линии Мао Цзэдуна».

18 октября 1968 г. с «Докладом о расследовании преступлений предателя, провокатора и штрейкбрехера Лю Шаоци» выступил Чжоу Эньлай. Тем самым он в очередной раз подтвердил свою преданность Мао Цзэдуну и свою враждебность по отношению к Лю Шаоци. (Здесь уместно упомянуть, что Чжоу Эньлай выступал с обвинительными речами и в адрес Лю Шаоци, и в адрес Гао Гана.)

Доклад был представлен Группой по расследованию специальных дел при ЦК КПК, в которую входили Се Фучжи (руководитель), Ван Дунсин, Кан Шэн, Цзян Цин, Чэнь Бода и Чжоу Эньлай. Се Фучжи говорил, что «по делу предателя Лю Шаоци основную работу проделала товарищ Цзян Цин».

Известно, что с 1966 г. группы, расследовавшие такого рода особые дела, были выведены из подчинения Орготделу ЦК КПК. Решение о заведении дела и о создании особой группы по этому делу принимал Мао Цзэдун – либо по собственной инициативе, либо по предложению Кан Шэна. Судьбы руководителей страны, таким образом, определяли два человека. Решающее слово, разумеется, оставалось за Мао Цзэдуном.

По воспоминаниям Ху Яобана, подручные Кан Шэна уговаривали находившегося в тюрьме бывшего заведующего Организационным отделом ЦК КПК Ань Цзывэня дать письменные показания о якобы готовившемся в феврале 1966 г. контрреволюционном путче во главе с Лю Шаоци. За лжесвидетельство Ань Цзывэня обещали избрать в ЦК КПК. Однако он не пошел на это. От дачи ложных показаний против Лю Шаоци отказались и заключенные в тюрьму Чжан Вэньтянь, Ли Лисань и первый секретарь парткома пров. Цзянси Фан Чжичунь. Так что «факты» приходилось сочинять самим организаторам травли. «Ошибочность» «политических выводов 12-го пленума ЦК партии 8-го созыва относительно товарища Лю Шаоци и принятых в связи с этим организационных мер» была признана через 13 лет, спустя пять лет после смерти Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая, в 1981 г. в «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени основания КНР».

В докладе Чжоу Эньлая на пленуме содержались обвинения в адрес находившегося в тюрьме Лю Шаоци в том, что он свыше 40 лет «подвергал бешеным нападкам пролетарскую революционную линию, представляемую Мао Цзэдуном, совершал бесчисленные контрреволюционные махинации, стал главарем контрреволюционной группировки внутри партии, главным представителем сил реставрации капитализма». При этом обвинения касались в основном деятельности Лю Шаоци до 1950 г. В докладе Чжоу Эньлая содержалось обещание в дальнейшем представить более подробные сведения

о «преступлениях» Лю Шаоци в период после 1950 г., но это обещание так и не было выполнено.

Квалифицируя преступления Лю Шаоци как «в высшей степени тяжелые, которые не искупить даже смертью», Группа по расследованию специальных дел призвала ЦК КПК «лишить Лю Шаоци всех постов, навсегда исключить из КПК и продолжать сведение счетов с ним и его приспешниками». Пленум утвердил доклад Чжоу Эньлая и снял Лю Шаоци со всех партийных и государственных постов. «Единогласно» при одном воздержавшемся было принято решение навсегда исключить его из партии. Лю Шаоци уведомили об исключении его из КПК «навечно» в день его 70-летия, 24 ноября 1968 г., а 12 ноября 1969 г. в результате варварского обращения с ним он скончался в тюрьме Кайфэна (пров. Хэнань) и был тайно захоронен под именем Лю Вэйхуана. Согласно статистическим данным Верховного народного суда на сентябрь 1980 г., на основании надуманных обвинений по «делу Лю Шаоци» наказанию подверглись более 28 тыс. человек, а количество дел достигло более 26 тыс.

Принятие решения об исключении Лю Шаоци из КПК противоречило Уставу партии, так как было принято не двумя третями, а менее чем половиной голосов членов ЦК, участвовавших в пленуме. На пленуме предлагалось исключить из партии и Дэн Сяопина (в марте 1968 г. была создана группа по его «особому делу»). Однако Мао Цзэдун, намеревавшийся в будущем еще использовать способности и настроения Дэн Сяопина (особенно с учётом того, что тот относился к Советскому Союзу точно так же, как и Мао), это предложение не поддержал.

Во время своей культурной революции Мао Цзэдун преследовал как своего главного врага Лю Шаоци. Взгляды обоих и на внутреннее развитие Китая, и на взаимоотношения с советским народом и СССР расходились коренным образом. Именно по этой причине Мао Цзэдун и добивался физического уничтожения Лю Шаоци. В истории КПК и КНР произошло то, что «второй человек» в партии, председатель КНР, в нарушение и Конституции КНР и Устава КПК, был без суда и следствия брошен по воле Мао Цзэдуна в тюрьму. Над ним издевались. На пленуме ЦК КПК Мао Цзэдун добился осуждения его как «предателя, провокатора и штрейкбрехера» и исключения из партии «навечно». Если в 1949 г. Мао вынудил уехать на Тайвань своего врага Чан Кайши, то в 1968 г. он добился своей главной цели в ходе культурной революции — исключения из партии как «предателя нации» Лю Шаоци.

Здесь необходимо подчеркнуть: то, что делал Лю Шаоци, было в интересах народа Китая, а то, что совершил Мао Цзэдун в годы КНР, шло во вред интересам народа Китая. Об этом свидетельствуют миллионы погибших в результате политики Мао Цзэдуна во времена его правления в Китае.

Вместе с тем Мао во время своей культурной революции не преследовал Дэн Сяопина. Допустив лишь некоторую словесную критику последнего, очевидно, с тем, чтобы тот на время «притих», Мао затем «перевел» Дэн Сяопина «на запасный путь». Его по указанию вождя на специально выделенном для этой цели самолете с родными, вещами и личной библиотекой перевезли

из Пекина в одну из провинций Китая, где предоставили особняк. Через некоторое время там собрался весь «клан» Дэн Сяопина. После возникновения «дела Линь Бяо» в 1971 г. Дэн Сяопин послал Мао Цзэдуну письмо, осудив Линь Бяо, как того, кто якобы «предал» и «пытался бежать за границу». Вскоре после этого Мао возвратил Дэн Сяопина в Пекин, где тот занял руководящие посты.

Пленум принял проект нового Устава КПК и объявил о решении созвать «в подходящее время» IX съезд КПК, для которого созрели «идеологические, политические и организационные условия». Пленум одобрил все «указания» Мао Цзэдуна и выступления Линь Бяо, сделанные в 1966–1968 гг., а также деятельность ГКР.

Решения пленума принимались в закрытом порядке. Единственным открыто опубликованным документом стало Коммюнике пленума. Документ претерпел три редакции. Так, Мао Цзэдун вычеркнул из него пассаж о том, что «идеи Мао Цзэдуна являются новейшим этапом развития марксизма-ленинизма», оставив констатацию подтверждения культурной революцией «исключительно глубокого, далеко идущего значения учения товарища Мао Цзэдуна о продолжении революции при диктатуре пролетариата». Из утверждения о том, что идеи Мао «являются единственными руководящими идеями в любой работе» Мао Цзэдун удалил слово «единственными»,



Слева направо: Кан Шэн, Цзян Цин, Чжоу Эньлай, Линь Бяо, Мао Цзэдун

но оставил определение своих идей как «марксизма-ленинизма такой эпохи, когда империализм идет к всеобщему краху, а социализм – к победе во всем мире».

«Штаб» Мао Цзэдуна в Коммюнике был провозглашен руководящим органом, а Линь Бяо – единственным заместителем Мао Цзэдуна, его преемником и близким (но не «ближайшим», как во многих случаях заявлялось раньше) соратником. Очевидно, эти нюансы формулировок отражали недовольство ряда участников пленума возвышением Линь Бяо.

«Пленум констатирует, что благодаря буре великой пролетарской культурной революции были подготовлены все условия в идеологическом, политическом и организационном отношении для созыва IX Всекитайского съезда партии», – отмечалось в Коммюнике пленума.

После пленума была поднята новая волна критики в адрес Лю Шаоци и его «агентов» на местах под лозунгами пленума: «Свести счеты за контрреволюционные ревизионистские преступления Лю Шаоци», «очиститься от яда, распространяемого контрреволюционной, ревизионистской идеологией Лю Шаоци» и т.д. Многие из подвергшихся гонениям членов КПК и кадровых работников именовались «проводниками контрреволюционной линии Лю Шаоци», его «верными агентами и слугами», а прежние партийные организации – «ревизионистской партией Лю Шаоци».

Руководству КПК казалось, что подавление «бунтарской» стихии и разгром явных и возможных противников культурной революции (из партии были «вычищены» более 5 млн членов) создавали условия для установления диктатуры на принципах контролируемого террора «сверху».

IX съезд КПК

Созыв IX съезда КПК Мао Цзэдун считал поворотным моментом от «всеобщих беспорядков в Поднебесной» к «всеобщему порядку».

В феврале 1969 г. началась непосредственная подготовка к съезду. 2 февраля Чжоу Эньлай представил Мао Цзэдуну «Сообщение ЦК КПК и ГКР о работе по подготовке IX съезда КПК», в котором были отражены вопросы отбора делегатов, исправления Устава КПК, оценки состояния народного хозяйства в 1969 г., внутренней и внешнеполитической ситуации, предложения по изменению структуры аппарата ЦК КПК, содержалось обоснование пропагандистского курса съезда.

7 февраля Мао Цзэдун созвал членов ГКР и поставил перед ними задачу подготовить проект доклада ЦК КПК съезду. Непосредственными исполнителями он предложил назначить Чэнь Бода (как главного составителя текста), Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюаня, а на Линь Бяо возлагался контроль над этой работой.

Предполагалось завершить подготовку проекта доклада к 20 февраля, а 15 марта открыть съезд. Однако предлагавшиеся варианты текста

не устраивали Мао Цзэдуна, в результате работа не была выполнена даже к 20 марта, и Мао Цзэдун заменил Чэнь Бода на Кан Шэна, после чего подготовкой проекта занялись также Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань. 31 марта проект доклада, выправленный Мао Цзэдуном, был готов.

Во время подготовки к съезду впервые была высказана идея о том, что культурная революция скоро окончится и функции ГКР будут исчерпаны. 3 марта 1969 г., обсуждая один из документов, Мао Цзэдун уточнил: «Подпись ГКР не надо ставить. Они занимаются “культурной революцией”, а “культурная революция” скоро закончится, надо поставить Постоянный комитет ЦК КПК».

1–24 апреля 1969 г. в Пекине в обстановке секретности прошел IX съезд КПК. В отличие от VIII съезда, широко освещавшегося в печати, ни одно из выступлений, прозвучавших на IX съезде, опубликовано не было. На партийный форум не приглашались иностранные гости и корреспонденты. Делегатам запрещалось звонить по телефону, выходить из здания, где проходил съезд. Члены партии и население узнали о том, что проходит съезд, только после опубликования Коммюнике. Съезд собрался в обстановке обострения внутривластного кризиса в стране и фракционной борьбы в руководстве партии.

Подготовка IX съезда КПК проходила с грубыми нарушениями норм партийной жизни. Делегаты не избирались низовыми партийными организациями, а отбирались в Пекине и на местах ревкома. Партийные организации не были воссозданы, даже на уездном уровне не существовало ни одного парткома. Именно такая ситуация давала возможность «штабу Мао Цзэдуна» обеспечить преобладание на съезде своих сторонников.

В число 1512 участников съезда вошли прежде всего военные, а также кадровые работники, руководители хунвэйбинов и цзаофаней. Многих из них приняли в партию незадолго до съезда без соблюдения уставных требований, на основании указания Мао Цзэдуна «о вливании свежей крови» в КПК. Некоторые делегаты были приняты в партию, как только сошли с поезда, прибыв для участия в съезде, часть — даже по окончании съезда. За счет «свежей крови» численность КПК была доведена до 22 млн человек. В то же время в число делегатов не попали более двух третей членов и кандидатов в члены ЦК, избранных на VIII съезде партии, три четверти членов Секретариата ЦК и более половины членов Политбюро ЦК КПК, 37 из 60 членов и кандидатов в члены Комитета партийного контроля ЦК КПК 8-го созыва. Две трети делегатов были одеты в военную форму.

Повестка дня съезда включала три вопроса: 1. Отчетный доклад, с которым от имени ЦК КПК выступил Линь Бяо. 2. Изменения в Уставе КПК. 3. Избрание нового Центрального Комитета партии. После завершения работы съезда был опубликован лишь политический отчет (доклад Линь Бяо), и то в сокращенном и исправленном виде. Он и был утвержден 14 апреля 1969 г. в качестве основного решения съезда.

IX съезд КПК закреплял курс на отказ от решений VIII съезда, от проведения миролюбивой внешней политики. Доклад Линь Бяо не содержал

ни анализа, ни даже описания деятельности партии внутри страны и на международной арене со времени прошлого съезда. Он был целиком посвящен восхвалению Мао Цзэдуна и его «идей», оправданию «культурной революции». «Особенность IX съезда состояла в том, — отмечают китайские историки, — что с самого начала и до конца он проходил в накаленной атмосфере ультралевых идей и культа личности Мао Цзэдуна». В материалах съезда Мао Цзэдун, вопреки историческим фактам, изображался «создателем КПК», все успехи партии связывались лишь с его именем. Из истории КПК вымарывались имена Цюй Цюбо, Ван Мина, Гао Гана, Чжу Дэ, Пэн Дэхуая, Лю Шаоци и многих других лидеров, перечеркивался опыт социалистического строительства в КНР до 1957 г. То, что «идеи Мао Цзэдуна» утвердились в качестве теоретической основы партии, расценивалось как самое крупное достижение «культурной революции».

В отчетном докладе большинство социалистических стран объявлялись «ревизионистскими» или «социалистическо-империалистическими» и зачислялись в разряд враждебных революции сил.

Большое влияние на формулировки, связанные с международными отношениями, оказали проведенное в КНР 17 июня 1967 г. первое испытание водородной бомбы, а также вооруженные действия на советско-китайской границе — на р. Уссури в районе острова Даманского в ночь на 2 марта 1969 г., когда подразделения китайской армии численностью около 300 человек нарушили советскую границу. Это потребовалось для еще большего раздувания антисоветской истерии, нагнетания атмосферы якобы надвигающегося военного конфликта с СССР. С ее помощью удалось включить в программные документы съезда антисоветские установки, объявить антисоветский курс «генеральной линией» внешней политики КНР.

В политическом отчете Линь Бяо подчеркивалась необходимость быть готовым к ведению скоротечной масштабной, возможно, ядерной войны против СССР и США. Что к войне надо готовиться, подтвердил сам Мао Цзэдун. Он говорил о необходимости «глубоко эшелонированного размещения» и «стратегического расположения промышленности», «создания самостоятельных промышленных комплексов» для укрепления жизнеспособности экономики в случае войны. «Подготовка к войне стала не только важной темой для обсуждения на IX съезде, но одновременно и руководящим направлением деятельности во всех областях, — говорится в “Краткой истории КПК”. — Вслед за тем по всей стране начали рыть бомбоубежища и форсировали строительство “третьей линии” обороны, т.е. стратегического тыла». «Напрасно было истрачено огромное количество людских и материальных сил». В современной китайской историографии признается, что в оценке, которую дали международной обстановке Мао Цзэдун и Линь Бяо, «была чрезмерно раздута опасность развязывания империалистической мировой войны, а потому был сделан чрезвычайный акцент на подготовке к войне».

В докладе подчеркивалось, что в настоящее время «начался новый исторический период» борьбы против КПСС и СССР. Ставилась задача создания международного антисоветского фронта, подтверждались территориальные

притязания к Советскому Союзу, пропагандировалась лживая версия о событиях в районе Даманского.

В принятом съездом новом Уставе КПК было опущено определение основных задач партии в социалистическом и культурном строительстве, по улучшению жизни народа. Ничего не говорилось об осуществлении социалистической модернизации, развитии и совершенствовании демократии, проведении социалистической внешней политики. Из Устава были изъяты положения о правах членов партии, сняты прежние развернутые положения о демократическом централизме, развитии внутрипартийной демократии, принципе коллективного руководства, сплоченности и единстве партии, недопустимости раскольнической фракционной деятельности и действий, ставящих личность над коллективом, положение о необходимости борьбы против национализма и великодержавного шовинизма.

Такой степени культа личности, как в документах IX съезда, история партии не знала. Устав наделял председателя ЦК КПК полномочиями, которые фактически ставили его над ЦК. В программной части Устава содержалось положение о назначении Линь Бяо, пользовавшегося авторитетом одного из самых талантливых военачальников периода Гражданской войны, «преемником Мао Цзэдуна и продолжателем его дела». Это положение, по одной из версий, внесла Цзян Цин – еще на апрельском 1969 г. совещании ЦК КПК. По воспоминаниям начальника охраны ЦК, Мао Цзэдун обдумывал этот вопрос целый вечер и, в конце концов, дал свою санкцию: «Раз большинство товарищей согласны, вписываем имя Линь Бяо». Кан Шэн на съезде заявил, что четкая фиксация в Уставе партии имени Линь Бяо как «преемника председателя Мао» «является великим делом, имеющим отношение к перспективам и судьбе нашей партии и страны, к перспективам и судьбе мировой революции». Как отмечают историки КНР, эта новация шла вразрез с организационными принципами демократического централизма, на которых формально основывалась КПК.

Много места отводилось в Уставе проблеме широкой чистки партии. При этом упрощалась процедура приема в КПК, упразднялся кандидатский стаж.

На съезде резкой критике подверглись Чжу Дэ, Дун Биу, а также Чэнь Юнь и Ли Фучунь. Чжу Дэ был назван «матерым правым оппортунистом», который выступал против Мао Цзэдуна еще в Цзинганшане. Чэнь Юнь обвинялся в саботаже политики «большого скачка» и народных коммун. Тем не менее некоторые видные деятели партии, в том числе те, кто подвергся шельмованию на съезде (Чжу Дэ, Чэнь Юнь, Лю Бочэн, Не Жунчжэнь и др.), в ходе обсуждения доклада Линь Бяо в группах выступили с осторожной критикой эксцессов культурной революции.

После обсуждения доклада Линь Бяо и Устава на пленарном заседании выступили Мао Цзэдун, Линь Бяо, Чжоу Эньлай, Чэнь Бода и Кан Шэн – будущие члены ПК Политбюро ЦК КПК, начальник Генштаба Хуан Юншэн, представитель шанхайской парторганизации и «молодого поколения» левых руководителей Ван Хунвэнь, участник боев против советской армии на

острове Даманском Сунь Юйго, удостоившийся особой похвалы от Мао Цзэ-дуна, и другие.

С 15 по 24 апреля 1969 г. съезд занимался вопросами выборов в ЦК КПК. Они проходили в сложной и острой борьбе и, несмотря на предсъездовские приготовления, заняли десять дней. Достичь согласия по составу ЦК КПК до съезда не удалось. Поэтому делегации от провинций, автономных районов, городов центрального подчинения и НОАК, разбитые на 45 групп, должны были уже на съезде подать предложения по составу ЦК в президиум. Президиум с учетом мнений делегатов составил предварительный список кандидатур, который вновь был передан на рассмотрение делегациям, и лишь затем был подготовлен новый список для «предварительных выборов при тайном голосовании». Результаты «предварительных выборов», видимо, не устроили руководство, и после новых консультаций был составлен официальный список кандидатур, который президиум представил съезду для официально-го тайного голосования. Соперничавшие между собой Цзян Цин и Линь Бяо пытались включить в перечень кандидатур как можно больше своих людей и умышленно затягивали процесс подготовки списка. 21 апреля он был готов, однако 23 апреля Мао Цзэдун добавил еще пятерых. Окончательный список включал 279 человек (170 членов и 109 кандидатов). Таким образом, численность нового ЦК по сравнению с тем, что был сформирован на VIII съезде КПК, увеличивалась на 107 человек. От прежнего состава ЦК КПК осталось лишь 53 человека (около 19%), он наполовину состоял из военных. В руководящий орган партии не вошли бывшие руководители территориальных бюро ЦК КПК, большинство бывших секретарей провинциальных комитетов. Данные о новом составе ЦК представлены в приведенной ниже таблице 4.

Таблица 4

Состав ЦК КПК	Военные	Кадровые работники	Представители «массовых организаций»	Прочие
Члены ЦК	95	48	25	2
Кандидаты в члены ЦК	53	18	28	10
Всего	148 (53%)	66 (24%)	53 (19%)	12 (4%)

Более 70 человек (почти 67%) среди военных в составе ЦК служили в прошлом под началом Линь Бяо. Наиболее широко были представлены Гуанчжоуский и Уханьский военные округа, которые возглавляли его сторонники.

28 апреля 1969 г. состоялся 1-й пленум ЦК КПК 9-го созыва, избравший Политбюро ЦК КПК в составе 21 члена и четырех кандидатов в члены. Из прежнего состава Политбюро в новый вошли девять человек: семь членов — Мао Цзэдун, Линь Бяо, Чжоу Эньлай, Дун Биу, Ли Сяньнянь, Лю Бочэн, Чжу Дэ и два бывших кандидата, ставших членами, — Кан Шэн и Чэнь Бода. В Политбюро были введены также Е Цюнь, Е Цзяньин, Цзян Цин, Сюй Шию, Чэнь

Силянъ, Ли Цзопэн, У Фасянь, Чжан Чуньцяо, Цю Хойцзо, Яо Вэньюань, Хуан Юншэн, Се Фучжи (члены), Цзи Дэнкуй, Ли Сюефэн, Ли Дэшэн и Ван Дунсин (кандидаты). Таким образом, в Политбюро вошли деятели, активно осуществлявшие культурную революцию. Из 12 вошедших в состав Политбюро военных пятеро составляли ближайшее окружение Линь Бяо: Е Цюнь (начальник канцелярии Линь Бяо), Ли Цзопэн (ВМС), У Фасянь (ВВС), Хуан Юншэн (Генштаб) и Цю Хойцзо (Главное управление тыла НОАК).

В Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК вошли пять человек: Мао Цзэдун, Линь Бяо, Чэнь Бода, Чжоу Эньлай и Кан Шэн. Из тех, кто не прошел в состав Постоянного комитета, больше всего голосов набрали Цзян Цин (150) и Хуан Юншэн – 130.

В Постоянном комитете Мао Цзэдун осуществлял общее руководство, его заместитель Линь Бяо курировал военные дела, Чэнь Бода и Кан Шэн – партийные (в ведении первого были вопросы теории, второго – организационные), Чжоу Эньлай был ответственным за административную сферу.

«IX съезд партии, узаконивший ошибочную теорию и практику “культурной революции”, укрепил позиции Линь Бяо, Цзян Цин, Кан Шэна и других в ЦК партии. Руководящий курс этого съезда был ошибочным во всех отношениях – как в идеологическом, политическом, так и в организационном», – говорилось в «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» 1981 г.

После IX съезда КПК высшее руководство страны оказалось фактически разделенным на два крупных клана. В группировку Линь Бяо, как отмечалось выше, входили Е Цюнь, начальник Генштаба Хуан Юншэн, командующий ВВС У Фасянь, Цю Хойцзо и Ли Цзопэн. Цзян Цин поддерживали Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань, Кан Шэн, Се Фучжи и некоторые другие.

До съезда Мао Цзэдун неоднократно говорил, что культурную революцию можно осуществить в течение двух–трех лет. На 12-м пленуме ЦК КПК 8-го созыва он предполагал «почти управиться» к лету 1969 г. Однако, выступая 28 апреля 1969 г. на 1-м пленуме ЦК КПК 9-го созыва, Мао Цзэдун заявил о том, что «революция еще не выполнила некоторые задачи» и потому необходимо продолжать «борьбу, критику и преобразование. Возможно, что и через несколько лет снова надо будет проводить революцию». Вопрос о времени окончания культурной революции более не поднимался.

Кампания «борьбы, критики и преобразований», за которую ратовал Мао Цзэдун, предусматривала «создание ревкомов на трехсторонней основе, массовую критику, очищение классовых рядов, наведение порядка в партийных организациях, сокращение аппарата, изменение нерациональных правил и распорядков, направление управленческих кадров в низы».

Усиление роли армии и подготовка к войне

В 1966–1969 гг. была нарушена политическая система КНР. Не функционировали собрания народных представителей всех уровней. Большинство партийных организаций, за исключением армейских, оказались парализованы. Профсоюзы, Коммунистический союз молодежи и другие общественные организации, вплоть до пионерской, также прекратили свою деятельность.

Тяжелые потери понес кадровый состав прежних партийных и государственных органов. После IX съезда КПК в КНР осталось четверо заместителей премьера Госсовета (до 1966 г. их было 15): Линь Бяо, Ли Сяньнянь, Чэнь Юнь и Ли Фучунь. Новый министр иностранных дел вместо Чэнь И не был назначен. К 1970 г. из 309 руководителей министерств и ведомств Госсовета КНР 235 человек были отстранены от работы на неопределенное время. Сквозь частое сито «чистки» прошли более 2 тыс. дипломатов и чиновников МИДа. Были причислены к «шпионам», «вредным элементам», «новым контрреволюционерам» и арестованы почти 2 млн человек.

Вместо прежней системы партийных и государственных органов были созданы совмещавшие их функции ревкомы, контролировавшиеся преимущественно армейским командованием. Военные занимали посты председателей в 20 из 29 ревкомов провинциального уровня, возглавляли около 80% ревкомов в главных городах провинций, автономных районов и уездов и 160 из 180 ревкомов округов. На территории городского района Пекина (столица с пригородами) военные составляли 78% руководителей ревкомов выше уездного уровня, в пров. Гуандун – 81, в Ляонине – 95, в Юньнани – 87, в Хубэе – 98%, в сельских уездах Хэбэя они возглавляли 98% «ревкомов». В целом по стране в ревкомах выше уездного уровня военных руководителей насчитывалось 5193. 789 военных кадровых работников работали в канцеляриях ЦК КПК, среди них насчитывалось 126 руководителей и заместителей руководителей «групп по особым делам».

Фактическая власть на местах находилась в руках партийных комитетов 11 больших военных округов, на которые была разделена территория Китая. В 1990-е годы историки КНР, отмечая роль военных в смягчении напряженной ситуации, сложившейся в стране, в то же время признали, что «находясь под влиянием левого курса, те все-таки не смогли избежать многих ошибок, имевших тяжелые последствия».

Еще в 1967 г. по предложению Не Жунчжэня, которого поддерживали Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай, было принято решение провести реорганизацию всех НИИ оборонной промышленности, а также отделов новых технологий институтов, и поставить их под контроль военных. В декабре 1969 г. под руководством рабочей группы канцелярии Военного совета ЦК КПК была создана руководящая группа оборонной промышленности. В июне 1970 г. по решению ЦК КПК министерства машиностроения с 2-го по 7-е отошли в ведение

Комитета по науке министерства обороны, ВВС, отдела войск связи Генерального штаба, Главного управления тыла и ВМС Китая.

В сентябре 1970 г. Государственный комитет по делам физкультуры и спорта был преобразован в Государственное управление по делам физкультуры и спорта и передан под руководство Генштаба НОАК. Управление пограничным перевозкам и Управление по авиационным сообщениям были поставлены под контроль ВМС и ВВС. В ведении военных находились и созданные в 1969—1970 гг. в Аньхое, Ганьсу, Внутренней Монголии, Гуандуне, Юньнани, Фуцзяни, Цзянси, Чжэцзяне, Шаньдуне и Хубэе производственно-строительные корпуса, сыгравшие важную роль в экономической и политической жизни этих районов. Например, Синьцзянский производственно-строительный корпус к 1975 г. насчитывал 2200 тыс. человек, которые занимались сельским хозяйством, промышленным производством, скотоводством, торговлей и транспортными перевозками и давали около трети валовой продукции промышленности и сельского хозяйства Синьцзяна.

Культурная революция привела к спаду в большинстве отраслей китайской экономики, который был отчасти преодолен только в 1969 г., когда некоторые производственные показатели вернулись к уровню 1966 г. или слегка их превысили. Учитывая, что статистические органы в те годы не работали, в таблице 5 приводятся оценочные данные.

Таблица 5

	Единица измерения	1966 г.	1967 г.	1968 г.	1969 г.
Валовая продукция промышленности	млрд юаней	135	110	120	135
Электрoэнергия	млрд кВтч.	70	55	60	65
Уголь	млн т	245	170	200	225
Нефть и смола	млн т	12	10	11	15
Сталь	млн т	15,3	10	9	13,5
Минеральные удобрения	млн т	8,5	7,5	8	9
Цемент	млн т	20	14	12	18
Металлорежущие станки	тыс. шт.	42	35	35	40
Автомобили	тыс. шт.	52	40	45	50
Зерновые	млн т	214	217	209	210
Чугун	млн т	14	12	13	15

Год	Общий нац. доход	Сельское хозяйство	Промышленность	Перевозки	Торговля
1966	158,6	69,2	60,6	6,6	16,4
1967	148,7	70,3	50,5	5,2	17,2
1968	141,4	71,4	44,9	4,9	15,9
1969	161,7	72,2	58,7	6,2	18,6

В 1968 г. сельскохозяйственное производство сократилось в стоимостном выражении на 2,5%, а производство зерна – на 4%, т.е. снизилось до уровня 1957 г. Но при этом в 1966–1969 гг. население страны ежегодно росло на 2,7% – 2,8% (в среднем более 21 млн в год, так как в то время контроль над деторождением не осуществлялся), а в 1969 г. оно увеличилось более чем на 84 млн человек). В результате в 1968 г. зерна на душу населения приходилось меньше, чем в 1957 г., национальный доход уменьшился в 1967 г. на 7,2%, а в 1968 г. – еще на 6,5% по сравнению с 1957 г.

Способы исправления ситуации руководство страны пыталось найти на путях военизации жизни трудовых коллективов. После IX съезда КПК была организована кампания, в ходе которой на промышленных предприятиях, в коммунах, государственных учреждениях, учебных заведениях вводились военные порядки. Всю страну призывали «учиться у НОАК». Одновременно началось выдвижение активистов творческого изучения и применения «идей Мао Цзэдуна». В конце 1969 г. – начале 1970 г. были проведены провинциальные слеты «активистов», отобранных на аналогичных уездных мероприятиях. Подобного рода ежегодные слеты созывались в течение нескольких последующих лет. Отбор активистов давал возможность пополнять сторонниками культурной революции местное партийное руководство, а также подыскивать новых кандидатов в члены партии.

Летом 1969 г. была активизирована кампания под лозунгом «три поддержки и два военных», начатая еще в 1967 г. Мао Цзэдун одобрил общую передовую статью газет «Цзефанцзюнь бао», «Жэньминь жибао» и журнала «Хунци» «Непобедимая народная армия», подготовленную Чэнь Бода и Яо Вэньюанем в связи с 42-й годовщиной НОАК. В ней подчеркивалась необходимость осуществления этой кампании, решительного проведения в жизнь стиля «трех и восьми», инициатором которого был Линь Бяо. В кампании к концу 1970 г. участвовало около 2790 тыс. военных кадровых работников и бойцов.

Между тем в результате упора на идеологическое воспитание военных и изучение работ Мао Цзэдуна, отвлечения военнослужащих на выполнение несвойственных им обязанностей снизилась боеготовность войск. Так, эффективность стрельбы зенитчиков упала с 80% в 1962 г. до 43 в 1968 г. и 26% в 1969 г. Резко снизилась квалификация связистов, в некоторых инженерных взводах не было специалистов по установке и обезвреживанию мин. 80% штабных работников не умели читать карту, не знали тактики. Если в 1965 г. налет летчика-истребителя за год в среднем составлял 78 часов, то после 1966 г. – 38.

В 1969 г. в Пекине в очередной раз был поставлен вопрос об усилении работы по подготовке к войне. 27 августа ЦК КПК и Военный совет ЦК разослали документ рабочей группы канцелярии Военного совета «Доклад об усилении по всей стране работы в области противовоздушной обороны». Было принято решение о создании руководящих групп разного уровня по этой проблематике. Руководителем центральной руководящей группы стал Чжоу Эньлай, его заместителями – Хуан Юншэн, Се Фучжи, У Фасянь



Армия клянется в верности вождю

и заместитель начальника Генштаба Янь Чжунчуань. Группу прикрепили к отделу оперативного планирования Генштаба. В сентябре Госсовет КНР и Военный совет ЦК КПК распространили директиву о необходимости «строительства коммуникаций» в военных целях. Еще в 1968 г. Чжоу Эньлай утвердил план строительства шоссейных дорог для усиления обороны страны в 1969 г. Планировалось построить 26 шоссейных дорог и продолжить строительство 37, инвестировать в это строительство 200 млн юаней. В течение трех лет, начиная с 1970 г., в северных районах страны предполагалось построить 33 шоссейные дороги общей протяженностью 6095 км.

18 октября 1969 г. в развитие установки IX съезда КПК о «подготовке к войне» был издан «Экстренный приказ № 1 о подготовке на случай войны и предотвращении внезапного удара противника», получивший название «1-го боевого приказа заместителя главкома Линя». «Экстренный приказ № 1» издали накануне прибытия в Пекин советской делегации (20 октября 1969 г.) на переговоры по урегулированию проблем, возникших в отношениях между двумя странами, прежде всего в связи с вооруженными столкновениями на советско-китайской границе. Очевидно, Мао Цзэдун хотел продемонстриро-



Громкое чтение

вать самим фактом приведения НОАК в повышенную боевую готовность недоверие к СССР, отсутствие перспектив изменения советско-китайских отношений к лучшему. В то же время эта акция показывала правительству США, с которым КНР в то время поддерживала активные, хотя и тайные, дипломатические контакты, что отношение Мао Цзэдуна к Советскому Союзу становилось все более враждебным и переговоры с Москвой следует расценивать как тактический маневр.

Одновременно с обнародованием указа из Пекина вывезли видных деятелей партии и государства, включая тех, кто подвергался критике и был отстранен от активной политической деятельности. Их рассредоточили по разным районам страны. Чэнь И и Не Жунчжэнь были отправлены в Хэбэй (в Шичзянжуан и Ханьдань, соответственно), Лю Шаоци (в качестве заключенного) и Сюй Сянцян – в Кайфэн, Дэн Сяопин, Чэнь Юнь и министр сельского хозяйства Ван Чжэнь – в пров. Цзянси, Тао Чжу – в Хэфэй пров. Аньхой, Лю Бочэн – в Ханькоу, Е Цзяньбин, Чжу Дэ, Дун Биу и Ли Фучунь – в Гуанчжоу. Мао Цзэдун лично дал поручение заведующему канцелярией ЦК КПК Ван Дунсину разместить Чэнь Юня и Ван Чжэня там, где имеется удобное транс-

портное сообщение, чтобы в случае войны их можно было привлечь к работе. Всем им запрещалось покидать место назначения, возвращаться без приказа в Пекин и поддерживать контакты между собой. На периферию предполагал выехать и сам Мао Цзэдун (в Ухань), а также Линь Бяо (в Сучжоу).

Известно, что еще до издания «Экстренного приказа № 1» интеллигенцию и кадровых работников отправляли на работу в низы. Эти акции некоторые китайские историки и публицисты, авторы мемуаров связывают с упомянутым приказом Линь Бяо. Распространение такой версии стало следствием, во-первых, ограничения доступа к надежным источникам, в первую очередь к архивным документам, во-вторых, попыток переложить всю ответственность за эксцессы 1966—1976 гг. на одного Линь Бяо. На самом деле в «Приказе № 1» говорилось не о рассредоточении центрального руководства КНР, а о приведении армии в состояние полной боевой готовности. Как известно на сегодняшний день, и это подтверждают некоторые китайские историки, решение о рассредоточении руководящих работников партии, армии и административного аппарата принял лично Мао Цзэдун. Он считал возможной атомную бомбардировку СССР Пекина с целью уничтожения Мао Цзэдуна и других руководителей КПК. Причем для дезориентации руководства КПК в Пекин тогда и была, дескать, направлена, по мнению Мао Цзэдуна, правительственная делегация СССР на переговоры с китайской делегацией.

В соответствии с «Приказом № 1» под руководством Чжоу Эньлая началось рассредоточение и эвакуация тяжелого оборудования, частей и соединений ВВС, МВС, личного состава военных округов, особенно трех северных. Всего были передислоцированы 91 дивизия, около 940 тыс. человек, примерно 4100 самолетов и около 600 военных кораблей. С октября 1969 г. по сентябрь 1970 г. по железной дороге было перевезено 600 тыс. вагонов с людьми и грузами НОАК, т.е. объем военных перевозок по сравнению с предыдущим годом увеличился на 34%. По водным магистралям было перевезено 200 тыс. человек, 550 т материалов, объем перевозок увеличился на 46%, автотранспортом — 30 млн т грузов. Характерная черта этих передислокаций — короткие сроки (три–четыре месяца), большие партии грузов и военнослужащих.

С 30 сентября по 3 октября 1969 г. все силы ВВС, включая училища и учреждения, были переведены на первый уровень боеготовности. 1683 самолета находились на постоянном боевом дежурстве.

О том, какие средства отпускались на армию и подготовку к войне, говорит тот факт, что все вложения в содержание городов — водоснабжение, электричество, транспорт, канализацию и т.п. — с 1965 по 1975 г. составили лишь 4% от вложений в военную промышленность.

* * *

В начале 1970 г. между группировками в руководстве КПК вновь обострилась борьба. Она сосредоточилась вокруг вопроса о том, следует ли воссоздавать пост председателя КНР. В связи с тюремным заключением, а затем и смертью Лю Шаоци, последовавшей 12 ноября 1969 г., пост главы государства

оказался вакантным. 8 марта 1970 г. Мао Цзэдун высказался за проведение сессии ВСНП 4-го созыва, пересмотр Конституции КНР и изменение структуры руководства страной, предложив упразднить пост председателя КНР. Функции высшего органа власти должен был взять на себя Постоянный комитет ВСНП.

Получив предложения Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлай немедленно собрал ПК Политбюро ЦК КПК и изложил мнение председателя партии. Участники совещания поддержали предложение Мао Цзэдуна и решили немедленно начать подготовку к проведению его указаний в жизнь.

17–20 марта было проведено рабочее совещание ЦК КПК, которое обсудило вопросы о созыве сессии ВСНП и пересмотре Конституции КНР. Подавляющее большинство участников поддержало предложения Мао Цзэдуна об упразднении поста председателя КНР и изменении структуры руководства страной. Однако некоторые считали, что Мао Цзэдун и сам может занять место председателя. 11 апреля Линь Бяо направил Мао записку, в которой настоятельно предлагал пересмотреть вопрос о должности председателя КНР и закрепить его за Мао Цзэдуном. Но тот решительно отверг это предложение.

По завершении рабочего совещания ЦК КПК начал подготовку к изменению Конституции КНР и созыву сессии ВСНП. Политбюро создало рабочую группу по внесению поправок в Конституцию, куда вошли Кан Шэн, Чжан Чуньцяо, У Фасянь, Ли Цзопэн и Цзи Дэнкуй. Комиссия должна была представить свой проект 2-му пленуму ЦК КПК 9-го созыва. Комитет по разработке проекта Конституции должны были возглавить Мао Цзэдун в качестве председателя и Линь Бяо как его заместитель.

С марта по август Мао Цзэдун несколько раз подтвердил неизменность его позиции относительно упразднения поста председателя КНР. Однако Линь Бяо настаивал на своем. Некоторые историки КНР связывают его настойчивость с желанием Линь Бяо как «преемника» Мао Цзэдуна самому стать высшим лицом в государстве.

13 августа Кан Шэн собрал совещание группы по доработке Конституции, на котором разгорелась острая дискуссия по вопросу о том, следует ли в проекте Конституции, в частности, в разделе о заслугах Мао Цзэдуна в развитии учения марксизма-ленинизма, вставить перед словом «развил» определения «гениально, всесторонне, творчески». За это выступали Чэнь Бода, Хуан Юншэн, У Фасянь, Е Цюнь, Ли Цзопэн, Цюй Хоцзо и сын Линь Бяо Линь Лиго, против – Чжоу Эньлай, Кан Шэн и Чжан Чуньцяо. За разногласиями по поводу формулировок стоял политический расчет. Известно, что в то время Линь Бяо и его сторонники стали активно пропагандировать тезис о «гениальности» Мао Цзэдуна. Соответственно, избранный вождем преемник должен быть признан столь же «гениальным».

22 августа состоялось заседание Постоянного комитета Политбюро с участием Мао Цзэдуна, Линь Бяо, Чэнь Бода, Чжоу Эньлая и Кан Шэна. Были обсуждены повестка дня 2-го пленума ЦК КПК 9-го созыва, сроки и порядок его проведения. По вопросу о сохранении поста председателя КНР вновь разгорелась дискуссия. Позиция Мао Цзэдуна оставалась прежней.

2-й пленум ЦК КПК 9-го созыва работал в Лушане с 23 августа по 6 сентября 1970 г. под руководством Мао Цзэдуна. Повестка дня пленума включала три вопроса: обсуждение пересмотренного проекта Конституции, утверждение плана развития народного хозяйства и вопрос о подготовке к войне. Основными докладчиками были Линь Бяо и Мао Цзэдун (их речи официально не опубликованы). Первым выступил Линь Бяо. Он особо отметил, что в проекте Конституции «зафиксировано самое высокое место Мао Цзэдуна как полководца, великого вождя, главы страны диктатуры пролетариата». Линь Бяо восхвалял «гений Мао Цзэдуна» и настаивал на учреждении поста председателя КНР.

Вечером на совещании Политбюро ЦК КПК У Фасянь предложил еще раз прослушать на пленуме магнитофонную запись выступления Линь Бяо, изучить и обсудить ее на секциях и получил одобрение собравшихся. 24 августа в ходе обсуждений выступления Линь Бяо на секциях пленума Чэнь Бода, Е Цюнь, У Фасянь, Ли Цзопэн и Цю Хойцзо усиленно рекламировали составленный Чэнь Бода и одобренный Линь Бяо материал «Некоторые высказывания из произведений Энгельса, Ленина и председателя Мао Цзэдуна о понятии “гениальность”».

Чэнь Бода в выступлении на секции Северного Китая заявил, что полностью поддерживает выступление Линь Бяо и обрушился с нападками на анонимных противников признания гениальности вождя. Бюллетень с речью Чэнь Бода вызвал широкий резонанс в других секциях. Большинство участников пленума, узнав о том, что «кое-кто» «не признает гениальности Мао Цзэдуна», «принижает значение его идей» и «возражает против избрания его председателем КНР», выражали свое возмущение и пытались выяснить, кто же эти люди. Однако имен никто назвать не мог.

С аналогичными предложениями сохранить пост председателя КНР и восхвалениями «гениальности» Мао Цзэдуна выступили У Фасянь, Ли Цзопэн и Цю Хойцзо.

Цзян Цин и ее сторонники утром 25 августа отправились в резиденцию Мао Цзэдуна и «довели до его сведения» информацию о «неадекватных действиях группировки Линь Бяо».

25 августа 1970 г. Мао Цзэдун созвал расширенное заседание Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, на котором провел решение о немедленном прекращении обсуждения речи Линь Бяо от 23 августа на секциях, о прекращении работы секций и об изъятии из обращения на пленуме бюллетеня с текстом речи Чэнь Бода. Позднее Мао Цзэдун оценил этот материал как «контрреволюционный». Срочно собранное Политбюро приняло решение потребовать от Чэнь Бода, У Фасяня, Ли Цзопэна, Цю Хойцзо и Ван Дунсина выступлений с «самокритикой».

31 августа Мао Цзэдун написал статью «Мое мнение», в которой подверг нападкам Чэнь Бода. Председатель партии припомнил ему и прошлые «грехи»: на Лушаньском совещании 1959 г. он переметнулся на сторону Пэн Дэхуая, при обсуждении «70 пунктов по промышленности» в 1961 г. пытался «внести разлад, предпринял внезапное нападение, занимался провокационной деятельностью». По предложению Мао Цзэдуна на пленуме развернулась

разоблачительная критика Чэнь Бода и тех, кто поддержал его 24 августа. Им было предложено в письменном виде подготовить «самоанализ» к расширенному совещанию Политбюро. Но в тот момент Мао Цзэдун еще не указывал на необходимость критики Линь Бяо.

6 сентября пленум вернулся к рассмотрению первоначальной повестки дня, которая включала принятие поправок к Конституции и решения о рекомендации ПК ВСНП созвать сессию ВСНП 4-го созыва. Проект Конституции КНР в основном отражал установки IX съезда КПК и сосредоточивал в руках Мао Цзэдуна всю полноту партийной, государственной и военной власти. Мао был назван «великим вождем всех наций и народностей страны, главой государства диктатуры пролетариата, верховным главнокомандующим вооруженными силами страны», а Линь Бяо – «близким соратником председателя Мао и его преемником, заместителем верховного главнокомандующего всеми вооруженными силами Китая». «Идеи Мао Цзэдуна» утверждались в качестве «руководящих для любой деятельности народа всей страны». «Основными правами и обязанностями граждан, – говорилось в ст. 26, – является поддержка председателя Мао Цзэдуна и его близкого соратника – заместителя председателя Линь Бяо».

Формально распределение властных полномочий в руководстве КПК осталось прежним. Однако острая схватка, происшедшая на 2-м пленуме ЦК КПК 9-го созыва, выявила шаткость позиций Линь Бяо, Чэнь Бода и их сторонников.

В принятом пленумом Основном законе отчетливо прослеживается линия на ограничение функций коллегиальных органов ради укрепления личной власти Мао Цзэдуна и его ближайшего окружения. Несмотря на многократное упоминание о «диктатуре пролетариата», «демократии народа», о «новых формах, созданных народными массами» в 1966–1969 гг., вроде «широкого высказывания мнений, полного изложения взглядов, написания дацзыбао и проведения широких дискуссий» (ст. 13), в Конституции фактически закреплялось сложившееся в период культурной революции положение, когда граждане КНР были лишены элементарных демократических прав и свобод. В ст. 22 ревкомы были названы «постоянно действующими органами местных



«Сборник изречений Председателя Мао»

собраний народных представителей» и одновременно «местными народными правительствами различных ступеней». Система выборности органов власти в Конституции практически упразднилась и заменялась так называемыми «демократическими консультациями». В ст. 28 было формально зафиксировано право на забастовку. НОАК и ополчение в ст. 15 определялись как «руководимые КПК вооруженные силы страны».

Пленум предложил ПК ВСНП «провести необходимую подготовительную работу для созыва в подходящее время сессии ВСНП 4-го созыва». Были утверждены доклады Госсовета КНР для всекитайского совещания по проблемам планирования и о плане развития народного хозяйства на 1970 г., одобрен доклад Военного совета ЦК «Об усилении подготовительной работы на случай возникновения войны». Само упоминание о народно-хозяйственном плане на 1970 г. говорило, что руководители КПК понимали, в каком плачевном положении находится экономика страны, и стали уделять ей больше внимания. Однако ни один из принятых на пленуме документов не был опубликован в открытой печати.

Пленум принял решение провести расследование деятельности Чэнь Бода. По распоряжению Мао Цзэдуна того вскоре доставили в тюрьму Циньчэн в окрестностях Пекина.

Вечером 5 сентября, накануне закрытия пленума Линь Бяо и Е Цюнь прибыли к Цзян Цин и сообщили ей о признании своей вины. На следующий день Е Цюнь привела Хуан Юншэна, У Фасяня, Ли Цзопэна и Цю Хойцзо в апартаменты Цзян Цин для принесения извинений.

Позднее, в отчетном докладе X съезду КПК, Чжоу Эньлай заявил, что в ходе работы пленума в руководстве КПК проявились острые разногласия, едва не приведшие к расколу. На пленуме прозвучали призывы к «изучению и применению марксизма-ленинизма – идей Мао Цзэдуна», требование к членам партии со всей серьезностью изучать «философские работы» Мао Цзэдуна, «стоять за диалектический и исторический материализм, против идеализма и метафизики».

Пленум призвал к дальнейшему развертыванию кампании «один удар, три против» (*и да сань фань*), т.е. «удар по контрреволюционерам и борьба против коррупции и хищений, против спекуляции, против роскоши и расточительства». С 5 февраля 1970 г. в КНР была развернута кампания за «новые четыре чистки». Основное ее содержание сводилось к «чисткам» в политической, организационной, идеологической и экономической областях. В экономической области объектами чистки являлись рабочие и служащие промышленных и горнорудных предприятий, добившихся в 1967–1969 гг. повышения заработной платы. Проверке подлежали также расходы общественных организаций и ревкомов всех ступеней за 1966–1969 гг. В политической области главный упор делался на так называемую «чистку классовых рядов», в ходе которой проверялась лояльность отдельных «представителей масс», на контроль за «пятью подрывными элементами» и силами, выступавшими против «штаба Мао Цзэдуна». Чистка в организационной области включала устранение из партийных организаций «неустойчивых элементов» с последующим

их направлением в деревню для идейного перевоспитания с запрещением занимать руководящие посты в период «прохождения испытания». В идеологической области намечалось выявление лиц, игнорирующих изучение «идей Мао Цзэдуна».

Постепенно основное внимание стало уделяться чистке в экономической области. Остальные направления «чистки» трансформировались в кампанию «нанесения удара по контрреволюционерам». Так, кампания чистки превратилась в кампанию «один удар и три против». Инструкции, разосланные на места в марте 1970 г., предлагали воздерживаться от открытого освещения материалов этой кампании, которые рекомендовалось «публиковать в закрытом порядке». Только с февраля по ноябрь 1970 г. было выявлено 1 млн 840 тыс. «предателей», «спецагентов» и «контрреволюционных элементов», арестовано 284 тыс. 800 человек.

Разногласия, обнаружившиеся на пленуме, Мао Цзэдун определил как «борьбу между двумя штабами» и решил продолжить критику Чэнь Бода. В сентябре 1970 г. он принял секретаря Пекинского горкома партии У Дэ и имел с ним двухчасовую беседу. О Чэнь Бода Мао говорил как о «крысе, бегущей с тонущего корабля». Он не мог простить Чэнь Бода перехода в лагерь Линь Бяо. В октябре 1970 г. Мао Цзэдун в резолюции на письменных «самоанализах» сторонников Линя – У Фасяня и Е Цюнь – написал, что им надо объявить выговор, на откровениях Е Цюнь еще и указал, что она выступала вместе с Чэнь Бода против курса IX съезда партии.

6 ноября 1970 г., основываясь на выступлении Мао Цзэдуна на открытии пленума, ЦК КПК распространил директиву о том, что кадровым работникам высшего руководящего звена необходимо изучать произведения Маркса и Ленина. Был утвержден список из шести работ Маркса, Энгельса и Ленина и пяти – Мао Цзэдуна. Считалось, что изучение указанных работ будет способствовать более успешному проведению кампании *пи Чэнь чжэнфэн* («критики Чэнь Бода и упорядочения стиля»). В тот же день было принято «Решение о создании Группы пропаганды ЦК», которая должна была контролировать Организационный отдел ЦК, Партийную школу ЦК КПК, издательства «Жэньминь жибао», «Гуанмин жибао» и «Хунци», центральное агентство Синьхуа, Центральное управление по делам радиовещания, Отдел переводов ЦК, а также взять под свой контроль центральные организации рабочих, молодежи и женщин и «школы 7 мая». Возглавил Группу Кан Шэн, ее членами стали Цзян Цин, Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань, Цзи Дэнкуй и Ли Дэшэн. Уже давно фактически бездействовавшие Отдел пропаганды ЦК КПК и Политический научно-исследовательский кабинет ЦК КПК упразднились. Так как после 2-го пленума ЦК КПК 9-го созыва Кан Шэн заявил о своей болезни, а Ли Дэшэн был переведен в Шэньян, то практически руководство Группой пропаганды перешло к Цзян Цин, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюаню.

16 ноября 1970 г. ЦК КПК издал подготовленные Группой пропаганды «Указания по вопросу информации об антипартийной деятельности Чэнь Бода», где последний объявлялся «лжемарксистом», «интриганом»

и «карьеристом», который вел в партии «раскольническую деятельность», «клеветал и обманывал товарищей». В документе говорилось о решении ЦК провести кампанию *пи Чэнь чжэнфэн* сначала в руководящих органах партии, затем распространить ее на всю партию. Она закончилась только к концу первого полугодия 1971 г.

16 декабря Мао Цзэдун в резолюции, наложенной на материалы доклада одной из частей Пекинского округа, потребовал обсудить на партийном совещании вопрос о том, как Чэнь Бода удалось развернуть свою деятельность в округе, и подвергнуть критике тех, кто «попался на его удочку». 18 декабря вечером Политбюро ЦК КПК обсудило мнение Мао Цзэдуна об обстановке в округе. Чжоу Эньлай поручили провести совещание работников Северного Китая.

Это совещание, открывшееся 22 декабря 1970 г., проходило более месяца. В нем участвовали более 340 представителей учреждений и войск Пекинского большого военного округа, ответственные работники провинциальных военных округов Хэбэя, Шаньси, Внутренней Монголии. Планировалось проанализировать причины, по которым Чэнь Бода удалось стать «верховным властью Пекинского округа и Северного Китая». 24 января на совещании Чжоу Эньлай выступил с резкой и подробной критикой «преступлений Чэнь Бода», которого назвал «контрреволюционным элементом». Он обнародовал «Решение ЦК партии о реорганизации Пекинского военного округа». Ли Сюэфэн и Чжэн Вэйшань должны были сложить с себя полномочия руководителей округа, командующим назначался Ли Дэшэн, а Се Фучжи и Цзи Дэнкуй – первым и вторым политкомиссарами. Ли Сюэфэна также освободили от должности председателя ревкома и секретаря партийной организации пров. Хэбэй. Его реабилитировали только в 1982 г.

9 января 1971 г. было созвано заседание Военного совета ЦК, на котором Мао Цзэдун многократно указывал на необходимость критики Чэнь Бода. Хуан Юншэну, У Фасяню, Е Цюнь, Цю Хойцзо и Ли Цзопэну еще раз предложили выступить с письменным «самоанализом» (ранее Линь Бяо приказал высшему командованию самокритикой не заниматься). 26 января 1971 г. ЦК распространил новые внутрипартийные материалы о «преступлениях антипартийного элемента» Чэнь Бода. Членам группировки Линь Бяо было предложено проанализировать свои «ошибки».

15 апреля 1971 г. было созвано совещание ЦК КПК для подведения итогов кампании *пи Чэнь чжэнфэн*. На нем присутствовали 99 ответственных работников ЦК, местных органов управления и воинских частей. 29 апреля на совещании Чжоу Эньлай выступил с обобщающим докладом и ознакомил присутствующих с содержанием «самокритики» Хуан Юншэна, У Фасяня, Ли Цзопэна, Цю Хойцзо и Ли Сюэфэна. Им были вменены в вину «политические ошибки в линии и курсе партии», «сектантские ошибки». Ранее Мао Цзэдун предлагал выступить с «самокритикой» и Линь Бяо, но тот уклонился от публичного саморазоблачения. 29 апреля ЦК КПК издал директиву, предписывающую углубить кампанию *пи Чэнь чжэнфэн* и распространить ее на все низовые учреждения в стране.

«Дело Линь Бяо»

Осенью–зимой 1970 г. Мао Цзэдун принял решение ограничить власть, полученную военными под руководством Линь Бяо. Ему не нравилось, что после официального объявления Линь Бяо его преемником военное командование почувствовало себя слишком уверенно.

По указанию Мао ЦК КПК направил своих членов для участия в рабочей группе Военного совета, чтобы разбавить ее состав противниками Линь Бяо и ослабить его группировку. «После Лушаньского пленума я использовал три метода: швырял камни, подсыпал песок, подкапывал стены», – заявил Мао Цзэдун в одном из выступлений перед местными ответственными работниками во время своей инспекционной поездки (14 августа – 12 сентября 1971 г.). «Я критиковал материал Чэнь Бода, с помощью которого он обманул много людей ... кроме того, я добавил критические замечания в документ, составленный Военным советом на заседании, которое не подвергло критике Чэнь Бода. Мой метод как раз и состоял в том, чтобы брать эти камни, добавлять критические замечания и таким образом вызывать всеобщее обсуждение. Это и называется “швырять камни”... В рабочую группу Военного совета было все же недостаточно добавлено людей, надо было добавить еще несколько человек. Это и называется “подсыпать песок”. Реорганизация военного округа называется “подкопом стен”».

Согласно принятой в КНР официальной версии, в такой ситуации «группа Линь Бяо начала подготовку к военному перевороту». Считается, что в октябре 1970 г. сын Линь Бяо Линь Лиго, занимавший должность заместителя начальника оперативного отдела штаба ВВС, воспользовавшись своим служебным положением, тайно сформировал группу для осуществления вооруженного переворота, получившую кодовое название «Объединенный флот». В Пекине, Шанхае и Гуанчжоу его участники якобы создали конспиративные пункты связи, склады оружия, боеприпасов, радиопередатчиков и подслушивающих устройств. В Гуанчжоу и Шанхае ими были также организованы «боевые подразделения» для специальной подготовки тщательно отобранных людей. С 22 по 24 марта 1971 г. на совещании в Шанхае руководители «Объединенного флота» якобы разработали план переворота, получивший кодовое название «Тезисы проекта 571» (в китайском языке эта группа цифр и слова «вооруженное восстание – У ЦИ И» являются омофонами). В «Тезисах» содержался анализ текущей обстановки, определялись основные пункты осуществления плана, намечались лозунги и тактика. Некоторые западные и гонконгские историки обращают внимание на то, что «тезисы» скорее представляют собой «политическую декларацию», нежели план вооруженного выступления. Только два раздела из девяти касаются собственно военных вопросов, остальные представляют собой возражения Мао Цзэдуну, в частности, по поводу культурной революции, которая подверглась осуждению.

В «Тезисах» Мао Цзэдун фигурировал под кодовым обозначением «В-52» (известный американский тяжелый бомбардировщик; имелось в виду «слепое чудовище», парящее «над Землей и над людьми» «за облаками»). Авторы

«Тезисов» характеризовали Мао Цзэдуна как «самого большого покровителя насилия», «параноика и садиста», «самого жестокого феодального тирана в китайской истории», превратившего «китайскую государственную машину в мясорубку по уничтожению людей».

Было выработано три варианта плана устранения Мао Цзэдуна. Один заключался в том, чтобы поднять в воздух целый авиационный корпус для бомбардировки спецпоезда Мао Цзэдуна. Другой предусматривал взрыв нефтехранилища около аэропорта Хунцяо в Шанхае в тот момент, когда к нему подойдет железнодорожный поезд Мао Цзэдуна. Третий состоял в том, чтобы устроить аварию на мосту около Сучжоу, на магистрали между Шанхаем и Нанкином.

В воспоминаниях Ван Дунсина утверждается, что у группировки Линь Бяо было два варианта действий: первый – уничтожение Мао Цзэдуна, второй – в случае неудачи формирование на юге Китая, в Гуанчжоу, альтернативного центрального руководства, которое, опираясь на помощь СССР, взяло бы «в клещи» северную часть страны.

Весной 1971 г. ЦК КПК принял решение провести в конце сентября – начале октября 1971 г. 3-й пленум ЦК КПК 9-го созыва и 4-ю сессию ВСНП. Подготовку к проведению этих двух мероприятий Мао Цзэдун поручил Чжоу Эньлаю. Делегатов на сессию начали отбирать задолго до решения ЦК. Ревкомы провинциального уровня занялись этим еще в конце 1970 г. Однако когда к середине августа 1971 г. были сформированы все 29 парткомов того же уровня, последние выразили несогласие со списками делегатов, составленными ревкомами. Значительная часть представителей «левых» массовых организаций, входивших в состав ревкомов, оказалась вытесненной из состава парткомов (в Пекине, например, в партком не попали Не Юаньцзы, Куай Дафу, Тань Хоулань и Хань Айцзин).

В то же время была развернута критика военных руководителей парткомов под выдвинутым Мао Цзэдуном лозунгом борьбы против «зазнайства и самодовольства». Носителями этих пороков называли тех, кто участвовал в районных, уездных и провинциальных слетах «активистов по изучению и применению идей Мао Цзэдуна». Среди них ведущую роль играли военнослужащие. Пересмотр списков делегатов был одной из причин переноса сессии ВСНП на осень 1971 г. Другой, более важной причиной, по которой отложили пленум ЦК КПК и сессия ВСНП, стало «дело Линь Бяо» и следовавшее за ним устранение его сторонников.

15 августа – 12 сентября 1971 г. Мао Цзэдун совершил на поезде инспекционную поездку по стране, посетив провинции Шаньси, Хубэй, Хунань, Гуандун, Гуанси, Цзянси, Фуцзянь, Чжэцзян, Цзянсу и города Шанхай, Ухань, Чанша, Нанкин и Ханчжоу. На местах он беседовал с ответственными правительственными, партийными и военными работниками, а также с руководством нескольких больших военных округов. В ходе поездки Мао давал оценку Лушаньскому пленуму 1970 г. и критиковал Чэнь Бода, Хуан Юншэна, У Фасяня, Е Цюнь, Ли Цзопэна и Цю Хойцзо, которые, по его словам, приняли совместно с Линь Бяо «заранее спланированное и организованное»

«внезапное наступление». Он квалифицировал эти действия как «борьбу двух штабов» и проводил аналогии с «делом Пэн Дэхуая» 1959 г. и «борьбой с Лю Шаоци» в 1966–1968 гг. Однако, по его словам, в отличие от прошлых событий участники 2-го пленума ЦК КПК «взяли под защиту Линь Бяо и никаких выводов в отношении него не сделали».

Мао Цзэдун резко высказался в связи с тем, что Е Цюнь, жена Линь Бяо, работает у того заведующим канцелярией и обращаться к нему приходится через нее.

Затрагивая во время инспекционной поездки вопрос о poste председателя КНР, Мао Цзэдун отметил, что кое-кто торопится занять этот пост, чтобы расколоть партию и захватить власть. Мао Цзэдун обвинил Линь Бяо в том, что тот не советовался с ним и не показал ему подготовленную к пленуму речь: «Очевидно, был уверен, что добьется успеха». Он неоднократно подчеркивал, что «Лушаньский инцидент еще не получил своего завершения» и «определенную ответственность за него, безусловно, должен нести Линь Бяо».

Мао Цзэдун одобрил представленные ему доклады 38-го корпуса и доклад Цзинаньского военного округа, направленные «против зазнайства и самодовольства». Это движение явно было направлено против Линь Бяо и его группы. «Нельзя допускать зазнайства, зазнайство ведет к ошибкам. Армия должна быть единой, должна быть упорядочена, – заявлял Мао Цзэдун. – ...В настоящее время армия занимается вопросами политики и культуры и не занимается военными вопросами, она уже превратилась в культурно-политическую армию». Тем самым он, как считается, выражал недовольство тем, что Линь Бяо только на словах поддерживал его тезис о необходимости подготовки к войне. У последнего обнаружились разногласия с Мао Цзэдуном и по вопросу об отношениях с СССР и с США. Мао считал СССР «врагом № 1». Линь Бяо соглашался считать США и СССР всего лишь двумя равнозначными противниками, допускал, что СССР и КНР связывает отношение к социализму. Кроме того, Линь Бяо (как и Чэнь Бода) будто бы предлагал после IX съезда КПК сосредоточить силы на «развитии производства», тогда как Мао Цзэдун выдвигал на первый план необходимость «подготовки к войне». Повторяя старые лозунги: «В промышленности учиться у Дацина, в сельском хозяйстве – у Дачжая, всей стране – учиться у НОАК», Мао Цзэдун добавлял: «НОА [должна] учиться у народа всей страны». Он призвал «проводить марксизм, а не ревизионизм, спланироваться, а не идти на раскол, быть честным и прямым, а не заниматься интриганством».

Оправдывая культурную революцию, Мао Цзэдун утверждал, что она «вывела на чистую воду Лю Шаоци, Пэна (Пэн Чжэня), Ло (Жуйцина), Лу (Динъи), Ян (Шанкуня). Это очень хорошие результаты... Среди наших кадровых работников хорошие составляют большинство, а плохие – это, как правило, незначительное меньшинство. Чистке подвергся только один процент, а если к ним добавить тех, чей вопрос еще не решен, то вместе не будет и трех процентов. Плохих надо подвергать соответствующей критике, а хороших надо хвалить, но нельзя превозносить их. Когда человека в возрасте чуть больше 20 лет превозносят как сверхгения (считается, что имелся в виду

Линь Лиго, которого расхваливали родители и окружение. – В.У.), то в этом нет ничего хорошего».

Под употребленным им в беседах во время инспекционной поездки словом «заговорщики» Мао Цзэдун мог иметь в виду тех, кто занят внутривластными интригами.

О выступлениях Мао Цзэдуна на Юге стало известно Е Цюнь и Линь Лиго, а 6 августа и Линь Бяо.

Когда 12 сентября Мао Цзэдун вернулся в Пекин, семья Линь Бяо отдыхала на курорте в Бэйдайхэ, где неподалеку находился аэропорт Шаньхайгуань, на котором стоял личный самолет министра обороны «Трайидент-256».

По версии китайских историков, понимая, что Мао Цзэдун, очевидно, принял решение создать по образцу «дела Пэн Дэхуая» и «дела Лю Шаоци» теперь уже и «дело Линь Бяо», они решили бежать.

Было два варианта побега: один – в Гуанчжоу, другой – на Северо-Запад, где военным округом руководил сторонник Линь Бяо.

Вечером 12 сентября Линь Лиго проговорился своей сестре Линь Доудоу (Линь Лихэн) об этих намерениях. Линь Доудоу не любила Е Цюнь, которая не была ее родной матерью. Узнав о плане бегства, Линь Доудоу поделилась этой новостью с сотрудником охраны, с которым она находилась в близких отношениях (по некоторым сведениям, его специально «подвели» к Линь Доудоу, которая была не привлекательна, и никто не хотел с ней общаться), а тот мгновенно доложил своему начальству. Сообщение быстро дошло до Чжоу Эньлая.

Поздно вечером 12 сентября Чжоу Эньлай позвонил Е Цюнь, поинтересовался самочувствием Линь Бяо и неожиданно спросил, не планируют ли они куда-нибудь лететь в ближайшее время на спецсамолете, находящемся в Бэйдайхэ. Е Цюнь ответила, что они, возможно, отправятся в Далянь, где более прохладно. Прощаясь, Чжоу Эньлай заметил, что в случае необходимости он вылетит в Бэйдайхэ повидаться с Линь Бяо.

В 0 часов 32 минуты 13 сентября Ван Дунсин получил сообщение из Шаньхайгуаня, что самолет Линь Бяо взлетел, и доложил об этом Чжоу Эньлаю. Последний отдал приказ «немедленно закрыть все аэропорты, приостановить все полеты, привести в действие все радары для наблюдения за воздушным пространством Китая». Чжоу Эньлай посоветовал Мао Цзэдуну немедленно покинуть его резиденцию и перебраться в комнату № 118 здания ВСНП, более защищенную от нападения, чем Чжуннаньхай (там находился ядерный бункер, куда можно спуститься в лифте). Батальон охраны рассредоточили по всему периметру здания ВСНП, весь корпус был приведен в повышенную готовность, все контакты с внешним миром прекращены.

В это время Линь Бяо с женой и сыном, захватив с собой изрядный багаж (в том числе столовые приборы, фотоаппараты и видеомэгнитофон), в бронированной машине устремились в аэропорт. Когда автомобиль покидал виллу, сотрудники личной охраны попытались его остановить, но не сумели и на нескольких машинах отправились в погоню. Через полчаса автомобиль уже подруливал к «Трайденту». Погоня тоже приближалась к взлетной полосе.

Поднявшись на борт, Линь Бяо тут же дал команду на взлет, не взяв с собой ни штурмана, ни радиста. При взлете самолет задел заправочную машину, в результате чего оторвалось шасси. В 2 часа 30 минут 13 сентября 1971 г. самолет при попытке совершить посадку в Ундерхане (Монголия) разбился. Это установили советские и монгольские специалисты, работавшие на месте трагедии. Все девять человек, находившиеся на борту, погибли. Письмо Чжоу Эньлая Мао Цзэду, датированное 13 сентября 1971 г., свидетельствует, что самолет не был сбит китайской стороной.

По свидетельствам очевидцев, узнав о побеге Линь Бяо и его близких, Мао Цзэдун отказался дать приказ об атаке самолета. Около двух часов ночи пришло сообщение, что самолет Линь Бяо вошел в воздушное пространство МНР, а в полдень 13 сентября пришло известие о его гибели. Мао Цзэдун якобы сравнил тогда Линь Бяо с Чжан Готао – одним из лидеров КПК 1920–1930-х годов, перешедшим на сторону Гоминьдана, и Ван Мином – просоветски настроенным членом руководства КПК, в 1950-е годы выехавшим в Москву.

В течение почти двух лет в КНР хранили молчание относительно «сентябрьских событий» 1971 г. На X съезде КПК (август 1975 г.) была впервые изложена официальная версия, озвученная Чжоу Эньлаем, – о «контрреволюционном заговоре» «антипартийной группы Линь Бяо». Согласно этой версии, уже на 2-м пленуме ЦК КПК 9-го созыва в августе 1970 г. Линь Бяо предпринял попытку переворота. 8 сентября 1971 г. он хотел организовать вооруженный путч, совершить покушение на Мао Цзэдуна и возглавить новый ЦК КПК, а после провала заговора пытался бежать в СССР.

Причиной столкновения в руководстве партии, после которого 13 сентября погиб Линь Бяо (китайские архивы по данному делу не раскрыты до сих пор), явились как субъективные, так и объективные факторы, связанные с групповой борьбой за власть, распределением государственных постов, влиянием на внутреннюю и внешнюю политику, с взаимоотношениями между партией и армией в центре и на местах.

Ряд серьезных, хотя и косвенных свидетельств, указывает на связь сентябрьских 1971 г. событий с крутым поворотом в китайско-американских и китайско-японских отношениях.

Примечательно, что до этих событий китайская печать неоднократно приводила высказывания Линь Бяо, в которых акцентировалась задача борьбы на два фронта – «против американского империализма и советского ревизионизма». Но за несколько месяцев до гибели Линь Бяо в прессе стал выдвигаться тезис о необходимости проводить различие между «главным врагом» (СССР) и «второстепенным» (США). Мао Цзэдун осуществил нападение на границе на СССР и взял курс на коренную переориентацию внешней политики, т.е. на налаживание отношений с США на общей основе противодействия «агрессивности» СССР.

Именно после устранения Линь Бяо и его сторонников в Политбюро ЦК КПК был расчищен путь к визиту президента США Никсона в КНР, который состоялся 21 февраля 1972 г., а идея Мао Цзэдуна о сближении с США на основе военной конфронтации с СССР начала осуществляться.

Так или иначе, уход с политической арены Линь Бяо, а вскоре и группы военачальников, близких к нему, стал результатом вспышки внутренней борьбы в китайском руководстве.

На страницах «Жэньминь жибао» в день гибели Линь Бяо, 13 сентября 1971 г., появилась новая рубрика – «Партийная жизнь». В материалах этой рубрики постоянно делался акцент на «единстве партийного руководства». На второй день после бегства Линь Бяо в здании ВСНП прошло совещание, в котором участвовали несколько десятков высших военачальников. Им кратко и под большим секретом рассказали о бегстве и гибели Линь Бяо.

В сентябре 1971 г. в КНР постепенно стали убирать портреты Линь Бяо и надписи, стилизованные под его почерк. 18 сентября 1971 г. в рамках движения «критики ревизионизма и упорядочения стиля», которое затем переросло в кампанию «критики Линь Бяо и упорядочения стиля», от имени ЦК КПК было разослано первое уведомление для руководящих кадровых работников партии, в котором излагалась версия о «предательстве» Линь Бяо. 28 сентября эти сведения довели до руководства на местах и в армии до уровня дивизии. 24 сентября 1971 г. ЦК КПК принял решение о снятии с постов основных сторонников Линь Бяо – Хуан Юншэна, У Фасяня, Ли Цзопэна, Цю Хойцзо и потребовал от них представить «самоанализ». Им было предложено «искупить вину глубоким раскаянием и признанием в совершенных преступлениях».

6 октября ЦК выпустил закрытое извещение о «преступлениях клики Линь Бяо». Во второй декаде октября оно было распространено среди секретарей партийцек на местах. 3 октября было издано уведомление о формировании специальной группы ЦК КПК по расследованию дел Линь Бяо и Чэнь Бода из 10 человек, которую возглавил Чжоу Энлай. В ее состав вошли Кан Шэн, Цзян Цин, Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань, Ван Дунсин, У Дэ, У Чжун, Ли Дэшэн и Цзи Дэнкуй (в то время – первый политкомиссар пекинского военного округа). В тот же день было издано закрытое уведомление об упразднении Рабочей группы Военного совета и учреждения при нем другого органа – Рабочего совещания под руководством Е Цзяньина. В него вошли Се Фучжи, Чжан Чуньцяо, Ли Сяньнянь, Ли Дэшэн, Цзи Дэнкуй, Ван Дунсин, Чжан Цайцянь и Ли Цзинцюань. С момента создания этот орган нес ответственность за повседневную работу Военного совета ЦК. Уже на следующий день Мао Цзэдун принял членов Рабочего совещания, изложил им историю «борьбы двух линий», подчеркнув, что Линь Бяо занимался интригами, совершил множество крупных и мелких антипартийных проступков, и его целью являлся захват власти. Мао Цзэдун принял решение восстановить ряд старых кадровых работников партии и армии, подвергшихся «чистке», на их постах, а вину за репрессии списать на недругов. В частности, он заявил, что «чистка старых маршалов в ходе культурной революции – это дело рук Линь Бяо».

По поручению Мао Цзэдуна за повседневную работу ЦК КПК стал отвечать Чжоу Энлай. Кадровые и организационные изменения произошли в аппарате Госсовета. 2 октября к работе в Госсовете были привлечены Ли Сяньнянь и Хуа Гофэн. Тогда же на работу в Военный совет ЦК были направлены Ли Дэшэн, Юй Цюли и Чжан Цайцянь.

Начиная с декабря 1971 г. материалы о «деле Линь Бяо», подготовленные группой ЦК КПК по расследованию дел Линь Бяо и Чэнь Бода, начали рассылаться от имени ЦК в партийные организации для ознакомления с ними кадровых партийных работников и членов КПК. Первый материал датирован 11 декабря 1971 г., второй – 10 января 1972 г. На заседании Политбюро встал вопрос, следует ли распространять сам текст «Тезисов проекта 571» Линь Лиго, так как в них содержится грубая брань в адрес руководства. Якобы после просмотра документа Мао Цзэдун сказал, что «это – самый важный материал, его надо распространить». Он добавил, что дело не надо скрывать от иностранцев.

С конца 1971 г. по июль 1972 г. было разослано три тома материалов под общим названием «Борьба за разгром контрреволюционного заговора антипартийной группировки Линь Бяо – Чэнь Бода, предпринятого с целью осуществления государственного переворота». Они послужили основой для начала кампании «критики Линь Бяо и упорядочения стиля».

Сразу же после исчезновения Линь Бяо начались проверки людей, имевших какое-либо отношение к его «делу». Многие военные и партийные деятели были сняты со своих постов и арестованы. Почти половина членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПК, 76 членов и кандидатов в члены ЦК КПК (т.е. почти треть) подверглись чистке как прямые сторонники Линь Бяо. Были отстранены четыре первых и четыре вторых секретаря провинциальных комитетов КПК. Опала в той или иной степени коснулась целого ряда руководящих работников системы Госсовета. Так, к ноябрю 1971 г. в прессе упоминались имена лишь 10 министров (в Госсовете в то время было 21 министерство, три комитета и девять органов прямого подчинения) и исполняющих обязанности министра, из которых шестеро были военными.

С сентября 1971 г. по 31 декабря 1972 г. произошли изменения в составе почти 20 парткомов провинциального уровня. В 1972 г. в печати перестали упоминаться имена 65 (около 42%) руководителей парткомов, в том числе 26 членов и кандидатов в члены ЦК КПК. Та же судьба постигла и ряд руководителей ревкомов провинциального звена, главным образом военных (около 50%) и старых кадровых работников (около 34%). В высшем командном составе НОАК свои посты потерял 41 человек, из них 19 – в ВВС. Всего в армии подверглись репрессиям 34 тыс. человек.

Х съезд КПК

После «сентябрьских событий» 1971 г. руководство КНР предприняло ряд мер по стабилизации положения в стране и устранению влияния сторонников Линь Бяо. В центре и на местах были проведены их чистки, освобождены и назначены на ответственные посты видные военные и кадровые работники партийного и государственного аппарата. 14 ноября 1971 г. в ходе встречи с участниками рабочего совещания ЦК КПК, проводившегося в Чэнду,

Мао Цзэдун, указывая на вошедшего Е Цзяньина, во всеуслышание заявил: «Впредь вы больше не говорите, что он из группы “февральского противотечения”. Какой характер носило это “февральское противотечение”? Оно противостояло Линь Бяо, Чэнь Бода, Ван (Ли), Гуань (Фэну) и Ци (Бэньюю)».

После гибели Линь Бяо здоровье 78-летнего Мао Цзэдуна стало резко ухудшаться. Он так и не оправился от воспаления легких, перенесенного в ноябре 1970 г., его мучила бессонница. Он жаловался на головные боли и тяжесть в ногах, хронический озноб, заявил, что больше не полагается на традиционную китайскую медицину, отказался от уколов. Он сутками не выходил из спальни и не появлялся на публике. Только через два месяца, 20 ноября 1971 г., Мао Цзэдуна показали в телерепортаже его встречи с премьер-министром ДРВ Фам Ван Донгом. Мао Цзэдун выглядел сильно одряхлевшим, его походка была неуверенной.

Вместе с тем информация о здоровье Мао Цзэдуна, как вспоминала его дочь, «была государственной тайной», даже его детям не сообщали о состоянии отца.

6 января 1972 г. умер от рака Чэнь И. 10 января состоялись его похороны. ЦК КПК определил его статус как вице-преьера, поэтому по установленным правилам Мао Цзэдун не был обязан присутствовать на этой церемонии. Руководил ею Чжоу Эньлай. Е Цзяньину поручили составить надгробную речь, которую затем отослали Мао Цзэдуну. Чэнь И характеризовался как человек, имеющий определенные достижения и ошибки. Мао Цзэдун вычеркнул слова об ошибках и тем самым как бы посмертно реабилитировал Чэнь И. За два часа до начала похорон Мао Цзэдун внезапно решил, что должен там присутствовать. Уговоры врачей, обеспокоенных плохой погодой — день выдался холодным и ветреным, успеха не возымели. На кладбище, обращаясь к супруге и детям Чэнь И, Мао Цзэдун сказал: «Товарищ Чэнь И был хорошим человеком, хорошим товарищем, он был заслуженным человеком ... Товарищ Чэнь И внес свой вклад в дело китайской революции и мировой революции». Об этом вкладе говорил и Чжоу Эньлай в своей траурной речи. Указывая на присутствовавших на церемонии Чжоу Эньлая, Е Цзяньина и других соратников, Мао Цзэдун заявил: «Если бы заговор Линь Бяо осуществился, то мы, старики, все были бы похоронены». На следующий день «Жэньминь жибао» сообщила о церемонии похорон Чэнь И, отметив присутствие там «великого вождя председателя Мао».

Церемония прощания проходила в плохо отапливаемом зале, и Мао Цзэдун простудился. Он, как обычно, отказался от уколов, но согласился принимать таблетки. Во второй половине января состояние Мао Цзэдуна ухудшилось. Когда его уговорили пройти обследование, то обнаружили легочно-сердечную недостаточность, из-за чего мозг испытывал нехватку кислорода — в этом была причина постоянной сонливости Мао Цзэдуна.

21 января, когда Мао Цзэдуна посетили Цзян Цин, Чжоу Эньлай и лечащий врач Ли Чжисуй, то застали его в критическом состоянии. Мао Цзэдун сказал, что слишком слаб и думает, что долго не протянет. Обращаясь к Чжоу Эньлаю, он угрюмо проговорил: «Вы позаботьтесь обо всем после

моей смерти. Будем считать это моим последним завещанием». Тем самым председатель КПК при свидетелях назначал премьера своим политическим преемником. ЦК возложил ответственность за лечение Мао Цзэдуна на группу из четырех человек: Чжоу Эньлая, Ван Хунвэня, Чжан Чуньцяо и Ван Дунсина. Кроме того, была создана специальная группа из врачей и медсестер; в 1974 г. ее заменили другой аналогичной группой. 1 февраля 1972 г. Мао Цзэдун согласился принимать должное лечение, так как хотел при первой встрече с американским президентом Р. Никсоном быть в приличной форме.

В 1971–1973 гг. в партии обсуждалась серия документов и материалов по «делу Линь Бяо и Чэнь Бода». Среди них так называемые «Тезисы проекта 571», якобы составленные Линь Лиго по указанию Линь Бяо в марте 1971 г., и письмо Мао Цзэдуна Цзян Цин от 8 июля 1966 г. В первом из этих документов содержалась резкая критика основных установок Мао Цзэдуна того периода и положения в стране. Мао Цзэдун был назван «лжемарксистом», «крупнейшим деспотом в истории Китая» и «современным Цинь Шихуаном», государственный аппарат – «мясорубкой для уничтожения кадровых работников». Отмечалось, что кадровые работники, «подвергшиеся гонениям и ударам, негодуют, но не смеют и слова сказать», а «жизненный уровень народа снижается». Высылка грамотной молодежи и интеллигенции в деревню квалифицировалась как «исправительно-трудовые работы». В документе ставились задачи «свержения современного Цинь Шихуана» и «построения подлинного социализма», «полного обеспечения народа одеждой и продовольствием». Авторы документа требовали «политического освобождения всех, кто подвергался преследованиям» со стороны Мао Цзэдуна «на основании сфабрикованных обвинений».

О том, какое значение придавалось письму Мао Цзэдуна к Цзян Цин, указывает тот факт, что в 1974 г. его вновь довели до сведения членов партии. Кадровые работники должны были поверить, что Цзян Цин не причастна к жестокостям и насилиям 1966–1969 гг., и в них виновен только Линь Бяо. Из письма следовало, что уже в 1966 г. Цзян Цин являлась самым близким Мао Цзэдуну человеком в партии, верным проводником его линии. В то же время там содержались намеки на то, что Мао Цзэдун уже тогда не вполне доверял Линь Бяо. В письме говорилось, что правые все еще сильны и после смерти Мао Цзэдуна могут прийти к власти, что необходимо через семь–восемь лет «развернуть движение, чтобы вымести всю нечисть». Тем самым опубликование письма Мао Цзэдуна нацеливало партию на то, что в 1973 г. или 1974 г. активная фаза культурной революции может быть повторена. Там же содержался тезис об открытой Мао Цзэдуну «закономерности» развития китайского общества: «полный беспорядок в Поднебесной ведет к всеобщему порядку». На X съезде Ван Хунвэнь зачитал это высказывание Мао из его письма к Цзян Цин, добавив, что «практика классовой борьбы подтвердила и будет подтверждать этот вскрытый председателем Мао Цзэдуну объективный закон».

С 20 мая до конца июня 1972 г. проходило организованное ЦК КПК совещание по проведению кампании «критики Линь Бяо и упорядочению стиля»,

на которое были приглашены 312 ответственных работников провинциального звена и отделов ЦК КПК. 21 мая на совещании с критикой Линь Бяо и изложением задач борьбы с его группировкой выступил Чжоу Эньлай. Основным документом, изучавшимся на заседаниях секций, стало упомянутое письмо Мао Цзэдуна. Чжоу Эньлай, исполняя указание Мао Цзэдуна, несколько раз выступал с докладом по вопросу о борьбе линий КПК в период демократической революции и с сообщением по «делу У Хао» (один из псевдонимов Чжоу Эньлая в годы гражданской войны), сфабрикованному Гоминьданом и ставшему основанием для нападок на премьера после начала культурной революции. После совещания этот доклад вместе с разъяснениями был разослан для ознакомления руководящим партийным кадровым работникам. Неоднократные выступления Чжоу Эньлая на совещании, в том числе с главным докладом, его реабилитация по «делу У Хао» указывали присутствующим на укрепление позиций премьера и его сторонников.

К тому времени перед руководством КНР встал серьезный вопрос: оценивать ли группировку Линь Бяо как «ультралевое» течение, что предлагали Чжоу Эньлай и его сторонники, или как «ультраправое», на чем настаивали Цзян Цин и ее группировка.

С конца 1971 г. до осени 1972 г. в КНР была проведена серия всекитайских совещаний, в том числе по вопросам планирования, работы органов общественной безопасности, работы транспорта, здравоохранения, образования и науки и т.д. На них Чжоу Эньлай подвергал резкой критике «ультралевое течение» и анархизм, указывая, что отсутствие последовательной критики «левого» уклона чревато появлением уклона вправо и невозможностью «осуществить до конца революционную линию председателя Мао». Касаясь широко распространенных в то время среди кадровых работников опасений, что им поставят в вину упор на профессиональную деятельность и недостаточное внимание к «проведению революции», Чжоу Эньлай отмечал недопустимость противопоставления «проведения кампаний профессиональной работе». Он настаивал на том, чтобы критика «левизны» прозвучала и со страниц центральной печати. В августе–сентябре 1972 г. Чжоу Эньлай несколько раз обращался с такими предложениями в «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао». В результате 14 октября 1972 г. «Жэньминь жибао» опубликовала три таких статьи под рубрикой «Анархизм есть контрреволюционное орудие псевдомарксистских мошенников».

В 1972 г. начался процесс возобновления деятельности КСМК, профсоюзов и Всекитайской федерации женщин. В области образования, науки и культуры также обозначились некоторые перемены. Принимались меры к нормализации учебного процесса в школах, повышению роли учителей. В 1972 г. 196 вузов возобновили обучение студентов. В печати отстаивались положения о профессиональном образовании, шедшие вразрез с установками 1966–1969 гг. В начале 1973 г. была частично возобновлена экзаменационная система проверки знаний у абитуриентов. Всеми этими вопросами занималась группа по науке и образованию Госсовета.

По просьбе Чжоу Эньлая проректор Пекинского университета, профессор-физик Чжоу Пэйюань выдвинул предложение из трех пунктов об укреп-

лении теоретических основ обучения и совершенствовании научно-фундаментальных знаний. Он написал статью «О некоторых общих взглядах на осуществление революции в естественных науках в вузах», в которой подчеркивалась важность фундаментальных исследований в области естественных наук и необходимость активизации исследовательской работы. Однако «Жэньминь жибао» категорически отказалась ее напечатать, и она была опубличена 6 октября 1972 г. только в «Гуанмин жибао».

Чжоу Эньлай и поддерживавшие его лица в руководстве страны предприняли ряд мер к ликвидации некоторых «левацких» тенденций в экономике КНР. В результате в промышленности усилилось внимание к экономическим методам в руководстве производством, повысилась роль хозрасчета и материального стимулирования. Стала подчеркиваться роль инженерно-технического персонала в производственном процессе, укреплялась плановая, технологическая и трудовая дисциплина. Предпринимались попытки преодолеть безразличие рабочих к качеству выпускаемых изделий.

Что касается работы на селе, то в руководящих документах и в прессе подтверждалась необходимость добросовестного выполнения положений, содержащихся в «60 пунктах по сельскому хозяйству». Подчеркивалось, что в деревне существует трехступенчатая система собственности, где производственная бригада является хозрасчетной единицей, что распределение должно производиться по труду, члены коммун имеют право на приусадебные участки и могут заниматься подсобными промыслами в своем личном хозяйстве — за такие промыслы недопустимо преследовать и «обрубать» их как «хвосты капитализма». Осуждались укрупнение коммун и слияние бригад, уравниловка при распределении продовольствия среди членов коммун. В декабре 1971 г. ЦК КПК издал директиву о распределении в народных коммунах, где говорилось о недопустимости уравнилительной оплаты труда.

Поскольку в 1966–1969 гг. сельские кадры, последовательно исходившие в своей работе из «60 пунктов», подвергались критике, то в первой половине 70-х годов они боялись, что за возвращение к осуществлению курса периода «урегулирования» их обвинят в пропаганде и осуществлении «материального стимулирования». Среди них широко бытовало представление о том, что «лучше быть левым, чем правым». Некоторые послабления крестьянам не меняли основного содержания курса в области сельского хозяйства, направленного на максимальное изъятие продукции из деревни внеэкономическими методами. Курс «готовиться к войне, готовиться к стихийным бедствиям, служить народу» по-прежнему определял суть политики в деревне и методы ее осуществления. С января 1973 г. этот курс был дополнен новыми указаниями Мао Цзэдуна: «глубже рыть убежища, больше запастись зерном, не претендовать на гегемонию». Таким образом, Мао стремился к тому, чтобы социально-экономическая политика партии определялась главным образом установкой на подготовку к войне и борьбу против СССР.

Все это происходило параллельно со снижением масштабов чисток и освождением из мест заключения части репрессированных партийных, административных и технических работников, привлечением их к руководящей

работе в сфере экономики на всех уровнях. Уже в 1972 г. некоторые ветераны революции и известные всей стране руководители (Чжу Дэ, Чэнь Юнь, Ли Фучунь, Сюй Сянцян, Уланьфу, Тань Чжэньлинь, Ли Цзинцюань, Ван Цзясян, Ляо Чэнчжи, Цзян Наньсян и др.), в прошлом подвергшиеся аресту и преследованиям, стали появляться на публичных мероприятиях. Им предоставили возможность стационарного медицинского лечения. К этому времени Чжоу Эньлай, на котором держалась вся работа партии, правительства, армии, включая внешнюю политику, был неизлечимо болен. Мао Цзэдун понимал, что премьер будет слабеть, не сможет тянуть всю возложенную на него работу, и нужен человек, который бы взял на себя ее часть, а позже, возможно, и всю. Мао Цзэдун решил вернуть в политическую жизнь страны Дэн Сяопина. В январе 1973 г. местные власти пров. Цзянси, где находился Дэн Сяопин, сообщили ему, что из Пекина получена информация о его возвращении в столицу в ближайшее время.

В конце февраля – начале марта 1973 г. Чжоу Эньлай, несмотря на болезнь, председательствовал на нескольких заседаниях Политбюро ЦК КПК, где поднимал вопрос о восстановлении Дэн Сяопина на посту заместителя премьера Госсовета КНР и о его участии в организационной жизни партии. Несмотря на противодействие Цзян Цин, Чжан Чуньцяо и некоторых других деятелей, Мао Цзэдун поддержал Чжоу Эньлая, когда последний доложил ему о ходе заседаний Политбюро. 10 марта 1973 г. ЦК издал «Уведомление о привлечении Дэн Сяопина к организационной жизни партии и его восстановлении в должности заместителя премьера Госсовета КНР». В тот же день Чжоу Эньлай попросил Политбюро ЦК КПК предоставить ему двухнедельный отпуск по болезни, предложив передать руководство текущей работой ЦК КПК Е Цзяньину. 28 марта 1973 г. вечером Дэн Сяопин впервые после восстановления его на посту заместителя премьера официально встретился с Чжоу Эньлаем. На следующий день Дэн Сяопин, с перерывом более чем в семь лет, увиделся с Мао Цзэдуном в библиотеке его резиденции, когда тот проводил заседание Политбюро. На заседании было принято официальное решение об участии Дэн Сяопина в работе оперативно-организационной группы Госсовета КНР, о его участии в качестве заместителя премьера во внешнеполитических акциях, а также, с правом совещательного голоса, – в обсуждении важных вопросов на совещаниях Политбюро. 9 апреля Дэн Сяопин с супругой поехали в госпиталь навестить находившегося там на лечении Чжоу Эньлая. Они говорили до поздней ночи о будущей работе и тех задачах, которые предстояло решить.

12 апреля 1973 г. Дэн Сяопин впервые появился перед иностранцами на банкете в честь камбоджийского принца Н. Сианука.

Кадровая политика этого периода была непоследовательна и отражала сложную ситуацию в руководстве партией и государством. С одной стороны, освобождались и привлекались к работе репрессированные ранее руководители, преподаватели, технические специалисты. 24 апреля 1972 г. в «Жэньминь жибао» появилась одобренная Чжоу Эньлаем передовая статья «Извлекать урок из ошибок прошлого в назидание на будущее, лечить, чтобы спасти

больного». В ней указывалось, что свыше 95% кадровых работников – «хорошие» или «сравнительно хорошие», а старые кадры, прошедшие закалку в длительной революционной борьбе, являются ценным достоянием партии. В статье говорилось о необходимости проводить в отношении товарищей, допустивших некоторые ошибки, курс «сплочение – критика – сплочение».

С другой стороны, процесс реабилитации наталкивался на ожесточенное сопротивление активистов культурной революции, и позже часть освобожденных кадров вновь подверглась репрессиям. Хотя партийные работники, в отличие от административных и особенно инженерно-технических, возвращались на работу с понижением в должности, само возвращение «каппутистов» на фоне фактического отхода от части «завоеваний» 1966–1969 гг. давало основания активистам культурной революции говорить, что реабилитированные вновь «следуют линии Лю Шаоци». В 1973 г. процесс освобождения репрессированных несколько замедлился, в печати активизировались призывы «вливать свежую кровь» в КПК и «воспитывать» миллионы «продолжателей дела культурной революции».

Группа Цзян Цин резко осудила критические статьи по проблемам ультралевой идеологии, опубликованные «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао», и дала указание развернуть в редакции «Жэньминь жибао» кампанию критики «правоуклонистских идей».

В 1973 г. на Всекитайском совещании по вопросам планирования обсуждался проект «Постановления о сохранении системы централизованного планирования и совершенствовании управления экономикой», разработанный Госпланом КНР на основе предложений Чжоу Эньлая. Его поддержали 28 провинций, городов центрального подчинения и автономных районов, против выступил только Шанхай, контролировавшийся группировкой Цзян Цин. Несмотря на это, документ был отклонен и не получил статуса официального.

Мао Цзэдун поддержал Цзян Цин и ее сторонников, определив, что группировка Линь Бяо являлась «ультраправой», а не «ультралевой».

С 20 по 31 мая 1973 г. в Пекине прошло рабочее совещание, на котором было принято решение досрочно созвать X съезд партии. Дэн Сяопин участвовал в этом совещании в качестве заместителя премьера Госсовета. Чжоу Эньлай на совещании обратил внимание собравшихся на решение ЦК КПК о восстановлении в должности Дэн Сяопина как о «многозначительном факте».

Устанавливались нормы представительства на предстоящем съезде. Предварительно было решено привлечь к участию в заседаниях и работе Политбюро с правом совещательного голоса Хуа Гофэна, Ван Хунвэня и первого секретаря Пекинского горкома КПК У Дэ. Подготовить проект политического доклада и другие важные документы для X съезда поручалось Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюаню и Ван Хунвэню. Последнему поручили вести и работу по внесению изменений в Устав КПК.

На проходившем с 12 по 19 августа подготовительном совещании X съезда КПК делегаты, разделившись на 34 группы, обсуждали документы съезда, вносили предложения. Подготовленные к съезду документы были ими одобрены.

20 августа 1973 г. Политбюро ЦК КПК приняло решение утвердить «Доклад о расследовании контрреволюционных преступлений антипартийной группировки Линь Бяо» и «навсегда» исключить из партии Линь Бяо, Е Цюнь, Хуан Юншэна, У Фасяня, Ли Цзопэна и Цю Хойцзо. Тогда же был создан подготовительный комитет по выборам ЦК партии, председателем которого был назначен Ван Хунвэнь. С 20 по 23 августа этот комитет доработал проект списка будущего состава ЦК КПК. Сторонники Линь Бяо, а также 47 человек, «совершивших серьезные ошибки» в период между IX и X съездами, были из списка вычеркнуты. Ван Хунвэнь дополнил список, как он говорил, по предложению провинциального руководства, некоторыми членами ЦК КПК 8-го созыва, которые не вошли в состав ЦК 9-го созыва (к примеру, туда были включены Дэн Сяопин, Уланьфу, Ван Цзясян, Тань Чжэньлинь, Ли Цзинцюань и другие).

Кандидатуру Чжан Чуньцяо предложили в качестве председателя президиума съезда.

С 24 по 28 августа 1973 г. в обстановке строгой секретности прошел X съезд КПК, в котором приняли участие 1249 человек. О его проведении было объявлено лишь после окончания съезда, когда опубликовались принятые им документы. Работой съезда руководил Мао Цзэдун. От предыдущих съездов его отличала кратковременность (всего пять дней). В повестке дня съезда стояло, как и предполагалось ранее, три вопроса: 1. Отчетный политический доклад, подготовленный Чжан Чуньцяо, обсужденный Политбюро и проверенный в первой половине июля Мао Цзэдуном, который от имени ЦК КПК сделал 24 августа Чжоу Энълай; 28 августа он был принят съездом. 2. Доклад о внесении изменений в Устав партии, подготовленный под руководством Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюаня и Ван Хунвэня и зачитанный от имени ЦК КПК 24 августа Ван Хунвэнем (принят съездом 28 августа) и принятие нового Устава КПК. 3. Выборы ЦК КПК 10-го созыва.

В докладе была продемонстрирована верность «линии IX съезда», достижениям «культурной революции», подтверждены и в некоторых отношениях развиты внутри- и внешнеполитические установки, сформулированные на IX съезде КПК в 1969 г.

Линь Бяо, Чэнь Бода и Лю Шаоци объявлялись приверженцами одной «линии». В докладе говорилось о существовании в партии двух линий, двух методов построения социализма: с одной стороны – линия Мао Цзэдуна, нацеленная на «постоянную внутрипартийную борьбу», «перманентную революцию», а с другой – «ревизионистская линия». «Дело Линь Бяо» было одним из центральных вопросов повестки дня съезда. Он был назван «национальным предателем» и обвинялся в том, что действовал, «повинуясь жезлу советских ревизионистов».

Говоря о социально-экономической и культурной политике КПК, докладчик повторил такие установки Мао Цзэдуна, как «строить социализм по принципу больше, быстрее, лучше и экономнее», «осуществлять революцию и стимулировать развитие производства», «ставить на командное место пролетарскую политику», «проводить революцию» в области литературы



Цзян Цин и Чжан Чуньцяо на X съезде КПК

и искусства, просвещения и здравоохранения, «поддерживать социалистическую новь», возникшую в ходе культурной революции, и т.д. Вместе с тем в докладе были провозглашены и требования «усиливать планирование и координацию», «совершенствовать разумные правила и распоряжки», «выполнять и перевыполнять государственный план развития народного хозяйства».

Основным стержнем, вокруг которого объединялись все эти установки, был курс Мао Цзэдуна «готовиться к войне и стихийным бедствиям», которому в выступлении Чжоу Эньлая придавалось еще большее значение, чем в докладе на IX съезде.

Внешнеполитический курс X съезда КПК, представленный в отчетном докладе, был направлен против разрядки международной напряженности, на дальнейшее сотрудничество с Западом на антисоветской платформе. Было заявлено, что «разрядка – явление временное и поверхностное, а колоссальные потрясения будут продолжаться и дальше», причем «потрясения» объявлялись «делом хорошим, а не плохим». Всемерно раздувался тезис о военной угрозе со стороны СССР, который якобы готовит «внезапное нападение» на Китай. В отчетном докладе присутствовали две особенности, которых не было в материалах IX съезда КПК: персональные выпады в адрес советских руководителей, а также утверждения о якобы существовавших территориальных притязаниях СССР к Китаю. В документах съезда говорилось: «Китай не оккупирует чужой территории, так неужели он должен отдать советскому ревизионизму всю территорию к северу от Великой стены, чтобы

продемонстрировать свое одобрение разрядки международной обстановки и готовность к улучшению китайско-советских отношений?».

Ван Хунвэнь в своем докладе, зачитанном 24 августа, провозглашал «ревизионизм» главной опасностью, охарактеризовав его как «международное буржуазное идейное течение» и объявив «ревизионистов» «агентами буржуазии, империализма и реакции в нашей стране», провозглашал главной задачей воспитание «продолжателей дела пролетарской революции».

Ван Хунвэнь декларировал закрепление и развитие «завоеваний» периода 1966–1969 гг., проталкивал молодых выдвиженцев культурной революции на высокие посты в партийном, государственном и армейском аппаратах.

Новый Устав партии принципиально не отличался от Устава, принятого на IX съезде. Была вновь подтверждена верность «идеям Мао Цзэдуна» как теоретической основе партии, всем главным положениям политического курса Мао Цзэдуна и его ядра – «теории о продолжении революции при диктатуре пролетариата».

Как и в предыдущем Уставе, ревизовалось принципиальное положение VIII съезда о том, что в Китае уже решен вопрос «кто кого». В Уставе по-прежнему отсутствовал пункт о кандидатском стаже для вступающих в партию, что облегчало массовый прием в КПК выдвиженцев культурной революции.

Из Устава исключался абзац о том, что Линь Бяо является «преемником» Мао Цзэдуна. Были также исключены все упоминания о Мао Цзэдуне как вожде КПК, славословия в его адрес. Это было связано с тем, что такие славословия постоянно провозглашались Линь Бяо. Пояснялось, что изменения внесены в Устав КПК «в соответствии с конкретными предложениями» Мао Цзэдуна. В общей программе Устава было заявлено, что культурная революция «в дальнейшем будет проводиться много раз». Тем самым партию нацеливали на перманентную борьбу. Главное отличие нового Устава партии, как подчеркивалось на съезде, заключалось в том, что «содержание его обогащено опытом борьбы двух линий».

К обязанностям членов КПК добавлялось еще одно – «критиковать ревизионизм». В выступлении Ван Хунвэня, по сути, проводилась мысль о том, что партия (или подавляющая ее часть) может ошибаться, но Мао Цзэдун – никогда. В Уставе «курс на подготовку к войне» назван одной из основных задач КПК. Был восстановлен институт заместителей председателя КПК. Однако по-прежнему не определялись порядок и процедура созывов форумов партии, вся власть концентрировалась в руках председателя, его заместителей и Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. Контрольные органы в КПК в Уставе не предусматривались. На съезде впервые за 12 лет была объявлена численность КПК – 28 млн человек. Из них 10 млн вступили в партию после развертывания культурной революции. Таким образом, более трети состава партии являлись ее выдвиженцами – «новыми силами».

Состав ЦК КПК, сформированного на X съезде (195 членов и 124 кандидата в члены), увеличивался по сравнению с 1969 г. на 40 человек. В ЦК КПК не вошли около четверти состава ЦК 9-го созыва, в основном из числа

военных, преимущественно сторонников Линь Бяо. 35% членов и кандидатов в члены нового ЦК (111 человек) не входили в состав ЦК 8-го и 9-го созывов. Но в Центральный комитет была введена также группа старых кадровых работников (16 человек), входивших в состав ЦК 8-го созыва и подвергшихся в разной степени и по разным причинам критике в 1966–1969 гг. Среди них члены Политбюро ЦК КПК 8-го созыва – Дэн Сяопин, Ли Цзинцюань, Тань Чжэньлинь, кандидаты в члены Политбюро – Уланьфу, секретарь ЦК КПК Ван Цзясян, а также Ляо Чэнчжи, Ли Баохуа, Цинь Цзивэй, Ян Юн и Ван Чжэнь.

30 августа 1973 г. 1-й пленум ЦК КПК 10-го созыва избрал руководящие органы партии. Мао Цзэдун стал председателем ЦК КПК, Чжоу Эньлай, Ван Хунвэнь, Кан Шэн, Е Цзяньбин и Ли Дэшэн – его заместителями. В Политбюро вошли 25 человек (21 член и 4 кандидата в члены). В Постоянный комитет Политбюро были избраны Мао Цзэдун, Ван Хунвэнь, Е Цзяньбин, Ли Дэшэн, Чжоу Эньлай, Кан Шэн, Чжан Чуньцяо, Чжу Дэ и Дун Биу. В руководящих органах ЦК КПК сформировались два крупных лагеря: старые кадровые работники во главе с Чжоу Эньлаем и выдвиженцы культурной революции, возглавлявшиеся Цзян Цин. При этом все они провозглашали верность одной «линии» – «линии» Мао Цзэдуна.

При подготовке и проведении съезда были допущены нарушения партийных традиций. Так, перед съездом не проводился пленум ЦК КПК (3-й пленум 9-го созыва). Значительная власть оказалась в руках Ван Хунвэня. Наряду с избранием в состав Политбюро и его Постоянного комитета он стал председателем комитета по подготовке выборов на X съезде и руководителем группы по пересмотру Устава КПК. Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань и Ван Хунвэнь имели большие полномочия при составлении проектов документов к форуму, подготовке изменений в Уставе партии, формировании руководящих органов ЦК. Они контролировали работу секретариата съезда. На форуме не была сформирована мандатная комиссия, которой следовало проверять полномочия делегатов, всё решалось по распоряжениям Чжан Чуньцяо, Ван Хунвэня и их сторонников. Было нарушено «Решение ЦК КПК о формировании делегатов X съезда», где в пункте первом говорилось, что на форум избираются только члены КПК. К примеру, от пров. Хэбэй на съезд избрали цзаофаня, который не состоял в партии.

Именно после X съезда сложилась группировка, впоследствии названная «группой четырех»: Цзян Цин, Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань и Ван Хунвэнь. Она претендовала на абсолютный контроль над властными структурами. В то же время у рычагов власти были оставлены старые кадры. Мао Цзэдун создал структуру, которая состояла из разнородных частей. Он держал под контролем эти части, играя на противоречиях между ними исключительно в своих интересах.

«Критика Линь Бяо и Конфуция»

Третий этап культурной революции пришелся на последние годы жизни Мао Цзэдуна, когда он, с одной стороны, стремился закрепить основания своего политического и идеологического курса, с другой – оставаться верховным судьей при столкновении сил внутри руководства партией и государством.

В области идеологии Мао при этом уделял основное внимание борьбе против «ревизионизма» как внутри Китая, так и вне его.

В октябре 1973 г. в Пекинском университете и Университете Цинхуа была начата новая политическая кампания, получившая название «движение за оказание отпора регрессивному правоуклонистскому течению». При этом Мао Цзэдун добивался внедрения в практику главных частей своей политики: курса на периодическое повторение культурной революции и курса на подготовку к войне против СССР. Основными помощниками Мао Цзэдуна при осуществлении им этой политики стали в те годы Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин, а также Цзян Цин, Чжан Чуньцяо, Ван Хунвэнь и Яо Вэньюань.

В 1973–1976 гг. было проведено несколько политических кампаний, каждая из которых велась под лозунгом «углубления и развития культурной революции». В докладе Ван Хунвэня на X съезде КПК специально цитировались слова из письма Мао Цзэдуна Цзян Цин о необходимости развертывания культурной революции через каждые семь–восемь лет. Тогда же Чжоу Эньлай поддержал это предложение, выступил за то, чтобы продолжить проведение этой кампании, поставив ее на первое место в деятельности партии.

В сентябре 1973 г. канцелярия ЦК КПК разослала закрытый документ – Постановление ЦК КПК от 20 августа об утверждении подготовленного спецгруппой ЦК КПК доклада по делу Линь Бяо и его сторонников. В этом документе, утвержденном X съездом КПК, в сжатом виде повторялись основные положения более ранних документов ЦК КПК по тому же вопросу, но по сравнению с предыдущими материалами был усилен антисоветский тон и сняты всякие упоминания о США в негативном контексте. Во второй половине 1973 г. в ходе критики Линь Бяо подчеркивалась установка на «усиление подготовки к войне».

С 12 по 22 декабря 1973 г. под руководством Мао Цзэдуна прошло несколько заседаний Политбюро ЦК КПК. С учетом предыдущих событий было принято решение «установить абсолютное руководство партии над вооруженными силами государства». Мао предложил сменить командующих восьмью военных округов и ввести Дэн Сяопина в члены Военного совета ЦК и в члены Политбюро. 14 декабря на совещании он представил собравшимся приглашенного на заседание «советника по военным делам» – Дэн Сяопина, на которого возлагалось также руководство Генеральным штабом.

15 декабря Мао Цзэдун в своей библиотеке принял членов Политбюро и командующих большими военными округами. Присутствовал Дэн Сяопин.

Мао подчеркнул, что Дэн Сяопин за свою жизнь допустил лишь «30% ошибок», но остальные его дела могут быть вменены ему в заслугу. Он отметил, что сам просил Дэн Сяопина вернуться в Политбюро.

18 декабря Чжоу Эньлай, председательствовавший на заседании Политбюро, сообщил присутствовавшим мнение Мао Цзэдуна о ротации всех командующих большими военными округами. Политбюро одобрило кооптацию Дэн Сяопина в свои ряды и введение его в Военный совет ЦК КПК.

21 декабря состоялось заседание Военного совета, на котором выступил Мао Цзэдун. Он, в частности, заявил, что в отношении Хэ Луна и Ло Жуйцина была допущена ошибка, за которую он несет ответственность. Но при этом Мао переложил всю вину на покойного «преемника». «Ян Чэнъю, Юй Лицзинь и Фу Чунби тоже следует реабилитировать, пересмотреть дела, сфабрикованные Линь Бяо, – заявил он. – Я слушал только Линь Бяо, поэтому и допустил ошибку».

22 декабря Военный совет издал приказ о перемещении восьми из 11 командующих большими военными округами, одновременно являвшихся первыми секретарями провинциальных парткомов и председателями ревкомов. В результате разделения функций ни один из командующих не был понижен в должности в НОАК, однако, войдя в состав провинциального парткома по месту нового назначения, уже не руководил этим органом. Приказ не затронул незадолго до того назначенных командующих тремя большими военными округами, которые не возглавляли провинциальные парткомы и ревкомы.

В тот же день ЦК КПК разослал уведомление, подготовленное Чжоу Эньлаем, о проведенной по предложению Мао Цзэдуна кооптации Дэн Сяопина в состав Политбюро ЦК КПК, подлежащей утверждению на ближайшем пленуме ЦК КПК, и о назначении его членом Военного совета. Мао Цзэдун сформировал новую расстановку сил в руководстве: правительством, т.е. Госсоветом КНР, формально продолжал руководить Чжоу Эньлай, однако в связи с его болезнью фактически в роли руководителя оказался Дэн Сяопин; вооруженными силами стал руководить он же, наряду с ним действовал Е Цзяньин.

Перераспределение сил внутри партийного руководства было итогом «дела Линь Бяо». 26 декабря 1973 г. Мао Цзэдуну исполнилось 80 лет, после инцидента с Линь Бяо он серьезно заболел, но не оставлял попыток решить вопрос о «преемниках» и создать новый баланс сил. Он считал, что его линию сумеет продолжить Ван Хунвэнь, которому фактически было передано руководство внутрипартийной работой. Мао пытался испытать на деле способности молодого выдвиженца культурной революции.

В то же время в качестве прошедшего испытания временем надежного исполнителя своей воли и планов как в области внутренней, так и внешней политики Мао Цзэдун доверил власть над вооруженными силами и правительством страны Дэн Сяопину.

Одновременно продолжалась борьба между выдвиженцами культурной революции и частью старых кадров, возвращавшихся на руководящие посты.

После X съезда КПК выдвиженцы культурной революции уделяли особое внимание пропаганде лозунга «идти против течения», который

расшифровывался как борьба с появившемся в КПК «правым уклоном». Популяризация этого лозунга сталкивалась с определенными трудностями, с требованиями реабилитированных деятелей неукоснительно соблюдать партийную дисциплину, принцип подчинения меньшинства большинству. Гуандунский провинциальный комитет КПК, например, на заседании в сентябре 1973 г. специально подчеркивал, что Мао Цзэдун представляет собой образец соблюдения партийной дисциплины. Эти же мотивы прозвучали и на страницах журнала «Хунци».

Мао активно использовал в своих интересах последствия «дела Линь Бяо». Он учитывал назревшую необходимость перехода к функционированию органов партийной и государственной власти под руководством гражданских, а не военных руководителей. В то же время он стремился представлять себя в роли того, кто осуждает только группировку Линь Бяо, поддерживая другие группировки военачальников. При этом Мао Цзэдун требовал абсолютного согласия военачальников с его курсом на подготовку к войне против СССР.

Вместе с тем Мао продвигал на ответственные посты выдвиженцев культурной революции. Он давал указания воспитывать «смену продолжателей дела революции» и сочетать в руководстве кадровых работников старшего, среднего и молодого возраста.

Выдвиженцы культурной революции отмечали сопротивление такому курсу. «Небольшая кучка классовых врагов боится, что для нее настанут трудные времена, когда новые кадры займут ответственные посты», — отмечалось 13 марта 1974 г. в шанхайской газете «Цзефан жибао».

Выдвинувшиеся в ходе культурной революции вели борьбу за получение реальных рычагов воздействия на развитие ситуации в Китае. Предвидя крайнее обострение борьбы за власть, они во второй половине 1973 г. в рамках кампании «критики Линь Бяо и упорядочения стиля» сделали особый упор на необходимость развития и укрепления народного ополчения, численность которого в Пекине и Шэньяне составила по 1 млн человек, а в Шанхае — более 1000 подразделений.

Кроме того, ставился вопрос о проведении чистки среди командного состава НОАК. 14 января 1974 г. Ван Хунвэнь, выступая перед слушателями учебных курсов ЦК КПК, указал на необходимость выдвижения на посты командующих военными кругами молодых людей в возрасте 30 лет, хорошо зарекомендовавших себя в ходе культурной революции.

Об активизации выдвиженцев культурной революции свидетельствовали также письма Цзян Цин и Ван Хунвэня, написанные 12 января 1974 г. Мао Цзэдуну. Они рекомендовали публично распространить по всей стране пропагандистские материалы, в которых имя Линь Бяо ставилось в один ряд с именем Конфуция, в эпоху культурной революции ставшего символом косности и ретроградства. Материалы были одобрены Мао Цзэдуном и от имени ЦК КПК 18 января 1974 г. под заглавием «Линь Бяо и учение Конфуция и Мэн-цзы (первый материал)» распространены по всей стране. Таким образом, с января 1974 г. был дан новый импульс кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» в общегосударственном масштабе. Продолжалась она до июня 1974 г.

Впервые в наиболее общем виде мысль о том, чтобы соотнести фигуру Линь Бяо с Конфуцием, как воплощением исторической реакции, была сформулирована Мао Цзэдуном еще весной 1973 г. До и после X съезда КПК он неоднократно подчеркивал мысль о необходимости увязывать критику Линь Бяо с критикой Конфуция и его последователей, которым противопоставлялась оппозиционная конфуцианству утилитаристская философская школа «законников» (*фацзя*), или легистов. Сторонником идей фацзя был объединитель Китая император Цинь Шихуан (256–210 до н.э.), методами жестокого террора и поощрением доносительства добивавшийся укрепления центральной власти. Примечательно, что именно с Цинь Шихуаном сравнивали Мао Цзэдуна сторонники Линь Бяо, составители «Тезисов проекта 571».

Мао использовал эту аналогию в целях дискредитации Линь Бяо и одновременно – для борьбы с оппозицией своему курсу. В июле 1973 г. в беседах с Ван Хунвэнем и Чжан Чуньцяо он заявил, что Линь Бяо, подобно гоминьдановцам, «почитал Конфуция и боролся против школы законников».

Для участия в новой кампании из Гуанчжоу в Пекин был вызван известный критик конфуцианства, декан философского факультета Университета им. Сунь Ятсена профессор Ян Юнго, который накануне X съезда КПК с одобрения Мао Цзэдуна подверг нападкам Конфуция и его «почитателя» – Линь Бяо на страницах «Жэньминь жибао» 7 и 13 августа 1973 г. Помимо Ян Юнго к участию в кампании привлекли известного философа, профессора Пекинского университета Фэн Юлани. Под давлением Мао Цзэдуна он был вынужден публично отречься от своих прежних высоких оценок отдельных сторон конфуцианства и начал хулить Конфуция и Линь Бяо.

С самого начала деятельное участие в критике Конфуция и восхвалении легистов и Цинь Шихуана принял отражавший взгляды выдвинутых культурной революции новый журнал «Сюеси юй пипань» («Учеба и критика»), выходивший с сентября 1973 г. в Шанхае. Примечательно, что каллиграфическую надпись с названием журнала, помещенную на его обложке, собственноручно исполнил Мао Цзэдун, тем самым подчеркнув статус данного издания. В его первом номере были напечатаны три материала о полемике конфуцианцев и легистов. В обращении редакции к читателям многозначительно подчеркивалось, что эта полемика касается важных вопросов «углубления социалистической революции в области надстройки, укрепления диктатуры пролетариата и предотвращения реставрации капитализма».

Пропагандистские материалы кампании показывают, что инспирированная Мао Цзэдуном критика конфуцианства метила не только в Линь Бяо, но и в тех, кто пытался возрождать порядки, существовавшие до культурной революции, и способствовал реабилитации деятелей, пострадавших в период ее проведения. Именно на них намекал, например, Ян Юнго, когда критиковал Конфуция за «насквозь реакционный реставраторский лозунг: восстановить власть рабовладельческой аристократии, вновь вручить бразды правления этой аристократии, уже отстраненной от власти».

Цзян Цин пыталась использовать кампанию в своих целях. Приняв к сведению, что в июле 1973 г. Мао Цзэдун критиковал работу МИДа, находившегося

в подчинении у Чжоу Эньлая, а в декабре высказал критические замечания по поводу деятельности Военного совета ЦК КПК, которым руководил Е Цзяньин, она решила направить острие своих нападок на Чжоу Эньлая.

24 и 25 января 1974 г. Цзян Цин созвала два митинга «по критике Линь Бяо и Конфуция» в пекинском дворце спорта «Шоуду». В каждом из них участвовали по 10 тыс. человек. В числе выступавших на митинге были Се Цзинъи (дочь Се Фучжи), председатель ревкома Университета Цинхуа Чи Цюнь и др. Они выступили на митингах, восхваляя Цзян Цин и критикуя Чжоу Эньлая и его сторонников в ЦК КПК, Госсовете КНР и Военном совете ЦК.

Цзян Цин и Яо Вэньюань обрушились с персональными нападками на некоторых руководящих работников центральных и местных органов власти, на представителей военного командования. Имена в большинстве случаев не назывались, но слушатели и читатели хорошо понимали, о ком шла речь. Так, когда в одном из выступлений Цзян Цин заявила, что в настоящее время «имеется один весьма солидный последователь Конфуция» и этого «современного конфуцианца необходимо раскритиковать», было ясно, что имеется в виду Чжоу Эньлай.

О сугубо утилитарном характере критики Конфуция и конфуцианства свидетельствовали появившиеся в печати осенью 1973 г. обвинения в адрес «сегодняшних конфуцианцев, желающих воспользоваться конфуцианством», а также весьма прозрачные нападки на династию Чжоу (XII—III вв. до н.э.). Название этой династии ассоциировалось с фамилией Чжоу Эньлая.

Некоторые исследователи утверждали, что повод для недовольства Чжоу Эньлаем Мао Цзэдун придумал, придравшись к его «поведению» при организации китайско-американских контактов в начале 1970-х годов. 9–11 июля 1971 г. Чжоу Эньлай в Пекине вел переговоры с Г. Киссинджером, а в феврале 1972 г. присутствовал на встрече Мао Цзэдуна с президентом США Р. Никсоном. В ноябре 1973 г. Чжоу Эньлай вновь вел с Г. Киссинджером сложные переговоры в Пекине. Проводив гостя на аэродром, он отправился в резиденцию Мао Цзэдуна для доклада, однако тот к тому времени лег спать, и Чжоу Эньлай вернулся к себе домой. Изобразив недовольство несвоевременным докладом, Мао Цзэдун обвинил премьера в неких «ошибках», допущенных на переговорах и потребовал созвать расширенное заседание Политбюро ЦК. Больной Чжоу Эньлай, у которого открылось кровотечение, вынужден был выступить на заседании Политбюро с «самокритикой». Участники заседания, осведомленные о позиции Мао Цзэдуна, активно включились в критику премьера. Цзян Цин, Чжан Чуньцяо и их сторонники решили, что настал момент «свалить» Чжоу Эньлая. Цзян Цин заявила, что ему «не терпится» заменить председателя Мао Цзэдуна. После митингов 24 и 25 января 1974 г. она от своего имени направила письма и агитационные материалы в некоторые воинские части и учреждения, провоцируя активизацию кампании, а также командировала своих людей в армию для «разжигания пламени борьбы за власть».

8 февраля Ван Хунвэнь и Чжан Чуньцяо на одном из митингов выступили с нападками на представителей армии, обвинив Генеральный штаб в прове-

дении правой линии. В феврале 1974 г. была создана «группа» по подготовке агитационных материалов по критике Конфуция, куда вошли несколько человек из Пекинского университета и Университета Цинхуа. Группа вскоре выпустила сборник материалов «Конфуций, как он есть» с нападками на Чжоу Эньлая. Затем последовали новые сборники. Наиболее активную роль в разжигании кампании играли «Вестник Пекинского университета», выступавшие под псевдонимами группы авторов в Пекинском университете и Университете Цинхуа, в Фуданьском университете в Шанхае, в Министерстве культуры и других учреждениях и вузах.

Для активного ведения кампании при парткомах разных ступеней стали создаваться специальные органы в виде «канцелярий по делам критики Линь Бяо и Конфуция». Центральную канцелярию при ЦК КПК возглавила Цзян Цин. Вновь стали появляться такие формирования, как пункты связи, «группы разбора жалоб», «группы представления донесений», хорошо знакомые по периоду 1966–1968 гг., возникали враждующие группировки «революционеров», на улицах можно было видеть лозунг «не заниматься производством в угоду ошибочному курсу». Вновь останавливались заводы и фабрики.

Для форсирования кампании в начале 1974 г. прозвучал призыв к созыву так называемых мобилизационных митингов по всей стране. Однако эта инициатива была встречена на местах довольно холодно. По некоторым данным, ее игнорировали 11 парткомов провинциального уровня, парткомы семи больших и 16 провинциальных военных округов, 14 провинциальных комитетов КСМК, федерации профсоюзов и федерации женщин 13 провинций. Но в ряде мест, особенно в Шанхае и Пекине, власти эту инициативу поддерживали.

В январе 1974 г. в течение нескольких дней по улицам Шанхая следовали автомобильные и пешие колонны с подстрекательскими лозунгами – «Огонь против всех, не бояться никого!» и проч. На улицах городов снова появились аналогичного содержания дацзыбао, некоторые из них были перепечатаны в «Жэньминь жибао». Отражая взгляды выдвигенцев культурной революции, столичная газета «Бэйцзин жибао» 1 февраля 1974 г. подвергла критике «некоторых руководящих товарищей», которые не понимают «великого актуального и исторического значения» начавшейся кампании и призвала «смело поднимать массы», не устанавливая при этом каких-либо рамок и четких ограничений.

Кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» стала новым ударом не только по общественному порядку, но и по экономике. Промышленное производство вновь сократилось. Согласно статистическим данным за январь–май 1974 г., по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года добыча угля снизилась на 6,2%, объем железнодорожных перевозок – на 2,5, производство стали – на 9,4, химических удобрений – на 3,7%, финансовые доходы уменьшились на 500 млн юаней, а расходы возросли на 2,5 млрд юаней.

Однако реабилитированные руководители, пользовавшиеся поддержкой Чжоу Эньлая и Е Цзяньина, уже обладали к тому времени достаточным влиянием в центре, чтобы противостоять давлению.



«Доведем до конца кампанию критики Линь Бяо и Конфуция»

31 января 1974 г. Чжоу Эньлай, председательствуя на заседании Политбюро, при поддержке Е Цзяньина, Дэн Сяопина и других своих сторонников потребовал не втягивать структуры вооруженных сил в кампанию «четырех больших свобод», запретить написание и расклеивание дацзыбао, проведение «широких дискуссий, широкой критики», превращавшихся в самосуд и персональные нападки. Соответствующие требования были изложены в специальном документе из восьми пунктов, регламентировавшем проведение кампании, который от имени ЦК был направлен на места.

После устроенных Цзян Цин многотысячных митингов «критики Линь Бяо и Конфуция» Е Цзяньин написал Мао Цзэдуна возмущенное письмо и отослал ему тексты наиболее провокационных выступлений Чи Цюнь и Се Цзинъи. В своем ответе от 15 февраля Мао признал, что в «выступлениях Се Цзинъи и Чи Цюнь имеются недостатки» и эти тексты рассылать на места не следует. Относительно тезиса о поступлении детей ответственных работников в вузы «через черный ход» он отметил, что, хотя этот вопрос и затрагивает интересы миллионов людей, борьба против данного явления «приобрела

форму метафизического безумия и однобокости», и внесение соответствующего пункта в программу кампании критики Линь Бяо и Конфуция может эту кампанию ослабить. В то же время Мао Цзэдун снял с эфира выступления Цзян Цин и ее соратников, записи которых намечалось передать по всекитайскому радио 25 января 1974 г.

Но выдвиженцы культурной революции, очевидно, ощущая поддержку со стороны Мао Цзэдуна, не собирались сдаваться. 5 марта Цзян Цин и Чжан Чуньцяо собрали совещание военных, на котором Цзян Цин потребовала «немедленно навести порядок в армии».

В начале марта было проведено расширенное заседание Политбюро ЦК КПК с участием секретарей парткомов некоторых провинций. Чжоу Эньлай высказал опасения, что кампания критики Линь Бяо и Конфуция может отрицательно сказаться на развитии экономики, приведет к дезорганизации и падению производства. Понимая, что отменить новую кампанию невозможно, он предложил несколько сузить ее масштабы и подчинить ее решению экономических задач. 3 марта и 4 апреля 1974 г. «Жэньминь жибао» обратилась с призывом к рабочим проводить кампанию и заниматься критикой только в свободное от работы время, а к крестьянам – использовать эту кампанию для ударного проведения весенних полевых работ. В апреле Госсовет издал несколько директив и указаний о недопустимости создания организаций «бунтарского» характера и о пресечении беспорядков.

Из-за плохого состояния здоровья, а также боясь покушений, Мао Цзэдун на протяжении длительного времени редко принимал посетителей. Даже Цзян Цин для встречи с ним должна была заблаговременно подавать заявку, но довольно часто наталкивалась на отказ.

К тому времени было восстановлено законное место КНР в ООН. Правительство готовилось направить делегацию для участия в шестой Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, где предполагалось впервые с трибуны этой международной организации разъяснить миру содержание внешней политики КНР. Мао Цзэдун поставил во главе делегации Дэн Сяопина. 26 марта 1974 г. было проведено заседание Политбюро, которое почти единодушно согласилось, чтобы делегацию возглавил Дэн Сяопин; резко против выступила только Цзян Цин, выдвигая в качестве предлога загруженность Дэн Сяопина работой в Госсовете. Мао Цзэдуну пришлось самому урезонивать супругу специальным письмом от 27 марта: «Цзян Цин, это была моя идея послать Дэн Сяопина за границу. Будет лучше, если ты перестанешь выступать против его поездки. Советую тебе быть поосторожнее и подержаннее. И не возражать против моего предложения». 6 апреля 1974 г. Дэн Сяопин во главе делегации вылетел в Нью-Йорк. 10 апреля 1974 г. он уже с трибуны ООН рассказывал делегатам сессии о теории «трех миров» Мао Цзэдуна. Дэн Сяопин заверил, что КНР никогда не будет стремиться к «гегемонизму». Он перечислил три «великие Революции» в мировой истории: американскую, французскую и китайскую (1949 года). После возвращения на родину Дэн Сяопин, по воле Мао Цзэдуна, замещая тяжело больного Чжоу Эньлая, взял на себя большую часть работы премьера.

10 апреля ЦК КПК обнародовал документ, регламентировавший проведение кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», и потребовал проводить ее под руководством парткомов. Категорически запрещалось создание массовых организаций типа «боевых отрядов» 1966–1967 гг., проведение «смычек» между представителями разных отраслей и регионов, персональные нападки и самосуд.

1 июля 1974 г. была обнародована директива «Ухватившись за революцию, стимулировать развитие производства», где обращалось особое внимание на урон, нанесенный в результате неправильной организации кампании народному хозяйству КНР. В директиве подверглись критике «ошибочные» лозунги, такие как «не заниматься производством в угоду ошибочному курсу», говорилось о необходимости разоблачать закулисных организаторов простоев на производстве. Сообщалось, что «вследствие фракционной борьбы, низкого уровня производственной дисциплины и безответственности руководителей» плановые задания по добыче угля, производству стали, чугуна, цветных металлов, химических удобрений, цемента и продукции оборонной промышленности находились под угрозой срыва или уже были сорваны. В документе критиковалось неудовлетворительное положение на железнодорожном транспорте, где на ряде магистралей произошли заторы, в результате «многие предприятия были вынуждены прекратить или сократить производство». Поскольку некоторые руководящие работники предприятий вследствие беспорядков на производстве покинули свои рабочие места, документ потребовал их скорейшего возвращения на работу, пригрозив строгими дисциплинарными мерами, вплоть до увольнения и прекращения выплаты зарплаты.

Летом 1974 г. Мао Цзэдун в связи с плохим состоянием здоровья (к началу года он почти ослеп, что держалось в строжайшем секрете) отказывался появляться на публике и решил, что ему надо уехать из столицы. 17 июля 1974 г. он отправился на юг и в течение девяти месяцев отсутствовал в Пекине. Летом у него начали проявляться симптомы редкой болезни Лу Герига, известной также как «боковой амиотрофический склероз». Ее первоначальный симптом – слабость в кистях рук, которая затем распространяется на все тело: больной теряет способность двигаться, говорить, глотать и, в конце концов, дышать. Причиной болезни является отмирание нервных клеток спинного мозга. Помимо этого, Мао Цзэдун по-прежнему страдал от легочно-сердечной недостаточности. Согласно диагнозу, ему оставалось жить около двух лет. Самому Мао Цзэдуну врачи об этом диагнозе не сообщали, но доложили Ван Дунсину, который довел их прогноз до сведения Чжоу Эньлая. Несмотря на болезнь, Мао Цзэдун продолжал удерживать контроль над балансом сил в среде своих соратников.

Осенью 1974 г. в КНР произошло новое обострение внутривнутриполитической обстановки, в частности, вспыхнула крупная забастовка железнодорожников, охватившая многие районы страны. В печати стали вновь пропагандировать высказывания Мао Цзэдуна о том, что «среди рабочего класса нет оснований для раскола», «только через сплочение КПК можно достичь сплочения всех классов и всей нации». 11 октября 1974 г. было обнародовано сообщение

ЦК КПК о предстоящем созыве сессии ВСНП 4-го созыва, где приводилось новое высказывание Мао Цзэдуна: «Великая культурная революция длится уже восемь лет, и сейчас хорошо бы добиться стабильности. Вся партия и вся армия должны сплотиться».

Что касается кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», то в общей передовой статье газет «Жэньминь жибао» и «Цзефанцзюнь бао» от 1 октября в связи с 25-летием КНР предлагалось «в организациях, где в основном завершена проверочная работа, осуществляемая массами... серьезно читать, изучать и штудировать труды Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина и произведения Мао Цзэдуна, ибо это основное звено, ведущее к углублению движения за критику Линь Бяо и Конфуция». Кроме того, в статье предписывалось обратить особое внимание на изучение произведений Мао Цзэдуна по военной тематике и на критику «буржуазной военной линии Линь Бяо».

Последний аспект кампании особенно отчетливо обозначился с августа 1974 г., когда на страницах печати появилась серия статей, авторы которых писали о «бездарности» Линь Бяо в военном деле, а все успехи Красной и Народно-освободительной армии Китая 30–40-х годов приписывали исключительно Мао Цзэдуну. Во второй половине 1974 г. такого рода критика Линь Бяо приняла довольно широкий размах. Тем не менее ни один из видных военачальников КНР не выступил публично с осуждением военных ошибок Линь Бяо. Летом–осенью 1974 г. было возвращено доброе имя большой группе военных руководителей, пострадавших в 1966–1969 гг. В результате временный перевес переходил на сторону реабилитированных руководителей КПК, что не было оставлено без внимания их соперниками.

18 октября 1974 г. Ван Хунвэнь тайно поехал к Мао Цзэдуну в Чанша с докладом, содержавшим клеветнические измышления в отношении Чжоу Эньлая и Дэн Сяопина. Выдвиженцы культурной революции не желали, чтобы подготовкой сессии ВСНП и формированием правительства занимался Чжоу Эньлай, а пост первого заместителя премьера был предоставлен Дэн Сяопину. 23 декабря тяжелобольной Чжоу Эньлай вместе с Ван Хунвэнем прибыл для доклада о проделанной работе (повестка дня предстоящей сессии ВСНП и кадровые назначения на ней) к Мао Цзэдуну в Чанша. К тому времени Мао, очевидно, принимая во внимание полностью совпадавшую с его мнением позицию Дэн Сяопина по отношению к СССР, как якобы к «военной угрозе для Китая с севера», что и вызывало, дескать, необходимость «подготовки к войне», а также учитывая тяжелую болезнь Чжоу Эньлая, принял окончательное решение о том, что Дэн Сяопин должен войти в руководство страны, стать первым заместителем премьера, заместителем председателя Военного совета и начальником Генерального штаба. Якобы тогда же он подверг критике Цзян Цин, отметив ее «честолюбивые устремления», и призвал Ван Хунвэня «не заниматься сектантством и прекратить фракционную деятельность».

В редакционной статье «Жэньминь жибао» по случаю нового 1975 года одной из важнейших задач объявлялось развитие оборонной промышленности.

С 8 по 10 января 1975 г. под председательством Чжоу Эньлая проходил 2-й пленум ЦК КПК 10-го созыва. Мао Цзэдун в работе пленума не участвовал. До того Чжоу Эньлай провел несколько заседаний Политбюро и его Постоянного комитета (28, 29 декабря и 3 и 6 января), где доложил о результатах поездки в Чанша, об одобрении Мао Цзэдуном повестки дня предстоявшей сессии ВСНП и персонального состава ее участников. Главное внимание пленум уделил вопросам подготовки к сессии ВСНП, утвердив «Исправленный проект Конституции КНР», «Доклад о внесении изменений в Конституцию КНР», «Доклад о работе правительства», а также список кандидатур в состав Постоянного комитета ВСНП и Госсовета КНР.

2-й пленум ЦК КПК утвердил Дэн Сяопина на посту заместителя председателя ЦК КПК и члена Постоянного комитета Политбюро ЦК, а также на вакантном с 1971 г. посту начальника Генерального штаба НОАК. Сведения об этих назначениях, а также о занятии Дэн Сяопином должности заместителя председателя Военного совета были обнародованы 5 января 1975 г. Пленум ЦК КПК «удовлетворил просьбу» Ли Дэшэна об освобождении его с постов заместителя председателя ЦК КПК и члена Постоянного комитета Политбюро ЦК. Их занял Дэн Сяопин. Вместо Ли Дэшэна начальником Главпура НОАК был назначен Чжан Чуньцяо.

Параллельно с работой пленума в Пекине 5–11 января 1975 г. проходило подготовительное заседание ВСНП, рассмотревшее вопросы повестки дня предстоящей сессии.

1-я сессия ВСНП 4-го созыва состоялась 13–18 января 1975 г. под председательством Чжу Дэ. Впервые на сессии отсутствовал Мао Цзэдун, который 17 января имел в Чанша встречу с лидером ХСС Ф.Й. Штраусом. Мао Цзэдун даже не направил приветствия депутатам сессии. По-видимому, его не устраивали некоторые решения, которые предстояло утвердить сессии ВСНП. Кроме Мао Цзэдуна в заседаниях не участвовали члены Политбюро ЦК КПК Ван Дунсин и Ни Чжифу – выдвиженцы культурной революции.

Необходимо отметить, что в составе ПК ВСНП после событий 1966–1969 гг. и особенно в ходе начавшегося после «дела Линь Бяо» процесса реабилитации пострадавших в предыдущие годы руководящих работников многие из реабилитированных получили посты не в центральном аппарате партии, а в Постоянном комитете ВСНП. Там, по существу, создавался как бы параллельный центр руководства наряду с ЦК КПК, в аппарате которого в те годы преобладали выдвиженцы культурной революции.

В повестке дня 1-й сессии ВСНП значились три вопроса: 1. Внесение изменений в Конституцию КНР. 2. Доклад о работе правительства. 3. Избрание и назначение руководящих работников государства.

По поручению ЦК КПК с докладом по первому пункту повестки дня выступил Чжан Чуньцяо, не занимавший к тому времени никаких постов в системе ВСНП. Главное внимание докладчик уделил сугубо политическим вопросам, в первую очередь прославлению линии Мао Цзэдуна в культурной революции.

В своем выступлении Чжан Чуньцяо утверждал, будто новая Конституция являлась «продолжением и развитием Конституции 1954 г.». Однако в действительности она отличалась как по объему (30 статей вместо 106), так и по содержанию, хотя и унаследовала прежнюю структуру (преамбула и 4 главы). В принятой 17 января 1975 г. Конституции было закреплено особое положение Мао Цзэдуна в механизме власти. Наряду с фактическим объявлением «идей Мао Цзэдуна» государственной идеологией провозглашалось, что председатель КПК «возглавляет вооруженные силы всей страны». При этом упразднились все коллегиальные органы верховного руководства вооруженными силами КНР.

В новой Конституции КНР содержались статьи о принципе распределения по труду (ст. 9), праве крестьян на небольшие приусадебные участки и владение скотом (ст. 7), а также о необходимости постепенного повышения материального и культурного уровня народа (ст. 10). Появление этой статьи диктовалось реальными потребностями экономического развития КНР.

Что касается внешнеполитических разделов Конституции, то в ней трижды фигурировал тезис о борьбе против «социалистического империализма», т.е. СССР. Подчеркивалось, что эта борьба рассчитана на «относительно длительный исторический период».

По решению 2-го пленума ЦК КПК с докладом о работе правительства перед депутатами сессии ВСНП выступил Чжоу Эньлай. В его речи, подготовленной при активном участии Дэн Сяопина, содержались славословия в адрес культурной революции и антисоветские заявления. Касаясь итогов развития народного хозяйства за отчетный период, Чжоу Эньлай отрицал, что культурная революция помешала подъему экономики. По его словам, валовая продукция сельского хозяйства за минувшее десятилетие увеличилась на 51%, а промышленности – в 2,9 раза. Эти данные были явно завышенными. В докладе Чжоу Эньлая говорилось о том, что Мао Цзэдун выдвинул задачу превращения Китая в «могучую державу» к концу XX столетия.

Премьер не уточнял, что такие планы Мао Цзэдун строил еще на 1-й сессии ВСНП 3-го созыва в декабре 1964 г., но в результате культурной революции их не удалось реализовать. Развитие экономики страны Мао тогда разделил на два этапа. На первом этапе, длительностью 15 лет, т.е. до 1980 г., предполагалось создать «самостоятельную сравнительно целостную систему промышленности и всего народного хозяйства», а на втором этапе – в следующие 20 лет, до конца текущего века – на основе «четырех модернизаций» (сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники) вывести экономику Китая в «первые ряды стран мира».

В заключение состоялись выборы и назначения в руководство ВСНП и Госсовета КНР. В состав ПК ВСНП вошли 114 членов (ранее их было 96). На пост председателя Постоянного комитета ВСНП был избран Чжу Дэ, 22 человека (ранее – 18) стали его заместителями; большинство из них принадлежали к числу старейших государственных и общественных деятелей КНР – Дун Биу, Лю Бочэн, Не Жунчжэнь, Сюй Сянцян, Сун Цинлин,

Го Можо, Чэнь Юнь, Тань Чжэньлинь, Кан Шэн, У Дэ, но были и выдвиженцы культурной революции – Чжан Чуньцяо, Чэнь Юнгуй и Хуа Гофэн.

По решению сессии премьером Госсовета вновь был назначен Чжоу Эньлай, его заместителями – Дэн Сяопин, Чжан Чуньцяо, Ли Сяньнянь, Чэнь Юнгуй и Хуа Гофэн (одновременно министр общественной безопасности) и другие, всего 12 человек. Руководящее ядро Госсовета составили Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин. Министром обороны стал Е Цзяньин, председателем Государственного планового комитета – Юй Цюли, председателем Госстроя – Гу Му, министром железных дорог – Вань Ли.

Госсовет КНР был назначен в несколько меньшем составе, чем до 1966 г. Помимо премьера и 12 его заместителей (ранее их было 16) в него вошли 29 министров и председателей госкомитетов (ранее – 46). Среди заместителей премьера и руководителей министерств и госкомитетов было 13 пострадавших во время репрессий 1966–1969 гг. и впоследствии реабилитированных.

В целом выдвиженцы культурной революции не получили на сессии ВСНП того, на что рассчитывали (в частности, в состав высшего руководства ВСНП и Госсовета не вошли Ван Дунсин, Яо Вэньюань и Цзян Цин). Это предопределило начало нового тура внутрипартийной борьбы. Для восстановления своих позиций выдвиженцы культурной революции вскоре попытались активно использовать начатую на рубеже 1974–1975 гг. по инициативе Мао Цзэдуна политическую кампанию «за изучение теории диктатуры пролетариата».

20 октября 1974 г. во время встречи с премьер-министром Дании Мао Цзэдун стал рассуждать о теоретических проблемах, связанных с понятием диктатуры пролетариата. «В целом Китай принадлежит к социалистическим странам, – заявил он. – До освобождения страны разницы с капитализмом почти не было. В настоящее время у нас введена восьмиразрядная система оплаты труда, осуществляется распределение по труду, налажено денежное обращение, и в этом нет отличий от старого общества. Отличие состоит в изменении формы собственности». 26 декабря Мао Цзэдун в разговоре с Чжоу Эньлаем снова затронул этот вопрос. «Сейчас у нас в стране действует товарная система, есть различия в оплате труда, существует система заработной платы на базе восьми разрядов и т.п., – заявил он. – Любые ограничения в этих отношениях возможны лишь в условиях диктатуры пролетариата... Поэтому, если к власти придут деятели, подобные Линь Бяо, им будет очень легко ввести капитализм». Однако в материалах сессии ВСНП эти указания были обойдены молчанием. Более того, в новой Конституции КНР содержались статьи, которые противоречили им (в частности, о распределении по труду, о повышении благосостояния народа, о приусадебных участках и т.п.). Тем не менее по настоянию Мао Цзэдуна и при активной поддержке «четверки» ЦК КПК был вынужден разослать документ с призывом к широкой мобилизации членов партии на изучение его новых указаний.

Для «теоретического обоснования» этих указаний Чжан Чуньцяо по поручению Мао Цзэдуна подготовил подборку материалов «К. Маркс, Ф. Энгельс,

В.И. Ленин о диктатуре пролетариата», где выпячивались репрессивные функции диктатуры пролетариата.

9 февраля 1975 г. в предисловии к этой подборке под заголовком «Овладеть теорией диктатуры пролетариата», написанным Чжан Чуньцяо от имени газеты «Жэньминь жибао» и журнала «Хунци», перед руководящими кадровыми работниками ставилась задача изучать новейшие указания Мао Цзэдуна, а также произведения классиков марксизма о диктатуре пролетариата, организовать их изучение членами КПК, кадровыми работниками и народными массами. Предлагалось и дальше осуществлять «критику Линь Бяо и Конфуция» и «довести до конца революцию при диктатуре пролетариата».

Первоначально кампания была объявлена составной частью движения «за критику Линь Бяо и Конфуция», но фактически она вытеснила ее и стала играть самостоятельную роль. По указаниям «четверки» в печати появилось множество статей, направленных против «эмпиризма», призывающих к «искоренению буржуазного права», «удару по обороняющимся группировкам».

Основные установки новой политической кампании были изложены в статьях Яо Вэньюаня «О социальной базе антипартийной группировки Линь Бяо» и Чжан Чуньцяо «О всесторонней диктатуре над буржуазией».

Данные статьи и другие директивные материалы кампании показывают, что тезис «об укреплении диктатуры пролетариата» и лозунги борьбы против «новых буржуазных элементов среди членов партии, рабочих, зажиточных крестьян и работников учреждений», якобы «полностью изменивших пролетариат и трудовому народу», использовались для оправдания насилия, репрессий и произвола, подавления всех противников курса Мао Цзэдуна.

Как и в ходе предыдущей кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», острие борьбы было нацелено против Чжоу Эньлая, Дэн Сяопина и их сторонников. На этот раз вместо тезиса о борьбе с «современными конфуцианцами» был брошен призыв к «борьбе с эмпиризмом», который Цзян Цин, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань со ссылкой на Мао Цзэдуна объявили «главной опасностью в партии».

Отличительной чертой кампании являлось требование «всемерного ограничения буржуазного права в условиях диктатуры пролетариата». За этим лозунгом стояло намерение организаторов кампании навязать стране диктат внеэкономических, политико-административных методов управления, дискредитировать экономические рычаги и материальные стимулы развития производства. Одним из факторов развития в стране «буржуазного права» инициаторы кампании объявили распространение «капиталистических тенденций» как в деревне, так и в городе, как в коллективных хозяйствах, так и на государственных предприятиях.

Под лозунгом борьбы с «капиталистическим уклоном» в деревне в ходе кампании подвергались нападкам зафиксированные в Конституции КНР право крестьян иметь личные приусадебные участки и заниматься подсобными промыслами, право продавать свою продукцию на сельских рынках, а также принцип материальной заинтересованности и оплаты по труду.

В этой связи особое внимание уделялось критике так называемой «платформы Лю Шаоци и Линь Бяо», которая трактовалась как требование закрепления за крестьянскими дворами определенных норм производства сельскохозяйственной продукции.

В ходе кампании дискредитировались принцип оплаты по труду и материальное стимулирование, которым противопоставлялись уравнищность и бедность. Имели место нападки на «изжившую себя» восьмизначную тарифную сетку в промышленности, предусматривавшую дифференцированную оплату труда рабочих, и рекламировалась упрощенная трехразрядная сетка, игнорировавшая качество труда, но более выгодная для неквалифицированных рабочих. Резкой критике подверглась выплата премий и сверхурочных, которые назывались «буржуазным злом», часть рабочих, прежде всего квалифицированных, обвинялась в «буржуазном перерождении».

Инициаторы кампании требовали от рабочих развивать «революционный пролетарский дух голытьбы», трудиться, не считая часов, в том числе неоплачиваемых сверхурочных, и не думая о вознаграждении.

С целью проведения этих и других установок в жизнь выдвиженцы культурной революции пытались опереться не только на партийные, но и на профсоюзные организации. В начале 1975 г. активизировалась работа по подготовке IX съезда профсоюзов (VIII съезд прошел еще в 1957 г.). На состоявшихся с 25 февраля по 25 марта заседаниях подготовительной группы съезда выявились серьезные разногласия по вопросам о целях и содержании деятельности профсоюзов, а также о персональном составе руководства Всекитайской федерации профсоюзов. В противовес выдвиженцам культурной революции, предлагавшим ставить на первое место в деятельности профсоюзов классовую борьбу, их противники выступали за то, чтобы профессиональные организации сосредоточились на решении производственных вопросов и на улучшении условий труда и быта трудящихся.

Ознакомившись с проектами решений IX съезда профсоюзов, Дэн Сяопин указал, что «классовой борьбой» должны заниматься парткомы, и выступил против «ежедневной классовой борьбы» с участием профсоюзов, которые «должны заниматься и производством, и бытовыми проблемами людей, и благосостоянием трудящихся». В резолюции на «Докладе о подготовке IX съезда профсоюзов» он указал на недопустимость боязни решения производственных вопросов и пренебрежения условиями жизни рабочих и служащих.

Разногласия в руководстве КПК сделали практически невозможным созыв IX съезда профсоюзов при жизни Мао Цзэдуна.

Кампания «по изучению теории диктатуры пролетариата» и особенно практические меры по «ограничению буржуазного права», означавшие наступление на жизненные интересы трудящихся, натолкнулись на упорное сопротивление и породили широкое недовольство в массах. Крестьяне протестовали против закрытия рынков, ликвидации приусадебных участков и настаивали на справедливом распределении урожая и оплате труда «в соответствии с трудовыми единицами», т.е. с объемом выполненной работы. Рабочие

требовали сохранения восьмиразрядной сетки оплаты труда, выплаты премий и отказывались от бесплатной сверхурочной работы.

Воспользовавшись включением в новую Конституцию права на забастовку, рабочие прибегали к стачкам и остановкам производства. Подобное движение протеста получило сначала широкий размах на железнодорожном транспорте, а затем перекинулось и на промышленные предприятия и в сельское хозяйство. В первые месяцы 1975 г. вследствие забастовок и остановки работы серьезно пострадали железнодорожные перевозки в провинциях Аньхой, Ганьсу, Хубэй, Хэнань, где весной и летом 1975 г. бастовали рабочие более 20 предприятий и имели место вооруженные столкновения. О серьезности ситуации в Ханчжоу свидетельствует тот факт, что в 1975 г. в разное время в городе побывали члены Политбюро ЦК КПК Ван Хунвэнь, Чэнь Юнгуй, Цзи Дэнкуй, Хуа Гофэн и Дэнь Сяопин. Для подавления волнений в город были брошены части НОАК и войска общественной безопасности.

Обострение внутривластной ситуации, недовольство трудящихся, а также противодействие части руководителей в центре и на периферии вынудили инициаторов кампании маневрировать. В середине апреля на одном из заседаний Политбюро ЦК КПК Цзянь Цин в очередной раз потребовала обсудить вопрос об «эмпиризме». Дэнь Сяопин высказался против.

18 апреля 1975 г. Мао Цзэдун вернулся в столицу. В Пекине при встрече с руководителем КНДР Ким Ир Сеном он признался, что его пожилым соратникам из-за болезненной трудно работать с прежней нагрузкой и, указав на Дэнь Сяопина, отметил, что на него возлагаются особые надежды: «Товарищ Дун Биу умер, премьер болеет, товарищи Кан Шэн и Лю Бочэн тоже болеют, болею и я. Мне исполнилось 82 года, скоро буду ни на что не годен, теперь можно положиться только на вас (указывая на присутствующего на встрече Дэнь Сяопина)... Я не буду говорить о политике, он с вами все обсудит. Этого человека зовут Дэнь Сяопин, он **умеет воевать, может бороться с ревизионизмом**. Хунвэйбины пытались с ним расправиться, но теперь уже все в порядке. В период “культурной революции” он был в опале, сейчас опять поднялся. Мы нуждаемся в нем».

После встречи с Ким Ир Сеном Дэнь Сяопин проинформировал Мао Цзэдуна о том, что в начале марта Цзянь Цин и ее окружение развернули кампанию борьбы против «эмпиризма», а это в корне противоречит указанию Мао Цзэдуна о «стабильности и сплочении». Мао согласился с Дэнь Сяопином и потребовал обсудить данный вопрос на Политбюро. 27 апреля прошло заседание Политбюро ЦК КПК, на котором Е Цзяньин, Дэнь Сяопин и их единомышленники подвергли критике Цзянь Цин и Чжан Чуньцяо за раздувание проблемы борьбы против «эмпиризма».

3 мая 1975 г. Мао Цзэдун созвал заседание Политбюро, на котором был обсужден вопрос о борьбе с «эмпиризмом». Мао заявил, что «он вновь совершил ошибку», так как не мог прочесть статьи Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюаня, а только прослушал их, по невнимательности пропустив то, что говорилось об «эмпиризме». Он подверг критике Цзянь Цин и Чжан Чуньцяо. Это было его последнее появление на заседании Политбюро. Еще дважды – 27 мая

и 3 июня 1975 г. — под руководством Дэн Сяопина прошли заседания Политбюро ЦК КПК, на которых Цзян Цин и ее соратники вновь подверглись критике. Кампания борьбы с «эмпиризмом» была свернута.

С апреля 1975 г. обозначилась тенденция корректировки требований об ограничении «буржуазного права», которое, как писал журнал «Хунци», не может быть ликвидировано «еще в течение весьма длительного времени». Спустя месяц журнал отмечал, что «многие вопросы в практической работе довольно сложны, и к их разрешению следует подходить осторожно. Особенно это относится к проблемам, связанным с политическими установками, с правилами и распорядком, и если по ним уже разработаны четкие положения, то не надо самовольно вносить в них изменения».

К середине 1975 г. идеологические кампании пошли на убыль. В условиях роста социальной напряженности, массовых выступлений трудящихся города и деревни наступление на крыло реабилитированных руководителей стало захлебываться. В период проведения кампаний обнажились острые социально-политические проблемы и противоречия, для решения которых необходимо было разработать систему действенных мер.

«Урегулирование»

Реабилитированные руководители пытались выработать программу развития страны, направленную на то, чтобы вырваться из отсталости и к концу столетия превратить Китай в могучую державу с передовой промышленностью, сельским хозяйством, обороной, наукой и техникой. Они стали действовать более смело, учитывая резкое ухудшение здоровья Мао Цзэдуна во второй половине 1975 г. У Мао Цзэдуна возникли нарушения речи и двигательного аппарата. Его контакты с членами Политбюро поддерживались в ограниченном объеме и только через специального курьера.

Новая программа развития в самом общем виде была сформулирована со ссылкой на Мао Цзэдуна в докладе Чжоу Эньлая о работе правительства на январской 1975 г. 1-й сессии ВСНП 4-го созыва и одобрена в резолюции по этому докладу. После сессии ВСНП в связи с дальнейшим ухудшением состояния здоровья Чжоу Эньлая работу по составлению конкретной долгосрочной программы развития страны, а также подготовке краткосрочных планов и решению текущих задач возглавил Дэн Сяопин.

ЦК КПК и Госсовет КНР созвали ряд совещаний по вопросам экономики, в том числе по составлению плана развития народного хозяйства на 1975 г., по улучшению работы железнодорожного транспорта, угольной, металлургической и оборонной промышленности и приняли соответствующие документы.

5 марта на совещании секретарей парткомов провинциального уровня, отвечающих за работу промышленности, выступил Дэн Сяопин. Он признал, что «число аварий на китайских железных дорогах потрясает». В 1974 г.

произошло 755 особо крупных и крупных аварий, что намного превосходило наименьший по числу аварий 1964 г., когда их было всего 88. Он отметил, что диспетчеры часто выходят на дежурство «навеселе», в системе железнодорожного транспорта существуют фракционность и групповщина, с которыми он потребовал немедленно покончить, переводя вожakov группировок на другие места работы и жестко наказывая их за сопротивление переводам, вплоть до прекращения выплаты им зарплаты.

В тот же день было разослано специальное решение ЦК КПК о необходимости сосредоточить усилия на решении проблем железнодорожного транспорта. На места направлялись рабочие группы, которым во взаимодействии с соответствующими местными парткомами следовало навести порядок в работе управлений железных дорог, где возникли серьезные проблемы. Они заменяли руководителей, погрязших во фракционных дрязгах, упорядочивали состав руководства, восстанавливали и совершенствовали правила и расписки. К апрелю на нескольких магистралях, где заторы были наиболее серьезными, удалось восстановить нормальное движение.

Принятые по инициативе Дэн Сяопина меры по нормализации обстановки на железнодорожном транспорте позволили уже в апреле 1976 г. выйти из прорыва и перевыполнить плановые задания по перевозке грузов на 19 из 20 железных дорог. Ежемесячный средний оборот грузовых вагонов по стране достиг более 53 тыс., что на 10 с лишним тысяч превышало февральский показатель. Ежемесячный объем отгрузки угля составил более 7,8 тыс. вагонов, что позволило впервые за пять лет выполнить производственный план. Если в 1974 г. объем перевозок на железнодорожном транспорте упал на 5,3% по сравнению с предыдущим годом, то в 1975 г. возрос на 12,7%.

В конце мая прошло совещание по вопросам металлургической промышленности. По словам Дэн Сяопина, выступившего на нем, положение было довольно серьезным на крупнейших металлургических комбинатах – Баотуоском, Уханьском, Тайюаньском и особенно на Аньшаньском, которые не обеспечивали положенного объема производства. Он обвинил руководство комбинатов в мягкотелости, инертности и расхлябанности.

В результате «упорядочения» в этой области уже через месяц с небольшим объемом производства начал расти. Производство стали в 1975 г. увеличилось по сравнению с 1974 г. на 2,78 млн т и достигло 23,95 млн хотя за первые четыре месяца 1975 г. общий объем невыполнения плановых показателей по производству стали в стране составил 1,95 млн т. В июне средний дневной объем выплавки стали достиг 72,4 тыс. т, что превышало уровень, заложенный в годовом плане.

В результате энергичных мер экономическая ситуация в стране стала улучшаться. В 1975 г. валовый объем промышленной и сельскохозяйственной продукции КНР по сравнению с предыдущим годом вырос на 11,9%. В том числе валовый объем продукции в промышленности увеличился на 15,1%, а в сельском хозяйстве – на 4,6%.

С 24 июня по 15 июля 1975 г. прошло расширенное совещание Военного совета ЦК КПК. Выступившие на совещании Дэн Сяопин и Е Цзяньин

призывали к «упорядочению армии», к преодолению групповщины и укреплению дисциплины. Дэн Сяопин отметил пять главных недостатков армии: разбухший списочный состав, расхлябанность, зазнайство, стремление командования к роскоши и инертность. Он подверг критике групповщину в армии («военные превратились в закулисных покровителей группировок, а затем внесли групповщину в свои ряды»), отметив, что она «представляет собой огромную опасность», с которой нельзя мириться. По итогам совещания ЦК КПК принял закрытый документ, который довели до сведения партийных организаций. Эти меры были направлены на борьбу со сторонниками выдвигенцев культурной революции в НОАК.

Вскоре после расширенного заседания Военного совета ЦК КПК, с 20 июля по 4 августа 1975 г., прошло совещание ответственных работников ряда ведущих предприятий оборонной промышленности, на котором выступил Дэн Сяопин. В его речи содержался призыв к «упорядочению» оборонной промышленности. Дэн Сяопин предложил усилить руководящие звенья смелыми инициативными работниками, отправить на пенсию престарелых и больных, проявлять заботу о рабочих и ИТР. Главное внимание он обратил на повышение качества продукции отрасли.

В ходе «упорядочения» в армии наметился прогресс в подборе руководящего состава крупных военных учреждений и в осуществлении кадровой политики. 30 августа 1975 г. Военный совет ЦК после утверждения Мао Цзэдуном и ЦК КПК распространил уведомление об урегулировании вопроса о расстановке военачальников на важных постах в НОАК. Большая группа представителей высшего комсостава, в прошлые годы подвергшихся репрессиям, вновь заняла важные командные посты.

9 июня 1975 г. на центральном пекинском кладбище Бабаошань состоялась церемония перезахоронения праха одного из крупнейших военачальников страны, участника революционной, антияпонской и гражданской войн Хэ Луна. Во время культурной революции он подвергся преследованиям, получил тяжелые физические увечья и душевные травмы и в июне 1969 г. трагически погиб в тюрьме. О намерении Мао Цзэдуна реабилитировать Хэ Луна Дэн Сяопин доложил на заседании Политбюро 29 сентября 1974 г., которое приняло решение о возвращении доброго имени Хэ Луну.

Дэн Сяопин и его сторонники в руководстве КПК придавали большое значение развитию науки и техники, народного образования, культуры и искусства, понесших в 1966—1969 гг. весьма ощутимый урон. 18 июля 1975 г. ЦК КПК направил на руководящую работу в Академию наук Китая смещенного в 1966 г. с поста первого секретаря ЦК КСМК Ху Яобана, заместителя секретаря партгруппы руководства АН Китая Ли Чана и других реабилитированных деятелей. Им было поручено обследовать положение в Академии и подготовить предложения для ЦК КПК и Госсовета КНР по «упорядочению» и экстренной активизации научно-исследовательской работы, составить план дальнейшей деятельности Академии, подготовить список ее партийного ядра и представить его в ЦК КПК.

Предложения были суммированы в документе «О некоторых вопросах работы в области науки и техники» («Тезисы к отчету о деятельности Академии наук»), работа над которым продолжалась до начала октября 1975 г. В подготовке вариантов этого документа помимо Ху Яобана принимал активное участие работавший советником Дэн Сяопина историк и идеолог партии Ху Цяому, а в обсуждении – Дэн Сяопин, Е Цзяньин, Хуа Гофэн и другие. Основное содержание «Тезисов» сводилось к следующим положениям.

1. Научно-технические ведомства должны добиваться как сильного политического, так и основательного и конкретного профессионального руководства. Партийно-политические руководящие работники должны приложить усилия к тому, чтобы стать «революционерами и специалистами».

2. Наука и техника являются производительной силой и поэтому должны идти вперед, подталкивать развитие производства. Без модернизированной науки и техники невозможна модернизация ни промышленности, ни сельского хозяйства, ни обороны.

3. Необходимо пополнять и укреплять отряд специалистов, постепенно создавать новые специализированные научно-технические структуры. Практика науки тоже является одним из видов социальной практики, которая не может быть подменена борьбой за производство. Нельзя без выявления специфики научно-технической работы требовать, чтобы она непременно осуществлялась «с опорой на завод или деревню в качестве базы», под лозунгом «заниматься научными исследованиями при открытых дверях».

4. «Опора на собственные силы» не означает вариться в собственном соку при закрытых дверях. Китайская наука и техника отстают от передового мирового уровня, и чтобы выиграть время, ускорить темпы развития, следует импортировать из-за границы передовую технологию и оборудование.

5. Одновременно с широким размахом прикладных научных исследований надо укреплять теоретическую исследовательскую работу. Нельзя отождествлять теоретические исследования с «тремя отрывами»: от пролетарской политики, от рабоче-крестьянских масс, от производственной практики.

6. На научно-техническом фронте необходимо всемерно разворачивать научную деятельность, широко развивать научные обмены, поощрять дискуссии и высказывание различных взглядов, покончить с ситуацией, когда при недостатке должной научной атмосферы вопросы науки решаются упрощенными административными методами. Следует реализовать политику, направленную на пробуждение активности широких слоев интеллигенции.

26 сентября во время обсуждения доклада Ху Яобана Дэн Сяопин подчеркнул важность научно-исследовательской работы для дела государственного строительства, отметил ее слабость и отсутствие преемственности, случаи тайного ведения научной работы или смены профессии многими учеными, необходимость выдвижения старых научных кадров на посты директоров НИИ, проблемы с подготовкой научных кадров вузами, многие из которых находятся на уровне средних технических учебных заведений, опасность кризиса в Министерстве образования для дела модернизации страны. В начале

октября Дэн Сяопин направил проект «Тезисов» Мао Цзэдуну, а тот дал согласие на рассылку документа.

Судя по проекту документа от сентября 1975 г., его главный автор Ху Яобан указывал на серьезное отставание Китая в области науки и техники от других стран и ставил задачу «догнать и превзойти передовой уровень науки и техники в мировом масштабе», предлагал «упорядочить» Академию наук в идеологическом, политическом и организационном отношении. В этой связи особое внимание уделялось проведению в жизнь должной политики по отношению к интеллигенции и в кадровых вопросах. В частности, в документе говорилось о необходимости трудоустройства научно-технических работников и скорейшем и справедливом решении дел, заведенных на тех, кто подвергался критике или находился под следствием. По целому ряду вопросов в «Тезисах» выдвигались дальновидные соображения по поводу преобразований в сферах промышленности, науки и техники, что подготовило почву для последующей реформы в этих областях.

Были реабилитированы и продолжили научную карьеру в системе АН Китая такие известные ученые, как директор Института полупроводников Хуан Кунь, директор Института акустики Ван Жэчжао, заместители директора Института механики Тань Хаосин и У Чжунхуа (последний был также директором Института инженерной термofизики), сотрудник Института математики Ян Юе, сотрудник Института физики высоких энергий Тан Сяовэй и др.

В ходе обсуждения проекта «Тезисов к отчету о деятельности Академии наук» 26 сентября 1975 г. Дэн Сяопин предложил министру просвещения Чжоу Жунсиню разработать специальный документ по проблемам народного образования. К 8 октября была сформирована группа для составления проекта, однако результаты ее работы не известны. Чжоу Жунсинь поднял вопрос о необходимости соответствия образования экономической базе общества, о том, что нужно вернуть доброе имя интеллигенции и работникам образования. Он призвал вести работу по восстановлению всех объектов системы образования, которые подверглись серьезным разрушениям.

Дэн Сяопин решил создать структуры, которые бы занимались выработкой теоретических концепций и политическими исследованиями. 6 января 1975 г. он встретился с Ху Цяому и предложил тому подыскать несколько человек на посты советников Госсовета. В их задачи должна была входить подготовка важнейших теоретических статей. 8 июня 1975 г. Дэн Сяопин еще раз встретился с Ху Цяому и поделился с ним соображениями по поводу корректировки ранее намеченных планов: вместо группы советников он теперь предполагал создать Кабинет политических исследований, непосредственно подчиненный Госсовету. Кабинет должен был выполнять три главные задачи: написание статей, редактирование «Избранных произведений Мао Цзэдуна» и управление отделением общественных наук и философии Академии наук. Намечалось издание Кабинетом своего журнала, так как выходившие теоретические издания в Пекине и Шанхае контролировались «четверкой».

Вскоре Кабинет политических исследований при Госсовете КНР был создан. Ху Цяому назначили его руководителем. В руководящую группу Дэн

Сяопин предложил также директора агентства Синьхуа, главного редактора «Жэньминь жибао» У Лэнси, заместителя заведующего Кабинетом по изучению политики при ЦК КПК Ху Шэна, секретаря Кан Шэна Ли Синя, заместителя заведующего Отделом агитации и пропаганды Сюн Фу и члена Научного общества философии и социологии, заместителя председателя Госкомитета по науке и технике Юй Гуаньюаня, который до культурной революции возглавлял сектор науки в Отделе агитации и пропаганды ЦК КПК. Ху Цяому считал необходимым привлечь к работе также заместителя главного редактора журнала «Хунци» Дэн Лицуня. Все они, кроме Ли Синя, подвергались критике во время культурной революции.

9 июля 1975 г. Дэн Сяопин принял руководящую группу Кабинета и поручил ей собрать и систематизировать всю информацию, касающуюся культуры и образования. В области литературы и искусства были сняты некоторые ограничения активного этапа культурной революции на публикацию ряда выдающихся литературных произведений и постановку некоторых театральных пьес. В августе, получив санкцию Чжоу Эньлая, Дэн Сяопин утвердил 10-летний план издания китайских и иностранных словарей, представленный Государственным управлением книгопечатания.

18 июля Цзян Цин выступила с нападками на художественный фильм «Начало» режиссера Чанчуньской киностудии Чжан Тяньмина, рассказывавший о рабочих Дацинских нефтепромыслов. Режиссер направил Дэн Сяопину письмо, а тот передал письмо Мао Цзэдуну, который наложил на него резолюцию: «В этой картине нет больших ошибок, предлагаю выпустить ее на экраны». После этого картина увидела свет. Однако Цзян Цин и ее соратники не успокоились. Цзян Цин заявила, что режиссера, написавшего письмо, поддерживают некие «плохие люди», которые и повлияли на мнение Мао Цзэдуна, но это ее не пугает. Несмотря на упорство выдвигенцев культурной революции, «упорядочение» в сфере литературы и искусства началось.

Вскоре по решению ЦК КПК возобновился выпуск журналов «Жэньминь вэньсюе» («Народная литература») и «Шикань» («Поэзия»), прошли концерты в память выдающихся композиторов Не Эра (автора «Марша добровольцев», ставшего гимном КНР) и Си Синхая. Был снят запрет на демонстрацию ряда фильмов, которые были отнесены Цзян Цин к «ядовитым сорнякам». Острая борьба развернулась вокруг кинофильма «Хай Ся» режиссера Се Тели, против показа которого выступили Цзян Цин и контролировавшееся ею Министерство культуры. Письмо деятелей кино через членов Кабинета политических исследований Госсовета Ху Цяому и Дэн Лицуня оказалось у Дэн Сяопина, который переправил его Мао Цзэдуну. 29 июля Мао наложил на письмо резолюцию: «Довести до сведения всех членов Политбюро», и после просмотра ими фильм был допущен в прокат.

В июле–августе 1975 г. в Государственном плановом комитете Госсовета КНР велась работа над проектом документа «О некоторых проблемах ускорения развития промышленности» (сокращенно «20 пунктов по промышленности»), в который Дэн Сяопин 18 августа внес ряд важных дополнений. Он отметил следующие задачи в области индустрии: 1) оказывать посильную

помощь сельскому хозяйству и ускорять его модернизацию; 2) заимствовать достижения зарубежной техники, вводить новые виды оборудования, расширять импорт и экспорт; 3) усилить научно-исследовательскую работу на предприятиях; 4) привести в порядок управление предприятиями; 5) обеспечить высокое качество продукции; 6) восстановить и усовершенствовать правила и нормативы; 7) придерживаться принципа распределения по труду.

В документе перед парткомами различных ступеней ставились задачи резкого увеличения темпов развития промышленности. Для этого рекомендовалось сначала провести «упорядочение» руководящих групп, очистить ряды от цзаофаней периода 1966–1969 гг. и «бойцов, идущих против течения», которые не разбирались в производственных вопросах и срывали производство, а также избавиться от пассивных элементов, лентяев и тех, кто погряз в коррупции. Там же говорилось об улучшении планирования и управления предприятиями, привлечении передовой техники и технологий, в том числе из-за рубежа. Авторы документа предлагали реабилитировать рабочих и ИТР, пострадавших в 1966–1969 гг., повысить зарплату низкооплачиваемым категориям трудящихся, резко критиковали уравниловку и отстаивали принцип распределения по труду.

В конце октября проект документа был передан на рассмотрение Политбюро ЦК КПК, однако выдвиженцы культурной революции заблокировали его принятие.

Тем не менее с различными его проектами смогли ознакомиться ответственные работники Госсовета, министерств и ведомств, а также часть партийных работников высшего и среднего звена, что оказало положительное воздействие на последующую работу в области экономики.

В наиболее концентрированном виде подход реабилитированных руководителей КПК к задачам партии был изложен в документе «Об общей программе работы всей партии и всей страны», составленном Кабинетом политических исследований Госсовета под руководством Дэн Лицуня. Его предполагалось опубликовать в апреле 1976 г. в первом номере нового журнала «Сысян чжаньсянь» («Идейный фронт»), но это намерение не удалось осуществить. Главной задачей партии объявлялось достижение целей по развитию народного хозяйства, поставленных на 2-м пленуме ЦК КПК 10-го созыва и 1-й сессии ВСНП.

«Мы должны с уважением относиться к наставлениям Мао Цзэдуна, диалектически понимать отношения единства и противоположности между политикой и экономикой, признавать главенствующую роль политики... то, что политическая работа является гарантией выполнения экономической работы... – говорилось в “Общей программе”. – Однако некоторые наши товарищи... все еще относятся к связи политики и экономики, революции и производства с метафизических позиций... Как только они слышат, что нужно как следует браться за производство, заниматься экономическим строительством, сразу же навешивают всем ярлыки сторонников “теории примата производительных сил”, говорят, что это – ревизионизм. Такая точка зрения не выдерживает никакой критики».

«Общая программа» подвергала острой критике «классовых врагов-антимарксистов», принявших эстафету из рук Линь Бяо. Они, «неся флаг анти-ревизионизма, занимаются ревизионизмом», проводят «политику диктатуры буржуазии».

В документе подвергались резкой критике демагоги от политики: «Если на местах или в учреждениях производством занимаются плохо, но при этом утверждают, что революцией занимаются хорошо, то это одно сплошное вранье. Уверенность в том, что, если ухватиться как следует за революцию, то производство само собой поднимется и не нужно прилагать никаких усилий, может обмануть только тех, кто верит в детские сказки о превращении камня в золото».

В документе отвергались как лишённые классового содержания призывы к «борьбе против течения», к «широкому и полному высказыванию мнений, к выступлениям с дацзыбао и проведению широких дискуссий».

Для того чтобы преодолеть серьёзные недостатки в КПК, авторы документа предлагали провести «упорядочение партии», которое позволило бы добиться идейно-теоретического и организационного сплочения КПК, преодоления всех ошибочных уклонов в партии, в том числе разгрома «классовых врагов-антимарксистов» и главарей, упрямо занимающихся «буржуазной групповщиной».

Фактически в «Общей программе» и других такого рода документах поднимался вопрос об отказе от практики культурной революции, о преодолении ее пагубных последствий и реабилитации ее жертв.

К осени 1975 г. были «освобождены» и трудоустроены около 90% всех ведущих кадровых работников, ранее снятых со своих постов. В Госсовете КНР, например, из 235 смещённых работников в ранге министра, заместителя министра, заведующего отделом и заместителя заведующего отделом 200 человек приступили к работе. Из 102 видных военачальников, снятых со своих постов при Линь Бяо, 88 вновь получили посты в НОАК.

Важным средством укрепления позиций реабилитированных руководителей на периферии являлось назначение в 1975 г. на посты первых секретарей парткомов семи провинций кадровых работников, пострадавших в 1966–1969 гг., в результате чего к началу 1976 г. большинство парткомов провинциального уровня возглавили старые опытные кадры.

В плане модернизации экономики КНР большое место отводилось развитию сельского хозяйства. Учитывая большой ущерб, нанесённый аграрному сектору экономики в 1966–1969 гг., Дэн Сяопин поставил вопрос об «упорядочении» сельского хозяйства. С 15 сентября по 19 октября 1975 г. сначала в Сиани (пров. Шаньси), а затем в Пекине прошло созванное Госсоветом Всекитайское совещание под лозунгом «В сельском хозяйстве учиться у Дачжая». Это было самое крупное совещание по проблемам сельского хозяйства в истории КНР. В Сиани в совещании участвовали 2,7 тыс. человек, а после переноса мероприятия в столицу – 7 тыс. В работе совещания приняли участие 13 членов Политбюро ЦК КПК.

В день открытия совещания с докладом выступил Дэн Сяопин, который от имени ЦК КПК и Госсовета приветствовал собравшихся и передал им

пожелания успеха в работе от Мао Цзэдуна. В тот же день с «важной речью» перед участниками выступила Цзян Цин. Однако ни доклад Дэн Сяопина, ни речь Цзян Цин в то время опубликованы в КНР не были.

В докладе Дэн Сяопина всемерное развитие сельского хозяйства рассматривалось в качестве «решающего звена в осуществлении четырех модернизаций». Был вновь поставлен вопрос о «всестороннем упорядочении», т.е. об «упорядочении» армии, промышленности, сельского хозяйства, культуры и образования, науки и техники. Позднее, в 1980-е годы, лозунг «всестороннего упорядочения» преподносился в КНР как курс на нормализацию положения в указанных областях, пострадавших в 1966–1969 гг., и возврат к «правильной линии VIII съезда КПК».

В речи Дэн Сяопина говорилось о важности подсобных хозяйств, в которых, как он подчеркивал, не было «ничего капиталистического». Это замечание Дэн Сяопина вопреки лозунгу, под которым проводилось совещание, было направлено как раз против опыта большой производственной бригады Дачжай, поскольку там не было ни подсобных хозяйств, ни сельского рынка.

В выступлении Цзян Цин от 15 сентября 1975 г. главное внимание уделялось чисто политическим задачам. Признав важность развития сельского хозяйства на основе его механизации при опоре на собственные силы и констатируя наличие «многообразных трудностей» в деревне, Цзян Цин объяснила их возникновение «оживлением капитализма» на селе, пассивностью и сопротивлением части парткомов низшего звена кампании «в сельском хозяйстве учиться у Дачжая», захватом руководства в некоторых районах «плохими людьми», отсутствием энтузиазма у некоторых товарищей относительно «продолжения революции при диктатуре пролетариата», поисками классовых врагов, влиянием мелкокрестьянской идеологии. Для преодоления этих недостатков Цзян Цин предлагала развернуть всенародное массовое движение за «упорядочение стиля (работы)».

Заключительный доклад члена Политбюро ЦК КПК, заместителя премьера Госсовета КНР Хуа Гофэна носил компромиссный характер. С одной стороны, в нем нашли отражение установки на подавление «капиталистического уклона» в деревне, политическую обработку крестьянства под руководством партийных органов, ежегодное проведение кампаний «упорядочения стиля» и т.п. С другой стороны, большое внимание было уделено задаче механизации сельского хозяйства к 1980 г., научно обоснованной культивации земли, капитальным вложениям в сельхозугодия, всестороннему развитию земледелия, лесоводства, животноводства, подсобных промыслов и рыбоводства, достижению прироста производства и постепенному улучшению жизни крестьян. Эти установки пришлись не по нраву выдвиженцам культурной революции, которые обвинили Хуа Гофэна в «ревизионизме» и воспрепятствовали публикации его доклада в журнале «Хунци».

Сразу же после совещания парткомы провинциального уровня провели собрания и митинги, посвященные изучению материалов данного совещания. Поскольку на совещании был поставлен вопрос об «упорядочении стиля», ряд провинциальных парткомов провел специальные совещания по кадровым

вопросам, на которых были выработаны конкретные меры по «проведению упорядочения». На работу в деревню для «упорядочения сельских парторганизаций» из городов направлялось около 1 млн кадровых работников.

Вместе с тем на местах цели «упорядочения» трактовались по-разному. Некоторая часть парткомов ориентировалась на борьбу с «капиталистическими тенденциями», о которых говорилось в речи Цзян Цин, тогда как другие призывали к борьбе с «буржуазной групповщиной», имея в виду деятельность выдвинутых культурной революции.

В рассмотренных выше материалах по «четырем модернизациям» конкретизировались и углублялись принципиальные установки, изложенные в ряде документов ЦК КПК и выступлениях Дэн Сяопина в 1975 г. В качестве идеологического обоснования своей платформы Дэн Сяопин выдвинул тезис «три указания – решающее звено». Речь шла об указаниях Мао Цзэдуна.

Судя по ряду выступлений Дэн Сяопина в 1975 г., указания Мао сводились к следующему: во-первых, изучать теорию диктатуры пролетариата, бороться против «ревизионизма» и за его предотвращение; во-вторых, содействовать стабилизации и сплочению; в-третьих, добиваться подъема народного хозяйства. Все эти указания Дэн Сяопин предлагал рассматривать в едином комплексе и неукоснительно проводить в жизнь. Что касается первых двух указаний, то они уже фигурировали в документах ЦК КПК в октябре 1974 г. и январе 1975 г.

В выступлениях Дэн Сяопина и в разработанных под его руководством программных документах была дана критическая оценка состояния народного хозяйства КНР. В качестве первоочередной задачи выдвигались требования наведения порядка и соблюдения дисциплины, улучшения методов управления, заботы не только о политической, но и о материальной жизни масс.

Летом в Госсовете КНР в связи с окончанием пятилетки прошла серия заседаний по вопросам перспективного планирования, участники которых разработали проект «Основных положений десятилетнего плана развития народного хозяйства на 1976–1985 гг.». Этот документ был обсужден и принят за основу Политбюро ЦК КПК, которое постановило вынести его на обсуждение запланированного на декабрь 1975 г. Всекитайского совещания по плановой работе. Однако в связи с изменением внутривластной ситуации на этом совещании не удалось глубоко и всесторонне проанализировать данный документ. Позднее показатели проекта десятилетнего плана, которые так и не были широко обнародованы, признавались завышенными и нереалистичными.

Энергичная деятельность, направленная на пересмотр ряда установок 1966–1969 гг., беспокоила Мао Цзэдуна и выдвинутых культурной революции. Для борьбы с такими тенденциями была инициирована новая кампания борьбы с «капитулянтством», привязанная к изучению популярного средневекового романа «Речные заводы». Согласно общепринятой версии, произошло это следующим образом. Так как Мао Цзэдун после операции на глазу не мог читать сам, ему читали вслух. 14 августа преподаватель факультета китайской филологии Пекинского университета Лу Хо читала ему классический роман

«Речные заводы». По ходу чтения Мао давал свои оценки, отметив, что книга хороша «тем, что в ней правдиво показаны капитулянтские настроения. На отрицательных примерах она помогает людям разобраться, кто такие капитулянты». Лу Хо записала эти высказывания, которые стали известны Яо Вэньюаню. Тот написал письмо вождю с просьбой опубликовать его высказывания, чрезвычайно важные «для всех революционных масс настоящего и будущего». С согласия Мао Цзэдуна его оценка романа была обнародована 4 сентября 1975 г. в редакционной статье «Жэньминь жибао» под заглавием «Широко проведем кампанию критики “Речных заводов”».

В установочных статьях новой кампании содержался призыв «извлечь уроки из романа “Речные заводы” ... обобщить исторический опыт, научиться в сложной борьбе распознавать правильную и ошибочную линии, выявить, кто такие капитулянты». О том, что кампания носила далеко не литературоведческий характер, говорило и следующее замечание: «Более чем пятидесятилетняя история нашей партии свидетельствует, что каждый, кто проводит ревизионизм, является капитулянтом, проводящим классовое капитулянтство внутри страны и национальное капитулянтство во внешних сношениях. Таковы были Лю Шаоци и Линь Бяо. Они оба пошли на капитуляцию перед социалистическим империализмом советских ревизионистов».

Организаторы кампании рассчитывали закрепить преэминентность власти за выдвиженцами культурной революции, расчистить почву для устранения Дэн Сяопина и его сторонников.

В ответ на эти слабо замаскированные нападки Дэн Сяопин заявил, что в Китае «нет современных Сун Цзянов и капитулянтов», «критическое обсуждение романа “Речные заводы” – это лишь предлог, чтобы состряпать дело», и призвал «смело бороться против ультралевых». В сентябре и октябре, выступая на совещаниях секретарей провинциальных парткомов, он отмежевывал Мао Цзэдуна от развернувшейся кампании: «Что такое критика романа “Речные заводы”? Председатель три месяца читал книгу, состоящую из 71 главы, и потом поделился своими соображениями. А кое-кто воспользовался ими и написал статью, руководствуясь при этом недобрыми намерениями».

Кампания проходила крайне вяло, особенно на периферии. Ощущалась усталость народа от политических бурь. Однако осенью 1975 г. усилия выдвиженцев культурной революции были подкреплены новой кампанией – «против правоуклонистского поветрия пересмотра правильных выводов “культурной революции”». В качестве предлога был избран конфликт в пекинском Университете Цинхуа. По-видимому, вняв призыву Дэн Сяопина «смело бороться против ультралевых» и принимая во внимание документ ЦК КПК от 17 июля 1975 г. по кадровым вопросам, в котором одобрялись действия Чжэцзянского комитета КПК против выдвиженцев культурной революции в сфере образования, заместитель секретаря парткома университета Лю Бин и его единомышленники 13 августа и 13 октября 1975 г. направили в ЦК КПК два письма. В них подвергались критике самоуправство, нарушения принципов партийной жизни и недостойное поведение в быту близких к Цзян Цин секретаря парткома университета Чи Цюня и его заместителя, по совместительству – секретаря столичного

горкома КСМК Се Цзинъи (дочь Се Фучжи). Эти письма были переданы Дэн Сяопином Мао Цзэду. Тот после ознакомления с ними остался недоволен, но комментировать содержание писем не стал.

Свою роль в этой ситуации сыграл племянник Мао Цзэдуна, первый секретарь Ляонинского парткома, заместитель командующего Шэньянским военным округом Мао Юаньсинь, который в связи с болезнью дяди стал связным между ним и Политбюро ЦК КПК. Он неоднократно «информировал» Мао Цзэдуна о недостаточном внимании Дэн Сяопина к вопросам классовой борьбы, к критическому обсуждению романа «Речные заводы» и критике «ревизионизма», неясности в вопросе об оценке культурной революции – было в ней больше («70%») хорошего или плохого? Когда Мао Цзэдун ознакомил Мао Юаньсиня с письмами из Университета Цинхуа, тот вступился за Чи Цюня и Се Цзинъи, с похвалой отзывавшись о последовательном проведении ими «революционного курса». Мао Цзэдун оценил письмо Лю Бина как донос и выпад против него самого и пришел к выводу, что Дэн Сяопин выгораживает Лю Бина.

2 ноября 1975 г. в Университете Цинхуа состоялось расширенное заседание постоянного комитета парткома, на котором первый секретарь Пекинского горкома У Дэ ознакомил присутствовавших с содержанием беседы Мао Цзэдуна с племянником, состоявшейся в последней декаде октября.

Под влиянием бесед с младшим родственником, а также Кан Шэном Мао Цзэдун пришел к мысли дать оценку культурной революции.

20 ноября 1975 г. по его инициативе было проведено совещание Политбюро ЦК КПК, которое специально посвящалось обсуждению оценки культурной революции и выработке единой точки зрения на эту кампанию. Перед совещанием Мао Цзэдун предложил, чтобы председательствующим на нем был Дэн Сяопин и чтобы ЦК КПК затем принял «резолюцию», положительно оценивающую культурную революцию. Мао Цзэдун наметил и тональность, в которой резолюция должна быть написана. Он полагал, что «соотношение успехов и неудач должно быть семь к трем, при этом 70% составляют успехи и 30% – ошибки». Ошибок он насчитал две: первая – «ниспровержение всех и вся», вторая – «всеобщая гражданская (внутренняя) война».

Дэн Сяопин отказался от председательства на совещании под тем предлогом, что он шесть лет жил в изоляции, не до конца разобрался в обстановке, в культурной революции не участвовал и «не понимал» ее, в связи с чем поручать ему составлять текст решения нецелесообразно.

«Критика Дэн Сяопина»

24 ноября 1975 г. по указанию Мао Цзэдуна в Пекине открылось информационное совещание, целью которого было доведение указаний Мао Цзэдуна о письмах Лю Бина до высшего руководства партии, государства и армии. Вести совещание должен был Дэн Сяопин, возглавлявший тогда

работу ЦК КПК. За три дня до совещания он представил Мао Цзэдуну на утверждение разработанные ЦК КПК «Основные положения выступления на установочном совещании» и доложил о порядке проведения мероприятия. «Следуя указанию Председателя, некоторым товарищам будет сделано предостережение от совершения ошибок, — сообщал Дэн Сяопин. — В настоящее время составлен список из 135 имен и подготовлен проект основных пунктов профилактической беседы. Оба документа прошли обсуждение и редактирование на совещании в Политбюро... Предупреждение будет сделано в ходе дискуссии, на которой будут присутствовать все товарищи из Политбюро. После обсуждения на Политбюро “Основных положений” предполагается распространить их среди военачальников штабов и комиссаров всех крупных военных округов, а также среди первых секретарей провинциальных и городских партийных комитетов...». Мао Цзэдун наложил на документ резолюцию: «Очень хорошо».

На совещании Дэн Сяопин зачитал утвержденные вождем «Основные положения», содержавшие три пункта. «Председатель Мао Цзэдун считает, — говорилось во втором пункте, — что письма Лю Бина и других представляют собой донос на Чи Цюня и Сяо Се (Се Цзиньши)... Указание Председателя Мао имеет важное значение, а проблемы, возникшие в Университете Цинхуа, не носили случайный характер. Они отражали борьбу двух классов, двух путей, двух линий на нынешнем этапе. Это было движение правых уклонистов за пересмотр оценки “культурной революции”».

26 ноября ЦК КПК распространил уведомление с изложением «Основных положений» и предложением провести на местах дискуссии, о результатах которых следует доложить в ЦК. После этого по всей стране начался новый этап движения по «нанесению удара по поветрию правых уклонистов, пересматривающих правильные оценки».

Если первоначально кампания проходила в вузах и научно-исследовательских учреждениях Пекина, то затем она перекинулась на Шанхай и другие города, где состоялись митинги и «собрания критики», на которых объявлялось о принятии к исполнению указаний Мао Цзэдуна и «Основных положений».

Кампания расширялась и постепенно переросла в открытую критику Дэн Сяопина. Ван Хунвэнь на одном из митингов заявил: «Дэн Сяопин — главарь клики “возвращенцев” (так назывались военизированные отряды, действовавшие под эгидой Гоминьдана, а в данном случае термин обозначал реабилитированных кадровых работников. — В.У.), а Хуа Гофэн, Е Цзяньин, Ли Сяньян и другие являются главарями отдельных групп этой клики».

В декабре 1975 г. на проходивших одно за другим заседаниях Политбюро ЦК в весьма накаленной атмосфере велась критика Дэн Сяопина. 20 декабря он выступил с «самокритикой», и текст выступления был послан Мао Цзэдуну. Однако тот на послание не отреагировал.

16 декабря 1975 г. умер Кан Шэн, один из главных исполнителей воли Мао Цзэдуна, активный организатор культурной революции, одна из самых зловещих фигур в руководстве КПК, в совершенстве владевший техникой

политических интриг и махинаций. Он был давно и тесно связан с Цзян Цин, так как ее мать в свое время была служанкой в доме Кан Шэна. Перед смертью Кан Шэн попытался бросить тень на Цзян Цин, утверждая, что существуют дискредитирующие ее биографию исторические материалы.

В середине мая 1972 г. врачи определили у Кан Шэна рак. Как утверждает личный врач Мао Цзэдуна Ли Чжисуй, существовало неписаное правило: ни один член ПК Политбюро или сотрудник личного штата Мао Цзэдуна не мог подвергнуться хирургической операции без разрешения Мао. Тот операцию Кан Шэну не разрешил, хотя врачи настаивали на ее необходимости.

С января 1976 г. критика в адрес Дэн Сяопина стала еще более резкой. По случаю Нового года 1 января 1976 г. была опубликована совместная редакционная статья трех изданий («Жэньминь жибао», «Хунци», «Цзефанцзюнь бао»), в которой впервые в открытой печати приводилось высказывание Мао Цзэдуна: «Стабильность и сплочение не означают отказа от классовой борьбы, классовая борьба есть решающее звено (классовая борьба – это программа), а все остальное в цепи зависит от него».

3 января Дэн Сяопин вторично выступил с «самокритикой» на Политбюро ЦК КПК. Однако и этот её вариант не понравился Мао Цзэдуну. 14 января он предложил распечатать оба текста с «самокритикой» Дэн Сяопина и «разослать для обсуждения на Политбюро».

8 января 1976 г. после продолжительной болезни на 78-м году жизни умер Чжоу Эньлай. 7 января вечером состояние его здоровья резко ухудшилось. Он упал в бесспамятство. Еще летом 1972 г. врачи обнаружили в моче Чжоу Эньлая раковые клетки. Когда доложили Мао Цзэдуну, он сначала не поверил диагнозу, а затем дал указание прекратить лечение Чжоу Эньлая и запретил делать ему операцию, считая болезнь неизлечимой. Только после вмешательства жены Чжоу Эньлая Дэн Инчао в 1973 г. Мао Цзэдун дал разрешение на операцию премьеру. 1 июня 1974 г. больной впервые был госпитализирован и по 8 января 1976 г. перенес более 10 крупных и небольших операций. Будучи тяжело больным, он продолжал работать, читать и готовить документы. Мао Цзэдун ни разу не навестил его в больнице.

Смерть Чжоу Эньлая была встречена выдвиженцами культурной революции с едва скрываемой радостью. Мао Цзэдун прислал венок, но лично не прощался с покойным и не присутствовал на траурном митинге. По настоянию «четверки», видимо, одобренному Мао Цзэдуну, средства массовой информации дали минимум сведений о Чжоу Эньлае и траурных мероприятиях в Пекине (в течение шести дней после кончины в прессе появилось всего два таких сообщения). По специальному распоряжению было запрещено проведение траурных митингов на периферии, ношение траурных повязок, посылка венков, открытие помещений для выражения соболезнования, вывешивание портретов Чжоу Эньлая. Министр культуры Юй Хойюн дал указания подчиненным ему театральным-концертным организациям проводить представления обычным порядком. Организациям общественной безопасности было дано указание фиксировать все телефонные звонки, в которых люди выражали свой протест против запретов на траур. Несмотря на это, траурные мероприятия



Дэн Сяопин произносит речь на похоронах Чжоу Эньлая

прошли в Шанхае, Тяньцзине, Гуанчжоу, Ухане, Сиане, Нанкине, Чунцине и других городах.

Желание правительств ряда стран (Албании, Японии, Шри-Ланки и др.) прислать своих представителей на церемонию похорон было отвергнуто Мао Цзэдуном и Политбюро ЦК КПК.

С 12 по 14 января во Дворце культуры в Пекине проходили траурные мероприятия, в ходе которых, несмотря на ряд запретов, более 40 тыс. человек пришли почтить память премьера.

Встал вопрос о том, кто должен выступить с траурной речью на гражданской панихиде в Пекине 15 января 1976 г. Чжан Чуньцяо выступил против кандидатуры Дэн Сяопина, взамен предложив маршала Е Цзяньина. Последний категорически отказался, заявив, что это должен сделать Дэн Сяопин. 15 января в Доме ВСНП Дэн Сяопин в своей речи дал высокую оценку жизни и деятельности Чжоу Эньлая. Это было последнее публичное появление Дэн Сяопина вплоть до июля 1977 г.

Между тем в руководстве КПК шла дискуссия по вопросу о преемнике Чжоу Эньлая на посту премьера Госсовета КНР. Три заместителя премьера — Цзи Дэнкуй, Чэнь Силян и Хуа Гофэн — через Мао Юаньсиня обратились к вождю с просьбой назначить ответственного за работу Госсовета. В результате противодействия Мао Цзэдуна кандидатуре Дэн Сяопина и несогласия

реабилитированных деятелей с кандидатурами Чжан Чуньцяо и Ван Хунвэня выбор пал на компромиссную фигуру – члена Политбюро ЦК КПК, заместителя премьера Госсовета, министра общественной безопасности, выдвиженца культурной революции Хуа Гофэна. Именно его Мао Цзэдун 21 и 28 января 1976 г. на заседании Политбюро предложил назначить исполняющим обязанности премьера Госсовета КНР.

После похорон Чжоу Энляя волна критики Дэн Сяопина снова усилилась. Как только закончились траурные мероприятия, 20 января 1976 г. на совещании Политбюро ЦК КПК Дэн Сяопин снова выступил с «самокритикой». Отвечая на выпады в свой адрес, он откровенно признавал, что не делал упора на классовой борьбе – это его «старый недостаток». Дэн Сяопин подтвердил, что не отказывается от самокритичных высказываний, содержащихся в собственноручно написанной им «Автобиографии», и заявил, что не способен «выполнять работу, связанную с высокой ответственностью». Таким образом, он был вынужден обратиться к Политбюро ЦК КПК с просьбой освободить его от занимаемых должностей. В тот же вечер он написал Мао Цзэдуну письмо, к которому приложил протокольную запись своего выступления на совещании и просил согласия освободить его от руководства повседневной работой ЦК. 21 января Мао Цзэдун выслушал информацию Мао Юаньсиня о заседании Политбюро и заключил, что «вопрос о Дэн Сяопине все-таки остается вопросом о противоречии внутри народа, да и сам он, Дэн Сяопин, ведет себя очень хорошо и способен не вставать в оппозицию, как это делали Лю Шаоци и Линь Бяо... Между Дэн Сяопином и Лю Шаоци с Линь Бяо есть все же некоторая разница: Дэн Сяопин готов заниматься самокритикой, а Лю Шаоци и Линь Бяо ни в какую не шли на это».

24 января Ван Хунвэнь написал личное письмо Мао Цзэдуну и отправил материалы, которые должны были «изобличить» Дэн Сяопина. 31 января ЦК КПК принял решение о созыве совещания с повесткой дня: «Критика Дэн Сяопина и нанесение ответного удара по правоуклонистским попыткам пересмотра правильных оргвыводов». Ван Хунвэнь выступил на нем с длинной речью. 1 февраля Цзян Цин и Чжан Чуньцяо дали команду министру культуры Юй Хойюну срочно приступить к созданию произведений искусства на тему о «борьбе с идущими по капиталистическому пути» («каппутистами»). 2 февраля вышло «Уведомление» ЦК КПК, в котором говорилось, что по предложению Мао Цзэдуна Политбюро ЦК КПК единогласно постановило поручить Хуа Гофэну исполнять обязанности премьера Госсовета. Там же сообщалось, что по предложению Мао Цзэдуна «на время болезни» Е Цзяньина руководить работой Военного совета ЦК КПК назначается Чэнь Сянь (командующий Пекинским большим военным округом).

6 февраля 1976 г. «Жэньминь жибао» выступила с редакционной статьей, где приписала «поветрие пересмотра правильных выводов культурной революции» «каппутистам», которые уже подвергались критике в 1966–1969 гг., но не раскаялись или покаяться формально, а затем приступили к «пересмотру правильных выводов культурной революции». В статье впервые

говорилося о якобы составленных «каппутистами» программных документах, спрятанных за ширмой «четырёх модернизаций» и расчищавших путь «реставрации капитализма». 10 февраля в Пекинском университете появилась дацзыбао с критикой высказывания Дэн Сяопина в 1961 г. о том, что цвет шерсти кошки не имеет значения — лишь бы она ловила мышей.

13 февраля 1976 г. «Жэньминь жибао» поместила новую статью против «каппутистов», которые обвинялись в том, что отрицали приоритет классовой борьбы. 15 февраля в Пекине открылось Всекитайское совещание по критике Дэн Сяопина, на котором от имени ЦК КПК выступил Хуа Гофэн. Он призвал «хорошенько взяться за критику Дэна Сяопина и его ошибочной ревизионистской линии» и объявил, что Дэн Сяопина можно критиковать, прямо называя его по имени. После этого фраза Дэн Сяопина о кошках стала упоминаться в печати, а его имя появилось в дацзыбао.

Вместе с тем итоги совещания не удовлетворили его организаторов, поскольку представители с мест не поддержали тезис о Дэн Сяопине как враге партии и народа, квалифицировав разногласия с ним как «противоречия внутри народа». Поэтому в конце февраля — начале марта 1976 г. Цзян Цин созвала два совещания, на которые пригласила ответственных работников, сначала 17, а потом 12 провинций, автономных районов и городов центрального подчинения. В своих речах Цзян Цин называла Дэн Сяопина «главным директором фирмы по фабрикации слухов», «почетным маршалом контрреволюции», «представителем компрадорской и помещичьей буржуазии», «предателем Родины», «агентом международного капитализма в Китае», «фашистом» и «контрреволюционным двурушником». Стремясь запугать реабилитированных кадровых работников, Цзян Цин заявила, будто «более 75% старых кадров из демократов обязательно становятся каппутистами. Это — объективная закономерность».

По поручению Чжан Чуньцяо секретари Шанхайского горкома Ма Тяньшуй и Сюй Цзинсянь созвали в городе 10-тысячный митинг, на котором прозвучала критика не только по адресу Дэн Сяопина, но и всех «буржуазных демократов, ставших каппутистами». Наиболее подробно формула «старые демократы — демократы — каппутисты — внутренняя буржуазия» была изложена в мартовской статье Яо Вэньюаня в «Хунци» «От буржуазных демократов к каппутистам», перепечатанная 2 марта «Жэньминь жибао». В ней утверждалось, что Дэн Сяопин — сторонник движения по капиталистическому пути, представляющий «целую прослойку», и ставилась задача «выволочь на свет» и его сторонников.

4 марта «Жэньминь жибао» перепечатала из «Хунци» статью «Последовательно осуществлять революцию в области культуры и искусства, нанести контрудар по поветрию правых уклонистов», а 7 марта Яо Вэньюань заявил, что Дэн Сяопин, дабы реабилитировать интеллигенцию, которую в период культурной революции называли «девятым по счету поганцем» (последним в ряду с помещиками, кулаками, контрреволюционерами, «подрывными или вредными элементами (вредителями)», правыми, изменниками, шпионами и «каппутистами»), распускал «слухи» о якобы имевших

место высказываниях Мао Цзэдуна по поводу недопустимости «ухода девятих поганцев».

Помимо Дэн Сяопина поименной критике в дацзыбао подвергли заместителя премьера Госсовета КНР Ли Сяньняня, а также Вань Ли, Ху Яобана, Ху Цяому, министра образования Чжоу Жунсиня, первого секретаря парткома Сычуани Чжао Цзыяна, председателя ревкома Хубэя Чжао Синьчу, секретаря парткома Чжэцзяна Тань Цилуна, второго секретаря парткома Хунани Чжан Пинхуа, первого секретаря парткома Фуцзяни Цзян Вэйцина и др. Со своих постов были сняты некоторые главы министерств. Чжоу Жунсинь, вынужденный выступить с «самокритикой», ежедневно подвергался физическим издевательствам. 12 апреля на митинге, посвященном «расследованию» его деятельности, его забили до смерти.

14 марта в шанхайском журнале «Сюеси юй пипань» была помещена написанная по указанию Чжан Чуньцяо статья под названием «От недостатков Чжан Цие к недостаткам А-Кью» (персонажи произведений Лу Синя), посвященная обсуждению «серии серьезнейших нарушений, допущенных внутрипартийной группой идущих по капиталистическому пути и не желающих раскаиваться».

Несмотря на усилия выдвинутых культурной революции, кампания разворачивалась с большим трудом. В феврале 1976 г. лишь партком Хэйлунцзяна провел специальное совещание, посвященное новой кампании. Парткомы остальных провинций хранили молчание до конца марта.

3 марта 1976 г. для активизации кампании от имени ЦК КПК был разослан документ «Важнейшие указания председателя Мао», в котором были собраны обвинения против Дэн Сяопина в редакции Мао Юаньсиня. В документе «великая культурная революция» отождествлялась с классовой борьбой, которая не противоречит единству и стабильности. В «Указаниях» подвергались критике «некоторые товарищи старшего возраста», сознание которых «застыло на этапе буржуазно-демократической революции». Предлагалось оценивать «культурную революцию» как «в целом правильную, но имеющую некоторые недостатки» при соотношении успехов и ошибок семь к трем. Рассуждения Дэн Сяопина о кошках трактовались как стирание разницы между империализмом и марксизмом. «Указания» требовали развернуть «широкомасштабную кампанию по критике Дэн Сяопина и нанести контрудар по поветрию правых уклонистов» от уровня уезда, полка и выше.

Сторонники Дэн Сяопина на время кампании вывезли его из Пекина в окрестности Гуанчжоу, где он находился якобы на лечении под защитой войск командующего Гуандунским большим военным округом Сюй Шию. Для ведения переговоров с Дэн Сяопином из столицы неоднократно приезжали министр обороны Е Цзяньин и другие руководящие работники КНР.

Таким образом, весной 1976 г. Мао Цзэдун, несмотря на болезнь, пытался оказывать решающее влияние на политическую ситуацию и соотношение сил в партийно-государственном руководстве. После устранения Дэн Сяопина и Е Цзяньина власть в ЦК КПК перешла в руки выдвинутых культурной революции. Однако ЦК уже не имел возможности контролировать не

только большинство провинциальных центров и военных округов, но и столицу. Установилось своего рода двоевластие: формальная власть выдвиженцев культурной революции, освященная именем и указаниями Мао Цзэдуна, и фактическая власть старых кадров во многих провинциях и военных округах. В то же время последние не выступали против Мао Цзэдуна.

Примерно с конца февраля до начала марта 1976 г. в Шанхае, Нанкине, Ухане, Гуанчжоу и других городах страны стали появляться дацзыбао с критикой выдвиженцев культурной революции. Цзян Цин называли «инициатором смуты», Яо Вэньюаня и Чжан Чуньцяо — «писателями», «честолюбцами», «песьеголовыми полководцами». 23 февраля в пров. Фуцзянь появилась листовка, в которой Цзян Цин, Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань и их сторонники обвинялись в «преступных действиях». 9 марта в Гуйяне (пров. Гуйчжоу) семеро молодых рабочих вывесили дацзыбао «Взгляд на нынешнюю ситуацию и новые задачи», в которой гневно обличали Цзян Цин, Чжан Чуньцяо и их сторонников. За свой счет они добрались до Чжэнчжоу, Чанша и других мест, повсюду распространяя и расклеивая свои дацзыбао. 11 марта в г. Саньмин пров. Фуцзянь была вывешена дацзыбао «Критикуем Чжан Чуньцяо, находящегося у власти и идущего по капиталистическому пути». В другой дацзыбао, появившейся в Шанхае 11 марта 1976 г., критиковались статьи Яо Вэньюаня как «провокационные, незрелые, догматические, лженаучные». В дацзыбао, вывешенной 16 марта 1976 г., высказывалась резкая критика в адрес Цзян Цин: «Долой нынешнюю императрицу! Мы хотим, чтобы в стране был порядок, но не желаем, чтобы нами правила уличная женщина». Чжан Чуньцяо называли «авантюристом, изо всех сил стремящимся пролезть в премьеры». В стране стали распространяться слухи о завещании Чжоу Эньлая, который якобы предостерегал против проведения новых «культурных революций» и ратовал за развитие народного хозяйства.

20 марта рабочий из пров. Гуандун написал Мао Цзэдуну письмо с критикой взглядов Чжан Чуньцяо. 25 марта в Ухане появилась отпечатанная типографским способом листовка: «Ни в коем случае не гнуть спину перед буржуазными честолюбцами». 26 марта в Ухане прошел митинг с участием более 200 человек на заводе по производству паровых котлов, где подверглись критике Цзян Цин и Чжан Чуньцяо.

Дальнейшее усиление напряженности в стране было связано с массовым недовольством выпадами против покойного Чжоу Эньлая, появившимися в шанхайской газете «Вэньхой бао». 5 марта в газете была опубликована подборка агентства Синьхуа «Помнить Лэй Фэна и учиться у него» без посвящения, некогда написанного Чжоу Эньлаем. 25 марта 1976 г. та же газета подвергла критике «каппутиста» Чжоу Эньлая, который «захотел вытащить наверх другого, уже однажды свергнутого», т.е. Дэн Сяопина.

29 марта в Нанкине появилась дацзыбао с критикой «антипартийной» статьи «Вэньхой бао», квалифицированной как «сигнал к узурпации верховной власти в партии и государстве». За несколько дней из разных районов страны в редакцию газеты пришли 421 письмо и телеграмма, было получено более тысячи звонков от возмущенных читателей. Они требовали, чтобы «Вэньхой

бао» «раскрыла подлинные обстоятельства появления этих статей». «Мы до тех пор не откажемся от борьбы, пока не разоблачим руководящего мерзавца, дирижирующего из-за кулис газетой “Вэньхой бао”», – объявили авторы нанкинской дацзыбао.

«Апрельские события» 1976 года

Начиная с третьей декады марта жители Нанкина, Ханчжоу, Чжэнчжоу, Сиани, Тайюаня и других городов под предлогом соблюдения обычаев, связанных с традиционным обрядом поминовения предков, несмотря на запреты сверху, организовали манифестации, посвященные памяти Чжоу Эньлая. Публикации «Вэньхой бао» подлила масла в огонь.

9 марта 1976 г. учащиеся начальной школы Нюфан в Пекине в память о Чжоу Эньлае первыми возложили венок к Памятнику народных героев на площади Тяньаньмэнь.

24 марта в Нанкине жители с венками пришли к мемориальному комплексу Юйхуатай, отдавая дань уважения покойному Чжоу Эньлаю, и устроили митинг, на котором подвергли критике Цзян Цин и ее сторонников. 28 марта студенты Нанкина провели большую демонстрацию, неся огромный портрет Чжоу Эньлая и траурные венки. На вагонах поездов, направлявшихся во все концы из Нанкина, местные студенты писали масляной краской и наклеивали с помощью гудрона надписи, которые было трудно содрать: «Вывести на чистую воду закулисных хозяев “Вэньхой бао”!», «Долой всех, кто выступает против премьера Чжоу Эньлая!». Уже через семь часов, когда составы стали прибывать в Пекин, выплеснувшиеся из вагонов вести о событиях в Нанкине и содержание агитационных материалов на вагонах стали достоянием жителей столицы. 30 марта 29 служащих и рабочих теоретической группы Федерации профсоюзов Пекина наклеили на южной стороне Памятника народным героям плакат со словами скорби по Чжоу Эньлаю и осуждения Цзян Цин и ее сторонников. 31 марта рабочие и служащие нанкинского автозавода вывесили яркий транспарант: «Долой страшного карьериста и интригана Чжан Чуньцяо!».

30 марта Ван Хунвэнь выступил с утверждениями о том, что «нанкинские события по своему характеру направлены против ЦК партии» и те, кто вывешивал дацзыбао, «готовят общественное мнение, чтобы осуществить контрреволюционную реставрацию».

Начиная с конца марта жители Пекина стали стихийно собираться на площади Тяньаньмэнь у Памятника народным героям, возлагать к его подножию венки, приносить корзины цветов, расклеивать вокруг памятника листовки и дацзыбао, декламировать стихи, выступать с речами, отдавая дань памяти Чжоу Эньлая и осуждая «четверку». Некоторые листовки и выступления заходили еще дальше – так, кое-где встречались лозунги: «Бороться против императора Цинь Шихуана!», «Долой императрицу Цы Си!», откровенно

намекавшие на Мао Цзэдуна и Цзян Цин. Вокруг памятника собирались толпы народа, возникали стихийные митинги.

1 апреля 1976 г. Политбюро срочно собралось на совещание и обсудило обстановку в Нанкине и других районах. На места срочно была разослана уведомительная телефонограмма от имени ЦК: «В последние несколько дней в Нанкине появились дацзыбао и лозунги, направленные против руководящих товарищей из ЦК. Эти политические события имеют целью расколоть ЦК во главе с председателем Мао Цзэдуном, изменить направленность кампании критики Дэн Сяопина». В документе выражалось требование принять эффективные меры для сохранения происшедшего в тайне, задерживать зачинщиков таких действий и «распространителей слухов». 2 апреля из Пекина поступило распоряжение, чтобы «Уведомление от 1 апреля» имелось в каждом учреждении. В тот же день был создан «Объединенный командный пункт», куда вошли представители народного ополчения, полиции и гарнизона столицы. Силы полиции, а также спецагенты в штатском были направлены на площадь Тяньаньмэнь для «пресечения» проявлений скорби по Чжоу Эньлаю и арестов участников массовых выступлений.

3 апреля в 4 часа 40 минут утра Ван Хунвэнь лично решил проверить обстановку на площади Тяньаньмэнь. Он осмотрел надписи вокруг памятника, увидел обилие венков и траурные полотнища со стихами. Затем он позвонил в Министерство общественной безопасности и дал указание фотографировать всё, что делается на площади, дабы иметь улики для дальнейших расследований. После этого на площади были задержаны 26 человек.

4 апреля 1976 г., в традиционный день поминовения усопших – Цинмин («День чистого света»), мероприятия, посвященные памяти Чжоу Эньлая, достигли своей кульминации. Было распространено указание Яо Вэньюаня от 2 апреля о запрещении манифестации на площади Тяньаньмэнь. Он заявил, что «праздник Цинмин – это дьявольский праздник», а «возложение венков и цветов – это одно из проявлений старых идеологии, культуры, нравов и обычаев». Однако, несмотря на запреты, на площади собрались более 2 млн пекинцев и приезжих.

Кто сказал, что Цинмин – один из четырех пережитков?
Кто сказал, что Цинмин – отвратительная привычка?
Из года в год мы почитали своих героев,
На каком основании ныне вышел запрет?
И пусть «Вэньхой бао» светит дьявольским огнем,
Мы, народ, сами напишем свою историю.

Эти стихотворные строки разносились над площадью.

Люди приносили все новые и новые траурные надписи, эпитафии, дацзыбао, стихи. «Хочу скорбеть, но слышу вой демонов; хочу плакать, но рядом слышится смех шакалов, – говорилось в одном из стихотворений. – Лью слезы, поминая героя. Поднимаю голову, и руки сами вынимают меч из ножен».

Преданное революции сердце добилось победы,
На пролитой за правое дело крови расцветут цветы революции,
Если вдруг нечисть начнет изрыгать ядовитый огонь,
Найдутся те, кто одолеет нечисть и победит бесов!

Эти стихотворные строфы были написаны на больших стелах, установленных перед памятником 109 сотрудниками Академии наук Китая.

В ходе манифестаций звучала резкая критика в адрес выдвинутых культурной революции и Мао Цзэдуна. «Китай сегодня уже не тот, что был вчера, и народ не так уж одурманен, – говорилось в одном из стихотворений. – Безвозвратно канула в прошлое феодальная эпоха Цинь Шихуана. Мы верим в марксизм-ленинизм. Пусть те продажные писаки, что выхолащивают его душу, идут ко всем чертям! Нам нужен подлинный марксизм-ленинизм. Ради него мы готовы кровь пролить и головы сложить».

Вечером 4 апреля под председательством Хуа Гофэна состоялось заседание Политбюро ЦК КПК (Е Цзяньин и Ли Сяньнянь отсутствовали). Хуа Гофэн признал, что часть выступлений на площади была направлена против Мао Цзэдуна. «В некоторых траурных надписях, – подчеркнул он, – содержатся нападки на Председателя. Очень много нападок на ЦК, и они весьма злобные». По словам первого секретаря Пекинского горкома КПК и члена Политбюро У Дэ, события на площади Тяньаньмэнь «носят запланированный характер. В 1974–1975 гг. Дэн Сяопин во многом подготовил общественное мнение... По своему характеру это явно контрреволюционный инцидент». Под нажимом Цзян Цин и ее сторонников события на площади были расценены как «контрреволюционные». Было принято решение принять меры по наведению порядка, включая изъятие венков и снятие листовок и дацзыбао.

В докладе Мао Юаньсиня Мао Цзэдуну от 4 апреля позиция Политбюро ЦК КПК была изложена следующим образом: «Политбюро считает, что большинство людей скорбит о премьерe, а меньшинство выступает с нападками на ЦК. Причем некоторые из них являются исключительно злобными. Политбюро признало, что по своему характеру это контрреволюционная контратака. Очевидно, существует подпольный “Клуб Петефи” (организованный накануне восстания в Венгрии в 1956 г. дискуссионный клуб венгерской молодежи, названный в честь поэта Шандора Петефи, погибшего при подавлении венгерской революции в 1848 г. – В.У.), который планирует и организует всю деятельность. Поэтому Политбюро постановило с сегодняшнего вечера убрать венки и траурные надписи и схватить контрреволюционеров». Доклад племянника получил одобрение Мао Цзэдуна.

В ночь на 5 апреля находившиеся на площади венки были увезены (для этого потребовалось 200 грузовиков). Подверглись задержаниям и допросам 57 человек, семь из них арестовали. Всего по итогам событий расследовалось 1964 дела, число арестованных составило 388 человек.

Утром 5 апреля, когда люди пришли на площадь (всего в тот день на Тяньаньмэнь собрались 100 тыс. человек) и увидели, что венки, стихотво-

рения, траурные полотнища с площади убрали, они пришли в негодование. «Верните наши венки! Верните наших товарищей!», – кричала возмущенная толпа. В 8 часов утра на площадь въехала специальная машина, посланная «штабом управления» народным ополчением, полицией и подразделениями столичного гарнизона. Через громкоговорители с машины требовали «проявлять бдительность в отношении подрывной деятельности кучки классовых врагов» и покинуть площадь. Люди кинулись к этой машине, перевернули ее, разбили громкоговорители. Вскоре было сожжено несколько легковых автомобилей руководителей «штаба управления». После 17 часов протестующие прорвались внутрь небольшого трехэтажного здания «штаба управления», расположенного в южной части площади, и подожгли его.

В 18 часов 30 минут громкоговорители, установленные на площади, были включены на полную мощность, и первый секретарь Пекинского горкома У Дэ выступил с радиообращением. Он заявил, что «горстка негодяев» умышленно спровоцировала «контрреволюционный инцидент», который является «направленной против Председателя Мао и ЦК партии попыткой изменить генеральную линию борьбы, начатую с целью критики Дэн Сяопина... и его ревизионистской линии». У Дэ потребовал, чтобы демонстранты покинули площадь.

В 21 час 30 минут 10 тыс. народных ополченцев и 3 тыс. полицейских окружили площадь Тяньаньмэнь, стали избивать людей дубинками, на некоторых надевали наручники. 38 человек были арестованы и брошены за решетку.

Помимо Пекина массовые выступления рабочих, служащих и интеллигенции имели место примерно в 100 городах и населенных пунктах КНР.

7 апреля после двух бесед с Мао Юаньсином Мао Цзэдун дал согласие на публикацию в «Жэньминь жибао» специальной статьи о событиях 5 апреля 1976 г., квалифицированных как «контрреволюционный политический инцидент». Кроме того, Мао Цзэдун в беседе с племянником предложил Политбюро ЦК КПК снять Дэн Сяопина со всех партийных и государственных постов, но оставить его в КПК под наблюдением. Он рекомендовал избрать Хуа Гофэна первым заместителем председателя ЦК КПК. Оба эти решения Мао Цзэдун велел опубликовать в печати.

7 апреля вечером центральное радио передало на всю страну сообщение о том, что по предложению Мао Цзэдуна и в соответствии с решением Политбюро ЦК министр общественной безопасности Хуа Гофэн назначен первым заместителем председателя ЦК КПК и премьером Госсовета, Дэн Сяопин отстранен от всех партийных и государственных должностей с сохранением его членства в КПК. По слухам, такой уступки для Дэн Сяопина добился Е Цзяньин. Это означало, что Дэн Сяопин теоретически еще мог снова войти в руководство страны, хотя прецедент говорил об обратном: после того как подобное решение было принято в 1959 г. в отношении Пэн Дэхуая, тот так и не смог вернуться к политической деятельности.

Цзян Цин и ее сторонники называли Дэн Сяопина «главным закулисным сценаристом событий на Тяньаньмэнь». Они утверждали, что Дэн Сяопин

приезжал на площадь на машине и лично руководил митингом. Позже Дэн Сяопин утверждал, что в тот день он ни с кем не общался и даже велел своим детям не выходить из дома, чтобы избежать провокаций, тем более ни в коем случае не ездить на площадь Тяньаньмэнь.

После событий на Тяньаньмэнь внешне казалось, что Цзян Цин и ее сторонники одержали убедительную победу. Они удачно манипулировали больным Мао Цзэдуном. Протест и сопротивление были подавлены, Дэн Сяопин смещен.

30 апреля 1976 г. Мао Цзэдун закрепил положение Хуа Гофэна как своего преемника, передав ему записку (из-за болезни говорить он уже не мог): «Если дело в твоих руках, то я спокоен». Это было последнее известное волеизъявление Мао Цзэдуна. С того времени он стал полностью недееспособен.

Хуа Гофэн пытался упрочить свое положение и продолжить дискредитацию Дэн Сяопина. 13 апреля он заявил, что «свержением Дэн Сяопина борьба отнюдь не закончена. Она будет еще более ожесточенной. Результаты борьбы и то, кто победил, а кто проиграл, еще не определены».

«Четверкой» были подготовлены и распространены в закрытом порядке для «критического обсуждения» кадровыми работниками разных уровней материалы о так называемых «трех крупных сорняках», к которым были отнесены «20 пунктов по промышленности», «Тезисы к отчету о деятельности Академии наук» и статья «Об общей программе деятельности всей партии и страны». Материалы включали и тексты «сорняков», знакомство с которыми зачастую оказывало на людей, прошедших горнило культурной революции, эффект, противоположный ожидавшемуся: они прониклись доверием по отношению к этим документам и к их авторам, что оказалось полной неожиданностью для выдвиженцев культурной революции.

12 мая 1976 г. Мао Цзэдун встретился с премьер-министром Республики Сингапур Ли Куан Ю, а 27 мая принял премьер-министра Исламской Республики Пакистан З. Бхутто с супругой, с которыми он общался всего 10 минут. Это были последние иностранные гости, видевшие его живым. Даже по фрагментам, показанным по телевидению КНР, стало видно, что движения Мао крайне неловкие. Его под руки поддерживали помощники, на лице отсутствовали какие-либо эмоции. 15 июня 1976 г. пекинскому руководству пришлось опубликовать информационное сообщение о том, что в дальнейшем Мао Цзэдун больше не будет появляться на дипломатических встречах из-за загруженности работой.

Видимо, Мао Цзэдун понимал, что дни его сочтены. В середине июня он вызвал Хуа Гофэна, «четверку» и свою двоюродную внучатую племянницу Ван Хайжун. Лежа в постели, он обратился к пришедшим: «С древних времен считалось редкостью, когда человек доживал до семидесяти лет. Мне уже за восемьдесят. Чем человек старше, тем больше думает о похоронах. В Китае есть старая присказка: “Судить о человеке можно только тогда, когда его накроет крышка гроба”. Хотя “крышка гроба” меня еще не накрыла, но это случится уже скоро. Таким образом, можно подвести итоги! За всю жизнь я сделал две вещи. Во-первых, в течение нескольких десятков лет боролся с Чан



Мао Цзэдун (последняя прижизненная фотография) и премьер-министр Пакистана Бхутто. 27 мая 1976 г.

Кайши и загнал его на острова. В результате восьмилетней войны с Японией заставил японцев вернуться к себе домой. Не так уж много людей признают эти вещи. И всего лишь несколько человек прожужжали мне все уши, советуя поскорее вернуть эти острова. Другую вещь вы все знаете — это развертывание великой культурной революции. Тех, кто ее поддерживает, немного, а тех, кто выступает против — немало. Оба дела еще не окончены. Это наследие следует передать следующему поколению. Как передать? Если не удастся мирным путем, надо будет сделать это путем потрясений.

Если этим должным образом не заниматься, то может “начаться кровавый дождь и зловонный ветер”. Как вы с этим справитесь? Только небо знает». Хотя у Мао Цзэдуна было достаточно времени для составления завещания, он его не оставил. 26 июня у него произошел обширный инфаркт. Ему стало настолько плохо, что он уже не мог сам есть, и его кормили через трубочку, вставленную в ноздрю. У его постели посменно дежурили четверо членов Политбюро ЦК во главе с Хуа Гофэном, назначенные в комиссию по контролю над врачами.

Когда председатель КПК лежал на смертном одре, уходили из жизни старые руководители партии. 1 июля на 76-м году жизни скончался видный партийный деятель Чжан Вэньтянь (Лю Фу), а 6 июля — председатель Постоянного комитета ВСНП, создатель Красной Армии Китая Чжу Дэ.

В начале июля в КНР для обследования Мао Цзэдуна был приглашен известный австрийский невролог профессор Вальтер Биркмайер. Однако он уже никак не мог помочь больному. 7 июля 1976 г. Хуа Гофэн вызвал бригаду врачей, лечивших Мао, на заседание Политбюро ЦК КПК. Врачи доложили о его плохом состоянии здоровья.

В год кончины лидеров КПК и КНР страну потрясли известия о природных катастрофах. 28 июля в 3 часа 42 минуты в районе г. Таншаня пров. Хэбэй, в 150 км от Пекина, произошло одно из самых мощных за всю историю КНР землетрясений — силой в 7,8 балла по шкале Рихтера, с эпицентром в центральной части города. За 23 секунды миллионный шахтерский город Таншань превратился в руины, значительный урон был причинен столице и Тяньцзиню. Число погибших в Таншане, по официальным данным, составило более 242 тыс. человек, более 164 тыс. были тяжело ранены (по другим данным, погибли 655 237 человек, а более 2 млн человек остались без крова). Кроме того, летом провинции Шэньси, Аньхой, Хубэй и Хэйлунцзян охватила



У гроба Мао Цзэдуна. *Справа налево:* Хуа Гофэн, Ван Хунвэнь, Е Цзяньин, Чжан Чуньцяо, Цзян Цин, Яо Вэньюань, Ли Сяньнянь. Сентябрь 1976 г.

жестокая засуха. Эти события были использованы местными кадровыми работниками для торможения и свертывания политической кампании критики, вместо того чтобы «углублять» ее, как требовали директивы ЦК. Поводами для таких действий стали задачи мобилизации всех сил для ликвидации последствий стихийных бедствий и помощи пострадавшим. Однако выдвиженцы культурной революции и в таких условиях настаивали на продолжении кампании.

1976 г. был годом дракона по традиционному календарю. Согласно старым историческим хроникам, такие потрясения, как уход из жизни выдающихся государственных деятелей, народные волнения, стихийные бедствия и разного рода необычные явления (в том же году произошло падение крупного метеорита в Юньнани), обычно предвещали смену династии. Статьи в центральных газетах усиленно предупреждали читателей о вреде суеверий. Появлялись заявления о том, что «исчезновение с лица земли Таншаня ничего не значит», обвиняли ЦК и руководство пров. Хубэй в «панике и растерянности». КНР отвергла предложенную международную помощь. 11 августа Яо Вэньюань дал указание «Жэньминь жибао» опубликовать передовую статью с требованием «углубить критику Дэн Сяопина». В ней говорилось

о попытках «главарей оппортунистической линии в партии» использовать временные трудности, создаваемые стихийными бедствиями, «чтобы изменить ход революции, реставрировать капитализм». В статье подчеркивалось, что «критика Дэн Сяопина должна служить... движущей силой в налаживании спасательно-восстановительных работ». Острые статьи было направлено также против Хуа Гофэна и других руководителей, занятых преодолением последствий землетрясения и спасением пострадавших.

В середине августа ЦК КПК принял документ, в котором содержались требования «поднять углубленную критику Дэн Сяопина на новую высоту», «усилить сплочение», «решительно подавлять подрывную деятельность классовых врагов». Вместе с тем в документе говорилось о необходимости «упорно работать в оставшиеся до конца года четыре месяца, чтобы перевыполнить план развития народного хозяйства». В конце августа – начале сентября основные положения упомянутого документа получили отражение в серии редакционных статей «Жэньминь жибао», в особенности в передовой статье от 6 сентября «Вести критику Дэн Сяопина, стимулировать развитие производства».

К августу состояние Мао Цзэдуна ухудшилось. ЦК КПК направил телеграмму местным руководителям с соответствующей информацией. 2 сентября у председателя КПК случился очередной инфаркт, намного серьезнее двух предыдущих. 9 сентября 1976 г. в 0 часов 10 минут по пекинскому времени на 83-м году жизни Мао Цзэдун умер. С его смертью подошла к концу и эпоха культурной революции.

Глава 4

Воздействие «культурной революции»

Культура, образование и наука

В 1966 г. с началом культурной революции вузы и школы прекратили набор учащихся. Такое «прекращение занятий во имя революции» растянулось на четыре года. Образованность стала восприниматься как символ политической неблагонадежности («чем больше знаний, тем больше реакционности»). «Читая много книг, – поучал “бунтарей” Мао Цзэдун, – императором не станешь». В результате такой политики около 100 млн учеников начальных школ, 14 млн учащихся средних учебных заведений и около 800 тыс. студентов на несколько лет были оторваны от учебы. За это время страна, остро нуждавшаяся в квалифицированных кадрах, где неграмотные составляли 40% населения, недополучила почти 5 млн специалистов высшей и средней квалификации.



Демонстрация школьников под лозунгами верности
Председателю Мао Цзэдуну

В июне 1970 г. ЦК КПК решил провести в некоторых вузах эксперимент и восстановить прием абитуриентов. В «Жэньминь жибао» в слове от редакции, подготовленном Чэнь Бода и Яо Вэньюанем и просмотренном Мао Цзэдуном, было обнародовано указание последнего от 22 июля 1968 г., предписывавшее рабочим и крестьянам иметь двух- и трехлетний стаж практической работы для поступления в вуз.

Высшие учебные заведения отказались от единой системы приема учащихся на основании конкурсных экзаменов. Вместо этого вводился набор абитуриентов на основе «рекомендации масс, одобрения со стороны руководства и повторной вузовской проверки». Принятые студенты именовались «слушателями из рабочих, крестьян и солдат». С конца 1971 г. вопросами образования стала заниматься группа по науке и образованию в главе с Лю Сяо, сформированная при Госсовете КНР.

В качестве примера приводился так называемый рабочий университет при Шанхайском станкостроительном заводе, который осуществил первый набор 52 студентов в 1968 г. Слушателей обучали три года по специальности «проектирование и создание токарных станков». Другой пример — строительный институт Тунцзи в Шанхае, преобразованный в комму-вуз, куда набрали 150 студентов, которые совместно с проектировщиками проектно-промышленного научно-исследовательского института Восточного Китая и рабочими шанхайской строительной кампании работали на одной из строек к северо-востоку от Шанхая. На первом курсе 50% учебного времени отводилось производственной практике, на втором — одна треть, на третьем — осваивалась специальность. Кафедры и факультеты в институте Тунцзи были упразднены, а вместо них созданы «комитеты» по специальностям. Преподаватели института совместно со студентами принимали участие в работе на производстве.

В августе 1970 г. журнал «Хунци» опубликовал «Протокол» совещания по вопросам «революции в области образования» в естественнонаучных и технических вузах, созванного Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюанем 2 июня 1970 г. в Шанхае. На совещании указывалось на необходимость изучения опыта двух «маяков»: института Тунцзи и рабочего университета в Шанхае. В том же номере «Хунци» был помещен «Проект создания естественнонаучных и технических вузов», разработанный рабочим и армейским отрядом по пропаганде идей Мао Цзэдуна в Университете Цинхуа.

Именно такие «рабочие отряды по пропаганде идей Мао», основываясь на новом, опубликованном 26 августа 1968 г., указании Мао, что «рабочий класс должен руководить всем», были направлены в высшие и средние учебные заведения для проведения «революции в образовании». В конце 1968 г. общая численность «пропагандистских отрядов» в учебных заведениях составила несколько миллионов человек. К июлю 1971 г. в высших учебных заведениях в составе таких отрядов появились 12 804 человека, в 1973 г. их насчитывалось 4892 в 352 вузах, в 87 вузах их не было. Через год, в июне 1974 г. Пекинский горком партии направил еще более 400 человек в составе таких отрядов в 17 учебных заведений столицы.

В 1973–1974 гг. в деревнях стали создаваться и воссоздаваться комитеты по управлению школами из крестьян-бедняков и низших слоев середняков. К 1976 г. их численность составила 3700 тыс.

Сроки обучения в вузах сокращались до двух–трех лет. Впоследствии перед слушателями из рабоче-крестьянской и солдатской среды была поставлена задача во время пребывания в вузе «участвовать в его управлении и преобразовании в свете идей Мао Цзэдуна». В вузы стали набирать представителей из рабочих и беднейших крестьян, а также солдат и молодых кадровых работников в возрасте примерно 20 лет, имеющих трехлетний производственный стаж, с «хорошей политической идеологией» и хорошим здоровьем. Так, по данным на май 1971 г., из 8966 абитуриентов в семи вузах, включая Университет Цинхуа, Пекинский университет и Пекинский авиационный, выходцы из рабочих, беднейших крестьян, солдат, революционных кадров составили 99,8%, из семей эксплуататорского класса – 0,2%, членов КПК насчитывалось 56,2%, членов КСМК – 38,1, остальных – 15,7%. В Уханьском университете в 1970 г. 40% абитуриентов из 988 человек были из рабочих, 33% – из беднейших крестьян и низовых кадров, 21 – из образованной молодежи, высланной в деревню, 5 – из солдат, 38% – члены КСМК, более 160 человек – «активисты творческого изучения и применения идей Мао Цзэдуна». Средний возраст абитуриентов составлял 21 год, самому старшему было 43 года, самому молодому – 17 лет. В медицинском институте Чжуншань в Гуанчжоу из 600 студентов половина была из семей рабочих, беднейших крестьян, половина – бойцы НОАК.

На основании новых указаний вузы, а затем и школы попытались превратить в учебно-производственные комплексы, где основное время отдавалось производству. Для города был предложен курс «завод создает школу». В сельской местности школам выделялись участки земли, так называемые сельскохозяйственные базы, которые школьникам следовало обрабатывать. При сельских школах также открывались мастерские (плотницкие, по ремонту сельскохозяйственной техники), которым надлежало помогать коммунам.

Уже в августе 1970 г. в Хэйлунцзяне в 85% начальных и средних школ провинции было создано более 9 тыс. маленьких заводов и фабрик (чаще всего – производственные мастерские, громко именуемые «заводами»), производственных групп и более 12 тыс. ферм. В Нанкине к лету 1970 г. в 133 средних школах было создано 79 разнообразных заводов, а в первой половине 1971 г. уже 87% школ города имели маленькие заводы и фабрики. В Сучжоу 90% школ имели свои маленькие заводы и мастерские, в Пекине – 253 из 271 средней школы. В городе учащиеся средних школ обязывались работать в мастерских ежедневно по 4–6 часов, в каникулы 1–1,5 месяца – на промышленных предприятиях, в начальной школе – несколько меньше.

«Заводы» создавались исключительно трудом и усилиями школьного коллектива и чаще всего носили крайне примитивный характер. Государство, как правило, не оказывало школам никакой помощи, не снабжало мастерские ни материалами, ни оборудованием. Школьники и преподаватели на собственных промыслах зарабатывали средства, на которые строили помещения,

ремонтировали негодное оборудование, списанное предприятиями, собирали отходы производства, чтобы затем наладить выпуск своей продукции. Некоторую помощь оказывали шефствующие предприятия. В свою очередь школы в своих мастерских выполняли подсобные работы для завода-шефа.

В новых учебных программах для школ на первое место ставился производственный труд, затем военно-спортивная подготовка, участие в политических кампаниях, а нормальная учеба оказалась на последнем месте. Так, согласно «Проекту программы обучения в сельских начальных и средних школах», предложенному ревкомом уезда Лишу пров. Цзилинь, в программу начальных школ были включены следующие предметы: политграмота, родной язык, арифметика, «революционная литература и искусство», военная подготовка и труд. На труд предусматривалось минимум 30% учебного времени в начальной школе и 40% – в средней (к примеру, в 1957–1958 гг. труд занимал 6,7% учебного времени).

Учитывая, что большинство учителей-профессионалов ранее подвергались критике за «буржуазное мировоззрение», многих из них отправили на «перевоспитание» и отстранили от работы. В учебный процесс в школах стали вовлекать рабочих и крестьян, иногда полуграмотных или неграмотных. Во вновь открываемых школах преподавателей-непрофессионалов насчитывалось 30% и более. Численность таких преподавателей в школах разных ступеней к 1976 г. достигла 1800 тыс. человек.

По официальным данным, в 1973 г. вузы КНР закончили 29 тыс. человек, а в 1974 г. поступили всего лишь 167 тыс. студентов. Всего же в китайских вузах учились около 350 тыс. студентов, а в 1975 г. – 500 тыс., в то время как в 1965 г. в вузах обучалось около 800 тыс. человек, а окончило вузы почти в 8 раз больше, чем в 1973 г. Группа по науке и технике при Шанхайском ревкоме устроила в 1977 г. проверку знаний выпускников высших технических учебных заведений города. Вопросы для проверки были сформулированы на базе курса средней школы. Проверка показала полное несоответствие уровню знаний в объеме средней школы у опрошенных выпускников вузов: по математике – у 68%, по физике – у 70, по химии – у 76%. Некоторые выпускники не могли ответить ни на один вопрос. Многие ученики средних школ и вузов не знали даже таких поэтов Китая, как Ли Бо и Ду Фу. Почему это происходило, можно понять уже из одного в свое время нашумевшего в КНР примера с неким Чжан Тешэном, «героем пустого экзаменационного листа».

После «окончания» в 1968 г. неполной средней школы в пров. Ляонин юноша пять лет провел в деревне, где «ежедневно в течение 18 часов занимался физическим трудом». В 1973 г. его как «образцового представителя образованной молодежи» с «рекомендацией масс», утвержденной местным руководством, направили для проверки общего «культурного уровня» перед поступлением в вуз. Этого последнего «препятствия» молодой человек не смог преодолеть. Чжан Тешэн не ответил ни на один вопрос и на обратной стороне экзаменационного листа, видимо, не без подсказки, осудил систему сдачи экзаменов при поступлении в вузы. Деятели из фракции культурной революции помогли ему устроиться в Ляонинскую сельскохозяйственную

академию и начали превозносить его как образец молодого человека, «идущего против течения», который «поднял бунт» против проверки уровня знаний перед поступлением в вуз. Вскоре при их содействии Чжан Тешэн стал заместителем секретаря парткома академии, членом Постоянного комитета ВСНП 4-го созыва, ответственным работником парткома провинции. В составе молодежной делегации он выезжал в Японию.

«После того, как стараниями “четверки” был раздут образ “героя пустого экзаменационного листа” Чжан Тешэна, – писала «Жэньминь жибао» 23 октября 1977 г., – система экзаменов в учебных заведениях страны либо была ликвидирована, либо от нее осталось одно название». «Дело просвещения подверглось подрыву, качество обучения значительно снизилось» – подводила итог «реформы образования» «Жэньминь жибао» 18 ноября 1977 г.

Когда в декабре 1968 г. началась кампания по удалению «избытка» образованной молодежи из городов, при аппарате ЦК КПК создали во главе с Чэнь Юнгуем Комитет по отправке грамотной молодежи в сельскую местность. В деревню были высланы более 16 млн человек, а расходы государства, предприятий и учреждений на их обустройство на местах превысили 10 млрд юаней.

Враждебное отношение Мао Цзэдуна к образованию и образованным людям сказалось на положении всей китайской интеллигенции. Жестокие гонения претерпели и представители творческих профессий. Только по официально данным, в те годы подверглись репрессиям и шельмованию более 2600 видных работников литературы и искусства.

Литературная деятельность в стране остановилась на годы. Писатели умолкли: кто погиб от травли и репрессий, кого выслали без права на творчество. Издание художественной литературы было почти прекращено. Цель инициаторов культурной революции заключалась в создании «новой пролетарской литературы и искусства», которые создавались бы непрофессионалами и не должны были иметь ничего общего с литературой и искусством предшествующих «семнадцати лет черной линии».

Роль определяющего директивного документа в практической деятельности инициаторов культурной революции в сфере культуры играл февральский 1966 г. «Протокол совещания по вопросам работы в области литературы и искусства в армии». В нем отрицались все достижения культуры до 1966 г. как порождения «черной линии в литературе и искусстве». В документе содержалось заявление о том, что хороших произведений литературы и искусства за все 16 лет «было немного». «Протокол» призывал «покончить со слепой верой в китайскую и зарубежную классическую литературу», «разрушить старое и создавать новое». Провозглашалась необходимость перевоспитывать всех работников литературы и искусства Китая, идти в гущу жизни, сливаться с рабочими, крестьянами и солдатами.

Протокол отрицал существование прогрессивной китайской литературы и искусства 1930-х годов. В нем содержалось заявление, что тогда решающее влияние на китайскую культуру оказывали «идеи русских буржуазных литературных критиков Белинского, Чернышевского и Добролюбова». Документ

очернял всю советскую литературу и призывал начать критическую кампанию против влияния М. Шолохова и других советских писателей в Китае, что вскоре и было предпринято. В мае 1966 г. в прессе началась кампания против творчества и личности Шолохова, которая длилась более года. Помимо него подверглись критике и такие советские писатели, как А. Твардовский, Ч. Айтматов, К. Симонов, В. Быков, И. Эренбург, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Э. Казакевич, М. Шатров и многие другие.

Взамен руководителя Отдела пропаганды ЦК КПК в качестве «образца» литературного творчества выдвинули произведение никому до того не известного армейского политработника из Гуанчжоу Цзинь Цзинмая – роман об одном из героев лэйфэновского типа, Оуян Хае. 27 февраля 1966 г. китайские газеты сообщили, что заместитель премьера Госсовета Чэнь И и секретарь Центрально-Южного бюро ЦК КПК Тао Чжу приняли автора романа «Песнь об Оуян Хае» и дали высокую оценку произведению. В марте–апреле 1966 г. были предприняты все меры для популяризации романа. Он издавался вне очереди, тираж за тиражом. Роман объявили книгой для обязательного чтения на политзанятиях по всей стране. Отрывки из него изучали иностранные студенты, овладевавшие китайским языком. Он печатался с продолжением в центральных журналах и газетах, обсуждался на многочисленных конференциях и в статьях. Автор романа постоянно выступал в печати, делясь творческим опытом.

После критики Пекинского горкома КПК и его «реорганизации» был объявлен «черным элементом» заведующий Отделом пропаганды ЦК КПК Лу Динъи, а также руководители китайских творческих союзов: писателей, театральных деятелей, музыкантов, художников. 24 августа 1966 г. с помещений творческих организаций были сняты вывески, что означало их ликвидацию.

24 июля в газетах были опубликованы материалы с критикой заместителя заведующего Отделом пропаганды Чжоу Яна. За первой статьей последовала широкая кампания, которая привела к аресту Чжоу Яна 2 января 1967 г. по обвинению в участии в заговоре.

В условиях террора и насилия культурная жизнь страны сошла на нет. Зимой 1966/67 г. были закрыты многие провинциальные и центральные газеты, их типографии и оборудование были разграблены либо перешли в руки хунвэйбинов и цзаофаней, которые стали издавать свои газеты и листовки. В список тех деятелей культуры и искусства, с которыми хунвэйбины вели «борьбу», попали драматург и переводчик Шекспира на китайский язык Тянь Хань, писатели Ся Янь, Оуян Шань, Ша Тин, Чжао Шули, художник-карикатурист Хуа Цзюнь и многие другие.

Прекратился выход литературных журналов и новых книг – бумага пошла на издание многомиллионными тиражами сочинений Мао Цзэдуна, его «цитатников», издание отдельной брошюрой трех самым популярных статей Мао. Были разгромлены книжные магазины. Почти не открывались двери кино и театров.

С июля 1966 г. рабочим языком культурной революции стала грубая брань. Печать непрерывно «прорабатывала» осужденных деятелей культуры.

Наибольшая доля критики досталась так называемым «четырем молодчикам», деятелям театра и кинематографа – Чжоу Яну, Тянь Ханю, Ся Яню и Ян Ханьшэну.

Ни возраст, ни положение, ни талант не могли защитить деятелей культуры от хунвэйбиновского произвола. В начале культурной революции хунвэйбины ворвались в дом известного писателя Лао Шэ, уничтожили старинные картины, перебили редкий фарфор и собирались сжечь его библиотеку. Не снеся издевательств и избиений, Лао Шэ покончил с собой, бросившись в озеро. Писателя Чжао Шули, обличавшего в своих рассказах беспорядки и произвол в китайской деревне, объявили «реакционным писателем», «контрреволюционным ревизионистским элементом». В течение четырех лет его беспрерывно таскали с одного митинга «борьбы» на другой. Судилища сопровождались избиениями и пытками. Чжао Шули переломали ребра, тазовые кости. Последнее судилище, на которое согнали 10 тыс. человек, состоялось 18 сентября 1970 г. в г. Тайюань. Искалеченный, потерявший способность передвигаться писатель упал со стула и потерял сознание. Через пять дней его не стало.

Судьба такого рода постигла многих представителей творческой интеллигенции Китая. Причем за репрессии и убийства, совершенные «во имя культурной революции», никто не был наказан. Иногда власти ограничивались словесным порицанием палачей. На репрессии и гибель десятков тысяч людей инициаторы культурной революции смотрели как на неизбежные издержки.

Горькая чаша культурной революции не миновала и патриарха китайской литературы Ба Цзиня, который несколько лет находился под следствием. Тогда Ба Цзинь жил в Шанхае. В августе 1966 г. началась критика и преследования членов шанхайского филиала Всекитайского союза писателей, в том числе Ба Цзиня. Одним из первых пострадал известный литературовед и писатель Е Ицунь, не стерпевший репрессий и выбросившийся из окна 2 августа 1966 г. Несмотря на его смерть, кампания критики в Шанхае продолжалась. 10 августа был устроен митинг, осудивший крупные «антипартийные и антисоциалистические преступления» Е Ицуня, на котором присутствовал Ба Цзинь. С конца августа начались нападки на самого Ба Цзиня. Из окон его дома слышались голоса школьников: «Долой Ба Цзиня!». Цзаофани стали врываться к нему в квартиру с обысками, уничтожали книги, вытаскивали из дома предметы искусства, вывешивали дацзыбао с критикой в его адрес. В октябре 1966 г. Ба Цзинь был направлен в так называемый «коровник» на трудовые работы. В декабре 1966 г. цзаофани в Восточнокитайском педагогическом университете устроили двухчасовой митинг «борьбы» с Ба Цзинем. Несколько приехавших из Пекина 14–15-летних хунвэйбинов вломилась к нему в дом среди ночи. Жена Ба Цзиня Сяо Шань, испугавшись за мужа, выскользнула из дома и побежала за помощью в отделение полиции, находившееся напротив их дома. Однако дежурный отказался вмешаться. Бежавшие за ней хунвэйбины зверски отстегали ее ремнями с медными пряжками на глазах полицейского, затем отволокли в дом и заперли вместе с мужем в уборной. Следы побоев сошли только через много дней.

Вскоре Ба Цзинь, как и ряд других писателей Шанхайского отделения Союза писателей, стал числиться «преступником» и «предателем». Появились лозунги: «До конца уничтожим черного главу шанхайских литературных кругов – Ба Цзиня», «уничтожим все 14 томов его избранных произведений». В газетах стали появляться критические статьи в его адрес. 10 мая 1967 г. в «Жэньминь жибао» появилась статья с критикой Ба Цзиня. А в октябре в шанхайском цирке было устроено общегородское собрание критики и борьбы с Ба Цзинем. Позднее он сам описывал данное собрание: «Арена в цирке имела форму круга, отчего стоявшие на ней и подвергавшиеся “проработке” видели взметнувшиеся со всех сторон сжатые кулаки. От них невозможно было отвернуться, и это было по-настоящему страшно. Всякий раз, когда меня тащили на сцену, ведущий собрания немедленно объявлял о его открытии, и откуда-то из-за сцены начинала звучать мелодия “Алеет Восток”. Я так к ней привык, что она даже стала мне нравиться. Правда, в тот момент, когда я ее слышал, меня била дрожь. После исполнения гимна несколько дюжих молодчиков вытаскивали меня на сцену. ... В первой “критической бойне” я был очень напряжен и держался крайне осторожно. Выходя на трибуну, я даже брал с собой блокнот и самописку и, хотя стоял, согнувшись, низко опустив голову, но не забывал записывать самые важные моменты из выступлений каждого оратора, то есть был готов принять критику и исправить свои ошибки... В этой первой проработке на митинге “пролетарских масс” двое студентов Фуданьского университета, входившие в так называемую группу спецдел, повели меня из Цзянвана на место “побоища”. По дороге неоднократно наставляли: не смей мол, себя защищать, признавайся во всех преступлениях, в которых тебя обвинят... Когда меня выволокли на арену, голова шла кругом, в глазах мельтешило, мысли перепутались. Любого человека мог привести в трепет рев толпы: “Ниспровергнем Ба Цзиня!” Я стоял и думал, выдержу ли я эти два-три часа».

Более года Ба Цзинь занимался «трудом» во дворе Шанхайского филиала Союза писателей, выпалывая «дикие травы». Жену его тоже загнали в «коровник (камеру-одиночку)», надели бирку «вредная нечисть», заставляли подметать улицы. 26 февраля и 18 июня 1968 г. в «Вэньхой бао» были опубликованы статьи с критикой Ба Цзиня. А 20 июня 1968 г. провели второй аналогичный митинг «борьбы» с 65-летним Ба Цзинем, транслировавшийся по телевидению. В сентябре 1968 г. скончалась от рака кишечника его жена Сяо Шань, которой было отказано в лечении, а самого Ба Цзиня вскоре послали на «трудовое перевоспитание» в деревню.

В начале июля 1973 г. Ба Цзиня вызвали в Шанхайский филиал Союза писателей. Секретарь парткома объявил ему, что «дело Ба Цзиня рассматривается теперь уже как противоречие внутри народа», ярлык «контрреволюционного элемента» с него снимается и ему вновь будут платить зарплату. После культурной революции в 1978–1985 гг. Ба Цзинь выпустил пять сборников художественной публицистики, объединенных названием «Думы», заимствованным у почившегося им А.И. Герцена. Это полтораста свободных по форме и небольших по объему произведений с напоминаниями и предостережениями от подобных

«культурных революций» в дальнейшем, итоги мучительных раздумий. В 1980-х годах с Ба Цзинем встречался генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан. Это был уникальный случай в истории КПК. Ни один из других высших руководителей (ни Мао Цзэдун, ни Дэн Сяопин) никогда не встречался ни с Ба Цзинем, ни с Лао Шэ.

В результате репрессий погибли писатели Лао Шэ, Чжао Шули, Чжоу Синьфан, Гай Цзяотянь, Пань Тяньшоу, Ин Юньвэй, Чжэн Цзюаньли, Сунь Вэйши, Чэнь Сюньли, Ян Вэнъин, Тянь Хань, историк У Хань, публицист Дэн То и десятки других. Знаменитого китайского поэта Ай Цина еще в 1961 г. выслали в Синьцзян, где он прожил до 1976 г., подрезая деревья, убирая общественные столовые. Он ослеп на один глаз и только в 1976 г. ему разрешили поехать в Пекин, чтобы попытаться восстановить зрение. Вспоминая период культурной революции, которая, по его мнению, полностью уничтожила литературу в КНР, он писал:

В пору горечи и бед
Потеряли не четыре года,
Десять лет и снова десять лет
Холостого хода.
Молодых ужасен был удел,
Стариков мучительна дорога,
Страшный незаполненный пробел
Времени земного.

(Перевод Л.Е. Черкасского)

Известная писательница Дин Лин вспоминала, что в 1966 г. рукопись одного ее романа и все личные записи, которые она вела многие годы в ссылке в целинном районе Хэйлунцзяна, начиная с 1958 г., уничтожили хунвэйбины. В результате гонений здоровье писательницы было подорвано. Ее более пяти лет содержали с 1970 г. в «коровнике» (камере-одиночке), рядом был заключен самый близкий ей человек, муж Чэнь Мин, сценарист, член КПК. Только в 1975 г. Дин Лин и ее мужа освободили «за отсутствием состава преступления» и выслали в одну из деревень пров. Шаньси. Официально их реабилитировали в 1979 г.

Главной целью, которая достигалась жесткими мерами морального унижения, являлся подрыв репутации интеллигенции, обесценивание образованности в глазах народа. Необходимо было показать, что только «идеи Мао Цзэдуна» отныне ценятся в Китае и только носители этих идей социально полноправны. Прежние знания, наука и культура – всего лишь «старье», «хлам», а их носители недостойны звания человека. В 1966–1969 гг. лишь отдельным представителям творческой интеллигенции удалось избежать репрессий, «вовремя» отречьшись от своих прежних взглядов.

Историк и литератор Го Можо, президент АН Китая, публично отрекся от всего им написанного ранее 28 апреля 1966 г. Он сохранил свои официальные посты. Здесь сыграло роль в первую очередь то, что Го Можо был самым активным пропагандистом политики Мао Цзэдуна.

Старая китайская культура отвергалась в числе «четырех старых», с которыми призывали бороться хунвэйбинов. Запылали костры из книг, картин, предметов старины.

22 сентября 1966 г. «Жэньминь жибао» поместила подборку материалов с критикой бывшего заместителя заведующего Отделом пропаганды ЦК КПК Линь Моханя (реабилитирован в 1977 г.). 25 августа 1967 г. «Гуанмин жибао» сообщила о «преступлениях» в области литературы и искусства заведующего Отделом пропаганды ЦК КПК Лу Динъи, которого называли «владыкой ада». В июне 1968 г. были опубликованы материалы критики романа Чэнь Дэнкэ «Гроза». С января 1969 г. началась такая же кампания критики романа Сюе Кэ «Боевая молодость», изданного в 1958 г. По содержанию этот роман в общих чертах напоминал «Разгром» А. Фадеева, в нем описывались события времен партизанской войны с японскими оккупантами на севере Китая. Роман привлек широкое внимание китайской общественности, вышел в трех изданиях. По нему была поставлена пьеса, написан киносценарий. Теперь же к нему прилагали эпитеты «контрреволюционный» и «ревизионистский». Летом 1969 г. последовала кампания критики романа Чжоу Эрфу «Утро Шанхая», вышедшего в 1958 г. и повествующего о «мирном перевоспитании» капиталистов. Творчество писателей старшего поколения, за исключением Лу Синя, было вычеркнуто из жизни страны.

Во второй половине 1960-х годов китайская литература не знала произведений крупных форм, в ней господствовали милитаристские по духу жизнеописания солдат-героев, живых носителей «идей Мао Цзэдуна», или же всевозможных чудес, совершенных с помощью «цитатника» Мао Цзэдуна. Взамен реалистического отражения жизни на первый план выдвигалось создание образов идеальных героев, «вооруженных идеями Мао Цзэдуна». В связи с отсутствием популярных журналов это был период господства газетного очерка и коротких «революционных рассказов» о героях, солдатах, хунвэйбинах и цзаофанях.

Кампании критики распространялись на все области культурной жизни страны. Кинематография пострадала, пожалуй, даже больше, чем другие жанры искусства. Кинофильмы прошлых лет были в большинстве своем раскритикованы, их сняли с проката. Совершенно прекратилась демонстрация иностранных фильмов. Выпуск новых фильмов резко упал. С мая по октябрь 1966 г. появился только один новый художественный фильм на военную тему и один сусальный фильм о «процветании» национальных меньшинств в Синьцзяне. Кинематографистам разрешалось снимать только хунвэйбиновские парады, испытания ядерного оружия, торжественные приемы у Мао Цзэдуна, массовые сборища участников культурной революции в присутствии высших руководителей и т.п. С китайского экрана практически исчезла реальная жизнь страны и народа.

Такая же политика проводилась и в театре, в том числе музыкальном. В декабре 1965 г., накануне культурной революции, была осуждена пользовавшаяся успехом у китайского зрителя постановка оперы «Травиата». Когда летом 1966 г. инициаторы культурной революции подняли неопытную

молодежь на борьбу «с четырьмя старыми», бывшие студенты консерватории, а теперь хунвэйбины с энтузиазмом выбрасывали из окон классов рояли и пианино. Они поверили, что фортепиано – «буржуазный инструмент» и его следует уничтожить. За «иностранный происхождение» ломали скрипки. В магазинах грампластинок полы покрылись толстым слоем битого шеллака – кроме пластинок с песнями о Мао Цзэдуне все остальное уничтожалось. Творческий союз деятелей музыкальной культуры был разогнан. Директор Центральной консерватории в Пекине Ма Сыцун вместе с семьей подвергся издевательствам и был вынужден бежать за границу. Председателя союза Люй Цзи схватили в Шанхае. Осудили также композитора, директора Шанхайской консерватории Хэ Лутина. Гимн КНР (автор музыки – Не Эр, умерший в 1935 г.) на слова Тянь Ханя в 1966–1976 гг. был запрещен.

С разгромом творческого союза прекратили существование журнал «Чжунго иньюе» («Музыка Китая») и другие музыкальные издания. Всех, кто умел играть на фортепиано, ждала принудительная высылка на физические работы, причем предварительно брали подписку об отказе когда-либо прикасаться к «буржуазному инструменту».

В годы культурной революции радио Китая непрерывно передавало песни о Мао Цзэдуне, прежде всего «Алеет Восток», мелодию которой транслировал первый китайский искусственный спутник Земли, запущенный в 1971 г. Толпы хунвэйбинов распевали на улицах широко популярную в те годы песню «В открытом море полагайся на кормчего, Мао Цзэдун подобен солнцу...».

Основу культуры тех лет, ее «эпохальное достижение», составляли восемь «образцовых» спектаклей – балеты и оперы, к которым приложила руку Цзян Цин. Она говорила, что от нее, по сравнению с Марксом, «останутся восемь образцовых» «революционных» спектаклей. «Революционные» балеты и оперы были экранизированы. Шаблон и отсутствие художественности, бедность духовного содержания компенсировались по мере возможности зрелищностью спектакля – костюмами, постановкой, декорациями, шумовыми эффектами.

«Новая культура» Китая 1966–1976 гг. была изолирована от современного мира и его культурной жизни.

За счет колоссальных материальных и моральных жертв, которые понес китайский народ, концентрации ресурсов в руках государства в сферах науки, техники и производства были получены и определенные результаты. Так, осуществлялась успешная селекция скороспелых сортов риса, были пущены в эксплуатацию несколько железнодорожных магистралей, имевших в первую очередь военное значение, например, магистраль Чэнду–Куньмин протяженностью 1085 км, на строительстве которой трудились 130 тыс. человек из состава железнодорожных войск и 450 тыс. народных ополченцев. Был сооружен большой мост через р. Янцзы в Нанкине, испытаны атомное и водородное оружие, новый ракетоноситель, в 1970 г. запущен первый китайский искусственный спутник Земли. Однако это было сделано не благодаря, а вопреки культурной революции. Так, по утверждению председателя Комитета

по делам оборонной науки и техники КНР, председателя Государственного комитета по науке и технике Не Жунчжэня, спутник можно было запустить весной 1968 г., а опоздание на два года он объяснял «производственными трудностями», которые создавала деятельность «четверки».

Внешняя политика КНР и отношения СССР и КНР

В период 1966–1976 гг. у КНР возникали конфликты с большинством стран, имевших с ней дипломатические связи. В отношении СССР Мао Цзэдун проводил политику военной вражды. Велась всесторонняя и идеологическая и материальная подготовка к войне. В 1969 г. по воле Мао на границе с СССР были совершены военные нападения на острове Даманском и в районе Жаланашколь. Это было единственное военное нападение из-за рубежа на СССР во второй половине XX столетия.

В одном из первых документов культурной революции, принятом в августе 1966 г. 11-м пленумом ЦК КПК 8-го созыва, объявлялось, что «наступила новая эра в развитии мировой революции» и «борьба против советского ревизионизма» и «американского империализма» ставится в центр всей внешней политики КНР. (В одном из своих изречений Мао Цзэдун, перечисляя тех, кого «не помилуют» «народы всего мира», поставил «су сю – советский ревизионизм» перед «мэй ди – американским империализмом». На улицах Пекина можно было прочесть лозунг: *«суянь ши вомэньды джэнь – СССР – наш враг»*.) Там же подчеркивалось, что «борьба против империализма предполагает борьбу против современного ревизионизма», «центром которого является руководство КПСС». Пленум одобрил девять критических статей редакций «Жэньминь жибао» и «Хунци» по поводу Открытого письма ЦК КПСС от 14 июля 1963 г. Этот документ четко определил дальнейшие действия КНР на международной арене.

В 1966 г. СССР был вынужден отозвать своего посла из Пекина. Вскоре почти все послы КНР были отозваны из стран пребывания для участия в культурной революции. В начале 1967 г. наша страна была вынуждена вывезти из Пекина всех женщин и детей сотрудников посольства и торгпредства СССР в Китае.

На протяжении более года (после августа 1967 г.) у КНР возникли конфликты почти с тремя десятками из 40 стран, с которыми у нее были установлены официальные или полуофициальные дипломатические отношения. В августе 1967 г. десятки тысяч людей, организованных властями, взяли в осаду британское представительство, подожгли его служебное помещение. Поводом для этого послужило подавление английскими колониальными властями в Гонконге забастовки китайских рабочих. В связи с забастовкой были арестованы некоторые сотрудники пекинского агентства «Синьхуа» и многие местные журналисты, симпатизировавшие КНР. Закрылись три газеты на китайском языке. Пекин в ультимативной форме потребовал отменить все эти меры, но правительство Великобритании игнорировало ультиматум.

Объектами бесчинств стали дипломаты и посольство Индии в Пекине. Грубых акций не избежали посольства, дипломаты и корреспонденты Болгарии, ГДР, Вьетнама, КНДР, Монголии, Польши, Чехословакии. Печать КНР прямо называла руководство этих стран (за исключением Вьетнама), а также Югославии «ревизионистскими кликами». Обвинялся в ревизионизме и кубинский лидер Ф. Кастро. Вьетнам подвергался критике за то, что не ведет «народную войну», «опираясь на концепцию Мао Цзэдуна».

Из стран «третьего мира» наибольшее неприятие вызывала Индия. В августе–сентябре 1967 г. произошли крупные вооруженные столкновения на китайско-индийской границе. Ухудшились китайско-бирманские отношения, особенно после заключения в марте 1967 г. договора о границе между Бирмой и Индией. Пекин не признал образовавшуюся в 1963 г. Федерацию Малайзия. Когда в 1967 г. между нею и СССР были установлены дипломатические отношения, Пекин охарактеризовал это как «открытый сговор ревизионистской группировки Советского Союза с реакционной Малайзией для создания кольца окружения Китая».

Развертывание культурной революции на первых порах сопровождалось ухудшением отношений КНР с ведущими капиталистическими странами, в том числе с Японией, с которой до этого наращивались экономические связи. Пекин открыто добивался смены правительства Э. Сато, осуждал возрождение японского милитаризма – общего врага народов Азии. Объем китайско-японской торговли в 1966–1968 гг. сократился на 10,3%, с 621 млн долл. США до 557 млн. Значительно осложнились отношения КНР со странами Западной Европы, особенно с Англией и Францией.

Однако на начальном этапе культурной революции наиболее массовыми и неистовыми были враждебные СССР акции и выступления как внутри страны, так и на международной арене.

Советское посольство в Пекине в августе 1966 г. подвергалось круглосуточной и жестокой осаде в течение полумесяца, с применением громкоговорящих устройств, изрыгавших угрозы в адрес сотрудников посольства. 17 августа большая группа военнослужащих в гражданской одежде ворвалась на территорию посольства, разбила будку дежурного, перебила стекла в служебном здании. Было объявлено о переименовании улицы, на которой расположено советское посольство, в «Улицу



Переименование улицы, ведущей к посольству СССР в КНР, в «Улицу борьбы против ревизионизма». 1966 г.



Демонстрация по случаю первого успешного испытания водородной бомбы

борьбы против ревизионизма». Повсюду виднелись плакаты и транспаранты с угрозами, с призывами «разгромить советских ревизионистов». Вокруг посольства бушевали организованные по воле Мао Цзедуна митинги, в которых принимали участие сотни тысяч людей. Было объявлено о провозглашении 29 августа праздником – «Днем борьбы против советского ревизионизма». Одновременно устраивались многочисленные и разнообразные провокации в отношении советских дипломатических и технических сотрудников и граждан на улицах столицы, на железнодорожном транспорте, против советских судов в портах КНР.

В 1968 г. впервые после образования КНР не было подписано торговое соглашение с СССР. Торговля между двумя странами стала осуществляться

на основе контрактов на отдельные виды товаров. В 1970 г. товарооборот упал до самой низкой отметки за всю к тому времени историю отношений и составил всего 41,9 млн руб. (в 1976 г. – 314 млн).

События 1968 г. в Чехословакии были использованы Мао Цзэдуном как свидетельство обоснованности его утверждений о возможном вмешательстве Москвы во внутренние дела КНР. 30 октября 1968 г. Чжоу Эньлай на официальном приеме заявил, что от Советского Союза «можно ожидать чего угодно, в том числе и нападения на Китай».

К тому времени резко возросла напряженность на границе, в частности в районе р. Уссури. По данным советской стороны, на протяжении 1967 г. число пограничных инцидентов составило более 2 тыс., что вдвое превышало показатели 1966 г. В декабре 1967 г. и в январе 1968 г. произошли серьезные столкновения на острове Киркинском, а 26 января 1968 г. – на острове Даманском. Только на участке Иманского погранотряда в 1968 г. китайская сторона устроила 40 провокаций. По китайским данным, с 15 октября 1964 г. по 15 марта 1969 г. число пограничных конфликтов достигло 4189.

Проведение 17 июня 1967 г. в КНР первого испытания водородной бомбы добавило самоуверенности китайскому руководству. «Наше новое вооружение, ракеты и атомные бомбы создаются действительно очень быстро, – радостно заявил Мао Цзэдун 7 июля 1967 г. – Мы сделали нашу водородную бомбу всего через два года и восемь месяцев (после первой атомной бомбы. – В.У.). Мы почти догнали Америку, Великобританию, Францию и Советский Союз. Мы стали силой номер четыре в мире».

События 2–15 марта 1969 г. на острове Даманском, когда солдаты армии Мао Цзэдуна, выполняя его волю, произвели первые выстрелы из засады по советским безоружным пограничным представителям, показали, что Мао Цзэдун начал «пограничную войну» против СССР. Нападение на СССР на границе в районе острова Даманского и в районе Жаланашколь было прямо связано с тем, что в КНР называли созданием «новой обстановки» во внешней политике КНР, начиная с визита Никсона. Г. Киссинджер уже в нынешнем, т.е. XXI, столетии подчеркивал, что в 1972 г. во время визита Никсона в КНР «у нас (т.е. у Никсона и Мао Цзэдуна) был общий противник (т.е. СССР)».

3 марта 1969 г. «Жэньминь жибао» и «Цзефанцзюнь бао» в совместной передовой статье заявили, что случившееся там было «преднамеренно спровоцированным советскими ревизионистами инцидентом». Однако в XXI в. некоторые историки КНР признают, что инцидент начала китайская сторона.

Еще в 1968 г. в Пекине выбирали модус поведения на восточном участке китайско-советской границы. Как пишет китайский историк Ли Даньхой, существовало три варианта: 1) проявлять сдержанность, не вводить войска на спорные острова, вести с Советским Союзом только дипломатическую борьбу; 2) избрать форму «борьбы с использованием только палок в руках» (без применения огнестрельного оружия) на границе, избегая открытия огня; 3) подготовиться и, используя вооруженные силы, нанести удар по советским подразделениям, охранявшим острова. Мао Цзэдун выбрал третий вариант. Он довольно точно рассчитал, как пишет специалист по истории китайско-

советских отношений Цзян И, что СССР не сможет выставить значительные силы для ведения войны с Китаем, поэтому решил рискнуть.

24 января 1968 г. Военный совет ЦК КПК, очевидно, выполняя замыслы Мао Цзэдуна, дал указание Шэньянскому и Пекинскому военным округам усилить войска на важнейших восточных участках китайско-советской границы. Погранотрядам предписывалось следовать курсу «острием против острия», должным образом подготовиться и по плану в нужное время «дать отпор» советским частям, действовать по принципу «либо вовсе не ввязываться в драку, либо, если уж драться, то добиваться победы». До начала 1969 г. под строгим контролем со стороны ЦК КПК и Военного совета ЦК КПК, т.е. Мао Цзэдуна, китайские регулярные войска численностью не менее дивизии осуществляли эскалацию ситуации, делая всё, что могли, для ее обострения. В районе Даманского готовился серьезный удар. 25 января 1969 г. командование Хэйлунцзянского провинциального военного округа предложило вариант боя «по отражению захвата о. Чжэньбаодао». Планировали использовать около трех рот при поддержке сил, скрытно расположенных на китайском берегу и самом острове. В окрестностях острова Даманский в районе наблюдательного поста Гунсы был создан командный пункт. Командующий Шэньянским большим военным округом Чэнь Сиянь одобрил представленный план. (В начале 2015 г. в «Жэньминь жибао» была опубликована статья в память о Чэнь Сияне, в которой одобрялись его действия против советского народа и СССР в 1969 г.) В дни конфликта в атаке на Даманский участвовали специальные элитные роты, особым образом подготовленные и экипированные.

19 февраля 1969 г. Генеральный штаб и МИД КНР также одобрили замысел операции. Мао Цзэдун согласился избрать район острова Даманский в качестве центрального пункта для реализации плана.

Подразделения, скрытно сосредоточенные за пределами острова, должны были наблюдать за обстановкой и в нужный момент на автомашинах прибыть на место событий. К концу февраля 1969 г. китайская сторона, тщательно разработав план в военно-техническом отношении, была готова нанести удар в районе Даманского. Генерал Чэнь Сиянь считал, что в тот момент расчет делался на превосходство китайской стороны, поскольку «советские силы безнадежно уступали нашим».

Операция планировалась на 2 марта 1969 г. На китайском берегу р. Уссури заблаговременно были сосредоточены резервы и огневые средства, в том числе батарея противотанковых орудий, минометы, гранатометы и крупнокалиберные пулеметы.

В ночь на 2 марта 1969 г. на острове Даманском подготовили 320 «лежбищ» для солдат китайской армии, завезли продукты, боеприпасы, оружие, провели связь. Солдаты были одеты в сероватые, под цвет снега, маскхалаты. Судя по захваченному у них оружию, принимались меры к соблюдению звуковой маскировки. Под штыком и шомполом карабина Х-9957, оставленного на поле боя, была подложена бумага, чтобы избежать малейшего шума при тайном проникновении на советский остров.

Видимо, командование учитывало и то обстоятельство, что за три дня до столкновения часть сил советских пограничников была отвлечена для участия в учениях армейских подразделений (пограничникам предстояло выступать в качестве условного противника).

Нельзя исключать того, что удар специально был нанесен накануне IX съезда КПК – Мао Цзэдун рассчитывал использовать эту акцию на съезде в пропагандистских целях, для активизации курса на «подготовку к войне», укрепления вокруг себя своих сторонников, сплоченности в партии и стране. Кроме того, тем самым Мао Цзэдун стремился помешать созыву 5 июня 1969 г. Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве, создать определенные сложности Москве, представив ее «агрессором».

Советские пограничники впоследствии отмечали, что выбор места для нападения не был случайным. Во-первых, со стороны китайского берега существовали скрытые подходы для сосредоточения сил на острове. Во-вторых, остров удобен для засады и внезапного открытия огня по противнику, оказавшемуся на открытом месте. В-третьих, есть возможность обеспечить действия засады огнем из тяжелого оружия. В-четвертых, с поста Гунсы на китайском берегу хорошо просматривается Уссури и пулеметно-минометным огнем можно воспрепятствовать выдвижению наших резервов. В-пятых, зима сделала острова труднодоступными для бронетранспортеров из-за наледи на берегах. В-шестых, в случае нападения требуется значительное время для подтягивания резервов к заставе.

Первое нападение на СССР на Даманском произошло утром 2 марта 1969 г. Во время этого нападения и боя погибли 32 советских пограничника: П.А. Акулов, Н.М. Буйневич, И.Р. Ветрич, В.И. Гаврилов, Г.М. Давыденко, В.Н. Данилин, А.Г. Денисенко, Н.Т. Дергач, В.И. Егупов, В.Н. Ермалюк, А.П. Змеев, В.Г. Золотарев, В.А. Изотов, А.Ф. Ионин, В.П. Исаков, Г.А. Каменчук, Г.Г. Киселев, Н.И. Колодкин, В.Х. Коржуков, А.Н. Кузнецов, М.А. Лобода, Е.К. Михайлов, И.С. Насретдинов, С.А. Нечай, Г.С. Овчинников, А.И. Пасюта, Н.Н. Петров, В.Н. Рабович, И.И. Стрельников, А.Н. Сырцев, А.Ф. Шестаков, В.М. Шушарин. 15 человек получили ранения.

2 марта 1969 г. произошло следующее. Когда начальник заставы старший лейтенант И.И. Стрельников в качестве пограничного представителя без оружия в 11 час. 15 мин. подошел к нарушителям границы с намерением заявить протест и потребовать удалиться с советской территории, те без предупреждения открыли огонь, в упор расстреляв пограничников. Одновременно из засады на острове и с китайского берега был открыт огонь по другой группе советских пограничников. У китайского командования всё было продумано до мелочей. Одни группы вели бой, другие вытаскивали раненых и выносили убитых.

С советской стороны сражались пограничники двух соседних застав (всего 66 пограничников), они отразили нападение и изгнали нарушителей с территории острова. По нашим данным, только на острове были уничтожены 243 китайских военнослужащих, часть нападавших расстреляна на протоке.

Китайская сторона признала потери в количестве 17 убитых, 11 тяжелораненых и 24 легкораненых; пропал без вести один связист.

События на Даманском продолжались до 16 марта 1969 г.

Еще один бой произошел 15 марта. Он шел более девяти часов. С обеих сторон было задействовано около 50 бронетранспортеров и танков, из них было подбито 13, погибли 26 советских пограничников и около 60 получили ранения.

Нападения китайской стороны продолжались и после событий на острове Даманском. 23 апреля они имели место у населенного пункта Калиновка на Амуре, 10 июня – в районе р. Тасты в Семипалатинской области. Наиболее серьезное нападение 13 августа 1969 г. китайские военные устроили на границе в районе поселка Жаланашколь в Семипалатинской области (Казахстан), захватив высоту Каменная. Китайская сторона тогда потеряла 38 человек убитыми, советская сторона – двоих убитыми и 10 ранеными.

Вскоре после IX съезда КПК Мао Цзэдун, стремясь заручиться поддержкой маршалов КНР и их группировок, поручил группе из четырех военачальников – Чэнь И, Сюй Сянцзяня, Е Цзяньина и Не Жунчжэня – под руководством Чэнь И проанализировать международную обстановку и ответить на следующие вопросы: может ли возникнуть крупная война между КНР и СССР, Китаем и США; какая из двух стран – США или СССР – более угрожает безопасности Китая? В июле–сентябре 1969 г. группа заседала 10 раз и составила письменный ответ, из которого следовало, что обстановка в треугольнике США – СССР – КНР довольно напряженная, «у советского ревизионистского руководства нет политической решимости развязать крупную войну», так как она приведет к большим потерям, не развяжут войну в ближайшем будущем и США. Чэнь И заключил, что коль скоро президент Р. Никсон склоняется к сближению с КНР, то необходимо использовать противоречия между США и СССР и наладить отношения с Америкой.

11 сентября 1969 г. в пекинском аэропорту при возвращении председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина из Демократической Республики Вьетнам, куда он выезжал на похороны президента Хо Ши Мина, состоялись переговоры советского руководителя с Чжоу Эньлаем.

Чжоу Эньлай с самого начала переговоров поставил вопрос о «слухах» о советском превентивном ядерном ударе.

А.Н. Косыгин заверил китайского премьера, что у СССР не существует никаких планов войны против Китая и не предпринимается никаких мер для ее подготовки. Были обсуждены также другие вопросы взаимоотношений двух стран, включая торговлю, транспортное сообщение, пограничные проблемы. Обмен мнениями был затем продолжен в официальной переписке.

В октябре 1969 г. в Пекине начались переговоры по пограничным вопросам. С советской стороны делегацию возглавил первый заместитель министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецов (с августа 1970 г. – заместитель министра иностранных дел Л.Ф. Ильичев), с китайской – заместитель министра иностранных дел Цяо Гуаньхуа (с ноября 1971 г. – Хань

Няньлун, с мая 1972 г. – Юй Чжань). Несмотря на почти полное отсутствие конкретных результатов переговоров 1969–1978 гг., они играли важную роль канала поддержания межгосударственных контактов по деликатным и острым проблемам.

Благодаря длительным переговорам СССР имел возможность периодически выдвигать различные инициативы.

15 января 1971 г. советское правительство выступило с инициативой незамедлительного заключения с КНР договора о неприменении силы или угрозы силой в какой бы то ни было форме, включая обычное, ракетное и ядерное оружие. Руководству Китая был представлен проект такого договора (А.Н. Косыгин передал его послу КНР в СССР Лю Синьцюаню). Отказавшись от подписания отдельного договора о неприменении силы, китайская сторона предложила включить соответствующие положения в текст документа «О временных мерах». Когда же на это было дано согласие советской стороны и уже был отработан текст статьи в названном документе, Пекин неожиданно потребовал, чтобы СССР предварительно принял неприемлемую для него концепцию «спорных районов» на китайско-советской границе. Тем самым процесс переговоров был заблокирован.

В 1974 г. советская сторона предприняла ряд новых конструктивных шагов, направленных на улучшение отношений с КНР по государственной линии. В январе 1974 г. в ходе переговоров между министерством гражданской авиации СССР и Главным управлением гражданской авиации КНР (ГУГАК) была удовлетворена просьба Пекина о продлении китайских авиационных маршрутов до Москвы, куда из Иркутска было переведено также представительство ГУГАК. Начались прямые перелеты по линии Пекин–Москва без посадки в Иркутске.

Советская делегация совместно с представителями КНР, ДРВ, МНР и КНДР приняла участие в состоявшемся в Пекине в начале сентября 1974 г. совещании Комитета Организации сотрудничества железных дорог социалистических стран (ОСЖД). Были согласованы расписание международных пассажирских поездов и порядок предоставления вагонов международного сообщения членам ОСЖД на 1975–1977 гг. Стороны подписали соответствующий договор.

Однако экономические отношения между двумя странами развития не получили. В 1970-х годах удельный вес Советского Союза в общем объеме товарооборота КНР даже проявлял тенденцию к снижению: так, в 1972 г. он составлял 4,2%, в 1973 г. – 2,8, в 1974 г. – 2,1%.

В феврале 1970 г. в Варшаве китайскому руководству было передано послание президента США Р. Никсона с предложением направить в Пекин личного представителя. Но обстановка для этого оказалась неблагоприятной. Предпринятая вскоре Соединенными Штатами эскалация военных действий в Индокитае вызвала резкий протест КНР. Мао Цзэдун был вынужден призвать к борьбе против американского империализма.

В декабре китайское руководство стало проявлять стремление к установлению более тесных отношений с США. Мао в беседе с американским

журналистом Э. Сноу выразил готовность встретиться с Р. Никсоном. Помощник президента США по национальной безопасности Г. Киссинджер дважды тайно побывал в Пекине (первый раз в июле 1971 г.). Через него было передано официальное приглашение Р. Никсону посетить КНР. С ним же была обсуждена и повестка предстоящих переговоров. Всеобщее внимание привлек дружественный жест Мао Цзэдуна, пригласившего в Китай американскую команду по настольному теннису. В июле 1971 г. США отменили эмбарго на торговлю с КНР. В августе государственный секретарь США У. Роджерс выступил в поддержку представителя КНР в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН. На очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН 25 октября 1971 г. КНР заняла место в этой организации. Одновременно из нее были исключены представители Тайваня.

В феврале 1972 г. президент США Р. Никсон прибыл с визитом в КНР. Он встретился с Мао Цзэдуном и провел переговоры с Чжоу Эньлаем. Подписанное 28 февраля в Шанхае в результате двусторонних переговоров «Совместное китайско-американское коммюнике» ознаменовало начало процесса нормализации отношений между двумя странами на основе общего осуждения политики СССР. Оно отразило позиции сторон по ключевым вопросам международной безопасности. Важным для Пекина стало согласие США постепенно, по мере ослабления напряженности, сокращать свои вооруженные силы на Тайване, а в перспективе также вывести свои войска из Индокитая. Это соответствовало выдвинутой Р. Никсоном идее сокращения военного присутствия США в Азии.

В 1973 г. обе страны учредили отношения на уровне групп связи, которыми они обменялись в мае 1973 г. Группы выполняли функции временных посольств и консульств. Одновременно Пекин развивал торговлю и техническое сотрудничество с государствами Европы и с Японией.

25 сентября 1972 г. японский премьер-министр К. Танака прибыл с визитом в Китай. С ним встретился Мао Цзэдун. 29 сентября 1972 г. КНР и Япония подписали совместное заявление об установлении дипломатических отношений. Правительство Японии признало, что правительство КНР является единственным законным правительством Китая, а Тайвань — неотъемлемая часть территории КНР. В начале 1973 г. в каждой из стран были открыты посольства. В 1975 г. правительства обеих стран приступили к переговорам о заключении договора о мире и дружбе.

В декабре 1975 г. КНР посетил президент США Дж. Форд. Он провел переговоры с Дэн Сяопином.

Если к 1969 г. лишь шесть стран, расположенных в западной, северной и южной частях Европы, имели официальные дипломатические отношения с КНР, а с Великобританией и Голландией поддерживались полуофициальные связи на уровне правительств, то в 1970—1972 гг. Китай установил дипломатические отношения с 38 государствами капиталистического мира, а к концу 1970-х годов имел дипломатические отношения почти со всеми странами Европы, за исключением четырех небольших государств, включая Андорру. В начале 1970-х годов были также установлены дипломатические отношения со



Рукопожатие Мао Цзэдуна и президента США Р. Никсона в Пекине в 1972 г.

странами Северной Америки и юго-западной части Тихого Океана, включая Канаду, Австралию и Новую Зеландию.

Пекин предпринял усилия для налаживания отношений и с социалистическими странами Восточной Европы: Польшей, ГДР, Чехословакией, Венгрией и Болгарией. Были восстановлены торговые и научно-технические обмены с ними. Начиная с 1970 г. существенно улучшились отношения КНР с Югославией.

В начале 1970-х годов Мао Цзэдун сформулировал свою мысль о «трех мирах». Две «сверхдержавы» – СССР и США – он отнес к «первому миру», развитые государства Запада и восточноевропейские страны, за исключением СССР и США, – ко «второму», развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки – к «третьему миру». Согласно этой теории, Китай, принадлежащий к «третьему миру», должен объединяться со всевозможными силами второго и третьего «миров» для создания широкого единого международного фронта борьбы против «гегемонизма сверхдержав». В апреле 1974 г. глава китайской делегации Дэн Сяопин изложил основные положения концепции «трех миров» на 6-й специальной сессии Генеральной ассамблеи ООН. Он заявил, что «социалистический лагерь перестал существовать», а Советский Союз «более опасен для третьего мира, чем империализм».

Мао Цзэдун предлагал создать всемирный единый фронт борьбы против СССР в составе Китая, США, Японии, Европы.

Особое значение Мао Цзэдун в 1970-е годы придавал поддержке «революционной борьбы» за границей. Доля помощи зарубежным союзникам в расходах государства составляла в 1972, 1973 и 1975 гг., соответственно, 6,7, 7,2 и 6,3% бюджета страны. В 1971 г. помощь зарубежным странам и политическим организациям составила 7,2% китайского ВВП.

Вьетнам стал первым государством, которому Китай предоставлял помощь, предусматривавшуюся ежегодными финансовыми планами КНР.

В январе 1973 г. Соединенные Штаты подписали Парижские мирные соглашения, в соответствии с которыми они обязались полностью вывести свои вооруженные силы из Вьетнама. После этого китайская программа помощи была радикально изменена: теперь помощь предоставлялась не для отражения агрессии США, а для восстановления и развития экономики Вьетнама. В 1973 г. вьетнамская делегация посетила КНР с целью обсуждения помощи Вьетнаму на 1974 г. По предложению Чжоу Эньлая ее общая сумма была определена в 2,5 млрд юаней вместо 8 млрд, которые запрашивала вьетнамская сторона. Китай и Вьетнам подписали соглашение об экономической и военной помощи на 1974 г. 4 марта 1974 г. на встрече с вьетнамскими министрами транспорта и послом в Китае Чжоу Эньлай, ссылаясь на опыт Китая, рекомендовал партнерам не увлекаться одновременным строительством большого числа крупных и средних объектов, определив очередность из создания. Тем самым он пытался убедить вьетнамских гостей подготовить более реалистичный план восстановления и строительства страны. Это говорит о том, что расходы на помощь зарубежным странам и организациям становились нелегким бременем для китайского бюджета.

23 апреля 1975 г. ЦК КПК принял решение о снижении помощи иностранным государствам по сравнению с четвертой пятилеткой с 6,3 до 5% ВВП в пятой пятилетке. Ежегодная сумма расходов на эти цели должна была сократиться с 5 млрд юаней до 2–3 млрд. Помощь политическим союзникам, таким как КНДР, Вьетнам, Албания, Лаос и Камбоджа, в четвертой пятилетке составлявшая 70% всей зарубежной помощи, сокращалась до 50%. Во Вьетнаме в 1960–1970-е годы находилось около 20 китайских экспертов и советников и около 300 тыс. китайских военных, участвовавших в строительстве и восстановлении шоссейных и железных дорог, в подготовке войск противовоздушной обороны.

Практическим результатом введения в идеологический оборот теории «трех миров» стало активное налаживание КНР широких международных связей. К концу 1976 г., последнего года культурной революции, Китай имел дипломатические отношения со 111 государствами, в том числе со всеми развитыми капиталистическими странами, кроме США, отношения с которыми поддерживались в форме пребывания в столицах миссий связи. Объем торговли с развитыми капиталистическими странами в 1976 г. в 3,2 раза превышал товарооборот с социалистическими странами. Доля СССР составляла 3,2%, тогда как, например, Японии – 28,4%, стран ЕЭС – 16,7%.

Последствия

Культурная революция нанесла огромный ущерб политическому и социально-экономическому развитию Китая. В «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР», принятом ЦК КПК в 1981 г., констатировалось, что эта кампания «не имела никакого отношения ни к революции, ни к социальному прогрессу, она представляла собой внутреннюю смуту, ошибочно спровоцированную руководителем страны», «основные положения тов. Мао Цзэдуна, послужившие обоснованием для развертывания “культурной революции”, не отвечают ни марксизму-ленинизму, ни китайской действительности», а оценка Мао Цзэдуном политической обстановки в партии и в стране, расстановки классовых сил была «совершенно ошибочна».

За годы кампании была разрушена система управления партией и государством. На обломках прежней системы строилась новая, ориентированная на поддержание власти единоличного лидера и узкого круга его приближенных. Даже обычные внутрипартийные споры между лицами, придерживавшимися разных мнений, рассматривались как проявление «ревизионистской линии или борьбы двух линий в КПК». Чрезмерное сосредоточение власти в партии в руках одного человека приводило к беспредельному самоуправству и культуре личности. «Мао Цзэдун стал все больше зазнаваться, отрывать от действительности и масс, впадать в субъективизм, самоуправствовать и возвышать себя над ЦК партии», — говорилось в «Решении».

Огромное число людей подверглось репрессиям. От них пострадали как кадровые работники разных уровней и представители интеллигенции, в том числе почти все руководители учебных заведений, деятели общественных наук, литературы и искусства, так и широкие слои населения. К марту 1979 г. только в Тяньцзине было восстановлено доброе имя более 2,7 тыс. передовиков труда, пострадавших в годы культурной революции.

Нечеловеческим издевательствам подверглись и были доведены до гибели руководители партии и государства, в том числе члены Политбюро ЦК КПК 8-го созыва Лю Шаоци, Пэн Дэхуай, Хэ Лун и др. 37 из 60 членов и кандидатов в члены Комитета партийного контроля ЦК КПК 8-го созыва, 60 из 115 членов Постоянного комитета ВСНП 3-го созыва, 74 из 159 членов бюро Всекитайского комитета НПКСК 4-го созыва, более 20 секретарей горкомов КПК, мэров и их заместителей были зачислены в число «предателей», «агентов» и «контрреволюционеров», «лиц, идущих по капиталистическому пути», «выступающих против партии, социализма и идей Мао Цзэдуна». По официальным данным, из состава высшего руководства партии и страны погибли 38 человек, из числа руководящих кадровых работников центральных партийных, административных и военных органов — 382 человека. От репрессий пострадали также 727 420 партийных, государственных и армейских кадровых работников, из них 34 274 погибли.

По данным Орготдела ЦК КПК, в годы культурной революции были заведены «дела» на 2300 тыс. кадровых работников из 12 млн, что составило 19,2% их числа. 75% находившихся под следствием составляли кадровые

работники, вплоть до заместителей руководителей отделов ЦК КПК, заместителей министров и руководителей государственных комитетов страны. Всего в результате репрессий погибли более 60 тыс. кадровых работников. «Ревизионистское» клеймо было наложено на целые ведомства, например, Министерство культуры и Госкомитет по делам физкультуры и спорта. «Правооппортунистическим» окрестили Министерство металлургии, 40% его руководящего состава были причислены к «контрреволюционерам». Та же судьба постигла и 7-е министерство машиностроения (стратегические вооружения), где 80% сотрудников подверглись гонениям, и Министерство связи, где пострадали более тысячи сотрудников. В те годы было заведено около 20 тыс. ложных коллективных дел, по которым проходило несколько сот тысяч человек. Репрессиями были искалечены судьбы около 100 млн жителей КНР, погибли около 20 млн.

Бесчинства, происходившие в 1966–1976 гг., вызывали негодование как кадровых работников, членов КПК, так и широких слоев населения. Это было наглядно продемонстрировано на разных этапах кампании – отпором, который массы оказывали хунвэйбинам и цзаофаням на ее первых этапах, мощными взрывами народного недовольства в разных уголках страны в ходе «захвата власти» и формирования ревкомов, в Ухане летом 1967 г., народными волнениями и протестом на площади Тяньаньмэнь в апреле 1976 г. и т.д.

Тяжелый удар был нанесен народному хозяйству. За 10 лет потери национального дохода достигли 500–800 млрд юаней (аналогичные потери вследствие «большого скачка» составили 100 млрд). Только содержание 40 млн хунвэйбинов и цзаофаней, по примерным подсчетам, обходилось государству от 17 до 24 млн юаней ежедневно, и это не считая оплаты проезда, бесплатного обмундирования и праздничных дотаций.

В результате культурной революции произошла утрата навыков планирования, была нарушена деятельность соответствующих институтов. Были намечены лишь основные положения третьего, четвертого и пятого пятилетних планов, но составить полноценные планы не удалось. Гонениям подверглись наиболее компетентные сотрудники планирующих органов, число работников, сотрудников, занимавшихся статистикой, в 1966–1976 гг. сократилось вдвое. Впоследствии была выявлена недостоверность и неполнота статистических данных, часто они подгонялись под желания и прихоти руководства, еще более обнажился односторонний политический подход к постановке экономических задач (неслучайно в тот период скрывались все экономические показатели страны). Все это приводило к грубым просчетам, недооценке глубины деформаций в народном хозяйстве, ошибочным представлениям о реальных возможностях и первоочередных нуждах и задачах страны.

Структура экономики страдала перекосом в сторону тяжелой промышленности, которой приносились в жертву интересы развития легкой промышленности и сельского хозяйства. Доля сельского хозяйства в совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства в 1976 г. составляла 30,4%, меньше, чем в 1966 г. (35,9%), та же закономерность распространялась и на легкую промышленность – 30,7 в 1976 г. против 31,4% в 1966 г. Доля тяжелой

индустрии в совокупной продукции в 1966 г. составляла 32,7%, а в 1976 г. – 38,9%. Характерная для того периода стратегия экономического развития, всецело подчиненная росту производства в «ключевых звеньях», прежде всего в тяжелой промышленности в тесной связи с курсом на «подготовку к войне», серьезно деформировала структуру народного хозяйства КНР. Страна встала на сугубо экстенсивный путь экономического роста, который требовал беспрестанной инвестиционной и ресурсной «накачки» и отличался низкой экономической эффективностью. Так, на вложенные в промышленность 100 юаней в 1966 г. получали прибыль, равную 34,5 юаня, а в 1976 г. – всего 20,4 юаня; в сфере торговли на 100 юаней в 1957 г. приходилось 20 юаней прибыли, а в 1976 г. – только 9,7 юаня.

Как следствие экономике КНР была присуща гипертрофированно высокая норма накопления, часто превышавшая 30%, тогда как оптимальным показателем для Китая, по оценкам экономистов, была норма в 25%. Чрезмерный упор на новое строительство при недооценке возможностей технической реконструкции уже существовавших мощностей стал одним из определяющих факторов формирования в КНР ресурсозатратного типа экономического роста, характеризующегося неуклонным снижением экономической эффективности. Так, в Японии на выплавку 1 т стали в среднем расходовалось 800 кг угля, а в КНР – 2,6 т.

В результате прирост национального дохода в расчете на 100 юаней накоплений, составивший в 1953–1957 гг. 32 юаня, в 1963–1965 гг. вырос до 57, но в 1966–1970 гг. упал до 26 юаней, в 1971–1975 гг. – до 16 и в 1976 г. едва дотягивал до 19 юаней.

Китай по многим показателям уровня жизни отставал не только от передового, но и среднего мирового уровня, от соседей по региону в Восточной Азии, модернизировавших в 1960–1970-е годы свою экономику при старте с вполне сопоставимой отправной точки. Так, в середине 1960-х годов среднедушевой ВВП в Южной Корее составил 105 долл., а 59,7% общих расходов населения Тайваня шло на питание, что в обоих случаях было практически аналогично ситуации в Китае. Однако в 1978 г. Южная Корея имела среднедушевой ВВП, равный 1279 долл. США, тогда как в КНР этот показатель составлял 220 долл.; на Тайване доля затрат на питание в конце 1970-х годов упала до 40–43%, в Китае же осталась на уровне 60–70%. Резко снизился уровень жизни населения. Если в 1956 г. на человека в течение года приходилось 408,58 цзиня (1 цзинь = 0,5 кг) продовольствия, то в 1966 г. – 379,12 цзиня, и затем в течение 10 лет потребление практически не увеличивалось: в 1976 г. подушевое потребление продовольствия составило лишь 380,56 цзиня. Потребление растительного масла в 1976 г. (3,19 цзиня) снизилось даже по сравнению с 1966 г. (3,52 цзиня), не говоря уже о 1956 г. (5,13 цзиня). В 1976 г. тканей на одного человека приходилось 23,55 чи (1 чи = 0,33 м), не намного больше, чем в 1966 г. (19,89 чи), и существенно меньше, чем в 1959 г. (29,17 чи), а в 1968 г. этот показатель уменьшался до 15,52 чи. Реальная ежемесячная зарплата рабочих в 1976 г. стала ниже по сравнению с 1966 г. на 4,9%. К концу культурной революции в КНР более четверти (27,3%,

или 5 млн) больших производственных бригад в деревне имели среднегодовой доход на человека ниже 50 юаней, около половины бригад – от 50 до 100 юаней в год, и лишь в оставшейся четверти бригад он превышал 200 юаней.

Падение уровня жизни не могло не вызывать недовольство населения. Социальную напряженность усугубляло и обострение проблемы трудоустройства. Ежегодно в трудоспособный возраст в городах вступало 3,5 млн человек и 20 млн в деревне. Большое число хунвэйбинов и цзаофаней, окончивших школы и другие учебные заведения молодых людей, высланных в деревню, пытались легально или нелегально вернуться в города и устроиться на работу или учебу. Страна сталкивалась и с другими серьезными социальными трудностями: огромным количеством разделенных семей (муж и жена длительное время работали в разных местах, им разрешали встречаться только несколько дней в году на праздник Весны – в новый год по традиционному календарю), острой нехваткой жилья в городах. Так, в 1977 г. на одного городского жителя приходилось всего 3,6 кв. м жилой площади, что на 0,9 кв. м меньше, чем в 1952 г. (4,5 кв. м). Если на жилищное строительство в годы первой пятилетки приходилось 9,1% от всей суммы капиталовложений, то в годы культурной революции – 4–5%.

Невосполнимые потери понесла китайская культура и наука. Министр обороны Е Цзяньин в 1979 г. отмечал, что флаг культурной революции служил прикрытием для уничтожения культуры. В тот период погибли такие всемирно известные писатели и деятели искусства Китая, как Лао Шэ, Чжао Шули, Чжоу Синьфан, Гай Цзяотянь, Фань Тяньшоу, Ин Юньвэй, Чжэн Цзюньли, Сунь Вэйши и многие другие. В 1966–1976 гг. более 650 художественных фильмов, созданных в предшествующие 17 лет, были признаны «ядовитыми травами» и запрещены к показу. По неполным данным, в результате действий хунвэйбинов было разрушено более 6 тыс. памятников культуры, уничтожено 2357 тыс. письменных исторических памятников, 185 тыс. картин и свитков с каллиграфией, 538 единиц других культурных ценностей общенационального значения, разбито более 1 тыс. stel, имеющих историческую ценность. Среди них более 70 бесценных памятников литературы, охранявшихся ранее государством как национальные реликвии. Из 6843 исторических и культурных памятников Пекина, охранявшихся с 1958 г. как национальное достояние, 4922 в период культурной революции подверглись разрушению, причем большинство из них в августе–сентябре 1966 г.

Катастрофическая ситуация сложилась в области народного образования. Расходы на развитие просвещения в КНР в 1975 г. составляли 1,8% стоимости ВВП, в то время как в СССР они равнялись 7,6%, в США – 6,2, во Франции – 5,6, в Японии – 5,5, в ФРГ – 4,5, Таиланде – 3,6, Индии – 2,8%. На каждые 10 тыс. жителей приходилось в среднем девять студентов средних специальных и высших учебных заведений, тогда как в США – 523,6 студента, в Японии – 205,3, во Франции 196,7, в СССР – 190,8, ФРГ – 135,2, Великобритании – 125,7, Индии – 52,4 студента. КНР занимала по данному показателю 113-е место среди 141 государства мира. За годы культурной революции страна недополучила более 1 млн специалистов с высшим образо-

ванием, 2 млн специалистов со средним специальным образованием, миллионы школьников не ходили на занятия из-за закрытия школ. По официальной статистике, в КНР даже в 1982 г. насчитывалось 230 млн неграмотных или полуграмотных – четверть населения страны.

К 1973 г. в результате гонений на научные кадры и катастрофического сокращения числа научно-исследовательских институтов под прямой юрисдикцией Академии наук Китая осталось только 13 институтов из 7016 (в 1965 г.). Фундаментальные исследования были свернуты. Из 170 старших научных сотрудников АН в Пекине 131 подвергся преследованиям; в Шанхае 40% сотрудников Института физиологии растений АН обвинили в том, что они являются «вражескими агентами», 106 ученых, в том числе 27 старших научных сотрудников, были замучены до смерти. За «десятилетие смуты» увеличился разрыв между КНР и развитыми странами мира в научно-технической области. «В настоящее время Китай отстает от развитых капиталистических стран в области технологии и промышленности на 20 лет, а в области сельского хозяйства – на 50 лет», – признавал журнал «Чжуншань дасюе сюебао» («Вестник Университета им. Сунь Ятсена») в 1980 г.

Внешняя политика КНР

Внешняя политика первых 30-ти лет существования КНР, также как и внутренняя, являлась результатом борьбы различных сил в руководстве Китая. Тем не менее определяющее влияние на нее оказывали взгляды непосредственно Мао Цзэдуна, возглавлявшего КПК и КНР и лично причастного к формированию курса Китайской Народной Республики в отношениях с другими странами, прежде всего в отношениях с Советским Союзом. Все политические деятели Китая этого времени, несогласные с теми или иными решениями и положениями Мао, касающимися внешней политики, в конечном итоге были подвергнуты репрессиям и сошли со сцены.

Первые восемь лет двусторонних отношений СССР и КНР в Китае обычно именуют *ибяньдао* – периодом «склонения в одну сторону».

О том, что новому Китаю необходимо «наклониться в одну сторону», т.е. присоединиться к лагерю социализма во главе с СССР, Мао Цзэдун впервые заявил в статье «О демократической диктатуре народа», написанной в связи с 28-летием образования КПК 30 июня 1949 г. В дальнейшем положение о необходимости «наклониться в одну сторону» стало основой внешнеполитического курса КНР и КПК этого периода наряду с двумя другими установками Мао Цзэдуна, выдвинутыми в конце 1948 – начале 1949 г. Это – «начать создавать свой отдельный очаг» и «сначала подмести в своем доме, а потом приглашать в него гостей».

Обе концепции позволили КНР установить дипломатические отношения с иностранными государствами на новой основе, без оглядки на те, что существовали во времена правительства Гоминьдана и Чан Кайши («создать свой очаг»). При этом особо делался акцент на том, что новые отношения являются «независимыми и самостоятельными». В этом контексте установка «наклониться в одну сторону», т.е. однозначно встать на сторону социалистического лагеря и тесных отношений с Советским Союзом, предстает как вынужденная мера. В условиях «холодной войны» и противостояния двух лагерей во главе с Советским Союзом и США новый Китай был так или иначе вынужден примкнуть к одному из этих лагерей, а опыт Китая, как писал Мао Цзэдун в указанной работе, говорит о том, что «наклоняться» надо именно в сторону Советского Союза, в сторону социализма, «третьего пути нет».

Именно этим объясняется поездка Мао Цзэдуна в конце 1949 – начале 1950 г. в Москву и заключение Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР.

При этом главной причиной, которую специально подчеркивают китайские историки, было желание Мао Цзэдуна заключить с СССР новый договор взамен заключенного 14 августа 1945 г. с правительством Чан Кайши Договора о дружбе и союзе, который в Китае считали и продолжают считать «неравноправным».

Договор был подписан в Москве 14 февраля 1950 г. (от имени СССР договор был подписан министром иностранных дел СССР А.Я. Вышинским, от имени Китая – министром иностранных дел КНР Чжоу Эньлаем) сроком

на 30 лет. В соответствии с договором Советский Союз обязался не позднее конца 1952 г. передать Китаю все права по управлению КЧЖД (Китайской Чанчуньской железной дорогой) и все относящееся к этой дороге имущество, вывести свои войска из военно-морской базы Порт-Артур (Люйшунь-коу), передать административное управление городом Дальний (Далянь) правительству КНР, а также в течение 5 лет предоставить Китаю заем в сумме 300 млн долл. США под 1% в год.

Советская сторона, исходя из совпадения интересов Советского Союза и нового Китая, считала поддержание дружеских отношений между двумя странами стратегическим интересом. Практически единственным вопросом, по которому стороны не смогли договориться к взаимному удовлетворению, был вопрос о статусе Монгольской Народной Республики (в КНР именуемой Внешней Монголией), которую в Китае продолжали считать своей территорией. В данном случае Мао Цзэдун вынужден был принять позицию Сталина, твердо настаивавшего на том, что МНР является независимым государством.

Период «склонения в одну сторону» не продлился бы так долго, если бы не война в Корее в 1950–1953 гг., где войскам КНР пришлось вступить в непосредственное военное противостояние с войсками США. После окончания войны китайская сторона (например, Чжоу Эньлай на конференции в Женеве) пыталась смягчить отношение к себе со стороны США, но не получила ответа.

В Китае гордились и гордятся участием КНР в корейской войне, называя ее в числе тех, где с помощью КНР был побежден «американский империализм» (наряду с гражданской войной собственно в Китае и войной во Вьетнаме, в которой КНР оказывала помощь Северному Вьетнаму). Однако стараются всячески приглушить роль Мао Цзэдуна в ее подготовке и начале, возложив всю вину на руководителя Северной Кореи (Корейской Народно-Демократической Республики) Ким Ир Сена, действовавшего, якобы, по указанию Сталина. И именно в этом контексте подвергают критике широко распространенную на Западе в годы «холодной войны» концепцию совместного «заговора трех держав» – КНДР, СССР и КНР. Однако факты свидетельствуют о том, что именно китайское руководство в лице Мао Цзэдуна наиболее активно поддерживало планы Ким Ир Сена по захвату южной части Кореи и объединению всей страны под своим контролем. В то время как Сталин относился к этим планам более чем сдержанно, полагая, что дальнейшее обострение международной обстановки в условиях уже начавшейся «холодной войны», чреватое прямым столкновением двух ядерных держав – СССР и США, не в интересах Советского Союза.

Началу войны в Корее предшествовала серия секретных переговоров представителей северокорейского руководства как с китайской, так и с советской стороной. При этом еще в мае 1949 г. корейской стороне удалось достичь с руководством КПК договоренности о передаче Северной Корее трех дивизий, составленных из корейцев по национальности. Две дивизии из состава Военного округа Северо-Востока численностью более 10 тыс. человек каждая были переправлены в Северную Корею уже в июле 1949 г., третья, численностью более 14 тыс. человек, в феврале 1950 г., после окончания боев

на юге Китая. Эти дивизии общей численностью около 35 тыс. человек, имевшие, в отличие от армии, находившейся в распоряжении Ким Ир Сена, опыт успешных боевых действий, были переброшены в Северную Корею с полным вооружением и снаряжением.

Весной 1950 г. в ходе визитов в Москву (в апреле) и в Пекин (в мае) Ким Ир Сену удалось получить согласие и Сталина, и Мао Цзэдуна на начало военных действий. Ему удалось убедить и Москву, и Пекин, что на юге Корейского полуострова сложилась революционная ситуация, которая в случае вооруженной акции со стороны КНДР приведет к всенародному восстанию в Южной Корее и устранению проамериканского режима Ли Сын Мана. Однако при этом Сталин, во-первых, поставил свое согласие в зависимость от согласия Мао Цзэдуна, а, во-вторых, заявил о том, что Советский Союз непосредственного участия в военных действиях принимать не будет.

Война в Корее началась 25 июня 1950 г. переходом северокорейской армией 38-й параллели, разделявшей северную и южную части Кореи, и ее наступлением на юг. Уже 28 июня войска Ким Ир Сена захватили столицу Южной Кореи – Сеул, а к середине августа контролировали до 90% территории Южной Кореи, за исключением плацдарма в районе порта Пусан.

Тем не менее окончательной победы войскам КНДР достичь не удалось по причине вмешательства со стороны США, которое ни сам Ким Ир Сен, ни поддержавшие его Сталин и Мао Цзэдун, по-видимому, не предусматривали. Они исходили из того, что Корея, как явствовало из заявления Госсекретаря Дина Ачесона в январе 1950 г., не входит в число приоритетных для США стран. Однако к июню 1950 г. позиция США в этом вопросе изменилась.

27 июня была принята резолюция Совета Безопасности ООН, осуждавшая действия Северной Кореи, а 7 июля СБ ООН одобрил создание многонациональных сил ООН для ведения войны на Корейском полуострове против государства-агрессора, в качестве которого рассматривалась Северная Корея (СССР мог наложить вето на указанные резолюции СБ ООН, но на его заседаниях с января 1950 г. отсутствовал советский представитель в знак протеста против того, что место КНР в организации было занято представителем гоминьдановского режима Чан Кайши). В соответствии с этими решениями в Корею на помощь южнокорейской армии были направлены международные силы, основу которых составили войска США, переброшенные из Японии на пусанский плацдарм. В сентябре эти войска совместно с южнокорейской армией перешли в контрнаступление и к середине октября практически разгромили войска Северной Кореи. 20 октября пала столица Северной Кореи – Пхеньян, а к середине октября войска так называемой «южной коалиции» фактически вышли на границу Кореи с Китаем по р. Ялуцзян.

Для того чтобы не допустить окончательного поражения северокорейской армии, Китай был вынужден ввести в бой собственные войска под командованием Пэн Дэхуая, которые получили наименование «китайских добровольцев, или Армии добровольцев народа Китая». А в ноябре Чжоу Эньлай встретился со Сталиным в Крыму, чтобы согласовать помощь со стороны Советского Союза. Москва согласилась направить в Китай на границу с Кореей своих

военных летчиков, чтобы прикрыть операции китайской армии с воздуха. В результате контрнаступления китайских и северокорейских войск в декабре удалось освободить Пхеньян, а в январе следующего года – вновь взять Сеул. Однако затем ситуация стабилизировалась и в результате переговоров в июле 1953 г. удалось достичь перемирия, вновь разведя воюющие стороны по 38-й параллели.

Война в Корее оказала, как уже говорилось, серьезное воздействие на внешнюю политику Китая, не только закрепив курс «склонения в одну сторону», но и положив конец надеждам китайского руководства на скорое освобождение Тайваня, остававшегося под властью Гоминьдана и Чан Кай-ши. Поскольку США предприняли все от них зависевшее для того, чтобы обеспечить оборону Тайваня, превратившегося, по сути, в «непотопляемый авианосец».

Помимо этого война в Корее привела к серьезной международной изоляции Китайской Народной Республики, прежде всего со стороны стран Запада. Несмотря на все усилия нового руководства, КНР признали лишь страны социалистического лагеря и отдельные развивающиеся страны. Большинство стран мира продолжали поддерживать дипломатические отношения с Китайской Республикой на Тайване.



Визит президента Индонезии Сукарно в Пекин в 1956 г.
Справа налево: Чэнь И, Мао Цзэдун, Сун Цинлин, Чжу Дэ, Сукарно



Празднование годовщины КНР в Пекине 1 октября 1961 г.
Справа налево: Лю Шаоци, президент Кубы Освальдо Дортикос,
Мао Цзэдун, король Непала Махендра, Чжоу Эньлай

Определенного прорыва китайской дипломатии удалось добиться после достижения с Индией в апреле 1954 г. «Соглашения о торговле и связях Тибетского района Китая с Индией», позволившего смягчить ситуацию в китайско-индийских отношениях. Несмотря на то что пограничные споры были, по сути, отложены на будущее (в 1962 г. они привели к военному столкновению), индийское руководство окончательно признало Тибет территорией Китая. А пять принципов мирного сосуществования (так называемые «панча шила»), записанные в преамбуле данного соглашения, подписанного премьер-министром Индии Джавахарлалом Неру и премьером ГАС Китая Чжоу Эньлаем, в дальнейшем стали одной из основ международной политики. Эти принципы включают в себя положения о взаимном уважении территориальной целостности и суверенитета друг друга, ненападении, невмешательстве во внутренние дела, равенстве и взаимной выгоде, а также о мирном сосуществовании.

При поддержке Индии и лично Неру китайская делегация во главе с Чжоу Эньлаем была через год, в апреле 1955 г., приглашена на Конференцию развивающихся стран, состоявшуюся в г. Бандунге (Индонезия) (Индия наряду с Индонезией, Бирмой, Пакистаном и Цейлоном была инициатором данной конференции). В отсутствие СССР и стран социалистического лагеря (кроме Демократической Республики Вьетнам), США и стран Запада (кроме Японии), а также делегаций Тайваня, Южной и Северной Кореи делегация нового Китая стала, по сути, одним из главных «героев» конференции. На ней пять принципов мирного сосуществования были расширены до 10 пунктов и легли в основу итоговых решений. Однако необходимо подчеркнуть, что на

конференции в Бандунге китайская делегация выступала не как представительница стран социализма, а как символ победы в освободительной борьбе своей нации против чужеземцев, триумфа угнетаемой азиатской страны и посправления колонизаторов. Это вполне вписывалось в стратегию Мао Цзэдуна.

Участие Китая в Бандунгской конференции способствовало тому, что он добился признания со стороны развивающихся стран и смог улучшить отношения с рядом стран Азии и Африки. Этому способствовали и состоявшиеся после Бандунгской конференции поездки премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлая в страны Азии. В ноябре 1956 г. – феврале 1957 г. он побывал во Вьетнаме, Камбодже, Бирме, Индии, Пакистане, Афганистане, Непале и на Цейлоне.

К концу 1956 г. дипломатические отношения с материковым Китаем имели уже 25 стран мира. Среди них, помимо стран социалистического лагеря, присутствовали такие государства, как Индия (первая несоциалистическая страна, признавшая КНР, – дипломатические отношения с 1 апреля 1950 г.), Индонезия (с 13 апреля 1950), Бирма (1950), Пакистан (1951), Лаос (1953), Афганистан (1955), Непал (1955, после достижения договоренности с Индией), Египет (1956, первая африканская страна, сразу после конференции в Бандунге), Цейлон (1956). К началу 1959 г. Китай также установил дипломатические отношения с Марокко, Объединенными Арабскими Эмиратами, Алжирской Республикой, в том же 1959 г. – с Суданом и Гвинеей, в 1960 г. – с Мали, Сомали, Конго и Ганой.

При этом КНР оказывала в ряде случаев существенную поддержку развивающимся странам, прежде всего военную помощь Северному Вьетнаму. Китай также оказал финансовую помощь правительству египетского президента Насера в ходе конфликта в районе Суэцкого канала в 1956 г., а также передал необходимые медикаменты. В 1958 г. КНР предоставила помощь Гвинее, оказавшейся в тяжелом финансовом положении, переправив 1,5 тыс. т риса.

Следует подчеркнуть, что КНР всегда твердо придерживалась принципа «одного Китая». Это означало требование: страна, которая готова установить дипломатические отношения с КНР, должна одновременно разорвать официальные дипломатические отношения с Китайской Республикой на Тайване, признать Тайвань частью материкового Китая и поддерживать восстановление законного места КНР в ООН.

Разумеется, такая позиция ставила страны мира перед жестким выбором, и большинство пошло на установление дипотношений с Пекином только после 1971 г., когда именно КНР была признана законным представителем Китая и заняла свое место в Совете Безопасности ООН, а Тайвань перестал быть членом этой организации. Например, ряд европейских стран, признавших КНР еще в начале 1950 г. (Великобритания, Норвегия, Дания, Финляндия, Швеция, Швейцария и Нидерланды), ограничились учреждением в Пекине своих представительств, имея «полудипломатические» отношения. В частности, с Великобританией в 1954 г. дипломатические отношения были установлены лишь на уровне поверенных в делах. К 1956 г. такие же отношения имелись и с Нидерландами.



Мао Цзэдун и Лю Шаоци встречают Н.С. Хрущева

С конца апреля по июль 1954 г. представитель КНР – министр иностранных дел Чжоу Эньлай – участвовал наряду с министрами иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции в работе Женевской конференции, обсуждавшей положение в Корее и в Индокитае. В конференции с начала мая также принимали участие представители Северного Вьетнама – Демократической Республики Вьетнам под руководством Хо Ши Мина, пользовавшегося поддержкой со стороны Китая и СССР, представители Южного Вьетнама – профранцузского правительства бывшего императора Бао Дая, а также представители Лаоса и Камбоджи.

Обсуждение проблемы воссоединения Кореи завершилось безрезультатно. По индокитайской проблеме договориться в конце концов удалось, чему способствовала капитуляция в начале мая (накануне приезда в Женеву вьетнамской делегации) гарнизона французских экспедиционных войск базы Дьенбьенфу (поселок недалеко от границы с Лаосом), которую до того вьетнамские войска ожесточенно штурмовали, начиная с марта 1954 г. 20 июля после долгих переговоров участниками конференции (кроме США) были подписаны Женевские соглашения, завершившие колониальную войну Франции в Индокитае и определившие судьбу ее бывших колоний в регионе. Вьетнам был разделен на две части (по 17-й параллели), но войну удалось закончить, что было расценено и мировой общественностью, и Китаем, оказывавшим Северному Вьетнаму военную помощь, как победа национально-освободительного движения в Индокитае. Соглашения предусматривали демилита-



Мао Цзэдун, Н.С. Хрущев, Н.Т. Федоренко,
Ши Чжэ, Н.А. Булганин, А.И. Микоян. Пекин, 1954 г.

ризацию и нейтралитет Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, а также проведение в 1956 г. свободных выборов в обеих частях Вьетнама с целью определения будущего политического режима и воссоединения страны. После провозглашения в октябре 1955 г. в южной части Вьетнама Республики Вьетнам, получившей поддержку со стороны США, не подписавших Женевские соглашения, процесс воссоединения был нарушен, на юге Вьетнама началось партизанское движение, что в конце концов привело к возобновлению войны. Тем не менее и Женевская конференция способствовала выходу дипломатии нового Китая на международную арену и оценке в Пекине международной ситуации как благоприятной для продолжения борьбы угнетенных народов за свое освобождение.

В конце сентября – начале октября 1954 г. состоялся визит в КНР нового руководителя Советского Союза Н.С. Хрущева. Формально он прибыл на празднование 5-летия образования КНР и на открытие большой советской выставки (еще руководитель СССР во главе большой советской делегации совершил поездку по Китаю, посетив, в частности, Харбин и Шэньян). Кроме того, приезд Хрущева можно было рассматривать как ответный после визита Мао Цзэдуна в Москву в конце 1949 г. – начале 1950 г. Однако предпосылкой данного визита стало прежде всего стремление Хрущева лично наладить отношения с китайским лидером и исправить то «недоверие», которое, как ему казалось, возникло между руководством Советского Союза и КНР в результате ошибок и «неправильного» отношения к Мао Цзэдуну со стороны Сталина.

В ходе визита Хрущев предложил досрочно вывести советские войска из Северо-Восточного Китая (включая базу Порт-Артур), передать китайской стороне советскую долю в смешанных компаниях в Синьцзяне. В Пекине

предложения Хрущева были приняты как должное. В ответ на переговорах китайской стороной (Чжоу Эньлаем) был вновь поставлен вопрос о передаче Китаю Монголии (МНР, которую в Китае называют Внешней Монголией), а также о дополнительной помощи КНР со стороны СССР (строительство в Китае учебных заведений и заём на строительство железной дороги). На предложение Хрущева приехать с ответным визитом в Советский Союз Мао Цзэдун, по сути, ответил отказом. При этом впоследствии утверждал, что помощь со стороны СССР была «отнюдь не бескорыстной», а предложенные Хрущевым шаги были сделаны им в расчете на поддержку КПК и Китаем его борьбы с противниками в советском руководстве.

* * *

Период с 1956 по 1966 г. называется в Китае по-разному. Например, в книге «60 лет китайской внешней политики», изданной в Пекине к 60-летию образования КНР (2009 г.), это десятилетие называется «периодом упорядочивания внешней политики». Однако, говоря о содержании данного периода, китайские историки чаще всего используют термин из боевых искусств – *лянгэ цюаньтоу да жэнь* («удар двумя кулаками»), который, по сложившейся традиции, переводится как «борьба на два фронта», одновременная борьба против американского империализма и советского ревизионизма. В этом и заключалась перестройка (или упорядочивание – *тяочжэн*) китайской внешней политики – в переходе от «склонения в одну сторону» к одновременной борьбе в опоре на страны Азии, Африки и Латинской Америки с международным империализмом во главе с США и с международным ревизионизмом во главе с Советским Союзом. Другими словами, китайская внешняя политика в этот период, несмотря на признаваемые «левацкие» отклонения, упорядочилась, «выпрямилась», стала по-настоящему независимой и самостоятельной.

В феврале 1956 г. в Москве состоялся XX съезд КПСС, на котором Н.С. Хрущев подверг критике ошибки Сталина и призвал осудить «культ личности». Это и явилось причиной изменения стратегии Мао Цзэдуна на международной арене и началом разногласий СССР и Китая.

Разногласия с советским руководством по поводу оценки Сталина и международной обстановки были не причиной, а скорее частью общего изменения стратегии Китая на международной арене. В связи с событиями на Суэцком канале Мао Цзэдун выдвинул положение о «двух видах противоречий» и «трех силах», в соответствии с которым противоречия между империалистическими и социалистическими государствами выдвигаются первыми, скорее, как предлог для того, чтобы «завладеть всей доской», т.е. подчинить себе страны Азии и Африки. А на международной арене появляется третья сила – угнетенные нации, что серьезно меняет всю расстановку сил.

В апреле 1956 г. появилась статья Мао Цзэдуна «О десяти крупных взаимоотношениях», явившаяся его ответом на решения, принятые XX съездом КПСС. Определяя внешнеполитический курс Китая, он заявил: «На международной арене мы должны спланиваться со всеми силами, с которыми можно

сплотиться, добиваться нейтрализации тех сил, которые еще не стоят на нейтральной позиции, и даже раскалывать и использовать реакционные силы. Одним словом, мы должны привести в движение все силы, прямые и косвенные, чтобы бороться за превращение нашей страны в могучее социалистическое государство». При этом как в статье, так и в своих выступлениях Мао в это время подчеркивал приоритет независимости и самостоятельности Китая и необходимость дистанцироваться от опыта Советского Союза – не идти по его «кривому пути».

В сентябре 1956 г. на VIII съезде КПК вновь подчеркивалась необходимость для Китая придерживаться независимой и самостоятельной политики, а также утверждалось, что выдвинутые им принципы мирного сосуществования являются универсальными и их необходимо распространить и на отношения между социалистическими странами, в противовес позиции СССР, исходившего из того, что отношения между соцстранами являются не только дружественными, но и «братскими».

В октябре 1956 г. Мао Цзэдун развил свою теорию «промежуточных зон» (впервые эта мысль была выдвинута еще в 1946 г.), заявив о существовании двух «промежуточных зон» – с одной стороны, Азии, Африки и Латинской Америки, с другой – Европы. С государствами «промежуточной зоны» Китаю нужно развивать отношения и поддерживать их в борьбе за самостоятельность. Именно эти положения и стали в дальнейшем основой новой внешней политики Китая.

В начале 1957 г. Мао Цзэдун более подробно изложил концепцию «трех сил» на международной арене, подчеркнув, что по отношению к третьей силе – освободительному движению угнетенных наций и национальным государствам, которые ведут борьбу за независимость, Китаю необходимо проводить политику их активной поддержки и всемерно развивать с ними дружественные отношения. По отношению к СССР следует «методом убеждения разрешать противоречия», а по отношению к капиталистическим государствам (за исключением США) – бороться за мирное сосуществование, но при этом «со всей решительностью» выступать против их вооруженной агрессии и угроз Китаю.

В ноябре 1957 г., приехав по приглашению Хрущева на Совещание коммунистических и рабочих партий, Мао Цзэдун выступил с собственной позицией не только по вопросу критики Сталина, но и по поводу политики смягчения международной напряженности, проводившейся советским руководством во главе с Хрущевым. В противовес положению о возможности (и необходимости) избегать угрозы новой мировой войны, также выдвинутому на XX съезде КПСС, Мао Цзэдун заговорил о том, что войны не нужно бояться, вновь заявив, что «империализм и все реакционеры – это бумажные тигры» (впервые это заявление Мао сделал в 1946 г. в беседе с американской журналисткой). Кроме того, серьезные разногласия возникли по поводу также декларировавшейся XX съездом возможности мирного (ненасильственного, парламентского, без революции) перехода капиталистических стран к социализму. Делегация КПК даже зарезервировала по этому вопросу свое «Особое

мнение», представив его совещанию в качестве меморандума. Однако позиция КПК на встрече в Москве не встретила понимания.

В конце июля 1958 г. Н.С. Хрущев предпринял короткий визит в Пекин для того, чтобы, как ему казалось, устранить недопонимание между советским и китайским руководством по вопросу о строительстве в Китае длинноволновой станции связи с атомными подводными лодками и совместном атомном подводном флоте. Советское руководство выдвинуло это предложение в ответ на просьбу китайской стороны помочь в создании собственных атомных подводных лодок (к тому времени секреты производства ядерного оружия уже были фактически переданы Китаю, на чем настаивал Мао Цзэдун перед своей второй поездкой в Москву). И при этом исходило из того, что между СССР и КНР существуют союзнические отношения, определяемые Договором 1950 г. Предложение встретило крайне негативную, даже нарочито грубую реакцию со стороны Мао Цзэдуна, заявившего в беседе с Хрущевым, что советская сторона «принуждает Китай действовать совместно», тем самым нарушая суверенитет Китая. А во время второй встречи стороны обменялись жесткой взаимной критикой – Мао обвинил Хрущева в неравноправном отношении к «братским партиям», а тот сделал замечания по поводу политики «большого скачка» в Китае.

Через три недели после отъезда Хрущева из Пекина артиллерия НОАК подвергла обстрелу острова Цзиньмэнь и Мацзу в западной части Тайваньского пролива, находившиеся под контролем тайваньских властей. Эта акция вызвала так называемый «второй тайваньский кризис» (первый имел место в 1954–1955 гг. и окончился захватом КНР двух островов у побережья Китая). В пролив был введен военный флот США. Несмотря на то, что китайская сторона не только не проконсультировалась с СССР, но и вообще не поставила его в известность о готовящейся акции, Н.С. Хрущев, исходя из верности союзническому долгу, в письме президенту США Эйзенхауэру предупредил, что военные действия против КНР будут рассматриваться как нападение на Советский Союз. В Пекин был направлен министр иностранных дел СССР А.А. Громыко для того, чтобы попытаться достичь с китайской стороной взаимопонимания по поводу обстановки на Дальнем Востоке и координации действий в отношениях с США. При встрече с ним Мао Цзэдун заявил, что Китай уступать не намерен и будет действовать «острием против острия». А также высказал свой прогноз относительно того, как будут развиваться события в случае нападения США на Китай («Китай заманит противника вглубь своей территории, где он попадет в тиски»), и дал совет Москве, как действовать СССР в случае войны с США (также заманивать противника).

Артиллерийская атака на прибрежные острова позволила Китаю возобновить переговоры с США на уровне послов в Варшаве, одновременно осложнив подготовку визита советского руководителя в США, который планировался на 1959 г. как зримое воплощение разрядки напряженности.

В марте 1959 г. после подавления китайскими войсками восстания в Тибете и бегства духовного лидера Тибета далай-ламы и тысяч тибетцев в Индию

и Непал резко осложнились отношения между Китаем и Индией, не только претендовавшей на роль лидера «неприсоединившихся» стран, но и имевшей дружественные отношения с Советским Союзом. Эскалация конфликта привела в конце концов к вооруженным столкновениям сторон.

В этих условиях советская сторона в июне 1959 г. отказалась предоставить Китаю учебный макет ядерной бомбы и техническую документацию, советские специалисты, помогавшие Китаю в работе над собственным ядерным оружием, были отозваны на родину. Этот факт рассматривается в Китае как свидетельство нежелания Советского Союза предоставить КНР ядерное оружие и предательства Китая ради налаживания отношений с США. Именно это, по мнению китайской стороны, и привело к расколу союзнических отношений. Наряду с опубликованным в сентябре (накануне визита Хрущева в США) заявлением ТАСС по поводу китайско-индийского конфликта отказ однозначно поддержать действия Китая был расценен в Пекине как проявление нейтральной позиции и фактическое нарушение союзнических обязательств Советского Союза в отношении КНР.

Визит Н. С. Хрущева в США и его переговоры с президентом Эйзенхауэром были расценены в Китае как демонстрация окончательной смены приоритетов во внешней политике СССР. И даже то, что Хрущев сразу после поездки в США счел нужным приехать в Пекин на празднование 10-й годовщины образования КНР, не было позитивно оценено китайским руководством. Более того, визит (Хрущева в поездке сопровождали секретарь ЦК и член Политбюро М. А. Суслов и министр иностранных дел А. А. Громыко) прошел во взаимных обвинениях и в крайне напряженной обстановке.

В 1960 г. СССР отозвал из КНР работавших там советских специалистов. Решение об отзыве советских специалистов было вызвано тем, что в Китае после начала политики «большого скачка» и осуществления «новой генеральной линии» сложились совершенно неприемлемые условия для их работы.

Однако еще до этого события – в апреле 1960 г. – китайская сторона предприняла публикацию в партийной печати трех статей, приуроченных к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина (позже эти тексты были сведены в сборник под общим названием «Да здравствует ленинизм!»). Эти статьи, которые формально были направлены против Югославии, фактически стали систематизированной критикой генеральной линии компартии Советского Союза со времени XX съезда. Они положили начало тому, что впоследствии с подачи китайской стороны было названо «большой полемикой» (в дословном переводе с китайского – «война идей»). Критикуя взгляды «югославских ревизионистов», статьи, по сути, выступали против положений Хрущева о возможности мирного сосуществования, о «мирном переходе», необходимости разрядки международной напряженности, в том числе закрепленных в документах Совещания 1957 г., под которыми китайская делегация поставила свою подпись. Особенной критике были подвергнуты попытки наладить отношения с США. Одновременно излагались идеи Мао Цзэдуна о необходимости «создавать широкий единый фронт борьбы против империализма», которые он выдвинул за

месяц до этого в ходе очередных рассуждений о «промежуточной зоне» и необходимости поддерживать в этой зоне движение за независимость наций.

В ходе очередного Совещания коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в конце июня 1960 года в Бухаресте (Румыния), Хрущев в своем выступлении подверг взгляды китайского руководства и Мао Цзэдуна ответной критике, обвинив их в «догматизме» и «левом авантюризме», а также в попытках «развязать войну». Хрущева поддержало большинство из присутствовавших (кроме Албании) коммунистических и рабочих партий. Руководитель китайской делегации Пэн Чжэнь обвинил руководство КПСС в «неожиданном нападении» (несмотря на то, что КПСС еще в апреле распространила свое ответное письмо по поводу публикации китайских статей, а непосредственно на совещании – информационную записку, также содержащую критику в адрес КПК) и «гегемонизме». Тем не менее китайская делегация, после внесения некоторых поправок в итоговый документ, поставила под ним свою подпись.

В ноябре того же года на прошедшем уже в Москве новом совещании коммунистических и рабочих партий сторонам удалось несколько сблизить свои позиции и пойти на компромисс (совещанию предшествовали двусторонние переговоры по проекту второй Московской декларации). Этому способствовало, с одной стороны, некоторое обострение отношений СССР с США и странами Запада (последовавшее вслед за инцидентом с американским самолетом-разведчиком У-2, сбитым над территорией СССР в мае 1960 г. и срывом планировавшейся по предложению Хрущева встречи в верхах между СССР, США, Великобританией и Францией), а с другой, то, что делегацию КПК в Москве возглавлял ставший незадолго до этого председателем КНР Лю Шаоци, который, в отличие от Мао Цзэдуна, являлся сторонником дружественных отношений с нашей страной. Более того, Лю Шаоци после окончания совещания выступил на массовом митинге на стадионе в Лужниках, призвав народы двух стран к сплочению.

Однако это смягчение в отношениях двух стран продолжалось недолго. В начале июня 1961 г. Н.С. Хрущев провел встречу с новым президентом США Дж. Кеннеди, который также выступал за урегулирование советско-американских отношений. В октябре лидер КПСС на XXII съезде продолжил развивать линию XX съезда, выдвинув на основе мирного сосуществования, мирного соревнования и мирного перехода тезисы о «всемирном государстве» и «всемирной партии». Кроме того, Хрущев раскритиковал компартию Албании, фактически адресуя свою критику Китаю. Возглавлявший делегацию КПК Чжоу Энлай в своем выступлении на съезде заявил, что односторонние упреки и обвинения в адрес братской партии не способствуют сплочению. А по поводу отношений с США сказал, что правительство Кеннеди является еще более коварным и авантюристическим, чем предыдущие. После трудных и продолжительных переговоров (споров) с руководством КПСС Чжоу Энлай досрочно, не дожидаясь окончания съезда, вернулся в Пекин. Впрочем, часть делегации КПК во главе с Пэн Чжэнем осталась в Москве до конца съезда.

1962 г. привел к новому росту напряженности в советско-китайских отношениях. Этому способствовали по крайней мере три события: инцидент с переходом более 60 тыс. жителей приграничных районов Синьцзяна в СССР (апрель–май), пограничная война Китая с Индией (октябрь–ноябрь) и Карибский кризис (конец октября – ноябрь).

В апреле–мае 1962 г. десятки тысяч жителей приграничного с Советским Союзом Или-Казахского автономного округа Синьцзян-Уйгурского автономного района, представлявшие самые разные национальности (уйгуры, казахи, татары, дунгане и узбеки), протестуя против политики китаизации, проводившейся властями КНР, стали переходить границу СССР. Причин было несколько – начавшаяся реформа уйгурской письменности (перевод ее с арабского письма на латиницу), массовое переселение в регион ханьцев, приведшее к нехватке сельскохозяйственных земель (в том числе для выгула скота), в целом бедственное положение этих и без того экономически отсталых районов в результате экспериментов «большого скачка», приведшее к голоду и лишениям. При этом стоит отметить, что по крайней мере часть этих жителей в действительности вернулась обратно в СССР после того, как в 1930-е годы бежала в Китай из Казахстана, спасаясь от голода и политики притеснений, проводившейся властями Казкрайкома ВКП(б) во главе с первым секретарем Филипом Голощекиным. Эти люди не являлись гражданами КНР, а граница между двумя государствами существовала лишь номинально.

Тем не менее центральные власти КНР обвинили в случившемся советских консульских работников, якобы занимавшихся подстрекательством, подрывной и раскольнической деятельностью. Впоследствии Мао Цзэдун даже утверждал, что данные события были акцией, специально организованной органами госбезопасности СССР.

Комиссия во главе с министром общественной безопасности КНР Ло Жуйцином и первым секретарем парткома СУАР Ван Эньмао, созданная для расследования обстоятельств случившегося, доказательств подстрекательства со стороны работников советских консульств не нашла. Она предложила создать по китайскую сторону границы «безлюдную полосу» шириной в 20 км вглубь территории Китая. Тем не менее советские консульские учреждения в течение 1962 г. практически во всех районах КНР прекратили свою работу (дипломатическая деятельность ограничилась работой посольства и торгпредства СССР в Пекине).

Перебежчики утверждали, что к уходу в Советский Союз их зачастую подстрекали сами местные власти, стремившиеся освободить место для прибывающих представителей ханьской национальности. Некоторые даже подвозили перебежчиков к границе на служебном автотранспорте.

В октябре 1962 г. в ходе Карибского кризиса китайская сторона обвинила Хрущева сначала в авантюризме, имея в виду размещение советских ракет на Кубе, а потом – в капитулянтстве, когда Хрущев и Кеннеди, несмотря на то, что отношения были поставлены на грань войны, все же смогли договориться о мирном разрешении кризиса. С 5 по 9 ноября ракеты с Кубы были Советским

Союзом вывезены. 20 ноября советское руководство объявило о выводе отсюда советских бомбардировщиков, а на следующий день президент США отменил морскую блокаду Кубы. В КНР, как пишут сегодня китайские историки, это вызвало сильнейшее разочарование.

В разгар Карибского кризиса Китай резко усилил градус военного противостояния на границе с Индией, развернув полномасштабное наступление на позиции индийской армии (конец октября). В середине ноября, после того, как в Карибском кризисе возникли предпосылки мирного решения вопроса, китайские войска возобновили наступление. 21 ноября, после того, как Советский Союз не поддержал действия Китая, а Великобритания и США начали поставки оружия в Индию, Пекин объявил об одностороннем прекращении огня. Позиция СССР в ходе конфликта также подверглась ожесточенной критике со стороны КПК, руководство во главе с Хрущевым было вновь обвинено в капитулянтстве, предательстве и в том, что Советский Союз жертвует интересами Китая в стремлении угодить США.

С октября 1962 г. по январь 1963 г. прошли съезды компартий пяти стран – Болгарии, Венгрии, ГДР, Италии и Чехословакии, в ходе которых делегация КПК подверглась ответной критике со стороны Москвы. КПСС и представители других партий обвинили руководство КПК в авантюризме и стремлении втянуть весь мир в ядерную войну, в раскольничестве, сектантстве и национализме. При этом полемика между двумя крупнейшими компартиями в мире (КПСС и КПК), в конце концов, стала открытой.

С декабря 1962 г. по март 1963 г. в Пекине были опубликованы несколько статей, в которых давался ответ тем, кто критиковал КПК в ходе съездов (вот названия некоторых статей: «Разногласия товарища Тольятти с нами», «В чем истоки разногласий? Ответ товарищу Торезу», «Критика заявления компартии США»). Однако в целом пафос статей заключался в том, что в расколе международного коммунистического движения виновато прежде всего руководство КПСС и Советского Союза, допустившее односторонние нападки на представителей КПК и Албанской партии труда (начиная с XXII съезда). После этого между КПСС и КПК состоялся обмен открытыми письмами, в ходе которого стороны изложили свои взгляды на развитие международного коммунистического движения (Открытое письмо ЦК КПСС в адрес ЦК КПК от 30 марта и ответ ЦК КПК от 14 июня). В результате разногласия по поводу «генеральной линии международного коммунистического движения» стали достоянием международной общественности.

Демонстрируя желание преодолеть эти разногласия, стороны в июле 1963 г. провели переговоры в Москве (с китайской стороны в них участвовала делегация во главе с Дэн Сяопином). Переговоры не достигли успеха, в связи с чем советское руководство еще до их окончания опубликовало «Открытое письмо ЦК КПСС ко всем партийным организациям и всем членам партии» с изложением своей позиции. После окончания переговоров СССР подписал с США и Великобританией Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космосе и под водой, против которого резко возражала китайская сторона, считая его ущемлением своих прав на развитие

ядерных технологий и нарушением суверенитета Китая (обмен письмами по этому поводу между руководством СССР и КНР продолжался в течение года, предшествовавшего подписанию соглашения). Через шесть дней после подписания договора в Пекине было опубликовано «Заявление правительства КНР», в котором говорилось: «Политика, которую проводит правительство СССР, заключается в следующем: объединяться с силами войны, выступать против сил мира; объединяться с империализмом, выступать против социализма; объединяться с США, выступать против Китая; объединяться с реакцией всех государств, выступать против народа всех государств мира». Как форма заявления, так и его содержание недвусмысленно говорили о том, что межпартийные разногласия рассматриваются в Китае с этого момента как межгосударственные, а СССР – как враг и сил мира, и социализма, и народов всего мира. При этом силы мира, социализма олицетворяет именно Китай, твердо стоящий на защите интересов всех народов.

Впрочем, часть руководства СССР, недовольная методами Хрущева и им самим, по-прежнему продолжала рассматривать обвинения со стороны КПК и Мао Цзэдуна как направленные лично против Хрущева, а не против СССР, и объяснять их непониманием и личной неприязнью, возникшей между Мао Цзэдуном и Хрущевым из-за ошибок последнего.

Вслед за этим китайское руководство с сентября 1963 г. по июль 1964 г. опубликовало в центральной партийной печати девять статей с обвинениями в адрес советского руководства в ревизионизме, расколе и предательстве международного коммунистического движения, «фальшивом коммунизме» и т.п., назвав руководство КПСС «величайшими раскольниками нашей эпохи» и обвинив в реставрации капитализма. Советская сторона ответила публикацией своей серии статей, в которых основное острие было направлено на критику левацких ошибок руководства КПК и лично Мао Цзэдуна. В одной из статей (в марте) Китай был также обвинен в предательстве дела социализма.

Между тем в рамках концепции «промежуточных зон» КНР поддерживала отношения и с развивающимися, и даже с некоторыми развитыми странами. В частности, в январе 1964 г. благодаря тому, что президент Де Голль взял курс на самостоятельность и относительную независимость от США и НАТО, Франция установила дипломатические отношения с КНР. Это способствовало дальнейшему развитию отношений Китая со странами Африки, прежде всего с бывшими французскими колониями. Тем более что с начала 1960-х годов КНР в соответствии с выдвинутым лозунгом «борьба народов Африки – это борьба китайского народа» оказывала, несмотря на собственное трудное положение в экономике, существенную экономическую и финансовую помощь (в виде беспроцентных кредитов).

Важной вехой в развитии отношений КНР со странами Африки явилась поездка премьера Чжоу Эньлая в декабре 1963 г. – феврале 1964 г. в 14 стран, 10 из которых были африканскими (Египет, Алжир, Марокко, Тунис, Гана, Мали, Гвинея, Судан, Эфиопия и Сомали). В ходе этой поездки, в частности, во время визитов в Алжир и Марокко, Чжоу Эньлай выдвинул пять принципов

взаимоотношений КНР со странами Африки, среди которых поддержка их борьбы против империализма, колониализма и неоколониализма.

К 1965 г. КНР уже установила дипломатические отношения с 18 государствами Африки, такими как Египет, Алжир, Бурунди, ЦАР, Конго (Браззавиль), Дагомея, Гана, Гвинея, Мали, Сомали, Марокко, Мавритания, Танзания, Тунис, Уганда, Кения, Замбия и Судан. К этому времени товарооборот между Китаем и Африкой составил 246,73 млн долл. США.

Вместе с тем уже в ходе визита премьера Чжоу Эньлая в Африку он сделал ряд заявлений о наличии в этом регионе «революционной ситуации», выдержанных в духе установок Мао Цзэдуна. Эти заявления, а также конкретное участие Китая в создании в африканских странах различных ультра-левых группировок, целью которых являлась «мировая революция», привели в 1965 г. к серьезным беспорядкам в ряде стран континента. Новая поездка Чжоу Эньлая в страны Африки летом 1965 г. не позволила нормализовать ситуацию, и в 1965–1966 гг. ЦАР, Бурунди, Гана и Дагомея разорвали дипломатические контакты с КНР. Китай, в свою очередь, был вынужден закрыть свои посольства в этих странах.

Похожим образом развивалась ситуация и в странах Юго-Восточной Азии – поддержка Пекином различных коммунистических движений и установка на вооруженную и партизанскую борьбу привела к серьезным осложнениям отношений КНР с Индонезией, Малайзией, Филиппинами и др.

Тем не менее в это время были решены старые пограничные вопросы с Бирмой, Непалом, Монголией, Афганистаном, в результате которых были подписаны соответствующие договоры о границе. Был также подписан договор о границе с Пакистаном и разрешен вопрос, связанный с двойным гражданством китайских эмигрантов в Индонезии. К 1969 г. число стран, установивших дипотношения с Китаем, достигло 50.

В феврале 1964 г. в Пекине начались советско-китайские консультации по пограничным вопросам. В ходе переговоров советская делегация, руководствуясь желанием Н.С. Хрущева решить пограничный вопрос с Китаем, согласилась отступить от фактически установленной между странами предыдущими договорами линии прохождения границы на речных участках по китайскому берегу и закрепить ее по фарватеру рек (или по середине русла, если река не судоходная) в соответствии с международной практикой. Рассмотрев всю восточную линию границы, обе стороны к июлю 1964 г. согласовали ее прохождение на всем протяжении (4200 км из 4280 км), кроме островов Тарабаров и Большой Уссурийский у Хабаровска и острова Большой на р. Аргунь.

Препятствием для окончательного подписания договора являлось требование к советской стороне признать «неравноправный» характер всех договоров, заключенных в свое время между Китаем и Россией. Это признание, с подачи Мао Цзэдуна, было сделано необходимым условием достижения договоренности. Более того, в беседе с делегацией японской социалистической партии (в июле 1964 г.) Мао Цзэдун, желая надавить на советскую сторону, заявил о том, что Россия в свое время оккупировала обширные территории

к востоку от Байкала, принадлежавшие в свое время Китаю (включая Владивосток, Хабаровск, Камчатку и другие общей площадью около 1,5 млн кв. км), и о том, что Китай «еще не предъявил счет по этому реестру».

Высказывание Мао Цзэдуна, ставшее достоянием общественности благодаря публикациям в японской печати, возымело в Советском Союзе совершенно обратную реакцию той, на которую рассчитывал Мао. Позиция советской стороны стала более твердой. По мнению руководства СССР, признание всех имеющихся договоров «неравноправными» лишало бы существующую советско-китайскую границу всяческой юридической легитимности, что в ситуации наличия у Китая «реестра» претензий чревато тем, что они могут потребовать возврата всех «отторгнутых территорий». В обширной статье в партийной газете «Правда», опубликованной 2 сентября 1964 г. в ответ на заявление Мао Цзэдуна, высказанные им тезисы были подвергнуты весьма жесткому осуждению, а руководство КНР было обвинено в подготовке экспансионистских планов против Советского Союза. В советской печати была развернута кампания с осуждением высказываний Мао Цзэдуна, а 15 сентября Н.С. Хрущев в беседе с японскими парламентариями в связи с высказываниями Мао Цзэдуна сказал: «Если на нас нападут, границы свои мы будем защищать всеми имеющимися средствами. Границы Советского Союза – священные, и тот, кто посмеет их нарушить, встретит самый решительный отпор со стороны народов Советского Союза».

6 октября премьер Чжоу Эньлай в беседе с румынским коллегой изложил позицию, совпадавшую с той, которую занимала китайская делегация на переговорах ранее.

Советская делегация была отозвана в Москву.

В октябре 1964 г. в СССР произошла смена власти. Новое руководство во главе с Л.И. Брежневым и А.Н. Косыгиным сразу же попыталось наладить отношения с КПК и пригласило в СССР представителей китайской стороны. Партийно-правительственная делегация во главе с Чжоу Эньлаем прибыла в Москву в конце октября. Однако в ходе переговоров глава китайской делегации, отражая взгляды Мао Цзэдуна, фактически предъявил новому советскому руководству ультиматум, потребовав в качестве условия нормализации отношений отказа руководства КПСС от решений последних трех съездов и смены курса.

Тем не менее в отношениях двух стран наступила кратковременная оттепель, поскольку и в Москве, и в Пекине часть руководства все еще надеялась на то, что сторонам удастся договориться. Подобных взглядов придерживались, в частности, А.Н. Косыгин и Лю Шаоци.

В феврале 1965 г. А.Н. Косыгин во главе партийно-правительственной делегации СССР после визита в Ханой на пути в Пхеньян предпринял остановку в Пекине и снова встретился с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем. Китайским руководителям было еще раз предложено провести переговоры по вопросам нормализации двусторонних отношений. Однако Мао Цзэдун отказался. При чем взаимопонимания и координации действий не удалось достичь даже по вопросу об оказании совместной помощи Вьетнаму.

Дело в том, что во Вьетнаме после завершения войны 1945–1954 гг. на юге страны при поддержке со стороны Северного Вьетнама усилилось движение за воссоединение страны. С осени 1959 г. активизировалась партизанская борьба и к концу 1960 г. повстанцы освободили треть территории Южного Вьетнама. К середине 1964 г. Национальный фронт освобождения Вьетнама (образован в 1960 г.), Армия освобождения Вьетнама (создана в 1961 г.) и различные территориальные войска контролировали две трети территории страны, успешно боролись против сайгонского режима и поддерживающих его с 1962 г. американских войск. Для сохранения сайгонского режима США были вынуждены перейти к прямой военной интервенции.

5 августа 1964 г. авиация США начала обстрел территории ДРВ кораблями 7-го флота и «воздушную войну», а 7 февраля 1965 г. американская авиация предприняла первую операцию по уничтожению военных и промышленных объектов Северного Вьетнама («Пылающее копьё»). 2 марта 1965 г. начались систематические бомбардировки Северного Вьетнама, а через несколько дней в Дананге были высажен американский десант. В феврале 1968 г. войска США во Вьетнаме уже насчитывали более 500 тыс. человек и большое количество боевой техники, более трети боевого состава всей армии США. В феврале 1966 г. к США присоединились союзники по блоку СЕАТО: Южная Корея (49 тыс. человек), Таиланд (13,5 тыс.), Австралия (8 тыс.), Филиппины и Новая Зеландия.

СССР и КНР, в свою очередь, активно выступили на стороне Северного Вьетнама, оказывая ему широкую финансовую, экономическую, техническую и военную помощь. Специалисты обеих стран помогали вьетнамцам осваивать боевую технику. При этом поставлявшиеся СССР для Вьетнамской Народной армии вооружение, боеприпасы и другие материальные средства шли в основном через территорию КНР, что вызывало насущную необходимость в координации действий. Однако руководство Китая отказывалось это делать, всячески подчеркивая свою «отдельность».

* * *

Десятилетие культурной революции определяется в Китае как «период, когда верх одерживала ультралевая (левацкая) линия».

Для китайской стороны главным (с начала 1970-х годов) являются усилия Мао Цзэдуна по формированию так называемого единого фронта борьбы с советским социал-ревизионизмом. Именно поэтому данный период называется китайскими историками также *тияосянь*, *идапянь* – «одна линия, один мас-сив», или период «единого фронта».

В одном из первых документов КПК времен культурной революции, принятом в августе 1966 г., руководство Китая объявило, что «наступила новая эра в развитии мировой революции» и «борьба против советского ревизионизма и американского империализма» становится центром всей внешней политики КНР. При этом главное, находящееся на первом месте – это борьба

против «современного ревизионизма», «центром которого является руководство КПСС».

Начиная с августа 1966 г., советское посольство в Пекине стало подвергаться круглосуточной осаде с применением громкоговорящих устройств, транслировавших угрозы в адрес сотрудников посольства. Эти провокации, включая проникновение на территорию советского посольства китайских военнослужащих, продолжались вплоть до конца 1967 г. В 1966 г. СССР был вынужден отозвать своего посла, а в начале 1967 г. вывезти из Пекина всех женщин и детей сотрудников посольства и торгпредства СССР в КНР. С февраля 1967 г. сотрудникам советского посольства в китайской столице было трудно выходить на улицы города, поскольку китайские власти заявили, что они не гарантируют их безопасность. Одновременно устраивались многочисленные провокации в отношении советских граждан на улицах Пекина, на железнодорожном транспорте, против советских судов в портах КНР. Под руководством сотрудников посольства КНР в Москве на Красной площади и на территории посольства Китая прошли демонстрации китайских граждан, также сопровождавшиеся провокациями.

Сразу после начала «культурной революции» почти все послы КНР были отозваны из стран пребывания в Пекин. По мере дальнейшего развития событий у КНР возникли конфликты почти с большинством стран.

В начале марта 1969 г. произошли первые вооруженные нападения на СССР на советско-китайской границе (в районе о. Даманский, т.е. на восточном участке границы).

Войну начала китайская сторона во исполнение воли Мао Цзэдуна. Военные действия на границе с СССР планировались заблаговременно и готовились на протяжении всего 1968 г.

Одновременно вооруженный конфликт с СССР должен был активизировать процесс сближения КНР с США, принципиальное решение о котором было принято китайским руководством также в 1968 г.

Остров Даманский был удобен для засады и скрытого сосредоточения сил. Не случайно и то, что первое нападение китайских вооруженных сил на советский пограничный патруль было произведено в воскресенье, причем на Масленицу, когда руководство советских погранотрядов должно было принимать участие в праздничных мероприятиях.

Второе вооруженное нападение на советско-китайской границе (на ее западном участке) произошло в августе в районе озера Жаланашколь. Нападению был дан быстрый и решительный отпор. После этого нападения на границе были прекращены.

Инициатива в прекращении стрельбы, военных действий и в нормализации отношений вновь принадлежала советской стороне. В сентябре 1969 г. А.Н. Косыгин, находясь в Ханое на похоронах вьетнамского лидера Хо Ши Мина, предложил также находившемуся там премьеру Чжоу Эньлаю (предложение было передано через вьетнамцев) провести переговоры о нормализации отношений и урегулировании ситуации на границе. Чжоу Эньлай запросил согласие Мао Цзэдуна. Оно поступило не сразу (в КНР объясняют

это затяжкой времени с вьетнамской стороны). В результате переговоры пришлось проводить уже в Пекине, в здании столичного аэропорта, куда Косыгин прилетел из Ташкента на пути в Москву.

Переговоры в пекинском аэропорту продолжались почти 4 часа. Главным их результатом стала договоренность о прекращении военных действий на границе. Важно и то, что оба премьера договорились возобновить транзит советских грузов во Вьетнам и Лаос через КНР, прерванный по решению руководства Китая с весны 1967 г. Стороны договорились начать пограничные переговоры, а также о возвращении послов в столицы двух стран, о развитии торговли, культурного обмена, восстановлении научно-технического сотрудничества и о продолжении помощи борющимся с США Вьетнаму и Лаосу.

Начавшиеся в октябре в Пекине пограничные переговоры продолжались попеременно то в Пекине, то в Москве вплоть до 1978 г. и, несмотря на отсутствие видимых результатов, были важным каналом поддержания межгосударственных контактов.

Решение о сближении с Вашингтоном было утверждено на пленуме ЦК КПК в октябре 1968 г., который представлял собой скорее узкое совещание сторонников Мао Цзэдуна. Через месяц Китай предложил США возобновить переговоры в Варшаве и заключить соглашение на основе пяти принципов мирного сосуществования. В ответ летом во время поездки по странам Азии президент Р. Никсон заявил о том, что США «не поддерживают» советскую идею коллективной безопасности в Азии. В августе 1969 г. находившийся в Канберре (Австралия) с визитом государственный секретарь США Роджерс сказал, что Соединенные Штаты стремятся «открыть каналы связи» с Китаем. В декабре 1969 г. в послании президенту Пакистана Р. Никсон писал о своей «заинтересованности начать более серьезный диалог с китайскими лидерами». Президент Пакистана сообщил об этом в Пекин.

В 1969 г. были ослаблены ограничения на поездки американских туристов в КНР и на торговлю между обеими странами, а в ноябре 1969 г. Вашингтон объявил о прекращении патрулирования Тайваньского пролива силами 7-го флота США.

8 января 1970 г. в американском посольстве в Варшаве начались переговоры США и КНР на уровне послов, а уже в феврале Вашингтон предложил направить в Пекин личного представителя президента (Г. Киссинджера). В апреле 1970 г. государственный департамент США снял некоторые ограничения на выдачу лицензий на ряд предметов экспорта в Китай. В декабре 1970 г. Мао Цзэдун в беседе с американским журналистом Э. Сноу фактически пригласил президента США Р. Никсона посетить КНР.

В марте 1971 г. был отменен запрет на поездки американцев в Китай. 14 апреля было отменено эмбарго на торговлю с КНР. Кроме того, американское правительство приняло решение не препятствовать восстановлению прав КНР в ООН в качестве постоянного члена Совета Безопасности (при условии сохранения представительства Тайваня в Генеральной Ассамблее). 25 октября 1971 г. подавляющим числом голосов Генеральная Ассамблея восстановила

права КНР, исключив из ООН Тайвань. В 1971 г. в результате двух секретных поездок Г. Киссинджера в Пекин было достигнуто соглашение об официальном визите президента США в КНР.

В итоге переговоров Р. Никсона с Мао Цзэдуном 28 февраля 1972 г. было опубликовано так называемое Шанхайское коммюнике, в котором отмечалось согласие обеих сторон на развитие связей в области науки, техники, культуры, спорта, а также решимость поддерживать контакты по различным каналам в целях дальнейшей нормализации отношений между двумя странами. Впоследствии Г. Киссинджер заявлял, что в то время у Р. Никсона и Мао Цзэдуна тогда «был общий противник».

После установления связей между КНР и США были установлены дипломатические отношения со 110 из существовавших тогда 130 независимых государств. Это также привело к изменению отношений с США, Японией и ведущими капиталистическими странами Европы.

К концу 1976 г., последнего года «культурной революции», Китай имел дипломатические отношения со всеми развитыми капиталистическими странами, кроме США (с ними произошел обмен миссиями связи). При этом объем торговли с ними в 1976 г. в 3,2 раза превышал товарооборот с социалистическими странами. Доля СССР составляла 3,2%, тогда как, например, Японии – 28,4%, а стран ЕЭС – 16,7%.

Одной из важных вех в этом процессе был также состоявшийся в сентябре 1972 г. визит в Китай премьер-министра Японии, которая первой среди развитых капиталистических стран установила с КНР дипломатические отношения на принципе признания ею «одного Китая», разорвав официальные отношения с Тайванем. В 1975 г. Япония и КНР приступили к переговорам о заключении Договора о мире и дружбе.

Теоретическим обоснованием внешней политики КНР в начале 70-х годов стала «теория трех миров», выдвинутая Мао Цзэдуном в развитие его старой концепции «промежуточных зон» и изложенная Дэн Сяопином на заседании Генассамблеи ООН в апреле 1974 г. Дэн Сяопин, по воспоминаниям его дочери, лично принимал активное участие в подготовке выступления в ООН.

Теория «трех миров» Мао Цзэдуна, в отличие от ее западной версии, подчеркивавшей биполярность мира (капиталистические страны – социалистические страны), исходила из деления всех стран на: две сверхдержавы – СССР и США, проводящие гегемонистскую политику и стремящиеся навязать остальному миру свою волю; страны «второго мира», к которым относятся развитые капиталистические и восточноевропейские страны, так или иначе испытывающие давление со стороны той или иной сверхдержавы; развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки, ведущие борьбу за самостоятельность и независимость против гегемонизма и империализма.

Дэн Сяопин в своем выступлении заявил о том, что как капиталистический, так и социалистический блоки прекратили свое существование – один из-за внутренних противоречий, второй – по причине политики социал-империализма, проводимой Советским Союзом. В связи с чем главная задача Китая, принадлежащего к «третьему миру», состоит в том, чтобы объединить

все народы и «третьего», и «второго» миров в борьбе против гегемонизма со стороны СССР и США. При этом в отдельном абзаце, посвященном «той сверхдержаве, которая называет себя социалистической», говорилось о ее особой опасности для дела мира и ее особой агрессивности. Именно это является причиной, по которой необходимо создавать единый фронт борьбы против социал-империализма СССР, привлекая на свою сторону не только страны «второго мира», но и США.

Сближение Китая с США объяснялось совпавшими интересами двух сторон. США, увязнувшие во Вьетнаме и провозгласившие в конце 1960-х годов «азиатскую доктрину Никсона» («гуамскую доктрину»), в соответствии с которой американские войска должны прекратить участвовать в боевых действиях, а основная часть ответственности должна быть перенесена на местные власти, рассчитывали на помощь КНР в этом вопросе. Китай, который с 1969 г. стал уже окончательно рассматривать СССР как своего основного военного противника и главную угрозу собственной безопасности, рассчитывал на союз с США в борьбе с СССР. Кроме того, нормализация отношений с США позволяла решить вопросы дипломатического признания КНР и восстановления ее законного места в ООН (СССР, исходя из принципиальных позиций, также продолжал поддерживать КНР в этом вопросе). Однако главным фактором сближения являлась все же борьба против Советского Союза.

Это проявилось и в антисоветской направленности Шанхайского коммюнике, в котором было заявлено о необходимости «борьбы против гегемонизма». Как подчеркивалось в тексте этого документа, «каждая из сторон не стремится к установлению своей гегемонии в азиатско-тихоокеанском регионе; каждая из сторон выступает против усилий любой другой страны или блока государств установить такую гегемонию».

Это положение «в действительности провозгласило борьбу против советского гегемонизма стратегической основой китайско-американских отношений».

Несмотря на то, что Никсон в мае 1972 г. совершил визит в СССР (визиту также предшествовала секретная поездка в Москву Киссинджера) и провел переговоры с Л.И. Брежневым, закончившиеся подписанием соглашения о развитии отношений на основе мирного сосуществования, советское руководство продолжало рассматривать сближение Китая и США как угрозу безопасности СССР.

В январе 1973 г. правительство США подписало соглашение о прекращении войны во Вьетнаме (Парижское соглашение), которое предполагало полный вывод войск и военного персонала США и их союзников из Южного Вьетнама, демонтаж американских военных баз, взаимное возвращение военнопленных и удерживаемых иностранных гражданских лиц. В апреле 1975 г. в результате операции «Хо Ши Мин» северовьетнамские войска разгромили оставшуюся без союзников южновьетнамскую армию и овладели всем Южным Вьетнамом. Успешное завершение войны позволило в 1976 г. объединить ДРВ и РЮВ в единое государство – Социалистическую Республику Вьетнам.

Однако еще в 1973 г. в связи с подписанием Парижских соглашений КНР приняла решение сократить помощь Вьетнаму более чем вдвое (вместо запрашиваемых 8 млрд юаней Пекин согласился предоставить лишь 2,5 млрд). В дальнейшем помощь Вьетнаму была снижена еще больше. В 1975 г. ЦК КПК принял решение о снижении помощи иностранным государствам по сравнению с четвертой пятилеткой с 6,3 до 5% ВВП. Ежегодная сумма расходов на эти цели должна была сократиться с 5 млрд юаней до 2–3 млрд. При этом помощь непосредственным политическим союзникам, таким как КНДР, Вьетнам, Албания, Лаос и Камбоджа, в четвертой пятилетке (1971–1975 гг.) составлявшая 70% всей зарубежной помощи, сокращалась до 50%. Эти решения оказали свое влияние на последующие отношения КНР со странами Индокитая.

Еще одним фактором, со временем серьезно осложнившим отношения КНР с Вьетнамом, стала победа в Камбодже в апреле 1975 г. «красных кхмеров», сторонников «идей Мао Цзэдуна». Поддержанные Пекином, они практически сразу начали провоцировать военные конфликты на границе с Вьетнамом.

Помощь Советского Союза

14 февраля 1950 г. в Москве был подписан Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой.

Сотрудничество и взаимопомощь СССР и КНР означали на практике широкомасштабную экономическую и научно-техническую помощь китайской стороне во всех областях становления молодого государства. Она складывалась из нескольких основных компонентов: а) безвозмездно передаваемая собственность; б) льготные кредиты, предоставляемые на длительный срок и под низкие проценты; в) военное сотрудничество; г) создание современной индустрии и ВПК; д) научно-техническая помощь и е) помощь в области культуры, здравоохранения и других сферах общественной жизни.

Правовую базу оказания экономической и прочей помощи составили соглашения между Советским Союзом и КНР об экономическом, промышленном, научно-техническом сотрудничестве, об экономической и технической помощи, о военно-техническом сотрудничестве, кредитные договоры и разного рода конфиденциальные договоренности и т.п.

Одним из основных видов экономической помощи СССР развитию китайской экономики стала **помощь в виде льготных целевых кредитов**, а также **безвозмездная передача собственности**, расположенной на территории Китая и принадлежавшей СССР. В день подписания договора – 14 февраля 1950 г. – было заключено соглашение о предоставлении Китаю первого кредита на сумму 1200 млн руб. (300 млн долл. США). Это был самый крупный из всех кредитов, когда-либо предоставлявшихся Китаю иностранными государствами. Советское правительство давало кредит на «мягких», т.е. льготных условиях, которые не имели прецедента в мировой кредитной практике – с учетной ставкой из 1% годовых. Поскольку экспорт из КНР вследствие экономической блокады Запада не приносил валютных средств, а страна была финансово несостоятельна, то кредит и проценты по нему первоначально подлежали оплате по бартеру цветными металлами и продуктами в течение четырех лет, а затем в течение 10 лет либо поставками сырья и товаров, либо золотом или валютой.

Кредит, предоставленный СССР Китаю, был «связанным», он давался при условии, что КНР потратит его на приобретение товаров и услуг в СССР. На всю указанную сумму предусматривались поставки в течение 1950–1954 гг. советского оборудования и материалов для реконструкции и строительства электростанций, металлургических и машиностроительных заводов, угольных шахт, железнодорожного и автомобильного транспорта и других отраслей китайской экономики.

В дополнение к договору от 14 февраля 1950 г. было подписано 12 разного рода документов, которые предусматривали: а) заключение ежегодных протоколов на поставку оборудования для оснащения 50 крупных промышленных предприятий (электростанций, металлургических и машиностроительных заводов, угольных шахт, рудников), а также транспортных средств и других материалов,

необходимых для восстановления и развития народного хозяйства КНР; б) поставки Китаю Советскому Союзу вольфрама, олова, сурьмы и т.п.

СССР обязался в течение 1950–1952 гг. безвозмездно передать Китаю все права по совместному управлению КЧЖД, построенной главным образом на деньги России, включая все имущество, принадлежащее железной дороге, а также передать китайской стороне все сооружения базы в Порт-Артуре и порта Дальний.

В течение 1950 г. правительство СССР безвозмездно уступило КНР права собственности советских акционеров на имущество акционерной компании «И.Я. Чурин», приобретенное у японских собственников в Маньчжурии и Дальнем. 1 января 1955 г. КНР была передана за бартерные поставки стратегического сырья советская доля участия в других смешанных обществах, созданных в 1950–1951 гг.

Еще одним видом экономической помощи стали советские *инвестиции капитала* в создаваемые на территории Синьцзяна в 1950 г. смешанные советско-китайские акционерные общества: «Совкитметалл», «Совкит-нефть» – для разведки, добычи и переработки цветных и редких металлов, нефти, газа и сопутствующих нефтепродуктов, а также Советско-китайского общества гражданской авиации («Скога») в Маньчжурии – для организации и эксплуатации воздушных линий: а) Пекин–Чита; б) Пекин–Алма-Ата.

Большая часть февральского 1950 г. кредита предназначалась для оплаты технической помощи и поставок оборудования для предприятий, оплаты вооружения и военной техники из СССР. Однако в результате начавшейся Корейской войны кредитный план был изменен, а кредит – переоформлен. Большая часть средств пошла на военные нужды КНР. В связи с войной в Корее по просьбе китайского правительства КНР было 1 февраля 1951 г. и 9 ноября 1952 г. предоставлено еще два льготных кредита на общую сумму 2952,1 млн руб. для оснащения НОАК вооружением и современной военной техникой. В дальнейшем СССР предоставил Китаю еще девять разного рода кредитов на сумму в 6871,3 млн руб., из них на военные нужды 6288 млн, а на потребности экономики – 328,3 млн руб. Надо понимать, что подразумевались не деньги как таковые, а стоимость товаров и услуг, предоставляемых китайской стороне СССР. Все платежи Советскому Союзу китайская сторона производила поставками своих товаров и стратегического сырья. Реальные расходы на оборону несколько превышали официально опубликованные данные. Соотношение выделенных Советским Союзом средств на военные и гражданские нужды в пользу военных в определенной мере говорит о направленности интересов СССР. Условия кредитования на протяжении 1950-х годов были различными. Самые льготные кредиты были выделены на Корейскую войну. Тем не менее своевременная помощь СССР Китаю в виде кредитов была значительной, позволившей в короткие сроки модернизировать ВПК и экономику в целом. К 1964 г. КНР полностью рассчиталась с СССР по предоставленным кредитам и процентам по ним.

Военная помощь СССР Китаю на протяжении 1950-х годов была многовекторной, включавшей не только поставки вооружения и военной техники, сопутствующего материально-технического имущества, но и военное сотрудничество при ведении боевых действий, организацию регулярной армии КНР,

передачу оперативного опыта военными специалистами лучшей на то время армии, подготовку кадров для китайской армии, а также создание всех важнейших структур современного национального военно-промышленного комплекса.

Несмотря на большую численность китайской армии в 5 млн человек, наиболее существенным ее недостатком было крайне низкое техническое состояние вооружения, состоявшего в основном из трофейного оружия разных систем. Кроме того, на отдельных территориях страны в Синьцзяне, в Северо-Восточном Китае и Тибете продолжались военные действия, что ставило перед китайским правительством целый комплекс проблем. Поэтому еще летом–осенью 1949 г. китайское руководство обратилось с просьбой к СССР оказать помощь в военной сфере: создать в течение года китайские авиацию и ВМФ, а также подготовить военные кадры.

Поставки вооружения и сопутствующего имущества начались в октябре 1949 г., когда первая группа советских самолетов была доставлена в Китай. К концу года КНР получила из СССР 424 самолета различных типов. Часть военной техники, переданной в Китай, была трофейной. Помимо самолетов предусматривалась поставка 360 зенитных пушек, а также выделение автотранспорта, материально-технического имущества для ВВС и зенитных полков НОАК на сумму около 320 млн руб. (61 млн долл. США).

Военные вопросы обсуждались, как правило, на встречах китайского и советского руководства. Результатом визита Мао Цзэдуна в Москву зимой 1949–1950 гг. стала договоренность о поставках еще 586 самолетов, включая 280 истребителей, 198 бомбардировщиков и т.д. В день отъезда из Москвы, 15 февраля 1950 г., Мао Цзэдун обратился к И.В. Сталину с просьбой предоставить еще 628 самолетов. Просьба была удовлетворена. Специальный поезд возвращавшегося в Китай Мао Цзэдуна сопровождал железнодорожный состав с самолетами МИГ-15. По просьбе китайского руководства КНР были безвозмездно переданы еще 372 реактивных истребителя МИГ-15, когда в СССР только начинался перевод истребительных частей на реактивную технику. Всего к концу 1955 г. в Китае насчитывалось уже более 2000 самолетов, включая реактивные истребители МИГ-15, МИГ-17 и бомбардировщики Ил-28.

Поставки военной техники из СССР были бы бессмысленными без советских военных специалистов. Поэтому в октябре–ноябре 1949 г. из СССР была направлена группа из 90 советников, а к концу декабря в НОАК насчитывалось более 1 тыс. советских *военных инструкторов, советников и специалистов* в чине старших офицеров. КНР в то время не располагала достаточным количеством профессиональных летных кадров. В 1950 г. для обслуживания советских самолетов и обучения летного состава китайских ВВС в Китай вместе с самолетами прибыла большая группа советских летчиков и механиков. Часть из военных специалистов направлялась на обследование состояния, восстановление и реконструкцию «номерных» оборонных предприятий в Маньчжурии, автосборочные заводы в Аньдуне, Цзилине, Чанчуне, танкостроительные и танкосборочные заводы в Муданьцзяне, Шэньяне, Гунчжулине.

Помимо поставок вооружения Советский Союз *участвовал в военных действиях*, проводимых КНР. Советский Союз не собирался участвовать в военных

действиях на территории Китая, однако предоставил 45 своих самолетов для переброски в сентябре 1949 г. в Синьцзян частей НОАК, что обеспечило закрепление там власти коммунистов.

Для организации противовоздушной обороны китайских городов Шанхай, Нинбо, Нанкин, Сюйчжоу от налетов гоминьдановских ВВС и мест дислокации подразделений НОАК, согласно февральскому 1950 г. постановлению Совмина СССР, была создана группа советских войск ПВО под командованием генерал-лейтенанта *П.Ф. Батицкого*. Советский истребительный полк перелетел с Ляодунского полуострова через залив Бохай на самолетах «Ла-11» на Шаньдун. Летчиков одели в китайскую форму и выдали китайские удостоверения личности. Советская авиация и войска ПВО вели круглосуточное дежурство по защите городов Китая, в результате чего налеты гоминьдановских ВВС прекратились.

Вступление КНР 19 октября 1950 г. в войну на стороне Северной Кореи стало серьезным испытанием для НОАК. По договоренности с китайским руководством с середины октября 1950 г. из СССР в г. Аньдун (Даньдун) на границе с Кореей был переброшен советский истребительный полк, где его ждал эшелон с новыми советским МИГами. Полк вошел в состав 64-го китайского авиационного корпуса. Затем ему на смену прилетела добровольческая советская истребительная дивизия под командованием *И.Н. Кожедуба*, а в марте 1951 г. СССР перебазировал на китайские аэродромы вблизи корейской границы в район Аньдуна советский истребительный авиакорпус. Прикрывали аэродромы 5 советских зенитных полков. В течение всей Корейской войны на стороне Кореи и Китая приняли участие поочередно 12 дивизий ВВС СССР. Участие в сражениях принимали крупные советские военачальники – генералы авиации *С.А. Красовский*, *И.Н. Кожедуб*, *С.Д. Прутков* и др. Главным советником был генерал армии *М.В. Захаров*. Всего в ходе Корейской войны советскими летчиками было сбито 1097 самолетов противника, из них зенитчиками – 212 самолетов. Потери советской авиации составили 335 самолетов и 120 летчиков.

В составе НОАК находились не только летчики, но и многочисленные группы советских добровольцев: моряков, танкистов, артиллеристов. Общие потери советских воинских частей в Корейской войне составили 299 человек. Советские войска воевали до лета 1952 г. По окончании военных действий вся техника и имущество группы советских войск, т.е. 118 самолетов, 73 проекторных и 13 радиотехнических станций, 116 радиостанций, 31 радиоприемник, 436 единиц автотранспорта в соответствии с решением Совмина СССР подлежали передаче китайской армии.

Советский Союз оказал большую помощь молодой китайской республике *в военном строительстве*. После Корейской войны при содействии советских военно-технических и командных кадров, направленных в КНР, было сформировано 10 китайских летных дивизий истребителей и 60 мотомеханизированных сухопутных дивизий, составивших основу переформированных вооруженных сил КНР. Под руководством советских военных советников была проведена коренная перестройка всей организационной структуры НОАК,

обучен ее личный состав. В короткие сроки в стране были реорганизованы сухопутные войска, созданы ВВС, ВМС, войска ПВО, артиллерийские, танковые, инженерные и железнодорожные войска, войска связи и противохимической защиты. Благодаря этому НОАК превратилась в регулярную армию, оснащенную современным оружием и боевой техникой.

Корейская война показала, в какой степени КНР зависела от Советского Союза в поставках вооружения. С середины 1951 г. Китай с помощью Советского Союза приступил к созданию основ современной оборонной промышленности, собственного ВПК, который должен был стать основой могущества и независимости страны. Обе страны заключили в этой области ряд соглашений, не упоминавшихся ни в одном из официальных сообщений.

С помощью Советского Союза началось восстановление оборонных предприятий в Маньчжурии, демонтированных после окончания Второй мировой войны по решению стран-победительниц. В конце 1950 г. на базе 47 маньчжурских предприятий реконструировались и переоборудовались авиационные и приборостроительные заводы в Харбине, Шэньяне, Наньчане, Ханькоу и др. Строились новые авиационные заводы полного цикла в Аньдуне, Цзилине, Чанчуне, танкостроительные и танкосборочные заводы в Муданьцзяне, Мукдене, Гунчжулине.

По межправительственному соглашению от 30 октября 1951 г. Советский Союз приступил к организации авиаремонтных заводов на базе существующих 16 авиационных предприятий для ремонта самолетов и моторов и для изготовления авиаприборов и деталей. В Китай была командирована группа инженеров, мастеров и высококвалифицированных рабочих Министерства авиационной промышленности СССР для проектирования авиаремонтных заводов и около 120 специалистов и высококвалифицированных рабочих — для налаживания работы на этих предприятиях. По линии Министерства обороны СССР в Китай были направлены две подвижные авиаремонтные мастерские с общим штатом в 378 человек.

В плане первой пятилетки (1953–1957) одной из основных задач КНР было *«ускоренное создание тяжелой, главным образом современной оборонной промышленности»*. В эти годы с помощью СССР началось проектирование 15 новых оборонных заводов и 8 цехов. По дополнительным просьбам китайского правительства 31 января 1954 г. список оборонных предприятий, предусмотренных прежним майским 1953 г. соглашением, был пересмотрен в сторону увеличения до 35. Планировалось построить 15 авиационных предприятий по выпуску самолетов, двигателей, топливных агрегатов к ним и т.д., 10 радиотехнических предприятий для выпуска радиоаппаратуры и приборов для всех видов вооружения, а также пять заводов по выпуску артиллерийского вооружения и боеприпасов.

С помощью СССР были построены четыре авиаремонтных завода, в том числе два завода по ремонту реактивных самолетов и реактивных авиационных двигателей, два завода реактивных самолетов МИГ-17Ф и учебных самолетов ЯК-18, заводы реактивных авиационных двигателей ВК-1Ф, авиационных моторов М-11фр, самолетных агрегатов, самолетной радиолокационной

аппаратуры, авиационных пушек Н-37Д, агрегатов для авиационных двигателей, самолетного электрооборудования, авиационных приборов и шасси. К лету 1960 г. в КНР четыре завода, введенные в строй с помощью СССР, выпускали радиотехническую и оптическую военную продукцию: оптические прицелы, радиодетали общего применения, сложные приемные устройства и радиолокаторы.

Производство общевойсковых систем вооружения и боеприпасов осуществляли пять заводов, построенных при участии Советского Союза, четыре из которых выпускали танковые дизельные двигатели, стальные корпуса осколочных и бронебойных зарядов и один завод – станции орудийной наводки для зенитной артиллерии. К середине 1960 г. из 86 оборонных предприятий полностью или частично было введено в строй 36 предприятий. Причем из 24 оборонных предприятий, полностью введенных в эксплуатацию, 15 заводов производили общую и специальную авиационную технику. В отдельных цехах гражданских производств был налажен выпуск артиллерийского и стрелкового вооружения, пороха, снарядов, мин и патронов.

Приоритетность оборонного строительства была наиболее ярко выражена в период между 1950 и 1958 гг., когда половина строящихся с помощью Советского Союза предприятий была военного назначения.

Со второй половины 1950-х годов при помощи СССР китайское правительство, в значительной степени удовлетворившее потребности сухопутных войск в вооружении, приняло решение об ускоренном развитии базовой науки и технологий. Теперь приоритеты в развитии военных отраслей промышленности стали определяться в самом Китае. В 1955 г. СССР передал Китаю лицензию на производство истребителя МИГ-15. С советской помощью были построены и оснащены цеха для серийной сборки самолетов этого типа, получивших китайское обозначение «Цзянь-2». Одновременно удалось наладить массовое производство реактивных двигателей РД-45 конструктора В.Я. Климova.

СССР оказал КНР значительную поддержку в *модернизации вооружения* китайской армии, согласившись оказать помощь КНР в строительстве и в налаживании производства новых типов военной техники советского образца, в том числе самолетов МИГ-17, зенитных установок КС-18 с радиолокатором «Гром-2» и «Пуазо-6», новых танковых дизельных двигателей, 85-мм дивизионных пушек и др. на уже действующих заводах Китая.

Следует отметить, что смерть И.В. Сталина стала своего рода вехой в советско-китайских отношениях. При его жизни советская помощь Китаю была строго регламентирована, и СССР не собирался посвящать Китай в разработки секретных областей науки. С приходом к власти Н.С. Хрущева масштабы и характер помощи существенно изменились. Помощь хлынула в Китай большим и зачастую не контролируемым потоком. В тот период между Мао Цзэдуном и Н.С. Хрущевым была достигнута договоренность о дополнительном, к 30 уже проектируемым в Советском Союзе оборонным заводам, проектировании 74 предприятий. Договорились и об организации в Китае НИИ ракетостроения и Института по исследованиям особенностей применения

вооружения в субтропическом поясе (Хайнань). Эти предприятия предполагалось построить в максимально короткие сроки силами проектных организаций Советского Союза.

Китайское руководство стремилось к большей экономической и политической независимости, причем за счет помощи со стороны СССР. Свидетельством этому стали результаты неофициальной встречи в 1958 г. в Пекине Н. С. Хрущева и Мао Цзэдуна, на которой китайская сторона отклонила предложение СССР о создании совместной подводной флотилии у берегов Китая и строительстве радиотрансмиссионного центра, способного обеспечить связь с советским военным флотом в Тихом океане. Со стороны КНР поступило пожелание о поставках Китаю советских атомных подводных лодок. Следует отметить, что к этому времени во взаимоотношениях между двумя странами наметились явные расхождения, связанные с различным подходом обеих сторон к вопросам укрепления военных связей и военного сотрудничества. Парадоксальное стремление руководителей КНР возможно в более короткие сроки освободиться от зависимости от СССР нашло отражение в сотрудничестве двух стран в области таких приоритетных направлений, как *ракетостроение и атомная энергия*. С просьбой организовать производство стратегических ракет и построить заводы по производству атомного сырья, а также передать секреты атомной бомбы китайское руководство обратилось к СССР. Во время встречи на высшем уровне в конце сентября – начале октября 1954 г. Н.С. Хрущев отклонил просьбы Мао Цзэдуна передать Китаю технологии ядерного оружия и наладить в КНР его производство.

Прорыв в сотрудничестве Советского Союза с Китаем в области ядерного вооружения произошел в 1957–1958 гг., когда СССР и КНР подписали два «атомных соглашения» о передаче военных технологий для производства атомного и ракетного оружия.

Советский Союз согласился предоставить КНР модели атомной бомбы, технологии ее изготовления, техническую документацию, а также сырье.

Договоренность была достигнута: СССР дал согласие помочь КНР осуществить китайский «атомный проект».

В 1957–1958 гг. в Китай приехали опытные специалисты из закрытого Министерства среднего машиностроения, чтобы помочь Китаю создать собственное супероружие, – *Е.А. Негин, Е.А. Воробьев, А.И. Алиханов, А.П. Виноградов, Д.И. Блохинцев* и другие 340 человек. Всего к работе по атомному проекту были привлечены 640 советских ученых-атомщиков. Одновременно прибыли 95 специалистов для помощи в освоении ракетной техники. Министерство обороны СССР и военные специалисты СССР разработали программу *противоатомной защиты НОАК*.

С помощью советских специалистов было выбрано место для ядерного полигона в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (Лобнор), утверждены места для строительства завода по производству ядерного топлива в Баотоу, комбината по обогащению урана в Ланьчжоу, объединенного ядерного производства в Чжуване. Начал работать урановый горный комбинат в Хэнъяне и т.д. Одновременно с сооружением исследовательского реактора с помощью

СССР строились реакторы для производства плутония и химические цеха для его выделения. Советский Союз предоставил Китаю самые современные проекты, которые в Советском Союзе только реализовывались. Так из СССР были получены чертежи на промышленный реактор и часть оборудования для него. Подобный реактор был запущен на советском предприятии по производству плутония лишь двумя годами раньше. Среди заводов, частично введенных в строй, имелись два диффузных завода по обогащению урана, а два других занимались производством ядерных и термоядерных боеприпасов.

Москва предоставила КНР не только секреты супероружия, но и средства доставки ядерных зарядов. В 1957 г. в Китай прибыли два состава с ракетами Р-2 ближнего радиуса действия типа «земля–земля» и наземное оборудование для их запуска, а в ноябре 1958 г. были доставлены четыре советские ракетные установки класса «земля–воздух». Одновременно прибыли специалисты для помощи в освоении ракет. В Китай ушли новейшие образцы самонаводящихся крылатых ракет катерной и береговой обороны. Стоит заметить, что КНР были переданы не только ядерные технологии, но и средства доставки ядерных зарядов. По достигнутой договоренности производство ракет Р-12, способных доставлять ядерные боеголовки, в обеих странах предполагалось начать практически одновременно.

В 1958–1960 гг. Пекином был сделан акцент на приглашение и использование специалистов в области новейшей военной техники. Соответственно пожеланиям китайской стороны в 1959 г. в КНР командировались высококвалифицированные специалисты по производству радиолокационной аппаратуры.

20 июня 1959 г. в письме ЦК КПСС, адресованном ЦК КПК, говорилось о том, что передача технологии и прототипа атомной бомбы не может состояться ввиду Женевских переговоров с Западом о частичном запрещении ядерных испытаний.

Тем не менее, по оценкам специалистов, к началу 1960 г. основа атомной промышленности и вооружения Китая при мощной поддержке СССР, на базе советских проектов и главным образом руками советских технических специалистов была готова на 80%. Помощь СССР в атомной области позволила КНР по меньшей мере на 10–15 лет ускорить создание ядерного оружия, которое было впервые испытано в октябре 1964 г.

С учетом всех соглашений, заключенных между 1950 и 1960 гг., 86 предприятий, т.е. треть из общего количества промышленных предприятий, построенных в Китае при техническом содействии СССР, имели сугубо оборонный характер. Данные о работе и количестве советских военных специалистов проходили по ведомству Министерства обороны СССР, поэтому сложно поддаются учету. Судить об их численности можно, исходя из расходов на предоставленную СССР техническую помощь.

Создание военно-промышленного комплекса КНР требовало соответствующего уровня развития экономической базы и прежде всего *тяжелого машиностроения, металлургии, энергетики и инфраструктуры*. КНР обратилась с просьбой к советскому руководству помочь китайскому правительству

составить план создания в стране в ближайшие 5–10 лет производственных мощностей современной индустрии. В основу закладки экономической базы КНР был положен советский опыт экономического планирования ускоренной индустриализации страны при преимущественном развитии тяжелой промышленности.

Сотрудничество СССР с КНР в этой области началось согласно протоколам и контрактам 1950–1952 гг. о восстановлении, строительстве, модернизации и оснащении советским оборудованием более чем 50 крупных промышленных объектов. Из-за Корейской войны к осуществлению этого плана китайское правительство в полной мере приступило в 1952–1953 гг.

Советский Союз осуществлял поставки оборудования, предназначавшегося прежде всего для *металлургической отрасли* (металлургических комбинатов и объектов цветной металлургии, ферросплавов, спецсталей) и *машиностроения* (станко- и котлостроительных, приборостроительных заводов). Еще одним важным направлением советской помощи стали те отрасли китайской экономики, без которых невозможно создать тяжелую индустрию – предприятия энергетики, угледобычи, автотранспорта и инфраструктуры.

В результате договоренностей в августе–ноябре 1952 г. СССР принял на себя обязательства по строительству 15 промышленных объектов и сроках поставок для них советского оборудования; также были согласованы проекты строительства электродного, радиолампового заводов и завода измерительных приборов.

Советское оборудование стало поступать на семь заводов КНР: металлургический в Бэньсиху, ферросплавов, спецсталей, станкостроительный, котлостроительный, по производству различных металлических сеток, по обработке алюминиевых сплавов, химического в Тайюане и на два целлюлозно-бумажных комбината. Начала осуществляться обширная программа по созданию *автомобильной промышленности* в Китае. На основе советского четырехтонного грузовика ЗИС-150 в КНР приступили к строительству 1-го автомобильного завода в Чанчуне (Цилинь). В течение 1952 г. также планировалось произвести геологические изыскания металлических и минеральных руд, выбрать автотрассы и определить сроки восстановления железных дорог. Предусматривалось оказание помощи в строительстве электростанций в Цицикаре, Сиане, Чунцине, Чжэнчжоу и создание электросети северо-востока Китая.

Весьма ощутимы для экономики Китая были объемы советских поставок *оборудования для угольных шахт* «Дуяшань», «Синьянтай», «Центральная» и угольного карьера «Хайчжоу», составлявших в то время треть советского экспорта в Китай, поскольку более половины добываемого в это время угля использовалось для нужд промышленности.

В 1950–1952 гг. Советский Союз оказывал Китаю помощь *в сельском хозяйстве*. С советским участием был разработан *план ирригационного строительства* на реках Хуайхэ и Хуанхэ и создания более 10 крупных *государственных животноводческих ферм*. Самые первые *поставки семенного фонда* для сельского хозяйства относятся к ноябрю 1950 г. Содействие

Советского Союза в строительстве объектов *лесной, бумажной, пищевой отраслях, в здравоохранении* и производстве *строительных материалов* в этот период ограничивалась лишь несколькими предприятиями. Их строительство осуществлялось, как правило, на основании отдельных просьб китайского руководства.

К концу 1952 г. при содействии СССР в целом завершилось восстановление экономики КНР. Начали работу *Аньшаньский металлургический комбинат, гидроэлектростанция «Фэнман», тепловые электростанции в Бэньсичу, Тайюане, Сиане, Чунцине, Чанчжоу, тепловая электростанция «Фусинь», Харбинский льнопрядильно-ткацкий комбинат, авторемонтный завод в Урумчи*. Были введены в строй мощности по производству электроэнергии на 222 тыс. кВт/час. Увеличилась добыча каменного угля на 15 637 тыс. т. Производство стали возросло на 764 тыс. т, а проката на 336 тыс. т. Валовая продукция промышленности увеличилась на 178,6%, а сельского хозяйства – на 48,5%. В 1952 г. государственные предприятия давали уже 41,5% общей стоимости валовой продукции всей промышленности КНР.

Советский Союз стал во многих отношениях источником для реализации первого пятилетнего плана развития народного хозяйства КНР на 1953–1957 гг. Для обеспечения плана первой китайской пятилетки прежние разрозненные соглашения были признаны недостаточными. Весной 1953 г. в Москве были подписаны соглашения об оказании Советским Союзом помощи КНР в расширении действующих и строительстве еще 15 промышленных предприятий и увеличении объема поставок предусмотренного ранее оборудования для 141 предприятия. Таким образом, речь шла о строительстве в общей сложности 156 промышленных объектов: 10 металлургических предприятий (два черной и восемь цветной), восемь угольных шахт и комбинатов, одного нефтеперегонного, 32 машиностроительных, 16 металлообрабатывающих, электромашиностроительных, семь химических заводов и 10 тепловых электростанций. Ввод в эксплуатацию этих объектов намечался на 1959 г. Общая стоимость советского оборудования, подлежащего поставке в период первой пятилетки, ориентировочно оценивалось в 3–3,5 млрд руб.

Договоренности предусматривали продолжение развития инфраструктуры экономики Китая: завершение в 1955 г. строительства *железной дороги Цзинин–Улан-Батор, строительство железной дороги Ланьчжоу – Урумчи – Алма-Ата и одноклейной железной дороги Актогай–Алашак* (Джунгарские ворота), а также китайской части дороги до Урумчи. При этом СССР согласился оказать всестороннюю техническую помощь при сооружении этого участка дороги. Соглашениями предусматривалось строительство новых *автодорог и мостов, в частности моста через р. Янцзы в районе Ханькоу*.

С 1954 г. увеличились поставки для строительства новых шахт и угольных комбинатов, а также новых электростанций в других районах, что было связано со строительством там промышленных предприятий. С помощью СССР проводились проектно-изыскательские работы и экспертизы по решению комплексного использования водных и энергетических ресурсов страны. Содействие Советского Союза не ограничивалось лишь теми промышленны-

ми объектами, о которых имелись договорные обязательства. На практике сотрудничество охватывало все отрасли народного хозяйства КНР, включая налаживание работ на всех предприятиях черной и цветной металлургии, машиностроения, энергетики, судостроения, сельскохозяйственных машин, производство геологоразведочных работ и фотосъемок лесных массивов и определения лесных запасов и т.д.

Советский Союз активно помогал КНР создавать *авиационную промышленность*. Первым самолетом, выпущенным авиапромом КНР, стал *ЯК-18*, лицензию на который, а также на двигатель к нему *М-11Ф* были безвозмездно переданы Китаю Советским Союзом.

Экономическое строительство в годы первой пятилетки в КНР осуществлялось весьма успешно. В эти годы Китай был уже в состоянии частично или полностью собственными силами спроектировать, оснастить своим оборудованием и сдать в эксплуатацию 413 крупных и средних промышленных объектов. Всего к концу первой пятилетки в Китае введено в эксплуатацию более 700 средних и крупных промышленных предприятий, строилось 825 крупных промышленных объектов, ядром которых стали 156 предприятий (по уточненным данным 154), построенных СССР. Фактически введено было 150 предприятий.

К 1958 г. с помощью СССР удалось реконструировать, модернизировать и построить 20 металлургических заводов, создать металлургическую базу на северо-востоке и севере Китая и начать строительство двух новых центров металлургии (Ухань и Баотоу); семи химических предприятий (Цзилинь, Тайюань, Ланьчжоу); 24 крупнейших предприятий машиностроения (Шэньян, Пекин, Фулаэрди и др.); 52 энергетических предприятия, включая 19 реконструированных и шесть построенных гидро- и теплоэлектростанций. Всего за один год была построена Фусиньская ТЭС. Удалось решить сложные задачи по строительству плотин и водохранилищ на р. Хуайхэ, Янцзы, Сунгари.

Вновь созданные промышленные районы, располагаясь на северо-востоке, западе и в центральной части Китая, создавали новую равномерную структуру экономики, в отличие от старого Китая, где промышленность была сосредоточена в основном на восточном побережье. Советский Союз помог быстро *восстановить Пекин-Ханькоускую и Гуанчжоу-Ханькоускую железные дороги, построить новые ветки Чэнду–Чунцин, Тяньшуй–Чэнду, Тяньшуй–Ланьчжоу* и др. Сооружение в рекордно короткие сроки железной дороги от *Чунцина до Ланьчжоу* позволило соединить юго-запад и северо-запад Китая с центральными областями страны.

При участии СССР была модернизирована и расширена *горнодобывающая промышленность*, созданы центры *турбостроения (Харбин, Чэнду, Дзян), котлостроения (Харбин, Дзян), тракторостроения (Лоян), нефтеперерабатывающие заводы (Ланьчжоу), заводы приборостроения, радиостроения* и др. Флагманом китайского автомобилестроения стал *Чанчуньский автозавод*, который в июле 1956 г. выпустил первую партию *грузовиков СА10 («Цзефан»)*. 80% комплектного оборудования для этого завода поставил Советский Союз. Знаковой особенностью советских поставок

в Китай явилось пятикратное увеличение комплектного оборудования, поставляемого для полного оснащения вновь строящихся или реконструируемых предприятий.

Заметны были успехи КНР по широкому освоению производства некоторых видов машин и оборудования по советским образцам (самолетов, тракторов, механических лопат для добычи угля открытым способом, угольных комбайнов советского типа «Донбасс», механических погрузчиков, перфораторов и других видов горного оборудования, новейших текстильных машин и др.). Китай не только перестал ввозить текстильное оборудование, но и сам начал экспортировать его в страны Юго-Восточной Азии и Египет. КНР смогла обеспечивать в значительной мере текущие неотложные нужды во многих видах продукции за счет внутреннего производства. Стоимость ВВП КНР увеличилась более чем в 2 раза, а промышленное производство возросло на 141%. При этом производство основных видов промышленной продукции по добыче угля, нефти, по производству чугуна, по выплавке стали увеличилось многократно. Национальный доход КНР в 1957 г. по сравнению с 1949 г. возрос в 2,6 раза.

Таким образом, в течение первой пятилетки в Китае возникли новые отрасли промышленности, составившие основу многогранной современной промышленно-технической базы КНР. Экономика развивалась гигантскими темпами. По типовым советским проектам Китай мог создавать новые промышленные предприятия, оснащая их уже собственной продукцией, произведенной по советским образцам.

Одной из основных задач второй пятилетки в КНР (1957–1962 гг.) было обеспечение промышленности новейшей высококачественной техникой, а в ряде отраслей промышленного производства намечалось выйти на уровень современной мировой науки и техники. В соответствии с этим правительство КНР попросило СССР «оказать... всестороннюю и ускоренную большую помощь» в строительстве 17 объектов металлургической промышленности, в частности заводов специальных сталей (Ланьчжоу), ферросплавов (Шэньси), комбинатов редких и редкоземельных элементов (Синьцзян) и др. Правительство КНР просило поставить оборудование для строительства 18 шахт и углеобогачительных фабрик, 15 электростанций (в том числе при заводах), двух нефтеперерабатывающих заводов для разработки трех нефтяных и газовых месторождений, 67 металлургических, химических, машиностроительных заводов и семи радиотелевизионным предприятиям, а также для строительства и электрификации железнодорожной линии и т.д.

По двум дополнительным соглашениям 1958–1959 гг. СССР взял на себя новые обязательства: оказать техническую помощь в строительстве и расширении 47 промышленных предприятий и электростанций и содействовать в строительстве еще 78 крупных предприятий металлургической, химической, нефтяной, машиностроительной, электроэнергетической, радиотехнической, приборостроительной, самолетостроительной и другой промышленности. Большую часть предприятий намечалось сдать в эксплуатацию в 1962–1967 гг. К середине 1960 г. общая стоимость поставок советского

комплектного оборудования и технической помощи по соглашениям 1953–1959 гг. должна была составить около 3,5 млрд руб. Общая стоимость поставок советского оборудования, проектных работ и других видов технической помощи планировалась на сумму около 5 млрд руб.

В итоге помощи СССР к 1960 г. крупные металлургические предприятия, реконструируемые или строящиеся при содействии СССР – *Аньшаньский, Уханьский и Баотоуский комбинаты, Тайюаньский и Цицикарский заводы по производству стали, заводы метизов в Чжанье, ферросплавов в Цзилине, стальных канатов в Сянтане* – могли обеспечить металлом потребности индустрии КНР. Предприятия черной металлургии, построенные к 1960 г. с помощью Советского Союза, обеспечивали ежегодно выпуск 8,5–9 млн т чугуна, 7–7,5 млн т стали и 5–6,5 млн т проката. В связи с пуском в КНР новых крупных предприятий черной металлургии ее потребности в отдельных видах проката и труб стали в большой степени удовлетворяться за счет внутреннего производства.

При содействии СССР строились заново, расширялись и реконструировались 28 предприятий *цветной и редкой металлургии*, в том числе по добыче и производству олова, вольфрама: *рудники (Тацзишань, Гуйшань, Сихуашань), молибдена, алюминия (Харбин, Фушунь, Гуйян, Сянсянь), ртути, ванадия, никеля и других металлов*. При советской помощи строились заводы *редких металлов и сплавов (Чанша, Хунчунь), молибденовый комбинат (Янцзячжанцзы), завод по обработке цветных металлов (Лоян), комбинат цветных металлов (Байиньчан), никелевый комбинат (Маоцзян) и др.* Расширялся и реконструировался самый крупный в КНР оловянный центр – комбинат *Гэцзю (Юньнань)*.

С советской помощью создавались четыре мощных комбината *по переработке нефти (Ланьчжоу, Синьцзян), общей мощностью 7–8 млн т сырой нефти в год, и сланцев (Фушунь, Маомин)*. Несмотря на убыточность для советской стороны, экспорт нефти и нефтепродуктов из СССР неуклонно возрастал и по стоимости занимал второе место в общей стоимости советских поставок в Китай. Советский Союз оказывал помощь в создании предприятий *по производству азотных удобрений (Ланьчжоу, Цзилинь, Тайюань) с общей годовой мощностью около 500 тыс. т, фосфатных удобрений (Куньян), синтетического каучука – около 100 тыс. т (Ланьчжоу), а также метанола, карбида кальция, цианистого кальция, крепкой азотной кислоты, серной кислоты, углекислоты, сернистого ангидрида, красителей, различных медикаментов и др. химикалий*.

Особенно значительной была советская помощь в сфере машиностроения: *к началу 1960 г. было закончено строительство 28 крупнейших машиностроительных заводов и восемь предприятий находились в процессе сооружения. К концу 1959 г. было организовано производство паровых турбин мощностью до 50 тыс. кВт и гидротурбин от 7,5 тыс. до 72,5 тыс. кВт, паровых котлов производительностью 100, 210 и 410 т пара в час, генераторов до 50 тыс. кВт, а также большой гаммы универсальных станков, различных типов молотов, блюмингов, глубинных буровых установок и т.п.*

Вновь построенные и реконструированные заводы стали выпускать оборудование для металлургической, химической, горнорудной, электроэнергетической, станко-, паровозо- и вагоностроительной и других отраслей промышленности.

Увеличение темпов промышленного строительства КНР требовало быстрого и значительного развития *электроэнергетики* и сырья для нее. С помощью СССР строились и реконструировались 26 крупнейших шахт. К началу 1960 г. было построено 33 электростанции (*Пекин, Шанхай, Цзилинь, Ланьчжоу, Фушунь, Ухань, Фусинь, Тайюань, Сиань, Лоян, Чэнду, Урумчи и др.*) общей мощностью около 4 млн кВт. В процессе возведения, реконструкции или проектирования находились 11 электростанций. Продолжались поставки комплектного оборудования для крупных гидростанций. В середине 1958 г. китайская сторона обратилась с просьбой увеличить продажу энергетического оборудования для мелких и средних электростанций.

Сотрудничество СССР и КНР в области *мирного атома* началось в 1955–1956 гг., когда между СССР и КНР было подписано несколько соглашений: о ведении совместного поиска урановых руд; о помощи СССР Китаю в исследованиях в области ядерной физики и использования атомной энергии в мирных целях. Соглашения предполагали оказание помощи КНР в подготовке специалистов-атомщиков и создание научно-экспериментальных баз для развития исследований в области ядерной физики. В 1955 г. в Китай были командированы советские физики-ядерщики для разработки плана развития *атомной промышленности*. Советские организации выполнили проектные работы по намеченным атомным объектам и командировали специалистов для помощи в строительстве, а также для монтажа, наладки и пуска атомного котла и циклотрона. В 1956 г. в Китай были направлены специалисты как для руководства исследовательской работой в восьми лабораториях радиоактивных изотопов, так и для наладки поставленного из СССР оборудования. 17 специалистов, командированных в КНР в конце 1956 г., участвовали в разработке нового 12-летнего плана развития страны *в области использования атомной энергии*. В 1957 г. в Китай прибыли 111 специалистов Главного управления по использованию атомной энергии.

Экспериментальный атомный котел на тяжелой воде и циклотрон для КНР проектировались в Советском Союзе, а также изготавливалось и поставлялось для наладки и монтажа комплектное оборудование для этих объектов, расщепляющиеся и другие материалы. Атомный реактор мощностью 7–19 тыс. кВт 28 сентября 1958 г. был сдан в эксплуатацию, а затем – циклотрон на 25 млн электрон-вольт и более 10 различных типов других ускорителей.

В 1958 г. китайский авиапром получил лицензии на производство двух современных *авиадвигателей воздушного охлаждения АИ-14 и АИ-62ИР* разработки советских конструкторов *А.Г. Ивченко и А.Д. Швецова* для самолетов *Як-12 и Ан-2*. Эти самолеты долгое время выпускались в Китае большими партиями, а Ан-2 широко применялся для грузопассажирских перевозок. К 1959 г. авиапромом КНР на основе советского образца был налажен *серийный выпуск вертолетов МИ-4 с двигателями А.Д. Швецова АИ-82В*.

На праздновании 10-летия КНР в 1959 г в Пекине Н.С. Хрущев предложил подарить Китаю оборудование и технику для организации *зернового совхоза* на целине площадью в 20 тыс. га: 100 тракторов, 100 зерновых комбайнов, 54 грузовые автомашины, 9 легковых, 128 тракторных плугов, 120 сеялок, станки, электростанцию, радиостанцию и т.д.

В общей сложности в 1950–1959 гг. при техническом содействии СССР в Китае было *построено, восстановлено или реконструировано более 300* (по другим сведениям 400) крупных промышленных объектов. Оснащены новейшим промышленным оборудованием 12 металлургических комбинатов, 28 комбинатов и заводов цветной металлургии, четыре завода нефтяной и сланцевоперерабатывающей промышленности, 26 угольных шахт и сланцевых карьеров, четыре завода химических удобрений, завод по производству синтетического каучука, семь заводов тяжелого машиностроения (металлургического, горного, химического и нефтеперерабатывающего оборудования) и пять – энергетического оборудования (паровых, газовых и гидравлических турбин, генераторов), два котлостроительных, два подшипниковых, три автомобильных и тракторных заводов, 44 тепловых и гидроэлектростанций, 97 заводов по производству приборов, радиоаппаратуры, электронно-вычислительных машин, самолетов, оборонной техники, научно-исследовательских институтов и других предприятий – всего на более чем 2 млрд руб. Орган ЦК КПК «Жэньминь жибао» в феврале 1959 г. писал: «Помощь Советского Союза экономическому строительству нашей страны как в количественном отношении, так и по своим масштабам не имеет прецедента в истории».

Одним из самых значительных видов советской помощи КНР стала *передача китайской стороне технической и технологической документации*. Китай не имел возможности покупать лицензии на мировом рынке, тем более что промышленность сразу была сориентирована на советское оборудование. Поэтому естественным путем началось заимствование советских технологий. Советский Союз уже в 1949 г. предоставил китайской стороне чертежи конструкций, описания технологических процессов и совершенно секретную документацию по самолетам и авиадвигателям для ремонта самолетов и авиааппаратуры. В январе 1951 г. Совмин СССР секретным постановлением передал Китаю документацию по самолетам и авиадвигателям с заводов Министерства авиационной промышленности.

Хотя Китай не входил в СЭВ, на него распространялись все льготы по безвозмездной передаче научно-технической документации. Китайская сторона оплачивала лишь расходы, связанные с изготовлением копий материалов. Львиная доля научно-технической документации была передана советской стороной безвозмездно. Техническая документация безвозмездно передавалась на основе типовых контрактов по отдельным запросам правительства или соответствующих организаций КНР через советский «Техноэкспорт», а затем через ГУЭС и ГКЭС. Отдельным пунктом положение о передаче КНР технической документации впервые было включено в соглашение от 15 мая 1953 г. В дальнейшем Советский Союз передал Китаю лицензии на производство машин, оборудования и различных видов изделий, проекты для капи-

тального строительства, чертежи на доставляемые из СССР машины и оборудование с описанием технологических процессов для 156 строившихся в те годы с помощью Советского Союза объектов.

В 1950–1953 гг. СССР безвозмездно передал КНР 599 комплектов научно-технической документации по капитальному строительству, чертежей на машины и оборудование, разработок и описаний технологических процессов. Кроме этого КНР получила возможность напрямую заказывать документацию у министерств и ведомств СССР. По этой линии были переданы тонны (!) ведомственной технической документации. В те годы заявки китайской стороны касались преимущественно технических документов на машиностроительную продукцию (станки, кузнечнопрессовое оборудование, электромоторы, насосы, инструменты). К концу 1950-х годов Китай стал направлять заявки на типовую проектную документацию по строительству металлургических предприятий; по производству крупного металлургического оборудования; на документацию в области машиностроения и других отраслей народного хозяйства, обеспечивающих тяжелую промышленность сырьем и оборудованием; на рабочие чертежи для изготовления машин и оборудования. В 1958–1960 гг. Советский Союз передал Китаю 7307 комплектов проектной и технической документации, в основном для отраслей тяжелой промышленности.

Объем переданной документации ежегодно возрастал. В 1957 г. он охватил 1161 тему. Наибольших масштабов, особенно в отраслях тяжелой промышленности, объем документации достиг в 1958 г. Увеличилось также количество передаваемой технической документации по прямым каналам между научными учреждениями. В 1959 г. количество тем по межправительственным соглашениям достигло объема, равного объему за пять вместе взятых предшествующих лет. Советские организации передали Китаю научно-техническую документацию по 1449 темам, 804 комплекта научных трудов и отчетов об исследовательских работах по 1052 темам и 1326 комплектов прочей технической документации.

По соглашениям о научно-техническом сотрудничестве с 1950 г. по 1959 г. СССР безвозмездно передал КНР 31 400 комплектов документации, 3709 проектов объектов капитального строительства, 12 410 чертежей приборов, 2970 полных комплектов и 11 404 комплектов по различным отраслям. В 1954–1957 гг. СССР передал Китаю 4587 государственных стандартов на разнообразные промышленные изделия, а также спроектировал, изготовил и передал КНР по льготным ценам 221 измерительный прибор. Причем Китаю предоставлялись самые современные проекты, которые в СССР только реализовывались. Так, в 1959 г. Советский Союз передал КНР лицензии на производство новейшего по тому времени сверхзвукового истребителя МИГ-19 с двигателем РД-9Б.

Китайская сторона с каждым годом увеличивала количество запросов на получение секретной технической документации из СССР. Объем заявок китайской стороны стал явно завышенным и значительно превосходил реальные потребности страны в научно-технической помощи. К каждой основной теме

китайских заявок прилагались огромные списки, содержавшие от 10 до 200 подтем, что фактически увеличивало объемы советской научно-технической помощи более чем в 10 раз по сравнению с предыдущими годами. Только за пять месяцев 1959 г. по заявкам китайской стороны было передано в стоимостном выражении 72% всего объема документации, предоставленной СССР зарубежным странам, или около 14% всей документации, переданной Китаю с момента подписания соглашения от 12 октября 1954 г. Выполнение китайских заявок такого объема было практически не под силу для ряда советских проектных и научно-исследовательских институтов, у которых существовал собственный план работ. Поэтому в тот момент начались опоздания советской стороны против договоренных сроков. Это объяснялось как сложностью работы по комплектованию технической документации, получаемой из различных организаций СССР по большим объектам, так и нечеткой работой внешнеторговых организаций. Несмотря на это, обязательства по передаче Китаю научно-технической документации были выполнены почти на 70%.

Параллелизм и отсутствие строгого порядка в передаче технической документации по прямым связям, минуя ГКЭС, из НИИ и проектных организаций привело к бесконтрольности процесса. Получая документацию безвозмездно, китайская сторона запрашивала всё, о чем ей становилось известно из технических журналов и от советских специалистов, в том числе секретную документацию. Характер передаваемой документации и слишком далеко зашедшее научно-техническое сотрудничество вызвали озабоченность советской стороны.

Для усиления контроля над выполнением межправительственных соглашений и прекращения утечки информации советская часть советско-китайской комиссии в 1959 г. была передана в ГНТК (с апреля 1961 г. – ГККНИР СССР). После обсуждения сложившейся ситуации в феврале 1960 г. ЦК КПСС принял постановление «Об обеспечении сохранности государственной тайны в практике международных научных связей советских ученых». Однако на основе февральского 1960 г. Соглашения о научно-технических связях ряда институтов с китайской стороной в области научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ на 1960 г. намечался еще более значительный объем работ, чем в предшествующем году. Советские обязательства по межправительственным соглашениям составили 3486 тем, из них 3336 – по передаче Китаю советской документации, а по проведению экспертиз – 122 темы научно-технической проблематики. Однако эти мероприятия остались невыполненными, 1 января 1961 г. было снято с исполнения свыше 800 тем и просрочены обязательства по более чем 2 тыс. тем. Но, несмотря на это, сами китайские исследователи считают, что это был «самый крупный и самый всесторонний трансферт технологий, не имеющий аналогов в современной истории».

Проводниками отбора заимствований советских технологий и образцов техники, лицензий, их внедрения, организаторами создания производственных процессов, научно-исследовательских работ, управления экономикой и общественным устройством КНР стали *высококвалифицированные советские*

специалисты, командированные в Китай. По масштабам это явилось беспрецедентной нематериальной интеллектуальной инвестицией в экономику КНР.

Проблема нехватки национальных кадров стояла перед китайским руководством очень остро. В начале 1950-х годов на всю страну насчитывалось 164 тыс. инженерно-технических работников и 15,8 млн рабочих и служащих, из них только 4,3 млн промышленных и транспортных рабочих, занятых в основном на мелких и мельчайших предприятиях. В 1953 г. Китай располагал всего 78 проектными организациями, в каждой из которых работало, как правило, менее 200 человек. Ощущался недостаток преподавательских кадров, отсутствовали современные лаборатории, не было библиотек, обучение велось на низком уровне, численность учащихся была весьма незначительной. Правительство КНР обратилось с просьбой к Советскому Союзу оказать помощь в планировании работы в различных отраслях производства, организации административно-управленческого аппарата, создании научно-исследовательских и проектных учреждений. Поэтому техническая помощь, оказываемая Советским Союзом Китаю, включала направление советских специалистов практически во все отрасли народного хозяйства.

Оказание помощи в этой сфере осуществлялось с 1950 г. Советско-китайской комиссией по научно-техническому сотрудничеству на основе советско-китайского договора от 14 февраля 1950 г., постановлений Совмина СССР от марта–апреля 1950 г. и отдельных межправительственных соглашений, распространяющихся на контакты различных министерств и ведомств обеих стран. Перед советскими специалистами ставилась задача «оказания всемерной организационной и технической помощи предприятиям, учреждениям и организациям КНР в деле ее экономического и культурного строительства». Трудно назвать те сферы жизни КНР, где бы советские специалисты не оказывали помощь КНР. Уже весной 1950 г., через четыре месяца после подписания договора 1950 г., в Китай прибыли 3258 тыс. советников и специалистов.

На первом этапе китайские лидеры приняли несколько руководящих документов по введению упорядочивающих мер, широко заимствуя организационные формы и методы, использовавшиеся в СССР. Большинство министерств, созданных при центральном народном правительстве, имели организационную структуру, идентичную советским министерствам. Первый вариант структуры Госплана КНР с некоторым упрощением копировал Госплан СССР. Подобное заимствование готовых форм обуславливалось отсутствием опыта в КНР по созданию органов управления и планирования на общенациональном уровне. Советские советники разрабатывали текущие и перспективные планы народного хозяйства Китая и различного рода методик. Наличие советников, работавших во всех министерствах и в Госплане КНР, создавало возможность для СССР определять набор заимствований.

Советские специалисты в ранге советников-консультантов работали в Китае на должностях советников министра и советников начальников управлений, участвовали в организации административно-управленческого аппарата. Именно с их помощью определялись перспективы развития страны

на две первые пятилетки, планировалась работа различных отраслей производства. По просьбе китайского правительства советники оказывали содействие в создании научно-исследовательских и проектных учреждений, руководили научно-исследовательской работой. Старшие советники руководили специалистами на предприятиях, а общее руководство всеми специалистами осуществляли советник по экономическим вопросам посольства СССР *И.В. Архипов* и посол СССР в Китае.

В 1950–1952 гг. число *гражданских советников* составляло около 200 человек. Они были представлены во всех министерствах КНР, причем основная часть работала в Пекине в ключевых министерствах металлургии, электро- и угольной промышленности, станкостроения, машиностроения, электростанций и путей сообщения.

В период 1953–1957 гг. советники совместно с китайскими коллегами занимались вопросами *планирования экономики, финансов и организацией статистического учета*. Оказывая помощь китайским организациям, советские советники отнюдь не подменяли их административно-хозяйственных и руководящих функций, а выступали в роли консультантов. Именно таким образом разрабатывался первый пятилетний план 1953–1957 гг.: из 59 пунктов первого пятилетнего плана 52 были скорректированы советскими советниками. К 1954 г. в области планирования, финансов и торговли работали 19 специалистов, в области культуры – 173 человека. Основная масса советских советников работала в министерствах, ведомствах и в вузах Пекина, в политико-юридических органах. С помощью *советских юристов* был разработан и отредактирован проект основного закона – Конституции КНР. Таким образом, советники определяли не только стратегию экономического развития страны, но и решали также вопросы социальной политики.

Советники, работавшие в системе АН КНР, подготовили ее план реорганизации. Структура китайской Академии наук во многом повторила структуру советской. В конце 1954 г. в АН КНР работали три советника из АН СССР, а во главе группы был член-корреспондент *В.А. Ковда* – советник президента АН КНР. В 1955–1956 гг. китайская Академия наук возбудила ходатайства об увеличении группы советских советников до 12 человек с указанием необходимых профессий: геолог, геохимик, нефтяник, обогатитель, металлург, экономист, специалист по эрозии почв, энергетик и т.д. Советы консультантов позволили их коллегам в АН КНР избежать дорогостоящих ошибок на пути, уже пройденном советской наукой, и ускорить научный процесс.

Наибольшее количество советников из СССР работало в Китае в 1955–1956 гг. Около 100 человек участвовали в составлении 12-летнего перспективного плана развития КНР, в том числе по развитию науки и техники и налаживанию системы управления промышленностью. Некоторые советские специалисты выделялись для работы с китайскими дипломатами в Москве в целях передачи опыта организационной работы на международных форумах. В 1955 г. количество советских консультантов возросло до 455 человек, а общее их число в КНР с 1952 по 1959 г. составило 1445 человек. С 1957 г. количество советских советников уменьшилось до 120 человек, поскольку

запросы китайской стороны ограничивались лишь специалистами по геолого-разведке и атомной промышленности. Во второй половине 1958 г. должность «советник» была упразднена, к январю 1959 г. в Китае оставалось всего пять советников, чей контракт не был закончен.

В самых различных отраслях народного хозяйства работали *советские специалисты*, которые подразделялись на *специалистов по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, по вопросам образования, здравоохранения, культуры*. Специалисты по экономическому сотрудничеству командировались в Китай для создания предприятий с нулевого цикла. Они проводили изыскательские работы, выбирали места для строительства будущих предприятий. После сбора исходных данных составлялись задания на проектирование каждого объекта в проектной организации СССР. Впоследствии технический проект мог использоваться для строительства типовых предприятий по стране. Затем начинались строительство или реконструкция предприятия и поставки на него оборудования. Для каждого промышленного объекта, строившегося с помощью Советского Союза, готовился практически весь технический персонал – от директора и главного инженера до начальников цехов и участков, а также других работников, готовивших предприятие к пуску в эксплуатацию. Большую часть составляли специалисты в области эксплуатации и управления промышленными предприятиями. Как правило, это были инженеры с сильной профессиональной подготовкой. На первом этапе основной областью, в которой работали советские специалисты, была инфраструктура – энергетика, транспорт и связь.

Еще до октября 1949 г. на северо-восток Китая и в Маньчжурию было направлено несколько групп советских *инженеров и квалифицированных рабочих для восстановления КЧЖД и мостов*. На КЧЖД работали более 1000 советских специалистов, которые наладили работу дороги, превратив ее в образцовое предприятие. Прежде всего для осуществления советских поставок с помощью советских специалистов была восстановлена железнодорожная сеть Китая, имеющая выход на железные дороги Советского Союза.

В 1949–1952 гг. помощь Советского Союза оказывалась КНР, как правило, по отдельным просьбам китайского правительства. В этот период в КНР посылались разрозненное оборудование, для наладки и монтажа которого направлялись по два–три советских специалиста для оказания технической помощи на восстанавливаемые предприятия машиностроения, энергетики, цветной и угольной промышленности, на строительство электростанций, угольных шахт, целлюлозно-бумажного комбината, заводов по производству измерительных приборов и инструментов, радиоламп и т.д. Советские специалисты помогали строить мосты, проводили экспертизу имеющихся материалов и составляли планы проектно-изыскательских работ по решению комплексного использования водных и энергетических ресурсов рек. Для проведения изыскательских работ по определению месторождений урановых руд в Синьцзяне, Маньчжурии, на юге Китая и в бассейне р. Амур работало несколько групп советских геологов. Специалисты направлялись для проведения фотосъемок лесных массивов и определения лесных запасов. В сентябре

1952 г. в Китай были направлены около 100 специалистов для оказания помощи в выращивании гевеи и производстве каучука.

План первой пятилетки 1953–1957 гг. *целиком зависел от участия советских специалистов*. В августе 1952 г. в беседе с И.В. Сталиным Чжоу Эньлай просил направить в Китай *800 специалистов разного профиля*. Спустя месяц последовала аналогичная просьба Чжоу Эньлая о направлении дополнительно 239 советских инженеров и техников. В июле 1953 г. правительство КНР запросило еще 172 специалиста, хотя в то время в Китае уже трудились 277 советских высокопрофессиональных специалистов. По просьбам китайской стороны СССР взял на себя обязательства направлять в Китай группы советских специалистов для оказания помощи в развитии различных отраслей промышленности КНР, что способствовало успешному выполнению первого пятилетнего плана КНР. С того момента число специалистов плавно увеличивалось из года в год, всего с 1950 по 1957 г. в КНР находилось около 6500 человек.

Специалисты помогали овладевать новыми методами работы и управления производством, осваивать выпуск новых видов продукции, совершенствовать работу старых предприятий. Они неоднократно предлагали *рациональные решения* производственных задач, позволявшие сократить расходы, использовать самые простые, дешевые и доступные материалы.

Как следствие, уже в 1953 г. резко возрос коэффициент использования вместимости доменных и мартеновских печей на *Аньшаньском* металлургическом комбинате, увеличилась добыча угля, разработанные советскими специалистами проекты продлили срок эксплуатации ряда шахт на 20–40 лет и т.п.

На бывшем пустыре с помощью группы инженеров, техников и рабочих ЗИЛа был построен *Чанчуньский* автомобильный завод, освоено оборудование и налажен полный цикл производства. Успешно справлялись советские специалисты с решением сложных задач *по строительству плотин и водохранилищ на реках Хуайхэ, Янцзы, Сунгари*, сооружению и реконструкции гидро- и теплоэлектростанций. Благодаря подготовленной советскими специалистами проектной документации, примененному ими передовому методу сборки агрегатов, сварки котлов и др. время монтажа *Фусиньской* ТЭС сократилось наполовину, она была построена в рекордно короткий срок – 1 год. В период строительства советские инженеры внесли 89 рационализаторских предложений.

Советские специалисты помогли в короткие сроки восстановить *Пекин-Ханькоускую* и *Гуанчжоу-Ханькоускую железные дороги*, построить новые ветки *Чэнду-Чунцин, Тяньшуй-Чэнду, Тяньшуй-Ланьчжоу* и др. Были использованы предложенные советскими специалистами новые технологии мостостроения, укладки путей и пробивки туннелей в гористой местности. Сооружение в рекордно короткие сроки железной дороги *Чунцин-Ланьчжоу* позволило соединить юго-запад и северо-запад Китая с центральными областями страны. Для ускорения строительства советские инженеры предлагали комплексно соединять основные производства с сопутствующими, создавая параллельно производства необходимых деталей, теплоэлектростанций и т.д. В период 1953–1957 гг. – «медовый месяц» в китайско-советских отношениях – наблюдался наибольший приток советских специалистов в Китай.

Начиная с 1956 г. характер и формы оказания технической помощи Советским Союзом несколько изменились. Это объяснялось как определенным уровнем, достигнутым в подготовке собственных национальных кадров, так и постепенным сокращением количества советских специалистов в некоторых отраслях экономики. В конце 1957 г. действующие соглашения были заменены новым Соглашением об условиях командирования советских специалистов в КНР и китайских специалистов в СССР для оказания технической помощи и других услуг. Теперь все расчеты по технической помощи СССР, включая командирование в КНР советских специалистов, должны были производиться на основе двусторонних контрактов. Тем не менее число советских специалистов оставалось значительным. Большинство работало на крупных промышленных, в том числе оборонных предприятиях КНР. По состоянию на 1 января 1959 г. по линии ГКЭС в КНР трудились 1011 человек из 2077. При некотором уменьшении общего количества советских специалистов наблюдалось значительное увеличение их числа в металлургической и оборонных отраслях машиностроения – до 719.

Другой важной составляющей интеллектуальных инвестиций СССР в строительство нового Китая была *подготовка китайских национальных кадров* советскими специалистами и преподавателями. Спрос на национальные высококвалифицированные кадры определялся потребностями экономики, бурным развитием высокотехнологичного производства. Командирование преподавателей вузов в КНР осуществлялось как по линии Министерства высшего и среднего специального образования, так и по линии ГНТК и ГКВЭС и МО СССР. Китайская сторона возмещала расходы, связанные с подготовкой научных кадров для КНР в Советском Союзе, как в вузах, так и в учреждениях АН СССР, а также при прохождении практики на советских предприятиях.

Министерство обороны СССР направило в Китай военных преподавателей и инструкторов. В первые же годы существования КНР под руководством советских военных для подготовки и переподготовки китайских командных кадров была развернута сеть военно-учебных заведений, где процесс обучения слушателей строился с учетом опыта советских военных училищ и академий. Укомплектовать летные и технические училища и школы было нелегко из-за общей неграмотности населения. По опыту Советского Союза была развернута сеть курсов для молодежи, годной по состоянию здоровья к службе в авиации. На этих курсах готовили будущих слушателей военных авиационных училищ и школ. Было создано шесть авиационных школ – две бомбардировочных и четыре истребительных. Первый экстренный выпуск курсантов состоялся накануне начала войны в Корее – в мае 1950 г. Советским военным специалистам пришлось решать проблему подготовки национальных инженерных кадров для авиации из выпускников технических вузов и средних учебных заведений. За небольшой срок были подготовлены китайские военные инженеры, способные обслуживать современную авиационную технику.

После завершения работы по модернизации армии в Китай командировался ряд ученых для чтения лекций по закрытым специальностям и для участия в секретных разработках. Так, в 1956–1959 гг. в КНР было командировано

56 преподавателей по оборонным специальностям. С участием Советского Союза были подготовлены сотни ученых-ядерщиков. Научные сотрудники «Объединенного института ядерных исследований» в Дубне в 1959 г. выезжали в Китай для чтения лекций, проведения семинаров и консультаций и передаче опыта в области ядерной физики.

В июне 1959 г. на Секретариате Президиума ЦК КПСС было принято еще одно специальное постановление «О командировании в КНР советских специалистов-преподавателей по оборонной технике», в соответствии с которым Министерство высшего образования и Министерство обороны командировали в сентябре 1959 г. в КНР шесть советских специалистов-преподавателей по оборонной технике. Значительная часть дисциплин была посвящена ракетной технике. При этом основной упор делался на конструирование и проектирование ракетной техники силами самих китайцев. Всего в подготовке китайских кадров «ракетчиков» участвовали 102 специалиста, среди них *П.И. Мелешин, Н.С. Шнякин, А. Зарубин, И. Ларионов, И. Лыска, Е. Семенов, И. Козлов, В. Бородин, Д. Анваров* и др.

Подготовка национальных кадров для народного хозяйства, массовое обучение и повышение квалификации китайских работников производства проходила на всех предприятиях, восстанавливаемых и строящихся с помощью Советского Союза. Проводилась каждодневная работа по передаче им советского опыта и знаний, специальных навыков работы с советским оборудованием, чертежами и документами. Передаваемая в эти годы документация включала учебные программы, перечни учебной литературы, пособия и другие материалы для организации краткосрочных курсов по массовой подготовке китайских рабочих кадров в области самолетостроения, авиационных двигателей, а также технологии машиностроения, в том числе 26 учебных программ по подготовке кадров механиков-комбайнеров, трактористов и квалифицированных рабочих для железнодорожного транспорта.

Система образования в Китае была расплывчатой, программ и учебников почти не было, отсутствовала преемственность между ступенями обучения и связь с практикой, не хватало квалифицированных кадров. С помощью Советского Союза КНР смогла в короткие сроки удовлетворить острую нехватку кадров высокой квалификации: с 1949 по 1960 г. в Китай было командировано 1269 советских специалистов народного образования и высшей школы, которые трудились в Министерстве просвещения и 60 вузах. Летом 1960 г. в КНР в системе Министерства просвещения работали 28 человек.

По предложениям и при участии советских специалистов были разработаны единые учебные планы для начальной и средней школы, составлены планы обучения в средних технических учебных заведениях. Советские специалисты активно участвовали в реорганизации системы высшего образования КНР. В ведущих вузах – *Пекинском университете, Народном университете, Университете Цинхуа, Харбинском политехническом институте* и др. – был пересмотрен перечень специальностей, переработаны учебные планы и учебники, методика преподавания, введены новые дисциплины и производственная практика. До половины предметов преподавалось по советским программам.

В 1954–1957 гг. СССР передал Китаю 4261 учебную программу. Советские специалисты оказали помощь в подготовке преподавателей, освоении семинарского метода занятий, читали лекции, преподавали русский язык. По просьбе правительства КНР проводилась подготовка специалистов для работы в области мирного использования атомной энергии в учебных заведениях Пекина и Ланьчжоу.

Подготовка китайских национальных кадров велась не только в Китае, но и в СССР, где они получали доступ к передовым научным знаниям. По линии Министерства обороны советские военные училища и академии готовили командиров для китайской армии. В советских вузах шла подготовка китайских специалистов для народного хозяйства и для преподавательской работы.

В 1953 г. СССР в порядке оказания научно-технической помощи по отдельным контрактам между советским «Техноэкспортом» и китайским «Техноимпортом» принял для прохождения производственно-технической практики 144 китайских специалиста на предприятиях черной и цветной металлургии, в том числе и с непрерывной разливкой стали, в угольных шахтах, на месторождениях нефти и других полезных ископаемых. Китайские специалисты ознакомились с работой инструментальных заводов, с проектированием магистральных паровозов, электровозов, тепловозов, вагонов, морских судов, с производством тракторов, с технологией производства искусственного вискозного шелка, штапельного и синтетического капронового волокна, полиэтилена, стекловолокна и другими технологическими процессами.

Одновременно по специальным соглашениям об экономическом и техническом сотрудничестве в СССР проводилась *подготовка кадров для строившихся* в то время в Китае с помощью Советского Союза *промышленных объектов*. Из числа обучавшихся в СССР китайских специалистов в 1951–1957 гг. закончили обучение около 10 000 человек. С декабря 1957 г. Советский Союз взял на себя обязательства ежегодно принимать 1000 китайских рабочих, инженеров и техников для производственного обучения. Всего на советских промышленных предприятиях проходило производственно-техническое обучение свыше 7000 китайских специалистов.

Обучение китайских студентов и аспирантов было организовано в различных советских вузах. Китайская сторона предложила создать специальное учебное заведение по аналогии с существовавшим в конце 1920-х годов Коммунистическим университетом трудящихся Востока для подготовки кадров для нового Китая. Однако экономически было выгоднее направлять китайских студентов в уже существующие советские вузы. Китайские студенты и аспиранты обучались в СССР в основном в технических в вузах союзного подчинения. В конце 1957 г. в 24 советских вузах обучалось более 6000 китайских студентов и аспирантов, а в 1959 г. – 4511 человек.

В 1951–1962 гг. в учебных заведениях и научно-исследовательских институтах Советского Союза закончили обучение более 11 000 китайских студентов и аспирантов, прошли производственно-техническое обучение около 1000 ученых. В 1950–1960-х годах более 38 000 китайских граждан – партийных, политических, военных кадровых работников, техников и студентов – прошли

обучение и практику в Советском Союзе. Советские люди щедро делились с китайцами своими знаниями и опытом. Подготовка китайских специалистов производилась в 150 научно-исследовательских и конструкторских учреждениях СССР и Академиях наук.

В 1949–1960 гг. с помощью советских специалистов в КНР и в СССР было подготовлено около 19 000 *преподавателей*, т.е. четверть всего преподавательского состава китайских вузов. К концу 1950-х годов было обеспечено пять–шесть выпусков китайских студентов в китайских вузах, получивших подготовку по советской системе образования.

Потребности ускоренного экономического развития КНР требовали *повышения уровня научных знаний*. Низкий уровень состояния науки, неразвитость сети научно-исследовательских организаций и отсутствие ряда основных отраслей современной науки и техники серьезно тормозили развитие китайской экономики. В первые годы существования КНР помощь СССР *в области науки и техники* носила эпизодический, зачастую ознакомительный характер и заключалась преимущественно в передаче Китаю советского опыта, в предоставлении научной документации и научной литературы, в налаживании работы научных учреждений. Ученые и специалисты СССР выезжали с лекциями в КНР, давали консультации китайским ученым. Все вопросы, связанные с советско-китайскими научными связями, решались в ЦК КПСС, а юридически регламентировались межправительственными соглашениями. В 1953 г. в КНР дважды выезжала *геологическая группа АН СССР* во главе с член-корреспондентом *В.А. Власовым* для научно-исследовательских работ совместно с китайскими геологами. В 1949–1953 гг. Советский Союз посетили несколько делегаций китайских ученых, возглавляемых в 1949 г. вице-президентом АН Китая Чэнь Бода, в 1950 г. – проф. Янь Цицы, в 1951 г. – Лян Си. Более двух месяцев 42 китайских ученых в 1953 г. изучали советский опыт в различных областях науки и техники, ознакомились с работой 150 научных учреждений и практическим использованием научных достижений в промышленности и сельском хозяйстве. Ученые присутствовали на собраниях и заседаниях Президиума АН СССР, на защитах диссертаций в различных НИИ, детально знакомились со структурой, системой управления и научной организацией работ институтов и т.д.

Систематический характер *научная помощь* СССР Китаю приобрела после подписания в октябре 1954 г. соглашения между Академиями наук СССР и Китая. Влияние советской научной помощи сказалось на всей системе китайской Академии наук. Советские специалисты, работавшие в системе АН КНР, подготовили план ее реорганизации. Ее структура во многом повторила структуру советской академии. АН Китая включала четыре отделения: физико-математических и химических наук, геолого-географических и биологических наук, технических наук, философских и общественных наук.

С момента подписания межакадемического соглашения дополнительно стали применяться новые формы академической помощи СССР: изготовление уникальных приборов, аппаратуры и образцов по заказам КНР; передача Китаю во временное пользование либо в дар научного оборудования и снаряже-

ния; проведение совместных научных работ и экспедиций; издание научных трудов на основе взаимного сотрудничества; обмен практикантами и научными сотрудниками для повышения квалификации и обмена опытом. С 1954 г. при АН Китая и в ее научных учреждениях постоянно находилось 20 советских ученых; 88 китайских специалистов и ученых приезжали в СССР на научные конференции и конгрессы. Центракадемнаб оказывал помощь научным учреждениям АН Китая в изготовлении и проектировании уникальных приборов, аппаратуры и оборудования.

Большая помощь была оказана *делегациями советских ученых* во главе с академиком *И.П. Бардиным* и доктором исторических наук *А.И. Михайловым*, выезжавшими в Китай в 1955 и 1956 гг. Всего в 1949–1957 гг. туда выезжало около 250 советских ученых и научных работников из АН СССР. За период с 1949 по 1957 г. Академию наук СССР и ее учреждения посетило около 500 китайских ученых для повышения квалификации и для участия в работе научных конференций. Для проведения консультаций и чтения докладов АН СССР командировала в Китай советских ученых, только в 1958 г. они прочитали 500 лекций и докладов.

АН СССР оказывала помощь Китаю в *подготовке высококвалифицированных научных кадров*. Так, в ее научных учреждениях находилось на обучении в аспирантуре в 1952–1960 гг. в институтах АН СССР 1075 китайских аспирантов и практикантов. На начало 1960 г. в институтах АН СССР и Министерства высшего и среднего специального образования находились 1618 аспирантов и практикантов со сроком обучения 1–3 года. 142 китайских аспиранта защитили в СССР кандидатские диссертации. По секретной тематике в учреждениях АН СССР только в 1959 г. проходили обучение 59 китайских граждан.

Одним из важных направлений научной помощи СССР являлось привлечение китайских ученых в *совместные комплексные экспедиции по изучению природных ресурсов страны*, договоренность о которых была достигнута 18 августа 1956 г. Комплексные экспедиции с привлечением ученых и специалистов научных учреждений АН СССР и различных министерств и ведомств КНР провели полевые *гидроэнергетические обследования рек Аргунь, Амур, Уссури*, наметили пути более полного использования речного и железнодорожного транспорта Приамурья; выявили крупные массивы целинных земель, разработали предложения по развитию животноводства и улучшению сельскохозяйственного производства с применением азотных удобрений. Далее министерства энергетики двух стран приступили к совместным *проектно-изыскательским работам в районе намечавшейся на р. Амур плотины Джалиндинской ГЭС*, к изучению путей использования дешевых энергоресурсов амурских вод, наметили схемы размещения гидроузлов, развития в Приамурье сети железнодорожного и водного транспорта и т.д.

В 1956 г. советские ученые приняли участие в составлении программы работ *Среднехуанхэйской противозрозийной комплексной экспедиции* АН Китая, а в 1957 г. провели изучение почвенной эрозии в лессовом районе среднего течения р. Хуанхэ, оказали помощь в организации защиты строившейся

дороги Баотоу–Ланьжоу от сыпучих песков, приняли участие в создании и организации работы опытных станций в Суйдэ и Лишани. Научные организации КНР были привлечены в 1956 г. к проведению рыбохозяйственных океанологических и лимнологических исследований в западной части Тихого океана.

В разработке «Основных положений перспективного плана развития науки и техники на 1956–1967 гг.» КНР и «Срочных мероприятий на 1956 г. и основных положений плана исследовательских работ на 1957 г.» приняли участие около 600 советских ученых из 500 научных и проектных учреждений. В работе экспедиции АН Китая по исследованию природных условий и ресурсов Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, главным образом Джунгарии, западной части Тянь-Шаня, Таримской впадины и Куньлуня участвовали советские ученые и специалисты. В том же году начали работу совместные экспедиции Зоологического института АН СССР и Института океанологии АН КНР. Советские ученые и специалисты делились с китайской стороной опытом и методами проведения полевых исследований, передали в пользование приборы, аппаратуру и снаряжение. *Советская научно-техническая помощь явилась определяющим фактором в создании основ современной научно-технической базы Китая и более полного освоения собственных природных ресурсов.*

С 1957 г. было установлено сотрудничество вычислительного центра АН СССР с аналогичным центром АН Китая. Советские специалисты читали лекции по вопросам программирования и составлению стандартных программ для ЭВМ. В конце 1957 г. были подписаны соглашение о научном сотрудничестве, меакадемическое соглашение по 92 проблемам, а также по эквивалентному обмену учеными для проведения совместных работ, повышению квалификации, проведению совместных мероприятий и экспедиционных работ, приглашению на научные конференции, обмену научной литературой и информацией, сотрудничеству библиотек, архивов, издательств, конструкторских бюро, органов снабжения и других академических учреждений.

Новый этап развития научно-технического сотрудничества начался с 18 января 1958 г. с подписания наиболее крупного по объему и льготному для Китая соглашения, предусматривавшего совместное проведение исследований и оказание Советским Союзом помощи Китаю в решении 163 проблем, охватывающих 16 направлений и все новые области науки и техники. Одновременно происходило подписание двусторонних и многосторонних соглашений по отдельным видам сотрудничества на уровне правительств, министерств и ведомств и проектных научно-исследовательских учреждений СССР. В целом *связи были установлены непосредственно между 158 советскими и 88 китайскими родственными НИИ.*

Значительное место в научно-техническом сотрудничестве занимала безвозмездная помощь соответствующим организациям Китая, оказываемая непосредственно АН СССР, Министерством высшего и среднего специального образования СССР, Всесоюзной Академией сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина, Министерством электростанций СССР и АМН СССР. В 1958 г.

эти организации только по соглашению от 18 января 1958 г. приняли 455 китайских специалистов для ознакомления с исследовательскими работами и повышения деловой квалификации, а в Китай направили 243 советских ученых и специалистов для чтения лекций, проведения консультаций, руководства научно-исследовательскими работами. Институт автоматики и телемеханики СССР начал оказывать китайской стороне практически безвозмездную помощь: передавал чертежи различных уникальных установок, сборники научных трудов и различные справочные материалы, направлял своих специалистов для чтения лекций и проведения консультаций по составлению планов научных работ лаборатории моделирования Института автоматики и телемеханики АН Китая.

В период 1958–1959 гг. советские НИИ проделали в Китае значительную *работу по проведению природного и сейсмического районирования страны*, организации сейсмической службы, созданию сети гравиметрических опорных пунктов. С помощью Советского Союза были созданы институты вычислительной техники, радиотехники и электроники, машиноведения, автоматики и телемеханики, научной информации, различные проектные организации, лаборатории. В стадии завершения находились работы комплексных экспедиций по изучению производительных сил ряда территорий, составлены геологическая и почвенная карты страны; проведены поисковые работы по нефти, газу, ископаемым металлам и редкоземельным элементам.

В широких масштабах осуществлялся *обмен научной информацией и книгообмен*. Советские учреждения (Всесоюзный институт научной и технической информации АН СССР (ВИНИТИ), Фундаментальная библиотека общественных наук АН СССР (ФБОН) и Библиотека АН (БАН) снабжали информацией и литературой 300 научных учреждений КНР (ВИНИТИ КНР, в том числе 31 крупнейшую библиотеку КНР – Библиотеку АН Китая, Государственную пекинскую библиотеку и т.д.). Одновременно ФБОН и БАН в эти годы направляли в библиотеки КНР академическую периодику, серийные издания, монографии и другую научную и техническую литературу, поддерживая связи по книгообмену с 20 организациями КНР. С 1954 по 1957 г. в Китай было отправлено 222 429 библиотечных единиц. Значительное количество изданий было подарено китайским учреждениям. Так, в апреле 1958 г. АН СССР передала КНР в качестве дара древние памятники китайской национальной культуры из Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР: рукописный иллюстрированный альбом новелл китайского писателя Пу Сунлина «Ляо Чжай Тушо» и ксилографический отрывок «Лю Чжи-юань Чжугундяо».

На *издательской*, в основном на переводческой, работе в КНР в 1949–1960 гг. находилось около 60 советских специалистов. Советские специалисты переводили на иностранные языки партийные и государственные документы КНР, редактировали русские издания журналов «Народный Китай», «Китай», «Дружба», газеты «Дружба», информационного бюллетеня «Синьхуа» и др.; принимали участие в проектировании и строительстве первого в истории Китая телецентра в Пекине, а также ряда радиостанций.

Советские специалисты оказали помощь **в области здравоохранения**. В 1949–1959 гг. в Китай были командированы 426 специалистов-медиков. Среди них – видные советские ученые и организаторы здравоохранения: замминистра здравоохранения СССР, доктор медицинских наук *И.Г. Кочергин*, член-корреспонденты АМН *Т.Е. Болдырев* – крупный ученый эпидемиолог, выдающийся специалист дезинфекционного дела, противоэпидемической защиты, *В.Х. Василенко* – основатель научной школы гастроэнтерологии, специалист по кардиологии, *В.П. Подъяпольская* – специалист в области биологии паразитарных возбудителей, *А.В. Кибяков* – крупный специалист в области физиологии, доктора медицинских наук *И.П. Алексеев*, *М.И. Кулагин*, *В.С. Маят* и многие другие. По соглашению от 12 октября 1954 г. в учреждениях китайского Министерства здравоохранения работал 21 специалист.

Приехавшие из СССР специалисты приняли участие в организации системы здравоохранения в целом, а также в создании современных направлений медицины, медицинских научных, исследовательских и учебных институтов, в строительстве заводов медицинской промышленности, исследовании лекарственных ресурсов Китая и составлении атласа лекарственных растений, совершенствовании промышленно-санитарной службы и охраны труда на производстве, в подготовке врачей как общего профиля, так и узкой специализации.

В 1955 г. в Китай был приглашен один из ведущих нейрохирургов – директор Киевского института нейрохирургии, доктор медицинских наук *А.И. Арутюнов*, который вместе с китайскими врачами составил трехлетний *план развития нейрохирургии и подготовки врачей-нейрохирургов*, прочитал лекции, провел показательные операции. 60 врачей и медсестер работали в открытом в 1952 г. в Пекине в советском госпитале Красного Креста, в 1957 г. переданном правительству КНР.

В течение 10 лет около 100 советских работников **искусства** не только познакомили китайцев с лучшими образцами советского искусства, но и создавали предпосылки для *создания национальной китайской кинематографии, театрального искусства, хореографии, актерского мастерства, музыки, живописи*. При помощи специалистов из СССР в 1954 г. впервые в истории Китая были организованы хореографические училища в Пекине и Шанхае, в 1959 г. – экспериментальная балетная труппа при Пекинском хореографическом училище, подготовлены балетмейстеры и педагоги европейского классического танца. Опыт Московского театра юного зрителя был использован для создания в Китае детского театра. Советские специалисты помогли создать в Китае симфонический оркестр Пекинского радио, подготовили музыкантов, ставших лауреатами международных конкурсов, педагогов по классу фортепиано, скрипки, вокала. Длительное время советником Центральной академии изобразительных искусств работал художник *К.М. Максимов*, профессор Московского художественного института им. В.И. Сурикова. Известный советский кинооператор *В.Т. Яковлев* помог снять в КНР кинофильм о творчестве выдающегося китайского артиста Пекинской оперы Мэй Ланьфана.

Общее количество специалистов, работавших в Китае между 1949 и 1960 гг., колеблется от 10 тысяч до 20 тысяч. Разлет в цифрах обусловлен методами подсчета и отсутствием систематической статистики.

Вклад и заслуги советских специалистов, работавших в Китае в 1949–1960 гг., в налаживании системы управления и экономического строительства государства в начале пути к модернизации нового Китая нельзя ни отрицать, ни игнорировать. Китайские исследователи неизменно отмечают, что «советские специалисты сыграли историческую и в определенной степени решающую роль, особенно в том, что Китай смог за несколько лет создать основу своей промышленности», что «быстрое восстановление и развитие государственной экономики, создание промышленной базы, а также появление политической и экономической системы советского типа являются результатом деятельности советских специалистов».

После отзыва советских специалистов из КНР по инициативе китайской стороны были пересмотрены все заключенные ранее соглашения и протоколы по экономическому и научно-техническому сотрудничеству. КНР отказалась от 40% оборудования и материалов, предназначенных для китайской промышленности. Китайская сторона резко сократила поставки в СССР олова, ртути, вольфрамового и молибденового концентратов, а танталониобиевый и бериллиевый концентраты, пьезокварц и другие были вообще сняты с поставок в СССР.

Подводя итоги, можно сказать, что масштабы и объем десятилетней экономической и научно-технической помощи, оказанной Советским Союзом Китаю в трудный для него период, впечатляют даже спустя полстолетия. Своевременная помощь СССР и советских специалистов, которые в 1950-е годы работали практически во всех отраслях народного хозяйства КНР, помогли Китаю осуществить небывалые для своего времени обновления и совершить стремительный рывок в создании и модернизации производственных мощностей практически в каждом секторе экономики, включая военно-промышленный комплекс, а также обеспечить современный уровень развития науки, здравоохранения, культуры и т.д. Советский Союз реформировал китайскую экономику посредством внедрения в нее советских стандартов опыта управления производством и организации научно-исследовательских работ, производственных практик и норм, этики производственных отношений, научной организации производства, обновления оборудования и экспорта новых идей.

Главным и до сегодняшнего дня неоцененным вкладом в строительство новой республики стали интеллектуальные и инновационные инвестиции СССР в экономику КНР. Небывалый безвозмездный трансферт технологий и интеллектуальные инвестиции – вот что было действительной, значимой и бескорыстной помощью Советского Союза, позволившей КНР превратиться из зависимой страны в быстро развивающееся индустриальное государство. Важным каналом интеллектуального «донорства» стали советские высококвалифицированные специалисты, которые, участвуя в создании и распространении новых для КНР технологий, внесли прямой вклад в ее экономический рост и способствовали накоплению знаний и навыков и их передаче национальным кадрам, повышая научно-технический потенциал общества. Помощь СССР в научной сфере и в подготовке высокопрофессиональных национальных кадров заложила потенции экономического роста КНР в долгосрочной перспективе.

Общества дружбы

Общество китайско-советской дружбы

Широкое торгово-экономическое, научно-техническое и культурное сотрудничество между Советским Союзом и Китаем, сложившееся в 1950-е годы, создавало хорошие возможности и благоприятные условия для развития дружеских связей и контактов по общественной линии, которые были призваны стать хорошим дополнением межгосударственного сотрудничества и эффективным каналом привлечения широких кругов общественности к укреплению и развитию взаимопонимания, дружбы и сотрудничества между нашими странами и народами.

Еще до образования КНР 16 июля 1949 г. в Пекине, в бывшем здании японского посольства, по инициативе 698 представителей демократических партий и общественных организаций состоялся массовый митинг, на котором было объявлено о создании Подготовительного комитета Общества китайско-советской дружбы. Среди инициаторов его создания были Лю Шаоци, Чжу Дэ, Сун Цинлин, Дун Биу, Чжоу Эньлай, Го Можо, а также лидеры демократических организаций Ли Дэцюань, Ли Цзишэнь, Мао Дунь. На заседании был приглашен и Генеральный консул СССР в Пекине С. Л. Тихвинский. Запомнилось выступление маршала Чжу Дэ, который подчеркнул значение Советского Союза и его помощи Китаю на различных этапах китайской революции. «Опыт 32 лет ясно показал, что великая социалистическая страна – Советский Союз является самым близким и надежным другом китайского народа», – говорил он. Чжу Дэ остановился на задачах будущего общества, призванного «развивать и укреплять глубокую дружбу между двумя великими странами, внедрять опыт СССР во все области строительства нового государства, распространять достижения советской науки и культуры среди народа».

Собрание, прошедшее с большим подъемом, приняло приветственное послание руководителям советского правительства, текст которого опубликовала 17 июля 1949 г. газета «Жэньминь жибао». «Отмечая с великой радостью победу китайской революции, – говорилось в телеграмме, – мы не можем забыть того, как указывала путь и воодушевляла китайский народ Октябрьская революция в России..., не можем забыть великого сочувствия и великой помощи, которые оказывал Советский Союз национально-освободительному движению китайского народа. Эта помощь и богатый опыт построения социализма в СССР будут в руках китайского народа мощным оружием в деле построения Китая».

5 октября 1949 г., на четвертый день после провозглашения КНР, во дворцовом зале Хуайжэньтан с участием более 2500 делегатов, прибывших в Пекин со всех концов страны, состоялась учредительная конференция новой массовой организации – Общества китайско-советской дружбы (ОКСД). В работе конференции принял участие С. Л. Тихвинский, теперь уже в качестве Временного поверенного в делах СССР в КНР, и находившаяся в Пекине делегация деятелей советской культуры во главе с А. А. Фадеевым и К. С. Симоновым.

Учредительную конференцию открыла председатель Подготовительного комитета по созданию ОКСД Сун Цинлин. «Я счастлива, – сказала она, – что мы своими глазами видели, как блестяще победоносно завершилась освободительная революция в Китае. Мы должны помнить завет Сунь Ятсена “Идти рука об руку с Советским Союзом”». «Мы помним, – продолжала Сун Цинлин, – о дружбе Советского Союза. Только Советский Союз постоянно оставался нашим самым надежным бескорыстным другом. Величайшим проявлением дружбы является исторический акт признания Китайской Народной Республики Советским Союзом через два дня после создания Центрального народного правительства».

С большой речью на конференции выступил член Политбюро, секретарь ЦК КПК Лю Шаоци. «Наша китайская революция, – сказал он, – смогла одержать свои теперешние победы только потому, что мы учились у Советского Союза. Советский Союз является бескорыстным и искренним другом китайского народа. Теперь в мире не существует силы, которая могла бы воспрепятствовать китайскому народу крепить дружбу с народами Советского Союза. Поэтому вслед за созданием Центрального народного правительства нашей страны нашей первой обязанностью является еще большее укрепление дружбы между Китаем и Советским Союзом и защита всеобщего мира».

Конференция приняла Устав ОКСД, в котором говорилось: «Основные цели общества состоят в развитии и укреплении дружественных отношений между Китаем и Советским Союзом, в усилении культурных, экономических и других связей и сотрудничества между Китаем и Советским Союзом, в ознакомлении и содействии изучению советского опыта государственного, экономического и культурного строительства и достижений Советского Союза в области науки и техники, в укреплении тесной сплоченности народов Китая и Советского Союза в их общей борьбе за прочный мир во всем мире».

Лю Шаоци был избран первым председателем Общества; его заместителями стали Сун Цинлин, У Юйчжан (член ЦК КПК), Ли Цзишэнь (председатель Революционного комитета Гоминьдана), Чжан Лань и Шэнь Цзюньжу (лидеры Демократической лиги Китая), Хуан Яньпэй (лидер Ассоциации демократического строительства), писатель и ученый Го Можо. В состав центрального правления вошли 199 видных представителей китайской общественности, представителей демократических партий, общественных организаций и народно-освободительной армии Китая. Генеральным секретарем правления Общества был избран Цянь Цзюньжуй – кандидат в члены ЦК КПК, заместитель министра культуры КНР. Его заместителями стали Гэ Баоцюань – известный переводчик и популяризатор русской и советской литературы в Китае, бывший в дни установления дипломатических отношений между обеими странами Временным поверенным в делах КНР в СССР, и Сяо Сань – известный поэт и общественный деятель; на ответственной штатной работе в аппарате Общества в течение многих лет работали также Ли Чжипу, Чжан Чжэнь, Тао Чжэньдун и другие известные ветераны революционной борьбы.

ОКСД, руководствуясь задачами, возложенными на него руководителями КНР и принятым уставом, очень скоро превратилось в центр пропаганды

в Китае опыта советского социалистического строительства, в котором после длительных войн и разрухи так нуждался народный Китай; ознакомления китайской общественности с помощью, которую оказывал Советский Союз Китаю в годы борьбы за независимость и создание новой жизни.

Устав ОКСД предусматривал индивидуальное членство в этой организации. Входившие в Общество известные ученые, деятели литературы и искусства, представители демократических партий, общественные деятели, командиры и бойцы НОА Китая, а также передовые представители рабочего класса стали проводить большую работу по переубеждению определенной части населения страны, страдавшей предвзятостью в отношении к СССР и подвергшейся длительной антисоветской обработке со стороны реакционной гоминьдановской власти.

На состоявшемся в октябре 1950 г. первом всекитайском совещании Общества, проходившем с участием его председателя Лю Шаоци, в докладе генерального секретаря ОКСД Цянь Цзюньжуя была отмечена важная работа членов Общества по расширению знаний населения КНР о Советском Союзе, была отмечена необходимость дальнейшего усиления работы по воспитанию населения в духе китайско-советской дружбы.

ОКСД стало решать эти задачи посредством массовых кампаний, посвященных годовщинам Великой Октябрьской социалистической революции и подписанного 14 февраля 1950 г. Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи между СССР и КНР, а также использования в пропагандистских целях как приезжавших в страну советских делегаций и художественных коллективов, так и направляемых в Советский Союз делегаций представителей китайской общественности.

Знаменательной вехой в деятельности ОКСД стал проведенный в 1952 г. Месячник китайско-советской дружбы, посвященный 35-й годовщине Великого Октября, вылившийся в мощное всенародное движение за укрепление дружбы с Советским Союзом. Только Пекинским отделением Общества, созданным в 1951 г., было организовано в дни месячника выступление в низовых организациях 20 тыс. докладчиков и пропагандистов.

Большая работа была проведена также с помощью советских делегаций, приглашенных ОКСД: делегации деятелей советской культуры во главе с секретарем правления Союза писателей СССР, председателем Советского комитета защиты мира Н.С. Тихоновым; делегации советских киноработников во главе с Р.Л. Карменом, Краснознаменного Ансамбля песни и пляски Советской армии имени А.В. Александрова. Эти делегации и ансамбль приняли участие в мероприятиях, организованных в 26 крупных городах Китая. Ансамбль дал в дни своей первой поездки в Китай более 102 концертов, на которых присутствовали многие тысячи зрителей.

Во время месячника по стране прошел первый фестиваль советских фильмов, во время которого в 67 крупных городах более 100 млн зрителей смогли познакомиться с лучшими советскими фильмами. Всего, по сообщению журнала «Дружба», различными мероприятиями Месячника китайско-советской дружбы было охвачено более 402 млн человек.

Месячник в значительной степени содействовал росту авторитета ОКСД среди населения. Множилось количество его членов, создавались новые

первичные организации. Отделения Общества возникли практически во всех провинциях, автономных районах и городах страны. Оно располагало более чем двухтысячным штатным аппаратом и хорошей издательской базой. Центральное правление издавало популярную газету «Китайско-советская дружба», выходившую трижды в месяц тиражом 200 тыс. Помимо газеты Общество издавало книги и брошюры о Советском Союзе. В деятельности ОКСД активно практиковалась устная пропаганда, фотовыставки, развернутые в 28 провинциях и городах. В Пекине фотовитрины были организованы на улице Ванфуцзин, в районе Тяньцзяо и городских парках.

Большой интерес китайского народа к жизни Советского Союза повлек за собой в первые годы после провозглашения КНР тягу к изучению русского языка. К 1952 г. в 19 провинциях и административных районах страны ОКСД создало более 100 вечерних школ русского языка. По инициативе общества было организовано изучение русского языка по радио. В декабре 1953 г. Центральное правление ОКСД провело первое Всекитайское совещание по вопросу об изучении русского языка. По словам Ли Миньбина – известного китайского русиста, исследователя и переводчика русской и советской литературы, почетного доктора Института Дальнего Востока РАН, в первые годы после образования КНР в стране наблюдалось истинное «половодье» русского языка. За первые два года существования республики здесь открылось 12 институтов русского языка, насчитывавших 5 тыс. студентов. В 1952 г. в 57 вузах страны были созданы отделения или курсы русского языка, где обучались около 10 тыс. человек. Русский язык преподавался во всех средних школах Северо-Восточного Китая и в 59 средних школах Пекина.

В период 1949–1952 гг. Китай завершил в целом восстановление народного хозяйства страны и создал базу для перехода к плановому строительству. В 1953 г. КНР приступила к выполнению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. Лозунг «учиться у СССР» в то время стал одним из основных в программе построения социализма.

В апреле 1953 г. ОКСД провело всекитайское совещание, на котором было принято решение о переходе от индивидуального членства к коллективному. В Общество в качестве коллективных членов вступили все демократические партии, народные организации и НОАК. ОКСД получило возможность использовать в своей работе широкий пропагандистский аппарат других общественных организаций страны.

28–29 декабря 1954 г. в Пекине прошла II Всекитайская конференция ОКСД, в работе которой приняли участие члены Центрального правления, делегаты местных отделений и представители политических партий и общественных организаций – коллективных членов Общества. Открывая конференцию, Сун Цинлин обратилась к делегатам с призывом «как зеницу ока хранить дружбу с советским народом, всячески защищать, оберегать и усиливать ее». С отчетным докладом выступил Цянь Цзюньжуй – генеральный секретарь ОКСД. Конференция подвела итоги работы Общества и определила задачи на предстоящий период: продолжать расширение и укрепление

китайско-советской дружбы, усиливать движение за учебу у СССР, активизировать работу по ознакомлению советского народа с жизнью КНР.

II Всекитайская конференция приняла новый устав Общества и избрала Центральное правление. Председателем его Центрального правления стала заместитель председателя КНР Сун Цинлин, а ее заместителями – Линь Боцзюй (член Политбюро ЦК КПК), Линь Бяо (член Политбюро ЦК КПК), Го Можо (президент АН Китая), Чжан Лань (председатель Демократической лиги), У Юйчжан (член ЦК КПК), У Ланьфу (член Политбюро ЦК КПК), Лю Нинъи (член ЦК КПК), Ляо Чэнчжи (член ЦК КПК), Ли Дэцюань (министр здравоохранения КНР), Ли Сыгуан (ученый-геолог), Шэнь Яньбин (министр культуры КНР). Генеральным секретарем вновь избрали Цянь Цзюньжуя.

После проведения II Всекитайской конференции ОКСД по-прежнему считало своей первоочередной задачей пропаганду и изучение передового советского опыта в области экономического, научно-технического и культурного строительства.

Большую помощь в решении этих задач оказала проведенная советской стороной «Выставка достижений экономического и культурного строительства СССР», в период с октября 1954 г. по июнь 1956 г. с огромным успехом демонстрировавшаяся в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу и Ухане. На выставке работали более 3800 высококвалифицированных советских специалистов, которые провели более 3000 бесед, лекций и докладов о различных сторонах экономического, научно-технического и культурного развития СССР. При выставке были организованы более 30 технических курсов, на которых занимались тысячи китайских рабочих, сельских тружеников, представителей технической интеллигенции. Многие экспонаты этой выставки были подарены Советским Союзом соответствующим китайским учреждениям и организациям.

С 15 июня по 15 августа 1956 г. в Пекине демонстрировалась также советская научно-техническая выставка по мирному использованию атомной энергии.

В 20 крупных городах Китая, в том числе в Пекине, Шанхае, Тяньцзине, Гуанчжоу, Шэньяне, Харбине, Сиани, Ухани, Чунцине, Баотоу, были созданы Дома китайско-советской дружбы, являвшиеся центрами по проведению агитационно-массовой работы среди населения. В них, как правило, имелись кинозалы, выставочные залы, помещения для культурно-массовой работы, библиотеки и читальни. В Домах дружбы демонстрировались советские кинофильмы, организовывались фотовыставки и выставки книг, проводились вечера, посвященные советским писателям и поэтам, вечера музыки, устраивались встречи с членами советских делегаций и делегаций китайской общности, посетивших Советский Союз.

...Мало кто из пекинцев в 1950-е годы не знал Дома культуры, расположенного в непосредственной близости от площади Тяньаньмэнь и работавшего под руководством Пекинского отделения ОКСД. Сюда приходили, чтобы послушать рассказ поэта Сяо Саня о его встречах с А.М. Горьким; пообщаться с прекрасным знатоком русской и советской литературы Гэ Баоцюанем. Многие молодые посетители Дома культуры впервые слышали

здесь о Павле Корчагине, Зое и Шуре Космодемьянских. В Доме культуры организовывались встречи с Р.П. Островской и Л.Т. Космодемьянской; молодежи рассказывали о героях «Молодой гвардии», о подвигах советского народа в годы Великой Отечественной войны. В Доме культуры демонстрировалась выставка, посвященная 20-летию со дня смерти А.М. Горького, на которой были представлены произведения писателя и книги, посвященные его творчеству; здесь выступали известные советские писатели С. Бабаевский и В. Кетлинская, регулярно проводились вечера поэзии А. Пушкина, В. Маяковского, А. Суркова, Н. Тихонова, М. Исаковского. Большой популярностью пользовались неоднократно демонстрировавшиеся фильмы «Мать», «Педагогическая поэма», «Урок жизни», «Неоконченная повесть», «На дне», «Анна Каренина» и др. Только за период 1951–1958 гг. в пекинском Доме культуры было организовано более 900 показов фильмов, которые посмотрели более 1 млн человек. За семь лет было проведено более 200 концертов советской музыки, на которых побывали 120 тыс. человек. При Доме культуры ОКСД успешно работала библиотека-читальня, в которой имелись тысячи томов советской художественной литературы, а также китайских и советских периодических изданий.

Активной деятельности ОКСД в первые годы во многом содействовали связи с Всесоюзным обществом культурных связей с заграницей (ВОКС), оказывавшим ему помощь путем безвозмездного снабжения кинофильмами, фотовыставками, литературой.

В 1949–1950 гг. ВОКС в качестве подарка направил ОКСД 10 агитавтобусов, специально оборудованных кино- и радиоаппаратурой. За два года эти агитмашины побывали в 25 провинциях, дали 2500 киносеансов, на которых присутствовали 18 млн зрителей, было организовано 400 фотовыставок, которые посетили более 3 млн человек. Значительную помощь в пропаганде достижений СССР оказала группа советских ученых, приглашенных в 1950 г. в КНР Обществом дружбы при содействии ВОКС для чтения лекций. Члены этой группы прочитали в различных городах страны свыше 200 лекций, которые прослушали 250 тыс. человек.

В 1956 г. в Москве состоялась встреча и переговоры Го Можо – заместителя председателя ОКСД, генерального секретаря Цянь Цзюньжуя и заместителя генерального секретаря Сяо Саня с руководством ВОКС по вопросу о более тесной координации деятельности организаций.

В течение восьми лет ВОКС оставался главным партнером ОКСД в обменах делегациями. По приглашению ВОКС уже в 1949 г. на торжества, посвященные 32-й годовщине Октября, СССР посетила делегация во главе с Дин Лин, автором популярного в те годы романа «Солнце над рекой Сангань». В 1951 г. была приглашена делегация во главе с заместителями председателя ОКСД Шэнь Цзюньжу и Линь Боцюем, в состав которой вошли руководители многих местных отделений Общества. Возвратившись на родину, они объехали многие города Китая, делаясь впечатлениями, рассказывая об опыте, который получили в СССР.

Большое общественно-политическое звучание получило пребывание в Советском Союзе в апреле–мае 1955 г. делегации ОКСД во главе с членами его правления Ван Куньлуном и Гэ Баоцюанем. Члены делегации посетили Москву, Ленинград, Сталинград, Вильнюс, совершили поездку по Волго-Донскому каналу, участвовали в первомайских торжествах в Москве, в праздновании Дня печати, 200-летия со дня основания МГУ: встречались с рабочими, студентами, учеными и писателями. После возвращения на Родину они поделилась впечатлениями о пребывании в СССР на собраниях общественности в Пекине, Тяньцзине, Шанхае и других городах. Статьи, подготовленные членами делегации, были опубликованы в газетах «Китайско-советская дружба», «Жэньминь жибао» и на страницах журнала «Дружба».

В деятельности ОКСД активную роль играл ВОКС при направлении в Китай по приглашению ОКСД делегаций советской общественности. В манифестацию дружбы превратилось пребывание в КНР в 1955 г. делегации во главе с первым секретарем правления Союза советских писателей А.А. Сурковым, приглашенной Обществом китайско-советской дружбы для участия в мероприятиях, посвященных 6-й годовщине образования КНР. В составе делегации было много видных представителей советской общественности: в том числе писатель В.И. Кочетов, ректор МГУ академик И.Г. Петровский, народная артистка СССР О.В. Лепешинская, мать героев Советского Союза Зои и Шуры Космодемьянских – Л.Т. Космодемьянская – член Антифашистского комитета советских женщин. За 25 дней пребывания в Пекине, Шанхае, Сиани, Ухани, Чунцине, Нанкине, Гуанчжоу и Ханчжоу члены делегации выступили на 35 массовых встречах и приняли участие в 30 беседах с различными представителями китайской общественности, в которых в общей сложности участвовали свыше 60 тыс. человек.

ВОКС в первые годы после создания ОКСД не только активно с ним сотрудничал, но и имел в Китае своего представителя, как его тогда называли, уполномоченного. Таким уполномоченным ВОКС в Пекине, работавшим в составе советского посольства, был Олег Борисович Рахманин – ветеран Великой Отечественной войны, находившийся в рядах Советской Армии в 1942–1945 гг.

Выполняя во время работы в посольстве СССР обязанности уполномоченного ВОКС, он внес большой вклад в дело развития советско-китайских культурных и общественных связей. В 1955 г., поскольку к развитию советско-китайских общественных связей, помимо ВОКС, активно подключились советские творческие союзы и многочисленные общественные организации, должность уполномоченного ВОКС была упразднена. Здание ВОКС, расположенное в центре Пекина, со всем его оборудованием было передано пекинскому отделению ОКСД, став основной базой его деятельности.

2 мая 1959 г. в Пекине состоялась III Всекитайская конференция Общества китайско-советской дружбы. В ее работе приняли участие свыше тысячи делегатов, а также руководители партии и правительства КНР: Дун Биу, Чжоу Энълай, Линь Бяо, Дэн Сяопин, Линь Боцюй, Пэн Чжэнь, председатель Центрального правления ОКСК Сун Цинлин, заместители председателя

Ли Цзишэнь, У Юйчжан, Шэнь Цзюньжу, Хуан Яньпэй, Уланьфу, Лю Нинъи, Ма Иньчу, Сайфуддин, Шао Лицзы, Ли Чжучэнь, Цянь Цзюньжуй, члены Центрального правления. На конференцию был приглашен посол СССР в КНР П.Ф. Юдин. «Ничто в мире не может поколебать единства между великим Советским Союзом и великим Китаем... В мировой истории никогда не существовало такой дружбы и такого единства, – сказала Сун Цинлин, открывая конференцию. – Славная летопись и грандиозные успехи китайско-советской дружбы свидетельствуют о том, что она является политической, экономической и общественной силой великого исторического значения».

С отчетным докладом на конференции выступил генеральный секретарь Общества, кандидат в члены ЦК КПК Цянь Цзюньжуй. Он подвел итоги пятилетней деятельности общества после II Всекитайской конференции, рассказал о его широкой информационной работе среди различных слоев китайской общественности. Было отмечено большое значение начавшего издаваться в 1957 г. на русском языке еженедельного журнала «Дружба», пользовавшегося большой популярностью у советских читателей и вносящего тем самым важный вклад в ознакомление советской общественности с жизнью КНР. Председателем Центрального правления общества была вновь переизбрана Сун Цинлин, ее заместителями снова стали такие крупные деятели, как Линь Боцюй, Линь Бяо, Го Можо, У Ланьфу, Лю Нинъи, Ляо Чэнчжи, Сайфуддин. Генеральным секретарем был переизбран Цянь Цзюньжуй.

Общество советско-китайской дружбы

Всестороннее развитие советско-китайских межгосударственных отношений, участие в их развитии ВОКСа, других советских общественных организаций и творческих союзов, а также с каждым днем растущий интерес советского народа к жизни страны-соседа и советско-китайскому сотрудничеству поставил на повестку дня задачу создания в СССР организации, которая явилась бы достойным партнером Общества китайско-советской дружбы, стала бы содействовать привлечению широкой советской общественности к дальнейшему развитию советско-китайских отношений.

С предложением о создании такой организации активно выступали ветераны советских вооруженных сил, на разных этапах китайской революции участвовавшие в оказании помощи китайскому народу; советские специалисты, помогавшие китайскому народу в строительстве новой жизни и представители различных слоев советской общественности, побывавшие в КНР по приглашению ОКСД и увидевшие, какую важную роль играет эта организация в общественно-политической жизни страны.

В Москве была образована инициативная группа по созданию новой общественной организации. В ее состав входили ветеран КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР А.А. Андреев, посол СССР в КНР П.Ф. Юдин, председатель Президиума ВОКС Н.В. Попова, председатель Советского

Комитета защиты мира, секретарь Союза писателей СССР Н.С. Тихонов, главный редактор газеты «Правда» П.А. Сатюков, директор Института китайоведения АН СССР А.С. Перевертайло, доктор филологических наук, китайовед, ученый и дипломат Н.Т. Федоренко, токарь московского завода «Красный пролетарий» В.Ф. Шумилин, помощница мастера текстильной фабрики в г. Иваново М.В. Куликова и др. Среди активных сторонников и инициаторов создания новой организации были О.Б. Рахманин, а также С.Л. Тихвинский, возглавлявший в то время отдел стран Азии Госкомитета по культурным связям при Совете Министров СССР.

29 октября 1957 г. в Большом зале Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского состоялось учредительное собрание по созданию Общества советско-китайской дружбы (ОСКД), первого в нашей стране общества дружбы с народами зарубежных стран.

Участниками торжественного собрания были более 2 тыс. представителей государственных и общественных организаций, деятелей науки и культуры, рабочих, колхозников, учащейся молодежи, воинов советских вооруженных сил. Вместе с москвичами в зале находились представители Ленинграда, Новосибирска, Иркутска, Воронежа и других городов.

Гостями учредительного собрания были сотрудники посольства КНР во главе с послом Лю Сяо, китайские специалисты, проходившие стажировку на московских предприятиях, а также китайские аспиранты и студенты московских вузов.

Вступительным словом собрание открыла Н.В. Попова – председатель Президиума ВОКС. Она остановилась на большом значении советско-китайской дружбы, указав на назревшую необходимость создания Общества советско-китайской дружбы, работа которого призвана служить делу дальнейшего сплочения двух великих народов. После торжественного исполнения государственных гимнов Советского Союза и Китайской Народной Республики слово для доклада об учреждении ОСКД было предоставлено члену Президиума Верховного Совета СССР А.А. Андрееву. «Тесная и нерушимая дружба связывает наш народ с великим китайским народом, – сказал он. – Эта дружба имеет давние и прочные традиции. Тридцать тысяч китайских бойцов с оружием в руках приняли непосредственное участие в Октябрьской революции и защите молодой Советской республики. Советский и китайский народы своей совместной борьбой в годы Второй мировой войны внесли неоценимый вклад в дело установления мира на Дальнем Востоке и во всем мире». А.А. Андреев говорил в своем докладе о победе народной революции в Китае, приведшей к образованию Китайской Народной Республики, об успехах социалистического строительства в Китае, об участии Советского Союза в оказании помощи братскому китайскому народу, о благородной деятельности Общества китайско-советской дружбы. «Братская дружба и тесное сотрудничество, сложившиеся между народами Советского Союза и Китайской Народной Республики, являются собой яркий пример нового типа отношений между народами, которого не знала история человечества... Создание Общества советско-китайской дружбы является новым дополнительным звеном в тех разносторонних связях, которые установились между СССР

и КНР. Я полагаю, что выражу мнение всех здесь присутствующих, волю всего нашего народа, если внесу предложение о создании в Советском Союзе новой общественной организации – Общества советско-китайской дружбы».

На учредительном собрании в поддержку создания Общества советско-китайской дружбы выступили также известная общественная деятельница Л.Т. Космодемьянская, кинорежиссер С.А. Герасимов, председатель Комитета молодежных организаций СССР С.К. Романовский, председатель ЦК профсоюза рабочих железнодорожного транспорта Е.Т. Чередниченко, рабочий Ленинградского Кировского завода И.Д. Леонов, председатель колхоза «Двенадцатый Октябрь» Костромской области П.А. Малинина, иркутский писатель Г.Ф. Кунгуров, студентка Института восточных языков при МГУ А. Громова, председатель Казахского республиканского общества дружбы с заграницей М. Джангалин и председатель Узбекского общества культурных связей с заграницей Ш. Ширинбаев. Все выступавшие, отмечая огромное значение дружбы между народами наших стран, были единодушны в том, что создание Общества советско-китайской дружбы подтверждает давние симпатии нашего народа к Китаю, его освободительной борьбе, говорит о стремлении и дальше идти вместе по пути построения новой жизни; свидетельствует о решимости принимать активное участие в деятельности создаваемой организации.

Тепло встреченный присутствующими на собрании выступил Лю Сяо – посол КНР в СССР, член Центрального правления Общества китайско-советской дружбы. «Данное собрание, – заявил он, – происходит накануне 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, что придает ему особое значение... Китайский народ рассматривает китайскую революцию как продолжение Великой Октябрьской социалистической революции и, идя по этому пути, добился решающей победы в социалистической революции и больших успехов в социалистическом строительстве. Китайский народ как в своей революционной борьбе, так и в социалистическом строительстве всегда получал и получает большую поддержку и бескорыстную помощь со стороны советского народа и питает глубокую благодарность советскому народу за его великий интернационализм. Дружба между китайским и советским народами выше неба, глубже моря, она как сосна на морозе всегда свежа, никогда не увядает. ... На этой прочной, монолитной основе великая дружба между нашими народами развивается необычайно быстро. Дружеские отношения между народами наших стран с каждым днем расширяются, взаимопонимание между ними с каждым днем углубляется. Взаимный обмен визитами культурных и дружественных делегаций между нашими странами с каждым годом увеличивается, масштабы сотрудничества в области науки, техники и культуры получают все новое и новое развитие. В благородном деле содействия дружбе и сотрудничеству наших народов большую роль играл ВОКС». «Мы уверены в том, что создание Общества советско-китайской дружбы в новой обстановке ее развития непременно внесет большой вклад в дело дальнейшего развития китайско-советских связей и контактов. Мы от души приветствуем создание Общества советско-китайской дружбы и желаем больших успехов в его деятельности», – этими словами посол Лю Сяо закончил свое выступление.

Заместитель министра просвещения РСФСР Л.В. Дубровина внесла проект постановления об учреждении в Советском Союзе Общества советско-китайской дружбы. Это постановление под бурные аплодисменты было единогласно принято.

На собрании огласили приветственную телеграмму из Пекина от Общества китайско-советской дружбы за подписями Сун Цинлин и Цянь Цзюнь-жуя: «Дорогие товарищи! Мы с радостью узнали о создании Общества советско-китайской дружбы. От имени всех членов Общества китайско-советской дружбы разрешите передать Вам, а через Вас всему братскому советскому народу, сердечные горячие поздравления. Китайский народ полностью понимает великое значение дружественного сотрудничества между Китаем и Советским Союзом. Основанная на пролетарском интернационализме монолитная дружеская сплоченность народов Китая и Советского Союза является залогом процветания и могущества наших стран, а также надежным оплотом мира во всем мире. Создание Общества советско-китайской дружбы является убедительным доказательством того, что отношения дружественного сотрудничества между Китаем и Советским Союзом крепнут и развиваются с каждым днем, и будут способствовать дальнейшему укреплению сплоченности и дружбы между народами двух стран. Китайский народ горячо приветствует создание Общества советско-китайской дружбы. Да здравствует вечная и нерушимая дружба народов Китая и Советского Союза!».

Под бурные аплодисменты было принято ответное послание в адрес Центрального правления Общества китайско-советской дружбы, в котором подчеркивалось, что решение о создании Общества советско-китайской дружбы отвечает горячему желанию всего 200-миллионного советского народа.

Участники учредительного собрания по предложению ректора МГУ академика И.Г. Петровского избрали Правление ОСКД в составе 50 человек. Председателем правления был единогласно избран член Президиума Верховного Совета СССР А.А. Андреев. Заместителями председателя были названы президент Дальневосточного филиала Академии наук СССР В.Т. Быков; народный артист СССР, кинорежиссер С.А. Герасимов; заместитель министра просвещения РСФСР Л.В. Дубровина; директор Института китаеведения Академии наук СССР А.С. Перевертайло; президент Академии наук Казахской ССР К.И. Сатпаев; главный редактор газеты «Правда» П.А. Сатюков; секретарь правления Союза писателей СССР, председатель Советского Комитета защиты мира Н.С. Тихонов; маршал Советского Союза В.И. Чуйков; секретарь Хабаровского крайкома КПСС А.П. Шитиков, секретарь Приморского крайкома КПСС Т.Ф. Штыков.

В состав Правления ОСКД вошли такие видные государственные и общественные деятели, как Н.И. Бобровников – депутат Верховного Совета СССР, председатель исполкома Моссовета; В.П. Елютин – депутат Верховного Совета РСФСР, министр высшего и среднего специального образования СССР; Е.Т. Чередниченко – председатель ЦК профсоюза работников железнодорожного транспорта; видные общественные деятели Е.Д. Стасова, А.С. Панюшкин, дважды Герой Советского Союза А.Ф. Федоров;

советские гражданские и военные специалисты, в разные годы работавшие в Китае, – И.В. Архипов, К.С. Силин, А.И. Черепанов, Н.М. Хлебников, А.Я. Калягин; член Союза писателей СССР, иркутский писатель Г.Ф. Кунгуров; народный художник СССР О.Г. Верейский; народные артисты СССР Г.С. Уланова и М.И. Царев; В.И. Добрынина – директор Московского стоматологического института; общественная деятельница Л.Т. Космодемьянская; герой Советского Союза, ординатор 1-го Московского медицинского института Н.В. Троян; ученые-китаеведы С.Л. Тихвинский, Е.Ф. Ковалев (главный редактор журнала «Советское китаеведение»), В.Н. Рогов, Г.В. Ефимов, Н.Т. Федоренко, Л.З. Эйдин, И.М. Ошанин; токарь московского завода «Красный пролетарий» В.Ф. Шумилин.

В свое время подчеркивалось, что образование Общества советско-китайской дружбы нашло горячий отклик у широких кругов советской и китайской общественности. В адрес Общества стали поступать сотни писем и телеграмм из республик, краев, областей и городов нашей страны, в которых советские люди, коллективы предприятий, культурных и научных учреждений, вузов и школ приветствовали создание новой советской общественной организации.

«Создание Общества советско-китайской дружбы представляет собой новое звено во всестороннем сотрудничестве китайского и советского народов, – писала 31 октября 1957 г. газета “Жэньминь жибао”. – Китайский народ искренне приветствует создание общества, приветствует его благородные цели и желает ему успехов в работе... Создание Общества советско-китайской дружбы есть убедительное доказательство того, что отношения дружественного сотрудничества между Советским Союзом и Китаем крепнут и развиваются с каждым днем и будут способствовать дальнейшему укреплению сплоченности и дружбы между народами двух стран».

Задачи, которые ставило перед собой ОСКД, были определены его уставом, утвержденным на заседании Правления 12 мая 1958 г.

В соответствии с уставом, ОСКД – это добровольная общественная организация, целью которой является всемерное содействие развитию и укреплению братской дружбы и сотрудничества между народами СССР и КНР, широкое ознакомление советской общественности с жизнью китайского народа, его историей и культурой, достижениями в государственном, экономическом и культурном строительстве, а также содействие ознакомлению общественности КНР с жизнью советского народа, его историей и культурой, достижениями в деле развития страны.

Общество советско-китайской дружбы в соответствии с уставом:

- поддерживает постоянные дружественные связи с Обществом китайско-советской дружбы (ОКСД) в целях обмена опытом и проведения, по взаимному согласию, мероприятий, способствующих успешному развитию деятельности обществ;

- содействует дружественным связям между культурными, научными, молодежными, спортивными, туристическими и другими общественными организациями и учреждениями; деятелями культуры, науки, представителями различных профессий, используя в этих целях взаимные поездки делегаций

и отдельных представителей, а также обмен литературой, периодическими изданиями, произведениями искусства и другими материалами;

- содействует распространению в СССР различного рода изданий, выпускаемых в КНР, в том числе печатных органов ОКСД; переводу и изданию на языках народов СССР произведений китайских писателей, ученых, общественных деятелей; организации в СССР выставок, представленных ОКСД; демонстрации китайских кинофильмов; театральным постановкам, организации радио- и телевизионных передач и проведению других мероприятий, знакомящих с жизнью народов Китая и их успехами в строительстве социализма;

- издает на китайском языке журнал – орган ОКСД, оказывает помощь ОКСД в работе по ознакомлению китайского народа с жизнью Советского Союза, путем направления в КНР выставок, литературы, других информационных материалов о Советском Союзе;

- проводит собрания, посвященные памятным датам и событиям из китайской истории и истории советско-китайских отношений, организует встречи, вечера, концерты и другие мероприятия, отвечающие задачам деятельности общества.

Учредительное собрание Общества советско-китайской дружбы прошло в канун 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. В КНР по линии ОКСД была развернута большая работа по подготовке и проведению мероприятий, посвященных этому знаменательному юбилею. Председателем Оргкомитета по проведению юбилейных торжеств стал У Юйчжан, член ЦК КПК, заместитель председателя ЦП ОКСД. Все улицы Пекина оделись в праздничный наряд. Центральное правление ОКСД в столичном парке имени Сунь Ятсена организовало фотовыставку, посвященную жизни Советского Союза, которую посетили Чжу Дэ, Чэнь И, У Юйчжан. По инициативе пекинского отделения ОКСД во Дворце культуры трудящихся был открыт книжный базар советской литературы; в пекинской гостинице «Дружба» состоялась встреча учащихся советской школы с учащимися китайских школ Пекина.

Для участия в мероприятиях, посвященных 40-летию Октября, ОКСД пригласило в Китай делегацию советской общественности во главе с А.А. Андреевым – председателем только что созданного Общества советско-китайской дружбы.

За 20 дней пребывания в стране делегация посетила Пекин, Шанхай, Ханчжоу, Гуанчжоу и Ухань, участвовала в многочисленных массовых митингах, имела встречи и беседы с представителями различных слоев китайской общественности. Делегация была приглашена на торжественное собрание общественности Пекина, проведенное 6 ноября во Дворце спорта – самом тогда большом зале города. В праздничном концерте участвовали артисты Новосибирского театра оперы и балета, восторженно встреченные пекинцами.

7 ноября руководители ЦК КПК Лю Шаоци, Чжу Дэ, Чжоу Эньлай, Чэнь Юнь и Пэн Чжэнь приняли всех членов делегации во главе с А.А. Андреевым. Вечером делегация присутствовала на грандиозных народных гуляниях и фейерверке на площади Тяньаньмэнь, во время которых А.А. Андреев

и члены делегации были приглашены на почетную трибуну, где они находились вместе с Лю Шаоци, Чжу Дэ, Чжоу Эньлаем, Чэнь Юнем и Пэн Чжэнем.

В Пекине члены делегации, разбившись на группы, имели встречи с заместителями председателя Всекитайской федерации женщин Кан Эцин и Ян Чжихуа; секретарем ЦК КСМ Китая Ху Кэши, с вице-президентами АН Китая У Юсюнем и Чжан Цзинфу. Маршал Не Жунчжэнь пригласил на ужин члена делегации Е.В. Тесленко – бывшего советника военной школы Вампу. Композитор В. И. Мурадели побывал в Союзе китайских композиторов, где встретился с китайскими музыкальными деятелями Люй Цзи, Ма Кэ и Цюй Сисянем.

А.А. Андреева тепло приняли члены Центрального правления ОКСД; он посетил Дом культуры, где работало пекинское отделение ОКСД, ознакомился с фотовитриной, установленной в районе Сидань. Часть делегации участвовала в 3-тысячном митинге рабочих и служащих Шицзиншаньского металлургического комбината, другие члены делегации побывали на пекинской хлопчатобумажной фабрике и имели теплые встречи с преподавателями и учащимися Политехнического института Цинхуа.

В течение трехдневного пребывания в Шанхае делегацию сопровождал секретарь Шанхайского ГК КПК, заместитель председателя Шанхайского отделения ОКСД Чэнь Писянь. Делегация участвовала в массовом митинге трудящихся Гуанчжоу, возложила цветы к мемориалу героев-революционеров, павших в дни Кантонской коммуны.

Тепло и радушно делегацию ОКСД принимали в Ухане – одном из центров индустриализации Китая, где она посетила построенный с помощью СССР и только что сданный в эксплуатацию Большой Уханьский мост, строительную площадку Уханьского металлургического комбината, Дворец китайско-советской дружбы, Уханьский завод тяжелого машиностроения, Уханьский университет, медицинский институт и высшее пехотное училище. Приветствуя делегацию, первый секретарь Комитета КПК провинции Хубэй Ван Жэньчжун сказал: «Огромные успехи во всех областях строительства, достигнутые в районе Уханя за истекшие восемь лет, досрочное окончание строительства Большого Уханьского моста через Янцзы и открытие по нему движения неотделимы от великой, бескорыстной помощи со стороны Советского Союза».

25 ноября 1957 г. перед отъездом на Родину всех членов делегации советской общественности во главе с А.А. Андреевым и сопровождавших делегацию советских товарищей принял Председатель КНР Мао Цзэдун.

В тот же день с делегацией встретилась и устроила в ее честь прощальный прием председатель Центрального правления ОКСД Сун Цинлин. В своей речи на приеме А.А. Андреев, говоря о впечатлениях членов делегации, сказал: «Всюду, где бы мы ни были, мы видели и чувствовали морально-политическое единство китайского народа, его единодушное стремление к одной цели – социалистическому преобразованию своей страны, видели настойчивость, упорство людей, работавших на различных участках строительства во имя скорейшего достижения этой цели. Всюду мы также видели и чувствовали огромное доверие народа к Компартии и правительству Китая...».

Выступая с ответным словом, председатель Центрального правления ОКСД Сун Цинлин, сказала: «Мы благодарны товарищу А.А. Андрееву за то, что вскоре после создания Общества советско-китайской дружбы он принял наше приглашение и прибыл в Китай для участия в торжествах китайского народа по случаю 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Его выступления, полные глубокого содержания, явились огромным вдохновляющим стимулом для нашего народа. Его визит содействовал укреплению и развитию связей между Обществом китайско-советской дружбы и Обществом советско-китайской дружбы».

На заседании Правления ОКСД 10 января 1958 г. был заслушан отчет делегации о поездке в КНР. Правление выразило сердечную благодарность Центральному правлению Общества китайско-советской дружбы за радушный прием делегации и предоставление ее членам больших возможностей для ознакомления с жизнью китайского народа и богатым опытом работы Общества китайско-советской дружбы.

В дни, когда Китай исключительно тепло принимал делегацию советской общественности во главе с А.А. Андреевым, в СССР был оказан радушный прием делегации китайской общественности.

По приглашению ВЦСПС, ВОКС, ВЛКСМ, Советского Комитета защиты мира, Комитета советских женщин Общество китайско-советской дружбы, Всекитайская федерация профсоюзов, Коммунистический союз молодежи Китая и Всекитайская федерация женщин направили в Москву «делегацию трудового народа Китая» для участия в праздновании 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Делегацию в составе 36 человек возглавлял член ЦК КПК Лю Нинъи. В состав делегации входили китайские ветераны – участники Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны, передовики промышленности и сельского хозяйства, представители научной и творческой интеллигенции, писатели, художники, представители молодежи. В составе делегации были генеральный секретарь ОКСД – Цянь Цзюньжуй, всемирно известный артист пекинской оперы Мэй Ланьфан и известный китайский писатель Лао Шэ.

Делегация присутствовала на юбилейной сессии Верховного Совета СССР, торжественном собрании представителей трудящихся, на военном параде и демонстрации трудящихся на Красной площади. В течение 24 дней пребывания делегация помимо Москвы посетила Ленинград и Киев, имела встречи и беседы с руководителями ВОКС и только что созданного Общества советско-китайской дружбы, Всесоюзного центрального совета профсоюзов, ЦК ВЛКСМ, Комитета советских женщин.

Участие делегаций советской и китайской общественности в массовых мероприятиях в Китае и СССР, посвященных 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, дали мощный толчок бурному развитию советско-китайских общественных связей, росту популярности обществ дружбы среди широких кругов общественности обеих стран.

В целях расширения информационной деятельности, установления контактов ОСКД с советскими творческими союзами и другими организациями, а также в целях более эффективной помощи китайским партнерам Правление ОСКД на своем заседании 10 января 1958 г. приняло решение о создании при обществе профессиональных секций и выпуске на китайском языке еженедельного журнала «Советско-китайская дружба».

На основании этого решения при ОСКД было создано семь профессиональных секций, в состав которых вошло более 250 видных общественных и государственных деятелей. Большинство из этих людей в разное время участвовали в оказании помощи Китаю в борьбе за победу народной революции и в становлении новой жизни.

Одной из первых при ОСКД была создана секция внешних связей и делегационных обменов во главе с А.С. Панюшкиным – членом правления общества, бывшим советским послом в Чунцине, который в момент создания общества возглавлял один из отделов ЦК КПСС, его заместителем стал С.Л. Тихвинский, заведующий отделом социалистических стран Азии Госкомитета по культурным связям с заграницей. Секцию лекционной пропаганды возглавила Л.В. Дубровина – заместитель председателя правления общества, депутат Верховного Совета РСФСР, заместитель министра просвещения РСФСР. Во главе секции научных связей встал В.П. Елютин – член правления общества, министр высшего и среднего специального образования СССР. Секцию наглядной агитации возглавил А.В. Софронов – член правления общества и член правления Союза писателей СССР. Во главе секции по связям молодежи, спортивных и туристских организаций встал В.Е. Семичастный – член правления общества, секретарь ЦК ВЛКСМ. Секцию литературы и печати возглавил Н.С. Тихонов – заместитель председателя правления общества, секретарь правления Союза писателей СССР, председатель Советского Комитета защиты мира. Во главе секции искусств встал кинорежиссер С.А. Герасимов – заместитель председателя правления, народный артист СССР; при этой секции были созданы подсекции изобразительного искусства во главе с членом правления общества, народным художником СССР О.Г. Верейским; музыки – во главе с членом правления общества, народным артистом СССР В.И. Мурадели и театра во главе с членом правления общества народным артистом СССР М.И. Царевым.

В состав созданных при обществе секций, как правило, входили опытные специалисты, занимавшиеся изучением Китая, имевшие опыт работы там или работавшие с китайскими специалистами, учеными, студентами, стажировавшимися в НИИ АН СССР или учившимися в московских вузах.

Активную работу после своего создания развернула секция внешних связей и делегационных обменов. На заседаниях секции заслушивалась информация о поездках делегаций в КНР, а также сообщения о связях и производственных контактах советских и китайских предприятий, учреждений культуры, вузов.

Секция часто практиковала проведение выездных заседаний. Одно из таких заседаний секции с участием столичных театральных коллективов было

проведено в Московском музыкальном театре имени К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко, только что вернувшимся из гастрольной поездки в КНР. На нем было заслушано сообщение директора театра, заслуженного артиста РСФСР Г.И. Полякова об опыте дружеских творческих связей коллектива с Центральным экспериментальным театром КНР. В театре была развернута большая выставка, посвященная китайским гастролям. Здесь же экспонировались материалы о традиционных дружеских контактах советских и китайских деятелей культуры, в частности о встречах в 1935 г. К.С. Станиславского с Мэй Ланьфаном во время его гастролей в СССР. На выставке также демонстрировались подарки китайских друзей – музыкальные инструменты, национальные костюмы, предметы художественного творчества. Артисты театра рассказали о своих выступлениях в Китае, о том, как во время гастролей ведущие солисты театра помогли китайским исполнителям подготовить сложные вокальные партии из опер «Евгений Онегин», «Чио-Чио-сан», «Травиата».

Выступавшие представители московской музыкальной и театральной общественности, театральных вузов и училищ говорили о плодотворных результатах творческих контактов, о совместной работе с китайскими коллегами над постановкой китайских пьес на сценах советских театров и оказании им помощи в продвижении пьес русских и советских авторов на сцены театров Китая. В заседании принял участие советник посольства КНР Чжан Инью, который в своем выступлении горячо приветствовал развитие творческих контактов и обмена между советскими и китайскими театральными и музыкальными коллективами.

Под председательством С.Л. Тихвинского одно из выездных заседаний секция внешних связей провела во Дворце культуры автозавода им. И.А. Лихачева с участием более 800 представителей коллектива автозавода, текстильного комбината «Трехгорная мануфактура», завода «Красный пролетарий» – коллективных членов ОСКД, а также представителей ЦК профсоюза рабочих металлургической промышленности. На обсуждение заседания был вынесен вопрос о дружеских связях ЗИЛа с Чанчуньским автозаводом. Гости заседания были сотрудники посольства КНР во главе с советником Ли Тао, китайские аспиранты и студенты. Заместитель главного инженера завода А.Т. Бойко рассказал об истории установления связей, о дружеской помощи, которую коллектив ЗИЛа оказал в строительстве Чанчуньского автозавода и подготовке его квалифицированных кадров. «В Чанчуне с помощью 200 посланцев московских автомобилестроителей еще только возводились стены первенца китайского автомобилестроения, а в Москве на ЗИЛе уже овладевали профессиями более 550 его будущих рабочих инженеров и техников...», – сказал А.Т. Бойко. В телеграмме, присланной на ЗИЛ из Китая 15 октября 1956 г., в день пуска Чанчуньского автозавода, говорилось: «Коллектив нашего завода искренне благодарен Советскому Союзу за оказанную помощь и никогда не забудет советских специалистов и весь коллектив завода им. И.А. Лихачева, которые не щадя сил отдавали свой труд делу создания нашего завода». В фойе Дворца культуры ЗИЛа была организована выставка

памятных подарков, полученных от китайских друзей. Участники заседания единогласно приняли решение о вступлении коллектива автозавода в ОСКД на правах коллективного члена.

Выступивший на заседании член правления общества, председатель Исполкома Моссовета Н. И. Бобровников приветствовал инициативу работников ЗИЛа и подчеркнул важность участия трудовых коллективов Москвы в деятельности ОСКД.

Одно из заседаний секции было посвящено информации об установлении дружеских связей, о молодежных контактах Иркутской области с провинцией Ляонин. На этом заседании, проведенном совместно с секцией по связям молодежных организаций, секретарь Иркутского обкома ВЛКСМ М. И. Арбатский рассказал о приеме китайских молодежных делегаций и о том, какой огромный интерес у китайских сверстников вызвало посещение ударных молодежных строек г. Ангарска и Братской ГЭС. По итогам этого обсуждения в ЦК ВЛКСМ было направлено предложение о необходимости активизации двусторонних контактов по молодежной линии.

На одном из заседаний секции, проведенном совместно с секцией по обмену научным опытом в Институте металлургии имени А. А. Байкова АН СССР, рассматривался вопрос о развитии научных связей между советскими и китайскими учеными. Было заслушано сообщение заместителя директора Института металлургии, члена-корреспондента АН СССР А. М. Самарина о сотрудничестве ученых и специалистов института с Институтом металлургии и керамики АН Китая. Выступавшие не только приводили факты оказания помощи советскими учеными и специалистами китайским коллегам, но и отмечали, что в Китае в области керамики, биологической науки и других областях имеются достижения, которые должны стать предметом изучения советских ученых.

Секция внешних связей совместно с секцией по обмену научным опытом посвятила одно из своих выездных заседаний связям Московского энергетического института (МЭИ) с высшими учебными заведениями КНР. Заседание, проходившее в Доме культуры МЭИ, вылилось в вечер советско-китайской дружбы, на котором с сообщением о поездке в КНР выступил ректор МЭИ, профессор М. Г. Чиликин. Советник посольства КНР Ли Тао вручил медали китайско-советской дружбы преподавателям МЭИ, награжденным правительством КНР за помощь народному хозяйству Китая. В заключение на вечере выступили артисты находившегося в те дни в Москве Центрального экспериментального театра КНР.

Активную работу развернула после своего создания секция лекционной работы во главе с заместителем министра просвещения РСФСР Л. В. Дубровиной. Она установила контакты с Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний. Была разработана тематика лекций, организовывались семинары для руководителей и активистов местных отделений общества, поддерживались связи с культотделом ВЦСПС, Комитетом по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР. Секция выступила организатором проведения «Дней пропаганды советско-китайской

дружбы» на предприятиях и вузах; проводила в летнее время лектории в парках культуры и отдыха, организовывала встречи в трудовых коллективах с общественными деятелями и членами делегаций, побывавшими в КНР, а также вечера дружбы, лекции и тематические встречи в крупных городах страны.

Так, в Большой аудитории Политехнического музея секцией был организован вечер «Деятели советской культуры о Китае». На нем председатель Исполкома Моссовета Н.И. Бобровников, солистка театра имени К.С. Станиславского и В.С. Немировича-Данченко Н.Ф. Кемарская, писатель В.М. Кожевников, китаевед профессор И.М. Ошанин поделились впечатлениями о посещении КНР, встречах с китайскими деятелями литературы и искусства, отметив неизменный интерес различных кругов китайской общественности к жизни советской страны.

Активную роль в работе секции лекционной пропаганды играли отделение ОСКД в Институте китаеведения АН СССР и его лекторская группа в составе 25 человек, включавшая таких известных ученых и активных пропагандистов, как Р.В. Вяткин, А.Г. Крымов, Г.С. Остроумов, А.В. Меликсетов, Ю.А. Левада и В.И. Данилов. Они участвовали в подготовке печатных материалов для лекторов по различным вопросам жизни Китая и советско-китайских отношений, выступали с инструкторскими докладами на республиканских семинарах, организуемых Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний, выезжали с лекциями в областные центры РСФСР и союзные республики.

Секция литературы и печати во главе с Н.С. Тихоновым неоднократно заслушивала на своих заседаниях сообщения об издании в СССР произведений китайских писателей и поэтов, об оказании содействия издававшемуся с 1 января 1958 г. органу ОСКД – еженедельному журналу «Су Чжун юхао» («Советско-китайская дружба»), о публикациях в центральной и местной прессе материалов, касавшихся КНР и советско-китайских отношений. Члены секции приняли активное участие в организации вечера, посвященного выходу в свет «Антологии китайской поэзии» и в проведении по рекомендации Всемирного Совета Мира торжественного собрания, посвященного 70-летию литературной деятельности великого китайского драматурга Гуань Ханьцина.

По инициативе секции наглядной агитации, которую возглавил А.В. Софронов – член правления Союза писателей СССР, в ЦПКиО имени А.М. Горького и парке «Сокольники» совместно с Исполкомом Моссовета были организованы фотовитрины «Китай сегодня».

Большую работу после создания развернула секция искусств – одна из самых массовых в Обществе, возглавляемая народным артистом СССР, кинорежиссером С.А. Герасимовым. Она установила контакты с Министерством культуры СССР, Союзом кинематографистов, Союзом художников СССР и другими творческими организациями. По инициативе секции на заседании Центрального правления ОСКД, проходившем под председательством А.А. Андреева с участием министра культуры СССР Н.А. Михайлова, был рассмотрен вопрос о расширении демонстрации китайских кинофильмов на экранах советских городов и проведении фестивалей китайских фильмов.

По инициативе секции в Москве были организованы выставки «Китайская литература в иллюстрациях и оформлениях китайских художников»; совместная выставка работ советских и китайских графиков «Пекин–Москва» и всесоюзная выставка «Советские художники о Китае», на которой с огромным успехом демонстрировались картины побывавших в Китае художников В. Богаткина, В. Климашина, О. Верейского, А. Финогенова, Б. Ефимова, Н. Жукова.

Посетители этих выставок отмечали, что советским художникам удалось передать в своих работах трудовой энтузиазм китайского народа, показать чарующую природу Китая, его древние памятники культуры и впечатляющие новостройки.

В работе секции искусств активно участвовал Государственный музей восточных культур и его директор П.Н. Рябинкин, избранный на учредительном собрании ОСКД членом его правления. По инициативе П.Н. Рябинкина в музее проводилась большая работа с различными возрастными категориями населения: школьниками, представителями трудовых коллективов и др. Специалисты музея, в том числе кандидат искусствоведческих наук, заслуженный деятель искусств РСФСР О.Н. Глухарева, часто выезжали в трудовые коллективы Москвы с чтением лекций об изобразительном искусстве Китая, о его выдающихся представителях Сюй Бэйхуне и Ци Байши. При активном содействии ОСКД музей проделал большую работу по созданию и пополнению фондов музеев в Ташкенте, Минске, Фрунзе, Алма-Ате и других регионах СССР за счет передачи им из фондов московского музея части произведений китайского искусства.

Активизация работы секций содействовала значительному росту рядов ОСКД. Если в первые месяцы после учредительного собрания коллективными членами Общества были только его учредители: Московский автозавод имени И.А. Лихачева, Институт китаеведения АН СССР, МЭИ, МАИ, то к концу 1958 г. в состав Общества на правах коллективных членов входило 400 крупнейших промышленных и сельскохозяйственных предприятий, научных и культурных учреждений, вузов и школ. Отделения Общества были созданы в Украинской, Белорусской, Таджикской, Узбекской, Казахской, Киргизской, Грузинской, Азербайджанской, Армянской ССР, Приморском и Хабаровском краях, Ленинградской, Новосибирской, Читинской, Иркутской областях, в Риге, Уссурийске и других городах.

Важное значение в деятельности ОСКД и для его контактов с китайским партнером – ОКСД – имело создание в СССР Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) – преемника ВОКС. ОСКД как первое общество дружбы с народами зарубежных стран было одним из учредителей новой организации, сыгравшей исключительно важную роль не только в деле привлечения широких слоев советской общественности к установлению контактов с зарубежной общественностью, но и для активизации деятельности ОСКД.

На состоявшейся в Москве 17 февраля 1958 г. всесоюзной конференции, принявшей решение о создании ССОД, председатель правления ВОКС Н.В. Попова отметила большое значение ОСКД и его активной деятельности, встреченной с горячим одобрением в Советском Союзе и за рубежом.

В состав Президиума ССОД, призванного руководить его деятельностью в перерывах между всесоюзными конференциями, созываемыми раз в пять лет, от ОСКД были избраны С.А. Герасимов, Л.В. Дубровина, В.П. Елютин, А.С. Панюшкин, П.А. Сатюков, А.В. Софронов, Н.С. Тихонов, С.Л. Тихвинский, Н.В. Троян и М.И. Царев.

Работа ОСКД в составе ССОД обеспечила его штатным аппаратом и создала надежную материальную базу для развития контактов с китайскими партнерами.

Работавшие при ССОД Дом дружбы с народами зарубежных стран и фотокомбинат, а также издававшиеся журнал «Культура и жизнь» и газета «Московские новости» – органы ССОД – предоставили ОСКД возможность в течение более 40 лет пользоваться площадками Дома дружбы для проведения различных мероприятий и встреч с прибывающими в нашу страну делегациями; систематически направлять китайским партнерам фото-выставки и фотоматериалы, отражающие различные стороны жизни СССР и деятельность ОСКД, а в журнале «Культура и жизнь» и на страницах газеты «Московские новости» публиковать материалы об участии российской и китайской общественности в развитии советско-китайских отношений, печатать статьи членов делегаций с впечатлениями о пребывании в КНР и Советском Союзе и т.д.

Председателем Президиума ССОД всесоюзная конференция избрала Нину Васильевну Попову – депутата Верховного Совета СССР, члена Комиссии по иностранным делам Совета Союза, председателя правления ВОКС, председателя Комитета советских женщин, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

В июле 1959 г. Н.В. Попова впервые встретилась с делегацией ОКСД. Возглавлял делегацию хорошо известный и в Китае, и в СССР профессор Пекинского университета Цао Цзинхуа – депутат ВСНП, член правления Союза китайских писателей, член ЦП ОКСД. Среди членов делегации был один из лучших знатоков Советской страны в Китае, известный переводчик, поэт и художник Гао Ман.

Делегация побывала в Москве, Ленинграде, Сталинграде и Грузии. Ознакомилась с достопримечательностями городов, связанными с историей нашей страны, посетила многие промышленные и сельскохозяйственные предприятия, культурно-просветительные учреждения. Имела теплые встречи и беседы с председателем Президиума ССОД Н.В. Поповой, председателем Правления ОСКД А.А. Андреевым, с руководителями партийных и государственных органов, активистами местных отделений общества.

В день отъезда на родину делегацию принял первый секретарь ЦК КПСС, председатель Совета Министров СССР Н.С. Хрущев. По возвращении в Китай руководитель делегации профессор Цао Цзинхуа выступил с рассказом о поездке на расширенном заседании ЦП ОКСД и на массовом митинге представителей общественности г. Пекина. Он сказал: «Поездка в СССР принесла нам огромную пользу. Успехи Советского Союза в коммунистическом строительстве, чувства великой дружбы, питаемые советскими людьми

к китайскому народу, воодушевили нас, оказали на нас огромное воспитательное воздействие».

Незадолго до этого, в мае 1959 г., в Китае высокий прием и горячее гостеприимство были оказаны делегации Общества советско-китайской дружбы во главе с А.Ф. Федоровым – председателем Украинского отделения ОСКД, депутатом Верховного Совета СССР, дважды Героем Советского Союза, министром социального обеспечения УССР. В состав делегации, приглашенной в СССР для участия в работе III Всекитайской конференции ОКСД, которая состоялась в Пекине 2 мая 1959 г., входили известные государственные и общественные деятели: заместитель председателя правления Белорусского отделения ОСКД Г.А. Криюлин, первый секретарь ЦК ЛКСМ Белоруссии; Г.И. Попов – член правления Ленинградского отделения ОСКД, депутат Верховного Совета РСФСР, второй секретарь Ленинградского обкома КПСС и др.

На конференции делегация имела возможность убедиться в том, сколь широкий размах обрела за 10 лет после его создания деятельность Общества китайско-российской дружбы, услышать высокое признание деятельности созданного в Советском Союзе ОСКД. На конференции, в отчетном докладе генерального секретаря ЦП ОКСД Цянь Цзюньжуя и в выступлениях делегатов высокую оценку получил печатный орган ОКСД журнал «Советско-китайская дружба». Этот журнал, главным редактором которого стал опытный журналист-китаевед В.Н. Рогов, начал издаваться 1 января 1958 г. Заместитель генерального секретаря ЦП ОКСД Гэ Баоцюань привел на конференции слова В.Н. Рогова о том, что «журнал призван служить невидимым мостом между советским и китайским народами». В статье «Благородная цель, плодотворная работа», опубликованной в газете «Жэньминь жибао», Гэ Баоцюань, ссылаясь на многочисленные отзывы китайских читателей, написал, что «советский народ, издавая журнал “Советско-китайская дружба”, действительно возвел мост дружбы между двумя нашими народами, дав им возможность с помощью этого моста еще лучше знакомиться с Советским Союзом, учиться у него, еще больше укреплять в нашем народе уверенность в успехе строительства социализма».

21 мая 1959 г., выступая с отчетом о поездке в КНР на заседании ЦП ОКСД, А.Ф. Федоров отметил высокий уровень приема, оказанного делегации в дни ее пребывания в Китае. Она была принята премьером Госсовета КНР Чжоу Энляем, имела дружескую беседу с председателем ЦП ОКСД Сун Цинлин, подтвердившей заинтересованность в дальнейшем расширении и развитии связей между общественностью обеих стран.

В октябре 1959 г. в Китае одновременно с 10-летним юбилеем со дня образования КНР широко и торжественно отмечалась 10-я годовщина со дня установления советско-китайских дипломатических отношений и 10-летие ОКСД.

В юбилейных мероприятиях по приглашению ЦП ОКСД, Всекитайской федерации профсоюзов, Китайского комитета защиты мира, Всекитайской федерации женщин, Всекитайской федерации молодежи и Китайского народного общества культурной связи с заграницей приняла участие делега-

ция ОСКД во главе с Н.С. Тихоновым – заместителем председателя Общества, председателем Советского комитета защиты мира, секретарем Союза писателей СССР. В состав делегации входили председатель Ленинградского отделения ОСКД китаевед, профессор Г.В. Ефимов, вице-президент АН СССР М.А. Лаврентьев, заведующий отделом социалистических стран Востока ССОД В.И. Данилов, а также представители Украинского, Грузинского, Узбекского, Киргизского республиканских, Хабаровского краевого, Владивостокского и Читинского городских отделений ОСКД. Делегация приняла участие в торжественном собрании, посвященном 10-летию КНР.

Делегация также участвовала в торжественном собрании, посвященном 10-летию Общества китайско-советской дружбы. С яркой речью на нем выступил Н.С. Тихонов. «Ваша работа в течение всех прошедших десяти лет, – сказал он, – была посвящена благородной цели – укреплению дружбы и сотрудничества между народами Китая и Советского Союза... Приезжая в Китай и знакомясь с жизнью народов Вашей великой страны, мы, советские люди, на каждом шагу чувствуем внимание и интерес трудящихся Китая к Советскому Союзу... Радует нас то, что уже много наших китайских друзей могут говорить с нами о дружбе по-русски, без переводчика. Мы поздравляем вас, наши друзья из Общества китайско-советской дружбы, с большими достижениями в вашей работе. Эти достижения непосредственно связаны с энергичной деятельностью уважаемого председателя Центрального правления общества, большого друга советского народа, дорогого товарища Сун Цинлин». Его слова были встречены бурными аплодисментами.

За 17 дней пребывания в Китае члены делегации помимо Пекина посетили Тяньцзинь, Сиань, Чэнду, Чунцин, Ухань и Шанхай, участвовали в многочисленных митингах на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, в вузах и школах, встречалась с партийными и хозяйственными руководителями, руководством местных отделений ОКСД. Перед отъездом на родину председатель ЦП ОКСД Сун Цинлин приняла делегацию в своей пекинской резиденции. В ходе исключительно теплой дружеской беседы она вновь подтвердила важное значение деятельности обществ дружбы для развития взаимопонимания и дружбы между народами обеих стран и выразила надежду на то, что эта деятельность будет и впредь развиваться в интересах народов Китая и СССР.

10-летие КНР, 10-я годовщина со дня установления советско-китайских дипломатических отношений и 10-я годовщина со дня создания ОКСД широко и торжественно отмечались и в Советском Союзе.

На заседании ЦП ОКСД 12 мая 1959 г., проходившем под председательством А.А. Андреева, было принято решение о проведении по инициативе ОСКД Месячника советско-китайской дружбы, посвященного юбилейным датам. Празднование этих дат вылилось в яркую манифестацию большой дружбы и глубокого уважения советских людей к китайскому народу. По случаю знаменательных юбилеев Общество выступило инициатором и организатором проведения в Москве, столицах союзных республик, краевых и областных центрах и городах сотен различных массовых мероприятий. Так, в период

месячника только в Москве обществом было организовано 50 собраний, митингов и вечеров советско-китайской дружбы на предприятиях, в вузах и других учреждениях.

Из Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Тбилиси, Баку, Еревана, Душанбе и Ташкента, Иркутска и Владивостока отделениями Общества советско-китайской дружбы были направлены в адрес Общества китайско-советской дружбы тысячи теплых дружеских писем и поздравительных телеграмм, в которых коллективы предприятий, колхозов, совхозов, вузов и школ поздравляли китайских коллег и заявляли о готовности внести свой вклад в дело социалистического строительства в КНР.

Обществом были организованы фотовыставки, проведены многочисленные лекции и беседы о всестороннем советско-китайском сотрудничестве, о жизни и труде китайского народа. На страницах центральных, местных газет и журналов выступали руководители и активисты Общества, члены делегаций советской общественности, посетившие Китай.

Важным этапом в развитии деятельности Общества, в укреплении его связей и контактов с Обществом китайско-советской дружбы стал визит в Москву в ноябре 1959 г. по приглашению ССОД и ОСКД делегации ОКСД во главе с генеральным секретарем его Центрального правления Цянь Цзюньжунем. Делегация была приглашена для участия в праздновании 42-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. За 21 день делегация приняла участие в праздничных мероприятиях в Москве, Ленинграде, Таллине, Киеве и Ташкенте.

На приеме, устроенном советским правительством по случаю 42-й годовщины Октября, делегацию тепло приветствовали руководители ЦК КПСС Н.С. Хрущев, К.Е. Ворошилов и А.И. Микоян. Делегация имела обстоятельную беседу с председателем ЦП ОСКД А.А. Андреевым.

12 ноября 1959 г. А.А. Андреев и Цянь Цзюньжун подписали соглашение о сотрудничестве между Союзом советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, Обществом советско-китайской дружбы и Обществом китайско-советской дружбы. Соглашение подтвердило, что «основными целями и задачами организаций дружбы являются всемерное содействие развитию и укреплению, братского сотрудничества наших народов, широкое ознакомление общественности стран с успехами и достижениями советского и китайского народов в политическом, экономическом и культурном строительстве и в других областях, с историей, искусством и культурой СССР и КНР».

Для дальнейшего расширения советско-китайских общественных связей большое значение имело включение в соглашение пункта, предусматривающего содействие установлению и развитию непосредственных дружеских связей и обмену опытом между отделениями обществ в союзных республиках, краях, областях, и городах СССР и провинциях, автономных районах, городах КНР, а также между отдельными коллективными членами обществ – советскими и китайскими культурными, научными, общественными организациями и учреждениями, предприятиями, учебными заведениями и т.д. Обе

стороны взяли на себя обязательства оказания содействия своим отделениям и первичным организациям в установлении и развитии дружеских связей между представителями одинаковых профессий, деятелями науки, искусства и культуры, рабочими, крестьянами СССР и КНР.

Соглашение предусматривало также расширение делегационного и туристического обменов, проведение различных мероприятий, пропагандирующих нерушимую дружбу и сотрудничество советского и китайского народов, содействие взаимному распространению издаваемых обществами печатных материалов.

Соглашение впервые предусматривало сотрудничество между организациями дружбы на основании подписания планов сотрудничества на очередной календарный год.

После возвращения делегации в Пекин ЦП ОКСД и его пекинское отделение организовали собрание представителей всех слоев населения столицы, на котором с докладом о трехнедельном пребывании делегации в Советском Союзе выступил генеральный секретарь ЦП ОКСД Цянь Цзюньжуй. «Во время этого визита мы ощутили, – сказал он, – как глубоки дружеские чувства советского народа к китайскому народу... Дружба советских людей находит свое проявление, прежде всего, в глубоком интересе к социалистическому строительству в нашей стране». В своем выступлении он высоко отозвался «об огромной, всесторонней и массовой деятельности, которую среди советской общественности проводят ССОД и ОСКД и выразил большое удовлетворение по поводу подписания соглашения о сотрудничестве между организациями дружбы для дальнейшего укрепления и развития их связей и контактов».

После подписания упомянутого выше соглашения по инициативе ОСКД, поддержанной китайским партнерами, были установлены и начали активизироваться связи между Украинским республиканским отделением ОСКД и отделением ОКСД провинции Хубэй; между Грузинским республиканским отделением и отделением провинции Гуандун; Азербайджанским республиканским отделением и отделением провинции Фуцзянь; Узбекским и Казахским республиканскими отделениями и отделением Синьцзян-Уйгурского автономного района; Белорусским республиканским отделением и отделением провинции Хэбэй; Ленинградским отделением и Шанхайским отделением; Хабаровским краевым отделением и отделением провинции Хэйлунцзян; Приморским краевым отделением и отделением провинции Цзилинь; Иркутским областным отделением и отделением провинции Ляонин; Читинским областным отделением и отделением Автономного района Внутренней Монголии.

Многие вузы Москвы, Ленинграда, других советских городов, являвшиеся первичными организациями ОСКД, стали поддерживать дружеские связи с соответствующими вузами Китая. МГУ установил и начал осуществлять широкие контакты с Пекинским университетом, Московский авиационный институт – с Авиационным институтом Пекина, МЭИ – с Университетом Цинхуа и т.д. Помимо обмена учебными планами и пособиями коллективы

проводили месячники и декады дружбы, заочные легкоатлетические соревнования, обменивались студентами, аспирантами и стажерами.

В практику повседневной деятельности Общества, работавших при нем секций и местных отделений стало входить проведение мероприятий, посвященных памяти выдающихся деятелей науки, культуры и искусства Китая. В Москве, Ленинграде, Минске, Тбилиси, Баку, Алма-Ате, Ташкенте и Ереване по материалам, подготовленным секцией лекционной пропаганды, были проведены вечера, посвященные 1250-летию со дня рождения китайского поэта Ду Фу, 100-летию со дня рождения китайского инженера-патриота, создателя первых железных дорог в Китае Чжан Тянью; 100-летию со дня рождения выдающегося китайского художника Ци Байши и 70-летию известного художника Сюй Бэйхуна.

Учитывая возможности Дома дружбы с народами зарубежных стран, Общество стало организовывать в нем просмотры фильмов советских и китайских документалистов. Большим успехом пользовались ленты Р.Л. Кармена, рассказывающие о героических подвигах советских летчиков, защищавших небо Китая от японских агрессоров, а также популярный фильм советского режиссера С.А. Герасимова и китайского писателя Чжоу Либо «Освобожденный Китай».

В Москве, в Доме дружбы с народами зарубежных стран, были организованы встречи коллективов Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии имени А.В. Александрова и Ансамбля песни и танца Народно-освободительной армии Китая; был проведен вечер встречи сотрудников посольства КНР в СССР и китайских студентов с прославленными мастерами ГАБТ СССР: Г. Улановой, М. Плисецкой, Г. Олейниченко и др. Тепло принимали в ОСКД приехавших на гастроли в Москву артистов Центрального экспериментального театра Пекина и китайского пианиста Лю Шикуня – лауреата I Международного конкурса скрипачей и пианистов имени П.И. Чайковского в Москве.

ОСКД активно практиковало такие формы работы, как организация различного рода фото-, книжных и других выставок, получаемых от ОКСД. С фотовыставками «Наш друг Китай», «По берегам Янцзы» познакомились москвичи. В республиках Средней Азии демонстрировались фотовыставки «Ирригационное строительство в КНР», а в Грузинской и Азербайджанской ССР – фотовыставка «Литература и искусство КНР». Общество организовывало выставки китайского прикладного искусства, китайской графики, хунаньских и сучжоуских вышивок, ханчжоуской парчи, детского рисунка, цветных ксилографических репродукций «Жунбаочжай».

Важную роль в дальнейшем развитии дружеских связей по линии обществ дружбы продолжал играть обмен делегациями. Для участия в мероприятиях, посвященных 10-й годовщине со дня подписания Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи между СССР и КНР, в Пекин по приглашению ЦП ОКСД была направлена делегация ССОД и ОСКД во главе с министром высшего и среднего специального образования СССР, членом правления ОСКД В.П. Елютиным. В состав делегации входили также Б.А. Покровский – секретарь

Ленинградского обкома КПСС, С.Л. Тихвинский – тогда член правления ОСКД, директор Института китаеведения АН СССР, а также представители Таджикистана и Азербайджана. Делегация была тепло встречена китайской общественностью Пекина, Цзинани, Шанхая и Ланьчжоу. В канун юбилея ее приняли председатель ПК ВСНП Чжу Дэ, заместители премьера Госсовета Чэнь И и Си Чжунсюнь.

Делегация была приглашена на торжественный прием по случаю 10-летия договора в зал ВСНП, на котором выступали Чжу Дэ, Чэнь И и Го Можо. Приему предшествовал общественный просмотр фильма «Нерушимая дружба», включавшего кадры госкиноархивов СССР и КНР. Пояснительный текст к этому фильму был написан Гэ Баоцюанем.

Перед началом кинопросмотра перед его участниками выступили Цянь Цзюньжуй и С.Л. Тихвинский. Делегация приняла также участие в приеме в посольстве СССР, организованном послом С.В. Червоненко. На этом приеме присутствовали председатель КНР Лю Шаоци, председатель ПК ВСНП Чжу Дэ, другие партийные и государственные руководители Китая.

За время пребывания в Китае делегация провела около 30 встреч с различными представителями китайской общественности, в которых участвовали более 70 тыс. человек. Члены делегации имели ряд профессиональных встреч. Руководитель делегации В.П. Елютин выступил с рассказом о перестройке в советской системе образования в министерствах просвещения и культуры КНР. С.Л. Тихвинский встретился с профессорами Хоу Вайлу, Лю Данянем, Цао Цзинхуа, писателем Ба Цзинем и другими представителями китайской творческой интеллигенции.

В первые годы после создания ОСКД по его приглашению СССР посещали многие известные государственные и общественные деятели Китая, деятели науки и культуры, ветераны КПК и НОАК, деятели молодежного и женского движения, передовики промышленности и сельского хозяйства.

Тепло была принята в Москве и Ленинграде делегация ОКСД во главе с заместителем председателя ПК ВСНП Чжан Су. Делегация во главе с секретарем Всекитайской федерации профсоюзов Кан Юнхэ участвовала в мероприятиях, посвященных 44-й годовщине Великого Октября. Со словами «Мы увозим с собой на родину дружбу великого советского народа» покидала Москву делегация ОКСД во главе с министром просвещения КНР Хэ Вэем. Гостями советского Общества были также писатели Ба Цзинь, Лао Шэ, Мао Дунь, поэт Сяо Сань, прославленный мастер пекинской оперы – Мэй Ланьфан. Китай по приглашению ОКСД также посещали известные советские государственные и общественные деятели, представители советской науки и культуры.

Важнейшим направлением деятельности ОКСД в первые годы являлась работа с китайскими студентами и аспирантами, обучавшимися в вузах Советского Союза. В Москве больше всего их было в МЭИ, МАИ и МГУ. Для китайских студентов устраивались вечера дружбы, организовывались экскурсии по памятным местам, проводились кинопросмотры, посещения промышленных предприятий, встречи с передовиками производства, ветеранами

партии, героями Великой Отечественной войны. Совместно с МГК ВЛКСМ Общество организовывало собрания и вечера, посвященные годовщинам КНР и празднику китайской молодежи «Дню 4-го мая». Китайские студенты и аспиранты также часто выступали в первичных организациях Общества с рассказом о событиях, происходящих в Китае, об участии молодежи в освободительной борьбе китайского народа и строительстве нового Китая. По случаю 10-летия КНР только в Москве было организовано 300 выступлений китайских студентов на московских предприятиях и в подмосковных колхозах.

Для оказания помощи ОКСД в его информационной деятельности ССОД и ОСКД ежегодно посылали китайским партнерам газеты 15 наименований, общественно-политические, научные и художественные журналы 37 наименований, большое количество общественно-политической, научно-популярной и художественной литературы, нот, грампластинок, стендовых и плакатных выставок, рассказывающих о разных сторонах жизни советского народа, деятельности ОСКД.

В соответствии с первым подписанным с китайской стороной планом сотрудничества на 1960 г. ОСКД отправило в Китай большую фотоэкспозицию «СССР на стройке», фотовыставку «Успехи советской науки и техники». От ОСКД были получены «Выставка китайской гравюры», «Выставка китайских народных вырезок из бумаги», которые успешно экспонировались в Доме дружбы с народами зарубежных стран. План предусматривал также обмены делегациями не только на центральном, но и на местном уровнях; обмены специализированными группами туристов – представителей различных профессий; проведение мероприятий, посвященных знаменательным событиям в жизни каждой из стран и в двусторонних отношениях.

* * *

В первое десятилетие после образования КНР в СССР с удовлетворением следили за успехами народнохозяйственного и социального строительства в Китае. Возрастал интерес к его истории и культуре. Развернувшее в тот период широкое гуманитарное сотрудничество, активное взаимодействие по линии Общества дружбы способствовали тому, что народы двух стран лучше узнавали друг друга, укрепляя тем самым добрососедские отношения.

К сожалению, следующие почти два десятилетия стали драматическим этапом в истории двухсторонних отношений.

Ухудшение отношений СССР и КНР, вызванное политикой Мао Цзэдуна и его приверженцев, крайне негативно сказалось на общественных связях.

Начиная с 1964 г. китайские партнеры отказались от подписания ежегодных планов сотрудничества, резко сократили обмены делегациями, а к 1967 г. практически свернули свою деятельность. В 1968 г. не по советской инициативе прекратились контакты ОСКД с китайскими партнерами.

В сложные для советско-китайских отношений 1960–1970-е годы деятельность Общества советско-китайской дружбы приобрела особое значение. Стремясь к сохранению добрососедских и дружественных отношений

с китайским народом, правление ОСКД приняло решение продолжать свою деятельность, изменив при этом формы работы, но сохраняя, по мере возможности, ее содержание.

29 января 1969 г. в Москве была проведена II Всесоюзная конференция Общества советско-китайской дружбы. В ее работе участвовали члены правления ОСКД, избранные на учредительном собрании 29 октября 1957 г., а также представители всех региональных отделений Общества в республиках, краях, областях и городах Советского Союза. С отчетным докладом на конференции выступил заместитель председателя Правления, член-корреспондент АН СССР С.Л. Тихвинский. Он подробно осветил деятельность ОСКД со времени его создания, направленную на проведение в Советском Союзе мероприятий, посвященных важным событиям китайской истории, выдающимся деятелям национально-освободительного и революционного движения китайского народа, китайским коммунистам-интернационалистам, да-там, воскрешающим немеркнущие страницы из истории советско-китайских отношений и двустороннего сотрудничества, памяти выдающихся деятелей китайской культуры и литературы. В докладе говорилось о том, что по инициативе ОСКД были отмечены 100-летие со дня рождения великого китайского революционера-демократа Сунь Ятсена, 80-летие одного из основателей КПК Ли Дачжао, 80-летие со дня рождения Лу Синя и 1260-летие поэта Ли Бо.

С участием ветеранов Общества была проведена встреча, посвященная 30-летию Уханьских событий 1937 г. О них рассказал на конференции генерал-лейтенант А.И. Черепанов – член правления Общества, который в 1937–1938 гг. возглавлял группу советских военных советников в Китае и лично участвовал в успешном проведении Уханьской операции. Он, в частности, огласил на конференции текст письма, которое маршал КНР Не Жунчжэнь в ноябре 1957 г. направил советским ветеранам освободительного движения в Китае. «Дорогой товарищ, – говорилось в письме, – 30 лет тому назад Вы, покинув свою родину и приехав в Китай, делили радость и горе вместе с китайским народом, оказывали помощь революционной борьбе нашего народа и внесли большой вклад в дело революционного движения в нашей стране. Китайский народ никогда не забудет обо всем этом. Победа социалистической революции, одержанная китайским народом в настоящее время, неотделима от вклада, который Вы внесли в дело революции в то время».

На конференции выступил дважды Герой Советского Союза маршал В.И. Чуйков, который с начала 1941 г. по февраль 1942 г. был военным атташе посольства СССР в Чунцине. Он поделился воспоминаниями о своей дружбе с маршалом Е Цзяньином, который в годы его работы в Чунцине возглавлял представительство 18-й армейской группы КПК; рассказал об исключительно теплой встрече с ним в Киеве, который посетила китайская делегация во главе с маршалом Е Цзяньином в то время, когда В.И. Чуйков был командующим Киевским военным округом.

Выступивший на конференции заместитель начальника Управления ГКЭС П.Н. Лысов напомнил об огромной помощи, которую после победы революции Советский Союз оказал Китаю в создании основ социалистической экономики,

развитии ее науки, образования, здравоохранения, культуры и спорта. Он процитировал газету «Жэньминь жибао» за февраль 1959 г.: «Помощь Советского Союза экономическому строительству КНР как в количественном отношении, так и по своим масштабам не имеет прецедента в истории». Китаевед, профессор Г.В. Ефимов – председатель Ленинградского отделения ОСКД, – сообщил, с большим сожалением, о прерванных прямых связях Дворца пионеров, консерватории, станкостроительного завода, ряда школ города на Неве с соответствующими организациями Шанхая и вместе с тем о продолжении большой работы по изучению Китая, пропаганде знаний о нем, которую продолжает вести Ленинградский университет, Институт народов Азии, Институт этнографии; о выходе в свет новых переводов лирики великого китайского поэта Ду Фу, подготовленных известным переводчиком А.И. Титовым.

О том, как много делается в СССР в области изучения и перевода китайской литературы, в том числе древней китайской поэзии, участникам конференции сообщил Л.З. Эйблин – член Правления, доктор филологических наук, заведующий сектором Литератур Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии Института Востоковедения АН СССР. Он рассказал о сотрудничестве советских литераторов с Фэн Сюэфэном, Цао Цзинхуа, Мао Дунем, Чжэн Чжэньдо, Тянь Ханем, Эми Сяо, а также с Чжао Шули, Дин Лин, Ба Цзинем и другими современными китайскими писателями и поэтами.

О большом интересе советской общественности к жизни современного Китая и его истории говорил Китаевед М.Ф. Юрьев – член Правления Общества, профессор Института восточных языков при МГУ. Он рассказал о том, какими плодотворными и взаимопользными были связи, которые МГУ успешно развивал с Пекинским, Шанхайским университетами, Народным университетом Китая и Университетом Цинхуа; сколь важную роль в деле подготовки кадров специалистов-страноведов играли студенческие обмены, успешно осуществляемые в первые годы после образования КНР между вузами обеих стран, которые, к сожалению, были в одностороннем порядке прерваны.

С рассказом о связях и контактах Иркутской области с провинцией Ляонин, г. Иркутска – с Шэньяном, успешно развивавшихся в первое десятилетие после образования КНР, на конференции выступил Г.Ф. Кунгуров – член Правления Общества, известный сибирский писатель.

II Всесоюзная конференция ОСКД, прошедшая в самый разгар «культурной революции» в Китае, постановила: «Считать главной задачей ОСКД содействие сохранению, укреплению и развитию братской дружбы и сотрудничества между советским и китайским народами; широкое ознакомление советской общественности с жизнью китайского народа, его историей и культурой; содействие воспитанию у советской общественности уважения к китайскому народу, внесшему весомый вклад в развитие мировой цивилизации, а также содействие ознакомлению китайской общественности с жизнью, историей и культурой советского народа».

В связи с созданием и развернувшейся активной деятельностью отделений Общества в союзных республиках, краях, областях и городах нашей страны II Всесоюзная конференция приняла решение о том, что руководящим

органом Общества в перерывах между всесоюзными конференциями станет Центральное правление.

Центральное правление было избрано в составе 81 человека. Членами его вновь стали И.В. Архипов – тогда первый заместитель председателя Госкомитета СССР по внешним экономическим связям; К.С. Силин – руководитель отделения искусственных сооружений Всесоюзного НИИ транспортного строительства; маршал Советского Союза В.И. Чуйков; ветераны Вооруженных сил: генерал-лейтенант в отставке А.И. Черепанов – некогда главный военный советник в Китае, Н.М. Хлебников – генерал-полковник в отставке, А.Я. Калягин – генерал-лейтенант в отставке. Вошли в состав ЦП ОСКД и руководители ряда московских предприятий и вузов – коллективных членов ОСКД: член-корреспондент АН СССР И.Ф. Образцов – ректор МАИ; М.Г. Чиликин – ректор МЭИ; заместитель директора ЗИЛ А.И. Косицын; В.И. Менжинский и А.В. Меликсетов – соответственно, проректор и доцент МГИМО.

Большую группу членов вновь избранного ЦП ОСКД представляли руководители советской науки и ученые-китаеведы: А.М. Румянцев – вице-президент АН СССР; С.Л. Тихвинский – член-корреспондент АН СССР; М.И. Сладковский – директор ИДВ АН СССР; заместитель директора доктор исторических наук В.А. Кривцов; профессор Г.В. Астафьев; ведущие ученые ИДВ В.С. Мясников, С.Д. Маркова, Р.М. Асланов, В.Ф. Сорокин, А.Г. Яковлев, Т.Р. Рахимов, Р.А. Мировицкая и О.В. Васьков; Ю.В. Новгородский; В.М. Солнцев – заместитель директора Института востоковедения АН СССР и Л.П. Делюсин – заведующий отделом Китая и Л.З. Эйшлин – заведующий отделом литературы того же института; А.П. Рогачев и М.Ф. Юрьев – профессора Института восточных языков при МГУ; профессор И.М. Ошанин – автор первого в Советском Союзе Большого словаря китайского языка. В состав ЦП ОСКД были также вновь избраны выдающиеся представители творческой интеллигенции нашей страны: народные артисты СССР С.А. Герасимов, Г.С. Уланова, М.И. Царев, композиторы С.С. Туликов и Л.Н. Тумашев.

Региональные отделения ОСКД в республиках, краях, областях и городах в новом составе Центрального правления были представлены А.Ф. Федоровым – дважды Героем Советского Союза, депутатом Верховного Совета СССР, министром социального обеспечения УССР, председателем правления Украинского республиканского отделения ОРКД; М.С. Асимовым – президентом АН Таджикской ССР, председателем Таджикского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами; К.Ш. Шараповым – председателем Союза журналистов Казахской ССР, Генеральным директором Казахского телеграфного агентства; академиком Р.Л. Двали – председателем Грузинского отделения ОСКД; А.Б. Худайбердыевым – председателем Узбекского республиканского отделения ОСКД; профессором Б.М. Юнусалиевым – председателем Киргизского республиканского отделения ОСКД; А.С. Боковенко – председателем Хабаровского краевого комитета по радиовещанию и телевидению, руководителем Хабаровского краевого отделения ОСКД; Н.И. Березкиной – заместителем председателя правления Приморского краевого отделения

ОСКД и Г.В. Ефимовым – китаеведом, профессором ЛГУ – председателем Ленинградского отделения ОСКД.

Председателем Центрального правления ОСКД вновь был избран А.А. Андреев, а его заместителями – С.Л. Тихвинский – член-корреспондент АН СССР, руководитель отдела Азии УПВМ МИД СССР; О.Б. Рахманин – первый заместитель заведующего Отделом ЦК КПСС; Л.М. Румянцев – вице-президент АН СССР, маршал В.И. Чуйков, В.М. Солнцев, А.Г. Яковлев, М.Ф. Юрьев, К.С. Силин, А.Ф. Федоров. Г.В. Куликова была избрана ответственным секретарем Центрального правления ОСКД, проработав на этом организационном участке до декабря 1989 г., до отъезда в Пекин в посольство СССР в качестве представителя ССОД.

После II Всесоюзной конференции Общество активизировало свою деятельность и расширило свои ряды. В его работе активно участвовали и те убежденные седины ветераны партии и вооруженных сил, которые закладывали на китайской земле своими практическими делами фундамент советско-китайской дружбы, и те, кто в годы антияпонской борьбы китайского народа прошел по дорогам Китая не одну тысячу километров, чтобы разгромить агрессора. В деятельности Общества активное участие стали принимать передовики промышленности, ведущие советские специалисты и ученые, которым довелось потрудиться на китайской земле во имя светлого завтра братского народа. Активное участие в работе Общества принимали ученые-китаеведы. Благодаря их самоотверженному труду в СССР за 10 лет после провозглашения КНР были изданы 250 наименований книг по вопросам истории, литературы и искусства Китая общим тиражом 6 млн экз. К деятельности Общества подключилась и молодежь – студенты и школьники, интересовавшиеся Китаем и китайским языком. Это единство поколений свидетельствовало о правоте великого дела дружбы между советским и китайским народами, за восстановление и развитие которой выступила советская общественность.

В трудные годы советско-китайских отношений в деятельности ОСКД подвижническую роль играли ученые-китаеведы Института Дальнего Востока и Института востоковедения АН СССР. Особенно активными членами ЦП ОСКД в тот период были первый директор ИДВ член-корреспондент АН СССР М.И. Сладковский, его заместители д.и.н. В.А. Кривцов, к.э.н. В.И. Потапов, заведующие секторами д.и.н., профессор А.Г. Яковлев, д. филол. н., профессор В.Ф. Сорокин; научные сотрудники В.Ф. Феокистов, А.Н. Желуховцев, С.Д. Маркова, Г.А. Степанова, А.С. Ипатова и др. Много добрых слов хочется сказать о бессменном в те годы ответственным секретаре отделения ОСКД в ИДВ АН СССР к.и.н. Р.А. Мировицкой: она была не только инициатором и активным участником всех проводимых в институте мероприятий, но и координатором контактов института с ЦП ОСКД. От Института востоковедения в те годы с Обществом активно сотрудничали заместитель директора член-корреспондент АН СССР, профессор В.М. Солнцев; руководители отделов Р.В. Вяткин, д.и.н. Г.Н. Акатова, д. филол. н. Л.З. Эйдлин, В.С. Аджимамудова и многие другие.

После II Всесоюзной конференции ОСКД значительно расширило контакты с органами печати, радио и телевидения. В центральной прессе, в спецвыпусках ТАСС на Советский Союз и за рубеж регулярно помещались сообщения о деятельности ОСКД. В издававшихся на китайском языке журналах «Советский Союз» и «Советская женщина», в радиопередачах на Китай были выделены специальные рубрики «В Обществе советско-китайской дружбы». Материалы о деятельности Общества публиковались на страницах центральных газет и журналов.

Итоги деятельности ОСКД за период после II Всесоюзной конференции были подведены на III Всесоюзной конференции ОСКД, состоявшейся в Москве 17 февраля 1978 г. О конференции москвичей и гостей столицы извещал транспарант, вывешенный в центре города на проспекте Калинина.

В работе конференции приняли участие представители Общества из Москвы и Московской области, союзных республик, представители Ленинграда, Приморского и Хабаровского краев, Новосибирской и Иркутской областей. С отчетным докладом на конференции выступил член-корреспондент АН СССР С.Л. Тихвинский. После ухода в 1971 г. из жизни А.А. Андреева он стал первым заместителем председателя Центрального правления ОСКД. В его отчетном докладе было отмечено, что в тяжелые годы лихолетья, когда в Китае бушевала «культурная революция», в СССР было проведено более 100 различных мероприятий, посвященных важнейшим датам из истории революционной борьбы китайского народа, выдающимся деятелям национально-освободительного и революционного движения Китая, всемирно известным деятелям китайской культуры и литературы, знаменательным событиям в истории советско-китайской дружбы и сотрудничества.

В докладе С.Л. Тихвинского было уделено внимание и мероприятиям, посвященным знаменательным событиям из истории советско-китайских отношений: совместно с Институтом Дальнего Востока и Институтом востоковедения АН СССР по случаю 100-летия со дня рождения В.И. Ленина была проведена конференция «Ленин и Китай». Традицией общества стало проведение встреч ветеранов, стоявших у истоков советско-китайской дружбы. По случаю 50-летия начала широкого движения советской общественности в защиту китайской революции в Доме дружбы была организована встреча первых советских военных советников, участвовавших в оказании помощи Китаю в 1925–1927 гг. и в создании базы китайской революции на юге страны. Своими воспоминаниями на ней поделились ветераны Вооруженных сил: генерал-лейтенант в отставке А.И. Черепанов; бывший военный летчик, участник освободительной борьбы китайского народа А.М. Кравцов, а также бывший начальник штаба Блюхера в Китае генерал-лейтенант в отставке А.В. Благодатов. Когда в 1967 г. отмечалось 30-летие обороны Уханя, в Доме дружбы встретились ветераны-летчики. С воспоминаниями о боевом содружестве советских и китайских летчиков на вечере выступил Герой Советского Союза К. К. Коккинаки. По случаю 30-летия освобождения Китая от японских захватчиков состоялась встреча прославленных советских военачальников: маршала В.И. Чуйкова, генерал-лейтенанта в отставке А.Я. Калягина

и др., участвовавших в освобождении Маньчжурии и создании в этом районе военно-стратегического плацдарма революционных сил Китая.

С.Л. Тихвинский в докладе рассказал и о том, что в дни празднования 60-летия Великого Октября Общество провело встречу с И.В. Архиповым; доктором технических наук К.С. Силиным и Б.И. Сигачевым – руководителем группы советских специалистов на строительстве Чанчуньского автозавода и другими советскими специалистами, чьими руками закладывались первые камни в фундамент социалистической индустриализации Китая. По случаю юбилея Общество китайско-советской дружбы направило в Москву телеграмму, в которой говорилось, что «китайский народ дорожил и будет дорожить дружбой с советским народом. Мы будем и впредь прилагать свои усилия к развитию этой дружбы».

Участники конференции с удовлетворением отметили, что мероприятия, проводимые ОСКД, широко освещались на страницах советской прессы; авторские статьи о деятельности Общества, о знаменательных событиях в истории китайской революции, о творчестве выдающихся деятелей китайской литературы и культуры публиковались на страницах центральных газет, в журналах «Советский Союз», «Советская женщина», «Культура и жизнь», «Проблемы Дальнего Востока». Информация о них передавалась по радио на Китай и другие страны.

В своем постановлении III Всесоюзная конференция ОСКД одобрила деятельность Центрального правления, избранного предшествовавшей конференцией, и определила:

- считать и впредь главной задачей Общества содействие восстановлению, укреплению и развитию братской дружбы и сотрудничества между народами Советского Союза и Китайской Народной Республики;

- продолжать работу по ознакомлению советской общественности с жизнью китайского народа, его историей и культурой.

III Всесоюзная конференция от имени советской общественности заявила о том, что «Общество советско-китайской дружбы готово к восстановлению и развитию контактов с Обществом китайско-советской дружбы на основании Соглашения от 12 ноября 1959 г.». «Мы готовы возобновить обмен информацией о проводимой работе, готовы обмениваться делегациями и специализированными группами туристов-активистов обществ дружбы, готовы направлять в адрес Общества китайско-советской дружбы литературу, кинофильмы, фото и другие иллюстрированные материалы о жизни нашей страны и получать из Китая такие же материалы... Советские люди – оптимисты, мы верим в будущее советско-китайских отношений, мы верим в то, что будущее советско-китайских отношений восторжествует. Неизменную линию нашей страны на нормализацию отношений с Китаем всецело одобряет и поддерживает советская общественность. О том, что этот поворот возможен, говорит и опыт развития отношений наших стран, в истории которых немало страниц революционной дружбы и сотрудничества во имя мира и национального освобождения, социального прогресса и социализма. Такой поворот, как мы уверены, был бы на пользу и китайскому,

и советскому народу, интересам мирового социализма», – говорилось в постановлении.

В работе III Всесоюзной конференции ОСКД впервые после учредительной конференции 29 октября 1957 г. приняла участие большая группа сотрудников посольства КНР в СССР во главе с советником-посланником Тянь Цзэнпэем, который позже стал заместителем министра иностранных дел КНР. Сотрудникам посольства были переданы все материалы конференции. Китайские гости, делегаты и гости конференции были ознакомлены с развернутой в Доме дружбы большой фотоз экспозицией о деятельности ОСКД и книжной выставкой, на которой были представлены 250 книг, изданных в нашей стране за последние 10 лет по различным вопросам истории, литературы и искусства Китая, в том числе первая в СССР детская энциклопедия «Китай», изданная под редакцией С.Л. Тихвинского. Все услышанное и увиденное не могло не произвести впечатление на китайских дипломатов.

Физкультура и спорт в КНР

После образования КНР развитие массовой физкультуры и спорта было поднято на уровень государственного дела и политической задачи КПК. Ст. 48 «Общей программы» (временная Конституция КНР, принятая 27 сентября 1949 г. на первой Всекитайской конференции Народного политического консультативного совета Китая) гласила: государство «распространяет всенародную физическую культуру и спорт». В решении ЦК КПК «Об усилении работы в области физической культуры и спорта» (8.01.1954) указывалось, что «укрепление здоровья народа, улучшение его физических качеств являются важной политической задачей партии, и самым эффективным средством решения этой задачи служит развитие физкультуры и спорта. Физкультура и спорт являются одним из важных орудий коммунистического воспитания, культивируют в народе смелость, стойкость и чувство сплоченности».

В первое десятилетие КНР определяющим фактором в государственном и общественном строительстве, в том числе в сфере физкультуры и спорта, стал пример СССР. В 1950-е годы КНР заимствовала советский опыт по таким аспектам спортивной жизни, как физическое воспитание детей и учащейся молодежи, проведение соревнований, разработка единых квалификационных нормативов, перспективное пятилетнее планирование и отчетность.

Первостепенной задачей являлось создание органов управления физкультурно-спортивной сферой. 26 октября 1949 г. на съезде работников физкультуры и спорта страны был избран Подготовительный комитет Всекитайской федерации физкультуры и спорта (ВКФС), наделенной представительскими полномочиями во всех международных спортивных организациях, включая МОК. Работу съезда, на котором присутствовали 108 делегатов, возглавил заместитель председателя Центрального народного правительства Чжу Дэ. Председателем Подготовительного комитета ВКФС был избран секретарь ЦК Народно-демократического союза молодежи Фэн Вэньбинь, почетным председателем – Чжу Дэ, координатором работы – Министерство образования.

В течение восстановительного периода (1949–1952 гг.) ВКФС исполняла функции административного органа и массовой общественной спортивной организации, создавала нижестоящие отделения и спортивные федерации по видам спорта, устанавливала контакты с международными спортивными организациями.

Для пропаганды спортивной политики и массового физкультурного движения с 1 июля 1950 г. начали издавать журнал «Новый спорт» («Синь тийю»). Логотип заголовка главного печатного органа ВКФС каллиграфическим почерком написал Мао Цзэдун. Чжу Дэ сочинил напутствие «Развивать национальный спорт». Во время кампании по «идейному перевоспитанию интеллигенции» (1951–1952 гг.) «Новый спорт» стал трибуной критики «буржуазного элитного спорта» и восхваления преимущества спортивной системы «государства новой демократии».

В 1950-е годы КНР интенсивно развивала международное спортивное сотрудничество с социалистическими странами в таких формах, как проведение

двусторонних и комплексных международных соревнований; организация совместных тренировочных сборов; обмен тренерами и специалистами, судьями и наблюдателями в области физической культуры; обмен специальной литературой и пропагандистскими материалами; научное сотрудничество. В 1950 г. ВКФС направила в СССР делегацию, которая в течение трех месяцев изучала советский опыт физкультурно-спортивной работы. В том же году Китай посетила советская делегация, в составе которой была команда баскетболистов.

20–24 июня 1952 г. в Пекине проходил 2-й съезд ВКФС, на котором было официально объявлено о создании федерации. Председатель Центрального народного правительства (ЦНП) Мао Цзэдун направил в адрес съезда приветствие, в котором призвал «развивать физкультуру и спорт, улучшать физические качества народа». В приветствии заместителя председателя ЦНП Чжу Дэ говорилось: «Повсеместно распространять народную физкультуру и спорт, физкультура и спорт должны служить труду и обороне». Съезд принял Устав организации, избрал постоянный комитет в составе 65 человек. Почетным председателем был избран Чжу Дэ, председателем – министр образования Ма Сюйлунь, его заместителями – Жун Гаотан, Ма Юехань и др.

В 1952 г. для усиления административного и общеполитического руководства был учрежден Центральный комитет физкультуры и спорта, который возглавил заместитель председателя Военно-политического комитета Юго-Западного Китая Хэ Лун (в сентябре 1954 г. переименован в Государственный комитет по делам физкультуры и спорта, руководитель – Хэ Лун). Вслед за этим были созданы нижестоящие спорткомитеты при народных правительствах всех уровней. Министерство образования, Всекитайская федерация профсоюзов, ЦК Коммунистического союза молодежи Китая (КСМК) и НОАК учредили свои комитеты по физической культуре и спорту. Для популяризации военно-технических видов спорта в 1952 г. был создан Центральный спортивный клуб содействия обороне, управлявший сетью региональных клубов. Таким образом, к 1953–1954 гг. в основном завершилось формирование механизма единого централизованного управления физкультурно-спортивной сферой. После создания Госкомспорта ВКФС прекратила исполнять административные функции и стала представительским органом под контролем Госкомспорта.

В число первоочередных задач правительства входило формирование системы физического воспитания детей и молодежи. 6 августа 1951 г. было издано «Постановление об улучшении физических качеств учащихся школ всех ступеней». 24 ноября 1951 г. ВФС, Минобразования и Минздрав КНР и другие ведомства совместно разработали комплекс физических упражнений (зарядку) для трансляции по радио. Руководящей идеей для педагогов и учащихся стал призыв Ма Цзэдуна (1953 г.) к молодежи «иметь отличное здоровье, учиться на отлично, работать на отлично» (*«сань хао сюешэн»: шэньти хао, сюеси хао, гуңцзо хао*).

Следующим шагом была разработка нормативных документов и формирование системы школьного и вузовского физического воспитания. 20 сентября 1954 г. 1-я сессия ВСНП 1-го созыва приняла Конституцию КНР, ст. 94

которой гласила: «Государство уделяет особое внимание физическому и умственному развитию молодежи». 30 июля 1955 г. был принят «Первый пятилетний план развития народного хозяйства», в котором ставилась задача популяризации физкультуры и спорта, в первую очередь среди работающей и учащейся молодежи.

В 1956 г. приняли единую программу преподавания физической культуры в средних школах. Кроме обязательных занятий физкультурой два раза в неделю предусматривались внеклассные спортивные мероприятия, утренняя зарядка и гимнастика между уроками. Внедрению физической культуры и спорта в повседневную жизнь народа в 1950-е годы способствовали регулярные радиопередачи утренней и производственной гимнастики (три комплекса – для взрослых, молодежи и детей).

С 1952 г. в ряде городов в экспериментальном порядке в школах и вузах начали вводить комплекс ГТО, в 1954 г. его распространили по всей стране, а в 1956 г. он был утвержден Госсоветом КНР и стал единым нормативным комплексом по видам спорта и критериям зачета. К 1956 г. более 740 тыс. студентов и школьников сдали нормативы ГТО.

Для организации физкультурно-спортивной работы среди рабочих и служащих при ВКФП было создано управление спорта, курировавшее нижестоящие спортивные отделы на предприятиях и в учреждениях. Под их началом создавались профсоюзные спортивные общества (СО), объединившие физкультурников по производственному признаку. Крупнейшие из них – отраслевые СО «Локомотив» («Хочэтоу»), «Шахтер» («Мэйкуан»), «Металлург» («Ецзинь»), «Первое министерство машиностроения» («Дии цзисе»), «Авангард» («Цяньвэй»), «Строитель» («Цзяньчжу»), «Энергетик» («Дунли»).

К середине 1950-х годов в Китае действовали 21 общенациональная спортивная ассоциация, 870 ассоциаций провинциального уровня, 23 859 низовых спортивных обществ на заводах и шахтах, на предприятиях, в учреждениях, организациях, учебных заведениях и деревнях, объединивших более 1,145 млн человек. К 1956 г. комплекс ГТО сдавали работники 6523 предприятий, учреждений и учебных заведений; спортивной подготовкой были охвачены более 2,02 млн человек, в 19 провинциях были подготовлены 328 тыс. значкистов ГТО всех ступеней.

На базе ГТО в 1956 г. в КНР разработали Всекитайскую спортивную классификацию (ВСК). Первые нормативные требования были утверждены по 10 ключевым видам спорта, развитие которых представляло для страны наибольшую важность. Спортсмены подразделялись на четыре разряда: юношеский, III, II, I и звание мастер спорта КНР (с 1956 г.).

В восстановительный период кадровый вопрос в сфере физического воспитания решался путем привлечения профессиональных педагогов, тренеров и ученых, оставшихся на родине или вернувшихся из эмиграции. Однако, с позиции властей, это была идеологически незрелая, политически неблагонадежная «старая интеллигенция», получившая буржуазное образование. Новое государство нуждалось в собственных педагогах и тренерах – одновременно «и красных, и специалистах». Для решения проблемы с нехваткой

кадров в 1952 г. в Шанхае и Пекине были созданы первые в стране спортивные вузы – Институт физкультуры Хуадун (с 1956 г. – Шанхайский институт физкультуры) и Центральный (Пекинский) институт физкультуры. К 1956 г. спортивные вузы появились в Шэньяне, Чэнду, Сиани и Ухане и восстановлены факультеты физкультуры в 38 педагогических институтах. Научные исследования в области физической культуры и спорта стали проводить с 1954 г., когда был основан исследовательский центр при Центральном (Пекинском) институте физкультуры. 7 февраля 1956 г. в Пекинском институте физкультуры состоялся первый научный симпозиум по вопросам спорта.

Среди видов физкультуры и спорта, которые в начале 1950-х годов призвал развивать Мао Цзэдун (июнь 1952 г.) для укрепления здоровья народа, были гимнастика, командные игры в мяч, бег, альпинизм, плавание, тайцзицюань. В 1953 г. глава Центрального спорткомитета Хэ Лун призвал «развивать, регулировать, повышать уровень и распространять ушу». Однако в 1955 г., во время кампании борьбы против «трех зол», Госкомспорт усилил контроль над обществами ушу и приостановил их деятельность, объяснив эти меры следующими причинами: отсутствие регистрации, распространение феодальной идеологии и суеверий, мошенничество, укрывательство контрреволюционеров. Гонения Госкомспорта на ушу прекратились в марте 1956 г., после того, как заместитель председателя ЦК КПК, секретарь ЦК КПК Лю Шаоци подчеркнул необходимость «активизировать развитие наших боевых искусств, распространять и повышать уровень ушу и цигун». Вскоре вышли «Временные правила проведения спортивных соревнований в КНР» (проект), включившие ушу в список официально одобренных видов спорта. В ноябре 1956 г. в Пекине прошли показательные соревнования по ушу, которые оценивались по новой системе начисления баллов.

Распространению массового спорта способствовала организация соревнований. В 1951 г. состоялись первенство страны по баскетболу и национальный футбольный турнир. К 1956 г. кроме бега на 100 м китайские спортсмены во всех дисциплинах улучшили результаты, установленные до 1949 г. Всего в 1953–1956 гг. в КНР было организовано более 6 тыс. соревнований (выше уезда), в том числе 57 общенациональных. Крупнейшим спортивным мероприятием стали 1-е Всекитайские игры среди рабочих (1955 г.), в которых приняли участие более 1 млн 125 тыс. человек. К 1956 г. в стране насчитывалось около 2 тыс. спортсменов-разрядников, более 400 раз были побиты или улучшены национальные рекорды. 7 октября 1956 г. Госкомспорт обнародовал первый список мастеров спорта, в который вошли 49 атлетов.

В 1953 г. китайский пловец У Чуаньюй завоевал для страны первую золотую медаль на международных соревнованиях, проводившихся в рамках 4-го Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Бухаресте. В 1956 г. Чэнь Цзинкай, тяжелоатлет из провинции Гуандун, стал первым китайским мировым рекордсменом, улучшив на 0,5 кг рекорд в рывке (132,5 кг) американского тяжелоатлета Чарльза Винчи. 31 июля 1956 г. китайско-советская группа альпинистов совершила восхождение на пик Мустаг Ата («Отец ледяных гор») высотой 7546 м над уровнем моря, который занимает третье место

среди самых высоких вершин Восточного Памира (находится на территории Синьцзяна).

Китайское правительство придавало большое значение участию страны в олимпийском движении. В 1951 г. группа наблюдателей ВКФС (НОК КНР) присутствовала на I Азиатских играх в Индии. ВКФС в срок подала заявку на участие китайских спортсменов в 15-й Летней Олимпиаде в Хельсинки (19 июля – 3 августа 1952 г.). Однако дебют КНР на играх в столице Финляндии сопровождался политическими осложнениями. Поскольку в МОК поступили две заявки: одна – из Пекина, другая – из Тайбэя, руководство МОК после долгих консультаций решило в виде исключения удовлетворить обе. В знак протеста против решения МОК пригласить спортсменов из КНР тайваньская делегация 17 июля покинула игры. НОК КНР получил приглашение всего за сутки до официального открытия Олимпиады. Тем не менее руководство страны решило направить в Хельсинки делегацию из 40 человек. В ее состав вошли баскетбольная команда, сборная по футболу и пловец У Чуаньюй. В ночь перед вылетом в Хельсинки премьер Чжоу Энлай при встрече с членами делегации в правительственной резиденции Чжуннаньхай отметил, что главной победой китайских спортсменов станет участие в соревнованиях и что на Олимпийских играх впервые поднимут государственный флаг КНР. 29 июля 1952 г. флаг КНР был поднят в Олимпийской деревне в Хельсинки. Поскольку китайская делегация прибыла на игры с большим опозданием, удалось принять участие только в соревнованиях по плаванию. У Чуаньюй установил национальный рекорд на дистанции 100 м на спине. После закрытия Олимпиады китайские баскетболисты и футболисты провели несколько товарищеских встреч с командами Финляндии.

Барьеры на пути спортсменов КНР на Олимпиаду были воздвигнуты отказом Запада признать КНР. В мае 1954 г. вопрос о регистрации НОК КНР обсуждался на 50-й сессии МОК в Афинах. В поддержку КНР проголосовали 23 члена этой организации, 21 высказался против. Несмотря на результаты голосования, президент МОК американец Эвери Брендедж не аннулировал регистрацию Китайской Республики на Тайване. Поскольку МОК никак не отреагировал на протест КНР, Пекин попытался решить проблему самостоятельно и пригласил спортсменов из Тайваня, Гонконга и Макао принять участие в отборочных соревнованиях за путевку на Олимпийские игры-1956 в составе сборной КНР. Приглашение не было принято. 6 ноября 1956 г. КНР отказалась от участия в 16-й Олимпиаде из-за разногласий с МОК в вопросе о Тайване, а в 1958 г. официально заявила о разрыве отношений с руководством МОК и выходом из всех международных федераций по олимпийским видам спорта. Хотя КНР оказалась практически изолированной от мирового спортивного движения, она не ушла с международной арены, а взяла курс на расширение спортивных контактов со странами Азии, Африки и Латинской Америки.

Задача повышения уровня спортивного мастерства впервые была поднята на один уровень с задачей «улучшения физических качеств народа» в докладе Чжоу Энлая «Предложения по второму пятилетнему плану развития

народного хозяйства» на VIII съезде КПК (сентябрь 1956 г.). В том же году на Всекитайском совещании по вопросам физкультуры и спорта была обозначена цель «за 2–3 года в некоторых видах спорта приблизиться к мировому уровню или выйти на мировой уровень». В стране ускоренными темпами стали создавать высококлассные спортивные команды (национальные, провинциальные, отраслевые), расширять базу подготовки спортивного резерва. Всего за год, с 1957 по 1958 г., количество ДЮСШ со 159 выросло до 70 тыс. Обнародованный Госкомспортом в феврале 1958 г. «Десятилетний план развития физкультуры и спорта» предусматривал синхронное развитие массового спорта и спорта высших достижений в формулировке «обеспечивать общедоступность и поднимать уровень». В плане были поставлены высокие цели: за 10 лет выйти на мировой уровень по основным видам спорта, подготовить 4 млн значкистов ГТО, 8 млн разрядников и 5 тыс. мастеров спорта.

Политика «большого скачка» потребовала пересмотра первоначального плана как «не соответствующего текущему моменту и сдерживающего энтузиазм народных масс». Новый план, принятый Госкомспортом в мае 1958 г., поднял планку еще выше: за 10 лет подготовить 150–200 млн значкистов ГТО, 50–70 млн разрядников, 10–15 тыс. мастеров спорта, к 1967 г. иметь 1200 ДЮСШ, насчитывающих 360 тыс. воспитанников. В сфере массового спорта в городах выдвигалась задача к 1962 г. сформировать на предприятиях и в учреждениях 930 тыс. спортивных команд (9,3 млн человек), ежегодно проводить 200–260 тыс. спортивных соревнований. В сельских районах ставилась цель к 1962 г. создать 1,32 млн спортивных команд (13,2 млн человек), 430 тыс. низовых спортивных обществ (11,81 млн человек), проводить до 400 соревнований в год. До 1962 г. планировалось в каждой деревне построить два стадиона, один дворец спорта и один бассейн, а к 1967 г. увеличить число спортивных объектов в стране до 1023.

Для выполнения требований плана на всех заводах и шахтах, предприятиях и в учреждениях развернулось движение по сдаче нормативов ГТО. Под руководством профсоюзов рабочие и служащие в массовом порядке записывались в спортивные секции, принимали участие в кроссах, спортивных соревнованиях, организованных в рамках «Всекитайского месячника физкультуры и спорта» и «Всекитайской недели физкультуры и спорта». С мая по июль 1958 г. в рамках «Месячника “большого скачка” в спорте» Пекинский институт физкультуры направил на столичные предприятия 600 педагогов-тренеров и студентов формировать спортивные команды.

В этот период заметно усилилась спортивная направленность физического воспитания в школах и вузах. Новый план обязал учебные заведения обеспечить стопроцентный охват учащихся комплексом ГТО, при этом 10% должны были выполнить норматив первой ступени, 50% – второй, 40% – третьей. Занятия физкультурой превратились в изнурительные тренировки, резко снизилась успеваемость, увеличилось число пропусков по болезни.

Другим объектом физического воспитания стало сельское население, насчитывавшее тогда 500 млн человек. Вовлечением крестьян в массовый спорт занимались низовые спорткомитеты и комсомол. Как и в городах, занятия

спортом носили «добровольно-принудительный» характер. В обеденный перерыв, до и после работы «сельские труженики» разучивали гимнастику, которую транслировали по радио, сдавали нормативы ГТО, играли в футбол, баскетбол, волейбол. Традиционные оздоровительная гимнастика, единоборства, гонки драконов, танцы льва и дракона попали под запрет как «пережитки прогнившей феодальной культуры».

Широкий размах физкультурно-спортивного движения потребовал ускорить темпы строительства новых спортивных объектов. В 1958–1960 гг. в КНР были построены 26 дворцов спорта, 20 стадионов, 102 бассейна.

Реализация политики «большого скачка» и «народных коммун» сопровождалась всеобщей военизацией населения. В августе 1958 г. по инициативе Мао Цзэдуна повсеместно развернулось движение за создание отрядов народного ополчения. В подготовку «военного резерва» активно включились военно-спортивные клубы, число которых в 1957–1960 гг. выросло с 174 до 1408.

Для подготовки спортсменов высокого класса была взята на вооружение концепция ранней специализации в спорте. В 1959–1960 гг. вышли новые учебно-методические пособия по 11 видам спорта (легкая атлетика, плавание, гимнастика, футбол, баскетбол, волейбол, настольный теннис, тяжелая атлетика, конькобежный спорт, прыжки в воду и стрельба). Рекордных результатов добивались путем повышения интенсивности тренировок, плотности графика соревнований, отсутствием медицинского контроля, несоблюдением техники безопасности, что привело к росту спортивного травматизма и профзаболеваний. Для решения актуальной проблемы лечения и рекреации спортсменов в 1958 г. был создан НИИ спортивной медицины при Пекинском медицинском университете.

Курс на «сочетание общедоступности и подъема уровня» физкультуры и спорта получил официальное закрепление в докладе Чжоу Эньлай «О работе правительства» на 1-й сессии ВСНП 2-го созыва (18 апреля 1959 г.). Первый большой успех КНР на международной арене: на 25-м чемпионате мира по настольному теннису в 1959 г. в Дортмунде (ФРГ) Жун Готуань (1937–1968 гг.) выиграл золотую медаль в одиночном разряде, став первым чемпионом мира в истории Китая.

1-я Всекитайская спартакиада была приурочена к 10-летию со дня образования КНР. В преддверии спартакиады, 30 августа 1959 г., в Пекине открыли первый в Китае многофункциональный спортивный комплекс – Бэйцзин гунжэнь тиюйчан – пекинский стадион «Рабочий» (площадь занимаемой территории составила 350 тыс. кв. м, строительная площадь – 80 тыс. кв. м). В сентябре 1959 г. на этом стадионе торжественно открылась 1-я Спартакиада народов КНР (Всекитайская спартакиада). На церемонии открытия, названной «Всенародное ликование», присутствовали Мао Цзэдун, Чжу Дэ, Чжоу Эньлай.

В ходе соревнований по 36 видам спорта четыре раза были улучшены мировые рекорды в четырех видах спорта. На церемонии закрытия впервые вручали правительственную награду – медаль «Спортивной славы», ее получили 44 рекордсмена и чемпиона. Соревнования по зимним видам спорта,

которые первоначально рассматривались как часть 1-й Всекитайской спартакиады, проходили в Харбине и Цзилине в феврале 1959 г., в них принимали участие 12 команд (122 спортсмена, в том числе 42 юниора). Впоследствии эти соревнования стали считать 1-й зимней Всекитайской спартакиадой.

Для китайских атлетов Всекитайская спартакиада стала ареной для проверки и повышения спортивного мастерства, своего рода компенсацией за утраченную после выхода КНР из МОК (19 августа 1958 г.) и всех других международных федераций по олимпийским видам спорта возможность участвовать в крупных комплексных соревнованиях.

Несмотря на сложную экономическую и политическую ситуацию в стране, решения Всекитайского совещания по вопросам физкультуры и спорта, созданного Госкомспорта в январе 1960 г., предусматривали продолжение политики «большого скачка» в спорте. После совещания спорткомитеты, профсоюзы и комсомол развернули новую серию массовых мероприятий — «Всенародный месячник спортивных соревнований», «Баскетбольный турнир 10 тысяч команд», движение «Спортивная коммуна», «Спортивная деревня».

Политика «большого скачка» обернулась катастрофой для промышленности и сельского хозяйства, привела к резкому снижению уровня жизни населения. Общая социально-экономическая ситуация отразилась на физкультурно-спортивном процессе. В городах и сельских районах (кроме образцовых предприятий и коммун) стремительно сворачивались спортивные мероприятия, было урезано финансовое, материальное и продовольственное обеспечение элитных спортивных команд и объем тренировок. На предприятиях отказались от проведения соревнований, ограничивались производственной гимнастикой. В школах и вузах из-за физического истощения учащихся отменили занятия физкультурой.

Госкомспорт перешел к сворачиванию «физкультурно-спортивного фронта». Число национальных соревнований уменьшили с 52 в 1960 г. до 21 в 1962 г., количество военно-спортивных клубов сократили до 300. Многие ДЮСШ прекратили регулярные тренировки либо закрылись. После реорганизации количество спортивных вузов сократилось с 30 до 10.

Ограниченные финансовые и материальные ресурсы сконцентрировали на развитии 10 ключевых видов спорта (легкая атлетика, гимнастика, плавание, футбол, баскетбол, волейбол, настольный теннис, стрельба, тяжелая атлетика и конькобежный спорт). В апреле 1961 г. Пекин принимал 26-й чемпионат мира по настольному теннису. Специально к соревнованиям был построен пекинский Дворец спорта «Рабочий» на 15 тыс. мест. Двести мастеров «малой ракетки» из более чем 30 стран мира приехали в китайскую столицу. Хозяева соревнований завоевали три чемпионских титула. В КНР спортсменов чествовали как «народных героев», называли «гордостью страны». Настольный теннис поистине стал «национальным спортом».

За три года «урегулирования» Госкомспорт провел реорганизацию спортивных команд уровня провинции. Число спортсменов сократилось с 17 783 в 1960 г. до 10 659 в 1962 г. Глава Госкомспорта Хэ Лун в 1962 г. объявил, что в дальнейшем комитет сосредоточит свои усилия на подготовке нацио-

нальных сборных, а задача популяризации массового и военно-технического спорта ложится на плечи спорткомитетов провинциального уровня.

В 1962 г. китайская экономика стала восстанавливаться, повысился уровень жизни населения, появилась новая возможность для развития науки и техники, образования и спорта. Нормализовалась работа ДЮСШ, в 1965 г. их число достигло 1800, количество воспитанников – 140 тыс. В 1963 г. в КНР появились новые базы подготовки спортивного резерва – центральные спортивные школы-интернаты, где дети полдня учились, а полдня тренировались. Эти школы служили «мостом» между ДЮСШ и элитными спортивными командами. К 1965 г. в КНР действовали 13 таких школ-интернатов.

В 1962 г. вопрос об участии в международных соревнованиях вновь оказался в повестке дня. Осенью 1963 г. в Индонезии, в Джакарте, были организованы Первые игры новых развивающихся сил (ГАНЕФО) (англ. Games of the New Emerging Forces, GANEFO), участвовать в которых были приглашены представители всех стран и видов спорта, не поддерживавших в то время официальных контакты с МОК. КНР направила 229 атлетов на Игры ГАНЕФО. Китайская сборная принимала участие в соревнованиях по 14 видам спорта, завоевала 66 золотых, 56 серебряных, 46 бронзовых наград, китайские атлеты установили два мировых рекорда – по тяжелой атлетике и стрельбе из лука.

Для укрепления научно-методической базы в 1962 г. были составлены новые учебные пособия по семи видам спорта (футбол, баскетбол, волейбол, плавание, гимнастика, легкая атлетика и настольный теннис). В 1963 г. Госкомспорт утвердил новый порядок присвоения тренерских категорий: тренер государственной категории, первой, второй, третьей и помощник тренера. Одновременно он принял новые нормативные требования, регламентирующие порядок классификации спортивных званий, спортивных разрядов, квалификационных категорий спортивных судей.

С середины 1960-х годов, по мере приближения сроков завершения «10-летнего плана развития физкультуры и спорта» (1958 г.), ускорились темпы развития спорта высших достижений. После соревнований китайских волейболисток с приехавшей в Китай японской волейбольной командой, на которой присутствовал премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай, правительство взяло женскую сборную по волейболу под особую опеку. Тренировать китайских волейболисток в апреле 1965 г. пригласили тренера японской женской команды «Ничибо» Даймацу Хирофуми.

В результате реорганизации и переоснащения военно-спортивных клубов, предпринятых в период «урегулирования» 1961–1963 гг., значительно укрепилась материально-техническая база морских и авиаклубов, станций парашютного спорта. В крупных городах быстро росло число спортсменов-любителей по техническим и военно-прикладным видам спорта. 16 июня 1964 г. руководители партии и государства во главе с Мао Цзэдуном и Лю Шаоци совершили «исторический заплыв» в водохранилище Шисаньлин. Мао Цзэдун назвал плавание «спортом, в котором приходится бороться с природной стихией» и призвал всех «закаляться на реках и морях». В 1965 г. по инициативе Госкомспорта, Генштаба НОАК и ЦК комсомола по всей стране развер-

нулась кампания «всенародного обучения плаванию». В прибрежных городах в массовых заплывах принимали участие тысячи людей. Военно-спортивной подготовкой сельского населения занимались отряды народного ополчения, организуя регулярные занятия по стрельбе, военизированные кроссы, горные походы и заплывы с оружием. Одновременно с милитаризацией массового спорта усилилась подготовка спортивных команд высокого класса по военно-техническим видам спорта. В 1964 г. китайские спортсмены установили национальные рекорды в стрельбе, прыжкам с парашюта с самолета, судомodelьном и планерном видам спорта, в двух видах – стрельбе и прыжкам с парашюта с самолета – побили мировые рекорды.

«Большой скачок» внес коррективы в календарный план национальных соревнований, 2-ю Всекитайскую спартакиаду пришлось отложить на два года, до 1965 г., и ограничиться меньшими по сравнению с первой масштабами, спартакиаду по зимним видам спорта отменили. Церемония открытия спартакиады, названная «Гимн революции», стала символом приближающейся «политической бури».

«Культурная революция» (1966–1976 гг.), начатая Мао Цзэдуном, по оценкам современных китайских политиков и историков, стала страшным бедствием в истории Китая. Вплоть до 1970 г. вся физкультурно-спортивная деятельность в стране оказалась парализована.

«Культурная революция» нанесла первый удар по Госкомспорту в августе 1966 г. Первым объектом нападок и преследований стал заместитель главы комитета, руководитель национальной сборной по настольному теннису Жун Гаотан, которого обвинили в ревизионизме и «погоне за рекордами». Прославленную команду назвали «красильным чаном ревизионизма», а чемпионов мира – «ревизионистской рассадой». Атаки против членов команды были прекращены в октябре 1966 г. по указанию Мао Цзэдуна, однако репрессии против Жун Гаотана продолжились. Жун Гаотан неоднократно выступал с самокритикой, публично каялся в идейно-политических ошибках. В декабре 1966 г. после очередного судилища над «ревизионистом Жун Гаотаном», проходившем в Пекинском дворце спорта, он был арестован.

Несмотря на политический кризис в стране, КНР направила спортивную делегацию на Вторые игры ГАНЕФО в Пномпень в 1966 г. Третьи игры по плану должны были проходить в Пекине в 1969 г., однако они не состоялись из-за развернувшейся в ходе культурной революции критики «ревизионистских состязаний за кубки и медали». В программе международной встречи, проведенной в Пекине в 1971 г., остался только настольный теннис, что практически означало закат игр ГАНЕФО.

После игр ГАНЕФО в Пномпене и Азиатского турнира по настольному теннису, проходившего в Пекине в конце августа – начале сентября 1966 г., все международные контакты КНР были свернуты. С началом культурной революции спортивные организации прекратили деятельность, соревнования не проводились, спортивный инвентарь был сломан, стадионы и спортивные площадки превратились в трибуну для публичных судилищ. Лучшие атлеты подверглись критике как «прислужники буржуазии», соревновательный дух называли

«буржуазной манией погони за кубками и медалями». В 1968 г. Госкомспорт обвинили в том, что он ведет себя как «независимое королевство», после чего все тренировки национальных сборных были прекращены, а спортсменов и тренеров отправили работать на столичные заводы или в родные города. Руководитель Госкомспорта маршал Хэ Лун был арестован и погиб в тюрьме 9 июня 1969 г. В 1968 г. три лучших мастера малой ракетки тренеры Фу Цифан, Цзян Юннин и первый китайский чемпион мира Жун Гаотан, которые в начале 1950-х годов вернулись из Гонконга поднимать национальный настольный теннис, были объявлены шпионами и покончили жизнь самоубийством: Фу Цифан – 16 апреля, Цзян Юннин – 16 мая, Жун Гаотан – 20 июня.

Резко сократилось финансирование спорта – с 89,964 млн юаней в 1966 г. до 27,39 млн в 1968 г. Прекратили финансировать 13 видов военно-технического спорта. Число атлетов и тренеров сократилось, соответственно, с 11 292 и 2062 человек в 1965 г. до 6288 и 1530 человек в 1970 г. 70% спортивных команд прекратили тренировки. К 1970 г. около 400 пекинских атлетов и тренеров были отправлены трудиться в «школы 7 мая» и на заводы. В одном лишь волейболе около 300 человек подверглись репрессиям, посажены в тюрьмы или отправлены в лагеря трудового перевоспитания. 47 провинциальных и городских футбольных команд (1124 игрока и 115 тренеров) оказались расформированы.

Боевые искусства ушу, которые уже во второй раз после 1949 г. попали в опалу, переименовали в «единоборство тех, кто проявляет верность» («чжунцзы у») (имелась в виду верность тому, что в то время считалось враждебным и с чем следовало вести борьбу). Мастеров ушу заклеили как «министров и сыновей феодализма», «чудовищ» и «реакционеров»; оружие и спортивный инвентарь школ боевых искусств были конфискованы.

В период культурной революции культ Мао Цзэдуна достиг апогея. Фотографии и плакаты с изображением Мао, плавающего по реке Янцзы 16 июля 1966 г., были растиражированы по всей стране. Пропаганда стремилась на примере «великого кормчего» вдохновлять людей на занятие плаванием. В честь «исторического события» ежегодно в стране устраивали провинциальные или городские массовые заплывы через реки и озера.

IX съезд КПК в апреле 1969 г. ознаменовал окончание самого разрушительного этапа культурной революции, в стране пришлось восстанавливать общественный порядок. С 1971 г., по мере улучшения экономической ситуации, стабильно росли объемы финансирования спортивной сферы, благодаря чему число атлетов к 1972 г. увеличилось до 9046 человек.

Пополнению спортивных команд способствовало возобновление приема в вузы в 1970 г. и восстановление провинциальных и городских команд. Перспективную в плане спорта молодежь охотно принимали в институты физкультуры и сборные высокого класса. Городская молодежь благодаря спорту могла избежать отправки в деревню. Место в национальной или провинциальной команде привлекало еще и тем, что гарантировало зарплату, бесплатное питание, одежду и, самое главное, работу в городах после ухода из большого спорта. Это изменило общественные взгляды на профессию

спортсмена. Родители не только перестали препятствовать занятиям спортом, но даже сами приводили своих детей в спортивные секции и школы. Кроме того, культурная революция сделала спорт единственно доступным и относительно безопасным видом досуга детей и взрослых, включая интеллигенцию. Результатом стало быстрое развитие спортивных секций и школ. В 1972 г. в них занимались 121 732 человека, а в 1976 г. – 305 516.

Возвращение китайских спортсменов на международную арену после четырехлетнего перерыва произошло на 31-м чемпионате мира по настольному теннису в Нагое (Япония) в 1971 г. Участие в чемпионате было использовано Мао Цзэдуном как средство продвижения к установлению контактов с США и другими западными странами: появился термин «пинг-понговая дипломатия». После чемпионата делегация американских теннисистов по приглашению китайского руководства посетила Пекин. Движение к нормализации отношений КНР и США обусловило исключение Тайваня из ООН и признание КНР постоянным членом Совета Безопасности ООН 25 октября 1971 г. Спортивные контакты как эффективный инструмент широко использовались в интересах внешней политики. В 1970 г. китайские атлеты посетили Швейцарию, Данию, Югославию. По примеру США в 1971 г. целый ряд команд по настольному теннису (Канада, Британия, Австралия и Япония) приехали в Китай на пригласительный турнир.

31-й чемпионат мира по настольному теннису проходил с 28 марта по 7 апреля. Госсовет КНР 11 марта созвал специальное заседание по вопросу об участии китайских спортсменов в чемпионате. На заседании Чжоу Эньлай выступил с инициативой пригласить в Китай, при наличии подходящих условий, американскую команду по настольному теннису.

На чемпионате в Нагое американская команда на встрече с китайскими теннисистами выразила желание посетить Китай. Руководство КНР и лично Мао Цзэдун были информированы о происходящем. Мао распорядился пригласить американскую команду сразу после окончания чемпионата. 7 апреля китайская делегация получила указание передать американской делегации, включая ее руководителей, приглашение посетить КНР. Администрация США (президент Никсон) дала согласие на этот визит. 14 апреля премьер Чжоу Эньлай в Зале народных собраний в Пекине принимал делегации спортсменов из США, Канады, Колумбии и Нигерии. Приветствуя американскую команду, он отметил, что этот визит открывает двери к установлению отношений дружбы между народами двух стран. Несколько часов спустя президент Никсон объявил о снятии эмбарго против КНР. 21 февраля 1972 г. он прибыл в Китай с визитом. В день прилета в Пекин состоялась его встреча с Мао Цзэдуном. 27 февраля в Шанхае стороны подписали совместное заявление. «Дипломатия пинг-понга» помогла восстановлению китайско-американских отношений, прерванных на более чем 20 лет.

С 1972 г. команда КНР по настольному теннису начала доминировать в мире. Международный успех вызвал беспрецедентный интерес к этой игре. Трехкратный чемпион мира Чжуан Цзэдун, который обменялся подарками и рукопожатием с американским теннисистом Гленном Коуэном на

чемпионате мира в Нагое, в период культурной революции был назначен руководителем Госкомспорта и «сделан» членом ЦК КПК.

Возвращение китайских спортсменов на международную спортивную арену в начале 1970-х годов проходило под лозунгом «во-первых, дружба, соревнование во-вторых» (тем самым подчеркивалось превосходство «социалистического» спорта над «буржуазным индивидуализмом» и «погоней за рекордами»). В целях развития спорта в 1971 г. были созданы национальные тренировочные базы для подготовки спортсменов по легкой атлетике, прыжкам в воду, водному поло и гимнастике. В 1972 г. удалось организовать 17 национальных и 256 провинциальных соревнований. В интересах команды и страны атлеты во время соревнований были обязаны жертвовать личными спортивными амбициями, взамен они получали награды и высокие посты. Спорт находился в центре внимания руководства страны. КНР присоединилась к Азиатской федерации спорта в сентябре 1973 г. В 1974 г. КНР впервые направила делегацию из 229 атлетов на 7-ю Азиаду в Тегеран, где заняла второе место в общекомандном зачете.

Одновременно прикладывались усилия для ускоренной подготовки спортивного резерва. В 1971 г. при Пекинском институте физкультуры была создана специальная средняя школа со спортивным уклоном, в которой учились 398 детей из 28 провинций и городов. Выпускников школы направляли в сборные команды провинциального уровня и спортивные команды НОАК. Начиная с 1972 г. Пекинский институт физкультуры кроме культивирования спортивной смены вновь стал готовить учителей по физическому воспитанию, тренеров, спортивных функционеров. Во многих провинциях создавались юниорские спортивные команды. В 1972 г. в КНР возродили школьные соревнования, а в следующем году организовали 1-ю Всекитайскую спартакиаду среди школьников.

В сентябре 1974 г. при встрече с руководителями отделов Госкомспорта Дэн Сяопин указал на необходимость усиления работы по физическому воспитанию в общеобразовательных школах и вузах. В январе 1975 г. было восстановлено Министерство образования, при котором организован отдел физкультуры и спорта.

После ухудшения отношений с СССР в КНР переименовали комплекс ГТО во «всекитайский норматив физкультурно-спортивной подготовки для детей и юношества». В 1973 г. норматив сдали 1 568 457 школьников и студентов, в 1975 г. – 4 733 971 человек. В апреле 1975 г. был принят «Государственный норматив физкультурно-спортивной подготовки», ставший обязательным для всех школ и вузов.

Проведение 3-й Всекитайской спартакиады в 1975 г. рассматривалось как стимул к новому подъему спорта. Лейтмотивом церемонии открытия стал «Гимн Красному флагу». Общее число участников соревнований превысило 10 тыс. человек. Героями спартакиады стали молодые атлеты – 16 юниоров побили национальные рекорды в программах по плаванию. В январе 1976 г. в Харбине прошла 3-я зимняя Всекитайская спартакиада, на которой проводились соревнования по шорт-треку, фигурному катанию, хоккею, горнолыжному спорту и лыжному спорту.

В начале 1976 г. имела место «контратака против правых». Руководитель Госкомспорта Чжуан Цзэдун выступил с инициативой «спортивной революции». Практическое воплощение «спортивная революция» получила на Всекитайских соревнованиях по гимнастике в 1976 г., в которых участвовали команды 12 провинций. Во-первых, было табуировано само слово «соревнования», которое заменили «смотром и выступлением для рабочих, крестьян и солдат». Во-вторых, результаты выступлений гимнастов оценивали коллективно народные и спортивные судьи. После соревнований «народные арбитры» проводили беседы со всеми спортсменами, оценивая в первую очередь их политическую зрелость. Смерть Мао Цзэдуна в сентябре 1976 г. и последующий за этим арест «четверки» стали окончанием «десятилетней смуты» и «спортивной революции».

Персоналии

Политические и общественные деятели

Бо Ибо 薄一波

Бо Ибо (06.02.1908–15.01.2007) родился в уезде Динсян провинции Шаньси. При рождении был назван Бо Шуцунем. В семь лет пошел в школу. В 1922 г. сдал экзамены в государственный педагогический колледж провинции Шаньси. Начал принимать участие в патриотическом «движении 4 мая (1919 г.)», увлекаясь новыми идеями, познакомился с марксизмом. В мае 1925 г. участвовал вместе со студентами педагогического колледжа в борьбе горожан Тайюаня против повышения налога на недвижимость.

Весной 1925 г. произошли различные столкновения на нескольких японских фабриках страны. В июне Бо Ибо организовал студентов педагогического колледжа на участие в антиимпериалистическом движении «30 мая» 1925 г., распространявшемся по стране. Осенью 1925 г. в возрасте 17 лет вступил в КСМК, а в декабре – в КПК. Возглавлял партийную ячейку в педагогическом колледже провинции Шаньси, затем встал во главе парткома северного района г. Тайюань, был заведующим организационным отделом регионального комитета КПК в Тайюане, с 1925 по 1928 г. – член комитета КПК провинции Шаньси.

После поражения революции 1925–1927 гг. продолжил свою нелегальную политическую деятельность в Северной Шаньси. В конце 1928 г. Бо Ибо стал секретарем, ответственным за военные дела в отделении КПК в Тяньцзине, и заместителем секретаря Военного комитета бюро ЦК КПК по Северному Китаю. С 1929 по 1930 г. трижды арестовывался властями Гоминьдана.

В провинции Шаньси создал отряд борцов-смертников за освобождение Китая. Отряд прославился как одно из самых бесстрашных подразделений китайской армии. В 1931 г. был секретарем региональной партийной организации Северного Китая.

В сентябре 1936 г. его вновь арестовали гоминьдановцы. В конце 1936 г. КПК и Гоминьдан пришли к согласию по вопросу о создании единого антияпонского фронта. Возникла возможность выхода из тюрьмы ряда коммунистов. В 1936 г. заведующий орготделом Бюро по Северному Китаю Кэ Цинши предложил выполнить установленные Гоминьданом формальности по выходу из тюрьмы арестованных коммунистов. Оно было принято. Следовало реализовать его быстро, до захвата японцами этого района. Решение было передано сотрудниками Бюро по Северному Китаю в тюрьмы. Бо Ибо и другие арестованные коммунисты написали заявления о выходе из КПК, и их выпустили из тюрьмы.

В 1937 г. ЦК КПК выступил с призывом: «Пусть Гоминьдан и коммунистическая партия в тесном сотрудничестве дадут отпор новому наступлению японских бандитов». В августе Чан Кайши встретился с Чжу Дэ и была достигнута договоренность о реорганизации китайской Красной армии. 22 августа её реорганизовали в 8-ю полевую армию. Чжу Дэ и Пэн Дэхуай были назначены, соответственно, ее командующим и заместителем командующего. Бо Ибо в качестве руководителя Лиги самопожертвования дважды обращался к губернатору провинции Шаньси Янь Сишаню с предложением сформировать Новую шаньсийскую армию и расширить антияпонские формирования. Янь Сишань дал согласие. Созданная армия была революционным формированием, фактически созданным и возглавляемым Шаньсийским

рабочим комитетом КПК. Под руководством КПК Новая шаньсийская армия разрослась до 50 полков. Бо Ибо проявил себя как решительный организатор и мастер конспирации. Он уговорил перейти на сторону китайской Красной армии 200 тыс. солдат генерала Янь Сишаня.

С августа 1937 г. по октябрь 1942 г. Бо Ибо был командиром и политическим комиссаром войск на границе провинций Хэбэй–Шаньдун–Хэнань, возглавляя борьбу с японскими агрессорами. Затем в 1943 г. его направили на учебу в Центральную партийную школу в Яньань; он был секретарем комитета КПК в горном районе на стыке провинций Хэбэй–Шэньси–Хэнань, политическим комиссаром военных формирований НОА.

После создания КНР вошел в правительство в качестве министра финансов, являлся руководителем государственного комитета по строительству, главой третьей канцелярии Госсовета КНР, заместителем руководителя комитета по научному планированию, заместителем премьера Госсовета КНР. Возглавлял канцелярию Госсовета по промышленности и транспорту. Был председателем Государственного экономического комитета КНР, возглавлял комитет машиностроения Госсовета.

С 1952 по 1956 г. занимал пост первого заместителя председателя Государственной комиссии по планированию КНР. С 1956 по 1959 г. возглавлял это ведомство.

В декабре 1952 г. по инициативе Бо Ибо было выдвинуто предложение о новой налоговой политике, которую затем подверг критике Мао Цзэдун. При этом Бо Ибо был назван «проводником буржуазной идеологии» и новой налоговой системы, ведущей к «капитализму».

Выступая на VIII съезде КПК в 1956 г., Бо Ибо особое внимание уделил проблеме рационального соотношения между объемами и темпами накопления и потребления в национальном доходе страны. Докладчик предупреждал, что нельзя превышать объективные возможности, слишком быстро и намного увеличивать удельный вес расходов на капитальное строительство в общих расходах по госбюджету, так как это нанесет вред развитию народного хозяйства и приведет к разрыву между накоплением и потреблением.

Несмотря на предупреждения Бо Ибо, в дальнейшем, как признавали китайские экономисты и историки, удельный вес фонда накопления в национальном доходе увеличивался.

Так же, как и Чэнь Юнь, Бо Ибо высказывался против провозглашенного Мао Цзэдуном курса на «большой скачок» в 1958 г., в результате которого предполагалось резко ускорить темпы индустриализации страны.

Китаю потребовалось около пяти лет, чтобы ликвидировать последствия «большого скачка», осуществляя «урегулирование» экономики страны. Урегулирование проводили Лю Шаоци, Чэнь Юнь, Дэн Сяопин, Ли Фучунь, Ли Сяньнянь, Дэн Цзыхой, Бо Ибо и др.

Во время культурной революции Бо Ибо был репрессирован и провел в заключении 10 лет. Его шестеро детей также пострадали – кто-то оказался в тюрьме, кого-то отправили в деревню на «перевоспитание». Жену Бо Ибо хунвэйбины забили до смерти, дом, где она жила, был снесен. Имущество семьи в годы культурной революции разворовали.

Во время культурной революции была поднята кампания осуждения тех, кого называли «61 предателем». Бо Ибо оказался в их числе. Их обвиняли в том, что при создании единого антияпонского фронта в 1936 г. они написали заявления о выходе из КПК и были выпущены из тюрьмы. На самом деле они сделали это, как говорилось выше, по указанию партийной организации.

О пересмотре «дела 61 предателя» (1936 г.) было объявлено в КНР в январе 1979 г. После реабилитации Бо Ибо стал союзником Дэн Сяопина в проводимой последним политики.

Бо Ибо являлся членом ЦК КПК 7-го, 8-го, 11-го созыва, кандидатом в члены Политбюро 8-го созыва, заместителем председателя Центральной комиссии советников ЦК КПК, образованной в 1982 г.

После реабилитации он стал членом Госсовета КНР, заместителем премьера Госсовета, заместителем руководителя государственного комитета по экономическим реформам. Был заместителем постоянного комитета по руководству работой по упорядочению партии ЦК КПК.

В начале 1990-х годов Бо Ибо подготовил и издал две книги воспоминаний, охватывающие период с 1949 по 1966 г.

Ван Ли 王力 (Ван Гуанбинь 王光賓)

Ван Ли (Ван Гуанбинь) (1921–1996 гг.) родился в Цзянсу, вступил в китайский комсомол в 1935 г., в КПК в 1938 г. Во время антияпонской войны был редактором газеты «Дачжун жибао» и отвечал за пропагандистскую работу в районе Бохай провинции Шаньдун. С 1949 г. работал в бюро ЦК КПК Восточного Китая. В 1958 г. стал работать в журнале «Хунци». Принял участие в подготовке серии статей в период «войны идей» Мао Цзэдуна против СССР и КПСС.

С 1964 г. был заместителем руководителя Отдела международных связей ЦК КПК. В это время подготовил ряд документов секретариата ЦК КПК и Политбюро ЦК. По поручению Мао Цзэдуна подготовил телеграмму V съезду Албанской партии труда. Принимал участие в подготовке многих документов периода культурной революции. Претендовал на руководство МИД КНР. Был арестован 26 августа 1967 г. по обвинению в создании хунвэйбиновской группировки «16 мая», «контрреволюционной деятельности», проведении «черной линии Лю Шаоци и Дэн Сяопина». Ван Ли был освобожден из заключения в январе 1982 г. Занился написанием мемуаров, подготовкой материалов для газет. Умер в октябре 1996 г.

Ван Хунвэнь 王洪文

Ван Хунвэнь (январь 1934 г.) родился в Чанчуне, провинция Цзилинь. Выдвинулся в период «культурной революции» как ее «активист», будучи работником охраны 17-й шанхайской текстильной фабрики.

Происходил из бедной семьи. В 10 лет лишился отца. В 16 лет, в 1951 г. вступил в НОАК, добровольцем участвовал в корейской войне, служил охранником и связистом. В армии вступил в ряды КПК. После демобилизации направлен на 17-ю государственную текстильную фабрику в Шанхае, был рабочим, а после перевода в 1964 г. в отдел внутренней охраны стал кадровым работником низшего ранга и одновременно командиром роты кадровых народных ополченцев, обучал военному делу работников фабрики. В период «четырёх чисток», в 1964–1965 гг., в парткоме появились сведения о том, что Ван Хунвэнь во время ремонта своего дома использовал украденные с фабрики стройматериалы, приносил домой сигареты, оставшиеся в канцелярии заводоуправления после приема иностранных гостей. Разбирательством дела занялась посланная на фабрику «рабочая группа», но с началом культурной революции оно сошло на нет.

После появления в Пекинском университете первой дацзыбао при содействии Ван Хунвэня за 12 дней в июле 1966 г. было вывешено 7525 дацзыбао с критикой

парткома фабрики. Узнав о появившихся в Пекине отрядах хунвэйбинов, он немедленно предложил создать такие же организации среди народных ополченцев фабрики.

В октябре 1966 г., когда «рабочие группы» в Шанхае были распущены, Ван Хунвэнь отправился в Пекин, где был принят руководителями Группы по делам культурной революции (ГКР) Чэнь Бода, Чжан Чуньцяо и Цзян Цин. Затем его приняли Мао Цзэдун и Линь Бяо. После этого начался его взлет. В Шанхай по приказу Цзян Цин в октябре для разгрома горкома КПК была отправлена автор первой дацзыбао Не Юаньцзы. С помощью Ван Хунвэня был создан «Штаб революционных бунтарей (цзаофаней) – рабочих Шанхая». ГКР от имени ЦК КПК выступила с документом о создании организаций цзаофаней на промышленных предприятиях. 3–6 января 1967 г. организации «бунтарей» Шанхая захватили редакции газет «Цзефан жибао» и «Вэньхой бао». Члены ГКР – Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань – прибыли в Шанхай и с помощью Ван Хунвэня организовали миллионный митинг, где было заявлено, что «бунтари» больше не признают руководителей горкома КПК и снимают их со всех постов. Одновременно были подвергнуты критике сотни кадровых работников Шанхайского горкома, регионального Бюро ЦК КПК по Восточному Китаю и различных отделов городского правительства. Мао Цзэдун поддержал эти действия, охарактеризовав их как «свержение одного класса другим», «великую январскую революцию» в Шанхае «по захвату власти», что послужило сигналом к «захвату власти» по всей стране.

Благодаря тесным контактам с Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюанем и Цзян Цин Ван Хунвэнь вошел в созданный 25 мая 1967 г. Шанхайский революционный комитет («ревком»), стал заместителем Чжан Чуньцяо. 1 октября 1968 г. Ван Хунвэнь в качестве представителя Шанхайского «ревкома» присутствовал в Пекине на праздновании 19-й годовщины создания КНР. На IX съезде КПК (апрель 1969 г.) он являлся членом президиума, выступил с речью на пленарном заседании, был введен в состав ЦК КПК. В апреле 1970 г. в составе делегации КНР выезжал за границу в Албанию. В январе 1971 г. стал секретарем Шанхайского горкома партии.

После событий 13 сентября 1971 г. и гибели Линь Бяо перед Мао Цзэдуном встал вопрос о выборе преемника. В начале сентября 1972 г. Ван Хунвэнь вызвали на учебу в Пекин. Вскоре Мао Цзэдун предложил перевести его на работу в ЦК в Пекин и разрешить участвовать в работе Политбюро ЦК с правом совещательного голоса. Затем ему было поручено совместно с Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюанем подготовить проект политического доклада на X съезде КПК и организовать под своим руководством рабочую группу по пересмотру Устава КПК. Это означало, что Мао Цзэдун избрал Ван Хунвэня своим «преемником».

На X съезде КПК (август 1973 г.) Ван Хунвэнь выступил с докладом об изменении в Уставе КПК. На съезде он сидел в президиуме по правую руку от Мао Цзэдуна, а по левую от последнего – Чжоу Эньлай. Был избран членом ЦК КПК. На 1-м пленуме ЦК КПК 10-го созыва утвержден заместителем председателя ЦК КПК, введен в состав Политбюро, утвержден членом ПК Политбюро Центрального комитета партии. Это был пик его карьеры.

В Шанхае на текстильной фабрике, где он некогда работал, уже создавали музей его имени.

После официального смещения Ван Хунвэня и ареста в составе «четверки» в октябре 1976 г. пресса КНР стала писать, что «он не читал книг и газет, смотрел лишь неприличные фильмы, утопал в роскоши и разложился до мозга костей»; кроме того, приводились свидетельства, что в 1975 г. в Шанхае за три месяца он израсходовал

на личные нужды 13 тыс. юаней, сумму, которую простой рабочий мог заработать только за 30 лет.

3-й пленум ЦК КПК 10-го созыва в июле 1977 г. решил исключить Ван Хунвэня из партии без права восстановления.

С 20 ноября 1980 г. по 25 января 1981 г. прошел открытый процесс по делу Ван Хунвэня. Ему предъявили обвинения в репрессивных действиях в отношении интеллигенции, рабочих и служащих, студентов, хунвэйбинов и цзаофаней, спортсменов, а также в «клевете» в адрес министра иностранных дел Чэнь И и премьера Госсовета Чжоу Эньлая. 23 января 1981 г. Специальный трибунал Верховного суда КНР приговорил его к пожизненному лишению свободы с пожизненным поражением в политических правах. Ван Хунвэнь умер в тюрьме 23 декабря 2005 г.

Вань Ли 万里

Вань Ли родился в декабре 1916 г. в уезде Дунпин провинции Шаньдун. Член КПК с 1936 г. Образование высшее, педагогическое. С 1936 г. вел подпольную работу, был секретарем Дунпинского уездного комитета КПК, занимал ответственные партийные посты сначала в западной части провинции Шаньдун, затем – в округах пограничного района Хэбэй–Шаньдун–Хэнань. С 1947 г. был членом, затем заведующим секретариатом комитета КПК района Хэбэй–Шаньдун–Хэнань. После освобождения Нанкина (23 апреля 1949 г.) выполнял обязанности ответственного сотрудника военно-контрольного комитета этого города.

После образования КНР переведен на работу в военно-административный комитет Юго-Западного Китая. С 1952 г. – заместитель министра строительства. С мая 1956 г. – министр городского строительства. С 1958 г. – секретарь Пекинского горкома КПК, заместитель мэра Пекина, заместитель председателя ПК НПКС Пекина.

В начале культурной революции Вань Ли подвергся преследованиям и был снят со всех постов. В 1973 г. назначен секретарем Пекинского горкома КПК и заместителем председателя Пекинского «ревкома». На 1-й сессии ВСНП 4-го созыва (1975 г.) Вань Ли был назначен министром железных дорог. С февраля 1977 г. – первый заместитель министра легкой промышленности, с июля 1977 г. – первый секретарь комитета КПК провинции Аньхой; председатель провинциального ревкома; первый политкомиссар Аньхойского провинциального военного округа.

Наряду с Чжао Цзяном как руководитель провинциального комитета КПК поддерживал возвращение крестьянам после смерти Мао Цзэдуна семейных земельных наделов. Был твердым сторонником генеральных секретарей ЦК КПК Ху Яобана и Чжао Цзяна.

Член ЦК КПК 11-го, 12-го и 13-го созывов, член Политбюро ЦК КПК 12-го и 13-го созывов. В 1980 г. стал членом Секретариата ЦК КПК и заместителем премьера Госсовета. В 1988 г. избран председателем ПК ВСНП 7-го созыва.

Гао Ган 高岗

Гао Ган (1905–1954 гг.) – уроженец уезда Хэншань провинции Шэньси. Был членом Политбюро ЦК КПК, секретарем Бюро ЦК КПК по Северо-Восточному Китаю, заместителем председателя Центрального народного правительства КНР. В 1953 г. назначен председателем Государственного планового комитета. В марте 1955 г. по решению Всекитайской конференции КПК исключен из партии.

Го Можо 郭沫若

Го Можо (Го Кайчжэнь, псевдоним – Го Динтан). Родился 16 ноября 1892 г. в деревне Шаовань уезда Лэшань провинции Сычуань. Умер 12 июня 1978 г. Историк, писатель, поэт, общественный и государственный деятель. Выходец из помещичьей семьи. Окончил среднюю школу в Чэнду. В 1914 г. уехал учиться в Японию. В 1923 г. окончил медицинский факультет Университета Кюсю (Япония). По возвращении на родину занялся литературной деятельностью и публицистикой. В 1918 г. начал писать стихи. Печатался с 1919 г. Был одним из организаторов и руководителей (1921 г.) литературного общества «Творчество». Ранняя поэзия представлена сборниками «Богини» (1921 г.) и «Звездное пространство» (1923 г.), для которых характерны антифеодальные настроения, революционный романтизм.

Участник революции 1925–1927 гг. в Китае. В августе 1927 г. участвовал в Наньчанском восстании, вступил в КПК. В 1928 г. был вынужден эмигрировать в Японию.

В 1930 г. вступил в Лигу левых писателей Китая. В период войны сопротивления Японии выступал за сотрудничество КПК и Гоминьдана. Возглавлял «Всекитайскую ассоциацию деятелей литературы и искусства по отпору врагу».

До 1937 г. жил в Японии, где занимался изучением древней истории Китая.

В 1928 г. написал «Исследование древнего общества Китая», выходявшее отдельными главами. К марту 1930 г. издание книги было запрещено. Вышла в свет в 1954 г. в Пекине.

Был начальником 3-го отдела Политуправления Военного совета Национального правительства Китайской Республики, председателем Комитета по работе в области культуры.

В 1931–1937 гг. Го Можо опубликовал ряд статей, посвященных исследованию надписей на иньских костях и бронзовых сосудах: «Собрание надписей на костях» («Цзягу вэньцзы» 1931 г., 2-е изд. в 1954 г.), «Исследование надписей на бронзе» («Цзиньвэнь юй ши чжи юй», Токио), «Собрание надписей на бронзе и исследование» (Токио, 1943 г.; Пекин, 1954 г.) и др.

Перевел на китайский язык «Немецкую философию» К. Маркса и Ф. Энгельса, «К критике политической экономии» К. Маркса, часть «Войны и мира» Л. Н. Толстого, «Фауста» И.-В. Гёте, первым перевел стихи В. В. Маяковского и других поэтов.

Го Можо издал сборник «Эпоха рабовладельческого строя» («Нули чжи шидай», 1952 г.; русский перевод 1956 г.) и переработал свои прежние работы: «Бронзовый век», 1954 г.; (русский перевод 1959 г.) и «Десять критических статей» («Ши пинь-аньшу», 1954 г., в русском переводе в книге под названием «Философы древнего Китая». М., 1961 г.).

Го Можо долго занимался исследованием проблемы периодизации древней истории Китая, в основном вопроса о нижней границе рабовладельческого строя. Сначала он отнес этот период к 770 г. до н.э. – переходу от Западного Чжоу к Восточному Чжоу, затем пересмотрел свою точку зрения и отодвинул границу приблизительно к 206 г. до н.э. – времени между династиями Цинь и Хань. И, наконец, в 1952 г. в работе «Эпоха рабовладельческого строя» от отнес нижнюю границу рабовладельческого строя к 475 г. до н.э., времени между Чуньцю и Чжаньго.

Впоследствии работы автора были собраны в «Полном собрании сочинений Го Можо».

После посещения СССР в 1945 г. опубликовал книгу «Суянь цзи син» («Записки о поездке в СССР»), изданную в Шанхае в 1946 г. В 1957 г. он был в Москве на сессии Всемирного совета мира и был награжден медалью Ф. Жолио-Кюри.

Подверг анализу с марксистских позиций воззрения крупнейших древнекитайских мыслителей. Отмечал демократический характер древнего конфуцианства, сочувствие Конфуция идее «народного Освобождения». Учение Мо-цзы считал чисто религиозным. Хань Фэя рассматривал как теоретика тоталитаризма.

После образования КНР занимал ряд административных постов. Член Центрального народного правительственного совета, председатель Комитета по делам культуры и просвещения при Государственном административном совете. В 1950 г. – вице-председатель Бюро Всемирного Совета Мира, с 1959 г. – член его президиума. Заместитель премьера Госсовета КНР, президент Академии наук Китая, руководитель отделения философии и общественных наук Академии наук. Директор 1-го Института истории АН Китая. Делегат IX, X, XI съездов КПК, избран членом ЦК КПК 9-го, 10-го, 11-го созывов. Избирался заместителем председателя Постоянного комитета ВСНП с первого по пятый созывы, заместителем председателя Всекитайского Комитета НПКСК. В 1951 г. награжден международной премией «За укрепление мира между народами».

14 апреля 1966 г., выступая на 30-м заседании Постоянного комитета ВСНП во время обсуждения доклада заместителя министра культуры о «великой культурной революции», Го Можо заявил, что «без усвоения идей председателя Мао» «нельзя себя переделать в лучшую сторону», если исходить из современных критериев, то «все написанные им (Го Можо) вещи, строго говоря, необходимо полностью сжечь, нет ни одной работы, заслуживающей внимания». На начальном этапе культурной революции подвергся критике со стороны хунвэйбинов, против него было вывешено несколько дацзыбао. Мао Цзэдун лично дал указание усилить охрану Го Можо.

Дэн Сяопин 邓小平

Дэн Сяопин (Дэн Сисянь). Родился 22 апреля 1904 г. в волости Сесин уезда Гуанъань провинции Сычуань. Умер 19 февраля 1997 г. в Пекине.

Последовательно занимал следующие посты (с 1956 г.): генеральный секретарь ЦК КПК, член ПК Политбюро ЦК КПК, член Военного совета ЦК КПК, заместитель председателя ЦК КПК, председатель Всекитайского комитета НПКСК, председатель Центральной комиссии советников КПК, председатель Военного совета ЦК КПК.

Родился в семье помещика. В 1920–1925 гг. работал и учился во Франции. В 1922 г. вступил в комсомол, в 1924 г. – в КПК. В 1926–1927 гг. учился в Москве, в Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена, под псевдонимом Крезов, Дозоров. По возвращении в Китай включился в революционную работу на территории опорных баз КПК, был начальником политотдела корпуса, политкомиссаром армии, заместителем начальника Главного политуправления Рабоче-крестьянской Красной армии Китая, заведующим секретариатом ЦК КПК. Участвовал в Великом походе Красной армии в 1934–1936 гг. В 1937–1949 гг. занимал руководящие должности в политорганах 8-й и 2-й полевых армий, был секретарем региональных бюро ЦК КПК. В 1945 г. на VII съезде КПК избран членом ЦК КПК. После образования КНР (1949 г.) являлся членом Центрального Народного Правительственного Совета КНР (1949–1954 гг.), заместителем премьера Государственного административного совета, заместителем председателя Государственного комитета обороны КНР (1954–1956 гг.). С 1955 г. – член Политбюро ЦК КПК, в 1956–1966 гг. – генеральный секретарь ЦК КПК, член ПК Политбюро ЦК КПК.

В начале культурной революции (1966 г.) был раскритикован и снят с постов, но не репрессирован. Мао Цзэдун перевел Дэн Сяопина на «запасный путь», отправив

его на специальном самолете с семьей и библиотекой в провинцию Цзянси. В 1973 г., после того, как Дэн Сяопин письменно осудил Линь Бяо, Мао Цзэдун вернул его в Пекин. В марте 1973 г. он был назначен заместителем премьера Госсовета КНР. Стал членом ЦК КПК, в 1974 г. – членом Политбюро ЦК КПК, в 1975 г. – членом ПК Политбюро и заместителем председателя ЦК КПК, заместителем председателя Военного совета ЦК КПК, начальником Генерального штаба НОАК.

В апреле 1976 г. в результате интриг внутри руководства КПК был отстранен от партийных и государственных постов. После смерти Мао Цзэдуна (1976 г.) и ареста «четверки» Дэн Сяопин восстановлен на всех руководящих постах (1977–1978 гг.). В июне 1981 г. под его руководством было принято «Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР». В 1987 г. вышел из состава ЦК КПК, оставшись председателем Военного совета ЦК КПК. В 1990 г. ушел с поста председателя Военного совета ЦК КПК.

В 1987 г. добился устранения с поста генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана, а в 1989 г. – генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзяяна. По настоянию Дэн Сяопина в 1989 г. вооруженным путем было подавлено мирное выступление за демократию на центральной площади Пекина Тяньаньмэнь.

Активно осуществлял курс Мао Цзэдуна в отношении СССР, как при жизни Мао Цзэдуна, так и после его смерти.

Дэн То 邓拓

Дэн То (1912–1966 гг.), – фуцзянец, журналист, ученый, историк. В 1930 г. вступил в КПК. Во время антияпонской войны находился в отрядах партизан. Литературно одаренный человек, начал работать в коммунистической печати освобожденных от японских захватчиков районов. Был заместителем заведующего отделом пропаганды регионального бюро ЦК КПК, секретарем парткома и главным редактором «Шэньганьнинской [пограничный район Шэньси–Ганьсу–Нинся] газеты», заведующим отделом Синьхуа данного района. После освобождения Пекина в 1949 г. стал заведующим исследовательским кабинетом политики Пекинского горкома КПК, заведующим отделом пропаганды. С 1950 г. являлся главным редактором партийной газеты «Жэньминь жибао», директором издательства данной газеты, членом Отделения общественных наук Академии наук Китая, членом Ученого совета Института истории, секретарем секретариата Пекинского горкома КПК, кандидатом в секретари регионального бюро ЦК КПК Северного Китая. Он возглавлял Всекитайский союз журналистов, во главе китайских делегаций выезжал в СССР и другие страны Восточной Европы. Был вынужден покончить с собой из-за преследований во время культурной революции Мао Цзэдуна.

Дэн Цзыхой 邓子恢

Дэн Цзыхой (1896–1972 гг.) – родом из Лунъяня провинции Фуцзянь. В 1917 г. уехал учиться в Японию, в 1919 г. вернулся в Китай. Участвовал в революции 1925 г. В 1926 г. вступил в КПК.

После того как в 1934 г. главные силы 1-го фронта Красной армии покинули Центральную революционную базу и выступили в Великий поход, остался на юге страны продолжать партизанскую войну. Был заведующим отделом финансов и отделом массового движения Военно-политического совета юго-западной Фуцзяни, а также заместителем председателя этого совета. В начале Освободительной войны был

заместителем секретаря Бюро ЦК КПК по Восточному Китаю и заместителем комиссара военного округа Восточного Китая.

Дэн Цзыхой защищал интересы крестьян, не соглашался с политикой Мао Цзэдуна в отношении крестьянства. Скончался 10 декабря 1972 г.

Е Цзяньин 叶剑英

Е Цзяньин (28 апреля 1897 г. – 28 октября 1986 г.) – уроженец деревни Яньянбао уезда Мэйсянь провинции Гуандун.

Окончил Юньнаньское военное училище. В 1920 г. участвовал в организованном Сунь Ятсеном походе против гуансийской милитаристской клики. В октябре 1921 г. сопровождал Сунь Ятсена в поездке по провинции Гуанси. Один из организаторов офицерской школы в Хуанпу (Вампу), где служил заместителем начальника учебной части. Участник Северного похода Национально-революционной армии (1926 г.). Занимал посты начальника штаба дивизии, корпуса, командира дивизии. После переворота Чан Кайши в 1927 г. выехал в Ухань, где был назначен Национальным правительством начальником штаба 4-го корпуса НРА.

Е Цзяньин оказал действенную поддержку в организации Наньчанского восстания в 1927 г.

Член КПК с июля 1927 г. 11–13 декабря 1927 г. вместе с Чжан Тайлеем, Е Тинем и другими деятелями руководил вооруженным восстанием в Гуанчжоу – Кантонской коммуной.

После поражения восстания нелегально работал в Шанхае. В 1928–1930 гг. находился в СССР, где учился в Коммунистическом университете трудящихся Китая. В 1930 г. вернулся на родину. С 1931 г. в Центральном советском районе занимал должности члена Центрального революционного военного совета и начальника Главного штаба Рабоче-крестьянской Красной армии Китая. В 1934–1936 гг. участвовал в Северо-западном походе Красной армии, был начальником штаба 1-го фронта Красной армии Китая, командующим колоннами аппарата Реввоенсовета, начальником штаба Правой колонны. Во время «сианьских событий» декабря 1936 г. в составе делегации КПК вместе с Чжоу Энляем вел переговоры об освобождении Чан Кайши и о договоренности с ним по вопросу о создании единого национального фронта сопротивления Японии.

В период войны Сопrotивления Японии (1937–1945 гг.) был заместителем начальника Генерального штаба Реввоенсовета ЦК КПК, руководил работой Тылового комитета КПК, являлся начальником штаба 8-й армии.

В 1945 г. на VII съезде КПК избран членом ЦК. В 1946–1949 гг. – заместитель начальника Генерального штаба НОАК.

После освобождения Пекина войсками НОАК стал председателем военно-административного комитета и мэром Пекина.

В 1949–1954 гг. – член Центрального народного правительственного Совета КНР, первый секретарь Бюро ЦК КПК по Южному Китаю, заместитель председателя военно-административного комитета Центрально-Южного Китая, командующий и политкомиссар Военного округа Южного Китая, председатель народного правительства провинции Гуандун, мэр города Гуанчжоу. С октября 1954 г., после возвращения в Пекин, – заместитель председателя Военного совета ЦК КПК, заместитель председателя Государственного комитета обороны, член ПК ВСНП. В 1955 г. ему присвоено воинское звание маршала КНР. С 1966 г. – член Политбюро ЦК КПК. С 1973 г. – заместитель председателя ЦК КПК, член ПК Политбюро ЦК КПК, заместитель

председателя Военного совета ЦК КПК. В 1975–1978 гг. – министр обороны. В октябре 1976 г. сыграл решающую роль в устранении «четверки». Удостоился за это письма ЦК КПК с благодарностью.

5 марта 1978 г. на сессии ВСНП 5-го созыва избран председателем ПК ВСНП. 5 марта 1983 г. ПК ВСНП удовлетворил просьбу не избирать его на следующий срок на этот пост. В июне 1983 г. на сессии ВСНП назначен заместителем председателя Центрального Военного совета. В 1984 г. стал членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, заместителем председателя Военного совета ЦК КПК и заместителем председателя Центрального Военного совета КНР. В 1985 г. 4-й пленум ЦК КПК 12-го созыва удовлетворил его просьбу о выходе из состава ЦК КПК. Скончался 22 октября 1986 г. в Пекине. Прах перевезен в Гуанчжоу для захоронения в могиле героев Кантонской коммуны.

Жао Шуши 饶漱石

Жао Шуши (1903–1975 гг.) – уроженец уезда Линьчуань провинции Цзянси. Был первым секретарем Бюро ЦК КПК по Восточному Китаю и председателем административного комитета Восточного Китая, комиссаром военного округа Восточного Китая. В 1953 г. назначен заведующим Орготделом ЦК КПК. В марте 1955 г. по решению Всекитайской конференции КПК был исключен из партии.

Кан Шэн 康生

Кан Шэн (Чжао Жун, Чжан Цзункэ) (1898–1975 гг.) – уроженец уезда Цзяонань провинции Шаньдун. Родился в богатой семье. В 8 лет ему наняли частного учителя. В 13 лет он был отправлен в Циндао, где поступил в известную в то время школу, основанную немецкими миссионерами в 1890 г. После окончания школы и учительских курсов стал работать учителем начальной школы в уезде Чжучэн в Шаньдуне. Весной 1924 г. Кан Шэн перебирается в Шанхай и поступает в Шанхайский университет. Деканом факультета общественных наук здесь был Цюй Цюбо, заведующим хозяйственным отделом – Дэн Чжунся, в университете часто выступал Ли Дачжао.

В 1925 г., будучи студентом, Кан Шэн вступает в КПК. В феврале 1925 г. он участвует в знаменитой февральской забастовке в Шанхае, которую возглавили Дэн Чжунся и Ли Лисань. Затем он работал в забастовочном комитете «движения 30 мая» 1925 г. в Шанхае, которым руководили Ли Лисань и Лю Шаоци. Кан Шэн был одним из руководителей трех вооруженных восстаний в Шанхае в 1926–1927 гг., работал в Шанхайской федерации профсоюзов, которую возглавлял Ли Лисань, секретарем бюро специальной партиячейки Шанхайского университета, секретарем Хучжунского, Чжабэйского, Хусиского и Худунского районов партии в Шанхае. С 1928 г. был членом Цзянсуского провинциального комитета КПК, заведующим орготделом и начальником секретариата этого комитета. В 1930 г. не без помощи Ван Мина стал заведующим орготделом ЦК КПК, на 3-м пленуме ЦК КПК 6-го созыва избран членом Центральной ревизионной комиссии. На 5-м пленуме ЦК КПК 6-го созыва в январе 1934 г. избирается членом ЦК и членом Политбюро ЦК КПК.

В 1933 г. Кан Шэн едет в Москву, здесь он с 1933 по 1935 г. становится заместителем руководителя делегации КПК в Коминтерне (руководитель – Ван Мин). Летом 1935 г. он делегат VII конгресса Коминтерна. Зимой 1937 г. вместе с Ван Мином и Чэнь Юнем возвращается в Китай, в Яньань. Начал преподавать в Антияпонской военной академии. Затем стал ректором партийной школы при ЦК КПК. Летом 1938 г. – член и генеральный секретарь оргкомитета по проведению VII съезда

КПК. Являлся заведующим социальным отделом (создан в октябре 1939 г.) и начальником информационной службы, которая преобразуется в управление информационной службы. Активный участник и исполнитель чисток в КПК в период «чжэнфэна» в Яньани (1941–1943 гг.). Он вошел в состав Центральной комиссии по проведению кампании по упорядочению стиля (туда также входили Лю Шаоци, Чэнь Юнь, Пэн Чжэнь, Гао Ган и Ли Фучунь). Позднее он стал председателем этой комиссии. В 1945–1956 гг. – член ЦК КПК 7-го созыва, член Политбюро ЦК КПК, с 1945 г. – заведующий орготделом ЦК партии. Март 1949 г. – октябрь 1954 г. – секретарь Шаньдунского комитета КПК. Сентябрь 1949 г. – октябрь 1954 г. – член Центрального народного правительственного совета. Декабрь 1953 г. – политкомиссар Шаньдунского военного округа. Сентябрь 1956 г. – член президиума VIII съезда КПК, сентябрь 1956 г. – член ЦК КПК и кандидат в члены Политбюро ЦК КПК 8-го созыва. Январь 1959 г. – входил в состав делегации КПК на XXI съезде КПСС, октябрь 1961 г. – член делегации КПК на XXII съезде КПСС. Сентябрь 1962 г. – избран секретарем ЦК партии, июль 1963 г. – член делегации во главе с Дэн Сяопином на переговорах между КПСС и КПК в Москве. Ноябрь 1964 г. – входил в состав делегации во главе с Чжоу Эньлаем на праздновании 47-й годовщины Октябрьской революции в Москве. 1965 г. – заместитель председателя ПК ВСНП 3-го созыва.

Активный исполнитель политических решений Мао Цзэдуна во время его культурной революции, был советником Группы по делам культурной революции. Умер в конце 1975 г.

В декабре 1978 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва было принято решение о проверке Кан Шэна. Центральная комиссия ЦК КПК по проверке дисциплины «на основании неопровержимых доказательств» подтвердила «порочность политического лица» Кан Шэна. 16 октября 1980 г. решением ЦК КПК был аннулирован некролог и утверждено его исключение из партии.

Куай Дафу 蒯大富

Куай Дафу – 1945 г. рождения, один из пяти самых известных руководителей пекинских хунвэйбиновских организаций. Родился в бедной крестьянской семье. Был первенцем, имея еще четырех сестер и братьев. Перед началом культурной революции поступил на химический факультет Университета Цинхуа в Пекине. Затем возглавил одну из хунвэйбиновских организаций этого университета. С 1968 по 1970 г. добровольно работал на одном из заводов в Северо-Восточном Китае. С 1970 по 1987 г. 17 лет провел в тюрьме в Пекине и Нинся. 31 октября 1987 г. выпущен на свободу. Женат.

Линь Бяо 林彪

Линь Бяо родился 5 декабря 1906/07 г. в деревне Хойлуншань уезда Хуанган провинции Хубэй. Погиб 13 сентября 1971 г. в районе Ундерхан МНР. Маршал КНР, министр обороны КНР, политический и государственный деятель, в первые годы культурной революции именовался «преемником» Мао Цзэдуна.

Происходил из большой семьи мелкого фабриканта, при рождении получил имя Юйжун. Его отец имел небольшую текстильную фабрику, которая, по словам Линь Бяо, «процветала непродолжительное время в период Первой мировой войны, но затем обанкротилась из-за непосильных налогов, налагавшихся местными милитаристами». После банкротства отец стал работать кассиром на пароходе на реке Янцзы. В возрасте 10 лет Юйжун ушел из дома, сначала учился в Хойлуншаньской

школе, затем в Утайской средней школе. 17-летним юношей вступил в Социалистический союз молодежи Китая, а в 1925 г. – в КПК. В том же году поступил в военную школу Вампу, в 1927 г. стал командиром взвода, затем роты отдельного полка Национально-революционной армии (НРА). К тому времени сменил имя на Линь Бяо. В 1926 г. участвовал в Северном походе, в 1927 г. принимал участие в Наньчанском восстании. После поражения восстания участвовал в совещании в Маочжи, в ходе которого некоторые командиры предлагали распустить войска. Линь Бяо и Чэнь И поддержали Чжу Дэ, воспротивившегося этому предложению. После создания в 1928 г. 4-го корпуса Красной армии Китая Линь Бяо командовал полком. Когда в 1930 г. была сформирована 1-я армейская группа, командовал корпусом. В ноябре 1931 г. он становится членом Реввоенсовета, созданного по решению I Всекитайского съезда представителей советских районов Китая. В 1932 г. назначен командующим 1-й армейской группой Красной армии, участвовал в отражении пятого карательного похода Гоминьдана. 1-я армейская группа под его командованием в октябре 1934 г. шла в авангарде Великого похода (ноябрь 1934 г. – январь 1935 г.).

Характеристика Линь Бяо того времени, данная немецким коммунистом Отто Брауном, в 1932 г. посланным ИККИ в Китай в качестве военного советника при ЦК КПК: «Линь Бяо, несомненно, был блестящим тактиком партизанской и маневренной войны. Других форм боевых действий он не признавал. В военных вопросах, особенно когда речь шла об оперативном или тактическом руководстве, он не слушал ничьих советов». В 1934–1936 гг. войска под командованием Линь Бяо вели боевые действия против гоминьдановских войск. Нападение Японии на Китай в июле 1937 г. создало новую обстановку в стране и ускорило образование единого национального фронта. Произошла реорганизация Красной армии, была образована 8-я армия НРА. Линь Бяо назначается в ней командиром 115-й дивизии. Сражаясь с японцами, войска под руководством Линь Бяо одержали ряд побед. После тяжелого ранения он в 1939 г. уехал в СССР на лечение. В Советском Союзе был представителем КПК в Коминтерне. В 1942 г. вернулся в Яньань и стал секретарем Бюро ЦК КПК по Северо-Восточному Китаю. На VII съезде КПК в 1945 г. избран членом ЦК КПК. В это время на базе отрядов 8-й армии и Новой 4-й армии была образована Объединенная демократическая армия Северо-Восточного Китая численностью до 300 тыс. человек, командующим которой был назначен Линь Бяо, комиссаром – Пэн Чжэнь. В январе–марте 1947 г. войска под руководством Линь Бяо трижды форсировали реку Сунгари и нанесли сильные удары противнику в районе севернее Чанчуня. В 1948 г. Линь Бяо стал командующим войсками Северо-Восточной полевой армии. В сентябре 1948 г. его войска начали крупную операцию по разгрому гоминьдановской армии в Маньчжурии. В результате Ляонин-Шэньянской операции НОАК впервые получила количественный перевес над армией Гоминьдана. В 1948 г. Линь Бяо командовал Бэйпин-Тяньцзиньским фронтом, в марте 1949 г. был представителем КПК на переговорах с Гоминьданом. В сентябре 1949 г. избран членом Всекитайского комитета НПКСК, в октябре 1949 г. назначен командующим военным округом Центрального Китая. С декабря 1949 г. по январь 1953 г. Линь Бяо – председатель Центрально-Южного военно-административного комитета, а с июля 1950 г. – первый секретарь Бюро ЦК КПК по Центрально-Южному Китаю. В 1950 г. выступил против участия КНР в войне в Корее и отказался возглавить «добровольцев народа Китая» в Корее, сославшись на плохое здоровье. В августе 1954 г. Линь Бяо был избран депутатом ВСНП, переизбран в июле 1958 г. и сентябре 1964 г. С 1954 г. – заместитель председателя Государственного комитета обороны.

С 1954 г. – заместитель премьера Госсовета КНР. В 1955 г. Линь Бяо присвоено воинское звание маршала КНР. Он был награжден многими орденами. С сентября 1956 г. – член Политбюро ЦК КПК, с мая 1958 г. – член ПК Политбюро ЦК и один из заместителей председателя ЦК КПК. С сентября 1959 г., после Лушаньского совещания и снятия маршала Пэн Дэхуая с поста министра обороны, Линь Бяо становится министром обороны КНР.

Он активно способствовал распространению в Китае культа личности Мао Цзэдуна. В армии по его указанию уже в мае 1964 г. издается «Цитатник» Мао Цзэдуна. Линь Бяо заявил, что эту книгу, так же как и личное оружие, должен иметь каждый солдат. Он становится активным участником и проводником культурной революции. На 11-м пленуме ЦК КПК в августе 1966 г. избирается в состав ПК Политбюро ЦК, числится в списке вторым после Мао Цзэдуна. После IX съезда КПК с апреля 1969 г. официально становится единственным заместителем председателя ЦК партии и считается «преемником» Мао Цзэдуна.

20 августа 1973 г., уже после гибели Линь Бяо в 1971 г. в авиакатастрофе в Монголии, ЦК КПК принял решение о посмертном исключении Линь Бяо из партии как «буржуазного карьериста», «интригана», «контрреволюционного двурушника», «предателя», «национального изменника».

На X съезде КПК 24 августа 1973 г. Чжоу Эньлай изложил версию гибели Линь Бяо: «Он [Линь Бяо] дошел до того, что в августе 1970 г. на 2-м пленуме ЦК КПК 9-го созыва предпринял неудавшуюся попытку контрреволюционного переворота, в марте 1971 состряпал план контрреволюционного вооруженного переворота – “Тезисы об объекте 571” и затем, 8 сентября, организовал контрреволюционный вооруженный переворот, тщетно пытаясь совершить покушение на жизнь великого вождя председателя Мао Цзэдуна и создать свой Центральный Комитет. 13 сентября, после провала своего заговора, он незаконно взял самолет и вылетел на нем, чтобы переметнуться к советским ревизионистам, изменив партии и родине, но разбился на территории Монгольской Народной Республики в районе Ундерхан».

Ли Сяньнянь 李先念

Ли Сяньнянь (23 июня 1909 г. – 1992 г.) – уроженец уезда Хуаньань (ныне – Хунъянь) провинции Хубэй. В 1926 г. начал революционную деятельность, работал в крестьянском союзе. Вступил в КПК в 1927 г., в том же году участвовал в «восстании осеннего урожая». С 1929 г. был секретарем районного комитета КПК, председателем уездного совета.

С 1933 г. – политработник различных частей и соединений Рабоче-крестьянской Красной армии Китая. В 1934–1936 гг. участвовал в Северо-западном походе Красной Армии. В 1937 г. возглавлял группу войск Армии западного направления, отошедшей в Синьцзян, затем прибыл с этими войсками в Яньань. В период войны сопротивления Японии (1937–1945 гг.) был секретарем комитета КПК района Хубэй–Хэнань–Аньхой. С 1941 г. – командир и по совместительству политкомиссар 5-й дивизии Новой 4-й армии. На VII съезде КПК (июнь 1945 г.) избран членом ЦК КПК. 1945–1949 гг. – командующий военным округом Центральной равнины, заместитель секретаря Бюро ЦК КПК по району Центральной равнины.

После образования КНР – секретарь комитета КПК провинции Хубэй, председатель провинциального правительства, командующий и по совместительству политкомиссар Хубэйского провинциального военного округа. С 1951 г. – заместитель секретаря Бюро ЦК КПК по Центрально-Южному Китаю, заместитель председателя

военно-административного комитета Центрально-Южного Китая, секретарь Уханьского горкома КПК и по совместительству мэр Уханя. С 1954 г. – заместитель премьера Госсовета, по совместительству министр финансов КНР (до 1975 г.), член Государственного комитета обороны, заместитель руководителя группы ЦК КПК по финансам и экономике. В 1956 г. на VIII съезде партии избран членом ЦК КПК, на 1-м пленуме – членом Политбюро ЦК. На 5-м пленуме ЦК КПК 8-го созыва (май 1958 г.) избран членом Секретариата ЦК. С 1962 г. – заместитель председателя Государственного планового комитета. На IX–XII съездах партии избирался членом ЦК КПК, на пленумах – членом Политбюро ЦК. На 1-й сессии ВСНП 4-го созыва (январь 1975 г.) вновь назначен заместителем премьера Госсовета. На 1-м пленуме ЦК КПК 11-го (1977 г.) и 12-го (1982 г.) созывов избирался членом ПК Политбюро ЦК. Заместитель председателя ЦК КПК 11-го созыва. 3-я сессия ВСНП 5-го созыва удовлетворила просьбу Ли Сяньняня об уходе с поста заместителя премьера Госсовета. На 1-й сессии ВСНП 6-го созыва (июнь 1983 г.) избран председателем КНР. На XIII съезде КПК (октябрь 1987 г.) удовлетворена его просьба о выходе из состава ЦК КПК (вместе с группой ветеранов партии). На 1-й сессии ВК НПКСК 7-го созыва (1988 г.) избран его председателем.

Ли Фучунь 李富春

Ли Фучунь родился в 1900 г. в провинции Хунань. Член КПК с 1923 г. В 1919–1924 гг. работал и учился во Франции. В 1924–1925 гг. находился в СССР. В 1925–1930 гг. начальник политотдела 2-го корпуса Национально-освободительной армии, заведующий агитпропотделом комитета КПК провинции Цзянсу. В 1931–1935 гг. заведующий агитпропотделом Гуандун-Гуансиского комитета КПК, комиссар 3-й армейской группы, заместитель начальника Главного политуправления РККА Китая, член ЦИК Центрального рабоче-крестьянского демократического правительства. В 1936–1945 гг. секретарь Шэньси-Ганьсу-Нинсяского комитета КПК, секретарь Яньаньского горкома, сотрудник Секретариата ЦК КПК, заведующий отрготделом, заведующий финансово-экономическим отделом ЦК КПК. С 1945 г. член ЦК партии. В 1949–1950 гг. заместитель секретаря Бюро ЦК КПК по Северо-Восточному Китаю и заместитель председателя правительства Северо-Восточного Китая. В 1949–1954 гг. член Государственного административного совета КНР. В 1950–1952 гг. – министр тяжелой промышленности. В 1950–1954 гг. заместитель председателя Госсовета и председатель Госплана КНР. С 1956 г. – член Политбюро ЦК КПК. С мая 1958 г. секретарь ЦК партии. Умер в 1975 г.

Лу Динъи 陆定一

Лу Динъи родился в 1906 г. в городе Уси провинции Цзянсу. Окончил Шанхайский транспортный институт. В 1930-х годах представлял Коммунистический союз молодежи Китая в ИК КИМ в Москве. По возвращении в Китай находился на руководящей комсомольской и партийной работе. В 1937–1945 гг. – начальник отдела пропаганды Политуправления 8-й армии. С 1945 г. член ЦК КПК и заведующий отделом пропаганды ЦК КПК. В 1954–1959 гг. член Постоянного комитета ВСНП. С 1956 г. – кандидат в члены Политбюро ЦК КПК. В ноябре 1957 г. в составе делегации КПК участвовал в работе совещания коммунистических и рабочих партий в Москве. С апреля 1959 г. – заместитель премьера Госсовета КНР. Подвергся репрессиям во время культурной революции Мао Цзедуна.

Лю Шаоци 刘少奇

Лю Шаоци, он же Шаосюань, Вэйхуан, Цзохуан, Тао Шансин, Ху Фу, Лю Сян, С.Л., С.Т. Родился в 1898 г. в уезде Нинсян провинции Хунань. Председатель КНР с 1959 г. Погиб в тюрьме во время культурной революции в 1969 г.

Родился в крестьянской семье, где был самым младшим. Учился в частной домашней школе в своей деревне. В 1919 г. окончил среднюю школу в городе Чанша. Принимал участие в патриотическом «движении 4 мая» 1919 г. Под влиянием популярной в те годы среди китайской учащейся молодежи кампании «ехать работать и учиться за границу» он также решает отправиться за рубеж. Для изучения французского языка он поступает в одну из школ города Баодина, неподалеку от Пекина, но, не окончив ее, в 1920 г. уезжает в Шанхай. Там он вступает в Социалистический союз молодежи Китая (ССМК), затем поступает на курсы русского языка, организованные для членов ССМК, которые выразили желание учиться в Советской России. В 1921 г. Лю Шаоци выехал на учебу в Москву. Он был зачислен в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). В Москве в 1921 г. он вступил в КПК.

Весной 1922 г. Лю Шаоци вернулся на родину, где некоторое время работал вместе с Ли Лисанем в созданном КПК Всекитайском секретариате профсоюзов. В сентябре 1922 г. партия направила его на Аньюаньские угольные копи, расположенные недалеко от города Пинсяна на границе провинций Цзянси и Хунань. Там он организовывал стачечную борьбу, создавал профсоюз, рабочий клуб, которым затем и руководил. На II Всекитайском съезде профсоюзов в мае 1925 г. Лю Шаоци был избран заместителем председателя Всекитайской федерации профсоюзов (ВФП). Затем он руководил рабочим движением в Шанхае, Гуанчжоу и Ухане. В Ухане в результате забастовок рабочие добились значительного повышения зарплаты и улучшения условий труда, особенно на иностранных предприятиях. 3 января 1927 г. отряды рабочих, возглавляемые Лю Шаоци, заняли английскую концессию и добились возвращения ее китайскому народу.

На V съезде КПК, проходившем в Ухане весной 1927 г., Лю Шаоци избрали членом ЦК партии. В суровые годы гоминьдановского террора, последовавшие за поражением китайской революции в 1927 г., он по указанию партии перешел на подпольную работу, руководил рабочим и профсоюзным движением сначала в Шанхае, затем в 1928 г. в Тяньцзине, Северо-Восточном и Северном Китае. На VI съезде КПК (который проходил под Москвой в 1928 г.) Лю Шаоци был заочно избран членом Центральной ревизионной комиссии. В июле 1929 г. был направлен на работу в Маньчжурию в качестве секретаря Маньчжурского провинциального комитета КПК.

В августе 1930 г. он участвует в работе V конгресса Профинтерна в Москве (в качестве руководителя китайской делегации), избирается в состав Президиума конгресса, а также члена Исполнительного бюро Профинтерна. В 1931 г. на 4-м пленуме ЦК КПК 6-го созыва избирается в члены ЦК и Политбюро ЦК. Затем Лю Шаоци возглавил отдел профдвижения ЦК партии и стал секретарем партийной фракции ВФП.

В конце 1932 г. Лю Шаоци прибыл в Центральный советский район, где возглавил Бюро ВФП, а затем работал в качестве секретаря Фуцзяньского провинциального комитета КПК. Он также входил в состав ЦИК Китайской Советской Республики.

Во время Великого похода Красной армии Лю Шаоци представлял ЦК КПК в 8-м и 5-м корпусах, а затем занимал пост начальника политотдела в 3-м корпусе. В январе 1935 г. на совещании в Цзуньи он поддержал Мао Цзэдуна.

В марте 1936 г. ЦК партии направил Лю Шаоци на подпольную работу в Тяньцзинь в качестве секретаря Бюро ЦК КПК по Северному Китаю. В апреле 1936 г. он

написал статью о состоянии рабочего движения в «белых» (т.е. гоминьдановских) районах, где отмечал слабое влияние КПК на рабочих в крупных городах и промышленных центрах.

В это время в Северном Китае развернулось патриотическое движение «9 декабря», превратившееся во всекитайское движение за отпор японской агрессии и спасение Китая. Китайские коммунисты и комсомольцы были активными участниками и организаторами этого движения. В августе 1937 г. стали создаваться первые партизанские отряды и отряды самообороны в японском тылу в Северном Китае (в провинциях Хэбэй, Чахар, Шаньси и Шаньдун). Их организаторами были прежде всего коммунисты, а также члены революционной молодежной организации «Авангард борьбы за национальное освобождение Китая». «На территории Северного Китая, захваченной японскими империалистами, – писал Лю Шаоци, – бороться с врагом хотят не только коммунисты, но и члены других партий и групп, народные массы. В этой ситуации компартия Китая выступает за сплочение различных политических сил на основе общей политической платформы, то есть единого национального антияпонского фронта».

Большую роль в активизации сопротивления японским захватчикам сыграла деятельность китайских коммунистов в провинции Шаньси. При участии Лю Шаоци была достигнута договоренность с губернатором этой провинции Янь Сишанем о совместной борьбе против оккупантов. Янь Сишань назначил некоторых коммунистов на посты особоуполномоченных в специальных административных районах Шаньси. В 60 из 105 уездов провинции уездные правительства возглавляли коммунисты или сочувствующие им.

В качестве секретаря Бюро ЦК КПК по Северному Китаю Лю Шаоци принимал участие в работе конференции партийных организаций пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся, состоявшейся в Яньани в мае 1937 г.

В тесном контакте с командованием 8-й армии Лю Шаоци и возглавляемое им бюро ЦК КПК продолжали развивать партизанское движение в Северном Китае и создавать там опорные базы и районы сопротивления Японии. Вместе с Чжу Дэ, Пэн Дэхуаем и Чжоу Эньлаем Лю Шаоци разрабатывал меры по осуществлению политики единого национального антияпонского фронта применительно к военно-политической обстановке начального этапа антияпонской войны.

16 октября 1937 г. Лю Шаоци опубликовал большую статью, посвященную проблемам партизанской войны в Северном Китае («Основные политические вопросы антияпонской партизанской войны»). Главные положения её получили отражение в написанном им решении Бюро ЦК КПК по Северному Китаю от 15 ноября 1937 г.

В статье отмечалось, что в общекайтайском масштабе главным видом вооруженной борьбы против японских агрессоров является регулярная война; в Северном Китае из-за ошибок Гоминьдана, а также изъянов в подготовке войск вести регулярную войну не удалось. Поэтому там главной формой борьбы с японскими захватчиками становится партизанская война, которая потребует создания опорных баз с «подлинно народной антияпонской властью».

5 февраля 1938 г. была издана брошюра Лю Шаоци «Относительно политических вопросов партизанской войны сопротивления Японии». В ней был подытожен опыт ведения антияпонской партизанской войны в Северном Китае. Подчеркивая, что политические проблемы были и остаются важнейшими в партизанской войне против Японии, Лю Шаоци особо отмечал стратегическое значение партизанской войны в войне сопротивления Японии. Для мобилизации и организации населения Лю Шаоци рекомендовал осуществлять мероприятия по улучшению жизни народа:

снижать арендную плату и ссудный процент, сокращать рабочий день и увеличивать зарплату, пресекать взяточничество чиновников, подчеркивая при этом, что такие мероприятия должны проводиться достаточно гибко, с учетом интересов различных слоев общества, не вызывать трений, вражды и обострения отношений внутри него. «Цель всей нашей политики состоит в том, — писал он в заключение, — чтобы в партизанской войне привлечь на свою сторону широкие народные массы и победить японских захватчиков в затяжной войне».

Осенью 1938 г. Лю Шаоци принял участие в работе 6-го пленума ЦК КПК, проходившего в Яньани, где выступил с докладом. В 1939 г. он был назначен секретарем вновь созданного регионального Бюро ЦК КПК по Центральной равнине для руководства партизанской работой.

В январе 1941 г., после нападения войск Чан Кайши на Новую 4-ю армию, он назначается политкомиссаром этой армии, секретарем Бюро ЦК КПК по Центральному Китаю. Лю Шаоци сыграл важную роль в укреплении и расширении Новой 4-й армии, а также в создании в тылу врага обширных баз сопротивления японским захватчикам.

Параллельно он занимался вопросами партийного строительства. Начиная с 1938 г. Лю Шаоци неоднократно выступал с лекциями в Институте марксизма-ленинизма в Яньани и в партийной школе Бюро ЦК КПК по Центральному Китаю в Яньчэне. Его курс лекций, прочитанный в июле 1939 г., был издан отдельной брошюрой «О самовоспитании коммуниста» (другое название — «О работе коммуниста над собой»). Подвергнув резкой критике отдельные негативные явления в КПК, автор уделил главное внимание вопросам идейного воспитания членов партии. Периодом с 1939 по 1941 г. помечен также ряд его теоретических работ, в частности — «О борьбе в партии».

С 1943 г. Лю Шаоци работал в Яньани. С марта 1943 г. он — член Секретариата ЦК КПК (другие два члена: Мао Цзэдун и Жэнь Биши), в функции которого входило осуществление контроля над текущей партийной работой.

В апреле 1945 г. в Яньани был созван VII съезд партии. Лю Шаоци был избран в состав его президиума. Он выступил с докладом «Об изменениях в Уставе партии», где наряду с положениями, направленными на сплочение КПК и народа для окончательной победы в Антияпонской войне, впервые содержалось обоснование тезиса о том, что идеи Мао Цзэдуна являются руководящими для КПК. Лю Шаоци был избран членом ЦК партии, а на 1-м пленуме ЦК 7-го созыва — в состав Политбюро и нового Секретариата ЦК КПК. Во время отъезда Мао Цзэдуна в Чунцин для участия в мирных переговорах с делегацией Гоминьдана (28 августа — 10 октября 1945 г.) исполнял обязанности председателя ЦК КПК. В марте 1947 г., в момент захвата войсками Гоминьдана Яньани, был секретарем Рабочего комитета ЦК партии, эвакуированного в Северный Китай. В конце 1940-х годов — один из руководителей военно-революционной базы в Дунбэе (Северо-Восточный Китай).

С 17 июля по 13 сентября 1947 г. в Сибайпо была проведена Всекитайская земельная конференция, работой которой руководил Лю Шаоци. На ней подытожен опыт проведения аграрной реформы в освобожденных районах и приняты «Основные положения закона о земле». Этот документ предусматривал конфискацию земельной и прочей собственности помещиков, излишков земельной собственности богатых крестьян, равный раздел земли между всеми жителями деревни, независимо от пола и возраста.

В ноябре 1948 г. Лю Шаоци опубликовал работу «Об интернационализме и национализме», вскоре переведенную на иностранные языки и получившую известность

за пределами Китая. «Мы, китайские коммунисты, – писал он, – являемся твердыми пролетарскими интернационалистами, и в то же время мы – самые стойкие революционные патриоты и революционные национальные борцы, выступающие против всякой империалистической агрессии в отношении китайского народа, защищающие независимость и свободу Китая и борющиеся против всех национальных предателей. В Китае первой партией, выставившей четкую программу борьбы с империализмом за национальную независимость, была не партия буржуазии или партия мелкой буржуазии, а партия китайского пролетариата. КПК всегда была вождем и организатором антиимпериалистического национального единого фронта китайского народа. Этот национальный фронт широк. Он включает рабочих, крестьян, интеллигенцию, мелкую буржуазию, представителей национального капитала и даже прогрессивные слои землевладельцев. Такое революционное национально-освободительное движение не противоречит пролетарскому интернационализму. Оно полностью совместимо с ним, составляет важную органичную часть пролетарского интернационалистического движения и является его крупным и непосредственным союзником».

В сентябре 1949 г. на 1-й сессии НПКСК Лю Шаоци был избран заместителем председателя Центрального народного правительства КНР и заместителем председателя Народного революционного военного совета. 5 октября 1949 г. на Всекитайской конференции в Пекине было создано Общество китайско-советской дружбы, и Лю Шаоци стал его первым председателем. Он – член Политбюро ЦК КПК 6-го, 7-го и 8-го созывов, на VIII съезде КПК избирается в Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК, а также заместителем председателя ЦК партии.

В 1952 г. Лю Шаоци возглавлял китайскую делегацию на XIX съезде ВКП(б) (КПСС) в Москве.

15 сентября 1954 г. на 1-й сессии ВСНП Лю Шаоци, входивший в состав комитета по подготовке Конституции, выступил с докладом «О проекте Конституции КНР». Проект Конституции, подчеркивал Лю Шаоци, является обобщением исторического опыта движения за конституционный образ правления в Китае. Конституцию КНР он назвал «народно-демократической конституцией, которая относится к конституциям социалистическим, а не буржуазного типа». По новой Конституции, высшим органом власти стало ВСНП, а в период между сессиями – Постоянный комитет ВСНП, председателем которого был избран Лю Шаоци. Был учрежден новый пост – председатель КНР (его занял Мао Цзэдун, а с апреля 1959 г. – Лю Шаоци), премьером Государственного совета – правительства КНР стал Чжоу Эньлай.

15–27 сентября 1956 г. состоялся VIII съезд КПК. С политическим отчетом на съезде выступил Лю Шаоци. В докладе отмечались недостатки и ошибки в работе КПК в области социалистических преобразований, причем особый акцент был сделан на критике «левацких» отклонений от генеральной линии (требований построить социализм «в одно прекрасное утро»; ликвидировать национальную буржуазию в Китае методом экспроприации или же привести капиталистическую промышленность и торговлю к экономическому краху путем их вытеснения; отказа признать, что переход к социализму нужно осуществлять, двигаясь вперед постепенно; неверия, что КПК сможет достичь целей социалистической революции мирным путем). Однако выполнение решений съезда было сорвано навязанной Мао Цзэдуном партии и стране политикой «большого скачка» и народных коммун. Многие сторонники генеральной линии партии, выработанной в 1952 г., были объявлены «правыми уклонистами», «консерваторами», началась кампания за «упорядочение стиля работы в партии», направленная в первую очередь против тех, кто выступал против «бездумного забегания вперед».

В этой обстановке Лю Шаоци, выступая с докладом «О работе ЦК КПК» на 2-й сессии VIII съезда КПК, в частности, сказал, что еще во время разработки 1-го пятилетнего плана развития народного хозяйства ЦК партии критиковал ошибочные взгляды тех, кто стоял за замедление темпов строительства. Предусмотренные в 1-м пятилетнем плане темпы развития были «небывальными» в истории Китая, однако ЦК партии считал, что этот план можно не только выполнить, но выполнить досрочно и даже перевыполнить. «Товарищ Мао Цзэдун, – продолжал Лю Шаоци, – своевременно выдвинул призыв: требовать замены первоначально установленных в первом пятилетнем плане темпов на более высокие, вести социалистическое строительство больше, быстрее, лучше, экономнее, преодолеть реально существующие правоуклонистские, консервативные взгляды». Вместе с тем Лю Шаоци предупреждал, что «никто не должен поддаваться беспочвенным мечтаниям и не может планировать свои действия, выходя за пределы того, что позволяють объективные условия. Нельзя пытаться через силу сделать то, что невозможно».

С 1959 г. Лю Шаоци возглавил Государственный комитет обороны.

На проходившем в Лушане совещании высших руководящих кадров партии политика «большого скачка» вызвала резкую критику в адрес Мао Цзэдуна и всех, кто его поддерживал, со стороны видных деятелей КПК: министра обороны Пэн Дэхуая, заместителя министра иностранных дел Чжан Вэньтяня, начальника Генерального штаба НОАК Хуан Кэчэна, секретаря провинциального комитета КПК Чжоу Сяочжоу. Но и на этот раз под нажимом Мао Цзэдуна вновь был подтвержден курс на продолжение «большого скачка».

Просчеты и ошибки политики «большого скачка» стали причиной тяжелого состояния народного хозяйства КНР. Объем сельскохозяйственного и промышленного производства стал резко сокращаться. В стране не хватало зерна. Возникли серьезные диспропорции в промышленности, усилилась инфляция, резко упал уровень жизни населения.

9-й пленум ЦК КПК 8-го созыва (январь 1961 г.) принял решение (подготовленное Лю Шаоци и другими): начиная с 1961 г. изменить курс и проводить политику урегулирования и укрепления народного хозяйства, направленную на ликвидацию последствий «большого скачка». Как председатель КНР Лю Шаоци занимался организационной работой по осуществлению этого курса. Учитывая, что в результате резкой смены политических установок многие руководители на местах занимали выжидательную позицию, с 11 января по 7 февраля 1962 г. было проведено расширенное рабочее совещание ЦК КПК, в котором приняли участие более 7 тыс. человек. На нем от имени ЦК партии был распространен письменный доклад Лю Шаоци. Помимо этого он несколько раз выступал устно. В докладе были обобщены уроки развития КНР с 1958 г. и дан анализ причин и характера возникших в стране трудностей. Среди главных причин Лю Шаоци назвал ошибки субъективного плана (завышение показателей объема производственного строительства, нарушение принципа распределения по труду, насаждение уравниловки). Устное выступление Лю Шаоци 27 января 1962 г. было выдержано в более критичном духе, чем письменное. «Сейчас не только нет прогресса, а напротив, мы далеко отброшены назад. В чем причина этого? – задавал вопрос докладчик. – Имеются две причины: первая... три года подряд стихийные бедствия (некоторые на совещании и за его пределами пытались списать всё на стихийные бедствия. – В.У.)... вторая – то, что начиная с 1958 г. в нашей работе были ошибки и недостатки... Когда я спрашивал крестьян: какова причина ваших трудностей? Виноваты ли стихийные бедствия? Они отвечали: “Стихийные бедствия были, но это мелочь, причина трудностей на 30% из-за стихийных бедствий, на 70% –

по вине людей”» (эту фразу хунвэйбины постоянно вспоминали в период культурной революции, обвиняя Лю Шаоци в том, что он выступал против Мао Цзэдуна). Лю Шаоци предлагал сделать упор на развитие сельского хозяйства, а развитие промышленности должно было определяться возможностями первого. Планируемые показатели уровня производства должны быть реальными и обеспечивать соблюдение пропорций между легкой и тяжелой промышленностью, между промышленностью и сельским хозяйством.

В 1963 г. обстановка в народном хозяйстве стала меняться к лучшему. В 1964 г. задачи по урегулированию в основном были выполнены, и в 1965 г. вновь началось поступательное развитие китайской экономики.

В этот период Лю Шаоци стремился по возможности поддерживать контакты с Мао Цзэдуном, формально отошедшим от практических дел, обсуждал и согласовывал с ним различные вопросы, хотя последний в эти годы редко бывал в Пекине, предпочитая под предлогом нездоровья проживать в Восточном, Центральном или Южном Китае. Отношения между Лю Шаоци и Мао Цзэдуном внешне были вполне корректными. Однако между ними усилились разногласия по главным вопросам внутренней и внешней политики.

Лю Шаоци и другие руководители КПК, разделявшие его взгляды, надеялись на естественный отход Мао Цзэдуна от политической деятельности (ему было уже за 70), не хотели обострять противоречий в руководстве и шли на компромиссы. Но Мао Цзэдун, продолжая ошибочно оценивать социально-политическую ситуацию в стране как такую, когда «одна треть власти уже в руках врагов», призвал к развертыванию в КНР культурной революции, направленной, по его словам, против «представителей буржуазии, стоящих у власти в партии и идущих по капиталистическому пути» (так называемых «каппутистов»). Вскоре «каппутистом № 1» он назвал Лю Шаоци. Уже на первом этапе культурной революции председатель КНР Лю Шаоци без суда и следствия был отстранен от всякой деятельности и заключен под домашний арест, начались допросы и издевательства.

В октябре 1968 г. на 12-м пленуме ЦК КПК 8-го созыва Чжоу Эньлай, выражая и поддерживая мнение Мао Цзэдуна, выступил с докладом «О расследовании преступлений изменника, провокатора и штрейкбрехера Лю Шаоци».

Было принято необоснованное решение об исключении Лю Шаоци навсегда из рядов КПК и снятии его со всех постов.

17 октября 1969 г. в одном нижнем белье тяжело больного Лю Шаоци на носилках доставили на аэродром Пекина и отправили на самолете в город Кайфэн, где его под вымышленным именем заключили в специальную тюрьму. Там, лишенный всякой медицинской помощи, он скончался 12 ноября 1969 г. Его жена, Ван Гуанмэй, арестованная 13 сентября 1967 г., провела в тюрьме 11 лет. Репрессиям подверглись и ближайшие родственники Лю Шаоци.

29 февраля 1980 г., через 10 лет после его смерти, на 5-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва он был реабилитирован. Пленум постановил аннулировать обвинения, выдвинутые 12-м пленумом ЦК 8-го созыва в адрес Лю Шаоци, и ошибочное постановление о его исключении из рядов партии и снятии с постов.

Мао Цзэдун 毛泽东

Мао Цзэдун (Мао Жуньчжи) родился 26 декабря 1893 г. в деревне Шаошань уезда Сянтань провинции Хунань. Умер 9 сентября 1976 г. в Пекине. Председатель ЦК КПК (1943–1976 гг.), руководитель КНР (1949–1976 гг.), председатель КНР (1954–1959 гг.).

В официальных документах КПК взгляды, идеи, установки Мао Цзэдуна именовались термином «Маоцзэдун сысян» («идеи Мао Цзэдуна»).

Происходил из крестьянской семьи. С 8 до 13 лет учился в частной школе в деревне Шаошань, потом работал в хозяйстве отца. В 1908 г. родители, следуя традициям, женили 14-летнего Мао Цзэдуна на девушке старше его на четыре года (умерла в 1910 г.).

Осенью 1910 г. Мао Цзэдун поступил в Дуншаньскую начальную школу 2-й ступени в уезде Сянсян, а затем, весной 1911 г., в Сянсянскую среднюю школу в городе Чанша. После Синьхайской революции (1911 г.) полгода служил солдатом в Новой Хунаньской армии. Впервые из газет, в частности «Сянцзян жибао», узнал об идеях социализма. Штудировал произведения Конфуция и других китайских мудрецов, а также труды лидеров движения за реформы в Китае на рубеже XIX–XX вв. Кан Ювэя и Лян Цичао и в течение нескольких лет «боготворил» их, по его собственному признанию, «выучив наизусть» некоторые их работы.

Решающее влияние на пробуждение политического сознания молодого Мао Цзэдуна оказала брошюра видного революционера и публициста Чэнь Тяньхуа (1875–1905 гг.), резко выступавшего против иностранного засилья и угрозы расчленения Китая империалистическими державами. Брошюра начиналась словами: «Увы! Китай будет покорен!». Именно тревога за будущее своей страны, по словам Мао Цзэдуна, заставила его вопреки воле отца снова взяться за учебу.

Весной 1913 г., блестяще сдав экзамены, поступил в только что открытое Хунаньское 4-е провинциальное педагогическое училище в Чанша (там не взималась плата за обучение). Через год, в марте 1914 г., по решению местных властей его объединили с более крупным и известным 1-м провинциальным педучилищем, основанным еще в 1903 г. Юноша автоматически был переведен в новое училище и окончил его в 1918 г. В этом учебном заведении он увлекся идеалистическими учениями китайских и западных философов и социологов. По воспоминаниям Эми Сяо, который учился вместе с ним в школе и в училище, Мао Цзэдун «запоем читал книги китайских и европейских философов и писателей, конспектируя и развивая их мысли в своих дневниках. Все его классные сочинения, как образцовые, вывешивались на стенах училища. Он мог читать вдвое и втрое быстрее любого человека. В библиотеке он всегда окружал себя стеной книг». Наибольшее впечатление из произведений западных авторов на него в эти годы произвели, по признанию самого Мао, «Принципы социологии» Г. Спенсера, «Эволюция и этика» Т. Гексли, «Происхождение видов» Ч. Дарвина, «О свободе» Дж. Ст. Милля, «Богатство народов» А. Смита, «О духе законов» Ш. Монтескье.

В то же время Мао Цзэдун впервые услышал о Сунь Ятсене и о созданной им «Союзной лиге», или «Объединенном союзе (Тунмэнхой)».

В период учебы в Чанша «политические идеи» Мао Цзэдуна, по его словам, «стали принимать отчетливую форму». Когда вокруг одного из преподавателей, проводившего 10 лет за границей, декана философского факультета, неоконфуцианца, в свое время учившегося в Эдинбургском университете, Ян Чанцзи, который читал этику, логику, психологию и педагогику, образовалась группа серьезно мыслящих учеников, Мао Цзэдун примкнул к ней.

С 1918 г. начинается длительное и глубокое увлечение Мао Цзэдуна анархизмом. Он знакомится в Пекине с активными деятелями анархизма, вступает с ними в переписку, одобряет многие их положения, даже пытается создать в Хунани анархистское общество. Мао Цзэдун верит в необходимость децентрализации управления в Китае, увлеченно читает работы П. А. Кропоткина и других анархо-социалистов.

В апреле 1918 г., накануне окончания педагогического училища, вместе с другими сверстниками под влиянием либерально-просветительского «движения за новую культуру» (*синь вэньхуа юньдун*) создал в Чанша общество «Синь минь сюехой» («Новый народ»), в котором состояло до 80 человек.

Увоенные к этому времени Мао Цзэдун ценности как китайской традиционной культуры, которую тогда называли «старым знанием», так и западной культуры («новые знания») способствовали формированию его мировоззрения. С одной стороны – взгляды Конфуция, Кан Ювэя, Лян Цичао, Сунь Ятсена, с другой – Л. Н. Толстого, П. А. Кропоткина, а также философов неокантианской и неогегельянской школы.

В августе 1917 г. Китай объявил войну Германии и Италии. Вскоре после этого страны Антанты обратились к китайскому правительству с просьбой послать во Францию рабочих для рытья окопов и работы на военных заводах. Китайское правительство согласилось и начало отправлять группы рабочих, в том числе из Хунани, во Францию. Общество «Новый народ» оказывало определенную материальную помощь выезжающим за границу рабочим. В 1918 г. в связи с возникшим в Китае движением «работа и учеба во Франции», инициатором которого была группа китайских студентов, проживавших в годы Первой мировой войны в Париже и входившая в анархистское общество «Труд и бережливость», к отправляемым рабочим решила присоединиться и часть хунаньских студентов с целью «изучения прогрессивных идей и революционного опыта». Мао Цзэдун был организатором группы для поездки во Францию, планировал и сам выехать туда, для чего в сентябре 1918 г. вместе с группой студентов приехал в Пекин. Однако вскоре передумал, решил остаться на родине. В Пекине был вынужден искать работу. По рекомендации своего учителя Ян Чанцзи, читавшего лекции в Пекинском университете, он поступил в помощники к Ли Дачжао (1889–1927 гг.), который заведовало тогда библиотекой Пекинского университета. Это была незаурядная личность, один из лучших знатоков марксизма в Китае, а также видный деятель левого крыла «движения за новую культуру».

Весной 1919 г. Мао Цзэдун бросает работу в библиотеке и предпринимает путешествие по историческим местам Китая. Вернувшись в апреле 1919 г. в Хунань, он устроился учителем начальной школы в Чанша, в июле начал издавать журнал «Сянцзян пинлунь» («Сянцзянское обозрение»), в следующем году организовал «Общество культурного чтения» (*вэньхуа шу шэ*). Работая редактором, много внимания уделял «движению за новую культуру» и ратовал за то, чтобы заменить архаичный вэньянь разговорным языком байхуа, стараясь и сам писать на байхуа. Эта умеренная просветительская деятельность вызвала недовольство местных властей, и в августе того же года журнал был закрыт. Тогда Мао Цзэдун становится редактором другого студенческого журнала в Чанша – «Синь Хунань» («Новая Хунань»).

В декабре 1919 г. Мао вновь едет в Пекин. К этому времени умер профессор Ян Чанцзи, и молодой человек хотел выразить соболезнование его вдове и дочери. После возвращения в Чанша он получил должность директора начальной школы, это укрепило его материальное и общественное положение, и в 1920 г. он женится на Ян Кайхой (дочери Ян Чанцзи) (1901–1930 гг.).

Примерно тогда же, в период «движения 4 мая» (1919 г.), как утверждают его биографы, Мао Цзэдун знакомится с марксизмом и постепенно становится сторонником этого учения.

В 1899 г. английские миссионеры впервые упомянули о К. Марксе и марксизме в журнале «Вань го гун бао» («Chinese Globe Magazine»). О Марксе и его учении стали писать Лян Цичао и другие реформаторы. Октябрьская революция в России вызвала в Китае новые надежды на национальное освобождение. Она «создает новую

жизнь, новую культуру, новый мир», и китайский народ должен идти по ее пути, как писал Ли Дачжао в 1919 г. в статье «Новая эра». В октябре 1920 г. он вместе с Дэн Чжунся (1894–1933 гг.) создал в Пекине коммунистический кружок, и Мао Цзэдун принял участие в его работе.

Самая ранняя в Китае организация коммунистического толка возникла в Шанхае, городе с наибольшей в стране концентрацией рабочего класса. В мае 1920 г. при непосредственном участии представителя Коминтерна Г. Н. Войтинского Чэнь Дусю основал Общество по исследованию марксизма, которое при поддержке (в том числе и финансовой) представителя ИККИ стало издавать в Шанхае газету «Китайский рабочий». В июне шанхайские социалисты собираются на совещание и обсуждают вопрос о создании партии. А в августе, опять же при участии Г. Н. Войтинского, официально создается Шанхайский кружок социалистического союза молодежи. Первое заседание союза проходило на квартире Чэнь Дусю, в нем наряду с хозяином квартиры участвовали Юй Сюсун, Ло Инун, Ли Да, Ли Ханьцзюнь и др. Было выбрано руководство, и «социалистам других мест написали письма с предложением организовать ячейки». Шанхайский кружок сыграл важную роль в процессе формирования в стране новой партии коммунистического толка.

Тогда же в Шанхае была создана так называемая Школа иностранных языков для подготовки партийных кадров как для работы в Китае, так и для отправки на учебу в Москву. Летом 1920 г. в ней «учились» около 60 студентов, в том числе Лю Шаоци, Жэнь Биши, Ло Инун.

В октябре 1920 г. Ли Дачжао, Чжан Готао и другие создают в Пекине коммунистический кружок, секретарем которого становится Ли Дачжао. Аналогичные кружки появляются в Тяньцзине, Таншане, Тайюане, Цзинани и других городах.

Поздней осенью 1920 г. Мао Цзэдун создал в Чанша кружок Социалистического союза молодежи Китая, насчитывавший около 50 человек.

Мао Цзэдун присутствовал на I съезде КПК (июль 1921 г.) в числе 13 представителей от шести созданных к тому времени коммунистических кружков (в Шанхае, Пекине, Чанша, Ухане, Гуанчжоу и Цзинани). Одна группа, в которую входили китайские студенты, находилась в Париже и своих представителей не прислала. Съезд ознаменовал официальное образование КПК. Затем Мао Цзэдун, вернувшись в Хунань, работал в местной партийной организации, активно участвовал в рабочем движении в Чанша и Аньюане вместе с Ли Лисанем и Лю Шаоци.

В июне 1923 г. участвовал в работе III съезда КПК, выработавшего политику сотрудничества с Гоминьданом, руководимым Сунь Ятсеном, с целью создания национально-антиимпериалистического и антифеодального фронта, включающего все демократические силы. Съезд также принял решение о том, чтобы все члены КПК в индивидуальном порядке вступили в Гоминьдан. На съезде Мао Цзэдун был избран членом ЦИК. После установления сотрудничества между Гоминьданом и КПК он избирается кандидатом в члены ЦИК Гоминьдана на его I (январь 1924 г.) и II (январь 1926 г.) съездах. Он работал в Гуанчжоу, исполняя обязанности главы центрального отдела пропаганды Гоминьдана, редактировал журнал «Политический еженедельник» («Чжэнчжи чжоубао») и преподавал в Школе крестьянского движения. В 1926 г. был секретарем Комиссии по крестьянскому движению ЦК КПК, возглавлял курсы по крестьянскому движению в Гуанчжоу. В 1926–1927 гг. обследовал организации крестьян в ряде уездов провинции Хунань.

7 августа 1927 г. избран кандидатом в члены временного Политбюро ЦК. Как уполномоченный ЦК возглавлял одно из «восстаний осеннего урожая» на границе провинций Хунань и Цзянси, закончившееся поражением. Под его командованием

повстанцы отступили в труднодоступный горный район Цзинганшань на границе этих провинций. Там была сформирована 1-я дивизия Рабоче-крестьянской Красной армии Китая и создана 1-я революционная опорная база в деревне.

После соединения в Цзинганшане в апреле 1928 г. отрядов Наньчанского восстания, руководимых Чжу Дэ и Чэнь И, с Хунаньской крестьянской армией и образования 4-го корпуса Рабоче-крестьянской Красной армии Мао Цзэдун выполнял обязанности уполномоченного партии, секретаря фронтового комитета КПК 4-го корпуса (командир – Чжу Дэ).

В 1930 г. стал политкомиссаром 1-го фронта Красной армии. На 3-м пленуме ЦК КПК 6-го созыва (28 сентября 1930 г.) избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПК. В 1931 г. на I Всеитайском съезде представителей Советских районов Китая в городе Жуйцзине (в провинции Цзянси) избран председателем ЦИК, председателем СНК и председателем Центрального революционного военного совета Китайской Советской Республики.

В апреле–ноябре 1931 г. был исполняющим обязанности секретаря Бюро ЦК КПК по Советским районам Китая. В ноябре 1930 г. – марте 1933 г. вместе с Чжу Дэ руководил действиями Красной армии по отражению четырех карательных походов армии Гоминьдана против революционной базы. В январе 1934 г. на 5-м пленуме ЦК КПК 6-го созыва избран членом Политбюро ЦК КПК.

Во время Великого похода Красной армии, вынужденной в октябре 1934 г. оставить революционную опорную базу, в январе 1935 г. в Цзуньи (провинция Гуйчжоу) был избран членом Постоянного комитета Политбюро ЦК, членом Секретариата ЦК КПК и фактически возглавил группу по руководству военными действиями. В группу также входили Чжоу Эньлай и Ван Цзясян. В декабре 1936 г. стал председателем Военного революционного комитета ЦК КПК. Тогда же после ареста Чан Кайши в Сиани, используя Чжоу Эньлая, оказывал воздействие на переговоры, которые привели к мирному исходу инцидента.

В 1937–1945 гг. внес вклад в мобилизацию и сплочение всех патриотических сил страны на борьбу с агрессией Японии и создание единого фронта сопротивления японским захватчикам. В августе 1937 г. назначен секретарем Военного совета ЦК КПК. В октябре 1942 г. в городе Яньань возглавил движение «за упорядочение стиля работы» (*чжэнь фэнь*) партии в пограничном районе Шэньси–Ганьсу–Нинся. На заседании Политбюро ЦК КПК 20 марта 1943 г. избран председателем Политбюро ЦК КПК и председателем Секретариата ЦК КПК.

На VII съезде КПК (1945 г.) выступил с докладом «О коалиционном правительстве», избран членом ЦК КПК. На 1-м пленуме ЦК КПК 7-го созыва избран председателем ЦК КПК, переизбирался на этот пост и на всех последующих съездах партии до своей смерти в 1976 г. Был председателем Военного совета ЦК КПК.

В 1945 г. после поражения Японии вылетел во главе делегации КПК в Чунцин для переговоров с делегацией Гоминьдана, в ходе которых КПК и Гоминьдан взяли на себя обязательство добиваться решения мирным путем проблем послевоенного демократического переустройства Китая.

С сентября 1948 г. по январь 1949 г. принимал участие в руководстве Народно-освободительной армией Китая (НОАК) в ходе стратегически решающих операций против войск Гоминьдана. В марте 1949 г., руководя работой 2-го пленума ЦК КПК 7-го созыва, сказал, что после победы демократической революции на территории всей страны она должна перерасти в социалистическую, а центр тяжести работы партии должен переместиться из деревни в город. В сентябре 1949 г. избран председателем Центрального народного правительства, а вскоре после того – председателем

Всекитайского комитета НПКСК. 1 октября 1949 г. Мао Цзэдун торжественно провозгласил образование КНР.

В декабре 1949 г. Мао Цзэдун приехал в СССР. Вместе с премьером Государственного административного совета КНР Чжоу Эньлаем вел переговоры с И.В. Сталиным. Чжоу Эньлай подписал 14 февраля 1950 г. «Договор между СССР и КНР о дружбе, союзе и взаимной помощи».

С 1949 по 1956 г. руководил «подавлением контрреволюции», оказанием военной помощи КНДР, осуществлением социалистических преобразований.

В 1953 г. по предложению Мао Цзэдуна ЦК КПК выдвинул генеральную линию на переходный период, начав социалистическую индустриализацию и социалистические преобразования частной собственности на средства производства. Они в основном были завершены к сентябрю 1955 г.

Культом личности Мао Цзэдуна, насаждавшийся в КПК с конца 1930-х годов, нанес громадный ущерб китайскому народу.

Осенью 1952 г. Мао стал отмежевываться от концепции «новой демократии» и призывал сделать «рывок к социализму».

В сентябре 1954 г. в первый раз было созвано Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП), принявшее Конституцию КНР и избравшее Мао Цзэдуна первым председателем КНР. Этот пост он занимал до 1959 г.

В апреле 1955 г. на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК Мао Цзэдун выступил с речью «О десяти крупных взаимоотношениях», где попытался обобщить первый опыт социалистического строительства в КНР и наметить дальнейший путь развития страны, соответствующий, с его точки зрения, традициям Китая.

На VIII съезде КПК было отмечено, что главной задачей, стоящей перед китайским народом, является сосредоточение всех усилий на развитии производительных сил. Однако этот принцип не был реализован в полной мере.

В феврале 1957 г. Мао Цзэдун выступил с речью «О правильном разрешении противоречий внутри народа». Он выдвинул установку «о двух типах различных по своей природе противоречий» – «внутри народа» и «между врагами и народом», а также подчеркнул, что вопрос о правильном разрешении противоречий внутри народа стал важнейшим в политическом развитии Китая. Однако эта теория, как подчеркивают современные китайские ученые, никогда не проводилась Мао на практике, что видно из его последующих действий.

В ноябре 1957 г. Мао Цзэдун возглавил делегацию, прибывшую в СССР, и присутствовал на торжествах в честь 40-й годовщины Октябрьской революции и принимал участие в Совещании представителей коммунистических и рабочих партий.

На VIII, IX и X съездах КПК избирался председателем ЦК КПК.

В 1957 г. выдвинул тезис о классовой борьбе внутри страны как «главном противоречии», развернул в партии борьбу с «правым уклоном».

Летом и осенью 1958 г. он выступил с инициативой осуществления «большого скачка» (1958–1960 гг.) и движения за создание народных коммун, нанесшими неисчислимым ущерб людям и экономике страны.

В 1959 г. Мао Цзэдун создал «дело Пэн Дэхуая», который подверг критике политику «большого скачка» и коммунизацию деревни. Она была охарактеризована как «мелкобуржуазный фанатизм», «субъективизм» и «авангардизм». Пэн Дэхуая поддержали заместитель министра иностранных дел Чжан Вэньтянь, начальник генштаба Хуан Кэчэн и некоторые другие. В партии была развязана борьба против «правого уклона».

В 1963–1965 гг. Мао Цзэдун развернул в деревнях и городах страны новую политическую кампанию «за социалистическое воспитание», или «четыре чистки» (*сы цин*), заявив, что «главным объектом удара в движении являются те облеченные властью лица в партии, которые идут по капиталистическому пути», акцентируя внимание «на классовой борьбе», в которой видел главное проявление внутреннего конфликта в стране.

В 1966 г. Мао Цзэдун начал «культурную революцию» (1966–1976 гг.), которая нанесла стране огромный экономический и политический урон и впоследствии была осуждена КПК как «ошибочная». Говоря о развертывании им культурной революции, китайский историк Ли Шу отмечал, что идеологической опорой Мао Цзэдуна были, во-первых, догматизм и, во-вторых, культ личности. Его «марксизм» того времени представлял собой не что иное, как сталинские догматы. В «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР», принятом 6-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва 27 июня 1981 г., отмечалось, что «вследствие различных исторических причин внутрипартийная демократия и демократия в общественно-политической жизни государства не были закреплены режимом и законом, а уже выработанные законы не пользовались должным авторитетом. Все это создало своего рода почву для чрезмерного сосредоточения власти партии в руках одного человека, для роста явлений, связанных с самоуправством и культом личности».

В последние годы жизни Мао Цзэдун выдвинул установку о «трех мирах» («сверхдержавах», развитых и развивающихся странах).

Основные труды Мао Цзэдуна опубликованы в «Избранных произведениях» в пяти томах. Другие его работы помещены в «Избранных высказываниях», «Избранных военных произведениях», «Произведениях Мао Цзэдуна о положении в деревне», «Избранных произведениях Мао Цзэдуна о журналистской работе», «Избранной переписке Мао Цзэдуна», «Стихотворениях Мао Цзэдуна», в 13 томах «Рукописей и черновиков Мао Цзэдуна с основания государства» и т.д.

Китайские историки и общественные деятели выделяют шесть основных аспектов теоретического наследия Мао Цзэдуна: 1) теория «новodemократической революции»; 2) теория социалистической революции и социалистического строительства; 3) теория строительства революционной армии; 4) военная стратегия; 5) идейно-политическая работа и работа в области культуры; 6) теория партийного строительства.

В «Решении по некоторым вопросам истории КПК» в 1981 г. особо выделены его заслуги в разработке «ядра марксистской диалектики – закона единства противоположностей» и понятия «специфичности (исключительности)». По Мао Цзэдуну, не упуская из виду всеобщность противоречий, следует особое внимание уделять их своеобразию, выявить основное противоречие и его главные стороны, для разрешения разных по характеру противоречий использовать неодинаковые методы.

Методологические принципы, составившие философскую основу современного социально-экономического курса КПК, определены в Китае как «позиция, подход и метод» идей Мао Цзэдуна, их «живая душа» и сформулированы как «реалистичный подход к делу», «линия масс», «независимость, самостоятельность и опора на собственные силы».

Важнейшее место среди этих принципов занимает «реалистичный подход к делу», содержание и суть которого заключается в необходимости «во всем исходить из реальной действительности, увязывать теорию с практикой, сочетать всеобщие положения марксизма-ленинизма с конкретной практикой революции в Китае». Принцип необходимости придерживаться «линии масс», по оценке китайских ученых, имел большое значение, позволяя учитывать социально-психологический

настрой населения, реальные и субъективные интересы его широких слоев, опыт, полученный в результате апробации экономических и политических реформ путем локальных экспериментов. Принцип «независимости, самостоятельности и опоры на собственные силы» в упоминавшемся «Решении» определяется как диалектическое единство национальных усилий в строительстве нового общества и передового зарубежного опыта с акцентом на «опору на собственные силы».

«Решение» осудило и догматическо-апологетический подход к высказываниям Мао Цзэдуна («как к непреложной истине, которую следует слепо исполнять»), и нигилистическое отношение к ним, обусловленное его ошибками.

Мао Цзэдун с 1964 г. проводил курс на подготовку к войне. В 1964 г. он заявил, что еще не предъявлен счет по реестру якобы захваченных у Китая Россией земель. В 1969 г. по его воле было осуществлено нападение, применено оружие против СССР на границе в районе острова Даманского и в районе Жаланашколь. Мао Цзэдун призывал создать единый фронт борьбы против советской страны в составе Китая, США, Японии, Западной Европы.

Не Жунчжэнь 聂荣臻

Не Жунчжэнь (1899–1992 гг.) – уроженец уезда Цзянцзинь провинции Сычуань. В 1923 г. вступил в КПК. Член ЦК 7–13-го созывов, член Политбюро ЦК 8-го, 11-го и 12-го созывов. С 1956 г. выполнял обязанности заместителя премьера Госсовета. С 1958 г. по совместительству являлся председателем Комитета по делам оборонной науки и техники КНР, председателем Государственного комитета по науке и технике. С 1959 г. выполнял обязанности заместителя председателя Военного совета ЦК КПК. На протяжении длительного периода времени руководил научно-техническими разработками и созданием новейшей военной техники (атомной бомбы и ракетного оружия). Был заместителем председателя Постоянного комитета ВСНП 4-го и 5-го созывов.

Не Юаньцзы 聂元梓

Не Юаньцзы, 1921 г. рождения, – уроженка уезда Хуасянь провинции Хэнань, из крестьянской семьи. У нее имелись еще четыре брата и две сестры. Старший брат участвовал в революции. В 13 лет, в 1934 г., Не Юаньцзы окончила начальную школу в родных местах и поехала учиться в женскую школу в город Кайфэн. В 17 лет она вступила в КПК. Затем оказалась в Яньани, где училась и работала. В мае 1946 г. была послана в Цицикар (провинция Хэйлунцзян), где стала заместителем секретаря КПК 1-го района. В феврале 1947 г. переведена в Харбин, где была назначена заведующей отделом пропаганды районного парткома, заведующей теоретической группой горкома КПК, затем её направили на учебу в Институт марксизма-ленинизма ЦК партии. В 1964 г. Не Юаньцзы направлена в Пекинский университет и назначена заместителем декана экономического факультета, а в 1965 г. переведена на должность секретаря объединенного парткома философского факультета того же университета. В яньаньский период она встречалась с Кан Шэном, была знакома с его женой: они вместе учились, затем общались в 1950-х годах в Харбине.

Не Юаньцзы – одна из авторов «первой марксистской» дацзыбао культурной революции. Активно участвовала в событиях тех лет, возглавляя одну из хунвэйбинских организаций. Участвовала в распространении клеветы и ложных обвинений на многих людей, совершила целый ряд преступлений. 16 марта 1983 г. Пекинский городской народный суд средней инстанции приговорил Не Юаньцзы к 17 годам тюремного заключения с лишением на четыре года политических прав.

Пэн Дэхуай 彭德怀

Пэн Дэхуай (1898–1974 гг.) родился в деревне Шисян уезда Сянтань провинции Хунань. Погиб в тюрьме во время культурной революции Мао Цзэдуна. Китайский политический и военный деятель, член Политбюро ЦК КПК, министр обороны, маршал КНР.

В 6 лет мальчик был отдан в частную школу. Когда ему исполнилось 7 лет, умерла мать, заболел отец, и он вынужден был бросить учебу. Семья совершенно обнищала. Мальчику пришлось несколько лет пасти скот у богатого крестьянина, получая за это гроши. В 13 лет Пэн Дэхуай ушел из дома на угольные копи, где вынужден был работать по 12–13 часов ежедневно. Трудности, выпавшие на его долю в детские и юношеские годы, закалили Пэн Дэхуая и способствовали формированию у него твердого характера.

Во время голода в его родном уезде в 1915 г. он возглавил бунт нескольких сот обездоленных крестьян против местных помещиков и богатеев. После подавления бунта юноша вынужден был оставить родные места и пойти в солдаты. В марте 1916 г. он вступил в хунань-гуансийскую армию. За три года службы Пэн Дэхуай вырос от рядового до командира взвода. Летом 1922 г. он поступил учиться на офицерские курсы в Хунани. За год успешно окончил курсы и вернулся в Национально-революционную армию в качестве командира роты, затем, с мая 1926 г., стал командиром батальона, а меньше чем через год – командиром полка. К этому времени Пэн Дэхуай уже был знаком с идеями Сунь Ятсена и, в частности, с его «тремя народными принципами».

В период революции 1925–1927 гг. он начал интересоваться марксистской литературой, читал «Коммунистический манифест». С помощью коммунистов в период Северного похода в его полку были организованы политические курсы и солдатский комитет.

После поражения революции, в условиях царившего в стране террора Пэн Дэхуай окончательно сделал выбор, вступив в апреле 1928 г. в КПК. В июле того же года он возглавил восстание в Пинцзяне. Восставшим удалось освободить из тюрем тысячи политзаключенных, а местные реакционеры были арестованы. После восстания дивизия Пэн Дэхуая реорганизована в 5-й корпус Рабоче-крестьянской Красной армии. Было образовано советское правительство. Пэн Дэхуай назначен командующим корпусом, Тэн Дайюань – представителем КПК в корпусе. Пинцзянское восстание «заложило основу для создания революционной опорной базы Хунань–Хубэй–Цзянси».

Гоминьдан и местные милитаристы бросили против советского района крупные воинские подразделения. Под напором превосходящих сил противника Пэн Дэхуай и Тэн Дайюань решили двигаться в Цзинганшань на соединение с частями 4-го корпуса, возглавляемого Чжу Дэ и Мао Цзэдуном. Впоследствии эти части Красной армии основали самый крупный в стране Центральный советский район.

Талантливый военачальник, искусный тактик, он принимал активное участие в разработке и осуществлении планов по отражению карательных операций Чан Кайши против советских районов, участвовал в Великом походе, в течение которого руководил многими важнейшими боями. С тех пор у Пэн Дэхуая стали возникать разногласия с Мао Цзэдуном. Так, во время Великого похода у него была отличная от Мао Цзэдуна точка зрения на вопрос о дальнейших действиях после прибытия войск в Северную Шэньси. Пэн Дэхуай считал, что следует «остановиться, укрепиться, а уже потом продолжать движение». Мао Цзэдун полагал, что вести реорганизацию можно в ходе продвижения вперед. В то же время в Цзуньи Пэн Дэхуай «решительно

поддержал» Мао Цзэдуна. Поддерживал он его и в борьбе против Чжан Готао, когда последний, стремясь создать собственный ЦК, пытался перетянуть Пэн Дэхуая на свою сторону, чтобы нанести удар по Мао Цзэдуну. «Решительно встал на сторону» Мао Цзэдуна и на 6-м расширенном пленуме ЦК КПК 6-го созыва (ноябрь 1938 г.), когда боролись с «линией Ван Мина».

В период войны сопротивления японским захватчикам Пэн Дэхуай стал заместителем командующего 8-й армией, исполняющим обязанности секретаря Бюро ЦК КПК по Северному Китаю. Он помогал Чжу Дэ в руководстве 8-й армией и ее продвижении в тыл противника, а также в создании обширных опорных баз сопротивления японским захватчикам в Северном Китае, внося выдающийся вклад в дело завоевания победы над японскими агрессорами.

В период освободительной войны Пэн Дэхуай в сложных условиях борьбы с численно преобладающим противником осуществлял командование войсковыми частями, которые мужественно сражались на поле битвы, и освободил северо-западную часть Китая. В частности, с помощью советской военно-транспортной авиации он взял под контроль Синьцзян. Занимал пост командующего, а с сентября 1948 г. и политкомиссара войск Народно-освободительной армии Северо-Западного Китая (в 1948 г. реорганизованную в 1-ю Полевую армию), начальника Генштаба.

После образования КНР в 1949 г. Пэн Дэхуай становится членом Центрального народного правительства, заместителем председателя Народного революционного военного совета КНР, 1-м секретарем Бюро ЦК КПК по Северо-Западному Китаю (1949–1954 гг.), заместителем председателя Военного совета ЦК КПК.

В октябре 1950 г., в начальный период Корейской войны, в Пекине прошло совещание высшего партийного руководства, которое приняло решение о вступлении китайских войск в КНДР для оказания ей помощи. Пэн Дэхуай был назначен командующим частями китайских народных добровольцев на корейском фронте, которые совместно с корейской народной армией сражались вплоть до окончания войны. Он был награжден орденом «Национальный флаг» 1-й степени и получил звание Героя КНДР. В сентябре 1954 г. назначен министром обороны КНР и одновременно заместителем премьера Госсовета КНР. Через год ему было присвоено воинское звание маршала КНР. По инициативе Пэн Дэхуая в НОАК была проведена реформа, установлена обязательность воинской службы, введена новая военная форма, назначено жалование для профессиональных военных, установлено 18 воинских званий, введены регулярное обучение и строгая воинская дисциплина, начата модернизация армии.

На VIII съезде КПК в 1956 г. Пэн Дэхуай выступил с развернутым докладом о проблемах военного строительства НОАК и модернизации армии. Он был недоулен культом личности в Китае и откровенно сказал об этом на съезде, поддерживая предложение об исключении из Устава КПК «идей Мао Цзэдуна» как теоретической основы партии. Как отмечали позже историки КНР, правильную точку зрения и действия маршала по вопросу о критике культа личности член Политбюро Кан Шэн, «палач партии», как его за глаза именовали некоторые руководители страны, позднее в ряде выступлений трактовал как «величайшее преступление». Пэн Дэхуай требовал прекратить демонстрацию портретов Мао Цзэдуна и восхваление его в песнях. На совещаниях Политбюро он дважды предлагал прекратить исполнение песни «Восток заалел», возражал против здравниц в честь Мао, был против того, чтобы военнослужащие в своей присяге клялись в верности Мао Цзэдуну. Он запретил воздвигать бронзовую статую Мао в Пекинском военном музее. Все это ему припомнили его недруги в ходе культурной революции.

Когда в КНР начался «большой скачок», нанесший колоссальный вред народному хозяйству, Пэн Дэхуай, совершив поездку по стране, трезво оценил обстановку и выступил с критикой политики «коммунизации» деревни, массовой кампании по выплавке стали в кустарных печах.

В июле–августе 1959 г. на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК и на состоявшемся затем пленуме ЦК, проходившем в Лушане (провинция Цзянси) Пэн Дэхуай несколько раз выступал с резкой критикой политики «большого скачка». Основываясь на материалах проведенного им обследования и на изучении множества документов, маршал подверг критике курс на кустарную выплавку стали и создание без предварительной подготовки «народных коммун». Он обратил внимание участников совещания на нарушение принципа коллективного руководства в КПК, на удушающую атмосферу культа личности, поставил вопрос о недопустимости пренебрежения экономическими законами и подмены экономической работы игрой в политические лозунги. «Политика как командная сила не может заменить экономических законов и тем более не может заменить конкретных мероприятий в экономической работе», – говорил маршал. Его мнение поддерживала часть партийного руководства, в том числе секретарь ЦК КПК Хуан Кэчэн, кандидат в члены Политбюро ЦК Чжан Вэньтянь, 1-й секретарь комитета КПК Хунани Чжоу Сяочжоу. 14 июля 1959 г. Пэн Дэхуай изложил свою позицию по ряду важных вопросов экономической политики в письме на имя председателя ЦК КПК Мао Цзэдуна.

Письмо это, однако, было истолковано превратно. Мао считал, что ему лично и всему руководству ЦК брошен «вызов». 23 июля на совещании с резкой критикой Пэн Дэхуая выступил Мао Цзэдун, заявив, что письмо является «атакой на партию», «антипартийной программой правого оппортунизма». После этого выступления совещание, круто изменив направление, стало критиковать и разоблачать Пэн Дэхуая, Хуан Кэчэна, Чжан Вэньтяня и Чжоу Сяочжоу за так называемый «правый уклон». Самый резкий тон критики, помимо Мао Цзэдуна, был задан Линь Бяо, который обвинил министра обороны в «лицемерии», «интриганстве» и «карьеризме», не отстаивал от них и Кан Шэн.

На Пэн Дэхуая было навешано множество политических ярлыков: «буржуазный демократ», «попутчик в демократической и оппозиционер в социалистической революции», «спекулянт, пролезший в ряды партии», человек «поддерживающий тайные связи с границей (т.е. с СССР)», «организовавший военный клуб», пытавшийся «заставить Мао Цзэдуна отказаться от власти» и т.д.

Совещание приняло постановление о снятии Пэн Дэхуая, Хуан Кэчэна, Чжан Вэньтяня и Чжоу Сяочжоу с занимаемых постов. По решению Лушаньского пленума Линь Бяо заменил Пэн Дэхуая в Военном совете ЦК КПК, стал отвечать за постоянную работу этого совета и вскоре был назначен министром обороны КНР.

Иная оценка этого совещания и пленума ЦК была дана партией только спустя 22 года. Как говорится в «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» (1981 г.), «во второй половине работы этого совещания товарищ Мао Цзэдун развернул несправедливую критику товарища Пэн Дэхуая, что вылилось в так называемую борьбу против правого уклона в масштабах всей партии. Совершенно ошибочной явилась резолюция 8-го пленума ЦК КПК 8-го созыва о так называемом блоке Пэн Дэхуая, Хуан Кэчэна, Чжан Вэньтяня и Чжоу Сяочжоу».

После Лушаньского совещания Пэн Дэхуай выселили из правительственной резиденции Чжуннаньхай в западный пригород Пекина в полуразрушенный домик У Саньгуя, имя которого являлось символом национального предательства. Опальный маршал прожил там, находясь практически под домашним арестом, почти

шесть лет. Он передал в ЦК свою маршальскую форму, награды и ордена: «Освобождение», «Свободы и независимости» 1-й степени, «1 августа», отказался от услуг медсестры.

Для того чтобы опровергнуть измышления в свой адрес, Пэн Дэхуай написал Мао Цзэду огромное письмо, составлявшее целую книгу (80 тыс. иероглифов), – исчерпывающий отчет о собственной деятельности, не оставляющий никаких сомнений в честности Пэн Дэхуая и преданности делу партии и национальным интересам страны. Однако Мао остался глух к этому. «Пэн Дэхуая нельзя реабилитировать», – таков был ответ.

В ходе культурной революции Пэн Дэхуай был подвергнут жестоким репрессиям. В 1973 г. у него был обнаружен рак, и он был переведен в тюремный госпиталь. В 1974 г., несмотря на сделанную операцию, болезнь обострилась, раковая опухоль распространилась на легкие и грудь. Пэн Дэхуай испытывал страшную боль, однако ему отказывали в обезболивающих уколах. 29 ноября 1974 г. на 76 году жизни он скончался.

Пэн Чжэнь 彭真

Пэн Чжэнь (12 октября 1902 г. – 1997 г.) – уроженец уезда Цюйво провинции Шаньси. Член КСМК с 1923 г., член КПК с 1931 г. Вел подпольную партийную деятельность в Северном Китае. В 1924 г. – секретарь комитета комсомола округа Тайюань. В 1925 г. – секретарь совета профсоюза работников Чжэнтайской железной дороги в Шицзячжуане. В 1926 г. вел активную партийную работу в тяньцзиньских районных организациях КПК; назначен секретарем комиссии профдвижения Тяньцзиньского окружка КПК. В 1927–1929 гг. – ответственный работник парткома провинции Хэбэй, секретарь Таншаньского горкома КПК. В июне 1929 г. арестован, отбывал срок заключения в тюрьме.

С выходом на свободу в 1935 г. назначен секретарем комитета КПК Тяньцзиня. С 1936 г. – уполномоченный парткома провинции Хэбэй в восточной ее части, заведующий отделом Бюро ЦК КПК по Северному Китаю. С 1938 г. – член Бюро ЦК КПК по Северному Китаю, секретарь подбюро ЦК КПК по району Шаньси–Чахар–Хэбэй. С 1941 г. – заведующий учебной частью, в 1943 г. – проректор Партийной школы ЦК КПК в Яньани. С 1944 г. – заведующий Отделом ЦК КПК по работе в городах, исполняющий обязанности заведующего Орготделом ЦК КПК, с 1945 г. – заведующий Орготделом. На VII съезде КПК (1945 г.) избран членом ЦК КПК, на 1-м пленуме – членом Политбюро ЦК. В 1945 г. назначен кандидатом в члены Секретариата ЦК КПК; секретарь Бюро ЦК КПК по Северо-Восточному Китаю, политкомиссар Демократической объединенной армии Северо-Востока. С 1947 г. – заведующий Орготделом ЦК КПК. С февраля 1949 г. – секретарь Бэйпинского (затем Пекинского) горкома партии.

После образования КНР в 1949–1954 гг. – член Центрального народного правительственного совета, заместитель председателя Политико-юридического комитета Государственного административного совета. С 1950 г. – заместитель председателя Китайского народного комитета защиты мира во всем мире. С 1951 г. – мэр Пекина, председатель ПК НПКСК Пекина. С 1954 г. – заместитель Председателя ПК ВСНП (до 1966 г.); ответственный секретарь ПК ВСНП (до 1965 г.). В 1954–1966 гг. – председатель комиссии ПК ВСНП по правовой работе. На 1-м заседании ВК НПКСК 2-го созыва (1954 г.) избран заместителем председателя ВК НПКСК (до 1966 г.). В 1955–1966 гг. – 1-й секретарь Пекинского горкома КПК. На VIII съезде партии (1956 г.)

избран членом ЦК. С 1958 г. по совместительству руководитель политико-юридической группы ЦК КПК. С началом культурной революции подвергался преследованиям и был снят со всех постов.

После реабилитации член ЦК и член Политбюро ЦК КПК 11-го и 12-го созывов. С 1980 г. занимал по совместительству пост секретаря Политико-юридической комиссии ЦК. В сентябре 1980 г. назначен заместителем председателя Комиссии по пересмотру Конституции КНР. В 1983 г. был избран председателем Постоянного комитета ВСНП 6-го созыва (до апреля 1988 г.). На XIII съезде партии (октябрь 1987 г.) удовлетворена его просьба о выходе из состава ЦК КПК (вместе с группой ветеранов партии). Депутат ВСНП 1-го – 6-го созывов.

Се Фучжи 谢富治

Се Фучжи (1909 г. – 26 марта 1972 г.) – уроженец уезда Хуанъань (ныне – Хунъань) провинции Хэбэй. В 1929 г. вступил в китайскую рабоче-крестьянскую армию, в 1931 г. – в КПК. Начальник политотдела полка, дивизии, соединения Красной армии. Политкомиссар полевой армии Шаньси–Хэбэй–Шаньдун–Хэнаньского военного округа. Начальник политотдела 385-й бригады 8-й армии.

После основания КНР стал 1-м секретарем парткома провинции Юньнань.

Министр общественной безопасности КНР, заместитель премьера Госсовета КНР. В 1955 г. присвоено звание генерала.

16 октября 1980 г. решением ЦК КПК посмертно был исключен из партии. 25 января 1981 г. Верховным судом КНР признан членом «контрреволюционной группировки» Линь Бяо, Цзян Цин.

Сунь Ефан 孙治方

Сунь Ефан (настоящее имя – Сюе Эго) родился 24 октября 1908 г. в местечке Юйци уезда Уси провинции Цзянсу в семье мелкого служащего. В 1923 г. вступил в ССМК, а в 1924 г. – в КПК. 17-летним юношей в ноябре 1925 г. Сунь Ефан едет учиться в Москву в Университет трудящихся Китая имени Сунь Ятсена, который заканчивает в 1927 г. После окончания он три года занимается переводами на китайский язык лекций учебника по политической экономии в том же университете. В сентябре 1930 г. вернулся в Китай. Вместе с Сюе Муцяо организовал «Общество изучения деревни», активно участвовал в обследовании ряда сельских районов страны, публиковался в журнале «Китайская деревня». В начале 1940-х годов направляется в партшколу Центрального Китая для преподавания основ ленинизма. После образования КНР работает в экономических и статистических ведомствах Шанхая, Восточного Китая, одно время возглавлял Государственное статистическое управление КНР, с 1957 г. – исполняющий обязанности, а с 1958 г. – директор Института экономики АН Китая.

Сун Цинлин 宋庆龄

Сун Цинлин родилась 21 января 1893 г. в Шанхае. Умерла 29 мая 1981 г. в Пекине. Супруга Сунь Ятсена. Происходила из богатой семьи, окончила Шанхайскую женскую гимназию. В 1908–1913 гг. училась в Уэслианском (протестантском) женском колледже города Мэйкон (штат Джорджия, США). С юных лет ее политическим идеалом был Сунь Ятсен, друг ее родителей. По возвращении из США с 1913 г. становится секретарем Сунь Ятсена. В 1914 г. вступила в Чжунго гэмидан (Китайская

революционная партия). В октябре 1915 г. в Токио сочеталась браком с Сунь Ятсеном. Решение выйти замуж за него было с негодованием встречено ее семьей и вызвало потоки клеветы со стороны политических врагов (ее сестра Сун Мэйлин через 12 лет вышла замуж за Чан Кайши).

В 1924 г. участвовала в работе I съезда Гоминьдана, решительно поддержала три основных политических установки (*сань да чжэньцэ*) Сунь Ятсена: на союз с Советской Россией, союз с КПК, поддержку крестьян и рабочих. После кончины Сунь Ятсена (12 марта 1925 г.) продолжала проводить его политику единого фронта Гоминьдана и КПК. В 1926 г. на II конгрессе Гоминьдана избрана членом ЦИК (переизбиралась на III–IV конгрессах; на V конгрессе Гоминьдана избиралась кандидатом в члены ЦИК) и руководителем сектора по работе среди женщин. На 3-м пленуме ЦИК Гоминьдана 2-го созыва (март 1927 г.) избрана членом Центральной политической комиссии Гоминьдана, членом гоминьдановского правительства в Ухане. Тесно сотрудничала с КПК.

До и особенно после переворота Чан Кайши (12 апреля 1927 г.) выступала против правого крыла Гоминьдана. В 1927–1931 гг. совершила поездку в СССР и страны Европы. Прибыв в мае 1929 г. в Китай после двухлетнего отсутствия на церемонию захоронения праха Сунь Ятсена в мавзолее в Нанкине, Сун Цинлин выступила с осуждением политики нанкинского правительства. В 1927 г. и в 1929 г. участвовала в работе конгрессов международных антиимпериалистических сил. В 1929 г. избрана почетным председателем Второго конгресса Антиимпериалистической лиги. «Никогда предательский характер контрреволюционных гоминьдановских лидеров не проявлял себя так бесстыдно перед миром, как сегодня, – писала она в 1929 г. – Они, предав национальную революцию, неизбежно деградировали до положения орудия в руках империалистов и пытались спровоцировать войну с Россией».

По возвращении в Китай в ходе «событий 18 сентября» 1931 г. – вторжения японцев в Северо-Восточный Китай (Дунбэй) – поддержала курс КПК на создание единого национального фронта сопротивления японским захватчикам.

19 февраля 1932 г. Сун Цинлин обратилась в секретариат Антиимпериалистической лиги с призывом «к международным антиимпериалистическим действиям против вооруженного нападения Японии на Шанхай, которое было проведено при помощи других иностранных империалистов и создало угрозу расчленения и порабощения Китая».

В конце 1932 г. Сун Цинлин была одним из учредителей в Шанхае Китайской национальной лиги движения за гражданские права (*Чжунго миньцяоань баочжан тунмэн*), избрана председателем ее исполкома. В нее вошли прогрессивные юристы, писатели, преподаватели школ и вузов, художники. Лига организовала сбор медикаментов и других материалов в разных странах и доставила их на контролирувавшиеся коммунистами базы, которые находились в японском тылу и были блокированы Чан Кайши. Сун Цинлин смело выступала против гоминьдановского террора, открыто поддерживала политических заключенных, борясь за их освобождение. Она критиковала организованное Чан Кайши «движение за новую жизнь» (*синь шэнхэ юньдун*), опубликовав в нью-йоркском журнале «Asia» статью, направленную против традиций реакционной феодальной философии, которые лежали в основе этого движения. В 1934 г. стала инициатором сбора подписей в поддержку разработанной КПК «Основной программы войны китайского народа против японского империализма». В 1935 г. поддержала манифест КПК от 1 августа с призывом прекратить гражданскую войну и создать единый патриотический фронт. В 1936 г. в Шанхае на учредительном съезде Всекитайской ассоциации национального спасения (*цзяньго гэцзе цзю го лянхэхэюй*) избрана членом исполкома. В 1938 г. по ее инициативе в Сянгане

была создана Лига защиты Китая (*баовэй Чжунго тунмэн*), состоявшая как из китайских, так и иностранных членов. Провела большую работу по сбору средств для оказания помощи 8-й и Новой 5-й армиям. С декабря 1941 г. проживала в Чунцине. В течение восьми лет Войны сопротивления Японии (1937–1945 гг.) Сун Цинлин вела активную работу, направленную на укрепление всех антияпонских сил. В 1945 г. была председателем Китайского благотворительного фонда.

В сентябре 1949 г. на 1-й сессии НПКСК избрана заместителем председателя Центрального народного правительственного совета (Центрального народного правительства); с октября 1949 г. – заместитель председателя Общества китайско-советской дружбы (ОКСД), позже – председатель ОКСД. Сун Цинлин уделяла большое внимание работе среди женщин КНР, проявляла заботу о здоровье подрастающего поколения. В 1949–1981 гг. – почетный председатель Всекитайской демократической федерации женщин (с 1957 г. – Всекитайской федерации женщин). С 1950 г. – член исполкома Китайского общества вспомоществования. С 1951 г. – председатель его исполкома. В 1950 г. на 2-м Всемирном конгрессе сторонников мира введена в состав Всемирного Совета Мира и его Бюро. В апреле 1951 г. удостоена международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» за 1950 г., передала полученные ею 100 тыс. руб. в фонд китайских детей и женщин. В 1951 г. назначена председателем Всекитайского народного комитета защиты детей, входила в руководство Китайского общества Красного Креста. С 1952 г. – председатель Комитета связи сторонников мира района Азии и Тихого океана. В 1954–1981 г. – заместитель председателя ПК ВСНП, заместитель председателя ВК НПКСК. Была депутатом ВСНП 1–5-го созывов. На сессиях ВСНП (апрель 1959 г. и январь 1965 г.) избиралась заместителем председателя КНР. Перед смертью в мае 1981 г. вступила в КПК. Решением ПК ВСНП 5-го созыва удостоена звания почетного председателя КНР.

Тао Чжу 陶铸

Тао Чжу (1908–1969 гг.) – уроженец уезда Чиян провинции Хунань. В 1926 г. поступил учиться в академию Хуанпу (Вампу), в том же году вступил в КПК. В 1927 г. участвовал в Наньчанском и Кантонском восстаниях. После 1929 г. стал начальником секретариата парткома провинции Фуцзянь, секретарем, заведующим орготделом Фуцзяньского парткома, секретарем центрального городского комитета КПК Фучжоу.

В мае 1933 г. по доносу предателя был арестован Гоминьданом в Шанхае и содержался сначала в шанхайском полицейском управлении, а затем в Нанкинской тюрьме. Был приговорен к пожизненному тюремному заключению. После начала антияпонской войны был освобожден из тюрьмы при содействии партийной организации. В 1939 г. руководил партизанским отрядом в районе между реками Ханьшуй и Янцзы. Был заместителем начальника политуправления 4-й полевой армии и Центрального военного округа.

После основания КНР являлся заместителем начальника, начальником политотдела военного округа Центрально-Южного Китая, секретарем парткома провинции Гуанси, 1-м секретарем Бюро ЦК КПК по Центрально-Южному Китаю, заместителем премьера Госсовета, заведующим Отделом пропаганды ЦК КПК, членом ЦК КПК 8-го созыва, секретарем ЦК КПК, членом Политбюро и ПК Политбюро ЦК. В годы культурной революции его называли «главным защитником императора», т.е. Лю Шаоци. Он подвергся репрессиям. Умер 30 ноября 1969 г. в Хэфэе провинции Аньхой. В декабре 1978 г. 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва принял постановление об исправлении ошибочных выводов, сделанных в прошлом в отношении Тао Чжу. Он был посмертно реабилитирован.

Тянь Хань 田汉

Тянь Хань был бессменным председателем Ассоциации театральных работников. Автор текста государственного гимна КНР. Погиб в результате репрессий во время культурной революции Мао Цзэдуна.

Пьеса Тянь Ханя «Се Яохуань» была поставлена в 1962 г. Ее сюжет восходит к традиционной пьесе «Женщина-ревизор» в жанре «ваньваньцзян» (танцевального спектакля с оркестровым аккомпанементом). Написанная в духе тенденциозной исторической драмы с идеальным героем и счастливым концом, она проникнута дидактическим пафосом конфуцианской литературы. Тянь Хань на литературном вторичном материале создал новое произведение, пытаясь ответить не только на актуальные политические, но и на общечеловеческие вечные вопросы. Основное же для автора – донести до зрителя свой положительный идеал бескомпромиссного служения народу, веру в него. Главная героиня его пьесы – умная девушка из низов (этим он усиливает трагизм образа) Се Яохуань, дочь сельского учителя, возвысившаяся при дворе и ставшая одной из приближенных императрицы У Цзэтянь (VIII в.) благодаря своему уму и высоким моральным качествам. Выехав в инспекционную поездку, она выявляет самодурство и беззаконие местных властей, нищету и беззащитность трудового люда. Се Яохуань лично убеждается в том, что правителям и чиновникам нет дела до народа и его страданий, борьба же с порожденными их правлением несправедливостями и бедствиями опасна: тем, кто восстанет против них и добивается правды, грозят ложные доносы и обвинения и в итоге – смерть. Подтверждением этому служит судьба самой Се Яохуань.

Уланьфу 乌兰夫

Уланьфу родился в 1907 г. в провинции Суйюань. Умер 8 декабря 1988 г. в Пекине. По национальности монгол.

В 1925 г. вступил в КПК. Закончил в Москве Университет трудящихся Китая имени Сунь Ятсена. В ходе японо-китайской войны боролся против японской оккупации страны. В 1947–1949 гг. внес важный вклад в создание, укрепление и развитие опорной базы в Северо-Восточном Китае и освобождение северо-восточного и северных районов страны.

С 1945 г. – кандидат в члены ЦК КПК. С 1947 г. – председатель народного правительства Автономного района Внутренняя Монголия. Первый директор созданного в июне 1951 г. в Пекине Центрального института нацменьшинств. В 1949–1954 гг. – член Бюро Всекитайского комитета народного политического консультативного совета Китая, член Центрального народного правительственного совета, заместитель председателя Комитета по делам национальностей при Государственном административном совете КНР. С 1954 г. – заместитель премьера Госсовета. В 1954–1966 гг. – председатель Комитета по делам национальностей Государственного совета КНР, член Государственного комитета обороны, председатель Народного комитета и 1-й секретарь комитета КПК Автономного района Внутренняя Монголия. С 1956 г. – член ЦК КПК, кандидат в члены Политбюро ЦК. В ноябре 1957 г. в качестве члена делегации КПК участвовал в работе совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве. В мае 1966 г. Уланьфу был арестован, проходил по делу «антипартийной предательской клики Уланьфу» во Внутренней Монголии. В 1973 г. реабилитирован. С 1983 г. по март 1988 г. – заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП.

У Хань 吴晗

У Хань (Чунь У, Цзы Чэньбо) (1909–1969 гг.) – историк и публицист, уроженец уезда Иу провинции Чжэцзян. Его отец был *сюцаем* в последние годы Цинской династии. У Хань с 7 лет начал учиться в деревенской школе. Учился прилежно, любил читать исторические романы и книги по истории. В 11 лет мальчику дали почитать «Высочайше утвержденное собрание “Всеобщих зеркал” в порядке очередности династий» («Юйпи тунцзянь»).

Известно, что составление этого свода началось в соответствии со специальным указом императора Цяньлуна в 1768 г. События в книге излагаются в хронологическом порядке – от мифического императора Хуанди до падения династии Мин. Труд получил личную оценку императора.

Немало отрывков из данной книги У Хань выучил наизусть. Этот труд послужил для него стимулом к дальнейшему изучению истории Китая. В 1919 г. мальчик поступает в школу «Юй дэ», находившуюся в 7–8 ли (1 ли = 0,5 км) от его деревни. В 12 лет переходит в среднюю школу, где знакомится с работами Лян Цичао. Его стала еще больше интересовать история. Он накопил денег (недостающую сумму мальчику добавила его старшая сестра) и купил несколько династийных историй: «Исторические записки» Сыма Цяня, «Историю ранней Хань» (*Цянь Хань шу*), «Историю поздней Хань» (*Хоу Хань шу*) и «Историю Троецарствия» (*Сань Го чжи*). В 1925 г. У Хань окончил среднюю школу. Так как в семье было трудное экономическое положение, дальше учиться он не мог. Устроился преподавать в начальной школе в своей деревне. Однако ему хотелось продолжить свое образование. Во время летних каникул 1928 г. У Хань заявил отцу, что хочет учиться дальше. Тот не мог помочь сыну материально, и юноша уезжает из дома. Прибыв в Ханчжоу, он сдает приемные экзамены в частный университет. В письме к матери просит о помощи. Мать продала драгоценности, которые ей подарили на свадьбу, и отослала деньги сыну. Через год университет закрыли. У Хань из Ханчжоу переезжает в Шанхай и поступает там в филиал Китайского национального университета.

В начале 1930 г. У Хань написал курсовую работу «Экономическое положение Западной Хань», которую одобрил Ху Ши, ректор университета, который сам вел занятия, читал лекции по истории китайской культуры. 19 марта 1930 г. У Хань пишет письмо Ху Ши с просьбой стать его научным руководителем. Вскоре Ху Ши покинул Шанхайский национальный университет. У Хань также решил ехать в Пекин. Он продает свою курсовую работу одному из издательств, зарабатывает на этом 80 юаней и в августе 1930 г. приезжает в Пекин. Там он мечтает поступить на исторический факультет Яньцзинского университета, однако из-за плохого знания английского языка сделать это не удастся. У Хань занимается в Пекинской библиотеке, изучая китайско-японские материалы и источники, знакомится с одним из профессоров Яньцзинского университета, занимается самообразованием. В феврале–марте 1931 г. он написал «Биографию Ху Инлиня» (*Ху Инлинь чжуань*). Затем составил «Хронику жизни Ху Инлиня» (*Ху Инлинь няньпу*) объемом в 30–40 тыс. иероглифов. Хронику он отослал в мае Ху Ши. Того заинтересовала эта работа, и он захотел связаться с ее автором. С этого времени Ху Ши помогал У Ханю и имел на последнего большое влияние.

В начале августа 1931 г. У Хань поступил в Университет Цинхуа и сам оплачивал свою учебу. Ху Ши ходатайствовал, чтобы У Ханю нашли работу, и тот устроился работать в исторический архив. В месяц он получал 25 серебряных долларов. Как У Хань писал в своей автобиографии, в среднем человек тратил на пропитание

в месяц 4 доллара. Так что около 20 долларов у студента У Ханя оставалось на оплату учебы и другие нужды. Ху Ши рекомендовал молодому исследователю больше внимания уделять изучению экономики.

После окончания в 1934 г. Университета Цинхуа в Пекине руководство вуза предложило ему подготовить курс лекций по истории, и в 1934–1937 гг. У Хань читает в университете курс лекций о периоде династий Юань (1271–1468 гг.) и Мин. В 1936 г. выходит в свет его первая самостоятельная научная работа – «Общество эпохи Юань». В том же году он публикует второе произведение – «Крах империи Юань и создание империи Мин». В 1937–1946 гг. У Хань – профессор Юньнаньского университета в городе Куньмине, профессор Объединенного университета Юго-Западного Китая. В 1944 г. вступил в Демократическую лигу Китая, объединявшую главным образом прогрессивную интеллигенцию страны. В 1946–1948 гг. – профессор Университета Цинхуа; оказывал содействие подпольной деятельности КПК, в годы гоминьдановской реакции он помог многим коммунистам-подпольщикам, прежде всего студентам, тайно перебраться на территорию освобожденных районов. В январе 1947 г. У Хань избирается в состав Центрального комитета Демократической лиги Китая и остается на этом посту до последних дней своей жизни. В 1949–1952 гг. – декан исторического факультета Университета Цинхуа, директор Института литературы. В 1949–1954 гг. – член Комитета по делам культуры и просвещения Государственного административного совета КНР. В эти годы был членом правления Общества китайско-советской дружбы. В 1949–1965 гг. – член Бюро Всекитайского комитета народного политического консультативного совета Китая, начальник секретариата, заместитель руководителя Всекитайской федерации молодежи, заместитель мэра Пекина, член комитета отделения научного общества философов Академии наук Китая. Председатель ассоциации историков города Пекина.

В 1957 г. вступил в КПК.

Занимался исследованием древней истории Китая, периодом династии Мин (1368–1644). Опубликовал серию работ, среди которых «О Хай Жуе», биография Чжу Юаньчжана, историческая драма «Разжалование Хай Жуя» (*Хай Жуи ба гуань*) и др.

Вместе с Дэн То и заведующим отделом единого фронта столичного горкома партии Ляо Моша являлся автором публицистических «Записок из села Трех», публиковавшихся в ежемесячнике Пекинского горкома КПК журнале «Цяньсянь» с октября 1961 г. по июль 1964 г. Всего было опубликовано 67 статей, перу У Ханя принадлежит 21. В них иносказательно критиковались отрицательные явления в тогдашней жизни КНР, за что авторы подверглись резким нападкам в период культурной революции Мао Цзэдуна. После надругательств хунвэйбинов У Ханя в начале 1968 г. арестовали и отправили в тюрьму, где в ноябре 1969 г. он скончался. Из четырех членов его семьи выжила только его дочь.

Хуа Гофэн 华国锋

Хуа Гофэн (имя при рождении Су Чжу) родился в 1921 г. в бедной крестьянской семье в уезде Цзяочэн провинции Шаньси. Председатель ЦК КПК (октябрь 1976 г. – июнь 1981 г.), премьер Госсовета КНР в 1976–1980 гг.

В 7 лет пошел в начальную школу, в 13 лет ее окончил. В 1935 г. в 14-летнем возрасте поступил в школу коммерции в родном уезде, где проучился до 1937 г. (в дальнейшем в автобиографии всегда писал, что имеет образование на уровне средней школы). В начале 1938 г. 17-летним юношей покинул родной дом, включившись в революционную деятельность. В октябре 1938 г. вступил в члены КПК. Был командиром

районного партизанского отряда, тогда и сменил имя на Хуа Гофэн. В 19 лет в 1940 г. стал председателем Объединенного комитета по сопротивлению Японии, за спасение Родины уезда Цзяочэн. В 1945 г. – секретарь Комитета КПК уезда Цзяочэн, политкомиссар уездного вооруженного отряда.

На заключительном этапе гражданской войны работал секретарем парткома округа Янгу в провинции Шэньси и был признанным организатором местного партизанского движения в 1947–1948 гг.

В 1948 г. вслед за НОАК отправился на юг, в январе 1949 г. стал руководителем отдела пропаганды районного комитета КПК в провинции Шаньси.

Был секретарем комитета КПК уезда Сянтань, политкомиссаром штаба народных вооруженных сил уезда, с ноября 1954 г. – секретарь комитета КПК округа Сянтань и политкомиссар НОАК на родине Мао Цзэдуна. В Хунани Хуа Гофэн проработал более 20 лет. Являлся заведующим отделом единого фронта Комитета КПК провинции Хунань, членом секретариата провинциального комитета КПК, 1-м секретарем Хунаньского парткома, заместителем губернатора провинции Хунань.

Осенью 1950 г. «Жэньминь жибао» сообщила, что в Сянтане в Хунани «начались ремонтные работы дома, где жил председатель Мао».

Хуа Гофэн показал себя поборником ускоренной коллективизации сельского хозяйства. Под его руководством к концу 1952 г. в уезде Сянтань за год удалось создать более 890 деревенских групп взаимопомощи. В феврале 1954 г. в Шаошани был организован первый в Сянтане сельскохозяйственный кооператив, затем началась ускоренная коллективизация.

Несмотря на то, что Хуа Гофэн был руководителем округа, где родился и жил Мао Цзэдун, впервые его встреча с последним произошла лишь в июне 1955 г., когда тот на поезде в сопровождении Ло Жуйцина приехал в Чанша.

В октябре 1955 г. Хуа Гофэн впервые участвует в работе 6-го пленума ЦК КПК 7-го созыва в Пекине, где второй раз встречается с Мао Цзэдуном.

В ноябре 1957 г. Хуа Гофэн становится заведующим единым фронтом парткома Хунани, активно участвует в кампании по «борьбе с правыми элементами». На Лушаньском пленуме ЦК КПК в 1959 г. он встал на сторону Мао Цзэдуна, поддержав критику первого секретаря провинции Хунань Чжоу Сяочжоу.

С началом культурной революции Хуа Гофэна почти не критиковали. В июле 1967 г. он становится членом группы по культурной революции, затем – руководителем группы по подготовке к созданию «ревкома» в провинции Хунань. 6 апреля 1968 г. сообщается о создании ревкома провинции Хунань. С 1968 г. – заместитель председателя указанного ревкома, исполняющий обязанности председателя ревкома, 1-й политкомиссар Хунаньского провинциального военного округа, политкомиссар Гуанчжоуского военного округа, заведующий отделом безопасности военного округа.

После того, как он стал заместителем председателя ревкома провинции Хунань, приложил много сил для организации движения «в сельском хозяйстве учиться у Дачжая». Более 40 тыс. кадровых работников провинции были отправлены в Дачжай (Шаньси) на учебу, два уезда удалось сделать образцовыми по учебе у Дачжая, что понравилось Мао Цзэдуну.

Работая в Хунани, Хуа Гофэн взялся за «большое дело»: создание музея в Шаошани, где родился и вырос Мао. В марте 1963 г. отреставрированный дом Мао Цзэдуна превратился во всекитайский культурно-исторический памятник, охраняемый государством. В Шаошань начался паломничество. При поддержке 1-го секретаря Бюро ЦК КПК по Центрально-Южному Китаю Тао Чжу в Лушане был построен «музей товарища Мао Цзэдуна». К 74-летию со дня рождения Мао 26 декабря 1967 г. от Чанша

до Шаошани была открыта железнодорожная линия. На железнодорожном вокзале в Шаошани установили статую Мао Цзэдуна высотой более 12 м. Хуа Гофэн развернул также строительство «памятных мест» пребывания Мао Цзэдуна и в Чанша.

На IX съезде КПК (1969 г.) Хуа Гофэн стал членом ЦК КПК. С весны 1970 г. – председатель «ревкома» провинции Хунань (по совместительству), но если по формированию ревкомов Хунань была 19-й, то по созданию парткома провинции на 1-м месте (ноябрь 1970 г.). Хуа Гофэн становится 1-м секретарем комитета КПК провинции Хунань. 18 декабря 1970 г. Мао Цзэдун в беседе с известным американским журналистом, биографом Мао Цзэдуна Эдгаром Сноу упомянул фамилию Хуа Гофэна. В феврале 1971 г. по предложению Мао Хуа Гофэн переведен на работу в Пекин, в оперативную группу Госсовета, где был заместителем заведующего, заведующим группой и отвечал за сельское хозяйство, финансы и торговлю. После смерти министра общественной безопасности Се Фучжи 28 марта 1972 г. Мао Цзэдун предложил назначить Хуа Гофэна министром общественной безопасности.

В мае 1973 г. он был переведен на работу в Политбюро ЦК КПК. В августе 1973 г. на X съезде КПК избран членом ЦК, на 1-м пленуме ЦК КПК 10-го созыва избран членом Политбюро.

С 1975 г. – заместитель премьера Госсовета. После смерти Чжоу Эньлая 8 января 1976 г. Мао Цзэдун предложил назначить Хуа Гофэна исполняющим обязанности премьера Госсовета и одновременно руководителем текущей работой ЦК КПК. 28 января Политбюро утвердило это предложение. 3 февраля был издан специальный циркуляр об этих назначениях.

С апреля 1976 г. по рекомендации Мао Цзэдуна он – 1-й заместитель председателя ЦК КПК и премьер Государственного Совета КНР. 6 октября 1976 г. вместе с Ли Сяньнянем поддержал решительные меры Е Цзяньина по изоляции и аресту «четверки»: Цзян Цин, Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюаня, Ван Хунвэня. Этим был положен конец культурной революции.

На заседании Политбюро ЦК КПК 7 октября 1976 г. было принято решение назначить Хуа Гофэна председателем ЦК КПК и председателем Военного совета ЦК. На 1-м пленуме ЦК 11-го созыва (август 1977 г.) его вновь избирают председателем ЦК партии, председателем Военного совета ЦК, утверждают в должности премьера Госсовета. В 1977–1982 гг. был ректором Центральной партийной школы КПК.

Как записано в «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени основания КНР» (1981 г.), «Хуа Гофэн проводил и долгое время отстаивал ошибочный курс, ориентирующий на “два абсолютно” (“абсолютно все решения, вынесенные председателем Мао Цзэдуном, мы должны решительно соблюдать; абсолютно всеми указаниями председателя Мао Цзэдуна мы должны неизменно руководствоваться”). В 1978 г. он зажимал дискуссию, имевшую важное значение для выправления всего ошибочного и восстановления всего правильного, дискуссию по вопросу о том, является ли практика единственным критерием проверки истины; оттягивал и препятствовал восстановлению на работе старых кадровых работников и проведению мероприятий по пересмотру оставшихся от прошлого дел, сфабрикованных на основании надуманных, ложных и ошибочных обвинений, в том числе и Тяньаньмэньских событий (1976 г.); продолжая защищать прежний культ личности, он в то же время допускал и насаждал культ личности по отношению к себе». В решении он критиковался «за проведение левацких установок» и «новый скачок» – «погоню за нереально быстрым эффектом в экономической работе» в 1976–1978 гг.

В сентябре 1980 г. сессия ВСНП 5-го созыва удовлетворила его просьбу об уходе с поста премьера Госсовета.

6-й пленум ЦК КПК 11-го созыва (июнь 1981 г.) единодушно проголосовал за освобождение Хуа Гофэна от должностей председателя ЦК КПК и председателя Военного совета ЦК КПК в связи с тем, что после разгрома «четверки» он проводил в жизнь ошибочный курс «двух абсолютно» и продолжал придерживаться ошибочной теории, политики и лозунгов культурной революции. Он был оставлен членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК и заместителем председателя ЦК КПК. На XII–XV съездах КПК (1982–1997 гг.) избирался членом ЦК. Принимал участие в работе по обследованию деревень, проводившейся Государственным комитетом по делам сельского хозяйства.

Ху Яобан 胡耀邦

Ху Яобан родился 20 ноября 1915 г. в уезде Люян провинции Хунань. Умер 15 апреля 1989 г. в Пекине. Председатель ЦК КПК (1981–1982 гг.). Генеральный секретарь ЦК КПК (1982–1987 гг.)

Происходил из крестьянской семьи. В 8 лет пошел в местную начальную школу, в 1929 г. – в городскую среднюю школу.

В 1930 г. Ху Яобан вступил в комсомол и позднее – в КПК, возглавил молодежную организацию, созданную на территории опорной базы в Люяне. В 1930–1933 гг. активный организатор молодежного коммунистического движения в провинциях Хунань и Цзянси, редактор молодежных изданий. В 1933 г. работал в качестве посыльного при Мао Цзэдуне. В 1934–1936 гг. участвовал в Северо-Западном (Великом) походе Рабоче-крестьянской Красной армии Китая, являлся членом рабочей комиссии ЦК КПК, секретарем отдела по местной работе политуправления 3-го армейского корпуса, секретарем объединенной ячейки парторганизации 13-го полка. Был тяжело ранен. В 1937–1945 гг. учился в Военно-политической академии сопротивления японским захватчикам (Яньань), политкомиссаром которой был Мао Цзэдун, а начальником – Линь Бяо. С 1939 по 1945 г. – заместитель начальника организационного отдела Главного политуправления Военного совета ЦК КПК. В 1945 г. участвовал в работе VII съезда КПК. С 1946 г. – исполняющий обязанности начальника политуправления Хэбэй-Жэхэ-Ляонинского военного округа, с 1949 г. – начальник политотдела 18-й армейской группы.

После образования КНР – член военно-административного комитета Юго-Западного Китая, председатель правительства и секретарь комитета КПК административного района на севере провинции Сычуань.

Весной 1952 г. был направлен на работу в ЦК комсомола в качестве секретаря, с 1957 г. – 1-й секретарь ЦК КСМК.

С 1954 г. Ху Яобан – член ПК ВСНП, член ВК НПКСК; на VIII съезде КПК (1956 г.) избран членом ЦК КПК. В 1962–1964 гг. находился в провинции Хунань, где за год посетил более 30 коммун. С конца 1964 г. по конец 1965 г. работал 2-м секретарем Бюро ЦК КПК по Северо-Западному Китаю и 1-м секретарем комитета КПК провинции Шэньси. В период кампании «социалистического воспитания» Ху Яобан направил доклад в ЦК, где предлагал не использовать «сильных мер» во время «упорядочения» и настаивал на том, чтобы временно «не арестовывать людей», «прекратить захват власти», «не исключать из партии» и «не снимать с занимаемых постов».

С началом культурной революции он подвергся критике и преследованиям, не раз являлся объектом нападков во время «митингов борьбы и критики», был снят со всех постов, с мая 1969 г. по 1972 г. находился в Хэнани в школе кадровых работников на «перевоспитании физическим трудом». В апреле 1974 г. ему было предъявлено

обвинение в «выступлении против партии, против социализма, против идей Мао Цзэдуна».

Ху Яобан был реабилитирован в мае 1975 г. В августе того же года был направлен в Академию наук с проверкой и подготовкой предложений для ЦК КПК и Госсовета КНР об улучшении и активизации работы Академии. Он стал заместителем председателя партийной группы руководства АН Китая, инспектировал более 30 институтов. К октябрю 1975 г. были подготовлены «Сводные тезисы отчета Академии наук», в обсуждении которых принимали участие Дэн Сяопин, Е Цзяньин, Хуа Гофэн. В документе помимо научно-технических проблем поднимался вопрос об отказе от наиболее одиозных аспектов практики культурной революции, о преодолении ее пагубных последствий и о реабилитации ее жертв. Затем проект «Сводных тезисов» был направлен Мао Цзэду.

Эти предложения, нацеленные на пересмотр ряда прежних установок, обеспокоили Мао и выдвинутые культурной революцией. В качестве противодействия развернулись новые политические кампании борьбы с «капитулянтством», «критики Дэн Сяопина и отпора правоуклонистскому поветрию пересмотра правильных выводов культурной революции». «Сводные тезисы», выработанные Ху Яобаном, были названы «большой ядовитой травой». Их автор подвергся резкой критике в Академии наук.

После смерти Мао Цзэдуна и ареста «четверки» на XI съезде КПК (1977 г.) Ху Яобан был избран членом ЦК. В 1977 г. он был направлен в Центральную партийную школу ЦК КПК в качестве проректора (ректор – Хуа Гофэн). Ху Яобан активно включился в реорганизацию учебного процесса и повышение его качества; отобрал произведения классиков марксизма-ленинизма для передачи в Бюро по переводу при ЦК КПК для проверки и издания их полного собрания для слушателей школы. Лично занялся пересмотром в партшколе дел, сфабрикованных в свое время Чэнь Бода и Кан Шэном. Вскоре более 90 человек были реабилитированы.

В декабре 1977 г. Ху Яобан стал заведующим Орготделом ЦК КПК, под его руководством активно проходил процесс политической реабилитации. Были мобилизованы сотни тысяч кадровых работников для проверки дел на местах, выявления ошибочных и сфабрикованных дел до и в годы культурной революции и последующей реабилитации невинно осужденных. Всего, по оценкам Ху Яобана, репрессиям подверглись 8–10 млн человек. По его словам, «процесс массовой реабилитации», начатый вслед за разгромом «четверки», затронул 100 млн человек, т.е. десятую часть населения страны. К началу 1980-х годов было реабилитировано более 3 млн человек.

Ху Яобан содействовал открытию в Центральной партийной школе печатного органа – журнала «Лилунь дунтай» («Ситуация в области теории»). 10 мая 1978 г. в этом журнале была опубликована статья слушателя школы, заказанная и отредактированная Ху Яобаном, под заголовком «Практика – единственный критерий истины». Ее перепечатка в газете «Гуанмин жибао» 11 мая 1978 г. дала старт широкой идеологической дискуссии с выдвинутыми культурной революции, включая Хуа Гофэна. Дискуссия развернулась по всей стране.

На 1-й сессии ВСНП 5-го созыва (1978 г.) Ху Яобан избран членом ПК ВСНП; на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва (1978 г.) – членом Политбюро ЦК, 3-м секретарем Центральной комиссии по проверке дисциплины, руководителем Секретариата ЦК КПК. С 25 декабря 1978 г. Ху Яобан – заведующий Отделом пропаганды ЦК КПК. На 5-м пленуме ЦК 11-го созыва (1980 г.) избран членом Политбюро, генеральным секретарем ЦК КПК; на 6-м пленуме ЦК 11-го созыва (1981 г.) – председателем ЦК КПК.

В 1982 г. на 1-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва был избран генеральным секретарем ЦК КПК. В этом качестве Ху Яобан посетил более 1600 уездов Китая. Как сообщала «Жэньминь жибао» (9 сентября 1985 г.), с января 1979 г. по июль 1985 г. Ху Яобан прочел более 2 тыс. писем граждан, на многие из них ответил. Все выступления и доклады он писал сам; много читал, наряду с марксистской литературой хорошо знал китайские классические сочинения и зарубежную литературу. С большим уважением относился к выдающемуся китайскому писателю Ба Цзиню. В октябре 1981 г. Ху Яобан специально пригласил его в резиденцию Чжуннаньхай, где имел с ним долгую и дружескую беседу.

В 1983–1987 гг. – председатель Центральной комиссии КПК по руководству упорядочением партии.

В конце ноября – декабре 1986 г. в ряде городов КНР прошли выступления и манифестации студенческой молодежи, недовольной партийным руководством и его методами работы, ходом политических реформ. Тысячи студентов вышли на демонстрации под лозунгами «Хотим свободы!», «Хотим демократии!», выступали против «четырех основных принципов» Дэн Сяопина, т.е. против «отстаивания социалистического пути, диктатуры пролетариата, руководства со стороны компартии, марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна». Дэн Сяопин предлагал запретить подобные демонстрации, тогда как Ху Яобан ратовал за усиление руководства студенческим движением.

2 января 1987 г. Ху Яобан был вынужден обратиться с просьбой об отставке с поста генерального секретаря ЦК КПК. 16 января того же года состоялось расширенное заседание Политбюро ЦК, на котором Ху Яобана резко критиковали, хотя отмечалось, что Ху Яобан признал «ошибки, допущенные им при решении важнейших политических проблем принципиального характера и выразившиеся в нарушении принципа коллективного руководства». Пленум принял его отставку, сохранив за ним посты члена Политбюро и члена ПК Политбюро ЦК КПК. После этого он был вынужден молчать. Длительное время Ху Яобан не появлялся на публике.

На XIII съезде КПК (1987 г.) он был избран членом ЦК КПК. На 1-м пленуме ЦК 13-го созыва избран членом Политбюро ЦК КПК. В конце 1987 г. совершил поездку по стране, посетив провинции Шаньдун, Хунань и Гуанси. Умер из-за сердечного приступа 15 апреля 1989 г.

Хэ Лун 贺龙

Хэ Лун (1896–1969 гг.) – уроженец уезда Санчжи провинции Хунань.

До Наньчанского восстания 1927 г. был командиром 20-го корпуса Национально-революционной армии, а во время восстания – главнокомандующим восставшими войсками. Член КПК с 1927 г. В 1930–1934 гг. – командующий 2-м корпусом, 2-й армейской группой РККА Китая. С 1934 г. – командующий 2-м фронтом Красной армии. С 1937 г. – командир 120-й дивизии 8-й армии. В 1940–1945 гг. – командующий Шаньси-Суйюаньским военным округом, начальник гарнизона пограничного района Шаньси-Ганьсу-Нинся. С 1945 г. – член ЦК КПК. В 1946–1949 гг. командовал Северо-Западным военным округом НОА. В 1949–1954 гг. – член Центрального народного правительственного совета, член Народного революционного военного совета, командующий Западным военным округом. С 1954 г. – заместитель премьера Госсовета, заместитель председателя Государственного комитета обороны. В 1955 г. присвоено воинское звание маршала КНР. В 1956 г. избран в члены Политбюро ЦК КПК.

Погиб в результате репрессий во время культурной революции Мао Цзэдуна.

Цао Иоу 曹轶欧

Цао Иоу (1903–1989 гг.), – уроженка города Цзинань провинции Шаньдун. Жена Кан Шэна. Окончила среднюю женскую школу в указанной провинции. В 1926 г. вступила в КПК. В Яньнани была заведующей сектором воспитания кадров в Отделе пропаганды ЦК КПК. Член правительства Шаньдуна в 1950 г., заместитель заведующего орготделом Шаньдунского бюро ЦК КПК. В марте 1959 г. делегат от провинции Цзянсу на 2-й сессии ВСНП, в сентябре 1964 г. делегат от провинции Хэбэй на 3-й сессии ВСНП. Работала начальником канцелярии Кан Шэна. Играла активную роль в подготовке первой дацзыбао культурной революции в мае 1966 г. Присутствовала на 7-й встрече Мао Цзэдуна с хунвэйбинами в ноябре 1966 г. Член ЦК КПК 9-го (1969 г.), 10-го (1973 г.) и 11-го созыва (1977 г.)

Цзян Цин 江青

Цзян Цин, настоящее имя Ли Юньхэ, была известна также как Ли Цинъюнь, театральный псевдоним – Лань Пин, в Яньнани изменила имя на Цзян Цин (Лазурная река). Родилась 14 марта 1914 г. в городе Чжучжэне провинции Шаньдун. Умерла 14 мая 1991 г. в Пекине.

Происходила из семьи плотника. В 16 лет присоединилась к труппе бродячих актеров. В 1930-х годах выступала в шанхайском театре, снималась в кино, ездила с концертной бригадой по стране. В 1933 г. вступила в КПК. Однако через два месяца, когда ее муж был брошен в тюрьму, бежала в Шанхай. Осенью 1934 г. ее арестовали, но через три месяца без всяких объяснений освободили. В партийной организации, где она состояла, распространилось мнение, будто в тюрьме она предала своих друзей. Вскоре под псевдонимом Лань Пин начала выступать на шанхайской театральной сцене и в кино. Особенно ей удался образ Норы в спектакле по пьесе Г. Ибсена «Кукольный дом». Лань Пин стала известной провинциальной актрисой. Однако в силу личных обстоятельств Цзян Цин вынуждена была пожертвовать актерской карьерой и в 1937 г. появилась в Яньнани, где 19 ноября 1939 г. вышла замуж за Мао Цзэдуна, став его четвертой женой.

После провозглашения КНР по состоянию здоровья и вследствие договоренности между членами руководства КПК Цзян Цин долгое время не принимала участия в политической деятельности.

В 1953 г., приехав в Советский Союз на отдых и лечение, присутствовала на похоронах И. В. Сталина. С 1962 г. вышла на политическую арену. Мао Цзэдун поручил ей контроль над сферой культуры. С конца 1962 г. она стала выступать режиссером «образцовых революционных спектаклей».

Цзян Цин решила начать реформирование культуры с критики пьесы У Ханя «Разжалование Хай Жуя». Предложила руководителям отделов культуры и пропаганды ЦК КПК поддержать ее, но натолкнулась на сопротивление и нежелание с ней сотрудничать. Тогда она обратилась к Кан Шэну, но тот сказал, что сейчас, когда народ голодает, не время говорить о каком-то Хай Жуне. К этому вопросу они вернулись уже во второй половине 1964 г., обратившись за поддержкой к Мао Цзэдуну, который дал согласие на проведение кампании. В феврале 1965 г. Цзян Цин выехала в Шанхай для подготовки публикации критической статьи, так как в Пекине, по ее мнению и мнению Кан Шэна, из-за противодействия сделать это было невозможно. В Шанхае она встретилась с Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюанем. Публикация готовилась в течение семи месяцев, и все это время Цзян Цин была связующим звеном между этими шанхайскими руководителями и Мао Цзэдуном. Статья появилась 10 ноября



Цзян Цин во время суда над ней

1965 г. в шанхайской газете «Вэньхой бао» и стала сигналом к новому массовому движению, получившему вскоре название «великая пролетарская культурная революция».

Убедившись, что кампания критики драмы У Ханя сталкивается с противодействием, Цзян Цин при поддержке Линь Бяо созвала в Шанхае армейское совещание по проблемам литературы и искусства (2–20 февраля 1966 г.). На нем отрицались значительные успехи в этих областях, достигнутые после 1949 г., выдвигались голословные обвинения в том, что за предыдущие годы представители творческих кругов постоянно «навязывали антипартийную, антисоциалистическую черную линию», был брошен призыв «решительно проводить революцию на культурном фронте». Протокол совещания трижды просматривался и редактировался Мао Цзэдуном и затем был доведен до сведения членов КПК.

Цзян Цин была одним из руководителей Группы по культурной революции (ГКР) при ЦК КПК, созданной в мае 1966 г. Ее помощниками стали шанхайские деятели Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань. Все они под руководством Мао Цзэдуна и явились застрельщиками «беспорядков в Поднебесной». Особенно усилилась власть Цзян Цин в феврале 1967 г., после того как Мао Цзэдуном фактически «распустил» Политбюро ЦК КПК и Госсовет КНР, а их функции передал ГКР. «Теперь вы, Чжоу Эньлай, должны являться на наши заседания, так как ваши больше не имеют значения», – заявила она. На IX съезде КПК (апрель 1969 г.) Цзян Цин впервые была избрана членом ЦК, на 1-м пленуме ЦК КПК 9-го созыва введена в состав Политбюро. После X съезда КПК (август 1973 г.) вновь вошла в состав Политбюро ЦК. Однако Мао Цзэдуном не хотел давать Цзян Цин и ее сторонникам слишком большую власть. Даже находясь в тяжелом физическом состоянии в 1971 г., после «дела Линь Бяо», Мао Цзэдуном контролировал ситуацию в руководстве, поддерживая относительное равновесие между соперничавшими группировками. Как утверждают историки КНР, в конце жизни Мао иногда выражал недовольство чрезмерной политической активностью своей жены.

6 октября 1976 г., менее чем через месяц после смерти Мао Цзэдуна, Цзян Цин была арестована. С 20 ноября 1980 г. по 25 мая 1981 г. специальная судебная коллегия при Верховном народном суде КНР провела судебное разбирательство по делу Цзян Цин. Ее обвинили в заговоре против партии. Своей вины она не признала, заявив, что была лишь «болонкой Председателя Мао и кусала тех, кого он велел кусать». В соответствии с Уголовным кодексом КНР 25 января 1981 г. Цзян Цин была приговорена к смертной казни с отсрочкой исполнения приговора на два года и пожизненному поражению в политических правах. Цзян Цин находилась за решеткой

до мая 1984 г., затем режим содержания был изменен на домашний. В 1989 г. ее опять поместили в тюрьму, но вскоре вновь отправили под домашний арест. 14 мая 1991 г. она покончила с собой.

Цзянь Боцзянь 翦伯赞

Цзянь Боцзянь (1898–1968 гг.) – родом из Синьцзяна, уйгур, родился в уезде Таюань провинции Хунань, китайский историк и общественный деятель.

В 1916 г. окончил среднюю школу, поступил в Пекинскую политико-правовую специальную школу, но вскоре перевелся в Учанское коммерческое специальное училище. В 1924 г. отправился в Калифорнийский университет (США) изучать экономику, в 1926 г. вернулся в Китай. Жил в Шанхае, Пекине.

В 1926 г. вступил в народно-революционную армию. Был членом Гоминьдана. После поражения революции в 1927 г. в научной среде развернулась дискуссия по вопросам истории общественного строя в Китае. Цзянь Боцзянь принял в ней участие. Он опубликовал такие работы, как «Сущность аграрного общества в Китае и периодизация его исторического развития» и «Китайское аграрное общество дофеодалного периода». В мае 1937 г. вступил в КПК в Нанкине.

Во время антияпонской войны вел научно-исследовательскую и преподавательскую работу в Ляньтяньской (уезд Ляньтянь провинции Хунань) государственной школе. По окончании войны работал в Шанхае.

В 1938 г. издал книгу «Курс философии истории». В ней он рассматривал такие вопросы, как задачи и специфика исторической науки, рациональность исторического развития, внутренняя связь исторического процесса, развитие общественных формаций в Китае. Цзянь Боцзянь подчеркивал, что историю творит само человечество. В то же время он полагал, что нельзя отрицать и роли личности в истории.

В 1940 г. приехал в Чунцин, затем под руководством Чжоу Эньлая по указаниям КПК до 1946 г. включительно работал в Едином фронте в Чунцине, Нанкине, Шанхае и Сянгане.

С 1942 по 1944 г. он написал первый и второй тома «Очерков истории Китая» («Чжунго ши ган». Т. 1–2), охватывающие период от палеолита до 3 в. н.э. (империи Цинь и Хань) и издал их последовательно в 1943 и 1946 гг.

Цзянь Боцзянь новаторски использовал и проанализировал в очерках все доступные материалы, удалил «невнятные тени, приплывшие из легенд и сказок», превратил доисторическую историю «из истории духов в историю людей». Он рассмотрел первобытное, рабовладельческое и раннефеодалное общества древнего Китая. Вскрыв социально-экономические, политические и культурные аспекты этих эпох. В этой работе, как и в книгах Люй Чжэньюя и Фань Вэньлая по истории, он отказался от старой структуры истории, изображавшей только «генеалогии семей князей и императоров». Автор активно использовал литературные источники на древнекитайском языке, а также материалы археологических раскопок. В 1947 г. он издал «Основы истории Китая», затем «Сборник статей по истории Китая».

В 1949 г. принимал участие в работе Народного политического консультативного совета Китая, был назначен членом комитета по делам культуры и просвещения при Государственном административном совете. В том же году был избран членом Центрального правления Общества китайско-советской дружбы. С 1954 г. депутат Всекитайского собрания народных представителей. В 1955 г. был избран членом Отделения философских и общественных наук АН Китая. Профессор исторического факультета Пекинского университета, работал до культурной революции деканом исторического

факультета Пекинского университета, проректором. Автор многочисленных работ по археологии, древней и средневековой истории Китая. Выезжал на международные конференции по истории в Нидерланды, Францию, Японию.

В 1955 и 1956 гг. входил в состав китайских делегаций на международных конференциях китаеведов в Олд-Пулхейсте и Париже.

Научное творчество Цзянь Боцзянь характеризовалось необычной широтой и разносторонностью. Им написаны десятки статей по древней, средневековой и новой истории Китая. Он исследовал конкретные проблемы археологии, вопросы государственного и частного рабовладения, крестьянские восстания, феодальную экономику, историю культуры.

Особый вклад историка Цзянь Боцзянь заключается в его усилиях по созданию теории и методологии китайской исторической науки. После 1949 г. он придавал большое значение преобразованию старой исторической науки в новую, основанную на марксистских концепциях. В 1959–1962 гг. выступил с серией теоретическо-методологических статей, в которых отстаивал принцип историзма и критиковал упрощенчество, односторонность, категоричность, догматизм и схематизм при изучении отечественной истории в последние годы. В 1959 г. вышли статьи «К вопросу о сочетании истории и теории», «Некоторые существующие вопросы преподавания истории в настоящее время», в 1961 г. – «Предварительные соображения относительно решения некоторых исторических проблем», «О феодальном обществе в Древнем Китае». В 1962 г. он публикует статьи «О крестьянских войнах в китайской древности», «Несколько проблем, существующих ныне в исторических исследованиях». «Чем бессодержательнее – тем лучше, чем отвлеченнее – тем лучше, чем суше – тем лучше, одно время это стало как бы своего рода обычаем, – писал он в 1962 г. в последней статье. – В нашем изучении истории и исторических исследованиях... мы превращаем богатую ярким внутренним содержанием и конкретной жизненностью историю в единообразие, одеревенелые, сухие и пресные догмы, превращаем ее в ровную песчаную пустыню». В том же году он публикует статьи «Некоторые проблемы в изучении Китая и вопрос о национальных связях в китайской истории», «Как подходить к национальным и классовым связям в прошлом». Публикация данных статей вызвала огромный резонанс среди историков; развернулась длившаяся много лет дискуссия об историзме и классовой теории.

В 1962 г. вместе с группой коллег Цзянь Боцзянь подготовил трехтомное учебное пособие для вузов «Очерки истории Китая», доведя изложение событий до новейшего времени.

Он был одним из составителей и ответственным редактором четырехтомных сборников документов «Восстание ихэтуаней» (1951 г.), «Реформы 1898 г.» (1955 г.) и двухтомника «Сведения о различных народностях, содержащихся в китайских хрониках» (1958–1959 гг.).

Уже на начальном этапе культурной революции Цзянь Боцзянь одним из первых подвергся резкой критике на страницах центральной печати и был снят со своих постов, подвергся репрессиям. В декабре 1968 г. покончил жизнь самоубийством. Реабилитирован посмертно в 1979 г.

Чжан Вэньтянь 张闻天

Чжан Вэньтянь (псевдонимы – Ло Фу, Измайлов, Сы Май). Родился 30 августа 1900 г. в провинции Цзянсу (в Наньхое, в настоящее время – Пудун, Шанхай). Умер 1 июля 1976 г. в Уси.

Генеральный секретарь ЦК КПК, главный ответственный руководитель Политбюро ЦК КПК (февраль 1935 г. – май 1940 г.).

Происходил из семьи помещика. В ранние годы учился в Нанкинском училище речного и морского инженерного хозяйства. Находился под влиянием прогрессивного журнала «Синь циннянь» («Новая молодежь»). После начала «движения 4 мая» 1919 г. включился в студенческое движение. Стал заниматься литературно-художественной творческой деятельностью и переводческой работой, писал рецензии на известные труды иностранных писателей, проявил себя как борец за новую культуру. В это время вступил в Нанкине в Научное общество Южного Китая. В 1920 г. выехал на учебу в Японию (Токио), в 1922 г. учился на литературном факультете Калифорнийского университета в США, одновременно работал. Был редактором издававшейся на китайском языке газеты «Датун жибао». Во второй половине 1923 г. вернулся в Китай, работал в издательстве «Чжунхуа» в Шанхае, затем уехал и преподавал в женском педагогическом училище в городе Чунцине (Сычуань), в городе Сучжоу провинции Цзянсу.

В июне 1925 г. в Шанхае по рекомендации Ли Да вступил в КПК, был на подпольной работе. Зимой 1925 г. направлен в Москву учиться в Университет трудящихся Китая имени Сунь Ятсена. В сентябре 1929 г. поступил в Университет красной профессуры, где изучал теорию марксизма и опыт строительства социализма в Советском Союзе; был ассистентом, переводчиком с английского и русского языков, работал в Восточном секретариате Исполкома Коминтерна. Перевел на китайский работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», В.И. Ленина «Пролетарская революция и ренегат К. Каутский», фрагменты из работы «Государство и революция» и др.

В феврале 1931 г. вернулся в Шанхай, назначен заведующим Отделом пропаганды ЦК КПК, заведующим Крестьянским отделом ЦК КПК (по совместительству). В июне 1931 г., после разгрома аппарата ЦК КПК, по решению Коминтерна был сформирован Временный ЦК КПК. Чжан Вэньтянь назначен членом Постоянного комитета Временного Политбюро ЦК КПК, заведующим Отделом пропаганды ЦК. В 1932 г. был заведующим Организационным отделом ЦК КПК. В начале 1933 г. вместе с аппаратом ЦК переехал из Шанхая на Центральную революционную опорную базу в провинции Цзянси, назначен ректором Партийной школы ЦК, заведующим Отделом пропаганды ЦК КПК. В январе 1934 г. на 5-м пленуме ЦК 6-го созыва в Жуйцзине (Цзянси) избран членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, членом Секретариата ЦК КПК. В феврале 1934 г. на 2-м съезде Китайской Советской Республики избран председателем Совета народных комиссаров Центрального правительства Китайской Советской Республики, доизбран членом Центрального революционного военного совета. В октябре 1934 г. принял участие в Великом походе на Северо-Запад.

Накануне совещания в городе Цзуньи выступил в поддержку Мао Цзэдуна. На совещании в январе 1935 г. в г. Цзуньи (провинция Гуйчжоу) по предложению Мао Цзэдуна сделал доклад «Против левоуклонистской военной линии», выступив с ее критикой. Назначен генеральным секретарем ЦК КПК. Чжан Вэньтянь в ходе Великого похода принял участие «в борьбе против раскольнической линии Чжан Готао». В декабре 1935 г. он председательствовал на конференции в Ваяобао, определившей политику единого национального антияпонского фронта. Был одним из тех, кто участвовал в разработке плана мирного урегулирования «Сианьского инцидента» (арест Чан Кайши). В декабре 1937 г. должность генерального секретаря ЦК КПК была упразднена, но Чжан Вэньтянь по-прежнему был главным ответственным руководителем работы ЦК КПК. В мае 1938 г. он назначен директором Института марксизма-ленинизма в Яньани (по совместительству). В сентябре 1938 г. на 6-м пленуме ЦК КПК 6-го созыва выступил с докладом «О проблемах Единого фронта Национальной

войны сопротивления Японии и организации партии в этой войне»; избран членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, членом Секретариата ЦК КПК. С 1942 г. 14 месяцев проводил обследование в деревнях в северной части провинции Шэньси и северо-западной части провинции Шаньси.

Длительное время работал заведующим Отделом пропаганды ЦК КПК (по совместительству), председателем промышленного комитета Северо-Западного Китая, главным ответственным лицом еженедельника «Цзефан» («Освобождение»), редактором журнала «Гунчаньдан жэнь» («Коммунист»). Во время «движения за упорядочение стиля» в Яньани Чжан Вэньтянь критиковал действия Кан Шэна, преследовавшего честных людей. В 1945 г. на 1-м пленуме ЦК КПК 7-го созыва избран членом Политбюро ЦК КПК. После победы в войне сопротивления Японии изъявил желание работать в Северо-Восточном Китае. Весной 1946 г. назначен секретарем Комитета КПК провинции Хэйцзян (ныне – провинция Хэйлунцзян). Весной 1948 г. назначен членом Постоянного комитета регионального Бюро ЦК КПК по Северо-Восточному Китаю, заведующим Организационным отделом (по совместительству), заместителем председателя финансово-экономического комитета Северо-Восточного Китая. В 1949 г. назначен секретарем Комитета КПК провинции Ляодун.

После основания КНР находился на дипломатической работе. Был назначен чрезвычайным полномочным представителем КНР в ООН, но работать там не пришлось, потому что ООН тогда не признавала КНР. В апреле 1951 г. назначен послом КНР в СССР. В конце 1954 г. вернулся в Китай, в 1955 г. получил должность 1-го заместителя министра иностранных дел КНР. В 1956 г. на 1-м пленуме ЦК КПК 8-го созыва избран кандидатом в члены Политбюро. Был членом ПК ВСНП 1-го и 2-го созывов.

На расширенном 8-м пленуме ЦК КПК 8-го созыва в Лушане (2 июля – 16 августа 1959 г.) Чжан Вэньтянь выступил 21 июля с резкой критикой «большого скачка», субъективизма и односторонности в мышлении, призывал обращать внимание на экономические законы, активнее применять материальное стимулирование, внедрять внутрипартийную демократию, свободно обмениваться различными мнениями, включая и противоположные. За это Мао Цзэдун подверг критике Чжан Вэньтяня, а также Пэн Дэхуая, Хуан Кэчэна и Чжоу Сяочжоу. Чжан Вэньтянь был отстранен от работы в МИД. С 1960 г. работал в Институте экономики АН Китая по теме «Теория строительства социалистической экономики». В 1962 г. он отправился на юг Китая для обследования и изучения положения на местах. После этого написал работу «Некоторые мнения относительно рыночной торговли и другие проблемы». В период культурной революции (1966–1976 гг.) он написал такие теоретические работы, как «Политика и экономика при диктатуре пролетариата», «Надо правильно вести внутрипартийную борьбу» и др. Его критиковал Мао Цзэдун.

Чжан Вэньтяня и его жену выслали в провинцию Гуандун, где они пробыли около 6 лет.

1 июля 1976 г. из-за болезни в возрасте 76 лет скончался в ссылке в г. Уси провинции Цзянсу. В 1979 г. Чжан Вэньтянь был посмертно реабилитирован.

Чжан Чуньцяо 张春桥

Чжан Чуньцяо родился в 1917 г. в уезде Цзюйе провинции Шаньдун. Умер 21 апреля 2005 г. в Пекине. По профессии журналист. Его отец был врачом. Чжан Чуньцяо начал писать в 1933 г. В 1930-е годы выступил с критикой писателей Лао Шэ и Лу Синя. В мае 1935 г. в Шанхае Чжан Чуньцяо начал сотрудничать в местных журналах. Выступая под псевдонимом Ди Кэ, он за два с лишним года опубликовал

более 40 статей. Вступил в КПК в апреле 1936 г., будучи в то время активным деятелем Шанхайской ассоциации писателей. В 1942–1943 гг. занимался вопросами культпросветработы в пограничном районе Шаньси–Хэбэй–Шаньдун, которым руководил Не Жунчжэнь. Работал заместителем директора типографии «Синьвэнь» и исполняющим обязанности директора Восточнокитайского филиала агентства «Синьхуа». В 1951 г. возглавил газету «Цзефан жибао», орган шанхайского горкома партии, а в 1954 г. стал заместителем главного редактора «Жэньминь жибао». В январе 1954 г. в составе делегации журналистов посетил СССР, а в ноябре того же года опубликовал книгу о своих впечатлениях от поездки. В 1956 г. Чжан Чуньцяо вновь приехал в СССР. В Ленинграде во время экскурсии на крейсере «Аврора» он встал на колени и поцеловал палубу «корабля революции». В 1950-е годы выступил с призывами «ликвидировать буржуазное право» (которые повторил уже в период культурной революции). Чжан Чуньцяо предлагал заменить зарплату по труду уравниловкой и ввести «всеобщую» диктатуру пролетариата – эти идеи понравились Мао Цзэдуну.

После начала культурной революции стал одним из руководителей Группы по культурной революции при ЦК КПК. В январе 1967 г. при его содействии в результате «январского штурма» было свергнуто руководство Шанхайского горкома КПК и создана «шанхайская коммуна». Он предлагал создать такую коммуны в масштабах всей страны (собственно говоря, переименовать КНР в Китайскую Народную Коммуну), но Мао Цзэдун эту инициативу не поддержал, ссылаясь на возможные трудности с признанием такого государства на мировой арене. В Шанхае был создан «ревком».

Весной 1968 г. принимал активное участие в создании ревкомов в провинциях Цзянсу, Чжэцзян и Аньхой и выступил с «важными речами» на учредительных митингах. На IX съезде КПК (апрель 1969 г.) был избран членом ЦК, на I пленуме ЦК КПК 9-го созыва введен в состав Политбюро ЦК. С января 1971 г. являлся первым секретарем Шанхайского горкома КПК. После X съезда партии в 1973 г. стал членом Политбюро. В январе 1975 г. на 1-й сессии ВСНП 4-го созыва выступил с докладом об изменениях в Конституции КНР и был назначен заместителем премьера Госсовета. С того времени занимал пост начальника Главного политуправления НОАК.

После смерти Мао Цзэдуна и ареста «четверки», в том числе и его самого, на 3-м пленуме ЦК КПК 10-го созыва (июль 1977 г.) был исключен из рядов КПК и снят со всех должностей внутри и вне партии.

С 20 ноября 1980 г. по 25 января 1981 г. специальная судебная коллегия провела разбирательство по делу «контрреволюционной группировки» Цзян Цин. В январе 1981 г. специальным трибуналом Верховного народного суда КНР Чжан Чуньцяо был приговорен к смертной казни с отсрочкой исполнения приговора на два года и к пожизненному поражению в политических правах.

В январе 1983 г. палата по уголовным делам при Верховном народном суде КНР заменила смертный приговор Чжан Чуньцяо (так же, как и приговор Цзян Цин) пожизненным лишением свободы. В декабре 1997 г. пожизненное заключение было сокращено до 18 лет, а поражение в политических правах до 10 лет.

С 1998 г. находился на лечении в госпитале. Скончался 21 апреля 2005 г. Сообщение о смерти Чжан Чуньцяо было обнародовано агентством «Синьхуа» только 10 мая 2005 г., т.е. через 19 дней после его кончины.

Чжоу Эньлай 周恩来

Чжоу Эньлай (псевдонимы У Хао, Москвин, Су Гуан, Шао Шань, Чжоу Шао-шань) родился 5 марта 1898 г. в Хуайани провинции Цзянсу. Умер 8 января 1976 г. в Пекине.

Премьер Государственного административного совета (1949–1954 гг.), премьер Государственного Совета КНР (1954–1976 гг.), заместитель председателя ЦК КПК (1956–1966 гг., 1973–1976 гг.), член Политбюро ЦК КПК, заместитель председателя и председатель ВК НПКСК (1949–1976 гг.).

Происходил из обедневшей семьи ученого сословия шэньши. Отец, рано овдовев, отдал 9-летнего сына в семью своего бездетного брата. Через год его взял к себе на воспитание другой дядя по отцу, служивший офицером полиции в Маньчжурии. Здесь мальчик стал посещать начальную школу, организованную при поддержке иностранных миссионеров, где наряду с китайской классической литературой читал произведения Ч. Дарвина, Ж.-Ж. Руссо и других европейских авторов, знакомился с китайской патриотической публицистикой, начал изучать английский язык.

В 1913 г. Чжоу Эньлай поступил в Нанькайскую среднюю школу в Тяньцзине. Летом 1917 г. окончил школу, был отмечен как наиболее отличившийся на выпускных экзаменах. В сентябре 1917 г. по приглашению одного из своих школьных друзей уехал в Японию. В 1917–1919 гг. учился в Университете Васэда. В апреле 1919 г. Чжоу Эньлай вернулся в Тяньцзинь и вскоре активно включился в патриотическое движение против условий Версальского мирного договора 1919 г. о передаче Японии бывших германских колониальных владений в Китае. Осенью 1919 г. он был зачислен студентом Нанькайского университета, одновременно работал техническим сотрудником в ректорате. Узнав о революционных событиях в России, Чжоу Эньлай стал инициатором встреч студентов с преподавателем Пекинского университета С. Полевым, выпускником Дальневосточного университета. Во время этих встреч молодежь обсуждала проблемы, связанные с местом и ролью в истории социалистов, анархистов, чартистов и особенно коммунистов.

В августе 1919 г. Чжоу Эньлай опубликовал статью с резкой критикой действий прояпонских настроенных милитаристов провинции Шаньдун, подвергших репрессиям местных студентов. Участники студенческого митинга, созданного по его инициативе, направили своих делегатов в Пекин для вручения резолюции протеста правительству и установления связей со столичным студенчеством. Когда пекинские власти арестовали их, Чжоу Эньлай включился в организацию массового похода тяньцзиньских студентов на Пекин с требованием освобождения задержанных. Власти вынуждены были уступить. 6 сентября 1919 г. в Тяньцзине состоялось собрание, посвященное созданию патриотической студенческой организации – «Общество пробуждения сознания» (*цзюэ у шэ*), на котором Чжоу Эньлай выступил с призывом к свержению власти милитаристов, компрадорской буржуазии и бюрократов. Позже он пригласил на заседание ассоциации одного из первых китайских марксистов, профессора Пекинского университета Ли Дачжао, встречался также с одним из основателей КПК Чэнь Дусю. В январе 1920 г. во время разгона массового митинга Чжоу Эньлай был арестован. Его отчислили из университета, и после выхода из тюрьмы он включился в движение за отъезд молодежи на учебу и работу в Европу, чтобы продолжить образование во Франции по правительственной программе. В 1920–1924 гг. работал и учился во Франции и Германии, был одним из создателей Коммунистического союза молодых китайцев, проживающих в Европе (куда входили Цай Хэсэнь, Ли Лисань, Дэн Сяопин, Ли Фучунь, Чэнь И и др.), стал редактором и основным автором ее печатного органа – журнала «La Jeunesse» («Молодежь»). С июня 1922 г. – секретарь объединенной ячейки Коммунистического союза молодых китайцев, проживающих в Европе. После установления летом 1922 г. связи с КПК члены лиги с участием представителей коммунистических кружков китайцев, проживавших в Европе, приняли решение о вхождении в КПК и создали ее европейскую секцию.

В сентябре 1924 г. по указанию руководства КПК Чжоу Энълай вернулся в Китай, в Гуанчжоу, где находилось революционное правительство во главе с Сунь Ятсеном. Он стал секретарем Гуандун-Гуансийского комитета КПК и начальником его военного отдела, а затем начальником политотдела военной школы Хуанпу (Вампу), созданной в мае 1924 г. при участии советских военных советников и инструкторов. Начальником школы Вампу был Чан Кайши. С 1925 г. Чжоу Энълай – начальник политотдела 1-го корпуса НРА; участвовал в Восточном походе НРА против милитариста Чэнь Цзюньмина, внес большой вклад в укрепление революционной опорной базы в Гуандуне и в подготовку Северного похода НРА. В 1926 г. в Гуанчжоу вел занятия по военному делу на курсах организаторов крестьянского движения.

С 1926 г. находился на партийной подпольной работе в Шанхае. В марте 1927 г. руководил вооруженным восстанием Шанхайских рабочих. На V съезде КПК в 1927 г. избран членом ЦК, являлся одним из руководителей Наньчанского восстания 1 августа 1927 г. В начале 1928 г. Чжоу Энълай при содействии Коминтерна нелегально прибыл в СССР. Участвовал в июне–июле того же года в Подмосковье в работе VI съезда КПК, был избран членом Политбюро, секретарем ЦК и заведующим Орготделом ЦК КПК. На VI конгрессе Коминтерна в Москве был избран кандидатом в члены Исполкома Коминтерна. В октябре 1928 г. нелегально вернулся в Шанхай и до середины 1931 г. работал в подполье заведующим Орготделом ЦК КПК, секретарем Военного совета ЦК. Летом 1930 г. нелегально выехал в СССР для доклада ИККИ о деятельности КПК, 5 июня 1930 г. от имени своей партии в Москве приветствовал участников XVI съезда ВКП(б). В декабре 1931 г. он перебирается в Центральный советский район, где становится секретарем Центрального бюро ЦК КПК, главным политкомиссаром Рабоче-крестьянской Красной армии Китая и политкомиссаром 1-го фронта, заместителем председателя Реввоенсовета ЦК. В январе 1935 г. на совещании в Цзуньи он поддерживает Мао Цзэдуна, становится заместителем председателя Реввоенсовета ЦК КПК, вскоре введен в группу военного командования, возглавляемую Мао Цзэдуном. В 1935 на VII Конгрессе Коминтерна избран членом ИККИ.

В декабре 1936 г. во время «Сианьских событий» (арест Чан Кайши) Чжоу Энълай сыграл активную роль в мирном урегулировании конфликта и в феврале–сентябре 1937 г. во главе делегации КПК провел шесть раундов переговоров с делегацией Гоминьдана о формировании единого национального фронта борьбы против японских агрессоров. В 1937–1945 гг. был представителем ЦК КПК в Ухане и Чунцине в рамках единого национального фронта сопротивления Японии, одновременно являлся заместителем секретаря Чанцзянского бюро ЦК КПК, секретарем Южного бюро ЦК КПК.

В августе 1939 г., приехав по делам в Яньань, где находились ЦК КПК и Политбюро ЦК, Чжоу Энълай при падении с лошади сломал руку и для лечения был направлен в СССР. В марте 1940 г. вернулся в Яньань, а оттуда – в Чунцин.

В феврале 1942 г. Мао Цзэдун развернул массовую кампанию «по упорядочению стиля» (*чжэн фэн*), направленную на уничтожение своих противников. Чжоу Энълай принимал участие в этой кампании.

Весной 1943 г. он выступил в Чунцине на собрании сотрудников Южного бюро ЦК КПК с двумя докладами: «Об отношениях КПК с Гоминьданом в 1924–1926 гг.» и «Как стать хорошим руководителем», а также написал в качестве самокритики иностранную записку-исповедь «Основные принципы моей работы над собой», датированную 18 марта 1943 г. О кампании чжэн фэн стало известно в Москве, и Г. М. Димитров 22 декабря 1943 г. обратился с личным письмом к Мао Цзэдуну, где выразил озабоченность свертыванием КПК борьбы с японскими оккупантами и отклонением

от политики единого национального фронта, а также указанной кампанией: «...считаю политически неправильной проводимую кампанию против Чжоу Эньлая и Ван Мина, которым инкриминируется... политика национального фронта, в итоге которой они якобы вели партию к расколу. Таких людей, как Чжоу Эньлай и Ван Мин, надо не отсекал от партии, а сохранять и всемерно использовать для дела партии».

На VII съезде КПК в 1945 г. Чжоу Эньлай был избран членом ЦК КПК, вошел в Политбюро и Секретариат ЦК КПК (переизбирался до X съезда включительно). В августе 1945 г., накануне капитуляции Японии, он вместе с Мао Цзэдуном прибыл в Чунцин для переговоров с Гоминьданом и участвовал в подготовке соглашения, в соответствии с которым КПК и Гоминьдан обязались добиваться решения мирным путем проблем послевоенного демократического переустройства Китая. С ноября 1946 г. по 1949 г. Чжоу Эньлай был начальником Генштаба НОАК; в сентябре 1948 г. – январе 1949 г. – одним из руководителей трех крупных операций НОАК (Ляоси-Шэньянской, Бэйпин-Тяньцзиньской, Хуайхайской).

После образования КНР он становится премьером Государственного административного совета (1949–1954 гг.); заместителем председателя Народного Революционного Военного Совета, членом правления Общества китайско-советской дружбы. В 1949–1976 гг. – заместитель председателя Военного совета ЦК КПК. 14 февраля 1950 г. Чжоу Эньлай подписал в Москве Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР. В 1954–1976 гг. – премьер Госсовета КНР, одновременно по совместительству являясь министром иностранных дел, председателем Всекитайского комитета НПКСК, депутатом ВСНП. В 1956 г. стал заместителем председателя ЦК КПК (до начала культурной революции в 1966 г.). С 1973 г. вновь занимал этот пост.

После краха «большого скачка» и коммунизации деревни Чжоу Эньлай был одним из разработчиков (совместно с Лю Шаоци, Чэнь Юнем и Ли Фучунем) курса на «урегулирование, укрепление, пополнение и повышение» народного хозяйства. В результате осуществления этого курса страна стала выходить из тяжелого экономического положения, в котором оказалась. Однако процесс оздоровления экономики был прерван «культурной революцией» Мао Цзэдуна. Чжоу Эньлай поддержал её. В дальнейшем помогал Мао Цзэдуну сохранить контроль и власть над партией и государством.

В 1968 г. на пленуме ЦК КПК он выступил с докладом, в котором назвал Лю Шаоци «предателем, провокатором и штрейкбрехером». Тот был исключен из КПК и в 1969 г. погиб в тюрьме.

Дэн Сяопин, такой же приверженец и последователь Мао Цзэдуна, как и Чжоу Эньлай, оправдывал последнего, а заодно и себя: «Чжоу Эньлай был в крайне трудном положении и говорил и делал много того, чего не хотел бы. Но люди простили ему, потому что, если бы он не делал и не говорил этого, он не смог бы выжить и сыграть нейтрализующую роль, которая уменьшила потери».

В ходе культурной революции Мао Цзэдуна Чжоу Эньлай убеждал хунвэйбинов в том, что он «проводит линию Председателя Мао», а не «сторонников капиталистического пути».

Чжоу Эньлай не защитил от преследований свою приемную дочь, талантливую актрису и режиссера Сунь Вэйши, в свое время учившуюся в СССР. Она была репрессирована как «советская шпионка», замучена в тюрьме во время культурной революции. Чжоу Эньлай был заодно с Мао Цзэдунем и во время созданного тем «дела Лю Шаоци», и во время «дела Линь Бяо».

После гибели Лю Шаоци (1969 г.) и Линь Бяо (1971 г.) в итоге X съезда КПК в 1973 г. Чжоу Эньлай вновь стал заместителем председателя ЦК КПК. В 1975 г. на

1-й сессии ВСНП 4-го созыва сделал доклад о работе правительства КНР, в котором снова поставил задачу осуществления «четырёх модернизаций» – «промышленности, сельского хозяйства, обороны, науки и техники» Китая. Первым вопросом о модернизациях выдвинул Лю Шаоци. У него это была «мирная модернизация», т.е. усовершенствование промышленности, сельского хозяйства, науки и техники. Спустя несколько лет Чжоу Эньлай, выражая точку зрения Мао Цзэдуна, поставил вопрос о «военной модернизации», выдвинув фактически на передний план модернизацию военного потенциала, к которой присоединил усовершенствования промышленности, сельского хозяйства, науки и техники.

Чжоу Эньлай участвовал в Женевской конференции министров иностранных дел пяти держав (апрель–июль 1954 г.). В июле 1954 г., после его визитов в Индию и Бирму, в совместных заявлениях сторон была провозглашена формула «пяти принципов мирного сосуществования», в разработке которой он активно участвовал (взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; ненападение; невмешательство во внутренние дела друг друга; равенство и взаимная выгода; мирное сосуществование). Эти принципы были зафиксированы в китайско-индийском соглашении от 29 апреля 1954 г. Он возглавлял делегации КНР на Женевском совещании по Индокитаю (1954–1959 гг.), на Бандунгской конференции (1955 г.).

Чжоу Эньлай участвовал в советско-китайских переговорах в Москве в 1950 г. Во главе делегации КПК присутствовал на XXII съезде КПСС в 1961 г. В последний раз в СССР он побывал в ноябре 1964 г. на праздновании 47-й годовщины Октября. Выполняя поручение Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлай тогда потребовал от пришедшего на смену Н. С. Хрущеву советского руководства отказаться от решений XX, XXI, XXII съездов КПСС.

Чжоу Эньлай активно поддержал политику Мао Цзэдуна по подготовке к войне, в результате чего было осуществлено нападение на СССР на границе с применением оружия в 1969 г. Он не ответил после событий на острове Даманском на звонок главы правительства СССР А. Н. Косыгина в Пекин с предложением прекратить стрельбу.

Под давлением настоячивых советских предложений о прекращении огня и начале переговоров, а также ситуации внутри руководства КПК, 11 сентября 1969 г. в Пекинском аэропорту Чжоу Эньлай был вынужден встретиться с А. Н. Косыгиным и согласиться на предложение СССР прекратить военные действия и вступить в переговоры.

В 1972 г. врачи обнаружили у Чжоу Эньлая рак, он перенес 14 операций. Весной 1974 г. его здоровье резко ухудшилось, он постоянно находился в госпитале, но не прекращал заниматься делами Госсовета. 13 января 1975 г. выступил с докладом на сессии ВСНП.

Чжоу Эньлай наряду с Кан Шэном был одним из двух главных помощников Мао Цзэдуна при проведении тем вредоносного политического курса как в отношении народа Китая, так и в отношении СССР.

Чжоу Ян 周扬

Чжоу Ян (настоящее имя – Чжоу Циин) родился в 1908 г. в уезде Иян провинции Хунань, известный литературовед, литературный критик.

В Китае окончил университет «Даси», продолжал образование в Японии. Здесь познакомился с марксизмом. По возвращении на родину был секретарем Лиги левых писателей в Шанхае. Во время войны против японских захватчиков (1937–1945 гг.) – начальник Управления просвещения пограничного района Шэньси–Ганьсун–Нинся,

декан литературного факультета Академии искусств имени Лу Синя, ректор Яньаньского университета. Автор литературно-критических работ. Перевел на китайский язык роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина». В 1946 г. Госдепартамент США пригласил его в Америку для чтения лекций, но из-за препятствий со стороны гоминьдановского правительства поездка не состоялась. Был заместителем заведующего Отделом агитации и пропаганды ЦК КПК, депутатом ВСНП, заместителем председателя Ассоциации работников литературы и искусства Китая.

Чжу Дэ 朱德

Чжу Дэ родился 1 декабря 1886 г. в уезде Илун провинции Сычуань. Умер 6 июля 1976 г. в Пекине. Главнокомандующий Красной армией Китая, затем Народно-освободительной армией Китая (НОАК).

Происходил из многолетней крестьянской семьи. Предки были выходцами из Гуандуна. Воспитывался в семье дяди, который приложил немало усилий, чтобы дать ему образование. В шесть лет начал учиться в сельской, а с 1895 г. – в городской частной школе. В 1905 г. поступил в современную школу в Чунцине. Здесь впервые встретился с противниками правящей маньчжурской династии Цин (1644–1911 гг.). Осенью 1905 г. юноша вошел в число 20 победителей конкурса на степень *сюэца* в уездном городе Илун. Его внимание привлекло недавно открытое в Чэнду государственное педагогическое училище, при котором имелось отделение физического воспитания с годичным сроком обучения. Преподавание физкультуры как специальности было новшеством для китайской школы. Чжу Дэ поступил на это отделение. После окончания в 1907 г. вернулся в родные места, работал преподавателем физкультуры и одновременно управляющим школы. Однако вскоре местные власти закрыли школу, а физкультуру назвали «непристойным» предметом. Чжу Дэ был вынужден отправиться в Куньмин – столицу провинции Юньнань, где вступил в армию. В 1909 г. он решил поступить в военное училище нового образца в Куньмине, которое закончил в июле 1911 г.

К началу XX в. армия все активнее выдвигается на авансцену общественно-политической жизни Китая, а военная профессия становится престижной. Среди части офицерского корпуса, познакомившегося с европейским и японским образцами обучения, стали распространяться настроения, оппозиционные монархическому режиму: уже действовала нелегальная революционная организация Сунь Ятсена Тунмэнхой (Союзная лига, или Объединенный союз). В конце 1909 г., в канун Синьхайской революции, Чжу Дэ вступил в эту организацию. В июле 1910 г. как один из лучших курсантов был зачислен в специальную группу ускоренной военной подготовки. За два года учебы в училище Чжу Дэ овладел основами военной науки и практики, получил физическую и нравственную закалку. Окончив летом 1911 г. училище, юноша сразу же оказался в водовороте вооруженной борьбы за свержение монархии. Уже в первых боях проявились военный талант и личное мужество Чжу Дэ. За 6 лет службы в Юньнаньской армии прошел путь от командира взвода до командира бригады – генерала; участвовал в боях на границе с Вьетнамом, сражался против сторонников Юань Шикая, воевал в частях региональных милитаристов. Разочарованный результатами Синьхайской революции, как и многие его современники, Чжу Дэ пережил глубокий духовный кризис. Он писал стихи (18 стихотворений были напечатаны Обществом поэзии в двух сборниках в 1939 г.), в которых выразил свои опасения и возмущение междоусобными войнами милитаристских группировок. Переживая духовный

кризис, Чжу Дэ одно время даже пристрастился к курению опиума. Впоследствии благодаря сильной воле сумел избавиться от этой дурной привычки.

В июле 1922 г. в Шанхае он встретился с лидерами Гоминьдана – Сунь Ятсеном, Ван Цзинвэем и Ху Ханьмином. Они, пообещав Чжу Дэ 100 тыс. юаней, предложили ему сформировать армию в провинции Гуанси и помочь им в боях против гуандунского милитариста Чэнь Цзюньмина. Но Чжу Дэ отказался, сказав Сунь Ятсену, что потратил на ошибочную тактику использования одних милитаристов против других 11 лет своей жизни и что окончательно решил ехать в Европу изучать марксистскую теорию и военное дело.

В сентябре 1922 г. Чжу Дэ установил контакты с представителями китайских коммунистов. В Шанхае он встретился с Чэнь Дусю, генеральным секретарем ЦК КПК. На просьбу принять его в КПК Чжу Дэ получил отказ из-за своего участия в войнах милитаристов. Он покидает родину, с группой студентов едет в Германию, поступает на факультет социологии и философии Университета имени Георга Августа в Гёттингене.

В ноябре 1922 г. Чжу Дэ по рекомендации Чжоу Энъяля и Чжан Шэньфу, ответственного за оргработу в германской секции европейского отделения КПК, вступил в партию. Три года в Германии (октябрь 1922 г. – июль 1925 г.) он знакомится с марксистско-ленинской литературой, изучает политические науки и повышает свою военную квалификацию, изучает опыт Первой мировой войны, тактику и оперативное искусство европейских армий, ведет нелегальную работу среди китайских студентов. Еще в Гёттингене, а затем в Берлине он включается в работу ячеек Гоминьдана. Перед ним стояла задача – вовлекать старых членов Союзной лиги в реорганизованный Гоминьдан, укреплять единый национальный фронт между КПК и Гоминьданом. Чжу Дэ становится активным функционером Гоминьдана, в частности 3 января 1925 г. избирается членом исполкома германской секции Гоминьдана, ему поручают оргработу и издание печатного органа «Минсин». Чжу Дэ пользуется авторитетом в студенческом землячестве, его избирают председателем Союза китайских студентов, обучающихся в Германии. Политическая деятельность Чжу Дэ не осталась незамеченной немецкой полицией; он дважды был арестован, а потом выслан из Германии.

С помощью Международной организации помощи борцам революции Чжу Дэ 4 июля 1925 г. приехал в Ленинград, а затем в Москву. Учился в КУТВ и на военных курсах в подмосковном поселке Малаховка. Большое влияние на Чжу Дэ оказали военные идеи М. В. Фрунзе, как свидетельствует его статья «О некоторых основных принципах тактики» (июнь 1933 г.). Во время учебы он начал разработку принципов ведения партизанской войны в Китае, сформулированных им позднее в виде знаменитых «Шестнадцати иероглифов» и одобренных Мао Цзэдуном в начале их совместного руководства первыми отрядами Красной армии Китая: «Враг наступает – мы отступаем, враг остановился – мы ждем, враг утомился – мы бьем, враг отступает – мы наступаем». В Китай он возвращается в июле 1926 г.

Полководческий талант Чжу Дэ, обогащенный новым мировоззрением, политическим кругозором и разносторонней военно-теоретической подготовкой, с особой силой проявился после того, как КПК в 1927 г. развернула вооруженную борьбу против гоминьдановской контрреволюции. Первой военной акцией, предпринятой КПК в этой борьбе, явилось Нанчаньское восстание 1 августа 1927 г., одним из организаторов и руководителей которого был Чжу Дэ. Это событие стало днем рождения Красной армии Китая (с 1946 г. – НОАК).

Красная армия рождалась в тяжелейших условиях поражения демократических сил и спада революционной волны, подавляющего военного превосходства

противника, антикоммунистического террора. Первые части Красной армии возникли из разрозненных повстанческих отрядов. Главной формой боевых действий стала партизанская война.

В 1927 г. Чжу Дэ написал один из первых строевых уставов пехоты, Устав нестроевой службы на фронте и другие наставления, в которых был учтен военный опыт Китая после Синьхайской революции и использованы знания, полученные Чжу Дэ во время его пребывания в Германии и СССР.

В конце января 1928 г. 1-я дивизия Чжу Дэ в бою под Пинши разбила дивизию гоминьдановских войск Сюй Кэсяна, захватив свыше 1 тыс. пленных и 2 тыс. винтовок. Вскоре его дивизия выросла вдвое – до 2 тыс. человек.

В 1930 г. Чжу Дэ был назначен главнокомандующим Красной армией Китая. Эту армию в Китае обычно называли «Армия Чжу (Дэ) – Мао (Цзэдуна)». Имя Чжу Дэ упоминалось по заслугам раньше, чем имя Мао Цзэдуна.

Он заслужил авторитет и уважение соратников благодаря не только военному таланту и доблести, но и своим человеческим качествам.

В статье «О некоторых основных принципах тактики» (1933 г.) Чжу Дэ изложил ряд выводов, следовавших из практики борьбы коммунистов против четырех походов Гоминьдана. Эти тактические принципы применялись вооруженными силами компартии в течение последующих лет.

Нападение Японии на Китай 7 июля 1937 г. ускорило образование единого антияпонского национального фронта. Основные силы Красной армии в результате политических переговоров между КПК и Гоминьданом 23 августа 1937 г. были преобразованы в 8-ю армию Национально-революционной армии (НРА). Чжу Дэ был назначен командующим 8-й армией, Пэн Дэхуай – его заместителем, Е Цзяньбин – начальником штаба, Жэнь Биши – начальником политотдела, Дэн Сяопин – его заместителем.

Первое успешное сражение против японской армии произошло под Пинсингуанем, когда 115-я дивизия 8-й армии под командованием Линь Бяо и 120-я – под командованием Пэн Дэхуая, устроив засаду, разгромили японскую 21-ю бригаду. Противник потерял свыше 3 тыс. убитыми, 1 тыс. винтовок, 40 пулеметов и минометов, 100 грузовиков, 200 повозок. Потери 115-й дивизии составили 1 тыс. убитыми и ранеными. Чжу Дэ, проанализировав ход Пинсингуаньского сражения, сделал вывод, что 8-я армия должна превзойти врага, невзирая на его преимущества (новое вооружение и продолжительное обучение), неожиданностью атаки, быстротой действий, выбором выгодных мест и времени, концентрацией превосходящих сил с лучшим вооружением и внезапным ударом по его слабым местам, решительным уничтожением его.

Под руководством Чжу Дэ и Пэн Дэхуая в августе 1940 г. 8-я армия начала «битву ста полков» (*байтуань дачжань*) – самую крупную за все время войны операцию против японских войск в Северном Китае (в операции, продолжавшейся три с половиной месяца, участвовали 105 полков 8-й армии численностью более 200 тыс. человек). Ее целью было разрушение коммуникаций и опорных пунктов противника, прорыв блокады антияпонских опорных баз, предотвращение японского наступления на Сиань, воодушевление личного состава армии и населения, преодоление капитулянтских настроений в Гоминьдане. Подводя итоги военных действий за 7 лет антияпонской войны (к июлю 1944 г.), Чжу Дэ отмечал, что 8-я и Новая 4-я армии уничтожили, ранили и взяли в плен 1,1 млн солдат и офицеров противника, установили контроль над территорией с населением 80 млн человек, создали в Северном, Центральном и Южном Китае 15 крупных и небольших антияпонских опорных баз, организовали двухмиллионное народное ополчение.

5 июля 1945 г. на VII съезде КПК в Яньани Чжу Дэ сделал доклад «О фронте освобожденных районов». В нем он обобщил опыт борьбы руководимых КПК вооруженных сил, создания и развития освобожденных районов, подверг критике военную линию Гоминьдана и показал значение боевых успехов сил КПК в Войне сопротивления Японии. Отметив благоприятные для Китая изменения в международной обстановке, он подчеркнул необходимость подготовки к участию в общем контрнаступлении на японские позиции и переходу от партизанской войны к маневренной, наметил конкретные задачи войск КПК.

О выдающихся заслугах Чжу Дэ в борьбе за освобождение Китая говорил в 1946 г. Чжоу Эньлай в поздравлении по случаю его 60-летия: «Дорогой главнокомандующий! Своей борьбой на протяжении десятков лет ты завоевал себе известность во всем мире, который признает тебя спасителем китайской нации, вожаком трудового народа, основателем и руководителем народной армии!.. Я знаю тебя 25 лет, и меня всегда поражала твоя простота в общении с людьми, твоя твердость и непреклонность. Именно в этом твое величие! Оно реально проявляется в теплой заботе о народе, в жгучей ненависти к врагу».

Чжу Дэ с 1934 г. и до конца своей жизни входил в состав Политбюро ЦК КПК, в 1945 г. был избран секретарем ЦК КПК, в 1946–1954 гг. – главнокомандующий НОАК. После образования КНР в 1949 г. работал на высших государственных постах – с 1954 г. заместителем председателя Центрального народного правительства КНР, заместителем председателя Государственного комитета обороны КНР и заместителем председателя Военного совета ЦК КПК, в 1954–1959 гг. – заместителем председателя КНР, а с 1959 и до дня своей смерти в 1976 г. оставался председателем Постоянного комитета ВСНП.

Выступления Чжу Дэ в 1950–1951 гг. были посвящены освоению новых вооружений, современных средств ведения военных действий: «...первым делом надо освоить технику, после чего взяться за тактику, а уж затем – за взаимодействие различных родов войск».

В 1955 г., когда в НОАК были введены воинские звания, Чжу Дэ и другим девяти военачальникам было присвоено звание маршала КНР.

Награжден орденами «1-го августа», «Независимости и свободы», «Освобождения» 1-й степени.

На всех занимаемых им постах Чжу Дэ служил примером принципиальности и дисциплинированности, боролся за единство и сплоченность партии. Выступал против отрицания экономических законов, «коммунизации» китайского крестьянства. В период «большого скачка» в беседах с руководителями местных партийных организаций (февраль–июль 1959 г.) Чжу Дэ критиковал создание общих бесплатных столовых на селе и военизацию жизни крестьян, что было характерно для народных коммун. Организацию коммун он характеризовал как «пагубный вихрь». В начале 1962 г. выступил на расширенном совещании ЦК КПК с резкой критикой процветавшего в стране субъективизма, командного стиля, кампаний по борьбе с «уклонами».

Когда в ходе культурной революции Мао Цзэдуна многие руководители партии и страны, прежде всего Лю Шаоци, а также видные военачальники Хэ Лун, Чэнь И, Сюй Сянцян, Не Жунчжэнь, Е Цзяньин подверглись нападкам и преследованиям, Чжу Дэ не стал молчать. На расширенном заседании Политбюро ЦК КПК 15 декабря 1966 г. он выступил против огульных обвинений в «контрреволюционной деятельности» в их адрес. В ответ Цзян Цин инспирировала распространение хунвэйбинами листовок и дацзыбао с призывами: «Огонь по Чжу Дэ», «Долой Чжу Дэ», называя его

«милитаристом, втершимся в партию», «карьеристом, узурпировавшим власть в партии и армии», «черным главнокомандующим».

18 октября 1969 г. 83-летний Чжу Дэ в числе других видных деятелей КПК, на которых наклеили ярлык «старых оппортунистов», был выслан из Пекина в Гуандун, где прожил под строгим надзором до июля 1970 г.

После изменения ситуации в Пекине (в связи с обострением борьбы между Мао Цзэдуном и Линь Бяо и гибелью последнего в Монголии) Чжу Дэ вернулся в столицу. На 1-й сессии ВСНП 4-го созыва (январь 1975 г.) он вновь становится председателем Постоянного комитета ВСНП.

Чжу Дэ известен своим стремлением к развитию и укреплению дружбы и сотрудничества с СССР. Встречаясь с советскими людьми, приезжая в Москву, он всегда призывал к добрососедским отношениям между Китаем и СССР. В 1956 г. был главой делегации КПК на XX съезде КПСС в Москве.

Чэнь Бода 陈伯达

Чэнь Бода родился в 1904 г. в провинции Фуцзянь, учился в Цзимэйской средней школе, в Шанхайском рабочем университете и в Университете имени Сунь Ятсена в Москве. После окончания рабочего университета служил в армии чиновником в войсках под командованием Чжан Чжэня, в 1927 г. тайно вступил в КПК. Был личным секретарем Чжан Чжэня, который считал его ценным сотрудником и позднее, во время культурной революции, когда Чэнь Бода был арестован за поддержку Линь Бяо, активно, хотя и безуспешно, заступался за него перед властями.

В конце 1920-х годов Чэнь Бода несколько лет провел в тюрьме в Нанкине. В 1927 г. после освобождения из заключения поехал в Москву и поступил в Университет имени Сунь Ятсена, где вошел в так называемую «фракцию» КПК, во время партийной чистки в КПК получил взыскание за «фракционность». В 1931 г. после возвращения в Китай начал изучать теорию марксизма. Вел подпольную работу в Тяньцзине. В 1937 г., с началом китайско-японской войны, переехал в Яньань. Вскоре среди яньаньских «теоретиков» стал одним из самых известных. Из-за нехватки высококвалифицированных преподавателей и учитывая опыт преподавания Чэнь Бода в Пекине на литературном факультете, его пригласили преподавать в Яньани. Вскоре он уже преподаватель Центральной партийной школы, директором которой был Кан Шэн. 5 мая 1938 г. в Яньани создается Институт марксизма-ленинизма, директором которого назначается Чжан Вэньтянь. Чэнь Бода преподает в институте историю, марксистско-ленинские знания, философию.

Чэнь Бода работал в ЦК КПК в качестве лектора Партшколы и руководителя китайского исследовательского бюро, кроме того, с 1939 г. по рекомендации Чжан Вэньтяня стал политическим секретарем Мао Цзэдуна. В апреле 1945 г. на VII съезде КПК был избран кандидатом в члены ЦК. В 1945 г. в течение некоторого времени после победы над Японией выполнял задания КПК в Гонконге. В 1946 г. стал членом ЦК КПК 7-го созыва. С октября 1949 г. по июль 1955 г. был заместителем заведующего Отделом пропаганды ЦК КПК, в 1949 г. – заместителем директора Института марксизма-ленинизма в Пекине. С октября 1949 г. по октябрь 1954 г. являлся заместителем председателя комитета по вопросам культуры и образования Государственного административного совета. С декабря 1949 г. по февраль 1950 г. сопровождал Мао Цзэдуна в поездке в СССР. В июне 1955 г. стал членом отделения философских и общественных наук Академии наук Китая. В ноябре 1957 г. в составе партийной делегации КПК участвовал в работе совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве.

С 1958 г. – главный редактор теоретического и политического журнала «Хунци». Известен своими книгами «Четыре семейства Китая» и «Чан Кайши – враг китайского народа», переведенными и изданными в Москве в 1948 и 1950 гг.

Во время культурной революции был назначен руководителем Группы по культурной революции при ЦК КПК. Был раскритикован за поддержку Линь Бяо в его стремлении стать председателем КНР.

Чэнь И 陈毅

Чэнь И родился 26 августа 1901 г. в уезде Лэчжи провинции Сычуань. Умер 6 января 1972 г. в Пекине. Маршал КНР, министр иностранных дел.

При рождении мальчику дали имя Шицзюнь («отпрыск родовой знати выдающихся способностей»). Род его вышел из разбогатевших, но затем обедневших крестьян. В роду был свой *сюцай*. В пять лет Чэнь И начал учиться, в шесть с половиной лет полностью прочел «Четверокнижие». Семилетнего мальчика отец отвез к деду со стороны матери. Тот невзлюбил его, одевал в старье, заставлял бегать босым, часто происходили стычки между мальчиком и дедом. Когда приходили гости, дед запрещал внуку показываться на людях. Когда приехал отец, сын попросил забрать его. В 9 лет мальчик с отцом переехал в Чэнду. Там нашли частного учителя, с которым Чэнь И стал изучать танскую и сунскую поэзию, штудировать «Шицзин». После Синьхайской революции Чэнь И поступил в начальную школу высшей ступени в Чэнду. Там он более глубоко познакомился с древней китайской литературой, классической танской поэзией, прочел роман «Путешествие на запад». В 1915 г. Чэнь И поступил на промышленные курсы, где проучился полгода, одновременно стал учить английский язык. Через шесть месяцев он сдал экзамен в промышленную школу, начал изучать естественные науки, лучше разбираться в международной обстановке. В школе проучился два года. В это время он узнал, что во Франции с помощью эмигрировавших туда ректора Пекинского университета, чжэцзянца Цай Юаньпэя и выдающегося китайского просветителя сычуаньца У Юйчжана создано для китайцев Общество напряженной работы и экономической учебы.

Учитывая, что в Первой мировой войне Франция потеряла убитыми и ранеными миллион человек, возникла серьезная нехватка рабочей силы. Французское правительство посылало своих представителей в Китай для вербовки дешевой рабочей силы. Таким образом, за время войны во Франции оказалось более 100 тыс. китайских рабочих. Общество напряженной работы и экономической учебы основало три школы в Пекине и Баодине. Слух о кампании учебы во Франции стал быстро распространяться по стране. Китайско-французское общество образования, основанное летом 1916 г. Цай Юаньпэем, открыло подготовительные группы различного уровня в Шанхае, Чэнду, Чунцине, Чанша, Цзинани, Тяньцзине и Ухане. Весной 1918 г. под руководством У Юйчжана в Чэнду была основана первая подготовительная школа для работы и учебы во Франции. Чэнь И со своим старшим братом поступил в эту школу. А через год, в июне 1919 г., первая группа китайцев уже отправилась в дальний путь. Все учащиеся, направленные Китайско-французским образовательным центром и подготовительными школами, сначала приезжали в Шанхай, а затем группами отправлялись во Францию. Поскольку пароходы из Шанхая во Францию ходили раз в месяц, образовательный центр открыл специальное общежитие с клубом. Центр обеспечивал отъезжающих жильем, приобретал билеты и оформлял визы.

Узнав о возможности поехать на работу и учебу во Францию, Чэнь И в июне 1919 г. оказался в Шанхае. Ожидая своей очереди на пароход, он читал прогрессивный

журнал «Синь циннянь» и созданный Сунь Ятсеном журнал «Цзяньшэ цзачжи», такие книги, как «Биография Вашингтона», «Биография Наполеона». В августе 1919 г. он, наконец, попал на пароход и поплыл во Францию. Чэнь И ехал во Францию за казенный счет. В Шанхае, ожидая прибытия парохода, он подхватил болезнь бери-бери. Во время плавания она обострилась и юноша находился на грани жизни и смерти. 10 октября его высадили с парохода и поместили в больницу, где он пробыл два месяца. Затем, добравшись до Парижа, он сразу не смог найти работу и жил в окрестностях французской столицы у китайских эмигрантов. Там он начал посещать среднюю школу, где учил французский язык. Через некоторое время его взяли на завод чернорабочим; он жил с другом в общежитии. Они купили примус и стали готовить себе еду. Вечером по часу занимались французским языком.

Вскоре Чэнь И стал принимать активное участие в студенческом движении. Ближе познакомился с Цай Хэсэнем, прочитал «Манифест Коммунистической партии». Чэнь И вместе с лидерами общества «Мир работы и учебы» и представителями других общественных групп участвовал в борьбе против получения китайским правительством от Франции займа на покупку вооружения. Был создан комитет борьбы против займа. 30 июня более 300 парижских китайцев провели митинг «против предоставления займа» с осуждением предателей родины и французского правительства. 13 августа прошел второй митинг, в ходе которого был сильно избит секретарь китайского посольства. МИД Франции предложило китайскому посольству в два этапа партиями выслать в Китай активистов кампании. 15 сентября правительство Франции решило прекратить выплату китайским студентам стипендии, поставив их в трудное материальное положение.

В том же месяце китайская молодежь под руководством Цай Хэсэня, Чэнь И и Чжоу Эньлая, приехавшего во Францию в феврале 1921 г., развернула кампанию «за отвоевание китайско-французского университета». Этот университет создал Китайско-французский образовательный центр, и он был номинально связан с движением за учебу и работу во Франции, а на деле служил интересам небольшой группы бюрократов и политиков. В него был закрыт доступ обучавшимся во Франции китайцам, туда принимались только вновь приехавшие из Китая. 20 сентября съезд работающих и обучающихся во Франции китайцев направил в Лион из Парижа и других городов «авангардный отряд» в 100 с лишним человек, в том числе Цай Хэсэня, Чэнь И, Ли Лисаня. 20 октября они прибыли в Лион и были немедленно окружены вооруженной жандармерией. Их насильно затолкали в полицейские машины и отвезли в казармы. 13 октября 1921 г. французские власти выслали из страны 104 арестованных китайцев, включая Цай Хэсэня, Чэнь И и Ли Лисаня. Чэнь И появился в Шанхае в ноябре 1921 г. Вскоре Цай Хэсэнь вступил в КПК и уехал в СССР. Чэнь И в 1922 г. по рекомендации Цай Хэсэня вступил в Социалистический союз молодежи Китая, в том же году он поехал сначала в Чунцин, затем в Чэнду. Начал работать редактором в чунцинской газете, публиковаться, зарабатывая в месяц по 15 юаней. В октябре 1923 г. он вернулся в Пекин и поступил в Китайско-французский университет, в ноябре вступил в КПК. Начал участвовать в студенческом движении. В конце 1925 г. окончил университет. Подрабатывал, переводя статьи и книги с французского языка, сам под псевдонимом писал много стихов, новелл и рассказов. После 1925 г. прекратил свою литературную деятельность, став профессиональным революционером.

После расстрела в Пекине 18 марта 1926 г. массовой антиимпериалистической демонстрации Чэнь И уже не мог открыто находиться в Пекине, и возвращается в Сычуань. С 31 июля на 1 августа 1927 г. военные части талантливого боевого командира, недавно вступившего в КПК Хэ Луна, коммуниста Е Тина и Чжу Дэ подняли

восстание в Наньчане. Чэнь И активно участвовал в Наньчанском восстании. В силу ряда причин, главным образом спада массового движения, это восстание не привело к образованию нового центра революционной борьбы. 5 августа повстанческая армия, насчитывавшая около 15 тыс. штыков, ушла из Наньчана.

В апреле 1928 г. Чэнь И вместе с отрядом Мао Цзэдуна пришел в Цзинганшань, участвовал в создании Цзинганшаньской революционной базы, отражал «карательные походы» Чан Кайши.

В 1937–1945 гг. Чэнь И – командующий 1-й группой войск Новой 4-й армии, затем командующий этой армией и член Бюро ЦК КПК по Юго-Восточному Китаю. В 1945–1949 гг. – командующий 3-й полевой армии НОА.

В 1949–1954 гг. – член Центрального народного правительственного совета, Народного революционного военного совета, командующий военным округом Восточного Китая, секретарь Бюро ЦК КПК по Восточному Китаю, в 1949–1958 гг. – мэр г. Шанхая.

В октябре 1952 г. Чэнь И в составе делегации КПК прибыл на XIX съезд ВКП(б) и присутствовал при встрече Лю Шаоци со Сталиным. С 1954 г. – заместитель премьера Государственного совета КНР, заместитель председателя Государственного комитета обороны.

В сентябре 1955 г. 10 военачальникам были присвоены воинские звания маршалов, в том числе и Чэнь И.

В сентябре Дэн Сяопин в разговоре с Чэнь И предложил ему постепенно переключаться на работу, связанную с дипломатическими отношениями, помогать Чжоу Эньлаю и набираться у него опыта. В октябре 1954 г. партийно-правительственная делегация КНР под руководством Чэнь И посетила ГДР и Польшу.

В 1954–1959 гг. Чэнь И – член бюро Всекитайского комитета народного политического консультативного совета Китая (ВК НПКСК). С апреля 1959 г. – заместитель председателя ВК НПКСК. В 1956 г. избран в члены Политбюро ЦК КПК, С февраля 1958 г. – министр иностранных дел. Будучи министром, участвовал в ряде важных дипломатических мероприятий. В феврале 1958 г. Чэнь И в качестве министра иностранных дел и заместителя премьера Госсовета, сопровождая Чжоу Эньлая, побывал с визитом в КНДР. В 1960 г. в качестве министра иностранных дел и главы делегации, либо сопровождая Чжоу Эньлая, нанес визиты в Бирму, Индию, Непал, Камбоджу, Монголию и Афганистан.

Во время этих визитов были заключены следующие соглашения и договоры: с Непалом «Договор о дружбе» и экономическое соглашение, с Камбоджей – «Договор о дружбе и взаимном ненападении», с Монголией – «Договор о дружбе и взаимной помощи», с Афганистаном – «Договор о дружбе и взаимном ненападении». С мая 1961 г. по май 1962 г. Чэнь И возглавил китайскую делегацию на втором Женевском совещании, где обсуждалась проблема мирного разрешения вопроса с Лаосом.

С конца 1963 г. по начало 1964 г. он вместе с Чжоу Эньлаем совершил турне по 10 странам Африки и двум странам Азии, а также посетил Албанию. Основной упор делался на посещение африканских стран. Это был первый визит туда представителей руководства КНР. С апреля 1964 г. по июнь 1965 г. в ходе подготовки второй афро-азиатской конференции на уровне глав государств и правительств Чэнь И побывал в Джакарте, Каире, Алжире. Он многократно посещал соседние с КНР страны Юго-Восточной Азии, только в Бирму он нанес более 10 визитов. С весны 1963 г. по весну 1966 г. Чэнь И сопровождал Лю Шаоци, который в первой половине 1960-х годов в значительной степени определял внешнюю политику страны, в его дружеских визитах в Индонезию, Бирму, Камбоджу, Вьетнам, Пакистан и Афганистан.

В начале 1960-х годов в КНР вновь встал вопрос об отношении к интеллигенции в стране. В ходе провозглашенной в 1961 г. политики «урегулирования» народного хозяйства после «большого скачка» была сделана попытка пересмотреть роль интеллигенции в Китае, участвующей в строительстве социализма, дать ей положительную оценку. Стремясь исправить ошибки в области культуры, совершенные в годы «борьбы с правыми» и «большого скачка», руководители, отвечавшие непосредственно за политику в сфере культуры, провели ряд совещаний и подготовили несколько инструкций, призывавших работников творческих союзов активнее участвовать в процессе «урегулирования», вносить посильный вклад в это дело. Весной 1962 г. в Гуанчжоу были проведены два совещания: 16 февраля «Всекитайское совещание по научно-технической работе», проведенное Не Жунчжэнем, и в начале марта «Всекитайское совещание по вопросам оперно-драматического искусства». Во втором участвовали Чжоу Эньлай, Чэнь И, Тао Чжу. Чжоу Эньлай подверг критике «левый» уклон, возникший в партии и стране в период после 1957 г., заявив, что подавляющее большинство интеллигенции принадлежит к трудовому народу, а к не буржуазии, как заявляли ранее. «Больше не стоит называть интеллигенцию буржуазной, – сказал он. – Утверждение, что подавляющее большинство интеллигенции включается в разряд трудового народа, – это единое мнение товарищей после сегодняшнего обсуждения. Мы все совместно за него ответственны!». Но особенно всем запомнилось выступление Чэнь И.

Он в мягкой форме осудил практиковавшиеся в стране идеологические кампании как «уничтожающие человеческое достоинство». Выступавший подчеркнул, что «интеллигенция уже прошла 12 лет перековки, 12 лет испытаний, особенно суровые испытания и стихийные бедствия последних нескольких лет», и это убеждает в том, что широкие слои интеллигенции настроены патриотически, они «не затаили обид», верят в КПК и связаны с партией и народом единой судьбой. «Десять лет не должно подвергать испытаниям ни одного человека, – призывал он. – ...Коммунистическая партия и так уж слишком непривлекательна! ... Она не уважает культуру, не уважает знания, не уважает науку». Чэнь И осудил методы избияния работников литературы и искусства, заявив, что нельзя «каждому давать 50 палок». «Между политработниками, партийными работниками и писателями сложились ненормальные отношения, – признавался он. – Обстановка настолько серьезная, что никто не пишет статей, никто не произносит речей, что все говорят только о хорошем, а это плохой признак». Он осудил «коммунистическое чванство» в партийном руководстве, назвав часть партийных руководителей «старцами из тайного общества Синего и Красного братства», которые действуют «на манер феодального “главы семьи”».

Чэнь И призвал не вмешиваться в творчество писателей и интеллигенции; если «вмешиваться во все, то такое руководство принесет только вред», предлагая «меньше командовать и руководить», признав, что «подчеркивание руководящей роли партии приводит к упадку творчества». Он резко критиковал литературу того времени для детей, утверждая, что это «всего-навсего грубые иллюстрации политических идей», что такие книги «заставляют детей мыслить примитивно», а надо, чтобы культура давала «радость людям», литература должна приносить людям наслаждение. Докладчик критиковал современные литературные произведения, рассказывающие только о революционных победах, показывающие только героические образы рабочих, крестьян и солдат, вооруженных идеями Мао Цзэдуна, без недостатков, предложил писать и о «темных сторонах» социализма. «Почему героические образы не могут иметь недостатков? В реальной жизни все герои имеют много достоинств, но могут иметь и много недостатков. ... Можно описывать их недостатки, ибо это только

подчеркивает их достоинства, почему их нельзя не описывать? Это будет иметь еще большее воспитательное значение».

Чэнь И призвал поддерживать ученых, писателей, интеллигенцию, дать им возможность излить то, что накопело, облегчить душу. Он также призвал отказаться «навешивать на всю интеллигенцию ярлык буржуазной, необходимо понять, что она является народной интеллигенцией и это относится к отряду наших ученых, деятелей литературы и искусства». А интеллигенцию он призвал отказаться от пассивной позиции «только размышлять». «Если не думать об общем деле, а заботиться только о себе, не выступать с речами, трусить, то этим не поможешь нашему делу, – подчеркивал Чэнь И. – Давайте выпрямимся, изменим обстановку, ибо ее можно изменить!». Он провозгласил, что «сегодня он вместе с другими осуществляет церемонию снятия с интеллигенции ярлыка буржуазной, и та торжественно провозглашается трудовой народной интеллигенцией». Чэнь И любил смотреть старые классические китайские пьесы, слушать старые классические, а не «революционизированные» Цзян Цин арии из пекинской оперы, любоваться красивыми местными видами. Маршал обожал танцы. Он часто (как Чжу Дэ и Пэн Дэхуай) любил поиграть в китайские облавные шашки *вэйци*, причем считал игру в шашки делом первостепенной важности.

Когда Мао Цзэдун в 1966 г. начал свою культурную революцию и вывел на арену хунвэйбинов под лозунгом, одобренным им: «бунт – дело правое», начались атаки на Лю Шаоци и других руководителей партии и страны, кадровых работников, интеллигенцию, борьба с так называемыми «четырьмя старыми»: с китайскими привычками, обычаями, традициями и культурой. Это выливалось в уничтожение старых книг, картин, памятников культуры и искусства, переименование старых названий улиц, парков, зданий, больниц, магазинов, ресторанов и т.д.

13 сентября 1966 г. в выступлении перед хунвэйбинами и «революционными массами» Чэнь И высказал взгляды, которые разделялись многими крупными государственными и партийными деятелями страны. «Думаю, что в нашей партии истинных марксистов-ленинцев немного, – заявил он. – Кроме председателя Мао Цзэдуна, который не совершал ошибок, трудно найти таких людей. Я 22 раза совершал ошибки... Если разгромить все старые революционные кадры, то позволительно спросить: что же в нашей партии останется – один только председатель Мао? Дома у председателя Мао тоже есть много древних книг и картин. Однако он сам не выступал с предложением об их уничтожении... Нельзя позволять разрушать наши производительные силы».

В отношении лозунга «бунт – дело правое», под которым шли погромы в стране, Чэнь И высказывал определенные сомнения.

В январе 1967 г. со страниц центральной прессы зазвучал призыв к «захвату власти» на всех уровнях в партийных комитетах. После этих призывов, поддержанных Мао Цзэдуном и членами Группы по культурной революции (ГКР), одного за другим стали смещать с занимаемых постов первых секретарей комитетов КПК провинций Хэбэй, Цилинь, Фуцзянь, Цзянсу, Аньхой, Чжэцзян, Цзянси, Шаньдун, Шанхайского горкома КПК, а также других руководителей провинциального звена, в рядах армии и вооруженных сил. В обвинительном заключении (ноябрь 1980 г.) по делам «группы Линь Бяо и Цзян Цин» отмечалось, что были сфабрикованы дела и по ним оклеветаны «более 30 секретарей горкомов КПК, председателей народных комитетов и их заместителей». Чэнь И осуждал такие действия. Обращаясь к «бунтарям» и тем, кто за ними стоит, он заявлял: «Вы ведете постоянную войну: 1) надеваете колпаки (наклеиваете ярлыки), 2) заставляете кланяться, 3) ставите на колени, 4) вешаете на шею черные таблички – этим вы идете вразрез с идеями Мао Цзэдуна».

13–16 февраля 1967 г. в Пекине в зале Хуайжэньтан Чжуннаньхуа состоялось совещание с участием, с одной стороны, таких членов Политбюро ЦК, Военного совета ЦК КПК, Госсовета КНР, как Тань Чжэньлинь, Ли Сяньнянь, Чэнь И, Е Цзяньин, Сюй Сянцян, Не Жунчжэнь (четыре последних – бывшие маршалы КНР), а с другой – членов ГКР в составе Чэнь Бода, Кан Шэна, Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюаня, Ван Ли, Гуань Фэна, Ци Бэньюя. Первая группа лиц, которая была ответственной в тот период за те или иные участки повседневной работы в армии, правительстве и партии, испытывая «опасения за перспективы государства и нации» и считая, что «Родина в опасности», выступила открыто с резкой критикой практики культурной революции, решительно осудив действия ГКР, которая подстрекала хунвэйбинов и цзаофаней на создание хаоса в стране, призывала атаковать армию и ряд ее руководителей.

Е Цзяньин, обратившись к сидевшему напротив него Чэнь Бода, тогда заявил: «Вы внесли смуту в партию, внесли хаос в правительство, в работу заводов и фабрик; этого вам недостаточно, вы непременно хотите внести сумятицу и в армию! Что же вы замыслили, поступая таким образом?».

«Армия – это опора диктатуры пролетариата: если вы вносите сумятицу в армию, – говорил Сюй Сянцян, – то спрашивается, нужна ли вам такая опора? Неужели мы все уже ни на что не годимся, и вы хотите, чтобы армией командовали люди типа Куай Дафу (лидер одной из хунвэйбиновских организаций. – В.У.)?».

Тань Чжэньлинь, Не Жунчжэнь, Ли Сяньнянь и их сторонники выступили в защиту репрессированных детей высокопоставленных работников, указав, что 17–18-летние юнцы из организации «Ляньдун» не могут быть контрреволюционерами и консерваторами. «Вы не можете, исходя из желания свергнуть отцов, хватать их детей и вести борьбу против них, – заявил Не Жунчжэнь, – наказывать членов семей, жестоко притеснять тем самым старых кадровых работников; бросать их в колодец и швырять в этот колодец камни; именно это и называется отсутствием добросердечия». Далее они указывали, что борьба, которая велась в то время, «является самой жестокой по сравнению с борьбой, имевшей место в прошлом, что она превзошла по жестокости любой вид борьбы, имевший место в истории!». Наиболее активными на совещании были Тань Чжэньлинь и Чэнь И. Первый прямо заявил: «Я не согласен с тем, что избивают столь многих старых кадровых работников, рубят головы, исключают из партии. Неправильно, что все дела вершатся хунвэйбинами... Кто такой Куай Дафу? Он контрреволюционер». «Я сорок лет шел за председателем Мао. Теперь я могу больше не идти за ним».

«Зачем понадобилось громить скопом Лю (Шаоци), Дэна (Сяопина), Тао Чжу и Хэ (Луна)? С каждым из них сейчас сводятся счеты, – заявил Чэнь И 16 февраля. – “Разгромить крупного милитариста Чжу Дэ”, человека, проработавшего десятки лет и не запятнавшего партию. А теперь свергли его и принялись ворошить всех предков до третьего колена. Люди могут сказать, что компартия безжалостна даже к старику, которому уже 81 год. А призыв “разгромить крупного туфэя Хэ Луна!” – и с этим ЦК никак не может согласиться. Хэ Лун – член Политбюро, маршал, а сейчас ему хотят “размозжить собачью голову”. Можно ли таким образом кого-нибудь убедить? Народ, в конце концов, не будет знать, что и думать про коммунистов. Народ их бросит, говоря, что они, переходя реку, ломают мосты». Далее он заявил, что «будет бороться до конца, пусть даже ему отрубят голову, посадят в тюрьму и исключат из партии». Солидаризируясь с Тань Чжэньлинем, Чэнь И обвинил членов ГКР и Линь Бяо в том, что «они рвутся к власти, осуществляют ревизионизм». «В Яньани (имелись в виду проводившиеся в 1940-х гг. в Яньани чистки под вывеской «упорядочение стиля». – В.У.) эти люди внешне защищали председателя Мао, а на практике они выступали

против него», – заявил Чэнь И. Он далее признал, что в «период чжэнфэна в Яньани» «многие люди были арестованы ошибочно» и что следует «извлечь уроки из этого опыта», иначе в будущем история может повториться.

Сразу же после совещания 17 февраля 1967 г. Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань и Ван Ли составили «протокол совещания» и передали его супруге Мао Цзэдуна Цзян Цин. Она в свою очередь подготовила для мужа доклад, активно используя из выступления Чэнь И абзац о «яньаньском чжэнфэне», как свидетельство недовольства со стороны этих деятелей «упорядочением партии» в 1940-х годах. Мао Цзэдун 18 февраля 1967 г. собрал заседание Политбюро ЦК (без Тань Чжэньлиня и Чэнь И) и подверг их резкой критике: «Мы против всякого, кто выступает против Группы по культурной революции при ЦК КПК. Разве яньаньский опыт ошибочен? Разве необходимо думать о его пересмотре? Нужно просить Ван Мина вернуться? Тогда я и товарищ Линь Бяо вместе с Е Цюнь (жена Линь Бяо. – В.У.) уедем на юг. Товарищ Цзян Цин останется с вами, так же как и товарищи из Группы по делам культурной революции». Выступления Тань Чжэньлиня, Чэнь И и их сторонников в феврале были названы «февральским противотечением». 28 февраля 1967 г. Мао Цзэдун наложил резолюцию на одном из документов, в которой писал: «Такие явления контрреволюционной реставрации наблюдаются повсюду – сверху донизу, это заслуживает внимания».

Сразу же по стране началась кампания по борьбе с этим «противотечением». К нему были также причислены Чжу Дэ и Чэнь Юнь. С 22 февраля по 18 марта прошла серия совещаний и митингов с критикой Тань Чжэньлиня, Сюй Сянцяня и Чэнь И. Требовали, чтобы последние выступили с самокритикой. На одном из митингов Кан Шэн осуждая «февральское противотечение» заявил, что «это самый серьезный антипартийный инцидент с 11-го пленума ЦК 8-го созыва, что это репетиция государственного переворота, репетиция реставрации капитализма». 14 марта 1967 г. в Пекине прошла 100-тысячная демонстрация с осуждением сторонников «февральского противотечения».

В августе 1967 г. началась новая волна атак на руководителей страны, на массовых митингах осуждались заместители премьера Госсовета, члены Политбюро ЦК КПК Тань Чжэньлинь, Чэнь И, Ли Сяньнянь. Последовали новые атаки на прошлую деятельность МИДа КНР и его некоторых сотрудников. Министр общественной безопасности Се Фучжи неоднократно подстрекал хунвэйбинов к проведению митингов борьбы против Чэнь И. Ван Ли 7 августа призвал цзаофаней («бунтарей») МИДа разгромить его политотдел, закрыть партком министерства и захватить в нем власть, резко критикуя деятельность Чэнь И. После этого «бунтари» захватили руководство МИД КНР, на роль министра иностранных дел претендовал Ван Ли.

В связи с этим вновь усилились нападки на Чэнь И. 11 сентября в здании ВСНП, в присутствии Чжоу Эньлая, был проведен митинг осуждения Чэнь И. В здании был вывешен лозунг: «Добьем Чэнь И!». Последнего заставили публично каяться в совершенных «ошибках и преступлениях». Когда Чжоу Эньлай на время вышел из зала, «красные охранники» схватили Чэнь И, скрутили ему руки, пригнули голову и издевались над ним до тех пор, пока премьер не вернулся. 23 августа 1967 г. с согласия Чжоу Эньлая в МИД был устроен повторный «митинг критики Чэнь И», на котором он подвергся новым издевательствам. 22 августа Чжоу Эньлай, очевидно выполняя указания Мао Цзэдуна, заступился за Чэнь И и его заместителей Цзи Пэнфэя и Цяо Гуаньхуа, заявив, что «никто не давал права Ван Ли распоряжаться в МИД КНР».

На 12-м пленуме ЦК КПК 8-го созыва, состоявшемся во второй половине октября 1968 г. и принимавшем решение по «делу Лю Шаоци», Мао Цзэдун подверг резкой критике поименно Чэнь И, Чжу Дэ, Ли Фучуня, Ли Сяньняня, Е Цзяньбина,

Тань Чжэньлиня, Не Жунчжэня и других (можно обратить внимание на то, что Мао Цзэдун не критиковал Дэн Сяопина). Чэнь И он прямо назвал «лидером правых». Воспользовавшись моментом с резкой критикой «февральского противотечения» и тех, кто в нем участвовал, выступили Линь Бяо, Цзян Цин, Кан Шэн и Чэнь Бода. В частности 26 октября 1968 г. Линь Бяо заявил: «В процессе движения выявилось две линии: правильная линия председателя Мао и чинящая ей препятствия “слева” и “справа” (особенно та, что “справа”, нашедшая свое классическое проявление в “февральском противотечении”) вторая линия. Это течение является самым опасным антипартийным делом, продолжением линии Лю Шаоци – Дэн Сяопина, острее ее направлено прямо против Мао Цзэдуна, против ГКР при ЦК и других твердых революционеров. Оно преследует цель опровергнуть необходимость “великой культурной революции”», «опровергнуть ее победы». Далее он подчеркнул, что принципы этого «течения» состоят в том, чтобы под прикрытием привлекательности лозунгов о «партийном руководстве», «защите старых кадров», «защите детей кадровых работников высшего ранга», «укреплении армии», «стимулировании производства» осуществить цели «антипартийной, контрреволюционной линии».

Для расследования «деятельности» участников «февральского противотечения» на пленуме было создано шесть специальных групп, в каждой из которых одного из них подвергали критике. В документах пленума особо подчеркивалось, что разгром «февральского противотечения» является «крупной победой» линии Мао Цзэдуна.

После культурной революции, когда она была официально осуждена в «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» (1981 г.), так характеризовались эти события: «В период до и после февраля 1967 г. члены Политбюро и руководители Военного совета ЦК, такие, как товарищи Тань Чжэньлинь, Чэнь И, Е Цзяньин, Ли Фучунь, Ли Сяньнянь, Сюй Сянцян и Не Жунчжэнь, на различных совещаниях резко критиковали ошибочную практику “культурной революции”». Но этот их протест был заклеен как “февральское регрессивное течение”, а сами они подверглись всяческому притеснениям и ударам».

В ноябре 1968 г. Чжан Чуньцяо дал указание собрать компрометирующие материалы с критикой Чэнь И. Вскоре такие материалы были собраны. Они вошли в брошюру «Реакционные речи Чэнь И». Чэнь И, решительно отвергая необоснованные наскоки, заявил: «Я умру, но не смирюсь, буду драться, и бунтовать, поставив на карту свою жизнь».

После закрытия 12-го пленума ЦК КПК 8-го созыва Чэнь И официально был отстранен от работы в МИДе. В феврале 1969 г. он был направлен для перевоспитания на «низовую точку» под Пекином на ремонтный завод паровозов. Во второй половине октября 1969 г. по предложению Мао Цзэдуна и решению ЦК КПК «во избежание неожиданного ядерного нападения врага (Мао Цзэдун тогда был одержим мыслью о том, что СССР может нанести ядерный удар по Пекину, хотя для таких утверждений не было никаких оснований)» на столицу все китайское руководство (включая и подвергшихся репрессиям) должно было быть рассредоточено по провинциям. Чэнь И с супругой отправили в Шичзячжуан, где он по требованию местного руководства должен был каждую неделю по три с половиной дня работать на заводе, а в остальное время вместе с женой изучать произведения марксизма-ленинизма и труды Мао Цзэдуна. В июле 1970 г. Чэнь И серьезно заболел. Его начали лечить в заводской больнице, но это не помогало. В конце августа он решил обратиться в ЦК КПК за разрешением приехать на лечение в Пекин. Как раз в это время пришло извещение о скором открытии 2-го пленума ЦК КПК 9-го созыва в Лушане, куда его приглашали. Он больной ездил на пленум. Однако вернуться в Пекин ему не разрешили. Болезнь

обострялась, жена Чэнь И обратилась с письмом к Чжоу Энляю, который дал согласие на возвращение Чэнь И в Пекин. 21 октября 1970 г. Чэнь И вернулся в Пекин и его положили в лучшую больницу для руководства КПК–КНР, в военный госпиталь № 301. Точный диагноз болезни ему не определили, лечили от высокого давления. Затем его выписали домой. Однако через 20 дней у него обострился аппендицит, и его срочно оперировали 16 января 1971 г. Когда делали операцию, то обнаружили у него злокачественную опухоль, операция продолжалась более 5 часов.

После того, как Линь Бяо в сентябре 1971 г. исчез с политической арены, Мао Цзэдун, будучи заинтересован в поддержке со стороны ряда старых руководителей армии и государства, пересмотрел свою точку зрения на «февральское противотечение». Само дело о «февральском противотечении» было официально пересмотрено в 1978 г., уже после смерти Чэнь И, Мао Цзэдуна и ареста «четверки».

6 января 1972 г. от рака на 71 году жизни скончался Чэнь И. 10 января на кладбище Бабаошань в Пекине состоялись похороны умершего, на которые приехал и Мао Цзэдун.

Чэнь И наряду с Чжоу Энляем и Дэн Сяопином был активным проводником политического курса Мао Цзэдуна в отношении СССР.

Чэнь Юнь 陈云

Чэнь Юнь родился 13 июня 1905 г. в уезде Цинпу (ныне г. Шанхай). Умер 10 апреля 1995 г. в Пекине.

Был заместителем председателя ЦК КПК, членом ПК Политбюро ЦК КПК, 1-м секретарем комиссии ЦК КПК по проверке дисциплины, заместителем председателя ПК ВСНП.

В семь лет мальчик пошел учиться в начальную школу, но из-за отсутствия денег вскоре бросил школу. Однако в винную лавочку, в которой работал мальчик у своей тети, как-то зашел директор начальной школы. Ему понравился смысленный мальчик, и он разрешил ему учиться бесплатно. В 14 лет окончил начальную школу, получив определенные знания. Мальчик был музыкально одарен, сам выучился играть на дудке и китайской скрипке.

В 15-летнем возрасте поступил на работу в шанхайское книжное изд-во «Шаньу иньшугуань». Издательство выпускало учебники, научную и художественную литературу, журналы. Выпустило первый в Китае новый энциклопедический словарь «Цы юань». Юноша старался по возможности пополнить свои знания, овладел каллиграфией. В 1925 г. вступил в КПК. Участвовал в рабочем и крестьянском движении, был одним из организаторов профсоюзных объединений Шанхая, «движения 30 мая» 1925 г. В 1927 г. участвовал в трех восстаниях шанхайских рабочих. Был ответственным работником подпольной организации КПК в Шанхае, членом комитета КПК провинции Цзянсу, работал в аппарате Временного ЦК КПК. На 3-м пленуме ЦК КПК 6-го созыва в 1930 г. избран кандидатом в члены ЦК КПК. С января 1931 – член ЦК КПК, с 1932 г. – секретарь партийной фракции Всекитайской федерации профсоюзов. С 1933 г. работал в Центральном советском районе. На 5-м пленуме ЦК КПК 6-го созыва в 1934 г. избран членом Политбюро ЦК КПК. Участвовал в Северо-Западном (Великом) походе Красной армии Китая. В 1935 г. выехал на учебу в СССР; его заметки о походе в марте 1936 г. изданы в СССР, во Франции и в Китае. Учился в Ленинской школе и преподавал в КУТВ. Был членом делегации КПК в Коминтерне. В апреле 1937 г. вернулся в Китай, в Дихуа (Урумчи) стал представителем ЦК КПК в Синьцзяне. Здесь создал первую летную эскадрилью, находившуюся

под руководством КПК. В конце 1937 г. переехал в Яньань, работая в ЦК КПК, был назначен заведующим Орготделом ЦК; руководил финансово-экономической работой в пограничном районе Шэньси–Ганьсу–Нинся. На VII съезде КПК в 1945 г. избран членом Секретариата ЦК КПК.

В 1945 г. Чэнь Юнь назначен заместителем секретаря Бюро ЦК КПК по Северо-Восточному Китаю, заместителем политкомиссара Северо-Восточного военного округа, председателем финансово-экономического комитета Северо-Восточного Китая.

Чэнь Юнь внес важный вклад в управление экономикой КНР. В 1948–1953 гг. – председатель Всекитайской федерации профсоюзов. В 1950–1956 гг. – секретарь ЦК КПК. После образования КНР – заместитель премьера Государственного административного совета КНР. В начале 1949 г. по предложению Чжоу Эньлая он был переведен на руководящую финансово-экономическую работу в центр, стал заместителем премьера Госсовета (1954–1965 гг.) и председателем Финансово-экономического комитета, министром тяжелой промышленности и министром торговли (1954–1959 гг.). При участии Чэнь Юня менее чем за год были решены проблемы инфляции, сбалансированы финансовые доходы и расходы, стабилизированы рыночные цены. Чэнь Юнь призывал «не пытаться перепрыгнуть через стадию “новой демократии”, позволить каждому из пяти экономических укладов полностью выявить свою роль».

В 1956 избран членом ПК Политбюро ЦК, заместителем председателя ЦК КПК, руководителем группы ЦК КПК по финансово-экономическим вопросам. В 1958–1965 гг. – председатель Комитета по вопросам капитального строительства.

С его именем связаны разработка и осуществление первого пятилетнего плана (1953–1957 гг.), курс на «урегулирование» народного хозяйства Китая в 1961–1965 гг. Чэнь Юня всегда отличало стремление к трезвому учету особенностей страны при выработке экономической политики. Его взгляды формировались в процессе борьбы с ошибочной теорией и практикой в хозяйственной жизни КНР и являлись альтернативой ошибочной экономической линии, проводившейся с конца 1950-х годов, особенно в период «большого скачка», Мао Цзэдуном и теми, кто его поддерживал. Чэнь Юнь выступал против авантюризма в экономическом строительстве, выражавшегося в «малом забегании вперед» в 1956 г. Он показал себя противником «теории ускорения» и «больших скачков», субъективизма и волюнтаризма в экономической политике. Мужественно критиковал чрезмерную политизацию жизни во второй половине 1950-х годов. «Мы, коммунисты, должны каждодневно заботиться о насущных интересах народных масс. Люди должны иметь пищу, они не могут изо дня в день питаться только марксизмом». В период «урегулирования» 1960–1965 гг. Чэнь Юнь предлагал пойти на некоторые послабления для крестьян, «поменьше закупать, побольше оставлять крестьянам».

С началом культурной революции Чэнь Юнь подвергся резким нападкам, фактически был отстранен от руководящей работы. На IX (1969 г.) и X (1973 г.) съездах партии избирался членом ЦК, но не вводился в состав Политбюро ЦК КПК.

В 1975 г. и 1978 г. избирался заместителем председателя ПК ВСНП (до 1983 г.). В декабре 1978 г. вновь стал членом Политбюро, членом ПК Политбюро ЦК КПК, заместителем председателя ЦК КПК. В июле 1979 г. – сентябре 1980 г. – заместитель премьера Госсовета. Чэнь Юнь играл важную роль в процессе реабилитации высших партийных руководителей, пострадавших в ходе «культурной революции». В марте 1979 г. он выступил за пересмотр приговора участникам событий на площади Тяньаньмэнь в апреле 1976 г. Выступая на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва, Чэнь Юнь потребовал посмертно реабилитировать бывшего министра обороны

Пэн Дэхуая. На 1-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва в 1982 г. Чэнь Юнь был утвержден 1-м секретарем Центральной комиссии по проверке дисциплины. На XIII съезде КПК в 1987 г. была удовлетворена его просьба о выходе из состава ЦК КПК (вместе с группой ветеранов партии). На 1-м пленуме ЦК КПК 13-го созыва утвержден председателем Центральной комиссии советников КПК.

Чэнь Юнь пользовался репутацией знатока теории марксизма, особенно экономических вопросов. По его мнению, в экономическом развитии социалистической страны «плановое хозяйство является главным, а рыночная экономика – вспомогательной». Эту идею он выдвигал на VIII съезде КПК в 1956 г. «Обстановка в нашей социалистической экономике будет следующей: в области производственной и хозяйственной деятельности, на промышленных и торговых предприятиях основной формой будет государственная и коллективная, наряду с этим будет сохранена в определенных размерах единоличная форма хозяйственной деятельности, которая служит дополнением. В области планирования основная часть промышленной и сельскохозяйственной продукции в стране будет производиться по плану, однако в то же время часть продукции будет производиться свободно, исходя из обстановки на рынке и в рамках, допускаемых государственным планом». Он выдвинул положение о «трех основных вещах»: 1) экономика, основанная на социалистической общественной собственности, 2) плановое производство и 3) государственный рынок; и о «трех дополнениях»: 1) индивидуальное хозяйство, 2) свободное производство в рамках, допускаемых государственным планом, и 3) свободный рынок.

Чэнь Юнь выступал за нормализацию двусторонних отношений с нашей страной после смерти Мао Цзэдуна. При этом даже до официальной нормализации считал необходимым развивать между нашими странами торговые и экономические связи. В 1984 г. Чэнь Юнь демонстративно встретился и обнялся с приезжавшим тогда в КНР первым заместителем председателя Совета Министров СССР И. В. Архиповым (в 1950-е годы главный советник в КНР), хотя Дэн Сяопин тогда не встречался с И. В. Архиповым.

Яо Вэньюань 姚文元

Яо Вэньюань родился в 1932 г. в уезде Чжужзи провинции Чжэцзян. Умер 23 декабря 2005 г. в Пекине.

Сын известного шанхайского писателя Яо Пэнцзы, бывшего члена Лиги левых писателей Китая. После окончания университета Яо Вэньюань стал работать в Шанхае как литературовед и журналист. В 1948 г. вступил в КПК. С 1949 г. работал в райкоме комсомола, а затем в отделе пропаганды одного из райкомов КПК Шанхая. В 1955 г. выступил с критической статьей в адрес литературного критика и теоретика Ху Фэна, озаглавленной «Проведем четкую грань между правдой и неправдой», хотя ранее подготовил книгу «О взглядах Ху Фэна на литературу и искусство», где воспевал его как «самого выдающегося теоретика». В 1957 г. публиковал резкие статьи с критикой «правых элементов». Его статью, направленную против писателя Яо Сюения, напечатанную 6 февраля 1957 г. в «Вэньхой бао», заметил Мао Цзэдун. В тот же день в своем выступлении он упомянул эту статью как «хорошую». Вскоре Яо Вэньюань был направлен на конференцию по пропагандистской работе в Пекин, где вновь был отмечен Мао.

Став членом партбюро Шанхайской литературной ассоциации, Яо Вэньюань в 1958 г. опубликовал сборник статей «О ревизионистской волне в литературе» с «разоблачениями» писательницы Дин Лин (1904–1986), поэта Ай Цина (1910–1996), литературоведа Фэн Сюефэна. Яо Вэньюань обвинял их в том, что при оценке художе-

ственных произведений они якобы ставят на первое место художественный критерий, не считаясь с политическим. В канун культурной революции был главным редактором шанхайской партийной газеты «Цзефан жибао». 10 ноября 1965 г. в газете «Вэньхой бао» появилась подписанная Яо Вэньюанем статья с критикой пьесы У Ханя «Разжалование Хай Жуя». На самом деле статья готовилась специальной группой, состоявшей из четырех историков – выпускников Фуданьского университета, созданной при Шанхайском горкоме под руководством Яо Вэньюаня. Публикация статьи, предварительно одобренной Мао Цзэдуном, послужила сигналом к началу культурной революции.

Яо Вэньюань известен как «теоретик» и один из руководителей культурной революции, много написавший в ее защиту и в оправдание ее последствий. Например, 26 августа 1968 г. в «Жэньминь жибао» была опубликована его статья «Рабочий класс должен руководить всем». В ней он сообщил о «плановом вступлении при наличии единого руководства большой армии промышленных рабочих в учебные заведения и все другие учреждения и организации, где еще не выполнены задачи “борьбы, критики и преобразований”». В статье подчеркивалось, что «пролетарский штаб» во главе с Мао Цзэдуном и Линь Бяо являются «единственным руководящим центром всей партии, всей армии и всей страны». Яо Вэньюань критиковал распространившуюся теорию «многих центров», объявив «недопустимым существование больших или малых независимых вотчин, действующих в противовес пролетарскому штабу Председателя Мао». Он заявил также, что силами одних только хунвэйбинов невозможно завершить культурную революцию, необходимо участие рабочего класса и армии. Вместе с Чжан Чуньцяо и Ван Хунвэнем участвовал в январском (1967 г.) «захвате власти» у Шанхайского горкома КПК. Стал заместителем председателя «ревкома» Шанхая. На IX и X съездах КПК Яо Вэньюань избирался членом ЦК, в августе 1973 г. – членом Политбюро ЦК КПК, назначается членом группы пропаганды ЦК партии. С 1971 г. был вторым секретарем Шанхайского горкома КПК. В 1974 г. участвовал в кампании завуалированной критики Чжоу Эньлая. 6 октября 1976 г. вместе с Чжан Чуньцяо, Ван Хунвэнем и Цзян Цин был арестован.

На 3-м пленуме ЦК КПК 10-го созыва (июль 1977 г.) был исключен из рядов КПК и снят со всех постов внутри и вне партии.

С 20 ноября 1980 г. по 25 января 1981 г. специальная судебная коллегия провела разбирательство по «делу контрреволюционной группировки» Цзян Цин и приговорила Яо Вэньюаня к 20 годам лишения свободы с поражением в политических правах на 5 лет. Яо Вэньюань был выпущен из тюрьмы в октябре 1996 г. В заключении начал писать воспоминания, охватывающие период с 1956 по 1976 г. (опубликованы в закрытом порядке в 2001 г. с условием, что не появятся за границей). Умер 23 декабря 2005 г.

Ян Шанкунь 杨尚昆

Ян Шанкунь родился 3 августа 1907 г. в уезде Туннань провинции Сычуань. В шесть лет начал учиться дома. Затем мальчика определили в частную школу в Чэнду, где он познакомился с «Шицзином» и другими подобного рода классическими китайскими книгами. В 1915 г. восьми лет он с родными переехал в Чунцин, где пошел в частную начальную школу. В 1920 г. Ян Шанкунь поступил в педагогическое училище, где начал читать такие прогрессивные для того времени журналы, как «Синь циннянь», «Чжунго циннянь», познакомился с книгой «История социалистических учений Европы» и рядом других, подружился с передовой молодежью.

В 1925 г. 18-летний юноша окончил педагогическое училище, вернулся в Чунцин, где вступил в Социалистический союз молодежи Китая. С 1925 г. вел работу в студенческом и рабочем движении в Чэнду, Чунцине и Шанхае. Весной 1926 г. вступил в ряды КПК. В том же году поступил учиться в Шанхайский университет. В ноябре покинул Шанхай и вернулся в Чунцин, где партийной организацией был направлен в Москву в Университет имени Сунь Ятсена. В 1927 г. начал учиться в этом университете в группе № 453 под псевдонимом Салтыков. Являлся заместителем заведующего отделом пропаганды бюро ячейки университета. 17 сентября 1928 г. было принято постановление Оргбюро ВКП(б) об изменении названия университета на Коммунистический университет трудящихся Китая (КУТК). Здесь Ян Шанкунь подробнее знакомится с марксизмом. В 1929 г. 22-летний Ян в Москве женился на Ли Бочжао. В то время в КУТК училось около 800 китайцев.

В 1930 г. большинство слушателей Коммунистического университета трудящихся Китая, прибывших в конце 1927 – начале 1928 г., окончили двухгодичный курс, их средний возраст составлял 26–27 лет.

В целом КУТК дал КПК большую группу руководящих работников, получивших систематическую подготовку в области теории и практики революционной борьбы.

Ряд китайских слушателей университета выделялись своей общей подготовкой и академическими успехами. 20 человек получили высшее или незаконченное высшее образование до приезда в Москву в различных вузах Китая и за его пределами, владели одним или двумя иностранными языками. Некоторые, в том числе Ян Шанкунь, Чжан Вэньтянь и Цинь Бансянь (Бо Гу), проявили способности в исследовательской работе. В 1928 г. они активно сотрудничали в НИИ по вопросам Китая, выступали переводчиками материалов КУТК, работ основоположников марксизма-ленинизма. Подготовка кадров университета проходила в острой идейно-политической борьбе.

В среде слушателей КУТК в той или иной мере нашли отражение почти все явления, которые были свойственны КПК накануне VI съезда (съезд проходил с 18 июня по 11 июля 1928 г. в Подмоскovie): дробление на местные группировки и фракции, влияние левацких установок, «авангардизм» членов КСМК, пессимистические настроения, влияние на отдельные группы слушателей платформы «троцкистской оппозиции».

В этих условиях руководство Восточного секретариата ИККИ, руководство и партийная организация КУТК видели свою главную задачу в сплочении массы слушателей на основе глубокого усвоения решений VI съезда КПК. Важную роль в реализации этой задачи в 1928–1929 гг. сыграла поддержка этого курса сторонниками решений VI съезда среди слушателей КУТК, активными выразителями взглядов которых выступили 30–35 «кутковцев», выделявшихся общей и теоретической подготовкой. Именно этих коммунистов в ходе первой дискуссии в КУТК в октябре 1928 г., когда они выступили против проявлений фракционности, сектантских установок, представители скрытой оппозиции и «авангардисты» впервые окрестили «28 истинными большевиками». В числе «большевиков» оказались Ян Шанкунь, Чжан Вэньтянь, Ван Цзясян, Цинь Бансянь и др. Прозвище «28 большевиков» приклеилось к ним и в дальнейшем, став в истории КПК даже нарицательным. (Иногда говорят о «двадцати восьми с половиной большевиках», имея в виду то, что кое-кто из них был небольшим роста.)

Ян Шанкунь поступил в аспирантуру Научно-исследовательского института по вопросам Китая. Ян Шанкунь был сторонником Ван Мина, участвовал в борьбе с китайскими троцкистами.

В феврале 1931 г. он вернулся в Шанхай, где стал заведующим отделом пропаганды Всекитайской федерации профсоюзов, секретарем ее партийной фракции, организовал забастовку шанхайских рабочих.

Когда вслед за постепенной оккупацией территории Маньчжурии японские войска в январе 1932 г. распространили свою агрессию на Шанхай, там начались антияпонские демонстрации. Именно такая демонстрация произошла 17 января. На следующий день 18 января возле фабрики полотенец рабочие избили группу японцев, среди которых были буддийские монахи: один монах вскоре умер. Подоспевший отряд японской молодежной организации в отместку поджег фабрику (она принадлежала китайским владельцам); между отрядом и рабочими развернулось настоящее сражение.

Японский генконсул 21 января 1932 г. потребовал от мэра Шанхая извинений, ареста убийц, компенсации и немедленного подавления антияпонского движения. После некоторого промедления мэр принял 28 января эти требования, еще днем ранее китайские власти приступили к разгону антияпонских организаций.

Японские войска с территории международного селтльмента вторглись в рабочий район Шанхая – Чжабэй (в северной части города). Начались бои.

Сразу после начала вторжения в Шанхай в городе была объявлена всеобщая антияпонская забастовка и создан объединенный стачечный комитет. Народное анти-японское общество, незадолго до этого по требованию японцев запрещенное властями, вышло из подполья и приступило к широкому формированию рабочих отрядов, некоторые из которых возглавлялись коммунистами. Во всех этих действиях активное участие принял Ян Шанкунь. Сформированные отряды участвовали в боях вместе с 19-й армией. Весь февраль продолжались ожесточенные сражения. Обескровленные в боях китайские власти в Шанхае вынуждены были, в конечном счете, отступить.

В январе 1933 г. Ян Шанкунь появился в Центральном советском районе в Жуйцзине (Цзянси), где стал работать в отделе пропаганды и редактором таких партийных изданий, как «Хунсэ Чжунхуа» («Красный Китай») и «Доучжэн» («Борьба»).

В марте 1933 г. в Жуйцзине был создан Марксистско-коммунистический университет (раньше был партийной школой), и Ян Шанкунь стал его проректором.

С июня 1933 по 1937 г. – он заместитель начальника политуправления 1-го фронта Красной армии, политкомиссар полка 3-й армейской группировки (корпуса) РККА, заместитель начальника Главного политуправления Красной армии.

После начала 5-го карательного похода Чан Кайши против коммунистов 3-я армейская группировка под командованием героя китайской революции, будущего маршала КНР и министра обороны Пэн Дэхуая, где Ян Шанкунь являлся политкомиссаром, воевала на границе провинций Цзянси и Фуцзянь. Там было одержано несколько побед: в котловине Туаньцунь, где бои велись в декабре 1933 г., в районе уездного города Личуань, где войска Пэн Дэхуая численностью 12 тыс. человек нанесли поражение противнику, насчитывавшему более 40 тыс.

В январе 1934 г. в Жуйцзине заседал 5-й пленум ЦК КПК 6-го созыва. На нем Пэн Дэхуай был избран членом ЦК, а Ян Шанкунь – кандидатом в ЦК партии. На II Всекитайском съезде Советов избран членом ЦИК Китайской Советской Республики.

Участвовал в Северо-Западном Великом походе Красной армии, был начальником политуправления Шэньси-Ганьсуского отряда, начальником полевого управления Красной армии.

Принял участие в расширенном заседании Политбюро ЦК КПК в январе 1935 г. в Цзуньи с правом совещательного голоса. Ян Шанкунь, как отмечают китайские историки, выступил с критикой Бо Гу и Ли Дэ (Отто Брауна) и поддержал Мао Цзэдуна.

29 августа 1935 г. на совещании Политбюро ЦК КПК в местечке Баси, расположенном недалеко от ганьсуской границы, было принято решение создать комитет по пропаганде из трех человек, куда вошли Ян Шанкунь и Ли Вэйхань, и вновь издавать такое издание, как «Ганьбу би ду» («Что должны читать кадры»), и газету – орган ЦК «Дочжэн».

В 1937 г. Ян Шанкунь становится заместителем секретаря Бюро ЦК КПК по Северному Китаю, а в ноябре 1938 г. – секретарем.

В период «чжэнфэна» в Яньани вместе с Бо Гу, Ло Фу, Ван Цзясяном и другими подвергся критике как представитель «линии Ван Мина» и Коминтерна. Выступил с «самокритикой».

В 1945 г. Ян Шанкунь назначен начальником секретариата Военного совета ЦК КПК, заместителем секретаря тылового комитета войск, непосредственно подчиненных ЦК партии. После 1948 г. занимал должности заведующего Канцелярией ЦК КПК, секретаря парткома учреждений, непосредственно подчиненных Центральному Комитету, заместителя заведующего Секретариатом ЦК КПК.

После провозглашения КНР в 1949 г. он – губернатор южной провинции Гуандун и мэр г. Гуанчжоу.

В 1952 г. Мао Цзэдун стал поговаривать о желании «отойти на второй план» и передать бразды каждодневного управления партией и правительством более молодым, утверждая, что сам будет заниматься теоретическими проблемами и решением стратегических вопросов дальнейшей политики; об этом он говорил и в дальнейшем. Однако, судя по имеющимся документам, эти слова вовсе не означали готовности делиться полномочиями власти. Напротив, как раз в это время Мао Цзэдун сосредоточивал в своих руках весь контроль над принятием важнейших решений. К примеру, в мае 1953 г. он пришел в ярость, узнав, что возглавлявший Общий отдел ЦК КПК Ян Шанкунь и член Политбюро ЦК КПК, секретарь ЦК Лю Шаоци без его одобрения и согласования стали издавать указания и директивы ЦК КПК и Военного совета в периоды, когда Мао Цзэдун был болен или находился в длительных инспекционных поездках по стране. «Это грубейшая ошибка и серьезное нарушение дисциплины! – метал громы и молнии Мао Цзэдун. – В дальнейшем все документы и телеграммы, идущие от имени ЦК, рассылать только после моего просмотра, иначе они недействительны». Это было учтено, и в будущем ни один документ без просмотра Мао (где бы он ни находился, к нему ехали, докладывали, согласовывали и только после получения его визы публиковали) не издавался.

27 апреля 1954 г. на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК было принято решение о назначении Дэн Сяопина начальником Секретариата (ответственным секретарем) ЦК КПК, а Ян Шанкуня – его заместителем. С этого времени последний работал под непосредственным руководством Дэн Сяопина.

На 1-м заседании Всекитайского комитета НПКСК 2-го созыва в 1954 г. Ян Шанкунь избран членом ВК НПКСК (он занимал этот пост до 1965 г.).

В январе 1955 г. было принято официальное решение ЦК КПК о создании Секретариата ЦК КПК, и Ян Шанкунь становится заместителем заведующего Секретариатом и по совместительству заведующим первой канцелярией Секретариата ЦК. На VIII съезде КПК в 1956 г. избран членом ЦК, на 1-м пленуме – кандидатом в члены Секретариата ЦК.

Весной 1958 г. Мао Цзэдун раскритиковал Ян Шанкуня за то, что во время кампании «борьбы против правых» тот якобы занимал «правую» позицию.

16 сентября 1960 г. вместе с Дэн Сяопином вылетел в СССР для подготовки материалов к Международному совещанию коммунистических и рабочих партий.

23 сентября вернулся в Пекин. 30 сентября вновь прилетел в Москву для участия в переговорах КПСС и КПК и выработки итогового документа к Международному совещанию коммунистических и рабочих партий. 5 ноября 1960 г. вместе с Лю Шаоци в составе делегации отправился в Москву для участия в торжественном заседании, посвященном 43-й годовщине Октябрьской революции, и участия в Международном совещании коммунистических и рабочих партий.

В связи с закрытием ряда предприятий после «большого скачка» и мерами по «урегулированию» производства перед Центром остро встал вопрос о сокращении управленческого аппарата, раздутого в предыдущие годы. Этой проблемой стал заниматься заместитель премьера Госсовета КНР, ответственный секретарь Госсовета Си Чжунсюнь. Еще в сентябре 1960 г. он представил в ЦК КПК доклад «О штате аппарата различных центральных учреждений и мнение по его сокращению». Он приводил такой пример: в 1957 г. штат сотрудников различных центральных административных органов составлял 253 тыс. человек, сейчас возрос до 411 тыс. Си Чжунсюнь предлагал сократить аппарат на 20–35%. В ЦК КПК 14 сентября 1961 г. наложили положительную резолюцию, требуя сокращения аппарата и считая, что это будет важным мероприятием в борьбе с бюрократизмом. 18 сентября 1961 г. Си Чжунсюнь направил в ЦК еще один доклад, сообщая, что с сентября 1960 г. началось серьезное сокращение аппарата, штаты уже уменьшены на 80 тыс. человек. Данные меры способствовали улучшению рабочего стиля, повышению эффективности, сокращению числа администрации. Уже через три дня 22 июня 1961 г. Мао Цзэдун согласился с докладом Си Чжунсюня. В письме на его имя он писал, что это приведет к уменьшению бюрократизма и повысит эффективность работы. Автор письма рассуждал, что если уже удалось сократить штаты центральных административных учреждений на треть, то вполне возможно их еще сократить на несколько десятков тысяч человек. «Я думаю, что следует сократить еще на 40 тыс., но не знаю, пройдет ли этот вариант? – писал он. – Если цифра сокращенных достигнет 120 тыс. человек, то это составит половину от общего числа в 240 тыс.».

18–27 октября 1961 г. заведующий Организационным отделом ЦК КПК Чэнь Юнь провел совещание по оргработе. Был выработан специальный документ, в котором говорилось о сокращении административного аппарата и предлагалось использовать сокращенных на низовой работе в деревне, кого-то сделать рабочими, продавцами, учителями сельских школ, тех, кто достиг пенсионного возраста, отправить на пенсию, а других отправить для участия в физическом труде в госхозах и коммунах. В связи с трудностями со снабжением продовольствием в городах и невозможностью прокормить всё городское население, резко увеличившееся в период «большого скачка», для улучшения положения было принято по предложению Чэнь Юня решение уменьшить население городов на 20 млн человек и сократить управленческий аппарат.

6 января 1962 г. была сформирована группа по сокращению населения городов, которую возглавил Ян Шанкунь. 22 февраля того же года по решению Секретариата ЦК КПК была создана специальная малая группа ЦК КПК по сокращению штатов, которую также возглавил Ян Шанкунь. Си Чжунсюнь являлся членом группы. Сокращение административного аппарата продолжилось. В то же время сокращалось население городов и поселков, которое выслали в деревню. 6–9 февраля 1963 г. состоялось совещание первых секретарей региональных бюро ЦК КПК, на котором Ян Шанкунь выступил с докладом о проделанной работе по сокращению населения городов и штатов администрации. С февраля 1961 г. за два года по всей стране было сокращено более 18 млн 870 тыс. рабочих и служащих.

30 июня 1963 г. Политбюро ЦК КПК приняло решение направить в Москву на переговоры партийную делегацию во главе с Дэн Сяопином. Его заместителем назначался 1-й секретарь Пекинского горкома партии, член Политбюро Пэн Чжэнь, членами делегации: Ян Шанкунь, Лу Динъи и У Сюцюань. С 5 по 20 июля 1963 г. делегация КПК вела переговоры в Москве.

На 1-й сессии ВСНП 3-го созыва в 1965 г. Ян Шанкунь был избран членом Постоянного комитета ВСНП. В том же году назначен секретарем комитета КПК провинции Гуандун.

По инициативе Мао Цзэдуна в 1963–1964 гг. в Китае началась новая политическая кампания «за социалистическое воспитание», которая затем трансформировалась в кампанию «четыре чисток».

16 января 1965 г. Ян Шанкунь в возрасте 58 лет выехал в большую производственную бригаду для участия в движении «четыре чисток» (организационной, идеологической, политической и экономической). (Мао Цзэдун рассматривал эту кампанию как прелюдию к культурной революции.) Во второй половине мая 1965 г. «чистки» в бригаде закончились. Ян Шанкунь выехал в Сиань, а затем в Пекин.

Проведение «четыре чисток» в стране не удовлетворило Мао Цзэдуна. Он считал, что эта кампания не дала ожидаемых результатов, поэтому следует начать новую кампанию, названную им «великой пролетарской культурной революцией» (попутно можно вспомнить о том, что Лю Шаоци первоначально предлагал именовать это движение «социалистической культурной революцией»).

Ян Шанкунь одним из первых пострадал в ходе культурной революции. О приостановлении его деятельности в Секретариате ЦК КПК было принято решение уже 23 мая 1966 г. На следующий день в «Пояснениях ЦК КПК относительно ошибок товарищей Лу Динъи и Ян Шанкуня» в качестве важнейших ошибок последнего назывались следующие: «Ян Шанкунь за спиной ЦК незаконно установил подслушивающие устройства, разглашал важные партийные секреты, имел ненормальные взаимоотношения с Ло Жуйцином (министром общественной безопасности. – В.У.), активно участвовал в антипартийной деятельности». В тот же день была сформирована специальная комиссия по дальнейшей проверке его деятельности.

История с подслушивающими устройствами такова. Весной 1959 г. Мао Цзэдун отправился в поездку по городам Тяньцзинь, Цзинань, Нанкин, Шанхай и Ханчжоу. Он взял с собой Ян Шанкуня и Ло Жуйцина. Ян Шанкунь решил, что многие ценные мысли председателя Мао остаются неизвестными общественности, так как они не стенографируются, и предложил подумать, как организовать запись его выступлений, а затем отправлять их в Секретариат ЦК на рассмотрение и утверждение. Когда у Мао спросили разрешение на вызов стенографиста из Чжуннаньхуа, который неотлучно бы следовал за председателем в поездках по стране, тот категорически отказался. Тогда Ян Шанкунь, посоветовавшись с Ло Жуйцином и секретарями Мао Цзэдуна, предложил установить аппаратуру для прослушивания и записи разговоров в спальном отсеке председателя и салоне спецпоезда, где проводились дискуссии и совещания. В Пекине эту идею поддержали. И вскоре миниатюрные микрофоны были искусно спрятаны в абажурах, светильниках и цветочных вазах и подсоединены к записывающей аппаратуре, установленной в одном из соседних помещений. Такие же подслушивающие устройства были установлены в апартаментах, которые предназначались для Мао Цзэдуна, во всех провинциях. Однако обо всем этом председателя КПК не уведомили. Совершенно случайно тот узнал об этих подслушивающих устройствах. Разразился большой скандал. Мао приказал проверить и удалить все «жучки». Это и припомнили Ян Шанкуню весной 1966 г.

12 декабря того же года по наущению Цзян Цин, жены Мао Цзэдуна, хунвэйбины из Шаньси привезли Ян Шанкуня в Пекин, где на стадионе был устроен грандиозный митинг-судилище над ним, Пэн Чжэнем, Ло Жуйцином и Лу Диньи, на котором присутствовали около 120 тыс. человек. Вскоре Ян Шанкунь оказался под арестом. Десять тяжелых лет культурной революции он находился под негласным арестом. Была сформирована «специальная группа по делу Ян Шанкуня», которая занималась сбором материалов, ему были предъявлены серьезные обвинения в «заговорщической, антипартийной деятельности».

18 июля 1975 г. он написал личное письмо Мао Цзэдуну, отвергая выводы «спецгруппы», однако ответа не последовало.

Только после смерти Мао в сентябре 1976 г., ареста «четверки» и окончания культурной революции на рабочем совещании ЦК КПК 25 ноября 1978 г. было принято решение о реабилитации Ян Шанкуня. Он вернулся в Пекин. На 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва, состоявшемся в декабре 1978 г., Ян Шанкуня официально реабилитировали и приняли решение «помочь в его трудоустройстве». 10 декабря того же года ЦК принял решение назначить Ян Шанкуня 2-м секретарем парткома провинции Гуандун и 1-м секретарем парткома и председателем «ревкома» города Гуанчжоу.

Стремление к расширению связей с внешним миром и получению инвестиций в экономику страны из-за рубежа, прежде всего капиталов соотечественников из Сян-гана и Аомэня, желание расширить экспорт, увеличить валютные поступления, так необходимые для подорванной в период культурной революции экономики КНР, заимствовать передовую зарубежную технику и технологии, методы управления натолкнуло китайских руководителей на мысль о создании специальных экономических зон. И первой ласточкой здесь стала провинция Гуандун, одним из руководителей которой в то время был Ян Шанкунь.

4 сентября 1979 г. на 4-м пленуме 11 созыва он был кооптирован в члены ЦК КПК.

В сентябре 1980 г. на 3-й сессии ВСНП 5-го созыва Ян Шанкунь избран заместителем председателя Постоянного комитета ВСНП и по совместительству его генеральным секретарем. Он оставался секретарем партийной группы руководства аппарата Постоянного комитета ВСНП до 1983 г. В 1982 г. Ян Шанкунь становится членом Постоянного комитета Военного совета ЦК КПК, а в июне следующего года – заместителем председателя Постоянного комитета Военного совета ЦК и по совместительству его генеральным секретарем, заместителем руководителя, затем начальником руководящей группы по делам Тайваня при ЦК КПК. Он активно участвует в модернизации НОАК, создании современных родов и видов войск.

На XII съезде КПК в 1982 г. Ян Шанкунь избран членом ЦК КПК. С 1984 г. – член руководящей группы ЦК по подготовке и созданию новой истории партии.

На XIII съезде КПК в 1987 г. он возглавил группу делегатов съезда от НОАК, был избран членом ЦК; на 1-м пленуме ЦК КПК 13-го созыва избран в члены Политбюро ЦК. В мае 1987 г. Ян Шанкунь посещает США и Канаду.

На 1-й сессии ВСНП 7-го созыва в апреле 1988 г. избран высшим руководителем государства, председателем КНР и оставался на этой должности пять лет, до 1993 г., был утвержден заместителем председателя Военного совета ЦК КПК.

Несмотря на преклонный возраст, летом 1990 г. он во главе правительственных делегаций как председатель КНР посещает пять стран Американского континента: Мексику, Бразилию, Аргентину, Уругвай и Чили, встречаясь и устанавливая отношения с руководителями этих стран.

В сентябре 1990 г. по поручению Олимпийского оргкомитета открывает 11-е Азиатские олимпийские игры в Пекине.

В октябре 1992 г. Ян Шанкунь участвует в работе XIV съезда КПК. В 1995 г. в возрасте 88 лет начинает писать мемуары. Уже на следующий год осенью заканчивает вчерне раздел мемуаров до 1949 г.

В 1998 г. в феврале публикует в «Жэньминь жибао» статьи, посвященные 100-летию со дня рождения Чжоу Эньлая, в августе – 100-летию со дня рождения Пэн Дэхуая, затем – 100-летию со дня рождения Лю Шаоци.

14 сентября 1998 г. в 1 час 17 минут после болезни на 91-м году жизни Ян Шанкунь скончался в Пекине. Был похоронен на правительственном кладбище Бабаошань.

20 июля 2007 г. в Доме народных собраний в столице КНР состоялось заседание по случаю 100-летия со дня рождения Ян Шанкуня. На заседании выступил с речью генеральный секретарь ЦК КПК, председатель КНР, председатель Военного совета ЦК КПК Ху Цзиньтао. Охарактеризовав «прожившего великую и блестящую жизнь» Ян Шанкуня как «великого революционера, убежденного марксиста и выдающегося партийного, государственного и военного деятеля», Ху Цзиньтао особо подчеркнул, что «Ян Шанкунь внес важный вклад в дело революции, строительства и реформ в Китае».

Хронология основных событий

Перечисляя основные события, представляется целесообразным и необходимым познакомить читателей с трактовкой в настоящее время в Китае и истории КНР, и истории двусторонних отношений СССР и КНР. В этих целях по ходу изложения хронологии мы будем приводить, выделяя их в кавычках, формулировки и термины из «*Чжунхуа жэньминь гунхэго ши гао*» («Эскиз истории Китайской Народной Республики») из книги Института современного Китая, изданной в 2012 г. в Пекине в издательстве «Жэньминь чубаньшэ».

1949

1 октября 1949 г. была образована Китайская Народная Республика, создано ее Центральное Народное Правительство. Мао Цзэдун председательствовал на 1-м заседании Центрального Народного Правительства (Центрального Народного Правительственного Совета). На этом заседании было принято решение принять «Общую программу Народного Политического Консультативного Совета Китая (НПКСК)» в качестве политической программы действий правительства; Линь Боцой был избран ответственным секретарем Центрального Народного Правительства, Чжоу Эньлай был назначен премьером Государственного Административного совета (ГАС) и по совместительству министром иностранных дел; Мао Цзэдун стал председателем Народного Военного Революционного Комитета, Чжу Дэ – главнокомандующим Народно-Освободительной Армии Китая (НОАК), Шэнь Цзюньжу – председателем Верховного Народного Суда, Ло Жунхуань – Верховным Народным Прокурором. После заседания на площади Тяньаньмэнь состоялась церемония провозглашения Центрального Народного Правительства. Мао Цзэдун на весь мир провозгласил «Декларацию Центрального Народного Правительства Китайской Народной Республики». Чжу Дэ объявил «Приказ штаба Народно-Освободительной Армии Китая». Состоялась 300-тысячная демонстрация вооруженных сил и населения столицы.

В тот же день премьер Государственного административного совета Чжоу Эньлай направил письма правительствам различных государств, заявив о желании устанавливать нормальные дипломатические отношения.

2 октября были установлены дипломатические отношения между СССР и КНР. В том же месяце установлены дипломатические отношения КНР с Болгарией, Румынией, Венгрией, Чехословакией, КНДР, Польшей, Монголией, ГДР.

9 октября в Пекине состоялась 1-я сессия НПКСК 1-го созыва. На сессии Мао Цзэдун был избран председателем НПКСК; Чжоу Эньлай, Ли Цзишэнь, Шэнь Цзюньжу, Го Можо, Чэнь Шутун – заместителями председателя; Ли Вэйхань – его ответственным секретарем. На сессии было принято решение предложить Центральному Народному Правительству установить 1 октября в качестве национального праздника Китайской Народной Республики.

19 октября на 3-м заседании Центрального Народного Правительства Дун Биу, Чэнь Юнь, Го Можо, Хуан Яньпэй были назначены заместителями премьера ГАС КНР; Ли Вэйхань – ответственным секретарем ГАС КНР. На заседании были также назначены министры и руководители комитетов Центрального Народного Правительства, а также сформирован состав Народного Революционного Военного Комитета.

21 октября был официально создан Государственный Административный Совет Центрального Народного Правительства.

22 октября создан Комитет по делам национальностей Центрального Народного Правительства.

1 ноября создана Академия наук Китая.

15 ноября Чжоу Энлай направил письмо Генеральному секретарю ООН с требованием восстановить законное место КНР в ООН.

В ноябре был создан Комитет по делам проживающих за границей китайских граждан Центрального Народного Правительства.

2 декабря на 4-м заседании Центрального Народного Правительства было решено ежегодно отмечать 1 октября как национальный праздник Китайской Народной Республики. На заседании Гао Ган назначен председателем Народного Правительства Северо-Восточного Китая, а Жао Шуши, Линь Бяо, Пэн Дэхуай, Лю Бочэн, соответственно, – председателями Военно-административных комитетов Северного Китая, Центрально-Южного Китая, Северо-Западного Китая, Юго-Западного Китая.

С 16 декабря 1949 г. по 4 марта 1950 г. состоялся визит Мао Цзэдуна в СССР.

1950

24 января опубликовано указание ЦК КПК о начале аграрной реформы в новых освобожденных районах.

14 февраля в Москве подписан «Договор между СССР и КНР о дружбе, союзе и взаимной помощи».

1 мая опубликован и вступил в силу «Закон КНР о браке».

С 6 по 9 июня состоялся 3-й пленум ЦК КПК 7-го созыва.

25 июня началась война на Корейском полуострове.

29 июня опубликован и вступил в силу «Закон КНР о профсоюзах».

30 июня опубликован и вступил в силу «Закон КНР об аграрной реформе».

23 июля ГАС и Верховный Народный Суд совместно опубликовали «Указания о подавлении контрреволюционной деятельности».

20 сентября опубликовано описание государственного герба КНР.

8 октября Мао Цзэдун подписал «Приказ о формировании Армии добровольцев народа Китая», назначил Пэн Дэхуа командующим и одновременно политкомиссаром Армии добровольцев народа Китая.

19 октября Армия добровольцев народа Китая перешла реку Ялуцзян и вступила в войну за отпор США и оказание помощи Корее.

27 октября умер Жэнь Биши – член ЦК КПК, член Политбюро ЦК КПК, секретарь ЦК КПК.

16 ноября правительство КНР направило ноту правительству Индии, «строго указав, что освобождение Синьцзяна является внутренним делом Китая, в которое недопустимо никакое вмешательство».

6 декабря «Армия добровольцев народа Китая и Армия народа Кореи совместно вернули Пхеньян».

В этом году Китай установил дипломатические отношения с Вьетнамом, Индией, Индонезией, Швецией, Данией, Бирмой, Швейцарией, Финляндией.

1951

6 апреля Сун Цинлин и Го Можо стали лауреатами международной Сталинской премии мира.

20 мая в газете «Жэньминь жибао» опубликована передовая статья «Необходимо обратить внимание на кинофильм “Жизнь У Сюня”»; в стране была развернута критика У Сюня и кинофильма «Жизнь У Сюня».

23 мая Центральное Народное Правительство и местное правительство Тибета подписали в Пекине «Соглашение о методах мирного освобождения Тибета», было объявлено о «мирном освобождении» Тибета.

10 июля в Кэсоне состоялось первое заседание на переговорах о прекращении огня в Корее.

12 октября вышел из печати первый том «Избранных произведений Мао Цзэдуна».

24 октября Далай-лама прислал телеграмму Мао Цзэду, «поддержал мирное освобождение Тибета».

26 октября Народно-освободительная армия Китая в соответствии с соглашением о мирном освобождении Тибета вошла в Лхасу, «было осуществлено объединение всей материковой части Китая».

1 декабря ЦК КПК принял решение о начале движения борьбы против «трех зол»: борьбы против разложения, расточительства, бюрократизма.

В этом году КНР установила дипломатические отношения с Пакистаном.

1952

26 января ЦК КПК выпустил «Указания о решительном, последовательном и доведенном до конца развертывании в городах на протяжении определенного ограниченного периода времени широкомасштабного движения борьбы против “пяти злоупотреблений” (подкуп, уклонение от уплаты налогов, расхищение государственного имущества, хищение государственной экономической информации).

13 марта китайские писатели Дин Лин, Чжоу Либо, Хэ Цзинчжи, Дин И получили Сталинскую премию по литературе.

10 апреля вышел из печати второй том «Избранных произведений Мао Цзэдуна».

В апреле Мао Цзэдун, Чжоу Энлай подписали «Решение о коллективной демобилизации военнослужащих», дали указание 465 тысячам военнослужащих НОАК «принять участие в строительстве социалистической экономики».

17 июля Министерство общественной безопасности опубликовало и ввело в действие «Временные правила надзора над контрреволюционерами», установило, что

«находящиеся под надзором элементы лишаются права избирать и быть избранными и других политических прав».

7 августа Центральное Народное Правительство осуществило структурные преобразования: упразднило министерство торговли, создало министерство внешней торговли, министерство торговли, министерство продовольствия, первое министерство машиностроения, второе министерство машиностроения, министерство строительства, министерство геологии.

9 августа Центральное Народное Правительство опубликовало «Основные положения программы создания национальных автономных районов в Китайской Народной Республике».

С 17 августа по 22 сентября Чжоу Энлай во главе делегации правительства КНР совершил государственный визит в СССР.

25 августа в Пекине состоялся 3-й пленум ЦК КСМК 1-го созыва; на пленуме Ху Яобан был избран секретарем секретариата ЦК КСМК.

16 сентября была опубликована «Советско-китайская декларация о передаче правительству КНР Китайской Чанчуньской железной дороги».

С 2 октября 1951 г. по 11 января 1952 г. Лю Шаоци во главе делегации ЦК КПК находился в Москве для участия в XIX съезде КПСС.

15 ноября Центральное Народное Правительство осуществило урегулирование структуры: приняло решение преобразовать все народные правительства крупных административных районов (военно-политические комитеты) в административные комитеты Центрального Народного Правительства; а также учредить государственный комитет по планированию, министерство высшего образования, комитет по спортивному движению; решило упразднить провинции Пинъюань и Чахар; упразднить административные районы Южной Цзянсу и Северной Цзянсу, учредить Народное правительство провинции Цзянсу.

31 декабря в Харбине состоялась церемония подписания советско-китайского соглашения о передаче Китайской Народной Республике Чанчуньской железной дороги; «Китай возвратил Китайскую Восточную железную дорогу».

1953

1 января в газете «Жэньминь жибао» была опубликована передовая статья «Навстречу великим задачам 1953 года»; было объявлено о начале осуществления первого пятилетнего плана развития экономики страны.

13 января на 20-м заседании Центрального Народного Правительства было принято «Решение о созыве Всекитайского Собрания Народных Представителей, а также Собраний Народных Представителей всех ступеней». На заседании было принято решение образовать Комитет по подготовке проекта Конституции КНР во главе с председателем – Мао Цзэдуном и 32 членами комитета: Чжу Дэ, Чжоу Энлаем, Лю Шаоци и др. Образовать Комитет по выработке проекта закона о выборах КНР с Чжоу Энлаем в качестве председателя и 23 членами: Ань Цзывэнем, Пэн Чжэнем, Дэн Сяопином и др.

4 февраля в Пекине состоялась 4-я сессия НПКСК 1-го созыва. Чжоу Энлай выступил с политическим докладом, указав, что в настоящее время перед Китаем стоят

следующие главные задачи: во-первых, продолжать усилия по оказанию отпора Америке и осуществлению помощи Корее, укреплять и увеличивать оборонную мощь государства; во-вторых, начать строительство государства в соответствии с первым пятилетним планом; в-третьих, мобилизовать народ всей страны на активную подготовку и участие в выборах во всекитайское и в местные собрания народных представителей всех ступеней.

11 февраля состоялось 22-е заседание Центрального Народного Правительства. Была образована Центральная комиссия по выборам во главе с ее председателем Лю Шаоци.

15 февраля ЦК КПК принял «Решение о производственной взаимопомощи и сотрудничестве в сельском хозяйстве».

5 марта скончался председатель Совета министров СССР, секретарь ЦК КПСС Сталин; ЦК КПК и правительство КНР по отдельности направили телеграммы соболезнования в адрес ЦК КПСС и правительства СССР.

С 15 по 23 апреля в Пекине состоялся 2-й Всекитайский съезд Всекитайской федерации женщин (ВФЖ). На съезде был принят «Устав Всекитайской демократической федерации женщин». 25 апреля на первом заседании исполкома этой федерации 2-го созыва почетными председателями Всекитайской федерации женщин были избраны Сун Цинлин, Хэ Сяннин, а председателем федерации – Цай Чан.

В апреле вышел в свет третий том «Избранных произведений Мао Цзэдуна».

С 2 по 11 мая в Пекине состоялся 7-й Всекитайский съезд Всекитайской федерации профсоюзов (ВФП). 12 мая на первом заседании исполкома ВФП 7-го созыва Лю Шаоци был избран почетным председателем, а Лай Жоюй – председателем ВФП.

С 9 по 11 мая в Пекине состоялся учредительный съезд Китайского общества исповедующих ислам. Председателем этого общества был избран Бурхан.

15 мая СССР и КНР заключили «Соглашение об оказании Правительством СССР помощи Правительству КНР в развитии народного хозяйства Китая».

С 30 мая по 3 июня в Пекине состоялся учредительный съезд Китайского буддийского общества. Его почетными председателями стали далай-лама и панчен-лама.

С 10 по 15 июня в Пекине состоялся 2-й Всекитайский съезд молодежи. Ляо Чэн-чи был избран председателем Всекитайской федерации молодежи.

15 июня Мао Цзэдун в речи на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК предложил основное содержание генеральной линии партии на переходный период.

27 июля состоялось официальное подписание соглашения о прекращении огня в Корее.

7 сентября Мао Цзэдун в речи перед представителями демократических партий и организаций, а также торгово-промышленных кругов остановился на вопросе о преобразовании капиталистических промышленности и торговли.

22 ноября представители правительств КНР и КНДР в Пекине заключили «Китайско-корейское соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве». Принято решение: кроме того, что в период отпора Америке и помощи Корее КНДР была предоставлена материальная и финансовая помощь, будет еще оказана безвозмездная помощь в размере 800 млн народных юаней.

13 декабря Мао Цзэдун, внося поправки и изменения в представленные Отделом пропаганды ЦК КПК тезисы для учебы и пропаганды генеральной линии партии на переходный период, «дал целостную и точную формулировку этой генеральной линии»: «С создания КНР до завершения в основном социалистических преобразований, всё это время является переходным периодом. Генеральная линия и генеральная задача партии в этот переходный период состоит в следующем: нужно на протяжении относительно длительного периода времени постепенно осуществлять социалистическую индустриализацию государства, а также постепенно осуществлять социалистические преобразования государством сельского хозяйства, кустарной промышленности и капиталистических промышленности и торговли. Эта генеральная линия представляет собой тот маяк, который освещает каждую область нашей работы; отход от нее, в какой бы то ни было области работы, означает совершение ошибки либо правого уклона, либо “левого” уклона».

31 декабря Чжоу Эньлай в беседе с индийской делегацией выдвинул пять принципов мирного сосуществования, а именно взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, взаимное ненападение, взаимное невмешательство во внутренние дела, равноправие и взаимная выгода, а также мирное сосуществование.

С декабря 1953 г. по май 1954 г. «делегация военных советников КНР помогала армии и народу Вьетнама вести сражение под Бьендьенфу, при этом была одержана важная победа».

1954

8 января ЦК КПК опубликовал «Решение о развитии сельскохозяйственных производственных кооперативов».

С 6 по 10 февраля в Пекине состоялся 4-й пленум ЦК КПК 7-го созыва. На пленуме «была вскрыта и раскритикована антипартийная деятельность Гао Гана и Жао Шуши в период до и после совещания по экономическим и финансовым вопросам и совещания по организационной работе»; было принято «Решение об усилении сплоченности партии».

23 марта в Пекине состоялось первое заседание Комитета по выработке проекта Конституции КНР. От имени КПК Мао Цзэдун на этом заседании выдвинул «Проект Конституции КНР».

С 24 апреля по 23 июля Чжоу Эньлай во главе делегации КНР присутствовал на международной конференции в Женеве, где обсуждался вопрос о мирном объединении Кореи и о мире в Индокитае и было заключено соглашение о прекращении огня в Индокитае.

27 апреля на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК Дэн Сяопин был назначен ответственным секретарем ЦК КПК.

14 июня на 30-м заседании Центрального Народного Правительства принят «Проект Конституции КНР».

С 25 по 29 июня Чжоу Эньлай по приглашению последовательно посетил Индию и Бирму; были опубликованы совместные заявления глав правительств КНР и Индии, КНР и Бирмы; пять принципов мирного сосуществования объявлялись основными руководящими нормами в отношениях между КНР и Индией, КНР и Бирмой.

С 15 по 28 сентября в Пекине состоялась 1-я сессия ВСНП 1-го созыва. Мао Цзэдун выступил с речью на ее открытии; Лю Шаоци сделал «Доклад о проекте Конституции КНР»; Чжоу Эньлай выступил с «Докладом о работе правительства». На сессии была принята «Конституция КНР», Мао Цзэдун был избран председателем КНР, Лю Шаоци – председателем Постоянного Комитета ВСНП, Чжоу Эньлай был назначен премьером Государственного Совета КНР (ГС КНР).

16 октября Мао Цзэдун написал «Письмо по вопросу об изучении романа “Сон в Красном тереме”», предложил подвергнуть критике буржуазные идеалистические взгляды Ху Ши и др.

1 ноября были опубликованы результаты всекитайской переписи населения. Население КНР составило 601 938 035 человек.

С 21 по 25 декабря в Пекине прошло первое пленарное заседание Всекитайского комитета (ВК) НПКСК 2-го созыва. Чжоу Эньлай выступил с политическим докладом. На пленуме Мао Цзэдун был выдвинут на пост почетного председателя ВК НПКСК 2-го созыва, Чжоу Эньлай избран председателем ВК НПКСК. Был принят «Устав НПКСК».

25 декабря сдана в эксплуатацию шоссейная дорога Цинхай – Тибет.

В этом году были установлены дипломатические отношения на уровне поверенных в делах между КНР и Англией, КНР и Голландией.

1955

5 февраля на расширенном заседании президиума Союза китайских писателей было принято решение о «всесторонней критике идей Ху Фэна в сфере литературы и искусства».

9 февраля умер Чжан Лань – заместитель председателя ПК ВСНП, председатель Демократической лиги Китая.

11 февраля шесть прежних больших военных округов: Северо-Восточного Китая, Северного Китая, Восточного Китая, Центрально-Южного Китая, Юго-Западного Китая, Северо-Западного Китая были преобразованы в 12 больших военных округов: Шэньянский, Пекинский, Цзинаньский, Нанкинский, Гуанчжоуский, Уханьский, Чэндуский, Куньминский, Ланьчжоуский, Синьцзянский, Внутренней Монголии, Тибетский.

1 марта Народный банк Китая выпустил в обращение новые купюры народного юаня.

С 21 по 31 марта в Пекине состоялась Всекитайская конференция КПК. На конференции были приняты «Решение о проекте первого пятилетнего плана развития народного хозяйства КНР», «Решение об антипартийном блоке Гао Гана, Жао Шуши», «Решение о создании Центральной контрольной комиссии партии».

4 апреля на 5-м пленуме ЦК КПК 7-го созыва членами Политбюро ЦК КПК были дополнительно избраны Линь Бяо, Дэн Сяопин.

13 мая, 24 мая, 10 июня в газете «Жэньминь жибао» помещены критические «Материалы о контрреволюционном блоке Ху Фэна».

26 мая расквартированные в Люйшунью (Порт-Артуре) части Советской армии были выведены на Родину; «Китай возвратил себе суверенитет над Люйшунем».

1 июля ЦК КПК выпустил «Указания о развертывании борьбы в целях выкорчевывания затаившихся контрреволюционных элементов», по всей стране было развернуто «движение за искоренение контрреволюции».

В тот же день официально сдан в эксплуатацию первый в Китае мост через реку Хуанхэ – Большой мост железнодорожного сообщения по маршруту Ланьчжоу–Синьцзян.

5 июля в Пекине состоялась 2-я сессия ВСНП 1-го созыва, на которой приняты «Первый пятилетний план развития народного хозяйства», «Устав вооруженных сил КНР», а также решения об упразднении провинций Жэхэ и Сикан и Министерства топливной промышленности, учреждены министерства угольной промышленности; электростанций; нефтяной промышленности; закупок сельскохозяйственной продукции.

1 августа в Женеве состоялось заседание на уровне послов между КНР и США.

31 августа ГС КНР принял решение о начале с июля 1955 г. перевода на систему выдачи заработной платы работников государственных учреждений.

27 сентября в Пекине состоялась церемония присвоения воинских званий военнослужащим НОАК. Воинские звания маршалов присвоены Чжу Дэ, Пэн Дэхуаю, Линь Бяо, Лю Бочэну, Хэ Луну, Чэнь И. Ло Жунхуаню, Сюй Сянцянью, Не Жунчжэню, Е Цзяньину.

30 сентября упразднена провинция Синьцзян, был создан Синьцзян-Уйгурский автономный район.

12 сентября под руководством Мао Цзэдуна выпущена в свет книга «Подъем социализма в деревне Китая», к которой он написал предисловие и дал примечания.

С 4 по 11 октября прошел 6-й (расширенный) пленум ЦК КПК 7-го созыва, на котором принято «Решение по вопросу о кооперировании сельского хозяйства».

29 октября Мао Цзэдун выступил с речью на заседании Всекитайской ассоциации промышленности и торговли по вопросу о социалистических преобразованиях частной промышленности и торговли.

2 декабря состоялись заседания Демократической лиги Китая и Крестьянско-рабочей демократической партии Китая, других демократических партий и организаций с обсуждением вопроса «о сплочении и преобразовании интеллигенции».

В этом году КНР установила дипломатические отношения с Югославией, Афганистаном, Непалом.

1956

С 14 по 20 января ЦК КПК провел совещание по вопросу об интеллигенции. Чжоу Эньлай выступил с «Докладом по вопросу об интеллигенции», указав, что «подавляющая часть интеллигенции уже является частью рабочего класса».

15 января в Пекине был проведен 200-тысячный митинг всех слоев населения по случаю «победы социалистических преобразований»; «праздновалось то, что Пекин первым (в стране) осуществил переход к смешанному государственно-частному управлению всеми отраслями промышленности и торговли». Вслед за тем по всей

стране, за исключением Тибета и других районов национальных меньшинств, был в основном осуществлен переход к смешанному государственно-частному управлению во всех отраслях.

25 января Мао Цзэдун провел Верховное государственное совещание для обсуждения представленных ЦК КПК «Основных положений развития сельского хозяйства в масштабах всей страны в 1956–1967 годах (проект)».

4 февраля делегация ЦК КПК «во главе с Чжу Дэ в качестве руководителя делегации и Дэн Сяопином в качестве заместителя руководителя делегации» направилась в СССР для участия в XX съезде КПСС.

13 февраля премьер-министр Королевства Камбоджи принц Сианук посетил КНР.

С 14 по 25 февраля состоялся XX съезд КПСС. Секретарь ЦК КПСС Хрущев выступил с «секретным докладом, отрицавшим Сталина».

5 апреля в газете «Жэньминь жибао» была опубликована редакционная статья «Об историческом опыте диктатуры пролетариата».

22 апреля в Лхасе был официально учрежден комитет по подготовке к созданию Тибетского автономного района во главе с далай-ламой и панчен-ламой. ЦК КПК, Центральное Народное Правительство направили приветствовать этот акт делегацию во главе с Чэнь И.

25 апреля Мао Цзэдун на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК выступил с докладом «О десяти крупных взаимоотношениях».

2 мая Мао Цзэдун на 7-й сессии Верховного государственного совещания официально выдвинул курс «Пусть расцветают вместе все сто цветов, пусть соперничают между собой все сто научных школ».

12 мая ПК ВСНП принял «Решение об урегулировании структуры организаций, подведомственных ГС КНР», решение учредить Государственный комитет по экономике и Государственный комитет по технике.

29 мая успешно совершен пробный полет по маршруту Пекин–Чэнду–Лхаса.

7 июня китайский тяжелоатлет Чэнь Цзинкай поднял вес в 135,5 кг, установил мировой рекорд; «спортсмен Китая впервые побил мировой рекорд».

20 июня в газете «Жэньминь жибао» опубликована редакционная статья «Следует выступать против консерватизма, а также следует выступать против слепого и поспешного забега вперед»; «повсеместно началось исправление явления слепого и поспешного забега вперед при строительстве экономики».

13 июля введен в строй первый автомобильный завод в городе Чанчунь; также начато в опытном порядке производство первой партии выпущенных в КНР автомобилей марки «Цзефан».

С 11 по 23 августа состоялся 2-й всекитайский съезд Китайской ассоциации содействия демократии; Ма Сюлунь избран ее председателем.

С 15 по 27 сентября в Пекине состоялся VIII всекитайский съезд КПК. Мао Цзэдун открыл съезд «Вступительным словом». Лю Шаоци выступил с «Политическим докладом». Чжоу Эньлай представил «Доклад с предложениями относительно второго пятилетнего плана развития народного хозяйства (национальной экономики)». Дэн Сяопин сделал «Доклад об исправлении Устава партии».

17 сентября на заседании ГС КНР были утверждены «Краткие правила организации Министерства труда КНР». Этими правилами устанавливалось, что Министерство труда – это учреждение, посредством которого ГС КНР ведает работой в сфере труда по всей стране; оно руководит работой отделов труда на местах; осуществляет контроль и руководство работой в сфере труда во всех отраслях, подведомственных ГС КНР, а также через отделы труда на местах осуществляет надзор и руководство работой в сфере труда предприятий, которые находятся под управлением государства, местных органов власти, управляются кооперативами и находятся под смешанным государственно-частным управлением.

28 сентября состоялся 1-й пленум ЦК КПК 8-го созыва. На пленуме состоялись выборы в соответствии с новой структурой руководства ЦК; Мао Цзэдун был избран председателем ЦК; Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, Чэнь Юнь – заместителями председателя; Дэн Сяопин – был избран генеральным секретарем.

С 30 сентября по 14 октября президент Индонезии Сукарно совершил официальный визит в КНР.

С 5 по 12 октября в Пекине состоялся 1-й всекитайский съезд возвратившихся на родину китайских эмигрантов. На съезде было объявлено об официальном создании Всекитайской ассоциации возвратившихся на родину китайских эмигрантов.

6 октября ГС КНР опубликовал «Постановление о централизации закупок и сбыта зерна у сельскохозяйственных производственных кооперативов».

С 24 октября по 17 ноября по приглашению премьера ГС КНР Чжоу Эньлая в КНР побывал председатель Антифашистского союза народной свободы Бирманского Союза У Ну.

28 октября газета «Жэньминь жибао» сообщила, что в большинстве провинций и городов центрального подчинения КНР осуществлена высшая форма кооперирования в сельском хозяйстве.

1 ноября правительство КНР выступило с заявлением в связи с опубликованной правительством СССР 30 октября «Декларацией об усилении и дальнейшем развитии основы дружбы и сотрудничества между СССР и другими социалистическими странами». В заявлении подчеркивалось, что «отношения между социалистическими государствами должны строиться на основе пяти принципов мирного сосуществования».

С 10 по 15 ноября в Пекине был проведен 2-й пленум ЦК КПК 8-го созыва.

С 18 ноября 1956 г. по 6 февраля 1957 г. Чжоу Эньлай по приглашению посетил 11 государств: Вьетнам, Камбоджу, Индию, Бирму, Пакистан, СССР, Польшу, Венгрию, Афганистан, Непал и Цейлон.

29 декабря в газете «Жэньминь жибао» опубликована редакционная статья «Еще раз об историческом опыте диктатуры пролетариата». В этой статье «впервые был выдвинут вопрос о двух видах противоречий в обществе».

В этом году КНР установила дипломатические отношения с Египтом, Сирией.

1957

10 января ЦК КПК опубликовал «Уведомление о создании Группы ЦК КПК из пяти человек по работе в области экономики». Политбюро ЦК КПК приняло решение

о том, чтобы упомянутая группа с Чэнь Юнем в качестве руководителя вела работу в стране в сфере экономики.

С 27 февраля по 1 марта Мао Цзэдун провел 11-е (расширенное) заседание Верховного государственного совещания. На нем он выступил с речью на тему «Как подходить к противоречиям внутри народа». После того, как Мао Цзэдун внес в речь исправления и дополнения, она была открыто опубликована 19 июня того же года в газете «Жэньминь жибао» под заголовком «О проблеме правильного подхода к противоречиям внутри народа».

1 марта в Пекине проведено учредительное собрание Академии сельскохозяйственных наук Китая.

С 3 по 13 июня ЦК КПК провел в Пекине Всекитайское совещание по работе в сфере пропаганды с участием членов партии и внепартийных деятелей.

10 апреля в газете «Жэньминь жибао» была опубликована редакционная статья «Продолжать смело действовать, последовательно осуществлять курс “Пусть расцветают одновременно все сто цветов, пусть одновременно соперничают все сто научных школ”».

20 апреля ГС КНР опубликовал «Указания о ликвидации шистозоматоза».

27 апреля ЦК КПК выпустил «Указания о движении за исправление стиля».

6 мая ЦК КПК опубликовал «Указания о продолжении организации внепартийных деятелей на развертывание ими критики ошибок и недостатков, совершенных партией и правительством».

С 8 мая по 3 июня Отдел по работе единого фронта ЦК КПК пригласил все демократические партии и организации и беспартийных демократических деятелей «провести тринадцать обсуждений»; более 70 внепартийных деятелей «высказали критические замечания в отношении работы партии и политической жизни в стране».

10 мая ЦК КПК дал «Указания об участии в физическом труде руководителей всех уровней».

15 мая Мао Цзэдун написал статью «В ситуации как раз сейчас происходят изменения».

С 15 по 25 мая в Пекине проходил 3-й съезд Союза новодемократической молодежи Китая. На съезде принято решение о преобразовании этого союза в Коммунистический союз молодежи Китая (КСМК). Был принят новый устав союза.

6 июня ЦК КПК выпустил «Указания о том, чтобы, не теряя времени, продолжить развертывать движение за исправление стиля».

8 июня Мао Цзэдун от имени ЦК КПК распространил внутри партии указание: «Сосредоточить силы на нанесении ответного удара против бешеного наступления правых элементов».

В тот же день в газете «Жэньминь жибао» была напечатана редакционная статья под названием: «Так почему же все это?».

С 26 июня по 15 июля в Пекине состоялась 4-я сессия ВСНП.

1 июля Мао Цзэдун написал для газеты «Жэньминь жибао» передовую статью под заголовком: «Следует подвергнуть критике буржуазное направление газеты «Вэньхойбао»».

5 июля в газете «Жэньминь жибао» была опубликована статья ректора Пекинского университета Ма Иньчу под заголовком «Новый взгляд на вопрос о народонаселении». В ней предлагалось взять под контроль и ограничить рост численности населения страны, повысить его качество. Взгляды Ма Иньчу «подверглись ошибочной критике».

С 17 по 21 июля ЦК КПК провел в Циндао совещание секретарей парткомов провинций и городов центрального подчинения. На совещании было сосредоточено внимание на обсуждении вопроса о борьбе против правых. Во время этого совещания Мао Цзэдун написал статью «Обстановка летом 1957 года», текст статьи был доведен до участников совещания.

8 августа ЦК КПК дал «Указания осуществить в широких масштабах воспитание в духе социализма применительно ко всему сельскому населению страны».

25 августа ЦК КПК выпустил «Уведомление относительно того, на что следует обращать внимание в ходе борьбы против буржуазных правых».

С 9 по 20 сентября в Пекине прошел 3-й Всекитайский съезд женщин.

14 сентября ЦК КПК распространил «Указания об упорядочении сельскохозяйственных производственных кооперативов», «Указания о налаживании управления сельскохозяйственными производственными кооперативами» и «Указания о последовательном осуществлении в сельскохозяйственных производственных кооперативах политики, обеспечивающей взаимные интересы».

16 сентября в возрасте 97 лет умер Ци Байши – председатель Союза работников изобразительного искусства Китая, почетный председатель Китайского института изобразительных искусств в Пекине, знаменитый китайский художник.

С 20 сентября по 9 октября в Пекине был проведен 3-й (расширенный) пленум ЦК КПК 8-го созыва.

25 сентября ЦК КПК опубликовал «Указания об участии в производственном труде кадровых работников сельскохозяйственных кооперативов».

5 октября агентство «Синьхуа» сообщило об окончании строительства самого высокогорного шоссе в мире – шоссе в Тибет протяженностью в 1179 км и с высшей точкой на высоте в 5500 м.

8 октября агентство «Синьхуа» сообщило о вводе в основном в строй первого месторождения природной нефти – Юймэньского месторождения.

13 октября Мао Цзэдун созвал 13-е заседание Верховного государственного совещания, на котором главным образом обсуждались вопросы о «движении за упорядочение стиля работы» и «основные тезисы относительно развития сельского хозяйства».

15 октября ЦК КПК распространил «Уведомление о критериях отнесения к числу правых элементов».

В тот же день, за два года до первоначально установленного срока, было завершено сооружение Большого моста через реку Чанцзян (Янцзы) в Ухане. Мост построен по проекту советского инженера К.С. Силина.

В тот же день СССР и КНР заключили соглашение о новой оборонной технике, которым предусматривалась «поставка в КНР образца атомной бомбы и материалов технического характера».

27 октября на верфи Цзяннань была сдана в эксплуатацию первая китайская подводная лодка.

С 2 по 21 ноября Мао Цзэдун во главе партийно-правительственной делегации Китая по приглашению посетил СССР, а также принял участие в заседании «по случаю 40-летия Октябрьской революции». С 14 по 16 ноября делегация КПК «присутствовала» на совещании представителей коммунистических и рабочих партий 12 социалистических государств. С 16 по 19 ноября делегация КПК «принимала участие» в совещании представителей 64 коммунистических и рабочих партий. Кроме того, «поставила подписи» под принятыми на упомянутых совещаниях «Декларацией коммунистических и рабочих партий социалистических стран» и «Декларацией о мире».

13 ноября в редакционной статье, опубликованной в газете «Жэньминь жибао» под заголовком «Поднять весь народ, обсудить программу из 40 пунктов, добиться нового подъема производства в сельском хозяйстве» «впервые был выдвинут призыв» к осуществлению «большого скачка».

2 декабря ГС КНР опубликовал «Проект фонетической транскрипции китайского языка».

С 2 по 12 декабря в Пекине состоялся 8-й Всекитайский съезд профсоюзов, на котором был принят «Устав профсоюзов».

12 декабря газета «Жэньминь жибао» опубликовала редакционную статью «В деле строительства следует придерживаться курса: больше, быстрее, лучше и экономнее». В этом году КНР установила дипломатические отношения с Цейлоном.

1958

1 января в газете «Жэньминь жибао» опубликована редакционная статья под заголовком «Оседлать ветер и разбивать волны», в которой «со всей ясностью к народу всей страны была обращена стратегическая мысль о том, чтобы превзойти Англию и догнать Америку, а также переходить к коммунистическому обществу».

С 11 по 22 января ЦК КПК провел в Наньнине рабочее совещание части руководителей ЦК и секретарей парткомов части провинции и городов центрального подчинения.

31 января Мао Цзэдун на основе обсуждения на совещаниях в Ханчжоу и Наньнине предложил «60 правил работы (проект)».

С 1 по 11 февраля в Пекине состоялась 5-я сессия ВСНП 1-го созыва.

12 февраля ЦК КПК, ГС КНР опубликовали «Указания о ликвидации четырех вредителей и соблюдении гигиены».

С 14 по 21 февраля Чжоу Эньлай во главе делегации правительства КНР посетил КНДР.

20 февраля штаб Армии добровольцев народа Китая сделал заявление о решении до конца 1958 г. полностью вывести войска из Кореи.

3 марта ЦК КПК опубликовал «Указания о развертывании движения борьбы против расточительности и консерватизма».

С 8 по 26 марта ЦК КПК провел в Чэнду рабочее совещание ответственных сотрудников соответствующих органов ЦК и первых секретарей парткомов провинций, городов центрального подчинения и автономных районов.

15 марта в Пекине была учреждена Академия военных наук НОАК.

В марте создан Гуанси-Чжуанский автономный район.

2 апреля ЦК КПК выпустил «Указания по вопросу об исправлении стиля».

15 апреля Мао Цзэдун выступил со статьей «Рекомендую этот кооператив».

С 15 по 24 апреля и с 10 по 28 июня ЦК КПК в два приема провел в Пекине совещания по работе в сфере образования. На них обсуждался курс в области образования и проблемы реформы образования. По итогам совещаний в ЦК КПК и в ГС КНР были представлены «Указания относительно работы в сфере образования».

18 апреля агентство «Синьхуа» сообщило, что 12 национальных меньшинств благодаря помощи со стороны государства создали и улучшили свою письменность.

1 мая состоялась церемония открытия в Пекине на площади Тяньаньмэнь монумента в память о народных героях.

С 5 по 23 мая в Пекине состоялась 2-я сессия VIII съезда КПК.

25 мая в Пекине состоялся 5-й пленум ЦК КПК 8-го созыва. На нем Линь Бяо был дополнительно избран заместителем председателя ЦК КПК, членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. Пленум также принял решение об издании теоретического органа ЦК партии журнала «Хунци» периодичностью два раза в месяц.

30 мая состоялось расширенное заседание Политбюро ЦК партии. На пленуме Лю Шаоци предложил, чтобы в Китае обязательно одновременно и параллельно были два типа образования и два типа найма на работу.

1 июня вышел в свет первый номер теоретического журнала ЦК КПК «Хунци».

С 31 июля по 3 августа в Пекине с визитом находился первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев.

В первой декаде августа Мао Цзэдун проинспектировал деревни в провинциях Хэбэй, Хэнань и Шаньдун.

С 14 по 27 августа состоялся визит в КНР премьер-министра Камбоджи принца Нородома Сианука.

С 17 по 30 августа ЦК КПК провел в Бэйдайхэ расширенное заседание Политбюро ЦК КПК. На нем было принято решение: «Расширенное заседание Политбюро ЦК КПК призывает всю партию и весь народ подняться на самоотверженную борьбу за выплавку 10 млн 700 тыс. тонн стали».

23 августа «войска НОАК, находящиеся на линии фронта в Фуцзяни, начали широкомасштабный артиллерийский обстрел, носящий предупредительный характер, по войскам Гоминьдана на островах Цзиньмэнь, Мацзу, которые постоянно тревожили прибрежные районы материка».

29 августа ЦК КПК распространил «Указания о том, чтобы нынешней зимой и следующей весной в деревне повсеместно развернуть движение за воспитание в духе социализма и коммунизма».

2 сентября начала свою работу первая в КНР телевизионная станция Пекина.

6 сентября Чжоу Энлай выступил с «Заявлением о положении в районе Тайваньского пролива».

С 10 по 29 сентября Мао Цзэдун проинспектировал Хубэй, Аньхой, Цзянсу, Шанхай.

С 13 по 20 сентября Отдел пропаганды ЦК КПК провел совещание по вопросам творчества в сфере литературы и искусства.

6 октября министр обороны КНР Пэн Дэхуай выступил с «Обращением к землякам на Тайване».

В октябре был учрежден Нинся-Хойский автономный район.

С 2 по 10 ноября Мао Цзэдун провел в Чжэнчжоу рабочее совещание с участием части руководителей ЦК партии, ответственных руководителей крупных районов и части секретарей парткомов провинций, городов центрального подчинения («первое совещание в Чжэнчжоу»).

С 21 по 27 ноября и с 2 по 10 декабря глава правительства КНДР Ким Ир Сен побывал с визитом в КНР.

С 28 ноября по 10 декабря в Учане состоялся 6-й пленум ЦК КПК 8-го созыва.

9 декабря было полностью завершено строительство в районе Саньмэнься на реке Хуанхэ.

В этом году КНР установила дипломатические отношения с Камбоджой, Ираком, Марокко, Алжиром.

1959

С 27 февраля по 5 марта ЦК КПК провел расширенное заседание Политбюро ЦК КПК в Чжэнчжоу («второе совещание в Чжэнчжоу»).

10 марта «местное правительство Тибета и реакционная группировка верхушки в сговоре с империализмом и при вмешательстве из-за рубежа осуществили так называемую независимость Тибета, в Лхасе подняли вооруженный мятеж».

С 2 по 5 апреля в Шанхае состоялся 7-й пленум ЦК КПК 8-го созыва.

С 17 по 29 апреля в Пекине состоялась 1-я сессия НПКСК 3-го созыва.

С 18 по 29 апреля в Пекине состоялась 1-я сессия ВСНП 2-го созыва.

7 мая ЦК КПК издал «Экстренные указания из пяти пунктов». Принял решение по вопросу о «выращивании в частном порядке семьями скота и птицы».

19 июня было принято решение о создании Государственного комитета по науке и технике.

В июне «правительство СССР в одностороннем порядке разорвало подписанное обеими сторонами, КНР и СССР, в октябре 1957 г. соглашение о новой оборонной технике, отказалось предоставить КНР макет атомной бомбы и технические материалы для производства атомной бомбы». На самом деле позиция советской стороны была

вынужденной ответной реакцией на проявление с 1958 г. Мао Цзэдуном отношения к СССР как к якобы военному врагу Китая; это требовало защиты интересов СССР.

С 2 июля по 16 августа «ЦК КПК провел в Лушане одно за другим расширенное заседание Политбюро ЦК КПК (с 2 июля по 1 августа) и 8-й пленум ЦК КПК 8-го созыва (с 2 по 16 августа) (совещание в Лушане)».

26 августа на 5-м заседании ПК ВСНП 2-го созыва было принято «Решение об урегулировании основных показателей плана народного хозяйства на 1959 г. и о развертывании движения за увеличение производства и экономию».

С 11 по 13 сентября проведены 6-е, 7-е, 8-е заседания ПК ВСНП; принято «Решение по вопросу о границе между КНР и Индией».

С 13 сентября по 3 октября в Пекине была проведена 1-я Всекитайская олимпиада.

16 сентября ЦК КПК, ГС КНР опубликовали «Решение по вопросу об отношении к правым элементам, которые действительно исправились», было вынесено предложение «снять ярлык с действительно исправившихся правых элементов».

17 сентября на 9-м заседании ПК ВСНП решено назначить Линь Бяо по совместительству министром обороны, Ло Жуйцина по совместительству начальником Генерального штаба; снять Пэн Дэхуа с поста министра обороны, а Хуан Кэчэна – с поста начальника генерального штаба.

25 сентября началась разработка нефтяных месторождений в Дацине.

С 30 сентября по 3 октября состоялся визит в КНР Н.С. Хрущева.

В сентябре в Пекине были введены в эксплуатацию здания Дома ВСНП, Военного музея революции народа Китая, стадиона «Пекинский рабочий», Дворца национальностей, гостиницы «Миньцзу», Всекитайского сельскохозяйственного выставочного павильона, Музея революции Китая, Музея истории Китая, Пекинского вокзала.

1 октября на площади Тяньаньмэнь было торжественно отпраздновано 10-летие создания Китайской Народной Республики.

23 октября правительство КНР выступило с заявлением по поводу «незаконной резолюции, принятой на 14-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН по так называемому “вопросу о Тибете”, был выражен резкий протест против того, что США заставили ООН вмешаться во внутренние дела Китая».

26 октября Министерство иностранных дел выступило с «Заявлением в связи с тем, что индийский вооруженный персонал нарушил границу на северо-западе и вторгся в Тибет Китая, а также совершил вооруженную провокацию».

1 ноября вступил в строй первый в Китае тракторный завод в Лояне (провинция Хэнань).

21 ноября полностью завершилось строительство большого моста длиной в 820 м через реку Янцзы в городе Чунцине.

9 декабря министр иностранных дел Чэнь И направил письмо министру иностранных дел Индонезии Субандрио, «выразив строгий протест против широкомасштабных антикитайских действий и проявлений ксенофобии в отношении Китая в Индонезии».

В декабре образован Комитет оборонной промышленности.

В этом году КНР установила дипломатические отношения с Суданом, Гвинеей.

1960

3 января агентство «Синьхуа» сообщило, что по всей стране в различных провинциях, городах центрального подчинения, автономных районах в последнее время был снят «ярлык» «правый элемент» с 26 тыс. человек.

С 7 по 17 января ЦК КПК провел в Шанхае расширенное заседание Политбюро ЦК КПК. На заседании был определен план народного хозяйства на 1960 г., обсуждались предположения относительно следующих трех лет и восьми лет.

20 февраля ЦК КПК принял решение о разработке нефтяных месторождений в Дацине.

9 марта ЦК КПК выступил с «Указаниями по вопросу о городских народных коммунах». В этих «указаниях» «выдвинуто требование, чтобы по всей стране повсеместно активно взялись за создание городских народных коммун, в первой половине года их создавали бы в отдельных местах в опытном порядке, во второй половине – распространили бы по всей стране».

22 марта ЦК КПК утвердил «Конституцию Аньшаньского металлургического комбината».

23 марта ЦК КПК выступил с указаниями по поводу ситуации на совещании шести категорий кадровых работников в провинции Шаньдун, указав на то, что «в некоторых уездах, коммунах распространилось поветрие обобществления (коммунизации), погони за дутыми показателями, приказных методов руководства, проблема стала серьезной, и ее нельзя оставлять без принятия соответствующих мер».

С 30 марта по 10 апреля в Пекине состоялась 2-я сессия ВСНП.

2 апреля ЦК КПК утвердил «Доклад Министерства образования о ликвидации неграмотности в деревне, о положении в деле нестандартного образования и о курсе в отношении этой работы в дальнейшем», «было указано на необходимость сосредоточить силы для того, чтобы к 1962 г. в основном выполнить задачу по ликвидации неграмотности».

С 8 по 16 апреля Пекин по приглашению посетил председатель Великого народного хурала Монголии.

С 15 по 29 апреля Чжоу Эньлай по приглашению совершил поездку в Бирму, Индию и Непал.

21 апреля был введен в эксплуатацию Большой мост через реку Хуанхэ в Чжэнчжоу.

22 апреля по случаю 90-летия со дня рождения В.И. Ленина редакция журнала «Хунци» выступила со статьей «Да здравствует ленинизм», а редакция газеты «Жэньминь жибао» со статьей «Вперед по пути великого Ленина».

В апреле были изданы «Избранные произведения В.И. Ленина» (в четырех томах), составленные Управлением переводов произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина при ЦК КПК.

С 5 по 14 мая Чжоу Эньлай по приглашению посетил Камбоджу и Вьетнам.

25 мая трое китайских альпинистов взойшли на Эверест (Джомолунгму) с северной стороны.

С 27 мая по 1 июня Чжоу Эньлай по приглашению посетил Монголию.

С 14 по 18 июня ЦК КПК провел в Шанхае расширенное заседание Политбюро ЦК. Мао Цзэдун выступил с речью «Обобщение десяти лет».

С 24 по 26 июня состоялось совещание представителей коммунистических и рабочих партий в Бухаресте. В совещании участвовал возглавлявший делегацию КПК член Политбюро ЦК КПК Пэн Чжэнь.

16 июля правительство СССР направило ноту правительству КНР, «в одностороннем порядке приняло решение об отзыве всех советских специалистов, работавших в КНР, разорвало сотни соглашений и контрактов, остановило поставку важного оборудования». На самом деле это было вынужденное решение, реакция на создание по воле Мао Цзэдуна нетерпимых и невыносимых условий для работы советских специалистов, «выдавливание» их из КНР.

30 сентября в КНР впервые был выдвинут «курс из восьми иероглифов», т.е. курс на «урегулирование, укрепление, пополнение и повышение» применительно к экономике страны.

В тот же день вышел в свет четвертый том «Избранных произведений Мао Цзэдуна», составленный Комиссией ЦК КПК по изданию избранных произведений Мао Цзэдуна.

В сентябре Политбюро ЦК КПК приняло решение создать шесть бюро ЦК КПК: по Северному Китаю, Северо-Восточному Китаю, Восточному Китаю, Центрально-Южному Китаю, Юго-Западному Китаю, Северо-Западному Китаю с тем, чтобы «укрепить руководство всеми областями работы в этих шести районах, в особенности работу по созданию районированной системы экономики».

3 ноября ЦК КПК выпустил «Письмо с экстренными указаниями по вопросу о современной политике в отношении сельских народных коммун», которое «сыграло важную роль при подавлении “поветрия обобществления (коммунизации)”».

С 5 ноября по 8 декабря «партийно-правительственная делегация Китая во главе с Лю Шаоци, Дэн Сяопином» посетила СССР, приняла участие в праздновании 43-й годовщины Октябрьской революции. Она приняла также участие в совещании в Москве представителей 81 коммунистической и рабочей партии. На совещании было принято «Московское заявление».

15 ноября ЦК КПК издал «Указания по вопросу о последовательном и доведенном до конца исправлении “пяти поветрий”». Имелись в виду «поветрие обобществления (коммунизации), поветрие погони за дутыми показателями (бахвальства), поветрие приказного стиля, поветрие привилегий для кадровых работников и поветрие командования производством вслепую».

С 15 по 26 декабря глава правительства Камбоджи принц Сианук находился с визитом в КНР.

28 декабря агентство «Синьхуа» сообщило о том, что «сельскохозяйственное производство в стране в целом в 1960 г. подверглось серьезным стихийным бедствиям, которых не было за последние 100 лет, площадь пострадавших земель составила 900 млн му, т.е. более половины всей пахотной земли в стране».

В этом году КНР установила дипломатические отношения с Ганой, Кубой.

1961

С 2 по 9 января Чжоу Энлай во главе правительственной делегации КНР принял участие в праздновании независимости Бирмы и находился там с дружественным визитом.

С 14 по 18 января в Пекине проходил 9-й пленум ЦК КПК 8-го созыва, на котором был официально принят курс из восьми иероглифов, направленный на то, чтобы в народном хозяйстве страны в целом осуществлять «урегулирование, укрепление, пополнение, повышение».

С третьей декады января по третью декаду февраля Мао Цзэдун организовал группы для обследования положения в стране и руководил ими. Они были направлены в деревни в провинциях Чжэцзян, Хунань, Гуандун.

6 марта партком КПК провинции Аньхой в соответствии с требованиями крестьян решил в целях эксперимента осуществить систему (порядок) управления хозяйством на полях по принципу: «определять объем производства применительно к тому или иному конкретному полю, доводить ответственность до каждого конкретного человека».

С 15 по 23 марта ЦК КПК провел в Гуанчжоу совещание руководящих партийных органов всей страны. На нем было принято «Положение о работе в сельских народных коммунах».

23 марта ЦК КПК довел до партийных организаций текст письма, написанного Мао Цзэдуном весной 1930 г., которое получило название «Против книгопочтения».

С 4 по 14 апреля на 26-м мировом чемпионате по настольному теннису, проведенном в Пекине, Чжуан Цзэдун и Цю Чжунхой стали чемпионами мира в мужском и женском одиночных разрядах.

21 апреля ЦК КПК распространил «Указания о курсе работы в Тибете».

С 22 по 25 апреля премьер-министр Лаоса принц Сувана Фума побывал с визитом в КНР. Правительства обеих стран приняли решение об установлении дипломатических отношений.

26 апреля правительство КНР выступило с заявлением, поддержав предложение двух председателей Женевской конференции о мирном разрешении вопроса о Лаосе.

С 21 мая по 12 июня ЦК КПК провел в Пекине рабочее совещание, на котором были упразднены положения об общественных (общих) столовых и о системе снабжения. На совещании было решено реабилитировать членов партии и кадровых работников, которые получили взыскания за последние годы, «исходя из принципа реалистического подхода к действительности, стремления к истине, исходя из фактов, основываясь на фактах».

С 1 по 28 июня ЦК КПК провел совещание по вопросам литературы и искусства с обсуждением «Мнения о работе в настоящее время в области литературы и искусства».

С 13 по 15 июня состоялся визит в КНР президента Индонезии Сукарно.

С 10 по 15 июля в Пекине с визитом находился председатель ЦК Трудовой партии Кореи, премьер-министр КНДР Ким Ир Сен.

16 июля ЦК КПК принял «Решение по некоторым вопросам усиления работы по строительству атомной промышленности».

8 августа в Пекине в возрасте 67 лет умер Мэй Ланьфан – знаменитый деятель искусства, председатель Института театрального искусства Китая, руководитель Китайского театра пекинской оперы.

С 14 по 19 августа в КНР побывал президент Ганы Нкрума.

С 23 августа по 16 сентября ЦК КПК провел совещание в Лушане с обсуждением проблем промышленности и образования.

18 сентября МИД КНР объявил о временном приостановлении дипломатических отношений между КНР и Конго (Леопольдвиль).

С 22 сентября по 3 октября КНР посетил президент Кубинской Республики Дортикос.

С 28 сентября по 15 октября в КНР побывал с визитом король Непала Махендра.

13 октября в Пекине КНР и Бирманский Союз подписали протокол о границе.

С 15 по 23 октября Чжоу Эньлай во главе делегации КПК принимал участие в XXII съезде КПСС.

13 ноября ЦК КПК выпустил «Указание об осуществлении в деревне социалистического воспитания».

6 декабря МИД КНР опубликовал «Заявление по вопросу о границе между Китаем и Индией».

В декабре МИД КНР выступил с «Заявлением о незаконных резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН по так называемому “Вопросу о праве представительства Китая” и по “вопросу о Тибете”».

В конце декабря «благодаря первоначальному урегулированию удалось взять под контроль серьезную ситуацию с утратой сбалансированности главных пропорций в народном хозяйстве. В некоторых районах начался поворот к лучшему».

В этом году были установлены дипломатические отношения между КНР и Лаосом.

1962

С 11 января по 7 февраля ЦК КПК в Пекине провел расширенное рабочее совещание. В нем приняли участие более 7 тыс. ответственных работников ЦК партии, всех бюро ЦК КПК, парткомов городов центрального подчинения и автономных районов, а также районных комитетов, уездных комитетов, важнейших промышленных и горнорудных предприятий и армии (оно получило наименование «совещания семи тысяч человек»).

13 февраля ЦК КПК издал «Указания по вопросу об изменении основной хозрасчетной единицы применительно к сельским народным коммунам». В этих «указаниях» в качестве основной хозрасчетной единицы для сельских народных коммуна устанавливалась малая производственная бригада.

С 21 по 23 февраля Политбюро ЦК КПК в павильоне Силоу пекинского дворцового комплекса Чжуннаньхай провело расширенное заседание Постоянного комитета

Политбюро ЦК КПК («совещание в Силоу»). На совещании обсуждались бюджет на 1962 г. и экономическая ситуация в целом.

27 февраля заведующий отделом по внешним связям ЦК КПК Ван Цзясян направил в письменном виде свои предложения руководителям ЦК по вопросу о работе в сфере внешней политики, утверждая, что «партия должна в своей внешней политике руководствоваться курсом на смягчение ситуации (на разрядку)».

С третьей декады февраля по первую декаду марта в Гуанчжоу были проведены всекитайские совещания по научной работе, а также театральному творчеству.

7 марта группа ЦК КПК по финансам и экономике провела первое заседание. На нем Чэнь Юнь в своей речи, посвященной работе в области планирования, поставил вопрос о том, что, «прежде всего надо наладить сельское хозяйство и рынок, а применительно к тяжелой промышленности, капитальному строительству – осуществить урегулирование “структуры”».

16 апреля «более 60 тыс. жителей трех уездов СУАР: Тачэн, Юйминь, Хочэн, будучи спровоцированными и соблазненными в результате действий, осуществлявшихся на протяжении длительного времени расположенными в Синьцзяне советскими структурами, бежали через границу в Советский Союз. 25 мая СССР также организовал бунт в Или, что привело к разрыву консульских отношений между двумя государствами в этом районе». На самом деле даже по признанию сформированной в то время комиссии во главе с министром общественной безопасности КНР Ло Жуйцином и первым секретарем комитета КПК СУАР Ван Эньмао, советские консульские учреждения не имели к этому отношения. Произошедшее – следствие политики, проводимой Мао Цзэдуном; представители национальностей, проживавших в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, выразили таким образом протест против данной политики.

С 7 по 11 мая Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК провел в Пекине рабочее совещание, на котором был обсужден план урегулирования экономики в 1962 г., выработаны важные решения относительно крупномасштабного урегулирования народного хозяйства.

10 июня ЦК КПК издал указания о подготовке дать отпор проникновению армии Чан Кайши в район южного побережья. «Благодаря тому, что армия и народ на континенте были готовы и ожидали (врага), армия Чан Кайши отказалась от авантюристических действий».

19 июня Мао Цзэдун дал указания по работе народного ополчения: быть в готовности в организационном, политическом и военном отношении.

С 25 июля по 24 августа ЦК КПК провел рабочее совещание в Бэйдайхэ. На совещании Мао Цзэдун выступил с речью на тему: «классы, обстановка, противоречия». С 26 августа по 23 сентября рабочее совещание переместилось в Пекин, где и продолжило свою работу.

25 июля штаб фуцзяньского фронта НОАК выпустил уведомление, объявив условия награждения тех самолетов и кораблей армии Чан Кайши, которые поднимут восстание и перейдут на сторону КНР, а также способы связи в этих целях.

С 24 по 27 сентября в Пекине состоялся 10-й пленум ЦК КПК 8-го созыва. На нем был «вновь выдвинут вопрос о классовой борьбе. Одновременно прозвучало требо-

вание поставить на первое место надлежащее урегулирование экономики в настоящее время, а также то, что не следует из-за классовой борьбы мешать этой работе».

С 1 октября по 6 декабря «на морском побережье в провинции Гуандун были уничтожены девять групп вооруженных агентов США, Чан Кайши».

11 октября ЦК КПК довел до всех членов партии «Решение 10-го пленума ЦК КПК 8-го созыва о дальнейшем укреплении коллективного хозяйства народных коммун, развитии сельскохозяйственного производства».

С 20 октября по 21 ноября «индийские войска на восточном и западном участках границы между КНР и Индией развернули широкомасштабное вторжение в КНР. Пограничные войска КНР были вынуждены вступить в бой в целях самообороны и ответного контрудара».

18 декабря ЦК КПК, ГС КНР опубликовали «Указания о серьезной пропаганде планового деторождения».

С 25 по 27 декабря КНР посетил с визитом председатель Совета министров Монголии Цеденбал. 26 декабря в Пекине был подписан «Договор между КНР и МНР о границе».

В этом году КНР установила дипломатические отношения с Угандой.

1963

С 2 по 27 февраля в Пекине прошло Всесармееское совещание по политической работе, на котором были приняты «Правила политработы в НОАК».

С 8 по 28 февраля по приглашению китайской стороны состоялся визит в КНР главы государства Камбоджи принца Нородома Сианука.

С 11 по 28 февраля ЦК КПК провел в Пекине рабочее совещание, на котором обсуждался вопрос о развертывании в городах кампании «борьбы против пяти злоупотреблений», а также был представлен опыт «четырёх чисток» в некоторых районах: чистка там, где речь идет о финансовой отчетности, о складах, о материальных ценностях, а также относительно начисления трудовых единиц. Мао Цзэдун выдвинул положение: «Что касается классовой борьбы, то достаточно лишь со всей твердостью взяться за нее, и дело тут же пойдет».

1 марта ЦК КПК выпустил «Указания об увеличении производства, об экономии и о борьбе против казнокрадства и хищений, стремления к роскоши (излишествам) и расточительности, распыления средств, бюрократизма».

2 марта в журнале «Чжунго циннянь» («Молодежь Китая») была опубликована каллиграфическая надпись, сделанная Мао Цзэдуном в отношении Лэй Фэна: «Учиться у товарища Лэй Фэна». 5 марта она была перепечатана в газете «Жэньминь жибао».

С 6 по 10 марта король Лаоса Сисаванг Ваттана по приглашению совершил визит в КНР.

С 12 апреля по 16 мая Лю Шаоци по приглашению посетил Индонезию, Бирму, Камбоджу и Вьетнам.

25 апреля Министерство обороны КНР присвоило почетное наименование «Славная восьмая рота с улицы Наньцзинлу» воинской части, расквартированной в Шанхае.

С 2 по 12 мая Мао Цзэдун провел небольшое совещание в Ханчжоу с участием части членов Политбюро ЦК КПК и секретарей бюро крупных районов страны для выработки «Решения по некоторым вопросам ситуации в деревне в настоящее время».

9 мая Мао Цзэдун в резолюции на одном из документов дал следующую установку: «Классовая борьба, производственная борьба и научные эксперименты – вот три великих революционного характера движения в ходе строительства социализма и наращивания мощи государства».

С 5 по 20 июля делегации КПСС и КПК провели переговоры в Москве. «Каждая сторона изложила свою точку зрения и свою позицию по важным принципиальным вопросам развития современного мира, международного коммунистического движения и двусторонних отношений».

14 июля ЦК КПСС опубликовал «Открытое письмо всем партийным организациям и всем членам партии в СССР», в котором, как считали в Китае, «выступил с нападками на КПК». С этого времени, между двумя партиями началась открытая война идей. С сентября 1963 г. по июль 1964 г. редакции газеты «Жэньминь жибао» и журнала «Хунци» совместно выступили с девятью статьями, критикуя открытое письмо ЦК КПСС. На самом деле исключительно по воле и в соответствии с замыслами и планами Мао Цзэдуна подчиненные ему органы власти КПК и КНР инициировали и осуществляли линию на ухудшение двусторонних отношений между СССР и КНР, воспитывали у населения отношение к советскому народу и СССР как к якобы традиционному, историческому, национальному, военному и классовому врагу Китая и китайцев. Для этого не было никаких оснований.

31 июля правительство КНР опубликовало заявление в связи с подписанием тремя государствами – СССР, США, Великобританией – договора о частичном запрещении испытаний ядерного оружия; «выступило за то, чтобы всесторонне, последовательно, полностью, решительно запретить и ликвидировать ядерное оружие».

8 августа Мао Цзэдун опубликовал «Призыв к народам всего мира объединиться для выступления против разного рода расовой дискриминации со стороны американского империализма и в поддержку борьбы американских негров против расовой дискриминации».

29 августа Мао Цзэдун выступил с «Заявлением против агрессии блока США – Нго Динь Дьема против Южного Вьетнама и убийства народа Южного Вьетнама».

С 6 по 27 сентября ЦК КПК в Пекине провел рабочее совещание. На нем обсуждалась работа в деревне, план народного хозяйства на 1964 г. и курс на развитие промышленности, а также были выработаны «Некоторые конкретные политические установки в ходе движения за социалистическое воспитание в деревне».

С 15 по 27 сентября состоялся визит Лю Шаоци в КНДР.

С 17 ноября по 3 декабря в Пекине состоялась 4-я сессия ВСНП 2-го созыва.

12 декабря Мао Цзэдун в резолюции на материале для внутреннего пользования Отдела пропаганды ЦК КПК резко критиковал работников литературы и искусства.

«На основании этой резолюции ВАРЛИ и соответствующие творческие союзы начали осуществлять движение за исправление стиля».

С 14 декабря 1963 г. по 29 февраля 1964 г. Чжоу Эньлай по приглашению посетил Объединенную Арабскую Республику (в то время она включала в себя Египет и Сирию), Алжир, Марокко, Албанию, Тунис, Гану, Мали, Гвинею, Судан, Эфиопию, Сомали, Бирму, Пакистан, Цейлон – в целом 14 стран.

25 декабря агентство «Синьхуа» сообщило, что КНР «в основном сама обеспечивает свои потребности в нефти».

В этом году КНР установила дипломатические отношения с Занзибаром, Кенией, Бурунди.

1964

12 января в беседе с корреспондентом газеты «Жэньминь жибао», касаясь вопроса о патриотической борьбе народа Панамы против американского империализма, Мао Цзэдун заявил, что народ Китая решительно стоит на стороне народа Панамы.

С 26 января по 9 февраля в Пекине проходило Всекитайское совещание по работе в области сельского хозяйства. В ходе совещания представители провинции Шаньси пропагандировали опыт большой производственной бригады Дачжай уезда Сиян.

В январе ГС КНР создал Комитет по плановому деторождению.

9 февраля и 29 февраля Мао Цзэдун принял «руководителей двух партий из иностранных государств»: генерального секретаря компартии Новой Зеландии Вилкокса и председателя ЦК Трудовой партии Кореи Ким Ир Сена, соответственно.

С 26 февраля по 29 марта Сун Цинлин, Чжоу Эньлай по приглашению побывали на Цейлоне.

4 апреля премьер-министр Королевства Лаос Сувана Фума посетил КНР.

С 15 мая по 17 июня ЦК КПК провел в Пекине рабочее совещание. Мао Цзэдун «поставил вопрос о необходимости преисполниться решимости создать стратегический тыл, т.е. осуществить строительство третьей линии».

С 16 по 20 мая в КНР побывал председатель Высшего совета вооруженных сил Республики Судан, председатель ее Совета министров Ибрагим Абдель.

С 1 по 11 июня в КНР был с визитом президент Йменской Арабской Республики маршал Абдула Саяль.

С 11 по 29 июня в Пекине состоялся 9-й Всекитайский съезд КСМК.

15 и 16 июня Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Дун Биу, Чжу Дэ, Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин и другие руководители партии и государства побывали на военных учениях в Пекине и в Цзинани.

27 июня Мао Цзэдун в резолюции на документе Отдела пропаганды ЦК КПК «снова сурово критиковал работников литературы и искусства».

29 июня состоялись успешные испытания китайской ракеты среднего радиуса действия.

В начале июля ЦК КПК принял решение создать группу по культурной революции из пяти человек во главе с Пэн Чжэнем.

17 августа ЦК КПК, ГС КНР согласились с предложением о создании трестов.

1 сентября ЦК КПК разослал документ, рекомендуя опыт производственной бригады Таоюань (где провела инспекцию супруга Лю Шаоци Ван Гуанмэй).

С 26 сентября по 7 октября глава государства Камбоджи принц Нородом Сианук посетил с визитом КНР.

16 октября Китаем был успешно произведен первый взрыв атомной бомбы. В тот же день правительство КНР выступило с заявлением, объявив, что «Китай никогда и ни при каких условиях не будет первым применять ядерное оружие».

С 30 сентября по 13 ноября визит в КНР нанес король Афганистана.

3 ноября агентство «Синьхуа» сообщило о том, что «в уезде Ланьтяньсянь провинции Шэньси ученые Китая обнаружили кости черепа питекантропа. Это единственные в Китае кости черепа питекантропа (те кости черепа питекантропа, которые удалось обнаружить в 1929 г. в местечке Чжоукоудянь в окрестностях Пекина, уже были похищены до Освобождения, и их местонахождение не известно)».

С 5 по 13 ноября Чжоу Эньлай во главе партийно-правительственной делегации Китая побывал в Москве «с целью участвовать в мероприятиях по случаю 47-й годовщины Октябрьской революции».

28 ноября Мао Цзэдун выступил с «Заявлением в поддержку борьбы народа Конго (Леопольдвиль) против агрессии США».

С 15 декабря 1964 г. по 14 января 1965 г. Политбюро ЦК КПК провело в Пекине Всекитайское рабочее совещание, главным образом для обсуждения вопроса о движении за воспитание в духе социализма,

С 20 декабря 1964 г. по 4 января 1965 г. в Пекине прошла 1-я сессия ВСНП 30-го созыва. Чжоу Эньлай в «Докладе о работе правительства» указал: «Нужно за не слишком продолжительный исторический период построить Китай как мощное социалистическое государство с современным сельским хозяйством, современной промышленностью, современной обороной государства и современными наукой и техникой».

В этом году КНР установила дипломатические отношения с Тунисом, Францией, Конго (Браззавиль), Танзанией, Центральноафриканской Республикой, Дагомеей.

1965

19 января председатель КНР Лю Шаоци опубликовал указ о действительной военной службе в КНР.

31 января МИД КНР выступил с заявлением, «выразив протест против безосновательного разрыва правительством Королевства Бурунди дипломатических отношений с КНР».

С 8 по 10 января «все слои населения Пекина провели мощную 300-тысячную демонстрацию, осуждая вооруженную агрессию США против Вьетнама».

С 16 по 23 февраля президент Объединенной Республики Танзания Джулиус Ньерере побывал с визитом в КНР.

26 февраля ЦК КПК, ГС КНР опубликовали «Решение по вопросу о структуре строительства третьей линии на Юго-Западе».

С 2 по 9 марта президент Исламской Республики Пакистан Мухаммед Айюб Хан побывал с визитом в КНР.

С 27 по 30 марта Чжоу Эньлай во главе партийно-правительственной делегации КНР посетил Албанию.

С 30 марта по 4 апреля Чжоу Эньлай по приглашению посетил Алжир, ОАР, Пакистан и Бирму.

12 апреля ЦК КПК выпустил «Указания об усилении работы по подготовке к войне».

С 16 по 26 апреля Чжоу Эньлай по приглашению побывал в Индонезии для участия в праздничных мероприятиях по случаю 10-летия 1-й Конференции стран Азии и Африки.

30 апреля ГС КНР на пленарном заседании принял «Правила проверки границы».

12 мая Мао Цзэдун выступил с заявлением в поддержку борьбы народа Доминики против вооруженной агрессии США.

14 мая КНР «в западной части своей страны в воздушном пространстве провела второе испытание ядерного оружия».

22 мая на 9-м заседании ПК ВСНП 3-го созыва было решено отменить воинские звания в НОАК.

С 2 по 8 июня Чжоу Эньлай по приглашению посетил Пакистан, Танзанию.

16 июня Мао Цзэдун в Ханчжоу выслушал доклад Юй Цюли о формировании третьего пятилетнего плана и плана на длительный период. Мао указал: «во-первых, (надо иметь в виду) простой народ; во-вторых, (надо иметь в виду то, что) придется воевать (вести войну); в-третьих, (надо иметь в виду) стихийные бедствия; при составлении планов следует обдумывать все три этих фактора. В соответствии с мнением Мао Цзэдуна, государственный плановый комитет внес изменения в третий пятилетний план».

С 19 по 30 июня Чжоу Эньлай по приглашению нанес визит в ОАР.

«В июне в соответствии с указаниями ЦК КПК и соглашением, подписанным правительствами двух государств: КНР и Вьетнама, начиная с этого месяца НОАК стала направлять во Вьетнам части своих вооруженных сил с ракетами “земля–воздух”, зенитными орудиями, а также инженерные и железнодорожные войска; на них была возложена задача ПВО, строительства и ремонта дорог, охраны железных дорог, шоссейных дорог, оборонительных сооружений. Вплоть до марта 1968 г. в помощи Вьетнаму приняли участие 320 тыс. человек. За этот период КНР также предоставила народной армии Вьетнама большую военную помощь».

20 июля в Пекин «из-за рубежа возвратился в прошлом президент правительства Партии Гоминьдан Китая Ли Цзунжэнь».

С 21 по 28 июля визит в КНР совершил президент Республики Сомали Осман.

22 июля состоялось 13-е заседание ПК ВСНП. На нем были проверены и утверждены представленные ГС КНР отчет об исполнении государственного бюджета за 1964 г. и государственный бюджет на 1965 г.

С 24 июля по 1 августа в КНР с визитом побывал председатель Революционного совета Бирманского Союза Не Вин.

С 11 по 28 сентября в Пекине прошла 2-я Всекитайская олимпиада.

С 22 сентября по 4 октября в КНР находился глава государства Камбоджи принц Нородом Сианук.

В сентябре был образован Тибетский автономный район.

4 ноября посольство КНР в Индонезии вручило ноту министерству иностранных дел этой страны, «выразив правительству Индонезии самый резкий протест в связи с тем, что правые силы в Индонезии совершили ряд серьезных актов, оскорбительных для Китая».

10 ноября в шанхайской газете «Вэньхой бао» была опубликована статья Яо Вэньюаня «Критика новой исторической драмы “Разжалование Хай Жуя”», которая «превратилась в прелюдию и бикфордов шнур» «великой культурной революции».

С 13 по 19 ноября Мао Цзэдун совершил инспекционную поездку в Шаньдун, Аньхой, Цзянсу, Шанхай. «В ходе поездки Мао Цзэдун подчеркивал необходимость должным образом наладить работу по подготовке к войне».

С 8 по 15 декабря в Шанхае состоялось расширенное заседание Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, на котором «Линь Бяо возводил злостный поклеп и подвергал преследованиям заместителя премьера ГС КНР, начальника генерального штаба НОАК Ло Жуйцина».

21 декабря в Пекине в возрасте 88 лет умер Хуан Яньпэй – заместитель председателя ПК ВСНП, председатель Лиги демократического строительства Китая.

В декабре в журнале «Хунци» была опубликована статья Ци Бэньюя «Изучать историю в интересах революции». «В данной статье содержалась ошибочная критика взглядов на историю историка Цзянь Боцзяня».

В этом году КНР установила дипломатические отношения с Мавританией.

1966

28 января ЦК КПК призвал активно развернуть в городах и сельских районах с плотным населением работу по плановому деторождению.

В январе на всеармейском совещании главным образом ставился вопрос об осуществлении «так называемого указания Линь Бяо о “выпячивании (постановке на первое место) политики”».

7 февраля группа из пяти человек по культурной революции во главе с Пэн Чжэнем представила на рассмотрение ЦК КПК «Тезисы доклада о современной научной дискуссии» (т.е. то, что стали называть «февральской программой»).

В тот же день в газете «Жэньминь жибао» была опубликована передовая статья «Учиться у Цзяо Юйлу – прекрасного ученика товарища Мао Цзэдуна».

С 2 по 20 февраля Цзян Цин по поручению Линь Бяо провела в Шанхае совещание по работе в области литературы и искусства. 10 апреля ЦК КПК утвердил и разослал тезисы выступлений на этом совещании.

С 24 по 28 февраля КНР посетил президент Ганы Кваме Нкрума.

В феврале «Линь Бяо, Кан Шэн сфабриковали то, что получило наименование “преступления” – “Февральского военного переворота”, т.е. обрушились с нападка-ми и применили репрессии в отношении заместителя председателя Военного совета ЦК КПК Хэ Луна».

8 марта в районе Синтай в провинции Хэбэй произошло мощное землетрясение, пострадали 30 народных коммун, 340 тыс. человек.

С 26 марта по 19 апреля Лю Шаоци по приглашению посетил Пакистан, Афганистан, Бирму.

С 28 по 30 марта «Мао Цзэдун провел три беседы в Ханчжоу с Кан Шэном, Цзян Цин и прочими, обрушился с критикой на город Пекин, Отдел пропаганды ЦК КПК».

С 26 апреля по 11 мая в Китае побывал с визитом член Политбюро АПТ, председатель Совета министров Албании Мехмет Шеху во главе партийно-правительственной делегации.

С 4 по 26 мая в Пекине прошло расширенное заседание Политбюро ЦК КПК «под председательством Лю Шаоци». «На заседании были подвергнуты критике так называемые “ошибки антипартийного характера”, совершенные Пэн Чжэнем, Ло Жуйцином, Лу Динъи, Ян Шанкунем, а также принято решение о приостановлении исполнения ими своих обязанностей и о снятии их с постов. 16 мая было принято “Уведомление Центрального Комитета КПК”, которое многократно правил Мао Цзэдун (т.е. тот документ, который получил наименование “Уведомления от 16 мая”)».

7 мая Мао Цзэдун в своем письме Линь Бяо указал, что НОАК «должна быть школой, армия должна в любое время быть готова участвовать в борьбе в ходе культурной революции с целью критики буржуазии».

10 мая «Чжоу Эньлай открыто опубликовал четыре фразы, которые касались политики Китая в отношении США, т.е. указал на следующее: Китай не будет по своей инициативе провоцировать войну против США; у китайцев слово не расходится с делом; Китай уже провел подготовку; если война начнется, то она уже не будет иметь ограничений (границ)».

28 мая ЦК КПК «принял решение о создании Группы по делам культурной революции; Чэнь Бода был назначен руководителем группы, Кан Шэн – ее советником, Цзян Цин, Ван Жэньчжун, Лю Чжицзянь, Чжан Чуньцяо – заместителями руководителя группы. Впоследствии Ван Жэньчжун, Лю Чжицзянь были оклеветаны и репрессированы, выведены из состава группы».

29 мая в первой средней школе при Университете Цинхуа была создана организация хунвэйбинов (бойцов красной охраны).

1 июня в газете «Жэньминь жибао» была опубликована редакционная статья «Выметем всю и всякую нечисть». «Эта статья была написана по указке Чэнь Бода».

В тот же день «по радио на всю страну была передана дацзыбао Не Юаньцзы и прочих из Пекинского университета».

3 июня на расширенном заседании Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, которое проходило под председательством Лю Шаоци, согласились с тем, что Пекинский горком КПК направит рабочие группы в некоторые вузы Пекина.

С 16 по 30 июня Чжоу Энълай побывал с визитами в Румынии, Албании, Пакистане.

1 июля было создано командование Второй артиллерии (ракетных войск) НОАК.

7 июля Постоянный комитет ВСПН и Всекитайский комитет НПКСК приняли решение на неопределенное время отложить созыв 2-й сессии ВСПН 3-го созыва и 2-й сессии ВК НПКСК 4-го созыва.

8 июля Мао Цзэдун направил письмо Цзян Цин, выдвинув в нем положение о том, что «великий хаос в Поднебесной» приведет к «великому миру и благодати в Поднебесной».

18 июля Мао Цзэдун возвратился в Пекин из поездки на юг; на протяжении нескольких последующих дней он в беседах «сурово осуждал направление рабочих групп».

22 июля ЦК КПК, ГС КНР разослали «Дополнительное уведомление о том, как разворачивать революционное движение культурной революции на предприятиях промышленности, транспорта и капитального строительства».

В тот же день Лю Шаоци выступил с заявлением: ради того, чтобы поддержать народ Вьетнама в войне с целью оказания отпора США, народ Китая готов нести максимальные национальные жертвы.

29 июля в Пекине был проведен «Митинг активистов великой культурной революции»; ЦК объявил об упразднении рабочих групп, находившихся в вузах Пекина.

1 августа начато создание инженерных войск в области капитального строительства НОАК.

«С 1 по 12 августа под председательством Мао Цзэдуна прошел 11-й пленум ЦК КПК 8-го созыва. 1 августа Мао Цзэдун написал письмо хунвэйбинам. Восхвалял их “дух революционных бунтарей”. 5 августа Мао Цзэдун написал направленную против Лю Шаоци дацзыбао: “Открыть артиллерийский огонь по штабу – Моя дацзыбао”. Политбюро ЦК КПК провело заседание по вопросам поведения с критикой Лю Шаоци, Дэн Сяопина. На пленуме было принято “Решение ЦК КПК о великой пролетарской культурной революции”. На пленуме был заново избран Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК. Его члены перечислены в следующем порядке: Мао Цзэдун, Линь Бяо, Чжоу Энълай, Тао Чжу, Чэнь Бода, Дэн Сяопин, Кан Шэн, Лю Шаоци, Чжу Дэ, Ли Фучунь, Чэнь Юнь. Впоследствии только Линь Бяо именовали заместителем председателя ЦК, больше не упоминали о Лю Шаоци, Чжоу Энълае, Чжу Дэ, Чэнь Юне как о заместителях председателя ЦК КПК».

18 августа Мао Цзэдун «принял» в Пекине миллион хунвэйбинов и школьных учителей и учеников. Как следствие этого в стране в целом возник подъем «большой смычки». «Вплоть до 26 ноября Мао Цзэдун за восемь раз принял в общей сложности 11 млн хунвэйбинов и школьных учителей и учеников».

20 августа во главе с хунвэйбинами Пекина по всей стране развернулось движение за «уничтожение четырех старых вещей (старой идеологии, старой культуры, старых обычаев, старых привычек)».

30 августа прекратили свою деятельность организации Всекитайского комитета НПКСК.

1 октября в редакционной статье журнала «Хунци» (№ 13) был выдвинут лозунг «До конца раскритиковать буржуазную реакционную линию», что «вызывало в стране подъем критики».

5 октября ЦК КПК утвердил и разослал выпущенные Военным советом ЦК КПК и Главным политическим управлением НОАК «Срочные указания о великой пролетарской культурной революции в армейских учебных заведениях». В этом документе объявлялось об отмене «в ходе великой культурной революции в армейских учебных заведениях руководящей роли их партийных комитетов после отзыва из них рабочих групп»; было выдвинуто положение о создании в них «властных структур культурной революции путем выборов, в которых участвуют учащиеся, а также преподаватели и сотрудники этих армейских учебных заведений».

С 9 по 28 октября прошло рабочее совещание ЦК КПК. «Лю Шаоци, Дэн Сяопин выступили с самокритикой, их продолжали критиковать».

27 октября состоялось первое успешное испытание ракеты с ядерной боеголовкой.

С 17 по 21 ноября было проведено Всекитайское собеседование работников промышленности и транспорта. На нем «ответственные руководители соответствующих министерств ГС КНР вели борьбу с Группой по культурной революции по вопросу о том, следует ли вовлекать в “великую культурную революцию” предприятия промышленности и транспорта».

Со второй декады ноября до конца года Чжан Чуньцяо в Шанхае поддержал «события в Аньтине», «события в Канпине», «созданные» «Главным штабом рабочих», который «находился под господством» Ван Хунвэня и прочих, «поощрил свержение горкома КПК города Шанхая».

15 декабря ЦК КПК выпустил «Указания о великой пролетарской культурной революции в деревне».

1967

1 января газета «Жэньминь жибао», журнал «Хунци» опубликовали новогоднюю редакционную статью «Доведем до конца великую пролетарскую культурную революцию». В статье указывалось: «1967 год будет годом всестороннего развертывания классовой борьбы в стране в целом».

2 января город Тяньцзинь получил статус города центрального подчинения.

4 января «в результате злостного поклепа Цзян Цин, Кан Шэна, Чэнь Бода был внезапно свергнут Тао Чжу».

6 января, «будучи инспирирован Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюанем, был организован захват власти цзаофанями (бунтарями) у горкома КПК Шанхая и у Народного комитета города Шанхая. 5 февраля была создана “народная коммуна Шанхая”, которая затем была переименована в Революционный комитет города Шанхая».

11 января Мао Цзэдун дал указание ЦК КПК, ГС КНР, Военному совету ЦК КПК, Группе по культурной революции ЦК КПК направить телеграммы с поздравлениями в адрес всех организаций цзаофаней города Шанхая.

С 12 по 31 января, «будучи инспирированы Группой по культурной революции ЦК КПК, были совершены действия, в результате которых массовые организации

в Шаньси, Гуйчжоу, Хэйлунцзяне, Шаньдуне захватили власть у провинциальных комитетов КПК, у народных комитетов провинций».

13 января ЦК КПК, ГС КНР опубликовали «Некоторые установки относительно усиления работы в сфере безопасности в ходе великой пролетарской культурной революции». В этом документе содержалась установка объявлять «контрреволюционерами» тех кто выступает против Линь Бяо и Группы по культурной революции ЦК КПК.

19 и 20 января на «летучке» в Военном совете ЦК КПК Е Цзяньин, Сюй Сянцян, Не Жунчжэнь «решительно возражали против позиции Цзян Цин и прочих, когда они побуждали армию осуществлять такое же движение, какое осуществляется на местах».

21 января Мао Цзэдун дал указание, чтобы армия включилась в «великую культурную революцию» и поддержала «левых». 23 января ЦК КПК, ГС КНР, Военный совет ЦК КПК, Группа по культурной революции ЦК приняли решение о последовательном проведении в жизнь этих указаний.

28 января Военный совет ЦК КПК опубликовал приказ из восьми пунктов, направленный на развертывание в армии «великой культурной революции»; при этом был сделан упор на то, что «ни в коем случае не допускается штурм руководящих армейских учреждений; это сыграло положительную роль в стабилизации обстановки».

10 февраля «Мао Цзэдун критиковал Цзян Цин, Чэнь Бода за самоуправство, т.е. за действия, направленные на свержение Тао Чжу; так Мао Цзэдун впервые строго критиковал Группу по культурной революции».

11 и 16 февраля Тань Чжэньлинь, Чэнь И, Е Цзяньин, Ли Фучунь, Ли Сяньнянь, Сюй Сянцян, Не Жунчжэнь «на летучке в ЦК КПК под председательством Чжоу Эньлая вступили в борьбу с членами Группы по культурной революции. Впоследствии они были раскритикованы, на них возвели поклеп, а само выступление названо “февральским противотечением”».

16 марта «Кан Шэн и прочие сфабриковали крупное и важное подложное дело “о группировке из 61 человека”. 21 марта ЦК КПК принял решение создать группу по расследованию специального дела Лю Шаоци».

19 марта Военный совет ЦК КПК издал «Решение о концентрации сил в целях выполнения задач по **поддержке** левых, **поддержке** сельского хозяйства, **поддержке** промышленности, по **военному** контролю и по **военному** обучению». Начиная с этого времени, армия стала вовлекаться в «великую культурную революцию» на местах. В ходе «великой культурной революции» более 2 млн 800 тыс. бойцов и командиров приняли участие в работе «по (упомянутым) трем **поддержкам** и двум **военным**».

1 апреля газета «Жэньминь жибао» и журнал «Хунци» опубликовали статью Ци Бэньюя «Патриотизм или национальное предательство? – О реакционном кинофильме “Тайны Цинского двора”», «это была разнузданная клевета на Лю Шаоци, после чего по всей стране поднялась высокая волна “широкой или громадной критики”».

12 июня ГС КНР, Военный совет ЦК КПК приняли решение взять под всесторонний военный контроль всю систему железных дорог в стране.

17 июня в Китае состоялось первое успешное испытание водородной бомбы.

18 июля «Цзян Цин и прочие в Чжуннаньхае организовали митинг с целью критики Лю Шаоци. После этого митинга Лю Шаоци был изолирован, оказался под надзором, потерял свободу передвижения».

20 июля в Ухане произошли одноименные события. Речь шла о противостоянии Группе по культурной революции ЦК КПК.

7 августа «Ван Ли выступил с речью, в которой подстрекал к захвату власти в министерстве иностранных дел».

22 августа в Пекине произошло «серьезное событие – поджог представительства временного поверенного в делах Великобритании».

«В конце августа на основании указания Мао Цзэдуна было начато расследование деятельности членов Группы по культурной революции ЦК КПК Ван Ли, Гуань Фэна. В январе 1968 г. был также изолирован и попал под расследование член Группы по культурной революции ЦК КПК Ци Бэньюй».

24 сентября создана рабочая группа Военного совета ЦК КПК.

7 октября ЦК КПК распространил запись высказываний Мао Цзэдуна в июле–сентябре во время инспекционной поездки по Северному, Централно-Южному и Восточному Китаю. В них Мао «исправлял и предотвращал некоторые крайне левые ошибки, допущенные на предыдущем этапе».

17 октября в Пекине скончался Айсиньгёро Пу И – член Всекитайского комитета НПКСК, последний император династии Цин.

6 ноября «две газеты и один журнал (газеты «Жэньминь жибао», «Цзефан цзюнь бао» и журнал «Хунци») выступили с редакционной статьей «Вперед по пути, открытому Октябрьской социалистической революцией – Отмечая 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции». «В статье главное в начатой Мао Цзэдуном “великой культурной революции” впервые было обобщено как “теория продолжения революции при диктатуре пролетариата”».

1968

22 марта возникло дело Ян Чэнью (начальник Генерального штаба НОАК), Юй Лицзиня, Фу Чунби. Хуан Юншэн был назначен начальником Генерального штаба НОАК.

25 мая ЦК КПК распространил опыт типографии «Синьхуа» в Пекине, потребовав повсеместно развернуть движение за «чистку классовых рядов».

21 июля Мао Цзэдун в одной из резолюций потребовал «идти по пути принятия в качестве студентов вузов представителей рабочих и крестьян». После этого повсеместно начали создавать «вузы имени 21 июля».

27 июля в Пекине был создан «Отряд пропаганды идей Мао Цзэдуна из числа рабочих и крестьян столицы» с тем, чтобы он «вошел на территорию Университета Цинхуа и прекратил там борьбу с применением вооруженной силы. После этого ЦК КПК издал уведомление, потребовав посылать пропагандистские отряды из рабочих и военнослужащих НОАК в места скопления интеллигенции».

5 сентября были созданы революционные комитеты в двух автономных районах: Тибетском и Синьцзян-Уйгурском. К этому времени по всей стране в 29 провинциях,

городах центрального подчинения, автономных районах были созданы революционные комитеты. В газете «Жэньминь жибао» напечатана статья, в которой говорилось, что «великая культурная революция» в масштабах всей страны вступила на этап «борьбы, критики, преобразований».

14 сентября Мао Цзэдун в одной из резолюций упомянул о «босоногих врачах». С этого времени в деревнях по всей стране стали пропагандировать «босоногих врачей».

С 13 по 31 октября в Пекине был проведен 12-й пленум ЦК КПК 8-го созыва. «Пленум санкционировал доклад о расследовании в отношении Лю Шаоци, который был состряпан Цзян Цин и прочими с использованием ложных доказательств; пленум принял решение исключить Лю Шаоци из партии, снять его со всех постов». На этом пленуме, проходившем под председательством Мао Цзэдуна, с докладом, а фактически с обвинительным заключением в адрес Лю Шаоци, выступил Чжоу Эньлай, который назвал критикуемого «предателем, провокатором и штрейкбрехером».

22 декабря в газете «Жэньминь жибао» было опубликовано указание Мао Цзэдуна: он «потребовал, чтобы образованная молодежь отправлялась в деревню. После этого по всей стране возник подъем движения молодежи, отправлявшейся в горы и в деревню. В период “великой культурной революции” в горы и в деревню отправились более 16 млн образованных молодых людей».

29 декабря был введен в эксплуатацию Большой мост через реку Янцзы в городе Нанкине. Длина железнодорожного моста – 6772 м. Длина шоссейного моста – 4588 м.

В этом году КНР установила дипломатические отношения с Йеменом.

1969

30 января в Пекине умер «патриотический деятель Ли Цзунжэнь».

С 16 февраля по 24 марта в Пекине прошло Всекитайское собеседование по планированию. На нем прозвучало требование «добиться нового подъема скачка в промышленности и в сельском хозяйстве». После собеседования, в соответствии с указанием Мао Цзэдуна по всей стране стали осуществляться крупные перемены в структуре управления экономикой, главным образом путем перемещения предприятий «в низы», осуществления хозрасчета, сокращения штатов.

С 2 по 21 марта «пограничные войска КНР, будучи вынуждены к этому многократными вторжениями советской армии в район острова Чжэньбаодао в уезде Хулинь провинции Хэйлунцзян Китая, нанесли контрудар в целях самообороны и предотвратили вторжение советской армии». На самом деле, выполняя волю Мао Цзэдуна, а также действуя по заранее составленному плану, солдаты армии КНР устроили засаду, из которой расстреляли безоружных представителей советских пограничников, направлявшихся на переговоры; сделав первые выстрелы, они тем самым совершили неспровоцированное нападение на СССР на границе, начали то, что Чжоу Эньлай называл «пограничной войной».

С 1 по 24 апреля в Пекине состоялся IX съезд КПК. «Линь Бяо выступил с политическим докладом, в котором положительно оценивал теорию и практику “великой культурной революции”». В новом уставе КПК, принятом на съезде Линь Бяо был

определен в качестве преемника Мао Цзэдуна». Линь Бяо также открыл для народа Китая и для всего мира, что председатель Совета министров СССР А.Н. Косыгин после случившегося на границе позвонил в Пекин Чжоу Эньлаю. Тот не ответил. Всё это означало, что Косыгин по своей инициативе стремился прекратить военные действия, начатые по воле Мао Цзэдуна.

28 апреля состоялся 1-й пленум ЦК КПК 9-го созыва. На пленуме был избран новый состав Политбюро ЦК КПК из 21 члена и кандидата в члены Политбюро. Мао Цзэдун был избран председателем ЦК КПК, Линь Бяо – заместителем председателя. Членами Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК стали Мао Цзэдун, Линь Бяо, Чэнь Бода, Чжоу Эньлай, Кан Шэн.

В тот же день был сформирован Военный совет ЦК КПК. Мао Цзэдун стал его председателем, а заместителями председателя – Линь Бяо, Лю Бочэн, Чэнь И, Сюй Сянцян, Не Жунчжэнь, Е Цзяньин.

9 июня «в результате преследований и репрессий в Пекине умер, будучи несправедливо обвиненным», заместитель премьера ГС КНР, член Политбюро ЦК КПК 8-го созыва, заместитель председателя Военного совета ЦК КПК Хэ Лун.

В июне–июле Чэнь И, Е Цзяньин, Сюй Сянцян, Не Жунчжэнь «по поручению Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая всесторонне и глубоко изучили международное положение, выдвинули соображения и предложения стратегического характера, направленные на то, чтобы как можно скорее выйти из тупика в отношениях между Китаем и США, возобновить переговоры между КНР и США».

13 августа «советская армия вторглась в район Теректы уезда Юйминь Синьцзяна Китая, нанесла внезапный удар по патрульным пограничникам КНР; погибли все 25 патрульных и три сопровождавших их народных ополченца». На самом деле в 1969 г. солдаты армии Мао Цзэдуна, выполняя его волю, совершили военные нападения на восточном и на западном участках границы. На западном участке в районе Жаланашколь военнослужащие НОАК нарушили линию границы, вторглись на территорию СССР. Они получили отпор с советской стороны, которая приняла меры в целях обороны, защиты своей территории и нанесла ответный удар по агрессору.

27 августа ЦК КПК, ГС КНР приняли решение создать группу по руководству ПВО для всей страны; Чжоу Эньлай возглавил руководство группой.

28 августа, «реагируя на распространявшиеся Советским Союзом слухи об угрозе нанесения им по Китаю ядерного удара, ЦК КПК издал приказ, потребовав, чтобы по всей стране все вооруженные силы и население были приведены в полную боевую готовность и были способны уничтожить вторгнувшегося врага».

11 сентября Чжоу Эньлай в аэропорту Пекина встретился и побеседовал с председателем Совета министров СССР А.Н. Косыгиным. Последний в итоге встречи вынудил Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая начать переговоры и согласиться с предложенной советской стороной договоренностью о прекращении огня.

23 сентября КНР впервые успешно провела подземное испытание атомной бомбы.

Во второй декаде октября «в соответствии с мнением Мао Цзэдуна ЦК КПК принял решение рассредоточить по стране находившихся в Пекине старых товарищей – руководителей ЦК партии».

17 октября «Линь Бяо выпустил “Экстренные указания об усилении подготовки к войне, воспрепятствовании нанесению врагом внезапного удара”. На следующий день Генеральный штаб официально распространил “указания заместителя председателя Линь Бяо (то есть приказ № 1)”, вся армия была приведена в состояние полной боевой готовности» Фактически это было сделано по воле Мао Цзэдуна.

20 октября в Пекине «возобновились переговоры между СССР и КНР по вопросу о границе».

В октябре в Пекине начала функционировать первая линия метро (от Пекинского вокзала до станции «Пиньгоуань» в районе Шицзиншаня) протяженностью в 23,6 км.

12 ноября, «будучи несправедливо обвиненным, умер в Кайфэне (провинция Хэнань) подвергшийся репрессиям председатель Китайской Народной Республики, заместитель председателя ЦК КПК Лю Шаоци».

30 ноября, «будучи несправедливо обвиненным, умер в Хэфэе (провинция Аньхой) подвергшийся репрессиям заместитель премьера ГС КНР, член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК 8-го созыва Тао Чжу».

1970

5 января в Юньнани произошло землетрясение силой в 7,8 баллов, погибли 15 тыс. человек, пострадали 26 тыс. человек.

20 января в Варшаве возобновились переговоры между КНР и США на уровне послов.

31 января ЦК КПК выпустил «Указания о нанесении удара по контрреволюционной деятельности». Вслед за тем вышло уведомление о нанесении удара по «взяточничеству», «воровству», «растраниживанию средств». По всей стране было поднято движение «нанесения одного удара и борьбы против трех явлений».

С 15 февраля по 21 марта в Пекине проходило Всекитайское совещание по планированию. На совещании были утверждены наметки плана народного хозяйства на 1970 г. и основные положения четвертого пятилетнего плана народного хозяйства. Подчеркивалось, что в период «четвертой пятилетки» «вся страна должна сосредоточить силы на строительстве тыла – третьей линии, на создании десяти крупных районов экономического сотрудничества, разных по уровню, со своими особенностями, способных самостоятельно вести войну, осуществлять крупномасштабное сотрудничество. Вслед за тем началось быстрое развитие строительства третьей линии».

8 марта Мао Цзэдун высказал мнение о необходимости подготовки ВСНП 4-го созыва и об изменениях в Конституции, а также «предложил изменить государственную структуру, не иметь поста председателя государства. В сентябре Политбюро ЦК КПК приняло решение образовать группу по изменению Конституции, вести подготовительную работу».

27 марта ЦК КПК выпустил «Уведомление о чистке группы контрреволюционных заговорщиков – “Организации имени 16 мая”»; «движение в ходе этой чистки было развернуто по всей стране; в результате было сфабриковано много подложных, фальшивых, ошибочных дел».

11 апреля «Линь Бяо предложил Мао Цзэдуну сохранить пост председателя государства с тем, чтобы “председатель Мао по совместительству занял этот пост”. На следующий день Мао Цзэдун наложил резолюцию: “Я больше не могу заниматься

этим; это предложение является неуместным”. Впоследствии Мао Цзэдун несколько раз подтверждал данное мнение».

24 апреля Китай успешно запустил первый искусственный спутник Земли «Дунфан хун (Восток стал красным) № 1».

30 апреля Военный совет ЦК КПК назначил Ли Дэшэна начальником Главного политического управления НОАК.

20 мая Мао Цзэдун выступил с заявлением «Народы всего мира, сплачивайтесь, нанесите поражение американским агрессорам и всем их приспешникам».

22 июня ЦК КПК согласился с докладом ГС КНР о сокращении и слиянии ряда министерств, создании партийных групп ядра и революционных комитетов. Число министерств и ведомств ГС КНР было сокращено с 90 до 27.

27 июня ЦК КПК санкционировал возобновление занятий в Пекинском университете, Университете Цинхуа. Было решено упразднить систему экзаменов, приняты правила набора студентов из числа рабочих и крестьян.

12 июля ЦК ПК издал «Уведомление об упорядочении и строительстве КСМК».

С 23 августа по 6 сентября в Лушане состоялся 2-й пленум ЦК КПК 9-го созыва. «Линь Бяо, Чэнь Бода занимались там раскольнической деятельностью. Мао Цзэдун написал дацзыбао под заглавием “Мое мнение”, нанеся поражение их заговору. После пленума внутри партии развернулось движение под лозунгом “Критиковать Чэнь Бода, осуществить упорядочение стиля работы”».

С 25 августа по 5 октября состоялось совещание по сельскому хозяйству Северного Китая, в ходе которого звучал призыв «углубить и развернуть движение за учебу у сельскохозяйственной производственной бригады Дачжай».

28 октября ЦК КПК издал уведомление о созыве на местах конференций партийных представителей всех ступеней. Вслед за тем с ноября 1970 г. по август 1971 г. были проведены такие конференции и созданы новые партийные комитеты провинций, городов центрального подчинения, автономных районов.

В третьей декаде ноября «китайская сторона получила “устное послание” президента США Никсона, который выразил желание установить контакты на высоком уровне между КНР и США. 9 декабря “устное послание” премьера ГС КНР Чжоу Эньлая, который приветствовал приезд в Пекин специального посланника президента США, было передано в США».

8 декабря ЦК КПК издал «Указания по вопросу о социалистических преобразованиях в Тибете».

18 декабря «состоялась беседа Мао Цзэдуна с американским писателем Эдгаром Сноу. Он (Мао Цзэдун) приветствовал визит президента США Никсона в КНР в любом качестве. Он также раскритиковал, упоминая имена, методы, присущие культуре личности, которыми пользовались Линь Бяо и прочие».

С 22 декабря 1970 г. по 24 января 1971 г. ЦК КПК провел совещание по Северному Китаю, на котором было принято решение о преобразовании Пекинского военного округа.

В этом году КНР установила дипломатические отношения с Канадой, Экваториальной Гвинеей, Италией, Эфиопией, Чили.

1971

3 марта в КНР был успешно осуществлен запуск искусственного спутника Земли с целью проведения научных экспериментов.

С 21 по 24 марта «главные представители “Объединенного флота” во главе с Линь Лиго (сыном Линь Бяо) выработали “Основные тезисы проекта № 571 (У Ци И)” – плана вооруженного контрреволюционного переворота».

6 апреля Мао Цзэдун решил пригласить в КНР команду США по настольному теннису.

С 15 по 29 апреля ЦК КПК провел совещание с отчетами по результатам движения «критики Чэнь Бода и упорядочения стиля работы».

С 15 апреля по 31 июля проходило Всекитайское рабочее совещание по вопросам образования. Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань, Чи Цюнь и прочие, подводя итоги совещания, выдвинули утверждение о «двух оценках» «достижений на фронте образования на протяжении 17 лет со времени создания Нового Китая».

С 9 по 11 июля помощник президента США по вопросам национальной безопасности Киссинджер тайно посетил Китай. 16 июля КНР и США опубликовали совместное коммюнике, объявили о визите по приглашению в КНР президента США Никсона.

С 15 августа по 12 сентября Мао Цзэдун находился в инспекционной поездке по Южному Китаю, где имел «важные беседы» с местными партийными и военными руководителями; в беседах он «критиковал Линь Бяо».

С 8 по 12 сентября «контрреволюционная группировка Линь Бяо отдала приказ о перевороте, пыталась совершить покушение на жизнь Мао Цзэдуна».

13 сентября «Линь Бяо, Е Цюнь и прочие на самолете бежали из страны. В Монголии в районе Ундерхан самолет разбился. Так потерпел крах заговор контрреволюционной группировки Линь Бяо, направленный на совершение переворота».

24 сентября «Военный совет ЦК КПК отдал приказ об отстранении с постов Хуан Юншэна, У Фасяня, Ли Цзопэна, Цю Хойцзо с тем, чтобы они проанализировали свои ошибки».

3 октября ЦК КПК «принял решение образовать служебное совещание Военного совета ЦК КПК, назначить Е Цзяньина его руководителем и ответственным за повседневную работу Военного совета».

25 октября 26-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН «под давлением большинства приняла резолюцию о восстановлении всех законных прав КНР в ООН и о немедленном изгнании представителей Гоминьдана из всех учреждений ООН. 15 ноября направленная КНР делегация присутствовала на заседании Генеральной Ассамблеи ООН».

14 ноября Мао Цзэдун, «участвуя в совещании в районе Чэнду, реабилитировал “февральское противотечение”».

11 декабря ЦК КПК распространил документ «Борьба за разгром контрреволюционного переворота антипартийной группировки Линь Бяо (материал № 1)». Впоследствии появились «Материал № 2» и «Материал № 3». По всей стране в широких

масштабах было развернуто движение «критики Линь Бяо и за упорядочение стиля работы».

26 декабря ЦК КПК выпустил «Указания по вопросу о распределении в сельских народных коммунах», в которых содержалось требование не заниматься уравниловкой при распределении.

В этом году КНР установила дипломатические отношения с Нигерией, Кувейтом, Камеруном, Сан-Марино, Австрией, Сьерра-Леоне, Турцией, Ираном, Бельгией, Перу, Ливаном, Руандой, Сенегалом, Исландией, Кипром.

1972

6 января умер заместитель премьера ГС КНР и по совместительству министр иностранных дел, заместитель председателя Военного совета ЦК КПК Чэнь И. 10 января Мао Цзэдун присутствовал на его похоронах.

5 февраля Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай утвердили доклад Государственного планового комитета об импорте комплектного оборудования для производства целлюлозы и химических удобрений, а также санкционировали проект по импорту комплектного технического оборудования общей стоимостью в 4 млрд 300 млн американских долларов (сокращенно именовавшийся «Проект 43»).

С 21 по 28 февраля президент США Никсон совершил визит в КНР. Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай провели с ним встречи и беседы. КНР и США подписали двустороннее «Совместное коммюнике».

С 21 мая по 23 июня ЦК КПК провел совещание-отчет о движении «критики Линь Бяо и упорядочения стиля работы».

23 июля Чжоу Эньлай наложил резолюцию на письмо Чжоу Пэйюаня, потребовав усиления исследований в области фундаментальных наук.

14 августа Мао Цзэдун наложил резолюцию на письмо Дэн Сяопина с критикой Линь Бяо, положительно отзывавшись о его содержании.

21 августа ЦК КПК, Военный совет ЦК КПК издали уведомление, потребовав отзыва большинства военнослужащих, принимавших участие в движении на местах за «три поддержки и два военных».

С 25 по 30 сентября КНР посетил премьер-министр Японии Танака. Стороны выступили с совместным заявлением. «Было объявлено о прекращении существовавшего вплоть до того времени ненормального состояния отношений между КНР и Японией, а также решено установить дипломатические отношения на уровне послов».

14 октября газета «Жэньминь жибао» «на основании мнения Чжоу Эньлая опубликовала статью с критикой крайне левого идейного течения и анархизма, из-за чего подверглась нападкам со стороны Цзян Цин и прочих».

С 30 ноября по 2 декабря Чжоу Эньлай наложил резолюции на доклады Отдела по связям ЦК КПК и Министерства иностранных дел КНР, «потребовав критиковать крайне левое идейное течение. Цзян Цин и иже с ней настаивали на том, что следует подвергать критике крайне правых. 17 декабря Мао Цзэдун в одной из бесед потребовал критиковать крайне правых».

18 декабря учреждения Всекитайского комитета НПКСК создали временную руководящую группу, восстановили повседневную деятельность.

В этом году КНР установила дипломатические отношения с Мальтой, Мексикой, Аргентиной, Англией, Маврикием, Голландией, Грецией, Гвианой, Того, Японией, ФРГ, Мальдивами, Мадагаскаром, Люксембургом, Ямайкой, Чадом, Австралией, Новой Зеландией.

1973

С 7 января по 30 марта проходило Всекитайское совещание по плановой работе. В своем выступлении на этом совещании Чжоу Эньлай «критиковал преступления группировки Линь Бяо, обернувшиеся подрывом экономического строительства; при этом он указал на необходимость изучения вопроса о “трех прорывах”, который в настоящее время (то есть в то время) возник в экономике страны. Государственный плановый комитет выработал проект документа по усилению управления экономикой, однако из-за препятствий со стороны Чжан Чуньцяо этот документ оказалось невозможно направить на места».

6 февраля в Сычуани произошло землетрясение силой в 7,6 баллов, погибли 2175 человек, пострадали 2756 человек.

12 февраля прошел VI съезд КСМК города Шанхая. Был создан шанхайский комитет КСМК. Вслед за тем по всей стране – в провинциях, городах центрального подчинения, автономных районах – были проведены съезды КСМК, создана структура руководства КСМК.

22 февраля две стороны, КНР и США, совместно объявили о создании миссий связи в столицах обоих государств.

10 марта ЦК КПК «принял решение о восстановлении участия Дэн Сяопина в организационной жизни партии и о восстановлении его в должности заместителя премьера ГС КНР». 12 апреля Дэн Сяопин участвовал в публичном мероприятии.

16 апреля в Пекине и Шанхае были проведены, соответственно, VI и V съезды профсоюзов, созданы городские комитеты профсоюзов. Вслед за тем по всей стране состоялись съезды профсоюзов, создана структура руководства профсоюзами.

25 апреля Мао Цзэдун написал письмо, реагируя на поступившие к нему обращения, которые касались проблем, существовавших у молодежи, отправленной в горы и в деревню.

С 20 по 31 мая ЦК КПК провел рабочее совещание. На нем велась подготовка к X съезду партии, было принято решение об «освобождении (от критики)» Тань Чжэньлиня и «группы старых товарищей». Мао Цзэдун в своей речи указал на необходимость «критики Конфуция».

С 22 июня по 8 августа в Пекине было проведено Всекитайское совещание по работе с молодежью, отправленной в горы и в деревню; «были решены некоторые серьезные проблемы», возникшие у этой молодежи.

27 июня в Тяньцзине состоялась конференция представителей женщин, создана городская федерация женщин. Вслед за тем по всей стране – в провинциях, городах центрального подчинения, автономных районах – были проведены конференции представителей женщин, создана структура руководства федерацией женщин.

1 июля Государственный плановый комитет предложил проект четвертого пятилетнего плана развития народного хозяйства; были урегулированы первоначальные показатели плана.

4 июля Мао Цзэдун «в одном из своих выступлений критиковал работу в сфере внешних связей, которой ведал Чжоу Эньлай: “Крупные вопросы не обсуждаются, по мелким вопросам присылают бумаги изо дня в день; если такая тенденция не изменится, тогда придется ее исправлять”».

16 июля ГС КНР создал группу, занимавшуюся плановым деторождением. В работе по плановому деторождению был выдвинут лозунг: «Позже, реже, меньше».

5 августа Мао Цзэдун в одной из речей выказал свое отношение к борьбе в истории между конфуцианцами и легистами и «связал это с Линь Бяо. По указанию Мао Цзэдуна 7 августа газета “Жэньминь жибао” опубликовала статью с критикой Конфуция».

С 5 по 20 августа ГС КНР провел первое Всекитайское совещание по охране окружающей среды, был выработан проект «Постановления о защите и улучшении окружающей среды».

10 августа в газете «Жэньминь жибао» пропагандировали поступок Чжан Тешэна, который спекулировал на принадлежности к молодежи, отправленной в горы и в деревню, и на вступительном экзамене в вуз подал чистый лист бумаги вместо ответа на вопросы, в газете его прославляли как борца против «(буржуазной) реставрации».

20 августа ЦК КПК «утвердил доклад о расследовании контрреволюционных преступлений антипартийной группировки Линь Бяо и принял решение навечно исключить из партии Линь Бяо, Е Цюнь и главных членов антипартийной группировки Линь Бяо».

С 24 по 28 августа в Пекине состоялся X съезд КПК. Чжоу Эньлай выступил с политическим докладом. Ван Хунвэнь сделал доклад о поправках к Уставу партии. «На съезде продолжали утверждать (положительно оценивать) теорию и практику “великой культурной революции”». На съезде произошло дальнейшее укрепление сил и влияния группировки Цзян Цин; в то же время в состав Центрального Комитета снова были избраны ряд старых товарищей: Дэн Сяопин, Тань Чжэньлинь, Уланьфу и другие».

30 августа состоялся 1-й пленум ЦК КПК 10-го созыва. На пленуме было избрано новое Политбюро ЦК КПК в количестве 21 члена и кандидата в члены ЦК. Мао Цзэдун был избран председателем ЦК КПК; заместителями председателя избраны Чжоу Эньлай, Ван Хунвэнь, Кан Шэн, Е Цзяньин, Ли Дэшэн; членами Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК – Мао Цзэдун, Ван Хунвэнь, Е Цзяньин, Чжу Дэ, Ли Дэшэн, Чжан Чуньцяо, Чжоу Эньлай, Кан Шэн, Дун Биу.

В октябре Е Цзяньин и Дэн Инчао по поручению ЦК партии провели консультативное совещание всех демократических партий и организаций и беспартийных деятелей; был согласован список депутатов Всекитайского собрания народных представителей 4-го созыва.

С 21 ноября до начала декабря «Политбюро ЦК КПК, на основании мнения Мао Цзэдуна, провело заседание с критикой Чжоу Эньлая. Цзян Цин выступила с нападками на Чжоу Эньлая, утверждая, что тут речь идет об “одиннадцатой по счету борьбе линий” (внутри партии); Мао Цзэдун подверг критике (такую постановку вопроса)».

7 декабря Государственный плановый комитет представил некоторые соображения о плане развития народного хозяйства на 1974–1975 гг. При этом потребовал сократить количество объектов капитального строительства, взять под контроль численность рабочих и служащих, расставить приоритеты в следующем порядке: сельское хозяйство, легкая промышленность, тяжелая промышленность; добиться сравнительно мощного развития экономики.

12 декабря «группировка Цзян Цин использовала письмо и дневник некоего ученика начальной школы и сфабриковала пример выступления против “достоинства учителей”; инспирировала критику “возвратной волны правого уклона” в области образования».

22 декабря «на основе предложения Мао Цзэдуна ЦК КПК издал и распространил уведомление о решении назначить Дэн Сяопина членом Политбюро ЦК КПК, членом Военного совета ЦК КПК, а также об участии его в работе по руководству ЦК КПК и Военным советом ЦК КПК».

В тот же день Военный совет ЦК КПК издал приказ о перемещениях в штабах Пекинского, Шэньянского, Нанкинского, Гуанчжоуского, Цзинаньского, Уханьского, Фучжоуского и Ланьчжоуского военных округов.

В этом году КНР установила дипломатические отношения с Испанией, Буркина Фасо.

1974

С 17 по 20 января НОАК «одержала победу в боях при самообороне и нанесении ответного удара на островах Сишациньдао, вернула три острова, оккупированные властями Вьетнама: Ганьцюань, Шаньху, Цзиньинь».

18 января ЦК КПК распространил документ «Линь Бяо и Дао Конфуция (материал № 1)»; по всей стране было развернуто движение «критики Линь Бяо и исправления стиля работы».

С 19 по 21 января «группировка Цзян Цин», использовав самоубийство школьницы в провинции Хэнань, развернула в масштабах всей страны движение под лозунгом «борьбы против реставрации» в сфере образования.

24 и 25 января «воинские части, расквартированные в Пекине, учреждения, прямо подчиненные центру, государственные учреждения проводили мобилизационные митинги “критики Линь Бяо, критики Конфуция”; Цзян Цин использовала все это и создавала трудности для Чжоу Эньлая, Е Цзяньина».

15 февраля «Мао Цзэдун критиковал Цзян Цин и прочих за то, что они “действуют через черный ход” и “выпускают одновременно три стрелы”, предотвращал попытки группировки Цзян Цин, действуя таким образом, наносить удары по большой группе партийных и государственных руководящих кадров».

22 февраля Мао Цзэдун во время приема президента Замбии Каунды «выдвинул стратегическую мысль о делении (планеты Земля) на “три мира”. Он полагал, что США, СССР составляют первый мир; Япония, Европа, Австралия, Канада – второй мир, а остальные страны – третий мир».

С февраля по апрель «группировка Цзян Цин за спиной ЦК КПК и Мао Цзэдуна самовольно взялась за крупные вопросы партии, правительства, армии, планировала

“поджоги с тем, чтобы пустить пал (чтобы воспламенилась степь)”, пыталась внести хаос в армию».

С 6 по 19 апреля Дэн Сяопин во главе делегации Китая присутствовал на 6-й специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН; в своей речи он «разъяснил теорию “трех миров” и внешнюю политику КНР».

10 апреля ЦК КПК «распространил уведомление по нескольким вопросам в ходе движения “критики Линь Бяо, критики Конфуция”; потребовал, чтобы на местах не создавались боевые отряды и другие массовые организации, не осуществляли смычку».

11 мая в Юньнани произошло землетрясение силой в 7,1 балла, погибли 1423 человека, пострадали 1600 человек.

1 июня Чжоу Эньлай, будучи болен, был помещен в больницу.

17 июля Мао Цзэдун на заседании Политбюро ЦК КПК «предостерег Цзян Цин и прочих: “не создавайте группку четырех”».

В июле при раскопках в провинции Шэньси была обнаружена гробница Цинь Шихуанди.

1 августа «на боевое дежурство» в море вышла первая «построенная в КНР» атомная подводная лодка «Чан чжэн и хао (Великий поход – № 1)».

7 августа Государственный плановый комитет распространил уведомление о наметках десятилетнего плана; при этом требовалось до 1980 г. создать самостоятельную и независимую сравнительно целостную структуру промышленности и народного хозяйства в целом; поэтапно создать районы сотрудничества в сфере экономики; в основном осуществить механизацию сельского хозяйства; в 1985 году в общем сформировать структуру из шести крупных экономических районов.

С 1 по 16 сентября спортивная делегация КНР участвовала в 7-й Азиатской олимпиаде в Иране, завоевала три золотых медали. КНР тогда впервые участвовала в олимпиаде.

29 сентября ЦК КПК издал уведомление о восстановлении доброго имени Хэ Луна.

4 октября Мао Цзэдун предложил назначить Дэн Сяопина первым заместителем премьера ГС КНР.

11 октября ЦК КПК издал уведомление о подготовке к созыву ВСНП 4-го созыва. При этом доводили до сведения, что Мао Цзэдун дал указание о необходимости стабильности и сплоченности.

18 октября Ван Хунвэнь «по указанию Цзян Цин и прочих отправился в Чанша к Мао Цзэду с клеветой на Чжоу Эньлая и Дэн Сяопина, и там натолкнулся на суровую критику Мао Цзэдуна».

20 октября Мао Цзэдун, принимая премьер-министра Дании Хартлинга, рассуждал о теории социализма.

В тот же день Мао Цзэдун, давая указания о подготовке сессии ВСНП 4-го созыва, а также по кадровым вопросам, подчеркнул: что «касается премьера, то это всё тот же наш премьер».

6 ноября Мао Цзэдун, заслушав доклад Ли Сяньняня о выполнении плана развития народного хозяйства, дал указание: «Поднимать экономику страны».

29 ноября в Пекине, «будучи несправедливо обвиненным в результате преследований и репрессий умер заместитель премьера ГС КНР, член Политбюро ЦК КПК 8-го созыва, заместитель председателя Военного совета ЦК КПК Пэн Дэхуай».

С 23 по 27 декабря Мао Цзэдун встречался в Чанша с Чжоу Эньлаем, Ван Хунвэнем и «предложил, чтобы Дэн Сяопин занимал пост заместителя председателя ЦК КПК и по совместительству члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, первого заместителя премьера ГС КНР, заместителя председателя Военного совета ЦК КПК и по совместительству начальника Генерального штаба НОАК; при обсуждении вопросов теории дал указание учиться теории диктатуры пролетариата, ограничивать “буржуазное право”».

В этом году КНР установила дипломатические отношения с Гвинеей-Бисау, Габоном, Малайзией, Тринидадом и Тобаго, Венесуэлой, Непалом, Бразилией, Гамбией.

1975

5 января ЦК КПК принял решение назначить Дэн Сяопина заместителем председателя Военного совета ЦК КПК и по совместительству начальником Генерального штаба НОАК; назначить Чжан Чуньцяо начальником Главного политического управления НОАК.

С 8 по 10 января в Пекине состоялся 2-й пленум ЦК КПК 10-го созыва. На пленуме Дэн Сяопин был избран заместителем председателя ЦК КПК, членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК; Ли Дэшэн по его просьбе был освобожден от обязанностей заместителя председателя ЦК КПК, члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК.

9 января умер Ли Фучунь – заместитель премьера ГС КНР, член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК 8-го созыва.

С 13 по 17 января состоялась 1-я сессия ВСНП 4-го созыва. Чжоу Эньлай представил доклад о работе правительства. Чжан Чуньцяо сделал доклад о поправках в Конституцию КНР. На сессии была принята исправленная Конституция. Чжу Дэ избрали председателем Постоянного комитета ВСНП. Дун Биу и Сун Цинлин были избраны заместителями председателя Постоянного комитета ВСНП. Чжоу Эньлай назначили премьером ГС КНР. Дэн Сяопин, Чжан Чуньцяо и другие стали заместителями премьера ГС КНР.

25 января Дэн Сяопин выступил с речью «Нужно упорядочить армию» на совещании кадровых работников уровня полка и выше.

4 февраля в провинции Ляонин произошло землетрясение силой в 7,3 балла, погибли 1328 человек, пострадали 16 тыс. человек.

5 февраля ЦК КПК принял решение упразднить деловое совещание Военного совета ЦК КПК, создать Постоянный комитет Военного совета ЦК КПК из 11 человек: Е Цзяньин, Ван Хунвэнь, Дэн Сяопин, Чжан Чуньцяо, Чэнь Сиянь и др. Этот орган должен был вести всю повседневную работу. Руководить Постоянным комитетом стал Е Цзяньин.

С 25 февраля по 8 марта ЦК КПК провел совещание секретарей провинций, городов центрального подчинения, автономных районов, ведавших промышленностью, для решения проблем на железных дорогах. 5 марта Дэн Сяопин выступил с речью «Вся партия должна исходить из ситуации в целом; надо поднять экономику страны».

1 марта в газете «Жэньминь жибао» была опубликована статья Яо Вэньюаня «Социальная база антипартийной группировки Линь Бяо». В статье упор сделан на выступлении против эмпиризма. В тот же день Чжан Чуньцяо выступил с речью на совещании руководителей политотделов НОАК. В этой речи он подчеркивал необходимость проявления бдительности в отношении «угрозы со стороны эмпиризма».

5 марта ЦК КПК принял «Решение об усилении работы железных дорог».

17 марта на 2-й сессии ВСНП 4-го созыва было принято решение об амнистии и освобождении всех находившихся в заключении военных преступников.

22 марта ЦК КПК выпустил уведомление о необходимости подготовки к проведению всекитайских съездов федерации профсоюзов, союза молодежи, федерации женщин.

1 апреля в газете «Жэньминь жибао» была опубликована статья Чжан Чуньцяо «О всесторонней диктатуре буржуазии». В статье выдвинуто требование «полностью разрушить все («укреп)валы буржуазии».

2 апреля скончался заместитель председателя Китайской Народной Республики, затем исполняющий обязанности председателя КНР, председатель Постоянного комитета ВСНП, член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК 10-го созыва Дун Биу.

5 апреля на Тайване в Тайбэе скончался Чан Кайши.

23 апреля Мао Цзэдун раскритиковал «группу четырех», которая, поднимая волну «критики эмпиризма», по сути дела, «проявляет непонимание марксизма-ленинизма».

3 мая Мао Цзэдун созвал заседание Политбюро ЦК КПК, на котором «предостерег Цзян Цин и прочих»: «Вам не нужно сколачивать “четверку”».

С 8 по 29 мая ЦК КПК провел Всекитайское совещание по металлургической промышленности. Выступая на этом совещании, Дэн Сяопин выдвинул четыре способа упорядочения дел в металлургической промышленности, а также впервые заявил о необходимости в дальнейшем считать программой во всех делах «три важных указания» Мао Цзэдуна.

27 мая и 3 июня, «на основании указания Мао Цзэдуна, Дэн Сяопин провел заседания Политбюро ЦК КПК под своим председательством с критикой Цзян Цин и прочих. В своих выступлениях Дэн Сяопин, Е Цзяньин, Ли Сяньнянь, У Дэ, Чэнь Силинь указывали: следует обратить внимание на сектантство, на сколачивание “четверки”. Цзян Цин, Ван Хунвэнь и прочие были вынуждены выступить с самокритикой».

2 июня ЦК КПК потребовал «плотно взяться» за такой «ключевой вопрос», как вопрос о руководящих группах и разрешить проблему групповщины.

С 16 июня по 11 августа ГС КНР провел совещание по вопросам идейно-политической работы в сфере планирования. На совещании было указано на необходимость «твердой рукой» взяться за упорядочение дел, сконцентрировать все силы, ускорить развитие экономики.

С 24 июня по 16 июля состоялось расширенное заседание Военного совета ЦК КПК, на котором «с важными речами» выступили Е Цзяньин, Дэн Сяопин. Они говорили об упорядочении дел в армии, об идеологической работе там и об организационном строительстве армии.

В июне вступил в строй нефтепровод из Дацина в Пекин.

1 июля Мао Цзэдун санкционировал руководство Дэн Сяопином повседневной работой ЦК КПК.

В начале июля Мао Цзэдун раскритиковал ситуацию, когда «совсем нет “соперничества ста школ”»; дал указание «проявить снисхождение при решении дела Чжоу Яна». 14 июля Мао в одной из бесед потребовал упорядочить политику в области литературы и искусства.

25 и 29 июля Мао Цзэдун своей позитивной оценкой кинофильмов «Начало» и других положил начало урегулированию в сфере литературы и искусства.

14 августа Мао Цзэдун в беседе с преподавателями Пекинского университета затронул вопрос о дискуссии вокруг романа «Речные заводы». В тот же день Яо Вэньюань написал Мао письмо с тем, чтобы использовать его высказывания и начать движение оценки романа «Речные заводы».

18 августа Дэн Сяопин провел совещание ГС КНР в целях обсуждения вопросов ускорения развития промышленности, выдвинул «важные предложения» о расширении импорта и экспорта, импорта новой техники, нового оборудования.

С 12 по 28 сентября в Пекине состоялась 3-я Всекитайская олимпиада.

С 15 сентября по 19 октября ГС КНР провел Всекитайское совещание по учебе в области сельского хозяйства у Дачжай (т.е. у большой сельскохозяйственной производственной бригады Дачжай в деревне Дачжай). На совещании обсуждались вопросы о «строительстве дачжайских уездов», осуществлении механизации сельского хозяйства и упорядочении коммун и бригад. Дэн Сяопин выступил с речью, поставив задачу всестороннего урегулирования.

С 23 сентября по 21 октября ЦК КПК провел совещание по работе в деревне. Большинство участников совещания не согласилось с предложением Чэнь Юнгя (из бригады Дачжай) о том, чтобы сделать основной хозрасчетной единицей большую производственную бригаду.

26 сентября «Дэн Сяопин председательствовал на совещании ГС КНР и выслушал доклад-отчет Ху Яобана о работе Академии наук Китая. Состоялось обсуждение “Основных тезисов доклада-отчета о работе Академии наук”». С «важными речами» выступили Дэн Сяопин, Ли Сяньнянь, Хуа Гофэн, Цзи Дэнкуй.

7 октября Дэн Сяопин руководил составлением программы всестороннего упорядочения.

С 26 октября 1975 года по 23 января 1976 г. проходило Всекитайское совещание по планированию. Обсуждались план развития народного хозяйства на 10 лет и на 1976 г.

2 ноября «Мао Цзэдун дал указания: (в настоящее время) существует двойное отношение к “великой культурной революции”: с одной стороны, проявляют недовольство культурной революцией; а с другой стороны, требуют предъявить счет к культурной революции, рассчитаться по счету культурной революции. Мао Цзэдун не мог

мириться с тем, что Дэн Сяопин систематически исправлял ошибки великой культурной революции, (и Мао Цзэдун) дал указания провести совещание в узком составе с целью критики Дэн Сяопина».

3 ноября в Университете Цинхуа было проведено расширенное заседание парткома. На заседании до его участников было доведено «мнение Мао Цзэдуна о письме Лю Бина и прочих, в котором ставился вопрос о Чи Цюнь и Се Цзинь. Мао Цзэдун полагал, что в Университете Цинхуа и других вузах затронуты такие вопросы, которые представляют собой “отражение ведущейся в настоящее время борьбы между двумя линиями”. Вслед за тем и в Университете Цинхуа, и в других вузах была развернута “большая дискуссия относительно революции в области образования” и осуществлено “нанесение ответного удара по поветрию правоуклонистского пересмотра дел”».

15 ноября по указанию Мао Цзэдуна повседневное руководство работой ЦК КПК временно было возложено на Дэн Сяопина.

24 ноября Дэн Сяопин председательствовал на заседании Политбюро ЦК КПК. Дэн Сяопин на этом заседании прочел вслух «главные тезисы речи о том, что следует приветствовать», просмотренные и одобренные Мао Цзэдуном.

В этом году КНР установила дипломатические отношения с Ботсваной, Филиппинами, Мозамбиком, Таиландом, Сан-Томе и Принсипи, Бангладеш, Фиджи, Западным Самоа, Коморскими островами.

1976

8 января умер заместитель председателя ЦК КПК, премьер ГС КНР, председатель Всекитайского комитета НПКСК 4-го созыва Чжоу Эньлай. «11 января состоялась кремация; миллион пекинцев провожал его в последний путь. 15 января был проведен траурный митинг. Дэн Сяопин выступил с речью. В соответствии с завещанием Чжоу Эньлая, его пепел был развеян в Пекине, Тяньцзине, а также в устье реки Хуанхэ в Шаньдуне».

2 февраля ЦК КПК выпустил документ № 1, приняв решение о назначении Хуа Гофэна исполняющим обязанности премьера ГС КНР, а также о том, что на время болезни Е Цзяньина Чэнь Сялян будет вести повседневную работу Военного совета ЦК КПК.

25 января ЦК КПК провел совещание руководителей провинций, городов центрального подчинения, автономных районов и больших военных округов, на котором была «оглашена установка о “критике Дэн Сяопина”. 2 марта Цзян Цин самовольно провела совещание с участием руководителей 12 провинций, районов с нападками на Дэн Сяопина и других руководителей ЦК КПК».

2 марта в газете «Жэньминь жибао» была перепечатана статья из журнала «Хунци»: «Из фракции буржуазных демократов (превращаются) в фракцию идущих по капиталистическому пути». Вслед за тем Цзян Цин в своей речи заявила, что «75% старых кадровых работников являются фракцией демократов, а переход фракции демократов в своем развитии во фракцию идущих по капиталистическому пути, это неизбежная закономерность».

3 марта ЦК КПК выпустил уведомление об изучении «Важных указаний председателя Мао»; «было всесторонне развернуто движение “критики Дэн Сяопина, нанесения контрудара по правоуклонистскому поветрию пересмотра дел”».

«С третьей декады марта по начало апреля в Нанкине вспыхнуло массовое движение в память о Чжоу Эньлае и с выступлениями против “четверки”. 1 апреля Политбюро ЦК КПК дало этому движению определение: “политический акт, направленный на раскол ЦК КПК во главе с председателем Мао, и на то, чтобы изменить главное направление, то есть критику Дэн Сяопина”».

С 1 по 4 апреля «в Пекине на площади Тяньаньмэнь возникло движение масс; миллионы людей приходили на площадь, возлагали венки, читали стихи, оплакивали Чжоу Эньлая, выражали поддержку Дэн Сяопину, выступали против “четверки”. Одновременно происходили такие же события в Ханчжоу, Ухане, Шанхае, Сиани, Лояне, Чжэнчжоу».

5 апреля «Политбюро ЦК КПК приняло решение нанести “контрудар” по массам людей, оплакивавших Чжоу Эньлая на площади Тяньаньмэнь. Вечером того же дня движение скорби на площади Тяньаньмэнь было подавлено, при этом там были арестованы более 200 человек; затем арестованы еще более 100 человек».

7 апреля «по предложению Мао Цзэдуна Политбюро ЦК КПК приняло решение: назначить Хуа Гофэна первым заместителем председателя ЦК КПК, премьером ГС КНР, снять Дэн Сяопина со всех постов в партии».

29 мая в провинции Юньнань произошло землетрясение силой в 7,3 или 7,4 балла, погибли 98 человек, пострадали 2442 человека.

1 июля в Уси (провинция Цзянсу) «умер, будучи несправедливо обвиненным, Чжан Вэньтянь, который на протяжении некоторого времени после совещания в Цзуньи был главным ответственным руководителем ЦК КПК».

6 июля скончался Чжу Дэ – председатель Постоянного комитета ВСНП 2-го, 3-го, 4-го созывов, член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК 10-го созыва.

С 6 июля по 1 августа состоялось Всекитайское совещание по плановой работе. «“Четверка” на этом совещании организовала нападки на совещание в ГС КНР в 1975 году по идейно-политической работе, называя это совещание “исток” “правоуклонистского поветрия пересмотра дел”».

14 июля состоялась церемония открытия железной дороги Танзания–Замбия, которая была сооружена в Африке с помощью КНР.

28 июля в Таншане (провинция Хэбэй) произошло землетрясение силой в 7,8 балла, которое привело к серьезным разрушениям. В Таншане погибли 242 тыс. человек, пострадали 164 тыс.

9 сентября умер председатель ЦК КПК, председатель Военного совета ЦК КПК, почетный председатель Всекитайского комитета НПКСК Мао Цзэдун. ЦК КПК, ПК ВСНП, ГС КНР, Военный совет ЦК КПК опубликовали «Обращение ко всей партии, всей армии, народам всех национальностей страны».

Указатель имен

- Абдалла Ас-Саляль 855
Абдель Ибрагим 769
Аджимамудова В.С. 651
Ай У 艾芜 161
Ай Цин 艾青 104, 114, 547, 737
Айтматов Чингиз 544
Айюб Хан Мухаммед 771
Акатова Г.Н. 651
Акулов П.А. 555
Александр Македонский 6
Александров А.В. 622, 645
Алексеев И.П. 618
Алиханов А.И. 596
Анваров Д. 612
Андреев А.А. 627, 628, 630, 632–634, 638, 640, 642, 643, 651, 652
Ань Цзывэнь 安子文 249, 430, 458, 749
Арбатский М.И. 637
Арутюнов А.И. 618
Архипов И.В. 6–8, 631, 650, 653, 737
Асимов М.С. 650
Асланов Р.М. 650
Астафьев Г.В. 650
Ачесон, Дин 568
- Ба Цзинь 巴金 115, 188, 545, 546, 646, 649, 710
Бабаевский С.П. 625
Бай Лан 105
Бай Чунси 25
Бао Дай (Бао-дай-де) 572
Бардин И.П. 615
Батицкий П.Ф. 593
Белинский В.Г. 543
Березкина Н.И. 650
Бернштейн Эдуард 354
Биркмайер Вальтер 536
Благодатов А.В. 652
Блохинцев Д.И. 596
Блюхер В.К. 652
Бо Ибо 薄一波 32, 34, 51–53, 65–67, 72, 77, 78, 88, 90, 113, 122, 123, 147, 183, 200, 207, 219, 222, 232, 248, 251, 283–285, 288, 289, 295, 296, 352, 362, 414, 430, 669, 670, 671
- Бо Ин 傅鹰 242
Бо Шуцунь 薄书存 66
Бобровников Н.И. 630, 637, 638
Богаткин В.В. 639
Бойко А.Т. 636
Боковенко А.С. 650
Бокщанин А.А. 7
Болдырев Т.Е. 618
Бородин В. 612
Браун Отто 680, 740
Брежнев Л.И. 583, 588
Брендедж Эвери 659
Буйневич Н.М. 555
Булганин Н.А. 58, 120, 194, 573
Бурхан Шахиди 750
Бхутто Зулфикар Али 535, 536
Быков В.Т. 630
Бянь Чжилинь 卞之琳 105
- Ван Гуанбинь 王光賓 671
Ван Гуанмэй 王光美 272, 273, 413, 414, 431, 432, 688, 770
Ван Дабинь 王大彬 397, 452
Ван Дунсин 汪东兴 330, 348, 350, 362, 413, 425, 436, 452, 458, 466, 471, 474, 480, 482, 484, 487, 506, 508
Ван Жэньчжун 王任重 277, 370, 385, 398, 414, 435, 633, 773
Ван Куньлунь 王昆仑 626
Ван Ли 王力 245, 260, 350, 352, 357, 361, 369, 409, 410, 421, 427, 428, 433, 435–437, 440, 445, 486, 671, 732, 733, 777
Ван Мин 王明 82, 245, 463, 483, 678, 697, 720, 733, 739, 741
Ван Мэн 王蒙 105
Ван Няньи 王年一 411
Ван Хайжун 王海容 334, 535
Ван Хунвэнь 王洪文 17, 416, 418, 419, 437, 464, 487, 491, 492, 494–500, 505, 511, 524, 527, 531, 532, 537, 671–673, 707, 738, 775, 785, 787–789
Ван Цзе 王杰 304
Ван Цзинвэй 汪精卫 723
Ван Цзясян 王稼祥 250, 251, 302, 490, 492, 495, 692, 739, 741, 765

- Ван Чжаохуа 王照华 389
 Ван Чжэньхай 王振海 417
 Ван Чжэнь 王震 471, 495
 Ван Эньмао 王恩茂 766
 Ван Яньчунь 王延春 263
 Ван Япин 王亚平 160
 Вань И 万毅 157
 Вань Ли 万里 288, 412, 415, 508, 529, 673
 Василенко В.Х. 618
 Васьков О.В. 650
 Верейский О.Г. 631, 635, 639
 Ветрич И.Р. 555
 Виноградов А.В. 7, 596
 Винчи, Чарльз 658
 Власов В.А. 614
 Вознесенский А.А. 544
 Войтинский Г.Н. 691
 Воробьев Е.А. 596
 Ворошилов К.Е. 109, 185, 643
 Вышинский А.Я. 566
 Вэнь Идо 闻一多 311
 Вэнь Юйчэн 温玉成 446
 Вяткин Р.В. 638, 651
- Гаврилов В.И. 555
 Гагарин Ю.А. 311
 Гай Цзяотянь 盖叫天 547, 564
 Галенович Ю.М. 7, 8, 18
 Гань Сыци 甘泗淇 257
 Гао Ган 高岗 22, 27, 48, 64–70, 157, 250, 257, 258, 458, 463, 673, 679, 747, 751, 752
 Гао Ман 高莽 640
 Гексли Томас 689
 Герасимов С.А. 629, 630, 635, 638, 640, 645, 650
 Гериг 504
 Герцен А.И. 546
 Гёте Иоганн В. 674
 Глухарева О.Н. 639
 Го Можо 郭沫若 94, 113–115, 183, 310, 320, 387, 508, 547, 620, 621, 624, 625, 627, 646, 674, 675, 746, 748
 Го Сяочуань 郭小川 311
 Голощекин Ф.И. 579
 Гомулка Владислав 84
 Горький А.М. 115, 624, 625
 Громова А. 629
- Громыко А.А. 120, 169, 576, 577
 Гу Му 谷牧 207, 232, 292, 406, 408, 409, 508
 Гуань Фэн 关锋 330, 350–352, 357, 361, 389, 398, 412, 421, 422, 433, 440, 445, 486, 732, 777
 Гуань Ханьцин 关汉卿 638
 Гуань Шаньюе 关山月 117
 Гудошников Л.М. 7
 Гун Лю 公刘 105
 Гэ Баоцюань 戈宝权 621, 624, 626, 641, 646
- Давыденко Г.М. 555
 Дай Айлянь 戴爱莲 114
 Даллес Аллен 84
 Данилин В.Н. 555
 Данилов В.И. 638, 642
 Дарвин Чарлз 689, 718
 Двали Р.Л. 650
 Де Голль Шарль 581
 Дебюсси Клод 316
 Делюсин Л.П. 650
 Денисенко А.Г. 555
 Дергач Н.Т. 555
 Деревянко А.П. 7
 Джангалин М.О. 629
 Дидро Дени 415
 Димитров Г.М. 719
 Дин И 丁毅 115, 748
 Дин Лин 丁玲 105, 114, 115, 625, 649, 737, 748
 Добролюбов Н.А. 543
 Добрынина В.И. 631
 Дортикос Торрадо Освальдо 570, 765
 Ду Пэнчэн 杜鹏程 161
 Ду Фу 杜甫 542, 645, 649
 Дубровина Л.В. 630, 635, 637, 640
 Дун Биу 董必武 36, 70, 86, 236, 251, 257, 464, 465, 471, 507, 511, 620, 626, 746, 769, 785, 788, 789
 Дун Чуньцай 董纯才 331
 Дэнь Инчао 邓颖超 60, 525, 785
 Дэнь Лицюнь 邓力群 237, 245
 Дэнь Сяопин 邓小平 16, 52, 60, 67–70, 78–81, 83, 84, 87, 102, 103, 120, 147, 150, 157, 204–207, 213–215, 219, 222, 223, 2228, 229, 231–233, 238–240, 242,

- 245, 247, 249, 251, 260, 261, 270, 272, 278, 280, 283, 287, 317, 323, 348, 349, 351, 352, 360, 362–369, 372–374, 376, 398, 402–405, 409, 413, 414, 422, 430, 433, 436, 444, 445, 457, 459, 460, 471, 490, 491, 492, 495–497, 503, 506–513, 587, 626, 667, 670, 671, 675, 676, 679, 709, 710, 718, 720, 724, 729, 732, 734, 735, 737, 741, 749, 751, 752, 754, 755, 763, 769, 774, 775, 783–792
- Дэн То 邓拓 313, 357 – 361, 412, 676
- Дэн Хуа 邓华 257
- Дэн Цзыхой 邓子恢 49, 53, 65, 71, 72, 89, 209, 212 – 214, 217, 218, 232, 233, 238, 239, 248, 257, 259, 283, 302, 414, 457, 670, 676, 677
- Дэн Чжунся 邓中夏 678, 691
- Е Ицунь 叶以群 545
- Е Тин 叶挺 677, 728
- Е Цичжуан 叶季壮 347
- Е Цзяньин 叶剑英 18, 196, 356, 362, 374, 398, 409, 421, 422, 427, 428, 457, 465, 471, 484, 486, 490, 500–502, 508, 511, 513, 515, 524, 526, 527, 529, 648, 677, 707, 709, 724, 725, 732–734, 753, 776, 779, 782, 785, 786, 788–791
- Е Цюнь 叶群 349, 403, 413, 422, 423, 428, 437, 445, 447, 451, 465, 466, 473, 474, 476–478, 480–482, 492, 733, 782, 785
- Евтушенко Е.А. 544
- Егунов В.И. 555
- Елютин В.П. 630, 635, 640, 645, 646
- Еремин И.А. 347
- Ермалюк В.Н. 555
- Ефимов Б.Е. 639
- Ефимов Г.В. 631, 642, 649, 651
- Жао Шуши 饶漱石 27, 64, 65–70, 157, 227, 678, 747, 751, 752
- Жао Юйтай (Яо Юйтай) 饶毓泰 386
- Желоховцев А.Н. 651
- Жолио-Кюри Фредерик 674
- Жоу Ши 柔石 311
- Жуков Н.Н. 639
- Жун Гаотан 荣高棠 432, 656, 664, 665
- Жун Готуань 荣国团 661
- Жэнь Биши 任弼时 685, 691, 724, 747
- Зарубин А.И. 612
- Засядько А.Ф. 147
- Захаров М.В. 593
- Змеев А.П. 555
- Золотарев В.Г. 555
- Ибсен Генрик 711
- Ивченко А.Г. 603
- Изотов В.А. 555
- Ильичев Л.Ф. 555
- Ин Юньвэй 应云卫 547, 564
- Инь Да 尹大 357
- Ионин А.Ф. 555
- Ипатова А.С. 651
- Исаков В.П. 555
- Исаковский М.В. 625
- Кадырбаев А.Ш. 7
- Казакевич Э.Г. 544
- Калягин А.Я. 631, 650, 652
- Каменчук Г.А. 555
- Кан Кэцин 康克清 633
- Кан Шэн 康生 15, 84, 137, 155–158, 245, 249–251, 257, 260, 315–321, 326, 328, 338, 348–352, 354, 357, 359, 360, 362, 365–369, 373, 374, 376, 381, 384, 389, 394, 398, 403, 405, 409, 412–414, 420–425, 428, 430, 431, 433, 434, 436, 438, 442, 443, 445, 446, 450, 451, 456–458, 460, 462, 464–466, 473, 477, 484, 508, 511, 517, 523, 524, 525, 678, 679, 695, 697, 698, 709, 711, 716, 721, 726, 732–734, 773–776, 779, 785
- Кан Ювэй 康有为 689, 690
- Кан Юнхэ 康永和 646
- Капитонов И.В. 82
- Кармен Р.Л. 622
- Кастро Фидель 551
- Каунда Кеннет 768
- Каутский Карл 354
- Кемарская Н.Ф. 638
- Кеннеди Джон Ф. 251, 578, 579
- Кетлинская В.К. 625
- Кибяков А.В. 618
- Ким Ир 40
- Ким Ир Сен 40, 41, 58, 251, 285, 511, 568, 760, 764, 769
- Киселев Г.Г. 555

- Киссинджер Генри 500, 553, 558, 586–588, 782
 Климашин В.С. 639
 Климов В.Я. 595
 Ковалев Е.Ф. 631
 Ковалев И.В. 68
 Ковда В.А. 608
 Кожевников В.М. 638
 Кожедуб И.Н. 178, 593
 Козлов И. 612
 Коккинаки К.К. 652
 Колодкин Н.И. 555
 Конфуций 孔子 333, 335, 499, 500, 501, 503, 675, 689, 690, 784–787
 Коржуков В.Х. 555
 Косицын А.И. 650
 Космодемьянская З.А. 625, 626
 Космодемьянская Л.Т. 625, 626, 629, 631
 Космодемьянский А.А. 625, 626
 Косыгин А.Н. 287, 347, 556, 557, 583, 585, 586, 721, 779
 Коуэн Гленн 666
 Кочергин И.Г. 618
 Кочетов В.И. 626
 Кравцов А.М. 652
 Кравцова М.Е. 7
 Красовский С.А. 593
 Кривцов В.А. 650, 651
 Кriuлин Г.А. 641
 Кропоткин П.А. 689, 690
 Крутиков К.А. 71
 Крымов А.Г. 638
 Куай Дафу 蒯大富 397, 413, 414, 425, 452, 480, 679, 732
 Куан Ямин 匡亚明 362
 Кузнецов А.Н. 555
 Кузнецов В.В. 556
 Кулагин М.И. 618
 Куликова Г.В. 651
 Куликова М.В. 628
 Кун Юань 孔原 260
 Кунгуров Г.Ф. 629, 631, 649
 Кэ Цинши 柯庆施 128, 133, 140, 154, 156, 204, 238, 251, 315–317, 669
 Лаврентьев М.А. 642
 Лай Жоюй 赖若愚 392, 750
 Лай Жуйжуй 赖锐锐 392
 Ланге Оскар 328
 Лань Лин 藍領 92, 93
 Лао Шэ 老舍 36, 115, 116, 188, 241, 311, 384, 385, 545, 547, 564, 634, 646, 716
 Ларионов И.Ф. 612
 Левада Ю.А. 638
 Ленин В.И. 13, 84, 127, 141, 191, 244, 245, 258, 295, 344, 356, 385, 474, 477, 509, 577, 652, 715, 762
 Леонов И.Д. 629
 Лепешинская О.В. 626
 Ли Баохуа 李葆华 495
 Ли Бо 李白 648
 Ли Бочжао 李伯钊 739
 Ли Вэйхань 李维汉 242, 302, 415, 741, 746
 Ли Даньхой 李丹慧 553
 Ли Дачжао 李大钊 311, 648, 678, 690, 691, 718
 Ли Да 李达 385, 691, 715
 Ли Дэцюань 李德全 620, 624
 Ли Дэшэн 李德生 466, 477, 478, 484, 506, 781, 785, 788
 Ли Жуй 李锐 80, 153, 155
 Ли Жэньцзюнь 李人俊 289
 Ли Ин 李颖 311
 Ли Куан Ю 李光耀 535
 Ли Кэжань 李可染 117
 Ли Лисань 李立三 82, 458, 678, 683, 691, 718, 728
 Ли Лифэн 李黎风 392
 Ли Минцин 李明清 392
 Ли Миньбин 李民兵 623
 Ли На 丽娜 422
 Ли Синь 李鑫 410, 517
 Ли Сифань 李希凡 92, 93
 Ли Сыгуан 李四光 36, 113, 161, 183, 624
 Ли Сын Ман 568
 Ли Сюэфэн 李雪峰 204, 353, 356, 360, 362, 368, 381, 424, 466, 478
 Ли Сяньнянь 李先念 76, 77, 90, 122, 123, 153, 214, 215, 231, 232, 238, 248, 251, 283–285, 306–362, 427, 428, 438, 445, 457, 465, 467, 484, 529, 670, 681, 682, 707, 732–734, 776, 788–790
 Ли Тао 李涛 636, 637
 Линь Фэн 415
 Ли Фучунь 李富春 72, 90, 113, 154, 166, 175, 182, 194, 200, 201, 203, 204, 219, 231, 232, 238, 248, 249, 251, 280,

- 283–285, 287, 288, 289, 352, 374, 389, 428, 445, 457, 464, 467, 471, 490, 670, 679, 682, 718, 720, 733, 734, 774, 776, 788
- Ли Ханьцзюнь 李汉俊 691
- Ли Хуншань 李红山 411
- Ли Цзинцюань 李井泉 204, 292, 392, 414, 484, 490, 492, 495
- Ли Цзишэнь 李济深 22, 620, 621, 627, 746
- Ли Цзи 李季 115, 161, 311
- Ли Цзопэн 李作鹏 349, 434, 447, 466, 473, 474, 476, 478, 480, 484, 492, 782
- Ли Цзунжэнь 李宗仁 387, 771, 778
- Ли Чан 李昌 514
- Ли Чжисуй 李志绥 148, 149, 486
- Ли Чжучэнь 李烛尘 627
- Ли Цзюньжуй 627
- Ли Шу 694
- Ли Юань 黎原 449
- Линь Боцуй 林伯渠 624–627, 746
- Линь Бяо 林彪 14–16, 67–69, 155–157, 223, 229, 231, 233–235, 245, 286, 303, 304, 306, 308, 349–351, 353–356, 358, 363, 370, 371, 373, 374, 376, 378, 381, 383, 394, 400–404, 408, 409, 411, 412, 421–428, 431, 434, 436, 445–447, 451, 457, 460–467, 469, 472–488, 491, 492, 494, 495–503, 505, 506, 624, 626, 627, 672, 676, 679–681, 698, 700, 708, 712, 720, 724, 726, 731–735, 738, 747, 752, 753, 759, 761, 772–774, 776, 778–789
- Линь Доудоу 林豆豆 482
- Линь Лиго 林立果 15, 473, 479, 482, 485, 487, 782
- Линь Лихэн 林立衡 482
- Линь Мохань 林默涵 93, 94, 241, 315, 324, 357, 412, 415
- Линь Фэн 415
- Линь Цзе 林杰 358
- Ло Гуанбинь 罗广斌 312
- Ло Гуйбо 罗贵波 344
- Ло Гунлю 罗工柳 161, 311
- Ло Жуйцин 罗瑞卿 30, 34, 104, 139, 148, 232, 260, 288, 304, 306, 308, 340, 341, 349, 354–357, 371, 409, 415, 436, 481, 497, 579, 706, 743, 744, 761, 766, 772, 773
- Ло Жунхуань 罗荣桓 746, 753
- Ло Инун 罗宜农 691
- Ло Лунцзи 罗隆基 95, 104
- Ло Фэн 罗峰 105, 530
- Лобода М.А. 555
- Лойола Д. 83
- Лу Динъи 陆定一 36, 76, 90, 94–96, 99, 100, 114, 191, 242, 260, 311, 319, 320, 331, 344, 349–357, 371, 374, 409, 412, 415, 481, 544, 548, 682, 743, 744, 773
- Лу Пин 陆平 360, 362, 415
- Лу Синь 鲁迅 115, 188, 405, 517, 648, 716
- Лу Хо 芦荻 521, 522
- Лу Ян 401
- Лыска И.М. 612
- Лысов П.Н. 648
- Лэй Инфу 雷英夫 403
- Лэй Фэн 雷锋 303, 304, 323, 530, 767
- Лю Байюй 刘白羽 115
- Лю Бин 刘冰 791
- Лю Биньянь 刘宾雁 105
- Лю Бочэн 刘伯承 27, 233, 464, 465, 471, 507, 511, 747, 752, 779
- Лю Вэйхуан 柳卫黄 459
- Лю Гуйян 刘桂阳 167
- Лю Данянь 刘大年 646
- Лю Жэнь 刘仁 213, 317, 318, 350, 359, 412, 415
- Лю Ланьтао 刘澜涛 204, 251, 292, 353, 430
- Лю Мянъчжи 刘勉之 312
- Лю Нинъи 刘宁一 624, 627, 634
- Лю Синьцюань 刘新权 557
- Лю Сяо 刘喜尧 540
- Лю Сяо 刘晓 628, 629
- Лю Тао 刘涛 392, 413
- Лю Цзе 刘杰 341
- Лю Цзинфань 刘景范 250, 257
- Лю Цзыхоу 刘子厚 136, 137, 263
- Лю Циншань 刘青善 33
- Лю Цин 柳青 161
- Лю Чансинь 432
- Лю Чжидань 刘志丹 250, 251, 257, 258
- Лю Чжицзянь 刘志坚 357, 400, 402, 421, 773
- Лю Шаотан 刘绍棠 105
- Лю Шаоци 刘少奇 13–15, 22–24, 28, 36, 38, 39, 45, 46, 49, 52, 53, 55–60, 64–68, 76–79, 81–83, 85, 87, 89, 90, 109, 118, 121, 125, 127, 129, 134, 135, 152,

- 155–157, 167, 171, 185, 192, 195, 199–201, 204–206, 209, 210, 212, 213, 215, 217, 222–230, 231, 232, 235–239, 242, 245, 247–249, 251, 258–261, 267, 272–274, 276, 278–282, 287, 293–296, 302, 308, 317–319, 325, 336–338, 340, 343, 346, 349–351, 353, 354, 360–369, 371–374, 376, 392, 398, 402–405, 409, 411–415, 422, 430–433, 436, 438, 444, 451, 456–459, 461, 463, 471, 472, 481, 482, 491, 492, 510, 522, 527, 561, 570, 572, 578, 583, 620–622, 632, 633, 646, 658, 663, 670, 671, 678, 679, 682, 684–688, 691, 702, 720, 724, 725, 729, 731–734, 741, 743, 745, 749, 750, 752, 754, 755, 759, 763, 767–770, 773–778, 780
- Лю Шикунь 刘诗昆 645
 Лю Юньбинь 刘运斌 195
 Лю Юньжо 李允若 415
 Люй Цзи 吕骥 114, 549, 633
 Люй Чжэнцао 吕正操 420
 Лян Бие 梁必业 415
 Лян Си 梁希 614
 Лян Цичао 梁启超 689, 690, 704
 Ляо Чэнчжи 廖承志 490, 495, 624, 627, 750
 Ляо Моша 廖沫沙 313, 316, 357–359, 361, 412, 705
 Ляо (династия) 遼 24
- Ма Иньчу 马寅初 36, 60, 87, 88, 627, 757
 Ма Кэ 马可 633
 Ма Сыцун 马思聪 549
 Ма Сюлунь 马叙伦 656, 754
 Ма Тяньшуй 马天水 528
 Ма Юехань 马约翰 656
 Макартур Дуглас 40
 Максимов К.М. 618
 Малик Я.А. 41
 Малинина П.А. 629
 Мамаева Н.Л. 7
 Мао Аньин 毛岸英 43
 Мао Дунь 茅盾 (Шэнь Яньбин 沈雁冰) 93, 94, 114, 115, 186, 241, 320, 322, 323, 620, 624, 646, 649
 Мао Цзэдун 毛泽东 *rassim*
 Мао Юаньсинь 毛远新 523
 Маомао 毛毛 (Дэн Жун 邓榕) 368, 369
- Маркова С.Д. 650, 651
 Маркс Карл 64, 122, 127, 139, 245, 354, 356, 443, 477, 508, 549, 674, 690, 762
 Махендра Бир Бихрам Шах Дэв 570, 765
 Маяковский В.В. 115, 625, 674
 Маят В.С. 618
 Мелешин П.И. 612
 Меликсетов А.В. 638, 650
 Менжинский В.И. 650
 Микоян А.И. 82, 83, 183, 573, 643
 Милль Джон С. 689
 Мин (династия) 明 25, 152, 704, 705
 Мировицкая Р.А. 650, 651
 Михайлов А.И. 615
 Михайлов Е.К. 555, 638
 Михайлов Н.А. 638
 Монтескье Шарль 689
 Мо-цзы 墨子 675
 Му Синь 木心 357, 413, 440
 Мурадели В.И. 633, 635
 Мэй Ланьфан 梅兰芳 385, 618, 634, 636, 646, 765
 Мэн Чао 孟超 315, 316, 318
 Мэн-цзы 孟子 498
 Мясников В.С. 650
- Насер, Гамаль А. 571
 Насретдинов И.С. 555
 Нго Динь Дьем 768
 Не Вин (У Не Вин) 772
 Не Жунчжэнь 聂荣臻 162, 183, 194–197, 219, 241, 306, 339, 340, 374, 398, 421, 422, 427, 428, 457, 464, 467, 471, 507, 633, 648, 695, 717, 725, 730, 732, 734, 753, 776, 779
 Не Эр 聂耳 321, 322, 549
 Не Юаньцзы 聂元梓 360, 362, 364, 371, 397, 399, 405, 413, 415, 417, 452, 480, 672, 695, 773
 Негин Е.А. 596
 Непомнин О.Е. 7
 Неру Джавахарлал 251, 570
 Нечай С.А. 555
 Ни Чжифу 倪志福 506
 Никсон Ричард 15, 17, 483, 487, 500, 553, 556–559, 586–588, 666, 781–783
 Нкрума Кваме 765, 772
 Новгородский Ю.В. 650

Нородом Сианук 754, 759, 763, 767, 770, 772

Ньерере Джулиус 770

Образцов И.Ф. 650

Овчинников Г.С. 555

Олейниченко Г.В. 645

Осман Даар Аден Абдулла 771

Островская Р.П. 625

Островский Н.А. 115

Остроумов Г.С. 638

Оуян Хай 欧阳海 323, 544

Оуян Шань 欧阳山 544

Ошанин И.М. 631, 638, 650

Панова В.Ф. 115

Пань Тяньшоу 潘天寿 117, 161, 547

Пань Ханьнянь 潘汉年 70

Панюшкин А.С. 630, 635, 640

Пасюта А.И. 555

Первухин М.Г. 196

Перевертайло А.С. 628, 630

Пересомов Л.С. 7

Петефи Шандор 533

Петров Н.Н. 555

Петровский И.Г. 626, 630

Пинпин (Лю Пинпин) 刘平平 414

Плисецкая М.М. 645

Подъяпольская В.П. 618

Покровский Б.А. 645

Поллит Гарри 120

Поляков Г.И. 636

Пономарев Б.Н. 82

Попов Г.И. 641

Попова И.Ф. 7

Попова Н.В. 627, 628, 639, 640

Потапов В.И. 651

Прутков С.Д. 593

Пу И 铺一, Айсиньгёро 777

Пу Сунлин 蒲松龄 617

Путин В.В. 5

Пушкин А.С. 385, 625

Пэн Бай 澎湃 311

Пэн Дэхуай 彭德怀 27, 42, 43, 67, 120, 123, 139, 144, 147–157, 168, 194, 196, 227, 228, 231, 233, 234, 242, 243, 249–251, 257–260, 313, 3267, 348, 374, 401, 414, 415, 436, 463, 474, 481, 482, 534, 561, 568, 669, 681, 684, 687,

693, 696–699, 716, 724, 731, 737, 740, 745, 747, 753, 780, 761, 788

Пэн Пэйюнь 彭佩云 360

Пэн Чжэнь 彭真 36, 37, 104, 155, 213, 214, 223, 224, 228, 231, 251, 267, 268, 270, 278, 281, 317, 319, 320, 324, 348, 350–357, 359, 371, 374, 405, 409, 412, 415, 425, 481, 578, 626, 632, 633, 679, 680, 699, 743, 744, 749, 763, 770, 773

Рабович В.Н. 555

Рахимов Т.Р. 650

Рахманин О.Б. 179, 626, 628, 651

Рашидов Ш.Р. 82

Рифтин Б.Л. 8

Рогачев А.П. 650

Рогов В.Н. 631, 641

Роджерс Уильям П. 558, 586

Романовский С.К. 629

Рощин Н.В. (Рузанков) 170

Румянцев А.М. 650, 651

Руссо Жан-Жак 718

Рябинкин П.Н. 639

Сайфуддин 赛福鼎 · 艾则孜 627

Самарин А.М. 637

Сато Эйсаку 551

Сатпаев К.И. 630

Сатюков П.А. 627, 630, 640

Се Танчжун 谢镗忠 357, 412, 422

Се Тели 谢铁骊 517

Се Фучжи 谢富治 238, 288, 350, 398, 399, 403, 413, 425, 428, 435–438, 442, 451, 458, 466, 469, 478, 484, 500, 700, 707, 733

Се Цзиньйи 谢静宜 500, 523, 524, 791

Семенов Е. 612

Семичастный В.Е. 635

Сианук Н. 490

Си Чжунсюнь 习仲勋 221, 222, 232, 249–251, 257, 259, 646, 742

Си Цзиньпин 5

Сигачев Б.И. 653

Силин К.С. 631, 650, 651, 653, 757

Симонов К.М. 115, 544, 620

Сисаванг Ваттана 767

Сладковский М.И. 650, 651

Смит Адам 689

Сноу Эдгар 15, 102, 558, 586, 707, 781

Солнцев В.М. 650, 651

- Сорокин В.Ф. 650, 651
 Софронов А.В. 635, 638, 640
 Спенсер Герберт 689
 Сталин И.В. 12, 23, 40, 43, 56, 66–68, 78, 80, 83, 84, 127, 128, 143, 154, 155, 157, 158, 171–174, 177, 179, 192, 221, 244, 356, 567, 568, 573–575, 592, 595, 610, 693, 711, 729, 750, 754, 762
 Станиславский К.С. 636
 Стасова Е.Д. 630
 Степанова Г.А. 7, 651
 Стрельников И.И. 555
 Субандрио 761
 Суванна Фума 764, 769
 Сукарно 569, 755, 764
 Сун Жэньцун 宋任穷 195, 204, 353
 Сун Силян 宋希濂 26
 Сун Цзян 宋江 508
 Сун Цинлин 宋庆龄 22, 31, 120, 171, 387, 507, 569, 620, 621, 623, 624, 626, 627, 630, 633, 634, 641, 642, 700–702, 748, 750, 769, 788
 Сун Шо 宋硕 360
 Сун Мэйлин 宋美龄 701
 Сунь Вэйши 孫維世 547, 564, 720
 Сунь Ефан 孙治方 218, 327, 328, 700
 Сунь Юйго 孙玉国 465
 Сунь Ятсен 孙中山 22, 171, 247, 499, 565, 621, 648, 677, 689–691, 696, 700, 719, 722, 723, 728
 Суриков В.И. 618
 Сурков А.А. 625, 626
 Суровцев А.И. 178
 Сулов М.А. 347, 577
 Сым Цянь 司马迁 704
 Сырцев А.Н. 555
 Сюе Муцяо 薛暮桥 87, 232, 243, 283, 700
 Сюе Эго 薛鄂果 700
 Сюй Бэйхун 徐悲鸿 116, 117, 639, 645
 Сюй Кэсян 许克祥 724
 Сюй Лицунь 许立群 245, 260, 350, 412
 Сюй Сянцян 徐向前 374, 398, 409, 421, 422, 425, 428, 437, 457, 471, 490, 507, 725, 732–734, 753, 776, 779
 Сюй Цзе 徐阶 313
 Сюй Цзинсянь 徐景贤 528
 Сюй Шию 许世友 465
 Сюн Фу 熊复 245, 260, 517
 Ся Янь 夏衍 115, 140, 161, 322, 323, 412, 544
 Сянь Синхай 冼星海 321
 Сяо Вандун 萧望东 323
 Сяо Сань (Эми Сяо) 萧三 311, 624, 625, 646
 Сяо Сянжун 肖向荣 415
 Сяо Хуа 萧华 306, 409, 413, 422, 423
 Сяо Цянь 萧乾 105
 Сяо Шань 萧珊 545, 546
 Тан (династия) 唐 727
 Тан Сяовэй 唐孝威 516
 Танака Какуэй 558
 Тань Лифу 谭力夫 392
 Тань Хоулань 谭厚兰 452, 480
 Тань Цилун 谭启龙 529
 Тань Чжэньвэнь 谭政文 154, 392
 Тань Чжэньлин 谭震林 16, 69, 134, 232, 270, 283–285, 427, 428, 438, 446, 457, 490, 492, 495, 508, 732–734, 776, 784, 785
 Тань Чжэн 谭正 234, 257, 260
 Тао Чжу 陶铸 128, 204, 241, 281, 292, 356, 362, 374, 375, 385, 394, 409, 412, 421, 422, 433, 445, 449, 471, 544, 702, 706, 730, 732, 774–776, 780
 Тао Чжэньдун 621
 Тао Юн 陶勇 421
 Твардовский А.Т. 544
 Тесленко Е.В. 633
 Тито Иосип Б. 154
 Титаренко М.Л. 6, 8
 Титов А.И. 649
 Тихвинский С.Л. 8, 169, 170, 620, 628, 631, 635, 636, 640, 646, 648, 650–654
 Тихонов Н.С. 622, 625, 628, 630, 635, 639, 640, 642
 Толстой А.Н. 115
 Толстой Л.Н. 105, 674, 690, 722
 Тольятти Пальмиро 84, 580
 Торез Морис 580
 Троцкий Л.Д. 126, 141
 Троян Н.В. 631, 640
 Трумэн Гарри 43
 Туликов С.С. 650
 Гумашев Л.Н. 650
 Тэн Дайюань 滕代远 696

Тянь Хань 田汉 115, 161, 241, 311, 314, 318, 415, 544, 545, 547, 556, 649, 703

Тянь Цзэнпэй 田曾佩 654

Тянь Цзяин 田家英 81, 210, 233, 270, 353, 357, 359

Тянь Цзянь 田间 115, 153, 160, 161, 311

У Дэ 吴德 381, 393, 424, 451, 477, 484, 491, 789

У Ланьфу 乌兰夫 16, 624, 627

У Лэнси 吴冷西 260, 319, 350–352, 517

У Наньсин 吴南星 313, 361

У Ну 755

У Саньгуй 吴三桂 698

Усов В.Н. 8

У Сюцюань 伍修权 260, 743

У Фасянь 吴法宪 349, 434, 437, 445–447, 466, 469, 473, 474, 476–478, 480, 484, 492, 782

У Хань 吴晗 130, 312–314, 329, 348, 353, 357, 359, 361, 415, 704, 705, 711, 738

У Хао 伍豪 434, 488

У Цзинтянь 武竞天 288

У Цзожэнь 吴作人 161

У Цзэтянь 武则天 314, 703

У Чжунхуа 吴仲华 516

У Чжун 吴忠 484

У Чуаньйюй 吴传玉 658, 659

У Юйчжан 吴玉章 171, 621, 624, 627, 632, 727

У Юсюнь 吴有训 633

Уланова Г.С. 631, 645, 650

Уланьфу 乌兰夫 450, 490, 492, 495, 627, 703, 785

Фадеев А.А. 548, 620

Фам Ван Донг 486

Фан Чжиминь 方志敏 311

Фан Чжичунь 方志纯 458

Фань Жоюй 范若愚 123, 260

Федоренко Н.Т. 573, 628, 631

Федоров А.Ф. 630, 641, 650, 651

Феоктистов В.Ф. 651

Финогенов К.И. 639

Форд Джеральд 558

Фрунзе М.В. 723

Фу Цзои 傅作义 387

Фу Цифан 傅其芳 665

Фу Чунби 傅崇碧 446, 497, 777

Фэн Вэньбинь 冯文彬 655

Фэн Дин 冯定 127, 327

Фэн Дэин 冯德英 161

Фэн Сюэфэн 冯雪峰 93, 105, 649, 737

Фэн Юлань 冯友兰 499

Хай Жуй 海瑞 152, 312, 313, 351

Хайдеггер Мартин 415

Хань Айцзин 韩爱晶 452, 480

Хань Няньлун 韩念龙 557

Хань (династия) 汉 674

Хань Фэй 韩非 675

Хартлинг Поуль 787

Хирофуми Даймацу 663

Хлебников Н.М. 631, 650

Хо Ши Мин 354, 585

Хоу Вайлу 侯外庐 313, 646

Хрущёв Н.С. 12, 14, 58, 83–85, 120, 127, 136, 137, 189, 191, 193, 196, 251, 257, 326, 343–347, 354, 356, 373, 413, 572–580, 595, 596, 604, 640, 643, 721, 754, 759, 761

Ху Кэши 胡克实 389, 633

Ху Фэн 胡风 93, 95

Ху Ханьминь 胡汉民 723

Ху Цзиньтао 胡锦涛 745

Ху Цзуннань 胡宗南 26

Ху Цили 胡启立 389

Ху Цяому 胡乔木 36, 37, 39, 76, 77, 79–81, 92, 153–155, 191, 213, 515–517, 529

Ху Ши 胡适 91, 95, 104, 704, 705, 752

Ху Шэн 胡绳 260, 350

Ху Яобан 胡耀邦 245, 389, 458, 514, 515, 529, 547, 673, 676, 708–710, 749, 790

Хуа Гофэн 华国锋 276, 449, 484, 491, 508, 511, 515, 520, 526–528, 705–709, 790–792

Хуа Цзюнь 华君武 544

Хуан Цзин 黄敬 90–113

Хуан Кунь 黄昆 516

Хуан Кэчэн 黄克诚 152 – 155, 157, 194, 233, 234, 251, 257, 260, 687, 693, 698, 716, 761

Хуан Цзин 黄敬 90, 113

Хуан Юншэн 黄永胜 434, 446, 447, 451, 464, 466, 469, 473, 476, 478, 480, 484, 492, 777, 782

Хуан Яньпэй 黄炎培 171, 621, 627, 746, 772

Хуан Яомянь 黄药眠 105

- Худайбердыев А.Б. 650
 Хун Сюечжи 洪学智 157, 257
 Хэ Вэй 何伟 336, 646
 Хэ Лун 贺龙 155, 306, 339, 349, 392, 394, 399, 401, 409, 414, 421, 422, 425, 432, 445, 497, 514, 561, 656, 658, 662, 665, 710, 725, 728, 732, 753, 773, 779, 787
 Хэ Лутин 贺绿汀 362, 549
 Хэ Пэнфэй 贺鹏飞 392
 Хэ Сяннин 何香凝 387, 750
 Хэ Цзинчжи 贺敬之 115, 311, 748
 Хэ Цифан 何其芳 93, 94
 Хэ Чжунпин 柯仲平 114
- Цай Хэсэнь** 蔡和森 718, 728
Цай Чан 蔡畅 750
Цай Юаньпэй 蔡元培 727
Цао Дицю 曹荻秋 416, 419, 421
Цао Иоу 曹轶欧 359, 360, 433, 711
Цао Сюэцин 曹雪芹 91
Цао Цзинхуа 曹靖华 115, 640, 646, 649
Цао Юй 曹禺 241
Царев М.И. 631, 635, 640, 650
Цеденбал Юмжагийн 767
Цзан Кэцзя 臧克家 159, 161, 311
Цзи Дэнкуй 纪登奎 466, 473, 477, 478, 484, 511, 526, 790
Цзи Пэнфэй 姬鹏飞 733
Цзи Пэн 纪鹏 311
Цзинь Цзинмай 金敬迈 544
Цзэн Сишэн 曾希聖 208–210, 218, 223, 233
Цзя Исюе 賈一學 410
Цзя Тофу 贾拓夫 250, 257
Цзян И 554
Цзян Наньсян 蒋南翔 331, 415, 432, 490
Цзян Цин 江青 14, 17, 92, 93, 315–318, 320, 321, 338, 348, 350–353, 357, 365–370, 373, 374, 376, 389, 397, 398, 400, 404, 408, 409, 411–415, 417, 420–424, 427, 428, 430, 431, 433, 434, 436, 440, 445, 446, 451, 453, 456–458, 460, 464–466, 474, 476, 477, 484, 486–488, 490, 491, 493, 496, 498, 499–503, 509, 511–513, 515, 517–520, 521, 672, 700, 707, 711, 712, 717, 725, 731, 733, 734, 738, 744, 772–778, 783, 785–789, 791
Цзян Юннин 姜永宁 665
- Цзянь Боцзянь** 翦伯赞 95, 242, 328, 329, 386, 713, 714, 772
Цзяо Юйлу 焦裕禄 772
Ци Байши 齐白石 117, 388, 639, 645, 757
Ци Бэньйю 戚本禹 350–352, 357, 389, 397, 398, 412–414, 430, 432, 433, 435, 445, 486, 732, 772, 776, 777
Ци Яньмин 齐燕铭 323
Цин (династия) 清 91, 722, 777
Цинь (династия) 秦 139, 674
Цинь Бансянь 秦邦宪 739
Цинь Цзивэй 秦基伟 495
Цинь Чжаоян 秦兆阳 105
Цинь Шихуанди 秦始皇帝 139, 787
Цинь Шихуа 487
Цы Си 慈禧 531
Цю Хойцзо 邱会作 434, 447, 466, 473, 474, 476, 478, 480, 484, 782
Цю Хоцзю 447, 478, 492
Цю Чжунхой 邱钟惠 764
Цюй Сисянь 瞿希贤 633
Цюй Цюбо 瞿秋白 115, 311, 463, 678
Цюнь Е 16
Цянь Сюэсэнь 钱学森 194, 340
Цянь Цюньжуй 钱俊瑞 621–625, 627, 630, 634, 641, 643, 644, 646
Цяньлун 乾隆 704
Цяо Гуаньхуа 乔冠华 260, 556, 733
- Чан Кайши** 蒋介石 104, 150, 173, 459, 566, 568, 669, 677, 685, 692, 696, 701, 715, 719, 727, 740, 766, 767, 789
Червоненко С.В. 347, 646
Чередниченко Е.Т. 629, 630
Черепанов А.И. 631, 649, 650, 652
Черкасский Л.Е. 547
Чернышевский Н.Г. 543
Чжан Боцзюнь 章伯钧 104
Чжан Вэньтянь 张闻天 (Ло Фу 罗甫) 48, 152–154, 157, 243, 244, 251, 257, 374, 415, 458, 536, 687, 693, 698, 714–716, 726, 739, 792
Чжан Готао 张国焘 483, 691, 697, 715
Чжан Инъу 636
Чжан Лань 张澜 22, 24, 621, 624, 752
Чжан Линьчжи 张霖之 414, 424
Чжан Пинхуа 张平化 214, 276
Чжан Су 张苏 646
Чжан Сяоху 张肖虎 116

- Чжан Тайлэй 张太雷 677
 Чжан Тешэн 张铁生 542, 543, 785
 Чжан Тяньминь 张天民 517
 Чжан Ханьфу 张汉夫 260
 Чжан Цайцянь 张才千 484
 Чжан Цзинфу 张劲夫 633
 Чжан Цзышань 张子善 33
 Чжан Чжичжун 张治中 387
 Чжан Чжэнь 张贞 621, 726
 Чжан Чуньцяо 张春桥 17, 133, 315, 350–352–354, 357, 369, 373, 389, 400, 401, 404, 409, 413, 416, 418, 419, 426, 427, 431, 435, 436, 438, 442, 443, 461, 462, 466, 473, 477, 484, 487, 490, 491, 492, 496, 499, 500, 506–509, 511, 526–529, 672, 707, 711, 712, 716, 717, 732–734, 738, 773, 775, 782, 784, 785, 788, 789
 Чжан Чэнсянь 张承先 360
 Чжан Шичжао 章士钊 386, 387
 Чжан Шуйхуа 张水华 161
 Чжан Шэньфу 张申府 723
 Чжан Юнмэй 张永枚 311
 Чжань Тянью 詹天佑 645
 Чжао Синьчу 赵辛初 529
 Чжао Цзыян 赵紫阳 270, 529, 673, 676
 Чжао Чжаньпин 赵占平 399
 Чжао Чжунъяо 赵忠尧 193
 Чжао Шули 赵树理 115, 161, 544, 545, 547, 564, 649
 Чжао Эрлу 赵尔陆 145, 194
 Чжоу (династия) 周 500
 Чжоу Жунсинь 周荣鑫 398, 516, 529
 Чжоу Либо 周立波 115, 161, 645, 748
 Чжоу Пэйюань 周培源 488, 783
 Чжоу Синьфан 周信芳 547, 564
 Чжоу Сяочжоу 周小舟 151–154, 157, 251, 257, 687, 698, 706, 716
 Чжоу Эньлай 周恩来 13–17, 22, 24, 25, 34, 36, 37, 39, 40, 43, 48, 52, 58–62, 64, 68, 69, 75–78, 85–89, 90, 93, 95, 114, 122, 123, 134, 147, 148, 155, 156, 169, 174, 179, 185, 192, 194, 197, 298, 200, 201, 204, 210, 213, 215, 223, 230–232, 235–239, 241, 242, 251, 265, 273, 287, 288–291, 294, 296, 299, 300, 304, 310, 311, 319, 320, 338–341, 343, 346, 347, 349, 350, 352, 353, 360, 362, 364, 368, 374, 375, 378–380, 383, 386, 387, 393, 394, 398, 401, 402, 406, 407, 409, 411, 412, 414, 416, 420, 424, 425, 427, 428, 433–435, 437, 438, 440, 441, 445, 446, 451, 453, 458–461, 464–467, 469, 470, 472, 473, 476, 478, 480, 482–484, 486–491, 492, 493, 495–497, 500–509, 525–527, 530, 556, 558, 560, 568, 570–572, 578, 581–583, 585, 610, 620, 626, 632, 633, 641, 659, 661, 663, 666, 672, 673, 677, 679, 681, 684, 686, 688, 692, 693, 707, 713, 717–721, 723, 725, 728–730, 733, 735, 736, 745–755, 758, 760, 762–765, 769–771, 773, 774, 776, 778, 779, 783–788, 791, 792
 Чжоу Эрфу 周而复 161, 548
 Чжоу Ян 周杨 92–94, 114, 115, 160, 309, 315, 317, 319, 323–325, 350, 357, 412, 415, 721, 790
 Чжу Дэ 朱德 22, 24–26, 31, 36, 39, 40, 58, 59, 68, 83, 87, 114, 129, 156, 157, 185, 204, 213, 223, 229, 238, 251, 319, 343, 374, 401, 414, 428, 457, 463–465, 471, 490, 506, 507, 569, 620, 632, 646, 655, 656, 661, 669, 680, 684, 692, 697, 722–726, 728, 731–733, 746, 749, 753–755, 769, 774, 785, 788, 792
 Чжу Юаньчжан 朱元璋 705
 Чжуан Цзэдун 庄则栋 666, 668, 764
 Чжун Дяньфэй 钟惦斐 105
 Чжэн Вэйшань 郑维山 478
 Чжэн Тяньсян 郑天翔 412, 415
 Чжэн Цзюньли 郑君里 564
 Чжэн Чжэньдо 郑振铎 160, 649
 Чи Цюнь 迟群 782, 791
 Чиликин М.Г. 637, 650
 Чингисхан 83
 Чуйков В.И. 630, 648, 650–652
 Чэн Инь 成荫 116
 Чэн Цзыхуа 程子华 232, 283
 Чэнь Байчэнь 陈百尘 241
 Чэнь Баньдин 陈半丁 117
 Чэнь Бода 陈伯达 16, 39, 72, 79, 81, 95, 114, 134, 156, 190, 205, 228, 245, 251, 260, 276, 283, 285, 289, 328, 338, 350–352, 354, 357, 360–362, 365–369, 373, 375, 378, 381, 389, 398, 400, 402–404, 408, 411–413, 416, 417, 420–423, 426–428, 431, 436, 438, 442, 445, 446, 451, 457, 458, 461, 462, 464–466, 469, 473–481, 484–487, 492, 540, 614, 672, 709, 726, 732, 734, 773–776, 779, 781, 782

Чэнь Гэн 陈赓 195

Чэнь Дусю 陈独秀 691, 718, 723

Чэнь Дэнькэ 陈登科 548

Чэнь Епин 陈野苹 153

Чэнь И 陈毅 69, 77, 112, 153, 183, 196, 241, 242, 251, 362, 385, 394, 398, 401, 409, 425, 427, 428, 433, 437–439, 445, 457, 467, 471, 486, 632, 646, 673, 680, 692, 718, 725, 727–735, 753, 754, 761, 776, 779, 783

Чэнь Кэхань 陈克寒 412

Чэнь Мин 陈明 547

Чэнь Писянь 陈丕显 419, 421, 633

Чэнь Силян 陈锡联 465, 526, 527, 554, 788, 789, 791

Чэнь Тяньхуа 陈天华 689

Чэнь Цайдао 陈再道 435, 436

Чэнь Цзинкай 陈镜开 658, 754

Чэнь Цися 陈企霞 105

Чэнь Шутун 陈叔通 746

Чэнь Юнгуй 陈永贵 790

Чэнь Юнь 陈云 34, 36, 53, 60, 62, 65, 68, 77, 78, 85, 87, 88, 90, 105, 122, 123, 142, 143, 146, 150, 201, 204, 207, 208, 213, 215, 216, 222, 228, 230–233, 237, 248, 260, 302, 371, 374, 414, 422, 428, 457, 464, 467, 471, 490, 508, 632, 633, 670, 678, 679, 720, 733, 735–737, 742, 746, 755, 756, 766, 774

Чэнь Цзюньмин 陈俊明 719, 723

Ша Оу 沙鸥 311

Ша Тин 沙丁 544

Шао Лицзы 邵力子 60, 627

Шао Цюаньлинь 邵荃麟 93, 160, 322

Шао Яньсян 邵燕祥 105

Шарапов К.Ш. 650

Шатров М.Ф. 544

Швецов А.Д. 603

Шекспир Уильям 544

Шестаков А.Ф. 555

Шеху Мехмет 773

Ши Симинь 石西民 323

Ширинбаев Ш. 629

Шитиков А.П. 630

Шнякин Н.С. 612

Шолохов М.А. 115, 544

Штраус Франц Й. 506

Штыков Т.Ф. 630

Шуй Хуа 水华 116

Шумилин В.Ф. 628, 631

Шушарин В.М. 555

Шэн Шицай 盛世才 431

Шэнь У 沈五 161

Шэнь Цзюньжу 沈钧儒 621, 627, 746

Эйдлин Л.З. 631, 649, 650, 651

Эйзенхауэр Дуайт Д. 576

Эми Сяо 188, 649, 689

Энгельс Фридрих 64, 127, 245, 356, 443, 474, 477, 508, 674, 715, 762

Эренбург И.Г. 544

Юань (династия) 705

Юань Шикай 袁世凯 722

Юань Шичжан 101

Юань Шуйпо 袁水泊 161

Юдин П.Ф. 71, 82, 99, 120, 192, 627

Юй Гуанъюань 于光远 517

Юй Лицзинь 余立金 446, 497, 777

Юй Пинбо 俞平伯 91, 93

Юй Сюсун 俞秀松 691

Юй Хойюн 于会泳 525, 527

Юй Цюли 余秋里 289, 290, 406, 408, 445, 484, 508, 771

Юй Чжань 余湛 557

Юнусалиев Б.М. 650

Юрьев М.Ф. 649, 6650, 651

Яковлев А.Г. 650, 651

Яковлев В.Т. 618

Ян Жуньшэнь 杨润身 116

Ян Иянь 杨益言 312

Ян Кайхой 杨开慧 690

Ян Мо 杨沫 161

Ян Сюфэн 杨秀峰 331, 336

Ян Сяньчжэнь 杨献珍 324, 326, 327, 357, 415, 430

Ян Ханьшэн 阳翰笙 114, 115, 241, 321, 415

Ян Чанцзи 杨昌济 689, 690

Ян Чжихуа 杨之华 633

Ян Чэньу 杨成武 350, 409, 422, 436, 437, 445, 446

Ян Шанкунь 杨尚昆 52, 148, 232, 302, 348, 354–357, 359, 371, 409, 481, 738–745, 773

Ян Шо 杨朔 415

- Ян Юнго 499
Ян Юе 516
Ян Юн 杨勇 288, 495
Янь (династия) 燕 24
Янь Вэйбин 严慰冰 356
Янь Сишань 阎锡山 669, 670, 684
Янь Хунъян 阎红彦 250
Янь Цзиньшэн 323
Янь Цзицы 彦济慈 614
Янь Чжунчуань 470
Яо Вэньюань 姚文元 17, 105, 315, 316, 348, 351, 352, 357, 369, 373, 416, 419, 427, 442, 445–448, 451, 455, 461, 462, 466, 469, 477, 484, 491, 492, 496, 500, 508, 509, 528, 530, 537, 672, 707, 711, 712, 732, 733, 737, 738, 772, 775, 782, 789, 790
Яо Илинъ 姚依林 105, 232, 238
Яо Пэнцзы 姚蓬子 737
Яо Сюеинь 姚雪垠 312, 737
Яо Чжэнь 姚溱 350

Указатель географических названий

- Австралия 584, 586, 666, 729, 784, 786
Австрия 783
Азербайджанская ССР / Азербайджан 639, 646
Азия 8 186, 343, 586, 587, 659, 729, 771
Актогай (Казахстан) 599
Алашак / Джунгарские ворота ж/д станция 599
Албания 170, 230, 251, 560, 589, 729, 769, 771, 773, 774
Алжир/Алжирская Республика 251, 571, 581, 582, 729, 760, 769, 771
Алма-Ата (Казахстан) 176, 591, 599, 639, 645
Амур р. 345, 556, 609, 615
Америка 8, 65
Ангарск 637
Англия / Великобритания / Британия 21, 40, 97, 120, 124, 127, 131, 315, 666, 752, 758, 768, 777, 784
Андорра 558
Аньдун 安东 Дандун 丹东 178, 592–594
Аньнань 安南 178
Аньтин 安亭 416, 775
Аньхой 安徽 71, 132, 149, 151, 207, 214, 218, 223, 233, 298, 307, 399, 424, 425, 434, 441, 448, 468, 471, 511, 536, 673, 681, 702, 717, 731, 760, 764, 772, 780
Аньшань 鞍山 513
Аньюань 691
Аомэнь/Макао 澳门 7, 184, 659, 744
Аргентина 744, 784
Аргунь р. 345, 582, 615
Арзамас 16, 186
Армянская ССР 639
Афганистан 353, 571, 582, 729, 753, 755, 770, 773
Афины 659
Африка 582, 587, 659, 729, 771, 792

Байинь 白银 275, 602
Байкал оз. 345, 583
Баку 643, 645
Бангладеш 791
Бандунг (Индонезия) 570, 571

Баодин 保定 263, 264, 267, 683, 727
Баотоу 包头 186, 290, 600, 615, 624
Баси 巴西 741
Белоруссия/Белорусская ССР 639
Бельгия 783
Берлин 723
Бирма / Бирманский Союз 170, 251, 286, 353, 571, 721, 729, 748, 751, 755, 762, 764, 765, 767, 769, 771–773
Болгария 109, 170, 746
Большой о. 345
Большой Уссурийский о. 345, 582
Ботсвана 791
Бохай 渤海 / Бохайский зал. 593, 671
Бразилия 744, 788
Буз-Айгыр (Казахстан) 344
Буркина Фасо 786
Бурунди / Королевство Бурунди 582, 769, 770
Бухарест 346, 578, 658, 763
Бэйдайхэ 北戴河 138, 145, 200, 201, 216, 247, 250, 251, 255, 259, 260, 326, 339, 482, 766
Бэйхай оз. 24
Бэнбу 蚌埠 399
Бэньсиху оз. 本溪湖 598, 599

Ваньсянь 万县 288
Варшава 150, 586
Вашингтон 586
Ваяобао 瓦窑堡 715
Великобритания 6
Венгрия 109, 170, 746, 755
Венесуэла 788
Вильнюс 626
Владивосток 6, 345, 643
Внутренняя Монголия автономный район 内蒙古自治区 59, 425, 427, 441, 443, 450, 455, 468, 478, 644
Волго-Донской канал 626
Воронеж 628
Восточный Памир 659
Восточная Африка 6
Вьетнам 6, 160, 449, 584, 586, 588

- Габон 788
Гамбия 788
Гана 251, 581, 582, 763, 765, 769, 772
Ганьсу 甘肃 197, 250, 257, 275, 285, 288, 441, 456, 468, 511, 676, 684, 692, 710, 721, 736
Ганьцюань о. 甘泉岛 786
Гвиана 784
Гвинея 581, 582, 762, 761
ГДР / Германская Демократическая Республика 109, 170, 551, 559, 580, 729, 746
Германия 21, 104, 194, 690, 718, 723, 724
Гёттинген 723
Голландия / Нидерланды 571, 752, 784
Гонконг / Сянган 香港 7, 184, 550, 659, 665, 726
Греция 784
Грузия / Грузинская ССР 639, 640
Гуандун пров 广东 25, 128, 213, 232, 270, 288, 295, 332, 335, 348, 425, 427, 431, 432, 441, 451, 455, 467, 468, 480, 530, 644, 658, 677, 716, 719, 722, 726, 741, 743, 744, 764, 767
Гуанси-Чжуанский автономный район 广西壮自 治区 29, 59, 448, 759
Гуанси 广西 232, 239, 270, 427, 449, 450, 451, 453, 480, 677, 702, 710, 723
Гуанчжоу 广州 25, 33, 34, 127, 158, 184, 209, 213, 239, 241, 242, 286, 333, 345, 383, 390, 397, 398, 418, 437, 441, 471, 479, 480, 482, 528–530, 541, 544, 624, 626, 632, 633, 677, 678, 691, 715, 719, 730, 741, 744, 764, 765
Гуанъань 广安县 675
Гуйчжоу 贵州 112, 210, 270, 288, 383, 427, 456, 530, 683, 692, 776
Гуйшань 桂山 602
Гуйян 桂阳 383, 530, 602
Гунчжулин 公主岭 592, 594

Дагомея 582, 770
Дальний / Далянь 大连 173, 175, 176, 322, 345, 371, 373, 482, 567, 591
Дальний Восток 5, 174, 186, 628
Даманский / Чжэньбаодао о. 珍宝岛 17, 463, 464, 554, 585, 695, 721
Дананг (Вьетнам) 556, 567, 570–573, 584, 722, 729, 748, 751, 755, 762, 767, 770, 771, 774, 786
Дания 170, 568, 571, 666, 748, 787
Дацин 大庆 298, 301, 420, 481, 761, 762, 790
Дачжай 大寨 285, 298, 481, 520, 706, 769, 781, 790
Джакарта 570, 571, 663, 729
Джорджия 700
Джунгария 615
Динсин 定兴县 264
Динсян 定襄 669
Доминика 771
Дортмунд 661
Дубна 186, 340, 661
Дунбэй 东北 685, 701
Дунпин 东平县 673
Душанбе 643
Дьенбьенфу 572
Дэян 德阳县 186, 600

Европа 8, 21, 65, 296, 587, 701, 718, 723, 786
Египет 186, 251, 571, 581, 582, 601, 755, 769
Ереван 643, 645

Жаланашколь оз. 550, 553, 585
Жаланашколь пос. 17, 556, 695, 779
Женева 751, 753
Жуйцзинь 瑞金 692, 715, 740
Жэхэ 热核 753

Замбия 582, 786, 792
Занзибар 769
Западный Самоа 791

Или-Казахский автономный округ (СУАР)
Или 伊犁哈萨克自治州 579
Или 伊犁 766
Илун 仪陇县 722
Имяньпо 一面坡 176
Индия 170, 206, 250, 286, 343, 551, 570, 571, 659, 721, 729, 747, 748, 751, 755, 761, 762, 765, 767
Индокитай 721, 751
Индонезия 170, 251, 571, 663, 729, 748, 755, 761, 764, 767, 771, 772
Ирак 760
Иран 783, 787
Иркутск 176, 557, 628, 643, 649

Иркутская обл. 637, 639, 649, 652

Исландия 783

Испания 786

Италия 21, 690, 781

Иу 义乌 704

Иян 益阳 721

Йемен/Йеменская Арабская Республика
251, 769, 778

Казахская ССР/Казахстан 639

Каир 729

Кайфэн 开封 15, 459, 471, 688, 695, 780

Калиновка (на Амуре) 556

Калифорния 194,

Камбоджа 251, 560, 589, 729, 754, 755,
760, 762, 763, 767, 770, 772

Камерун 783

Камчатка п-ов 345

Канада 666, 744, 781, 786

Канберра 586

Канпин 775

Кения 582, 769

Киев 634, 643

Кипр 783

Киргизская ССР 639

Киркинский о. 553

Китай/Китайская Народная Республика
中国/中华人民共和国 *passim*

Китайская Республика 中华民国 674

КНДР / Коре́йская Народно-Демократи́че-
ская Республика 10, 40, 43, 170, 230,
251, 511, 551, 557, 560, 567, 568, 589,
697, 729, 746, 751, 758, 764, 768

Республика Корея 40

Колумбия 666

Коморские о-ва 791

Конго 571

Конго (Бразавиль) 582, 770

Конго (Леопольдвиль) 765, 770

Корейский п-ов 10

Корея 6, 10, 41, 42, 67, 157, 177, 178,
192, 197, 378, 568, 593, 611, 680, 747,
748, 750, 758

Костромская обл. 629

Крым 568

Куба/Республика Куба 251, 346, 763, 765

Кувейт 783

Кульджа (СУАР) 176, 345

Куньлунь 昆仑 615

Куньмин 昆明 288, 349, 383, 705, 722

Куньян 昆阳 602

Кэсон 748

Кюсю о. 674

Ланьтянь 蓝田县 770

Ланьчжоу 兰州 176, 186, 455, 596, 599–
603, 610, 611, 615, 646

Лаос 251, 560, 571–573, 586, 589, 729, 764,
765, 767

Латинская Америка 587, 659

Ленинград 626, 628, 634, 640, 643, 645,
646, 652, 717, 723

Ленинградская обл. 639

Ливан 783

Линши 灵石县 132

Линьчуань 临川县 678

Лион 728

Лихтенштейн 170

Личуань 黎川 740

Лишань 615

Лишу 梨树县 542

Лобнор 罗布泊 197, 596

Лоян 洛阳 186, 600, 602, 603, 761, 792

Луншэн 龙胜县 239

Лунъянь 龙岩 676

Лушань 庐山 149, 150, 153, 157, 158, 162,
213, 217, 219, 227, 242, 258, 262, 474,
687, 698, 706, 716, 734, 761, 765, 781

Лхаса 拉萨 26, 748, 754, 760

Лэшань 乐山县 674

Люйда 旅大 397

Люксембург 784

Лючжоу 柳州 449

Люян 浏阳县 277, 708

Ляодунский п-ов 辽东半岛 593

Ляодун 辽东 716

Ляонин 辽宁 167, 282, 467, 542, 644, 649,
788

Маврикий 784

Мавритания 582

Мадагаскар 784

Малайзия 788

Мали 251, 769

Мальдивы 784

Мальта 784

Маньчжурия 27, 40, 49, 65–67, 173, 178,
182, 345, 591, 594, 609, 680, 683, 740

- Маомин 茂名 602
Маоцзян 602
Марокко 760, 769
Мацзу о. 妈祖岛 190, 576, 759
Мексика 744, 784
Минск 639, 643, 645
Мозамбик 791
Монголия / Внешняя Монголия / МНР
16, 140, 170, 174, 230, 251, 483, 679,
681, 726, 729, 746, 762, 763, 767, 782,
Москва 5, 7, 14, 23, 40, 55, 66, 120, 172,
173, 176, 177, 181, 188, 191, 193, 195,
196, 204–206, 248, 261, 343, 345–347,
471, 567, 568, 585, 586, 588, 590, 592,
597, 599, 608, 625–627, 634, 637, 639,
640, 642, 643, 645–648, 652, 653, 674,
675, 678, 679, 682, 683, 686, 691, 700,
703, 715, 719–721, 723, 726, 727, 739,
742, 743, 747, 749, 763, 768, 770
Московская обл. 652
Муданьцзян 牡丹江 592, 594
Мустаг Ата гора 658
Мэйкон 700
Мэйсянь 梅县 677
- Нагоя (Япония)** 666, 667
Нанкин 南京 25, 31, 33, 99, 148, 176, 197,
383, 390, 397, 398, 416, 418, 436, 437,
480, 526, 530–532, 541, 549, 593, 626,
673, 701, 713, 715, 726, 743, 778
Наньнин 南宁 118, 122, 125, 128, 383,
758
Наньхай, оз. 南海 24, 25
Наньхой / Пудун 南汇/浦东 714
Наньчан 南昌 383, 397, 594, 729
Наньцзин 南京 25
Непал 251, 570, 571, 577, 582, 729, 753,
755, 762, 765, 788
Нигерия 666, 783
Нинбо 宁波 176, 593
Нинсян 宁乡县 683
Нинся-Хойский автономный район 宁夏
回族自治区 59, 137, 288, 434, 441, 760
Нинся 宁夏 250, 676, 679, 684, 692, 710,
721, 736
Новая Зеландия 584, 769, 784
Новосибирск 7, 177, 628
Новосибирская обл. 639, 652
Норвегия 571
Нью-Йорк 503
- ОАР / Объединенная Арабская Республика**
769, 771
Объединенные Арабские Эмираты 571
Олд-Пулхейст 714
- Пакистан/Исламская Республика Пакистан**
251, 353, 535, 536, 570, 571, 582,
586, 729, 748, 755, 769, 771, 773, 774
Панама 769
Паньжыхуа 攀枝花 285, 287, 288
Париж 690, 691, 714, 728
Пекин 北京 5, 13–15, 17, 22–24, 26, 32,
33, 36, 38, 43, 57, 65, 91, 98, 104,
107, 108, 112, 114–117, 120, 124, 129,
130, 136, 150, 158, 167, 176, 184–186,
190, 191, 195–197, 210, 215, 218, 222,
231, 236, 239, 242, 244, 251, 273, 282,
286, 288, 289, 298, 299, 312, 319, 323,
330, 332, 343–345, 348, 349, 351–354,
361–366, 368, 369, 372–374, 377,
379–381, 383–387, 388–394, 396–400,
402, 405–407, 409, 411–414, 416–421,
424, 425, 427–429, 431, 436, 438, 439,
441, 443–445, 448, 450, 453, 455, 460,
462, 467, 469–472, 476, 479, 480, 482,
490, 491, 499, 500, 501, 506, 511, 516,
519, 523, 585–587, 589, 591, 596, 597,
600, 603, 604, 608, 610, 617, 618, 620,
623, 624, 626, 632, 633, 640–642, 644,
646, 658, 659, 661, 662, 664, 666,
672–679, 683, 688–691, 697, 699,
700, 703–708, 711, 713, 716–718, 721,
722, 726–728, 732, 734, 735, 737, 742,
743–746, 748–792
- Перу 783
Пинсингуань 平型关 724
Пинцзян 平江县 696
Пинъюань 平原 749
Пномпень (Камбоджа) 664
Подмосковье 719, 739
Польша 109, 150, 170, 729, 746, 755
Порт-Артур / Люйшуньюкоу / Люйшунь
旅顺口/旅顺 12, 173, 175, 182, 567,
573, 753
Приамурье 615
Приморский край 639, 652
Пусан 568
Пхеньян 41, 568, 569, 583, 748

- Рига 639,
Россия 5, 8, 14, 345, 591, 695, 701, 718
Руанда 783
Румыния 109, 170, 578, 746, 774
- Санкт-Петербург 7
Сан-Марино 783
Сан-Томе и Принсипи 791
Санчжи 桑植县 710
Саньмин 三明 530
Саньмэнься 三门峡 760
Северная Корея/Корейская Народно-
Демократическая Республика 40, 178,
568, 593
Северный Вьетнам / ДРВ / Демокра-
тическая Республика Вьетнам 170,
325, 347, 584, 586, 588, 589
Семипалатинская обл. 556
Сенегал 783
Сеул 568, 569
Сиань 西安 176, 397, 399, 603, 642, 692,
743, 792
Сибайпо 西柏坡 23, 685
Сикан 西康 26, 753
Синин 西宁 425
Синтай 邢台 773
Синьсян 新乡县 134
Синьцзян 新疆 / Синьцзян-Уйгурский
автономный район 新疆维吾尔自治区 /
СУАР 26, 59, 137, 174, 176, 182, 186,
197, 288, 345, 380, 390, 398, 425, 431,
448, 451, 453, 468, 547, 548, 573, 579,
591–593, 596, 601, 615, 644, 659, 681,
697, 713, 735, 747, 753, 766, 777, 779
Синьян 信阳 165
Сирия 251, 755, 769
Сиша 西沙群岛 786
Сихуашань 602
Сиян 昔阳县 297, 598, 599, 624, 626, 658,
769
Синьцзян 602, 609
Сомали / Республика Сомали 251, 769,
771
СССР/Советский Союз *passim* 5, 9–15,
17, 21, 26, 40, 42, 44, 55, 62, 78–80,
82, 99, 104, 105, 108, 109, 110, 115,
120, 123, 124, 127, 128, 129, 131,
133, 140, 143, 145, 147, 148, 150, 157,
158, 161, 162, 169, 170, 171, 173–186,
189–191, 193, 196, 197, 200, 206, 221,
227, 231, 247, 249, 250, 258, 260, 261,
285, 288, 296, 311–314, 327, 335, 339,
343–347, 349, 385, 404, 438, 463, 464,
471, 472, 480, 481, 483, 489, 493, 496,
498, 507, 550–556, 584, 585, 587–591,
676, 677, 680, 682, 693, 695, 701, 711,
715–717, 719–721, 724, 726, 728, 734,
735, 737, 747, 750, 754, 755, 758, 760,
761, 763, 766, 768, 779, 786
Сталинград 626, 640
Судан / Республика Судан 571, 581, 582,
761, 769
Суйдэ 616
Суйчжоу 随州 178
Суйюань 绥远 703
Сунгари р. / Сунхуацзян 松花江 186,
600, 610, 680
Сусянь 宿县 209
Сучжоу 苏州 176, 386, 472, 480, 541, 715
США / Америка 10, 16, 21, 40–43, 65,
97, 120, 127, 140, 170, 173, 175, 178,
189–191, 193, 194, 250, 286, 288, 335,
341, 344, 346, 395, 463, 471, 481, 483,
500, 551, 556–560, 563, 564, 584–588,
666, 700, 713, 715, 722, 744, 747, 750,
753, 758, 761, 767, 768, 770, 771, 773,
774, 779–783
Сычуань 四川 26, 98, 130, 134, 158, 213,
237, 270, 285, 288, 324, 378, 414, 427,
431, 434, 435, 448, 456, 674, 675, 695,
708, 715, 722, 727, 728, 738, 773, 784,
786
Сьерра-Леоне 783
Сюйчжоу 徐州 176, 178, 397, 593
Сюйшуй 徐水 132, 145
Сянган 7
Сянсян 湘乡县 602, 689
Сянтань 湘潭 602, 688, 696, 706
Сянгань 湘潭县 602, 701, 713, 744
Сяньтань 湘潭县 688, 696, 706
Сяочжань 小站 275
- Таджикистан / Таджикская ССР 639, 646
Тайбэй 台北 265, 659, 789
Тайвань о. 台湾 7, 26, 173, 177, 265, 459,
558, 571, 576, 587, 659, 666, 744, 760,
789
Тайваньский прол. 台湾海峡 43, 760
Таиланд 564, 584, 791

- Тайюань 太原 176, 186, 218, 290, 387, 396, 397, 545, 598–600, 602, 603, 669, 691, 699
Танзания 770, 771, 792
Таншань 唐山 23, 691, 792
Таююань 桃源县 272, 713, 770
Тарабаров о. 345, 582
Таримская впадина 塔里木盆地 615
Тасты р. 556
Тачэн 塔城县 766
Тацзишань 602
Ташкент 586, 643, 645
Тбилиси 643, 645
Тегеран 667
Тибет / Тибетский автономный район
 西藏/西藏自治区 26, 59, 108, 137, 425, 448, 449, 451, 453, 576, 592, 748, 752, 754, 760, 761, 764, 765, 772, 777, 781
Тихий океан 596
Того 784
Токио 341, 674, 701, 715
Тринидад и Тобаго 788
Туаньцунь 团村 740
Тунис 581, 582, 769, 770
Туннань 童南县 738
Туругарт 图噜噶尔特山口 345
Турция 346, 783
Тяньцзинь 天津 31, 33, 36, 38, 64, 91, 124, 136, 137, 145, 151, 158, 167, 218, 239, 245, 275, 288, 383, 386, 392, 397, 399, 418, 431, 441, 453, 624, 626, 642, 669, 683, 691, 699, 718, 726, 727, 743, 775, 784, 791
Тянь-Шань 天山 544, 545, 547, 615
Тяньшуй 天水 186, 600, 610

Уганда 582, 767
Узбекская ССР 639
Украинская ССР/УССР 639
Улан-Батор 176, 599
Ундерхан 483, 679, 681, 782
Уругвай 744
Урумчи 乌鲁木齐 176, 345, 599, 603, 735
Уси 无锡 218, 682, 700, 714, 716, 792
Уси 无锡县 218, 682, 700, 714, 716, 792
Уссури/Усулицян р. 乌苏里江 17, 345, 463, 553, 555, 582, 615
Уссурийск 639

Ухань 武汉 31, 33, 34, 98, 143, 158, 184, 186, 232, 239, 286, 290, 350, 351, 365, 383, 390, 398, 435, 436, 455, 472, 480, 600, 603, 624, 626, 632, 633, 642, 658, 677, 682, 683, 691, 701, 719, 727, 757, 777, 792
Учан 武昌县 123, 143, 145, 760

Фиджи 791
Филиппины 584, 791
Финляндия 170, 571, 659, 748
Формоза о. 43
Франция 6, 21, 40, 135, 581, 675, 682, 690, 718, 727, 728, 735, 770
ФРГ 564, 661, 784
Фрунзе 639
Фулаэрдэ 富拉尔基 186, 600
Фунин 抚宁县 272
Фусинь 阜新 186, 603
Фуцзянь пров. 福建 108, 217, 218, 265, 309, 420, 424, 425, 448, 451, 453, 468, 480, 530, 644, 676, 702, 726, 731, 740, 759
Фучжоу 福州 397, 418, 702
Фушунь 抚顺 602, 603
Фэньян 凤阳县 208,

Хабаровск 345, 582, 583
Хабаровский край 639, 652
Хайлар 海拉尔 176
Хайлун 海龙 176
Хайнань о. 海南 26, 182
Хами 哈密 176
Ханой 347, 583, 585
Ханчжоу 杭州 78, 126, 129, 148, 268, 329, 339, 349, 353, 357, 360, 363, 364, 397, 418, 480, 511, 531, 626, 632, 704, 743, 758, 768, 771, 773, 792
Ханькоу 汉口 471, 594, 599
Ханьдань 邯郸 471
Ханьшуй р. 汉水 702
Харбин 噶尔宾 66, 67, 176, 186, 239, 345, 383, 390, 397, 426, 447–449, 573, 594, 600, 602, 624, 662, 667, 695, 749
Хельсинки 659
Хойлуншань 回龙山 679
Хоргос 霍尔果斯 345
Хочэн 霍城县 766
Хуайань 淮南 717

Хуайхэ р. 淮河 186, 598, 600, 610

Хуанган 黄冈县 679

Хуанпу / Вампу / 黄埔 677, 702, 719

Хуанхэ р. 黄河 598, 753, 760, 762, 791

Хуанъань 黄安县 681, 700

Хуасянь 滑县 695

Хубэй пров. 湖北 71, 101, 134, 138, 214, 272, 276, 288, 307, 385, 424, 427, 434–436, 441, 467, 480, 511, 536, 537, 633, 644, 679, 681, 696, 760

Хулинь 虎林县 778

Хунань 湖南 139, 148, 151, 152, 161, 167, 213, 214, 226, 232, 243, 266–270, 276, 307, 425, 436, 441, 449, 480, 682, 683, 688–691, 696, 698, 702, 706–708, 710, 713, 721, 764

Хунъань 红安县 681, 700

Хуньчунь 混春 602

Хэбэй пров. 河北 71, 132, 134, 136, 138, 141, 214, 263–265, 267, 268, 270, 272, 277, 282, 441, 467, 468, 471, 478, 495, 536, 644, 670, 684, 699, 700, 711, 717, 731, 759, 773, 792

Хэйлунцзян пров. 黑龙江 186, 237, 298, 307, 308, 427, 441, 454, 455, 536, 541, 547, 554, 644, 695, 716, 776, 778

Хэнань 河南 132, 134, 145, 149, 165, 213, 214, 232, 267–269, 288, 425, 434–436, 441, 449, 459, 511, 596, 670, 673, 681, 695, 708, 759, 761, 780, 786

Хэншань 恒山县 673

Хэфэй 合肥 209, 383, 471, 702, 780

Цейлон о. 251, 570, 571, 755, 758, 769

Центральноафриканская Республика/
ЦАР 770

Цзилинь 吉林 186, 424, 427, 441, 542, 598, 602, 644, 662, 671, 731

Цзинань 济南 99, 148, 383, 646, 691, 711, 727, 743, 769

Цзинганшань 井冈山 257, 384, 464, 692, 696

Цзинин 济宁 345, 599

Цзиньинь о. 金银岛 190, 786

Цзиньмэнь о. 金门岛 576, 759

Цзуньшань 遵义 683, 692, 696, 715, 719, 740, 792

Цзюйе 巨野县 716

Цзюцюань 酒泉 285

Цзянси 江西 149, 151, 160, 399, 424, 427, 434, 436, 441, 450, 458, 468, 471, 480, 490, 676, 678, 683, 691, 692, 696, 698, 708, 715, 740

Цзянсу 江苏 158, 209, 214, 243, 270, 337, 424, 441, 480, 671, 682, 711, 714, 715, 717, 731, 735, 749, 760, 792

Цзянцзинь 江津县 695

Цзяонань 胶南县 678

Цзяочэн 交城县 705, 706

Циндао 青岛 33, 101, 397, 399, 678, 757

Цинпу 青浦县 735

Цинхай 青海 277, 288, 425, 427, 441, 752

Цицикар 齐齐哈尔 176, 598, 695

Цюйво 曲沃县 699

Чад 784

Чанчжоу 常州 436, 599

Чанчунь 长春 161, 176, 436, 592, 594, 598, 671, 680, 754

Чанша 长沙 383, 397–399, 436, 437, 480, 505, 506, 530, 602, 683, 689, 690, 691, 706, 707, 727, 787, 788

Чахар 察哈尔 684, 699, 749

Чехословакия 109, 170, 746

Чжанцзякоу / Калган 张家口 176

Чжанье 张掖 602

Чжоукоудянь 周口店 770

Чжоушань арх. 舟山群岛 26, 177

Чжуван (Цзюцюань) 酒泉 596

Чжуннаньхай 中南海 15, 24, 25, 32, 156, 167, 231, 405, 409, 413, 414, 430, 433, 482, 659, 743, 765, 777

Чжунхай оз. 中海 24, 25

Чжуцзи 诸暨县 737

Чжучэн 诸城县 678

Чжэнчжоу 郑州 143, 149, 397, 598, 760, 762, 792

Чжэньбаодао о. 珍宝岛 554, 778

Чжэцзян 浙江 71, 72, 213, 243, 267, 314, 424, 427, 434, 436, 441, 443, 458, 480, 529, 704, 717, 731, 737, 764

Чили 744, 781

Чита 176, 591

Читинская обл. 639

Чиян 祁阳县 702

Чунцин 重庆 26, 33, 130, 186, 288, 383, 397, 426, 436, 526, 599, 600, 610, 624, 626, 635, 642, 648, 685, 692, 702, 713, 715, 719, 720, 722, 727, 728, 738, 739, 761

Чэнду 成都 26, 112, 119, 122, 123, 127, 128, 186, 288, 549, 600, 603, 610, 642, 658, 674, 722, 727, 728, 738, 739, 754, 759, 782

Шанхай 上海 27, 29, 31, 33, 34, 70, 77, 89, 91, 105, 115–117, 129, 133, 140, 143, 148, 151, 158, 161, 167, 177, 184, 197, 218, 238, 239, 243, 282, 288, 289, 309, 312, 315, 317, 332, 345, 349, 351, 352, 363, 380, 383, 386, 388, 390, 397–399, 415, 416, 418–424, 426, 427, 431, 435–437, 441, 442, 447, 448, 453, 479, 480, 491, 498, 499, 501, 524, 593, 618, 624, 626, 632, 642, 646, 658, 666, 671, 672, 674, 677, 678, 683, 691, 700–702, 704, 711, 712–717, 719, 721, 723, 727–729, 735, 737, 739, 740, 743, 760, 762, 763, 768, 772, 775, 784, 792

Шаньдун 山东 30, 69, 71, 98, 101, 131, 134, 135, 208, 214, 240, 424, 427, 437, 441, 449, 468, 593, 670, 671, 673, 678, 684, 700, 710, 711, 716–718, 731, 759, 762, 772, 776, 791

Шаньси 山西 132, 209, 250, 285, 288, 295, 297, 387, 409, 423, 424, 427, 434, 436, 441, 478, 480, 519, 547

Шаньху о. 珊瑚岛 786

Шаошань 韶山 148, 149, 688, 689, 706, 707

Швейцария 170, 571, 666, 748

Швеция 170, 571, 748

Шисаньлин вдхр. 十三陵 663

Сихэцзы 石河子 425

Шицзячжуан 石家庄 214, 471, 699, 734

Шэньси 陕西 138, 230, 250, 257, 270, 288, 449, 601, 670, 673, 674, 684, 692, 696, 706, 716, 721, 736, 770, 787

Шэньян 沈阳 33, 157, 176, 186, 239, 288, 390, 397, 398, 418, 436, 437, 453, 477, 573, 592, 594, 600, 624, 649, 658

Эверест/Джомолунгма 762

Экваториальная Гвинея 781

Эфиопия 581, 769, 781

Юаньян 原阳县 213

Юго-Восточная Азия 6, 601

Южная Азия 6

Югославия 61, 258, 666, 753

Южная Корея 40, 563, 584

Южный Вьетнам / РЮВ 325, 347

Юйминь 裕民县 766, 779

Юйшуй 徐水

Юньнань 云南 26, 31, 137, 149, 250, 270, 285, 424, 431, 435, 448, 451, 453, 455, 456, 467, 468, 602, 700, 722, 780, 787, 792

Ялуцзян р. 鸭绿江 42, 568, 747

Ямайка 784

Янцзы/Чанцзян р. 长江 186, 365, 549, 599, 600, 610, 633, 679, 702, 757, 761, 778

Янцзячжанцзы 杨家杖子 602

Яньань 延安 98, 321, 427, 670, 678–681, 684, 685, 692, 695, 699, 711, 715, 716, 719, 725, 726, 732, 733, 736

Яньчэн 盐城 685

Япония 6, 9, 21, 127, 148, 150, 170, 175, 176, 286, 288, 300, 587, 666, 674, 676, 677, 680, 681, 684, 692, 701, 702, 706, 715, 716, 718–721, 724–726, 783, 784, 786

Избранная библиография

Галенович Ю.М. Из истории политической борьбы в КПК (1966–1969 гг.). М.: ИДВ АН СССР, 1988. 298 с.

Китай: история в лицах и событиях / Тихвинский С.Л., Юрьев М.Ф., Титов А.С. и др.; отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 1991. 254 с. Из содерж.: *Тихвинский С.Л.* Чжоу Эньлай. С. 17–60; *Он же.* Они были первыми. С. 140–153. Аннотация: Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, Лю Шаоци. Воспоминания; *Усов В.Н.* «Культурная революция» в Китае. С. 157–166; *Он же.* Хроника гибели Линь Бяо. С. 167–179; *Он же.* Его не могли сломить [Пэн Дэхуай, 1898–1974]. С. 242–253.

Ковалев И.В. Диалог Сталина с Мао Цзэдуном: [Беседа] / Вел беседу Гончаров С.Н. // Пробл. Дал. Востока. 1991. № 6. С. 89–93. Окончание следует. Аннотация: Беседа с личным представителем И.В. Сталина при Мао Цзэдуне. 1948–1950.

Федоренко Н.Т. Сталин и Мао Цзэдун // Новая и новейшая история. 1992. № 5. С. 98–113.

Галенович Ю.М. Белые пятна и «болевы́е точки» в истории советско-китайских отношений. В 2 т. М.: ИДВ РАН, 1992. Т. 1: От октября 1917 г. до октября 1949 г. 170 с.; Т. 2: СССР и КНР (1949–1991 гг.). 140 с. (ч. 1) и 132 с. (ч. 2).

Краткая история КПК (1921–1991) / Книга составлена Центром по изучению истории партии при ЦК КПК. Гл. ред. Ху Шэн; перевод выполнен сотрудниками Бюро по переводу произведений Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина при ЦК КПК. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 1993. [2], 1058, [6] с. Аннотация: История Коммунистической партии Китая; роль партии и политических деятелей в истории Китая.

Тихвинский С.Л. Переписка И.В. Сталина с Мао Цзэдуном в январе 1949 г. // Новая и новейшая история. 1994. № 4/5. С. 132–140.

Ледовский А.М. Секретная миссия А.И. Микояна в Китай (январь–февраль 1949 г.) // Пробл. Дал. Востока. 1995. № 2. С. 96–111; № 3. С. 96–105. [Аннотация: Советско-китайские отношения и внутренняя и внешняя политика КПК].

Визит в Москву делегации Коммунистической партии Китая в июне–августе 1949 г.: [Документы] / Публ., предисл., примеч. А. Ледовского // Пробл. Дал. Востока. 1996. № 4. С. 66–83.

Визит в Москву делегации Коммунистической партии Китая в июне–августе 1949 г.: [Документы] / Публ. и коммент. А. Ледовского // Пробл. Дал. Востока. 1996. № 5. С. 84–94.

Федоренко Н.Т. Беседы с Мао Цзэдуном на пути в Москву. Декабрь 1949 г.: [Воспоминания] // Новая и новейшая история. 1996. № 6. С. 124–135.

Ледовский А.М. Стенограммы переговоров И.В. Сталина с Чжоу Эньлаем в августе–сентябре 1952 г.: [Из Архива Президента РФ] // Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 69–86.

Галенович Ю.М. Гибель Лю Шаоци. / М.: Вост. лит.-ра, 2000. 142, [2] с. портр. (Лидеры Китая XX века).

Ледовский А.М. Две телеграммы из переписки Мао Цзэдуна со Сталиным // Пробл. Дал. Востока. 2000. № 6. С. 117–122. Аннотация: 1947–1948 гг.

Маомао. Мой отец Дэн Сяопин: Культурная революция: годы испытаний / Пер. с кит. Ю.М. Галеновича и др. М.: Муравей-Гайд, 2001. 493 с.

Бармин В.А. Роль Советского Союза в установлении власти Коммунистической партии Китая в Синьцзяне // Вестн. Барнауль. гос. пед. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2001. № 1. С. 103–108. Библиогр.: с. 108. Аннотация: 1948–1949 гг.

Ледовский А.М. Нанкинские записки: год 1949: (Из воспоминаний дипломата) // Восток–Россия–Запад: Историческое и культурологическое исследование: К 70-летию акад. В.С. Мясникова. М., 2001. С. 575–597.

Переговоры Н.С. Хрущева с Мао Цзэдуном 31 июля – 3 августа 1958 г. и 2 октября 1959 г.: [Документы] // Новая и новейшая история. 2001. № 1–2.

Делюсин Л.П. Китай: полвека – две эпохи. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2001. 294 с.

Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке: граница. М.: Изографъ, 2001. 336 с.

Галенович Ю.М. Путешествие на родину Дэн Сяопина. М.: Ин-т Дал. Востока. 2002. 155 с. (Лидеры Китая XX века)

Кулик Б.Т. К истории отношений КПСС и КПК (1956–1966 гг.): По материалам российских архивов // Китай в мировой и региональной политике: История и современность. М., 2002. С. 68–162.

Мао Цзэдун. Революция и строительство в Китае: Статьи и выступления. М.: Об-во дружбы и сотрудничества с зарубежными странами, 2002. 527 с.

Галенович Ю.М. Россия–Китай: шесть договоров. М.: Муравей. 2003. 408 с.

Делюсин Л.П. Китай в поисках путей развития. М.: Муравей, 2004. 444 с.

Рахманин О.Б. Страницы пережитого. / М.: Памятники ист. мысли, 2005. 287 с.

Галенович Ю.М. Пэн Дэхуай и Мао Цзэдун: Политические лидеры Китая XX века М.: Огни, 2005. 262 с.

Галенович Ю.М. Смерть Мао Цзэдуна. М.: Изографъ, 2005. 671 с.

Ледовский А.М. Сталин, Мао Цзэдун и корейская война 1950–1953 годов // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 79–113.

КНР: Высшие государственные и партийные органы: Биографии руководителей (по состоянию на март 2005 г.) / РАН. Ин-т Дал. Востока. Центр науч. информ. и документации; сост. и пер. В.И. Антонова при участии М.В. Александровой. М., 2005. 175 с.

Сладковский М.И. Знакомство с Китаем и китайцами. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 375 с.

Галенович Ю.М. Мао Цзэдун вблизи. М.: Рус. панорама, 2006. 325 с.

Чжу Минь. Мой отец Чжу Дэ / Пер. с кит. Аллы Ли, Лю Чжэна; лит. ред. Инны Ли, С.Д. Селивановой. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 2006. 317 с.

Тихвинский С.Л. Избранные произведения: в 5 кн. / РАН. Отд-ние ист.-филол. наук; Отд-ние обществ. Наук; Ин-т Дал. Востока. М.: Наука, 2006.

П.Ф. Юдин о беседах с Мао Цзэдуном: Докладные записки И.В. Сталину и Н.С. Хрущеву. 1951–1957 гг. / Публ. подгот. В.Г. Бухерт // Ист. архив 2006. № 4. С. 14–28. Аннотация: П.Ф. Юдин – посол СССР в Китае с 1953 по 1959 г.

Усов В.Н. История КНР: Учебник: в 2 т. / МГУ им. М.В. Ломоносова. Ин-т стран Азии и Африки; РАН. Ин-т Дал. Востока. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. Т. 1: 1949–1965 гг. 812 с. Т. 2: 1966–2004 гг. 718 с.

История Китая: учебник для студ. высш. учеб. завед., обучение по ист. спец. / Л.С. Васильев и др.; под ред. А.В. Меликсетова. 4-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та: Оникс, 2007. 751 с.

Галенович Ю.М. Возвращение Лю Шаоци / Рус. ист. об-во. М.: Рус. панорама; Калуга: Облиздат, 2008. 407 с.

Иванов В.И. В тылах Квантунской армии: правда о 88-й китайско-корейской бригаде Дальневосточного фронта / РАН. Ин-т Дал. Востока. М.: ИДВ РАН, 2009. 335 с.

Китайская Народная Республика в 1950-е годы. Сб. док.: в 2 т. / Архив РАН [и др.]; сост. Е.Р. Курапова, В.С. Мясников, А.А. Чернобаев; под общ. ред. В.С. Мясникова. М.: Памятники ист. мысли, 2009.

Галенович Ю.М. Сталин и Мао. Два вождя. М.: Восточная книга, 2009. 574 с.

Лю Айцин. Мой отец Лю Шаоци / Лит. ред. Е.П. Кишкиной, Инны Ли, С.Д. Селивановой; пер. с кит. Анатолия Ли Доли, В.Г. Ульянова. М.: Русская панорама, 2009. 407, [1] с., [82] л. илл., портр., факс. портр.

Лободюк Н.Л. Остров Даманский: дополнительные штрихи к событиям в марте 1969 года: интервью, воспоминания, фотографии. М.: Граница, 2009. 83 с. (Моим сослуживцам, живым и мертвым, всем героическим защитникам острова Даманский посвящается).

Москва–Пекин: Дружба, проверенная временем. Сб. док. и мат-лов / Гл. архивное упр. г. Москвы, Архивное упр. Пекина; сост. М.Ю. Моруков. М.: Изд-во Гл. архивного упр. г. Москвы, 2009. 255 с.

Чан Кайши. Советская Россия в Китае: воспоминания и размышления в 70 лет. Пер. с англ. 2-е изд., испр. и доп. М.: Посев, 2009. 439 с.

Пожиллов И.Е. «Армия Чжу – Мао»: как начиналось строительство вооруженных сил КПК // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. гуманитар. науки. 2009. Вып. 7. С. 356–365.

Мэн Цинишу. Чэнь Шаоюй – Ван Мин: Биография. Воспоминания / Пер. с кит. и ред. Ван Даньчжи. М.: БФ «Онтопсихология», 2011. 970 с.

Пожиллов И.Е. Чжу Дэ и Лю Шаоци как авторы и проводники идеи «развития на север, обороны на юг» // Информ. материалы. Сер. Е. «Проблемы новейшей истории Китая» / РАН. Ин-т Дал. Востока. Центр науч. Информ. и банка данных. М., 2011. Вып. 1. С. 81–99.

Пожиллов И.Е. Чжу Дэ. Политическая биография / РАН. Ин-т Дал. Востока. М.: Форум, 2011. 302 [1] с. Библиогр.: с. 288–302.

Сотникова И.Н. Военная помощь СССР КНР в 1949–1960 гг. // Информ. материалы. Сер. Е «Проблемы новейшей истории Китая» / РАН. Ин-т Дал. Востока. Центр науч. информ. и банка данных. М., 2011. Вып. 1. С. 153–170.

Галенович Ю.М. История взаимоотношений России и Китая. В 4 кн. М.: СПСЛ; Русская панорама, 2011 (Сер. «Размышления историка») (т. 1): кн. I: Две нации – две трансформации (XVII – начало XX в.) и кн. II: Два государства – три партии (1917–1949 гг.). 464 с.; (т. 2): кн. III, ч. 1: Один строй – два государства (1949–1991 гг.),

гл. 1–11. 464 с.: (т. 3): кн. III, ч. 2: Один строй – два государства (1949–1991 гг.), гл. 12–21. 336 с.; (т. 4) кн. IV: Две нации – три партнера (1991 – начало XXI в.). 600 с.

Галенович Ю.М. «Исторический счет» к России и к СССР в «Истории Коммунистической партии Китая». М.: Восточная книга, 2012. 288 с.

Галенович Ю.М. Два «первых лица»: Хрущев и Мао Цзэдун. М.: ИДВ РАН, 2012. 322 с.

Галенович Ю.М. От Брежнева и Мао Цзэдуна до Горбачева и Дэн Сяопина. М.: ИДВ РАН, 2012. 224 с.

Галенович Ю.М. Китайские претензии: Шесть крупных проблем в истории взаимоотношений России и Китая. М.: СПСЛ; Русская панорама, 2015. 1136 с.

ЧЖУНГО ГУНЧАНЬДАН ЛИШИ. ДИ И ЦЗЮАНЬ, 1921–1949 / ЧЖУН ГУН ЧЖУНЬЯН ДАН ШИ ЯНЬЦЗЮШИ ЧЖУ.– 1 БЭНЬ. – БЭЙЦЗИН: ЧЖУН ГУН ДАН ШИ ЧУБАНЬШЭ, 2011. 1. 2002 НЯНЬ 9 ЮЕ ДИ 1 БАНЬ. 2011 НЯНЬ 1 ЮЕ ДИ 2 БАНЬ.

ДИ 2 ЦЗЮАНЬ, 1949–1978 / ЧЖУН ГУН ЧЖУНЬЯН ДАН ШИ ЯНЬЦЗЮШИ ЧЖУ – БЭЙЦЗИН: ЧЖУН ГУН ДАН ШИ ЧУБАНЬШЭ, 2011. 1.

История Коммунистической партии Китая. Т. 1. 1921–1949 гг. Т. 2. 1949–1978 гг. Каждый том в двух книгах. Автор: Кабинет по исследованию истории партии ЦК КПК. Пекин: Издательство КПК по истории партии. 1-е изд.: сентябрь 2002 г. 2-е изд.: январь 2011 г.

ЧЖУНХУА ЖЭНЬМИНЬ ГУНХЭГО ШИ ГАО: ЦЮАНЬ 5 ЦЗЮАНЬ / ДАН ДАЙ ЧЖУНГО ЯНЬЦЗЮСО ЧЖУ. – БЭЙЦЗИН: ДАН ДАЙ ЧЖУНГО ЧУБАНЬШЭ; ЖЭНЬМИНЬ ЧУБАНЬШЭ, 2012. 9.

Эскиз Истории Китайской Народной Республики. В 5 т. Автор: Институт изучения современного Китая. Пекин: «Дан дай Чжунго чубаньшэ – Издательство современного Китая», «Чжунго жэньминь чубаньшэ – Издательство “Народ”». Сентябрь 2012 г.

СПИСОК АВТОРОВ ТОМА

Боревская Нина Ефимовна, д-р ист. наук
Верченко Алла Леонидовна, ст. науч. сотр.
Виноградов Андрей Олегович, канд. ист. наук
Галенович Юрий Михайлович, д-р ист. наук
Демидо Нина Юрьевна, ст. науч. сотр.
Куликова Галина Вениаминовна, ст. науч. сотр.
Сотникова Ирина Николаевна, канд. ист. наук
Усов Виктор Николаевич, д-р ист. наук
Юркевич Александр Геннадьевич, канд. ист. наук



1 . Мао Цзэдун, Чжу Дэ и Чжоу Эньлай на всеармейской спартакиаде. 1952 г.



2. Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай. Пекин, 1952 г.
3. Справа налево: Чжу Дэ, Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Сун Цинлин на открытии первой сессии ВСНП 2-го созыва в Пекине 18 апреля 1959 г.



4. Н.С. Хрущев, Мао Цзэдун, Хо Ши Мин на праздновании 10-й годовщины КНР.
Пекин, 1 октября 1959 г.

5. Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ в 1964 г. в Пекине



6. Картина «Перед воротами Тяньаньмэнь». 1964 г.



7. Плакат с изображением Мао Цзэдуна и его соратников на трибуне Тяньаньмэнь



8



9

8. Картина, прославляющая Мао Цзэдуна и «культурную революцию»
9. Картина «Мао Цзэдун с представителями народов Азии, Африки и Латинской Америки». 1961 г.



10



11

10. Первомайская демонстрация в Пекине, 1966 г.
11. Школьники Китая готовятся «на случай войны», 1965 г.



12. Плакат периода «культурной революции»: крестьянка, рабочий и солдат со сборниками высказываний Мао Цзэдуна
 13. Китайские солдаты изучают труды Председателя Мао



14



15

14. Мао Цзэдуну повязывают нарукавную повязку с надписью «хунвейбин» на площади Тяньаньмэнь 18 августа 1966 г.

15. Хунвейбины из провинции Шэньси с цитатниками Мао Цзедуна на площади Тяньаньмэнь



16. По пути на площадь Тяньаньмэнь. 1 октября 1966 г.
17. Хунвейбины на площади Тяньаньмэнь в 1966 г.



18. Городскую молодежь направляют в деревню
19. Клятва на верность. Культбригада НОАК



从政治上思想上理论上彻底批倒批臭中国的赫鲁晓夫 20



把叛徒、内奸、工贼刘少奇永远开除出党! 21

20. Плакат с надписью критиковать «китайского Хрущева», т.е. Лю Шаоци, с политической, идеологической и теоретической точки зрения

21. Плакат с подписью: «Предатель и ренегат Лю Шаоци должен быть навсегда исключен из коммунистической партии!»



22. Плакат, прославляющий «великую пролетарскую культурную революцию» с изображением (слева направо) Кан Шэна, Чжоу Эньлая, Мао Цзэдуна, Линь Бяо, Чэнь Бода и Цзян Цин

23. Цзян Цин пропагандирует идеи Мао Цзэдуна в области искусства



24

24. Демонстрация приемов тайцзицюань на фоне плаката:
«Председатель Мао принимает парад великой армии культурной революции»



25. Дедушка (Дэн Сяопин) с внучкой
 26. Маленькие граждане социалистической КНР



27. Плакат «Получим еще больший урожай в дар социализму»
 28. Плакат «Слава защитникам и строителям промышленности»

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю (акад. С.Л. Тихвинский)	5
Предисловие (Ю.М. Галенович)	9

Часть I

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА в 1949–1960 гг. (В.Н. Усов)

Глава 1. Образование Китайской Народной Республики.	
Первые годы. 1949–1952	19
Провозглашение КНР	19
Подавление «контрреволюции»	29
Кампания по борьбе против «трех зол» и «пяти злоупотреблений»	32
«Перевоспитание» интеллигенции	36
Корейская война	40
Аграрная реформа	44
Экономические основы	48
 Глава 2. Переход к социалистическому строительству. 1953–1956	54
«Генеральная линия». Конституция КНР	54
Первый пятилетний план. 1953–1957 гг.	61
«Дело Гао Гана – Жао Шуши»	64
Преобразования	70
VIII съезд КПК	78
«Сто цветов»	91
«Упорядочение стиля». Борьба против «правых»	98
Политика в отношении религиозных организаций	106
Итоги первой пятилетки	108
Наука, образование, культура и искусство	110
 Глава 3. «Большой скачок». 1957–1960	118
Подготовка	118
Начало	121
Экономика	142
«Дело Пэн Дэхуая»	149
Культура, искусство и наука	158
Последствия	162

Глава 4. СССР и КНР в 1949–1960 гг.	169
Становление отношений	169
Советско-китайское сотрудничество	184
Китайская атомная бомба	192

Часть II

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА В ПЕРИОД «УРЕГУЛИРОВАНИЯ» Вторая половина 1960–1965 (В.Н. Усов)

Глава 1. Курс на «урегулирование». Вторая половина 1960–1962	199
Поиск	199
Уточнение	222
Усилия по «урегулированию» экономики	235
Глава 2. Столкновение тенденций. 1963–1965	247
Разногласия	247
10-й пленум. 1962	251
«Четыре чистки»	262
«Подготовка к войне»	282
«Антиревизионистские» кампании	302
Глава 3. Культура, образование, наука и техника. 1961–1965	309
Культура, искусство и общественные науки	309
Образование	330
Ядерное оружие	339
Глава 4. Внешняя политика КНР. 1961–1965	343
Отношения СССР и КНР	343

Часть III

«КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ». 1966–1976 (В.Н. Усов)

Глава 1. Первый этап. 1966–1969	348
Подготовка	348
Начало	359
Хунвэйбины.....	376

«Хаос»	406
«Захват власти»	415
«Ревкомы»	440
«Дело Лю Шаоци»	456
IX съезд КПК	461
Глава 2. Второй этап. 1969–1973	467
Усиление роли армии и подготовка к войне	467
«Дело Линь Бяо»	479
X съезд КПК	485
Глава 3. Третий этап. 1973–1976	496
«Критика Линь Бяо и Конфуция»	496
«Урегулирование»	512
«Критика Дэн Сяопина»	523
«Апрельские события» 1976 года	531
Глава 4. Воздействие «культурной революции»	539
Культура, образование и наука	539
Внешняя политика КНР и отношения СССР и КНР	550
Последствия	561
Внешняя политика КНР (А.О. Виноградов)	566
Помощь Советского Союза (И.Н. Сотникова)	590
Общества дружбы (Г.В. Куликова)	620
Общество китайско-советской дружбы	620
Общество советско-китайской дружбы	627
Физкультура и спорт в КНР (Н.Ю. Демидо)	655
Персоналии. Политические и общественные деятели (В.Н. Усов)	669
Хронология основных событий (Ю.М. Галенович)	746
Указатель имен (А.А. Верченко)	793
Указатель географических названий (А.А. Верченко)	806
Избранная библиография	814
Список авторов	818

Научное издание

ИСТОРИЯ КИТАЯ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАЧАЛА XXI ВЕКА

в 10 томах

Том VIII

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА
(1949 — 1976 гг.)

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института Дальнего Востока РАН*

Главный редактор *Я.Б. Гейшерики*
Редакторы *Л.В. Пеняева, В.П. Терехов*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Корректоры *А.Б. Васильев, Т.А. Печко*

Иллюстрации воспроизведены в соответствии
с предоставленными оригиналами

Подписано к печати 15.09.2017
Формат $70 \times 100^{1/16}$. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 68,3. Уч.-изд.л. 72,5
Тираж 1000 экз. Тип. зак.

ФГУП Издательство «Наука». 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.com
www.naukaran.com

ФГУП Издательство «Наука». (Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-039991-4



9 785020 399914